

М.В. ЛОМОНОСОВ

ЗАПИСКИ по русской истории



Михаил Ломоносов

ЗАПИСКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Иллюстрированное
издание

Scan by Skorpion Professional

Москва
ЭКСМО
2007

Михаил Ломоносов

Составление и предисловие
д-р филол. наук И.Я. Лосиевский

Шеф-редактор проекта
Виктория Людвинская

Дизайн книги, подбор и подготовка иллюстраций
Марина Панова

Михаил Ломоносов

Михаил Ломоносов

Ломоносов М.В.

Л 75 Записки по русской истории / М.В. Ломоносов. — М.: Эксмо, 2007. — 736 с.: ил.

ISBN 978-5-699-20123-5

В истории российской науки есть страницы, которые навсегда вписаны в мировую хронику открытий человеческого разума. И на многих из них значится имя Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765), человека, которого за достижения в области физики, химии, филологии и вообще отечественной науки часто сравнивают с титанами Возрождения. Но вот его исторические труды долгое время пребывали в забвении. Живой, народный язык Ломоносова, прекрасное знание русских летописей и тонкостей непростых взаимоотношений Руси и ее многочисленных соседей, искреннее стремление докопаться до истины — все это делает свод исторических сочинений великого русского мыслителя одним из великолепнейших образцов русской исторической мысли.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

«ДУШОЙ БЛУЖДАЮ В ДРЕВНОСТЯХ РОССИЙСКИХ»

Январь 1725-го. В страшных мучениях умирает Петр Первый, император Всероссийский, «Отец отечества»... Никто так и не смог разгадать, что он имел в виду, когда, уже лишенный речи, написал дрожащей рукой: «Отдайте все...» Тех, кто был рядом, волновало только одно: к кому переходит власть в этой громадной стране.

Можно предположить, что в свои последние дни Петр был обречен и на другую — душевную — муку: не находя в соратниках надежной опоры, он «видел вокруг себя пустыню, а свое дело на воздухе» (В. О. Ключевский).

Нельзя сказать, что ближайшие помощники Петра не понимали исторического значения его преобразований. Дорогого стоят прозвучавшие в дни прощания с первым российским императором горькие слова светлейшего князя Меншикова: «Осиротела Россия... недостроенная храмина». Трагедия состояла в том, что *некому* было продолжать, не было близ трона человека, личность которого отвечала бы масштабам петровских реформ. России суждено было пережить эпоху дворцовых переворотов, и это были небезопасные остановки в пути, а то и движение назад. Но уже через несколько лет после смерти Петра, в декабре 1730 года, началось, можно сказать, «встречное движение» — произошло событие, историческое значение которого трудно теперь переоценить: девятнадцатилетнему помору, государственному крестьянину Михайлу Ломоносову удалось получить «пашпорт» в Холмогорской воеводской канцелярии и с рыбным обозом отправиться в Москву.

Читая биографии Петра Великого и Ломоносова, ловишь себя на мысли: о них можно было бы рассказать в форме, подобной Плутарховым «Сравнительным жизнеописаниям». Так они похожи, разительно похожи. Пушкин, несмотря на временную дистанцию, прямо называет Ломоносова «великим *сподвижником* великого Петра».

Оба были прямодушны, нетерпимы к любым проявлениям лжи, хитрости, лицемерия в общественной и личной жизни. Оба были страшны в гневе. Горячие, увлекающиеся натуры, вспыльчивые, к тому же физически сильные люди, они порой колоутили своих обидчиков, дело доходило и до членовредительства — таковы были нравы русского «осмнадцатого столетия»...

По наблюдениям великосветских современников, в поведении своем, в быту они во многом походили на простолюдинов. И конечно, нет числа свидетельствам тому, что это были люди Долга, железной воли, «благородной упрямки» (слова Ломоносова о себе). Их объединяла страсть к естественным наукам и ремеслам, неутолимая жажда знания. В отношении с Западом они прошли путь от ученичества (каждый сделал свое «открытие» Европы) до разговора на равных, когда уже в Европе стали сперва с удивлением, затем с уважением и восхищением говорить о них. Наконец, излишней скромностью они не страдали и действительно имели полное право гордиться своими достижениями. Оба были воинствующими патриотами (причем Ломоносов, как и Петр I, в известной мере отождествлял себя с новой, преображенной Россией), — с той разницей, разумеется, что Петр отстаивал инге-



Место рождения М. В. Ломоносова в селе Денисовка

ресы своей страны и на полях сражений. Грандиозность замыслов и, увы, незавершенность многих дел — это также их объединяет. Обоим суждено было прожить немногим более пятидесяти лет.

Сходство заметили давно, даже внешне. Как и Петр I, Ломоносов был высокого роста, полный, не вполне пропорционального телосложения. И все это, а также необыкновенное его возвышение — от крестьянина-помора до статского советника и фактического вице-президента Петербургской академии наук — породило легенду о Ломоносове — ...сыне Петра I.

Не будем и преувеличивать отмеченное сходство. Петр как будто «поручил» Ломоносову действовать на тех участках российской «стройки», где он не чувствовал себя профессионалом, — в области науки и искусства.

Что особенно поражает в Ломоносове, помимо его гениального универсализма, это цельность характера. Он уверенно сотворял самого себя, точнее — досотворял,

направляя в нужное русло то, что было дано ему природой. Ради этого он покинул свой северный край, где, казалось, так хорошо и надежно складывалась его рыбацкая, мореходная судьба.

...В поморской семье Ломоносовых — из деревни Мишанинской Куростровской волости Двинского уезда Архангельской губернии — 8 (19) ноября 1711 года родился сын. «Преемник, надежда моя», — примерно так, наверное, думал обрадованный отец, Василий Дорофеевич, состоятельный крестьянин, промысловик. В 1720-е Михайло уже ходил вместе с отцом в Белое море и на Мурман, к Новой Земле, Шпицбергену.

Михайло рано лишился матери — в девятилетнем возрасте, когда еще только начал обучаться «русской грамоте». Как знать, может быть, Елена Ивановна (она была из Сивковых, дочь местного дьячка и просвирницы) мечтала о другой судьбе мальчика — о церковном его служении.

Следует заметить: довольно распространенная легенда о Ломоносове-выходце из «самых низов» (вспомним хотя бы «Юность Ломоносова» — некрасовскую «драматическую фантазию в стихах») не находит документального подтверждения. Василий Дорофеевич был человеком обеспеченным, имел просторный собственный дом, крупный земельный надел, двухмачтовый корабль — самый большой тогда на Белом море. Один из его родственников еще в начале XVIII века был кормщиком — старшим в промысловой артели. Ломоносов вырос в семье тружеников и впоследствии писал, что свое состояние его отец «кровавым потом нажил».

У Михаила не сложились отношения со второй мачехой, но он мог остаться, отец по-прежнему видел в нем главную свою опору, продолжателя поморского промыслового дела. Об уходе Ломоносова в Москву иначе, как о почти невероятном, удивительном событии, не скажешь. Редко кому в жизни удается так смело и верно шагнуть навстречу высшему своему предназначению. Ломоносов был призван.

Последующие 35 лет его жизни открыли миру русского гения — ученого-энциклопедиста, организатора науки, литератора, который, по счастливому выражению Пушкина, был «первым нашим университетом». А может быть, даже... русским ренессансом в одном лице! И еще почерпнем из того же источника, потому что лучше и точнее не скажешь: «Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог; художник и стихотворец, он все испытал и все проник. Первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия...»

* * *

Интерес к отечественной истории, по видимому, возник у Ломоносова, еще когда он жил на русском Севере, где много пелось былин (здесь их называли старинами), а отец и его товарищи рассказывали юноше о славных событиях недавнего прошлого, которые тоже стали историей, — о Петровском времени, о приездах молодого царя на Двину.

Учась в Москве и Киеве, Ломоносов получил доступ к рукописным и печатным сокровищам монастырских библиотек, где хранились, помимо церковных книг, русские летописи, хронографы, другие исторические книги и сборники. В 1736 году, будучи уже студентом Петербургской академии наук, он «поглотил» еще одно книжное собрание — академической библиотеки. И в Германии, куда Ломоносов был направлен в конце того же года для изучения химии и горного дела, в круг его чтения попадала историческая литература. Так, в письме Д. И. Виноградову 7 апреля 1741 года, посланном из Марбурга в Фрейберг, он просил своего товарища прислать ему, наряду с другими книгами, «Истории и известия о великом княжестве Московском» П. Петрея де Эрлезунда (очевидно,



Юноша Ломоносов на родине.
Скульптура работы А. А. Иванова. 1845 г.



Путь Ломоносова из Холмогор в Москву.
Карта

второе, лейпцигское, ее издание, вышедшее в 1620 году на немецком языке, или латинский рукописный перевод книги). Пройдут годы, и в своей «Российской истории» Ломоносов напишет, имея в виду и это сочинение: «...в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели».

Что подвигло Ломоносова на труды по русской истории? Пристально всматриваясь в прошлое своей страны, он, прежде всего, искал... родственные души. Мудрых ее создателей, строителей и воителей, вождей и духовных пастырей народа, просветителей. Таким виделся Ломоносову Петр Великий. Обращаясь к истокам Руси, Ломоносов и там находил единомышленников — великих князей киевских Владимира I Святого и Ярослава Мудрого, в годы правления которых было создано могущественное Древнерусское государство, влиявшее на судьбы Европы.

Исторические параллели Ломоносов прочерчивал более чем определенно, и в этом смысле его «История» может быть названа исторической публицистикой. От давно усопших государей он требовал того же, чего и от современных: в созидательной государственной работе нельзя останавливаться ни на день, ни на шаг. Ломоносов обращался к истории в поисках «таких примеров, которые природную добродетель к достохвальным делам побуждать могут» (из составленного им в 1749 году предисловия-посвящения к «Истории российской» В. Н. Татищева).

Однако это не значит, что ломоносовский интерес к истории имел лишь прикладной характер и «примеры» приводились им только с целью пропаганды преимуществ просвещенного абсолютизма. Известно, что Ломоносов был искренним его приверженцем, но путешествия во времени совершал не только политики ради. Он достаточно объективен как исследователь и подчас мыслит онтологически, как философ. Свою задачу он видел в том, чтобы «соблюсти похвальных дел достойную славу и, пренося минувшие деяния в потомство и глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила» (из вступления к «Древней Российской истории»).

Ломоносов отдавал себе отчет в том, что события прошлого не могут быть описаны им с той же тщательностью и точностью, с какими он имел возможность изучить многие явления природы, происходившие у него на глазах:

Открой мне бывшия, о древность, времена!
Ты разности вещей и чудных дел полна.
Тебе их бытие известно все единой...

С натурой сродна ты, а мне натура — мать:
В тебе я знания и в оной тщусь искать.

Уже далече зрю в курении и мраке.
Нагого тела вид, неавтственный в призраке.
Простерлась в облака великая глава,
И ударяют в слух прерывныя слова:
«Так должно древности простой быть
и неясной...»
(«Петр Великий»)

Объекты естественно-научного и исторического исследования имеют определенное сходство и даже «сродство» (история, как и природа, «разности вещей и чудных дел полна»), однако Ломоносов говорит и о принципиальной невозможности получения полного знания о «древности», о прошедших временах. Историк всегда недополучает исторических данных, многое так и остается в «курении и мраке», и ему, смотрящему из совсем другого мира, не следует торопиться с суждениями о якобы познанной им «простоте» древней жизни. Это стремление к предельно возможной «ясности» — ради истины, — в сочетании с пониманием, что есть-таки пределы человеческого познания, — характерная черта Ломоносова-мыслителя, ученого и поэта. Вспомним хрестоматийные строки — из «Вечернего размышления о Божием величестве...» 1743 года: «Открылась бездна, звезд полна;/ Звездам числа нет, бездне дна».

Историк дает «бессмертие множеству народа», но, в связи с проблемой достоверности его выводов, крайне важным для Ломоносова становится вопрос о методе исторических разысканий. Необходимые сведения содержатся в документах, но последние «спорят» друг с другом, порой свидетельствуя о прямо противоположном. Критика источников, по Ломоносову, обязана учитывать их во всей полноте и разно-

образии, опираясь при этом на те из них, которые могут быть признаны заслуживающими наибольшего доверия. Разновременные свидетельства — даже разделенные столетиями — историк также сличает «между собою для наблюдения сходств в деяниях российских».

В 1747 году исторические взгляды Ломоносова были впервые запечатлены на бумаге — в протоколе академической канцелярии «Рассмотрение спорных пунктов между господином профессором Миллером и господином комиссаром Крекшиным...» (об этой первой в Петербургской академии наук дискуссии по исторической тематике см. далее в настоящем издании). Эрудиция и убедительность доводов Ломоносова, должно быть, произвели впечатление, и в следующем году мы уже видим его — профессора химии — среди членов учрежден-

ного тогда при Академии наук Исторического собрания, задачей которого было рассмотрение трудов по истории и другим гуманитарным наукам, а также различных проектов, при разработке которых необходимо было учитывать исторический опыт — российский и зарубежный.

Обсуждения эти, как и многие другие академические заседания тех лет, были бурными. К 1749—1750 годам относятся записки Ломоносова в связи с дискуссией по сочинению Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». Автор к тому времени уже получил почетное назначение — российского историографа. Споры вокруг этого труда продолжались на 29-ти (!) заседаниях Исторического собрания, почти полгода. Ломоносов не соглашался с Миллером, приводя документальные свидетельства в пользу своих идей — о древ-



Г. Румянцев. Ломоносов в Академическом собрании

ности пребывания славян в Европе, о славянской природе русской государственности. В этих спорах рождалась концепция будущей ломоносовской книги.

Попутно следует сказать о «немцах», идейных противниках Ломоносова-историка, Герарде Фридрихе Миллере и Августе Людвиге Шлецере, появившемся в России позднее, в 1761 году. Это были достойные противники, серьезные оппоненты, исследователи, внесшие заметный вклад в изучение истории России. Богатейший материал содержит миллеровское «Описание Сибирского царства...» (через два года после споров вокруг упомянутого выше труда Ломоносов прорецензировал и это его сочинение). Шлецеровский «Нестор» открыл западному миру выдающийся древнерусский историко-литературный памятник (опубликован в 1802—1809 гг.).

Однако их работы, несмотря на обилие документального материала и новизну наблюдений, изобилуют неточностями, ошибочными положениями, — в этом «сумасбродстве» Ломоносов усматривал неуважение к русским источникам, плохое или недостаточное их знание. Укорял он «немцев» и в недостаточном знании языка, и лингвистические замечания Ломоносова, действительно, неоспоримы.

Что же касается начавшихся еще в XVIII веке разговоров о некоей природной неприязни Ломоносова к немцам, это совершенно не соответствует действительности. Великие немцы Х. Вольф и Л. Эйлер были его учителями, и жена Михаила Васильевича также была немкой — Елизавета-Кристина, урожденная Цильх. Своему шурипу Иоганну Цильху Ломоносов завещал любимое детище — российское мозаичное дело. И среди его единомышленников в Академии тоже были немцы, а в их числе — друг Ломоносова, ученый-физик Г. В. Рихман, погибший во время эксперимента.

Но и «русская партия», возглавляемая Ломоносовым, в Академии наук была. Еще во времена Бирона многие академические места заняли — не всегда заслуженно — иностранцы, им потакал секретарь Академии И. Д. Шумахер, прозванный «канцелярским деспотом». Он же любил сталкивать академиков друг с другом, в частности побуждал Миллера и Ломоносова к соперничеству.



Ломоносов.

Гравюра Н. Соколова. 1802 г.

Другое дело, что и Ломоносов, борясь с «немецким засильем», порой увлекался, перегибал палку. (К слову, нравы были такие, что на заседания академики часто с палками приходили и, оспаривая друг друга, горячились и били ими по столам.) Так что и Ломоносов не всегда был объективен в отношении своих коллег, их мнений и заслуг, не всегда проявлял корректность в спорах. Современники — чаще из числа недоброжелателей — твердили о «нахальстве» Ломоносова, но и о Миллере со Шлецером они были не лучшего мнения: и заносчивы, и нетерпимы к какой-либо критике, и т. п. Нет дыма без огня: доля правды во всех этих «свидетельствах» есть, и в связи с этим даже трудно себе представить, какие битвы происходили на «историческом фронте» в Петербургской академии наук...

С начала 1750-х Ломоносов уже не отрывочно, а постоянно, систематически работа-

ет как историк. Прежде всего, он набрасывает план своих будущих исследований. Весь 1751 год Михаил Васильевич штудировал источники, просматривает десятки книг в неделю, делает выписки. Из его годового отчета известно, что он написал тогда 653 таких конспекта.

Вдохновителем и покровителем ученого был блестящий елизаветинский вельможа, фаворит императрицы И. И. Шувалов, человек просвещенный и не чуждый научных и литературных занятий. «...Великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возможною способностью древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются», — писал ему Ломоносов 4 января 1753 года.

Шувалов торопил: самому хотелось скорее прочесть и императрице угодить. Елизавета Петровна, ценившая дар Ломоносова — одописца и оратора, в беседе с ним (в марте того же года) выразила пожелание, чтобы история российская была написана ломоносовским «штилем». Это окрылило его. Уже почувствовавший в себе историка, Ломоносов был уверен, что справится и с этой поставленной перед собой задачей.

«Я часто за самой работой (химическими и физическими исследованиями. — И. Л.) ловил себя на том, что душой блуждаю в древностях российских», — писал Ломоносов Л. Эйлеру 12 февраля 1754 года. Нет, он не отошел от своих естественно-научных занятий и тогда же готовил к изданию «Российскую грамматику» (вышла в 1755 году), но некоторые его академические коллеги уже начинали перешептываться: забыл, мол, Михайло Васильевич, что он как-никак профессор химии...

В июле 1758-го Ломоносов в основном завершил работу над первой книгой «Российской истории» — «Древней российской историей от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года». Книга состоит из двух частей. В первой всесторонне рассмотрен вопрос о происхождении русского народа, во второй описаны дела девяти первых киевских князей — Рюрика, Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Ярополка, Владимира, Святополка и Ярослава, особенности их внутренней и внешней политики. Показаны

рост и расцвет Древнерусского государства, и сделана попытка определить причины его распада.

Начало русской истории, по убеждению Ломоносова, уходит в глубокую древность, потому и названа первая часть его работы «О России прежде Рурика». Ученый отделил «вопрос о начале государства от начала династии» (М. Н. Тихомиров), справедливо утверждая, что до появления Рюрика у предков восточных славян уже была своя государственность. (Характерно, что уже в одной из ранних работ он называет «князьями» легендарных основателей Киева — Кия, Щека и Хорива.) На основе анализа античных, византийских и древнерусских источников Ломоносов выдвигает тезис о нахождении славян «в нынешних российских пределах» задолго до Рождества Христова, прослеживает — в общих чертах — динамику социальных явлений, затрагивает этнические проблемы, отмечая сложность процессов формирования российского народа и большую разницу между древним и современным славянским миром.

Ломоносов обнаруживает у ранних славян довольно высокий по тем временам уровень общественной организации, большое количество городов, развитые торговые отношения с соседями и отдаленными народами. Аргументированный вывод о древности пребывания славян в Европе является большим научным достижением нашего историка. Археологические и лингвистические исследования, вплоть до новейших, успешно «работают» на ломоносовскую концепцию, укрепляя и расширяя ее доказательную основу.

Историк замечает, что в своем развитии народы проходят сходные периоды, и выявляет немало общего в истории Рима и Руси — в общественном устройстве, языческой религии, народной культуре.

Определяя этническую принадлежность древних народов, Ломоносов порой приходил к выводам, которые современная наука не подтверждает. Например, к славянам он причислял сарматов, частично — варягов, прибалтийские народы. Утверждение Ломоносова о том, что Рюрик и его братья были славянами — «варягами-россами», из племени роксолан (к этой точке зрения неожиданно примкнул и Миллер) — и



А. Соколов. Шувалов и Ломоносов

отождествление их с «пруссами» также не выдержало испытания временем. Ныне историки убеждены, что эти пришельцы в Новгородскую и Киевскую землю — скандинавы; рациональное зерно в так называемой норманской теории все-таки было, хотя уже ее родоначальник — Готлиб Зигфрид Байер, первый профессор истории в Петербургской академии наук, — не остановился на этом и приписал норманнам заслугу привнесения государственности в среду славянских «троглодитов».

А вот полемика вокруг слова «Русь», начавшаяся в середине XVIII столетия, продолжается и в XXI-м. Ломоносов был уверен в том, что варяги-славяне, именовавшие себя Русью, принесли это название с собой; немало есть сторонников славянского происхождения этого слова и сегодня, другие исследователи отстаивают его скандинавское происхождение.

Современники свидетельствуют: с Ломоносовым трудно было спорить, но не потому, что он не считался с мнением оппонента. Он был выдающимся оратором и полемистом, причем столь же блестяще мог выступать как на русском, так и на латинском и немецком языках. Необходимые доказательства, контраргументы он находил, даже когда противник уже считал его поверженным. И если не вполне убедительно звучат рассуждения Михаила Васильевича о том, что скандинавские имена древние русичи-славяне давали своим детям «в угождение своим супругам» из норманского племени, то не так уж легко объяснить, почему в восточнославянской языковой среде не было и нет заметных следов скандинавских языков, носители которых, как утверждается, здесь господствовали, приведя с собой «великое множество» соплеменников. Этот аргумент — в пользу сво-

ей, антинорманской версии — гоже был выдвинут Ломоносовым.

Ломоносов прислушивается к голосу документа, но не забывает о том, что «у всех древних народов история сперва баснословна», а потому и в русских летописях «не без вымысла меж правдою».

вы княгини Ольги над древлянами: «Здесь что-нибудь Нестором упущено; без того невероятно больше кажется древлянская оплошность» (речь идет о прибывших в Киев знатных древлянках, которые не спросили о судьбе своих земляков, посланных к Ольге прежде и казненных ею).



«Краткий Российский летописец» и «Древняя Российская история» Ломоносова.

Титульные листы первых изданий. Монтаж

В работе с легендарным материалом Ломоносов проявляет замечательную осторожность. Кажется нелепостью, на первый взгляд, старинное предание о родстве Рюрика с Августом. Ломоносов, однако, допускает, что многие римляне в первые века н. э. могли переселиться к «россам», а среди них могли быть и родственники императоров, «которые все общим именем Августы». Вывод историка: «Вероятности отрещись не могу; достоверности не вижу».

Сомнения у него вызывает описанная в «Повести временных лет» история распра-

Как видим, Ломоносов отнюдь не абсолютизирует историческое значение отечественных источников, в том числе и в тех случаях, когда подходит к рассмотрению спорных вопросов. Например, по поводу последнего сражения Святослава с византийцами он пишет: «На сем сражении, по Кедрину (т. е. византийскому. — И. Л.) свидетельству, греки, по Несторову — россияне верх одержали. Вероятнее всего, что победа в сомнении осталась».

На страницах этой книги история России впервые была рассмотрена в контексте

истории славян и в мировом историческом контексте. Картина, созданная Ломоносовым, впечатлит и читателя XXI века — потому также, что написана она великим художником слова, первооткрывателем возможностей русского литературного языка, одним из основоположников (вместе с В. Н. Татищевым) русской научно-исторической прозы. Даже А. Л. Шлецер, неприязненно относившийся к нему и не видевший в нем историка, вынужден был признать: «Ломоносов был действительный гений... Он создал новое русское стихотворство, и новой русской прозе он первый дал свойственную ей силу и выразительность».

Слух о том, что Ломоносов наконец передал первый том своей «Российской истории» в академическую типографию, быстро распространился в Петербурге. Это было осенью 1758 года. Понимая, что спрос на нее будет большой, начальство Академии разрешило выпускать ее сразу двумя заводами, большим по тем временам тиражом. Однако когда уже шел набор, требовательный автор забрал рукопись из типографии — для доработки. Книга была напечатана посмертно, в октябре 1766 года, с предисловием А. Л. Шлецера, выдавшего из себя несколько похвальных слов: он не мог совсем не считаться с русским общественным мнением.

Это была первая отечественная монография по истории России, увидевшая свет. Первый том татищевской «Истории Российской», к которой Ломоносов почти двадцать лет назад написал предисловие, вышел два года спустя, с другим предисловием — Г. Ф. Миллера.

Немалый тираж «Древней Российской истории» — 2425 экземпляров — разошелся быстро. Большим был и спрос на нее за границей. Удачно сложилась издательская судьба этой книги: во второй половине 1760-х — 1770-е гг. появились ее переводы на немецкий, французский и итальянский, многочисленные рецензии в европейской прессе. Трижды она издавалась в Париже и привлекла внимание Дени Дидро, отметившего впечатляющие плоды «больших разысканий» русского ученого (к сожалению, рецензия знаменитого французского философа и писателя была опубликована лишь через сто лет).

Второй том «Российской истории», задуманный Ломоносовым, не был им написан, но в ходе работы над первым у него возникло четкое общее представление об историческом развитии страны от седой старины до Петровской эпохи. Эти свои мысли и наблюдения ему захотелось изложить в сверхсжатой форме, так возникла идея «Краткого Российского летописца», охватывающего основные события русской истории с 862-го по 1725 год; здесь же приведены имена русских государей и членов их семей — от Рюрика до Елизаветы Петровны. Книга была подготовлена Ломоносовым в соавторстве с А. И. Богдановым — первым русским библиографом.

Казалось бы, «Краткий Российский летописец» — справочник, учебное пособие, по этим его значение не исчерпывается. Здесь



«Кенигсбергская летопись».

Лист с пометами И. С. Баркова, снявшего для Ломоносова копию этой рукописи

виден ломоносовский взгляд на отечественную историю, ее периодизацию, своеобразие культурного развития страны; заложены основы русской хронологии. Ломоносов — не только фактограф, но создатель исторической концепции, стоящий на твердой почве фактов; не случайно «Краткий Российский летописец» открывается концептуальным очерком «Показание российской древности, сокращенное из сочиняющейся пространной истории».

Название же книги, как нетрудно догадаться, восходит к древнерусской летописной традиции. Известно, что, подступая к работе над вторым томом «Российской истории», Ломоносов надеялся получить ко-

пии местных «летописцев» из всех исторических городов России.

«Краткий Российский летописец с родословием» вышел при жизни автора, в 1760 году. С учетом допечатки 1761 г. общий его тираж превысил 6 тысяч экземпляров! Вскоре появились переводы на немецкий (Лейпциг, 1765; Рига, 1767, 1771) и английский (Лондон, 1767) языки.

* * *

Перу Ломоносова принадлежит немало и других исторических сочинений, основная часть которых включена в настоящее издание. В его научном и художественном наследии как бы выделяется «петровский



«Краткий Российский летописец» и «Древняя Российская история» Ломоносова, немецкие переводы.

Титульные листы. Монтаж

цикл» — произведения, в которых возникает монументальная фигура его любимого исторического героя.

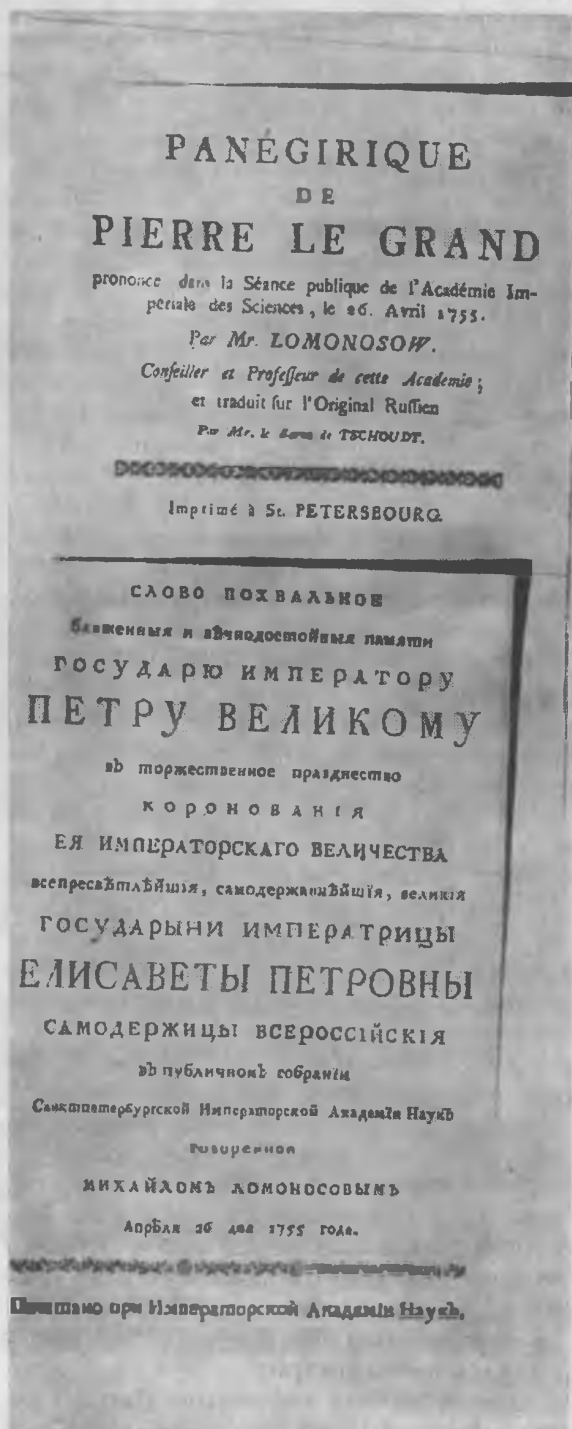
Предыстории Петровской эпохи Ломоносов посвятил «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи». Некоторые сведения, приведенные здесь, по видимому, основаны на не дошедших до нас исторических документах. Например, отмеченное М. Н. Тихомировым упоминание о земском соборе, собранном по желанию Софьи в Москве, между 2 и 12 мая 1682 года.

Ломоносов обращался и к более ранним периодам, к истории предпетровской России и России первой половины XVII века. К сожалению, не сохранились написанные им исторические портреты царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, «Сокращенное описание российских самозванцев», а также сделанные им многочисленные выписки из документов той эпохи.

Ломоносов готовил себя к фундаментальному «описанию трудов Петровых» и очень сожалел в 1757 году — в тот год он особенно часто размышлял об этом, — что из помощников Петра «нет уже никого». Но Ломоносов к тому времени уже имел опыт работы с историческими документами, умел и «от других слышанное слышать». Одновременно петровская тема осваивалась и Ломоносовым-поэтом, в середине 1750-х приступившим к написанию большого эпического произведения — «Петр Великий. Героическая поэма». Он признавался И. И. Шувалову, что удачное завершение такого труда он считал бы «выше всех благополучий в жизни...» (приведенные цитаты — из ломоносовских писем фавориту 2 сентября и 23 ноября 1757 года).

Россия, по убеждению Ломоносова, должна иметь «полную историю» завершенных дел и начинаний своего «преобразителя», что важно не только в научном отношении. О Петре должен лучше знать Запад, но еще нужнее эта книга россиянам. В «Слове похвальном...» 1749 года Ломоносов заставляет саму императрицу сетовать: «Не описаны еще дела Моих предков и не воспета по достоинству Петрова великая слава».

Елизаветинское правительство понимало необходимость такого труда, но, по



«Слово похвальное Петру Великому» Ломоносова и его французский перевод.

Титульные листы. Монтаж

обыкновению, не веря в силы и способности российских авторов, в конце 1750-х годов обратилось с предложением написать его к Вольтеру. Ломоносову и Миллеру поручено было консультировать автора; они же стали первыми рецензентами «Истории России при Петре» (1759) — увы, далеко не лучшего сочинения великого француза. Рецензенты отметили многочисленные ошибки и легковесность заключений, и столь резкая критика вызвала раздражение у маститого автора.

Программу своей «Истории Петра» Ломоносов изложил за несколько лет до этих событий — в «Слове похвальном блаженной памяти Государю Императору Петру Великому», — с которым выступил в Публичном собрании Академии наук 26 апреля 1755 года.

Характеризуя многогранную деятельность российского реформатора, Ломоносов определяет его роль в обновлении государства, экономических преобразованиях, создании армии и флота. Говорит о «военных подвигах Петровых» и успехах его дипломатии, называет Петра «Учителем и Просветителем» России, покровителем наук и ремесел.

В известном смысле это «Слово...» — автопортрет, настолько близки они по духу, по душевной своей организации, — автор и его грандиозный герой. Ломоносов невольно передает ему и некоторые свои мысли, переживания, надежды. И то, о чем он пишет, и он сам были гениальным воплощением замыслов Петра.

Уже давно замечено: Ломоносов и в сочиненных им одах остается ученым-энциклопедистом, в том числе — историком. Не говоря уже о героической поэме «Петр Великий». Оды «нижайшего слуги» тоже превращались в историческую публицистику. В эпоху дворцовых переворотов Ломоносов напоминал о Петре каждому новому правителю: «Он бог, он бог твой был, Россия...» А в народе тогда еще бытовали представления о царе-«антихристе»...

Ломоносов был апологетом Петра, считая политически оправданной его идеализацию — во имя добра. Царь-работник и воин «в поте, в пыли, в дыму, в пламени», без колебаний, ошибок и недостатков. Великий пример, которому пойдут «вослед» просве-

щенные россияне. Этой теме посвящены и пять стихотворных надписей «К статуе Петра I», а также созданные Ломоносовым произведения искусства — мозаичные картины, портреты, проекты медалей.

* * *

Парадокс русского XVIII века: среди продолжателей «славных Петровых дел» в политике и государственном строительстве первое место, бесспорно, принадлежит немецкой принцессе, ставшей Екатериной II и Великой, а в науке, образовании, литературе таким очевидным лидером является Ломоносов — противник внутренних «немцев». К ним он причислял всех иностранцев и россиян, которым была чужда идея сильной и просвещенной России.

«Кипящее сердце», которое не могло «терпеть пут, его стесняющих» (А. Н. Радищев), Ломоносов вызывал у современников восхищение и непонимание, глубокое уважение и затаенную или явную зависть, неприязнь. Его боялись.

«Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирил за уши пажей; в Академии, где, по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть...» (А. С. Пушкин).

При «дщери Петровой» ему жилось лучше всего, тогда больше было в словах прямоты и, несмотря на козни академических врагов, Ломоносову шли навстречу, повышали в чинах, у него были блестящие покровители, удалось открыть Московский университет. (Заметим: это заслуга не только Ломоносова, но и И. И. Шувалова, которого также можно считать его основателем.) Искренностью, подлинным трагизмом проникнуты строки надгробной надписи, сочиненной Ломоносовым в дни прощания с императрицей Елизаветой Петровной: «Моя Избавительница, Защитница, Просветительница, слава моя, вознесшая главу мою, во гроб нисходит...»

Ломоносов принадлежал к партии «старого двора», не имея постоянных контактов с «новым», образовавшимся вокруг великой княгини Екатерины Алексеевны. А она в те годы терпеть не могла Шувалова, считая его своим врагом. Не удивительно, что, после июньского переворота 1762 года, когда И. И. Шувалов надолго уехал из



ЛОМОНОСОВЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ 1749 ГОДА.



А. Кившенко. Ломоносов и Екатерина

России, Ломоносов пришелся не ко двору. К тому же спорщиков и слишком прямых людей государыня не любила (хотя многих уверяла в обратном). А он, не обращая внимания на опасные для него перемены, продолжал стучаться, просить, требовать, мог и грубость сказать: «...Говорю, как думаю, а не как кошки, которые спереди лизжут, а сзади царапают» (из письма Я. Штелину, декабрь 1764 года).

Недруги, видя холодность императрицы, завели при дворе разговоры о том, что дорогостоящие опыты и другие увлечения выживающего из ума академика приводят лишь к бесполезным тратам государственных средств. Десятилетний наследник престола Павел Петрович, конечно, повторял чужие слова, когда сказал своему воспитателю при получении известия о смерти Ломоносова: «...Что о дураке жалеть, каз-

ну только разорял и ничего не сделал» (запись С. А. Порошина 5 апреля 1765 года).

Думается, сама императрица была далека от таких мыслей, но и в ее отношении к Ломоносову преобладали утилитарные соображения. Например, ее заинтересовал ломоносовский проект экспедиции с целью поиска прохода Северным океаном в Индию и Америку. Весной 1763 года Екатерина II отменила собственный указ об увольнении Ломоносова в «вечную» отставку: такой слуга отечества — ученый с мировым именем — был ей нужен. За десять месяцев до его смерти, вскоре после избрания Ломоносова членом Болонской академии, императрица посетила его дом, благосклонно выслушала все просьбы Михаила Васильевича и высказала «высочайшее уверение в истинном люблении и попечении своем о науках и художествах в отече-

стве» (Санкт-Петербургские ведомости. 1764, № 48, 15 июня).

Однако в области изучения отечественной истории Екатерина II сделала тогда ставку на А. Л. Шлецера и ошиблась: вскоре он навсегда уехал из России.

* * *

Ломоносова боялись, а он ничего не боялся, как будто и правда было то, что в его жилах текла петровская кровь... Пассионарная личность, как сказал бы покойный Л. Н. Гумилев. Современники чувствовали это — и Екатерина II в их числе, — что он *имеет право*. Почувствовал уже Феофан Прокопович. Близко сойдясь с молодым Ломоносовым, он однажды сказал ему: «Не бойся ничего, хотя бы со звоном в большой Московский колокол стали тебя публиковать (называть публично. — И. Л.) самозванцем, я твой защитник». Это было пророческое напутствие — из уст того, кто на погребении Петра Великого говорил: «...Дух свой оставил нам».

Не выдерживает критики легенда о том, что вельможи да чиновники только и делали, что Ломоносову мешали. Были среди них и те, которые Ломоносова любили, пытались ему помочь. Даже в начале екатерининского царствования появился у него новый могущественный покровитель — граф Г. Г. Орлов, искренне восхищенный гением ученого и поэта. (Вскоре после смерти Ломоносова он перевезет к себе и сохранит его архив.) Среди прочих даров природы у Михаила Васильевича был дар подчинять своей воле и всемогущих фаворитов, и начальников Академии наук. Высокие сановники любовались его смелостью: Ломоносов отваживался составлять проекты императорских указов, где говорилось о передаче в его единоличное ведение всех «до наук надлежащих департаментов», объявлялось о получении им, минуя чин, действительного статского советника и т. д. Не все эти указы ему удавалось довести до подписания, но были и несомненные победы. Он же осмеливался



Здание Московского университета на Моховой.

Конец XVIII в.

критиковать другие императорские указы, заявляя, что «злоба преодолевает благодати, подкрадываясь под святость высочайших повелений». И еще: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владельцев дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который дал мне смысл, пока разве отнимет». (Эти дерзости он помещал в письма елизаветинскому любимцу И. И. Шувалову!)

Вот один из наиболее известных анекдотов о Ломоносове в пушкинской записи:

«...Шувалов закричал: “Я отставлю тебя от Академии!” — “Нет, — возразил гордо Ломоносов, — разве Академию от меня отставят?”».

Великолепен Ломоносов и в одной из последних своих записок — 1765 года, представляющей собой план новой беседы с Екатериной II: «...стараюсь защитить труды Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство... Я не

тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют».

Эта беседа не состоялась.

* * *

Близится трехсотлетие со дня рождения Ломоносова, и спор о нем продолжается. Некогда очень старались принизить значение его научных достижений, но великие ученые Запада стали на сторону Ломоносова. Однако шумахеровские усилия не прошли даром, и даже А. Н. Радищев, давая в своем «Слове о Ломоносове» высочайшую оценку ему как литератору, бросает фразу о том, что он «не достиг великости в испытании природы». Это сказано о создателе атомно-кинетической теории строения вещества, о человеке, открывшем закон сохранения материи и движения, обнаружившем атмосферу на Венере! Пушкин, решительно не соглашаясь с Радищевым почти по всем пунктам (не случайно и



Здание Академии наук в Санкт-Петербурге

очерк его назван наоборот — «Путешествие из Москвы в Петербург»), говорит о великом ученом, но обрушивается — с позиций нового литературного века — на одописца, утверждая, что в Ломоносове «нет ни чувства, ни воображения», что его поэзия оказала «вредное влияние» на российскую словесность...

Словно примиряя Пушкина с Ломоносовым, Достоевский записывает в «Дневнике писателя за 1877 год»: «Бесспорных гениев, с бесспорным “новым слогом” во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частью Гоголь».

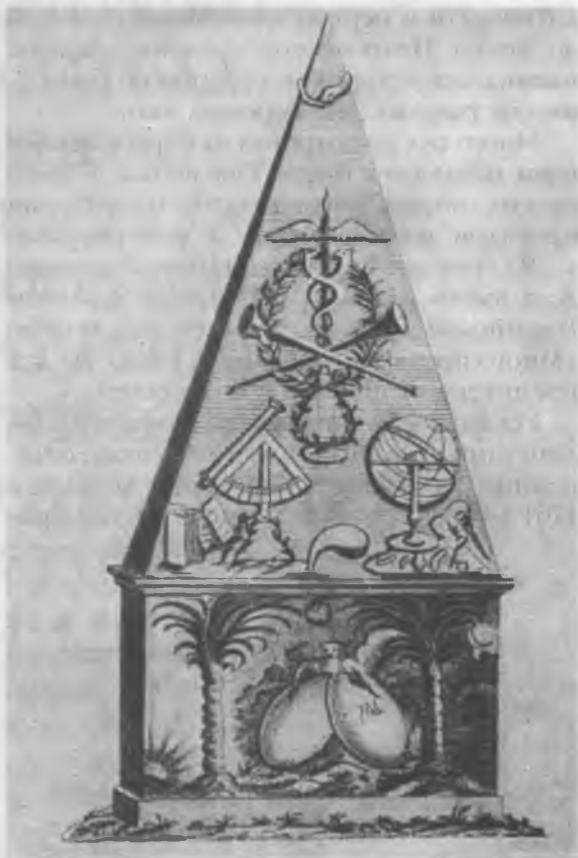
Михаил Васильевич Ломоносов открыл еще один закон. Закон сохранения в человеке внутренней свободы. Но вряд ли мы узнаем, как ему это удалось. Для этого надо быть Ломоносовым, сумевшим — задолго до великого поэта XVIII столетия, пришедшего ему «вослед», — «истину царям с улыбкой говорить».

Не стоит делать из него икону, чуть ли не идеального человека и гражданина. Оставаясь внутренне свободным, Ломоносов не мог не идти на компромиссы. Лыстил. Бывал пристрастным. Уже набранный тираж одной из исторических работ его идейного противника — Г. Ф. Миллера — был уничтожен. А огонь, как известно, не самый сильный аргумент в научной полемике. Имперский патриотизм Ломоносова иногда принимал угрожающий характер, начинались поиски «врагов отечества» среди инакомыслящих ученых (особенно сильно подозревал он А. Л. Шлецера — без серьезных на то оснований), в письмах Ломоносова своим покровителям и в официальных его бумагах появлялись элементы доносительства.

Имперский пафос порой притуплял чувство историзма, и Ломоносов мог порекомендовать тому же Г. Ф. Миллеру изъять из его «Описания Сибирского царства...» упоминания о церквях, которые уже «погорели». В споре о Ермаке Михаил Васильевич также занял позицию охранителя, а не историка, утверждая, что не следует писать о разбойничьем периоде в биографии завоевателя Сибири (когда он со товарищи грабил царские суда): хотя и неизвестно, «для себя ли Ермак воевал на Сибирь» или для русского царя, но потом он же «покло-

нился ею всероссийскому монарху», а следовательно, упоминать о нем как о разбойнике не должно.

Очевидно, что по цензурным соображениям Ломоносов и его соавтор не включили в «Краткий Российский летописец» сведения о потомстве от царя Ивана Алексеевича — правительнице Анне Леопольдовне и ее сыне — несчастном Иоанне Антоновиче, которого в свое время Ломоносов-поэт успел воспеть как всероссийского самодержца. А Борис Юдунов, гонитель Романовых, конечно, показан здесь злодеем и авантюристом на троне, без каких-либо исторических заслуг.



Памятник Ломоносову,
установленный П. И. Челищевым.

Гравюра 1791 г.

Как видим, преобразовательский дух сочетался в Ломоносове, как и в Петре I, с охранительским. Многие из его «патриотической» критики и борьбы с иностранным

влиянием было взято на вооружение организаторами сталинской кампании против «безродных космополитов». Эти примеры не лучшего поведения Ломоносова можно продолжать, но все равно уже взвешены его труды и дни на весах истории; сразу, уверенно и навсегда перевесила другая чаша. Михаил Васильевич ведь тоже «наше все».

Он посылал к неведомым берегам «российских Колумбов», мечтал о скором появлении своих «быстрых разумом Невтонов» и «упражняющихся в письме гениев» — историков и писателей, но его самого еще при жизни называли нашим Ньютоном, Пиндаром и Тацитом. Исторические труды Ломоносова охватывают множество эпох — от античности и первых славянских столетий до конца Петровского времени. Дальше начиналась история, в которой он был одним из главных действующих лиц.

Много сил он потратил на борьбу за свои идеи, на споры и ссоры. Еще весной 1755-го просил «впредь уволить» его от составления проектов иллюминаций и фейерверков: «...Я сверх моей профессии и без того много дела имею». Написал о Петре в «Кратком Российском летописце...», словно и о себе: «Много претерпел в великих своих трудах препятств, огорчений и опасностей...»

Усталость Гулливера, облепленного липпутами, чувствуется в его «Стихах, сочиненных на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании при-

вилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же». Они автобиографичны и лишь отдаленно напоминают о первоисточнике — анакреонтическом стихотворении «К цикаде»:

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах — презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь:
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен;
Что видишь, все твое; везде в своем дому;
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Не так уж и важно теперь, о каких «Высочайших» отказах здесь идет речь. Или о каких требованиях, которые, чаще всего, предъявляли Ломоносову люди менее умные, чем он, или вовсе невежественные. Он был должен не им. Главной своей обязанностью Ломоносов считал служение отечеству, главной задачей — поднять его к тому государственному идеалу, который был только намечен Петром. Это была титаническая попытка. «Не должен никому» — кроме России.

Россия тоже многим обязана ему.

Игорь Лосиевский

ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ
ОТ НАЧАЛА РОССИЙСКОГО НАРОДА
ДО КОНЧИНЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО,
ИЛИ ДО 1054 ГОДА,
СОЧИНЕННАЯ
МИХАИЛОМ ЛОМОНОСОВЫМ,
СТАТСКИМ СОВЕТНИКОМ,
ПРОФЕССОРОМ ХИМИИ
И ЧЛЕНОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ И КОРОЛЕВСКОЙ
ШВЕДСКОЙ
АКАДЕМИЙ НАУК



**ДРЕВНЯЯ
РОССІЙСКАЯ
ИСТОРІЯ**

**ОТЪ НАЧАЛА
РОССІЙСКАГО НАРОДА
ДО КОНЧИНЫ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ЯРОСЛАВА ПЕРВАГО**

ИЛИ ДО 1054 ГОДА,

**СОЧИНЕНІЕ
МИХАИЛА ОМОНОСОВЫМЪ**

**свѣдѣній Свидѣнія, Профессора Хити,
и Члена С.-Петербургскаго Император-
скаго и Королевской Шведской Ака-
деміи наукъ.**

**ВЪ САНКТУТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ 1766.**

Титульный лист первого издания



ВСТУПЛЕНИЕ

Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку голь многие видел в счастья своем перемены, что, ежели кто междоусобные и огвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по голь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул. Извне угры, печенеги, половцы, татарские орды, поляки, шведы, турки; извнутри домашние несогласия не могли так утомить России, чтобы сил своих не возобновила. Каждому несчастью последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку — высшее восстановление; и к ободрению утомленного народа некоторым Божественным промыслом воздвигнуты были бодрые государи.

Толикие перемены в деяниях российских: соединение разных племен под самодержавством первых князей варяжских, внутренние потом несогласия, ослабившие наше отечество, наконец, новое совокупление под единоначальство и приобщение сильных народов на востоке и на западе, — рассуждая, порядок оных подобен течению великия реки представляю, которая, от источников своих по широким полям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление; но, паки соединясь в одни береги, вящую быстрину и великость приобретает; потом присовокупив в себя иные великие от сторон реки, чем далее протекает, тем обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы.

Возрастая до толикого величества Россия и восходя чрез сильные и многообразные препятства, коль многие деяния и приключения дать могла писателям, о том удобно рассудить можно. Из великого их множества немало по общей судьбине во

мраке забвения покрыто. Однако, противу мнения и чаяния многих, толь довольно предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины. Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели¹. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою.

Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось. Деяния древних греков не помрачают римских, как римские не могут унижить тех, которые по долгом времени приняли начало своей славы. Начинаясь народы, когда другие рассыпаются: одного разрушение дает происхождение другому. Не время, но великие дела приносят преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности.

Сие уравнение предлагаю по причине некоторого общего подобия в порядке деяний российских с римскими, где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских. Одно примечаю несходство, что Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством

пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась. Благонадежное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и толь великими примерами. Едино сие рассуждение довольно являет, коль полезные к сохранению целости государств правила из примеров, историею преданных, изыскать можно.

Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, преноса минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила. Мрамор и металл, коими вид и дела великих людей изображенные всенародно возвышаются, стоят на одном месте неподвижно и ветхостию разрушаются. История, повсюду распростираясь и обращаясь в руках человеческого рода,

стихии строгость и грызение древности презирает. Наконец, она дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому — незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное. Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особливо ж та, которая изображает дела праотцев наших?

Предпринимая тех описание, твердо намеряюсь держаться истины и употреблять на то целую сил возможность. Великостию сего дела закрыться должно все, что разум от правды отвратить может. Обстоятельства, до особенных людей надлежащие, не должны здесь ожидать похлебства², где весь разум повинен внимать и наблюдать праведную славу целого отечества: дабы пропущением надлежащая похвалы — негодования, приписанием ложныя — презрения не произвести в благорассудном и справедливом читателе.

Часть I

О РОССИИ ПРЕЖДЕ РУРИКА

Глава 1

О СТАРОБЫТНЫХ В РОССИИ ЖИТЕЛЯХ И О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА ВООБЩЕ

Старобытные в России обитатели, славяне и чуди, по преданиям достоверных наших летописателей известны [Нестор на многих местах, степенные книги и летописцы]. Древние внешние авторы скифов и сармат, на разные поколения разделенных, под разными именованиями в ней полагают [Геродот, Страбон, Плиний и Птолемей]. Обои народы одержали великое участие в обширном сем земель пространстве. Славенское владение возросло с течением времени. Многие области, которые в самодержавство первых князей российских чудским народом обитаемы были, после славянами наполнились. Чуди часть с ними соединилась, часть, уступив место, уклонилась далее к северу и востоку. Показывают сие некоторые остатки чудской породы, которые, по словесным преданиям, от славенского поколения отличаются, забыв употребление своего языка. От сего не токмо многих сел, но рек и городов и целых областей чудские имена в России, особливо в восточных и северных краях, поныне остались. Немалое число чудских слов в нашем языке обще употребляется.

Соединение двух сих народов подтверждается согласием в избрании на общее владение князей варяжских, которые с роды своими и со множеством подданных к славянам и чуди преселились и, соединив их, утвердили самодержавство. В составлении российского народа преимущество славян весьма явствует, ибо язык наш, от славенского происшедший, немного от него отменился и по толь великому областей пространству малые различия имеет в наречиях.

Сих народов, положивших по разной мере участие свое в составлении россиян, должно приобрести обстоятельное по возможности знание, дабы уведать оных древность и сколь много их дела до наших предков и до нас касаются. Рассуждая о разных племенах, составивших Россию, никто не может почесть ей в уничижение. Ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтобы он с начала стоял сам собою без всякого примешения. Большую часть оных видим военными беспокойствами, преселениями и странствованиями в таком между собою сплетении, что рассмотреть почти невозможно, коему народу дать вящее преимущество.

Глава 2

О ВЕЛИЧЕСТВЕ И ПОКОЛЕНИЯХ СЛАВЕНСКОГО НАРОДА

Множество разных земель славенского племени есть неложное доказательство величества и древности. Одна Россия, главнейшее оного поколение, довольна к сравнению с каждым иным европейским народом. Но, представив с нею Польшу, Богемию, вендов, Моравию, сверх сих Болгарию, Сербию, Далмацию, Македонию и другие, около Дуная славянами обитаемые земли, потом к южным берегам Варяжского моря склоняющиеся области, то есть курландцев, жмудь, литву, остатки старых пруссов и мекленбургских вендов, которые все славенского племени, хотя много отмен в языках имеют, наконец, распростершиеся далече на восток, славенороссийским народом покоренные царства и владения рассуждая, не токмо по большей половине Европы, но и по знатной части Азии распространенных славян видим.

Таковое множество и могущество славенского народа уже во дни первых князей российских известно из Нестора и из дру-

гих наших и иностранных писателей [Нестор в начале и степенные книги; Порфирогенит в Администрации³]. Ибо в России славяне новгородские, поляне на Днепре, по горам Киевским, древляне в Червонной России, между Днепром и Припятью, полочане на Двине, северяне по Десне, по Семи и по Суле, дулебы и бужане по Бугу; кривичи около Смоленска, волинцы в Волинии, дреговичи меж Припятью и Двиною, радимичи на Соже, вятичи на Оке и другие поколения, по разным местам обитая и соединяясь с варягами-россами, пресильные войны подымали против греков. Вне России ляхи по Висле, чехи по вершинам Албы, болгары, сербы и моравляне около Дуная имели своих королей и владетелей, храбрыми делами знатных. По южным берегам Варяжского моря живших славян частые и кровавые войны с северными, а особливо с датскими королями, весьма славны [оние описывает Саксон Грамматик на многих местах⁴]. Множество и вели-



Вид одного из курганов близ Керчи



К. Кандауров. На могиле скифского вождя

чество городов хотя тогда не таково было, как ныне, однако же весьма знатно. В российских пределах великий Новгород, Ладога, Смоленск, Киев, Полоцк паче прочих процветали силою и купечеством, которое из Днепра по Черному морю, из Южной Двины и из Невы по Варяжскому в дальные государства простиралось и состояло в товарах разного рода и цены великой. Меж другими славенскими селениями оставил по себе с развалинами великую славу пребогатый купеческий город и пристань Виннета при устьях реки Одры; разорен около помянутых времен от датчан.

Сравнив тогдашнее состояние могущества и величества славенского с нынешним, едва чувствительное нахожу в нем приращение. Чрез покорение западных и южных славян в подданство чужой власти и приведение в магометанство едва ли не последовало бы знатный урон сего племени перед прежним, если бы приращенное могущество России с другой стороны оного умаления с избытком не наполнило. Того ради без сомнения заключить можно, что величество славенских народов, вообще считая, стоит близ тысячи лет почти на одной мере.

Но то же еще усматриваю много далее в древности [Прокопий Кесарийский, также Иорнанд на многих местах⁵]. В начале шестого столетия по Христе славенское

имя весьма прославилось; и могущество сего народа не токмо во Фракии, в Македонии, в Истрии и в Далмации было страшно, но и к разрушению Римской империи способствовало весьма много. Венды и анты, соединяясь со сродными себе славянами, умножали их силу. Единоплеменство сих народов не токмо нынешнее сходство в языках показывает, но и за тысячу двести лет засвидетельствовал Иорнанд [О делах готических, гл. 5], оставив известие, что «от начала реки Вислы к северу по безмерному пространству обитают многолюдные вендские народы, которых имена хотя для разных поколений и мест суть отменны, однако обще славяне и анты называются». Присовокупляет еще, что от Вислы простираются до Дуная и до Черного моря. Прежде Иорнанд Птолемей [Геогр., кн. 3, гл. 5, табл. 7.⁶] во втором столетии по Христе полагает вендов около всего Вендского по ним проименованного залива, то есть около Финского и Курландского. Сей автор притом оставил в память, что Сармацию одержали превеликие вендские народы. И Плиний [Натур. ист., кн. 4, гл. 27.⁷] также свидетельствует, что в его время около Вислы обитали венды и сарматы. Итак, хотя Тацит [О нравах германцев⁸] сомневался о вендах, к сарматам ли их или к германцам причислить, к чему подали ему повод жившие тогда между

немцами, как и ныне, венды, затем больше склонял их к последним, однако вышеписанные свидетельства несравненно сильнее уверяют. Итак, народ славенопольский по справедливости называет себя сарматским; и я с Кромером [Книга I, гл. 12.⁹] согласно заключить не обинуюсь, что славяне и венды вообще суть древние сарматы.

Кроме славян, особенно именованных, вендов и антов, сверх Сармации, где в половине шестого веку Лех и Чех державствовали над многочисленным славенским народом, доказывают его тогдашнюю великость болгары, которых единоплеменство по великому сходству языка, могущество и множество их военных дел неспоримо. Ибо уже прежде царства Юстиниана Великого, при царе Анастасии приобретши себе в Иллирике владение и селение, тяжкие войны наносили грекам.

В северных российских пределах славенские жители умолчаны не столько за малолюдством, сколько за незнанием от внешних писателей. Домашних вовсе отвергать есть несправедливая строгость. Новгородский летописец¹⁰ хотя с начала многими наполнен невероятными вымыслами, однако никакой не нахожу причины упрямо спорить, чтобы город Славенск ни-

когда не был построен и разорен много прежде Рурика. Старинные развалины свидетельствуют; Нестор о Новгороде упоминает прежде всех городов российских и что дважды строен [В начале и в 862 году]. От северных писателей [Гельмольд и Арнольд.¹¹] издревле назывался Кунигардия, то есть (на чудском языке) «славный город». Сие рассуждая, не почитаю за легкомысленное любопытство, когда, примечая именованья мест у Птолемея, у Плиния и у других, находим от Адриатического моря и Дуная до самых берегов Ледовитого океана многих знаменования с языка славенского, что не за бессильное доказательство признавать должно, когда на вышеписанных свидетельствах имеет опору и основание. К доказательному умножению славенского могущества немало служат походы от севера готов, вандалов и лангобардов. Ибо хотя их по справедливости от славенских поколений отделяю, однако имею довольные причины утверждать, что немалую часть воинств их славяне составляли; и не токмо рядовые, но и главные предводители были славенской породы. Итак, ныне довольно явствует, коль велико было славенское племя уже в первые веки по Рождестве Христове.

Глава 3

О ДАЛЬНОЙ ДРЕВНОСТИ СЛАВЕНСКОГО НАРОДА

Имя славенское поздно достигло слуха внешних писателей и едва прежде царства Юстиниана Великого, однако же сам народ и язык простираются в глубокую древность. Народы от имен не начинаются, но имена народам даются. Иные от самих себя и от соседей единым называются. Иные разумеются у других под званием, самому народу необыкновенным или еще и неизвестным. Нередко новым проименованием старинное помрачается или старинное, перешед домашние пределы, за новое почитается у чужестранных. Посему имя славенское, по вероятности, много давнее у самих народов употреблялось, нежели в Грецию или в Рим достигло

и вошло в обычай. Но прежде докажем древность, потом поищем в ней имени.

Во-первых, о древности довольно и почти очевидное уверение имеем в величестве и могуществе славенского племени, которое больше полуторых тысяч лет стоит почти на одной мере; и для того помыслить невозможно, чтобы оно в первом после Христа столетии вдруг расплодилось до толь великого многолюдства, что естественному бытию человеческого течению и примерам возвращения великих народов противно. Сему рассуждению согласуются многие свидетельства великих древних писателей, из которых первое предложим о древнем обитании славян-вендов в Азии,



Въезд Ахиллеса в Трою. «Како Ахиллес вшел во град Трою...».

Из «Царственного летописца»

единоплеменных с европейскими, от них происшедшими. Плиний пишет [Натур. ист., кн. 6, глава 1.¹²], что «за рекою Виллиею страна Пафлагонская, Пилименскою от некоторых проименованная; сзади окружена Галатиею. Город милезийский Мастия, потом Кромна. На сем месте Корнелий Непот присовокупляет енетов и единоименных им венетов в Италии, от них происшедшими бытъ утверждает». Непоту после согласовался Птолемей [Книга 12, с. 544;

книга 4], хотя прежде иного был мнения. Согласовался Курций [Книга 3, гл. 3.¹³], Солин [Глава 44.¹⁴]. Катон то же разумеет, когда венетов, как свидетельствует Плиний [Натур. ист., кн. 3, гл. 19], от троянской породы производит. Все сие великий и сановитый историк Ливий показывает и обстоятельно изъясняет [Книга 1, гл. 1.¹⁵]. «Аntenор, — пишет он, — пришел, по многих странствованиях, во внутренний конец Адриатического залива со множеством енетов, которые в возмущение



Царица амазонская выступает в поход против греков со своими амазонками.

Из «Царственного летописца»

из Пафлагонии выгнаны были и у Трои лишились короля своего Пилимена: для того места к поселению и предводителя искали. По изгнании евангеев, между морем и Альпийскими горами живших, енеты и трояне одержали оные земли. Отсюда имя селу — Троя; народ весь венетами назван». Некоторые думают, что венеты происходят из Галлии, где народ сего имени был при Иулии Кесаре. Однако о сем не можно было не ведать Катону, Непоту и Ливию. При свидетельстве толиких авторов спорное мнение весьма неважно; и, напротив того, вероятно, что галлские венеты произошли от адриатических. В тысячу лет после разорения Трои легко могли перейти и распространиться чрез толь малое расстояние.

Уже имеем древность славенского племени в Азии от самых давнейших времен, ко-

торых далее не простираются европейских народов благорассудные историки. Мосоха, внука Ноева, прародителем славенского народа ни положить, ни отречи не нахожу основания¹⁶. Для того оставляю всякому на волю собственное мнение, опасаясь, дабы Священного Писания не употребить во лжесвидетельство, к чему и светских писателей приводить не намерен. Довольно того, что могу показать весьма вероятно еще другие сильные в Азии народы, кроме енетов, славенского племени равной древности, и бывшим уже тогда их величеством и могуществом уверить, что оное началось за многие веки до разорения Трои.

Единоплеменство сарматов и венедов, или вендов, со славянами в прошедшей главе показано. О живших далее к востоку сарматах пишет Плиний [Натур. ист., кн. 6, гл. 7;

кн. 4, гл. 1, гл. 11.¹⁷], что они мидской породы, живут при реке Доне, разделяются на разные поколения. Сей же автор и Страбон [Геогр., кн. 7, с. 218.¹⁸] некоторых мидян в Европе вместе с фракиянами, то есть в сарматских пределах, полагают, чем вероятность о единоплеменстве сарматов с мидянами умножается. Ибо, преселяясь от востока к западу, мидские народы, и, будучи проименованы сарматами, могли в некоторых поколениях удержать прежнее имя, подобно как славяне новгородские перед другими славенскими породами, которые особливые имена имели.

Некоторые речения мидские, со славенскими сходные, не были бы едиnorodства вероятностью, когда бы таковыми важными свидетельствами древних писателей не утверждались.

Амазоны, по преданию Геродотову [В Мелпо[мене], с. 115.¹⁹], от сармат происхождение имели и говорили языком сарматским; скифскому от будинов не чисто научились. Плиний о сарматах-гинекократуменах, то есть «женами обладаемых», упоминает, супружество с амазонами имеющих; также и о сарматских амазонах [Натур. ист., кн. 6, гл. 7]. Посему они были славенского племени.

Видя пафлагонов, енетов, мидян и амазонов в Азии славенского племени, уже думать можно, что обитавшие с ними в соседст-

ве мосхи им были единоплеменны, почему московский народ у многих новых писателей от них производится. О соседстве Мосхинии с амазонами и сарматами нахожу древние свидетельства, о едиnorodстве — не имею; итак, утверждать о том опасуюсь, затем больше, что в Страбоне [Геогр., кн. 11, с. 343.²⁰] противное сему примечают: «Мосхиния, — пишет он, — разделена на три части: одну колхи, вторую иверы, третью армяне имеют» — народы, от славян весьма отменные. В наших летописях до начала Москвы не находим по российским областям подобного имени; и у Нестора при исчислении славенских поколений о мосхах — глубокое молчание. Великий перерыв времени, в кое о мосхах не упоминают внешние и домашние писатели, не позволяет утверждать о единоплеменстве мосхов и славян московских без довольного свидетельства.

В Южной Европе древность и могущество славян из Геродота явствует, который венедов с иллирианами за один народ почитает и обыкновения их, мидским подобные, описует [Евгерпия, с. 36; Терпсих[ора], с. 128], чем показанное выше сего едиnorodство подтверждается. Иллирийцев древность простирается до веков баснословных; сила из военных дел с греками и римлянами известна. Некоторые, стараясь древних иллирийцев разделить от нынешних славян, в



Вид Керчи на месте расположения древней Пантикапеи



Стенопись в пантикапейских подземных гробницах с изображением скифских воинов.

Открыта В. Стасовым в 1872 г.

Иллирике живущих, приводят во свидетельство Иорнанда и Прокопия, которые описывают пришествие славян за Дунай от севера: новых мест имена славенского знаменования признают, в старых того не находят.

Слабые спорных мыслей основания! Правда, что славяне, от полунощной страны перешед за Дунай, в Далмации и в Иллирике поселились в начале шестого века. Но следует ли из того, чтоб они или их единоплеменные там прежде никогда не обитали? Не могло ли быть, чтобы римскою силою утесненные иллирические славяне во время войны уклонились за Дунай к полунощным странам; потом, приметив римлян ослабление, старались возвратиться на прежние свои жилища? Имеем сего явственные у себя следы. Нестор утверждает [Лист 16 об.²¹], что в Иллирике, когда учил апостол Павел, жительствоваали славяне и что обитавшие около Дуная, убегая насильного владения нашедших и поселившихся меж ними римлян, перешли к северу, на Буг, Вислу, Днепр, Двину и Волхов [В начале, лист 2 об.]. Уже свидетельств довольно; но сверх того Плиний объявляет, что ему названия иллирических народов выговари-

вать трудно²². Ясное доказательство, что ни от греческого, ни от латинского языка взяты, в коих он, без сомнения, был искузен. Города многие издревле показывают славенский голос, с делом согласный, и возводят вероятность на высочайший степен.

Признаки древнего имени славенского явствуют, во-первых, у Птолемея под названием ставан [Геогр., кн. 3, гл. 5, табл.; Евр. 7.²³]. Свойство греческого и латинского языка не позволяет, чтобы они выговорить могли славян имя. Ради того прежде ставанами, после склаванами и сфлаванами называли. Амазоны, или алазоны, славенский народ, по-гречески значат самохвалов; видно, что сие имя есть перевод славян, то есть славящихся, со славенского на греческий.

Имена славенских государей, в одно время со славенским именем прославленных, не в самое то время могли принять начало, но перед тем задолго. По именам государей и героев своих народ прежде внутри пределов назывался, потом славою дел утвердил себе славное имя, которое хотя поздно по свету распространилось, однако внутри было давно в употреблении.

Глава 4

О НРАВАХ, ПОВЕДЕНИЯХ И О ВЕРАХ СЛАВЕНСКИХ

Разные славян поколения неспоримо разнились обычаями, хотя во многом имели сходство. Кроме разделения по местам, разность времени отменяет поведения. Того ради мидских, венетских,

иллирийских, амазонских и сарматских предков славенских, кои многими веками, великими расстояниями и, сверх того, многообразными преселениями отделяются, не изображаю в тогдашнем виде, который,



по свойствам тамошнего климату и по соседству с отменными народами, походить не может на преселившихся их поздних потомков. Итак, довольно будет, когда увидим их, по преселениях несколько описанных.

Когда имя славенское в свете прославилося войнами против римлян и греков, тогда Прокопий Кесарийский [О Готической войне, кн. 3, гл. 14.²⁴], того же веку писатель, следующее об них на память оставил: «Сии народы, славяне и анты, не подлежат единой державной власти, но издревле живут под общенародным повелительством. Пользу и вред все обще приемлют. Также и прочие дела у обоих народов содержатся издревле. Единого бога, творца грома и всего мира господа, исповедуют. Ему приносят волов и другие жертвы. Судбины не признавают и не приписывают ей никаких действий в роде человеческого. Впадши в болезнь или готовясь на войну и видя близко смерть,

дают богу обещание, что ежели от нее свободятся, немедленно принесут жертву. Получив желаемое, исполняют свое обещание вскоре и верят, что жизнь их сохранена оною жертвою. Сверх того, почитают реки и другие воды, также и некоторых иных богов, которым всем служат и в приношении жертвы гадают о будущем. Живут в убогих хижинах, порознь рассеянных, и нередко с одного места преселяются на другое. Когда на бой выходят, многие идут пеши со щитами и с копьями; лат не носят. Иные, не имея на плечах одеяния, в одних штанах бьются с неприятелем. Обоих язык один — странный. Ниже видом тела разнствуют, ибо все ростом высоки и членами безмерно крепки, цветом ниже весьма белы, ниже волосом желты, ни очень черны, но все русоваты. Жизнь содержат, как массагеты, сухою и простою пищею и, подобно как они, весьма нечисто ходят, натурою незлобны, нелука-



Н. Рерих. Идолы. Фрагмент

вы и в простоте много нравами сходны с гуннами». Сие о славенах, живших в шестом столетии по Христе около Дуная.

О славенских народах, живших по российским областям, объявляет Нестор [В начале, лист 6 об.], что поляне от своих предков обычаем кротки, сгдыдлывы к родителям и к сродникам и брачное сочетание наблюдают. Древляне живут зверским образом: убивают друг друга, едят нечистую зверину. Брачных чинов не держат: женский незамужний пол хватают у воды и вместо жен держат. Радимичи, кривичи, вягичи и северяне держатся одного обычая. Живут в лесах, как дикие звери, всякую нечистоту в пищу принимают; не стыдятся срамословить пред родителями; вместо браков сходятся на игрища между селами и пляшут, где хватают женский пол себе в жены, с которыми сперва согласились; держат по две и по три. Над мертвыми отправляют тризны, потом на струбе сожигают и пепел с костями в сосудах на столнах ставят при доро-

гах. Сие употребление у кривичей было еще при Несторе. Новгородских славян нравы и поведения усмотреть можно с начала истории от Рурикова приходу.

При Варяжском море на южном берегу жившие славяне издревле к купечеству прилежали. В доказательство великого торгу служит разоренный великий город славенский Виннета, от венегов созданный и проименованный. Гелмолд о нем пишет [Книга 1.²⁵]: «Река Одра протекает в север среди вендских народов. При устье, где в Варяжское море вливается, был некогда преславный город Виннета, в котором многонародное пристанище грекам и варварам, около жившим. Все европейские города превосходил величеством. В нем жили славяне, смешанные с другими народами, с варварами и с греками. Приезжим саксонцам равно позволялось жить в сем городе, лишь бы только не сказывались христианами, ибо славяне все даже до разорения сего города служили идолам. Впрочем,



Г. Семифадский. Сожжение руса

странноприимством и нравами ни один народ не был честнее и доброхотнее. Купечествовал товарами разного рода с разными народами пребогатый город и все имел, что бывает редко и приятно. Разорен от некоторого короля датского. Видны еще только древних развалин остатки». После сего привык народ славенский в Померании к морскому разбойничеству.

О нравах и о вере вендских померанских славян, особливо которые жительствова-ли в Вагрии, северные писатели уверяют [Гаргкнох. Диссерт. 12, о делах прусских, § 2.²⁶], что у них многоженство в обычае было: покупали жен, сколько кому прокормить возможно. Хотя ж почитали единого бога на небесах, который имел об оных попечение, однако земные дела поручал другим. Святовид на острове Ругене вырезан был из дерева о четырех лицах, в коротком платье, стоял в капище, в левой руке держал лук, в правой рог с вином; на бедре — превеликий меч в серебряных ножнах [Арнкил. О цымбрском идолопоклонстве, на многих местах.²⁷]. При нем висело седло и узда величины чрезвычайной. Четыре лица, как кажется, значили четыре части года. Именем сего идола давал жрец ответы. Святовиду честию следовал Прове, или Пронно, особливо у вагских славян; стоял на великом и кудрявом дубе. Около его на земли расставлены до тысячи идолов с двумя-тремя лицами и больше. Перед Пронном стоял алтарь для приношения жертвы. Радегаст держал на груди щит с изображенною воловою головою, в левой руке копье, на шлеме петух с распростертыми крылами. Сива, или Сиба, нагая женщина, волосы назади висели до подколенков; в правой руке яблоко, в левой виноградный гроздь держала. Наконец, почитались у них Черн-бог и Бел-бог: первый добрый, другой злой. Сверх всех сих идолов, обоготворялись огни, которые по разным местам неугасимо горели. Многие воды, ключи и озера толь высоко почитались, что с глубоким и благоговейным молчанием черпали из них воду. Кто противно поступал, казнен был смертию. Такое озеро обоготворялось на острове Ругене, в густом лесу, называемое Студенец, которое хотя весьма изобиловало рыбою, однако оныя не ловили для почтения мнимой святости. При всем сем почитали змей как до-



В. Овсяников. Заклятие меча перед идолом

машних богов и наказывали тех, которые им вред наносили. В приношении жертвы Святовиду изъясняли превеликое почитание. После жатвы собирався весь народ перед его капищем для препровождения великого празднества, где били скота на жертву, и для знатного идольского пирования за день перед праздником должен был сам жрец, прежде приношения жертвы и служения, чисто выместь капище. Следующего дня, в самый праздник, при собрании народа перед дверью капища, взяв из руки идольской рог с вином, чем за год был наполнен, прорицал о плодородии будущего года. Ибо ежели вина в роге не много убывло, почиталось плодородия признаком. В противном случае изобилия плодов не надеялись. По сем выливал жрец вино из рога перед ногами Святовидовыми и наливал в него новое; пил за его здоровье и просил, чтобы людям своим и отечеству подал изобилие, богатство и победу над неприятель-

ми. Выпив рог вина, наполнял снова и отдавал идолу в руку. Потом приносили в жертву великие круглые хлебы из муки и из меду, которые жрец ставил между собою и народом и молился об изобильной жатве будущего года. Потом благословлял народ именем Святовидовым, увещал к прилежному приношению жертвы и обещал в воздаяние победы на врагов по морю и посуху. По сем препровождался день в ядении и питии, и за стыд почитали, ежели кто не напился допьяна. Каждый человек в год сему идолу третью часть своей хищной добычи долженствовал принести в жертву. Триста конных нарочных воинов, сколько могли награть, все в капище приносили, что жрец употреблял на украшение оного. Нередко сему идолу приношены были в жертву христианские пленники, которых садили верхом на лошадях во всей их сбруе. Лошадь четырьмя ногами привязывали к четырем сваям и, под поставленные по обеим сторонам костры дров подложив огонь, сожигали живых коня и всадника. Другим идолам своим, Прову, или Прону, Сиве, Радегасту, приносили тогда жившие славяне кровавую жертву людей христианских. По заклянии оных прикушивал жрец крови, от-

чего уповали силы и действия к предсказанию. Когда жертва совершилась, начинался жертвенный пир с музыкою и плясанием. Злым богам приносили кровавую жертву и печальное моление, также и страшные клятвы; добрым — веселие, игры и радостные пиrotования. О будущем гадали обыкновенно метанием деревянных дощечек, у которых одна сторона была черная, другая — белая. Когда их бросали, белая сторона наверху добро, черная худо, по их мнению, предвозвещала. Летание птиц и крик по разности сторон, встреча зверей, сверх сего, движение пламени, течение воды и разные виды пены и струй также служили к предсказанию. Святовиду посвящен был великий белый конь. Когда войну начать хотели, втыкали перед капищем в землю острыми концами шесть копий, по два вместе крестообразно. По обыкновенной молитве выводил жрец посвященного коня скакать через оные копыя. Когда на скаку заносил наперед правую ногу, почитали за доброе предзнаменование предприемлемого дела; когда же левую простирал наперед далее, признавали за худое предвозвещение. По сему конскому скаканию начиналась война или отлагалась.

Глава 5

О ПРЕСЕЛЕНИЯХ И ДЕЛАХ СЛАВЕНСКИХ

Древнейшее всех преселение славян, по известиям старинных писателей, почитать должно из Азии в Европу. Что оное двумя путями происходило, водою и посуху, из вышеписанного усмотреть не трудно. Ибо венеты от Трои с Антенором плыли Архипелагом, Посредиземным и Адриатическим морем. И весьма вероятно, что после оного по разным временам и случаям многочисленные их однородцы из Пафлагонии помянутым путем или по Черному морю и вверх по Дунаю к ним и в их соседство перешли житьельствовать. Подтверждается сие, во-первых, тем, что венеты весьма широко распространились по северному и восточному берегу Адриатического залива и по землям, при Дунае лежащим; второе, что Пафлагония после того от вре-

мени до времени умалилась и, наконец, между главными землями в Азии не полагалась, ибо уже у Птолемея [Геогр., кн. 5, гл. 3.²⁸] почитается как малая часть Галагии.

Другой путь был из Мидии севером, около Черного моря, к западу и далее на полночь, когда сарматы, от мидян происшедшие, из задонских мест далее к вечерним странам простирались, что из вышеписанного по правде заключить должно. Еще ж Блонд пишет [Декада 1, кн. 1.²⁹], что славяне, от Босфора Циммерского до Фракии обитавшие, в Иллирик и в Далмацию преселились. Болгар древнее жилище в Азиатической Сармации, около реки Волги, с добрым основанием от некоторых полагается [Кромер, кн. 1, гл. 8.³⁰], затем что Иорнанд, со славянами и антами, славенским



Гробница скифских царей близ Керчи

же народом, совокупное их нападение на Римскую державу описует и жительство их почитает в северной стране от Черного моря. Согласуется с делом имя болгар, от Волги происшедшее, которыми после того и другие народы, козары и татары, от россиян именовались [Нестор на многих местах].

Все сие доказывает движение славенских поколений от востока на запад пространными нашими землями, по северу около Понтийского моря. Таким образом, простираясь уже паки к полудни, соединились с однородцами своими, преселившимися южную дорою, и во многие веки составили разные славенские поколения, отменив наречия и нравы по сообщению с иноплеменными народами, с которыми в преселениях обращались.

Какова храбрость была древних предков славенского народа, о том можно уведомить, читая о войнах персидских, греческих и римских с мидянами, сарматами и иллирийцами, которые принадлежат и до россиян обще с другими славенскими поколениями. О грамоте, данной от Александра Великого славенскому народу³¹, повествование хотя невероятно кажется и нам к

особливой похвале служить не может, однако здесь об ней тем упоминаю, которые не знают, что, кроме наших новгородцев, и чехи оною похваляются [Кромер, кн. I, гл. 14].

Между тем, когда славенские племена из Мидии, около Черного моря, в Иллирик и в другие места распространялись, тогда и в северные страны поселялись в великом множестве. «Новгородский летописец» согласуется в том со внешними писателями. И хотя бы имена Славена и Руса и других братьев были вымышлены, однако есть дела северных славян, в нем описанные, правде не противные. По Варяжскому морю, которое от воровства на чудском языке сие имя получило, обыкновенно в древние веки бывали великие разбои и не токмо от подлых людей, но и от владетельских детей за порок не почитались. Про Славенова сына Волхва, от которого Волхов наименование носит, пишет, что в сей реке превращался в крокодила и пожирал плавающих. Сие разуметь должно, что помянутый князь по Ладожскому озеру и по Волхову, или Мутной реке тогда называемой, разбойничал и по свирепству своему от подобия прозван

плотоядным оным зверем. Распространение славян северных до рек Выми и Печоры и даже до Оби хотя позднее должно быть, кажется, нежели как положено в оном летописце, однако не так поздно, как некоторые думают; затем что дорогими собольими мехами торг из России на Запад уже за семьсот лет известен из внешних авторов, и дыньки в российском купечестве прежде обращались³², нежели Ермак открыл вход в Сибирь военною рукою.

пространных, по великим полям, рекам и озерам. Нестор подробно описывает [лист 3 об.], что нашли волохи на славян дунайских и, сядши с ними, стали обижать и насиловать; тогда иные, отшед на реку Вислу, назвались ляхами. От ляхов прозвались иные лутичи, иные мазовшане, иные поморяне. Иные сели по Днепру и назывались поляне; другие — древляне, затем что сели в лесах; многие между Припятью и Двиною и назывались дреговичи; некоторые



Днепровские пороги

Когда Римская империя усилилась и оружие свое распростерла далече, тогда почувствовали насилие ее и славенские народы, жившие в Иллирике, в Далмации и около Дуная, для чего в север уклонились к своим однородцам, которые издавна в нем жительствовавали. По свидетельству Несторову [лист 4], славяне в местах, где Новгород, обитали во время проповеди Евангелия святым апостолом Андреем. У Птолемея [Книга 3, гл. 5, табл. 8] положены славяне около Великих Лук, Пскова, Старой Русы и Новгорода.

Итак, явствует, что, ненавидя римского ига и любя свою вольность, славяне искали оной в странах полунощных, которою единоплеменные их пользовались, в местах

поселились на Двине и назывались полочане, по реке Полоте; многие перешли на Оку и проименовались вятичами. Иные славяне сели около озера Ильменя и прослыли своим тем же именем; иные поселились по Десне, Семи и Суле и назывались северяне. Новгородцы одержали не одно токмо имя свое славенское, но и язык сродных себе славян, около Дуная и в Иллирике обитающих, который много сходнее с великороссийским, нежели с польским, не взирая на то что поляки живут с ними ближе, нежели мы, в соседстве.

Потом, как Римская империя стала приходить в упадок, тогда славяне, стараясь отметить древнюю предков своих обиду,



предпринимали от севера на полдень сильные и частые походы, особливо при Юстиниане Великом, царе греческом, чему пример даю из Прокопия [О Готической войне, кн. 3, гл. 38.³³]: «Войско славенское, из трех тысяч состоящее, без сопротивления Дунай-реку переправилось и потом, без труда через Гебр переехав, разошлось надвое. Одна часть состояла из тысячи осьмисот человек, другая — из прочих. На обоих, хотя друг от друга разделенных, учинили нападение римские военачальники во Фракии и в Иллирике, однако паче чаяния побеждены были и отчасти побиты

приступить, ни в поле выступить не дерзали, никогда не смели чинить набегов на Римскую империю и до того времени, кажется, никогда через Дунай-реку не переходили. Победившие Азбада славяне разорили все места до самого моря. Приморский город Топер с оборонительным войском взяли таким образом. Славян большая часть в ямистых местах и в врбгах близ стен городских утаилась. Малое оных число у ворот восточных раздражали римлян, на городской стене стоящих. Солдаты, бывшие в городе, думая, что только славян было, сколько показалось, внезапно воору-



Император Юстиниан со своей свитой.

С древнего изображения в городе Равенна

на месте, отчасти без всякого порядку спаслись бегством. Потом, когда оба полки славенские, числом много меньшие, вождей римских низложили и прогнали, другая часть их с Азбадом учинила сражение. Сей Азбад, Юстинианов стипатор, правил конницею, которая издавна для прикрытия города Цирула во Фракии была сильна множеством и мужеством. Славяне, и сих рассыпав, многих, со срамом бегущих, умертвили и, поймав Азбада, хотя сперва стерегли жива, однако после, вырезав ремни из хребта, его сожгли. Сие учинив, всю Фракию и Иллирик без своего ущерба разоряли и в обоих местах многие крепости взяли осадою. Прежде ж сего ни к стенам

женные, учинили вылазку. Славяне стали отступать притворно и, якобы их страшась, назад побежали. И как римляне, гонясь за ними, от стены удалились, славяне засадные из врбгов поднялись, от города путь им пресекали, и бегшие славяне, обратясь лицом к неприятелям, гонящих останавливали и, побив всех, на том же месте приступили к городу. Уже неприготовившиеся мещане жестоко возмутились, однако по возможности сопротивлялись стремлению: ибо сначала кипящее масло и смолу лили на приступающих. И хотя люди всякого возраста на них бросали камень, однако бедства не отвратили. Великим множеством стрел славяне городских людей от зубцов сбили

и, приставив к стенам лестницы, город взяли. Немедленно мужеска полу до пятнадцати тысяч порубив и разграбив богатство, малых детей и женский пол поработорили. Ибо до того дня не было пощады ни единому возрасту. Другой полк, после того как ворвался в римские пределы, всех без разбору лишал жизни, так что в Иллирике и во Фракии непогребенные трупы по всем местам лежали повержены. Потом оба полки живот пленным оставлять стали и так во свои жилища возвратились со многими тысячами пленных.

лию, вместо того Солуню и другим городам поспешил дать помощь и не умедлил бы удержать стремление славян всеми силами. Между тем как Герман еще собирался, славяне, узнав от пленных о приходе его в Сардику, устремились, ибо имя его было у них славно, что пред тем победил ангов, славянам единоплеменных. Итак, убоясь и рассуждая, что идет с преизбранным воинством, которое от Юстиниана-императора против короля Тотилы и против готов послано, предпринятый путь к Солуню прекратили и, не смея больше высту-



Старинные боевые ладьи, на которых славяне ходили на Царьград, Афины и Рим

В Сардике, иллирическом городе, собранное войско строил Герман и поспешал с великим к войне приуготовлением. Когда славенские полки, каковы никогда не бывали, достигши к пределам Римской империи и переправясь через Дунай, пришли к Наизу, некоторые из них отлучились от войска и, по ближним местам разделясь, для добычи бегали порознь, попали в руки некоторым римлянам. Связаны и вопрошены, для чего славенское войско за Дунай переправилось, с уверением ответствовали, что пришли с тем намерением, дабы взять Солунь и окрестные его города. О сей вести император, весьма обеспокоившись, немедленно писал к Герману, чтобы для настоящего времени, оставив поход в Ита-

лию, вместо того Солуню и другим городам поспешил дать помощь и не умедлил бы удержать стремление славян всеми силами. Между тем как Герман еще собирался, славяне, узнав от пленных о приходе его в Сардику, устремились, ибо имя его было у них славно, что пред тем победил ангов, славянам единоплеменных. Итак, убоясь и рассуждая, что идет с преизбранным воинством, которое от Юстиниана-императора против короля Тотилы и против готов послано, предпринятый путь к Солуню прекратили и, не смея больше высту-

сражению втай от неприятеля приготовлялись; славяне на горе, римляне на поле стан укрепили. Долго так стояв, преодоленные нетерпеливостью солдаты с неудовольствием стали жаловаться на полководцев, что сами, пищею будучи довольны, презирают солдат; недостатками утомленных, и не хотят вступить в сражение с неприятельми. Таковыми жалобами принуждены были военачальники бой начать. Сражение возгорелось. Побеждены силою римляне; многие храбрые солдаты пали. Предводители, едва не пойманы, вырвавшись, с прочими ушли кому куда ближе. Славяне взяли Константиново знамя и, презрев римское войско, пошли далее. Астическую страну, которая долго не чувствовала разорения, опустошили; для того корысть наши там преизобильную. Учинив по великому пространству разорение, дошли до долгой стены, которая на день пути отстоит от Царяграда. Несколько после того римляне, следуя за славянами и залучив часть оных, побили внезапным нападением и, порубив многих, отняли римских пленных великое множество, и взято назад Константинове знамя. Прочие славяне с корыстью в дома возвратились».

Таковы суть знатнейшие свидетельства походов славенских на Римскую державу. Впрочем, нет сомнения, что в войнах готских, вандальских и лангобардских великое сообщество и участие геройских дел приписывать должно славянам. Показывает упомянутый Прокопий [О Готической войне, кн. 3, гл. 35.³⁴] соединение их с лангобардами, генадами и готами ради Ильдизга, короле-

вича лангобардского. От великого множества славян, бывших с прочими северными народами в походах к Риму и Царюграду, произошло, что некоторые писатели готов, вандалов и лангобардов за славян почитают, хотя они действительно германского были племени.

Следы знатных славенских походов явствуют из их преселений. Чехи, по описанию того ж Прокопия [там же, кн. 4, гл. 4], жительствовавши на берегу Евксинского Понта, которым в прежние времена ставил королей римский император, а тогда уже ему не были ни в чем послушны. Нынешнее чехов обитание около вершин реки Албы свидетельствует об их походах, также и о преселениях прочих единоплеменных им народов. Болгары, при Анастасии, царе греческом, в первый раз на Римскую империю нападение учинившие, тоже показывают, что они славяне были; с вандалами и лангобардами воевали в сообществе.

Взаимное северных и южных славян друг другу вспоможение явствует из приходу болгаров дунайских для населения Славенска: первое — после великого мору, от которого жители почти все погибли; второе — по нашествии гуннов, от коих Славенск разорен и положен в конечное запустение.

Всех походов, преселений и смешений славенского народа для великого их множества и сплетения описать невозможно и не так нужно, как в следующих частях показать дела российских наших праотцев. Для того поспешаю к описанию прочих народов, поелику до нас касаются, как участники в составлении нашего общества.

Глава 6

О ЧУДИ

Чудские поколения коль далече по северу простираются, заключить можно из множества разных народов, отчасти Российской державе недавно покоренных, отчасти в оную в прежние совсем включенных. Ливония, Естляндия, Ингрия, Финния, Карелия, Лаплония, Пермия, черемиса, мордва, вотяки, зыряне говорят языками, немало сходными между собою, которые хотя и во многом разнят-

ся, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала. Сверх сего, сильная земля Венгерская хотя от здешних чудских областей отделена великими славенскими государствами, то есть Россиею и Польшею, однако не должно сомневаться о единоплеменстве ее жителей с чудью³⁵, рассудив одно только сходство их языка с чудскими диалектами. Что подкрепляется еще их выходом из сторон, иде

и поныне чудские поколения обитают, их остатки. Представив чудской народ в нынешнем его рассеянном состоянии и по большей части у других держав в подданстве, помыслить можно, что в соединении бывал некогда силен на свеге.

По примеру, как писано выше о величестве славенском, оглянемся на времена, прошедшие около лег тысячи, и поищем чудского могущества. Северные авторы [Стурлез[он] на многих местах, также и Саксон Грамматик] наполнены описаниями военных дел их и других сообщений, бывших со шведами, датчанами и норвежцами. Пермия, кою они Биармиею называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины-реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и с другими нормандцами. В Северную Двину-реку с моря входили морскими судами до некоторого купеческого города, где летом бывало многолюдное и славное торговище: без сомнения, где стоит город Холмогоры, ибо город Архангельской едва за двести лет принял свое начало. Народ почитал идола Иомалу, что на ливонском, финском и на других чудских диалектах бога значит. Явствует сие из Стурлезона [Стурлезон, том I, часть 7, гл. 143.³⁶], где описывает езду Торета некоего и Карла в Двину-реку, кои, будучи от короля своего Олава, проименованием Святого, посланы в Биармию для торгу, присовокупили к тому татьбу: ограбили золото и серебро из кладбищ, сорвали с деревянного Иомалы дорогое ожерелье и взяли серебряную чашу с деньгами. Сию древность тамошней чуди доказывают и поныне живущие по Двине чудского рода остатки, которые через сообщение с новгородцами природный свой язык позабыли. В показанном состоянии Пермия была около времен великого князя Владимира Первого и еще много прежде при Гаральде Пулхрикоме, во дни самых первых князей варяжских.

Финляндия в те же веки была весьма сильна и своими владетельми управлялась [там же, часть I, гл. 16]. Вайланд, Свегдеров сын, король шведский, около времен первого христианского веку женился у короля финского Сния на дочери Дриве, от которой родился ему сын Висбур. Подобно и

Агн, Дагонов сын, плененного финского князя именем Фростона дочь Скиалву имел в супружестве [там же, часть I, гл. 22], которая после, заманив мужа в свое отечество, коварным образом сонного убила, отца своего смерть отмщая. Нападением на их землю финны храбро сопротивлялись. Победили Олава проименованием Святого. Нордские писатели причитали немалую часть храбрости финского народа колдовству, в чем оный носил на себе великое нареkanie.

Естония Финляндии не уступала силою: сообщением с разными народами по купечеству превосходила, где не токмо разными товарами, но и людьми торговали. Олав, Тригвонов сын, король шведский, взят был в малолетстве на море от разбойников в полон и продан в Естландию [там же, часть 6, гл. 6], о чем в «Житии великого князя Владимира Святославича» пространнее. Ингварь, сын Остонов, король шведский, около пятого столетия по Христе разбоям ходил в Естландию по тогдашнему обычаю [там же, часть 2, гл. 36]. Естонцы на берегу морском его победили; Ингварь на бою убит и похоронен на том месте.

Но многих военных действий, бывших между нормандцами и чудскими народами, к морям прилежащими, то есть с пермцами, финляндцами и естландцами, не исчисляю ради краткости. Довольно явствует по сим трем чудским народам, коль сильны были прочие их единоплеменные, к востоку лежащие, от морей отдаленные поколения, о которых нормандцам за великим отстоянием знать не было можно и которых Нестор-летописец исчисляет [Нестор, 6370 г.]: весь полагает на Беле-озере, мерю в Ростовской и Переяславской земле по Клещину-озеру, также черемису, мордву, печору и другие народы упоминает, из которых многие толь велики были, что со славянами новгородскими послов своих к варягам отряжали для призыву князей на владение, по которому пришел Рурик с братьями.

Рассмотрев чудского народу прежде многих веков могущество, большее нынешнего, признать должно, что они в севере великую часть земель еще и прежде того занимали и неотменно в общем имени скифов заключались от греческих и римских писателей. Ибо татары обитали тогда далече в Азии к востоку и потоку скифского имени у греков

не носили. Прочие древние народы, как ала-не, роксолане, даки, амazoны и другие, должны причитаться к славенскому либо чудскому поколению. Итак, еще надлежит рассмотреть, которому из двух сих народов свойственно приписать должно имя скифов, употребленное у древних внешних авторов обще для многих и разноплеменных север-

лялись. К подтверждению сего служит, что амazoнки скифского языка не разумели, следовательно, свойственный скифский язык не был славенский. И мидский царь Киаксар отдавал скифам малых детей учиться говорить их языком [Геродот в Клие], откуда явствует, что и корень славенского языка, то есть мидский, со скиф-



Н. Рерих. Заморские гости

ных обитателей, которое не токмо иногда далече в Европу, даже до германцев, и на востоке неведомым тогда азиатическим государствам давалось, но и греческие поселенцы, около Днепра и в Херсоне жившие, скифами проименованы были от своих одноплеменцев [Геродот в Мелпомене.³⁷].

Выше сего показано, что славенские поколения сарматами тогда назывались, хотя иногда нередко со скифами от незнания тогдашних писателей смешиваны были, потому что часто с места на место пересе-

ским не сходствовал. Итак, остается искать скифского имени и народа в чудском племени, для чего необходимо нужно смотреть довольных о том свидетельств.

Профессор Байер [В Комментариях Академии наук, т. I.³⁸], хотя неправо, скифское имя производит от финского слова *скита* — стрелок, затем что сарматы, парфяне и другие многие народы из лука стрелять не меньше скифов искусны были и равное право имели от греков названы быть стрелками, а притом по-гречески, а

не по-фински, — однако в том он не ошибся, что финцев, естландцев и лифландцев почитает остатками древних скифов. Я доказываю следующими вероятными доводами. Имя *скиф* по старому греческому произношению со словом *чудь* весьма согласно³⁹; не происходит от греческого и, без сомнения, от славян взято, которые по большей части обитали между чудью и Грециею около Дуная. И как обыкновенно бывает, что отдаленных народов называют теми именами, которые им наложители промежуточные соседи, так и греки, слышавшись от славян имени *чудь*, перепяли и по своему выговору скифами называли.



Геродот.
Мраморное изваяние

Остатки древнего скифского языка находим у Геродота, которых явное сходство видим с речениями, у нынешних чудских народов употребительными. Всего сего примечательнее, что басня о Колоксае, сыне первого скифского царя Таргитая, единство сего народа с чудским приводит в полную вероятность.

Опущены в то время были, как скифы о себе баснословили, с неба соха, иго, топор и чаша золотая. Большой брат Липоксай и средний Арпоксай покушались один за другим взять себе в корысть оные золотые вещи, однако оба не могли получить для огня,

круг них пылающего. Меньший брат как только к ним приступил, огонь исчез и оставил сокровище ему во владение. Здесь примечать должно, что хотя имена отца и трех сынов на финском языке имеют чудское наименование, однако меньшего брата имя самому реченному повествованию соответствует. *Колоксай* значит *огонь бегущий*, якобы от такого приключения произошло сие имя.

Итак, по величеству чудского народа и по доказательствам исключительным славян, имя скифов чудским поколениям следует; и то самое подтверждается происхождением имени Колокса; равно как сходствующие скифские и чудские речения и обстоятельства соответствующие подают всему неодолимую вероятность и не оставляют сомнения, что чудские поколения суть от рода подлинных древних скифов, ныне по большей части Российской державе покоренные или уже из давних времен в один народ с нами совокупленные. Из сего следует, коль велика древность и слава чудского племени.

Рассмотрев единство свойственно называемых скифов с чудью, безопасно употребить можем одно именование их вместо другого, из которых свойственное то, которое сему народу наложители древние наши славенские предки.

Геродот, первый и обстоятельный описатель [в Мелпомене] чудского происхождения и древних преселений и разделений, зачинает известия с помянутой выше сего басни о Таргитае, о грех его сынах и о меньшем Колоксае, получившем в наследие опущенные с неба золотые орудия купно со владением. Потом утесненные военными нападениями скифы от массагетов принуждены были выгнать циммерской народ из пределов европейских. Гонимый за ним под предводительством царя Мадия, сына Прототиева, вошли в Мидию, где тамошние жители вступили со скифами в сражение и, быв от них побеждены, владения над Азиею лишились, которую скифы одержали. Оттуда прямо в Египет путь предприняли. И как уже вошли в Сирию и в Палестину, Псаммитих, царь египетский, вышел им навстречу, дарами и прошениями утолил стремление, чтобы далее походом не простирались. Скифы, поворотясь, много насилия чинили на пути обратном и

разграбили храм Венерин в Аскалоне. Но пришедших в Мидию знатнейших скифов царь Киаксар созвал на великое пирование и, напоив, побил всех сонных, а прочих выгнал из Мидии военною силою. Скифы, по двадцатисьюмилегнем владении в Мидии и по толь же долгом отсутствии от жен, когда к своим жилищам в Циммерию приблизились, встретили их вооруженные рабы и рабские взрослые дети, от жен их в небытность мужей прижитые. По нескольких сражениях, не возмогши преодолеть, наконец пошли на них без военного оружия с одними бичами, что рабы, увидев и вообразив свое прежнее холопство, оробели и пустились в бегство. Итак, скифы утвердились на прежних своих жилищах. Сие повествование надлежит больше до скифов, номадов называемых; прочие их поколения, по широким полям обитая, сим походам не были причастны. Знатнейшие из них у Геродота описаны кратко.

Будинцы были весьма сильны и многочисленны; глаза синие, волосом черны [книга 4, гл. 3.⁴⁰]. Город их, называемый Гелон, из дерева построен, которого каждый бок длиною был но тридцати стадий. В нем стояли деревянные храмы, капища и идолы греческие, затем что гелонские жители были греки, смешанные с будинскими скифами, и язык употребили, смешанный с будинским. Упоминаются у Геродота также скифы, которые от самовладельных государей управлялись; наз[ы]вались королевскими, обитали около вершин реки Дона.

Многие скифские поколения и преселения довольно можно видеть из описателей разных веков. Здесь, по нашему намерению, неуместны, ибо оное простирается больше, чтобы показать древних родоначальников нынешнего российского народа, в которых скифы не последнюю часть составляют. Рассуждая мидские войны и смешения со скифами, ясно понимаем, что уже



С. Иванов. Торг в стране восточных славян



Н. Рерих. Сооружение древнего русского города

и тогда чудь со славянами в один народ по некоторым местам соединилась. После того в первые христианские времена и в средние веки еще много больше меж ними совокупление воспоследовало, чему прилагаются некоторые здесь примеры. По всем историографам известно, что гунны вышли из Азии от стран, к Каспийскому и к Северному морям прилежащих, то есть из Сибири и из земель, Каспийским и Черным морями включенных. Довольно явствует из Прокопия [книга 4, гл. 3.⁴⁰], который пишет, что около гор Кавказских живут гунны, нарицаемые сабиры, и другие племена гуннские. В Сибири издревле жители были чудского поколения: ибо татары не так давно в ней поселились, по большей части с царем Кучумом, во времена великого государя царя Иоанна Васильевича. Остяки и прочие там старобытные чудские обитатели в стороны уклонились.

В Дагестане, близ Дербента, есть, как рассказывают, и поныне народы чудского поколения, называемые авари. Из сих мест вышел, гунны именовались разное: гунны, авари, по-русски угры и обри [Нестор, лист 5 об. и 6406 года], прогекли, во-первых, чудские в севере и славенские поселения, достигли через Дунай вовнутрь Греции и по многих войнах и нахождении в Паннонии, или в Венгрии, поселились. Итак, педивно, что в венгерском языке весьма много слов славенских; и потому древний их чудской

язык весьма много изменился между славянами и, наконец, ради великого смешения с греками, а паче с турками, с которыми они издавна в соседстве жили и часто у историков за один народ почитались [Мураторий, в Смешанной истории, т. I, с. 110.⁴¹]. Нашествие их жестоко чувствовал Славенск [Новгородский летописец], что ныне Великий Новгород, который от угров белых, обитавших в сибирских пределах, в Югорской земле, разорен и в конечное запустение был положен, ибо весьма вероятно, что новгородцы и сами в их сторону досягали купечеством и войною. Сие видно по великому и древнему торгу, описанному у западных старинных авторов [Голмолд, кн. I, гл. I], который происходил дорогами мехами.

Итак, может быть, сие нашествие угров было отчасти из зависти к новгородцам за вступление их в сибирские края для корысти, отчасти для утеснения угров от восточных татарских народов, которые тогда начали приходить в силу и на запад простираться. При сем случае, чаятельно, немалое смешение славян учинилось с угорскою чудью. Потом, паки по обновлении Славенска, после преименования Новым городом и по принятии князей варяжских на владение, славяне усилились и чудь утесняли, отгоняя их с мест или в соединение принимая. Сие на востоке; на западе с варягами происходило подобное смешение и соединение.

Глава 7

О ВАРЯГАХ ВООБЩЕ

Несправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись — обыкновенным тогда по морям разбоем. Ибо за тысячу лет не ставили в стыд и владеющие государи обогащаться таковым хищным промыслом, который на Балтийском море едва около двенадцатого столетия из обычая вышел.

Какого происхождения сие имя, о том имеем немало сомнительных догадок. Но всех справедливее быть кажется, что производится от общего речения всем северным народам. Не токмо шведы, норвежцы, исландцы и славяне, но и греки тоже одно слово употребляют в исторических книгах [Стурлезон, в разных местах; Кедрин 1034 года.⁴²]. И Перинскиольд, переводя на русский язык Стурлезонову историю о королях северных, называет варягов по большей части так же, как по-исландски, варингами⁴³, или, по-латыни, северными солдатами; из чего уже следует, что они не были только одни шведы, как некоторые думают, ибо в сем случае употребил бы историк конче собственное их имя, а особливо, описывая их дела под предводительством королей шведских, именовал бы их хотя в одном месте шведами, чего, однако, нигде не видно.

Готические и другие северных народов походы на Рим и на Грецию довольно известны с военными славными делами, что шведские историки приписывают по боль-

шей части своему народу, однако весьма несправедливо. Ибо видим, что во многих военных предприятиях от севера главные военачальники были славенского народа, как Одоацер, Радегаст и другие, и сам, как видится, Рима победитель Аларик. Посему, без сомнения, между готами множество славян купно воевали. Подобным образом и по морю громить обыкшие варяги, того же севера жители, разнились родом, военными поведением согласовались. В Грецию ходили реками и сухим путем в службу императоров константинопольских. Воевали по Архипелагу, по Средиземному морю даже до Африки, откуда произошли и служили великим князьям российским африканы, знатных некоторых здешних фамилий прародители.

Проходя славенскими и чудскими областями, варяги особое пристанище и жительство избрали в Киеве и сокровища прятали в тамошних пещерах еще задолго прежде создания монастыря Печерского [Патерик Печерский в Житии св. Феодора и Василия.⁴⁴].

Разность сих народов ясно показывает и сомнение разрешает Нестор, летописатель российский, поименно называя варягов, готов, англов, шведов, нормандцев, россов [6370 года]. На сем твердом основании приступим к особливому исследованию варягов-россов, от которых славенские и отчасти чудские старобытные в нашем отечестве обитатели получили себе общее государей с великим потомством.

Глава 8

О ВАРЯГАХ-РОССАХ

Приступая к показанию варягов-россов, кто они и какого народу были, прежде должно утвердить, что они с древними пруссами произошли от одного поколения [Кромер, кн. 1, гл. 1.⁴⁵]. Сие разумеется не о крыжаках⁴⁶ или нынешних бранденбургцах, но о ста-

рожилах прусских, которые еще и поныне живут рассеяны по некоторым селам в Пруссии и тем же языком говорят, который употребляют литва, жмудь, курландцы, ибо в городах живущие дворяне и мещане суть приезжие немцы, которые теми землями около тринадцатого столетия за-

владели по несправедному папскому благословению.

Западные христианские народы возбуждением Римския церкви предпринимали неоднократно походы, чтоб отнять у магометанцев Иерусалим и прочие святыя места на Востоке, куда собирались многочисленные войска. По многих несчастливых предприятиях, наконец, храбростию Бульонскаго герцога Готфрида завладели Антиохиею и Иерусалимом; но, царство Иерусалимское по осьмидесяти осьми лет ради междоусобных войны потеряв, оставшиеся крыжаки отчасти в Кипре поселились, откуда в следовавшие времена в остров Род, а из Рода в Мальту выгнаны, иде и поныне жительствоуют Святого Креста кавалеры. Иные, возвратясь к Папе, просили у него за потерянные старые жилища в Европе места для поселения, из которых многим даны с землями и доходами замки в Германии, называемые «немецкие дома». Немалую часть благословил Папа своею мнимою над всем светом властью идти в полночь к неверным народам и обращать их к католицкому закону. Итак, дошед до Пруссии, которая тогда от жестоких нападений поляков весьма ослабела, себе оную покорили и, достигнув до ливонской чуди, взяли во владение, о которой российские князи не пеклись, будучи тогда в разделении и междособии.

Что ж вышепоказанные пруссы были с варягами-россами одноплеменны, из следующего явствует. И во-первых, снесение домашних наших летописцев подает уже повод думать о единоплеменстве сих двух народов, именем мало между собою разнящихся. Нестор предал на память, что Рурик призван на владение к славянам из варягов-россов. «Новгородский летописец» производит его от пруссов, в чем многие степенные книги согласуются. И таким образом, россы и пруссы уже оказываются единым народом.

Из внешних авторов Преторий [на многих местах.⁴⁷] довольно знает дает свое мнение, совокупляя руссов и пруссов в одно племя. Положение места тому соответствует [Арнолд, кн. 1, гл. 2]. То ж подтверждает древнее тесное прусское соседство с Россиею, в которой Подляхия и великая часть Литвы заключалась, отчего и поныне Литва

древние российские законы содержит. Восточное плечо реки Немени, впадающее в Курской залив, называется Руса, которое имя, конечно, носит на себе по варягам-россам. Сие все еще подкрепляется обычаями древних пруссов, коими сходствуют с варягами, призванными к нам на владение.

Кромер [С. 43.⁴⁸] о древних пруссах пишет, как они любили в банях париться и в холодной воде после того купаться, что и поныне российский народ охотно употребляет. То ж гласят обряды, которые как у старых пруссов, так и ныне в некоторых пограничных российских провинциях употребляются. Больше всех утверждает единство древних пруссов с варягами-россами почтение одного главного идола по имени, по знаменованию и по обрядам. Перкун прусский был то же, что у россов Перун, которым Олыг клялся грекам при заключении мирного договора [Нестор, 6415 г.] и которого почитал еще в неверии Владимир. У обоих народов значил Перун бога грома и молнии; у обоих жрецы приносили ему в жертву огонь неугасимый и казнены были смертию, когда угасал их небрежением [Вейссель, лист 18, 23.⁴⁹]. Но сии доводы еще сильнее будут, когда покажем, что варяги-россы был главный народ и знатнее, нежели пруссы, которые от них имя себе получили.

Знатные некоторые берлинские ученые люди по справедливости рассуждают, когда, исследуя о происхождении имени пруссов, пишут [Берлинской академии календарь 1702.⁵⁰], что к желаемому своему исканию те ближе всех подходят, которые имя Пруссии из славенского языка производят, то есть из имени *Русь* и предлога *по*. Правда, что они сие думают быть в рассуждении соседства с Россиею, однако по сему равным бы образом и прочие древние российские соседы, как ливонцы, поляки и другие, названы быть могли поруссами или пруссами. Меня многие причины принуждают верить, что сие прозвание дано не по месту, но по времени. И, во-первых, имя россов за полтораста лет прежде известно учинилось, нежели пруссов; для того рассуждаю, что, когда Рурик с братьями, со всем родом и с варягами-россами преселился к славянам новгородским, тогда оставшиеся жители после них на прежних

своих местах поруссами, или оставшимися по руссах, проименованы. Что ж о пруссах больше упоминают северные историки, то происходит также от времени, а преимуществу россов ничего не отнимает. Ибо все оные авторы около четырехсот лет после Рурика и по отъезде россов о северных делах писали и ради того знали на берегах балтийских одних пруссов; о россах имели мало знания. И таким образом, в следующие веки остатки их известнее учинились, нежели сами главные варяги-россы. В утверждение сего следующее служит.

владельцы государи [Саксон Грамматик, лист 11.⁵¹]. Положение места по обстоятельствам кажется, что было от устья полуострова Двины недалеко. Близ Пернова, на берегу против острова Езеля, деревня, называемая Ротала, подает причину думать о старом месте помянутого города, затем что видны там старинные развалины.

Рассудив сие и купно старое разделение Пруссии на Белую, Верхнюю и Нижнюю, довольно можно себе с вероятностию представить, что древних варягов-россов область простиралась до восточных пределов



Курган в Перепятихе

Литва, Жмудь и Подляхия исстари звались Русью [Вейссель, лист 18], и сие имя не должно производить и начинать от времени пришествия Рурика к новгородцам, ибо оно широко по восточно-южным берегам Варяжского моря простиралось от лет давних [Берлинской академии календарь 1702 г.]. Острова Ругена жители назывались рунами. Курской залив слыл в старину Русна; и еще до Рождества Христова, во время Фротона, короля датского, весьма знатен был город Ротала, где повелевали

нынешняя Белая России, и, может быть, и того далее, до Старой Русы, от которых она создана или проименовалась.

Показав единство с пруссами россов и сих перед оными преимущество, должно исследовать поколение, от какого народа обои происходят, о чем наперед мое мнение объявляю, что оба славенского племени и язык их славенский же, токмо чрез смешение с другими немало отделился от своего корени. Хотя ж сего мнения имею сообщников Претория и Гельмолда [на многих мес-

тах], из которых первый почитает прусский и литовский язык за отрасль славянского, другой — пруссов прямо славянами называет, однако действительные примеры сходства их языка со славянским дают их и моему мнению большую вероятность. Летский язык, от славянского происшедший, один почти с теми диалектами, которыми ныне говорят в Жмуди, в Северной Литве и в некоторых деревнях оставшиеся старые пруссы.

Явные свидетельства о сходстве древнего прусского языка найдет, кто, кроме идо-

лов, имена жрецов, волхвов и слова, что в обрядах употреблялись, рассмотрит и грамматическое их произхождение. Прочие помянутого языка отмены извиняются подобием вендского наречия, которое, столько ж от коренного славянского языка по соседству с немцами, как летский по близости с чудским, испортился, отделилось.

Итак, когда древний язык варягов-россов один с прусским, литовским, курландским или летским, то, конечно, происшествие и начало свое имел от славянского как его отрасль.

Глава 9

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И О ДРЕВНОСТИ РОССОВ, О ПРЕСЕЛЕНИЯХ И ДЕЛАХ ИХ

Н е тщетно западные нынешних веков писатели [Преторий в Готическом свете, кн. 2, гл. 1.⁵²] российский народ за роксолан признают, хотя в том у них и нет доказательства, которое я вывожу в следующих.

Аланов и роксоланов единоплеменство из многих мест древних историков и географов явствует, и разность в том состоит, что алане — общее имя целого народа, а роксоланы — речение, сложенное от места их обитания, которое не без основания производят от реки *Раа*, как у древних писателей слывет *Волга*. Плиний [книга 4, гл. 25] аланов и роксоланов вместе полагает. Роксоланы у Птолемея [книга 6, гл. 14, табл. Аз. 7] переносным сложением называются *аланорси*. Имена аорси и роксане или россане у Страбона [Геогр., кн. 11.⁵³] точное единство россов и аланов утверждают, к чему достоверность умножается, что они обои славянского поколения были, затем что сарматам единоплеменными от древних писателей засвидетельствованы и потому с варягами-россами одного корене.

Сие преселением их к варяжским берегам, как следует, обстоятельнее означится. Вейссель из Богемии наводит, что от востока в Пруссию пришли амаксавии, алане, венды⁵⁴. Об аланах и вендах из вышепоказанных известно, что они славяне и с россанами единоплеменные. По Гелмолдову свидетельству [книга 1, гл. 52.⁵⁵], алане бы-

ли смешаны с курландцами, единоплеменными варягам-россам ругенские славяне назывались сокращенно *фанам*, то есть с реки Ры (Волги), и *россанами*.

А как сей народ на помянутом месте весьма размножился, произошли великие споры. Для прекращения оных выбран королем Видевит, или Вейдевут, из алан, для знатности и разума и по предложению от него к народу таковая речи [Преторий, кн. 2, гл. 2.⁵⁶]: «Когда бы вы пчел самих слепее не были, то бы споры ваши давно скончались. Домостройные в прочем люди, довольно знаете, что пчельному рою один владетель повелевает, прочие внимают послушанию. Он один каждому труды разделяет: ленивых и к делу неспособных выгоняет из улья, как из гражданского общества; прочие пчелы в назначенных трудах обращаются прилежно; не дают себе покоя, пока работы своей в совершенстве не увидят. Сие, что по вся дни перед глазами своими примечаете, благодарным подражанием употребите в свою пользу. Назначьте себе государя, которого повелительству поручите свою вольность. Пусть он судит ваши распри, отвращает обиды и убийства, защищает правду и печется о всеобщей безопасности. И дабы сие производить мог прямо по должности, дайте ему полную власть живота и смерти над всеми». Сею речью преклонясь, знатнейшие нарекли его своим государем и объявили всенародно. Вейдевут принял на себя



Карта Русской земли в IX веке

притом чин верховного жреца, положил в народе порядок и в будущие времена узаконил, чтобы после смерти его наследник был в летах престарелых, сановит благочестием и знающий дела священственные.

Таковое преселение алан волжеских, то есть россан, или россов, к Балтийскому морю происходило, как видно по вышепоказанных авторов свидетельствам, не в один раз и не в краткое время, что и по следам, донныне оставшимся, явствует, которыми городов и рек имена почесть должно.

Рось-река, от западно-южной стороны впадающая в Днепр, и другие того ж имени воды в российских пределах, а особливо город Старая Руса, доказывают бывшие в

древность жилища россов, преселившихся от Волги к западу, которые по своему имени новые поселения называли, как и восточное плечо реки Немени проименовали, наподобие других пресельников, Русою; как, например, от Волги назвались болгары дунайские, Троя, Антенором созданная на берегу Адриатическом — во имя прежнего отечества, также новая Ишпания, Франция, Англия и другие новые преселения, и в самой славенской Померании новые Римы.

Длугош свидетельствует [смотри в *Кромере*, с. 42.⁵⁷], что во время междоусобной войны Юлия Кесаря и Помпея некоторое число римлян, оставив Италию, на южных берегах варяжских поселились и создали

город, проименовав его Ромово, который долго там был столичным. Из польского летописца Матвея Меховского [смотри в *Вейсселе*, лист 18.⁵⁸] согласный сему довод имеем, что в Пруссию преселилось много римского народу и разделилось по Пруссии, Литве и Жмуди. Знатнейшие места, где идолов почитали, по своему отечеству Ромовы называли. Итак, весьма недивно, что в остатках древнего прусского языка, то есть в употребительном в некоторых прусских деревнях, также в Курландии, Жмуди и Лит-

народов; роксолане, разбив часть римского войска, ворвались в Мизию. Разными римлянам оказанными примерами своего мужества голь сильными почитались, что от Римского государства содержались на деньгах, дабы оное защищали от нападения варварских народов, и, как при Адриане-кесаре наемные деньги их умалились, против римлян сильно вооружились, что уведав, Адриан удовольствовал их в требовании и тем успокоил [Спартиан в Житии Адриана кесаря, гл. 6.⁶¹].

DES GOTHES, ET DE LEVR CRVAVTE.



Изображение готов со старинной французской надписью над ним:
«О готах и их жестокости».

Из «Космографии Себастиана Мюнстера», издания 1550 года

ве, весьма много вмешано слов латинских, с коими готские от сообщества с нормандцами и ливонские по соседству великую произвели в нынешнем наречии отмену.

Вначале о славянах показано, что они от востока, из Азии в Европу, на запад в разные времена разными дорогами преселились; то же явствует из вышеписанного и следующего о россах, славенских варягах. В Азии роксоланы не обинулись стать противу военачальников храброго на Востоке царя Митридата Евпатора [Страбон, кн. 7, с. 212.⁵⁹]. Но два столетия едва минуло, оказали свою силу и мужество на Западе.

Когда Отгон Сильвий возведен был на высочайшую степень в Римском государстве [Тацит, кн. 1, гл. 79.⁶⁰], воспоследовали великие междоусобные несогласия и кровопролития и уже не было времени смотреть на обстоятельства и движения внешних

Имя роксолан по сем времени писателям среднего веку известно было купно с гетами, или готами. Ерманарик, король остроготский, за храбрость свою по завладении многими северными народами сравнен был от некоторых с Александром Великим, имел у себя войско роксоланское и за свирепство от роксолан лишен жизни [Иорнанд, гл. 24.⁶²]. Сониль, или Сонильду, знатную роксоланскую женщину, велел разорвать лошадьми за побег мужа. Братья ее, Сар и Амий, отмщая смерть сестрину, Ерманарика в бок прокололи; от раны умер ста десяти лет. Хотя ж россаны по большей части в полуночные страны уклонились и со сродными себе аланами, как по вышеписанному видно, у берегов Балтийского моря поселились, однако оттуда с готами в Италию ходили и назывались от историков аланами, сциррами и ругиянами.

Радегаст, славянин именем, родом ружанин, нашествием своим с великим войском произвел несказанный страх в Италии и в самом Риме внутренний бунт между христианами и неверными [Иорнанд о наследии, с. 239.⁶³]. Аларик, Рима победитель, почитается от Претория [Иорнанд и Прокопий на разных местах] за ружанина, затем что Прокопий одного острова жителей готами именует и что готы к избранию ружанских князей в свои короли склонны были⁶⁴. В пример служат, кроме Радегаста и Аларика, готские короли из Ругии — Губа, Гумулх, Иллибалд, Видомир, также Одоацер, который с турцилингами, сцирами и герулами напал на Италию, Августула-кесаря со владения свергнул, и его падением Римская империя разрушилась. Всего геройства в Италии южных варягов

описывать пространно не позволяет место, и разные их проименования скрывают точно принадлежащую им военную славу, которая в Греции была больше ведома.

Константин Порфирогенит, царь греческий, в «Администрации» пишет, что россы издревле даже до Египта ездили морем. Итак, недивно, что Нестор называет Черное море Росским для частого россом по нему хождения. За обыкновенность сих варягов ходить на римские области явствует из многократных военных нападений на восточную часть оныя, то есть на Грецию и на самый Царыград, которые походы от начала первых князей российских продолжались даже до первого разделения Российския державы на разные княжения, что в следующей части довольно окажется в обстоятельном описании.

Глава 10

О СООБЩЕСТВЕ ВАРЯГОВ-РОССОВ С НОВГОРОДЦАМИ, ТАКЖЕ С ЮЖНЫМИ СЛАВЕНСКИМИ НАРОДАМИ И О ПРИЗЫВЕ РУРИКА С БРАТЬЯМИ НА КНЯЖЕНИЕ НОВГОРОДСКОЕ

Поколения славенские в южной части означены выше сего; между ними знатнее прочих были поляне, не столько военными делами, как торгами, которые производились с греками, жившими издревле в великих, ими населенных городах, по Днепру: имена их Олбия, или Бористенополь, Атодона, Зарум, Азагорие [Геродот, Страбон, Птолемей на разных местах]. Славяне жили обыкновенно семьями рассеянно, общих государей и города редко имели, и для того древняя наша история до Рурика порядочным преемничеством владетелей и делами их не украшена, как у соседей наших, самодержавною властью управляющихся, видим. Шведы и датчане, несмотря что у них грамота едва ли не позже нашего стала быть в употреблении, первых своих королей прежде Рождества Христова начинают, описывая их домашние дела и походы.

Кий, Щек и Хорив, создатели городов славенских в полянех, а особливо Киева,

как видно из Нестора, были по случаю особливою знатности или храбрости над оными главные повелители, но и тех власть скончалась без потомственного наследства. И хотя южные славяне хазарам, как северные варягам, дань давали, однако без монархии почитали себя вольными, что весьма тому дивно не покажется, кто рассудит закоренелое прежде упрямство славян новгородских противу самодержавной власти московских государей. Кий, может быть, усилился, ходивши, по примеру других северных народов, военачальником на Грецию, как объявляет Нестор, защищая его, что он не был перевозчик, как некоторые тогда говорили.

Изю всего сего явно, что к приведению наших славян под самодержавство необходимо нужен был герой с храбрым народом, приобыкшим добровольно повиноваться, каков был Рурик с варягами-россами.

Оскольд и Дир в полянех самодержавство начали, которое потом Ольгой укреп-



К. Бааде. Родина варягов

пилось. Христианская вера завелась там еще прежде сих князей от варягов-россов, ходивших к Царюграду ближайшим путем, Двиною мимо Полоцка, который между самыми древними городами славянского северного обитания считаться должен [Саксон Грамматик, кн. 2]. Оскольд едва и сам не крестился ли в Греции, затем что в Киеве построена была издревле над ним церковь святого Николая. Притом же Кедрин свидетельствует, что из первых россов, приходивших войною к Царюграду, по своему несчастью многие приняли закон христианский.

На севере новгородцы, по разорении от угров и по великой моровой язве собравшись, предводительством и правлением благоразумного старейшины Гостомысла

[Новгородский летописец.⁶⁵] приведены были в цветущее состояние. После смерти его давали дань варягам и, как видно из Нестора, были от них некоторым образом управляемы, ибо, говорит он, что пришли варяги за данью. Новгородцы им отказали и стали сами собою правительствовать, однако впали в великие распри и междоусобные войны, восстав один род против другого для получения большинства. Наконец, по завещанию Гостомыслову согласясь между собою и купно с чудскими ближними народами, выбрали и призвали Рурика с братьями к себе на княжение, сказав: «Земля наша велика и всем изобильна, одного только лишена — суда и расправы, который вы утвердите» [6370 г.]. На сие прошение едва они



В. Васнецов. Привлечение князей

преклонились, ведая их непостоянство и с грубостью соединенное своеволие.

О породе сих князей согласно с Нестором рассуждает Преторий [Свет Готический, кн. 2, гл. 2.⁶⁶]: «Конечно, они не из Дании или из Швеции были приняты, затем что языка, обычаев и обрядов различие и места расстояние сему не позволяет верить, но призваны из соседей: думаю, из Пруссии и с ними сообщенных народов, которые соединением составили великое государство».

Истина сия, кроме многих других доказательств, явствует, что нормандские писатели, конечно бы, сего знатного случая не пропустили в историях для чести своего народа, у

которых оный век, когда Рурик призван, с довольными обстоятельствами описан.

Заключая сие, должно мне упомянуть о происхождении Рурикове от Августа, кесаря римского, что в наших некоторых писателях показано⁶⁷.

Из вышеписанных видно, что многие римляне преселились к россам на варяжские береги. Из них, по великой вероятности, были сродники коего-нибудь римского кесаря, которые все общим именем Августы, сиречь величественные или самодержцы, назывались. Таким образом, Рурик мог быть коего-нибудь Августа, сиречь римского императора, сродник. Вероятности отрещись не могу; достоверности — не вижу.

Конец первой части



Часть II

ОТ НАЧАЛА КНЯЖЕНИЯ РУРИКОВА ДО КОНЧИНЫ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО

Глава 1

О КНЯЖЕНИИ РУРИКОВЕ И О ПРОЧИХ КНЯЗЯХ И ВЛАДЕТЕЛЯХ, ПРИЗВАННЫХ ИЗ ВАРЯГ-РОССОВ

Рурик, самодержавства российского основатель и праотец многих государей, по прошению славян и чуди пришел к ним на княжение с двумя братьями, со всем родом и с варягами-россами [Нестор 862 г.]. К пребыванию сперва избрал Ладогу, хотя новгородские славяне были главные его просители и великость города больше приличествовала к столице. Посему кажется, что Рурик на слове их не совсем утверждался, ведая происходившие между ними межусобия. Ладога для всегдашнего проезду славян, варягов и чуди удобность подавала примечать движения недоброхотов его в Новгороде. Середний брат Синеус сел княжить на Беле-озере; меньший, Трувор, — в Изборске.

Таким образом, по единой крови и по общей пользе согласные между собою государи, в разных местах утвердись, шатающиеся разномысленных народов члены крепким союзом единодушного правления связали. Роптать приобыкшие новгородцы страшились Синеусова вспоможения Рурику, ибо он обладал сильным белозерским

чудским народом, называемым весью. Трувор, пребывая в близости прежнего жилища, скоро мог поднять варягов к собственному и братьей своих защищению. Итак, имея отовсюду взаимную подпору, беспокойных голов, которые на избрание Рурикова не соглашались, принудили к молчанию и к оказанию совершенной покорности, так что, хотя Синеус по двулетнем княжении скончался и Трувор после него жил недолго, однако Рурик в Великий Новгород переселился и над Волховым обновил город.

Единоначальствуя над многими землями, роздал боярам своим города и области для управления и отпустил их с роды своими и со многими россами, особливо ж в Полоцк, в Ростов и на Бело-озеро, дабы россы, соединясь со славянами и с чудью, один народ составили и тем бы укрепили общую тишину с его владением.

Видя Руриков разум и мужество, некто знатный новгородец, именем Вадим, человек, склонный к общенародному прежнему владению, и сам желал быть, по-видимому, в том участником или еще и главным, совето-



вал с единомышленниками своими, как бы избыть от русской власти [Новгородский летописец]. И, уповая на свою у новгородцев важность и на сообщников, говорил не закрытно, что Рурик пришел привести их руссам в рабство и в роды родов утвердить самодержавство. Услышав сии возмутительные речи и узнав умышление, Рурик Вадима с главными сообщниками предал смерти.

И так иных грозою к боязни, иных властью к послушанию, иных правосудием и милостию к люблению приведши, на владении утвердился непоколебимо.

Державе его тогда покорны были от славянского языка: Новгород, Изборск и Полоцк; из чудского народа: меря, весь и мурома, то есть Ростов, Бело-озеро и Муромская земля. Южные славяне, как поля-



М. Тихонов. Набег Аскольда на Царьград

не, кривичи, древляне, северяне и прочие, отчасти своими старейшинами управлялись, отчасти дань платили хазарам. Северные славяне от новых своих владельцев прозвались россами.

Пришли из варяг с Руриком двое знатные бояре — Осколд и Дир, которые в покое жить не обыкли, но любили всегда в военном деле упражняться. Сии просили, чтобы отпустить их с родом и с людьми своими к Царюграду поискать войною большего счастья. По уволении предприняли путь по Днепру вниз судами. В Полянской земле на горе увидели город и там живущих спросили, кому он подвластен? На сие от жителей ответствовано, что три брата — Кий, Щек и Хорив — построили сей город во имя старшего и уже их не стало. Жители платят дань хазарам. Осколд и Дир поселились в Киеве, присовокупили к

себе множество варягов и начали княжить над полянами, не завися от Рурика.

Утвердясь на владении, собрали войско и пошли на Царьград во время Михаила-царя, в четвертоенадесять лето его державы [Нестор, 866 г.]. Будучи сей государь в походе против агарян у Черной реки, по вести, данной от епарха, в Царьград возвратился. Осколд и Дир, приставши к берегам греческим в двухстах судов и разорив окрестные места многим убийством, обступили город, и сам царь пробрался в него с нуждою. Вшед во Влахернскую церковь с патриархом Фогием, слушал молебства во всю ночь. Ризу Богоматери с пением вынеся на берег, в воду погрузили в тихое время. Внезапно поднялась великая буря и росские суда, пригнав к берегу, разбила. Осколд и Дир, потеряв великое множество войска, с немногими остатками возвратились в Киев.

Глава 2

О КНЯЖЕНИИ ОЛЬГОВЕ

Державствовал семнадцать лет в Новгороде, Рурик спокойно достиг кончины [879 год]. Умирая, поручил сына, еще младенца, Игоря и с ним княже-

ние сроднику своему Ольгу. Сей по смерти его, желая умножить наследство Игорю и соединить единого племени славенские народы под едино владение, собрал войско из

варяг; славян и чуди, взял некоторых кривичей и с ними пришел к Смоленску, город покорил себе с Кривическою землею и посадил своих правителей. Оттуда по Днепру вниз пустившись, взял Любеч и правление поручил своим воеводам. Приблизясь к Киеву, где Осколд и Дир княжили, скрыл в судах часть войска, назади оставил дружину. И как подплыл под Угорское близ Киева, послал к Осколду и Диру с вестию, что идут купцы в Грецию от Ольга и от Игоря, для того бы они повидались со своими одородцами.

Осколд и Дир, не имея никакого подозрения, пришли к судам с малым числом людей с тем, может быть, намерением, чтобы проезжих сих приласкать и присоединить к жителям киевским. Внезапно закрытые в судах выскочили с ружьем и окружили Осколда и Диру. Тогда Олег, показав Игоря, объявил: «Сей есть сын и наследник Руриков; вы не княжеского рода, и княжить вам не должно». И тут по повелению Ольгову Осколд и Дир убиты. Тела их взнесены на гору, что называется Угорское. На Осколдовой могиле поставлена потом церковь святого Николая; Динова могила — за святою Ириною.

По смерти их сел Олег на княжении в Киеве и нарек столицею всех городов, обладаемых россами. И сим именем прозва-

лись поляне и прочие окрестные славяне его владения.

Олег, радея о благосостоянии себе порученных народов, начал строить города и устанавливать порядочные дани. Во-первых, варягам-россам на содержание учредил, чтобы новгородцы платили по триста гривен на год, что действительно производилось до смерти великого князя Ярослава Первого. На кривичах и на мерях также дань была положена. Потом воевал Олег древлян и с диким сим народом поступал жестоко, дань положил на них тяжкую, по черной кунице с дыму. Северяне и радимичи данники еще тогда были хазарские, того ради Олег ходил с войском для освобождения северян и положил на них дань легкую. Радимичи чрез посланных от него пришли в подданство и стали платить дань по шелегу, по чему прежде давали козарам. Привед под власть свою кривичей, любчан, полян, древлян, северян и радимичей, воевал на суличан и на тиверцев.

Около сего времени шли угры мимо Киева чрез место, что ныне называется Угорское [898 год]. При Днепре стояли вежами. Поход их был подобен половецкому. Между тем Игорь пришел в мужество, ходил на войны под Ольгом, и народ начал показывать ему послушание. Потом соче-



«... И вынесоша ему брашна и вино, и не прия его; бе бо устроено се отравою. И убожася Греце и рекоша: “Несть се Олег, но святой Димитрий, послане на ны от Бога!” И заповеда Олег дань даяти на 2000 кораблей, по 12 гривне на человека, а в корабли по 40 мужей...»

Из Кенигсбергской летописи

тался супружеством с Ольгою, приведенною от Пскова [903 год].

Уже полагая на Игоря надежду в правлении государства, Олег принял намерение идти на греков. Того ради набрал великое войско из варяг, славян новгородских, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев и чуди. Киев поручил Игорю; пошел под Царьград по сухому пути конницею, по воде на двух тысячах мелких судов. Греки, услышав его приближение, узкий проход из Черного моря заперли и в городе затворились. Тогда по выходе с моря на берег устремилось войско Ольгово на грабление, по

от них по двенадцати гривен на человека. Всех было восемьдесят тысяч, по сорока на судне. На требование согласились, просили мира и прекращения разорительных военных действий.

Олег, огошед мало от города, начал вступать в мирный договор со Львом и Александром, греческими царями [Нестор, 907 г.]. Для сего послал к ним вельможей, которые с греками согласились, дабы, сверх положенных двенадцати гривен на каждого человека, платить дань в каждую полгода на российские города: во-первых, на Киев, потом на Чернигов, на Переяславль, на Полоцк, на Ростов, на Любеч и на иные, в ко-



«...И повелел Олег воем своим колеса изделати и возставити корабли на колеса; и бывшую покосну ветру, усяща пре с поля, и идяше по городу. Видевше же Греце убояшася...»

Из Кенигсбергской летописи

древнему военному обычаю многие дома и церкви расхитили, пожгли, людей иных порубили, иных вешали, иных в воде топили и мучили разными томлениями. Потом повелел Олег воинству своему сделать колеса и суда на них поставить. Вегр восстал способный и, надув парусы, понес их к стенам цареградским. Греки пришли в великий ужас, сие увидев, и с молением к нему послали, дабы не разорил города, но взял бы дань по своему желанию. Олег велел войску остановиться. Из города вынесли навстречу разные пищи и вина; но не приняты для опасности от яду. Греки в страхе и удивлении говорили: «Не Олег на нас воюет, но святой Димитрий послан от Бога для нашего наказания». Дани потребовано

торых великие князи под Ольгом владели; приходящих россиян за данью довольствовать по желанию их пищею и напитками; для возвратного пути давать довольное пропитание и потребные якоря, верви и парусы; за шестимесячную данью не приходить россиянам без торгу и товаров; дабы князь запрещал им словом своим в селах наносить обиды; и с приезде стоять у Святого Маманта, пока по царскому повелению всех поименно не перепишут; в город входить по пятидесяти человек в одни ворота безоружным; за продажу и покупку товаров не платить пошлины.

Сей договор цари крестным целованием утвердили. Олег клялся по российскому тогдашнему закону своим оружием и бога-

ми Перуном и Волосом, скотским богом. И так с обеих сторон мир утвердили. Олег повесив свой щит на воротах царьградских в знак победы, с великою корыстию в Россию обратно морем пустился. Россам велел поднять парусы паволочные, славянам — кропишные. С таким великолепием, со множеством богатства и узорочных вещей, достиг Киева. От простого и суеверного народа прозван чародеем, что дела его почитались невозможными человеку.

По четырех летах являлась комета на западе наподобие куста⁶⁸. Около того же времени послал Олег вельможей своих в Грецию для подтверждения прежнего ми-

когда оных не будет, присягать челобитчикам; когда убьет грек россиянина или россиянин грека, за то казнить убийцу смертию на месте, где учинено убийство; когда ж убежит убийец, взять ближнему убиенного сроднику имение и жену убийцеву; ежели убийец беден и скрылся, то обождать, пока сыщется и казни предан будет; за уязвление и побои платить пять лигр серебра по российскому закону, но кто скуден, повинен отдать все, что может, и то платье, кое на себе носит, и присягнуть, что чем платить больше не имеет и никто ему не дает помощи; по сем далее не искать; буде россиянин грека или грек россиянина на



Русские прибавляют свои щиты к воротам Царьграда.

Рисунок художника Ф. Бруни из «Очерков событий по Российской истории М. Резваго»

ра и установления купеческого договора к царям Льву и Александру [Нестор, 911 и 912 гг.], которые согласились и на том утвердились: дабы между россиянами и греками пребывали мир непоколебимый и любовь бесподозрительная; не подавать друг другу повода к нарушению согласия, но хранить оное непревратно всегда и во все будущие лета; в судах дела между обоими народами решать по до- казательствам, но,

воровстве застанет и убьет, того на нем не взыскивать и украденное обратно взять позволяется; буде ж вор без обороны в руки отдастся, взять с него украденное втрое; взятое насильством также возвращать втрое; ежели греческое судно принуждено будет к берегу, где россияне, то проводить оное в место безопасное и подавать помощь; равным образом и греки должны спомоществовать россиянам, пригом, ежели убийст-

во или насилие учинится, поступать по установленному выше; буде случится россиянину видеть в чужой земли полоненного грека или греку россиянина, выкупить оного и отпустить в свою землю, получив данную за него цену, или цену вменить в дань; подобным образом выкупать и военнопленных и возвращать в свою их землю, получая за них данный выкуп; полоненных из вспомогательного войска, коего бы они государства ни были, выкупать по двадцати золотых; россиянам беглых своих или украденных и насильно проданных рабов брать от купцов по челобитью и по признанию рабскому; купцам беглых своих рабов искать по челобитью и брать найденных; кто у себя не даст обыскивать, виноват будет; когда кто из россиян, греческому царю служащих, умрет, не расположив своих пожитков и не имея ближних сродников, то отдать оное в Россию дальним родственникам; буде ж при

смерти назначит наследников, тем отдать его имение. Злодеев, убегших из Греции в Россию или из России в Грецию, возвращать в свою землю неволею.

Сие все с обеих сторон взаимными письменными договорами утвердили; греки целованием крестным, россияне по своему закону присягнули, дабы не переступить ни единой черты от положенного и утвержденного согласия; что совершено 912 года в сентябре. Царь Леон почтил послов российских многими дарами и повелел вельможам своим показать им красоту церковную и палаты, украшенные золотом, наполненные многим сокровищем и драгоценными камнями, притом Страсти Христовы и мощи святых, дабы они, сие видя, к вере христианской склонились и, тою соединясь, с греками в мире и в тишине пребывали. По возвращении в Россию объявили послы Ольгу заключение мира, которым довольст-



В. Васнецов. Олег и кудесник



Неизвестный художник. Портрет М. В. Ломоносова



А. Кившенко. Ломоносов показывает Екатерине II в своем рабочем кабинете
собственные мозаичные работы



В. Васнецов. Олег и змея

вуюсь, пребывавал прочее время своей жизни в покое.

О смерти его дивное осталось повествование, вероятность по мере древности имеющее. Прежде войны на греков спросил Олег волхвов, от чего ему конец жизни приключится. Ответ дали, что от любимого своего коня умрет. Для того положил он никогда на него не садиться, ниже к себе приводить, но поставить и кормить на особливом месте. Возвратясь из Греции по четырех летах, во время осени об оном вспомнил. Призвал старейшину конюхов и, жив

ли оный конь, спросил. Услышав, что умер, волхвам посмеялся. «Аживы,— сказал,— все ваши гадания: конь мертв, а я жив; хочу видеть кости его и вам показать в обличение». Итак, поехал на место, где лежали голые кости, и, голый лоб увидев, сошел с коня, наступил на него и молвил: «От того ли мне смерть быть может?» Внезапно змея, из лба выникнув, в ногу ужалила, от чего разболелся и умер, княжив тридцать три года. Весь народ много о нем плакал. Погребен на горе Щековице, и могила его видна была во время летописателя Нестора.

Глава 3

О КНЯЖЕНИИ ИГОРЕВЕ

По смерти Ольгове полную власть княжения Игорь принял [913 год]. Тогда древляне, уповая избавиться от русского подданства в новое княжение, от него отказались и в городах затворились. Однако надежда их была тщетна и предприятие бесполезно. Храбростию Игоревую побеждены и приведены в послуша-

ние, по принуждению платили за свое преступление дань больше прежнего.

В сие время печенеги пришли впервые на Российскую землю, учинили мир с Игорем и прошли к Дунаю [915 год]. Симеон, король болгарский, вел войну тогда с греками и воевал Фракию. Греки наняли печенегов; но воеводы их, пришед с ними в несо-



Великий князь Игорь.
Из Царского Титулярника

гласие, принудили их отступить и возвратиться в свою землю. Симеон, победив греков, взял Адрианополь.

Игорь, собрав войско, пошел к Царю-граду [941 год]. Болгаре о том весть царю подали, что россы на него идут в судах десять тысяч. Пристав к берегам Малой Азии, российский князь воевал Вифинию, Пафлагонию и Никомидийскую землю до Ираклии. В сие нашествие россиян на греческие области учинены великие грабленія и разорения церквей и монастырей; люди многие посечены, расстреляны и вбитыми гвоздями в голову умерщвлены бесчеловечно. Потом с греческим войском пришел от востока Панфир Демественник, имея сорок тысяч, Фока Патрикей с македонянами, Федор Стратилат с фракиянами и купно другие знатные вельможи и россиян отвсяду окружили. Но они, совещавшись, учинили с греками сражение, и по ярой и долговременной сече едва греки преодолели. Оставшие россияне ввечеру к находящемуся у берегов войску возвратились, вошли в ладьи и пустились в море. Феофан, воевода греческий, вышел к ним навстречу, пустил трубами огонь на ладьи

российские. От страшного сего чуда и от загоревшихся судов бросались многие в воду, и все принуждены были спасаться бегством. Возвратясь в отечество, Игорь тем победу себе отняту быть сказывал, что греки на войско его пускали огонь, молнии подобный.

Однако, желая мщением защитить свою славу, отправил послов к варягам за море, побуждая их воевать против греков. Итак, собрал множество войска: россиян, варягов, полян, славян, кривичей, тиверцев и нанял печенегов, взяв от них аманатов. С оным войском пошел на греков морем и землею [944 год]. Услышав сие, корсунцы послали весть к Роману-царю, «что идет на него бесчисленное войско, и суда покрыли море». Также и болгаре уведомили греков, что идет Игорь сухим путем и нанял печенегов. Роман, сие слышав, послал к Игорю с дарами и с прошением, чтобы не ходил воевать земли Греческой, но взял бы дань, которую прежде брал Олег, и еще с прибалвлением. Также и к печенегам послал шелковые поставки в дар и много золота. Игорь, достигши Дуная, созвал своих военачальников, сказал цареву посольство и стал с ними советовать. Тогда все согласно предлагали: «Когда царь так просит, чего нам желать больше? Без кровопролития получим серебро и золото и шелковые поставки. Кто знает, кому будет победа? и кто с морем договорился, чтобы не взволновалось? Не по земли, но по глубине морской ходим, где всяк скорой подлежит смерти». Сего совета послушав, Игорь печенегам велел воевать Болгарскую землю. Сам, взяв от греков шелковые поставки, серебро и золото на все свое войско, в Киев возвратился.

По сем греческие цари — Роман, Константин и Стефан — прислали послов своих к Игорю для заключения и совершения прежнего мира [945 год]. Игорь, говорив с ними о союзе, послал бояр своих в Грецию. Роман, по совету сановников, с российскими послами поставили мир в следующих статьях: «Великому князю российскому Игорю и всем, стоящим под его рукою, быть в мире непоколебимом с цари греческими — Романом, Стефаном и Константином — вечно, доколе солнце сияет и весь мир стоит, и кто тишину нарушит помыслит, христианин да



Бой русских с греками под Царьградом

примет мечь от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в сей век и в будущий, некрещенные, да не имут помощи от Бога и от Перуна, да не возмогут защититься щиты своими, да посечены будут мечами своими, да падут всяк от своего оружия и да пребудут рабы вовеки. Великому князю Игорю и боярам его отпустить в Грецию судов сколько угодно с послами и с купцами, и, как узаконено, послам носить печати золотые, а купцам серебряные. В грамотах объявлять число кораблей. Без грамоты приехавших держать за сторожами до уведомления российскому князю; противников убивать, не опасаясь взыскания, а о беглецах отписывать князю, с коими поступать ему по своей воле. Когда россияне придут без купечества, то им не брать помесячных сборов по запрещению княжескому, не бесчинствовать в селах страны Греческой и жить в приходе у Святого Маманта. Приехавших переписывать всех поименно, и тогда пускай берут купцы свое помесячное, а послы — дань на Киев, Чернигов и Переяславль и на прочие города. Для торгу в город входить по пятидесяти человек, одними воротами, за царскими приставами, и буде кто — россиянин или грек — учинит неправду, то они должны давать управу. Россияне, входя в город, не делали б обиды и паволок не покупали б выше пятидесяти золотых. Купленные товары показывать приставу, который, запечатав, отдать им должен. При отъезде брать рос-

сиянам на дорогу съестные товары и что потребно для судов снасти, как прежде сего установлено, и провожать их с прикрытием греческим, а у Святого Маманта зимовать не позволяется. Ежели раб бежит от россиян к грекам и сыщется, взять его обратно; буде же не сыщется, то платить за него по присяге две паволоки, как установлено прежде. Ежели беглец ушел и взял снос, а по возвращении будет цел, должно платить два золотых. Когда россиянин у грека или грек у россиянина покусится что отнять, наказан будет весьма жестоко, а буде действительно отнимет, должен возвратить вдвое, то есть украденное в целости и приложить к тому деньги, чего оное стоит; а когда украденное будет в продаже, отдать двойную це-



Князь Игорь

ну и татя наказать по законам российским и греческим. Пленников выкупать молодых мужчин и девок взрослых и добрых по десяти золотых, за середовичев по осьми, по пяти за старых и малолетних. Когда найдется россиянин в рабстве у грека как пленник, давать за него выкуп по десяти золотых; буде же он греком куплен, заплатить ему данную цену. Российским князьям не воевать земли Корсунской и не иметь над ней никакой власти, ибо она состоит под Греческою державою. А когда российские князи воюют другие страны, тогда греки должны вспомогать потребным числом войска. Когда найдут россияне судно греческое, выкинутое на берег,

го бы оно не обидели. Буде ж кто обидит или что возьмет либо человека поработит или убьет, тот повинен наказан быть по обеих сторон законам. Корсунцам, ловящим рыбу в днепрских устьях, не делали бы россияне никакой обиды и в устьях бы

к присяге приводили. По их возвращении Игорь, доволен будучи заключением сего мира, взошел на холм к Перуну, положил перед ним оружие, щиты и золото и присягал перед греческими послами, и купно его бояре и воеводы.



В. Верещагин. Клятва Игоря

тех не зимовали, ни в Белобережье, ниже у Святого Елевферия, но возвращались бы на осень в свои дома; и, сверх сего, приходящих черней и болгаров⁶⁹ воевать страну Корсунскую не допускать князям российским. Греков-преступников казнить российские князи не имеют власти, но их оставлять на истязание царям греческим. Об убийствах судить, как положено было в прежнем договоре с Ольгом. Когда случится нужда Греческому царству в войске против сопостатов, то великий князь российский посылать имеет по грамоте требуемое число, из чего уведают иные страны, какую любовь имеют с Россиею греки». По сему договору присягали российские послы Перуном и оружием, а христианский закон принявшие дали присягу в церкви святого Ильи; и царя греческого послы российские

По заключении сего мира княжил Игорь целое лето в покое, который наставшего осенью пресекался [945 год]. Был у него знатный воевода именем Свендельд, которому из особой любви и милости отдал во владение Древлянскую землю, приобретенную и отягощенную данями прежде походов своих на Грецию. Свендельд брал по черной куне с дыму и тем весьма обогатился. Военачальники Игоревы, воевавшие с ним Грецию, тому завидуя, говорили князю, что он подарил толь много одному человеку и служащие Свендельду украшены оружием и платьем, а они наги. Итак, советовали идти к древлянам для собирания дани для него и собственной их корысти. Игорь, послушав совета, пошел с нарочитым войском, дабы еще прибавить к первой дани. По многом учиненном на-



К. Лебедев. Полюдь. Князь Игорь собирает дань с подвластных древлян под Искоростенем осенью 945 г.

сильстве поехал обратно в Киев, однако еще к древлянам для большей корысти с малым числом людей поворотился, несмотря на их отрицательные представления. Древляне рассудили с князем своим, которого Малом звали, «что когда волк при-

выкнет похищать овец, то выносит все стадо, пока убит не будет». Итак, вооружась на Игоря, перед Коростенем, главным своим городом, его и бывших при нем убили. Могила его была на том месте видна еще во времена летописателя русского Нестора.



СМЕРТЬ ИГОРИ 945.

*Древляне ожесточенные корыстолюбивъ. Игоря
и воиновъ его, умиротворяють Князя со всею его дру-
жиною.*

Глава 4

О КНЯЖЕНИИ ОЛЬГИНЕ

По убиении Игореви приняла владение великая княгиня Ольга [Нестор, 945 г.] ради несовершеннолетнего возраста единого сына своего Святослава. Древлянам показалось вдовство ее и младость Святослава по их силам, чтобы не только от подданства свободиться, но и князя своего возвести на владение киевское, сочетав его с Ольгою браком, и тем взягь большинство над россами и полянами. Отправленные для того в Киев двадцать человек знатных приехали водою и пристали под Боровичем. Вода в то время текла близ горы Киевския, и жители не имели еще домов на Подоле, но по горе поселясь жили. Вне города стоял другой двор княжеский, называемый теремной для высокого каменного в нем терема. Ольга, услышав о приезде, возмущилась печалию, видя наглость убийцев своего супруга. Слезам и плачу ее соответствовал весь народ рыданием и воплем. По некотором утлении великой нечали предприняла великая княгиня в сердце своем отомстить древлянам смерть супружню всевозможными способами. И для того, во-первых, хитрым приятием посланцев положила начало к произведению своего умысла; ласково отвечала представшим перед нею с дерзостною речью, что они от Древлянскои земли посланы ей сказать: «Мужа твоего убили мы за отягчение нас безмерною данию, которою, однако, еще не довольствовался, как волк нас расхищая. Наши князи добронравны, обогатили свое владение земледельством; и тебе прилично посягнуть за князя нашего Мала». — «Люба мне речь ваша, — сказала премудрая Ольга, — уже не воскресить мне своего супруга. В оказание моего благоизволения к вашему князю и к вам, окажу вам честь и преимущество пред людьми своими. Ныне возвратись в судно ваше спокойно, а завтра умеите им показать свое преимущество».

В следующий день пришли посланные от Ольги на берег к древлянскому судну, прося их по княгинину повелению в город на изготовленную для них почесть. Древляне, величаясь, ответствовали: «Не хотим

ни пеши, ни на конях идти с вами; вы в ладье нашей на головах своих нас понесите». Повинуясь раболепно, посланные с таким странным позорищем взошли на двор теремной. Ольга, смотря с высоты его и смеясь глупой гордости, величание их в горесть превратила. В уготовленную на дворе нарочную яму повелела с ладьею древлян вдруг повергнуть. И, приближась, спросила, довольно ль приятна им оказанная на сватовстве почесть. Древляне с раскаянием и страхом в яме кричали, что Игорева смерть не принесла им пользы и что за их злодеяние преданы достойной казни. Оная совершена вскоре засыпанием их живых в земли по Ольгину повелению.



Святая благоверная княгиня Ольга.

Древняя греческая икона XIII—XIV века

Немедленно отправляются нарочные в Древлянскую землю, чтоб для совершения сватовства присланы были от древлян знатные люди, кои бы приняли и привели Ольгу к своему князю с должною честью, и чтобы ее киевляне удобнее отпустили. Древляне, не видев от своих прежде посланных для уверения ни единого человека, — о сельская простота! — поверили. Пятьдесят правителей земли Древлянския без укоснения приехали в Киев. Спросили ль о своих прежних посланцах, ничего о том не упоминается. Здесь что-нибудь Нестором упущено; без того невероятна больше кажется древлянская оплошность. Ольга повелела их просить

ляне обрадовались ее приходу и повеленное исполнили перед главным своим городом Искорестом.

Великая княгиня Ольга по обещанию своему с избранными людьми не к брачному веселию, но к бою приходит на уреченное время. Древляне, в праздничные платья цветно надевшись, выезжают из города навстречу и принимают ее с великою честью. На вопрос о первых и вторых посланных ответствовано, что следуют с тяжкими возами великого богатства княгинина, которое она уже больше древлянам вверяет. Сверх сего, присутствие Ольгино с малым числом людей довольно было к отнятию сомнения о потаенном коварстве.



И. Ижакевич. Послы древлян заставляют нести себя в лодке

после труда дорожного в баню по обычаю российскому, в которой обложенным хворостом зажжены и обращены в пепел.

Страшного сего и сурового мщения нареkanie умяется полезным Ольгиным промыслом, которым знатную часть главных древлянских начальников истребила и приуготовила путь к будущей победе. Для предупреждения о сих делах ее вести в землю Древлянскую послала скорого гонца, объявляя, что уже она в пути и чтобы при могиле Игорева приготовлены были разные меды и всяких пищей изобильно, дабы она первому своему супругу на память совершить могла тризну прежде вступления во второе супружество. Древ-

По договору своему с древлянами прежде мнимого ими брака возвышает великий бугор над супружнею могилою, орошает оный слезами, обгаряемый потом кровью его убийцев. Древляне, увидев, что Ольга после горького плача надевается в светлое и брачному торжеству приличное платье, стали веселиться, пировать и поставленными медами упиваться. Киевляне гщились, как слуги, угощать их с великою ласкою и уклонностью; сами по повелению премудрой княгини пили весьма умеренно, не для пьянства, но только для лучшего ободрения к наступающему совершению сокровенного предприятия. Веселящимся и даже до отягощения упив-

шимся древлянам казалось, что уже в Киеве повелевают всем странам российским, и в буйстве поносили Игоря перед супругою его всякими хульными словами. Внезапно избранные проводники Ольгины, по данному знаку, с обнаженным оружием ударили на пьяных; надежду и наглость их пресекли смертью. Пять тысяч порубленных, меж коими множество знатных было, покрыли трупам Коростенское поле, и чаемый брак превратился в ужасную тризну в честь Игоря. Ольга, исполнив

творились. Ольга и Святослав Искорест обступили, который главною виною был Игореву убиению. Осада через целое лето не могла принудить древлян к сдаче для сильной их обороны. Грозная и неизбежная казнь укрепляла в них последние силы к храброму отпору.

Ольга, видя тщету долговременной осады, к хитрости острый ум обращает и, посплав перед стены, объявляет древлянам: «Города ваши все мне покорились и дань обещали; уже безопасно пашут свои нивы.



Г. Кондратенко. Пожар Искоростеня

свое намерение, в Киев поспешно возвратилась и немедленно собрала знатную силу, чтобы на смятенного в слабости неприятеля, не дав отдохновения, напасть с большим успехом.

Для вящего ободрения своих войск приемлет в участие военачальства сына своего Святослава, младостию и бодростию процветающего. Пришедших на Искорест встретили древляне вооруженною рукою, и, как обеих сторон полки сошлись к сражению, Святослав кинул копье в неприятеля и пробил тем коня сквозь уши⁷⁰. Свенелд-воевода вскричал: «Князь наш бой начал; други, станем за него крепко!» Великого стремления войск Ольгиных и Святославных не стерпев, древляне устремились в бегство; оставшиеся от посечения меча российского в городах своих за-

Вы ж хотите помереть голодом, отрицаясь быть данниками моими». Древляне ответствовали: «Мы бы дань платить ради, однако опасаемся, что еще будешь мстить смерть своего супруга». Ольга, уверяя их, сказать велела, «что за Игоря трижды мстила и больше гнева на них не покажет, но, взяв дань, в Киев возвратится со всею силою». Мед и зверских кож мехи (тогдашние деньги) на произволение великой княгине древляне обещали. «Ныне сами вы медом и мехами скудны,— с притворною жалостию говорит Ольга,— малою данью довольна буду: дайте на войско мое по три воробья и по три голубя с дымом. Не хочу отяготить вас чредастыми налогами и супругу своему в том не последую». С охотою древляне требуемое исполнили и от Ольги с удовольствием услышали: «Мне и сыну



ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛГА 945 ГОДА.

*Отдасть послѣдней сестѣ (Мризу) нѣсь платокъ
супруга своего Игоря, отицая Оробитица за у
мришине etc*

Вн. Чопикова.

Рис. на к. М. С. С. С. С. С.

моему вы покорились, завтра отступлю от города. Скажите жителям сию радость».

Принесенная в город посланными весть произвела в древлянах с отрадою оплошность, в которой только лишь на сон безопасно склонились, повсюду пылающим пожаром пробуждены и внезапным ужасом пришли в крайнее возмущение. Ибо принятым в дань и разделенным по всему войску

птицам повелела Ольга привязать по фитилю каждой и к вечеру отпустить на волю. Великое голубей и воробьев множество, прилетев во свои гнезда с огнем под кровли, в голубятни и на башни, зажгли на всех местах город. Жители не имели времени о гашении домов своих стараться, но, в крайней торопливости, желая от огня избыть, бежали вон из города, где встречали и по-



Древний план Царьграда

секали их полки Ольгины. И так, между мечом и пламенем древляне волнуясь, принуждены были из них одному отдаться в жертву. Пойманные старейшины городские иные казнены смертию, иные Ольгиным военачальникам отданы в рабство. На оставшихся тяжкая дань вложена: две части на Киев, третья на Вышгород, который особенно принадлежал и был любим Ольге.

По сем хитрая победительница с храбрым сыном, обшед землю Древлянскую, учредила перевозки, пристани и ловли, доложила новые о всем законы и уставы и в Киев принесла корысть и радость. Иде ус-

покоясь от трудов один год, новгородскую страну посетить путь предприияла [947 год]. По Мсте и по Луге, где беспорядочные чудские жители худым домостроительством бедную жизнь препровождали, поселила славенских переведенцев, построив погосты; предписала ловли и другие прибыточные учреждения и наложила оброки по всей области; перевозки по Днепру и по Суле, возвращаясь в Киев, установила. Приближающийся к совершенному мужеству возраст Святославов, любовь взаимная и в цветущем состоянии отечество вящие обещали удовольствия.

О КНЯЖЕНИИ СВЯТОСЛАВОВЕ

Ольга, видя довольные опыты способности своего сына ко владению Российским государством, склонилась желанием к покою, в котором пребывая, рассмотрела разность нравов между идолопоклонниками и христианами, которых уже было в Киеве немало после крещения россиян во время несчастливой Оскольдова и Дирова похода к Царю-граду. Итак, поручив великое княжение Святославу, единственно обратила мысли к христианскому закону, в котором больше человечества и просвещения усмотрела, нежели в варварском прежнем невежестве. Сим подвигнута, достигает Константинова града [955 год], открывает свое желание царю и патриарху и святым крещением сочетается Христовой церкви, преименовавшись Еленою.

могла еще прельстить царя красотою; второе, что царь греческий и его бояре такие невежды и толь недогадливы и, словом, простаки были больше, нежели древляне, затем что о ближнем кумовстве, супружеству препятствующем, не могли вспомнить. Обстоятельства по возвращении Ольгине в Киев, Нестором показанные и другими писателями яснее изображенные [Сборный Временник.⁷¹], о том рассуждать принуждают, что то учинено было Ольге в насмешку. Ибо царь греческий от просвещенной крещением и в Киев возвратившейся Ольги посольством требовал обещанных даров: воску, белых мехов, рабов и войска за его дары в благодарность. Ольга ответствовала, что царь ее обидел, коварствовал ея старости. За дарами бы пришел сам и постоял бы у ней в реке Почайной, как она стояла у него



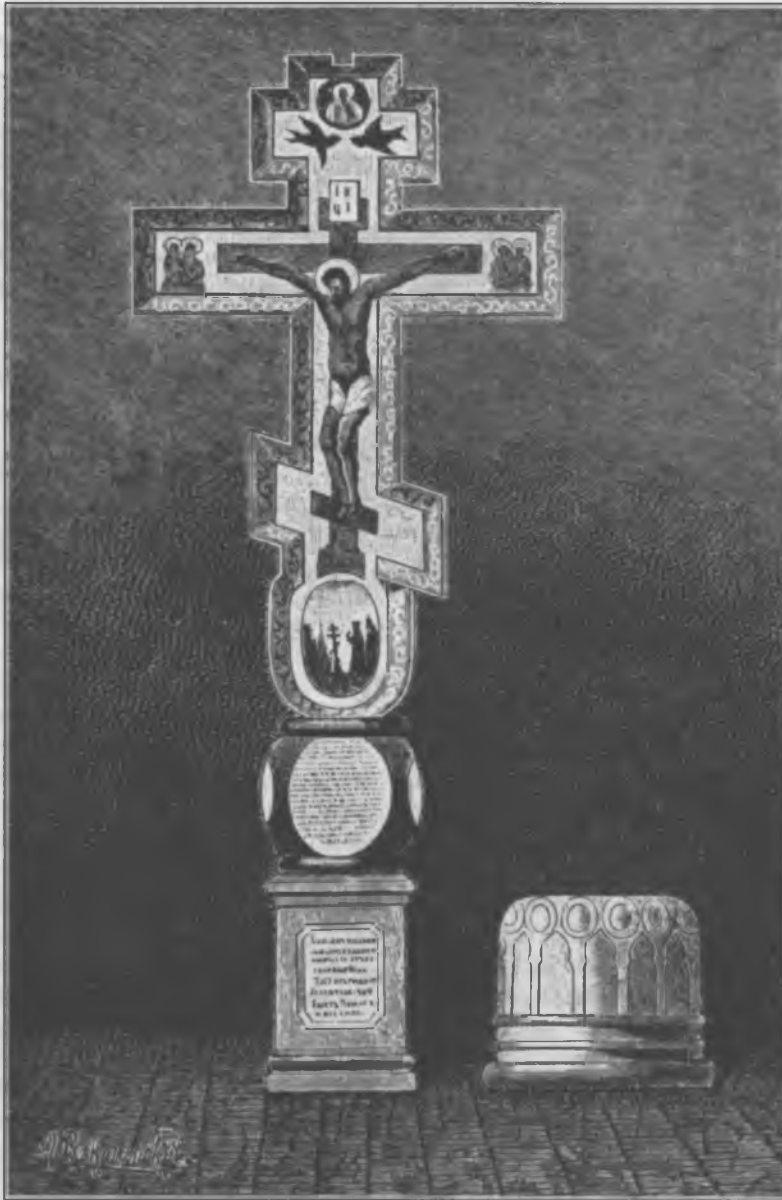
Крещение святой Ольги.

Из рукописи Ивана Скилицы Куропалата

Маловероятное обстоятельство при крещении сея государыни повествует Нестор, то есть о пленении любовью греческого царя к Ольге, и что он перехищен ею был приятием от купели, дабы после не мог требовать как восприемник с нею супружества. Ежели сие было подлинно, то много верить мы должны: первое, что Ольга, после сочетания с Игорем прожив пятьдесят два года,

в купели. С таким ответом послы тщетно возвратились.

Святослав, не внимая закону, в едино военное дело всем желанием вникнул. Однако не запрещал своим подданным креститься; крещеных держал в презрении и посмеянии. Матери своей не отнял власти, проезжая российские пределы, особливо ж Исковскую область, ея родину, обращать



Крест и шапка святой Ольги

народ в закон христианский, ставить кресты и молитвенные дома. Совокупление храбрых воинов и сильных полков почитал самым лучшим своим веселием. Перелетал неприятельские земли наподобие орла и ударял на них леопардовым стремлением. Ни многие обозы с запасами или с орудиями, к приуготовлению пищи нужными, ни шатры, ни постели к упокоению тягостию не препятствовали быстрым походам. Изрезанное тонко всякого рода мя-

со и на углях испеченное довольно было к его насыщению. Вместо постели из-под седла войлок, седло вместо подушки, епанча за шатер служила, в чем все воинство подражало своему государю.

Первые после древлянских были походы его на Оку, Волгу и Вятку [964 год]. Многие платили из них дань хазарам, турецкого поколения народу; оных учинил своими данниками. И чтобы утвердить свое завоевание, на самих хазар подвигся [965 год]. Глав-

ное селение их было в Херсоне, что ныне Крым зовется, однако и к полунощи далеко простирались по широким полям до предел российских. Каган, князь их, встретясь с великою силою, вступил в сражение против Святослава. Но принужден по многом кровопролитии уступать ему победу; взят город Белая Вежа; плененные хазаре и с ними побежденные ясы и косоги приведены в Киев пленными.

Между тем греческий царь Никифор Фока царствования своего в четвертое лето увещевал Петра, болгарского государя, письмами, чтобы не допустил турков через Дунай переправиться и опустошать римского владения пределы. Для небрежения сих увещаний и отказов с разными отговорками посылает к Святославу царь патрикия своего Калокира, обещанием даров и услуг возбуждая на болгар. Россияне по мирному с ними договору вошли со Святославом в Болгарию, города и крепости сравнили с землею. По Нестерову свидетельству, пришли тогда осьмдесят городов под российскую руку. Переяславец нарек Святослав себе столицею в земли Болгарской, с греков брал дань по прежним договорам.

В отсутствие великого князя Святослава на Дунае пришли на Россию печенеги [968 год]. Ольга затворилась в Киеве со внучаты своими — Ярополком, Ольгом и Владимиром. Сии ради малолетства, она — для старости не могли стать против тяжелой силы печенежской с малым числом людей, оставленных от Святослава. Во время таковой тесной осады Киева невозможно было иметь сообщения с собравшимися людьми для освобождения города и в ладьях на другой стороне Днепра стоящими. Голод и жажда принуждала жителей к сдаче; для того сыскали некоего молодого человека, который взялся дать весть через реку о настоящей крайней нужде в городе. Держа в руке узду, побежал по печенежскому стану и спрашивал их языком о своей лошади. Таким образом достиг Днепра и, скинув платье, за реку поплыл. Стреляли по нем печенеги, но без успеха; весть своим подал, что буде завтра не учинят в судах на неприятеля нападения, город сдастся; мать и дети великого князя в гнусный полон отведены будут. Тогда Притич-воевода побуждал собравшихся в судах

россиян, представляя в городе бедственную нужду, необходимый гнев Святослава и казнь за оплошность и боязливость. Велел всеми ладьями приступить к киевскому берегу, чтобы хотя избавить из рук печенежских Ольгу со внуками, увезши на другую сторону. При наступлении дня затрубили на ладьях россияне и дерзостно устремились к приступу; люди в городе подняли крик великий. В ужас пришли печенеги, представляя себе пришествие самого великого князя. Отступают от города в разные стороны; и Ольге со младыми князьями свободный проход к ладьям открылся. Видя сие, князь печенежский спросил о шуме и, услышав ответ от Притича, что он военачальник передового войска Святослава, который со всею военною силою за ним в близости следует, пришел в страх; печенег заключил мир с Притичем, дав ему в знак коня, саблю и стрелы, а от него взаимно принял латы, щит и саблю. И так совершенным отступлением печенежским Киев избавился от тесного облежания.

Вскоре отправлены послы к Святославу, которые, достигши на Дунай, бывшее бедство ему возвестили, сказав: «Чужой ты земли, государь, ищешь, свою пренебрегая. Мать и дети твои много страха и нужды претерпели и едва в злодейские руки не впали печенегам. Буде не ускоришь приходом в Киев, то, конечно, новым нападением неприятеля кровь твою похитят. Сжался над отчиною своею, над престарелою матерью и над детьми малолетними». Побужден чрез сие, Святослав без укоснения на конях со многим войском направил путь свой к Киеву, где с жалостию и радостью целовал мать и детей своих и печенегов отогнал в отдаленные места от киевских пределов.

Потом, устроив все мирно и положив город в безопасности, говорил с матерью о своих намерениях и притом объявил ей и боярам: «В Киеве жизнь мне не нравна; затем пойду на Дунай в Переяславец, где середина моего владения и всякое изобилие ко мне собирается: из Греции серебро, золото и паволоки, вино и овощи различные; из Богемии и Венгрии серебро и кони; из России мягкая рухлядь, воск, меды и люди». Ольга, проливая слезы, представляла: «Что оставляешь нас, любезный мой сын,



Святослав со своей дружиной бьет болгар.

Из рукописи Манассии. Святослав на верхней и нижней миниатюрах
изображен в длинной греческой царской одежде
(на подлиннике — красного цвета с узорами)



К. Лебедев. Свидание Святослава с византийским императором Цимисхием на берегу Дуная. 971 г.

сирых? Чужих земель желаешь, а свою кому поручаешь? Дети твои малолетны, я дряхлой старости достигла и, конечно, к смерти изнемогаю. При конце моей жизни вспомни прежнее к тебе матернее прошение, веруй со мною единому Богу Вседержителю. Он подаст тебе к земному Небесное Царство. Но ты сего учения ненавидишь и на гнев преклоняешься. Итак, единого про-

шу: пребудь здесь краткое время, до окончания моего течения. Погреби тело мое по христианскому закону, не сыпь высокой надо мной могилы и не совершай тризны по обычаю неверных». По сем завещании в третий день преселилась блаженная Ольга к вечному покою. Святослав, исполнив ее повеление, с плачем проводил святое тело ко гробу. Внуки, бояре и весь народ жалост-

ным воплем отдали последнее целование великой героине, премудрой правительнице и истинной богоугоднице, жившей в супружестве сорок два года, после Игоря до крещения десять, в христианстве пятнадцать, всего близ лет осьмидесяти. Оставшие христиане неутешно рыдали, лишась себе прибежища.

Перед вторым походом храброго Святослава на Дунай присланные от великого Новгорода нарочные били челом, соединив прошение с республичною грубостью, чтобы великий князь посадил, кого изволит, на княжение новгородское [970 год]; буде ж никто из детей Святославлих не пойдет, то сами найдут себе иного князя. Святослав сказал: «Выбирайте; лишь бы кто к вам пошел, зная ваше упорство». Ярополк и Олыг тотчас отказались. Новгородцы по совету Добрыниного стали просить Владимира. На что Святослав охотно склонился и молвил: «Будьте вы его». Владимир рожден был от Ольгиной ключницы, именем Малуши, дочери некоего Малка, родом любчанина, сестры Добрыниной. С сим своим дядею в Великий Новгород отпущен на княжение. Старшему сыну Ярополку поручил Святослав вместо себя Киев, среднему, Олыгу, Древлянскую землю; сам предпринял поход на Дунай к Переяславцу с великим воинством [971 год].

Перед тем Иоанн Цимисхий, коварно царя Никифора Фоку по наущению жены его убив, воцарился [Кедрин, с. 415⁷²; Зонар, кн. 17, гл. 2, 3 и 4⁷³]. Болгаре в Переяславце от Святослава затворились; вышли потом против россиян на вылазку и начали их осилывать. Отступающих своих, разбегая по полкам, князь укреплял к бою, дабы лучше все головою пали, нежели бегством затмили прежнюю свою храбрость. К вечеру одержана над болгарами победа; два сына Петровы, болгарского государя, Борис и Роман, в полон взяты. По сем россияне, по желанию своего князя, для великой удобности мест владение и пребывание свое на Дунае утвердить в намерении положили. Сие их предприятие основалось еще больше Калокиром, который обещал, что ежели его россияне возведут на престол Греческого царства, то союз с ними поставит, уступит вечно Болгарию и обещанную им дань умножит. Сим россияне

обнадежены, Болгарию причли в свое владение и послов Цимисховых без успеху о мире отпустили, ибо Святослав велел послам сказать, чтобы греки платили дань по-прежнему: за неисполнение, как болгары, постраждут. Греки, притворяясь быть к тому готовыми, спросили, много ли у Святослава войска, дабы по числу их дань расположили. Вопрос их коварно простирался для изведывания числа войск российских (сие повествуя, Нестор «льстивы, — говорит, — греки и до сего дня»). Святослав, имея только десять тысяч, сказал грекам число, сугубое для устрашения и для получения большей дани.

Цимисхий собрал войска до ста тысяч, привел восточные полки к западу, и Варде Склеру, своему шурина, поручил военачальство. Россияне с великим князем Святославом, услышав переезд греческого войска, соединили подданных себе болгар и, присовокупив в сообщество печенегов и живших в Западной Венгрии турков, в трехстах осьмидесяти тысячах вошли во Фракию, опустошая все грабежом и пламенем, и, ополчась станом при андрианопольских стенах, ожидали к сражению случая. Варда сидел в Андрианополе с двенадцатью тысячами греческого войска и, не держа против осадивших город выйти вылазкою, пришел у болгар в презрение, которое причиною было их нерадения: ибо стали беспорядочно стоять в станах, не прилежать о караулах и, сверх того, по ночам роскошничать, препровождая оные в веселии и в пьянстве. Варда выслал малое число людей на болгар выманить к бою. И как бегущих греков беспорядочно гнали, Вардиным войском, со сторон из заставы вышедшим, разбиты и отогнаны, в коем числе воспоследовало и печенегов немалое падение. Прочее войско, из россов состоящее, продолжало бой с греками до ночи. На кровопролитном сем сражении многий ущерб почувствовали обе стороны, и хотя греков только, по свидетельству Кедрина, мало легло на поле, однако все были ранены.

Потом царь Иоанн Цимисхий, во второе лето своего царства предпринимая поход на Святослава, старался присовокупить к пешему войску флот на Дунае, к чему новые суда построить и старые велел

исправить. Способствовало к тому весеннее время. Приближающемуся к Редесту двое россиян пришли навстречу под видом посланничества, а делом для осмотра греческого войска. Нарочно показанному себе по царскому повелению греческому войску в украшенном строю дивились. От-

ство учинилось и ущерб Свягославим силам. Свигелл, первый его военачальник и в Переяславце градодержатель, отвращая опасность от города, ворота запер и, огородясь жердями и копьями, отбил стрелами и камнями от стены греков. Наступившая ночь приступ к городу и бой пресекла.



Э. Лиснер. Святослав держит слово перед своими воинами накануне сражения под Адрианополем

пущены с тем, чтобы князю своему об исправности противных полков возвестили. Вслед оных с пятью тысячами пехоты и с четырьмя конницы спешно перешел гору Гем, к российским полкам внезапно приблизился перед столичный болгарский город Переяславец. Калокир, начинатель сея войны, сидевший тогда в городе, услышав звук труб от греческого войска и присутствие самого Цимисхия, ужаснулся и немедля тайно из города ушел в стан российский, где известие, от него полученное, произвело в войске робость. Святослав, сильным увещанием ободрив унылых, поставил свой строй при Переяславце против греческого стана.

Вскоре греки нападение учинили. Сразились обои войска жестоко. Сидевшие россияне из города выпали своим полком в помощь, от чего для тесноты замешатель-

На другой день воевода греческий Василий с прочим царевым войском приспел при восхождении солнца, царя обрадовав и ободрив всех греков, которые соединенным стремлением к городу приступили. По жестокой и упрямой обороне россияне принуждены были оставить стены во власть неприятелям и оградю царского дому защищаться. Греки, не возмोगши взять силою, огонь вместо оружия употребили, истребили россиян из города. Многие сгорели; иные в полон взяты; некоторое число, спасшись, печальную весть принесли Святославу. И так Переяславец взят, обновлен и во имя Цимисхиево Иоаннополем проименован.

Святослав хотя весьма уроном возмущился, однако мужественным видом и словом ободрял свое войско дерзостно идти против греков. Триста человек подозри-

гельных болгаров предал смерти и двенадцать миль перед Доростелем ополчился, ожидая Цимисхиева прихода. При сходе на сражение обоих войск государи ободряли своих солдат, и по трубному голосу снялись равным дерзновением.

Двенадцать раз греки в бегство обращались. Однако ж Цимисхий своим присутствием под царскими знаменами открытно наступал на россиян, поощряя коня и копье свое в них бросая. И таким образом принудил Святослава отступить в Доростоль, к коему приближась, стал станом, ожидая своего флота по Дунаю для способнейшего приступа к городу. Между тем Святослав военнопленных болгар велел держать связанных, числом около двадцати тысяч, опасаясь от них возмущения, и таким образом приготовился выдержать осаду.

По приезде судов Цимисхий зачал добывать город. Тогда в кровопролитных вылазках и сражениях Святослав потерял храброго военачальника и ближнего своего боярина Свигелла; однако город кругом укрепил рвом глубоким и положил твердо стоять против греческих приступов. Великая нужда, от долговременного греческого

облежания в съестных припасах происшедшая, заставила россиян употреблять тайные поиски в свою пользу.

В темную и дождливую ночь две тысячи человек сели в мелкие суда и по Дунаю поехали искать себе припасов для пропитания войск. Собрав довольное множество всякого хлеба и возвращаясь к Доростолу, заметили на берегу много обозных людей греческих, которые для поения лошадей, для собраний дров и сена по берегу рассеяны, ходили безопасно. Внезапным нападением великое поражение и ущерб Цимисхию причинив, в Доростоль с довольною добычею возвратились. Осмь недель претерпевая россияне осаду, особливый вред от стенобитной махины, поставленной полководцем Куркуем, чувствовали в городе. Для того высланные от Святослава избранные воины, чтоб пагубное сие истребить орудие, Куркуя убили, невзирая на его храбрость. Из россиян мужественный военачальник Икмор, не родом, но удалством достигший своего чина, вторый по Свигелле, живота лишился от меча Анемала, стипатора царского. После оной кровопролитной вылазки находили греки между российскими трупами убиенных женщин, которые в мужеском



Взятие Переяславца.
Из рукописи Манассии



Г. Семирадский. Тризна Святослава перед последним боем под Доростолом

одеянии мужскою храбростию сражались с неприятелем, доказывая истинное сродничество с древними амазонками.

В таковых утеснениях многие советовали бегство предпринять восворяси, иные — мир с греками поставить. Святославу одно бесчестно, другое бесприбыльно, обое опасно казалось. Для того, еще хотя отвратить своего счастья и тем показать постоянство российской храбрости, говорил к своим: «Деваться нам больше некуда: своя земля далече; неверные печенег живут на дороге; союзники, опасаясь по соседству греков, помощи нам не пришлют. Станем

храбро и не посраим своего отечества, не дадим себя в презрение трепещущим от нас народам. И если счастье мужеству нашему будет противно, положим свои головы: мертвые не стыдятся. Первый сам перед вами на сражение выйду. Когда голова моя ляжет, вы как хотите о себе промышляйте». Все единогласно воскликнули: «Где твоя, государь, тут и наши головы будут»⁷⁴.

Уже с восхождением зари город отворяется; выходят с отменной бодростию и скоростию за благонадежным своим предводителем и государем полки российские без остатку полыми везде к неприятелю воротами, которые по Святославу повелению за ними затворены для пресечения вся надежды на бегство. Почувствовали греки свое изнеможение и россиянам уступают поле. Великий зной и тягость их оружия и чрезвычайное россиян дерзновение отнимает неприятелям силу и надежду. Цимисхий, на место сражения прискакав, ободряет своих к бою; изнемогших и с побоища уклоняющихся повелевает укреплять вином и водою. И хотя полки греческие присутствием царским и утолением жажды большее показали сопротивление, однако от города отступили на пространное поле.



Монета с изображением Спасителя, выбитая Иваном Цимисхием после сражения при Доростоле

Кедрин пишет, что греки сим отступом нарочно хотели выманить россиян на просторанство, чтобы их окружить своею силою, однако от того вымысла не имели успеха. Цимисхий, видя своих падение, послал в буйности ко Святославу вызывать его с собою на поединок с советом, что лучше умереть одному за отечество, нежели толикому народу множеству. Святослав отвечивал: «Много есть разных путей к смерти, из коих царь греческий может себе любой выбрать, буде ему жизнь наскучила. А что мне полезно, то сам лучше знаю, нежели мой неприятель». Между тем на кровопролитном сражении Анема Храбрый, надеясь убиением российского князя вскоре одержать совершенную победу, устремился на своем коне прямо против Святослава и ударил его по голове саблею, но он неврежден под своим шлемом остался; Анема убит по крепкой обороне. На сем сражении, по Кедрину свидетельству, греки, по Несте-

ского царя Бориса с триумфом вводит и при всенародном множестве снимает с него венец и прочие царского достоинства признаки для уничтожения Болгарского царства.

В приближении к Днепру Свенельд советовал Святославу идти к Киеву на конях, представляя опасность водяного ходу и что в порогах стояли печенеги. Неприятную доброго совета последовала гибель, ибо переяславцы с Дуная подали весть печенегам, что Святослав идет из Греции малолуден, везет с собою великое множество плененного богатства.

Обрадованные тем печенеги пороги заступили и, Святославу пресекиши путь, отовсюду россиян окружили. Принуждены будучи зимовать в Белобережии и претерпевать великий недостаток в съестных припасах, ужасный голод принудил тогда покупать лошадиную голову по полугривне. В начале весны в походе к Киеву порогами напал на



Печенеги окружают Святослава и убивают его и дружину.

Из рукописи Ивана Скилицы Куропалата

рову, — россияне верх одержали. Вероятнее всего, что победа в сомнении осталась.

Между тем Святослав, рассудив малое число своего войска и во всем недостаток, к миру преклонился. Итак, вечный союз утвердив с греками, в Россию путь предпринимлет [971 год]. Военачальникам объявляет, что, ежели греки отрекутся платить дань, которую, как Нестор пишет, давать обещались, бесчисленное собрав войско, паки на Дунай и к Царюграду для взыскания оныя пойдет. Цимисхий, возвратясь в Царыград, плененного болгар-

россиян Куря, князь печенежский, нечаянным набегом, где Святослав имения и живота лишился. Череп головы его, золотом оправленный, служил вместо чаши печенегам при пирных веселиях с надписанием: «Кто чужого ищет, свое теряет». С малыми остатками Свенельд достиг в Киев к Ярополку.

Беспрестанными войнами славное и беспокойное владение великого князя Святослава Игоревича продолжалось лет двадцать осмь; всего жил около пятидесяти грех лет.



КОНЧИНА СВЯТОСЛАВА 972 ГОДА

Гол. Чориходъ

Лит. Андурска

Глава 6

О КНЯЖЕНИИ ЯРОПОЛКОВЕ

Старший сын Святославль Ярополк по несчастливом отца своего скончании принял киевское великое княжение и правление [Нестор, 973 год], с которым ради несовершенно возраста сам состоял под правлением Свенельдовым, бывшего первым военачальником при отце его и деде. Сею властью напыщен, сын Свенельдов, именем Лют, оскорблял многих своим злым самовольством, как то имя (конечно, прозвище) и обстоятельства изъясняют, ибо он был главною виною плачевного братоубийства.

Выехал некогда на звериную охоту в пределы древлянские владения Ольгова, где сам князь древлянский Олег в том же упражнении прилучился. Спросил о приезде охотнике и, уздав, что то сын Свенельдов, на гнев подвигся; уже несомненно до того времени о буйстве его предупрежден был слухом. И так изъехав, Люта убил на той охоте. Свенельд, болезнуя сердцем и злобясь на Ольга, с того времени часто советовал Ярополку, чтобы присовокупил к своему владению Древлянскую землю и, как отец и дед, был бы един самодержавец. Чрез сие потаенно и коварно искал смерти Ольговой для отмщения смерти сыновней.

Наконец, стужанием и прощением своего любимого и многою властью сановитого боярина побужден, восстал Ярополк войною на древлян против брата своего Ольга, который, хотя встретился противным ополчением, но по жестоком сражении принужден был в бегство обратиться к городу древлянскому, называемому Вручаю, где плотина вместо мосту для въезду в ворота городские служила. Множество бегущих и гонящих, стеснясь, друг друга с мосту пхали. Олег, упав в ров глубокий, под множеством людей и коней, сверху поверженных, задавлен, живота лишился. По взятии города послал Ярополк искать его между трупам мертвых, и но объявлению некоего древлянина искали его во рву целый день, разбирая убиенных. На другой день едва найден; толикая пагуба от

тесноты места или, праведнее сказать, от братского междоусобия причинилась!

На ковре положенное тело увидев, Ярополк възрыдал горестно и в раскаянии говорил: «Лучше бы мне, любезный мой брат, умереть было, нежели тебя видеть мертвого и мною живота лишенного. А ты, мститель, — Свенельду сказал со гневом, — видишь исполнение своей злобы. До чего ты довел мое легкомыслие?» По Ольгове погребении и по совершении тризны перед Вручаем Ярополк возвратился в Киев как самодержец российский.

Слышав сие, Владимир отъехал из Новгорода к варягам, дабы не пострадать того же, что среднему брату приключилось. От Ярополка посажены были немедленно в Новгороде наместники.

Счастье, нередко злодеяниям поспешествующее, присовокупило Ярополку к победе над братом другую над печенегами, которые отдались ему в данники. И князь их Алдея вступил в российскую службу, получив великую честь с волостями и городами.

Новгородские летописатели присовокупают, что во владение Ярополково приходили послы от Папы в Киев. По обстоятельствам поверить можно, что, уздав римского исповедания христиане о войнах российских с греками и притом о множестве христиан в Киеве, покушались ввести в Россию веру и власть папешскую, равно как и после, при Владимире, о законе было посольство от Папы.

Последний год владения Ярополкова устрасал народ помрачением луны и солнца и последовавшими ужасными громами и вихрями, из чего предвозвещали многие от великих перемен несчастье. Вооружение Владимирово было яснейшим и достовернейшим того предвозвещением, ибо, наняв множество варягов и привлеки великими обещаниями, внезапно вооруженный меньший брат на мщение за среднего в Великий Новгород со многою силою возвратился; наместников Ярополковых выслал и велел ему сказать, чтобы против его



Охота на медведя в X веке.

Рисунок художника Н. Самокиша

из книги «Великокняжеская и царская охота на Руси» Н. Кутепова

на брань готовился, в которой почувствует достойную казнь за наглое братоубийство. Ибо Владимир в себе рассуждал: «Не я зло начал, мне должно за кровь невинную мстить и себе снискать безопасность».

Утвердясь на новгородском владении и уже в готовности идти войною на Ярополка, посылает Владимир к полоцкому князю Рогволоду, чтоб ему отдал дочь свою Рогнеду в супружество. Сей союз праведно казался Владимиру быть полезен в обстоятельствах важного предприятия.

Испытав склонность дочери своей, Рогвольд услышал, что лучше желает быть за Ярополком, а о Владимире сказала, что не хочет разуть от рабы рожденного (признак древнего обязательства жен мужьям к повиновению, который обычай у россиян содержан был и на княжеских браках; ныне только в некоторых областях по деревням еще употребителен). Гордым сим ответом раздраженный Владимир подвигнул всю свою силу на Полоцкую землю и скоро взял столичный город силою. Рогвольд с двумя

сынами лишен жизни; высокомысленная Рогнеда неволею с Владимиром сочеталась и пошла к Киеву, но не за Ярополка, как с присланными от него боярами уже было изготовилась, но противу ему приблизилась с Владимиром и с полоцким войском.

Ярополк за неимением довольного числа войска не дерзнул выйти против Владимира, но рассудил защищаться киевскими стенами. Владимир поставил стан меж Дорожичем и Капичем, где был ров и во время Нестерове. У Ярополка тогда ближнюю поверенностию пользовался некто Блуд именем и делом, который с Владимиром тайно пересылался о предании своего государя. По обещаниям от него богатства, чести и любви искал случая сам и другим поущал на тайное убийство Ярополково, но, в том не успев, употребил коварно вымышленные советы. Притворив себя устаревшим и прискорбным, объявил князю своему наедине: «Киевляне усердствуют к Владимиру и, отворив город, хотят тебя отдать ему руками. Уже и весть к нему послали, чтоб приступал к городу; ищи себе безопасного убежища». Легковерность, с худою совестию соединенная, дала место в сердце злокозненным словам Блудовым. Итак, Ярополк выбег из Киева на устье реки Реи в Родну и в крепости затворился.

Киевляне, уведав о его побеге, Владимиру ворота городские отворили, где, приняв власть, осадил кругом Родну, пресек привоз съестных припасов и в такую тесноту и нужду привел Ярополка с осадными, что пословица от того произошла: беда, как в Родне. В сей нужде советовал

Блуд князю, чтобы с братом помирился и отдался на его произволение, уверяя, что не будет никакой опасности. И как Ярополк послушал его слова, Блуд послал весть ко Владимиру, что желание его исполнилось и Ярополк предается в его руки. Между тем некто из слуг, называемый Варяжко, советовал, чтобы князь бежал к печенегам и от них искал помощи и защиты, однако слова его не приняты.

При входе Ярополк между страхом и надеждою ко Владимиру в дверях принят под пазухи шпагами от двух варягов и мертв повержен. Блуд запер дверь и пресек вход слугам Ярополковым, с которыми Варяжко побегал к печенегам и, побудив князя их с великою силою, на Владимира воевал долгое время. И так братоубийством скончалось братоубийственное государствование Ярополково, продолжавшееся около девяти лет без знатных дел.

Варяги вспомоществовавшие, приступив ко Владимиру гордо, требовали платы за одержанные победы: «Киев наш, — говорили, — мы его взяли; дай нам окуп по две гривны с человека». Владимир истребовал сроку на месяц. И как увидели варяги, что ждуг напрасно и против их насилия устроен Владимиром отпор, просили, чтобы им был показан путь в Грецию для обогащения своего военным нападением. Выбрав из них добрых, смысленных и храбрых людей, роздал князь им города и волости; беспокойных отпустил по их прошению и уведомил наперед царей греческих, чтобы для безопасности, приняв их ласково, по разным местам расточили.

Глава 7

О КНЯЖЕНИИ ВЛАДИМИРОВЕ ПРЕЖДЕ КРЕЩЕНИЯ

Самодержавного своего в России государственования Владимир полагает начало [Нестор, 980 г.] мнимым благочестием по древнему предков многобожию, однако и заблуждением показывает в себе способность к приятию веры в единого истинного Бога. Его повелением поставлен в Киеве перед двором теремным,

на высоком холме главный идол Перун, деревянный с серебряною головою и золотым усом. Жертва приносилась — огонь неугасимый. За угашение, небрежением случившееся, жрецы смертной казни предавались. Сей богом грома и молнии почитавшийся Перун был Зевес древних наших предков.



А. Кузнецов. Праздник венкования

Меньших богов Нестор именует: Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла, Мокошь, не показав знаменования и приписыванной им от идолопоклонников силы и власти. По Перуне имел Волос первое место, коему покровительство скота приписывалось (рачение о скотопасстве большее, нежели у римлян, нижним божкам оное препоручившим); Погвизд, Похвист или Вихрь — бог ветра, дождя и ведра, Еол российский; Лада (Венера), Дида и Лель (купидоны), любви и браков покровители, толь усердно от древних предков наших почитались, что оттуда и поныне в любовных простых песнях, особливо на брачных празднествах, упоминаются со многим повторительным восклицанием.

Купалу, богу плодов земных, соответствующему Церере и Помоне, праздновали перед началом сенокоса и жатвы в двадцать четвертый день июня. Остатки сего идолопоклонства толь твердо вкоренились, что и поныне почти во всей России ночные игры, особливо скакание около огня, в великом употреблении; и святая Агриппина, которой тогда память празднуется, по древнему идолу проименована от простонародия Купальницею.

Отстоянием полугодичного времени почитался Коляда, праздничный бог; декабря в 24 число. Не иначе сие разуместь можно, как что, зимние дни в праздности без военного дела, без пашенной и скотопасной работы люди препровождая, усталили Коляде сей праздник.

Употребительные ныне между христианами около сего времени на празднество Рождества Христова игрища, в личинах и в отменном платье, едва ли не отсюда происходят, ибо по деревням и поныне Коляду в плясках и песнях возглашают. И хотя сие приводят в сомнение иностранные народы тем же с нами обычаем, не зная Коляды ниже по имени, однако Янусом нашим древним сей идол не без вероятности назван быть может ради разных лиц, харами развращенных.

Приносилась, сверх сего, жертва рекам и озерам по общему многобожному употреблению народов. Древние наши предки как текущие воды боготворили, явствует, что и поныне простонародные песни от многократного именованья Дунай начало свое принимают; в иных и на всяком повороте имя обоженной реки повторяется. От реки ж Бога (Буга) и Всевышнему Творцу имя даем даже доныне. Жертвы приносились весною по разлиянью вод купаньем, может быть, и нарочным утоплением людей, как в жертву. Остаток сего обычая видим у простонародия в облиянии водою на Велик день, когда под именем наказания тех, которые утрненное пение проспали, в

холодную воду бросают или обливают, что вере предосудительно, телу вредно, жизни опасно и между пьяными подает повод к смертоубийственным раздорам.

Всеми сими идолами наполнены были улицы и поля около Киева и во всей России распространились Владимировым сует-

царь морской Нептуну, чуды его тритонам? Чур — поставленному на меже между пашнями Термину?

Коль великое и усердное служение идолам приносилось, засвидетельствует повествование о следующей человекоубийственной жертве [Нестор]. Проезжающие варяги



И. Билибин. Русалка.

Иллюстрация к книге «Всеобщая история»

верным повелением прежде просвещения. В Великий Новгород поставил наместником дядю своего Добрыню и послал с ним идолов. Перун, возвышенный над Волховом, принужденным сперва жителям вскоре после того великим божеством показался, о чем ниже.

Древнее многобожие в России, сходствующее с греческим и римским, подтверждается еще, сверх письменных известий, другими примечаниями. Что значат известные в сказках полканы, из человека и коня сложенные, как греческих центавров? Не гиганты ли волоты? Не нимфы ли в кустах и при ручьях сельскою простотою мнимые русалки? Не соответствует ли

по Днепру для купечества в Грецию многие жительство основали в Киеве и принятый в Цареграде христианский закон содержали. По первых победах приносил мнимым своим богам благодарение Владимир даже до пролития перед ними человеческой крови. Для избрания на то молодого человека жрецы метали жеребий, который нарочно направили, чтобы пал на сына некоторого в Киеве жившего знатного варяга, христианство содержавшего. Дом его стоял, где после Владимир воздвиг каменную церковь Пресвятыя Богородицы Десятинную. Посланные объявили варягу сие как истинное богов изволение, чтобы отдал им на заколение сына. Обличая зло-

чество, христианин отвечал, «что един есть истинный Бог; которого исповедуют греки, Творца всего мира. А боги ваши сделаны сами от рук человеческих: немые, глухи и слепы. И буде что-нибудь могут, то пусть хотя один из них сам придет и сына моего возьмет». В великой ярости многобожный народ, устремясь, разметал ограду; подсечением столпов дом опровержен, и варяг с сыном мученический конец и венец принял.

Сие в поганстве; но сколько могла умягчить Владимирово сердце христианская кротость, о том свидетельствуют его последние лета, когда и для достойной казни не хотел единого человека лишиться жизни. Подобаясь Августу, строгостию начал владение, совершил кротостию; как в начале весны сильная наводнением река с оторванными берегами вниз стремится, потом до окончания лета между плодоносными полями кротко протекает.

Юношескою бодростию расцветая, Владимир искал покорить отступившие от подданства отца его пароды, пользовавшиеся его несчастливым скончанием и братоубийственным в России междоусобием. В предприятии опасался препятствия от ляхов, когда присвоили себе перед Россиею преимущество под владением Мечислава Первого, который у Папы просил королевского достоинства без успеха. Судьба определила оное наследнику его, Болеславу Храброму. Владимир вступил военною силою в польские пределы. Мечислав разным счастьем защищался, однако принужден был уступить России Перемышль, Червень и другие города [Нестор, 981 г.; Кромер, с. 34⁷⁵].

В безопасности от запада и от полунощи (ибо со шведами пребывал всегда в мире) воевал сей храбрый князь на юге вятичей, ятвягов и другие страны [982 год, 983 год]; покорил себе иных мечом, иных собственным их произволением. Радимичи, побежденные на реке Песчане Владимировым военачальником, именуемым Волчьим Хвостом, данников число умножили [984 год]. Восточные соседы не чувствовали еще его храбрости. Того ради призывает дядю своего Добрыню с новгородскими войсками, с ним совокупясь, Волгою на насадах вниз к болгарам пускается. Торки конною силою по берегам вслед на вспоможение поспешают. Низовские и камские болгаре

по малом сопротивлении покорились и платить дань обещали с таким утверждением вечного мира, «что он тогда перестанет, когда будет камень по воде плавать, а хмель на дно грязнуть».

И так Владимир распространил и утвердил свое владение на юг до реки Буга, в другую сторону от предел азийских до Балтийского моря. Ливония и Естония, хотя иногда бывали под норманскими владетельми, однако в государствование Владимирово ему дань платили, что из многих обстоятельств, а особливо из странствования норвежского короля Олава, Тригвонова сына, в России, неспоримо явствует [Стурлезон, часть 6, гл. 7.⁷⁶]; ибо по убийстве Тригвоновом супруга его Астрида с сыном Олавом, еще младенцем, уклоняясь от злодеев по разным местам, предприняла бегством спастись в России, у брата своего Сигурда, бывшего тогда в службе и знатности у великого князя Владимира.

Переезжая Варяжское море, впали в руки морских разбойников, обыкших в тогдашние веки на судах и по берегам грабить, убивать людей, не годных в рабство, а других делить по жеребью. Олав, доставшись Клеркону, естландскому жителю, получен был с матерью. Торольф, слуга его, ради старости и негодности в услужение, убит перед глазами. Сперва продан был Олав или променен на великого козла; потом другому господину, именем Реасу, отдан за хороший кафтан и пояс, где шесть лет сей королевский наследник препроводил в добром содержании, но в рабстве. Некогда Сигурд, по повелению Владимирову, для собрания дани проезжая Естонию, увидел сего молодого человека и по благородному виду заключил, что не естланец, но иностранный. По вопросе о его отечестве услышал, что он сын Тригвонов и Астридин. Узнал Сигурд своего племянника, выспросил о причине его странства и, выкупив из рабства, в Россию с ним возвратился. Имя и род его скрывал до времени.

Некогда Олав, ходя по городу, увидел грабителя и злодея своего Клеркона и от внезапного по запальчивости возгорения тотчас ударил его топором в голову, прорубил до мозга и в бегство устремился к Сигурдову дому. Дядя, укрывая его в такой

опасности, поспешно уклонился с ним в дом государев и просил великую княгиню Ольгу (супругу Владимирову, чехиню или болгарыню, неизвестно), чтоб его приняла в свое покровительство. Желаемое получил, и по предстательству ея у Владимира оружием отвращено народное смятение.

В России человекоубивцы на месте убийства без суда смерти предавались народной власти. Итак, вина прощена Олаву за денежный откуп. Законом утверждено было в России, чтобы никто от рода чужестранных государей не приезжал без воли великого

Но и тем не довольствуясь, насильствовал жен и девиц, отнимая у мужей и родителей. Первою женою Владимировою полагают российские писатели Рогнеду, княжну полоцкую, о которой пред сим упомянуто; однако Вышеслав, рожденный от чешских княжны, при разделении сынам княжеств российских везде старшим братом почитается. Итак, двояко думать должно: первое, что Владимир прежде походу на Полоцк и на брата Ярополка имел в супружестве чехиню, и наши летописатели, не зная о ней никакого достопамятного приключения,



Владимир принимает дары от греческих послов.

Из Кенигсбергской летописи

князя. Однако Сигурд объявил о породе Олавовой, извиняя сокрытием от родительских и его злодеев. Причина не токмо Владимиру довольна к оправданию показалась, но сверх того несчастное состояние возбудило жалость. Ольга, приняв Олава под свою опеку, воспитала, как пристойит королевскому сыну. Немалое время в знатных чинах и в некоторых походах служил Владимиру и с честию и награждением отпущен для получения отеческого наследства.

Препровождал Владимир во время неверия дни свои в пирах и веселиях, в любовной страсти и в роскошах даже до великого излишества [Нестор и летописцы], ибо, сверх своих законных жен, держал наложниц в Новгороде, в Вышгороде, на Берестове и в Белегороде больше тысячи.

минули в молчании; второе: или Рогнеда долгое время была бездетна, и между тем Вышеслав рожден от чехини после взятия Рогнеды в супружество; но, как известно, что Рогнеда родила Изяслава и других детей в первые лета своего супружества, а после Владимиром оставлена и жила на Лыбеде, где при Несторе было село, нарицаемое Предславино по имени дочери Владимировой, от Рогнеды рожденной, потому статья не может, чтобы Вышеслав родился от чехини после взятия Полоцка, прежде Изяслава. Явствует сие неспоримо из предприятого Рогнедина мщения над Владимиром [Нестор 1128 года.⁷⁷].

Когда он имел уже других жен, то некогда, пришедши к Рогнеде, уснул. Она, помня свое прежнее насильство и настоящее ос-



ВЛАДИМИРЪ ПРОЩАЕТЪ РОГНѢДУ

Св. Б. Чупатова.

Пора и Порева.

Рис. на камнѣ П. И. Иванова.

корбление, хотела сонного ножом зарезать. На тот час случилось Владимиру пробудиться. Схватил в смущении за руку и удар отвел. Рогнеда, предупреждая обращение ножа в свое сердце, в отчаянии и в слезах говорила: «Отец, мать и братья мои от тебя лишились жизни; разорено отечество; я пред всеми поругана; и ныне в супружестве меня ненавидишь с бедным сим младенцем» (указала на Изяслава). Удержав рвение свое, Владимир велел ей убраться в светлое брачное княжеское одеяние и сестъ на месте княжеском в светлой палате, чтобы по достоинству своея чести приняла смерть от руки своего супруга.

Пришел к наряженной богатыми утварями и внезапно увидел по повелению Рогнедину со обнаженным мечом стоящего общего с нею своего сына Изяслава, который жалостным плакал голосом, подавая из рук своих меч Владимиру: «Когда ты один жить, государь, хочешь, то умертви прежде меня, дабы я не видел горького мучения и крови своея матери». Не мог слез удержать Владимир, кинул из рук меч и безответным вопросом: «Кто тебя здесь поставил?» — скончал гнев свой. Потом, с боярами советував, велел возобновить отчину Рогнедину Полоцк и ее на удел отпустил со старшим ея сыном Изяславом.

Итак, первая супруга Владимирова была из земли Чешской, мать Вышеславова;

вторая, Рогнеда, в супружестве проименована Гориславою, от которой родились Изяслав, Мстислав, Ярослав, Всеволод и две дочери; третья, грекиня, приведенная пленница из Греции, где прежде была в некотором девичьем монастыре монахиней и ради великой красоты подарена от отца Ярополку. Владимир после приобщил ее к своему ложу.

Рожденный от ней брагоубивец Святополк, хотя числится между детьми Владимировыми, однако справедливым сомнением больше Ярополку приписан быть должен, что грекиня осталась от него уже беременна. И Святополкова свирепства причиною почесть можно требование первенства во владении, потому что он рожден от старшего Владимирова брата, или, сверх того, побуждало к сему мщение за прямого отца над подлинными детьми Владимировыми.

Четвертая жена, также чехиня, мать Святослава и другого Мстислава (по Стриковскому, Станислава). Пятая, болгарыня, от ней дети Борис и Глеб. Позвизд и Судислав рождены от наложниц. Шестая супруга, царица греческая Анна, о которой ниже сего пространнее. Дочь ея, от Владимира рожденная, Мария, в супружестве с Казимиром, королем польским, родила Болеслава Второго проименованием Смелого [Нестор, летописцы и степенные книги].

Глава 8

О РАССМОТРЕНИИ ВЕР И О КРЕЩЕНИИ ВЛАДИМИРОВЕ

Приметили во Владимире окрестные народы богопочитательный дух древнего законодателя римского Нумы. Для того друг перед другом старались преклонить сего великого государя каждый в свою веру, кроме ея размножения, еще для приобретения с великою Российской державою выгодного союза и крепкой дружбы. Первые сие начали болгаре низовские нарочным ко Владимиру посольством, советуя ему принять закон Магометов [986 год]. По выслушании учения их о многоженстве (главной своей страсти), уже и до смерти обещанном, чув-

ствовал услаждение сердца, однако от обрезаия возбудилось отвращение. Вина запрещение и свиных мяс для введения у россиян в обычай невозможным показалось. И храбрый самодержец не рассудил за благо, чтобы в многотрудных походах лишить своих воинов сердечного увеселения и запрещением свинины умалить число человеческой пищи.

И так отпущенным болгарам без успеха вскоре следовали посланные от Папы проповедать христианство западных церкви, которое тогда хотя соборным деянием не разделилось от греческого, однако вели-

кие несогласия и распри между держателями сих исповеданий многократно причиняли возмущения. Выслушав их учение, великий князь с таковым к Папе отослал ответом: «Никго из наших предков не следовал вашему учению, и нам то не прилично». Разумеются здесь прежние варяжские повелители, крестившиеся в Константинополе, а особливо блаженная Ольга, принявшая не папешскую, но греческую веру.

к тому привлечь желаете, чтобы и мы подобным вашему злоключению от него были наказаны?» И так со стыдом жида отосланы без всякого успеха.

Наконец, от греческих царей избранный философ Константин предстал великому сему самодержцу, лжеучения и заблуждения прежде посланных от разных вер опроверг сильными доводами и по изволению и желанию Владимирову, испол-



Владимир принимает дары от греческих послов.

Из Кенигсбергской летописи

Жида, в хазарских областях жившие, около Черного моря, покушались равномерно привести Владимира к своей вере, предлагая: «Иисуса, в коего христиане веруют, отцы наши распяли; мы исповедуем и чтим единого Бога, Творца всего мира; обрезаемся и в субботы постимся по данному нам от Бога закону чрез угодника его Моисея». Гнусное пред Владимиром обречение довольно было к бесполезному жидов отпуску. Но сверх того спросил: «Где отечество ваше?» Ответствовали: «В Иерусалиме». — «Там ли ваше жительство?» — ответа требовал, на что сказали с прискорбным видом: «Бог, грехами праотцев наших раздраженный, рассеял и расточил нас по лицу вселенныя, а землю нашу предал чужим народам». Владимир с негодованием отказал: «Когда вы отвержены от Бога и по чужим землям рассыпаны, то, конечно, закон ваш ему противен. Для того ли вы нас

нен красноречия и догматов святыя веры, а паче дара Божественныя благодати, таковым или сему подобным образом предложил православный закон кратко:

«Верую несомненную, по откровениям прозорливых святых мужей, многочисленными чудесами утвержденным, признаем и исповедуем единого Господа Бога Вседержителя, коего всеильным словом создано, украшено и утверждено великое строение всего мира. Им сияют солнце, луна и звезды, разливаются моря и реки, плодоносит земля, дышут ветры; ему дождь и ведро, облаки, роса, снега и мразы служат повеленным чиноположением, молния и гром возвещают гнев его земнородным. Всякое дыхание на земли, в воздухе и в пучине, от величайших китов даже до слабого пресмыкающихся рода, проповедуют Создателю неисповедимую премудрость и силу.



Петр Первый. Мозаика М. В. Ломоносова. 1754 г.



«Полтавская баталия».

Мозаика мастерской Ломоносова. 1763—1764 гг. Деталь

В таком великолепном здании поселил Бог жителя, образ неизреченный Своея славы, человека. Но он преступлением заповеди устроенного себе наследия рая лишился. К исправлению падения ни посланный Всемирный погон на землю, ни огнем истребление Содомы и Гоморры, ниже чудное изведение своего Израиля сквозь Чермное море, ни благодеяния, ни казни не могли способствовать, ибо не токмо языки, не ведающие истинного Бога, но ниже избранный тогда народ еврейский, знаменами и чудесами уверенный, ходил по Его повелениям. Для содействия спасения от гибели человеческого рода нужно было Божеское на землю нисхождение, о чем предвозвещали пророки, изгнание и убиение пострадавшего от жестокого народа. Наконец воплощенный Сын Божий, Отцу и Духу единосущный, от чистого Девы произошел в земли Еврейской.

Многочисленными чудесами, гласом с небес Отческим и Духа Святого сошествием, воскрешением мертвых, наконец, по вольном страдании и смерти от гроба тридневным восстанием и на небеса вознесением не уверил в своем Божестве непокоривого и неблагодарного народа и ради того просветил языки, не знающие истины, и себе присвоил, в коих благословенное сообщество ныне и тебя, о благоразумный государь, призывает со врученными от него тебе народами, милосердуя о твоём искании истинного богослужения, воспрянувшей окружающую тебя идольския прелести тьмою».

Владимир просил, дабы о восстании Христовом от мертвых удовольствовал философ его любопытственное желание яснейшими и сильнейшими уверениями, и притом упоминал, что вольное Христово страдание странно и невероятно без доказательства о воскресении.

Со гласом святых церкви Константин отвечивал: «Хотя связан был Христос, но он наш Бог; и мы не стыдимся; бит и поруган, не отрицаемся; на кресте пригвожден, и того не таим. Воскресением его хвалимся, которое апостолы в мире проповедали, мученики засвидетельствовали кровию, пустынножители, мира уклоняясь, в откровениях видели, учителя церковные на Вселенских соборах печатью догматов

утвердили. Все совокупно, постом и бдением в молитвах, презрением имения, терпением всякого изнурения плоти, беспрестанным рачением к добродетели и парящим желанием к Богу отняли самое малейшее сомнение о праведном нашем исповедании. Довольно, великий государь, ведаешь, коль широко распространяется христианство и коль многие веки по вселенной от востока до запада господствует. Но кто распространил царство Иисусово? Сильные ли полки, не терпящие никакого противо-



Серебряная монета
византийских царей Василия и Константина

стояния? Избранные ли военачальники смыслом, важностию, богатством, долговременным искусством и храбростию страшные по вселенной? Никак! Двенадцать человек, убогие, незнатные, простые, из деревень, из рыбацких хижин, ни гражданских, ни военных дел отнюдь не знающие люди, предприимлют торжествовать над царствами, разделяют между собою вселенную и, перешед пески, горы, стремнины и снега, воюют против бесчисленных народов; наги и безоружны увещевают нечестивых к благочестию, сребролюбивых к убожеству, сластолюбивых к воздержанию и, что еще больше, опровергают издревле почитаемых идолов пред лицом жрецов, дышащих ядом ненависти, водружают кресты и, пред ними умирая, торжествуют. Сию первую церкви нашей победу возвышает пролитая потом мученическая кровь, вопиющая бесчисленными свидетельствами на небо. Устраиваются по всему свету человекоубийственные громады, приводятся с концов земных епископы, пресвитеры, почтенные сединою мужи, жены, девицы и непорочные младенцы, повергаются на всенародных позорищах многоразличным терзаниям и челюстям зверей диких. По-

ощряют и напрягают взорами и голосом свирепые мучители биющих к вящему варварству, едино сие имея в бесчеловечных мыслях, как бы истребить новонасаженный виноград церкви Христовы. Но зубы их и ногти, железные гребни, терзающие колеса, кипящие котлы со смолою и другие тиранские орудия ободряют больше воинство Христово к веселому и велегласному



Принятие Владимиром святого крещения в Корсуни.

*Стенопись В. Васнецова
в Киевском соборе святого Владимира*

исповеданию и свидетельству Его воскресения. Наконец, победоносное христианство от порабощения на свободу, от гонения достигает в безопасность. Приходят из пустынь отшельники, нося вместо украшения всяких драгих камней страдальческие кости. Соединяются присутствием и мнениями с собравшимися от вселенныя великими учителями. Постыжены развратники, и общим согласием запечатлевается на соборах непорочная вера. Всеми сему свидетели, председатели и споспешники были премудрые и правосудные государи:

Константин и Ирина, Константин Погонат, Юстиниан Великий, Маркиан, Феодосий Юный, Феодосий Великий и святой равноапостольный Великий Константин, которому, государь, в российском роде тебя уподобить Божие благоволение поспешает, ожидая твоего к себе обращения. В том найдешь истинное себе очищение и просвещение. Тем избежнешь вечного на муки осуждения, которое неверующих постигнет. Придет нечаянно нелицемерный судия Иисус судить живых и мертвых, составив их от гроба. Неверных и злодеев пожрет огненная река шумящий пламень; верным и добродетельным со Христом царство на небесах будет вечное жилище».

Показал, оканчивая речь, изображение Страшного Суда Божия на завесе. Плачевный вид мучимых и пресветлое представление небесною красотою одетых присовокупили учению философов вящую силу, и Владимир, вздохнув, сказал: «Блаженны стоящие одесную; горе отлученным ошую». Отпустив с честью Константина, положил в прилежном испытании вер обождавать удобного времени к принятию христианства.

Итак, созвал к себе ближних и благоразумных советников и старых городских начальников, которым объявил о бывших послах и свое мнение об их верах, предпочитая прочим исповедание греческое [Нестор, 987 год]. Бояре и советники сказали, что всякую свою веру обыкновенно другим предпочитает, хвалит свое заблуждение, поносит других истину. Заочно судить есть от правды бегать. Безопаснее всего испытать каждую на своем месте. Понравился совет Владимиру, по которому выбраны десять мужей благоразумных и посланы к болгарам волжским, потом в Рим, наконец, в Царыград к грекам. Жиды не почтены были сего достойными, по Всевышнему суду лишенные царства и свободное богослужения.

Проходя многие земли и города и с великим тщанием и исполняя Владимирове повеление, посланные рассматривали разные веры. Наконец, когда в Киев как богатые купцы, с великим прибытком от довольной купли познания возвратились, при собрании знатнейших бояр, летами и благоразумием почтенных, спросил у них Владимир верного изъявления о каждой



Крещение Руси.

*Стенопись В. Васнецова
в Киевском соборе святого Владимира*

испытанной вере не слухом, но зрением. Согласно ответствовали, что «у болгар видели служение весьма скучное и печальное: в пустой и ничем не украшенной мечети стоят без пояса; поклонясь садятся изумленным лицом и, как обуявшие, оглядываются на стороны. Не приводит сердца в радостное умиление неистовая их вера и усердия к Богу не возбуждает. В Риме хотя устав службы уставнее, однако нет такого благочиния, благогласного пения и украшения церковного, как у греков. Когда мы

достигли Царяграда и введены были во храм Софийский, созданный великим царем Юстинианом в славу Божией премудрости, великолепным украшением, златыми утварями, драгоценным одеянием, благоуханием и сиянием возжженных светильников, благочинным и усердным молением, громким и согласным пением восхищенные, чаяли, что нас некоторая божественная сила поставила в пресветлых селениях небесных. Мы, великий государь, наслаждаясь такового сияния, не можем больше в



Крещение киевлян на берегу Днепра при Св. Владимире

здешней тьме остаться, но желаем и просим дать нам свободу принять в Греции гражданство и веру».

К окончанию их речи бояре присовокупили: «Если бы вера греческая не была толь преславна, не приняла бы оныя бабка твоя, премудрая Ольга». Владимир спросил: «Где же примем крещение?» — «Где тебе, государь, угодно», — все ответствовали единогласно.

Некоторые пишут [Андрей Вышоваты⁷⁸], что послан был от Владимира в разные земли некто половчанин Иван Смирам, который, проехав разными землями в Палестину и даже до Египта, и по долгом пребывании в Александрии крестился. Оттуда писал ко Владимиру, послав Новый Завет и увещевая, чтобы он к грекам и к римлянам не преклонялся ради излишеств в их вере и что он в Александрии нашел чистые апостольские учения и предания. Чаятельно,

хвалил он коптическую ересь, которая содержит обрезывание; чего ради не удостоена Владимирова внимания.

Уже его обращенное сердце жаждет, как елень на водные источники, святого крещения, однако, помня свое и предков в военном мужестве преимущество перед греками, желание свое намерился прикрыть важным предприятием, дабы греческие цари и греки не стали величаться ради российской уклонности в прошении крещения. Того ради, собрав великое войско, пошел в Херсонь к главному городу Феодосии и стал перед ним немного далее одного выстрела. Трудясь много времени в obleжании осадных, требовал сдачи, однако без успеху [988 год]. Итак, чтобы взять город приступом, повелел засыпать ров землею. Греки изнутри, сделав под стеною подкоп, уносили землю в город и россиян привели в удивление, что толь долго

рва наполнить не могут. Между тем некто из духовного чина, именем Анастасий, неведомо какую побужден причиною (может быть, чая Владимирова крещения), пустил со стены городской стрелу в российское войско, на которой было написано, что позади оного бьют подземные ключи, из коих потаенными трубами приведена вода в город: пресечением оных принуждены будут жители сдаться или умереть от жажды. По сему показанию трубы найдены, засыпаны и вода отведена от города. И так принуждены были отдаться во власть российского самодержца. Великая радость услаждала его сердце при входе в Феодосию без мно-

ние согласно свидетельствуют о преимуществе вашей веры перед всеми прочими. Того ради со всяким усердием и искренностию оную люблю, при сестре вашей принять желаю и жду ее и крещения». Цари призывают Анну, увещевают ко вступлению в брак со Владимиром. Она, опасаясь, отрицается. Братья к представлению наступающей в России великой чести сие присовокупляют: «Может быть, обратит Бог через тебя Российскую землю, и пребудешь от рода того благословенна вовеки. Отечество наше избавится от плачевных разорений. Знаешь, сколько Греция от россиян претерпела. И ныне подобная пагуба прибли-



Низвержение идолов в Киеве

гого кровопролития. Покоренная христианская крепость казалась предзнаменованием Божия благоволения к приятию Владимирову в правую веру.

По сем к царям греческим Василию и Константину посылает победитель, прося сестры их в супружество, которое залогом вечного мира быть обещает. В противном случае угрожает нашествием на Константинополь. Возвратившиеся из Греции от царей объявили, что супружество сестры их со Владимиром невозможно для крайнего различия веры, но может воспоследовать удобно, когда он ко Христу обратится и примет крещение. Великий Владимир, давно уже к приятию греческого закона приуготовленный, отвечает: «Учение вашего философа и моих послов испыта-

жается, ежели не отвратишь послушанием». Рыдая в слезном токе, царица едва промолвила: «Что ж, когда не примет или, приняв, отвержет веру и меня к идолопоклонству понудит?» — «Пострадай, — цари сказали, — и багрянородную кровию перед варварами засвидетельствуй истину христианства во дни наши».

Уже склоняется женское сердце к непоколебимой твердости братними увещаниями. Отплывают с нею в кораблях определенные от царей и патриарха сановники и священники со всеми ко крещению и к браку приготовленными утварями. Достигают Херсонския пристани и города Феодосии.

В то время чудною некоторою судьбою впал Владимир в болезнь и лишился зрения. Потому размышлял, что боги предков

его гневны и за отступление казнь наводят. В таковом сомнении послал к невесте спросить причины сего злополучия и от ней получил уверение, что сие есть искушение Божие о твердости его в вере, и ежели вскоре, не сомневаясь, окрестится, очистится во святой купели не токмо от слепоты очей телесных, но и умным зрением просвещен будет. Отложив двоемыслен-

ные колебания, Владимир вступает в купель очищения, крещается во имя Отца и Сына и Святаго Духа Иаковом, епископом херсонским. Нарицается именем царским Василей, освобождается от слепоты и поганства и, ясно прозрев, воздает горячее благодарение Создателю. Потом принял поучение и укрепление в вере от святителя и от всех радостное поздравление.

Глава 9

О КНЯЖЕНИИ ВЛАДИМИРОВЕ ПОСЛЕ КРЕЩЕНИЯ ЕГО

По торжественном сочетании с царевною Анною и по празднественном пиrowании посылает Владимир в Царыград к шурьям своим радостного вестника с дарами и объявлением о своем крещении и браке, прося притом от них и от патриарха Киеву митрополита. Радость в Цареграде была неописанна о новом приобретении толь великого государя в общество Христово. На митрополию киевскую избран и послан в Корсунь Михаил, родом сириянин. По его приезде и по благословению воздвигнута церковь в Феодосии, на бугре, наношенном землею из рва, который россияне, приступая, засыпать старались. Во время пребывания Владимирова в Херсоне приходили послы от царей Василия и Константина из Царяграда с великим почтением и дарами. Папа, не упуская времени, равным посольством почтил новопросвещенного государя не без искания, чтобы всеять в нем римского исповедания догматы. Печенежский князь Метиган, подражая Владимирову примеру, принял в Херсоне крещение.

По прошению новосочетанные супруги уступает Владимир Херсонь Греции обратно. Сам, взяв мощи святого Климента с другими многими святостями и церковными утварями, митрополита Михаила, проголопа Анастасия и других служителей церковных, в столичный Киев возвращается, Херсоня и кумирслужения победитель, сопряжен с царскою кровию и с верою Христовою.

Тогда по всеобщему государскому повелению опровергнуты идолы от своих мест,

прежде к их почтению определенных, обнажены от драгоценных украшений, раздроблены железом и преданы воде и пламени. Перуну, главной невегласов пагубе, большее всех, вместо большего прежде почтения, оказано поругание. Привязанного к хвосту конскому волокли на днепрский берег под жестоким битьем палками от двенадцати человек, бесчестными словами провождающих. Свергнутого в Днепр от берегов отбивали и до Запорожья пристать не дали. По извергнутому ниже порогов идолу ближнюю гору Перуном называют. Маловременная почесть новых идолов была образ и пример возвышенных без достоинства, едино разнствие в том имеющих, что идолы ни ударов, ни поклонов не чувствуют. На холме, где Перун стоял, построена церковь святого Василия в честь государского Ангела.

По сем назначил Владимир день всему народу киевскому для приятия святого крещения, объявив, что, ежели кто в установленное время не явится на реке Почайной, тот Господу Богу Иисусу Христу и ему будет противник. Собралось неисчислимое множество народа на указанный день и место. И сам великий самодержец со всем синклитом и освященным собором украсил присутствием великое сие действие и чудное позорище. При берегу на плотях стоят облаченные священники и диаконы, река наполнена обнаженными людьми всякого возраста и пола: иные в воде по колена, иные по пояс, другие по шею — моются, купаются, плавают. Между тем читают крещальные молитвы; каждый

по особливом погружении получает в крещении имя и помазание миром.

По сем первопрестольный митрополит киевский Михаил крестил всех сынов Владимировых саморучно. Имена, по крещении данные, троим только известны: Ярослав Ёргием, Борис Романом, Глеб Давидом названы. Источник от крещения их Крещати-ком проименован.

Хотя ж от Владимира объявлено было во всей России повеление, чтобы все его подданные крестились, противникам сказан гнев, однако немало целых областей осталось, которые крещения убегали, особливо подвластные Российской державе чудские народы, жившие около Муром, Суздаля и Ростова. Михаил-митрополит предпринял путь к Великому Новграду, но, не надеясь учением преодолеть упорства

против самодержавной власти претерпят некогда палочные смертные удары. Пловущего вниз Перуна сельские люди, знавшие, что он недавно наречен был богом, от берегов пхая, говорили: «Уже ты не бог больше; довольно и так мы тебя кормили; поезжай назад в темную адскую пропасть».

Некоторое неудовольствие в народе, особливо ж у женского полу, произошло, когда Владимир повелел учредить школы для научения малых детей грамоте, но матерние слезы и негодование благоразумными увещаниями, учительские излишние строгости добрыми установлениями прекратил рачительный первосвященник [Летописцы].

В добронамеренных трудах и желанных успехах сему государю нередко препятствовали набегами непостоянные печенеги. Итак, для безопасности от толь хищного



Поездка княжны Анны из Царьграда в Корсунь.

Из Кенигсбергской летописи

жителей, просил о вспоможении Добрыню, с которым низверг в Новгороде идолов и Перуна, подобно как в Киеве, велел с биением и поруганием грязью отволочь на берег и кинуть в Волхов.

Баснословят, что пловущий идол, выкинув на мост палку, вскричал: «Возьмите, новгородцы, и употребляйте для моего воспоминания». Откуда через долгое время обычай был, что и в христианские праздники вместо игры и увеселения бились новгородские молодые люди не без вреда своего палками. Кажется, сия их легковёрность предзнаменовала, что за упрямство

народа указал строить города по Десне, Выстри, Трубежу, Суле и Стугне и населить их славянами новгородскими, кривичами, вятичами и чудью, чем немало оградилась Россия от нашествия иноплеменников.

Для приведения в христианство земли Суздальския подвигся сам Владимир с митрополитом, обновил множество народа крещением, поставил на Клязме город [992 год.⁷⁹] и, наложив ему свое имя, украсил паче всех городов российских и создал церковь Успения Богоматери. Любление княжеское сего места и повеление привело многочисленных жителей.

По преставлении Михаила-митрополита присланный на его место от цареградского патриарха Леонтий поставил по городам российским епископов: Великому Новуграду и Пскову — Иоакима-херсонянина, который идолов разрушил до основания, в Чернигов хирогонисовал Неофи-

Христово и, поставив крест на горах Киевских, предсказывал на них благодати Божия воссияние, великого града и веры основание и сооружение церквей множества.

Второе, когда по неблагополучном походе Оскольдове и Дирове на Царыград требовали россы крещения и, уверясь не-



Водружение апостолом Андреем Первозванным креста на Киевских горах.

Стенопись Киево-Печерской Лавры

та, в Ростов — Феодора. Для проповеди христианства в болгарях послан был некто Марк Философ, но без желанного успеха: крестились только четыре князя, пришед в Киев. От особенного благоговения и усердия повелел Владимир воздвигнуть в Киеве каменную церковь во имя Пресвятыя Богородицы. Призванные из Греции мастера с великим тщанием дело совершили, на что многое княжеское иждивение положено и определена со всего государства десятина, по чему церковь Десятинною именована.

Итак, широко распространилось и твердо вкоренилось в России христианское православие, что прежде сего троекратно начиналось. Первое, благовестием святого апостола Андрея Первозванного, когда, проходя Днепром и Волховом сквозь славенские пределы, проповедовал Евангелие

сгоревшим Евангелием, приняли закон христианский [Зонар, кн. 16, гл. 10.⁸⁰]. Крещение князей Святополка, Ростислава и Коцела не надлежит до россиян, но до славян дунайских, кроме того, что переведенные в Моравии церковные книги употребляются в российской церкви обще со славенскими народами, содержащими греческое исповедание. Третье крещение было Ольгино, коим многие россияне просветились, взирая на ее обращение.

Владимир, ходив на болгар и хорватов и с победами возвращаясь, услышал, что, хотя пользоваться его отсутствием и не боясь утомленного войска, приблизились с великими силами печенеги и за Трубежем против него ополчились [992 год]. Немедленно храбрый государь вышел навстречу и на противном берегу стан поставил. Печенеги требовали на поединок борца от Владими-

рова войска, представляя своего исполина, дабы тем единоборством прекратить наступающее кровопролитие с обеих сторон и одолевший богатырь представил бы победоносную сторону, одоленный до исторжения духа — побежденную. Владимир, не ведая в полках своих чрезвычайного усилка, велел спрашивать чрез кличеев.

Некто ремесленный человек, ременьщик, явившись, сказал, что есть у него сын, коего никто не одаливал с ребячества, и что он, осердясь, дерет сырые воловые кожи. Призван перед государя, требовал для показания опыта, чтобы привели великого, сильного быка и раскаленным железом раздражили. Учинено; бык в ярости стал бегать и землю рыть копытами и рогами. Ременьщиков сын толь мочную скотину в самом стремлении ухватил за бок и кожу с мясом вырвал. «Можешь с печенежским богатырем бороться», — сказал Владимир и повелел к утру приготовиться ему и всему войску.

Приспевшу времени, выходят поединщики на сражение. Печенеги, видя соперника ростом перед собою мала (он был посредствен), презирал и насмехался; и, вдруг напустившись на него, закричал страшным голосом. Молодой ременьщик, схватив пече-

нега, поднял, ударил о землю и дух из него вышиб; исчезла вдруг гроза и ярость. Печенежское войско, объятное робостию, обратилось в бегство. Россияне, по княжескому повелению вслед достигая, множество неприятелей на поле постлали. Ременьщик с сыном почтены знатными чинами и другим жалованьем. На броду Трубежа-реки, где отнята у печенегов слава, заложен тогда Переяславль, вскоре построен и украшен церквами. Белгорода строение в те же времена зачалось и совершилось [991 год].

Бывшу некогда Владимиру в Василеве немногочисленному, печенеги учинили на него нападение. В такой скорости принужден был обороняться малочисленными людьми, почему и не мог устоять против неприятеля. Бегством спасаясь, укрылся под городским мостом. Сие случилось на праздник Преображения Господня, коему в честь обещал в сей опасности церковь воздвигнуть и, спасшись, обещание исполнил [996 год], дню ж сему воздал великое почтение молебствами и угощениями.

Не давая отдохновения Владимиру, неугомонные печенеги излучили время и употребили к своим поискам, когда сей трудолюбивый государь отлучился в Новгород. Приступили и окружили новосозданный



Г. Угрюмов. Ян Усмошвец



Великий князь Владимир Святославич.

Из книги «Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 г.»

Белгород, не позволяя жителям из него выступу в намерении принудить к сдаче голодом. Жители для великой нужды ворота отворить хотели неприятелям, однако некто смысленный гражданин удержал их и беду отвратил смешным вымыслом. Уговорив отчаянных до трех дней не сдаваться, собрал сколько мог овсяной муки, отрубей, пшеницы и меду; в уготовленных кадах, врытых в землю как колодезях, развел в одной кисельную цежу, в другой сыту, в кои тайно подведенными трубами мог дополнять, что черпали и варили жители. Призванным якобы для договора в город печенегам притворные подземные ключи показаны с их употреблением, кисель на пищу с сытою поставлен и в стан их для уверения князей и военачальников отпущен. Кочевой народ, хлебных пищей мало знающий, подумав, что город снабден натуральною пищею и весьма необорим голодною нуждою, отступил и удалился.

Владимир, оградив свою державу мужеством и просветив православием, начал размышлять, как бы утвердить мир в потомственное время между детьми своими, ведая, что несогласие в братиях много бед причинить может. Собственный пример, гибель Ярополкова и Ольгова предписывали осторожность от будущих несчастий. Того ради разделил или, справедливее сказать, отдал в уделы детям разные княжения на содержание по приличеству их породы, оставив себе и старшему потом наследнику киевское великое княжение и верховное повелительство над всеми уделами. Старший сын Вышеслав получил в участие Великий Новгород, прежнее Владимирове владение, которое еще при жизни его, по смерти Вышеслава досталось Ярославу. Изяслав отпущен, как выше показано, с матерью на дедовское княжение, в Полоцк. Святополку дан Туров, Ярославу — Ростов, потом Новгород, а Ростов — Борису, Глебу — Муром, Святославу — Древлянская земля, Всеволоду — Владимир, Мстиславу — Тмутаракань, Станиславу — Смоленск, Судиславу — Псков, Погвизду — Волынь и Луцк. Всем притом заповедал и повелел, чтобы жили в братской любви и тщание полагали в распространении веры Христовы.

Преклоняясь к старости, Владимир прилежал к церквям и к молитве неусыпно, воздая за заслуги с избытком награждение, помогая расточением своего имения бедным и страждущим, строя и обогащая церкви и предложенными пред народом угощениями довольствуя подданных. Приобыкши к кротости, нередко прощал великие вины законопреступникам и свобождал от казни злодеев. Ослаба произвела беспокойство и разорение неповинным. Все пути заняты стали и пресечены разбойниками. Того ради собравшись, архиереи российские представили государю опасность, от такого послабления наступающую, увещевая, «что меч ему дан от Бога не токмо против неприятелей, но и на казнь законопреступных и что к злодеям милосердие есть к неповинным тиранство». Притом напоянули о прежнем содержании войска для безопасности подданных и церкви. Побудили сим мягкосердого при старости государя. Разбойники почувство-

вали справедливую казнь, и войско возобновил Владимир против прежнего по примеру и расположению отца своего и деда.

Узаконено было издревле, чтобы новгородцы платили в Киев дань повсягоднюю по две тысячи гривен [1014 год]. Ярослав, презревая отца своего старость, не исправлял повеленного, удерживая у себя ему должное. Подвигнутый за то на гнев Вла-

димир велел исправлять к Новуграду дороги и мосты, хотя идти войною на Ярослава, взять уреченное и мстить сыновнее к родителю нрезорство. К Ярославу собрались призванные из-за моря для сопротивления варяги. Межусобная война восходила подобна грозной туче, однако по Божиему промыслу нашествием печенегов и представлением Владимиром отвратилась.



Наружный вид раскопок основания великокняжеского дворца в Киеве, принадлежавшего святому Владимиру и построенного, вероятно, его бабкой — святой Ольгой.

Рядом с фундаментом дворца — братская могила

Борис, любезнейший из всех сынов, приключился в Киеве. Святополк, пронырствуя, всегда около Владимира обращался, дабы похитить престола киевского наследство. Владимир поручает готовое уже к походу войско Борису и против печенегов посылает.

В Борисово отсутствие христианского кончиною к Богу преселился июля в 15 день [1014 год], жив лет 73, государствовал в идолослужении 8, в христианстве 27. В союзе и в любви пребывал с соседними держателями, с Болеславом польским, Стефаном венгерским и с Генриком чешским. По

супружеству с греческою царевною именовался царем. Пример оставил по себе потомкам отменныя храбрости, кроткого правосудия, щедролубия к требующим и теплого усердия к истинному Богу. Поползновения буйной младости загладил человеколюбивыми делами умеренныя и кроткия старости. По всем делам геройства от защищенного, расширенного и прославленного своего народа справедливо приобрел проименование Великого, имя Святого от основанной, снабденной и украшенной российской церкви.

Глава 10

О КНЯЖЕНИИ СЯТОПОЛКОВЕ

[Нестор, летописцы и степенные книги, 1015 год]

Для предускорения в получении наследства, скрывал Святополк смерть Владимирову от братьей, а паче от Бориса, повелевающего великим воинством; с Берестова, где Владимир скончался, отвез тело в Киев и тайно положил в мраморном гробе, в церкви Десятиной. Между тем послал в полки к Борису, скрыв кончину и ложно возвещая, «что отец разболелся и хочет его видеть, для того шел бы поспешно в Киев». Сим умыслил Бориса отлучить от войска. Между тем, уведав народ преставление великого самодержца, стекся несказанным множеством в церковь и горьким рыданием и слезами оказал свою скорбь для его отлучения от жизни.

Борису весть Святополка ложная, но купно и праведная из города встретила на Алге и в печаль великую преклонила. Военачальники, ободряя его, представляли, чтоб, имея в руках все отеческое войско, пошел против Святополка, похитившего неправедно престол киевского великого княжения. Но он отвечивал, что совесть его не допускает поднять руку против старшего брата, которого он вместо отца почитать должен и от него отеческой любви чае.

Видя Борисово мягкосердие и зная коварство и свирепство Святополково, военачальники со всем воинством отступили, поспешая прилепиться к Святополку. Бо-

рис остался токмо со своими верными слугами. Зверонравный Святополк, пришед ночью гайно к Вышгороду, просил тамошних бояр, чтобы за него стояли и Бориса бы живота лишили, которого он больше всех опасен. «Положим свои головы за тебя», — отвечивали Святополку подобные ему злодеи.

Приспели неукоснительно убийцы на Алту и, приближась к шатру Борисову, услышали, что поют утреню. Приметив себе приближающуюся пагубу, кроткий Борис по усердой молитве Богу лег на постелю. Наскочили злодеи, как свирепые звери, ударили в него копьями и слугу его Георгия, родом угурина, пронзили. Для снятия золотой гривны, положенной на него за верность от Бориса, отрубили голову и всех оставшихся с князем своим живота лишили. Обвитого шатром неповинного страдальца повезли к Вышгороду, но вскоре услышали стенание полумертвого. Для прикончания по Святополкову велению некто варяг мечом проколол самое сердце.

И так непорочный отрок скончал свое течение с похвальным и Христову подобным терпением, хотя, по человеческому мнению, коему Божеские судьбы неведомы, кажется лучше бы ему было данным от отца и от Бога воинством истребить боготупного Святополка для сохранения жизни братьей своих — Глеба и Святосла-



СВЯТОПОЛКЪ ОКАЯННЫЙ 1019.

Святополкъ терзаемый удержанной совестью и преследуемый тайными военными братьями, скитается въ лесахъ Богомыскихъ

См. Чернявск

Рис. мей. Бюргерман

ва — и предварить в отечестве извне и извне последовавшее кровопролитие, ибо Святополк, видя кровь Борисову, на большее подвигся зверство: послал подобным образом в Муром ко Глебу, возвещая ложно о родительском повелении в болезни, как Борису. С малым числом слуг на конях Глеб к Киеву поспешает и, как приблизился к Волге, во рву коню его спотыкнувшись, от падения повредил ногу. Итак, поплыл на

судне к Смоленску. Минув оный, на Смядыне услышал весть от Ярослава, что отец на другую жизнь преселился, Святополк похитил престол великого киевского княжения и оное начал братоубийством единоутробного ему Бориса.

Горьким рыданием со слезами восстал Глеб о лишении отца и брата, жалуясь, что не прежде или не с ними купно жизнь его пресеклась. Внезапно посланные от Свято-

полка убийцы насад Глебов удержали и слезы его смешали с неповинною кровию, пролитою от его ж повара, который, забыв Бога и милость своего государя, ударил прежде всех ножом в горло. Убиенного тело повергнуто было на берегу меж двумя колодами, потом отвезено в Вышгород и погребено подле Бориса.

для совета, на двор свой, где ласканием привлеченные по данному от Ярослава знаку ввечеру побиты. В ту же ночь прибеж вестник из Киева от Предславы, сестры Ярославли, сказывая, что отец отшел от сего света, Святополк, овладев Киевом, избивает братьей и чтобы Ярослав от подобного зоключения остерегался.



Святополк посылает убийц к святому Борису.

Из Сильвестровского сборника

Святослав на княжении в земли Древлянской, слышав об убиении Бориса и Глеба и не надеясь на свои силы, чтобы стать против насилия Святополкова, побежал в Венгрию, однако на пути от Святополковых кровожажущих приспешников достиген и живота лишен, не доезжая гор венгерских. Еще до вести о таковом Святополковом тиранстве в Новгороде востало великое смятение, ибо жители и посадники, опасаясь своего утеснения и приведения в совершенное подданство Ярославу чрез вспоможение варяжского войска, призванного для походу против Владимира, которое много насильства в городе учинило, нечаянно вооружились и, напавши на варягов, живших на дворе Парамонове, наголову порубили. Озлобленный тем Ярослав созвал лучших людей, варяжскому убийству предводителей, якобы

В толь трудных обстоятельствах нужно ему было смиренным образом просить новгородцев. Коих призвав, «любезные мои други, — сказал, — забудьте вчерашнюю мою крутость; общая наша нужда требует согласного отпору против беззаконного насильства. Отец мой умер (утирая слезы, речь перерывал стенанием), Святополк похитил владение и обагрил кровию братьей наших — Бориса, Глеба и Святослава и прочим готовит подобную пагубу». Без отрицания склонились новгородцы, предпочитая общую безопасность собственному счастью, и к тридцати тысячам варягов сорок своих присовокупили. С сими войсками поспешно пошел Ярослав на Святополка и, вздохнув, сказал: «Не я зачал избивать братьей. Суди, Господи, праведно и отмети кровь неповинную». Святополк, уведав приближение Ярославлe, собрал



Два варяга пронзают сердце Бориса

многочисленное войско российское и к ним призвал печенегов. Сошедшись в приближение, оба войска стали по обеим сторонам Днепра при Любече. Три месяца ожидая один от другого нападения, пришли в немалую скуку и унылость. Наконец раздражил новгородцев воевода Свято-

полков, который, разъезжая к ним, кричал: «Что вы, плотники, пришли сюда с хромым своим князем (Ярослав был слаб ногами), никак ищите плотничьей работы и хотите строить нам дома?» Раздраженные сим ругательством новгородцы приступили ко князю и приказу требовали на завт-



Святой Глеб едет на коне



Убиение святого Глеба.

Из Сильвестровского сборника

рее перевозиться чрез реку против неприятеля с тем, что, ежели кто с ними не пойдѣт, убит от своих будет.

Рано поутру подвигнул Ярослав войско и, перевоза за реку, велел суда от берегу отпихивать для отнятия всякия надежды к бегству. Между сразившимися войсками от великой сечи оружный треск слуху, течение крови зрению страх наводили. По обеим сторонам побоища великие озера воспятели печенегам вредить Ярославу набегами. Случилось время замороза, и

тонкий лед нигде к переходу не был способен. Притесненные войска Святополковы принуждены отступить на лед, который не имел довольной крепости для удержания многочисленного народа, оружием отягощенного. И так, видя своих изнеможение, Святополк в бегство обратился. Победитель Ярослав, преследуя бегущих, потопил в кровавой воде великое множество сопосагов и въехал без отпору в Киев. Братоубивцу осталось едино спасение бегством в Польшу.



Глава 11

О КНЯЖЕНИИ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО

Святополк, странствуя по Польше, побудил Болеслава Храброго против Ярослава. Случаем сего межуособия желая пользоваться, король польский наступил с южной стороны на российские пределы и области. Однако и Ярослав, не теряя времени, совокупил новгородское войско с варягами и встретил неприятелей на Волыне. Обои противные полки стали друг против друга на реке Буге. Меж обыкновенными в те времена в неприятелях взаимными перебранками Будый, дядька и воевода Ярославов, кричал через реку к Болеславу: «Скоро прободем твое толстое брюхо!» Король был тяжек дебелостию и возрастом тела и потому к езде верхом мало способен, однако духом бодр и смысен. Не стерпев, закричал к своим: «Буде вам моя укоризна не досадна, один против неприятеля поеду и погибну; вы со стыдом останьтесь!» С сими словами сел на коня и бродом за реку против Ярослава поехал. Устремились за ним польские полки и на россиян, не успевших вооружиться, с яростию напали. Ярослав, побежденный, побег к Новуграду, а Болеслав, вступив в Киев со Святополком, расположил войско по другим городам для их содержания.

Из Новгорода хотел Ярослав уклониться к варягам, боясь неприятельского преследования. Однако новгородцы и посадник Снятин, сын Добрынин, чтоб его не отпустить, рассекли суда морские, объявляя, что они еще могут стоять против Болеслава и Святополка. Итак, собрав великое число казны с города, наняли снова сильное войско варяжское и поручили Ярославу.

Между тем Святополк, видя, что Киев и другие города заняты поляками и победа над Ярославом ему бесполезна, приказал тайно (вместо благодарности), чтобы киевляне поляков, нападши нечаянно, всех вдруг побили, что скоро исполнилось делом. Болеслав побежал из Киева с остальными людьми своими в отечество, похитив мно-

жество имения бояр и сестр Ярославлих, и, отходя в Польшу, Червень за себя занял.

После сего Ярослав взял Киев, а Святополк убег к печенегам и привел их в ужасном множестве на Ярослава; но он встретил сих варваров с полками своими на реке Алте, на месте, где убит Борис. Воздев на небо руки и со слезами, возопил к Богу: «Здесь видишь, правосудный Господи, землю, обгавленную кровию непорочного отрока твоего Бориса. Беззаконный убийца, насытый братния крови, не престаёт искать истребления всего нашего роду; защити нас, отмсти кровь неповинных».

С восхождением солнца снялись обеих сторон войска в кровопролитное сражение. Чрез целый день сомнительная победа колебалась по напоенному кровавыми ручьями полю. И уже солнце, к захождению преклоняясь, оставило одоление Ярославу. Побежденный Святополк от расслабления и трясения членов не мог бежать на коне: для того с крайним поспешением несли его бегущие на носилках. Достигнув Берестова, говорил несущим: «Ускоряйте бегство, погоня за нами близко», чего, однако, не было. И так, беспрестанно мечтая гонцов за собою, грозящих за злодеяние лютым мщением, пробег всю Польшу и на пределах чешских извергнул скверную свою душу. Ярослав сел спокойно в Киеве на отеческом престоле, утерши пот лица своего по труде великом.

Но мало пользовался покоем, ибо Брячислав, князь полоцкий, сын Изяславов, Ярославов племянник, в отсутствие его в Киеве внезапно набежал на Великий Новгород, пограбил множество имения, в полон взял бояр и с тем пошел обратно. Однако Ярославом достиген из Киева в семь дней, на реке Судомире разбит, и новгородцы с имением возвращены восвояси. Брячиславу бегство было спасением от пленения, а Ярослав возвратился на отдохновение к Берестову.

Около сих времен Мстислав, господствуя в Тмутаракани, ходил на косогов [1022 год].



ЕДИНБОРСТВО

Мстислава Удалаго съ Рюдедено 1022. года.

Редедя, князь их, стал противу со своею силою и выслал ко Мстиславу вызывать его на единоборство с условием, что победителю взять, без большего кровопролития, имение, жену, детей и землю побежденного и чтоб поединку быть без военного оружия, борьбою. Согласились в том оба соперники, сошлись между обоими войсками и к борьбе сцепились.

Долгое время сомнительно казалось одоление. Наконец Мстислав, чувствуя сил своих ослабление против Редеди, превосходящего возрастом и крепостию, в поте и в одышке возопил от сердца: «Поддай мне одоление, Божия Мати, храм в честь тебе воздвигну». С тем словом ударил о землю противоборца и нож вонзил в горло. Потом вскоре, с победою вступив в его землю, наложил дань и плененную жену побежденного с детьми привел в Тмутаракань с собою. Обещанная за одоление церковь заложена и вскоре построена.

Приобретенным богатством и косожеским народом в подданстве надменный, Мстислав распростер свои желанья ко владениям Ярославим, видя, что едва не

вся Российская держава после гибели прочих братьев под его повелительством. Для того, не бывшу в Киеве Ярославу, но в Новгороде, внезапно приступил к первопрестольному городу [1024 год], однако ради сильного отпора отступил и, заняв Чернигов, сел в нем на княжении. Обыкновенное из Новгорода к варягам прибежище снова служило Ярославу к замене новгородцев, которые хотя много сами собою, однако больше наемными людьми воевали и, вместо пролития своей крови, деньгами отсыпались. Якун, славный варяжский полководец, с великим войском пришел к Ярославу на помощь из-за моря.

И так, совокупясь, достигли в поле на Мстислава. Сей поставил наперед против варягов северян, а за ними стал сам с отборным войском. К ночи наступила грозная туча с сильным дождем, молниею и громом. В таковом ужасном движении воздуха повел передние полки Мстислав против войск Ярославлих. Варяги, бившись наперед с северянами, весьма утрудились, что приметив, Мстислав ударил на усталых с отборными. Сверкающим молниям от-



Изображение храма святой Софии в Киеве.

Со старинного рисунка, заказанного польско-литовским гетманом князем Янушем Радзивиллом по случаю занятия его войсками Киева в 1651 году

свечивал блеск оружия, треск и крик, между громом и шумом сильного дождя мешаясь, умножал грозу гоя ночи. Смутное время, хитрость и храбрость Мстиславова понудила Ярослава и Якуна к бегству.

По восхождении солнца, объезжая место побоища, победитель веселился, что его северяне лежат, каждый имея подле себя убитого варяга, а отборные полки все в целости. По сей победе, довольствуясь преимуществом в храбрости, послал сказать

бы не впало в уныние. Любовь между обоими братьями умножилась согласным походом в Польшу [1031 год] и победоносными знаками достигла совершенного союза, ибо по смерти Болеслава Храброго совокупно воевали Польшу и к России возвратили Червень с волостями, что отнял Болеслав, возвращаясь из Киева от Святополка. Наконец, нечаянную на охоте Мстиславлею смертью осталось одному Ярославу всероссийское самодержавство.



Болеслав Храбрый.

*Из латинской книги А. Гваньини (приписывается перу польского писателя Стрыйковского)
«Описание Европейской Сарматии», издания 1581 года*

Ярославу: «Ты мне брат старший. Сядь в Киеве на отеческом великом княжении; мне одна сторона Днепра довольна будет». Невзирая на то, не доверялся Ярослав до совершенного замирения и пребывал в Новгороде; в Киеве сидели его наместники.

По конечном устроении с братом мира и по завоевании чуди и других несильных народов, при внутреннем прежде нестроении отделившихся, пользуясь домашним покоем, построил в Ливонии город, назвал Юрьевым в свое при крещении данное имя, что служило к легкому упражнению войска, да-

Для облегчения тягости обширных стран поручил он старшему сыну своему Владимиру в удел великое княжение Новгородское. В отсутствие его для сыновнего в Новгороде постановления пришли под Киев печенеги в несказанном множестве, но скорым возвращением самого Ярослава и стройным распоряжением сильного воинства набег их Киеву безвреден, самим бесполезен учинился. На месте, где ныне собор святых Софии, поставил Ярослав в правом крыле киевлян, в левом новгородцев, варягов в середине. Печенеги чрез

целый день нападали тщетно, к вечеру совершенно разбиты и, бегая от россиян по трудным местам, так уничтожены и рассеяны, что с того времени имя их с шумом погибло. По сем Ярослав, имея попечение, чтобы воздать благодарение Богу за толь многие победы и за сохранение жизни от различных опасных случаев, заложил и построил великую церковь святыя Софии [1037 год], в ограде с позлащенными воротами и многие другие к службе Божией дома в знак христианского благоговения.

Объявляют российские писатели о выкопанных при Ярославе костях прежних князей Ярополка и Ольга и об их крещении. Великое, буде правда, о душах дядей своих показал сей государь попечение, даже до суеверия! По смерти нет и покаянию, не токмо крещению места.

Между тем Владимир, сын Ярославль, воевав, одержал победы над чудскими народами и просил позволения от отца идти на греков по следующей причине: в долговременную тишину и мир между Россиею



Золотые ворота в Киеве.

Этот рисунок сделан придворным живописцем-фламандцем польско-литовского коронного гетмана Януша Радзивилла, войска которого заняли в 1651 году Киев

и Грецию жили многие россияне в Цареграде для купечества; по случаю учинился на площади меж ними великий раздор, так что дошло до кровопролития, в котором убит знатный россиянин, посланный в Грецию от Владимира. Для мщения сего убийства пошел он с великим войском на греков [1043 год. Нестор; Зонар, кн. 17, гл. 24⁸¹]. И как уже от устьев дунайских пустился в мелких судах к Царюграду, восстала великая буря, немалое число однодеревов Владимировых разбила, иные выбросила на берег. Услышав сие несчастье, Константин Мономах, царь греческий, к оставшимся шести тысячам россиян послал войско под предводительством Василия Теодорикана в четырнадцати судах, на которых огнедышащие грубы великий вред нанесли судам Владимировым, и для того по несчастливом сражении назад возвратился.

На берегу полонили греки Вышату и в выброшенных однодеревках много россиян, из коих немалое число (политический народ!) глаз лишили. По трилетнем в полону терпении и по заключении мира освобожден Вышата с прочими и в Россию отпущен. Сверх того, Всеволоду, сыну Ярославлю, присовокуплена в супружество греческая царевна, дочь Мономаха, от которой родился Мономах российский, еще при жизни деда своего Ярослава [Нестор].

Сие успокоение в южных пределах усугублено новым союзом с Польшею через брачное сочетание короля Казимира с сестрою Ярославлю Мариною, рожденною от Владимира и от последней его супруги, царевны греческой Анны. Прибыв в Польшу, принуждена была принять закон католицкий и

назваться Доброутевою. По мнению некоторых писателей [Кромер, с. 51.⁸²], первое имя отложено из почтения к Пресвятой Богоматери, дабы никто с нею подобно не назывался.

Знатные союзы, Ярославом утвержденные, купно с военными делами, соседям страшными, возвели Россию к великой знатности и славе. Генрик Первый, король французский, от супружества с Анною, княжною Ярославлею, родил три сына: Филиппа, Гугона и Роберта. Старший наследовал по отце королевство и произвел многое потомство. Со шведами от начала княжения Владимира Великого непрерывный мир и во все владение Ярославле содержался, к чему брачные союзы много спомоществовали. Супружеством Ярослав сопряжен был с королевною шведскою Ингигердою, дочерью Олавовою. Елисавета, княжна Ярославля, была за братом короля Олава Святого, за Гаралдом, который ходил в Царьград прежде своего владения в службу царей греческих и приобретенное там богатство сохранял в Новгороде у Ярослава.

По тридцатисемилетнем владении и по многих войнах лишился сей государь старшего и любезного сына Владимира Новгородского, а по двух летах сам ему последовал [1054 год], поучив сынов своих пред кончиною братолюбному миру и поручив первенство и Киев Изяславу, дабы его прочие, как отца, слушали, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяслав, Вячеславу — Смоленск. Жил 76 лет, велик миром и войною, но был бы еще больше, когда б новгородцам не оставил необузданной вольности.

Конец второй части

ПРИМЕЧАНИЯ

Систематическая подготовительная работа к этому труду началась около 1751 г. В «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» (август 1764 г.) Ломоносов писал, что он упражнялся «в собрании и в сочинении Российской истории около двенадцати лет».

Как видно из отчетов Ломоносова о его академической работе, писанных в 1751–1756 гг., он два года посвятил изучению источников.

В отчете за 1751 г. Ломоносов указывал: «В истории: читал книги для собрания материй к сочинению Российской истории: Нестора, законы Ярославли, большой Летописец, Татищева первый том, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные эксцерпты или выписки и примечания, всех числом 653 статьи, на 15 листах» (архив РАН, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 18–21). Здесь, наряду с летописями и первым томом «Истории Российской» Татищева, содержащим в основном греко-римские и славянские источники о скифах, сарматах и славянах и об их соседях, видим славянские и прибалтийские источники.

В отчете за 1752 г. указано: «В истории: для собрания материалов в Российской истории читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокпия, Павла Дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных. Эксцерптов нужных на 5 листах в 161 статье» (Биллярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. — СПб., 1865. — С. 187). Здесь видим преимущественно византийские источники, а также источники по истории готов, вендов, аланов.

Ломоносов изучил греческие источники. В отзыве об А. Л. Шлецере в октябре 1764 г. он указывал: «Что же надлежит до исторических изысканий из византийского корпуса, то на сей конец уже несколько лет изыскано мною не токмо все, что до славенских и с ними сплетенных народов надлежит в константинопольских писателях, но и в древнейших греческих, как в Геродоте, Страбо-

не, Птолемея и в других, мною приискано для примечаний на древнюю часть Российския истории» (Биллярский. Указ. соч. С. 729).

К началу же 1750-х годов относятся наброски плана будущего труда.

С 1753 г. работа Ломоносова над русской историей вступила в новую фазу. Он перешел к составлению текста.

В марте 1753 г. Елизавета, зная о его замысле от Шувалова, выразила поощрение его историческому труду. Ломоносов неоднократно сам заявлял, что его работа предпринята по поручению правительства. Так, в письме к Л. Эйлеру 12/23 февраля 1754 г. он писал: «Я вынужден здесь быть не только поэтом, оратором, химиком и физиком, но и целиком почти уйти в историю. Прошедшей весной я провел некоторое время в Москве, ожидая подписи дарственной, и августейшая императрица, удостоив меня милостивейшей беседы, заявила, между прочим, что ей приятно будет, если я напишу моим слогом отечественную историю. Итак, вернувшись в Петербург и составляя недавнюю мою речь, я часто за самой работой ловил себя на том, что душой блуждаю в древностях российских».

В представлении в канцелярию Академии наук 12 марта 1757 г. он также подчеркивал, что в марте 1753 г. слышал «всемилодивейшее повеление», «чрез» Шувалова, т. е. при содействии Шувалова, «чтоб я приложил старание свое к сочинению Российской истории» (Биллярский. С. 323).

В «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» (1764) Ломоносов уже утверждал, будто он вообще стал готовить свой труд по поручению Елизаветы, которая «на куртаге Ломоносову через камергера Шувалова изволила объявить, в бытность его в Москве, что Ея Величество охотно желала бы видеть Российскую историю, написанную его штилем. Сие принял он с благодарением и, возвратясь в Санкт-Петербург, стал с

рачением собирать к тому нужные материалы» (*Биярский*. С. 66—67). Мы видим, насколько эта версия, на которой Ломоносов настаивал в своих практических интересах, противоречит действительности. Ломоносов занимался подготовкой «Российской истории» задолго до поручения двора и независимо от него.

Несмотря на старание Ломоносова, чтобы первый том «к новому году письменный изготовился» (письмо И. И. Шувалову 31 мая 1753 г.), в отчете за этот год он мог только указать: «В истории: 1) записки из упомянутых прежде авторов приводил под статьи числами; 2) читал российские академические летописцы, без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских» (*Биярский*. С. 249).

В 1754 г. Ломоносов составил уже часть текста. В отчете за 1754 г. он писал: «В истории: сочинен опыт истории славенского народа до Рурика. Дедикация. Вступление. Глава 1, о старобытных жителях в России; глава 2, о величестве и поколениях славенского народа; глава 3, о древности славенского народа, — всего 8 листов» (*Биярский*. С. 280).

Этот текст, судя по его объему (лист = 4 страницам), совпадает с первыми главами «Истории» и, возможно, является его основой.

В 1755 г. Ломоносов сделал «в истории ...опыт описанием владения первых великих князей российских — Рурика, Ольга, Игоря» (*Биярский*. С. 302), что совпадает с первыми главами части II «Истории». Одновременно он работал над изучением Петровской эпохи. Материалы Петровской эпохи были использованы им и для составления «Описания стрелецких бунтов», посланного Вольтеру в 1757 г., и для разработки проекта исторических картин в составе задуманного им монумента Петру (1758).

В отчете за 1756 г. Ломоносов указал: «В истории: собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, слыхал между собою для наблюдения сходств в деяниях» (*Биярский*. С. 314).

В заседании Академического собрания 10 января 1757 г. Ломоносов заявил, что он «в печать издавать намерен историю Российскую» (*Биярский*. С. 315), а 12 марта 1757 г. просил канцелярию дать ему помощника для окончания «Истории». Он писал, что «упражнялся» по нынешний год «в собирании и чтении надлежащих к тому документов, оные разобрав по главам, и первого тому семь глав привел в порядок, притом сочинил вступление и дедикацию. Но как сие дело требует чтения весьма многих разных книг с выписками, то весьма одному мне сего исправить и к концу привести невозможно: для того должен иметь вспоможение; итак, канцелярия Академии наук представ-

ляю, дабы ко мне для вспоможения назначить изволила способного и охоту к тому имеющего студента» (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 383. *Биярский*. С. 323). Канцелярия дала в помощь Ломоносову студента С. Введенского.

В 1758 г. первый том «Истории» был готов. Дальнейшее его продвижение видно из переписки канцелярии. 22 июля отпускается бумага для переписки «Истории»; 9 сентября президент Академии К. Г. Разумовский подписывает указ канцелярии о печатании первого тома в академической типографии «для пользы публики без всякого укоснения, к чему присовокуплять его же примечания и изъяснения под текстом особливими литерами по его выбору, а для украшения в Академии художеств изобрести гридырованный лист и пристойные где надобно виньеты». Сохранилась запись Я. Я. Штелина с изложением придуманной Ломоносовым темы рисунка для фронтисписа «переднего гридырованного листа» для «Российской истории» (архив РАН, ф. 1, оп. 3, № 43, л. 132—132 об.) 15 сентября, получив указ президента, канцелярия определяет печатать два завода (2400 экз.) (*Биярский*. С. 375). Специально делаются новые «заставные литеры» для «Российской истории», которые 23 октября доставляются в типографию (*Биярский*. С. 375). 30 октября канцелярия дает ордер типографии на печатание (*Биярский*. С. 744). Из рапорта в канцелярию, составленного после смерти Ломоносова фактором типографии Артемием Лыковым, видно, что по 8 марта 1759 г. было напечатано три печатных листа «Истории» (*Биярский*. С. 744—745). Затем печатание было приостановлено самим Ломоносовым и рукопись была взята им из типографии.

Причиной этого, как указывал сам Ломоносов, было то, что его не удовлетворяла избранная им форма примечаний: как видно из указа президента 9 сентября 1758 г. и из записки Ломоносова 28 февраля 1763 г., эти примечания были слишком сложны; они состояли из ссылок на источники («цитации авторов») на полях и из подстрочных «примечаний и изъяснений под текстом». Это вызывало затруднения при наборе и при чтении. Автор хотел заменить эту систему более простой, поместив примечания после основного текста.

Однако Ломоносов смог вновь представить рукопись к набору лишь 28 февраля 1763 г. В сопроводительной записке он писал: «В канцелярию Академии наук сообщается при сем для напечатания первый том «Российской истории», состоящий из двух частей, содержащий в себе российские деяния от самой древности даже до кончины великого князя Ярослава Первого, то есть до первого главного разделения самодержавства российско-го; следуют еще две части сего ж тома: первая — до Батыева нашествия, то есть до порабощения

CHRONOLOGICAL ABRIDGMENT
OF THE
RUSSIAN HISTORY;

Translated from the Original Russian.

WRITTEN BY
MICHAEL LOMONOSSOF;

Counsellor of State, and Professor of Chymistry
at the Academy of Sciences at Petersburg;

And continued to the present Time by
the Translator.

LONDON:
Printed for T. SNELLING, (No. 163.) next
the Horn Tavern in Fleet Street.
M DCC LXXVII.

HISTOIRE

DE

LA RUSSIE,

Depuis l'origine de la Nation Russe,
jusqu'à la mort du Grand-Duc
Jaroslaws Premier.

Par MICHEL LOMONOSSOW, Conseiller.
d'Etat, & Membre des Académies Impé-
riales & Royales de Saint Pétersbourg,
de Stockholm, &c. &c.

Traduite de l'Allemand, par M. E * * *
Augmentée de deux Cartes Géographiques.



A PARIS,
chez GUILLYN, Libraire, Quai des
Augustins, au Lys d'or.

A DIJON,
chez FRANÇOIS DES VENTES, Libraire de
S. A. S. Monseigneur le Prince de Condé.

M. DCC. LXIX.
Avec Approbation & Privilège du Roi.

«Краткий Российский летописец» и «Древняя Российская история» Ломоносова,
английский и французский переводы.

Титульные листы. Монтаж



Первое здание Московского университета (ныне не существующее).

Рисунок XIX в.

русского татарами, вторая — до великого князя московского Ивана Васильевича, когда Россия вообще освободилась от татарского насилия. Сию книгу не намерен я печатать, как она начата, с примечаниями и с сокращениями на поле, но только с одними цитациями авторов; а примечания присовокуплю назади. Сие для того, что приметил я при печатании от того замешательства, и думаю, что и читателям не лучше будет.

Итак, из напечатанных уже трех листов набрать только один текст с цитациями авторов на полях. Таким способом не сомневаюсь сию желаемую в обществе книгу в кратком времени привести печатанием к окончанию» (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 274, л. 3; *Билярский*. С. 588—589). По ордеру канцелярии 11 марта 1763 г. был начат новый набор, который составил 17 1/2 листов; прежде отпечатанные три листа были уничтожены. Однако Ломоносов не успел представить ни дальнейшего текста, ни обещанных примечаний к напечатанному тексту. После смерти Ломоносова его труд оставался в незаконченном виде в академической типографии.

25 августа 1766 г. фактор типографии А. Лыков вновь доносил канцелярии: «Ныне же она история, за неимением в типографии к продолжению оригинала, печатанием не производится». Канцеля-

рия послала Конференции экземпляр печатного текста, требуя «яко о ученом деле, у г.г. академикова мнения» (*Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. — СПб., 1873. — Т. 2. — С. 791).

11 сентября 1766 г. Конференции были представлены две первые части «Древней Российской истории», напечатанные в 1/4 долю листа; академики решили выпустить в свет этот труд, «достойный своего автора», с добавлением предисловия, составить которое было поручено А. Шлецеру.

15 сентября Шлецер представил краткое предисловие на немецком языке, которое было, по его словам, «переделано» (*Шлецер А.* Нестор. — СПб., 1809. — Ч. I. — С. 147); оно было переведено С. Башиловым.

Уже в конце октября 1766 г. «по насланному из канцелярии Академии наук оригиналу к помянутой «Истории» титула, предисловия и оглавления напечатано 2425 экз.» (*Пекарский*. С. 793, донесение Лыкова 4 ноября 1766 г.; архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 511, лл. 227 об., 237). Часть экземпляров завода 1766 г. оканчивается словом «Конец»; другие экземпляры — словами «Конец второй части», и в них в нижнем правом углу последней страницы напечатано слово «часть», являющееся переносом к третьей части, которая не сохранилась.

«Древняя Российская история» была крупным событием в русской историографии. Это была первая печатная работа, вводившая читателя в круг исторических проблем, связанных с ролью далеких предков русского народа в мировой истории. Немалым преимуществом был также прекрасный, образный и точный язык этой книги.

Книга Ломоносова была сразу переведена на немецкий язык (*Alte russische Geschichte*. Перевод Хр. Бакмейстера. — Рига — Лейпциг, 1768) и на французский (*Histoire de Russie*. Перевод с немецкого М. Эйду. — Париж и Дижон, 1769; переиздания: Париж, 1773, 1776).

«Древняя Российская история» делится, по методу исследования, на две части. Освещая древнейший период русской истории, Ломоносов выступал как наблюдательный исследователь, вооруженный знанием всех доступных тогдашнему историку источников, мастерски доказывающий определенные положения, имевшие весьма большое значение и для современности, и для дальнейшего развития исторической науки.

Во второй части «Древней Российской истории», имеющей повествовательный характер, отмечается отсутствие научных проблем, которые и не могли возникнуть при тогдашнем состоянии общественных наук. Однако это вовсе не «сухой, без-

жизненный, риторический перифраз летописи», как это представлялось С. М. Соловьеву.

Здесь искусно скомбинированы и переплетены разные источники; кроме «Повести временных лет», апокрифического сказания о начале Новгорода, Никоновской летописи, Степенной книги, в ткань повествования вошли сведения из Кромера, связанные с Польшей, из Кедрина и Зонары, касающиеся отношений с Византией, из Стурлусона — о варягах, и пр. Нередко Ломоносов использовал также изложение событий и документов, сделанное Татищевым; так, он передает по Татищеву договоры с греками.

Ломоносов создает концепцию чисто светской истории в духе защиты единства России, которому, по его мнению, вредила «необузданная воля» новгородцев: он дает живую рационалистическую критику событий, с блестящими свойствами ему сатиры.

М. И. Сухомлинов сделал попытку заменить недостающие примечания Ломоносова, приводя соответствующие тексту цитаты из указанных Ломоносовым источников, на языке источника. В наших примечаниях даются ссылки на эти цитаты. Указания источников и дат, сделанные Ломоносовым на полях, перенесены в основной текст.

¹ «...в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели». — Имеются в виду описание России, тенденциозно преувеличивавшие отсталость России — вроде книги П. Петрея де Эрлезунда «*Historien und Berichte von dem Gros-sfürstenthumb Muschcow*». Lipsiae, 1620 (Истории и известия о великом княжестве Московском. Лейпциг, 1620). Эту книгу Ломоносов читал еще за границей в 1741 г. (см. письмо его Д. И. Виноградову 7/18 апреля 1741 г. из Марбурга с просьбой прислать ее).

² «...ожидать похлебства...» — угождения, поправки.

³ *Порфириогенит в Администрации*. — Имеется в виду сочинение Константина Багрянородного: *De administrando imperio*. Lugdini Batavorum, 1611 (Об управлении государством. Лейден, 1611); эту книгу Ломоносов брал из Академической библиотеки (см. список оставшихся за ним библиотечных книг: *Ламанский В.* Ломоносов и Петербургская академия наук. СПб., 1865. С. 140). Он пользовался также текстом этого сочинения по изданию А. Бандури: *Imperium orientale, sive antiquitates Constantino-politanae*, t. I. Parisiis, 1711 (Восточная империя, или Константинопольские древности. Париж, 1711).

⁴ «...Саксон Грамматик на многих местах. — «История Саксона Грамматика, в лист» значит в

списке оставшихся за Ломоносовым книг из библиотеки.

⁵ *Прокопий Кесарийский, также Иорнанд на многих местах*. — Цитата из Иорнанда приведена в изд.: *Ломоносов М. В.* Сочинения: В 8-ми т. — СПб.; Л., 1891—1948. — Т. V С. 179 (далее — акад. изд.; везде указываются страницы 2-й пагинации).

⁶ *Геогр.*, кн. 3, гл. 5, табл. 7. — Ломоносов пользовался изданием: *Geographia universalis vetus et nova, libros VIII*. Basileae, 1545, fol. (Всеобщая география древняя и новая в 8 книгах. Базель, 1545), что видно по шифру журнала библиотеки Академии наук (архив РАН, ф. 158, оп. 1, № 409, л. 12).

⁷ *Натур. ист.*, кн. 4, гл. 27. — Плиния Секунда «*Naturalis historiae libri XXXVII*» («Естественная история в 37 книгах») издавалась неоднократно в XV—XVIII вв.

⁸ *О нравах германцев* — Тацита; имелось несколько изданий XV—XVIII вв.

⁹ *Книга 1, гл. 12*. — Имеется в виду: Martini Cromeri. *De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX* («О происхождении и деяниях поляков» в 30 книгах); было несколько изданий XVI—XVII вв. Сочинение Кромера входило также в «*Polonicae Historiae corpus*» («Корпус Польской истории») И. Пистория Нидана (Базель, 1582, т. II, с. 402—833). Цитата приведена в акад. изд.: Т. V С. 180.

¹⁰ *Новгородский летописец*. — Свое отношение к этому источнику Ломоносов подтверждает и в «Кратком Российском летописце».

¹¹ *Гельмольд и Арнольд*. — Ломоносов пользовался изданием: *Chronica slavorum Helmodi... et Arnoldi. Lubecae, 1659* (Славянская хроника. Любек, 1659), имеющимся в библиотеке Академии наук. В экземпляре есть следы чтения Ломоносова на полях в кн. 1, гл. 1 и 52.

¹² *Натур. ист.*, кн. 6, гл. 1. — Эта цитата из Плиния приведена в акад. изд.: Т. V. С. 180; цитата из упоминаемой ниже книги 3, главы 19, на с. 181.

¹³ *Книга 3, гл. 3*. — Имеется в виду: Quinti Curtii Rufi. *De rebus gestis Alexandri Magni* (О деяниях Александра Великого); существует много изданий.

¹⁴ *Глава 44*. — Имеется в виду: C. Julii Solini *Polyhistor* (Полигистор); вышло несколько изданий.

¹⁵ *Книга 1, гл. 1* — Titus Livius. *Historiarum ab urbe condita libri* (Книги историй от основания города Рима); имелось много изданий. Ломоносов мог пользоваться современным ему изданием: *Amstelodami — Lugduni Batavorum* (Амстердам — Лейден), 1738—1746, в 7 томах.

¹⁶ «Мосоха, внука Ноева, прародителем славенского народа ни положить, ни отречи не нахожу основания». — Возведение славян к Мосоху принадлежало Синописису; это же утверждалось в рукописном «Ядре Российской истории» А. И. Манкиева (приписывавшемся А. Я. Хилкову; издано Г. Ф. Миллером. — М., 1784). В такой осторожной форме Ломоносов решительно отвергал применение библейских мифов к истории.

¹⁷ *Натур. ист.*, кн. 6, гл. 7; кн. 4, гл. 1; гл. 11. — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 182.

¹⁸ *Геогр.*, кн. 7, с. 218. — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 182.

¹⁹ *В Мелпо[мене], с. 115*. — *Historiarum libri IX, musarum nominibus inscripti* (Девять книг историй, названные именами муз) Геродота имелись во многих изданиях. Цитата из книги IV. (Мельпомена) приведена в акад. изд.: Т. V. С. 183—184; цитаты к дальнейшему тексту из книги II (Евтерпа) и V (Терпсихора). — Там же. С. 184.

²⁰ *Геогр.*, кн. 11, с. 343. — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 184.

²¹ *Лист 16 об.* — Под Нестором Ломоносов имеет в виду текст «Повести временных лет» в копии с так называемого Радзивилловского, или Кенигсбергского списка летописи, хранящейся в библиотеке Академии наук.

Определение Нестора как составителя основной части «Повести временных лет» было научно обосновано Татищевым (История Российская. — Ч. 1. — Кн. 1. — Гл. 5). Ссылки Ломоносова на Нестора почти всегда совпадают с текстом указанной копии, за исключением нижеследующей ошибоч-

ной ссылки на лист 2 об., в действительности относящейся к листу 3 об.

²² «...Плиний объявляет... выговаривать трудно». — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 185.

²³ *Геогр.*, кн. 3, гл. 5, табл.; *Евр.* 7. — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 185—186. Соображения о различном произношении имени славян у древних авторов высказаны Ломоносовым и в замечаниях на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера. Ломоносов мог использовать соответствующие указания в книге И. С. Ассемана «*Kalendaria ecclesiae universae*» (Т. I. Romae, 1750) («Календарь Вселенской Церкви». — Т. I. — Рим, 1750), которая была им взята из Академической библиотеки. Во 2-й части первого тома (*Origines ecclesiasticae Slavorum, Russorum, Moscovitarum, Bulgarorum* — Происхождение славянской, русской, московской, болгарской церкви) имеются сведения о различном наименовании славян разными источниками.

²⁴ *О Готической войне, кн. 3, гл. 14*. — Переводы из Прокопия Кесарийского, сделанные Ломоносовым, о быте славянских племен и, ниже, о войнах их с Византией были первыми на русском языке. Переводы его отличаются точностью и живостью языка (ср.: *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. Перевод с греч. С. П. Кондратьева. — М., 1950. — С. 297, 356, 364—366, соответствующие этой и дальнейшим цитатам Ломоносова). Текст Прокопия приведен в акад. изд.: Т. V. С. 186—187.

²⁵ *Книга 1*. — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 187—188.

²⁶ *Гарткнох. Диссерт. 12, о делах прусских, § 2*. — Имеется в виду: Chr. Hartknoch. *Selectae dissertationes historicae de variis rebus prussicis*. — Jenae, 1679 (Избранные исторические диссертации о различных прусских делах. — Йена, 1679). Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 188—189.

²⁷ *Арнкил. О цымбурском идолопоклонстве, на многих местах*. — Имеется в виду: M. Trogillo Arnkiel. *Cimbrische Heyden-Religion*. Hamburg, 1703 (Языческая религия кимб-ров. — Гамбург, 1703). Цитаты из трех мест приведены в акад. изд.: Т. V. С. 189—191.

²⁸ *Геогр.*, кн. 5, гл. 3. — В примечаниях к т. V акад. изд. ссылка уточнена: кн. 5, гл. 4 и кн. 8, гл. 17, § 1.

²⁹ *Декада 1, кн. 1*. — Имеется в виду: Blondi Flavii Forliviensis *Historiarum ab inclinatione Romanorum libri XXXI* («Истории от падения Рима» в 31 книге) в сборнике его работ: *De Roma triumphante*. Basileae, 1559 (О торжествующем Риме. — Базель, 1559). Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 192.

³⁰ *Кромер, кн. 1, гл. 8*. — Цитаты из гл. 9 (а не 8) и, ниже, гл. 14 приведены в акад. изд.: Т. V. С. 192—193.

³¹ «О грамоте... Александра Великого славенскому народу...» — Эта апокрифическая грамота была

учрежденіи Библіотеки; неже збудована будет
судная и денежная канцелярия, а также и
наше разведочное оное место представлять и
трусоты отбрасывать сумми.

2) Профессоры во всемъ учрежденіи должны
законоуказы царя и государя, во всемъ соблюдать.

Во юридическомъ пуб.

i. Профессоръ вѣдъ юридическія науки, кото-
рыя суть законъ гражданскій и уголовный
Правъ, процессъ и управленіе Россійской земли
и новой Сибири.

ii. Профессоръ юридическія Россійской, кото-
рыя суть римскіе законы, германскіе и
Правъ, процессъ и управленіе Прусскіе земли.

iii. Профессоръ Писания, которыя суть канони-
ческое Правленіе, толкованіе и писаніе
Правъ, процессъ и управленіе церковнаго, а также
въ Писаніи, а также и оное основаніе от канон-
ическаго права.

Во Медицинскомъ Зане.

i. Докторъ и профессоръ Медици.

ii. Докторъ и профессоръ натуральной философіи.

iii. Докторъ и профессоръ Астрономіи.

Во философскомъ Зане.

- | | | | |
|------|--------------------------------|---|-------------------------|
| i. | Профессоръ философіи. | } | 1 |
| ii. | _____ философіи. | | |
| iii. | _____ Астрономіи. | } | 1 |
| iv. | _____ Математики. | | |
| v. | _____ Исторіи. | } | всѣхъ и вероисповѣданій |
| vi. | _____ Гражданскія и криминалы. | | |

включена в то сказание конца XVII в., которое Ломоносов и другие называли Новгородским летописцем. Она впервые напечатана Карамзиным в «Истории государства Российского».

³² «...дыньки в российском купечестве прежде обращались...» — В тексте сказания, называемого Ломоносовым Новгородским летописцем, читаем: «там бо бегут дорогою скорою звери, рекомые дыньки, сиречь соболь» (Летописец Российский. Библиотека Академии наук, шифр 16. 4. 1, л. 3 об.); в других списках читается «годынки» (Гранограф. Копии разных рукописей. Там же, шифр 34. 4. 1, л. 48). У Миллера (Происхождение народа и имени российского. — 1749. — С. 31) они названы «ходынки».

³³ *О Готической войне*, кн. 3, гл. 38. — Ломоносов делает перевод отрывков из главы 38, до слов «со многими тысячами пленных», и далее из главы 40.

³⁴ *О Готической войне*, кн. 3, гл. 35. — Цитаты из Прокопия к этому месту и нижеследующему из кн. 4, гл. 4 приведены в акад. изд.: Т. V. С. 198.

³⁵ «...земля Венгерская... не должно сомневаться о единоплеменстве ее жителей с чудью...» — Проводимая здесь мысль Ломоносова о родстве венгерского языка с финской группой языков свидетельствует о его интересе к финно-угорскому вопросу; это подтверждается его знакомством со сборником «Scriptores rerum Hungaricarum veteres» (Vindobonae, 1746) (Древние писатели венгерской истории. Вена, 1746) в 2 томах, который он брал из Академической библиотеки в январе 1754 г. (архив РАН, ф. 158, оп. 1, № 409, л. 39). Происхождение венгров «от реки Угры из русского государства и княжества Югоры» отмечается еще автором «Ядра Российской истории» (см.: Ядро Российской истории, сочиненное... А. Я. Хилковым, изд. Г. Ф. Миллером. М., 1784. С. 8; автором «Ядра» в действительности был А. И. Манкиев).

Эта тема развита в трудах И. Э. Фишера, который в августе 1759 г. представил в Конференцию Академии наук речь о происхождении венгров.

Его работа «De origine Ungrogrum» была напечатана в сборнике его трудов: *Questiones Petropolitanae. Gottingae et Gothae*, 1770 (Петербургские вопросы. Геттинген и Гота, 1770). — С. 3—40. В ней доказывается этническая общность гуннов—унгров—югры—мадьяр, происхождение их от скифов и дается сравнительный словарь слов из языков народов Поволжья и Урала финно-угорской группы.

³⁶ *Том I, часть 7, гл. 143*. — Цитата о путешествии в Биармию и другие, относящиеся к дальнейшим ссылкам на Стурлусона, приведены в академич. изд.: Т. V. С. 198—203.

³⁷ *Геродот в Мелпомене*. — Цитаты к этой и следующим ссылкам на Геродота приведены в акад. изд.: Т. V. С. 203—207.

³⁸ В *Комментариях Академии наук, т. I*. — Имеется в виду статья З. Т. Байера «De origine et prisicis sedibus Scytharum» («О происхождении и древних поселениях скифов»). — 1728.

³⁹ «...Имя «скиф» по старому греческому произношению со словом «чудь» весьма согласно...» — Мысль об общем корне слов скиф и чудь была позже развита многими русскими исследователями, изучавшими происхождение приволжских и приуральских народов.

⁴⁰ *Книга 4, гл. 3*. — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 207.

⁴¹ *Мураторий, в Смешанной истории, т. I, с. 110*. — Имеется в виду «Historia miscella», помещенная в т. I издания Л. А. Муратори: *Rerum italicarum scriptores*. — Mediolanæ, 1723 (Писатели итальянской истории. — Милан, 1723), в состав которой входит Римская история Евтропия с продолжениями — Павлом Дьяконом и др.

⁴² *Кедрин 1034 года*. — Имеется в виду: Georgii Cedreni Annales, sive historiae ab exordio mundi ad Isacium Comnenum usque compendium (Сокращенная история от начала мира до Исаака Комнена), вероятно, парижское издание 1647 г., имеющееся в библиотеке Академии наук. «Cedreni Historia, t. I, in folio» числилась среди взятых Ломоносовым из библиотеки книг.

⁴³ «...Перинскиольд... называет варягов... варингами...» — Соответствующие цитаты из Стурлусона приведены в акад. изд.: Т. V. С. 209.

⁴⁴ *Патерик Печерский в Житии св. Феодора и Василия*. — Имеется в виду: Патерик, или Отечник Печерский. Житие Федора и Василия, под 11 августа. Цитата о варяжской пещере приведена в акад. изд.: Т. V. С. 210.

⁴⁵ *Кромер, кн. I, гл. I*. — Соответствующая цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 210—211.

⁴⁶ *Крыжаки* — крестоносцы; имеется в виду Тевтонский орден.

⁴⁷ *На многих местах*. — Имеется в виду: M. Praetorius. *Orbis Gothicus* (Свет готический). Monasterii Olivensis. — 1688—1689. В марте 1754 г. Ломоносов брал эту книгу из библиотеки Академии наук; в книге сохранились следы его чтения.

⁴⁸ *С. 43* — соответствующая цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 212.

⁴⁹ *Вейссель, лист 18, 23*. — Имеется в виду: Matth. Weisselius. *Chronika alter preussischer, eiflendischer und curlendischer Historien etc.* Königsberg in Preussen, 1599 (Хроника старопрусской, лифляндской и курляндской истории. — Кенигсберг, 1599). В 1754 г. Ломоносов брал ее из библиотеки Академии наук; в книге сохранились следы его чтения.

⁵⁰ *Берлинской академии календарь 1702*. — Имеется в виду: Neuer und Alter Hausund Geschichts-Calender auf das Jahr 1702, herausgegeben von der Societät der Wissenschaften. Allgemeine Beschreibung

der Lande Preussen, erstes Hauptstück (Новый и старый домашний и исторический календарь на 1702 г., изданный ученым обществом. Общее описание Пруссии, I раздел). Обширные цитаты приведены в акад. изд.: Т. V. С. 213—217.

⁵¹ *Саксон Грамматик, лист II.* — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 217—218.

⁵² *Преторий в Ютическом свете, кн. 2, гл. 1.* — Соответствующие цитаты приведены в акад. изд.: Т. V. С. 218—219.

⁵³ *Геогр., кн. II.* — Соответствующие цитаты приведены в акад. изд.: Т. V. С. 219—220.

⁵⁴ *«Вейссель из Богемии наводит... венды».* — Цитата из Хроники Вейсселя приведена в акад. изд.: Т. V. С. 220.

⁵⁵ *Книга I, глава 52.* — Ссылка относится в действительности к книге II, гл. 1.

⁵⁶ *Преторий, кн. 2, гл. 2.* — Цитата, которую переводит Ломоносов, приведена в акад. изд.: Т. V. С. 222.

⁵⁷ *Смотри в Кромере, с. 42.* — Изложение соответствующего места из «Польской истории» (Historiae polonicae libri XII) Яна Длугоша у Кромера приведено в акад. изд.: Т. V. С. 222.

⁵⁸ *Смотри в Вейсселе, лист 18.* — Изложение соответствующего места из «Хроники Польши» (Chronica polonorum, Cracoviae, 1521) Меховского в Хронике Вейсселя приведено в акад. изд.: Т. V. С. 222.

⁵⁹ *Страбон, кн. 7, с. 212.* — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 153.

⁶⁰ *Тацит, кн. 1, гл. 79.* — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 154.

⁶¹ *Спартиан в Житии Адриана кесаря, гл. 6.* — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 154.

⁶² *Иорнанд, гл. 24.* — Цитата, фактически из гл. 23, приведена в акад. изд.: Т. V. С. 233.

⁶³ *Иорнанд о наследии, с. 239.* — Идет речь о работе: Jordanis, seu Jornandes. De regnorum et temporum successionе (О наследии царств и времен), которой Ломоносов также пользовался по Муратори. Цитата из гл. XXIV приведена в акад. изд.: Т. V. С. 223 и 224.

⁶⁴ *«Аларих... почитается от Претория за ружанина... склонны были».* — Цитата из «Orbis Gothicus» Претория, кн. 3, гл. 6, § 1, приведена в акад. изд.: Т. V. С. 224.

⁶⁵ *Новгородский летописец.* — Цитата из рукописного «Летописца российского» о совете Гостомысла пригласить варяжских князей приведена в акад. изд.: Т. V. С. 225.

⁶⁶ *Свет Ютический, кн. 2, гл. 2.* — Подробная цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 226.

⁶⁷ *«...в наших некоторых писателях показано».* — Имеется в виду Степенная книга XVI в. Первое издание «Книги Степенной царского родословия» сделано Г. Ф. Миллером в 1775 г.

⁶⁸ *«...комета на западе наподобие куста».* — Текст дан по Татищеву; в «Повести временных лет» под 911 г.: «Явился звезда велика на западе копейным образом». Это была комета Галлея, прошедшая через перигелий 19 июля 912 г.; в летописи ошибочно отнесена к 911 г. (см.: Повесть временных лет / Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950. Т. II. С. 271). Внесение этого факта в рассказ объясняется особым интересом Ломоносова к вопросу о кометах; взгляды его по этому вопросу изложены в «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих». — 1753 г.

⁶⁹ *«...приходящих черней и болгаров...»* — Ошибка Ломоносова, который неправильно прочел текст летописи «А о сих, оже то приходить чернии болгаре» как «черни и болгаре».

⁷⁰ *«...пробил тем коня сквозь уши».* — В летописи: «и копые лете сквозь уши коневы», т. е. между ушами.

⁷¹ *Сборный Временник.* — Источник этот не уточнен. Возможно, что Ломоносов имел в виду какой-либо список «Степенной книги», где Ольга говорит послам Цимисхия, что он «коварствовал» ее старости.

⁷² *Кедрин, с. 415.* — Обширные цитаты (по-гречески) из Кедрина о походе Святослава в Болгарию приведены в акад. изд.: Т. V. С. 236—248.

⁷³ *Зонар, кн. 17, гл. 2, 3 и 4.* — Имеется в виду: Johannes Zonaras Annales seu cronicon... seu Compendium historiarum ab O. C. usque ad obitum Alexii Comneni 1118, libri 18. — Paris, 1686—1687 (Анналы, или Хроника, или Сокращенная история от основания мира до кончины Алексея Комнена в 1118 г., в 18 книгах. — Париж, 1686—1687), с греческим и латинским текстом (т. I — книги 1—12; т. II — книги 13—18).

⁷⁴ *«...и наши головы будут».* — Речь Святослава составлена по «Повести временных лет» и по Кедрину. Источники указаны в акад. изд.: Т. V. С. 246.

⁷⁵ *Кромер, с. 34.* — Цитата о войне Мечислава с Владимиром приведена в акад. изд.: Т. V. С. 253.

⁷⁶ *Стурлезон, часть 6, гл. 7.* — Большая цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 255.

⁷⁷ *Нестор 1128 года.* — Ссылка на Нестора ошибочна; дата взята из Никоновской летописи, где повесть о мщении Рогнеды изложена в форме рассказа о прежних временах.

⁷⁸ *Андрей Вышоваты.* — Здесь Ломоносов использует комментарий к «Nucleus historiae ecclesiasticae Christophori Sandi» («Ядро церковной истории Христофора Занда»), где подробно изложена легендарная история о некоем Иване Смере, половчанине, медике, посланном князем Владимиром для испытания веры и написавшем письмом Владимиру из Александрии Египетской. Легенда о письме Смеры, вырезанном особыми старорусскими буквами на медных досках и будто бы со-

хранявшемся в одном из польских монастырей, поддерживалась польскими средневековыми богословами.

Это письмо появилось в комментариях к книге Занда на латинском языке; переводчиком с польского, сообщившим его автору «Ядра», назван Бенедикт Wissowatius, сын Андрея Вышоватого.

В комментариях названо также имя переводчика второй половины XVI в., который перевел письмо с древних письмен на русский и польский языки, — Андрей Колодинский из Витебска. См.: Appendix addendorum confirmendorum et emendandorum ad Nucleum historiae ecclesiasticae. — Colonia, 1678 (Приложение с добавлениями, подтверждениями и исправлениями к «Ядру церковной истории». — Кельн, 1678). С. 61–64; имеется в библио-

теке Академии наук. Письмо И. Смеры приведено в акад. изд.: Т. V. С. 256–257.

⁷⁹ 992 год. — Известия об основании Владимиром города Владимира-на-Клязьме в «Повести временных лет» нет; оно появилось лишь в общерусских летописях XV в., а Ломоносовым было взято из Никоновской летописи.

В действительности Владимир-на-Клязьме был основан в конце XI в. (см.: Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. — Пг., 1918. — С. 30).

⁸⁰ Зонар, кн. 16, гл. 10. — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 258.

⁸¹ Зонар, кн. 17, гл. 24. — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 259–260.

⁸² Кромеф, с. 51. — Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 260–261.

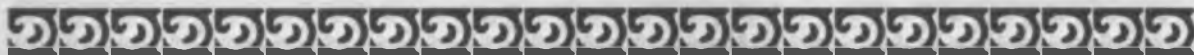
В. Р. Свирская



Святая княгиня Ольга.
Фреска Архангельского собора. XII век



И. А. Акимов. Крещение княгини Ольги



КРАТКИЙ РОССИЙСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ С РОДОСЛОВИЕМ



КРАТКОЙ
РОССИЙСКОЙ
ЛѢТОПИСЕЦЪ
съ
РОДОСЛОВІЕМЪ.

Сочиненіе
МИХАИЛА ЛОМОНОСОВА.



ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1760 года

Титульный лист первого издания



Его Императорскому Высочеству, пресветлейшему государю,
великому князю Павлу Петровичу, герцогу Голштейн-Шлезвигскому,
Стормарнскому и Дитмарсенскому, графу Олденбургскому
и Делменгорстскому и прочая,
милостивейшему государю

Россию предприяв ущедрить, небеса
Являют твоея породы чудеса.
Младый великий князь, ты, восходя, сияешь
И веку своего свет полный обещаешь.
Чудимся, радуясь природной остроте,
Пристойной праотцев пресветлых высоте.
Предвидим, рассудив мы детски разговоры,
Отрадою ко всем сияющие взоры,
Что будешь подданных веселие, покров,
В правлении пример, во брани страх врагов.
Изобразив твоих российских предков славных
Геройски подвиги и вкратце вид дел главных,
Я обращаю взор к вечерним сторонам,
В науках и в войнах героев вижу гам.
Для малости сих строк я их не исчисляю
И вместо всех Петра со Карлом представляю.
Сей шел, как Александр, вселенной потрясти,
Но он победами пресек его пути;
Один нас просветить учениями тщился,
Другой в сражениях взять первенство стремился.
Хотя соперники, но прадеды твои¹
Вели в сей жизни брань, но в вечности свои.
В тебе их обоих предвидим дух военный,
Как знаем, твоему родителю врожденный.
С восторгом радостным Нева внимает звук,
Что на противников Петров готовит внук,
Елисаветины победы представляет
И сердцем и умом врагов Ея терзает.
Раченье, ревность, жар являет внешний вид:
Коль тяжкая вам казнь, завистники, грозит!
Сии дары ему в добротну грудь даны;
Примеры, Государь, смотри с другой страны.
Екатериныны и щедрых дочерей свойства —
Источники ко всем отрады и спокойства
Представь и вместо всех почти Елисавет,

Которую воздвиг Всевышний совет,
Воздвиг и укрепил, возвысил и прославил,
И с нею дом Петров залог нам вновь поставил.
Родивший тебя — о светлый лик доброт! —
В младенчестве твоём достойный видим плод.
Расти и восходи, крепись к трудам преславным,
Со прадедовыми великостию равным.
Достигни поздних лет, как может человек:
Дополни Бог тебе неполный предков век.
Гряди по их стопам, вослед Елисавете, —
Ты будешь, как они, велик, возлюблен в свете,
Доброты вкоренишь, исторгнув смертных зло,
Умножишь истинных российских хвал число,
Достигнешь чрез моря богатого Офира²,
Острогнешь россам путь кругом земного мира,
Поставишь всем странам недвижимый закон;
Науки лишь пройди и будь наш Соломон.



ПОКАЗАНИЕ РОССИЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ, СОКРАЩЕННОЕ ИЗ СОЧИНЯЮЩЕЙСЯ ПРОСТРАННОЙ ИСТОРИИ

§ 1

Славяне и чудь по нашим, сарматы и скифы по внешним писателям были древние обитатели в России. Единородство славян с сарматами, чуди со скифами для многих ясных доказательств неоспоримо. Народ славенский, усилясь, притеснил чудь к сторонам восточным и северным и часть оная присовокупил в свое соединение. Потом варяги, жившие по берегам Балтийского моря, которые именовались россы, готы,

норманны, свия, ингряне, имея со славянами частые войны, купечества и путешествуя в Грецию чрез здешние земли, на многих местах поселились. Наконец, пришел с избранным на княжение Руриком, варяги-россы в знатном множестве не токмо пребывание, но и самодержавную власть утвердили, и посему с варягами сими соединенные славяне обще проименовались россами.

§ 2

Величество славенского народа явствует из множества владений: Россия, Польша, Богемия, Болгария, Сербия, Хорваты, Македония, Далмация, Иллирик, Венды и другие славенский язык употребляющие области показывают ясно. Все сии были уже почти толь велики, как ныне, во времена первых князей российских и храбростию знатны, о коей не меньше тогдашнего слава происходила уже в шестом столетии по Рождестве Христове, в царство Юстиниана Великого. И хотя имя славенское тогда впервые на

свеге ведомо учинилось, однако древность самого народа даже до баснословных эллинских времен простирается и от Троянской войны известна. Енеты, венеты или венды, народ славенского покорения, с королем своим Пилименом бывши в Трое для ее от греков защищения, лишились сего государя и для того, соединясь с Антенором, отъехали во внутренний конец Адриатического моря и, поселясь по берегам, где ныне Венецийское владение, далече распространились.

§ 3

Пафлагоны и мидяне были единоплеменники. Сарматов и амазонов от мидян производят древние писатели, и путь оных из Азии в Европу был по северным странам около Меотического и Черного моря. Итак, двумя дорогами из Азии прародители славенские с востока преселились в Европу: морем в юге, сухим путем в севере. Чтобы первое то преселе-

ние и только одно было, трудно поверить. Древность славян новгородских и по южному берегу Варяжского моря, и в Иллирике обитавших, также и размножение их от времени до времени, принуждают думать, что и прежде Троянской войны, и после оной предки славенских народов на вечерние и полунощные страны преселялись и размножались.

§ 4

Чудского и скифского народа древнее величество явствует из великих его остатков, кои видим в Ливонии, Естландии, Финландии, Ингрии, Карелии, Лаппонии, Пермии, в черемисе, мордве, в вотяках и зырянах. Все говорят языками, много между собою сходными и от одного начала — от древнего скифского происшед-

шими. Храбрость и древность их у всех старинных писателей известна. И хотя часто с сарматами смешанно упоминаются, однако самым делом были отличны. Но и то правда, что от преселений и дел военных немалое число чудского поколения соединилось со племенем славенским и участие имеет в составлении российского народа.

§ 5

Варяги-россы в древние времена именовались роксоланами, или россоланами, для того что россы соединены были с аланами. Преселились из Азии северною стороною с сарматами и от старинных писателей с ними однородцами почитаются. Роксолан военные дела прежде Рождества Христова по сражениям с Митридагом, царем понтийским, а после оного по войнам и по мирным договорам с римскими цесарями знамениты. Потом, поселясь с другими славенскими народами около южных берегов Балтийского моря и круг реки Русы, ныне старая Пруссия, Курландия и Белая Россия, от прочих варягов особливим именем, россами называясь, отличались. Много воевали по Балтийскому морю, соединясь с готами; ходили в Грецию го для защищения, то

для воевания оныя, и тем к цареградским походам так привыкли, что первые великие князи российские с начала даже и до правнуков Владимировых на греческих царей войною ходили. Она я их военная храбрость была причиною, что славяне новгородские и чудь выбрали себе государем Рурика, который пришел с родом своим и с варягами-россами на владение и на поселение. Оставшиеся на старом жилище россы назывались пороссы, якобы остатки от россов (поруссы, пруссы), которыми после завладели поляки, потом иерусалимские кавалеры, наконец, бранденбургцы. Сия древняя отчина первоначальных российских государей ныне подвержена Российской державе благословенным оружием великия Елисаветы³.

§ 6

Прежде избрания и приходу Рурика обитали в пределах российских славенские народы. Во первых, новгородцы славянами по отменности именовались и город исстари слыл Славенск. Потом поляне около Киева, северяне, кривичи — иде Смоленск, древляне между реками Днепром и Припятью, полочане на Южной Двине, у реки Полоты, дреговичи, бужане; чудские поколения, ливь, сумь, ямь, весь, мурома, меря: то есть ливонцы, финны, ижоры, белозерская, муромская и ростовская чудь. Владетели и здатели городов в пределах российских известны по Нестору: в полянах — Кий, Щек и Хорив; у славян новгородских по летописцу⁴ — Славен и Рус. И хотя в оном летописце сначала много есть

известий невероятных, однако всего откинуть невозможно. Баснь о претворении Славенова сына в крокодила сходствует весьма с тогдашними обыкновениями, ибо по морю Варяжскому и по втекающим в него судоходным рекам чинились великие разбои, на которые выходили часто княжеские и королевские дети. Итак, не дивно, что Волхв, разбойничая по реке Мутной, почитался за крокодила и дал ей свое имя от волшебства. Нашествие угров и разорение Славенска согласуется со внешними историями. Хотя о Гостомысле, последнем республиканском владетеле, по коего совету избран на княжение Рурик, Нестор не упоминает, однако о толь близком известии довольно утвердиться можно на летописце новгородском.

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
1	1	Рурик с братьями Синеусом и Трувором призван из варяг-россов славянами и чудью на великое княжение новгородское. По смерти братьев своих привел новгородцев под самодержавство и всю северную часть России, получившая имя от сих варягов.	862	17	—
	2	Олег , сродник его, княжил в малолетство сына Рурикова Игоря. Завладел полуденными русскими областями; перенес столицу в Киев, убив Оскольда и Дира. Ходил воевать под Царьград и заключил мирный и купеческий договор с греками.	879	34	—
2	3	Игорь Рурикович по смерти Ольговой принял великое княжение, ходил воевать в Грецию, возобновил договор, заключенный при Ольге. Потом ради несносной и тяжкой дани, наложенной на древлян, убит от них на возвратном пути в Киев.	913	32	68
	4	Ольга Святая, супруга Игорева, в малолетство сына своего Святослава владея Россиею, отмстила смерть своего супруга древлянам хитростию и храбростию и землю их вовсе завладела. Объезжая по разным местам в государстве, учредила перевозки и оброки. Потом в Цареграде приняла христианскую греческую веру.	945	19	близ 80
3	5	Святослав Игоревич , государь храбрый, жил почти всегда в поле; кровавые войны вел на Дунае с греческим царем Иоанном Цимисхием. Имел в своем войске не токмо подданных славян и чудь, но и наемных варягов, печенегов, и турков, и союзных болгар. Убит от печенегов зимою в Днепрских порогах.	964	—	свыше 40
4	6	Ярополк Святославич , старший сын, княжил в Киеве после отеческой смерти, но в отмщение невинного убийства брата своего, князя Ольги древлянского, убит от меньшего своего брата Владимира, князя новгородского.	972	8	—
4	7	Владимир Святославич Святой по смерти братьев своих самодержавствовал в России. Храбростию побеждал все окрестные народы: печенегов, ляхов, болгаров волжских и дунайских и греков. Наконец, испытав разные веры, избрал и принял христианскую греческую и понял за себя в супружество греческую царевну Анну. Крестил великую часть подданных и утвердил в своей державе христианство.	980	35	—



ЯРОСЛАВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬ 1019-1054

*Ярославъ издаетъ письменные законы, подъ
названиемъ Русской правды.*

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
5	8	Святополк , сомнительный сын Владимиров или Ярополков, рожденный от жены убиенного Ярополка, коснувшейся Владимирова ложа; по смерти его убил братьев своих Бориса, Глеба и Святослава; завладел великим княжением киевским. Но после, Ярославом побежден и согнан, злою смертью погиб в бегстве, в пределах чешских.	1015	1	—
5	9	Ярослав Владимирович Новгородский, собрав варягов, славян и чудь, воевал против Святополка и помощника его польского короля Болеслава. Побил их, прежде быв сам побежден. После того, по жестоком сражении с братом своим Мстиславом Храбрым, князем тмутараканьским, и по примирении сел на великом княжении киевском. Во время войны с греками поставил Илариона митрополитом Киеву российскими архиереями, не посылая в Царыград к патриарху. Новгородцам пожаловал вольные грамоты и тем к разделению России подал немалый повод.	1016	38	76
6	10	Изяслав Ярославич дважды согнан был с киевского престола братьями своими и племянниками, однако княжение ему возвращено чрез примирение. Победил половцев. Потом, одолев своих враждебных племянников, на месте сражения после победы проколот копьем сзади меж плечи, скончался.	1054	29	53
6	11	Святослав Ярославич , согнав старшего брата своего Изяслава с киевского престола, владел оным славно. При нем были послы немецкие, которым он с великим тщеславием казал свое богатство. От вырезания железа умер тяжкою болезнию. По нем паки владел Изяслав, выгнав меньшого брата Всеволода вскоре после его вступления.	1073	3	49
6	12	Всеволод Ярославич после смерти брата своего Изяслава сел на престоле великого княжения киевского. Много претерпел беспокойства от хотевших державствовать в Киеве. В великий мор, бывший тогда в России, преставился, поручив владение сыну своему Владимиру.	1078	15	64
7	13	Святополк-Михаил Изяславич призван по доброй воле из Новгорода Владимиром Всеволодовичем на великое княжение киевское и, по-	1093	20	—

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
7	14	лучив оное по старшинству, пребывал в согласии со Владимиром, владевшим в Чернигове. После ослепления князя Василька, со Святополком имел вражду; однако, примирясь, оба частые одерживали победы над половцами. Преставился мирно. Владимир Всеволодович Мономах по общему всех прошению сел на великое княжение киевское; усмирил вражды внутренние в России. Половцев и других сопостагов побеждал отменно храбростию. Город Кафу, бывший тогда во владении генуезском, взял и во вторую войну, победив на поединке генуезского кафинского князя, снял с него все признаки его чина. Ополчившись на Грецию, получил от царя греческого Алексея Комнина все украшения царского сана и венчан царем и самодержцем всероссийским.	1113	12	72
8	15	Мстислав Владимирович по старшинству сел на великое княжение и владел мирно. Только имел сражение с Ольгом Святославичем, дядею своим, хотевшим княжить в Киеве, и одержал над ним победу.	1125	7	—
8	16	Ярополк Владимирович по смерти брата своего Мстислава сел на престоле киевском. Быв некогда пойман хитростию польского сенатора Влостовича и отвезен к польскому королю Болеславу Кривоустому, выкупился великими деньгами. За сие после разорил всю Польшу и самого короля победил под Галичем.	1132	8	—
8	17	Вячеслав Владимирович по смерти брата своего Ярополка сидел на великом княжении киевском 20 дней; выгнан от Всеволода Ольговича. Потом принят в сообщество на великое княжение киевское от племянника своего Изяслава Мстиславича и с ним купно и по смерти его княжил с Ростиславом. Умер внезапною смертию.	1138	в раз- ные вре- мена	—
8	18	Всеволод Ольгович , внук Святослава (II) Ярославича, по изгнании Вячеслава Владимировича Мономаха на великом княжении утвердился, старался всячески детей и внучат Мономаховых отлучить от Киева и других знатных княжений. Собирая войско на князя галицкого, преставился.	того ж	8	—



ВѢНЧАНІЕ НА ЦАРСТВО.
Князь Владимиръ Мономахи 1162.



ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ. 1128 Г.
 Согласно съ желанію Половцевъ дастъ имъ въ-
 Князья Рогволода, вѣсто изгнаннаго ими кня-
 зя Давида.

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
8	19	Изяслав Мстиславович , выгнав Игоря Ольговича, сидевшего две недели и от киевлян потом в схиме убитого, утвердился на престоле великого княжения киевского. Поставил Климента митрополита Киеву российскими архиереями, не посылая в Царьград. Вел кровопролитные войны с князем Юрием Владимировичем Долгоруким, с Ольговичами и с князем Владимиром Галицким о великом княжении. Потом принял в сообщество великого княжения дядю своего, князя Вячеслава Владимировича (17) и, дав ему старшинство, сам имел полную власть до смерти. По нем владел Вячеслав с племянником Ростиславом Мстиславичем, который по смерти его выгнан вскоре Юрием Владимировичем.	1146	9	—
8	20	Юрий Владимирович Долгорукий по многих смятениях и междоусобных нестроениях князей российских сел на княжение киевское и Москву основал, управляя мирно.	1155	3	—
9	21	Андрей Юрьевич Боголюбский ради многих смятений князей киевских, видя сию столицу немощну, основал престол великого княжения во Владимире. Был храбр, победил болгар волжских. Убит злодейским образом от московских дворян Кучковичев.	1158	17 во Вла- ди- мире	—
9	22	Дмитрий-Всеволод Юрьевич призван на великое княжение владимирское, казнил убийцев брата своего Андрея. Вел войну с Глебом, князем рязанским, с обеих сторон разорительную. Половцев победил неоднократно и был от прочих князей почитаем. В его время киевское княжение весьма обессилело, и другой престол основан был в Галиче. Владетели писались самодержцами всяя России, чем она, разделясь на Северную и на Южную, пришла в слабость.	1177	35	58
10	23	Константин Всеволодович сперва был вытеснен от великого княжения владимирского другим братом своим Юрием, который княжил по смерти отца своего три года. Однако помощью новгородцев возведен на оное после кровопролитного сражения при Юрьевце-Польском, на котором Юрий и Ярослав Всеволодовичи побеждены.	1216	2	32
10	24	Юрий Всеволодович по недолгом владении старшего брата Константина сел на великое княжение владимирское. При нем было несча-	1218	20	49

Степени от Рурика	Число годушей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
10	25	стливое сражение на реке Калке с татарами, свирепое нашествие Батыево, разорение и порабощение России, в коем сей великий князь убит на последнем бою с татарами. Ярослав Всеволодович во время Батыева нашествия был на княжении в Новгороде Великом безвреден от татар. По утишении войны пришел во Владимир и, оттуда ходив в Орду, принял от Батыя великое княжение владимирское, в Новгороде посадил сына своего Александра. Вторично быв в Орде, много претерпел томления за защищение отечества. На возвратном пути скончался. Храбро воевал на Литву и на немец по новгородцах. После него великое княжение не утверждено было пять лет для татарского насилия.	1238	9	57
11	26	Александр Ярославич Невский, будучи на княжении новгородском, храбро побеждал шведов и ливонских немцев, нападавших на Великий Новгород. По смерти отца своего призван в Орду, где Батый, удивясь его красоте, дородству и мужеству, с честью отпустил на великое княжение владимирское, о котором меньшие его братья Святослав и Михайло Ярославичи между собою спорили. По четвертом хождении в Орду, на возвратном пути постригшись, преставился.	1252	12	44
11	27	Ярослав Ярославич Тверской по брате своем Александре Невском получил великое княжение; ходил в Ливонию на немцев, оных усмирив и со славою возвратился. После из Новгорода изгнан и по просьбе митрополичьей снова принят; но, идучи из Орды, преставился на дороге. Был князем владимирским, тверским и новгородским.	1264	7	—
11	28	Василий Ярославич, брат Ярославов, воевал, соединясь с татарами, новгородские области. По краткой войне, пришед в Новгород, примирился.	1271	5	—
12	29	Дмитрий Александрович, приняв по дяде своем великое княжение владимирское, призван княжить и в Новгород и с новгородцами воевал Карелу. Выгнан был с великого княжения братом своим меньшим Андреем Александровичем, но после оное в Орде у царя выпросил. Был всегда от брата обеспокоен.	1276	5	—



В: К: АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ

принимаетъ схимну. 1263 года.



ВЕЛИКОДУШНАЯ КОНЧИНА

В. К. Мисаила Тверского, в Орелъ 1319 году.

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
12	30	Андрей Александрович , выпросив великое княжение владимирское у царя в Орде, воевал против старшего брата своего Дмитрия, нашед на него с тагарами. По смерти его на великом княжении утвердился. Ходил с владимирцами и новгородцами на немцев и город их Венец Земли (Шканцы) разорил. Потом, возвратясь из Орды, постригся и преставился.	1281	—	—
12	31	Данило Александрович московским великим князем именовался первый. И, будучи меньший брат, в нестроение и распри князей российских жил по большей части мирно. Москву увеличил строением и усилил присовокуплением во власть свою Переяславля-Залесского по духовной князя Ивана Дмитриевича. Наконец постригшись, преставился. При нем Москва начала приуготовляться быть столицею всероссийскою.	1296	—	42
12	32	Михайло Ярославич (Ярославича) имел прение о великом княжении с князем Юрием Даниловичем Московским. Ходил в Орду с ним тягаться и получил от царя желаемое. Потом призван был на великое княжение новгородское. Ходил воевать Москву. Возвратясь второй раз из Орды, ходил на Новгород с великою потерей. Наконец в Орде убит.	1304	13	—
13	33	Юрий Данилович Московский, женись в Орде на сестре царевой, пришел на великое княжение; вел войну с великим князем Михаилом Ярославичем, который, одержав победу, полонил супругу его Кончаку и в полону уморил. Царь, по жалобам князя Юрия Даниловича призвав князя Михаила Ярославича, велел убить мучительною смертью. Великий князь Юрий Данилович ходил на шведов к Выборгу. На устье Невы-реки построил Орешек и усмирил двинян. Убит в Орде от князя Дмитрия Михайловича Тверского без повеления царева, за что и сам князь Дмитрий убит по царскому слову.	1317	9	—
13	34	Александр Михайлович (Ярославича) Тверской принял от царя великое княжение. В то время сродник царев Шелкан пришел с войском на Тверь, но от князя Александра Михайловича побит и сожжен со многими татарами. Потом от гнева царева уклонился сей великий князь во Пскове, в Немцах и в Литве. Наконец, в надежде прощения пришел в Орду самопроизвольно и там убит.	1326	12	—

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
13	35	Иван Данилович , проименованием Калита, во время бегства князя Александра Михайловича поставлен великим князем владимирским и псковским и других княжений от царя в Орде, где он многократно был с великою честью. В его княжение присовокуплен Ростов к Москве и пришел к нему святой Петр митрополит, основал митрополию российскую в Москве, и туда ж перенесено великое княжение владимирское, хотя после того много времени Владимир столицею в имени токмо почитался.	1328	12	—
14	36	Семен Иванович , проименованием Гордый, поставлен в Орде на великое княжение владимирское и московское. После избран и посажен на княжении новгородском. Ходил к Смоленску и, с князем Олгердом Литовским помираясь, возвратился. Потом был ужасный мор по всей России, в который сей великий князь и с детьми преставился.	1340	13	—
14	37	Иван Иванович , брат Семенов, поставлен в Орде от царя на великое княжение. Княжил во всякой тишине. Посольствами святого Алексея митрополита в Орду отвратил нашествие татарского царя на разорение России. Постригшись и посхимаясь, преставился.	1353	6	33
14	38	Дмитрий Константинович Суздальской, в малолетство князя Дмитрия Ивановича Московского ускорив в Орду, выпросил себе у царя великое княжение владимирское; посадил своих наместников в Новгороде. При нем разбойники, выходившие из предел российских грабить купцов татарских, переиманы и к царю в Орду на казнь отданы.	1360	2	—
15	39	Дмитрий Иванович , проименованием Донской, ходил в Орду к царю и получил великое княжение владимирское по наследству. Князя Дмитрия Константиновича согнал и к миру принудил. Кремль в Москве каменный построил. Вел войну с князем Михаилом Александровичем Тверским и с князем Олгердом Литовским, его зятем и помощником, с обеих сторон разорительную. И хотя Мамаем, князем ордынским (который тогда в Орде имел бульшую, нежели сами цари, власть и силу), князь Михайло Александрович Тверской назначен был великим князем, однако князем Дмитрием не допу-	1362	27	40



МИЛОСЕРДІЕ

В. К. Московскаго Иоанна Даниловича
Калиты, 1328—1340.



В.К. ІОАННЪ III ВАСИЛѢВИЧЪ
 Получаетъ извѣстіе о побѣдѣ надъ Литвою,
 на берегу рѣки Водороси, 1500. годъ.

Степени от Рюрика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
16	40	щен. После, хотя Дмитрий от Мамаю утвержден был на великом княжении, однако его дважды в Россию с великим воинством не допустил и в другой раз победил совершенно. Потом был нечаянный набег Тохтамышев на Москву и ужасное в ней кровопролитие. Старанием сего государя присовокуплены к Москве знатные княжения, чем она усилилась. Василий Дмитриевич без споров принял последнее великое княжение и, во-первых, смирил новгородцев, принудил платить себе черную дань. Вел кровавые войны с тестем своим Витовтом Кестутьевичем, великим князем литовским, который взял лестию Смоленск. Едигей, князь татарский, имевший, как Мамай, власть в Орде булышую царской, обманом внезапно приходил к Москве и много около ея учинил разорения.	1389	36	54
17	41	Василий Васильевич Темный имел первого враждебника дядю своего, князя Юрия Дмитриевича Шемяку; однако царь ордынский в показание великого княжения Васильева велел дяде его, князю Юрию, весть коня, на котором ехал князь Василий. Несмотря на то, Юрий дважды выгонял племянника своего Василия из Москвы и сам вскоре по втором его изгнании умер. Князя Василия Юрьевича Шемяку прочие его братья выгнали и князя Василья Васильевича на великом княжении посадили. Однако по многих враждах и боях князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, поймав великого князя Василия у Троицы в Сергиеве монастыре и ослепив, сослал в Углич. После того желанием московского народа и радением всех князей и духовенства возведен на великое княжение Василий Васильевич Темный. Шемяка в бегствах умер. А великий князь Василий, усмирив новгородцев, принудил платить дань.	1425	37	47
18	42	Иван Васильевич когда сел на великое княжение, цари в Орде вели междоусобную войну; то посылал он воевать Казань и гордость казанцев усмирил. На возмущенный Новгород самовольным отступлением Марфы, вдовы посадника Исака Борецкого, и детей ея ходил с великим войском и привел к послушанию. После того вторично ходил на беспокойных новгородцев.	1462	43	66 и 9 месяцев

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
19	43	Марфу-посадницу поймав, отвез в Москву с ея внуком; и, вечевой, или сборный, колокол сняв, поставил в Москве; и, республику новгородскую уничтожив, привел под свое самодержавство. То ж учинил и со Псковом. Царь ордынский Ахмет прислал в Москву брать дани и оброки за прошедшие лета послов с басмою [повелительная грамота с изображением царевым на печати.] и самого великого князя требовал в Орду на поставление. Но он басму с изображением царевым попрапал и послов велел побить, одного отпустив в Орду с презрительным отказом. Ахмет в ярости со всеми силами подвигся на Россию. Но, не дерзая один на усилившегося великого князя и ожидая помощи от Польши, на Угре-реке от россиян побежден; и слыша, что они, спустясь вниз по Волге, вовсе Орду его разоряют, поспешно для ея избавления возвратился. Тогда ж и ногаи Орду оную конечно опустошили, и Ахмет, на встрече ими побежден, жизни лишился; и тем великая власть ордынская до конца истребилась, а Казань усилилась. По сем великий князь завоевал Казань и ставил царей по своей воле. По супружеству с царевною греческою Софиею присвоил герб Римской империи — орла двуглавого. Василий Иванович, восшед на престол великого княжения всероссийского, послал сильное войско под отступившую Казань, которое, хотя великий успех возымело, однако после того обманом царя казанского и оплошностию россиян почти все побито. Потом была война с поляками, коим помогали крымцы. Смоленск взят был под власть российскую, и бунтующий Псков усмирен. Изменник государев, царь казанский Махмет Аминь, раскаявшись пред смрадною смертию, послал к нему многоценные дары и повинную. На место его поставлен от великого князя в Казани царь Шигалей, но с Казанского царства согнан, затем что не хотел с беспокойными казанцами отступить от России, пришел в Москву. На его место приняли казанцы крымского царевича Сафакирея. Великий князь послал Волгою и сухим путем под Казань великое войско. Сухопутные у Свияги татар наголову побили; а по Волге со всем тяжелым снарядам и припасами суда и войска российские в узких ме-	1505	28	55 и 8 ме- сяцев



В. К. ВАСИЛИИ ІОАННОВИЧЬ

возстановляетъ связь съ Крѣпкою, 1549 годѣ.



Василій Шибановъ послалъ съ Господина
своего Анорей Курбскаго письмо Царю
Юсифу IV. 1564. года.

Отъ В. Черныкова.

Печатъ у Толстаго.

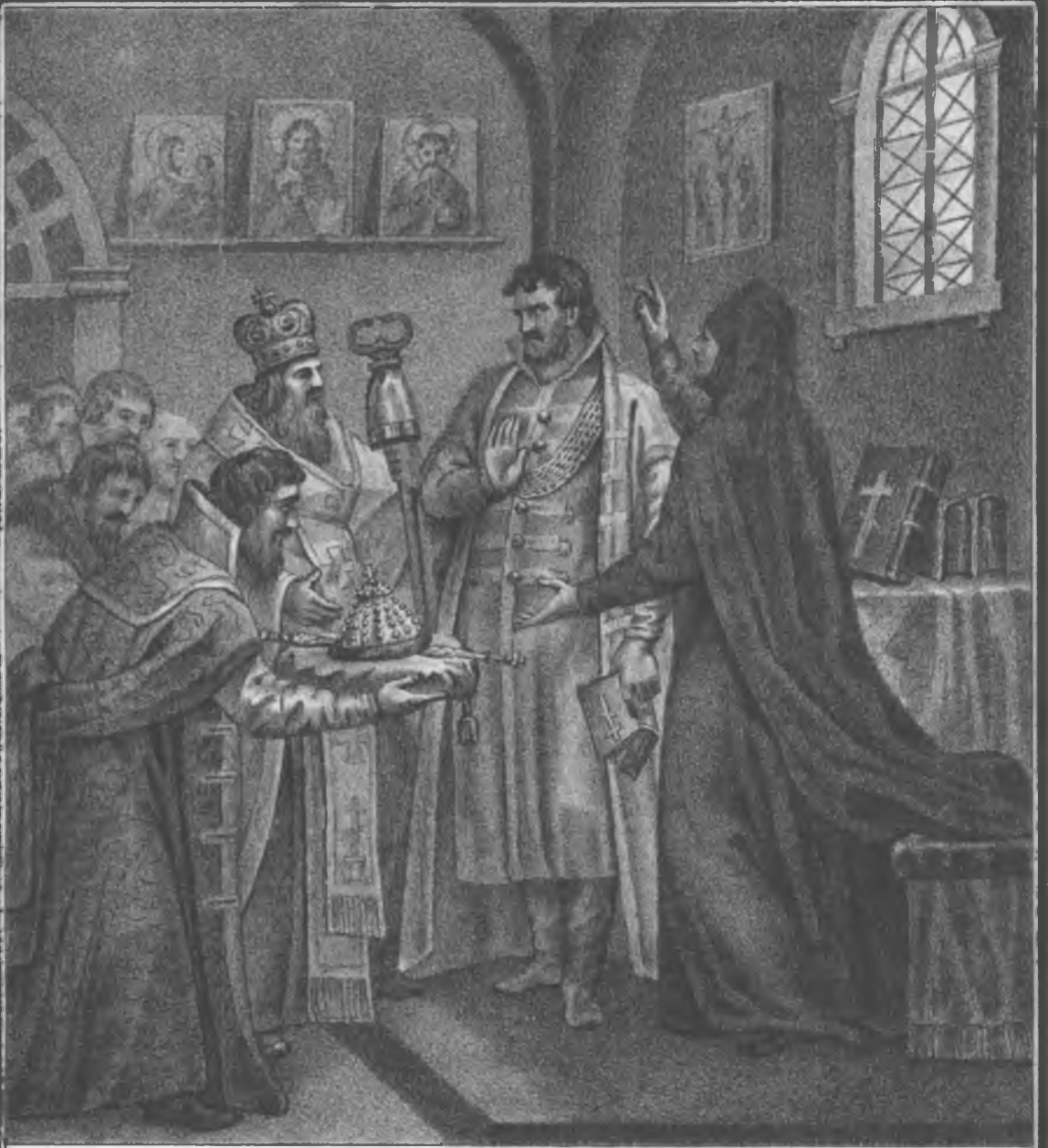
Рис. на камнѣ И. Нечаева.

Степени от Рюрика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
20	44	стах погружены бревнами от казанской черемисы. В третий раз посланное российское войско благополучно Казань достигло, татары побеждены; царь Сафакирей ушел в Крым. Но несогласием воевод российских и лакомством главного военачальника князя Ивана Бельского отворенный город не взят. Казанцы, выпросив на царство Шигалева брата, опять государю изменили, выгнав сего царя и призвав на царство Сафакирея. Сей великий князь в последние лета своего государствования первый начал писаться царем и самодержцем Всероссийским. Иван Васильевич, царь и самодержец все-российский, в младенчестве под предводительством родительницы своей, великия княгини Елены Васильевны царствуя, оборонялся храбро от Литвы, от крымцев и казанцев, которые совокупно воевали на Россию. По смерти оных, вышед из младенческого возраста, бояр, кои во время его сугубого сиротства отечество чрез несколько лет несогласием и прихотью изнуряли, казнил и тем заставил прочих почитать себя и слушать. Казанцы, видя от Сафакирея крымцев выше себя почитаемых, его не возлюбили и выгнали. Просили себе Шигалея царя, который по повелению государеву пришел в Казань. Но был больше пленником, нежели царем, и для того ушел тайно в Россию. Казанцами призван снова Сафакирей и умер нечаянною смертию. Царь Иван Васильевич сам ходил с великим войском под Казань, но жестокая зима и крутая весна принудили его, не взяв города, возвратиться. Вторично послал войско под Казань с царем Шигалеем, поставил Свияжск, привел к присяге нагорную черемису. В Казани царица Сумбек с сыном, вдова Сафакиреева, благосклонна была к царевичу Кашаку, которого казанцы не любили и хотели отдать российскому войску. Кашак из Казани побежал, но пойман и приведен в Москву, где и казнен. Царица Сумбек также взята в Москву с сыном и с великим богатством. Царь Шигалей казнил своих злодеев; для того оклеветан от татар и от московских воевод, бывших в Свияжске, сведен с царства. Однако, оправдавшись у государя, посажен на царство в Касимове. Сам государь, собравшись с великим	1533	50	54

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
21	45	войском, пошел под Казань и взял сильным приступом. Царя Едигея полонил и в Казани утвердил свою державу и христианство. Скоро потом и Астраханское царство присовокуплено к России: царь Емгурчей выгнан, царицы и царевны в полон взяты. Крымцы вели часто с Россиею войну, надеясь на турецкое соседство. Шведы потому нападали на Орешек, однако российским войском за Выборг прогнаны. На Ливонию за лукавство и непокорность посылал государь российское, татарское и черкасское войско с касимовским царем Шигалеем воевать. Тогда взяты Нарва, Юрьев и другие многие города. С Польшею воюя, взял Полоцк и иные места. Тогда ж приходили под Астрахань турки и крымцы с многочисленною силою, но, потеряв почти все множество людей и снаряду, в малом числе тщетно возвратились. Сей бодрый, остроумный и храбрый государь был чрезвычайно кругого нраву, который первая его супруга, великая государыня царица Настасья Романовна умела своим разумом и приятностями удерживать. После ее преставления обычай его совсем переменялся, а особливо что многие бояре, желая дочерей своих или сродниц видеть за государем в супружестве, разными смутами так дух его беспокоили, что наподобие внезапной бури восстала в нем безмерная запальчивость. Неспokoйных новгородцев казнил сей государь свирепым наказанием и царевича своего Ивана зашиб в крутом гневе, что после краткой болезни было смерти его причиною. По таким строгостям назван царь Иван Васильевич Грозным. Его повелением началось в Москве печатание книжное. При конце жизни его взято Ермаком царство Сибирское. Федор Иоаннович только лишь восшел на престол, народ московский взволновался и приступал ко Кремлю, требуя Богдана Бельского, якобы он хотел извести государя. Бунт усмирен ссылкой Бельского. Тогда взяты Ермаком в Сибири царевичи в полон и в Москву присланы. Казанцы, от бунтовства отстав, волею государю покорились. Для обуздания их построены многие на Низу города и населены россиянами. Шурин государев Борис Годунов ради великой	1584	14	41



ЦАРЬ ТЕОДОРЪ ІОАННОВИЧЪ
 дѣлаетъ Правителемъ Россіи Бориса Годунова,
 1584.



ИЗБРАНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА ВЪ ЦАРИ,

1598 годъ.

Степени от Гурита	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
—	46	своей власти, злобы и гордости ненавидим стал большим боярам и народу. И для того подали государю митрополит и многие знатные особы общее прошение, чтобы, с сестрою Борисовой разведшись, взял другую супругу для плодородия. Годунов, все то выведав, отвратил от себя падение и главных своих недругов казнил, а иных сослал в заточение. Царевича Дмитрия Ивановича велел убить злодейским образом на Угличе и тем пресек мужеское царское поколение. В сие ж владение поставлен первый патриарх Иов на Москву. Сам государь ходил в Ливонию с великим войском и возвратил себе Ивангород, Ямбург и Копорье. Крымский царь приходил набегом на Москву и причинил многое утеснение и разорение. Норвежцы нападали на северные поморские места, однако от Соловков и от Сумы отбиты. Грузинские цари, горские и другие князья отдали себя в покровительство государю. При смерти отказал он царство брату своему двоюродному Федору Романову. Борис Федорович Годунов дарами, ласкательством, обещаниями и угрозами привел к тому бояр и народ, что его на царство выбрали и посадили мимо Федора Никитича. Вначале уловлял всех милостью и жалованьем, привлекал правосудием, искоренением мздоимства и разбоя. Царя крымского отвратил от набегов на Россию. В ногаях, весьма усилившихся и чрез то Астрахани опасных, произвел междоусобную войну, от чего они весьма обессилели. По сем царь Борис стал нарочно принимать клеветников и доносителей на бояр, а особливо на Романовых. Федора Никитича в ссылке постриг, братьей его и сродников в разных заточениях велел уморить. Для укрепления своего и сыновнего царства искал брачных союзов на Востоке и на Западе. Однако посланные к татарам за сына свататься на царевне в пути убиты от степных народов; призванный датский королевич жениться на царевне Ксении ядом уморен из подозрения его ж повелением. Между тем великий голод и многие разбои, а паче напоминание злодейства привели царя Бориса в ненависть у народа. Наконец самозванец Гришка Расстрига,	1598	7 1/2	

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
—	47	назвавшись царевичем Дмитрием убиенным, помощью поляков, казаков и отступивших от царя Бориса россиян приблизился к Москве; от страху Борис уморил себя отравою. Федор Борисович Годунов по смерти отца своего наречен на царство от всех чинов московского народа, который ему и учинил присягу. Однако в войске большая часть бояр взволновались и предалися Расстриге почти со всеми полками. Расстрига приказал в Москве искоренить Годуновых, и посланные царя Федора умертвили и с матерью, а сестру отдала Расстриге, которую он, обругав, постриг и, в Москву пришед, женился на польке; ввел с собою поляков и попов католических, дав им великую волю. Но старанием князя Василия Ивановича Шуйского убит позорною смертью, мертвый сожжен, и пепел его развеян.	1605	6 не- дель	
22	48	Василий Иванович Шуйский избран царем и самодержцем всероссийским после гибели Расстригиной. Послал в Польшу послов сказать о ложном бывшем Дмитрие, что он смутил двумя государствами. Однако там послов не приняли и ничему верить не хотели. Между тем царь Василий Иванович, опасаясь бояр и забыв свое обещание, стал на них посягать. В то ж время явился новый самозванец под именем царевича Дмитрия и другие под вымышленными именами его братьев и племянников, от чего бояре и весь народ российский разделились на разные части. Междоусобные войны, разбойничества и нашествие поляков и шведов под видом спомогательства так утомили Россию и власть царскую умалили, что некоторые бояре, выбрав на царство польского королевича Владислава, постригли царя Василия Ивановича и польскому королю отдали. Послы российские, в которых был ростовский митрополит Филарет Никитич Романов, от поляков удержаны в жестокой неволе. Наконец поляки Москвой овладели, Смоленск и другие укрбинские города взяли и Россию разоряли. Шведы, призванные на помощь, то ж учинив, Новгород, Ладогу, Орешек и все города ижорские за себя взяли. Наконец по плачевном России расхищении, какого и от татар не бывало, старанием нижегородского куп-	1606	5	—



ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ ШУЙСКІЙ
вступая въ монашество. 1610 годъ.



ПРИЗВАНІЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА НА ЦАРСТВО,
ВЪ 1613 ГОДУ.

См. В. Чорніковъ

Печа. у Татера:

Рис. кн. кав. По Рязанскимъ.



В. Васнецов. Крещение Руси.



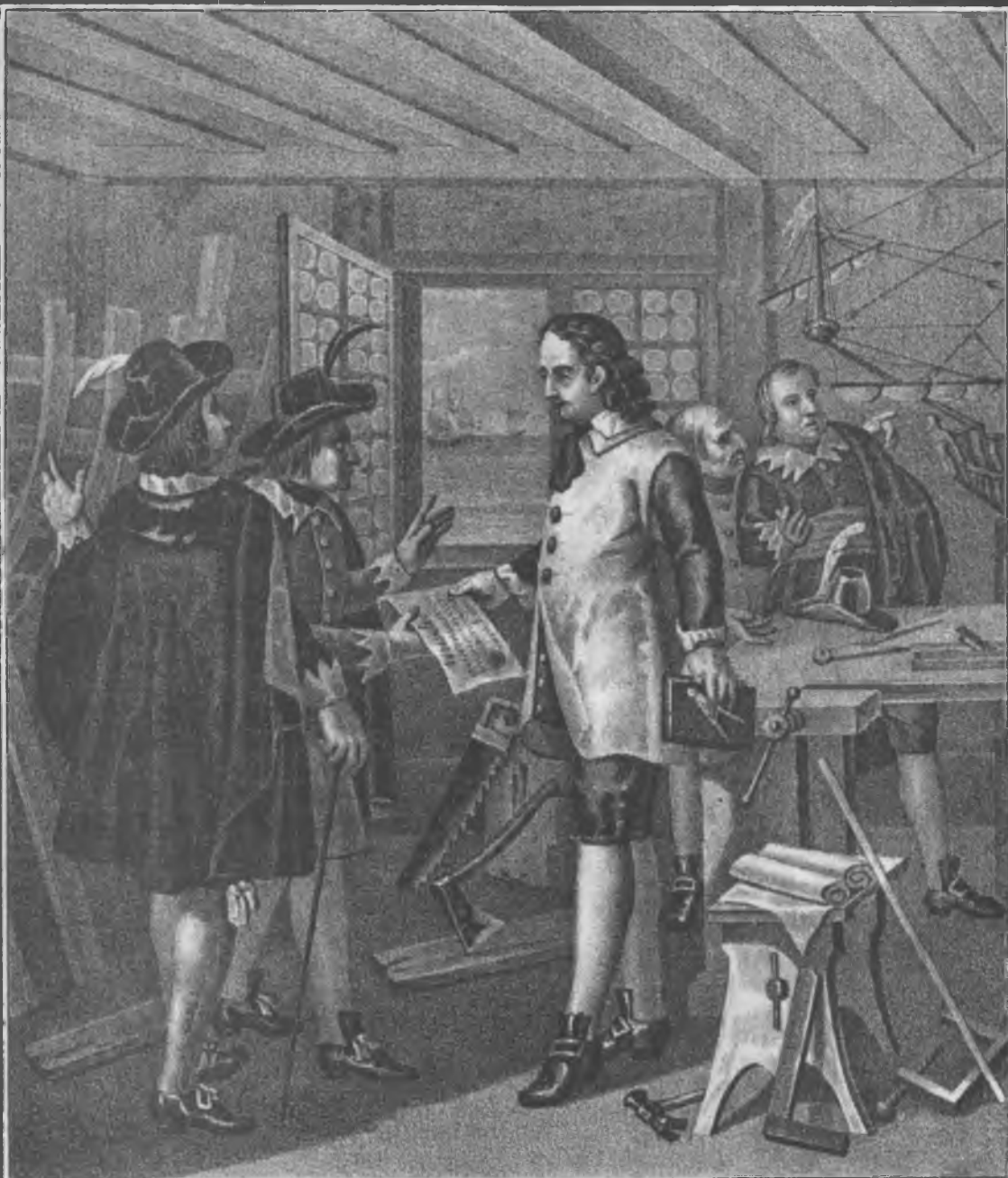
С. Иванов. Христиане и язычники

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
23	49	ца Козмы Минина под предводительством князя Дмитрия Михайловича Пожарского, а с другой стороны князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого Москва взята и от поляков и воров очищена. Михайло Федорович Романов, ближний сродник государей московских и племянник царю Федору Иоанновичу, сын постриженного боярина Федора Никитича Романова, коему царь Федор Иоаннович при смерти поручил царство, общим боярским и земским собранием всего Российского государства единогласно избран на престол царский. Пришед с Костромы, увидел Москву, положенную почти в конечное запустение. Стараясь оную исправить, великие сносил препятствия от нападавших шведов и поляков. По замирении с ними отданы к России со шведской стороны Новгород и Ладога; от поляков возвращен родитель государев Филарет Никитич и поставлен московским патриархом. Потом были замирения и посольства с турками, также и с Персиею; тогда ж учинены с нею и купеческие договоры. Шведы призывали государя в союз против поляков, однако им отказано. После того была война с поляками; Смоленск осажен от наших, но изменою или оплошностию бояр не взят, которые казнены, особливо ж за то, что королю польскому весь снаряд и знамена без бою отдали. Вскоре заключен с Польшею мир. От Крымской степи сделан по местам вал и городки. Донские казаки взяли Азов; и было первое посольство в Китай.	1613	33	49
24	50	Алексей Михайлович, восшед на царство, во первых, отбил посланными войсками турков и татар, нападавших на украины, утишил начинавшийся бунт новгородский; отложившихся псковичей принудил военною силою к сдаче и послушанию, казнив заводчиков. Как в Москве потом чернь взволновалась на бояр и судей ради неправды и взятков, присутствием и словами государевыми укротилась. После сочинено Уложение. Сам государь ходил с войсками под Смоленск и, взяв его, воевал во всей Польше, к чему заведенные им новые регулярные полки много помогали. Также ходил в Лифландию даже до Риги; но город не взят за изменою ино-	1645	31	47

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
25	51	странных служивых людей. Между тем Никон сошел с патриаршества и ради учиненного государю многого беспокойства призванными вселенскими патриархами лишен своего чина. Крымский хан приходил на Россию дважды; в первый раз россияне побеждены; князь Пожарский, храбрый полководец, полонен и убит. На другое лето одержана совершенная над крымцами победа. В те же времена донской казак Стенька Разин разбойничал по Волге и по Каспийскому морю, взял Астрахань и другие низовские города, учинил много убийства и разорения; наконец пойман на Дону и в Москве четвертован. Сей злодей много препятствовал государю в строении флота на Каспийском море, сожег первопостроенный в Астрахани корабль, называемый «Орел». Федор Алексеевич, седиши на родительском престоле по его кончине, утвердил приведение Киева и Малыя России под великороссийскую державу, которое происходило при царе Алексее Михайловиче. Оборонил Украину от нашествия турецкого; истребил местничество между боярами и дворянством. Любил учение и для того учредил в Москве Заиконоспасское училище. Хотя слаб был здоровьем, однако любил верховую езду и конские заводы. Преставился бездетен. При смерти наследником объявил меньшего брата своего, царевича Петра Алексеевича, усмотрев в нем отменное остроумие и бодрость.	1676	6	25
25	52	Иван Алексеевич после первого стрелецкого бунта поставлен и венчан на царство купно с братом, государем Петром Алексеевичем, старанием сестры своей, царевны Софьи Алексеевны. И хотя был старший, однако в правление ради слабости не вступался. А государь Петр Алексеевич во младых летах упражнялся в учении и в потешных военных ополчениях. Итак, государством правила несколько лет царевна Софья Алексеевна с некоторыми приближенными боярами. В то время были еще три стрелецкие бунты, неосторожные и несчастливые походы крымские. Государь царь Иван Алексеевич преставился, не оставив по себе мужеского наследства.	1682	13	29



ЦАРЬ ФЕОДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ
уничтожаетъ мѣстничество, въ 1682 году.



ПЕТРЪ I: ВЪ САРДАМЪ УДОСТОИВАЕТСЯ
ЗВАНІЯ МАСТЕРА, 1697 ГОДА.

Степени от Рурика	Число годушей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
25	53	Петр Великий во время стрелецких бунтов, кои все по наущению царевны Софьи Алексеевны на его здравие устремлялись, обучаясь военному делу, двенадцати лет стал рядовым солдатом и с товарищи своими не токмо в одном был внесен списке, но и спал с ними в одной палатке, ту же принимал пищу, стоял по очереди на карауле, исправлял все солдатские работы, возя землю к своему потешному крепостному строению на тележке, построенной своими руками, дабы изведать, что солдат может, и показать, что должен делать; от чего внезапно очутились за пределами российские полки, страшные неприятелям, в Лифландии, Финландии, в Польше, в Померании, в Швеции, в Турции, в Персии. Найденный старый богик возбудил в бодром его духе такую ревность к устройению флота, что по учинении опытов на озерах и на Белом море, из донских, невских, двинских и волжских устьев сильные военные и купеческие флоты вышли в море. Взятие Азова было первое действие новых его военных учреждений. Уже славою Европу побудив к своему вниманию, предприимлет путешествие на Запад тайно. Именем громкий, присутствием неизвестный, простирает ум и руки к совершению знания корабельного дела между простыми людьми мастеровыми. Отправляясь далее в полезный путь, принужден был возвратиться в отечество для усмирения злодеев пятого стрелецкого бунта. Потом неудачное сражение российского войска с Карлом Двенадцатым, королем шведским, под Нарвою не могло его устрашить в самом начале и отвести от продолжения военных предприятий. Вскоре потом воспоследовавшие победы под Черною и под Красною мызою и на Чудском озере, взятие городов Мариенбурга, Шлиссельбурга, Канцов, Дерпта, Нарвы, Митавы и перед глазами неприятельскими основание и строение царствующего Санкт-Петербурга и Кронштадта показали трудолюбие, силу и просвещение Петрово. Паче всего весь свет уверился о верховности его над неприятелями, когда по разбитии шведского генерала Левенгаупта Петр Великий, сам предводительствуя своим новым воинством, победил страшного во всей	1682	43	52 и 8 ме- сяцев

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
		Европе государя Карла Двенадцатого, короля шведского, под Полтавою, принудил его искать убежища в Турках и осьмнадцать тысяч шведского войска привел в Москву пленных. Потом, приехав в Польшу, возвратил отнятую Карлом Двенадцатым корону королю польскому Августу Второму и в сем путешествии был при осадах многих городов. Тогда взяты Ельбинг, Рига, Дюнаминд, Выборг, Пернов, Кексгольм, Аренсбург, Ревель. По сих победах ополчаясь против турков, учредил правительствующий Сенат и, преодолев трудный путь, прошел сквозь неприятелей в турецкую область за Прут-реку, где окружен многократно большею силою турецкою, при крайнем недостатке съестных припасов три дни храбро отвращал нападение. И как наконец вознамерился пробиться сквозь турецкое войско, по совету и прошению премудрых государыни императрицы Екатерины Алексеевны, оказанию геройской храбрости предпочел безопасность и целость своей особы, голь нужные для обновляющегося им отечества, и заключил мир с Портою, отдав Азов обратно. Сие действие хотя России самой за неприбыточное признавается, однако соседям нашим спасительно было. Ибо турки не допущены тем в Польшу, кои под видом провожания Карла Двенадцатого хотели ввести в нее сильное войско и, может быть, завладеть, как Грециею, сим королевством. После сего действия землею и морем занял государь Финландию, имел сражения и победы сухопутным войском и флотом; в Померании взял Штетин, победил своим предводительством шведское войско под генералом Штейнбоком; в самой Швеции, около Стокгольма показал свое могущество и тем принудил оную корону заключить с Россиею вечный мир, удержав за собою Естландию, Лифландию, остров Езель и знатную часть Финландии. Но, едва опочив мало от труда военного, предпринял поход в Персию, где по дальнем и трудном путешествии между легкими степными народами, в беспрестанном беспокойстве, взял Дербент и другие города, свободив от бунтовщиков персидского шаха. Потом с приобретением западного каспийского берега под свою державу и с			



ЦАРЬ ПЕТРЪ I: ПРИБЛИЖАЕТСЯ КЪ ОУМЕРЩЕНІЮ,
ВЪСЕРДЦІИ СВОЕИ ИМПЕРАТОРА И ЦЕЛОВАЕТЪ ЕГО.

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
		торжеством в Россию возвратился. Наконец, простирая свой от природы острый, учением и многотрудным искусством богатый и просвещенный разум к упражнениям цветущего покоя, а особливо к расширению наук, венчал супругу свою, великую государыню императрицу Екатерину Алексеевну в сообщество царства и трудов мирных. Но Божиим изволением, против общего чаяния и желания скончался каменною болезнью. Много претерпел в великих своих трудах препятств, огорчений и опасностей не токмо от стрельцов, от раскольников и других недоброхотов, но и от сестры, от первой супруги и от сына, и для того принужден был употребить правосудие государь, — от природы нравами непамятозлобивый, слабостям человеческим терпеливый и больше подданных приятель, нежели повелитель, в предприятиях и трудах твердый и непоколебимый, бережливый домостроитель и наградитель щедрый, в сражениях неустрашимый воин и предосторожный военачальник, в союзах надежный друг и остроумный политик, во всем Петр Великий, отец Отечества.			

РОДОСЛОВИЕ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРЕЙ МУЖЕСКОГО И ЖЕНСКОГО ПОЛУ И БРАЧНЫЕ СОЮЗЫ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРЯМИ

1. Рурик.

Примечание. О супружестве его нет достоверного известия, только то вероятно, что, будучи в идолопоклонстве, имел много жен, как правнук его Владимир.

Сын: Игорь.

2. Олег. ...

3. Игорь Рурикович.

4. Супруга: Ольга Святая, из Псковской области, по мнению некоторых, правнучка Гостомыслова.

Сын: Святослав.

5. Святослав Игоревич.

Примечание. Из жен или наложниц его две известны: одна — гречанка, плененная монахиня, после подарена была старшему его сыну Ярополку, а после него досталась меньшему Владимиру. От ней родился брагоубивец Святополк; другая — ключница Ольгина Малуша, дочь Мальца Любчанина, сестра Добрынина, мать Владимирова.

Сыновья: Ярополк, Олег, Владимир.

6. Ярополк.

Супруга: вышепомянутая гречанка.

7. Владимир Святославич. Кроме многочисленных наложниц имел шесть жен: 1) чехиня первая, 2) Рогнеда, княжна полоцкая, дочь Рогволода, после проименованная Гориславою, 3) гречанка монахиня, что прежде была за Ярополком, 4) чехиня вторая, 5) болгарыня, 6) Анна Романовна, царица греческая.

Сыновья: 1) Вышеслав от первой чехини, 2) Изяслав, 3) Ярослав, 4) Всеволод от Рогнеды, 5) Святополк от гречан-

ки, 6) Святослав, 7) Мстислав от другой чехини, 8) Борис и 9) Глеб от болгарыни, 10) Станислав, 11) Позвизд и 12) Судислав от наложниц.

Дочери: 1) Предслава от Рогнеды, за Болеславом Храбрым⁵, королем польским, 2) от Рогнеды ж, 3) Марья от царицы греческой Анны, за Кажимиром Первым, королем польским, переименована в Польше Доброгневою.

Примечание 1. Какое сродство пошло от Предславы, о том неизвестно, затем что за Болеславом другие жены были.

Примечание 2. Марья Владимировна, прагматер многих государей, от польского короля Кажимира родила Болеслава Смелого и Владислава Первого. От сего произошли: 1) короли: Болеслав Третий, проименованием Кривоустой, Примислав, Владислав Локтик, Кажимир Великий, Людовик Великий, король венгерский и польский; 2) королевь: Святава, чешская королева Вратислава Второго, Гедвига, или Елена, королева польская Владислава Локтика, Рикса, королева чешская Венцеслава Четвертого, который для ней стал купно и польским королем, Елисавета, королева венгерская Карла Роберта, Марья, королева венгерская и польская Людовика Великого, Марья, наследница королевства Венгерского, римская императрица и королева венгерская и богемская Сигизмундова. От всех сих потомков великия княжны Марьи Владимировны произошли многочисленные герцоги и князи.



Изображение Ярослава Мудрого с семьей, подносящего храм святой Софии святому Владимиру. По правую руку Ярослава — его четверо сыновей, а по левую — его супруга Ингегерда с четырьмя дочерьми.

Зарисовка стенописи храма святой Софии, сделанная в 1651 году

Примечание 3. Вышеслава, дочь Мечиславова, что был внук Болеслава Третьего, правнук Марьи Владимировны, была за Богуславом Вторым, герцогом померанским. От них произошел Богуслав Великий, герцог померанский, тесть Фридрика Первого, короля датского, праотца герцогов голштинских. См. числ. 34.

8. Святополк.

Супруга: дочь Болеслава Храброго, короля польского.

9. Ярослав Владимирович.

Супруга: Ингегерда, королева шведская Олава Первого, прежде была невеста Олава Святого, короля норвежского.

Сыновья: Владимир, **Изяслав**, **Святослав**, **Всеволод**, Игорь, Вячеслав.

Дочери: 1) Елисавета за Гаралдом, королем норвежским и шведским, 2) Анна за Генрихом Первым, королем французским, 3) Настасья за Андреем Первым, королем венгерским.

Сноха, за князем Владимиром Ярославичем, королевна аглинская Гаралдова.

Внука, Вячеслава Вячеславовна за Болеславом Смелым, королем польским.

Правнука, Елена Ростиславовна (Владимировича) за Болеславом Четвертым, герцогом польским, вторая супруга.

Примечание 1. Великая княжна Анна Ярославовна, королева французская, праматерь многочисленных государей, во Франции названа Агнессою. От Генриха Первого родила троих сыновей: Филиппа, Гугона, Роберта. Филипп наследовал корону, и от него пошли: 1) во Франции капетского, валоиского и бургонского поколения 28 королей, даже до ныне владеющего государя Людовика Пятнадцатого; 2) Карл, граф, и Людовик, герцог Анжуйский, были королями неаполитанскими, и от них произошли многие короли и королевы; 3) правнук ее Петр Куртенийский был царем греческим по взятии Царяграда от латин, во время иерусалимских походов от западного христианства, и некоторые его потомки; 4) нынешняя фамилия королей испанских, от Людовика Четырнадца-

того происшедшая; 5) английские королевы: Маргарита Едуарда Первого, Изабелла Едуарда Второго, Изабелла ж Рихарда Второго, Екатерина Генриха Пятого, Марья Карла Первого, Магдалина, королева шкотская Якова Пятого, испанская королева Изабелла Филиппа Четвертого, Беатрикс, королева богемская Иванова, Шарлотта, королева кипрская Ивана Второго. От сих государынь произошли многие короли, герцоги и князи. По смерти первого супруга Анна Ярославовна была во Франции за Рудольфом, самовладельцем графом Креспийским и Валоиским.

Примечание 2. От Гаралда, короля норвежского, были многие потомки, а имела ли Елисавета Ярославовна в них участие, сказать не надежно, затем что у него была вторая супруга Тора.

Примечание 3. Настасья Ярославовна, в Венгрии проименованная Агмунда, от Андрея короля родила короля Соломона и дочь Адельгейду, супругу Вратислава Второго, короля богемского.

Примечание 4. Володаря Ростиславича дочь за греческим Алексеевым царевичем Комниным, праправнука Ярослава.

Примечание 5. От Елены Ростиславовны, правнуки Ярослава (или от Настасьи Всеволодовны, числ. 12), родилась Мехтилда, была за Прибыславом, последним королем славян вендских.

10. Изяслав Ярославич.

Супруга: польская королевна Мечислава Второго, сестра Кажимилова.

Сыновья: Мстислав, Святополк, Ярополк.

11. Святослав Ярославич.

Супруга: Ода, графиня штагедская, сестра Бурхарда, епископа трирского.

Сыновья: Олег, Ярослав, Борис, Глеб, Роман, Давид.

12. Всеволод Ярославич.

Супруги: 1) царица греческая Константина Мономаха, мать Владимира Мономаха; 2) Анна.

Сыновья: 1) Владимир Мономах, 2) Ростислав.

Дочери: 1) Евпраксия Всеволодовна за Оттоном Первым, маркграфом бренденбургским; а за вторым супругом за Генрихом Четвертым, цесарем римским, потом постриглась, в России, 2) Екатерина, 3) Настасья за Болеславом Четвертым, герцогом польским, вторая супруга.

13. Святополк-Михаил Изяславич.

Супруга: Елена, дочь Тугоркана, князя половецкого.

Сыновья: Мстислав, Ярослав, Брячислав.

Дочь: Збыслава Святополковна за Болеславом Третьим Кривоустым, королем польским, первая супруга.

14. Владимир Всеволодович Мономах.

Супруги: 1) Христина⁶, королевна шведская, дочь Ингора Четвертого, 2) Евфимия⁷.

Сыновья: Мстислав, Изяслав, Святослав, Ярополк, Вячеслав, Роман, Юрий, Андрей.

Дочь: Марина, в монашестве.



Сватовство. «...Тое же зимы приде Изяслав... и послав ко Андрееви к Гюргеичу Ростову, и проси у него дщери за своего сыновца, за Святослава...»

Из Царственного летописца



В. Верещагин. Одевание юной княжеской невесты к венцу

Сноха, за Андреем, внука Тугоркана, князя половецкого.

15. Мстислав Владимирович.

Супруги: 1)... 2) дочь новгородского посадника Дмитрия Завидовича.

Сыновья: Всеволод, Изяслав, Ростислав, Святополк, Владимир, Роман.

Дочери: 1) Софья за Валдемаром Первым, королем датским, 2) за Ярославцем Святополковичем, князем владимирским.

Примечание 1. От Софьи произошли: Канут Шестой и Валдемар Второй, короли датские; Рикса, королева шведская за Ерихом Десятым, Ингебурга, королева французская Филиппа Второго, что был правнук великия княжны Анны Ярославовны.

Примечание 2. Вторая княжна супругом отослана прочь, за что Мономах ходил войною на Владимир.

16. Ярополк Владимирович.

Супруга: Елена, княжна ясская.

17. Вячеслав Владимирович.

18. Всеволод Ольгович.

Сын: Святослав.

Сноха, супруга Святославова, дочь князя Василия Святославича Мономаховича.

19. Изяслав Мстиславич.

Супруги: 1)... 2) обезская княжна.

Сын: Святослав от первой.

Дочь: за князем Ригвальдом Борисовичем половецким.

20. Юрий Владимирович Долгорукий.

Супруги: 1) дочь Аепы, князя половецкого, внука Асенева, 2) Ольга, в пострижении Евфросиния.

Сыновья: Ростислав, Андрей, Иван, Борис, Глеб, Мстислав, Василий, Ярослав, Михайло, Святослав, Всеволод.

Снохи: 1) Глеб женат на дочери Изяслава Давидовича, князя черниговского, 2) Мстислав — на дочери новгородского посадника Петра Михайловича.

21. Андрей Юрьевич Боголюбский.

22. Дмитрий-Всеволод Юрьевич.

Супруги: 1) Марья, княжна чешская, в монахинях Марфа, 2) Анна, дочь вытепского князя Василия.

Сыновья: Константин, Борис, Юрий, Ярослав, Владимир, Святослав, Иван.

Дочери: 1) Всеслава за князем Ростиславом Ярославичем черниговским, 2) Верхослава за князем Ростиславом Рюриковичем белгородским.

23. Константин Всеволодович.

Супруги: 1) Агафья Мстиславовна, княжна смоленская, 2) отошла в Муром к братьям, там и постриглась.

Сыновья: Василий, Всеволод, Владимир.

Снохи: 1) за Василием дочь князя Михайла Всеволодовича черниговского, 2) за Всеволодом дочь Ольга Святославича.

24. Юрий Всеволодович.

Супруга: дочь великого князя киевского Всеволода, сожжена в соборной церкви во взятие владимирское Батыем; перед тем постриглась.

Сыновья: Владимир, Всеволод, Мстислав, все побиты от татар.

Дочь: Федора.

25. Ярослав Всеволодович.

Супруга: Федосья Мстиславовна, в монахинях Евфросиния, дочь храброго князя Мстислава Мстиславича новгородского.

Сыновья: Федор, Александр, Андрей, Константин, Афанасий, Данило, Михайло, **Ярослав, Василий.**

Дочь: Гремислава Ярославовна за Ляшком Белым, герцогом польским; от ней родилась Соломония, что была за Коломаном, венгерским королевичем, бывшим на время королем Южных России.

26. Александр Ярославич Невской.

Супруга: княжна полоцкая Брячиславовна.

Сыновья: Василий, Дмитрий, Андрей, **Данило.**

27. Ярослав Ярославич.

Супруга: Ксения.

Сын: Михайло.

Дочь: в монахинях.

28. Василий Ярославич.

29. Дмитрий Александрович.

Сын: Иван.

30. Андрей Александрович.

31. Данило Александрович.

Супруга: Марья. ...

Сыновья: Юрий, Александр, Борис, **Иван**, Афанасий, Федор.

32. Михайло Ярославич.

Супруга: княжна Анна Дмитриевна (Борисовича).

Сыновья: Дмитрий, Александр, Константин, Василий.

Снохи: 1) Дмитрий Михайлович женат на княжне литовской, дочери Гедиминовой, 2) Константинова супруга Настасья.

33. Юрий Данилович.

Супруга: дочь Кончака, царевна татарская, в крещении Агафья.

34. Александр Михайлович.

Сыновья: Федор, Всеволод, Михайло.



П. Чистяков. Великая княгиня София Витовтовна срывает пояс с Василия Косого на свадьбе своего сына

Дочери: 1) Марья, супруга великого князя Семена Ивановича, 2) Ульяна за Олгердом Гедиминовичем, князем литовским.

Примечание 1. От сего супружества пошли короли польские: Ягайло, в крещении Владислав Пятый, Иван Первый, Александр, женат на великой княжне московской Елене Ивановне, Сигизмунд Первый, Сигизмунд Второй, Сигизмунд Третий, Владислав, который выбран был от бунтовщиков после Расстриги царем российским, Иван Второй; Катерина, королева шведская Иванова, Анна, королева польская Стефана Батория.

Примечание 2. Сия великая княжна Ульяна Александровна, родная сестра Марье Александровне, великой княгине московской, супруге Семена Ивановича (число 36); от Олгерда родила Ягайла, короля польского; от него родился Кажимир Четвертый, король польский. Кажимирова королевна Анна была за Богуславом Великим, герцогом померанским. Их принцесса Софья за Фридериком Первым, королем датским. Королевич их

Адолф был родоначальник герцогам голстинским, и от него пошли: Иван Адолф, Фридерик Третий, Христиан Алберт, Фридерик Четвертый, Карл Фридерик, государь великий князь **Петр Федорович**, от Рурика двадцать пятый ⁸.

35. Иван Данилович.

Супруга: Елена, в схиме.

Сыновья: **Семен, Иван, Андрей.**

Дочь за Константином Васильевичем, князем ростовским.

Внук: храбрый князь Владимир Андреевич Донской.

36. Семен Иванович.

Супруги: 1) Августа, в крещении Анастасия, княжна литовская, 2) Парасковья Федоровна Святославича, княжна смоленская, 3) Марья Александровна, княжна тверская.

Сыновья: Иван, Семен.

Дочь за князем Михайлом Васильевичем тверским.

37. Иван Иванович.

Супруги: 1) Федосья Дмитриевна, княжна брянская, 2) Александра, в монахинях Марья, мать Дмитрия Ивановича Донского.



А. Земцов. Встреча невесты великого князя Ивана Васильевича греческой царевны Софьи Палеолог в Псковской области в устье Эмбаха (1467 г.)



К. Лебедев. Обручение малолетних — князя Иоанна Васильевича Московского с княжной Марией Борисовной Тверской

Сыновья: Дмитрий, Иван.

38. Дмитрий Константинович.

Сыновья: Василий, Семен, Иван.

Дочь: Евдокея за князем Дмитрием Ивановичем Донским.

39. Дмитрий Иванович Донской.

Супруга: Евдокия Дмитревна, княжна суздальская, в монахинях Евфросиния.

Сыновья: Данило, **Василий**, Юрий, Андрей, Петр, Иван, Константин.

Дочь: Софья Дмитревна за князем Федором Ольговичем рязанским.

40. Василий Дмитриевич.

Супруга: Софья Витовтовна, великая княжна литовская.

Сыновья: Иван, **Василий**.

Дочери: 1) Анна Васильевна за греческим царем Иваном Мануйловичем Палеологом, за дядею родным великия княгини Софьи Фоминишны (число 42), 2) за Юрием Патрикеевичем, князем литовским, 3) Василиса Васильевна была за первым супругом, за князем Александром Ивановичем суздальским, а за другим, за князем Александром Даниловичем суздальским.

41. Василий Васильевич.

Супруга: княжна Марья Ярославовна, внука князя Владимира Андреевича Донского, в монахинях Мавра.

Сыновья: Юрий, **Иван**, Юрий, Андрей, Борис, Андрей.

Дочь: Марфа за князем Иваном Васильевичем Бельским.

42. Иван Васильевич.

Супруги: 1) Марья Борисовна, княжна тверская, 2) Софья Фоминишна, царевна греческая, племянница родная царям греческим Ивану и последнему Константину Мануйловичам Палеологам.

Сыновья: Иван, **Василий**, Юрий, Дмитрий, Семен, Андрей.

Дочери: 1) Елена за Александром, королем польским, 2) Евдокия за царевичем казанским Кудайгулем Ибраимовичем, в крещении Петром, 3) за князем Данилой Дмитриевичем тверским, 4) Софья за князем Василием Даниловичем Холмским.

Внуки: у царевича Петра были две дочери, одна Настасья за князем Федором Михайловичем Мстиславским, другая за князем Василием Васильевичем Шуйским.



К. Лебедев. Свадьба великого князя Василия III Иоанновича с княжной Еленой Глинской

Внук: Дмитрий Иванович назначен и венчан по отце наследником, но после отрешен.

Снохи: 1) супруга Ивана Ивановича, дочь Стефана Храброго, князя молдавского, скончалась в заточении с сыном Дмитрием Ивановичем, 2) Евфросинья Андреевна, княжна Хованская, за князем Андреем Ивановичем.

43. **Василий Иванович.**

Супруги: 1) Соломония Юрьевна Сабурова, отпущена в Девичь монастырь для двадцатилетнего бесплодия, 2) княжна Елена Васильевна Глинская, в монахинях Варлаама.

Сыновья: **Иван**, **Юрий**, оба от последней.

Сноха: Ульяна Дмитриевна, княжна Палецкая, Юрьева супруга.

44. **Царь Иван Васильевич.**

Царицы: 1) Настасья Романовна (Юрьевича, Захарьиных), 2) Марья Темрюковна, княжна черкасская горских, 3) Марфа Васильевна Собакина, в монахинях Иона, 4) Дарья Ивановна Колтовская, пострижена на Тихвине во время строгого

наказания новгородцев, 5) Марья Федоровна Нагих.

Царевичи: Дмитрий, Иван, **Федор** от первой, Дмитрий Углицкой от последней.

Царевны: 1) Анна, 2) Марья, младенцы.

Снохи, супруги царевича Ивана Ивановича: 1) Евдокия Богдановна Сабурова, пострижена при супруге в Суздале, в монахинях Александра; 2) Парасковья Михайловна Солового, пострижена также при супруге на Беле-озере.

Снохи ж, супруги брата двоюродного, князя Владимира Андреевича: 1) Евдокия Александровна Нагово, 2) Евдокея Романовна, княжна Одоевская.

45. **Царь Федор Иванович.**

Царица: Ирина Федоровна Годунова, в монахинях Александра.

Царевна: Федосья Федоровна, младенец.

46. **Царь Борис Федорович Годунов.**

Царица: Марья Григорьевна, дочь военачальника опричных Малюты Скуратова.

Царевич: **Федор.**

Царевна: Ксения.

47. **Царь Федор Борисович Годунов.**

48. **Царь Василий Иванович Шуйский.**

Царица: Елена Петровна, княжна Буйносова-Ростовская.

49. **Царь Михайло Федорович Романов.**

Царицы: 1) Марья Владимировна, княжна Долгорукова, 2) Евдокия Лукьяновна Стрешнева.

Царевичи: Алексей, Василий, Иван.

Царевны: Ирина, Пелагея, Марфа, Софья, Евдокия, Анна, Татьяна — все от второй.

Примечание. Родитель сего государя был великий боярин Федор Никитич Романов, браг двоюродный царю Федору Ивановичу, потом святейший патриарх московский Филарет, от великородных древних дворян российских и знатнейших бояр московских, в ближнем сродстве со многими князьями, а особливо с государем царем Иваном Васильевичем, по родной своей тетке, государыне Настасье Романовне, царице помянутого государя. Родительница его была Ксения Ивановна, княжна Сицкая, в монахинях Марфа. Происходила от великого князя киевского и смоленского Мстислава Владимировича Мономахова (степень 8, число 15).

Дед: великий боярин и царю Ивану Васильевичу родной шурин Никита Романович (Юрьевича Захарьина).

Бабка: супруга Никиты Романовича, великая боярыня Евдокия Александровна, княжна суздальская, происходила от великого князя Андрея Ярославича (степень 11, число 25), брата родного великому князю Александру Невскому.

50. **Царь Алексей Михайлович.**

Царицы: 1) Марья Ильинишна Милославская, 2) Наталья Кирилловна Нарышкина.

Царевичи: Дмитрий, Алексей, Федор, Семен, Иван от первыя, Петр от вторыя.

Царевны: Евдокия, Марфа, Софья, в монахинях Сусанна, в схиме Софья ж, Екатерина, Марья, Анна, Федосья, Федора от первыя, Наталья от вторыя.

51. **Царь Федор Алексеевич.**

Царицы: 1) Агафья Семеновна Грушецкая, 2) Марфа Матвеевна Апраксина.

Царевич: Илья от первыя, младенец.

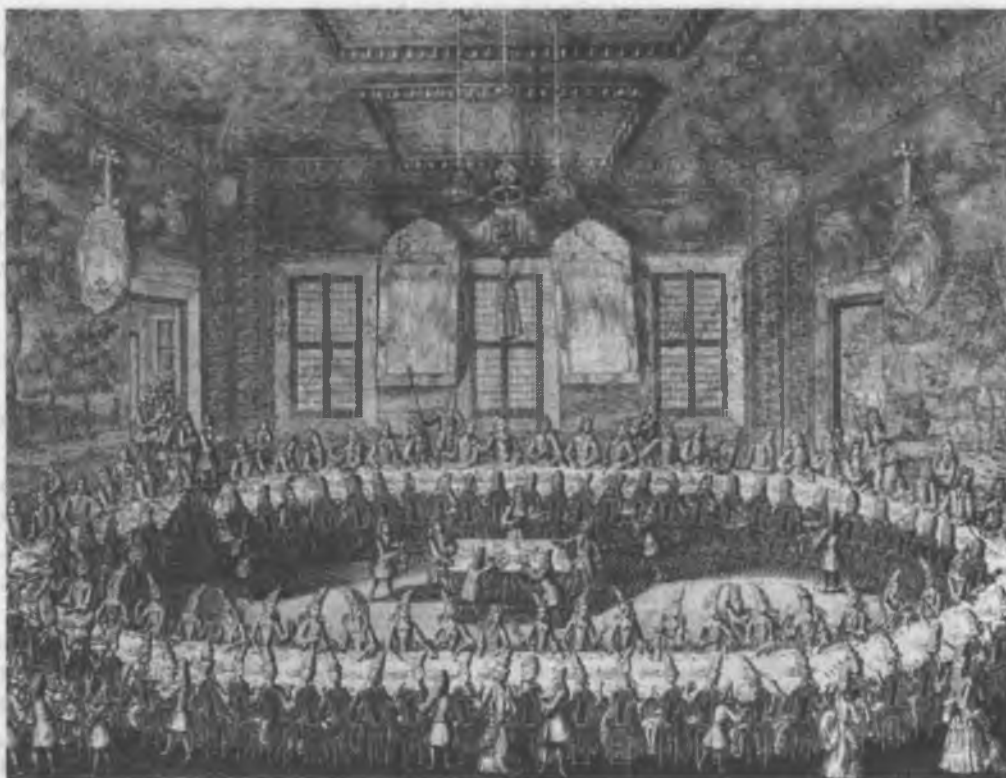
52. **Царь Иван Алексеевич.**

Царица: Парасковья Федоровна Салтыкова.

Царевны: Екатерина Ивановна за герцогом мекленбургским Леополдом⁹, Ан-



М. Нестеров. Встреча царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской



Свадьба Петра и Екатерины. 1712 год

на **Иоанновна** за герцогом курландским **Фридериком Вильгельмом**, потом государыня императрица и самодержица всероссийская; **Парасковья Ивановна**, незамужняя; **Марья, Федосья**, младенцы.

53. **Петр Великий**, первый император.

Супруги: 1) **Евдокия Федоровна Лопухина**, 2) **Екатерина Алексеевна** Скавронская, государыня императрица и самодержица всероссийская по животе его и по смерти.

Царевичи: **Алексей, Александр** от первых; **Павел, Петр, Петр**, объявленный наследником, и **Павел** от вторых, младенцы.

Цесаревны: от вторых **Анна Петровна** за герцогом голштинским **Карлом Фридериком**; **Елисавета Петровна**, ныне благополучно владеющая великая государыня императрица и самодержица всероссийская, всемилостивейшая государыня наша; **Наталья, Маргарита, Наталья**, младенцы.

Внуки: 1) **Петр Алексеевич**, второй император и самодержец всероссий-

ский, 2) государь великий князь **Петр Федорович**, наследник всероссийский, владетельный герцог голштинский.

Его супруга: государыня великая княгиня **Екатерина Алексеевна**, герцогиня голштинская, природная принцесса цербстская.

Внука: государыня великая княжна **Наталья Алексеевна**.

Правнук: государь великий князь **Павел Петрович**, герцог голштинский.

Правнука: государыня великая княжна **Анна Петровна**, младенец.

Примечание. При сем уведомляю благосклонного читателя, что многих государей супруги, также и дети, особливо женского пола, по летописцам и родословным книгам, также по иностранным писателям, неизвестны. При втором издании сея книжицы все, что еще в летописях и известиях сыскаться может, присовокуплено будет; и если что по другим надежнейшим известиям инако найдется, без поправления не останется.

ПРИМЕЧАНИЯ

Время написания — 1759 г.

В «Росписи упражнений сего 1759 года» Ломоносов писал: «1. Сделал самый краткий перечень Российской истории. 2. Сочинил таблицу Российской императорской фамилии» (акад. изд.: Т. VIII. С. 217).

Книга печаталась по определению канцелярии Академии наук 2 июня 1760 г., в 1200 экз. (*Биярский*. Указ. соч. С. 456); в ноябре 1760 г., по донесению фактора типографии А. Лыкова, было набрано 6 л. и напечатано 14 742 л., то есть 2457 экз. (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 505, л. 248 об.); в апреле 1761 г. был вновь напечатан двойной тираж — 2406 экз. (*Там же*. С. 511). Таким образом, за короткий срок было выпущено три издания, имеющие одну дату — 1760 г. Два издания отличаются от третьего подбором заставок и украшений и мелкими типографскими деталями.

В «Кратком Российском летописце» в популярной форме дается история России в виде перечня княжений и царствований до Петра I, с указанием важнейших событий и с приложением родословной Рюриковичей и Романовых. До того, кроме совершенно устаревшей рукописной «Истории о царях и великих князьях земли русской» Ф. И. Грибоедова, написанной в 60-х годах XVII в. (издана Обществом любителей древней письменности в 1896 г.), имелся лишь Синописис; из научных работ была напечатана доходившая лишь до 1238 г. «Краткая роспись великим князьям всероссийским, от Юрика до нашествия татар, с показанием родословия», составленная В. Н. Татищевым (Ежемесячные сочинения, 1755. Январь. С. 1—16).

Потребность в такой книге была очень велика; она даже переписывалась от руки (такие списки сохранились, напр., в Рукописном отделе РНБ (СПб.)).

В апреле — мае 1761 г. для Ломоносова было переплетено 44 экземпляра (*Ламанский* В. Ломоносов и Петербургская академия наук. СПб., 1865. С. 148), вероятно, для раздачи интересующимся.

Еще при жизни Ломоносова книга была переведена на немецкий язык П. Я. Штелиным (*Kurzgefasstes Jahrbuch der Russischen Regenten*. Copenhagen. Leipzig, 1765). Немецкий перевод был переиздан в Риге в 1767 и 1771 гг. Появился также английский перевод (*A chronological abridgement of the Russian history*. London, 1767).

Существует мнение, что книга была написана наспех в качестве учебника для малолетнего цесаревича Павла, о чем будто бы свидетельствует

приложенное к ней стихотворное посвящение (см., напр.: *Модзалевский* Л. Б. Об участии А. И. Богданова в составлении «Краткого Российского летописца» М. В. Ломоносова // *Ломоносов*: Сб. ст. и материалов. II. М.; Л., 1946. С. 265). Однако посвящения литературных произведений малолетнему наследнику престола были весьма обычным приемом. Ломоносов посвятил Павлу и свой проект полярной экспедиции.

«Краткий Российский летописец» по содержанию делится на 3 части. В «Показании российской древности, сокращенном из сочиняющейся пространной истории» сжато и четко суммированы взгляды Ломоносова о древности и «величестве» славян и чуди и о славянском происхождении варягов-руси, развивавшиеся им с 1749 г. Вторая часть, не имеющая особого заглавия, представляет собой хронологию государей, с указанием их «степеней от Рурика», с кратким перечнем важнейших событий каждого правления. Эта часть написана А. И. Богдановым, библиотекарем Академии наук. Богданов — первый русский библиограф (составил каталог русских печатных и рукописных книг Академической библиотеки), лексикограф (составил большой словарь русского языка, в 80-х годах XVIII в., напечатанный в сокращенном виде Российской академией в качестве словника к ее «Словарю»), первый историк Петербурга (составил «Описание Петербурга») и автор ряда других работ (см. о нем: *Аблов Н. Н.* Сподвижник Ломоносова, первый русский книговед — Андрей Богданов // *Советская библиография*. Сб. 1 (19). 1941. С. 134—151). Авторство Богданова для этой части «Краткого Российского летописца» засвидетельствовано его собственным указанием.

В прошении, поданном им 3 сентября 1766 г. о награждении его чином за 36-летнюю работу по библиотеке, в списке его трудов имеется запись: «Краткий экстракт о державных российских князьях и с славными их делами написал, которая и напечатана господином штатским советником Ломоносовым». Хотя эта запись была известна еще П. П. Пекарскому, но и он, и все последующие исследователи относили ее не ко второй, а к третьей части «Краткого Российского летописца». Ошибка эта была раскрыта Л. Б. Модзалевским в вышеупомянутой статье (*Ломоносов*. II. 1946. С. 267).

Однако если авторство А. И. Богданова для этой части книги не подлежит сомнению, то это не снимает вопроса о редакторской обработке Ломоносовым текста Богданова.

В «Росписи сочинениям и другим трудам советника Ломоносова», написанной им в начале 1764 г., в разделе «История» он на первом месте поставил: «Сочинен краткий летописец Российский с родословием и напечатан» (акад. изд.: Т. VIII. С. 276).

Стиль Ломоносова обнаруживается в тексте хронологического списка о Петре Великом, например: «Дабы изведать, что солдат может, и показать, что должен делать»; «Именем громкий, присутствием неизвестный простирает ум и руки» и т. д.; «Сие действие [возвращение Азова] хотя России самой за неприбыточное признается, однако соседям нашим спасительно было» и т. д.; наконец, заключительная часть текста о Петре, написанная с большим чувством, от слов «много претерпел», вероятно, принадлежит самому Ломоносову.

Последняя часть — «Родословие российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями» — является самостоятельным исследованием Ломоносова по доступным ему источникам. В числе взятых им из библиотеки книг находился первый том «Родословных таблиц» Иоганна Гюбнера (Genealogische Tabellen. Leipzig, 4 vol.), включавший родословие русских царей, переиздававшийся несколько раз с добавлениями и исправлениями. Ломоносов пользовался также русскими рукописными родословными государей.

Одновременно с выпуском «Краткого Российского летописца» Ломоносов думал о втором издании «сея книжицы», дополненном и исправлен-

ном (см. его «Примечание» в конце текста). В связи с этим стояло предложение, дважды сделанное Ломоносовым канцелярии Академии, о посылке в древние великокняжеские города художника, чтобы скопировать древние портреты князей, надгробные надписи и собрать прочие сведения, без которых «невозможно сочинить полного родословия российских государей, о которого издании в свет Академия наук старается» (Биларский. Представление 16 октября 1760 г. С. 464). Ломоносов указывал, что сохранение этих произведений старого искусства нужно, «чтобы показать и в других государствах российские древности и тщание предков наших», и что «выданные прежде сего в печать родословные грьдорованные листы не токмо весьма недостаточны, но и никакого сходства между собою в лицах не имеют» (Там же. С. 464). Ломоносов имел в виду изданную Академией наук в начале 1740-х годов серию портретов царей и великих князей, выполненную И. Штенгелиным (см.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. Т. II, СПб., 1895. Стлб. 1211—1216).

В «Родословии» прослеживаются связи Рюриковской династии с дворами других европейских стран; эта генеалогия имела целью показать крупное значение Руси в общеевропейской истории.

Следы работы Ломоносова над Родословной таблицей сохранились в виде черновой записи, находящейся среди материалов к «Российской грамматике» и содержащей сведения о супругах царей Ивана Васильевича, Федора Ивановича, Бориса Федоровича и Василия Ивановича (архив РАН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 58 об.).

ла его военной добычей (см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. Примеч. 17).

⁶ «Супруги: 1) Христина...» — Ошибка: Христина не была первой женой Мономаха (см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. Гл. I. Примеч. 241).

⁷ Евфимия. — Евфимией звалась не жена, а дочь Мономаха.

⁸ «Петр Федорович, от Рурика двадцать пятый...» — Ошибка: двадцать пятою «степенью от Рюрика» являлись дети Алексея Михайловича.

⁹ «...Екатерина Ивановна за... Леопольдом...» — Несомненно, из политических соображений в «Родословии» опущено ее потомство: дочь Анна Леопольдовна и внук Иван Антонович, провозглашенный императором после смерти Анны Иоанновны, свергнутый с престола Елизаветой 25 ноября 1741 г.

¹ «...прадеды твои...» — Великий князь Павел Петрович был сыном тогдашнего наследника престола, будущего Петра III, в то время герцога шлезвиг-гольштейн-готторпского; родителями Петра III были дочь Петра I Анна Петровна и герцог Голштинский Карл Фридрих, племянник шведского короля Карла XII.

² «...богатого Офира...» — Здесь выражена мысль Ломоносова о необходимости для русского государства проложить морской путь к странам Дальнего Востока. Страна Офир — библейский образ страны, богатой драгоценностями.

³ «...оружием... Елисаветы». — Имеется в виду занятие Восточной Пруссии русскими войсками, продолжавшееся с 1757 по 1762 г.

⁴ «...по летописцу...» — Имеется в виду апокрифическое сказание, которое Ломоносов называл Новгородским летописцем.

⁵ «Предслава... за Болеславом Храбрым...» — Болеславу было отказано в руке Предславы, и она ста-



ОПИСАНИЕ СТРЕЛЕЦКИХ БУНТОВ И ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ





А. Шарлеман. Стрелецкий бунт

ЗАПИСКА О ПЕРВОМ СТРЕЛЕЦКОМ БУНТЕ В 1682 г.

Горе царя Федора Алексеевича, причиненное смертью его первой супруги Агафьи Симеоновны и сына, царевича Ильи Федоровича, сильно повлияло на его здоровье. Его любимым правителем был в то время Языков. Царь объявил ему, что, зная о слабости своего здоровья и желая предупредить бедствия, могущие нарушить государственное спокойствие в случае его кончины, он намерен назначить наследником престола своего брата Петра Алексеевича.

Языков представил ему, что прямым наследником является царевич Иван Алексеевич, как единокровный брат государя, к тому же старший брат Петра. Государь не согласился, сославшись на слабое здоровье царевича Ивана, и добавил, что Петр, напротив, сильного сложения и что к тому же Бог наделил его выдающимися дарованиями, почему он и более достоин ему наследовать.

Любимец, имевший какие-то счеты с Нарышкиными, сделал все возможное, чтобы отдалить царевича Петра от престола. Он даже посоветовал царю немедленно вступить во второй брак, чтобы дать государству наследника.

«Я не раз беседовал с лекарями о твоём здоровье, — добавил он, — все мне отвечали, что ты скоро совершенно поправишься и будешь жить еще долго». Государь, ободренный советами Языкова, женился на

Марфе Матвеевне из рода Апраксиных, но вскоре его болезнь усилилась, и он скончался 27 апреля 1682 г.¹

За два дня до его кончины стрельцы, притесняемые своими полковниками, которые посылали их на различные работы, не давая отдыха даже в праздники, и под разными предлогами не доплачивали им жалованье, подали царю челобитную, в которой просили удовлетворить все их жалобы. Они поручили одному из своих товарищей снести ее в Стрелецкий приказ. Думный дворянин, или советник канцелярии, Павел Петрович Языков принял челобитную, обещав доложить о ней князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, начальнику приказа, и на следующий день дать ответ.

Языков тотчас отправился к князю Долгорукому, но изложил ему дело неправильно. Он сказал, что стрелец, приходивший к нему с челобитной, был пьян и даже отзывался о князе непочтительно. Князь Долгорукий ответил, что если стрелец был пьян, то его следует завтра же бить кнутом перед съезжей избой для примера другим стрельцам. На другой день этот стрелец вернулся в приказ, чтобы узнать ответ на челобитную, поданную им от имени всех его товарищей. Ему ответили, что государь приказал наказать его, как мятежника, и бить кнутом для примера всем другим. Два стражника, в сопровождении палача,

отвели стрельца на место казни. Раздеваясь, чтобы принять назначенное наказание, он закричал другим стрельцам: «Ведь я подал челобитную по вашему поручению и с вашего согласия; как же вы позволяете меня так бесчестить!»

Тотчас прибежали несколько стрельцов и освободили своего товарища, избив стражников и палача. Присутствовавший здесь же дьяк, или секретарь, который, на свое счастье, еще не успел спешиться, ускакал во весь опор и поспешил сообщить думному дворянину о том, что произошло. Стрельцы этого полка, которым командовал полковник Семен Грибоедов, были крайне возмущены этим случаем. В ту же ночь они столковались друг с другом, а наутро предложили стрельцам других полков действовать сообща и разузнали, кто еще из их полковых командиров дает повод для подобных жалоб.

Из двадцати полковников, командовавших в то время 22 000 стрельцов, нашлось девять виновных. Стрельцы приняли решение добиться суда над своими командирами или всех их перебить.

На следующий день, 27 апреля, в 4 часа пополудни скончался царь Федор Алексеевич.

Всех стрельцов немедленно вызвали в Кремль для принесения присяги царю Петру, объявленному наследником престола, в обход его старшего брата Ивана Алексеевича, которого из-за природной слабости, косноязычия и других болезней отстранили от престола. Стрельцы охотно присягнули, после чего разошлись по домам. Похороны царя происходили 28, и весь этот день стрельцы вели себя спокойно; но 29 они толпой двинулись в Кремль просить нового царя, чтобы девять указанных ими командиров были схвачены тут же при них



Стрельцы



и чтобы их заставили вернуть незаконно удержанные деньги, а также заплатить за исполненные для них работы по представленному стрельцами счету. Стрельцы кричали, что если им откажут в их требовании, то они сами о себе позаботятся, перережут этих командиров, разграбят их дома и тогда найдут, чем себя вознаградить. Они грозили, что на этом не остановятся, а выместят свое недовольство и на других изменниках, и добавляли, что это может стоить жизни многим знатным боярам, большинство которых они при этом и называли; словом, что они больше не могут терпеть произвола своих командиров и плохого управления изменников, злоупотребляющих доверием государя.

Такая смелая речь испугала двор. Было приказано задержать девять полковников, которым стрельцы предъявляли обвинение. Их в ближайшие два дня взяли и содержали в Рейтарском приказе. Стрельцы настаивали, чтобы полковников отдали в их руки, а уж они быстро с ними рассчитаются. В этом им было отказано, но зато им обещали, что государь велит рассудить их дело так, что они останутся довольны. Однако они не удовлетворились этим обещанием и продолжали настойчиво требовать выдачи своих командиров.

Наконец несколько бояр, любимых стрельцами, и епископов, по отношению к которым, однако, стрельцы не проявили особенного почтения, уладили это дело так, что стрельцы, видимо, остались довольны. Полковников приговорили заплатить все, что стрельцы требовали с них по счету, и отстранили их от командования. Вместо них стрельцам обещали дать новых начальников, коими они будут довольны. Стрельцы требовали, чтобы полковники, которые часто их безжалостно мучили, были биты кнутом; но это наказание было смягчено. 1 и 2 мая на площади перед Стрелецким приказом их били батогами. Полковников раздели до рубашки, положили ничком, и два человека били их тонкими прутьями по спине до тех пор, пока стрельцы не признавали наказание достаточным. Те из полковников, на которых стрельцы были особенно озлоблены, были наказаны до трех раз. Тех же, кого стрельцы ненавидели меньше, пощадили, и они

получили меньше ударов. Все делалось по их произволу, и никто не смел им прекословать.

После этой расправы стрельцы благодарили государя за оказанное им правосудие, а полковники доставили деньги, которые они должны были заплатить. Некоторым пришлось отдать до 2000 рублей и более. Тех, кто расплатился раньше, отпустили первыми. Другие, оказавшиеся более медлительными, каждый день стояли на правее по два часа подряд, пока не заплатили. Расплата закончилась в восемь дней. Затем полковников отпустили и сняли с должностей, после чего они уехали в свои поместья.

Попустительство стрельцам не замедлило повлечь за собою много дурных последствий. Стрельцы постоянно намекали в своих речах, что новый царь был избран незаконно, что они не верят, будто бы старший царевич Иван Алексеевич не способен был царствовать из-за болезней, ему приписываемых, и еще менее верят, что он сам отказался от престола, а это было делом изменников, главными из которых были Нарышкины, отец и брат вдовствующей царицы, матери Петра I, которому в то время было 10 лет. Они даже говорили открыто, что не позволят править собою Нарышкиным и Артамону Сергеевичу Матвееву, который должен был вернуться из ссылки, и что скорее они их всех перебьют².

Царевна Софья не могла стерпеть, что ее брат Иван отстранен от престола, и с помощью своих сторонников старалась разжечь дух возмущения среди стрельцов. Однако сначала она сочла нужным попытаться достичь своей цели не столь крутыми средствами.

Она пригласила к себе царевен, патриарха, высшее духовенство, бояр, воевод, дворян и крупных купцов. Она объяснила собравшимся, что царевич Иван, как старший, безусловно должен вступить на престол, что только это может предупредить смуты и междоусобицы. «Все стрелецкие полки,— добавила она,— желают видеть на престоле царевича Ивана, который много старше царевича Петра, еще отрока и потому неспособного управлять государством.»³ При этом царевна Софья добива-

лась одной цели — встать у власти, которую бы она тогда завладела благодаря своему влиянию на царя Ивана и слабости его здоровья. Душою всего этого заговора был боярин Иван Михайлович Милославский, человек тонкий и хитрый, близкий родственник Софьи со стороны ее матери.

Патриарх объяснил царевне причины, заставившие царя Федора Алексеевича предпочесть царевича Петра, но она ему возразила, что этого недостаточно, что нужно спросить мнение стрельцов и народа и подчиниться их воле. Патриарх и духовенство ответили, что раз царевич Петр уже взшел на престол и признан государем, то у них нет власти лишить его престола.

Потеряв надежду лишить престола Петра, царевна просила, чтобы по крайней мере его брат Иван был сделан соправителем. Патриарх возразил, что двоецарствие представляет много неудобств, что должен быть один царь и что так хочет Бог. Затем он поклонился и вышел.

Царевна немедленно послала Милославского к стрельцам с просьбой, чтобы они помогли возвести на престол царевича Ивана Алексеевича. Она обещала им прибавку жалованья и другие награды⁴.

Милославскому удалось своими происками полностью склонить стрельцов на сторону царевны. Но так как он, видимо, боялся, чтобы дело не обернулось против него самого, то он прикинулся больным и принял все меры, чтобы оказаться вне подозрений. Пока же всем этим заговором руководили трое царедворцев — Александр Милославский и два брата Толстых, а также два стрелецких полковника, Цыклер и Озеров, которые тайно и договорились со стрельцами о том, как им действовать⁵.

Между тем боярин Иван Максимович Языков, любимец покойного царя Федора Алексеевича, и Алексей Тимофеевич Лихачев были сняты с должностей. Первый был оружейником, а второй казначеем. Им запретили показываться на глаза новому государю, но позволили видеть младшую вдовствующую царицу⁶. Старший сын Нарышкина, молодой человек 23 лет, получил звание боярина и оружейничего. Многие считали, что эта должность совсем не по-

добает его возрасту. Другой брат, Афанасий Кириллович, лет двадцати, был назначен комнатным стольником при царе Петре Алексеевиче.

Эти назначения усилили ропот стрельцов, настроенных царевной Софьей против Нарышкиных. Боярин Артамон Сергеевич Матвеев, вернувшись из ссылки, остановился неподалеку от Москвы. Он не спешил въехать в город, желая предварительно убедиться, что раздражение уже улеглось. Но присутствие этого вельможи, равно почтенного как по своему возрасту, так и по огромному опыту в делах политических и военных, было сочтено совершенно необходимым вследствие происходящих событий. Государь послал ему навстречу одну из собственных карет, в которой Матвеев и прибыл в город 11 мая и вступил в свой дом, где все было уже приготовлено для встречи. На другой день он отправился во дворец и здесь был встречен с великим почетом как царем Петром I и царицей, его матерью, так и всеми царедворцами.

Ему сразу вернули звание боярина, так же как и все его вотчины и слуг; во время его ссылки поступивших в услужение к другим господам. 12, 13 и 14-го дом его был наполнен множеством людей, радостно спешивших приветствовать его возвращение. Со всех сторон ему присылали подарки. Даже несколько стрельцов поднесли ему от имени всех своих товарищей хлеб-соль, как это принято, когда кто-нибудь приезжает или вступает в новый дом. Невозможно выразить, как ласково, с каким смирением и слезами он принимал и обнимал тех, кто посетил его. Все, даже те, кто не принадлежал к числу его друзей, радовались его возвращению. Они надеялись, что его присутствие предотвратит волнения, которых опасались со стороны стрельцов.

Этот вельможа, прибыв в Москву, отнюдь не одобрил столь быстрого повышения сыновей Нарышкина, особенно старшего. Он считал, что предоставленная стрельцам власть над их начальниками грозит самыми опасными последствиями, так как слишком хорошо знал их нрав, всегда расположенный к бунту и возмущению, что полностью и оправдалось впоследствии.

После приезда Матвеева стрельцы только о том и говорили, что Боярская ду-



А. Васнецов. Красная площадь во второй половине XVII века

задушили царевича Ивана Алексеевича, а не то мы всех перебьем».

Бояре — князь Михаил Юрьевич Долгорукий, начальник Стрелецкого приказа, и Аргамон Сергеевич Матвеев — вышли на Красное крыльцо и стали заверять стрельцов, что царевич Иван Алексеевич совершенно здоров и сейчас выйдет им показаться. Это их немного успокоило. Между тем царевна Софья велела выдать бунтовщикам несколько бочек водки под тем предлогом, что это их успокоит. Царица Наталья Кирилловна по настоянию бояр вышла на Красное крыльцо с царевичами и царевной Софьей. Это привело бунтовщиков в замешательство. Многие из них поднялись по лестнице и стали спрашивать у царевича Ивана — подлинно ли это он?⁸ Уверившись в этом, они закричали: «Ты будешь наш государь, да погибнут все изменники!» Они тут же потребовали, чтобы царь Петр отдал скипетр своему

старшему брату, что он и вынужден был сделать. Затем они снова стали кричать: «Выдайте нам изменников, главное — Нарышкиных, мы их всех перебьем; заточите в монастырь царицу Наталью Кирилловну; мы будем до последней капли крови защищать нашего государя Ивана Алексеевича и нашего царевича Петра Алексеевича!» Князь Долгорукий и боярин Аргамон Матвеев вышли вторично; Долгорукий, спустившись с Красного крыльца, ласково говорил со стрельцами и старался наставить их на правый путь, обещая все сделать, чтоб они были вполне удовлетворены⁹.

Царевна Софья, боясь увещаний этого вельможи, тотчас послала предупредить стрельцов, что они должны сегодня же перебить всех, кто внесен в переданный им список, иначе завтра же гибель ожидает их самих¹⁰.

Это привело стрельцов в ярость, и они не хотели более ничего слушать. Они схватили князя Долгорукого, а затем Матвеева и сбросили их обоих с Красного крыльца. Другие стрельцы приняли их на пики и, покончив с ними, притащили их голые трупы на большую площадь перед Кремлем¹¹.

После этого первого трагического события стрельцы вновь начали кричать, чтобы им выдали других изменников, число которых, по их списку, превосходило сорок. Так как никто к ним не вышел, то они сами кинулись во внутренние покои и церкви, забыв уважение к царям, вдовствующим царицам и царевнам. Там они нашли второго сына Нарышкина, Афанасия Кирилловича. Они за волосы втащили его на Красное крыльцо и сбросили на пики своих товарищей, которые его убили, как и первых двух, и приволокли тело на площадь, где лежали остальные.

Думный дьяк Ларион Иванов и его сын Василий, которых стрельцы также нашли в одной из церквей, подверглись той же участи.

Стрельцы, бывшие внизу, непрерывно кричали: «Да здравствует наш государь Иван Алексеевич и наш царевич Петр Алексеевич, и да погибнут изменники!» В то же время те, которые стояли на крыльце, продолжали требовать выдачи Ивана Кирилловича Нарышкина.

Во время этих событий невинно пострадал Федор Петрович Салтыков, молодой вельможа, отца которого очень любили стрельцы. Стрельцы, непрерывно требовавшие Ивана Кирилловича, увидев со спины молодого человека, торопливо входившего в церковь, закричали: «Вот Иван Нарышкин!» — и тут же его схватили; так как он, страшно испуганный, не сумел назвать себя сразу, они его сбросили с крыльца, убили и притащили его труп к остальным. Но, заметив потом свою ошибку, они отнесли тело в дом его отца, который в то время был болен, и просили у него прощения. Отец отвечал им только, что такова воля Божия, и велел вынести принесшим тело водки и пива.

Вскоре был найден и убит, как и другие, князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Его сына пощадили, может быть потому, что он не был в списке, а может быть,

как говорили стрельцы, из уважения к тому, что он провел двадцать лет в плену у крымских татар.

До наступления ночи погиб от ярости стрельцов и старый боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий. Когда этот вельможа возвращался домой, стрельцы окружили его карету и предложили его проводить; они уверяли, что вовсе не хотели убить его сына, и только когда тот заговорил с ними сурово и стал говорить, вместе с Артамоном Матвеевым, что их следует наказать, то они в запальчивости не сдержались; в этом они просили прощения у отца. Он не посмел ничего ответить, кроме того, что такова воля Божия. Стрельцы весьма почтительно проводили его домой, где он приказал подать им водки и пива, сколько они захотят. Выпив, стрельцы его поблагодарили и простились с ним. В это время вошла жена сына Долгорукого, обливаясь слезами и оплакивая гибель своего мужа. Старец ответил ей пословицей: щуку съели, да зубы ее целы остались. Услышав это, один из стрельцов, задержавшийся в сенях, кликнул своих товарищей и сказал им: «Слышите, братцы, он нам еще грозит!» Тогда они, как бешеные, бросились обратно, схватили старца, потащили за руки и за ноги к дверям дома, убили и, огрубив руки и ноги, бросили труп в грязи посреди улицы.

Часть стрельцов осталась на ночь во дворце, другие охраняли городские ворота, а несколько человек отправились на поиски жертв, стоявших в списке. Они обыскивали их дома и дома их соседей.

Особенно усердно искали они одного доктора по имени Даниил ван Гаден, главного доктора царя Федора Алексеевича. Стрельцы обвиняли его в отравлении государя. Во время поисков доктора соседи его испытали много унижений. Несколько стрельцов, один за другим, заходили в дом другого доктора, по имени Гутменш. На первый раз они, однако, не причинили ему зла. Когда же они еще раз пришли искать, несчастный испугался, подумав, что явились за ним, и спрятался на чердаке. Найдя доктора, стрельцы повели его с собой, говоря: «Ты друг Даниила, наверно, ты его спрятал. Мы тебя не отпустим, пока его не найдем». Схватили они и жену Даниила и

поручили караулить Гутменша стрельцам, стоявшим на Красном крыльце, с которого бросали убитых вельмож. У них хватило, однако, жалости позволить отвести беременную жену Даниила в особую маленькую комнату. Обоих грозили убить, если не найдут доктора Даниила.

16/27 с утра стрельцы снова собрались в Кремле, оставив только необходимое число людей в караулах у ворот. Наиболее дерзкие устремились в царские палаты в поисках Нарышкиных. Не найдя их, они убили прежде всего боярина Ивана Максимовича Языкова и думного дьяка, или государственного секретаря, Аверкия Кириллова, а также схватили русского полковника Григория Юрюшкина, вытащив их из домов, где те скрывались. Их привели во дворец, дожидаясь, пока соберутся все стрельцы. Бедные жертвы, оправданий которых никто не слушал, были сброшены с Красного крыльца, как и остальные, на пики и бердыши стоявших внизу стрельцов. Потом их голые тела вытащили из Кремля и бросили рядом с трупами убитых накануне. Через час узнали, что на улице нашли переодетого сына доктора Даниила. Никто не пускал его к себе, боясь такой же участи.

Стрельцы спросили, где его отец. Он ответил, что не знает; тогда и с ним покончили, как с другими, сбросив с крыльца. Доктора Гутменша убили таким же образом, и никто не стал слушать доказательств его невиновности. Стрельцы ему только объявили, что раз Даниил не разыскан, то придется ему отвечать, и раз он приготавливал лекарства, погубившие царя Федора Алексеевича, то заслужил такую участь. Хотели покончить также и с женой доктора Даниила. Младшая вдовствующая царица, с которой они еще немного считались, вступилась за нее и спасла ей жизнь. Но эту бедную женщину было бы трудно вырвать из их рук, если бы в это время стрельцы не услышали, что схватили одного из Нарышкиных — молодого человека 20 лет, двоюродного брата тех Нарышкиных; его сейчас же убили.

Полковник Андрей Дохтуров, из числа тех, против кого стрельцы подавали челобитную, найденный ими в церкви, под алтарем, подвергся той же участи. Днем на

большую площадь притащили еще нескольких писцов и их также убили. Так закончился этот день. Между тем весь день и всю следующую ночь стрельцы усердно искали лекаря Даниила и Ивана Кирилловича Нарышкина. Что до Кирилла Полуектовича Нарышкина, отца царицы, то в конце концов удалось уговорить стрельцов оставить ему жизнь, но ему пришлось немедленно постричься, и затем его сослали в дальний монастырь. Также сохранили жизнь трем его младшим сыновьям, которые воспользовались таким решением стрельцов и, не теряя времени, скрылись из Москвы.

Утром 17/28 мая из Слободы, предместья, где жило большинство немецких офицеров, дошла весть, что там накануне схватили доктора Даниила, переодетого нищим; два дня и две ночи он скрывался поблизости в лесу и в конце концов, не выдержав голода, пришел в Слободу попросить поесть у кого-нибудь из своих знакомых; несколько стрельцов его узнали и задержали.

Эта находка весьма обрадовала стрельцов. Сейчас же был послан отряд, который привел доктора из Слободы в Кремль к царским покоям, связанного, в одежде нищего, с сумой на боку и в лаптях. Царевна Софья и младшая вдовствующая царица сразу вышли и просили пощадить жизнь доктора. Они свидетельствовали, что он не виновен в смерти царя Федора Алексеевича, заверяли, что он сам первым пробовал все лекарства, приготовленные для государя, что и царица и царевна делали то же. Все это не подействовало на стрельцов; они закричали, что доктор не только царевубийца, но еще и колдун; что они нашли в его доме многоногое морское животное (полип)¹² и змеиные кожи, которыми он пользовался для колдовства, и по одной этой причине он заслуживает смерти. Они даже прибавили грубо: «Мы знаем, что Иван Кириллович Нарышкин прячется у вас; если вы выдадите его нам, мы успокоимся и прекратим всякие дальнейшие преследования, надеясь, что государь прикажет палачу наказать тех, кто еще остался в нашем списке, но скрылся. Мы готовы разойтись по домам, если только нам даруют полное прощение и не поступят с нами, за все происшедшее, как с мятежниками».

Все их требования были исполнены; но когда их стали просить пощадить Ивана Кирилловича Нарышкина и лекаря, они сразу заткнули себе уши и только повторяли: «Мы знаем, что Иван Кириллович спрятан у вас, выдайте его добром, не то мы будем его разыскивать, пока не найдем, и тогда будет хуже; довольно того, что мы помиловали старого Нарышкина и трех его младших сыновей, а Ивана Кирилловича мы непременно убьем собственными руками». Их попросили немного подождать. Младшая вдовствующая царица и царевна Софья еще раз вышли и просили за Нарышкина. Вызвали даже митрополита с иконой Богородицы, чтобы попытаться умиловить этих злодеев, но все было напрасно.

Наконец старшая вдовствующая царица, приказав причастить и соборовать своего брата Ивана, вышла вместе с ним; он держался позади нее и за иконой, которую нес митрополит. Обе царицы, которым царевна Софья притворно подражала¹³, стали на колени и молили стрельцов оставить

жизнь Ивану Нарышкину; но эти униженные попытки ни к чему не привели. Один из злодеев, потеряв всякое уважение к царицам, поднялся на крыльцо и, схватив Ивана Нарышкина за волосы, силою вырвал его из рук царицы и стащил вниз. Затем Нарышкина вместе с доктором Даниилом повели в место, расположенное на окраине Кремля¹⁴, чтобы подвергнуть обоих пытке, — суровая мера, не применявшаяся еще ни к кому из тех, кого прежде убили. Это было утонченной жестокостью с их стороны, чтобы сделать смерть более мучительной. Ивана Нарышкина пытали первого, и, хотя его страшно истязали, он не отвечал ни слова. После этого несколько стрельцов стащили его на большую площадь перед Кремлем, где его изрубили на куски и насадили на железные острия его голову, ноги и руки.

Доктора Даниила также пытали. Одни стрельцы исполняли роль палачей, а другие записывали то, что он отвечал. В конце концов допрос им наскучил, они порвали протокол и вытащили доктора на большую



В. Васнецов. Московский застенек. Конец XVI века

площадь за стенами Кремля, где убили и изрубили тело на куски.

Во время всех этих трагических сцен они соблюдали в своей среде весьма строгую дисциплину. Если кого уличали в малейшей краже или грабеже, то сразу наказывали. Каждый раз, как приводили новую жертву, давали знать во дворец и стучали в барабаны и били в набат до тех пор, пока несчастного не вытаскивали из Кремля и не убивали на большой площади. Осужденных на смерть вели на Красное крыльцо перед дворцом, и стрельцы, стоящие наверху, поднимали их, чтобы товарищи внизу могли их рассмотреть; затем они спрашивали: «Братцы, любо ли?» Стоящие внизу отвечали: «Любо, любо!» — и сейчас же подставляли свои пики и алебарды. Несчастную жертву хватали за руки и за ноги и бросали сверху на пики. Затем ее тащили на большую площадь за стенами Кремля, где и добивали. Было уже за полдень,

когда убили доктора Даниила. Потом стрельцы явились ко дворцу и все кричали: «Теперь мы довольны! Пусть государь поступит с остальными изменниками по своей воле. Мы отдадим свою кровь до последней капли за цариц, царевен и нашего царевича». После этого старший царевич Иван Алексеевич попросил стрельцов не принуждать его принять венец, так как он сам чувствует себя слишком слабым и не надеется долго прожить, а потому вполне добровольно уступает его своему брату Петру Алексеевичу. Тогда стрельцы все единодушно закричали: «Сохрани, Господи, здоровье царевича Петра Алексеевича!» В конце концов царевич Иван склонил стрельцов своими просьбами и добился, чтобы вдовствующей царице Наталье Кирилловне разрешили остаться при сыне своем Петре Первом; раньше они намерены были заточить ее в монастырь.



Телесные наказания на Руси. Рисунок XVII в.



ПЕРВЫЕ РУССКИЕ КНЯЗЬЯ ИЗ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ.

Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.

Вверху слева: Рюрик, князь Новгородский, основатель династии Рюриковичей.

Вверху справа: Игорь Рюрикович (?—945), великий князь Киевский (с 912).

Внизу слева: Святослав Игоревич (?—972), великий князь Киевский.

Внизу справа: Ярослав Владимирович, прозванный Мудрым (около 980—1054), великий князь Киевский (с 1019).



ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВИЧ.

Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.

Владимир I Святославич (? — 1015),
князь Новгородский (с 969), великий князь Киевский (с 980)



В течение трех дней, когда длился этот бунт, стрельцы подчеркивали в своих речах, что они действуют только во имя царя Ивана Алексеевича, хотя они обращали весьма мало внимания на его приказания и руководились только своей прихотью и яростью. Они утверждали, что если бы медлили с исполнением своего замысла, то сами рисковали бы жизнью, так как было принято решение вооружить всех слуг боярских, число которых превосходило число стрельцов по крайней мере вчетверо; это вызвало бы еще большую резню, и, может быть, тогда вся Москва была бы уничтожена огнем и мечом.

17/28 мая к вечеру стрельцы объявили, что разрешают всем забрать своих покойников и похоронить их, что и было немедленно сделано. На большой площади остались только тела Ивана Кирилловича Нарышкина, доктора Даниила, его сына и доктора Гутменша. Это показывает, что дух стрельцов уже немного смягчился, так как еще утром они заявляли, что бросят все трупы в топь за городом на съедение собакам.

Во время этого великого смятения никто не смел сказать стрельцам ни одного неприятного слова, не рискуя жизнью. Когда они хотели войти в какой-нибудь дом, приходилось сразу открывать перед ними двери, угощать пивом и водкой и давать столько денег; сколько они требовали¹⁵.

18/29 мая¹⁶ были провозглашены царями Иван Алексеевич вместе с братом Петром Алексеевичем, причем на первом месте стоял Иван. Бояре из партии Петра, испуганные трагическими событиями, происходившими у них на глазах, были принуждены присягать царю Ивану Алексеевичу. Стрельцы доверили правление царевне Софье. Так окончился первый бунт. Царевна поручила князю Хованскому и его сыну Андрею управление Стрелецким приказом и в другие приказы и канцелярии посадила преданных ей бояр.

Она прибавила также жалованье стрельцам, считая все эти меры необходимыми, чтобы укрепить свое положение.

Князь Хованский и его сын Андрей, чтобы подслужиться к стрельцам, раздали им огромные суммы под видом возврата недоплаченных денег: Земли убитых бояр были взяты в казну, вещи проданы и деньги розданы стрельцам. Царевна Софья разрешила им воздвигнуть на большой площади перед Кремлем столб, на котором были обозначены имена убитых людей и преступления, им приписываемые. Кроме того, она приказала раздать стрельцам грамоты, в которых удостоверялось, что они уничтожили изменников и своим усердием и верностью спасли жизнь обоим царевичам. Оба царевича были венчаны на царство патриархом Иоакимом 25 июня/6 июля 1682 г.¹⁷

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ¹⁸

Князь Хованский втайне держался раскола протопопа Аввакума, ересь которого не так давно вызвала народное волнение. Среди стрельцов многие принадлежали к расколу; заблуждения их поддерживал некий Никита Распоп, прозванный Пустосвятом. Несколько беглых и распутных монахов привлекли также на сторону раскола многих купцов и людей из самых низов. Они намеревались искоренить истинную веру и утвердить свою ересь по всей России. Обеспечив себе

большое число сторонников и опираясь на покровительство князя Хованского, они подняли чернь.

5/16 июля они торжественно пришли к соборной церкви, неся перед собою иконы, зажженные свечи и аналой. Патриарх Иоаким был тогда в соборе с архиереями и другими священнослужителями. Он стал увещевать раскольников покориться, обещая невозбранно обсудить с ними все разногласия. Но эти изуверы и слушать его не захотели. Именуя патриарха волком и ли-

хоимцем, они стали бросать в него камнями и выгнали из церкви вместе со всем духовенством. Патриарх, прибежав в ужасном страхе в царский дворец, бросился в Грановитую палату и молил государей защитить церковь. Государь вызвали царевну Софью и созвали всех бояр. Собрание твердо решило принять крайние меры, чтобы помешать распространению раскола.

Бояре, выйдя из дворца, известили стрельцов, что государям угрожает большая опасность. Преданные стрельцы тайно послали за своими товарищами, призывая их поспешить на защиту церкви. Стрельцы немедленно явились и объявили собравшимся раскольникам, что они будут защищать правую веру до последней капли крови. Затем они усилили все караулы вокруг дворца. Хованский, сделав вид, что не знает о происходящем, явился к государям с сообщением, что народ бунтует из-за веры. Он посоветовал государям созвать собор, чтобы успокоить толпу, добавив, что воинской силой подавить этот мятеж нельзя, так как раскольников слишком много. Государь задали ему вопрос: собирают ли

соборы таким бесчинным образом, обличающим прямое намерение не собор собрать, а покуситься на злодейство?

Между тем эти изуверы и стрельцы со своими лжеучителями, сопровождаемые толпой народа, вошли в Грановитую палату, неся перед собою иконы, свечи, аналои и книги. Многие из них спрятали в одежде камни, чтобы побить ими своих противников. Они подали царям челобитную, которая и была прочтена; после этого патриарх начал опровергать их доводы, а Афанасий, архиепископ Холмогорский, окончательно привел их в замешательство. Прежде этот архиепископ сам принадлежал к расколу, но, поняв свои заблуждения, вернулся в лоно церкви. Обманщик, не зная, что ответить, ударил архиепископа по лицу, а остальные подняли буйный крик. Цари прервали спор, удалившись в свои покои. Петр I поднял с головы корону и сказал: «Пока на моей голове эта корона и пока душа в теле моем, я буду защищать церковь и правую веру»; потом, обернувшись к боярам и другим царедворцам, добавил: «Держайте против наших общих врагов».



В. Суриков. Утро стрелецкой казни

Затем он приказал прогнать раскольников из дворца и взять под стражу Никиту Распопа вместе с другими жожаками. Стрельцы, оставшиеся верными, сейчас же исполнили приказ государя. Патриарх и все духовенство бросились к ногам Петра I, благодаря за защиту церкви. 6/17 июля на площади перед Кремлем лжеучителю Никите отрубили голову. Его соумышленники и бродяги были биты кнутом и сосланы. Эти казни испугали Хованского и заставили замолчать как его, так и его приспешников; но в сердце они затаили злобу.

Между тем стрельцы избрали выборов для сношения с государями; они стали называть себя не стрельцами, а надворной пехотой. Они пожаловались Хованскому, что начальники должны им деньги. Несмотря на ложность этого обвинения, Хованский без всякого расследования приказал их удовлетворить. В результате начальни-

ков приговорили к уплате нескольких тысяч рублей, что разорило многих из них.

Хованский захотел использовать благоволение к нему царевны Софьи, чтобы отомстить Милославскому, с которым он поссорился. Он решил воспользоваться стрельцами, чтобы убить Милославского. Вскоре стрельцы стали искать случая оказать Хованскому эту услугу. Но Милославский на время склонился перед грозой и тайком уехал в свою вотчину. Однако через некоторое время он снова появился при дворе. Он обвинил Хованского перед царевной Софьей, будто он на людях говорил о своем высоком происхождении, выводил свой род от королей и даже похвалялся, что женится на одной из царевен. Софья была возмущена его дерзостью; но она искусно это скрывает, твердо решив дать волю своему негодованию, когда придет время¹⁹.

ТРЕТИЙ БУНТ²⁰

Сговорившись со стрельцами, Хованский поддерживал раскол и завершал подготовку своего преступного умысла. Государь, уведомленный о его тайных происках, 29 августа переехал из Москвы в Коломенское, увезя с собою всех бояр и прочих царедворцев. Хованский и не подозревал, что они поедут дальше.

2 сентября на воротах Коломенского дворца оказалось прибитое письмо с предупреждением, что Хованский с сыном и сообщниками замышляют на жизнь государей, патриарха и бояр и даже хотят завладеть властью. Это известие заставило царей в тот же день уехать из Коломенского в село Воробьево, куда их сопровождали вдовствующая царица Наталья Кирилловна и царевна Наталья Алексеевна. 6-го они отправились в Саввин монастырь. Не успели Хованский и стрельцы узнать об отъезде государей, как они уже стали раскисать в том, что затеяли.

Из Саввина монастыря государь послал указы ко всем городам, чтобы собирать ратных людей и посылать их к Троице для защиты своих государей от посягательства

стрельцов. Одновременно было приказано явиться туда и Хованскому, но он не поехал. Как только дворяне получили грамоты, они собрали, сколько могли, людей и поспешили к Троице, побуждая друг друга к возможной быстроте действий. Их собралось около ста тысяч человек, и они умоляли государей показаться войску. Государь вышел к войску и рассказал о преступных замыслах стрельцов. Дворяне, возмущенные трусостью бояр, командиров и московских дворян, грозили изрубить их в куски за то, что они не защитили своих государей и дали столько воли стрельцам. «Что до дворян окрестных городов, — прибавляли они, — то их следует лишить дворянства и причислить к мятежным стрельцам в наказание за то, что они плохо защищали своих государей и потакали стрельцам, вместо того чтобы их строго наказать».

Государь одобрил их усердие, но запретил применять какие-либо крайние меры. Однако дворяне настаивали на наказании мятежников, объясняя, что в противном случае стрельцы и впредь будут дерзки и взбунтуются при первом же слу-



Начальные люди, или офицеры
московских стрелецких полков, в 1674 г.

чае. Государь, убедившись в верности дворян, оставил при себе часть из них, а остальных отослал по домам. Перед их отъездом государь пожаловал военачальников прибавкой жалования и наградили землями остальных.

Михаилу Плещееву, Кириллу Хлопову, Василию Пушкину, Ивану Тяпкину, Ивану Суханину и Ивану Горохову было приказано остаться в Москве, чтобы наблюдать за действиями стрельцов.

Прибыв в село Воздвиженское, государь отлично понимал, что Хованский ослушается второго приказа, как ослушался первого. Они решили прибегнуть к хитрости и написали ему весьма благосклонное письмо, в котором хвалили его заслуги, обещали награды и призывали его приехать, чтобы присутствовать на совете. Видя столь лестное обращение, а также и ожидая скорого приезда гетмана, который был уже на пути в Москву, Хованский с сыном попались в ловушку. Им не дали доехать до Воздвиженского и схватили в селе Пушкине, вместе с сопровождавшими их 37 стрельцами.

Беззакония и преступления, совершенные Хованскими, как и участие их в преступном мятеже, заставили двор подвергнуть их пытке. Они признались в своих преступлениях и искупили их смертью; им отрубили головы в Воздвиженском. Князь Иван Хованский, второй сын казненного, бежал в Москву, где пытался поднять стрельцов под предлогом, будто его отец, брат и стрельцы были казнены помимо указа государей и без всякого предварительного следствия.

При этом известии стрельцы ударили в набат, забили в барабаны, взялись за оружие, решив отправиться в Троицкую обитель, чтобы предать там все огню и мечу. Но когда они узнали, что численность войска, собравшегося при государях, с каждым днем растет, ими овладел страх, и они решили укрепиться в Москве, чтобы выдержать здесь, если понадобится, осаду.

Государь написал патриарху, чтобы известить его о казни Хованского. Грамоту эту поручили полковнику Петру Зиновьеву. Он с большим трудом спасся от ярости стрельцов, которые отвели его к патриарху и заставили прочитать грамоту вслух. Их бешенство еще возросло, когда они услышали о казни Хованского; они поклялись отомстить за нее кровью и перерезать всех дворян.

Вернувшись, Зиновьев уведомил государей о стрелецком бунте, что заставило их отправиться в Троицкую обитель. Между тем, когда стрельцы сообразили, как их мало по сравнению со всем войском, собравшимся вокруг государей, и узнали к тому же, что это войско готово их защищать, то ярость стрельцов сменилась раскаянием. Они пошли к патриарху и молили его заступиться за них, обещая в будущем не нарушать своего долга и покорности. Патриарх горько укорял стрельцов за бунт, но все же обещал им отправиться в Троицкий монастырь, чтобы просить государей о помиловании их. Стрельцы просили, чтобы он не ехал туда сам, а послал вместо себя архиереев, так как его отъезд повергнет их в уныние. Патриарх с трудом добился помилования стрельцов; все же оно было им даровано под условием выдать зачинщиков мятежа. Три тысячи семьсот стрельцов отделились от остальных и просили

дать им время подготовиться к смерти. Они простились со своими семьями, надели веревки на шеи и понесли с собой топоры и плахи. В таком виде они пошли к патриарху и снова стали молить его заступиться за них перед государями и спасти им жизнь; они старались также склонить на свою сторону и царевен. Царевны и патриарх в сопровождении высшего духовенства направились к Троице, куда пошли и стрельцы. Когда стрельцы прибыли, они были окружены войсками, и их обыскали, ища спрятанного оружия. После этого стрельцы пали на колени перед дворцом и положили головы на плахи.

Жены и дети, пришедшие вслед за стрельцами, взывали к государям, царице и патриарху, моля пощадить их мужей. Царица Наталья Кирилловна в ту минуту вспомнила жестокую и позорную смерть своих братьев, уныние своего отца, унижение власти государственной, ужас, пережитый юными государями, страх, испытанный ею самой. Из-за этих мыслей она некоторое время не

могла решиться простить виновных. Но когда она подумала о потоках крови, готовых пролиться, тронутая униженным видом патриарха, стоявшего перед ней на коленях, чувствительная к слезам жен и детей стрельцов, злопамятство в ней сменилось состраданием, и она стала слезно умолять государей пощадить стрельцов. Государь приказали открыть окна в своих покоях, сделали стрельцам гневный выговор и помиловали их. Стрельцы тотчас встали, троекратно поклонились в землю своим государям и удалились.

6/17 ноября оба государя возвратились в Москву, совершив торжественный въезд в город под радостные клики народа. Государь приказали обнародовать помилование стрельцам. Дворяне, которые поспешили на помощь государям, были награждены, и, чтобы обеспечить прочное спокойствие в будущем, им было приказано поселиться в Москве. Так окончился этот бунт.



А. Рябушкин. Петр I в Стрелецкой слободе. Стрелецкая слобода при царевне Софье

ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ²¹

Государь Иван Алексеевич родился немоощным. Его младший брат, не предаваясь детским забавам, с охотой изучал военное искусство и другие полезные науки. Поэтому царевне Софье было нелгрудно забрать все дела в свои руки.

Вновь введенные воинские упражнения отнюдь не нравились стрельцам. Из всего стрелецкого войска Петр Первый любил только Сухаревский полк, преданность которого была ему известна и который во время прошлого бунта не имел никаких сношений с мятежниками. Поэтому Петр Первый всегда держал его при себе. Другие полки пытались внушить царевне Софье недоверие по поводу нового воинского обучения, введенного Петром. Чтобы укрепить свою власть, царевна поручила Стрелецкий приказ думному дяку Шакловитому, своему личному советнику, который пользовался ее большим расположением. Посольский приказ был вверен князю Василию Голицыну, которому вместе с тем было велено именоваться новгородским наместником и хранителем государственой большой печати. Она назначила своих ставленников полковниками стрелецкого войска и требовала, чтобы ее имя писалось в указах рядом с именами государей, а ее изображение давалось вместе с изображениями государей на монетах²².

Бояре, дворянство и народ любили своих государей и горячо желали, чтобы они взяли в руки бразды правления; но никто не смел высказать этого из страха нового выступления стрельцов.

За это время в Москве побывали послы кесаря римского и короля польского. Царевна Софья приняла их со всею возможной пышностью.

Заключив вечный мир с поляками, она задумала предпринять военный поход, который прославил бы ее и тем укрепил ее власть. Для этого она приказала собрать войско в 200 000 человек и послала его в Крым под начальством князя Василия Голицына. Этот вельможа был в то время верховным правителем, но, заметив, что Шакловитый пользовался большим влиянием в делах, чем он, и что создание регуляр-

ных войск, осуществляемое Петром Первым, проходит с явным успехом, он хотел воспользоваться необходимостью стать во главе войска, чтобы под этим предлогом удалиться от двора. Поэтому он первый поднял речь перед царевной Софьей об этом походе. Петр Первый всеми силами старался этого не допустить, но тщетно; царевна настояла на своем.

Войско выступило в поход очень поздно, что дало крымским татарам время сжечь траву в степях, а это вызвало большие затруднения для русского войска. Недостаток фуража заставил его возвратиться обратно, ничего не предприняв. Чтобы скрыть неудачу, царевна одобрила действия военачальников и наградила их.

Некоторые военачальники в Малороссии обвиняли своего гетмана Ивана Самойловича в том, что это он написал в Крым, советуя сжечь траву в степях. Когда это обвинение дошло до князя Голицына, он доложил о нем царевне, которая отдала должность Самойловича Мазепе.

Петр Первый, недовольный службой военачальников и нетерпеливо переносивший захват самодержавной власти царевной Софьей, вошел в палату, где она заседала в совете бояр. Государь стал упрекать Голицына, что тот допускал насилия над населением тех мест, через которые проходил, а также, что он обнажил границы, чрезмерно растянув свои войска. Голицын, вместо оправдания, обещал выступить в следующий поход рано, прежде чем жара высушит траву.

Государь настоятельно требовал укрепить границу и приказал, чтобы князь Голицын²³, князь Михаил Ромодановский и Авраам Хитров охраняли Белгородскую линию укреплений, взяв каждый по пехотному полку, что составляло войско в 30 000 человек. Петр Первый очень хотел лично участвовать в походе, но он еще не достиг совершеннолетия.

Между тем царевна Софья, вовсе не считаясь с распоряжениями своего брата, приказала князю Василию Голицыну вступить с войсками в Крым. Он повиновался и вскоре вступил в бой с татарами у так называемой Черной равнины. Поход закон-



Царевна Софья Алексеевна. Гравюра 1687 г.

чился в июне, не принеся существенного успеха ни одной из сторон. Царевна тем не менее одобрила действия военачальников, пожаловала им золотые и серебряные медали и наградила их землями.

Петр Первый отнюдь не одобрял этого похода. Он с неудовольствием видел, что Голицын привел войско назад, не получив на то приказа и не добившись сколько-нибудь значительного успеха.

Дворяне, служившие под начальством Голицына, сообща подали государям челобитную, в которой жаловались на него. Они писали, что войско, уже прошедшее

через степи и теснины и находившееся среди всяческого изобилия, могло легко разорить весь Крым, но Голицын никак не воспользовался своими преимуществами, а пошел назад; поэтому они полагали, что их начальник был подкуплен крымским ханом, посланцев которого у него видели. Дворяне заканчивали челобитную просьбой, чтобы государи отстранили от власти свою сестру и взяли бразды правления в собственные руки; они обещали до последней капли крови бороться с теми, кто будет этому препятствовать.

ЧЕТВЕРТЫЙ БУНТ²⁴

Царевна Софья, узнав о челобитной и боясь, что ее заставят выпустить власть из рук, известила стрельцов. Эта солдатчина, всегда готовая к бунту, тотчас решила низложить болезненного царя Ивана и убить царя Петра, его мать, вдовствующую царицу, и всех преданных им вельмож. На престол должна была вступить царевна Софья.

Царь Петр женился в первый раз 17/28 января 1689 г. 8/19 июля того же года оба государя отправились в соборную церковь к торжественной службе. Когда крестный ход вышел из церкви, царевна Софья захотела идти рядом с обоими государями. Царь Петр заметил ей, что ее поступок нарушает обычай и что ей совсем не следовало участвовать в этом обряде. Царевна, несмотря на указание Петра Первого, осталась на занятом ею месте. Царь, возмущенный ее

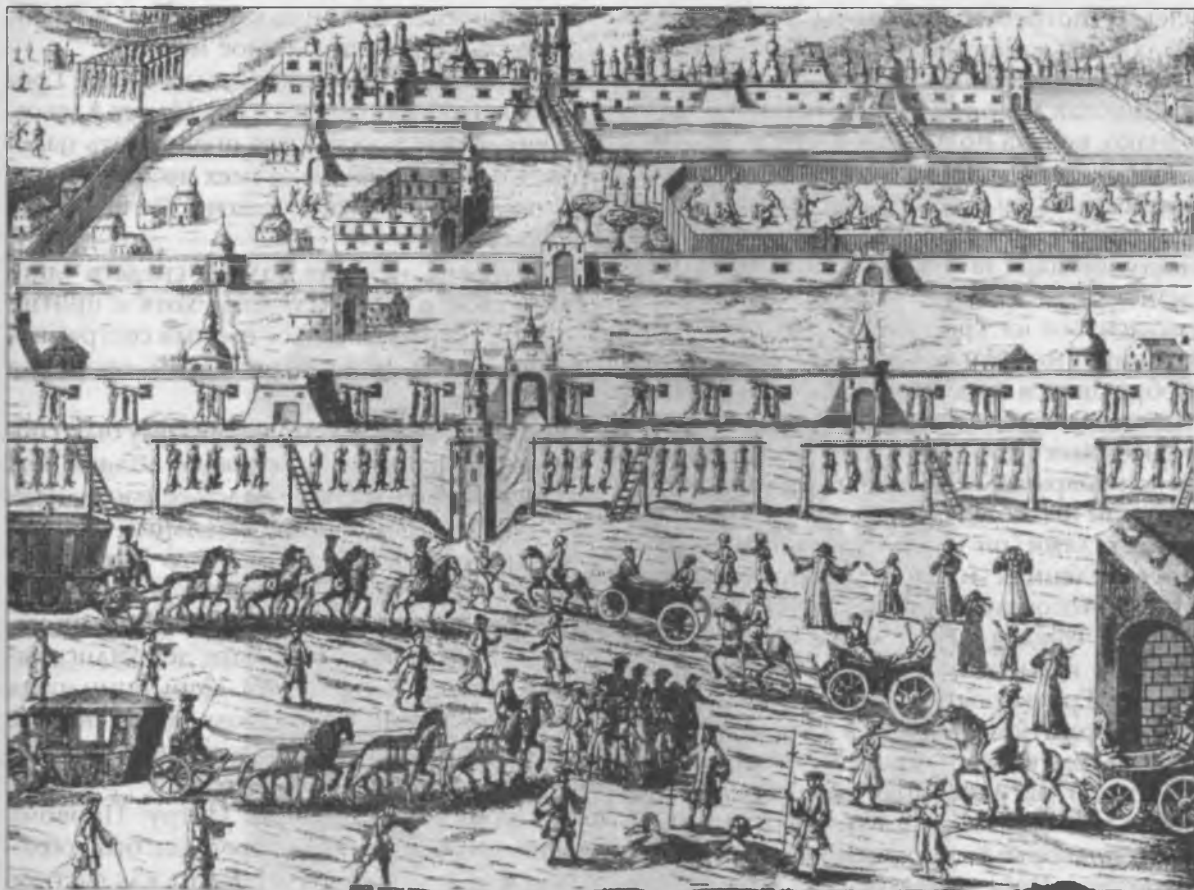
гордостью и высокомерием, направился в Архангельский собор, а оттуда удалился в село Коломенское. Этот знак неуважения страшно оскорбил царевну и заставил ее ускорить исполнение своего замысла.

В тот же самый день Шакловитый совещался со стрельецкими начальниками и другими недовольными о том, как убить Петра Первого, царицу-мать, патриарха, бояр и самых богатых купцов и разграбить их дома, после чего возвести на престол царевну Софью.

С 10/21 августа происходили тайные сборища в Кремле, близ Никольских ворот, в доме некоего Лыкова, где теперь находится арсенал. Сюда Шакловитый собрал начальников стрельецких полков, чтобы обсудить с ними, как осуществить покушение. Все переговоры держались в глубокой тайне. 18/29 августа 4 верных



К. Лебедев. Прощание царевны Софьи с Шакловитым



Восстание и казнь стрельцов. 1689 г.

стрельца прибежали в Преображенское, где находился Петр Первый с двумя царичами — матерью и супругой, — и предупредили его, что множество стрельцов устремилось в Кремль с целью убить царя и всех преданных ему знатных людей; поэтому он должен укрыться в каком-нибудь безопасном месте. Петр Первый удалился к Троице, куда за ним последовали преданные ему дворяне и Сухаревский полк.

Царевна Софья и ее сторонники, увидев, что их план не удался и заговор открыт, испугались за себя. Петр Первый приказал боярам и всем московским служилым людям немедленно явиться к нему. Все повиновались, кроме князя Голицына, Шакловитого и нескольких близких царевне людей. Непреклонность царя заставила царевну обратиться к патриарху с просьбой быть посредником и примирить ее с Петром, убедив его забыть о прошлом.

Патриарх, не знавший о заговоре, пошел к царю, чтобы исполнить поручение царевны. Но, узнав о злых умыслах стрельцов, он был охвачен ужасом и решил остаться с царем. Софья, видя, что патриарх не возвращается, поняла грозящую ей опасность и решила с несколькими своими сестрами отправиться в Троицкий монастырь. Она держала в руках образ Спасителя, как бы беря его в свидетели своей невиновности. В Воздвиженском ее встретил Иван Бутурлин, комнатный стольник, который приказал ей от имени Петра Первого ни под каким видом не являться в Троицкий монастырь. Так как она ослушалась приказа, то ей вторично было послано запрещение идти в Троицкий монастырь под угрозой, что в противном случае с ней будет поступлено строго и без уважения к ее особе. Вскоре прибыли к Софье боярин Шереметев и стрелецкий подполковник Иван Не-

чаев и потребовали, чтобы она немедленно выдала им изменника Шакловитого. Царевна всеми силами старалась укрыть его, продолжая уверять, что он невиновен, но, однако, велела приготовить его к смерти и соборовать. Тем временем царь Иван Алексеевич прислал к ней своего дядьку, требуя выдачи Шакловитого и мятежников. Этот поступок царя показал царевне, насколько ослабела ее власть. Поэтому она решила согласиться на требование государей. Мятежников отвели в Троицкий монастырь. Собравшаяся там чернь осыпала Шакловитого оскорблениями, упрекая его в честолюбивых замыслах. Его допрашивали перед боярами, подвергнув долгой и мучительной пытке. Видя, что он изобличается свидетелями, он решил сознаться в своих преступлениях и сделал это письменно. После этого ему и другим бунтовщикам отрубили головы перед монастырем. Стрелецкий приказ был затем отдан князю Ивану Троекурову, которому было приказано держать стрельцов в повиновении и ввести самую строгую дисциплину.

Князю Василию Голицыну, приехавшему из Москвы, было приказано отправиться на подворье и запрещено являться в монастырь. Через некоторое время его вызвали и схватили на крыльце дворца; здесь его преступления были оглашены перед народом. Он был лишен княжеского

достоинства, его имущество взяли в казну, а его сослали в отдаленное место.

Затем Петр Первый послал князя Троекурова к брату своему, царю Ивану Алексеевичу, чтобы просить его предложить царевне Софье отказаться от всех честолюбивых замыслов и избрать себе почетное убежище в монастыре.

Царевна, не видя больше средств удержать свою власть, уступила, хотя и против воли. Она рассталась со своими сестрами и удалилась в монастырь, где и окончила свои дни.

Князю Федору Ромодановскому было поручено охранять ее с отрядом солдат. Тех, кто ей служил и пользовался ее расположением, разослали в незначительные города.

Приняв все эти меры, Петр Первый со всей своей семьей возвратился в Москву, где был встречен радостными криками народа. В это время стрельцы держались самым униженным образом. Царь помиловал их всех, кроме нескольких начальников, которых велел пытать, а затем казнить. Так было потушено пламя мятежа.

Царь Иван передал Петру Первому верховную власть, которой он был облечен, и до конца своих дней жил как частное лицо. Большую часть стрельцов разослали в разные города, что сильно подорвало их влияние в Москве.

ПЯТЫЙ БУНТ²⁵

Когда Петр Первый с Великим посольством уехал в чужие страны, управление государством было поручено Тихону Никитичу Стрешневу и князю Федору Ромодановскому, которым было приказано собирать бояр и советоваться с ними в затруднительных и опасных случаях. В июне месяце, во время отсутствия Петра в Москве, узнали, что четыре стрелецких полка, посланные на границу Литвы для наблюдения за поляками, взбунтовались, прогнали своих начальников, отказавшихся участвовать в бунте, и поставили на их место своих товарищей; что они самовольно идут к Москве, везя за собою пушки, и собираются истребить бояр и всех значи-

тельных людей, а также воспрепятствовать возвращению Петра Первого в Москву. Узнали также, что они собираются присоединить к себе московскую чернь и хотят передать управление государством царевне Софье и ее сестрам.

Тотчас по получении этих сведений правители послали нарочного к царю с обстоятельным донесением обо всем, что было открыто. Юнец нашел Петра Первого в Вене, и его донесение заставило государя направиться в Москву.

Тем временем московские бояре решили послать против мятежников военачальников Шеина и Гордона. Стрельцы усиленными переходами двигались к Москве и



К. Лебедев. Приезд Петра в Троицу

уже дошли до Воскресенского монастыря, в 50 верстах от Москвы, когда оба войска встретились. Посланец Шеина убеждал стрельцов вернуться на путь долга и просить прощения в своем преступлении, но мятежники, не слушая спасительных советов, осыпали его оскорблениями и упреками. Они также дерзко отвергли увещание генерала Гордона и готовились к упорному бою.

В начале боя начальники ограничились тем, что дали по стрельцам несколько холостых выстрелов, для острастки. Но стрельцы стреляли в войско государя ядрами и убили многих. Тогда генералы, в свою очередь, пустили в ход против мятежников артиллерию, а затем напали на них с такой отвагой, что вскоре обратили их в бегство. Множество стрельцов оста-

лось на месте, четыре тысячи были захвачены со всей артиллерией и обозом.

Пленных отвели в Москву. Их начальников пытали, и под пыткой они признались, что действовали только по наущениям царевны Софьи, поддерживавшей с ними тайные сношения.

Когда царь возвратился в Москву, он принял по отношению к мятежникам меры, которые были одобрены всей придворной знатью и всеми горожанами. Он заглушил в себе милосердие и обрушил справедливую кару на тех подданных, которые так часто злоупотребляли первою из этих добродетелей. Много стрельцов было казнено, остальных разослали в отдаленные места или перевели в другие полки; через несколько лет самое имя их, так сказать, угасло²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по рукописи французского перевода с несохранившегося оригинала, составленного Ломоносовым. Рукопись хранится в РНБ (Отдел редкой книги, Библиотека Вольтера, № 242, т. II, лл. 384—400).

Время написания — сентябрь — не позднее 10 октября 1757 г.

Перевод с французского под редакцией Т. П. Кравца.

«Экстракт о стрелецких бунтах» упоминается в «Примечаниях» на рукопись «Истории России при Петре» Вольтера, в числе материалов, которые Ломоносов обещал приготовить для Вольтера.

Переданная Шувалову 10 октября во вновь обработанном виде («еще переписав») рукопись включала также «Сокращенное описание самозванцев» (акад. изд.: Т. VIII. С. 199), которое не было переведено на французский язык и не сохранилось.

«Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи» принадлежит к числу «сокращенных экстрактов», составлявшихся Ломоносовым по историческим источникам. Из подобных экстрактов он упоминает в письмах к И. И. Шувалову: «Сокращенное описание дел государевых Петра Великого, которое я имею» (письмо 2 сентября 1757 г.), «Сокращение о житии» царей Михаила, Алексея и Федора, которое он старается «привести к окончанию» (письмо 10 октября 1757 г.). Они не сохранились.

Источниками для составления «Описания стрелецких бунтов и правления царевны Софьи» Ломоносову служили рукописные, довольно широко распространенные в копиях и имевшиеся также в библиотеке Академии наук записки графа А. А. Матвеева и рукописное же «Описание дел... Петра Великого» П. Н. Крекшина. Эти сочинения были опубликованы впервые Ф. О. Туманским в «Собрании разных записок и сочинений, служа-

щих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях... Петра Великого» (1787. Ч. I и VI). Критику этих источников, особенно ошибок Крекшина см. в кн.: Аристова Н. Я. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. — Варшава, 1871.

Кроме того, для рассказа о первом стрелецком бунте Ломоносов использовал «Relation der traurigen Tragedie in der Stadt Moscau» («Донесение о печальной трагедии в Москве»), — донесение датского резидента Бутенанта фон Розенбуша о событиях 15—17 мая 1682 г., напечатанное в «Theatrum Europaeum» (т. XII. Франкфурт-на-Майне, 1691. С. 441—448). В конце французского перевода имеется примечание: «Записки, касающиеся этих пяти стрелецких бунтов, содержат только достоверные факты. Но зато слог их весьма не исправлен. Краткость времени не позволила сделать лучше».

В числе 14 вопросов Вольтера, посланных Шувалову 1 августа 1758 г., был вопрос, дающий основание думать, что к этому времени Вольтер получил «Описание стрелецких бунтов». Он спрашивал: «...не нужно ль будет только слегка коснуться происшествий, кои предшествуют царствованию Петра Великого, дабы не истощить внимание читателя, нетерпеливо желающего видеть все, что сей великий муж учинил» (Письма г. Вольтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам. 1757—1773 / Перевод с фр. Н. Левицкого. — М., 1808. — С. 27).

Среди ответов на вопросы Вольтера, отправленных Шуваловым 23 октября 1758 г. и полученных Вольтером 21 декабря (Письма г. Вольтера... С. 28), находится ответ на это сомнение Вольтера, имеющий непосредственное отношение к сочинению Ломоносова:

«Г. Вольтер вправе поступить, как он найдет нужным. Но разные заметки и статьи, которые ему посланы, весьма помогут выправить ошибки иностранных писателей, слишком мало осведомленных и только списывающих друг у друга.

Все, что предшествовало началу самостоятельного правления Петра, должно быть интересно и ново для читателей, особенно история различных стрелецких бунтов, — перевод с рукописи, составленной в свое время сыном несчастного боярина Матвеева, умерщвленного в связи с первым бунтом.

Так как в этих статьях есть много подробностей, которые не подойдут под план сочинения г. Вольтера, то, вероятно, он использует их, лишь взяв квинтэссенцию и наиболее интересное, каковы, например, различные ведомости об армии, о флоте, о доходах казны и пр.» (текст на французском языке, Библиотека Вольтера, № 242, т. I, л. 355—355 об.). Вольтер принял это указание и дал в своей «Истории» подробное изложение стрелецких бунтов, используя экстракт Ломоносова в главах IV и V «Истории». Глава IV «Ivan et Pierre. Horrible sedition de la milice des strelitz»

(«Иван и Петр. Ужасный мятеж стрелецкого войска») снабжена примечанием: «Извлечено полностью из записок, присланных из Москвы и Петербурга», а глава V «Gouvernement de la princesse Sophie. Querelle singuliere de religion. Conspiration» («Правление царевны Софьи. Необычайная распря о вере. Заговор») — примечанием: «Извлечено полностью из записок, присланных из Петербурга». Во многих случаях текст Вольтера почти дословно воспроизводит сочинение Ломоносова.

Описание событий, связанных со стрелецкими бунтами 1692—1698 гг., тщательно составленное Ломоносовым, имеет большой интерес: оно впервые давало обобщенную и вместе подробную историю этих событий. Включенная в «Историю» Вольтера работа Ломоносова стала достоянием широких читательских кругов Западной Европы.

¹ 1682 г. — Начало повествования о первом стрелецком бунте является пересказом «Сказания о рождении, воспитании и наречении на всероссийский престол царский государя Петра Великого...» П. Н. Крекшина, в то время известного лишь в рукописных списках; кроме «Собрания» Ф. О. Туманского, оно было два раза издано отдельно, но под именем автора появилось впервые в «Записках русских людей» И. П. Сахарова (ч. I, 1841). Ссылки делаются по этому изданию; настоящее место находится на с. 21.

² «...всех перебьют». — Начиная со слов «За два дня до его кончины» текст взят из немецкого «Донесения» датского резидента Бутенанта фон Розенбуша о бунте стрельцов в мае 1682 г. (Theatrum Europaeum. Т. XII, 1691). Ссылки делаются по книге Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (т. I, 1858), где этот источник напечатан по подлинной рукописи на немецком языке; настоящее место находится на с. 330—333.

³ «...управлять государством». — От начала абзаца составлено по Крекшину (см.: Сахаров. С. 30—32).

⁴ «...другие награды». — От слов «Патриарх объяснил» составлено по Крекшину (см.: Сахаров. Указ. соч. С. 32).

⁵ «...действовать». — Этот абзац составлен по запискам А. А. Матвеева, в то время распространенным в рукописных копиях. Ссылки делаются по сборнику И. П. Сахарова «Записки русских людей» (ч. I, 1841). Настоящее место является пересказом с. 12—13.

⁶ «...младшую вдовствующую царицу». — Идет речь о вдове Федора Алексеевича Марфе Матве-

евне; старшей была Наталья Кирилловна, вдова царя Алексея Михайловича.

⁷ «...лошади искалечены». — Со слов «... Между тем боярин... Языков» взято из донесения Розенбуша (см.: Устрялов. С. 333—334).

⁸ «...подлинно ли это он?» — От слов «... Тем временем Петр Толстой» составлено по Матвееву и Крекшину (см.: Сахаров. С. 19—20 и 33).

⁹ «...они закричали... удовлетворены». — Взято из донесения Розенбуша (см.: Устрялов. С. 335).

¹⁰ «...их самих». — Абзац взят по Крекшину (см.: Сахаров. С. 34).

¹¹ «...большую площадь перед Кремлем». — Имеется в виду, по другим источникам, Красная площадь перед Спасскими воротами.

¹² Полип — у Розенбуша *Seekrabs* — краб, омар.

¹³ «...Софья притворно подражала...» — Вставка принадлежит Ломоносову, по смыслу согласуясь с текстом Матвеева.

¹⁴ «...место ... на окраине Кремля...» — Имеется в виду Пытошное место, застенки в Константиновской башне (у Розенбуша — *Peinbank*).

¹⁵ «...сколько они требовали». — От слов «Они схватили князя Долгорукого» взято в сокращенном виде из донесения Розенбуша (см.: Устрялов. С. 335—342).

¹⁶ 18/29 мая. — Дата ошибочна; следует 29 мая — 9 июня.

¹⁷ «25 июня/6 июля 1682 г.». — Со слов «18/29 мая» составлено по Матвееву (см.: Сахаров. С. 34, 35, 38) и по Крекшину (см.: Там же. С. 39, 40).

¹⁸ Второй стрелецкий бунт. — Рассказ изложен по Крекшину (см.: Сахаров. С. 41—45).

19 «...твердо решив... когда придет время». — Эта фраза взята из записок Матвеева (см.: Сахаров. С. 42).

20 Третий бунт. — События изложены в сокращенном виде по Крекшину (см.: Сахаров. С. 45, 47—53, 56—60).

21 Правление царевны Софьи. — События изложены в сокращенном виде по Крекшину (см.: Сахаров. С. 61—63, 76—79) и по Матвееву (см.: Там же. С. 49—51).

22 «...ее изображение... на монетах». — Вместе с ответом Вольтеру по поводу стрелецких бунтов ему было сообщено подробное описание изображения выпущенного в правление Софьи золотого жетона с бюстами царей Ивана и Петра на одной стороне и ее собственным в короне со скипетром

на другой стороне (см. репродукцию у М. М. Богословского: Петр I. — Т. I. — С. 80).

23 «...чтобы князь Голицын»... — Имеется в виду Михаил Андреевич Голицын.

24 Четвертый бунт. — Текст первых двух абзацев изложен сокращенно по Крекшину (см.: Сахаров. С. 79—80), остальное по Матвееву (см.: Сахаров. С. 52—58).

25 Пятый бунт. — События изложены сокращенно по Матвееву (см.: Сахаров. С. 60—63).

26 «...имя их... угасло». — В завершающем абзаце Ломоносов опустил имеющиеся в записках Матвеева известные подробности стрелецкой казни 1698 г.

В. Р. Свирская



**СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ
БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ,
ГОВОРЕННОЕ АПРЕЛЯ 26 ДНЯ
1755 ГОДА**



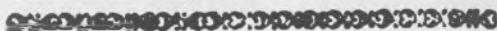
PANÉGIRIQUE
DE
PIERRE LE GRAND

prononcé dans la Séance publique de l'Académie Im-
périale des Sciences, le 26. Avril 1755.

Par Mr. LOMONOSOW.

Conseiller et Professeur de cette Académie;

et traduit sur l'Original Russe
par M. de BERNARDI, fort maître et contre le prélat et son Del'Ante
Par Mr. le Baron de TCHOUDET.



Imprimé à St. PETERSBOURG.



Титульный лист французского перевода «Слова похвального...» Петру Великому
с рукописным дополнением М. В. Ломоносова



Священнейшее помазание и венчание на Всероссийское государство все-милостивейшая Самодержицы наша празднуня¹, Слушатели, подобное видим к Ней и к общему отечеству Божие снисхождение, каковому в Ея рождении и в получении отеческого достояния чудимся. Дивно Ея рождение предзнаменованием царства; преславно на престол восшествие покровенным свыше мужеством; благоговейная радости исполнено приятие отеческого венца с чудными победами от руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, от Бога ли на земли обладатели поставляются или по случаю державы достигают, однако единым рождением Великия Государыни наша увериться о том должно, видя, что Она уже тогда избрана была владычествовать над нами. Не астрологические сомнительныя гадания, от положения планет произведенныя, ниже другия по течению натуры бывающия перемены и явления, но ясные признаки Божия Провидения послужат сему в доказательство. Преславная над неприятельми Петрова под Полтавою победа с рождением сея Великия Дщери Его в един год приключилась и въезжающаго в Москву с торжеством Победителя приходящая в мир встретила Елисавета. Не перстом ли здесь указующий является Промысл? Не слышим ли мысленным ухом вещающаго гласа? Видите, видите исполнение обетованнаго вам предзнаменованиями благоденства. Петр торжествовал, победив внешних неприятелей и своих искоренив изменников²; Елисавета для подобных родилась триумфов. Петр, возвратив законному Государю³ корону, в отеческий град шествовал; Елисавета в общество человеческое вступила для возвращения Себе потом Отческой короны. Петр, сохранив Россию от расхищения, вместо мрачного страха принес безопасную и пресветлую радость; Елисавета увидела свет, дабы пролить на нас сияние отрады, изба-

вив от мрака печалей. Петр вел за собою многочисленных пленников⁴, не меньше великодушием, нежели мужеством побежденных; Елисавета от утробы разрешилась, дабы после пленить сердца подданных человеколюбием, кротостию, щедротою. Коль чудныя Божия судьбы видим, Слушатели: с рождением — победу, с облегчением Родительницы — избавление отечества, с обыкновенными при рождении обрядами — чрезвычайное торжественное вшествие, с пеленами — побелительныя лавры и с первым младенческим гласом — всерадостные плески и восклицания! Не всеми ли сими рожденной тогда Елисавете предвозвещены отеческия добродетели, предвозвещено отеческое царство?

В доступлении онаго сколь много Всемогуший Промысл споспешествовал Ея Геройству, о том радостныя воспоминания веки не умолкнут, ибо, Его силою и духом подвижись, Героиня наша Всероссийскому государству, достодолжной Его славе, великим делам и намерениям Петровым, внутреннему сердцу наших удовольствию и общему блаженству знатной части света принесла спасение и обновление. Велико дело есть избавление единого человека, то коль несравненно больше спасение целого народа! В тебе, дражайшее отечество, в тебе видим сего довольные примеры. Междоусобными предков наших враждами, неправдами, граблениями и братоубийствами раздраженный Бог поработил тебя некогда чужому языку и на пораженное глубокими язвами твое тело наложил тяжкия вериги!⁵ Потом, стенанием твоим и воплем преклоненный, послал тебе храбрых Государей, свободителей от порабощения и томления, которые, соединив твои раздробленные члены, возвратили тебе и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго падения избавила Российский народ предводимая Богом на отеческий престол Великая Елисавета, но большего удивления

достойным образом. Внутренняя болезнь бывает бедственнее наружных; так и в недрах государства воспитанная опасность вредительнее внешних нападений⁶. Удобнее наружные язвы исцеляются, нежели внутренние повреждения. Но, сливлив исцеление России от поражения, варварским оружием извне нанесенного, с удивительным крыющагося внутрь вреда врачеванием, Елисаветиною рукою произведенным, противное находим. Тогда для исцеления ран наружных обогрены были поля и реки не меньше Российской, нежели Агарянской кровию⁷. В благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившийся вред внутрь России без всех наших томлений истребила в краткое время и болезнующее Отечество яко бы единым, божественною силою исполненным словом исцелила, сказав: «Восстани и ходи, восстани и ходи, Россия. Отряси свои сомнения и страхи и, радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся».

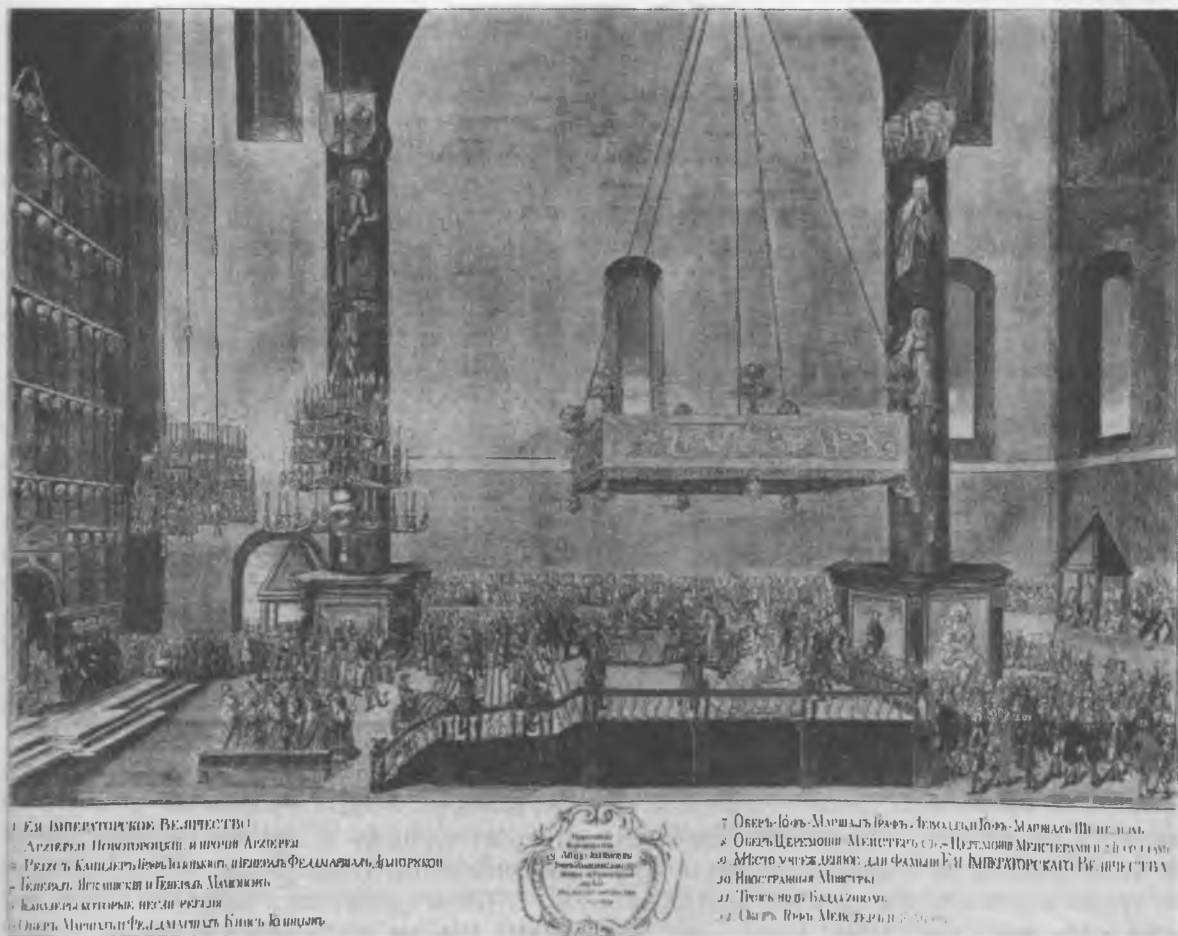
Таковыя изображения в мыслях представляет нам, Слушатели, воспоминание тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслим, что мы не токмо от утешения, но и от презрения тогда свободились. Что прежде избавления нашего народа о нас рассуждали? Не отзываются ли еще их речи в памяти нашей? Россияне, Россияне, Петра Великого забыли! За Его труды и заслуги не воздают должного благодарения, не возводят Дщерь Его на престол Отеческий. Она оставлена — не помогают; Она отринута — не возвращают; Она пренебрегаема — не отмщают. О, коль велик стыд и посмеяние! Но несравненная Героиня восшествием Своим отняла поношение от сынов Российских и перед всем светом оправдала, что не нашего усердия не доставало, но сносило Ея великодушие; не наша ревность оскудевала, но Она не хотела пролития крови; не нашему малодушию оное приписывать должно, но Божескому промыслу, которой благоволил показать тем Свою власть, Ея мужество и нашу радость усугубить. Таковыя благодеяния устроил нам Вышний вступлением на Отеческий престол Великия Елисаветы! Что нынешний праздник? Верх и венец преждеданных. Венчал Господь Ея чудное рождение, венчал преславное восшествие,

венчал бесприкладныя добродетели, венчал благодатию, ободрил благонадежною радостью и благословил громкими победами, победами восшествию Ея подобными, ибо, как внутренние враги побеждены без пролития крови, так и внешние с малым уроном преодолены были⁸.

Облачается Монархиня наша в порфиру, помазуется на Царство, венчается, приемлет Скипетр и Державу. Радуются Россияне и плесками и восклицаниями воздух наполняют; ужасаются сопостаты и бледнеют, уклоняются, дают хребет⁹ Российскому войску, укрываются за реки, за горы, за болота, но везде утешает их сильная рука венчанная Елисаветы: от единого Ея великодушия ослабу получают. Коль ясныя предзнаменования благословенного Ея владения во всем вышереченном видим и вожделенному сбытию их с радостью чудимся! По примеру великого Своего Родителя дает государям короны, успокоевает мирным оружием Европу¹⁰, утверждает Российское наследство¹¹; истекает злато и серебро из недр земных к Ея и к общему удовольствию, избавляются подданные от тягостей; земля не обогрывается Российской кровию ни внутрь, ни вне государства; умножается народ, и доходы прирастают; возвышаются великолепныя здания; исправляются суды; насаждаются науки среди государства — повсюду возлюбленная тишина¹² и Монархине нашей подобное время господствует.

И так, когда несравненная Государыня наша предзнаменованное в рождении, полученное мужеством, утвержденное победоносным венчанием и украшенное преславными делами отеческое царство возвысила, то по справедливости всех дел и похвал Его истинная Наследница. Следовательно, похваляя Петра, похвалим Елисавету.

Давно должныствовали науки представить славу Его ясными изображениями; давно желали в нарочном торжественном собрании превознести несравненные дела своего Основателя¹³. Но ведая, коль великое искусство требуется к сложению слова, их достойного, поныне умолчали, ибо о сем Герое должно предлагать, чего о других еще не слышано. Нет в делах ему равного, нет равных примеров в красноречии, которым бы мысль последую могла безопасно



Коронация Елизаветы Петровны

пуститься в толикую глубину их множества и величества. Однако наконец рассудилось лучше в красноречии, нежели в благодарности, показать недостаток, лучше с произносимыми от усердной простоты разговорами соединить искренностию украшенное слово, нежели молчать между толикими празднественными восклицаниями, наипаче, когда Всевышний Господь всех торжеств наших красоту усугубил, послав во младом Государе Великом Князе Павле Петровиче¹⁴ всевожденный залог Своея к нам Божественная милости, которую в продолжении Петрова племени почитаем. И так, оставив боязливое сомнение и уступив ревностной смелости место, сколько есть духа и голоса должно употребить или паче истощить на похвалу нашего Героя. Сие предпринимая, откуда начну мое сло-

во? От телесных ли Его дарований? От крепости ли сил? Но оные явствуют в преодолении трудов тяжких, трудов неисчетных и в разрушении ужасных препятствий. От Геройского ли виду и возраста, с величественною красотою соединенного? Но кроме многих, которые начертанное в памяти его изображение живо представляют, удостоверяют разныя государства и города, которые, славою Его подвижны, во сретение стекались и делам Его соответствующему и великим Монархам приличному взору чудились. От бодрости ли духа приму начало? Но доказывает его неусыпное бдение, без которого невозможно было произвести дел толь многих и великих. Того ради непосредственно приступаю к их предложению, ведая, что удобнее принять начало, нежели конца достигнуть, и что великий



Петр I занимается воинским преобразованием в селе Преображенском. 1687 год

сей Муж ни от кого лучше похвален быть не может, кроме того, кто подробно и верно груды его исчислит, есть ли бы только исчислить возможно было.

И так, сколько сила, сколько краткость определенного времени позволит, важнейшие токмо дела Его упомянем, потом преодоленные в них сильные препятствия, наконец, его добродетели, в таковых предприятиях споспешествовавшие.

К великим Своим намерениям премудрый Монарх предусмотрел за необходимо нужное дело, чтобы всякого рода знания распространить в отечестве и людей, искусных в высоких науках, также художников и ремесленников размножить, о чем Его отеческое попечение хотя прежде сего мною предложено, однако, ежели оное описать обстоятельно, то целое мое слово еще к тому не достанет, ибо, неоднократно облекая наподобие Орла быстропарящего Европейския государства, отчасти повелением, отчасти важным своим примером побудил великое множество своих подданных оставить на время отечество и искусством увериться, коль великая происходит

польза человеку и целому государству от любопытного путешествия по чужим краям¹⁵. Тогда отворились широкия врата великия России, тогда через границы и пристани, наподобие прилива и отлива, в просторном Океане бывающего, то выезжающие для приобретения знаний в разных науках и художествах сыны Российские, то приходящие с разными искусствами, с книгами, с инструментами иностранные беспрестанным текли движением. Тогда Математическому и Физическому учению, прежде в чародейство и волхвование вмененному, уже одетному порфирию, увенчанному лаврами и на Монаршеском престоле посажденному, благоговейное почитание в освященной Петровой Особе приносилось. Таковым сиянием величества окруженные науки и художества всякого рода какую принесли нам пользу, доказывает избыточествующее изобилие многоразличных наших удовольствий, которых прежде великаго России Просветителя предки наши не токмо лишались, но о многих и понятия не имели. Коль многия нужные вещи, которые прежде из дальних земель с

трудом и за великую цену в Россию приходили, ныне внутри государства производятся и не токмо нас доводят, но избытком своим и другия земли снабдевают. Похвалялись некогда окрестные соседи наши, что Россия, государство великое, государство сильное, ни военного дела, ни купечества без их спомоществования надлежащим образом производить не может, не имея в недрах своих не токмо драгих металлов для монетного тиснения, но и нужнейшаго железа к приуготовлению оружия, с чем бы стать против неприятеля. Исчезло сие нареkanie от просвещения Петрова: отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою Его рукою¹⁶. Проливаются из них металлы и не токмо внутри отечества обильно распространяются, но и обратным образом, яко бы заемные, внешним народом отдаются¹⁷. Обращает мужественное Российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор Российских Российскими руками¹⁸.

О сем для защищения отечества, для безопасности подданных и для беспрепятственного произведения внутри государства важных предприятий, о сем нужном учреждении порядочнаго войска коль великое имел Великий Монарх попечение, коль стремительное рвение, коль рачительное всех способов, всех путей изыскание, тому всему когда надивиться довольно не можем, возможем ли изобразить оное словом? Родитель премудраго Нашею Героя, блаженный памяти Великий Государь Царь Алексей Михайлович между многими преславными делами положил начало регулярнаго войска, котораго спомоществованием сколько на войне имел успеху, свидетельствуют счастливые его походы в Польше и приобретенныя обратно к России провинции. Но все Его о военном деле попечение с жизнью пресекалось. Возвратились старинные беспорядки, и Российское воинство больше в многолюдстве, нежели в искусстве показать могло свою силу, которая сколько потом ослабела, явствует из бывших тогда против Турок и Татар бесполезных военных предприятий¹⁹, более всего из необузданных и пагубных стрелецких возмущений, от неимения порядочной расправы и расположения происшедших. В таковых обстоятельствах

кто мог помыслить, чтобы двенадцати лет Отрок, отлученный от правления государства и только под премудрым покровительством чадолубивыя Своея Родительницы от злобы защищаемый, между беспрестанными страхами, между копьями, между мечами, на Его родственников и доброжелателей и на Него самого обнаженными, начал учреждать новое регулярное войско²⁰, котораго могущество в скором после времени почувствовали неприятели, почувствовали и вострепетали, и которому ныне вся вселенная по справедливости удивляется. Кто мог помыслить, чтобы от детской, как казалось, игры толь важное, толь великое могло возрасти дело? Иные, видя несколько молодых людей, со младым Государем обращающих разным образом легкое оружие, рассуждали, что сие одна Ему только была забава, и потому сии новонабранные люди Потешными назывались. Некоторые, имея большую прозорливость и приметив на юношеском лице цветущую геройскую бодрость, из очей сияющее остроумие и в движениях сановитую поворотливость, размышляли, коль храбраго Героя, коль великаго Монарха могла уже тогда ожидать Россия! Но набрать многие и великие полки, пехотные и конные, удовлетворить всех одеждою, жалованьем, оружием и прочим военным снарядам, обучить новому артикулу, завести по правилам артиллерию, полевую и осадную, к чему немалое знание Геометрии, Механики и Химии требуется, и паче всего иметь во всем искусных начальников казалось, по справедливости, не возможное дело, ибо во всех сих потребностях знатной недостаток и лишение Государевой власти отняли последнюю к тому надежду и малейшую вероятность. Однако, что потом последовало? Паче общенароднаго чаяния, противу невероятия оставивших надежду и свыше препинательных происков и язвительнаго роптания самой зависти загремели внезапно новые полки Петровы и в верных Россиянах радостную надежду, в противных страх, в обоих удивление возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайным рачением, а паче всего неслыханным примером. Взирая некогда Сенат Римский на Траяна Кесаря, стоящего пред Консулом для принятия от

нею Консульского достоинства, возгласил: «Тем ты более, тем ты величественнее!»²¹ Какие восклицания, какие плески Петру Великому быть должныствовали для Его бесприкладного снисхождения? Видели, видели отцы наши венчанного своего Государя не в числе кандидатов Римского консульства, но меж рядовыми солдатами, не власти над Римом требующего, но подданных своих мановения наблюдающего. О вы, места прекрасны, места благополучны, которые толь чудным зрением насладились! О, как вы удивлялись дружественному nepřиятельству полков единого Государя, начальствующего и подчиненного, повелевающего и повинующегося. О, как вы удивлялись осаде, защищению и взятию домашних новых крепостей не для настоящих корысти, но ради будущия славы, не для усмирения сопротивных, но ради ободрения единоплеменных учиненному²². Мы ныне, озираясь на оныя минувшия лета, представляем, коль великою любовью, коль горячею ревностию к Государю воспалялось

начинающееся войско, видя Его в своем сообществе, за одним столом, тую же приемлющего пищу, видя лице Его, пылью и потом покрытое, видя, что от них ничем не разнится, кроме того, в обучении и в трудах всех прилежнее, всех превосходнее. Таковым чрезвычайным примером премудрый Государь, происходя по чинем с подданными, доказал, что Монархи ничем так величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могут, как подобным сему снисхождением. Таковым поощрением укрепилось Российское воинство и в двадцатилетнюю войну с короною Шведскою и потом в другие походы наполнило громом оружия и победоносными звуками концы вселенныя. Правде, что первое под Нарвою сражение было не удачливо, но противных преимущество и Российскаго воинства уступление к их прославлению и к нашему унижению больше от зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самую вещь, ибо, хотя Российское войско было по большей части двухлетное



Битва при деревне Лесной 28 сентября 1708 г.



А. Каравак. Полтавская баталия

против старого и к сражениям приобикшаго²³, хотя несогласие учинилось между нашими полководцами²⁴ и злохитрой переметчик открыл неприятелю все обстоятельства нашего стана²⁵ и хотя Карл вгорыионадесять скоропостижным нашествием не дал времени Россиянам построиться, однако они и по отступлении отняли у неприятеля смелость продолжать бой и докончать победу, так что оставшаяся в целости Российская Лейб-гвардия и немало прочаго войска затем только напасть на неприятеля не отважились, что не имели главных предводителей, которых Он, призвав для мирнаго договора, удержал как своих пленников²⁶. Того ради гвардия и прочее войско с оружием, с военною казною, распустив знамена и ударив в барабаны, в Россию возвратились. Что сия неудача больше для показанных несчастливых обстоятельств, нежели для неискусства войск Российских приключилась и что Петрово новое войско уже в младенчестве своем могло побеждать привыкшие полки противных, доказали в следующее лето²⁷ и потом многия одержанные над ними преславныя победы.

Я к вам обращаю мое слово, ныне мирные соседи²⁸, когда вы сии похвалы воен-

ных дел нашего Героя, когда вы превозносимыя мною победы Российскаго воинства над вами услышите, не в поношение, но больше в честь вашу припишете, ибо стоять долгое время против сильнаго Российскаго народа, стоять против Петра Великаго, против Мужа, посланнаго от Бога на удивление вселенныя, и, наконец, быть от Него побежденным есть славнее, нежели победить слабые полки под худым предводительством. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость Героя вашего Карла и по согласию всего света утверждайте, что едва бы кто возмог устоять пред лицом его гнева, когда бы чудною Божескою судьбою не был в Отечестве нашем против его воздвигнут Петр Великий. Его храбрые и введенным регулярством устроенные полки впоследствии в скором времени победами доказали, коль горяча их ревность, каково в военном деле искусство, приобретенное от премудраго наставления и примера. Оставляя многочисленныя победы, когорыя Российское воинство сражениями числить приобикло, не упоминая великаго множества взятых городов и твердых крепостей, имеем довольное свидетельство в двух

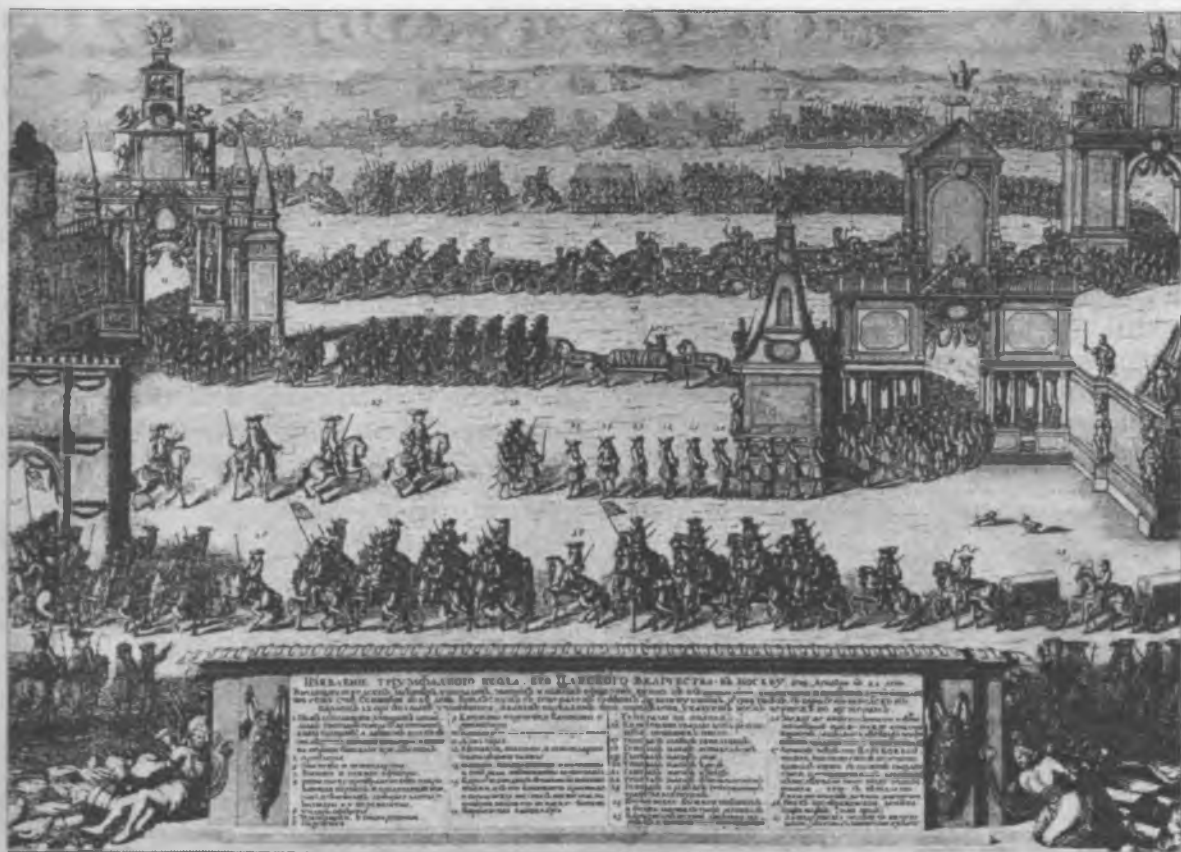
главных победах, под Лесным и под Полтавою²⁹. Где более удивил Господь свою на нас милость? Где явственнее открылось, коль сильные имело успехи в заведении нового войска благословенное начинание и ревностное рачение Петрово? Что сего чуднее, что невероятнее могло воспоследовать? Войско, к регулярству давно приобыкшее, из областей неприятельских дерзостию к бою славных приведенное, под предводительством начальников, в воинском упражнении все время положивших, войско, всякими снарядами преизобильно снабденное, уклоняется от сражения с новыми Российскими полками, числом много меньшими. Но оне, не давая сопротивным отдохновения, быстрым течением постигли сразились, победили, и главной их предводитель³⁰ с малыми остатками едва пленения избыл, чтобы принести своему Государю плачевныя вести, которыми хотя он сильно возмущился однако, мужественным и стремительным духом бодрствуя, еще поощрялся против России, еще не мог увериться, чтобы малолетное войско Петрово могло устоять против его возмужавшей силы, наступающей под его самого предводительством и, надеясь на дерзостныя обнадеживания бессовестнаго России изменника³¹, не усомнился вступить в украинские пределы нашего Отечества, обрацал высокомерными размышлениями Россию и весь Север чаял уже быть под ногою своею. Но Бог в награждение трудов неусыпных воздал Петру совершенную победу над сим презрителем Его рачений, которой прогиву своего чаяния не токмо очевидным был свидетелем невероятных Героя нашего в военном деле успехов, но и бегством своим не мог избежать мечтающей в мыслях стройной храбрости Российской.

Толь знатными победами прославив с Собою Великий Монарх во всем свете свое воинство, наконец доказал, что Он сие больше для нашей безопасности учредить старался, ибо не токмо узаконил, чтобы оное никогда не распускать, ниже во время безмятежнаго мира, как го при бывших прежде Государях нередко к немалому упадку могущества и славы Отечества происходило, но и содержать всегда в исправной готовности. О, истинное Отеческое

попечение! Многократно напоминал Он своим ближним верным подданным, иногда со слезами прося и целуя, чтобы толь великим трудом и с толь чудным успехом предприятное обновление России, а паче военное искусство не было после Него в нерадении оставлено. И в самое то всерадостное время, когда благословил Бог Россию славным и полезным миром со Шведскою короною, когда усердныя поздравления и должныя ему титулы «Императора», «Великаго», «Отца отечества» приносились, не преминул подтвердить публично Правительствующему Сенату, что, надеясь на мир, не надобно ослабевать в военном деле³². Не сим ли назнаменовал ясно, что сии высокие титулы не были приятны без наблюдения и одержания впредь завсегда регулярнаго войска?

Обозрев скорым оком на сухом пути силы Петровы, в младенчестве возмужавшия и обучение свое с победами соединившия, прострем чрез воды взор наш, Слушатели, посмотрим там дела Господни и чудеса Его в глубине, Петром показанныя и свет удивившия.

Пространная Российская держава наподобие целаго света едва не отовсюду великими морями окружается и оныя себе в пределы поставляет. На всех видим распущенные Российские флаги. Там великих рек устья и новыя пристани едва вмещают судов множество, инде стонут волны под тягостью Российскаго флота, и в глубокой пучине огнедышущие звуки раздаются. Там позлащенные и наподобие весны процветающие корабли, в тихой поверхности вод изображаясь, красоту свою усугубляют, инде, достигнув спокойнаго пристанища, плаватель удаленных стран избытки выгружает к удовольствию нашему. Там новыя Колумбы³³ к неведомым берегам поспешают для приращения могущества и славы Российской, инде другой Тифис между сражающимися горами плыть дерзает, со снегом, со мразом, с вечными льдами борется и хочет соединить восток с западом. Откуда толика я слава и сила Российских флотов по толь многим морям в краткое время распространилась? Откуда материи? Откуда искусство? Откуда махины и орудия, нужный в толь трудном и многообразном деле? Не древние ли исполины,



Триумфальный вход Петра I с войском в Москву после победы под Полтавой. 1709 г.

вырывая из густых лесов и гор превысоких великие дубы, по берегам повергли к строению? Не Амфион ли сладким лирным игранием подвинул разнovidные части к сложению чудных крепостей, летающих чрез волны? Таковым бы истинно вымыслам чудная поспешность Петрова в сооружении флота приписалась, есть ли бы такое невероятное и выше сил человеческих быть являющееся дело в отдаленной древности приключилось и не было б в твердой памяти у многих очевидных свидетелей и в письменных без всякаго изъятия достоверных известиях. В сих мы с удивлением читаем, от оных не без сердечнаго движения в дружелюбных разговорах слышим, что нельзя определить, сухопутное ли или морское войско учреждая, больше труда положил Петр Великий. Однако о том нет сомнения, что в обоих был неутомим, в обоих превосхожден, ибо, как для знания всего, что ни случается в сражениях на су-

хом пути, не токмо прошел все чины, но и все мастерства и работы испытал собственным искусством, дабы ни над кем не просмотреть упущения должности и ни от кого излишества свыше сил не потребовать. Подобным образом и во флоте, не учинив опыта, ничего не оставил, в чем бы только Его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упродниться. С того самого времени, когда оного вещью малаго ботика³⁴, но действием и славою великаго, изобретение побудило неусыпный дух Петров к полезному рачению основать флот и на морской глубине показать Российское могущество, устремил и распростер великаго разума Своего силы во все важнаго сего предприятия части, которая рассматривая, уверился, что в толь трудном деле успехов иметь невозможно, ежели он сам довольнаго в нем знания не получит. Но где оное постигнуть? Что Великий Государь предприимлет? Чу-

дилось прежде бесчисленное народа множество, стекшееся видеть восхищающее позорище на полях Московских, когда наш Герой, едва выступив из лет младенческих, в присутствии всего Царского дома, при знатных чинах Российского государства и при знатном собрании дворянства, то радующихся, то повреждения здравью Его боящихся, трудился, размеривая регулярную крепость³⁵, как мастер, копая рвы и взвозя землю на раскаты, как рядовой солдат, всем повелевая, как Государь, всем дая пример, как премудрый Учитель и Просветитель. Но вящее возбудил удивление, вящее показал позорище пред очами все-

го свега, когда сначала на малых водах Московских³⁶, потом на большей ширине озер Ростовского и Кубинского³⁷, наконец, в пространстве Белого моря уверясь о несказанной пользе мореплавания, отлучился на время из Своего государства и, сокрыв Величество Своея Особы, между простыми работниками в чужой земли корабельному делу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному делу прилучившиеся с Ним купно в обучении, как Россиянин толь скоро не токмо простой плотнической работе научился, не токмо ни единой части к строению и сооружению кораблей нужной не оставил, которой бы



«Гото Предестинация» («Божие Предвидение»).

Первый корабль, построенный лично Петром Великим со товарищи в Воронеже после возвращения из заграничного путешествия



С. Владимиров. Петр Великий на спуске галеры

Своими руками не умел сделать, но и в морской архитектуре³⁸ толикое приобрел искусство, что Голландия не могла уже удивляться Его глубокого понятия. Потом коль великое удивление во всех возбудилось, когда уведали, что не простой то был Россиянин, но сам толь великаго государства Обладатель к тягостным трудам простер рожденный и помазанный для ношения скиптра и державы руки. Но только ли было что для одного любопытства или по крайней мере для указания и повелительства в Голландии и в Британии достиг совершенной теории и практики к сооружению флота и в мореплавательной науке? Везде великий Государь не токмо повелением и награждением, но и собственным примером побуждал к трудам подданных! Я вами свидетельствуюсь, великия Российския реки, я к вам обращаюсь, счастливые береги, посвященные Петровыми стопами и потом Его орошенные. Коль часто раздавались на вас бодрые и ревностные клики, когда тяжкие, к составлению корабля приуроченные члены, нередко тихо от работающих движимые, наложением руки Его к скорому течению устремлялись, и оживленное примером Его множество с невероятною поспешностью совершали великия громады. Коль чудным и ревностному серд-

цу чувствительным зрением наслаждались стекшиеся народы, когда оныя великия здания к сошествию на воду приближались! Когда неусыпный их Основатель и Строитель, многократно то наверху оных, то под ними обращаясь, то кругом обходя, примечал твердость каждой части, силу махин, всех предосторожностей точность и усмотренные недостатки исправлял повелением, ободрением, догадкою и неутомимых рук Своих поспешным искусством. Сим неусыпным рачением, сим непобедимым в труде постоянством баснословная древних поспешность не вымыслами, но правдою во дни Петровы показалась!

Коль радостны были великому Государю толикие в морском деле успехи, к несказанной пользе и славе государства рачением Его произведенные, легко из того усмотреть можно, что не токмо воздаянием удовлетворял спотрудившихся с Собою, но и бесчувственному дереву показал преславной знак благодарности. Покрываются Невския струи судами и флагами, не вмещают береги великаго множества стекшихся зрителей, колеблется воздух и стонет от народного восклицания, от шума весел, от трубных гласов, от звука огнедышащих махин. Какое счастье, какую радость нам небо посылает? Кому на сретение Монарх наш с



Строительство Санкт-Петербурга

таковым великолепием выходит? Ветхому ботику³⁹, но в новом и сильном первенствующему Флоте. Представив сего величество, красоту, могущество и славные действия и купно онаго малость и худость, видим, что сего никому в свете произвести не было возможно, кроме исполинской смелости в предприятии и неутомимой в совершении бодрости Петровой.

Превосходен на земли, несравнен на водах силою и славою военною был Великий наш Защитник!

От краткаго сего и часть некоторую трудов Его содержащаго исчисления уже чувствую утомление, Слушатели, но великое и пространное похвал Его вижу поле пред собою! И так, дабы к совершению течения слова моего силы и определенного времени достало, употребляю возможную поспешность.

К основанию и произведению в действо толь великой морской и сухопутной силы, сверх сего к строению новых городов, крепостей, пристаней, к сообщению рек

великими каналами, к укреплению пограничных линий валами, к долговременной войне, к толь частым и дальным походам, к строению публичных и частных зданий новою архитектурою, к сысканию искусных людей и всех других способов для распространения наук и художеств, на содержание новых чинов придворных и штатских коль великая казна требовалась, всякому ясно представить можно и рассудить, что к тому не могли достать доходы Петровых Предков. Того ради премудрый Государь крайнее приложил старание, как бы внутреннее и внешние государственные сборы умножить без народного разорения, и по врожденному Своему просвещению усмотрел, что не токмо казне великая прибыль воспоследует, но и общее подданных спокойство и безопасность единым учреждением утвердится, ибо, когда еще не было число всего Российскаго народа и каждого человека жилище известно, своевольство не пресечено, каждому, куда хочет, преселиться и странствовать по своему произ-

волею не запрещалось, наполнены были улицы бесстыдною и шатающеюся нищею, дороги и великия реки нередко запирались злодейством воров и целыми полками душегубных разбойников, от которых не токмо села, но и города разорялись. Превратил премудрый Герой вред в пользу, леность в прилежание, разорителей в защитников, когда исчислил подданных множество⁴⁰, утвердил каждого на своем жилище⁴¹, наложил легкую, но известную подать, чрез что умножилось и учинилось известное количество казенных внутренних доходов и число людей в наборах, умножилось прилежание и строгое военное учение⁴². Многих, которые бы в прежних обстоятельствах остались вредными грабителями, принудил готовыми быть к смерти за отечество.

Сколько другия к сему служащая премудрыя учреждения спомоществовали, о том умолчеваю; упомяну о приращении внешних доходов. Всевышняго промысл споспешествовал добрым намерениям и рачениям Петровым: отворил рукою Его новыя пристани на Варяжском море при городах, храбростию Его покоренных и собственным трудом воздвигнутых⁴³. Со-вокуплены великия реки для удобнейшаго

проходу Российскаго купечества⁴⁴, сочинены пошлинные уставы⁴⁵, утверждены купеческие договоры с разными народами⁴⁶. И так, прирастая внутрь и вне, довольство сколько спомоществовало, явствует из самаго начала сих учреждений, ибо, продолжая двадцать лет трудную войну, Россия от долгов была свободна.

Что ж, уже ли все великия дела Петровы изображены слабым моим начертанием? О, коль много еще размышлению, голосу и языку моему труда остается! Я вам, Слушатели, я вашему знанию препоручаю, коль много требовало неусыпности основание и установление правосудия, учреждение Правительствующего Сената, Святейшаго Синода, государственных коллегий⁴⁷, канцелярий и других мест присутственных с узаконениями, регламентами, уставами, расположение чинов⁴⁸, заведение внешних признаков для оказания заслуг и милости⁴⁹, наконец, политика, посольства и союзы с чужими державами. Вы все сие сами в просвещенных Петром умах ваших представьте. Мне только остается предложить едино краткое всего изображение. Когда бы прежде начала Петровых предприятий приключилось кому отлучиться из Российскаго отечества в отдаленныя

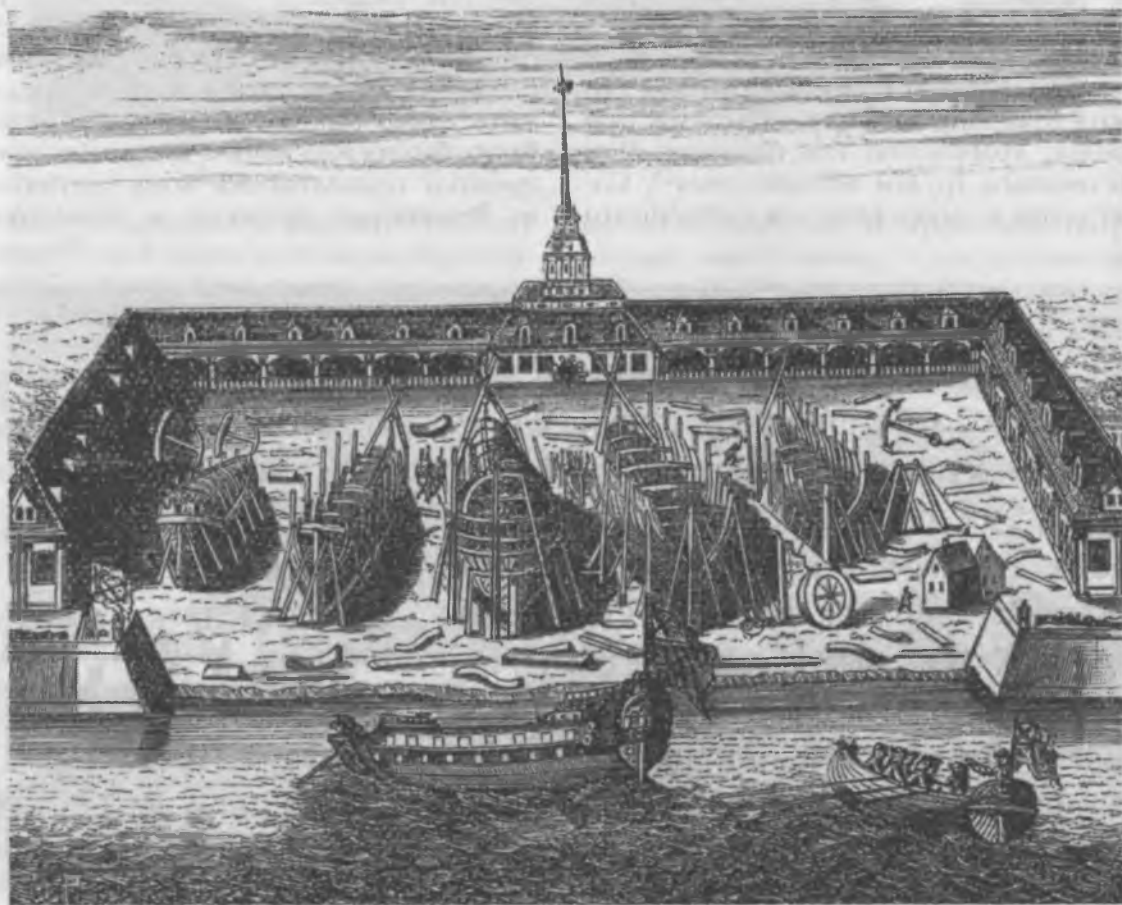


Вид Шлиссельбургской крепости в XVIII веке

земли, где бы Его имя не загремело, буде такая земля есть на свете, потом бы, возвратясь в Россию, увидел новыя в людях знания и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру с домашними украшениями, новое строение крепостей, новой флот и войско; всех сих не токмо иной образ, но и течение рек и морских пределов усмотрел перемену, чтоб тогда pomysлил? Не мог бы рассудить иначе, как что он был в странствовании многие веки, либо все то учинено в голь краткое время общими силами человеческого рода, или творческою Всевышняго рукою, или, наконец, все мечтается ему в сонном привидении.

Из сего моего, почти тень едину Петровых славных дел показующего слова видеть можно, коль они велики! Но что сказать о страшных и опасных препятствиях, бывших на пути исполинскаго Его тече-

ния? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено таковым переменам состояние человеческое, что из благополучных противныя, из противных благополучныя следствия рождаются. Что приращению нашего благополучия могло быть сего противнее, когда Россию обновляющему Петру и купно отечеству извне нападения, извнутри огорчения, отовсюду опасности грозили и пагубныя следствия приуготовлялись? Война дела домашняя, домашняя дела войну отягощали, которая еще прежде начала своего начала быть вредительна. Подвигнулся Великий Государь из отечества с великим посольством видеть Европейския государства, познать их преимущества, дабы, возвратясь, употребить их в пользу своих подданных. Только лишь прешел владения Своего пределы, везде ощутил великия и тайно поставленныя препю-



Адмиралтейство при Петре Великом



«Подзорный дворец», построенный Петром Великим при устье Фонтанки
для наблюдения за входящими в Неву кораблями

ны⁵⁰. Однако оных как по всему свету извещенных ныне не упоминаю⁵¹. Мне кажется, и бездушные вещи чувствовали опасность, приближающуюся к Российской надежде, чувствовали струи Двинския и будущему своему Повелителю между густым льдом к спасению от устроенных коварств стезю открыли и преодоленные им опасности Балтийским берегам, разливаясь, возвестили⁵². Избыв от опасности, поспешал в радостном пути Своем, довольствуя очи и сердце и обогащая разум. Но ах! Не волею пресекает свое преславное течение. Какую имел сам с Собою распрю! С одной стороны, влечет любопытство и знание, отечеству нужное, с другой стороны, само бедствующее отечество, которое к Нему, к единому своему упованию простерши руки, восклицало: «Возвратися, поспешно возвратися: меня терзают внутри изменники! Ты странствуешь для моего блаженства — со благодарением признаваю, но прежде укроти свирепых. Ты расстался со Своим домом, со Своими кровны-

ми для приращения моей славы — с усердием почитаю, но успокой опасное нестроение; оставил данный Тебе от Бога венец и скипетр и простым видом скрываешь лучи своего Величества для моего просвещения — с радостною надеждою того желаю, но отврати мрачную грозу беспокойства с домашнего горизонта». Такими движениями сердца проникаясь, возвратился для утolenия страшныя бури!⁵³ Таковыя противности воспящали Герою нашему в славных подвигах! Коль многими отгсюду окружен был неприятелями! Извне воевала Швеция, Польша, Крым, Персия, многие восточные народы, Оттоманская Порта, изнутри — стрельцы, раскольники, казаки, разбойники. В доме от самых ближних, от своей крови злодейства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь Его приготавливались⁵⁴. Что все подробно описать трудно и слушать не безболезненно! К радости в радостное время обратимся. Помог Всевышний Петру преодолеть все тяжкия препятствия и Россию возвысить. Споспе-

шествовал Его благочестию, премудрости, великодушию, мужеству, правде, снисхождению, трудолюбию. Усердие и вера к Богу во всех Его предприятиях известна: первое Его веселие был дом Господень; не слушатель токмо предстоял божественной службе, но сам чиновначальник. Умножал внимание и благоговение предстоящих Своим Монаршеским гласом и вне государственного места с простыми певцами наряды стоял перед Богом⁵⁵. Много имеем примеров Его благочестия, но один ныне довлеет. Выезжая в сретение телу святого и храброго Князя Александра, благоговения исполненным действием подвинул весь град, подвинул струи Невския. Чудное видение! Гребут Кавалеры, сам Монарх на корме управляет и к простым людям труду пред всем народом помазанные руки простирает веры ради⁵⁶. Ею укрепляясь, избыл многократного стремления кровожажущих изменников. Осенил Господь над главою Его силою свыше в день Полтавския брани и не допустил к Ней прикоснуться смертоносному металлу! Рассыпал перед Ним, как некогда Ерихонскую, Нарвскую стену, не во время ударов из огнестрельных махин, но во время божественной службы⁵⁷.

Освященного и огражденного благочестием одарил Бог несравненною премудростию. Какая важность в рассуждениях, беспритворная в словах краткость, в изображениях точность, в произношении сановитость, жадность к познанию, прилежное внимание благоразумных и полезных разговоров, в очах и на всем лице разума постоянство. Чрез сии Петровы дарования приняла новый вид Россия, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы некоторых держав против нашего Отечества, и Государям — иному сохранено королевство и самодержавство⁵⁸, иному возвращена отнятая неприятельми корона⁵⁹. Из всего предначертанного довольно явствующей, свыше влиянной Ему премудрости споспешествовало Его Геройское мужество: оною удивил вселенную, сим устранил противных. В самом Своем нежном младенчестве показал при военных обучениях бесстрашие. Когда все зрители нового дела — метания бомб на означенное место — весь-

ма опасались повреждения, младый Государь в близости смотреть всеми силами порывался и слезами Своея Родительницы, прошением Братним и знатных персон молением едва был одержан⁶⁰. Странствуя в чужих государствах для учения, коль многия презирал опасности для обновления России. Плавание по непостоянной морской пучине служило Ему вместо увеселения. Коль много крат морския волны, возвышая гордые верхи свои, непревратной смелости были свидетели, быстро текущим флотом рассекаемы, в корабли ударяли и с ярким пламенем и ревущим по воздуху металлом в едину опасность совокуплялись — Его не утратили! Кто без ужаса представить может летящего по полям Полтавским в устроенном к бою Своем войске Петра между градом пуль неприятельских, около главы Его шумящих, возвышающего сквозь звуки глас Свой и полки к смелому сражению ободряющего. И ты, знойная Персия, ни быстрыми реками, ни гопучими болотами, ни стремнинами гор превысоких, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набегами непостоянных народов не могла препятить нашествию нашего Героя, не могла удержать торжественного въезда в наполненные потаенным оружием и лукавством города⁶¹.

Больше примеров о Геройском Его духе для краткости не предлагаю, Слушатели, не упоминаю многих сражений и побед, в Его присутствие и Его предводительством бывших, но представляю Его великодушные, великим Героям сродное, которое украшает победы и больше движет сердца человеческия, нежели храбрые поступки. В победах имеет участие храбрость воинов, споможение союзников, места и времени удобность и больше всего присвоит себе счастье, как бы некоторое собственное свое достояние. Великодушию победителю все принадлежит единому. Славнейшую получает победу, кто себя побеждает. Не имеют в ней ни воины, ни союзники, ни время, ни место, ни само господствующее делами человеческими счастье ни малейшаго жребия. Правда, победителям разум удивляется, но великодушных любит сердце наше. Таков был Великий наш защитник. Отлагал гнев Свой



РУССКИЕ КНЯЗЬЯ ИЗ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ.
Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.

Вверху слева: Всеволод I Ярославич (1030—1093), князь Переяславский (с 1054), Черниговский (с 1077), великий князь Киевский (с 1078). *Вверху справа:* Владимир II Мономах (1053—1125), князь Смоленский (с 1067), Черниговский (с 1078), Переяславский (с 1093), великий князь Киевский (с 1113).

Внизу слева: Мстислав Владимирович (1076—1132), великий князь Киевский (с 1125).
Внизу справа: Ярополк II Владимирович (1082—1139), великий князь Киевский (1132—1139).



ДЕРЖАВА МОНОМАХОВА

Художник Федор Солнцев

Держава (яблоко великодержавное) — символ царской власти. Исполнена в виде шара, разделенного на два полушария; увенчана крестом; украшена 58 алмазами, 112 яхонтами (рубинами), 50 изумрудами, 37 жемчужинами в золотых финифтяных гнездах; в четырех треугольных полях помещены финифтяные изображения на библейские сюжеты.



ПЕТРЪ I: ПРИ РЪКЪ ПРУТЬ, 1710 ГОДА.

Грав. Е. Чориковъ.

Печа. у Пеллеа.

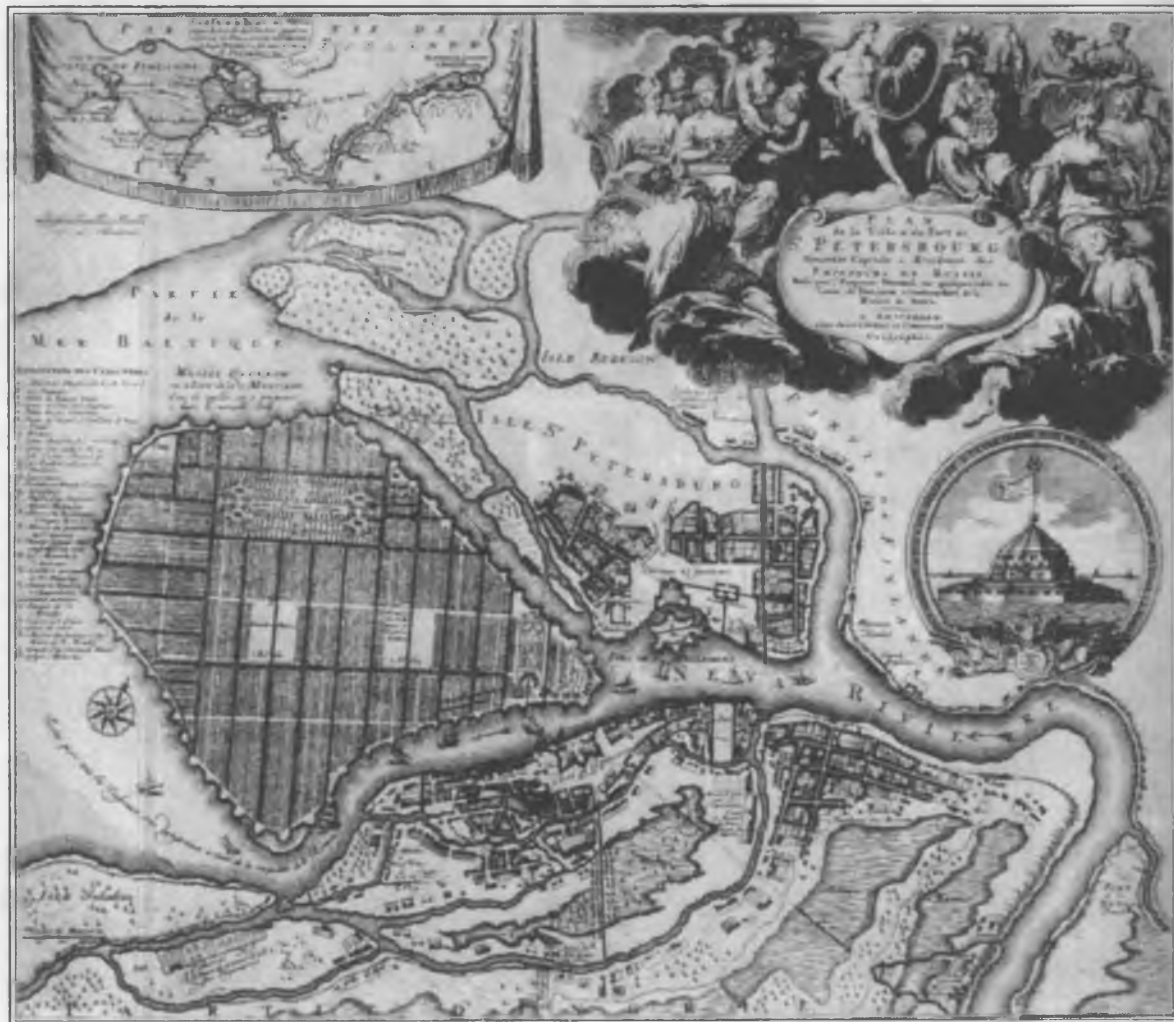
Рис. на кам. Пе. Ивандт.

купно со оружием, и не токмо из неприятелей никто живота лишен не был, как только против Его ополченный, но и бесприщадная честь им показана. Скажите, Шведские военачальники, под Полтавою плененные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связания, препоясаны были поднятыми против нас мечами своими; ожидая посаждения в темницы, посажде-

М. Ломоносов

ны были за столом Победительским; ожидая посмеяния, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушного Победителя вы имели!⁶²

Великодушию сродно и часто сопряжено есть правосудие. Первое звание поставленных от Бога на земли обладателей есть управлять мир в преподобии и правде, награждать заслуги, наказывать пре-



План Санкт-Петербурга, составленный при Петре I

ступления. Хотя военные дела и великия другия упражнения, а особливо прекращение веку⁶³ много препятствовали Великому Государю установить во всем неперменные и ясные законы, однако, сколько на то трудов Его положено, несомненно удостоверяют многие указы, уставы и регламенты, которых составление многочисленные для отдохновения, многочисленные ночи сна Его лишили. Докончать и принести к совершенству судил Бог подобной таковому Родителю Дщери в безмятежное и благословенное Ея владение.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства, однако в сердце Его написано было правосудие. Хотя не все в книгах содержалось,

но делом совершалось. При всем том милость на суде хвалилась в самых тех случаях, когда многим Его делам препятствующие злодеяния к строгости принуждали. Из многих примеров один докажет. Простив многих знатных особ за тяжкия преступления, объявил Свою сердечную радость приятием их столу Своему и пушечною пальбою⁶⁴. Не отягощает Его казнь стрелецкая⁶⁵. Представьте себе и помыслите, что Ему ревность к правде, что сожаление о подданных, что Своя опасность в сердце говорила: «Пролита неповинная кровь по домам и по улицам Московским, плачут вдовы, рыдают сироты. воют насильованные жены и девицы, сродники мои в доме моем пред очами моими

живота лишились и острое оружие было к сердцу моему приставлено. Я Богом сохранен, сносил, уклонялся, я вне града странствовал. Ныне полезное мое путешествие пресекли, вооружась явно против отечества. За все сие ежели не отмщу и конечной пагубы не пресеку казнию, уже вижу наперед площади, наполнены трупов, расхищаемые дома, разрушаемы храмы, Москву, со всех сторон объемлему пламенем, и любезное отечество повержено в дыму и в пепеле. Все сии пагубы, слезы, кровь на мне Бог възыщет». Такого конечного правосудия наблюдение принудило Его к строгости. Ничем не могу я больше доказать Его милостиваго и кроткаго сердца, как бесприкладным снисхождением к Его подданным. Превосходен дарованиями, возвышен величеством, возвеличен преславными делами, но все сие больше бесприкладным снисхождением умножил, украсил. Часто меж подданными своими просто обращался, не имея великаго и Монаршеское присутствие показующаго великолепия и раболепства. Часто пешему свободно было просто встретиться, следовать, идти вместе, зачать

речь, кому потребуется. Многих прежде Государей рабы на плечах, на головах своих носили. Его снисхождение превознесло выше самих Государей. Во время самого веселия и отдохновения предлагались дела важныя: важность не умаляла веселия, и простота не унижала важности. Как ожидал, принимал и встречал своих верных! Какое увеселение за столом Его было! Спрашивает, слушает, отвечает, рассуждает как с друзьями; и сколько время стола малым числом пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Меж толь многими государственными попечениями жил, как с приятельми, в прохлаждении. В коль малыя хижины художников вмещал Свое Величество и самых низких, но искусных и верных рабов ободрял Своим посещением. Коль часто с ними упражнялся в художествах и в трудах разных, ибо Он привлекал к тому больше примером, нежели принуждал силою. И ежели что тогда казалось принуждением, ныне явилось благодеением. За отдохновение почитал Себе трудов Своих перемену. Не токмо день или утро, но и



Маскарад в Москве в 1722 г. по случаю празднования Ништадтского мира

солнце на восходе освещало Его на многих местах за разными трудами⁶⁶. Государственные, правительствующие и судебные места, Им учрежденные, в Его присутствии дела вершили. Различные художества не токмо Его присмотром, но и рук Его вспоможением к приращению поспешали; публичные строения, корабли, пристани, крепости все-

вы удостоились изображать вид Великого Петра в струях ваших? Скажите! Я не могу исчислить! Мы ныне только с радостным удивлением смотрим, по каким путям он шествовал, под которым древом имел отдохновение, из которого источника утолял жажду, где с простыми людьми, как простой работник, трудился, где писал за-



КОНЧИНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, 1725 ГОДА.

Соч. В. Черникова

Печа у Толста

Рис. на кам. Пе. Иванова

гда видели и имели Его в основании показателя, в труде ободрителя, в совершении награждителя. Что ж Его путешествия или, лучше, быстропарящая летания? Едва услышало глас повеления Его Белое, уже чувствует Балтийское море. Едва путь кораблей Его скрылся на водах Азовских, уже шумят уступающая Ему Каспийския волны. И вы, великия реки, Южная Двина и Полночная, Днепр, Дон, Волга, Буг, Висла, Одра, Алба⁶⁷, Дунай, Секвана, Тамиза⁶⁸, Рен и протчия, скажите, сколь много крат

коны, где начертал корабли, пристани, крепости и где между тем, как приятель, обращался с подданными своими. Как небесная светила течением, как море приливом и отливом, так Он попечением и трудами для нас был в непрестанном движении.

Я в поле меж огнем, я в судных заседаниях меж трудными рассуждениями, я в разных художествах между многообразными махинами, я при строении городов, пристаней, каналов, между бесчисленным

народа множеством, я меж стенанием валов Белаго, Чернаго, Балтийскаго, Каспийскаго моря и самага Океана духом обращаюсь. Везде Петра Великаго вижу в поте, в пыли, в дыму, в пламени — и не могу сам себя уверить, что один везде Петр, но многие, и не краткая жизнь, но лет тысяча. С кем сравню Великаго Государя? Я вижу в древности и в новых временах Обладателей, великими названных. И правда, пред другими велики. Однако пред Петром малы. Иной завоевал многия государства, но свое отечество без призрения оставил. Иной победил неприятеля, уже великим именованнаго, но с обеих сторон пролил кровь своих граждан ради одного своего честолюбия и вместо триумфа слышал плач и рыдание своего отечества. Иной многими добродетельми украшен, но вместо чтоб воздвигнуть, не мог удержать тяжести падающаго государства. Иной был на земле воин, однако боялся моря. Иной на море господствовал, но к земле пристать страшился. Иной любил науки, но боялся обнаженной шпаги. Иной ни железа, ни воды, ни огня не боялся, однако человеческого достояния и наследства не имел разума. Других не употребляю примеров, кроме Рима. Но и тот недостаточен. Что в двести пятьдесят лет, от первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципионы, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели, то Петр сделал в краткое время Своея жизни. Кому ж я Героя нашего уподоблю? Часто размышляя я, каков

Тот, который всесильным мановением управляет небо, землю и море: дхнет дух Его — и потекут воды, прикоснется горам — и воздымятся. Но мыслям человеческим предел предписан! Божества постигнуть не могут! Обыкновенно представляют его в человеческом виде. И так, ежели человека, Богу подобнаго, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великаго не обретаю⁶⁹.

За великия к отечеству заслуги назван Он Отцем отечества. Однако мал Ему титул. Скажите, как Его назовем за то, что Он родил Дщерь всемилостивейшую, Государыню нашу, Которая на Отеческой престоле мужеством вступила, гордых врагов победила, Европу усмирила, благодетельница Своих подданных снабдила?

Услыши нас, Боже, награди, Господи! За великие труды Петровы, за попечение Екатеринино, за слезы, за воздыхание, которые две Сестры, две Дщери Петровы, разлучаясь, проливали⁷⁰, за несравненные всех к России благодетельства, награди Долгоденствием и Потомством!

А ты, великая Душа, сияющая в вечности и Героев блистанием помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствует, Внук — наследник. Правнук по желанию нашему родился. Мы Тобою возвышены, укреплены, просвещены, украшены, Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими в знак благодарности недостойное сие приношение. Твои заслуги больше, нежели все силы наши!

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757. С. 208—238). Впервые напечатано — отд. изд. 1755 г.

Датируется предположительно промежутком времени с 1754 г. (не позднее ноября) по 14 апреля 1755 г. «Слово похвальное» Петру I было задумано Ломоносовым в самом начале 1753 г., а может быть, еще и в 1752 г. 4 января 1753 г. он писал И. И. Шувалову: «Когда ваше превосходительство меня удостоверить изволите, что мои сочинения в прозе не противны, то можете иметь в том новый опыт, ежели мне в будущий 1754 год повелено будет говорить похвальное слово Петру Великому в публичном Академическом собрании, на что я готов положить все свои силы».

Более года спустя, 18 апреля 1754 г., Ломоносов снова поднял тот же вопрос — на этот раз уже в Академическом собрании: предлагая отложить публичную ассамблею до начала 1755 г., Ломоносов пояснял, что это дало бы ему возможность подготовить и произнести панегирик Петру I, «который ему давно должна Академия». «Повеление», о котором писал Ломоносов Шувалову, состоялось, но когда именно, мы не знаем: вероятно, оно было передано Ломоносову не в письменном виде, а на словах. Не знаем мы и того, когда приступил Ломоносов к работе над «Словом». Известно лишь, что в конце ноября 1754 г. эта работа была в самом разгаре: в письме Л. Эйлеру от 28 ноября Ломоносов, жалуясь на недосуг, объяснял, что должен «спешить» с «Похвальным словом», которое предстоит произнести 19 декабря.

К первым числам декабря начало «Слова» было написано и представлено президенту Академии К. Г. Разумовскому, который 9 декабря распорядился перевести его на французский язык и напечатать этот перевод в количестве 100 экз. (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 523, л. 422 об.). А на следующий день, 10 декабря 1754 г., Г. Н. Теплов прислал в академическую канцелярию «первые два листа» русского текста (там же, № 465, л. 387). Канцелярия, не дожидаясь остального текста, в тот же день отправила полученные листы в типографию с приказанием «как наивозможно поспе-

шать» (там же, № 194, л. 264; № 602, л. 130). Однако через четыре дня, 14 декабря, Ломоносов известил канцелярию через ее секретаря П. И. Ханина, «что тем панегириком, который он, г. советник, сочиняет и который ему говорить надлежало в публичной при Академии сего декабря 19 числа ассамблее, не поспет, ибо-де ему, г. советнику, желательнее было, чтоб тот панегирик напечатать после ассамблеи, однако ж того у него не принято, итак-де теперь вдруг оный панегирик сочинять, да и корректуры его править в таком кратком времени пришло невозможно» (там же, № 523, лл. 428, об. — 429). Типография, отпечатав к этому времени три листа, приостановила дальнейшую работу и получила из канцелярии распоряжение отпущенную на это дело бумагу «хранить у себя до указа» (там же, л. 441 об.). Так же поступили и с материалами, закупленными для переплетов (там же, л. 447).

Конференц-секретарь Г. Ф. Миллер сохранил в своем личном архиве экземпляр напечатанных в декабре 1754 г. листов, снабдив его следующей надписью на обороте обертки: «Сей речи напечатаны только первые 5 листов, и как по многим препятствиям она не могла быть говорена, то сочинитель все то, что в сем экземпляре очерчено, поместил в «Похвальном слове», говоренном им апреля 26 дня 1755 года» (подлинник по-немецки; под ним рукой неизвестного лица, почерком XVIII в. написан напечатанный выше русский перевод. РГАДА, библиотека, № 92251).

Остается неясным, в чем именно заключались упоминаемые Миллером «препятствия»: в том ли только, что Ломоносов не успел дописать панегирик к положенному сроку, или в чем-нибудь другом. Несомненно лишь, что в 1754 г. «Слово похвальное» не было ни напечатано полностью, ни произнесено; по всей вероятности, не было оно в этом году и написано.

К концу 1754 г., в связи с обсуждением вопроса о пересмотре Академического регламента, в Академии сложилась столь тяжелая для Ломоносова обстановка, что он возбуждал даже ходатайство о переводе его в какое-нибудь другое ведом-

ство, а в феврале 1755 г. у него произошло на той же почве столкновение с Тепловым, которое привело к тому, что президент запретил Ломоносову являться в Академическое собрание.

В прямой связи с этими событиями Ломоносов занимался в начале 1755 г. составлением пространной записки «об исправлении» Академии наук. Трудно представить себе, что при подобных обстоятельствах он продолжал в то же время работать и над «Словом похвальным». 29 марта 1755 г. К. Г. Разумовский отменил под давлением высокопоставленных покровителей Ломоносова свой запрет и одновременно приказал канцелярии объявить Ломоносову, чтобы он «как возможно старался изготавить к будущей ассамблее, т. е. апреля 26 числа, слово похвальное императору Петру Великому, которое давно уже обещал сочинить» (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 98; № 524, л. 140—140 об.; № 603, л. 43 об.). В течение ближайших двух недель «Слово» было дописано, или, вернее сказать, написано заново: сам Ломоносов отметил затем в одном из своих отчетов, что «сочинил» «Слово» в 1755 г.

К 14 апреля 1755 г. весь текст был, по-видимому, готов, так как в этот день канцелярия вынесла резолюцию о напечатании панегирика (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 524, л. 154 об.), что и было выполнено типографией в должный срок. В день ассамблеи, 26 апреля, канцелярия определила продавать «Слово похвальное» по цене 40 коп. за экземпляр (там же, л. 157). Оставалось произнести речь.

«Произношение,— писал Ломоносов еще за двенадцать лет до этого,— имеет великую силу в предложении слова, когда преизрядными замыслами наполненный ум на язык, очи, лице, руки и весь стан ритор красоту свою изливает и свое великолепие чувствам слушателей ясно представляет». Хоть Ломоносов и не робел, по свидетельству современников, ни перед какой аудиторией, хоть и славился смолоду «глубокой памятью», силой и гибкостью, или, как тогда говорили, ломкостью голоса, однако предстоявшее ораторское выступление заботило его, как видно, немало: когда за четыре дня до ассамблеи его пригласили в Академическое собрание, он ответил, что не придет, так как готовится к произнесению панегирика (протоколы Конференции, т. II. с. 327): заучивался наизусть текст, обдумывались и, вероятно, репетировались те «умеренные» интонации и жесты, к которым обзывал, по учению Ломоносова, состав вельможных слушателей.

28 апреля 1755 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась заметка, где сообщалось, что 26-го числа в Академии наук «было публичное собрание, причем коллежский советник и химии профессор г. Ломоносов, при многочисленном собрании знатных министров, придворных кавале-

ров и других знатных персон, говорил похвальное слово блаженной и вечнодостойной памяти государю императору Петру Великому на российском языке». После собрания «о полудни» у К. Г. Разумовского был «трактамент», т. е. прием, куда в числе прочих «членов академических» был зван, очевидно, и Ломоносов (СПб. Вед., 1755. № 34).

Ораторский успех «Слова похального» не вызывает сомнений: парадных переплетенных экземпляров, приготовленных для раздачи «знатыным особам», не хватило; пришлось переплести дополнительно еще 50 экземпляров (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 524, л. 157). Если же говорить о литературном успехе, то он был, кажется, не так громок, как успех «Слова похального» императрице Елизавете Петровне. Правда, панегирик Петру I был выпущен еще раз в 1758 г. в составе первого тома собрания сочинений Ломоносова, издававшегося Московским университетом, а через несколько месяцев после смерти Ломоносова, в начале января 1766 г., Академия наук снова выпустила панегирик (вместе с «Словом похвальным» императрице Елизавете Петровне) отдельным изданием (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 292, лл. 178 об.—181).

Таким образом, со стороны тогдашних читателей спрос на это произведение Ломоносова был довольно значителен, однако литераторы того времени обошли его молчанием, а из числа критиков начала XIX в. некоторые, в частности М. Г. Каченовский, высказались о «Слове похвальном» Петру I если и не вполне отрицательно, то весьма сдержанно, находя в нем «недостаток полноты и соразмерности», отсутствие «простоты и легкости» и укоряя Ломоносова в слишком заметном подражании Плинию (Труды Общества любителей российской словесности. М., 1812. Ч. III. С. 92—102). Что касается самого автора, то он был, по-видимому, удовлетворен своим новым произведением; об этом говорит ряд известных нам фактов. Так, через три с небольшим месяца после произнесения «Слова», 4 августа 1755 г., Ломоносов, возбуждая вопрос об издании Академией наук второго тома его сочинений, заявляет желание включить в этот том прежде всего панегирик Петру I. Два года спустя, 2 сентября 1757 г., Ломоносов пишет И. И. Шувалову, что Вольтер, до того как приняться за составление истории царствования Петра I, должен «себе сделать краткий план», для чего он, добавляет Ломоносов, «и сочиненный мною панегирик не без пользы употребить может, ежели на французский язык переведен будет. Профессор Штрубе уже перевел великую его часть, однако я не мог упросить, чтобы он привел к окончанию, а приказать власти не имею». Ф.-Г. Штрубе де Пирмонт успел выбыть к тому времени из состава Академии, так и не окончив, видимо, порученного ему перевода. Панегирик был

переведен на французский язык только двумя годами позже, в 1759 г., секретарем И. И. Шувалова бароном Чуди, переведен, по словам Ломоносова, плохо и вопреки возражениям автора, но тем не менее издан в свет в этом именно переводе (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 243, лл. 38—45 об.) и в июле 1759 г. отправлен Вольтеру. А осенью 1761 г. Ломоносов разослал тот же перевод, кроме того, и ряду зарубежных научных деятелей вместе с некоторыми другими своими сочинениями.

«Я получил Слово похвальное Петру Великому, которое ваше сиятельство благоволили ко мне отправить, — писал Вольтер Шувалову 7 сентября 1759 г. — Член Академии вашей весьма справедливо делает, что воспекает похвалы сему императору. Люди по такой же причине обязаны петь хвалу Богу, ибо непременно надлежит хвалить того, который нас создал. В сем похвальном слове действительно есть красноречие. Я вижу, что ваш народ вскоре будет отличать себя науками так же, как оружием, но он вам, государь мой, наиболее за оные будет обязан. Я же имею к вам признательность за получение от вас записок, наставительнейших [т. е. более поучительных], нежели Слово похвальное. То, что есть одна только похвала, часто служит к единственному показанию сочинителя лева разума. Одно наименование заставляет читателя быть в осторожности; одни истины истории могут заставить рассудок верить и удивляться. Прекраснейшее Слово похвальное Петру Велико-

му есть, по моему мнению, дневные его записки» (Письма г. Вольтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам 1757—1773. Перевод с фр. Н. Левицкого. М., 1808. С. 39—40).

Мы не знаем, стал ли известен Ломоносову положительный отзыв о «Слове похвальном», опубликованный в 1761 г. тем самым И. Ютшедом, по чьим книгам и статьям Ломоносов изучал когда-то, еще в Германии, поэтику и риторiku. В своем журнале «Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit» («Новейшее из области изящной учености», 1761. С. 200—207) Ютшед напечатал немецкий перевод ломоносовского «Слова похального», сопроводив его такими словами: «Теперь уже наши читатели могут сами судить о том, какой мужественной силой и каким хорошим вкусом обладает этот русский вития».

Ценность «Слова похального» не столько в характеристике Петра I, сколько в отчетливой и полной формулировке того взгляда на Петра и на его преобразования, который сложился к середине XVIII в. у самых передовых и самых просвещенных русских деятелей этого времени, а в том числе и у самого выдающегося из них — Ломоносова. По праву считая себя прямым продолжателем просветительной работы Петра, Ломоносов был искренен в своих гиперболических восхвалениях преобразователя. Вот отчего тяжелые оковы риторической формы не помешали панегиристу подняться — особенно в конце «Слова» — до подлинно поэтического воодушевления.

¹ Торжественная ассамблея Академии наук, во время которой произнесено было Ломоносовым «Слово похвальное» Петру I, была приурочена к праздновавшейся 25 апреля 1755 г. годовщине коронации императрицы Елизаветы Петровны.

² Т. е. И. С. Мазепу и его приспешников.

³ Т. е. польскому королю Августу II, свергнутому с престола по настоянию Карла XII. 9 октября 1709 г. Петр I подписал с Августом новый трактат, где обещал содействовать восстановлению его в королевском достоинстве (Кафенгауз Б. Б. Северная война и Ништадтский мир. М.; Л., 1944. С. 42).

⁴ Под Полтавой и у Переволочни было взято в плен около 19 000 шведов. Петр I обошелся с ними мягко. Пленные шведские офицеры, в том числе и их главнокомандующий, были приглашены на царский пир, которым на поле сражения была отпразднована Полтавская победа (Кафенгауз Б. Б. Северная война и Ништадтский мир. М.; Л., 1944, С. 40—41). На этот счет в Ломоносовское время ходило много преданий. Писали об этом еще при жизни Петра I и иностранцы (Литературное наследство. М., 1939. Т. 33—34. С. 9—10).

⁵ Имеется в виду татаро-монгольское иго.

⁶ Имеется в виду Бироновщина.

⁷ Имеются в виду Куликовская битва и последующие вооруженные столкновения с Золотой Ордой.

⁸ Имеется в виду успешное окончание Русско-шведской войны 1741—1743 гг.

⁹ Т. е. оборачиваются спиной, обращаются в бегство.

¹⁰ Имеется в виду завершивший многолетнюю войну за Австрийское наследство Ахенский мир 1748 г., заключение которого было ускорено движением русского экспедиционного корпуса к Рейну.

¹¹ Имеется в виду провозглашение внука Петра I, будущего императора Петра III, наследником русского престола.

¹² То же словосочетание в 1-й строфе знаменитой оды 1747 г.

¹³ По § 29 регламента 1747 г. в Академии наук следовало, «всякий год иметь три ассамблеи публичных. Первое такое собрание быть должно в память основателя Петра Великого, в начале января». Однако до апреля 1755 г., то есть в течение почти восьми лет со времени утверждения регла-

мента, в Академии не было ни одной ассамблеи, посвященной памяти Петра I.

¹⁴ Великий князь Павел Петрович родился 20 сентября 1754 г.

¹⁵ «Того же времени [в 1699 г.] государь дал позволение всем своим подданным ездить в иностранные европейские государства для обучения, которое прежде было запрещено под казнию, и не точию позволил на сие, но еще к тому их и понуждал» (Журнал, или Поденная записка. СПб., 1770. С. 7). Фактически, однако, посылка молодых людей за границу началась еще в 1692 г., а с 1696 г. приобрела массовый характер.

¹⁶ Ломоносов не прав, относя зарождение нашей горной промышленности ко времени Петра I. За период с 30-х до половины 90-х годов XVII в. возникло более двадцати казенных и частных железных заводов, из которых к началу XVIII в. действовало не менее семнадцати. Но при всем том совершенно бесспорно, что успехи, достигнутые в горном деле при Петре, несравнимы с тем, что было сделано до него: при Петре, с 1700 по 1725 г., было открыто не менее 69 предприятий металлургической и металлообрабатывающей промышленности, то есть, иначе говоря, количество их увеличилось более чем в пять раз (Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947. С. 7, 156—164).

¹⁷ В 1725 г. годовой экспорт русского железа превысил 55 000 пудов (Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947. С. 80). О темпах развития этого экспорта красноречиво говорят следующие цифры: вывезено железа в одну только Англию:

в 1716 г. — 2 200 пудов;

в 1732 — 203 500

в 1740 — 22 600

(Мартынов М. Уральская горная промышленность в эпоху Петра Великого // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 23; Струмилин С. Г. Горнозаводский Урал Петровской эпохи. 1945. С. 13).

¹⁸ При Петре I возникло 9 заводов, выделявших огнестрельное и холодное оружие (Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947. С. 157, 158, 161 и 162).

¹⁹ Имеются в виду неудачные крымские походы В. В. Голицына 1686 и 1688 гг.

²⁰ В документах, относящихся к августу 1683 г., упоминаются в числе стряпчих конюхов, состоявших у «потешных лошадей», Сергей Бухвостов и Еким Воронин, будущие первые солдаты зарождавшегося именно в это время первого потешного полка — Преображенского (Богословский. Т. I. С. 58—59), положившего начало «новому регулярному войску».

²¹ Измененная цитата из Плиниева «Панегирика Траяну»: «Ingens, Caesar, et par gloria tua» («Велика, Цезарь, и справедлива твоя слава»).

Римский панегирист заключает этим восклицанием рассказ о том, как Траян, состоя уже в сане императора и будучи в третий раз избран консулом, «позволил потребовать от себя той присяги, которая известна императорам только потому, что они требуют ее от других» (Письма Плиния Младшего. М.; Л., 1950. С. 423).

²² Ломоносов вспоминает военные «потехи» юного Петра I и, в частности, известный Кожуховский поход 1694 г., завершившийся взятием безымянной крепости под Симоновым монастырем (Богословский М. М. Т. I. С. 193—206). Во время этих маневров (как, впрочем, и в большинстве последующих настоящих сражений) Петр I хоть и руководил фактически боевыми операциями, однако не облакал себя званием главнокомандующего.

²³ В сражении под Нарвой 19 ноября 1700 г. участвовал только один относительно старый полк (Лефортовский), остальные же русские полки были укомплектованы вновь набранными солдатами, еще не бывавшими в полевых боях (Журнал, или Поденная записка. Ч. I. С. 25).

²⁴ За сутки до сражения Петр I уехал из-под Нарвы, назначив главнокомандующим новоприезжего австрийского генерала герцога фон Круи, который одним из первых обратился в бегство и вместе с рядом других иностранных генералов сдался шведам. Часть молодых русских полков, в том числе полки Преображенский и Семеновский, стойко отбивались от неприятеля до самой ночи так же, как и отряд генерала Вейде, но командиры действовали несогласованно и, потеряв между собою связь, вынуждены были согласиться на капитуляцию (Журнал, или Поденная записка. С. 19—22).

²⁵ Еще до отъезда Петра I бомбардирский капитан Преображенского полка Гуммерт, швед по происхождению, пользовавшийся полным доверием царя, перебежал к шведам (Журнал, или Поденная записка. С. 18).

²⁶ Семь русских генералов и семь полковников были задержаны шведами в качестве военнопленных (Журнал, или Поденная записка. С. 23—24).

²⁷ Имеются в виду захват двух шведских кораблей под Архангельском в июне 1701 г. и сухопутная победа над шведами при мызе Эрестфер 29 декабря того же года.

²⁸ Обращение к шведам.

²⁹ Победы при деревне Лесной 28 сентября 1708 г. и под Полтавой 27 июня 1709 г.

³⁰ Шведский генерал Левенгаупт пытался уклониться от сражения с русской армией, но был настигнут ею при Лесной и разбит.

³¹ То есть Мазепы.

³² Имеется в виду речь, произнесенная Петром I в Петербурге, в Троицком соборе, 22 октября 1721 г., после того как прочитан был текст мир-

ного договора со Швецией и канцлер Г. И. Головкин обратился к Петру с просьбой принять титул императора и прозвания «Великий» и «Отец отечества».

³³ Обычная для Ломоносова парафраза, которой он пользуется для обозначения русских мореплавателей, совершивших путешествия на Дальний Восток, участников первой и второй Камчатских экспедиций.

³⁴ Знаменитый ботик, найденный Петром I в 1688 г. в Измайлове среди старых вещей, сложенных в амбаре боярина Н. И. Романова. На этом ботике Петр совершал свои первые плавания сперва по Яузе, а затем на Просяном пруду в Измайлове.

³⁵ Так называемая Пресбургская крепость, построенная в 1684 г. при личном участии двенадцатилетнего царя в Преображенских рощах на Яузе.

³⁶ См. выше, примеч. 34.

³⁷ Ростовским озером Ломоносов называет Переяславское озеро (близ Переяславля-Залеского, в 150 км от Москвы и в 60 км от Ростова), где Петр I побывал впервые в 1688 г. и где стали строиться затем суда, на которых он совершал учебные плавания. С 1691 г. он перенес эти упражнения на более удаленное от Москвы Кубенское озеро (*Богословский М. М. Т. I. С. 65—66, 74, 132, 134*).

³⁸ В предисловии к «Морскому регламенту» Петр I, вспоминая свое первое заграничное путешествие, рассказывает, как в Саардаме и Амстердаме работал на верфи рядовым плотником, «вдав себя в научение корабельной архитектуры» (*Богословский М. М. Т. II. С. 156*).

³⁹ 10 августа 1723 г. Петром I было устроено в Кронштадте своеобразное морское чествование ветхого Измайловского ботика (см. выше, примеч. 34), ставшего родоначальником русского военного флота. Ботик под императорским штандартом обошел всю эскадру, и все корабли приветствовали его артиллерийскими салютами.

⁴⁰ Переписи населения произведены были при Петре I трижды: в 1710, 1716—1717 и 1718—1724 гг. (*Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. 1952. С. 270—273*).

⁴¹ Безудержная эксплуатация крепостных помещиками, о чем красноречиво писал современник Петра I И. Т. Посошков (*Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1937. С. 253—254*), возрастающий с каждым годом налоговый гнет, частые рекрутские наборы и многочисленные натуральные повинности были причиной крестьянских побегов, которые приобретали все более массовый характер: перепись 1710 г. показала убыль тягловых крестьянских дворов на 20 % против переписи 1678 г., а перепись 1716—1717 гг. дала еще более плачевные результаты (*Спиридонова Е. В.*

Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. 1952. С. 270, 272). «Сыск оных беглецов» производился непрерывно в продолжение всего Петровского царствования; по этому предмету правительством был издан ряд указов, цель которых была одна: чтобы из податного населения никто «в гулящих не был», «без службы не шатался» и «без положения в оклад не остался». Ломоносов, идеализируя, по своему обыкновению, Петра I и приукрашая его деятельность, умалчивает о том, с какой варварской жестокостью производилось утверждение «каждого на своем жилище».

⁴² Подушная подать, введенная Петром I взамен подворного обложения, была действительно «известна», так как ограничивалась определенной денежной ставкой, однако, вопреки утверждению Ломоносова, оказывалась далеко не «легка». Достаточно сказать, что, кроме подушной подати, введено было и много других налогов (с продажи соли, огурцов, дубовых гробов, разведения пчел, точения ножей и топоров, ношения бороды и т. п.), что к уплате подати привлечены были такие категории населения, которые до тех пор не облагались (крестьяне дворцовые, государственные, черносошные, однодворцы, тяглые посадские и другие, а с 1723 г. и холопы), и что взималась подать со всех поголовно вне зависимости от их имущественного положения, «не обходя от старого до самого последнего младенца», не исключая «увечных и дураков» (*Лященко П. И. История народного хозяйства СССР [Л.], 1952. Т. I. С. 360—363; Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. С. 193—201, 274*). Не касаясь всего этого, Ломоносов не говорит и о самом главном, а именно о том, что за восхитившую его военную и преобразовательную деятельность Петра I расплачивались, в сущности, одни только демократические низы населения и прежде всего крестьянство, доведенное, в силу этого, к концу его царствования до «всеконечного разорения», граничившего с нищетой, тогда как в руках господствовавшего класса помещиков и нарождавшегося класса купцов накапливались тем временем все большие богатства.

⁴³ Варяжским морем Ломоносов называет Балтийское море, «покоренными» городами — Ригу, Ревель, Нарву и Выборг, «собственным трудом воздвигнутыми» — Петербург и Кронштадт.

⁴⁴ В 1698 г. было приступлено к прорытию Волго-Донского канала, но это предприятие было оставлено. Для соединения Петербурга с бассейном Волги в 1703 г. началось сооружение Вышневолоцкого канала, по которому в 1709 г. открылось движение. В 1718 г. с той же целью начали рыть обводный Ладожский канал (*Лященко П. И. История народного хозяйства СССР Т. I. С. 364—365*).

⁴⁵ В 1724 г. был утвержден первый русский таможенный тариф (Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. С. 365—366). Пошлинным сбором был обложен и весь внутренний товарооборот (Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. С. 247).

⁴⁶ О торговых договорах, заключенных при Петре I с иностранными государствами, см.: Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. С. 221—224.

⁴⁷ Сенат был учрежден в 1711 г., Синод — в 1721 г., первые девять коллегий — в 1717 г.

⁴⁸ Имеется в виду утвержденная в 1722 г. «Табель о рангах».

⁴⁹ Имеется в виду учреждение Петром I орденов Андрея Первозванного и Екатерины.

⁵⁰ «Официально, сухо, подозрительно и не приветливо встретила Петра Западная Европа, и первые впечатления, испытанные им при начальном знакомстве с нею, были неблагоприятны», — пишет новейший историк о проезде Петра I через прилегавшие к тогдашней русской границе прибалтийские владения Швеции (Богословский М. М. Т. II. С. 33). Уезжая 8 апреля 1697 г. из Риги, сам Петр в письме к одному из друзей характеризовал свое девятидневное пребывание в этом городе следующим образом: «Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением» (Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. I. С. 149).

⁵¹ О «многих противностях и неправдах», учиненных Петру I «во время его, государева, шествия через Ригу», говорилось в его указе от 19 августа 1700 г. об объявлении войны Швеции.

⁵² «Струями двинскими» Ломоносов называет Западную Двину, которую Петр I и его спутники, прибыв в Ригу 31 марта 1697 г., «обрели еще льдом покрыту» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. С. 147). 4 апреля начался ледоход, что и задержало Петра в Риге на девять дней. Вскрытие Двины сопровождалось давно не бывалым подъемом воды, которая «влилась в город Ригу, и многую škodu учинило и погребы многие залило». Несмотря на всю затруднительность переправы через разлившуюся реку, Петр I на три дня ранее всего остального посольства покинул Ригу. Во время осмотра рижских укреплений у Петра, соблюдавшего строгое инкогнито, произошло столкновение с крепостным караулом, который потребовал, чтобы русские удалились, и угрожал ружьями (Богословский М. М. Т. II. С. 24—25, 28—29). На это и намекает Ломоносов, когда говорит о спасении Петра «от устроенных коварств» и о «преодоленных им опасностях».

⁵³ 15 июля 1698 г. Петр I, находясь в Вене и готовясь к отъезду в Венецию, получил из Моск-

вы известие «о воровстве бунтовщиков-стрельцов». «Воровство» произошло в Торопецком уезде и заключалось в том, что находившиеся там четыре стрелецких полка, направлявшиеся на литовскую границу, отказались туда идти и, сместив командиров, двинулись на Москву. Это сообщение заставило Петра отменить путешествие в Венецию и вернуться на родину (Богословский. Т. II. С. 538—539). «Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела, — писал Петр 16 июля 1698 г. Ф. Ю. Ромодановскому, — однако сей ради причины [т. е. по причине стрелецкого бунта] будем к вам так, как вы не чаєте» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. С. 271).

⁵⁴ Под «самыми ближними» Ломоносов разумеет сестру Петра I, царевну Софью, его жену, царя Евдокию, и его сына, царевича Алексея.

⁵⁵ «Сам царь на крылосе пел и послания апостольские читал» — такие и подобные сообщения встречаются во многих источниках, в частности и в тех хорошо известных Ломоносову записях холмогорского летописца, где рассказывается о приездах Петра I на Беломорское побережье.

⁵⁶ В августе 1724 г. были перевезены из Владимира в Петербург останки Александра Невского. Петр со всем двором торжественно встречал их на Неве и сам перенес их сперва на свою галеру, а затем с галеры в церковь вновь учрежденного Невского монастыря.

⁵⁷ В походном журнале Петра I записано, что при вторичной осаде Нарвы русскими войсками, 6 августа 1704 г., во время богослужения было получено известие об обвале одного из крепостных бастионов, в силу чего часть рва оказалась засыпана (Журнал, или Поденная записка. Т. I. С. 86).

⁵⁸ Намек на прусского короля, который укрепил свое положение благодаря союзу с Россией во время Северной войны.

⁵⁹ См. выше, примеч. 3.

⁶⁰ Существовало предание, будто в 1684 г. Петр I, присутствуя с боярами на Пушечном дворе при стрельбе из пушек в цель и при метании бомб, подошел, несмотря на уговоры бояр, к пушке и сам поднес к ней горящий фитиль. Достоверно известно, что еще в мае 1683 г. одиннадцатилетний Петр, живя с матерью в Воробьеве, забавлялся «потешной огнестрельной стрельбой» из настоящих пушек (Богословский М. М. Т. I. С. 58).

⁶¹ Имеется в виду персидский поход Петра I и взятие Дербента 23 августа 1722 г.

⁶² См. выше, примеч. 4. О возвращении шпак пленным шведским генералам см.: Голиков. Деяния Петра Великого. Т. IV. С. 80.

⁶³ То есть преждевременная смерть.

⁶⁴ Вероятно, речь идет все о том же приглашении пленных шведов на победный пир (см. выше, примеч. 4 и 62).

65 Имеются в виду казни стрельцов в сентябре и октябре 1698 г.

66 Я. Я. Штелин сообщает, со слов И. А. Черкасова, что Петр I имел обыкновение вставать очень рано. Зимой он поднимался с постели в 4 часа утра, сразу принимался за дела, а в 6 ехал в Сенат, в Адмиралтейство или в какие-нибудь другие учреждения (*Stöcklin J. von. Originalanekd ten von Peter dem Grossen. Leipzig [Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Лейпциг], 1785. С. 325*).

67 То есть Эльба.

68 То есть Темза.

69 Цитируя этот отрывок, М. Н. Муравьев писал в 1783 г.: «Плиний Младший, который повод

подал к сему величественному воображению в своем панегирике (гл. IV), не умел облечь его сим блистанием, в котором видим его у Ломоносова, затем что искал только остроумных мыслей; и сию тотчас оставил, как исчерпнул блеск оной» (Опыт трудов Вольного российского собрания при Имп. Московском университете. Ч. VI. М., 1783. С. 20). Ср.: Письма Плиния Младшего. М.; Л., 1950. С. 360—361.

70 Речь идет о разлуке царевны Елизаветы Петровны с сестрой, герцогиней Голштинской Анной Петровной, уехавшей за границу в 1727 г. и там умершей.

Т. А. Красоткина, Г. П. Блок



ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Героическая поэма





Император Петр Великий в 1716 г.



**Его Высокопревосходительству, милостивому государю
Ивану Ивановичу Шувалову, генерал-поручику, генерал-адъютанту,
действительному камергеру, Московского университета куратору
и орденов Белаго Орла, Святаго Александра,
Святыя Анны кавалеру**

Начало моего великаго труда
Прими, Предстатель Муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя Российско слово,
И тем стремление к стихам давал мне ново.
5 Тобою поощрен, в сей путь пустился я¹:
Ты будешь онаго споспешник и судья.
И многи и сия дана Тебе доброта,
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит Твой и просвещенный ум,
10 Где мысли важныя и где пустых слов шум.
Мне нужен твоего рассудок тонкой слуха,
Чтоб слабость своего возмог признать я духа.
Когда под бременем поникну утомлен,
Вниманием Твоим восстану ободрен.
15 Хотя вослед иду Virgiliю, Гомеру;
Не нахожу и в них довольнаго примеру.
Не вымышленных петь намерен я богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.
Достойную хвалу воздать сему Герою
20 Труднее, нежели как в десять лет взять Трою.
О, естли б было то в возможности моей,
Беглец Virgiliев из отчества Еней
Едва б с Мазепою в стихах моих сравнился
И басней бы своих Virgiliй устыдился².
25 Улиссовых Сирен и Ахиллесов гнев
Вовек бы заглушил погранный ревом Лев³.
За кем же я пойду? Вслед подвигам Петровым
И возвышением стихов Геройских новым
Уверю целые вселенныя концы,
30 Что тем я заслужу Парнасские венцы,
Что первый пел дела такого Человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века⁴.
Хотя за знание служил мне в том галан,
Однако скажут все: я был судьбой избран.

- 35 Желая в ум вперить дела Петровы громки,
Описаны в моих стихах прочтут потомки.
Обильные луга, прекрасны бреги рек
И только где живет Российской человек
И почитаючи Россию все языки,
40 У коих по трудам прославлен Петр Великий,
Достойну для него дадут сим честь стихам
И станут их гласить по рощам и лесам.
О, как я возношусь своим успехом мнимым,
Трудом желаемым, но непреодолимым.
45 Однако ж я отнюдь надежды не лишен:
Начатой будет труд прилежно совершен.
Твоими, Меценат, бодрясь в труде словами,
Стремлюся на Парнас, как легкими крилами.
В разборе убежден о правоте Твоей,
50 Пренебрегаю злых роптание людей.
И естли в поле сем, прекрасном и широком,
Преторжется мой век недоброхотным роком,
Цветущим младостью останется умам,
Что мной проложенным последуют стопам.
55 Довольно таковых родит сынов Россия,
Лишь были б завсегда защитники такие,
Каков Ты промыслом в сей день произведен,
Для счастья наук в отечестве рожден.
Благополучная сияла к ним планета,
60 Предвозвещающая плод в Твои прекрасны лета.
В благодеяниях Твои проходят дни.
О, коль красно цветет Парнас в Твоей тени!
Для Музы моя Твой век всего дороже,
Для многих счастья продли, продли, о Боже.

Ноября 1 дня 1760 года

Песнь первая

Сокращение

Петр Великий, уведав, что шведские корабли идут к городу Архангельскому, дабы там учинить разорение и отвратить государев поход к Шлиссельбургу, отпустил войско приступать к оному. Сам с гвардиею предпринимлет путь в север и слухом своего приходу на Двинския устья обращает в бегство флот шведской. Оттуда простирая поход к осаде помянутой крепости по Белому морю, претерпевает опасную бурю и от ней для отдохновения уклоняется в Унскую губу. Потом, пристав к Соловецкому острову для молитвы, при случае разговора о расколе рассказывает государю настоятелю тамошних обители о стрелецких бунтах, из которых второй был раскольниковый⁵.

Пою премудраго Российскаго Героя,
Что, грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну,
5 Смирил злодеев внутрь и вне поправ противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных,
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил⁶.

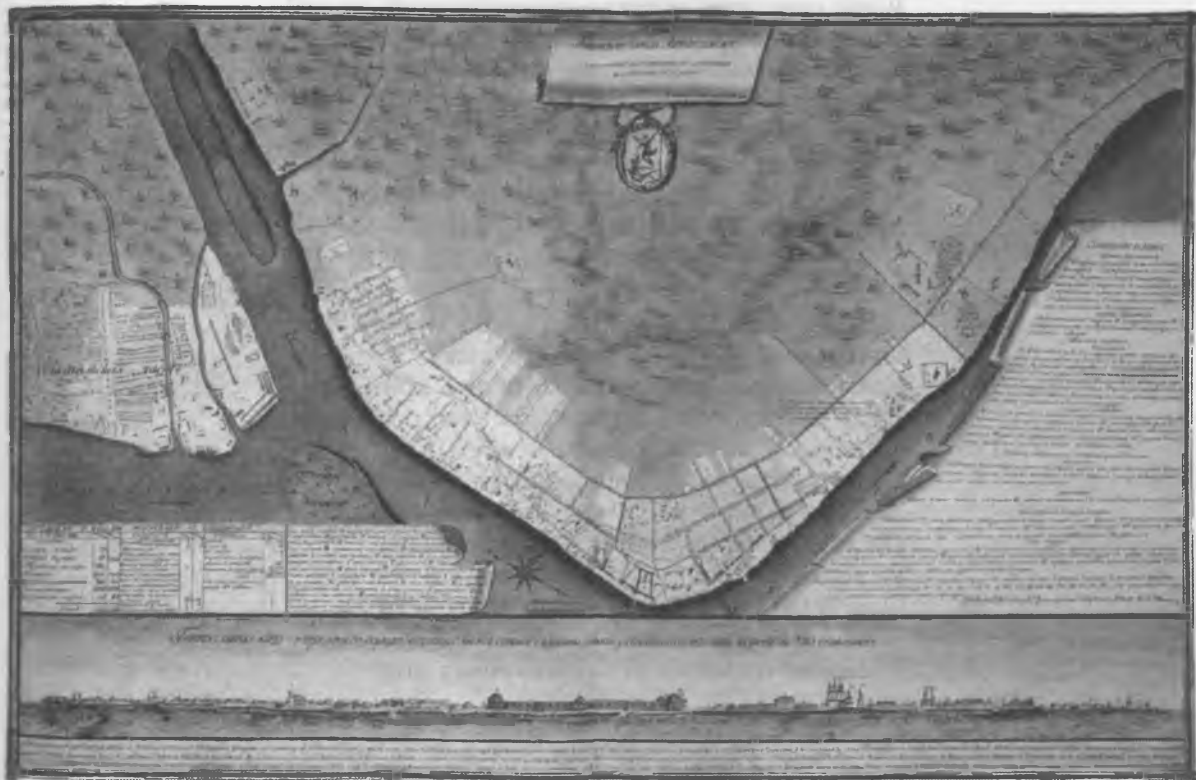
К тебе я вопию, Премудрость бесконечна⁷:
10 Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна
И полон ревности спешит в восторге дух
Петра Великаго гласить вселенной вслух
И показать, как Он превыше человека
Понес труды для нас, неслыханны от века⁸,
15 С каким усердием, Отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя.
Да на Его пример и на дела велики
Смотря весь смертных род, смотря земны Владыки
Познают, что Монарх и что отец прямой,
20 Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой,
Дабы Российский род вовеки помнил твердо,
Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мне просвети; делами Петр снабдит,
Велика Дщерь Его щедротой оживит.

25 Богиня⁹, коей власть владычеств всех превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише
И к подданным любовь всех высший есть закон,
Ты внемлешь с кротостью мой слабой лирной звон.
Склони, склони свой слух, когда я пред Тобою
30 Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! О земля! О тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте
И гласу моему со кротостью внимайте.

35 Уже освобожден от варвар был Азов;
До Меотиских Дон свободно тек валов,

Нося ужасной флот в струях к пучине Черной,
 Что создан в скорости Петром неимоверной¹⁰.
 Уже Великая покоилась Москва,
 40 Избыв от люгаго злодеев суровства,
 Бунтующих стрельцов достойной носле казни¹¹
 Простерла вне свой меч без внутренней боязни.
 От дерзкой наглости разгневанным Петром
 Воздвигся в западе войны ужасной гром¹².
 45 От Нарвской обуяв сомнительной победы,
 Шатались мыслями и войск походом Шведы¹³.
 Монарх наш от Москвы простер свой быстрый ход
 К любезным берегам полночных белых вод¹⁴,
 Где прежде меж валов душа в нем веселилась
 50 И больше к плаванью в нем жажда воспалилась¹⁵.
 О, коль ты счастлива, великая Двина,
 Что славным шествием его освящена!
 Ты тем всех выше рек, что, устьями своими
 Сливаясь в сонм един со безднами морскими,
 55 Открыла посреде играющих валов
 Других всех прежде струй пучине зрак Петров.
 О холмы красные и острова зелены,
 Как радовались вы, сим счастьем восхищенны!
 Что поздно я на вас, что поздно я рожден
 60 И тем толикаго веселия лишен?¹⁶
 Не зрех, как он сиял Величеством над вами
 И шествовал по вам пред новыми полками¹⁷,
 Как новы крепости и новы корабли,
 Ужасные врагам в волнах и на земли,
 65 Смотрел и утверждал¹⁸ противу их набегу,
 Грозящему бедой Архангельскому берегу,
 Дабы Российскую тем силу разделить,
 От Ингерских градов осады отвратить¹⁹.
 Но, вдруг пришествия Петрова в север слухом
 70 Смуться, пустились вспять унылы, томны духом²⁰.

Уже белея понт перед Петром кипит,
 И влага уступить, шумя, ему спешит.
 Там вместо чаянных бореи флагов Шведских
 Российские в зыбях взвевали Соловецких.
 75 Закрылись крайние пучиною леса;
 Лишь с морем видны вокруг слиянны небеса.
 Тут ветры сильные, имея флот во власти,
 Со всех сторон сложась к погибельной напасти,
 На запад и на юг, на север и восток
 80 Стремятся и вертят мглу, влагу и песок;
 Перуны мрак густой сверкая разделяют,
 И громы с шумом вод свой треск соединяют;
 Меж морем рушился и воздухом предел;
 Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел;
 85 В сердцах великой страх сугубят скрыпом снасти.
 Герой наш посреди великия напасти
 И взором и речью смутившихся крепит,
 Сквозь грозный стон стихий к бледнеющим гласит:
 «Мужайтесь! Промысл нас небесный искушает,



План города Архангельска

90 К трудам и к крепости на предки ободряет.
Всяк делу своему со тщанием внимай:
Опасности сея Бог скоро пошлет край».
От гласа в грудь пловцам кровь теплая влиялась,
И буря в ярости кротчае показалась.

95 Я мышлю, что тогда сокрыта в море мочь,
Желая отворотить набег противных прочь,
Толь страшну бурю им на пагубу воздвигла,
Что в плаванье Петра нечаянно постигла²¹.

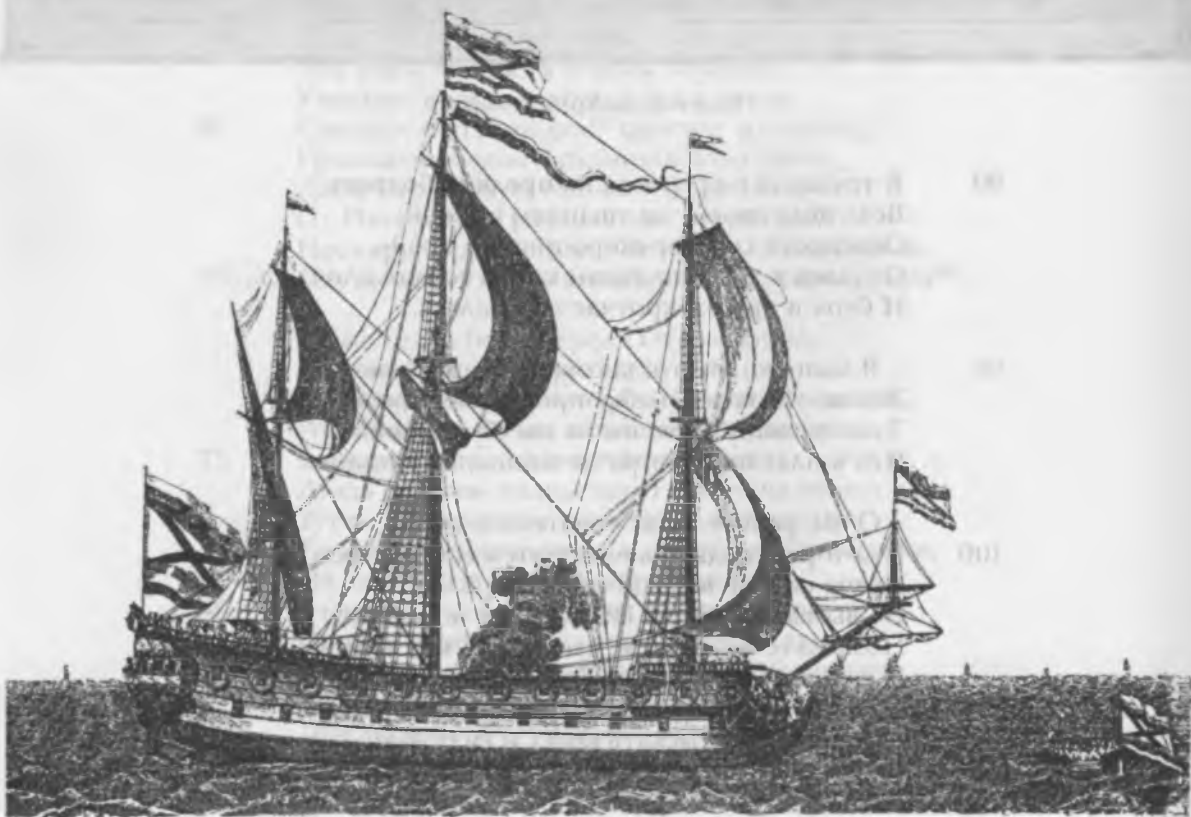
О вы, рачители и слушатели слов,
100 В которых подвиг вам приятен есть Петров,
Едина истина возлюбленна и сродна,
От вымыслов краса Парнасских неугодна;
Позвольте между тем, чтоб слаба мысль моя
И голос опочил, труды Его поя.

105 В Кастальски рощи я не с тем себя склоняю,
Что оным там сыскать красу и силу чаю:
Ключи, источники, долины и цветы
Не могут дел Его умножить красоты;
Собой они красны, собой они велики.

110 Отважась в долгий путь, где трудности толики,
Ищу, чтоб иногда иметь себе покой.

В убежища сии склонитесь вы со мной,
Дабы яснее зреть с высоких мест и красных
Петра в волнах, во льдах, в огне, в бедах ужасных
115 И славы истинной в блистающих лучах.
Какое зрение мечтается в очах?
Я на земли стою, но страхом колебаюсь
И чаю, что в водах свирепых погружаюсь!
Мне всякая волна быть кажется гора,
120 Что с ревом падает, обрушась на Петра.

Но Промысл в глубину десницу простирает;
Оковы тяжкия вдруг буря ощущает.
Как в равных разбежась свирепый конь полях
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах,
125 Однако, доскавав до высоты крутая,
Вздыхнул, кончает бег, льет токи потовые, —
Так север, укротясь, впоследни восстал.
По усталым валам понт пену расстилал;
Исчезли облака; сквозь воздух в юге чистый
130 Открылись два холма и береги лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
Убежище пловцам от беспокойных вод,



Корабль «Предестинация», построенный Петром в Воронеже в 1698—1700 гг.
С гравюры Схонбека. 1701 г.

- Где, в мокрых берегах крутятся, печальна Уна
Медлительно течет в объятия Нептуна,
135 В числе Российских рек безвестна и мала²²,
Но Предков роком злым Петровых прослыла:
Когда коварного свирепством Годунова
Кипела пролита невинных кровь багрова,
Как Праотцев Его он в север заточил,
140 Во влажном месте сем, о злоба! уморил²³.
Сошел на берег Петр и ободрил стопами
Места, обмоченны Романовых слезами.
Подвиглись береги, зря в славе оных Род.
Меж тем способной ветр в свой путь сзывает флог.
145 Он легким к западу дыханьем поспешает
И мелких волн вокруг себя не ощущает.
Тогда плывущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаванье сии слова вещал:
«Какая похвала Российскому народу
150 Судьбой дана — пройти покрыту льдами воду.
Хотя там, кажется, поставлен плыть предел,
Но бодрость подают примеры славных дел.
Полденный света край обшел отважный Гама
И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
155 Герои на морях Колумб и Магеллан
Коль много обрели безвестных прежде стран,
Подвигнуты хвалой, исполнены надежды,
Которой лишены пугливые невежды,
Презрели робость их, роптанье и упор,
160 Что в них произвели болезни, голод, мор.
Иное небо там и новыя светила,
Там полдень в севере, ина в магните сила;
Бездонный Океан травой, как луг, покрыт;
Погибель в ночь и в день со всех сторон грозит.
165 Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь свирепых ядов злее.
Лишает долгой зной здоровья и ума,
А стужа в севере ничтожит вред сама.
Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
170 От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы Россские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава²⁴.
Но ныне настает в войнах иная слава».
175 Надежды полный взгляд слова его скончал,
И бодрый дух к трудам на всем лице сиял.

- Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло;
Как пламенна гора казалось меж валов
180 И простирало блеск багровой из-за льдов.
Среди пречудныя при ясном солнце ночи
Верхи золотых зыбей пловцам сверкают в очи²⁵.
От севера стада морских приходят чуд
И воду вихрями крутят и кверху бьют,

- 185 Предшествуя Царю пространныя пучины,
Что двинулся к Петру, ошибкою повинный,
Из глубины своей, где царствует на дне.
В недостигаемой от смертных стороне,
Между высокими камнистыми горами,
- 190 Что мы по зрению обыкли звать мелями,
Покрытый золотым песком простерся дол,
На том сего Царя палаты и престол.
Столпы округ его — огромные кристаллы,
По коим обвились прекрасные кораллы;
- 195 Главы их сложены из раковин витых,
Превосходящих цвет дуги меж туч густых,
Что кажет укротясь нам громовая буря;
Помост из аспида и чистаго лазуря;
Палаты из одной иссечены горы;
- 200 Верхи под чешуей — великих рыб бугры;
Уборы внутренни — покров черепокожных²⁶,
Бесчисленных зверей, во глубине возможных.
Там трон — жемчугами усыпанный янтарь;
На нем сидит волнам седым подобен Царь,
- 205 В заливы, в океан десницу простирает,
Сапфирным скипетром водам повелевает.
Одежда Царская — порфира и виссон,
Что сильныя моря несут ему пред трон.
Ни мразы, ни Борей туда не досягают,
- 210 Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникают.
От хлябей сих и бездн владетель вод возник;
Воздвигли радостной морския птицы клик.
Он вслед к плывущему Герою обратился
И новости судов Петровых удивился:
- 215 «Твои, — сказал, — моря; над ними Царствуй век,
Тебе течение пространных тесно рек:
Построй великой флот; поставь в пучине стены».
Скончали пением сей глас его сирены.
То было, либо так быть надобно б сему,
- 220 Что должен Океан Монарху своему²⁷.
- Уже на западе восточными лучами
Открылся освещен с высокими верхами
Пречудных стен округ, из диких камней град²⁸,
Где вольны пленники, спасаясь, сидят,
- 225 От мира отделясь и морем и святыней
(Пример отеческих от древних лет пустыней),
Лишь только лишены приятнейших плодов
От древ, что подают и пищу и покров:
Не может произвести короткое их лето,
- 230 Снегами в прочи дни лице земли одето.
Сквозь мрак и сквозь туман, сквозь буйных ветров шум
Восходит к небесам поющих глас и ум.
К сим строгим берегам Великий Петр приходит.
Внимательный свой взор на здания возводит.
- 235 Из каменных бугров воздвигнута стена,
Водами ото всех сторон окружена,



А. Лагорио. «На берегу пустынных волн...»

- Его и воинов с веселием приемлет;
Стрельбе и пению пустыня купно внемлет²⁹.
Навстречу с ликом Фирс³⁰ усердствуя спешит
240 И, Гостя осенив, в восторге говорит:
«Благословен Твой путь Всевышнего рукою:
Могущество Его предходит пред Тобою.
Он, к сей с высот своих обители смотря,
Об имени своем возвеселит Царя.
245 Живущия Его в сем месте благодати
Причастны новыя Твои да будут рати». 179
Монарх, от Промысла избранный человек,
Вменил, что перед ним стоит Мельхиседек,
Победы прежния Его благословляет 180
250 И к новым торжествам духовно ободряет. 181

- Монарх, почтив труды и знаки чудных дел,
Строение вокруг и место осмотрел³¹,
Спросил Наставника: «Кто сими вас горами
Толь крепко оградил, поставя их руками?» — 182
255 «Великий Иоанн, Твой сродник и пример,
Что Россов превознес и злых Агарян стер. 183
Он, жертву принося за помощь в бранях Богу,

- Меж прочими и здесь дал милостыню многу:
 Пятьсот изменников, пойманных Татар,
 260 Им в казнь, обители прислал до смерти в дар.
 Работою их рук сии воздвиглись стены
 И, Праотцев твоих усердием снабденны,
 В холодной сей стране от бурь покров дают,
 Безмолвно бдение и безнаветен труд»³².
 265 Сие в ответ дал Фирс и, указав на слайды,
 Где церковь над врагом семь лет ждала победы,
 Сказал: «Здесь каменны перед стеной валы
 Насыпаны против раскола и хулы.
 Желая ереси исторгнуть, Твой Родитель
 270 Исправить церкви чин послал в сию обитель,
 Но грубых тех невежд в надежных толь стенах
 Не преклонил ни глад, ни должной казни страх.
 Крепились, мнимыми прельщенны чудесами,
 Не двинулись своих кровавыми струями,



Соловецкий монастырь

- 275 Пока упрямство их унизил Божий суд:
 Уже в церковной все послушности живут»³³.
 Монарх воспомянул, коль много от раскола
 Простерлось наглостей и к высоте престола;
 Вздохнув, повествовал ужасную напасть
 280 И властолюбную Софии хитрой страсть»³⁴.
 Ах, Музы, как мне петь? Я тех лишу покою,
 Которых сродники, развращены мечтою,
 Не тщились за Петром в благословенной путь,
 Но тщетно мыслили против Его дерзнуть.
 285 Представив злобу их, гнушаюсь и жалею,
 Что род их огорчу невинностью своею!
 Какой бодрит меня и луч, и жар, и шум
 И гонит в скорости смущенных гучу дум?
 С прекрасной высоты, с великаго Парнаса
 290 Наполнился мой слух пронзающего гласа.
 Минерва, Аполлон и девять сестр³⁵ зовут

- И нудят совершить священный спешно труд:
«Ты хочешь в землю скрыть врученно смысла золото?
Мы пегь тебе велим; и что велим, то свято».
- 295 Уже с горы глашу Богинь великих власть:
В спокойстве чтите вы предписанную часть.
Когда похвальных дел вы ходите по следу,
Не подражая в зле ни сроднику, ни деду,
Когда противна вам неправда, злоба, лесть
- 300 И в сердце царствует правдивость, совесть, честь;
Премена зла в добро явится дело чудно,
И за попрек хвалу вам заслужить не трудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцев,
Отнюдь отеческих достоинств не имев,
- 305 Не мните о себе, когда их похваляю:
Не вас, заслуги их по правде прославляю,
Ни злости не страшусь, ни требую добра;
Не ради вас пою: для правды, для Петра³⁶.
- «Пять крат³⁷ против меня, — Он сказывал, — восстала
- 310 И царствовать сестра чрез кровь мою искала.
Измена, с злобою на жизнь мою сложась,
В завесу святости притворной обвилась,
Противников добру крепила злы советы,
На сродников моих и на меня наветы.
- 315 Перед кончиною мой старший брат, признав,
Что средний в силах слаб и внутренне не здрав,
Способность предпочел естественному праву
И мне препоручил Российскую державу³⁸.
Сестра под образом, чтоб брат был защищен
- 320 И купно на престол со мною посажен,
В нем слабость, а во мне дни детски презирала
И руку хищную к державе простирала.
Но прежде, притворясь, составила совет,
К которому бояр и все чины зовет
- 325 И церкви гвердаго столпа Иоакима;
Душа его была от ней непобедима.
Коварную начав с притворной скорбью речь,
Свои принудила и прочих слезы течь:
«Когда любезного Феодора лишились,
- 330 В какой печали мы, о небо, погрузились!
Но сверх той вопиет естественный закон,
Что меньший старшему отъемлет брату трон.
Стрельцы и весь народ себя вооружают
И общей пагубой России угрожают.
- 335 Все ропщут: для чего обойден Иоанн?
Возложат на него убийством Царской сан!»
Познав такую злость, отвечивал Святитель:
«От жизни отходя, и Брат твой, и Родитель
Избрание Петра препоручили нам:
- 340 Мы следовали их Монаршеским словам»
Несклонного сего ответа ради гневна:
«С народом выбирать, — сказала им Царевна, —

- С народом выбирать, не запершись в чертог;
Повелевает вам и общество и Бог”
345 Толстой к Софиину и Милославской слову,
По особливому сошедшиися зову,
Согласно, дерзостно поборсговали ей,
Что нет правдивее премудрых сих речей.
Иоаким со всем представил купно ликом:
350 “Мы избрали Петра и сердцем и языком.
Ему здесь вручена державы вышней часть:
С престола низвести уже не наша власть.”
София, видя их против себя упорство,
Склонила замыслов к иной стезе проворство,
355 В надежде досягнуть своих желаний злых,
Совет дала венчать на Царство обоих.
Однако Патриарх отнюдь не колебался
И сими от того словами отказался:
“Опасно в обществе многоначальству быть,
360 И Бог мне не велел того благословить.”
И так, восстав от Ней, с Святителями отходит³⁹.
Софию страсть владеть в бесчувственности приводит.
Делят на скопищах Москву бунтовщики,
Готовясь ток пролить кровавые реки.
365 Предходит бешенство, и наглость, и буянство,
И едка ненависть, и вождь раздоров — пьянство;
Обсели улицы, торги и ворота;
На расхищение расписаны места.
Без сна был злобный скоп, не затворяя ока:
370 Лишь спит незлобие, не зная близко рока.
- Открылся тайный ков, когда исчезла тень;
Багровая заря кровавый вводит день.
Наруж выходит, что умыслила София
И что Советники ея велели злыя.
375 Уже изменники-стрельцы сбежались в строй
И Милославского орудие — Толстой;
Толстой в бунтующих шеренгах разъезжает
И дерзких ложными словами поощряет:
Кричит, что Иоанн, младый Царь, удушен
380 Нарышкиными, ах! толь горько умерщвлен.
Тогда, свирепствуя, жестокие тираны
Ударили везде в набат и в барабаны.
Светило вешних дней, оставя высоту,
Девятаго часа скрывало красоту⁴⁰.
385 Внезапно в ужасе Москва зрит изумленна
Оружие на Кремль спешаще и знамена.
Колеса тяжкие под пушками скрипят,
Глаза отчаянных кровавые горят.
Лишь дому Царского, что должны чтить, достигли,
390 Как звери дикие, рыкание воздвигли:
“На месть спешите нам Нарышкиных отдать,
Или мы станем всех бить, грабить и терзать.”
Бояре старшие, Матвеев, Долгорукой,
Представ давали в том стрельцам себя порукой,



А. Васнецов. Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII века

- 395 Что все волнуются, напрасно обуяв,
 Что Иоанн с Петром без поврежденья здрав
 И только лишь о сем смущении печален.
 Сим словом дерзкий бунт был несколько умален:
 Все ждали, чтобы им молодых Царей узреть
400 И, в дома возвратясь, спокойствие иметь.
 Увидев из своих чертогов то София,
 Что пресекаются ея коварства злыя,
 Подгнету⁴¹ буйности велела дать — вина,
 Чтоб, снова воспылав, горела внутрь война.
405 Тут вскоре, разъярясь, стрельцы, как звери дики,
 Возобновили шум убийственной музыки:
 Подобно как бы всю Москву съедал пожар.
 Царица, Мать моя, прошением Бояр
 Для утolenия всеобщия напасти
410 Презрев толь близкой рок, презрев горящи страсти,
 Выводит нас с собой на Красное крыльцо.
 Опасность, слезы, гнев покрыл ея лицо;
 И Брата и Меня злодеям показала
 И, чтоб покоились, со властью увещала.
415 Толпами наглые наверх взбегали к Нам
 И, мы ль то, кликали обоих по именам.



А. Прихорюв. Царица Наталья Кирилловна показываєт стрельцам царевичей Ивана и Петра

- Обличены вконец и правдой и присутствием,
Хотят оставить злость неправедну с бесгудством,
И часть бунтующих в обратной бьют поход⁴².
- 420 Царевна, усмотрев, что тихнет злобный род,
Коварство новое в погибель составляет
И искры яркие в сердца стрельцам всыпает,
Сказав им собственну опасность и боязнь,
Что завтра лютая самих постигнет казнь,
- 425 И те им отомстят, что ныне в оных воле:
Пропущены часы не возвратятся боле⁴³.
Как на полях пожар вначале утушен,
Но вдруг дыханием из пепла оживлен,
Сухой тростник траву в дни летни подает,
- 430 И пламень слабая препятства превышает, —
Подобно так стрельцы, страх с лютостью смешав
И поощрением злодейским воспылав,
В чертоги Царские насильно устремились,
Убийством, наглостью неистово вломились.
- 435 Царица, мать моя, среди такого зла,
Среди отчаянья едва спастись могла,
Где праотцев престол — в палату Грановиту,
Ко святости его и к Вышнему в защиту.
В чертогах жалкой стон, терзанье и грабеж,
- 440 И раздается крик: “Коли, руби и режь!”
Одни Софиины покои лишь свободны,
И двери варварам бунтующим не входны.
Для убийства не нужен был в них иск:
На сродников Моих направлен был их рыск.
- 445 Внезапно больший шум сердца в нас утесняет:
В злодейственных руках Нарышкин возрыдает.
Не мог его закрыть и жертвенник святой⁴⁴:
Летит на копия, повержен с высоты.
Текущу видя кровь, рыкают: “Любо, любо!”
- 450 Пронзенного подняв, сие гласят сугубо.
Сего невинный дух, предтеча к небесам,
Оставил тленну часть неистовым врагам.
Немедленно мечи сверкают обнаженны,
И раздробляются трепещущие члены!
- 455 Царицей посланных к стрельцам увещевать,
Чтоб, кровь сию пролив, престали бунтовать,
Подобной лютостью злодеи похищают,
На копия, с крыльца низвергнув, прободают.
Старейших стольников и знатнейших бояр
- 460 Подобный умертвил судьбины злой удар.
Там Ромодановской, о горькая кончина!
В последний раз взглянул на страждущего сына⁴⁵.
Там Долгорукаго почтенный сан и вид
Меж членами других окровавлен лежит.
- 465 И красноречием несчастливой Матвеев,
Котораго речью пронзалась грудь злодеев,
Убит, но в смерти жив: что бледная глава
Движеньем кажет уст не скончаны слова.
Коль много после них невинно пострадали;

- 470 С Царицыных очей злодеи дерзко брали,
На беззаконную влекли бесчестно казнь!
Скончался лютый день, осталась боязнь.
- О скорбный лютый день и варварством ужасный,
День Мне и сродникам для пагубы опасный!
- 475 Не помрачился он, как дерзостный Борис,
Сей смертоносной змей, Дмитрия угрыз,
Когда убивец злой вертел в гортани жало,
И сердце матерне, отчаясь, обмирало⁴⁶.
Мне чувства изострил мой собственной пример:
- 480 Лишь вспомню, вижу я, как злится изувер.
В младенческом уме взор лютый вкоренился,
И, ныне вспомянув, я духом возмущился;
Волнуется во Мне о том со гневом страх,
Как Рождьшая Меня, держа в своих руках,
- 485 Мой верх⁴⁷ и грудь Свою слезами обмывала.
Последняго часа, бледнея, ожидала,
Когда бесчувственной в продерзости злодей,
Гортани копием касаясь Моей,
Ревел: "Скажи, где брат, или Тебя и Сына
- 490 Постигнет в миг один последняя година."
О Промысл! В оной час ты чудо сотворил,
Злодейску руку прочь злодейской отвратил:
Из жаждущих Моей гибели сыскался,
Кто б о Моем тогда ж спасении старался⁴⁸.
- 495 В то время с Федором и Мартемьяном Лев,
По селам странствуя, скрывались меж дерев,
Вообразив своих невинну страсть, рыдали
И собственную смерть всечасно представляли⁴⁹.
Тогда почтенный муж, при старости Кирилл,
- 500 Последни Дед Мой дни в затворах тесных крыл,
Других, не своего терзания боялся,
Чтоб крови ток сынов пред ним не проливался⁵⁰.
В отчаянье, в тоске, в стенании, без сна
Подобна смерти ночь тогда провождена.
- 505 Стрегущих зверской взор и осажденных бледность
Изображали вдруг насилие и бедность.
Злодейской вольностью плененная Москва
Казалась в пропасти погребена жива.
Как неусыпный червь, тоска всем грызла груди,
- 510 Но с светом больше скорбь почувствовали люди.
Везде тревогу бьют. Мятежнический крик,
Наполнив слезный град, до облаков достиг:
Рыканья зверския неистово возносят,
Нарышкина на смерть, ярясь, Ивана просят.
- 515 Грозят, что скоро всех постигнет строгий рок,
Прольется по Москве и слез и крови ток.
Но не дошла еще несчастного година,
Еще на день тоску оставила судьбина.
По граду из Кремля рассыпался мятеж:
- 520 В рядах, в домах, в церквах насилие и грабеж.
Там жадность с наглостью на зло соединилась



Наталья Кирилловна
 Наталья Кирилловна
 Жена Государя Императора ПЕТРА ВЕЛИКОГО

И к расхищению богатства устремилась⁵¹.
 Презрение святынь, позор почтенных лиц,
 Укоры знатных жен, ругательства девиц:
 525 Лишение всего богатства превышали.
 В сердцах правдивых сгид превсходит все печали.

Коль вечера сего благословен был мрак,
 Что буйство прекратил и скрыл злодеев зрак.
 Уже, огляотясь весь день питьем излишним
 530 И из несчастливых домов богатством хищным,
 Шатаются, спешат своих достигнуть нор.
 Градски врата блюдет их стража и запор.

Царевна, усмотрев, что время протекает,
 А умысел ея конца не достигает,
 535 Стрельцам назавтрее велела приступать
 И, наглость с ковом злым начав соединять,
 К Царице шлет больших бояр для уговору,

- Чтоб брата и отца стрельцам дала без спору:
“Уже чинят приступ ко Красному крыльцу:
540 Без выдачи не быть смятения концу”
Для уважения в совете слов Боярских
Представила особ опасность Государских.
Нарочно якобы для утоления зла
Сама в Родившия Меня чертог⁵² пришла.
545 “Для собственной Твоей и для Детей избавы
Свирепы укроти стрельцов, — сказала, — нравы,
Спаси Себя и их, опасность отложи
И брата и отца для миру покажи.
Здесь дом Спасителей, защита есть велика,
550 Кто смеет их отнять от Божескаго лика?”⁵³
Последуя судьбе и лстивым толь словам,
Из потаенных мест Нарышкин входит в храм,
В слезах святой алтарь целует и объекает
И службе Божией усердным духом внемлет:
555 Готовится принять страдальческий конец.
“Невинность, — говорит, — рассудит сам Творец.”
Тут руки Мать Моя Царевнины лобзая,
Для братней пагубы всечасно обмирая,
Рыданием Свою перерывала речь;
560 Иссякнув, не могли уж слезы больше течь:
“Для отческой к тебе, супружней Мне любви
Не проливай еще Моей невинной крови,
Представь, что сей по мне и Алексею брат,
И дядя, и отец его оставших чад.”
565 София следовать велела за собою
Нарышкину к стрельцам, подняв его рукою
С притворной жалостью. Царица от тоски
Держалася другой Ивановой руки.
Как волки хищные на Агнца наскочили,
570 Стрельцы невиннаго внезапно ухватили,
Презрев Царицыных и власть и святость рук,
Бесчестно за власы влекут на горесть мук.
Меж тем сестра себя пред чернью извиняла,
Что братьей⁵⁴ кровью сей от смерти избавляла.
575 Царица вне Себя, не зная, что отец
В отсутствие ея неволей стал чернец,
Полуумершим вслед на брата смотрит взором,
Терпящаго толь зло мучение с позором.
Несчастливаго на торг злодеи привлекли
580 И ложны клеветы, оставя стыд, взвели,
Что будто по своей он безрассудной страсти
Монаршеской искал продерзости власти.
Без доказателей потом его, терзав,
На копья подняли и кинули стремглав;
585 Отсекли варварски и руки и главу,
По злости слышат все в народе уж молву⁵⁵.
Там верные рабы преступникам грозили:
“Вы горьку казнь себе изменой заслужили.
Вас мстительный пожрет неукосненно меч,

- 590 И крови, как воде, достойно вашей течь.
Начала только ждем: велика вся Россия
Исторгнет корень ваш за возмущенья злая”
Стрельцы, хотя рабам сулили дать свободу
И, крепости подрав, сказали то народу,
595 Однако никакой не следовал успех⁵⁶.
Уже уразумев, что трудно встать на всех,
Свирепость праздником всеобщим окончали,
На царство брата вдруг со Мною увенчали⁵⁷.
София воздала преступным мзду и честь
600 И грамоты Москвой на злых главах пронести
Велела в торжестве, чтоб скрыть свои затеи:
Безвинные звались по смерти их злодеи.
Побитых имена читались на столпах
И верным Отчеству в сердца вливали страх⁵⁸.
- 605 Едва сей бурный вихрь несчастьем укротился,
И Я в спокойствии к наукам обратился,
Искал, где знания сияет ясной луч,
Другая мне гроза и мрак сгущенных туч
От суеверия и грубости восходит



К. Лебедев. Царевич Петр Алексеевич и дьяк Зотов



К. Вещилов. Суд над протопопом Аввакумом

- 610 И видом святости сугубый страх наводит.
Ты ведаешь, раскол, что начал Аввакум
И Пустосвят-злодей, его сообщник дум,
Невежество почит⁵⁹ за святость старой веры,
Пристали ко стрельцам ханжи и лицемеры:
615 Хованской с сыновми и Мой, и церкви враг,
Не устыдился быть в совете побродяг.
Здесь⁶⁰ камни сношены к стенам на Капитонов⁶¹;
Там⁶² камни бросаны против святых законов.
О церковь! О святынь исполненный алтарь!
620 О, как дерзнула к вам коснуться злобна тварь!
Не можно их почесть в сообществе словесных,
Что смысл, и совесть их, и честь в пределах тесных.
Приносит службы долг муж свят Иоаким;
Мятежники вошли в храм сонмищем своим
625 К лицу Святителя для вредного раздора,
Скрывая крбмолу под именем собора.
Когда от дерзости их кротко отвращал
И мирной разговор о вере обещал,
“Ты волк, ты хищник злой”,— бесстыдно с шумом лают
630 И камнем в него и в клир его бросают.
От наглых Патриарх тогда еретиков
К Монархам принужден склониться был в покров»⁶³.

Песнь вторая

Сокращение

От Белого моря путешествуя, Петр Великий к Шлиссельбургу через Олонец осматривает горы и, приметив признаки руд и целительных вод, намеряется основать заводы, чтобы в близости производить металлы для новых войск и для флота. Нестройность Ладожского озера, пожирающего волнами снаряды и припасы, нужные к предприемлемому строению новаго великаго города и корабельной пристани на Балтийском море, подает Ему мысль соединить Волхов с Невою впредь великим каналом. Между тем Шлиссельбургская крепость уже в осаде, окружена новыми Его войсками и огнестрельными орудиями приведена в крайнее утеснение. Женской пол присылают из города просить о выпуске, на что отказано: российское-де войско не за тем город обступило, чтобы жен разлучить с мужьями. Между тем по учиненному приготовлению дан знак к приступу.

Мужественному и сильному нападению неприятель противится весьма упорно. Государь, увидев, что у приступающих к городу лестницы коротки, и шведы, обороняясь храбро, причиняют немалой вред россиянам, послал с указом отступить назад, чтобы после с новыми лестницами наступление учинить благополучнее. Посланному главной предводитель на приступе князь Голицын отвечивал, что уже большая трудность преодолена, а если снова приступ начинать, то больше людей потерять должно. После того вскоре, чиненным разорванным бревном сброшен с приступкой лестницы, упал замертво на землю. Между тем почти без предводительства россияне на город стали всходить, и шведы, спасения отчаясь, подают знак к сдаче. По вступлении оных выпущены из города по договору тремя учиненными во время приступа проломами.

- О войско славное, потомки тех Героев,
Что, следуя Петру по жатве многих боев,
635 Торжественные ввек приобрели венцы,
Отечество в земны прославили концы,
Я вашим мужеством в труде сем ободряюсь
И сердцем и умом меж вами обращаюсь:
Воюйте счастливо, сравните честь свою
640 Со предков похвалой, которую пою⁶⁴.
Военны подвиги Петровы начинаю,
В отцах и в дедах вам примеры представляю.
Неустрашимость их изобразит мой глас,
Что чувствуете вы наследственную в вас.
645 Ступая мужески в похвальные их следы,
Монархине своей приносите победы,
Где ваш оружный звук восходит до небес
И по путям везде растет лавровой лес.
Там Немень с Преглою, гам Висла, Одра, Шпреля⁶⁵,
650 Живое ваших дел мечтание имея,
Текут с почтением, как при Петре текли,
Где с трепетом Его встречали Короли.
И реки и поля вам к вечной славе двери
Отверзли, чувствуя Его в Великой Дщери.
655 Противныя страны геройством и трудом
Вы в собственной себе преобразили дом.
И солнце, к нам спеша в обратной колеснице,
Готовит новой блеск Российской багрянице:

- Чтоб нашей радостью украсить новый год,
660 Вторично угобзить успехами поход.
Дыханья нежные, рожденные весною,
Повеют, бодрому споспешествуя строю;
Прохладная роса от благовонных трав
К отраде вам прольет обилие забав.
665 Богатые плоды в дни летние пожните,
Монархине своей сторичный принесите.
Завистникам своим не оставляйте зерн;
Оставьте плевы⁶⁶ им, сухой тростник и терн.
Чтоб, чувствуя в груди язвление, их злоба
670 Несноснее почла затворов мрачных гроба;
Чтоб гордостью своей наказанный Берлин
Для беспокойства царств не умышлял причин
И помнил бы, что Петр ему был оборона:
Его десницею удержана Корона,
675 Чем ныне красится среди земных Владык:
Великим он Петром на свете стал велик⁶⁷.
Всех ныне дел Его имеет Дщерь наследство:
Пусть Карловых он дней себе представит бедство.
О, коль бы в жизни я благополучен был,
680 Когда бы действие усердых ваших сил,
Изобразив в водах прохладной Иппокрены,
Воспел, подвижники, с Петровыми сравненны,
Елисаветиных певцем бы стал побед;
Но ныне труд Петров к себе мой дух влечет.
- 685 Где Ладога в Неву вливает быстры воды,
Стеною огражден тут остров в древни годы.
Российска сей оплот поставила рука⁶⁸.
С негодованием шумела вокруг река,
Что проливалась в чужую власть насильно;
690 Спасенна ныне к нам несет дары обильно,
Во влаге начертав Петрова града⁶⁹ вид,
Что красит Дщерь Его, покоит и живет.
Блаженные струи брег туком напояют,
Прохладной влагой всю окрестность ободряют,
695 Защитникам своим похвальной внемлют стих,
Всю тягость позабыв отверженных вериг.
- В несчастье некогда Россия утомленна
Вечерних сих берегов крушилася лишенна,
Как Готские полки, для помощи пришед,
700 В противность нанесли странам Российским вред⁷⁰;
Как тягость сил своих Москву повергла книзу,
Дряхлея, сетуя, оделась в мрачну ризу,
Лишенна красоты Монаршаго венца,
Злосчастью своему не видела конца.
705 Измена, зависть, злость, раздор, братоубивство
Преобратили все в погибель, в кровопивство.
Исчезло истинных рачение похвал;
Везде свирепый рок отечество терзал,
Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревность,



К. Штейбейн. Петр Великий на Ладожском озере

- 710 Смотри на праотцев, на славну Россов древность,
Пресекла наконец победою напасть,
И обществом дана Петрову Деду власть.
Младый Монарх во град поверженный приходит
И на развалины плачевный взор возводит⁷¹.
- 715 Отрада Россов всех по скорби, Михаил,
О, как крушился Ты, рыдал и слезы лил!
Что мыслил Ты, ступив на высоту престола,
Стоящего среди плачевного всем дола?
Там храмов Божиих старинный труд — верхи
- 720 По стогнам и по рвам повергнули враги.
Еще восходит дым от хищного пожара,
И воздух огустел от побиенных пара.
На торжищах пустых порос колючий терн,
Печальной Кремль стоит окровавлен и черн.
- 725 Чертоги Царские, церковныя святыни
Подобно сетуют, как скучныя пустыни.
О горесть! Но Твоя великая душа,
В геройской младости утешить нас спеша,
Присутством и трудом печальных ободряет,
- 730 Отечество из бездн глубоких воздвигает.
К приумножению благословенных дней
Наследовал Тебе подобный Алексей.
Он Россам возвратил старинное наследство,

- Злодеев истребил и усмирил соседство⁷².
735 Обратно приобрести вечерняя страны
Петру Великому судьбой поручены.

- Уже Ореховец стесняется в осаде
И, в каменной крепясь, противится громаде⁷³;
Российским воинством отовсюду окружен,
740 Но Готской гордостью в надежде вознесен,
На бреги, на валы, на множество взирает
И, видя новые полки, пренебрегает.
К пособству призывать старается с границ,
Поставив знамена на высоте стрельниц⁷⁴.
745 Тогда Кексгольмская уразумев Корела
К осадным на судах прийти не укоснела.
Прибывшим воинством противник подкреплён
И пищей и ружьем избыточно снабден,
Все мысли устремил к жестокому отпору,
750 Надеясь получить от Карла помощь скоро⁷⁵.
Монарх наш, преходя Онежских крутость гор,
Свой проницательной кругом возводит взор



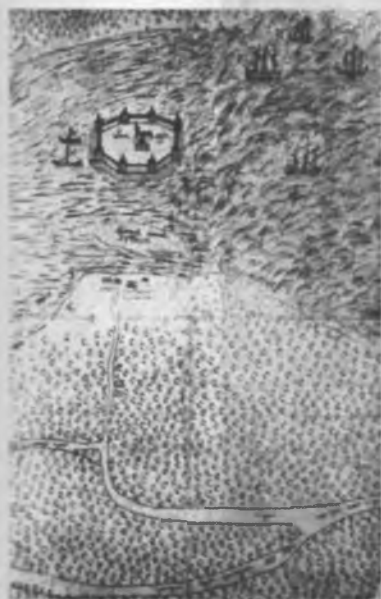
А. Моравов. Прорытие Ладожского канала

- И, видя, что из них исшедшие потоки
Несут из крутизны метбллически соки,
755 Богатства, здравия являются ключи,
Блестят из мрачных мест сокровищей лучи,
Сказал: «Ты можешь мне произвести, Россия,
Целебны влажности и жилы зология,
Но ныне для твоей бессмертной похвалы
760 Спешу против врагов чрез горы и валы.
Железо мне пролей, ражженной токи меди:
Пусть мочь твою и жар почувствуют соседи
И вспомнят, сколько нам произвели обид»⁷⁶.
Надеждой, ревностью блистал Геройской вид.
- 765 Принесши плод, земля лишилась летней неги;
Разносят бледной лист бурливых ветров беги;
Легит с крутых верхов на Ладогу Борей,
Дожди, и снег, и град трясет с седых кудрей,
Наводит на воду глубокия морщины:
770 Сквозь мгу ужасен вид нахмуренной пучины.
Смутившись тягостью его замерзлых крыл,
Крутится и кипит с водой на берег ил.
Волнами свержены, встречают гору волны
И скачут круг нея, печальных знаков полны⁷⁷;
775 Между запасами⁷⁸ колеблется там дуб,
Между снарядами пловцев Российских труп.
Там кормы, дна судов рассыпаны, разбиты.
Монарх, узрев в пути, коль злобен рок несытый,
Вздыхнул из глубины и буре запрещал
780 И в сердце положил великий труд — Канал,
Дабы Российской могущею рукою
Потоки Волхова соединить с Невою.
- О реки близкия, но прежде разделенны,
Ликуйте, тщанием Петровым сопряженны;
785 Струями по тому ж играючи песку,
Забудьте древнюю друг о друге тоску.
Вливайте вы себе взаимную отраду,
Благодаря, плоды к Его носите граду.
На свой ты, Волхов, рок негодовал в пути,
790 Что не в Неву тебе, но в Ладогу идти
Судьбой поставлено и бурями терзаться
И, силы потеряв, едва в нее вливаться.
Коль часто ты вздыхал, чтоб вкупе завивать
Струи и в море вдруг течение скончать.
795 Ты выше берегов, смущаясь, поднимался,
То под землей сыскать ход тайной покушался.
Везде против любви поставлен был оплот:
Не мог ты одолеть ни хлябей, ни высот,
Пока Великий Петр, презрев упругость рока,
800 Тебе дал путь и нам довольство от востока⁷⁹.

Он, оком и умом вокруг места обшед,
Избранные полки к Ореховцу ведет.

- Животворящему Его прихода слуху
От Ладоги в Неву флот следует посуху⁸⁰.
805 Могущих Российских рук не воспящает лес;
Пример изображен тут Ольговых чудес:
Пред Цареградскими высокими стенами
Он по полю в ладьях стремился парусами⁸¹.
810 Здесь вместо ветра был усердый наших дух,
И вместо парусов спяженны силы вдруг.
Уже суда, ходя по собственной стихии,
На Шведской брег везут защитников России:
Там тысяча мужей, преправясь чрез Неву,
Надежду подают к победам, к торжеству⁸².
815 На ров, на вал бегут, врагами укрепленный,
Даются Шведы в бег, от Россов уstraшенны⁸³.
И Шереметев, став на оном берегу,
Отвсюду запер путь к спасению врагу.
Уже к начальнику под крепость посылает,
820 Свободной выход всем без бою обещает,
Что им против Петра не можно будет стать,
Напрасно кровь хотят отвсюду проливать,
И сдача города не будет им зазорна⁸⁴.
Но Готы, помощи надеясь от Горна,
825 Сказали: от него приказу к сдаче ждут.
На лживой их ответ громады вдруг ревут⁸⁵,
Пылают всех сердца, присутствием ражженны,
От сил их потряслись упорства полны стены.
Обширность воздуха курению тесна,
830 И влажная огнем покрыта быстрина.
Гортани медная рыгают жар свирепый;
Пылая, зелие железны рвет заклепы.
Представь себе в пример стихий ужасный спор,
Как внутренность кипит воспламененных гор,
835 Дым, пепел и смола полдневну ясность кроют,
И выше облаков ражженны холмы воют,
Трещат, расседавшись во облачной воде,
Сугубят гром и страх, сражаясь в высоте,
Грознее, как в земном ярились прежде чреве.
840 В таком трясении, во пламени и реве
Стоит, отчаявшись, противу Росса Швед,
В ничто вменяет кровь и презирует вред⁸⁶.
Однако в пагубе, в смятении великом
Подвигнут женским был рыданием и криком.
845 Растрепанны власы и мертвость бледных лиц,
И со младенцами повергшиися ниц
Мужей к смягчению Россиян преклоняют.
Уже из крепости с мольбою присылают:
«Избавьте от страстей, от бедства слабых жен,
850 И дух ваш на мужчин пусть будет изощрен.
Из нужной тесноты дозвольте им свободу;
Являйте мужество крепчайшему их роду».
От предводителя осады⁸⁷ дан ответ,
Что толь свирепаго у Россов нраву нет:
855 Между супругами не учиняг разлуки;

- Вы, вместе выступив из стен, избавьтесь муки.
 С отказом зашумел из жарких тучей град,
 Перуны Росские и блещут и разят⁸⁸.
 Напрасно издали противны подъезжают
 860 Осадных выручать: ни в чем не успевают⁸⁹.
 Готовится везде кровопролитной бой,
 И остров близ врагов под нашей стал пятой⁹⁰.
 Приемлет лестницы охотная дружина;
 Перед очами их победа и кончина⁹¹.
 865 Иным летучей мост к течению готов⁹²,
 Иные знака ждут меж Ладожских валов.
 Дивятся издали в стенах градских пожару,
 Призывного на брань не слышавши удару.



Штурм шведской крепости Нотебург 11 октября 1702 года

- Как туча грозная, вися над головой,
 870 Надута пламенем, сокрывшимся водой,
 Напрягшуюся внутрь едва содержит силу,
 Отъемлет, почернев, путь дневному светилу,
 Внезапно разродясь, стисняет громом слух,
 И воздух, двигаясь, в груди стесняет дух,
 875 Сугубят доли звук и пропасти глубоки,
 И дождь и град шумит, и с гор ревут потоки, —
 Земля, вода, леса поколебались так,
 Когда из многих вдруг жерл медных подан знак,
 И Ладога на дне во глубинах завывала⁹³.
 880 Стоящая на ней самоизвольна сила,
 Удара и часа урочного дождав,
 Спешит на подвиг свой, на положенье глав;
 Им к разным путь смертям, течение прекрасно
 Представь себе, мой дух, позорище ужасно!

- 885 От весел шум и скрип, свист ядр и махин рев
Гласят противникам Петров и Божий гнев.
Они, упрямым злым еще ожесточенны,
Покрыв смертельными орудиями стены,
Судьбину слятся на время отвратить
890 И смертью Росскою свою смерть облегчить.
Как вихри сильные, стесненные грозою,
Полки Российские сперлися пред стеною⁹⁴.
К приступу Карпов, вождь Преображенских сил,
Всех прежде начал бой, всех прежде смерть вкусил,
895 Свинцом лежит пронзен сквозь чрево и сквозь руку,
Бьючись дал знать с душой и с храбростью разлуку⁹⁵.



Клаар. Князь Голицын подносит Петру I ключи от взятого им Нотебурга

- Сквозь дым, сквозь кровавых сверканье мечей
Вперяет бодрых Петр внимание очей
И лестниц краткость зрит, поставленных к восходу,
900 В приступе Своему губительну народу:
Не могут храбрые стен верху досягнуть
И гщегно верную противным ставят грудь,
Стремясь отвратить ражение их встречно.
О, коль велико в Нем движение сердечно!
905 Геройско рвение, досада, гнев, и жаль,
И для погибели удалых глав печаль!
Смотря на воинства упадок бесполезный,
К стоящим близ Себя возвел зеницы слезны:
«Что все добрых Мне,— сказал,— сынов губить?»
910 Голицыну спеша велите отступить»,
Примером показал Монарх наш, что Герои
Не радости чтут кровопролитны бои;
И славных над врагом прибыточных побед
Покрытый трупами всегда прискорбен след⁹⁶.

- 915 Меж тем подвижники друг друга поощряют
И лестниц мужеством короткость дополняют.
Голицын, пламенем отсюда окружен,
Сказал: «Мы скоро труд увидим совершен;
920 Чрез отступление от крепости обратно
В другой еще приступ погибнет войск двукратно.
И если Государь желает город взять,
Позволил бы нам бой начатый оканчать»⁹⁷.
С ответом на стену пред всеми поспешает,
Солдатам следовать себе повелевает:
- 925 «Бесчестен в свете вам и смертен здесь возврат;
Преславно торжество, конец ваш будет свят.
Дерзайте мужеством отечество прославить,
Монарха своего победою поздравить».
На копья, на мечи, на ярость сопостат,
- 930 На очевидну смерть Россияне летят.
Противники огнем разят и влажным варом,
Железом, камнями, всех тягостей ударом.
На предводителя поверженно бревно
Свирепым зелием упало ражжено⁹⁸.
- 935 Он, сринут, побледнел меж трупами бездушных
И томным оком зрит оружников послушных;
Еще старается дать к твердости приказ,
Еще пресеченный болезнью нудит глас.
Ревнители его и слову и примеру,
- 940 Держа в уме Царя, отечество и веру,
Как волны на крутой теснятся дружно брег,
Вспященный крутизной возобновляют бег,
До прежней вышины от низу встав, ярятся,
И скачущих верхи кудрявые крутятся,
- 945 Старинных корни древ и тяжки камни рвут.
С обеих сторон стоял сомненный рока суд.
Меж тем ревнительны сердца к звездам восходят,
Святаго с горних мест Героя в мысль приводят.
Поборник Александр издревле сих берегов
- 950 Зрит, грозно ополчен над ними, на врагов.
Уже высокий исход с землей быть мнится равен,
И Ярославов сын, среди зарей преславлен,
Являя сродный зрак Великаго Петра,
Оружием звучит чистейшим серебра.
- 955 Святою силою противных устрашает,
Россиян важностью десницы укрепляет.
Защиту древнюю от сильного плеча,
Броней, копья, щита, и шлема, и меча
Вспомнянув, места веселый плеск воздвигли,
- 960 Что избавления желанного достигли,
Достигли наконец желанных тех времен,
Что паки Александр для них вооружен.
- В священной дерзости то представляет воин,
По мыслям, по делам бессмертия, достоин,
- 965 Высок усердием, надеждою легок,
Чрез мертвые тела на свой ступает рок.
По крепких подвигах, к успеху не удобных,

- И по волнениях противных и способных
 970 Вливаются на стен кровавых высоту,
 Наводит на врагов боязнь и тесноту.
 Наполнился весь град рыдания и плача⁹⁹.
- Уже не Нарвская, о Готы, вам удача,
 Не местничество здесь и не оплошной Крой.
 Не старой брани вид, не без порядка строй:
 975 Великий правит Петр рожденное им войско,
 И Шереметева рачение Геройско
 Отмщеньем дышущих бодрит напор сердец,
 Увидев крепости в сражении конец,
 Вы неизбежну смерть покорством предварили
 980 И белой к сдаче знак по ветру распустили¹⁰⁰.
 Умолкнул грозный звук со обеих сторон,
 Лишь слышен раненых плачевный вой и стон.
 Вандалы выпуску с военной честью просят
 И городских ворот ключи Петру приносят,
 985 На Победителя в восторге взводят взор
 И укрепляют свой о сдаче договор.
 Коль радостная там, коль красная премена!
 Уж веют на стенах Российския знамена,
 Изображаются, Нева, в твоих струях.
 990 Тимпанов мирный шум при радостных трубах
 Забыть велит сердцам минувших тучей громы;
 И Шведы тщатся в путь в свои достигнуть дома.
- Обычай воины из древних лет хранят,
 Чтоб храбрых почитать по сдаче сопостат:
 995 Признаки мужества в руках их оставляют
 И славу тем своей победы уважают.
 Победоносец наш жар сердца отложил
 И первый кротостью успех свой посвятил:
 1000 Снабдил противников к отшествию судами.
 Оставив стену, зрят прискорбными очами.
 Распущенны на ветр знамена, трубный шум
 Печальной радостью теснят их вольной ум.
 На волю им пути прискорбны — стен проломы,
 Что отворили им из рук Российских громы.
 1005 По грозным толь страстям и по таком труде
 Начало чувствуют предбудущей беде.
- В Отечестве сказать сей случай поспешайте,
 И побежденны быть от Россов привыкайте.
 Скажите ваш домой почтительный возврат,
 1010 Что выпущены вы пространством новых врат¹⁰¹.
 И Карлу вашему победу возвестите,
 Что Петр, Отечеству и к славе, и к защите
 Над вами получив, наследство возвратил
 И ближе к Швеции простер шум урлих крил.
 1015 Пускай в Германии Герой ваш успевает,
 Отверсты города свободно протекает,
 В рожденной счастьем кичливости своей
 Низводит с высоты и взводит Королей;



Флот Петра Первого

1020 Пусть дерзостно спешит, как буйный ветер, к востоку
И приближается к предписанному року¹⁰².
Не найдет Дария, чтоб Александром стать;
Не спорит меж собой развратна прежде рать:
Петрову новому учению послушны,
Россияне стоят в полках единодушны.
1025 Движением Своих величественных сил
Народу новый дух и мужество вложил.
Восток и Океан его послушен слову:
Карл пышностью своей возвысит честь Петрову.

1030 Разливы Невские на устьях шумят
И течь Россиянам во сретенье хотят.
Там Нимфы по брегам в веселии ликуют,
И в осень Зефиры между древами дуют,
Вменяя, что лице земное расцвело.

1035 Тогда возвел Монарх веселое чело
К начальникам своих победоносных ратных,
Что видит в целости другув своих обратных.

Отрада всех живит, стократно выше бедств.
Отвсюду слышен глас желаний и приветств:
«Уже нам, Государь, Твоими в запад персты
1040 Врата для подвигов торжественных отверсты,
И промысл дал Тебе земли и моря ключ:
По их обширности распростирай Свой луч.
Нам сносны все труды и не ужасны смерти,
Лишь только бы Твоих врагов гордыню стерти,
1045 Отечеству подать довольство, честь, покой
И просветить народ, как дух желает Твой».
Усердным толь речам Петр радостно внимает,
Но, к городским стенам приближась, воздыхает,
Смотря на разныя повержения тел,
1050 Кому как умереть предписан был предел;
Прощается у них печальными устами:
«О други верные, я вашими кровями
И общих и Своих преодолел врагов;
Небесных радуйтесь сподобившись венцов.
1055 Примером с высоты другим по вас сияйте
И мужество в сердца полкам Моим вливайте».
Рыдание конец был жалкой речи сей,
И манием дал знак к сокрытию костей.

1060 Чрез стены проходя, от древности наследны,
Что были долго нам от межусобства вредны,
Он оком облетел преодоленный град;
Рассматривает Сам все множество громад:



Н. Блинов. Взятие шведских судов «Гедан» и «Астрильд» 7 мая 1703 г. в устье Невы

- Между различными едина изваянна
Великим именем являет Иоанна¹⁰³.
1065 Сей бодрый Государь в Россию первый ввел
На бранях новый страх земных громовых стрел.
Неслыханны пред тем и сильные удары
Почувствовав ог нас против себя, Татары
Вовек отчаялись над Россами побед:
1070 Скончался с гордостью Ордынскою Ахмет.
Сие старинное орудие военно
В смущенны времена осталось плененно¹⁰⁴.
На выгоды свои, на знаки наших бед
Смотря с веселием, тогда гордился Швед.
1075 Теперь против него обратно пусть пылают
И вместо радости во брани устрашают.
Коль многи тягости оружий роковых,
Что в приступлении вредили нас и их,
Лежат по улицам и бомб и ядер кучи,
1080 Наметанные там из грозной Россов тучи.
Меж целыми число расседшихся громад,
Что выше сил своих на нас пускали град.
Там потрясенный дом на дом другой склонился,
Иной, на улицу повержен, разрушился,
1085 По всходам, по стенам, по кровлям — угли, прах
Показывают вид, каков был самой страх.

- О смертные, на что вы смертию спешите?
Что прежде времени вы друг друга губите?
Или ко гробу нет кроме войны путей?
1090 Везде нас тянет рок насильством злых когтей!
Коль многи, вышедши из матерней темницы,
Отходят в тот же час в мрак черныя гробницы!
Иной усмешкою отца повеселил
И очи вдруг пред ним вовеки затворил.
1095 Готовому вступить во брачныя чертоги
Пронзает сердце смерть и подсекает ноги.
В середине лучших лет иной, устроив дом,
Спокойным говорит, лстясь здрав пребыть, умом:
«Отныне поживу и насладюсь трудами», —
1100 Но час последний был, скончался со словами.
Коль многи обстоят болезни и беды,
Которым, человек, всегда подвержен ты!
Кроме что немощи, печали внутрь терзают,
Извне коль многия напасти окружают:
1105 Потопы, бури, мор, отравы, вредный гад,
Трясение земли, свирепы звери, глад,
Падение домов и жрущие пожары,
И град, и молнии гремящие удары,
Болота, лед, пески, земля, вода и лес
1110 Войну с тобой ведут и высота небес.
Еще ли ты войной, еще ль не утомился
И сам против себя вовек вооружился?
Но оправдал тебя военным делом Петр.
Усерд к наукам был, миролюбив и щедр,

- 1115 Притом и меч простер и на море, и в поле.
Сомнительно, чем Он, войной иль миром боле.
Другие в чести храм рвались чрез ту вступить,
Но ею он желал Россию просветить.
Когда без оныя не ввел к нам просвещений,
- 1120 Не может свет стоять без сильных вооружений.
На устиях Невы его военный звук
Сооружал сей град, воздвигнул Храм наук!
И зданий красота, что ныне возрастает,
В оружии свое начало признавает.
- 1125 Посмотрим мысленно на прежни времена:
Народам первенство дает везде война.
Науки с вольностью от зверства защищает
И храбрых мышцею растит и украшает.
Оружие дано природою зверям;
- 1130 Готовить хитростью судьба велела нам.
Народы дикие, не знаючи науки,
Воюют пращами и натягают луки.
- Открой мне бывшая, о древность, времена!
Ты разности вещей и чудных дел полна.
- 1135 Тебе их бытие известно все единой:
Что приращению оружия причиной?
С натурой сродна ты, а мне натура — мать:
В тебе я знания и в оной тщусь искать.
- Уже далече зрю в курении и мраке
- 1140 Нагово тела вид, неясственный в призраке.
Простерлась в облака великая глава,
И ударяют в слух прерывныя слова:
«Так должно древности простой быть и не ясной,
С народов наготой, с нетщанием согласной!»
- 1145 Велит: «Ты зрение по свету обведи
По мест различности, и веки рассуди,
И мыслями обратись на новые народы».
Простерла руку вдаль из облаков чрез воды:
«Там вместо знания военных всех наук
- 1150 Довольна мнится быть едина твердость рук;
Там знают напрячься коленом и бедрою,
Нагая грудь и лоб, броня и шлем есть к бою;
Иные, камни взяв с земли, друг друга бьют,
Сломив уразину¹⁰⁵, нагия члены рвут.
- 1155 Дреколия концы огнем там прижигают
И, заостривши их, противников пронзают.
Там тучи страшныя на воздуха предел
Терновых, костяных, железных воют стрел.
При накрах¹⁰⁶ движут дух свирели, барабаны,
- 1160 И новость стен трясут пороки и тараны¹⁰⁷.
Но инде с ужасом трудолюбивой ум
Услышал для войны огня приличной шум.
Европа тем гремит, сама в себе пылая;
Коль часто фурия свирепствует в ней злая!

- 1165 Кровавая война от века так течет,
Так хитрость бранная от первых дней растет,
Рок кровью присудил лице земли багровить;
Монархам надлежит оружие готовить.
Ваш Петр за широту пределов меч простер,
1170 Блаженству Росскому завистующих стер.
И ныне Дщерь торжеств бессмертность утверждает,
Огней ражение искусством умножает.
Елисаветины военные дела,
Как мирные, вовек венчает похвала».
- 1175 Уже Россияне мест дряхлость очищают
И рухлость стен, стрелниц прилежно укрепляют:
Дабы лежащий град восстал и был готов
Оружие поднять и отвратить врагов¹⁰⁸.
Преславный в путь вступил Вандалов¹⁰⁹ Победитель
1180 Во град, где Праотцы и храбрый где Родитель
Оставили своих заслуг великих знак¹¹⁰.
Коль радостен там был Москвы священный зрак!
- Но, муза, помолчи, помедли до трофеев,
Что взяты от врагов и внутренних злодеев:
1185 Безмерно больше труд на предки настоит,
Тогда представь сея Богини светлый вид.



Шкиперское платье Петра Великого

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано — первая песнь отдельным изданием в декабре 1760 г., вторая песнь, тоже отдельным изданием, — в июле 1761 г.

Датируется предположительно 1756—1761 гг. В сводном отчете о своих «трудах и упражнениях в науках» за время с 1751 по 1756 г., поданном президенту Академии наук не ранее 28 октября 1756 г., Ломоносов, перечисляя работы, выполнявшиеся в этом году, написал: «Сочиняю героическую поэму, именуемую „Петр Великий“». Таким образом, к созданию поэмы он приступил не позднее октября 1756 г. И. И. Шувалов утверждал впоследствии и, как увидим, не без основания, что это он «заставил» Ломоносова «сделать этот опыт для императрицы» (Москвитянин. 1852. № 20. Кн. 2. Отд. IV. С. 60). В январе 1757 г. Ломоносов продолжал, должно быть, писать поэму, о чем свидетельствует его выступление 10 января этого года в Академическом собрании, где он заявил, что намерен издать ее в свет. Однако, хоть, по словам Я. Я. Штелина, Ломоносов и «положил себе за правило ковать ежедневно по тридцати стихов» (Москвитянин. 1851. № 2. Кн. 2. С. 209), работа над поэмой шла медленно и с очень большими перерывами. В конце ноября 1757 г., прося Шувалова о повышении по службе, Ломоносов писал ему, что «оним новая кровь в жилы мои волеется к совершению начатого героического описания трудов Петровых, которых окончание выше всех благополучий в жизни моей почитаю». Отсюда следует, что поэма к этому времени была еще только начата и далека от окончания. Продолжалась ли работа над ней в 1758 г., мы не знаем, в следующем же, 1759 году, Ломоносов ею, безусловно, не занимался, в чем убеждает его отчет за этот год, где он подробно перечисляет все свои поэтические труды: поэмы о Петре в этом перечислении нет. В записке, поданной Шувалову в начале 1760 г. в связи с ходатайством Ломоносова о назначении его вице-президентом Академии, Ломоносов говорит, что это «ободрит» его «к сочинению в один год Петриады». Хотя просимого назначения, как известно, не последовало, но Ломоносов в самом деле вернулся в этом году к работе над поэмой и, судя по дате посвящения, к 1 ноября 1760 г. (день рождения Шувалова) окончил писать первую песнь. В конце того же года он

приступил к сочинению второй песни. Ее начало написано, бесспорно, в декабре 1760 г., что видно из содержания стихов 657—659:

И солнце, к нам спеша в обратной колеснице,
Готовит новой блеск Российской багрянице,
Чтоб нашей радостью украсить новый год.

Такие стихи могли быть написаны только в промежуток времени между зимним солнцестоянием (11 декабря) и Новым годом. К половине 1761 г. вторая песнь была окончена: в июле этого года она, как пояснено ниже, была уже напечатана. Ломоносов оказался прав, назвав свою поэму «трудом желаемым, но непреодолимым» (см. Посвящение): дальше второй песни дело не пошло. Поэт В. П. Петров, современник Ломоносова, пять лет спустя после его смерти упоминал в довольно туманных выражениях про «оставшуюся после Ломоносова третью песнь» (Эней. Героическая поэма Публия Виргилия Марона. Переведено с латинского Васильем Петровым. Предупреждение. С. [3]), но это заявление опровергается словами самого Ломоносова, который в «Росписи» своих трудов, написанной примерно за год до смерти, указал вполне определенно, что сочинил только «две героические песни о делах Петра Великого». По сообщению Шувалова, Ломоносов оставил работу над поэмой оттого, что «был много занят, и время для фантазии было очень близко» (Москвитянин. 1852. № 20. Кн. 2. Отд. IV. С. 60). Последние слова надо понимать так, что Петровская эпоха была, мол, тогда хронологически еще слишком близка, чтобы дать волю творческому воображению. Это едва ли справедливо. Вернее думать, что помешала Ломоносову, с одной стороны, болезнь, а с другой стороны, та тяжелая служебная обстановка, в которой протекали последние четыре года его жизни. Но как бы то ни было, «наш Пиндар, — говоря словами К. Н. Батюшкова, — кончил жизнь, поэмы не скончав» (Сочинения К. Н. Батюшкова. СПб., 1887. Т. I. С. 110).

Первая песнь поэмы была отпечатана отдельным изданием в количестве 600 экз. в начале декабря 1760 г., о чем фактор типографии А. Е. Лыков сообщил Академической канцелярии репортом от 12 декабря (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 667, л. 57 об.). Канцелярия в тот же день определила

продавать это издание по 20 коп. за экземпляр (там же, № 530, лл. 242 об.—243). 90 экз. ушло на бесплатную раздачу, а из 510 экз., поступивших в Книжную лавку (там же, № 1097, л. 404 об.), 156 экз. было раскуплено в первые же три недели до Нового года (там же, л. 49 об.). Тираж второй песни был тот же — 600 экз.; об окончании печатания ее — тоже отдельным изданием — Лыков репортовал канцелярии 10 июля 1761 г. (там же, № 263, лл. 106—106 об.). О сдаче тиража в Книжную лавку было отдано распоряжение 23 июля (там же, № 668, л. 114). Издание было пущено в продажу по той же цене, что и первая песнь (там же, № 531, лл. 189 об.—190). Через десять дней после поступления его в лавку, 2 августа 1761 г., канцелярия определила выпустить второе издание обеих песен в количестве 600 экз. (там же, л. 202 об.). Соответствующие ордера были посланы в типографию и книжную лавку 14 августа (там же, № 668, л. 119). По этому второму изданию, которое отличается от первого только меньшим количеством опечаток, и публикуется текст поэмы в настоящем издании.

О ее успехе говорит не только скорый выпуск второго издания: Я. Я. Штелин свидетельствует, что поэма «заслужила одобрение знатоков и удивление многих россиян» (Москвитянин. 1851. № 2. Кн. 2). «Ломоносов был первый, — писал еще при жизни его С. Г. Домашнев, — который на стройной и великолепной лире возгремел дела Великого Петра» (Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 237). Н. И. Новиков отнес «Петра Великого» к числу тех произведений поэта, которые «принесли ему бессмертную славу» (Опыт исторического словаря о российских писателях. Собрал Николай Новиков. 1772. С. 128). Одним из наиболее выдающихся творений Ломоносова считал поэму и И. И. Суваков. Когда непримиримый литературный враг Ломоносова А. П. Сумароков отозвался на поэму «ругательной», по своему обыкновению, эпиграммой (Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. IX. С. 148), молодой Г. Р. Державин поспешил выступить «в защиту» Ломоносова с ответной эпиграммой (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. III. С. 247—248).

Другой младший современник Ломоносова, М. Н. Муравьев перевел его поэму на латинский язык (Вестник Европы. 1807. № 19. С. 192). Перевел ее, кроме того, — вероятно, тоже на латинский язык — и академический переводчик и лексикограф К. А. Кондратович (архив РАН, ф. 3, оп. 8, № 78). Некоторая часть поэмы появилась в конце XVIII в. и во французском прозаическом переводе (*M. le Clerc. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne*, t. I. Paris [Ле Клерк М. История физическая, нравственная, гражданская

и политическая новой России. Т. I. Париж], 1783. С. 130—140).

Однако в конце XVIII в. стали появляться и отрицательные отзывы о поэме. А. Н. Радищев утверждал, например, что Ломоносов «томился в эпосе» (Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1938. Т. I. С. 391). К его мнению присоединился и Н. М. Карамзин, которому представлялось, что «для эпической поэзии нашего века не имел он [Ломоносов], кажется, достаточной силы воображения, того богатства идей, того всеобъемлющего взора, искусства и вкуса, которые нужны для представления картины нравственного мира и возвышенных, иройских страстей» (Сочинения Карамзина в Полном собрании сочинений русских авторов. Изд. Смирдина, 1848. Т. I. С. 591).

Голоса критиков начала XIX в. разделились: в то время как А. Ф. Мерзляков восхищался рассказом Петра I о стрелцком бунте (Амфион. 1815. Февраль. С. 51—52), В. М. Перевощиков находил в поэме «многие отступления, рассуждения, обращения к императрице Елисавете, неприличные эпической поэме» (Вестник Европы. 1822. № 18. С. 107).

Наиболее суров оказался приговор Белинского: он называл поэму «дикой, напыщенной» и видел в ней заведомо невыполнимый «tout de force [атлетический фокус] воображения, поднятого на дыбы» (Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. VII. С. 110). Как ни ясно было, что эти не в меру резкие слова метили не столько в Ломоносова, сколько в тех современных Белинскому литературных реакционеров, которые, прикрываясь авторитетом Ломоносова, боролись с новыми течениями в русской поэзии, — тем не менее последующие историки литературы предпочли не вступать в спор с Белинским и воздерживались от оценки ломоносовской поэмы, характеризуя ее только как незавершенный опыт пересадки на русскую почву одного из классических жанров. Такую позицию занял, в частности, М. И. Сухомлинов (акад. изд. Т. II. С. 278—279 втор. пагин.).

Лишь в XX в. стало высказываться — довольно, впрочем, осторожно — мнение, что «свою поэму Ломоносов строил как произведение историческое» (Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 2-е. М., 1951. С. 193—194).

Ломоносовский «Петр Великий» был одной из первых попыток создать русскую героическую поэму. По понятиям того времени, этот род литературных произведений признавался наивысшим. Того же взгляда придерживался и Ломоносов. Законодатель классицизма Буало, чей авторитет у нас, как и на Западе, считался тогда непререкаемым (ср., например: Тредиаковский В. К. Стихотворения. «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель». 1935. С. 415), установил жесткие правила,

определявшие характер героической поэмы. От Ломоносова, воспитавшегося на поэтике немецкого последователя Буало — И. Готшеда, можно было бы ожидать, что свой первый эпический опыт он подчинит всем требованиям классической школы. Этого, однако, не случилось. Классицизму была заплачена только чисто внешняя, формальная дань (александрийский стих, традиционный зачин, вводный рассказ Петра I). Во всем же остальном Ломоносов решительно уклонился и от следования примеру античных классиков, которые воспевали «вымышленных богов» (см. Посвящение), и от подражания новейшим классицистам, которые по завету Буало заменяли живых людей ходячими абстракциями и, как Вольтер в «Генриаде», вводили в круг своих персонажей аллегорические фигуры «Истины», «Раздора», «Фанатизма», «Любви» и т. п.

За кем же я пойду? Вслед подвигам Петровым
И возвышением стихов геройских новым
Уверю целая вселенная концы,
Что тем я заслужу парнасские венцы,
Что первый пел дела такого человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.

Эти стихи, как, впрочем, и все Посвящение к поэме, были и полемическими и программными. Ломоносов понимал, что условия нового времени исключают возможность реставрации античного эпоса:

Хотя вослед иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.

И если Буало считал, что «эпос величавый» требует непременно «вымысла», «высокой выдумки» и «роя мифических прикрас», если он предостерегал эпического поэта от перегрузки сюжета событиями и от подражания «историкам спесивым», то Ломоносов, наперекор теории французского классицизма, заявлял, что предметом его поэмы будут «истинные дела». То есть как раз именно события, и притом подлинно исторические. Это и было тем новаторством, тем «возвышением стихов геройских новых», которое он обещал. Ломоносов прокладывал пути к созданию нового эпического жанра: взамен легендарно-исторической поэмы намечалось возникновение поэмы действительно исторической, где свойственный французским классицистам пафос картезианской рассудочности заменялся гражданским, патриотическим пафосом. По указанному Ломоносовым пути и пошла русская эпическая поэзия. Промежуточными этапами была «Россиада» Хераскова и рылеевские «Думы», а завершающий шаг был сделан Пушкиным, который, прежде чем его сделать, повторил, если и не тот же, то сходный путь в своей собственной эпической практике: начав со ска-

зочного «Руслана и Людмилы», закончил построенной на исторических материалах «Полтавой», где не даром — как теперь это признано (Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 2-е. М., 1951. С. 194), — голос Пушкина звучит местами по-ломоносовски.

Следует помнить, что поэма «Петр Великий» создавалась Ломоносовым в те самые годы, когда Вольтер писал по заданию русского правительства свою «Историю России при Петре Великом». Известно, что Ломоносов, по предложению И. И. Шувалова, принимал деятельное участие в подготовке посылавшихся Вольтеру исторических материалов, а затем в два приема (в 1757 и 1760 гг.) рецензировал его труд, причем вольтеровская концепция Петра I, как видно, не удовлетворяла Ломоносова. Не исключена возможность, что это последнее обстоятельство было одной из причин, побудивших Ломоносова вернуться в 1760 г. к работе над оставленной эпопеей: труд Вольтера вышел в свет 6 ноября 1759 г., но до Ломоносова дошел не ранее первой половины 1760 г.

Помогая Вольтеру и трудясь одновременно над «Кратким российским летописцем» и «Древней российской историей», Ломоносов изучал немало материалов о Петре I, почти сплошь рукописных, опубликованных только после смерти поэта. Он не оставил нам списка своих источников. О них приходится только догадываться, причем, когда источник был известен в ломоносовское время в нескольких вариантах (а таких случаев довольно много), очень трудно, а иногда и невозможно бывает установить, каким именно вариантом пользовался Ломоносов. Ниже, в примечаниях к отдельным стихам, делаются попытки определить, откуда почерпнуты Ломоносовым сведения о тех или иных сообщаемых им исторических фактах; здесь же достаточно сказать, что наиболее заметное отражение получили в поэме:

1) Северорусские летописи, холмогорские и соловецкие, существовавшие в разных списках; ко времени работы над поэмой Ломоносов мог получить их в свое распоряжение либо через земляков-крестьян, с которыми никогда не порывал связей, либо через современника и ставленника Петра I, архангелогородского и холмогорского архиепископа Варсонофия, человека исторически образованного, сохранявшего отношения с Ломоносовым до самой своей смерти (он умер в конце 1759 г.); особенно широко использованы в поэме те записи холмогорских церковных деятелей о поездках Петра I в Архангельск, которые изданы были затем в 1783 г. «ижидением Н. Новикова и компании» (О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца, из царствующего града Москвы на Двину, к Архангельскому городу, троекратно быв-

ших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину, к Архангельскому городу; о зачатию Новодвинской крепости и об освящении нового храма в сей крепости. М., 1783).

2) Известный тоже во многих вариантах коллективный труд, который после опубликования его в 1770 г. М. М. Щербатовым вошел в историческую литературу под названием «Журнал, или Поденная записка... императора Петра Великого...» и в составлении которого принимал ближайшее участие сам Петр I.

3) Ходившие по рукам во многих редакциях и дошедшие до нас далеко не в полном их виде работы П. Н. Крекшина; они цитируются ниже по изданию И. П. Сахарова (Записки русских людей. Ч. I. 1841).

Если первые две группы источников являются «источниками первой руки», способными служить историку надежнейшей опорой, то писания Крекшина, которого еще В. Н. Татищев называл «баснословцем» (*Татищев В. Н. История российская. Кн. I. Ч. 2. 1769. С. 553*), были оценены позднейшими историографами как «цепь выдумок, перемешанных с немногими сказаниями историческими» (*Устрялов Н. Г. История царствования Петра I. СПб., 1858. Ч. I. С. 43*). Эта оценка хоть и не лишена основания, но чересчур сурова. При почти полном отсутствии печатной литературы о Петре I и при скудости рукописных источников, Ломоносов не мог не обратиться к весьма популярным в его время сочинениям Крекшина, причем сумел отобрать такой их отрывок (описание стрелецких движений 1682 г.), где преобладали достоверные «сказания исторические», а «выдумкам» было уделено лишь небольшое место. Но и в этом случае Ломоносов не удовольствовался одним Крекшиным, а привлек и другие материалы: записки А. А. Матвеева, может быть, и Сильвестра Медведева (ниже, при ссылках на те и на другие, страницы указываются по вышеназванному изданию И. П. Сахарова), а также донесение датского резидента в Москве Бутенанта фон Розенбуша, опубликованное за границей еще в XVII в. (*Relation der Trau-*

rigen Tragedie in der Stadt Moscau [Донесение о печальной трагедии в городе Москве]; напечатано в «*Theatrum Europaeum*». Франкфурт-на-Майне, 1691. Т. XII. С. 441—448; перепечатано Устряловым: Т. I. С. 330—346; при последующих ссылках на данный источник страницы указываются по изданию Устрялова).

Если при пользовании историческими источниками Ломоносов и допустил кое-где некоторые недосмотры и промахи, довольно естественные при тогдашнем уровне исторической науки (эти промахи отмечаются ниже), то следует констатировать все же, что, работая над поэмой, он подходил к источникам не столько как поэт, располагающий правом художественного домысла и вымысла, сколько как историк, стремящийся возможно точнее восстановить историческую правду. В этом основная особенность поэмы, резко отличающая ее от всех предшествовавших ей в мировой литературе произведений того же жанра.

Что касается, наконец, идейного содержания незавершенной поэмы, то сам Ломоносов в конце второй песни дает ключ к пониманию того, что намеревался сказать: по его представлениям, вся деятельность Петра I во всей ее совокупности, в том числе и военная, была последовательным движением к единой цели — к просвещению России; а цель эта такова, что оправдывала в глазах Ломоносова даже и ненавистную ему в других случаях войну. Но Ломоносов не хотел ограничиваться только этим частным выводом, касавшимся одного Петра. Поэт-естествоиспытатель и поэт-историк ставил перед собой более широкие, историко-философские задачи. Вглядываясь в древность, Ломоносов задает вопрос:

Что приращению оружия причиной?

Был ли готов у Ломоносова ответ на этот вопрос, мы не знаем, но самая постановка такого вопроса в исторической поэме должна была придать поэме значительность, вполне достойную ее автора.

Послал в Россию человека,
Каков не слыхан был от века.

Сумароков по поводу этих стихов писал: «Это взято из моих стихов точно, которые за три года прежде сей оды сделаны и которые так написаны о Петре ж Великом:

От начала перьва века
Такого человека
Не видало естество».

От века (т. е. с начала бытия) — типичный для Ломоносова библеизм; ср. «От века несть слышано...» (от Иоанна, IX, 32).

¹ Таким образом, сам Ломоносов признает, что принял за поэму если и не по прямому внушению Шувалова, как утверждал последний, то, во всяком случае, с его одобрения.

² Эти и следующие за ними строки являются программными: развенчивая прославленного Виргилием Энея, Ломоносов заявляет тем самым, что моральным критерием послужит для него патриотизм, который и явится идейной основой поэмы.

³ Лев — герб Швеции. *Попфанный лев* — победившая Петром I Швеция.

⁴ Ср. в «Оде на день восшествия на всероссийский престол... Елизаветы Петровны 1747 г.»:

⁵ Французский историк Н.-Г. Леклерк, приписав Ломоносову «такие речи, каких он не говорил» (*Болтин Н. Н.* Примечания на историю древния и нынешняя России... СПб., 1788. Т. II. С. 102), обвинял Ломоносова в том, будто он, вопреки обещанию, существенно отступил в поэме от исторической правды. Пытаясь это доказать, Леклерк писал, что Петр I совершил путешествие в Архангельск «только в 1698 г.», когда «плавал по Белому морю под конвоем английских и голландских кораблей, что в эту пору в России не было еще ни одного корабля и что шведы жили тогда еще в мире с этой империей» (*M. le Clerc. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne, t. I. Paris [Леклерк М. История физическая, нравственная и политическая новой России. Т. I. Париж], 1783. С. 142*). Из всех этих утверждений Леклерка верно только одно, что в 1698 г. Россия действительно еще не воевала со Швецией. Французский историк, несравненно менее осведомленный, чем Ломоносов, не знал, что Петр I путешествовал в Архангельск трижды — в 1693, 1694 и 1702 гг., а в 1698 г. там не был, что плавание по Белому морю под иностранным конвоем происходило в 1693 г., причем уже тогда у Петра I была своя морская яхта (*Богословский М. М. Т. I. С. 160*); что второй русский корабль был спущен на воду в Архангельске в присутствии Петра 20 мая 1694 г., а 21 июля того же года прибыл туда же и третий боевой корабль, заказанный в Голландии (там же. С. 180, 186), и что к 1702 г. Беломорский военный флот насчитывал в своем составе уже не то десять, не то тринадцать судов. Что же касается Ломоносова, то единственная хронологическая неточность в его эпическом рассказе сводится к тому, что, описывая третье путешествие Петра в Архангельск, происходившее в 1702 г. (Леклерк этого не уловил), он относит к этому путешествию эпизод (буря на море и посещение Петром I Унской губы), происшедший в 1694 г. (*Богословский М. М. Т. I. С. 181—182*). Возможно, что это была сознательная «поэтическая вольность».

⁶ По традиции, восходившей ко временам древнегреческих рапсодов, эпическая поэма, родоначальницей которой была эпическая песня, должна была обязательно содержать в первом же стихе слово «пою», вслед за чем обозначался вкратце основной предмет поэмы. Так начинались «Илиада» и «Одиссея»; их примеру следовали Вергилий, Тассо, ближайшие предшественники Ломоносова Вольтер и Клопшток, а после Ломоносова — Тредиаковский и Херасков. Пушкин в знак решительного разрыва с канонами классицизма пародировал это традиционное «вступление» в конце седьмой главы «Евгения Онегина» (строфа LV).

⁷ Подобное обращение было тоже традиционным, но если Гомер, Вергилий и Тассо звали к

«музе», а Клопшток — к «бессмертной душе», то Вольтер, верный заветам Буало, обращается за поэтической помощью к «высочайшей Истине» («auguste Verite»).

⁸ Ср. выше, примеч. 4.

⁹ Обращение к императрице.

¹⁰ Флот для второго Азовского похода был построен с быстротой действительно «неимоверной»: указ о его создании был подписан Петром I 23 декабря 1695 г., а через четыре-пять месяцев (в период с 23 апреля по 24 мая 1696 г.) весь вновь построенный при личном участии Петра «морской караван» в составе 27 боевых кораблей и 1226 транспортных судов уже двинулся из Воронежа вниз по Дону. Появление русского флота в Донском устье решило участь Азова: 18 июля 1696 г. турецкая крепость капитулировала (*Богословский М. М. Т. I. С. 280—305, 332*). Трудно определить, откуда Ломоносов мог почерпнуть сведения о строении воронежского флота: они известны теперь главным образом из переписки Петра I с такими деятелями его времен, как Ф. Ю. Ромодановский, Т. Н. Стрешнев, Ф. Лефорт, Ф. Тиммерман и др. (История русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч. I. СПб., 1864. С. 1—60). Вернее всего, что единственным источником Ломоносова была в этом случае работа З.-Т. Байера «Belagerung und Eroberung von Azow im Jahr 1695 und 1696» («Осада и взятие Азова в 1695 и 1696 гг.»), напечатанная Академией наук в 1737 г. в серии «Sammlung Rußischer Geschichte. Des zweiten Bandes drittes Stück» (Сборник по русской истории. Второго тома третий выпуск. СПб., 1737. С. 183—184).

¹¹ Имеются в виду казни стрельцов, происходившие в Москве и под Москвой в промежутки времени с 30 сентября по 21 октября 1698 г.

¹² Речь идет о начале Северной войны. Указ Петра I об объявлении войны «противу Швеции», датированный 19 августа 1700 г., начинался так: «Великий государь указал: швейского короля, за многие его к нему, великому государю, неправды и что во время его, государева, шествия чрез Ригу от рижских жителей чинились ему, великому государю, многие противности и неприятства, идти на его, швейского короля, города своим, великого государя, ратным людям войною» (Полн. собр. законов Рос. империи, № 1811). Эти-то «неправды», «противности и неприятства» Ломоносов и называет «дерзкой наглостью». Помимо цитированного выше указа, ему, вероятно, была известна работа Феофана Прокоповича (История императора Петра Великого. СПб., 1773), где описанию рижских «противностей» уделено довольно много места (С. 19—22).

¹³ Карл XII не сумел воспользоваться плодами своей победы, одержанной 20 ноября 1700 г., и после некоторых колебаний отошел от Нарвы. Оттого Ломоносов и называет эту победу «сомни-

тельной». В замечаниях на «Историю» Вольтера Ломоносов писал, что после Нарвского поражения «многие полки возвратились с военною честью и военную казну почти всю вынесли в карманах, которую в Новгороде перед Софийским собором в ящики высыпали».

¹⁴ Имеется в виду третье путешествие Петра I в Архангельск, куда он прибыл «водяным путем на дощаниках» во второй половине мая 1702 г.: по одним сведениям, 17 числа (Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 125), по другим — 18-го (Походные и путевые журналы императора Петра I. Журнал 1702-го года. С. 1), по третьим — 30-го (Новиков. О высочайших пришествиях... Петра Алексеевича... на Двину... М., 1783. С. 91).

¹⁵ Ломоносов вспоминает первые два путешествия Петра I в Архангельск, в 1693 и 1694 гг. В обоих случаях царь выходил в море. О первом таком плавании (4—10 августа 1693 г.) М. М. Богословский говорит: «Петр наконец увидел море, к которому так сильно стремился. Первая же встреча произвела неизгладимое впечатление: свободная стихия стала любимой навсегда» (Т. I. С. 160).

¹⁶ Петр I побывал в Холмогорах трижды. В первый раз он там «объявился от Курострова» 28 июля 1693 г. «на седми стругах» и провел в Холмогорах более суток (Новиков. О высочайших пришествиях... С. 11—17). Вторично он заезжал туда ненадолго уж на обратном пути в Москву, в ночь на 21 сентября того же года (там же. С. 35). Третье и последнее посещение состоялось 30 мая 1702 г. и длилось полтора часа (там же. С. 91). Нет сомнения, что в годы детства и юности Ломоносов общался со многими очевидцами этих посещений.

¹⁷ Местный летописец сообщает, что 28 июля 1693 г. при встрече Петра I в Холмогорах «полки оба полным строем стояли по площади от Богоявленских ворот до пристани государской» (Новиков. О высочайших пришествиях... С. 12).

¹⁸ 12 июня 1701 г., по указу Петра, «в новой Двине, на корабельном узком проходе» была заложена крепость, названная Новодвинской, а пока она не будет построена, было приказано сделать «на самом берегу речки Двинки или где пристойно» четыре батареи с редутами. «Острожное строение в г. Коле было тогда же обновлено», между реками Коломой и Тулой построено новое укрепление, а «на морских островах» перед устьем Двины учреждены сторожевые посты. Одновременно были проведены и некоторые другие оборонительные мероприятия, чтобы «неприятельских людей с моря к Архангельскому городу никакими мерами не допустить» (Новиков. О высочайших пришествиях... С. 54—67). Летом 1702 г. Петр не раз осматривал Новодвинскую крепость (Новиков. С. 94—97), а при посещении Соловецкого монастыря соорудил на трех близлежащих островах «три городка, или большие насыпи диких

камней с землею» (Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание... Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. I. С. 171; Мелетий. Историческое описание... Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 144). О создании Беломорского военного флота см. выше, примеч. 5.

¹⁹ Так объясняет Ломоносов цель шведских набегов на наше Беломорское побережье. Первый набег произошел летом 1701 г. и окончился неудачей: из семи кораблей шведы потеряли два, которые сели на мель и были захвачены нашими сухопутными войсками; все же успехи шведов свелись только к тому, что они сожгли одну прибрежную соляную варницу да деревушку в одиннадцать дворов (Новиков. О высочайших пришествиях... С. 68—91).

²⁰ Второй морской набег на Архангельск шведы намеревались произвести летом 1702 г., о чем Петр I был извещен весной этого года русским посланником в Голландии А. А. Матвеевым. Этим и было вызвано третье путешествие Петра на север, которое, как думал Ломоносов, было причиной того, что в 1702 г. шведы не решились появиться в русских водах (Устрялов. Т. IV. Ч. I. С. 185—186). Это мнение Ломоносова разделял и Н. Н. Болтин (Болтин. С. 102).

²¹ Как уже говорилось (см. выше, примеч. 5), буря, и притом действительно страшная, «нечаянно постигла» Петра не в это его плавание, а восьмью годами ранее — 1 июня 1694 г., когда он, как и в 1702 г., направлялся в Соловецкий монастырь (Богословский М. М. Т. I. С. 181). Н. Г. Устрялов сообщает, будто и в 1702 г. «плавание к Соловецкому монастырю замедлилось противными ветрами и бурною погодою» (Устрялов. Т. IV. Ч. I. С. 190). Один из источников, которыми пользовался Устрялов, подтверждает, что Петр I, подходя к монастырю, «остановился сперва за противным ветром между Анзерским и Муксалмским островами» (Досифей. Ч. I. С. 177), но о «бурной погоде» нет речи ни в этом, ни в других известных нам источниках.

²² Река Уна (длиной ок. 50 км) впадает в Унскую губу Белого моря. Вход в губу с моря огражден двумя поросшими сосной холмами, по местному наименованию — рогами. В этой губе Петр I и укрылся 2 июня 1694 г. от шторма, грозившего разбить его яхту (Богословский М. М. Т. I. С. 181—182).

²³ В июне 1601 г. боярин Александр Никитич Романов, дядя будущего царя Михаила Федоровича, был сослан Борисом Годуновым в усьолье Луду, расположенное недалеко от устья Уны, в 150 км от Архангельска. Там в следующем, 1602-м, году А. Н. Романов и умер (Русский биографический словарь. Т. «Романова—Рясовский». Пг., 1918. С. 22).

²⁴ Ломоносов приписывает Петру I свою любимую мысль «о сыскании северного ходу Сибирским океаном» на Дальний Восток и в Индию.

Рассуждение о преимуществах этого «северного хода» перед «южным ходом около мыса Доброй Надежды» повторено и развито более подробно в работе Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию».

²⁵ «Что может быть прекраснее, великолепнее сего изображения летних ночей тамошнего северного края?» — писал об этих стихах современник Ломоносова Болтин (*Болтин Н. Н.* С. 93). Подобно ему, и Батюшков находил в этих стихах «первоклассные красоты описательной поэзии» (*Батюшков К. Н.* Сочинения. СПб., 1885. Т. II. С. 126).

²⁶ *Черепоконные* (т. е. покрытые раковиной) — зоологический термин, созданный Ломоносовым, впервые введенный им в научный оборот в 1757 г. и продержавшийся до второй половины XIX в. (*Даль В. И.* Толковый словарь. М., 1935. Т. IV. С. 611; ср.: *Бурдин С. М.* Роль М. В. Ломоносова в создании русской естественнонаучной терминологии // Уч. зап. Ташкентского гос. пед. ин-та. Вып. 2. Ташкент, 1954. С. 110, 136 и 144).

²⁷ Появление морского царя и сирен — «мифическая приправа», введенная в поэму в угоду заветам Буало, но Ломоносов, не отказываясь и тут от полемики с последним, завершает сцену шутивно-отрезвляющей оговоркой: «То было, либо так быть надобно б ему».

²⁸ Под «градом» разумеется Соловецкий монастырь, который был в то время не только монастырем, но и сильной по тогдашним условиям морской крепостью. Внешние его стены, еще в XIX в. называвшиеся «городом», вышиной 10—12 м, а толщиной около 6 м, сложены из огромных неотесанных каменных глыб. Это циклопическое сооружение представляло, по выражению местного историка, «редкое и поражающее зрелище» (*Досифей. Ч. I.* С. 85, 254). «Высокими верьхами» Ломоносов называет крепостные башни тоже исполские.

²⁹ Петр I был в Соловецком монастыре дважды: 7—10 июня 1694 г. и 10—16 августа 1702 г. При втором посещении, которое и описывает Ломоносов, царь, страстный любитель артиллерийских салютов, входя в «Святые ворота» монастыря, «указал: с города, с башен стрелять из больших и малых пушек» (*Новиков. О высочайших пришествиях...* С. 98). Ломоносов точно воспроизвел и эту мелкую, но выразительную историческую деталь.

³⁰ *Архимандрит Фирс* был настоятелем Соловецкого монастыря с 1689 по 1718 г. (*Досифей. Ч. I.* С. 173, 183).

³¹ Здесь Ломоносов повторяет почти дословно показание холмогорского летописца: «...от ворот шествовал круг города на южную сторону и обшед вшел Святыми врата в монастырь» (*Новиков. О высочайших пришествиях...* С. 98).

³² Историк монастыря Досифей (Немчинов) утверждает, что крепостные стены начали строиться «имянным повелением» царя Федора Ивановича, а не Ивана Грозного, как говорит Ломоносов, и сообщает, что «строение совершенно к окончанию приведено 1594 года», но не указывает даты «именного повеления», не публикует его текста и заявляет, что работа по возведению стен продолжалась десять лет (ср.: *Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790. С. 33—34 и 37, откуда Досифей (Немчинов) и заимствовал, очевидно, все эти недостаточно отчетливые сведения*), «а по старинной рукописной хронике», — добавляет Немчинов, — двенадцать лет (*Досифей. Ч. I.* С. 85). Если верна эта последняя цифра, которая повторена и в надписи, высеченной на камне у крепостных ворот (*Мелетий. С. 86*), то прав Ломоносов, что закладка стен произошла еще при Иване Грозном. Это вполне возможно, так как документально установлено, что еще в 1581 г. Грозный приказывал воеводе Киприану Оничкову оберегать Соловки от шведов, а в следующем году туда был прислан боярский сын Иван Окучин, в распоряжение которого были переданы все оборонительные средства монастыря (*Досифей. Ч. I.* С. 83; ч. III. С. 35). Об участии пленных татар в постройке стен ничего не известно; Ломоносов повторял, вероятно, в этом случае слышанное им на родине устное предание. «В сем предании, — писал академик И. И. Лепехин, — летопись Соловецкая не согласуется с повествованием покойного Михаила Васильевича Ломоносова» (*Путешествия академика Ивана Лепехина. Ч. IV. В 1772 г. СПб., 1805. С. 67*). Это замечание интересно своей формулировкой, которая показывает, что младшие современники Ломоносова рассматривали его поэму как серьезное историческое «повествование», как научный труд. Такое же отношение к ней видим и у И. Н. Болтина.

³³ Имеется в виду так называемое «Соловецкое сидение», т. е. восстание, поднятое в 1667 г. соловецкими монахами-раскольниками и носившее сперва только антицерковный характер. Когда к восставшим примкнули монастырские крестьяне и укрывавшиеся в Соловках после казни Степана Разина участники происходившей под его предводительством крестьянской войны, восстание приобрело антикрепостнический характер и было подавлено московским правительством только в 1677 г. после продолжавшихся несколько лет военных действий (*Досифей. Ч. I.* С. 148—167; *Мелетий. С. 201—233*). В поморских раскольниковых скитах стали слагаться затем легенды об упомянутых Ломоносовым «мнимых чудесах», происходивших будто бы в осажденном царскими войсками монастыре (*Досифей. Ч. I.* С. 167—168). «Каменные перед стеной валы» — верная историческая деталь:

в 1674 г. московский воевода И. Мещеринов, «подступив под Соловецкий монастырь, окопался шанцами» и построил вблизи монастыря 13 городков, т. е. батарей и брустверов (там же. С. 165—166).

³⁴ Леклерк неправ, упрекая Ломоносова в том, что он «неудачно выбрал тему для беседы своего героя с настоятелем монастыря» (*M. le Clerc. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne, t. I, Paris [Леклерк М. История физическая, нравственная и политическая новой России. Т. I, Париж], 1783. С. 143*). Ломоносов внимательно прислушивался и тут к голосу тех источников, какие были у него в распоряжении. Содержание бесед Петра I с архимандритом Фирсом нам неизвестно, но и холмогорский и соловецкий летописцы сообщают, что царь дважды посетил настоятеля в его келье и провел там немало времени, причем просматривал документы монастырского архиѳа (ср.: Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790. С. 68—75); а из других показаний того же холмогорского летописца мы знаем, каковы бывали в подобных случаях речи Петра: он беседовал «о царственных бытностьях и боярских великих людей, также и о мирских простых людех, и в работе пребывающих, и о домовном, и о всяком заводов здании, многоразумно; также и о водяном путешествии морском и речном, кораблями и всякими судами многим искусством» (*Новиков. С. 29, 99, 101; Досифей. Ч. I. С. 178—179*). Вполне вероятно, что в Соловках, где все напоминало о недавнем восстании, Петр, перелистывая архивные рукописи и беседуя о «царственных бытностьях», мог заговорить и о тех мятежах, которые «мрачили» его детство и юность.

³⁵ То есть девять муз.

³⁶ Как было указано еще М. И. Сухомлиновым (акад. изд.: Т. II. С. 290—291), Ломоносов развивает в этом случае мысль, выраженную Вольтером в статье «*Idee de la Henriade*» — «Замысел Генриады» (*La Henriade, de M. de Voltaire. Paris [Генриада г-на де Вольтера. Париж], 1730. С. 3*), но у Вольтера нет такого прямого и резкого, как у Ломоносова, выпада против тех, кто хвалится «заслугами отцев, отнюдь отеческих достоинств не имев». Несколько иные суждения по тем же вопросам были высказаны Ломоносовым, как отметил Сухомлинов же, в 1749 г. в письме к В. Н. Татищеву. О раздражении против «персон высокородных», накопившемся у Ломоносова ко времени работы над поэмой, см. в письме его к И. И. Шувалову от 17 апреля 1760 г.

³⁷ Насчитывая пять покушений царевны Софьи на захват царской власти и на убийство Петра I, Ломоносов, как известно из составленного им для Вольтера «Описания стрелецких бунтов», имел в виду: 1) изображенные им московские события 15—17 мая 1682 г. (*Богословский М. М. Т. I. С. 42—46*); 2) выступление раскольников, по требо-

ванию которых 5 июля 1682 г. было устроено в Кремлевском дворце «прение о вере» (там же. С. 46); 3) московское восстание стрельцов после казни И. А. Хованского в сентябре 1682 г. (там же. С. 47—48); 4) столкновение Петра с Софьей в августе 1689 г., завершившееся заточением ее в монастырь (там же. С. 81—88) и 5) восстание стрельцов под Торопцем и движение их на Москву в июне 1698 г. (там же. С. 538—539, 551).

³⁸ Это утверждение, вложенное Ломоносовым в уста Петра I и имевшее своим источником сообщение П. И. Крекшина, не отвечает действительности: царь Федор Алексеевич не назначал Петра I своим преемником (*Богословский М. М. Т. I. С. 36*). В «Описании стрелецких бунтов» (1757) Ломоносов высказался на этот счет более осторожно.

³⁹ Известие о совещании царевны Софьи с патриархом, боярами и «всеми чинами» встречается только у Крекшина (*Крекшин П. И. Записки русских людей... СПб., 1841. С. 32*) и не подтверждено другими источниками. Ломоносов пересказал это известие и в «Описании стрелецких бунтов». Достоверно ли оно хоть в какой-то степени, мы не знаем. Н. Аристов, ярый апологет царевны Софьи, утверждает, что Крекшин «сочинил» весь этот эпизод (*Аристов Н. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871. С. 32*). Несомненно, однако, что вождями двух боровшихся придворных партий были действительно Софья и патриарх, который в самом деле упорно настаивал на единодержавии Петра I (*Шмурло Е. Ф. Критические заметки по истории Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Июнь. С. 237—238*).

⁴⁰ У Крекшина читаем: «Тогда [в девятом часу дня] восста сильный ветер, воссвирипе на них, и найдоша темные облаки, отъяся зрение света, возмятошася прахи, яко едва друг друга зрети можаше» (*Крекшин П. И. Записки русских людей... СПб., 1841. С. 33*). Источником этого сообщения было, видимо, следующее показание очевидца: «Воздух во оное время [в девятом часу дня] пременялся тихости, и воздвижеся буря ветрена велия, и облаки мрачные народу вящий страх деяше» (там же. С. 11).

⁴¹ Подгнета — растопка.

⁴² В основу верного в главных своих чертах описания первой стадии мятежа положено сообщение Крекшина (*Крекшин П. И. С. 32—34*), который, в свою очередь, широко использовал записки хорошо осведомленного современника данных событий Сильвестра Медведева (там же. С. 10—12). Изображая переговоры бояр А. С. Матвеева и М. Ю. Долгорукого со стрельцами, Ломоносов воспользовался воспоминаниями А. А. Матвеева (там же. С. 21).

⁴³ Об этом обращении Софьи к стрельцам говорит только Крекшин (*Крекшин П. И. С. 34*). Ис-

точником последующего рассказа о событиях 15—17 мая 1682 г. является сообщение того же Крекшина (там же. С. 34—39), в этой своей части довольно достоверное и построенное почти все целиком на воспоминаниях очевидца этих событий А. А. Матвеева (там же. С. 23—36). Факты, сообщаемые Крекшиным и Матвеевым, наводят себе подтверждение и в записках Медведева (*Медведев*. С. 12—16), где освещены, однако, несколько иначе: в то время как Крекшин, Матвеев, а вслед за ними и Ломоносов все время подчеркивают, что вдохновителями и тайными руководителями стрелецкого мятежа были Милославские и царевна Софья, опиравшаяся, как и все первые Романовы, на поместное «худородное» дворянство, — Медведев, один из идеологов этой новодворянской партии, старательно замалчивает участие Софьи и Милославских в мятеже. Историческая наука пришла к убеждению, что Софья действительно «старалась использовать стрельцов в борьбе с Нарышкиными, но до кровавых событий в мае 1682 г. с ее стороны не видно большой активности и инициативы» (*Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 327*).

⁴⁴ Дядя Петра I Афанасий Кириллович Нарышкин был найден стрельцами под престолом одной из московских церквей и убит (там же. С. 23, 34).

⁴⁵ В «Описании стрелецких бунтов» Ломоносов выражается яснее и говорит, что стрельцы убили только князя Г. Г. Ромодановского-отца, а «его сына пощадили», что соответствует действительности. Из этого следует, что кроме Крекшина и Матвеева, по ошибочному сообщению которых убит был и сын Ромодановского, Ломоносов пользовался еще каким-то источником, вероятнее всего, донесением Розенбуша (*Устрялов*. Т. I. С. 336), а может быть, и записками Медведева (*Записки...* С. 13).

⁴⁶ День стрелецкого мятежа, 15 мая, был вместе с тем и днем памяти царевича Димитрия, убитого 15 мая 1591 г. в Угличе. Об этом совпадении дат говорит только Матвеев (там же. С. 18): это дает лишнее основание считать, что Ломоносов был, бесспорно, знаком с его воспоминаниями.

⁴⁷ То есть голову.

⁴⁸ То есть один из восставших стрельцов помещал другому заколоть Петра I. Н. Аристов со свойственной ему решительностью относит этот эпизод к разряду «чистых небылиц» (*Аристов* Н. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871. С. 33). Того же мнения и Н. Г. Устрялов (*Устрялов* Н. Г. Т. I. С. 280). Для Ломоносова послужили в этом случае источником, вероятно, либо устные рассказы Я. Я. Штелина, либо те записки последнего, которые вышли в свет только в 1785 г. под заглавием «Original-anekdoten von Peter dem Grossen». Leipzig («Подлинные анекдоты о Петре Великом». Лейпциг, 1785. С. 74—76). В конце 50-х

годов XVIII в. эти записки уже, несомненно, существовали, о чем были осведомлены тогда некоторые близкие Ломоносову лица (там же. С. 376—377). Штелин отмечает, что передает этот эпизод со слов фельдмаршала князя И. Ю. Трубецкого и адмиралтейского служащего, голландца Брюинса (там же. С. 76). Нечто похожее находим мы и в рассказах А. К. Нартова, с которым до конца его дней Ломоносов поддерживал связь (*Записки Имп. Академии наук, СПб., 1892. Т. 67. С. 29*). «Историк не позволит себе игнорировать эти рассказы», — пишет по поводу «анекдотов» Штелина и Нартова один из наиболее глубоких знатоков литературы о Петре I (*Шмурло* Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства // *Журнал Министрства народного просвещения*. 1912. Т. XXXIX. № 5. Отд. 2. С. 200).

⁴⁹ Лев, Федор и Мартемьян Кирилловичи Нарышкины, братья царицы Натальи Кирилловны (матери Петра I), по словам А. А. Матвеева, бежали из Москвы 15 мая 1682 г., «одевса простых людей своих в сермяжное платье», и «спасли себя тайно, укрываясь по деревням дальних свойственников своих» (*Записки*. С. 35). То же повторяет и Крекшин (там же. С. 35—36).

⁵⁰ Боярин Кирилл Полуектович Нарышкин, дед Петра I, был по требованию стрельцов пострижен в монахи и сослан «под крепкое начало» в Кирилло-Белозерский монастырь, где и умер девять лет спустя (там же. С. 35; *Русский биографический словарь*. Т. «Нааке—Накенский». СПб., 1914. С. 90).

⁵¹ Говоря о «расхищении богатства», Ломоносов повторяет сообщение Крекшина и Матвеева (там же. С. 32, 36) и впадает тем самым в противоречие с самим собой: в более раннем «Описании стрелецких бунтов», опираясь на донесение Розенбуша (*Устрялов* Н. Г. Т. I. С. 336, 340) или на записки Медведева (*Записки...* С. 15), который в этих записках широко использовал донесение Розенбуша, Ломоносов говорил, что восставшие стрельцы «соблюдали в своей среде весьма строгую дисциплину. Если кого уличали в малейшей краже или грабеже, то сразу наказывали».

⁵² То есть в чертог моей матери.

⁵³ Восставшие стрельцы в течение трех дней настойчиво домогались, чтобы им был выдан боярин Иван Кириллович Нарышкин, брат царицы Натальи Кирилловны, спрятанный в одном из дворцовых чуланов. По требованию Софьи, его провели оттуда в церковь «Спаса за золотом решетою» (*Богословский* М. М. Т. I. С. 44), которую Ломоносов называет «Спасителевым домом».

⁵⁴ То есть братьев своих Ивана и Петра Алексеевичей.

⁵⁵ Предшествующими комментаторами отмечалось, что Ломоносов нарушил в этом случае установленное существовавшими в его время пра-



вилами чередование мужских и женских рифм (Ломоносов М. В. Стихотворения // Библиотека поэта. Большая серия [Б. м.], 1935. С. 352).

⁵⁶ Речь «верных рабов», то есть крепостных боярских слуг, является весьма вольным и приукрашенным пересказом подобной же речи, введенной Крекшиным в свое повествование (Записки... С. 38—39); Крекшин же в данном случае основывался главным образом на показании Розенбуша (Устрялов Н. Г. Т. I. С. 341). Розенбуш утверждал, будто предполагалось вооружить боярских слуг и, пользуясь их численным перевесом, подавить их силами стрелецкий мятеж, чего стрельцы сперва очень опасались. Увидев, однако, что боярские люди против стрельцов не выступают, стрельцы, по словам Розенбуша, решили привлечь боярских людей на свою сторону и с этой целью разгромили Холопий приказ и изодрали все «крепости», т. е. все документы, которыми удостоверились права отдельных помещиков на владение крепостными крестьянами. Разгром Холопьяго и Судного приказов — факт несомненный; относительно же поведения «боярских людей» рассказ иностранного наблюдателя грешит не только наивностью, но и серьезными недомолвками. Из числа убитых 15—17 мая 1682 г. бояр некоторые были выданы стрельцам своими слугами. Движение городских низов приобрело ясно выраженный антикрепостнический характер, но, будучи стихийным и не получив стойкой поддержки со стороны стрельцов, не имело, разумеется, никакого успеха, что и удостоверяет Ломоносов («однако никакой не следовал успех»). Подобные же антикрепостнические выступления повторились затем и в конце мая, и в начале июня 1682 г. (Аристов Н. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава. 1871. С. 13—19).

⁵⁷ Провозглашение Ивана Алексеевича царем датируется 26 мая 1682 г. (ПСЗ, № 921), а акт о совокупном восшествии на престол обоих царей Ивана и Петра, — 29 мая того же года (там же, 920). Венчание их на царство происходило 25 июня того же года (Устрялов Н. Г. Т. I. С. 60).

⁵⁸ По словам Крекшина (Записки... С. 39), благодарственные грамоты, пожалованные царевной Софьей стрельцам, последние «несли на головах в Приказ». «Побитых имена» были начертаны на металлических щитах, приделанных к каменному столбу, который с разрешения Софьи сооружен был стрельцами на Красной площади в память их восстания (там же. С. 35).

⁵⁹ То есть почтя, приняв.

⁶⁰ То есть в Соловках.

⁶¹ То есть на раскольников, которых называли в то время капитонами, по имени одного из первых расколоучителей XVII в., монаха Капитона.

⁶² То есть в Москве.

⁶³ Единственным источником этих стихов является сообщение Крекшина (там же. С. 42), пересказанное Ломоносовым почти дословно. Судя по другим, более надежным источникам, раскольники в храм не врывались и камней в патриарха не кидали (Устрялов Н. Г. Т. I. С. 66—76, 281—282). Из современников «прения о вере» один только А. А. Матвеев (в Москве тогда не находившийся) говорит, что 5 июля 1682 г. во время спора с патриархом у раскольников «едва не у всех пазухи каменiem были наполнены» (там же. С. 39). Версию Крекшина Ломоносов принял и в «Описании стрелецких бунтов», а вслед за Ломоносовым повторил ее и И. И. Гюликов (Деяния Петра Великого. М., 1837. Т. I. С. 18—19).

⁶⁴ Вся вступительная часть второй песни, написанная в декабре 1760 г., обращена к русской армии, действовавшей в то время в Пруссии.

⁶⁵ Обычное для Ломоносова обозначение русских побед именами тех рек, на берегах которых победа одержана. Говоря о Шпрее, Ломоносов имеет в виду взятие Берлина русскими войсками 29 сентября 1760 г.

⁶⁶ Плевые — плевелы, сорные травы.

⁶⁷ Намек на то, что Пруссия, втянутая в Северную войну, укрепила в итоге этой войны свое положение благодаря союзу с Россией.

⁶⁸ Имеется в виду Орехов остров при истоке Невы из Ладожского озера, где новгородцами в 1323 г. была заложена крепость, которая на протяжении последующих столетий многократно переходила из русских рук в шведские и обратно, причем не раз меняла свое название: Орехов или Орешек (1323—1661), Нотебург (1661—1702), Шлиссельбург (1702—1944), Петрокрепость (с 1944 г.).

⁶⁹ То есть Петербурга.

⁷⁰ Намек на польско-шведскую интервенцию начала XVII в., предпринятую под видом помощи царю Василию Шуйскому. В 1611 г. шведскими войсками была захвачена крепость Орешек.

⁷¹ Петров дед, младший монарх — царь Михаил Федорович. «Град поверженный» — Москва после изгнания из нее интервентов.

⁷² Старинное наследство — воссоединившаяся с Россией Украина и Смоленск, отвоеванный при царе Алексее Михайловиче. Злодеи — Степан Разин и его соратники. Соседство — Польша, Швеция и Крымское ханство.

⁷³ Крепость Нотебург была защищена высокой каменной стеной, усиленной башнями.

⁷⁴ «Того же дни [27 сентября 1702 г.] в городе на башне после обеда, когда [шведы] уже подлинно узнали осаду, поставили королевское знамя в знак осады своей и желая помощи от своих» (Журнал, или Поденная записка. Ч. I. С. 56).

⁷⁵ «В 28 день [сентября 1702 г.] ничего знатного не учинилось, кроме того, что по вышеписанному знаку [т. е. по знамени на башне] пришли три шкуты из Корелы к городу с запасом и с людьми» (там же).

⁷⁶ Во второй половине августа 1702 г. Петр I, совершая свой знаменитый сухопутный поход из Нюхчи (на берегу Белого моря) в Повенец (на берегу Онежского озера), заложил по пути три медеплавильных завода (ср.: *Заозерская Е. И.* Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947. С. 11, 156—157).

⁷⁷ «Отколь [от деревни Сермаксы] хотели через оное [Ладожское] озеро до Ладоги идти; но препятствие учинилось за противным ветром» (Журнал, или Поденная записка. С. 54).

⁷⁸ То есть между складами оружия.

⁷⁹ Первый обходный приладожский канал, соединивший Неву с Волховом, начали рыть шестнадцать лет спустя после взятия Шлиссельбурга, в 1718 г.

⁸⁰ «Того же числа [29—30 сентября 1702 г.] с 50 судов с Ладожского озера с полмили сухим путем чрез лес волочены в Неву-реку» (Журнал, или Поденная записка. С. 56).

⁸¹ «И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу» (Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 220).

⁸² «В 1 день октября [1702 г.] о 4 часах поутру 1000 человек Преображенского и Семеновского полков в суда посажены и на другую сторону Невы посланы» (Журнал, или Поденная записка. С. 56).

⁸³ «Неприятели, дав один залп, из шанца тотчас побежали» (там же).

⁸⁴ 1 октября 1702 г. фельдмаршал Б. П. Шереметев послал письмо коменданту Нотебурга, предлагая сдать крепость без боя, «потому что у него [коменданта] со всех стран путь сикурсу отнят» (там же).

⁸⁵ Нотебургский комендант попросил Шереметева дать ему четыре дня срока, чтобы снестись относительно капитуляции крепости со своим командиром, шведским генералом Горном, находившимся в Нарве, «на что ему ответствовано пушечною стрельбою и бомбами со всех наших батарей и кетелей залпом» (Журнал, или Поденная записка. С. 56—57).

⁸⁶ Бомбардировка крепости, начавшаяся 1 октября 1702 г., продолжалась до 9 октября, когда оказалось, что «более стрелять было невозможно, понеже у пушек запалы зело разгорелись». Шведы отвечали тоже «великою стрельбою» (Журнал, или Поденная записка. С. 57—59). Осаждавшими было выпущено более 10 500 ядер и бомб и брошено около 2500 ручных гранат. По словам Петра I,

который лично руководил бомбардировкой, «артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила» (*Устрялов Н. Г. Т. IV. Ч. I. С. 200, 206*).

⁸⁷ То есть от Петра I.

⁸⁸ 3 октября 1702 г. русское командование получило письмо от жены шлиссельбургского коменданта, которая просила выпустить из осажденной крепости офицерских жен. Петр I отвечал, что «если изволят выехать, то изволили б и любезных супружников своих вывестъ купно с собою». На этот «комплимент» шведы ответили артиллерийским огнем по той батарее, где находился Петр I (Журнал, или Поденная записка. С. 58).

⁸⁹ «В 4 день октября [1702 г.] взята неприятельская конная партия в 12 человеках, состоящая с корнетом, в 4 милях от города», пытавшаяся, видимо, прорваться в крепость (там же. С. 59).

⁹⁰ 4 октября 1702 г. вечером лично Петром I «на острову (который меж крепостью и нашими апошами) пост занят и по учиненном закрытии 300 человеки осажен для близости к городу» (там же).

⁹¹ «В 7 день [октября 1702 г.] велено собирать охотников к приступу, которых нарочитое число записалось». «В 9 день розданы лестницы для приступа» (там же).

⁹² «Того же дня [9 октября 1702 г.] сделан и летучий мост чрез Неву» (Журнал, или Поденная записка. С. 60).

⁹³ «В 11 день октября [1702 г.], в воскресенье рано, о 2 часах, учинился великий пожар в крепости, и по том наши охотники к приступу, которые с своими судами с полмили на [Ладожском] озере стояли, указ получили к нападению чрез три выстрела из 5 мортиров залпом» (там же).

⁹⁴ «И о полчетверта часа рано [т. е. в 3 ч. 30 м. утра] начало приступа со всех сторон к крепости учинили, который тем охотникам не гораздо удался» (там же).

⁹⁵ «Того ради посланы подполковник Семеновского полка князь Голицын, а по том [т. е. вслед за ним] Преображенского полка майор Карпов (который вскоре жестоко картечем ранен сквозь ребра и руку) с командированными» (Журнал, или Поденная записка. С. 60).

Вопреки сообщению Ломоносова, Карпов, раненный действительно «жестоко», остался жив и погиб только двумя годами позже при осаде Нарвы (*Устрялов Н. Г. Т. IV. Ч. I. С. 202*). Ломоносова ввел, может быть, в заблуждение «Журнал» Г. Гюйсена, где в числе «побитых», т. е. убитых, под Нотебургом значится один майор Преображенского полка (Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. III. Изд. Ф. Туманского. СПб., 1787. С. 309).

⁹⁶ Приступ продолжался 13 часов, «однако ж на брешь ради крутости и малого места земли около города и сильного сопротивления неприятель-



А. Коцебу. Петр Великий основывает Петербург

ского за краткостью наших приступных лестниц (которые в иных местах больше полуторы сажени коротки были [т. е. не доставали более трех метров до нижнего края бреша]) взойти и овладеть не могли; а неприятели с одной стороны строение, которым было наши защитились, каркасами [т. е. зажигательными бомбами] зажгли и непрестанно дробом [т. е. картечью] по нашим из пушек стреляли, також бомбы, непрестанно зажигая, со стен катали, от чего великий и несносный вред нашим учинился, чего для уже указ послан был для отступления» (Журнал, или Поденная записка. С. 60).

97 Эти стихи свидетельствуют о том, 1) что Ломоносов пользовался не той редакцией «Журнала, или Поденной записки», которая опубликована в 1770 г. М. М. Щербатовым и куда Петр I собственноручно вписал: «Онный посланный [с указом Петра об отступлении] ради тесноты пройти до командира [т. е. до Голицына] не мог» (Устрялов Н. Г. Т. IV. Ч. 1. С. 202), а одной из семи предыдущих редакций, где эта приписка отсутствовала (ср.: Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 10. С. 324—325), и 2) что Ломоносову было известно не попавшее ни

в одну из редакций «Поденной записки» и отвергаемое позднейшими историками предание, будто Голицын, получив указ Петра I об отступлении, ответил посланному: «Скажи государю, что теперь принадлежу не Петру, а Богу» (*Устрялов Н. Г.* Там же).

⁹⁸ *Зелле* — порох. Об эпизоде с упавшим на Голицына горящим бревном не встречается упоминаний ни в одном из известных нам источников. В двух рукописных биографиях Голицына, написанных, видимо, вскоре после его смерти и, вероятно, известных Ломоносову, говорится только, что при штурме Нотебурга Голицын был ранен (архив РАН, разр. I, оп. 63, № 31; разр. IV, оп. I, № 194).

⁹⁹ Описывая последнюю стадию штурма, Ломоносов отходит от текста «Поденной записки», который до того передавал, как мы видели, почти дословно. В «Журнале» Гюйсена говорится об этой стадии штурма очень сухо, а именно, что «неприятель от множества нашей мушкетной, также и пушечной стрельбы в те 13 часов весьма утомлен был» (Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях императора Петра Великого. Ч. III. СПб., 1787. С. 308; ср. также: Книга Марсова, или воинских дел. СПб., 1766. С. 7), а в одной из редакций «Поденной записки» отмечаются два относящихся к этой стадии эпизода: 1) распоряжение Голицына оттолкнуть от берега порожние суда, вызванное тем, что некоторые солдаты порывались бежать, и 2) появление под стенами крепости бомбардир-поручика А. Д. Меншикова с резервными частями (Журнал, или Поденная записка. С. 61; у Феофана Прокоповича первый эпизод отмечен, а второй — нет: История императора Петра Великого. СПб., 1773. С. 51). Этот последний эпизод, положивший начало громкой военной карьере Меншикова, едва ли мог быть не известен Ломоносову, однако в поэме он о нем умалчивает; имя Меншикова в ней не встречается, как не найти его и в других произведениях Ломоносова.

¹⁰⁰ Был ли выкинут осажденными белый флаг, неизвестно. В «Журнале, или Поденной записке» сказано лишь, что неприятель «ударил шамад», т. е. подал барабанный и трубный сигнал о сдаче (Журнал, или Поденная записка. С. 61).

¹⁰¹ «В 14 день [октября 1702 г.] гарнизон по договору с распущенными знаменами, барабанным боем и с пулями во рту, с четырьмя железными пушками сквозь учиненный бреш вышел и на данных судах отпущен со всеми своими вещами к Шанцам» (Журнал, или Поденная записка. С. 62).

¹⁰² Осенью 1703 г. Карл XII, продолжая воевать с Польшей, занял города Торунь, Мариенбург, Эльбинг и Данциг. В «Поденной записке» весь этот район обозначен общим наименованием «Польские Прусы» (с. 79), Ломоносов же относит его к Германии. 1 июля 1704 г., под прямым нажимом Карла XII, подступившего к Варшаве с сильной армией, был свергнут с престола польский король Август II и вместо него избран королем Станислав Лещинский (*Устрялов Н. Г.* Т. IV. Ч. 1. С. 345—347).

¹⁰³ Из числа 137 пушек, оставленных шведами в Нотебурге (Ломоносов называет их «громадами»), одна «лита при деде царя Ивана Васильевича» (Журнал, или Поденная записка. С. 62), т. е. при Иване III. Ломоносов ошибается, называя Ивана III первым, кто ввел

На бранях новый страх земных громовых
стрел,

то есть огнестрельные орудия: первые сведения о применении их на Руси относятся к 1382 г., т. е. ко времени Дмитрия Донского.

¹⁰⁴ То есть в период польско-шведской интервенции, или в так называемое Смутное время.

¹⁰⁵ *Уразина* — орясина, дубина.

¹⁰⁶ *Накфы* — бубны.

¹⁰⁷ *Пороки* и *тафаны* — стенобитные орудия.

¹⁰⁸ «По взятии же той Шлюссенбургской крепости еще той же осени [1702 г.] она укреплена новыми болверками кругом всего города» (Журнал, или Поденная записка. С. 64).

¹⁰⁹ То есть шведов.

¹¹⁰ «По том [т. е. после взятия Шлиссельбурга] Его Величество с полками гвардии и со взятыми медными пушками и знаменами путь свой восприял к Москве» (там же).



**КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ
РАЗНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ
ПО СЕВЕРНЫМ МОРЯМ
И ПОКАЗАНИЕ ВОЗМОЖНОГО ПРОХОДУ
СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ
В ВОСТОЧНУЮ ИНДИЮ**



КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ
РАЗНЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ
ПО СЪВЕРНЫМЪ МОРЯМЪ
и ПОКАЗАНІЕ
ВОЗМОЖНАГО ПРОХОДУ
СИБИРСКИМЪ ОКЕАНОМЪ
ВЪ ВОСТОЧНУЮ ИНДІЮ

«Краткое описание разных путешествий по северным морям» Ломоносова.
Титульный лист рукописи, 1763 год

**Е. И. В., пресветлейшему государю цесаревичу,
великому князю Павлу Петровичу, герцогу Шлезвиг-голстинскому,
Стормарнскому, Дитмарсенскому, графу Олденбургскому
и Делменгорстскому, наследнику норвежскому,
флотов российских генерал-адмиралу,
милостивейшему государю**

Пресветлейший государь цесаревич,
великий князь, милостивейший государь!

Великий прадед Вашего Императорского Высочества, между прочими своими преимущественными делами и подвигами, первым почитал упражнением сооружение флотов российских. Его неутомимою рукою выведены корабли военные на Белое, Азовское, Варяжское и Каспийское море и показана морская российская сила всем окрестным державам в краткое время громкими победами.

Его благословенное предначинание ожидает от Вашего Императорского Высочества благополучного продолжения и приращения, о коем весьма не сомневаемся, когда с радостию видим, что премудрая Родительница Вашего Императорского Высочества, всемилостивейшая Самодержица наша, отменным вниманием обращает прозорливое око на состояние морского своего могущества и ради вашего основательства в сем важном государственном учреждении с самых нежных лет главное оно правительство препоручить благоизволила, дабы под Ея попечительным предводительством флотских дел знание и к ним охота купно с вашими летами возростала и укреплялась.

Могущество и обширность морей, Российскую империю окружающих, требуют такого рачения и знания. Между прочими Северный океан есть пространное поле, где под Вашего Императорского Высочества правлением усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку. Представляющиеся в том трудности и опасности сколько добропорядочным предприятием умалятся, но вдвое того оскудеют или вовсе исчезнут счастьем Вашего Императорского Высочества и Божеским поспешествованием во всех благонамеренных делах премудрая Екатерины.

Сей мой посильный труд, от усердия к пользе отечества происшедший и Вашему Императорскому Высочеству посвященный, ежели некоторого уважения Вашего удостоен будет, крайним моим почту в жизни удовольствием.

*Вашего Императорского Высочества
подданнейший и всеусерднейший раб
Михайло Ломоносов*

*Сентября 20 дня
1763 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Благополучие, слава и цветущее состояние государств от трех источников происходит. Первое — от внутреннего покоя, безопасности и удовольствия подданных, второе — от победоносных действий против неприятеля, с заключением прибыточного и славного мира, третье — от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами чрез купечество. Российская империя внутренним изобильным состоянием и громкими победами с лучшими европейскими статами равняется, многие превосходит.

Внешнее купечество на Востоке и на Западе хотя в нынешнем веку приросло чувствительно, однако, рассудив некоторых европейских держав пространное и сильное сообщение разными торгами со всеми частями свега и малость оных против российского владения, не можем огрешись, что мы весьма далече от них остались. Но в сем Россию до нынешних времен извинить должно, ибо западные европейские державы по положению своих пределов везде имеют открытый путь по морям великим и для того издревле мореплаванию навыкли и строению судов, к дальнему морскому пути удобных, долговременным искусством научились.

Россия, простираясь по великой обширности матерой земли и только почти одну пристань у города Архангельского и гу из недавних времен имея, больше внутренним плаванием по великим рекам домашние свои достатки обращала между собственными своими членами, но ныне, по открытии Петровою рукою во многие моря пристаней, по введении знания в мореплавании и строении корабельном, бывшие не-

удобности исчезли, и ход российских военных и купеческих судов знатно прирастает, который со временем не токмо другим морским державам сравниться, но и превзойти может, ежели все то употребится в пользу, что Всевышний промысел дал в участие нашему пространному отечеству. Не упоминаю во всем том довольствия, что к строению кораблей потребно, ибо избыток оных, расширяясь во внешние государства и снабдевая другие державы, ясно разглашает по всему свету российское богатство, которым как в европейских купеческих пристанях утвердиться, так и в Японию, в Китай, в Индию и к западным берегам американским достигнуть в состоянии, чем наше купечество не токмо приобрести новые преимущества, великое богатство и громкую славу, но и на всех завистников своего благополучия страх навести может. Внешние сего примеры, токмо представляясь пред очами всего света, в восхищение всех приводят.

Малые владательства, которых с российским могуществом и внутренними достатками в сравнение положить невозможно, распростерли свои силы от берегов европейских и оными окружили все прочие части света. Россия не меньше счастьем, как силою и общим рачением простерла свою власть до берегов Восточного океана и в пространстве оного открыла неведомые земли, но как за безмерною дальностию для долговременных и трудных путей сила ея на востоке весьма укоснительно и едва чувствительно умножается, так и в изыскании и овладении оных земель и в предприятии купеческого сообщения с восточными народами нет почти больше никаких успехов.



Полярная карта, приложенная к рукописи
«Краткого описания разных путешествий по северным морям...»
1762—1763 гг.

Все сии трудности прекращены быть могут морским северным ходом, о которого возможности найдутся в сем моем рассуждении довольные доказательства. Правда, что представление многих трудностей, которым сие предприятие может быть подвержено, в состоянии возбудить сомнения, но оные, уповаю, исчезнут, когда положим к ним в сравнение в подобных случаях труды, препятствия и успехи западных народов, а особливо португальцев и испанцев. Португальцы от своих берегов имели

ходу в Ост-Индию до Малабарских семнадцать тысяч верст; у нас от Кильдина-острова (ежели оттуда главное предприятие воспоследует) до Чукотского носу, до которого из Камчатки доходил открытым морем Беринг; не больше пяти тысяч верст.

Правда, что здесь затруднением грозят льды и стужи, однако, положив оные в сравнение с путешествием в Восточную Индию около Африки, много легче усмотрим и против одной стужи многие и большие неудобства найдем: 1) на толь долгом

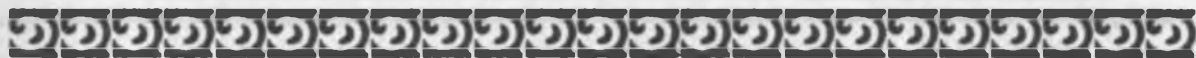
пути под разными климатами на разных морях каких не представляли себе опасностей португальцы! Один сей страх от неведомых приключений мог бы, кажется, уничтожить их надежду; 2) преходя экватор в первые походы, коль страшные ощутили неудобности! Долговременная тишина с нестерпимым зноем не токмо члены человеческие приводила в слабость и к понесению трудов чинила неудобными, но согнитием воды и съестных припасов и рождением в них червей голод и жажду, сверх того, моровые язвы и бешенство в людях производила; 3) внезапно на ослабленных устремлялись неслыханные в наших морях свирепые вихри и туч густых удары, от которых корабли нечаянно в великой пучине погружались; 4) перешед на южную половину за экватор, не имели больше северной Полярной звезды для предводительства, и в прочем на Южном полукружии редкие и не определенные астрономическим прилежанием звезды мало в плавании служили; 5) на берегах, к которым приставали для отдохновения и для сыскания свежей воды и пищи, обеспокоены и обижены были от непостоянных варварских народов; 6) в толь великом отдалении пресекали им путь на море и к поселению предприятия воспящали сильные турецкие и аравитские флоты из Чермного моря, которые, боясь себе помешательства в купечестве, противились в успехах европейцам; 7) простершись от берегов в ужасное отдаление по неизмеримой глубине и видя плавающую траву и червей, корабли прогрызающих, сверх того необыкновенные и ужасные на воздухе огненные явления, суеверные и незнающие люди всегда к отчаянию приближались и кровопролитие междусобное предприятие и руки на своих начальников поднять готовились. Великим воспящением было негодование при отправлении и 8) опасное роптание всего народа, что-де на явную гибель головы христианские, однородцы и свойственники, слепым желанием богатства или принуждением отдаются, дабы сыскать песчаную, зноем солнечным иссушенную и бесплодную землю или, дошед до края света, погрузиться в преисподние адские про-

пасти. Все сии обстоятельства и приключения в грудных и опасных мореплаваниях, славными морскими героями предприятий, примером и поощрением служить нам должны.

Все опасности и страхи ни сих отважных сердец погибелью, ни самих государей истощением великого иждивения не отвратили; где жалели флотов, многочисленного народа, казны несчетной и знатных фамилий для снискания пользы и славы отечеству в неведомых и половиною света удаленных государствах. Россия, имея Северный океан, лежащий при берегах, себе подданных и по большей части исследованных и описанных, за одним только льдом и стужей не продолжает своих важных и преславных предприятий, дабы достигнуть к тем берегам восточным, где не токмо от неприятелей безопасна, но и свои поселения и свой флот найдет.

Не на великом пространстве в разных климатах, которые разнятся семьюдесятью градусами, предприятие долговременный морской путь россиянам нужно, но между 80-м и 65-м северной широты обращаться. Нет страху ни от крутых, море похищающих вихрей, ни от ударов туч, корабли от воды отрывающих, которые в северных морях нигде не примечены. Не опасна долговременная тишина с великими жарами, от чего бы члены человеческие пришли в неудобную к понесению трудов слабость, ни согнитие воды и съестных припасов и рождение в них червей, ниже моровая язва и бешенство в людях. Все сие стужей, которой так опасаемся, отвращено будет. Самое сие больше страшное, нежели вредное препятствие, которое нашим северным россиянам не так пагубно, превратится в помощь.

Сии преимущества довольны быть кажутся, чтобы побудить к новым предприятиям в сыскании северного ходу Сибирским океаном, особливо же, видя пример Великия Британии, которая главное свое внимание простирает к западно-северному ходу Гудзонским заливом, не можно, кажется, не иметь благородного и похвального ревнования в том, чтобы не дать предупредить себя от других успехами только великого и преславного дела.



Глава первая

О РАЗНЫХ МОРЕПЛАВАНИЯХ, ПРЕДПРИЯТЫХ ДЛЯ СЫСКАНИЯ ПРОХОДУ В ОСТ-ИНДИЮ ЗАПАДНО-СЕВЕРНЫМИ МОРЯМИ

§ 1

По изобретении южного ходу около мыса Доброй Надежды в Ост-Индию предводительством португальского адмирала Гамы старались разные морские державы сыскать проезд севером в те же стороны для избежания толь далекого по разным морям плавания и для избывтия многообразных в нем случающихся противностей и опасностей. Надежда и сомнение представляли два прохода: один около Северной Америки на запад, другой — около северных берегов азиатских на восток Сибирским океаном. В обе стороны многие предприятия учинены с разными успехами, что кратко в сей главе предлагается¹.

§ 2

Первые в сем покушения учинила Англия при короле Генрихе Седьмом. Иван Кабот пошел из Бристоля на королевском корабле с некоторыми купецкими в запад 1497 года весною и 24 числа июня усмотрел береги острова при Северной Америке, называемого ныне Новая Земля, назвав оную Прима Виста. Поворотясь на полдень до Флоридинского мыса, с тем приехал обратно домой, не выходя ж нигде на берег. Сын его Севастиан Кабот неудачными предприятиями сие агличан намерение почти вовсе уничтожил, и оное было оставлено до 1576 года.

§ 3

Мартын Фробишер, предприяв по нем поиск северо-западного проходу на двух кораблях и на третьей пинке, пустился в море, чтобы получить желаемое или не возвратиться в отечество, однако ходил затем трикратно, ибо в сей первый раз достиг он только до восточного гренландского берегу, приметил некоторый узкий пролив к западу, который назвал в свое имя. Видел берега и острова, по местам льдами покрытые, и льды, плавающие по морю. На берегах усмотрены хижины тамошних жителей, лодочную езду оных. Старавшись ласкать их к обходительству угощением и подарками, ничего не успел, но потерял пятерых агличан, кои сверх приказания осмелились выйти на берег; взяты от диких людей в полон; потом прошел близ западных берегов исландских в Англию, куда достиг в начале октября месяца. По возвращении ничего больше не мог показать, как одного увезенного гренландца и некакого черного камня, взятого матросом с берегу; сей на огне покраснел и подал чрез некоторые пробы надежду о содержании в себе золота. Многие тем привлечены были к вторичной посылке. Собралась компания с выключительными привилегиями, и сама королева Елисавета имела в ней участие. Фробишер отправлен мая 31 числа 1577 году; тщетно искал он пяти человек, потерянных в прежнюю по-

ездку, и тем только был доволен, что нагрузил на корабли мнимой золотой руды 1500 пуд и взял пойманных двоих тамошних жителей. Несмотря на то, отправлен был Фробишер третий раз с целым флотом, пожалован золотою цепью, и на одном корабле положен был целый разборный дом с другими потребностями к заведению зимовья. Но и тут не было удачи: сей корабль пропал от сильной бури, и другие весьма повредились. Итак, не сыскав прежних мест ради великих противностей и затруднений, ни с чем назад возвратились. Фробишер в 1588 году оказал свою храбрость на славном морском сражении с испанцами, командуя кораблем, называемым «Триумф», и награжден кавалериею. Спустя шесть лет, при взятии Бреста ранен, умер.

§ 4

В 1585 году Давис, человек весьма разумный и в мореплавании искусный, отправлен от некоторого сообщества богатых купцов английских на двух кораблях ради поиска морского пути западно-северными морями в Индию. Вступая в дорогу июня 7 дня, 20 числа того ж месяца увидел землю близ входу в пролив, проименованный его именем, и прозвал оную Десоляцион; 29 числа открылись другие земли на 65 градусе ширины, где нашел людей весьма обходительных. В 16 число августа достиг до 67 градуса, вступил в открытое море и южному мысу земли дал имя Божие Милосердие; потом вошел в изрядный залив, которым он приплыл к северу до 60



Маршруты экспедиций Фробишера, Девиса, Баффина и Байлота

морских миль, откуда в Англию повернулся и пришел благополучно 30 числа сентября. Сим плаванием открыл Давис западный гренландский берег до 64 градусов 15 минут, а восточный край Северной Америки до 66 градусов 40 минут ширины.

§ 5

Сей удачный поход подал причину к отправлению другого, в который открыл Давис больше и обстоятельнее левую сторону своего пролива и многие заливы и проходы до 66 градуса 33 минут, откуда домой возвратился. Мая 19 дня 1587 г. отправился в третий раз от того ж сообщества на трех кораблях и достиг только до 63 градуса ширины, однако далее к западу. Сими тремя походами хотя подал много надежды к изобретению желаемого прохода и подал компании проект, что впредь таковые посылки могут отправляться на доходах от рыбных и звериных промыслов на местах, им найденных, однако и по таких открытиях не учинено предприятия около 16 лет.

§ 6

По ободрению и совету Ланкастра, славного мореплавателя ост-индского южными морями, предприняли агличане снова поиски северо-западом, по следам прежних походов; и так, 1602 года мая 2 дня отправили капитана Георга Веймута на трех кораблях. Июня 28 числа открыл и признал он мыс Варвик на 63 градусе 30 минуте ширины и рассудил по твердым основаниям, что сие место есть остров и что залив, Лумли называемый, и другой, что того южнее, проходят на запад в море; и понеже течение моря простирается ими на запад, то заподлинно заключил, что должно быть ими проходу, причем рассудил, что сия часть Америки вся пересечена проходами морскими. Итак, несмотря на роптание и негодование своих людей, дошел до 69 градуса и оттуда повернулся в Англию ради позднего времени, причем он приметил от льдов мало препятствия и рассудил, что сими местами удобнее сыскать проход, нежели Дависовым проливом.

§ 7

Сим походом укрепясь в надежде, Англия ожидала человека, к тому больше других способного, каков и нашелся в славном Гудсоне, о котором по нем другие бывшие мореплаватели свидетельствуют, что в морских путешествиях не бывало никого искуснее: при всяких случаях непоколебим был мужеством, неутомим трудами. Соединившись некоторая знатных купцов компания для поиска желаемого проезду востоком, западом или прямо севером, выбрали сего достойного человека. Гудсон пустился в море первого числа мая 1607 года и в 13 число июня увидел восточный берег Гренландии; 21 усмотрел на 73 градусе другое место той же земли, где была хорошая и мягкая погода, хотя прежде на 63-м градусе чувствовал немалую стужу. Море было тихо и безледно, и по нем плавало знатное количество лесу. При сем он приметил, что синеватое море было ледовито, зеленоватое от льдов свободно. На северном берегу шпицбергском или на южном гренландском нашел ручьи свежей теплой воды, звериные следы и множество птиц; оттуда к северу дошел на 82 градуса, далее идти льды не позволили; откуда повернулся в норд-вест, чтобы пройти в пролив Дависов, но за неудобностию плаванья возвратился в Англию.

§ 8

На другое лето отправлен Гудсон для исследования проезду востоком 21 числа апреля и путь свой направил промеж Новою Землею и Шпицбергом. Однако, нашедши на великие льды, назад повернулся, чтобы попытаться пройти западом сквозь пролив, называемый Лумлей, но, рассудив, что лето поздно становится, в Англию возвратился. После чего, неизвестно ради каких причин оставя отечество, вступил в голландскую службу и 1609 года апреля 6 числа вышел в море из Текселя. Миновав северный Норвежский мыс, пустился прямо на Новую Землю, но великие льдины, коими море покрыто было, отняли всю надежду; а особливо с ним бывшие голландские и аглинские матросы привыкли ходить в Ост-Индию и ради того стали весьма скучать великою и несносною себе стужей; сверх сего, произо-

шли меж ними, как между разноземцами, ссоры. Итак, принужден переменить свое предприятие, по коему с общего совета поворотился на запад к Америке и, ходив по разным местам около берегов между 37 и 44 градусов, с немалым неудовольствием и роптанием подчиненных в Англию бесполезно возвратился.

§ 9

В четвертый раз, 17 апреля 1610 года, предпринял путь свой Гудсон из Темзы к северу и достиг западных берегов исландских, где люди против его учинили бунтовщичий заговор, который разрушить много ему труда стоило. Оттуда, пустившись к западу, прошел найденные берега Дависом и вступил в пролив своего имени; потом въехал в великий залив, по нему ж проименованный, на 62 градусе ширины. А как доплыл до западного берега, высматривал оный прилежно даже до сентября и искал способного места, где б прожить зиму. Подштурман его Роберт Эйвет непрестанно старался побуждать беспокойные головы на своего начальника; для того Гудсон отставил его от должности, чем больше раздражил оных. Весьма удивительно, чем думал Гудсон с людьми зиму прокормиться, когда уже запас, данный на шесть месяцев, вышел и купно назначенное время; однако зиму пропитались птицами. На весну, не сыскав никаких жителей, от коих бы получить споможение запасом, разделил немногие сухари последние всем и себе по равной части, со слезами и увещанием пошел обратно в Англию. Помянутый подштурман и некто Генрих Грин, коего Гудсон в Англии от казни избавил, с другими бунтовщиками поймали его и с сыном, еще в самых молодых летах, также математика Жемеса Вадгуза, корабельного плотника и еще пять человек посадили без пищи и ружья в шлюпку и опустили на море. В сих суровых местах Бог отметил злодейство: Грин с двумя товарищами убит от диких людей, Эйвет умер на корабле мучительною болезнию; прочие, претерпев горькие нужды, домой возвратились и все бы достойную казнь понесли, если бы их сильная рука не заступила для чаемой в них впредь надобности.

§ 10

Аввикум Принет, бывший при Гудсоне писарь и участник против его в заговоре и несчастии, рассказав директорам компании обстоятельства Гудсонова путешествия, а особливо, что прибывшая вода идет прямо от запада, якобы из самого Тихого моря простираясь, побудил их к отправлению новой посылки для того же изыскания. На сие избран был Томас Буттон, офицер знатной породы и особливого искусства. На двух кораблях пошел из Темзы в море в первых числах мая 1612 года, вошел в Гудсонов пролив и при островах, называемых Резолюцион, затерт был льдом, но, скоро освободившись, пришел к острову Дигсу, где льду ничего не было; после правил ход свой к западной стороне и, нашед землю, назвал Лебязьим Гнездилищем; потом пошел в зюйд-вест и усмотрел на 60 градусе 40 минуте землю, которую проименовал Неудачною Надеждою. 14 августа зашел в хороший залив, Нелзонсгафен, и в нем зимовал с великою осторожностью от нужды, стужи и глада и от неудовольствия своих товарищей и подчиненных. В бытность свою изловил на пищу до 1800 дюжин куропаток, однако много претерпел от холоду и потерял немало матросов. По весне осмотрел тамошние берега и с удовольствием возвратился. Гиббон, сродник и любимец Буттонов, ходил туда ж 1614 году, однако не уметил в Гудсонов пролив и, в глухом заливе претерпев много от льду опасностей, без успеху возвратился.

§ 11

В 1615 году воспоследовало мореплавание много славнее и полезнее. Роберт Билет и с ним искусный штурман Баффин, который знатнее стал самого капитана, на содержании той же компании пошли в море 18 апреля и 6 числа мая увидели западный берег Гренландии, прошедши мыс Форевель; оттуду простираясь к западу, открыли на 64 градусе остров, который называли Мельничным, затем что лед был около него как молотый. 10 числа июля усмотрели землю в западе и по приливу, приходящему от севера, весьма обнадежились о подлинности искомого проходу; и



Маршруты экспедиций Джона и Себастьяна Каботов

для того тутошный мыс назвали Ободри-тельным; но далее того приметив противное, надежду оставили и в Англию возвратились.

§ 12

На другой год, выпросив у компании вторичную поездку, на том же корабле отправились 26 марта 1616 года в Дависов пролив, в который вошли 14 числа мая; а как достигли до 72 градуса, начали о проезде сомневаться, видя, что прилив низок и течением непорядочен, чего на открытых морях не бывает, несмотря на то, что тут море весьма широко и от льдов свободно; однако ж путь свой простирали далее и на 72 градусах 45 минутах нашли остров, который Женским назвали, затем что видели три бабы, шалаши и лодки. От множества льду вошли в некоторую пристань, где им жители принесли много рогов от морских единорогов, и пристань проименована Роговым проливом; после, вышед изо льду под 75 градусом, нашли море от него свободное; на 77 градусе усмотрели другой пролив и по множеству китов назвали Китовым. После того были у иных заливов и проливов, кои все лежат на западном берегу Гренландии. В Шмидове заливе, что на

78 градусе, нашли ужасное множество китов, чрезвычайно крупных. Магнитная стрелка склонялась к западу на 56 градусов, какового отдаления нигде не примечено. Наконец, следуя к западному берегу Дависова пролива и усмотрев Кумберландов остров, отчаялся своего поиска и так в Англию возвратился. Из Билетова письма, писанного к директору Волфстенгольму, явствует его мнение, что хотя Дависовым проливом невозможно надеяться ходу в Тихое море, однако для сегожного, моржового и китового промысла нет места удобнее того, что само искусство показало: голландцы учредили гам ловли, кои ежегодно приносят несказанное богатство. Баффин сам почти признавался, что проход не Дависовым проливом, но далее к западу быть должен. Сие мнение содержал до смерти, которая приключилась ему в Ост-Индии при осаде города Диу.

§ 13

Хотя около пятнадцати лет не предпринимали после того агличане никаких поисков желаемого прохода, однако Дависовы, Гудсоновы и Баффиновы удачи и рассуждения еще твердо держались у них в мыслях. Некто Лука Фукс, человек рожденный к



Маршруты экспедиций Гудсона

мореплаванию, часто разговаривал с бывшими в прежних поездках, собрал все морские к сему предприятию надлежащие карты, спознался с лучшими математиками, которых споможением королю Карлу Первому представлен и отпущен на королевской пинке 8 мая 1631 года. В Гудсонский залив вошел 28 числа, потом приехал к земле на 64 градуса и назвал Томас Вилькоме. Погода была хороша, море безо льду, и земля без снегу. Прилив подымался до 4-х сажень, однако далее к полудни меньше и, наконец, нечувствителен. Из сего заключил и по своем возвращении в Англию других уверил, что далее к северу по западному Гудсонскому заливу должен быть широкий проход в Западный океан, ибо море там чище, воздух умереннее и киты ходят по тому румбу. Капитан Жемс, который с Фуксом вместе пошел для того ж поиска на другом корабле, хотя и виделся с ним в Гуд-

сонском заливе и ходил далее, однако зимовал там, претерпел великие невзгоды ото льдов, а больше от стужи, не имея от ней убежища, как только под корабельными парусами. По возвращении своем в Англию издал в свет плачевное описание своего состояния и при том доказательство, что или нет отнюдь желаемого прохода, или ежели есть, то весьма тесен и многотруден. По сему воображению оставили агличане таковые предприятия около тридцати лет.

§ 14

Бывшие после того путешествия Гильямсовы и Барловсовы мало служат к известиям о сем проходе. Достойнее примечания поездка Скрасова. В июне месяце 22 числа 1722 года пошел он в Гудсонский залив и на 62 градуса торговал с тамошними жителями, получая китовые усы и моржо-

вые зубы; после на 65 градусе видел много белых и черных китов. Прилив был до пяти сажень. Двое тамошние жители показывали куски меди, объявляя о местах, где такие минералы находят. После того пошел он в зюйд-ост и, проходя Велькоме, видел множество китов, а льду не было. Люди, высланные от него на берег, осмотрев, сказали, что ничего не приметили, что бы их ходу далее могло препятствовать.

§ 15

После сего Дабс, а по нем Мидлегон 1737 года ходили в Гудсонов залив, подле западных и северных берегов оного открыли многие реки и заливы, о коих сомнительно осталось, сквозь ли они проходят в северно-западный Тихий океан или нет. Великие приливы и множество китов сие представляют вероятно, но множество в них льду и непостоянство непорядочных приливов в величине и в сторонах течения надежду отнимают. От таких обстоятельств произошло обоюдное в Англии рассуждение: проход северо-западный в Индию есть или его нет. Ежели он есть, то всяк должен согласиться, что от того произойдут великие выгоды и прибыли и для того не надлежит терять надежды. Ежели нет, то надобно о том заподлинно увериться, чтобы впредь не томить себя тщетною надеждою. Сие побудило их к новому предприятию, ибо рассудили, что потеря весьма мала будет против безмерного приобретения, ежели чаемый путь откроется; и для того определено награждения двадцать тысяч фунт штерлингов тому, кто оный сыщет; для ободрения прочих чинов поставлены по рангам награждения в счастливом успехе и обещано дать им все в подарок, какие бы в сем путешествии добычи ни случились.

§ 16

Для сего путешествия назначены на двух больших кораблях два мореплавателя, Вильгельм Мор и Франц Шмид, с обстоятельною и предосторожною инструкцією для всяких случаев, которые только лишь хотели в море пуститься, некто любопытный мореплаватель, агличанин Генрих Эллис, из пути возвратился и оказал ревнительную охоту быть участником сего

славного предприятия, но притом и отговаривался, что он правителем оных кораблей быть не может, не обыкши ходить по морям северным; несмотря на то, склонился быть на оных агентом и записывать все натуральные примечания всего, что принадлежит к северному мореплаванию; и потом, в 18 часов, совсем собравшись, вступил на борт, и в море пошли 1746 года 31 мая. На 58 градусе ширины, к востоку от Фаревельского мыса прошли льдом и после сквозь великое множество плавнику, по величине в строение годного. 5 числа июля дошли до падуны или плавающих ледяных гор, кои обыкновенно бывают около Гудсонского пролива, где весьма высокие, снегом покрытые горы купно со льдами производят среди лета несносную стужу; при сем примечено, что северная сторона Гудсонского пролива свободнее от льдов, как южная.

Достигнув западных берегов самого залива, положили с общего совету перезимовать в Нейсольской гавани, где управитель тамошней компании аглинских купцов старался всячески рушить их предприятие злодейскими поступками, помня больше приватную, нежели общую пользу отечества; несмотря на то, прозимовали без скудости и без всяких неспособностей. Следующей весны пошли в море для изыскания чаемого проходу.

На 61-м градусе, идучи к полуночи, ото льду свободились, и на небольшом судне капитан Мор и агент Эллис исследовали западный берег, подле коего, идучи к северу, были между падуном, в мелях и льдах с немалою опасностью; пытались входить в разные заливы, надеясь проходу, однако везде оные льдами или впадающими в них реками либо мелями и камнями кончились. Примечания достойным признать должно Вагерский залив, который поманкою к изысканию, опасностью и особливою натурою чуден.

Первое — от великих и быстрых приливов и отливов, второе — от страшных висящих камней и шуму, третье — от обоестороннего порога происходит. Сей глухой залив имеет в конце великую обширность на несколько миль, которая сообщается узким проходом с прочим заливом. Когда прилив превзойдет вышину воды, что за

узким проходом в конце залива, тогда вливается в него море с великою быстриною и течет порогами. Когда ж в море вода упадет ниже, тогда выливается назад и воем с ужасным шумом, как с плотины. Достигнув 66-го градуса ширины, поворотились в Англию. Эллис хотя сим поиском мог больше бы увериться, что нет искомого проходу, однако уверял по своим физическим догадкам о подлинном бытии оного.

§ 17

Хотя в сем изыскании положили агличане главное старание, однако должно кратко показать об участии в том и других держав. В 1619 году приняли и датчане попытать своего счастья в обретении северо-западного прохода в Индию. Во владение Христиана Четвертого датский капитан Иоганн Мунк отправлен в море и 20 числа июня дошел до Форефельского мыса, откуда пустился в норд-вест в Гудсонский пролив; льды и бури принудили его между двумя островами скрыться, где едва все не погибли. Вшедши в залив до 64 градуса, принужден был в оном зимовать и претерпеть все бедности, каковы могут в оных местах случаться. От голоду и холоду остался только сам Мунк с двумя человеками, с которыми, дождавшись лета, пришел в отечество с великим страхом и опасностью на некрытом малом судне, затем что кораблем владеть троим было невозможно. На другой год, рассудив сей мореплаватель, что он собственными своими прошибками больше научился и в другой раз избежать их может, осмелился к вторичной поездке. Некоторые купцы, сложась, корабль ему снарядили. Уже совсем в готовности, пришел ко двору проститься. Король приказал осторожнее поступать и приписывал единственно его оплошности, что столько людей пропало. Мунку стало сие чувствительно, и королю отвечивал не с надлежащим раболепством, от чего он, потеряв умеренность, Мунка ткнул палкою. Сие бесчестие стало Мунку толь досадно, что, в отчаянии пришед домой, слег в постелю, не принимал ни утешения, ни пищи и так вскоре умер. Сим кончились датские предприятия, начатые для сыскания северо-западного проходу в Индию.

§ 18

Испанцы, побуждены будучи аглинскими предприятиями и успехами, покушались искать помянутого проходу с западной стороны, и некто Юан де Фуэн 1592 года и Мартин Дагвилар 1603 ходили с Новой Мексики далее Калифорнии к северу, за мыс Мендозин, из коих первый между 47-м и 48-м градусами, другою на 43-м ширины нашли, что западный американский берег простирается к северу и потом к востоку и, наконец, к полудни; так что де Фуэн, быв в великом заливе, думал, что пришел в Атлантический океан, и с тем поворотился назад в Аквапулк. Многие думают, что испанцы держат свои известия скрытно для политических причин, чтобы оными не пользовались другие державы.

§ 19

Известное мореплавание ишпанского адмирала де Фонта по западным берегам Северных Америки для поиска водяного сообщения между Атлантическим и Тихим океаном от многих принимается за подлинное, от большей части за вымышленное почитается, а самым делом сомнительно. Мне кажется, что оно достойно показания на карте² и изъяснения в Кратком описании. Помянутое описание найдено издавна, напечатанное по-аглински, потом переведено и издано на французском языке бывшим здесь профессором астрономии Делилем и, наконец, парижским астрономом Бюашем утверждается³ чрез многие доказательства, которые, однако, от многих сомнений не свободны.

§ 20

Адмирал де Фонт пустился из Южной Америки к берегам Полуночной 1640 года апреля 7 числа на четырех кораблях, из коих на первом сам, на другом вице-адмирал Пенелосса, на третьем Бернардо, на четвертом Ранквилло. Пенелосса принял на себя испытать, что Калифорния — остров или земля матерая, и нашел, что она касается Америки малым перешейком, который приливом уничтожается. Сам с прочими судами, достигнув ширины около 50 градусов, вошел во многие острова, кои он

именовал Архипелагом святого Лазаря; потом послал капитана Бернарда на его корабле ехать вверх по глубокой и тихой реке. 21 числа июня пошел он в север, потом в норд-ост и на восток, после опять в север и, наконец, к норд-весту. Тут вошел в озеро, наполненное многими островами, и полуостров, населенный доброобычным народом. Озеро названо от него Веласковым. Оттуда ездил он по разным водам, кои на оной карте показаны до 77 градуса ширины, везде нашел довольство всякой рыбы, птиц и другой дичи и воздух сносный, кроме того, что в самом конце названного в его имя Бернардовым озере или море видел около берегов высокие, снегами покрытые горы. Адмирал, уведомясь о его состоянии через письмо, пошел далее, нашел американский город, называемый Конассет, и, словом, найдены многие озера и реки с порогами и без порогов; и, наконец, видели агличан от восточного берегу Америки, где они около южных берегов Гудсонского залива имеют свои селения, с ними разговаривали. Все сие и многие мелкие обстоятельства не оставили б сомнения о северо-западном морском ходу, если бы оное мореплавание все не было подозрительно; причин невероятности и сомнительств и на оные опровержений для краткости здесь уместить невозможно. Мне паче всего невероятно быть кажется: 1) что пресная вода в Бернардове озере на толь дальней ширине была от льдов свободна, 2) что испанцы, а особливо из южных американских владений, привыкшие к жаркому климату, могли обращаться в толь суровых местах, в близости у полюса.

§ 21

При окончании сея главы остается мне объявить свое мнение о северо-западном вышепомянутом проходе, которое в том состоит, что оный невозможен или хотя и есть, да тесен, труден, бесполезен и всегда опасен. Рассуждая причины физические, которые еще по сие время питают агличан надеждою, не могу довольно надивиться, что народ, где довольно искусных мореплавателей в теории и практике и остроумных физиков, не может усмотреть явно-го оных неосновательства. Первым и

главным доводом почитаются великие приливы и отливы на западных берегах Гудсонского залива, а особливо в Велькоме и при заливе Репульсе, ибо из того заключают, что должно тут быть в близости океану, из которого подымается вода так высоко. На сие предлагаю следующее: в открытом океане вода много меньше подымается, нежели в узких местах, где прохода ищут; напротив того, в тесных местах и во



Строительство каравеллы

встречных водах, куда движение океана свободнее достигает, подымаются воды несравненно выше, как в океане. Примером служить может Мезенская губа, где прилив подымается иногда до семи сажень. Праведно ли кто заключить может и скажет ли кто, что из Беломорского пролива есть проход в океан Мезенскою губою, для того что воды весьма высоко ходят? Но кто встречное течение вод и поздание приливов по разным расстояниям знает, запод-

линно скажет, что, когда из Белого моря производится отлив и палая вода вытекает между Терским и Зимним берегом, в то ж самое время подоспевает новый прилив из океана, встречные воды сражаются около мелей, что между Тремя Островами и между Моржовцем, и общими силами устремляются диагонально линеєю, согласно с механическими правилами, к Мезенскому устью. И посему там прилив выше восходит, нежели на противном берегу, в Трех Островах, где самая большая достигает не далее четырех сажен. Всего чуднее, что, ведая великие проливы от востока, Гудсонский и Дависов, и многократными поездками и описанием берегов, особливо западных, что не можно чаять ни в сотую долю величиною отверстия против Дависова и Гудсонова, утверждают, что помянутые в Велькоме приливы приходят западными проливами. Сверх сего, обще океан движется от востока к западу, следовательно, много натуральнее приливам в реченных заливах быть пространными и известными проливами, нежели нигде подлинно не отысканными в берегах, кои почти на всякой миле осмотрены. Всего нерассуди-

тельнее, что Эллис Гудсонский залив уподобляет Посредиземному морю, не взяв в рассуждение свойств главных: 1) что Посредиземное море несравненно больше Гудсонского залива и, напротив того, 2) Гибралтарский проход не может малостию отнюдь сравниться с великими проливами Дависовым и Гудсоновым, 3) что узкий оный путь океанской воде в Посредиземное море отворен от запада в противность течения открытого моря. Итак, нет ни малейшего сомнения, что Баффинского и Гудсонского залива и самого Велькома воды движутся от приливов и отливов Атлантического океана, и если бы глубины на разных местах, береги и острова сих морей были известны, то бы теориею доказать легко было можно, от чего происходит их чрезвычайная вышина, как выше о Мезенской губе показано. Что ж до знатной солености и прозрачности сих вод, а особливо к северу, надлежит, то происходит оная от малости свежей воды из рек, которыми ближайшие к северу земли неотменно должны быть скудны. Множество китов большей солености воды приписывать должно.

Глава вторая

О ПОИСКАХ МОРСКОГО ПРОХОДУ В ОСТ-ИНДИЮ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЕ СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ

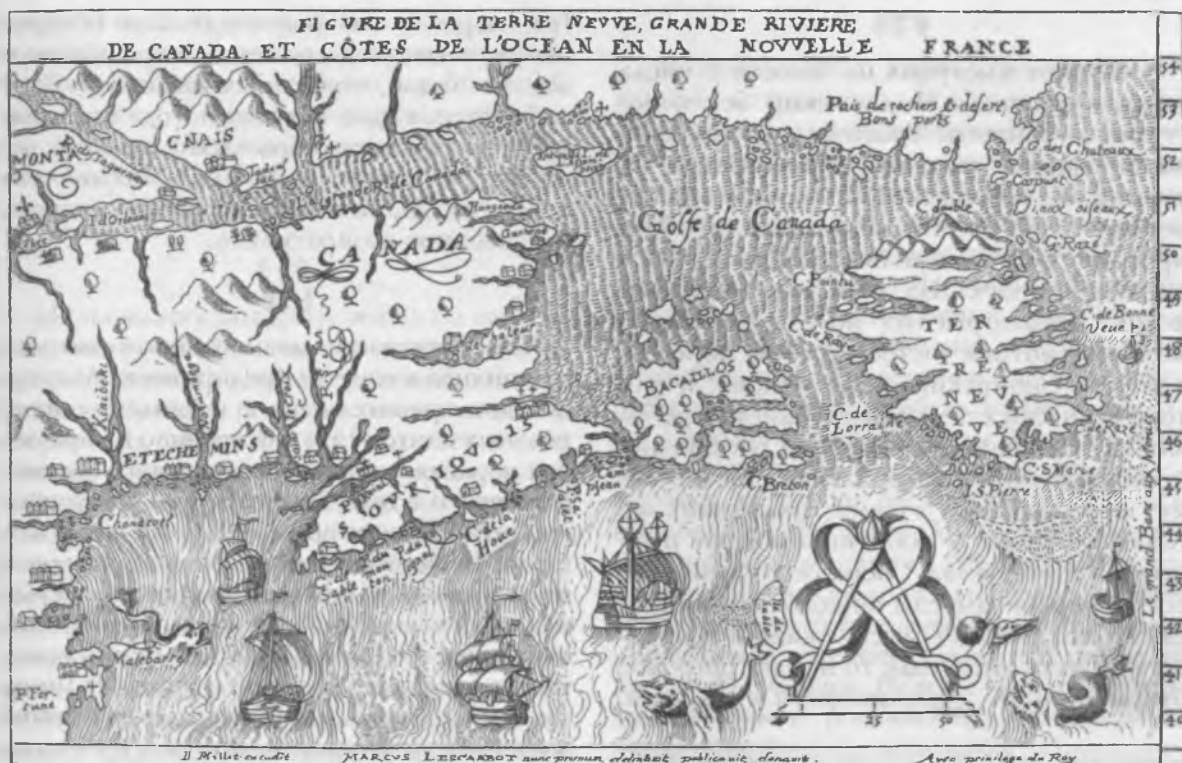
§ 22

Нет сомнения, что из давних весьма лет купечество далече простиралось близ берегов Ледовитого океана в северных сибирских пределах от западных северных народов, как о том свидетельствуют Стурлезоном описанные мореплавания из Норвегии в Двину-реку, также найденные лет за двадцать древние готические серебряные деньги при реке Пинеге в Кеврольском уезде, примеченные в знатном отдалении от моря на берегах сибирских старинные кочи и, наконец,

повествование новгородского летописателя⁴, что древние славяне ходили по рекам Выме и Печоре, даже до Великой Оби промыслять дыньков, то есть соболей; однако морских предприятий, обстоятельно описанных, не находим до шестнадцатого столетия.

§ 23

Голландцы первые, сколько известно, учинили для того поездку 1594 года. Вильгельм Баренц, искусный лоцман, послан был от некоторой компании голландских



Карта Новой Земли, Великой реки Канады и океанского побережья Новой Франции.
Факсимиле старинной гравюры

купцов с тремя кораблями. Из Текселя вышел июня 5 дня и 23 того ж, побыв в Килдине, пустился к Новой Земле и между 4 и 5 июля, взяв вышину солнца в самую полночь, нашел себя на 73 градусах 25-ти минутах, от берегу Новая Земля около шести миль; оттуда простирался далее к востоку и северу, достиг до 77 градусов 45 минут, увидел множество льду, а особливо поля ледяные (по-нашему называются ста-мухи), коих конца не видно; притом, почувствовав, что матросы уже ропчут, почел сие путешествие невозможным и пошел к южному концу Новой Земли, куда отправлены были прочие два судна. Близ Вайгача нашел он поставленные кресты и муку, в камнях зарытую, признаки промышленников российских. Паче чаяния в ту же пристань вбежали оные два судна, кои, увидев Баренца, чаяли, что он обошел около Новой Земли и вышел из Вайгача им навстречу, но радость их была суетна. По общему совету в Голландию возвратились.

§ 24

Разговоры и описание Вайгача, который пролив голландцы Нассавским называют, слыша в Голландии, многие знатные ревностно предприняли отправить другую большую посылку, чтобы оным пройти в Китай и в Индию. Генеральные Статы и принц Оранский сами вступили в сие дело, чтобы не токмо проход сыскать, но и купечество учредить, иде только жителей найдут. Предводительство сего вторичного предприятия препоручено было славному географу Петру Планкцию, который тому сочинил план и карту. Флот соорудили из семи кораблей: два из Амстердама, два из Зееланда, два из Екгузена, седьмая яхта из Роттердама для подания вести в Голландию, когда флот пройдет льды и до Табинского мыса (так Чукотский нос называли) достигнут. Баренц назначен предводителем на самом большом из двух кораблей, что отправлены из Амстердама, и в помощники ему дан Яков Гемскерк.

§ 25

Сей флот выступил из Текселя 2 числа июня и миновал Норвежский берег; достигли в близость Вайгаческого пролива на 70 градусе ширины, где встретил их мелкий лед безопасный, но в самом проливе был толь густ, что не позволял отнюдь проходу. Для того зашли в губу, по их называемую Квербухт. Из оной по сухому пути ходили некоторые на восток несколько миль и, усмотрев чистое место на море, чаяли, что Сибирский океан открыт, и для того всячески стали сквозь Вайгач пробиваться, а особливо что видели российских промышленников с моржовым салом, зубами и с солеными гусями, вышедших из Карского моря, у коих выпросили нужные обстоятельства. Сверх сего случившиеся на берегу самоеды обнадежили их, что ежели кто обойдет мыс, лежащий к норд-осту на пять дней ходу, то найдет широкое открытое море, склоняющееся к полудни.



Внутренний вид дома Баренца

Несмотря на сии благонадежные ободрения, рачение их было бесполезно, ибо множество льдов, подводных камней в Карском море, также и худая погода осенняя, затем что уже сентябрь застиг; не допустили их за Вайгач к востоку больше ста верст, откуда, не получа желаемого успеха, в Голландию возвратились.

§ 26

Сия неудача не могла умалить охоты у голландцев к тому же предприятию. Амстердамское правительство с позволения Генеральных Статов 1596 г. отправило в норд-ост два корабля, на которых прежние, Баренц, Гемскерк и с ним Корнелис Рип, отпущены главными. В море вышли 18 мая 9 числа июня, в 74 градусах широты увидели остров и множество льду, который для многих белых медведей называли Медвежьим. Минув южный конец сего острова и простираясь далее, того ж месяца 19 дня на 80 градусах 11 минутах землю открыли, которая далече протянулась, имеет изрядные заливы для пристанища и хотя ни лесом, ни травкою не покрыта, кроме мху и некоторых голубых цветков не показывает, однако преизобилует великим множеством диких гусей, также довольством белых медведей, оленей, лисиц белых и серых. От сего берегу возвратясь оба корабля к полудни до Медвежьего острова, учинили общий совет о дальнейшем своем мореплавании и изыскании, где положили, что всяк по своему благоизобретению путь предпринять может. Итак, Корнелис Рип, не переменив своего намерения, пошел искать проходу севером на старое место, где были около 80 градусов ширины; Баренц положил идти несколько к полудню.

§ 27

Июля 17 дня на ширине 74 градусов 40 минут увидел в полудни Новую Землю, подле коей в виду пошел на левую руку к ост-норд-осту, между льдом-падуном мелким и крупным с немалою опасностью, где, до сентября мучившись, увидели себя льдом запертых, так что потеряли надежду прежде будущей весны домой возвратиться; для того положили на сем суровом месте зимовать. На берег стали выходить сентября первого числа; на берегу сыскали речку

пресной воды и довольно плавнику для постройки хоромины и для топления, что им немало служило к ободрению, как бы от лютых морозов и медведей оборониться. Для следующих наших предприятий должно зимовье сих голландцев на Новой Земле описать несколько обстоятельнее.

§ 28

Из плавнику, который лежал по заплескам, построена была одна большая изба и, сколько возможно, обшита досками из разбитого корабля, покрыта досками же и, сверх того, парусами, так что снег в сию хижину проходить не мог; от морозу глубокий снег, коим их с осени занесло, защищал довольно. Не имея ни печи, ни трубы, порядочно сделанных, не могли сей хижины нагреть по-надлежащему и от первого опыту употребления каменного угля для лучшей теплоты все так угорели, что чуть живы остались, и в сукнах, кои разделены были от командиров, завиваясь, от стужи весьма недостаточно закрывались; и если бы по закрытии вовсе солнца не нашло к ним множества лисиц, коих мясо в пищу, а кожи на шапки, на чулки и на другую нужду не послужили, то бы совершенно пропасть им было с голоду и холоду, который был иногда так крепок, что при мытье рубашки, вынятые из кипятка, замерзали прежде, нежели могли быть выжаты, и к рукам приставали. Весьма умеренное количество виноградного вина и водки нарочито их в том подкрепляло; также и сухари, хотя не без скудости, до весны не исходили. Много боролись с нагими белыми медведями, пока день был с осени и как опять настал весною; в отсутствие дневного света вместо медведей было лисиц множество. Примечания достойно, что среди зимы видали вдали море открытое и в самом конце декабря месяца, когда было несколько от полуденной зари светло. В море слышали ужасные трески, или лучше несказанные, громовым подобные звуки, когда лед ломался. Апреля 15 числа море везде открылось, а по стоячим у берегов торосам на краях стояли наподобие высоких домов и башен великие взломанные льдины. Корабль наши в таком же состоянии, как осенью был взломанный оставлен.

§ 29

Во второе число апреля сильным полученным ветром море все очистилось, что ни единой большой плавающей льдины не осталось. С того времени починили шлюпку и шкуту, с великим трудом по льду притянули к морю и 14 числа июня пустились в море с немалою опасностью. В хижине, где зимовали, оставил Баренц описание несчастливой их приключения, для того что, ежели их судьбина в волнах постигнет, кому-нибудь впредь достанется оное в руки, дабы то хотя когда-нибудь на свете уведали, сколько они претерпели бедствия. Обходя полуночный мыс Новой Земли и пробираясь к западу, от многих очевидных погибелей избавились. Между тем Баренц от понесенных великих трудов умер, к великой печали всех для его разума и честности. После того еще многократно льдами окружены и утеснены были, и шлюпка от шкуты отлучилась. Видели на дороге промышленников российских и осведомлялись у них о дороге неоднократно, покупая от них притом съестные припасы. Наконец, недалеко от Колы соединясь, пришли в самый оный острог и к немалому удивлению нашли там Корнелиса Рипа, который другим путем около 80 градусов ходил искать проходу. Из Колы в октябре месяце 1597 года домой возвратились. О приключениях и изысканиях Корнелиса Рипа нет описания.

§ 30

Из сих трудных к норд-осту морских походов и поисков явствует, что россияне далеко в оный край на промыслы ходили уже действительно близ двухсот лет, и тем подтверждается, что упомянуто в § 22. Хотя ж голландцы от таковых несчастливых предприятий весьма лишились надежды и больше к восточно-северной стороне намерений своих не простирали, однако из того не следует, чтобы их походами всему рачению и мужеству человеческому был предел положен. Явствует противное из неутомимых трудов нашего народа, которые хотя уже инде описаны⁵, однако здесь только для того присовокупляются: 1) чтобы некоторые обстоятельства были видны, из коих следуют доказательства, нужные в главе

третьей, 2) дабы вся обширность северных морских путешествий была подвержена единому обозрению любопытного разума, склонного к изысканию полезной правды.

§ 31

По взятии Ермаком Сибирского царства и по многих приращениях на восток Российской державы, произведенных больше частными поисками, нежели государственными силами, где казаки, оставшиеся и размножившиеся после победителя в Сибири, также и поморские жители с Двины и из других мест, что около Белого моря, главное имеют участие, построены уже были по великим рекам сея северная части Азии некоторые города, остроги и зимовья, в том числе и Якутск, к нижним странам уже склоняющиеся великия Лены. Из которых устьев ведомы стали далее к востоку еще другие, ея меньшие, но собою великие реки: Яня, Индигерка, Ковымя. Около устьев их и по берегам, между ними лежащим, старались российские промышленники большие поиски чинить к востоку, а особливо для моржовой кости.

§ 32

Холмогорец Федот Алексеев с позволения государева приказчика, что был тогда на Колыме, с казаком Иваном Дежневым⁶ предприняли путешествие из реки Ковыми на восток в июле месяце 1647 года, в том мнении, чтобы дойти до реки Анадира, о которой думали, что впадала в тот же Ледовитый океан; однако за льдами поход их был без успеха. Первая сия неудача не отняла у них ни надежды, ни смелости, и потому следующего 1648 года июня 20 дня те же Алексеев и Дежнев и еще некто Герасим Акундинов пошли на семи кочах с немалым числом народа, на каждом судне около тридцати человек. О четырех судах нет известия, где девались. Служивого Акундинова кочь разбило у Чукотского носу, где он на прочие два к товарищам перенесся. Сентября 20 дня Алексеев и Дежнев, будучи на берегу, дали с чукчами бой, на коем Дежнев ранен; потом носило их долго по морю, и наконец Дежнев выкинут за устья реки Анадира, далее к полуострову к северным камчатским пределам.

Около реки Олюторки Федот Алексеев и Герасим Акундинов в коряцких жилищах пристали к берегу, на коем, несколько пожив, померли цингою. Многие из товарищей их побиты, достальные в малом числе убежали в лодках на Камчатку и первые из россиян в сей земле поселились, задолго до приходу пятисотника⁷ Володимира Атласова. И хотя они там от камчадалов убиты, кои уведали, что русские люди, а не боги, затем что кровь их увидели, когда они отдрались между собою, однако имя их и остатки жилища были свидетелями. О смерти Алексеева и Акундинова сказывала после Дежневу якутская баба, коя жила у Алексеева. Дежнев, возвращаясь с двадцатью пятью человеками, нашел Анадир-реку и, по ней ходя, основал Анадирский острог, наконец, с великим трудом от вершин перешед горы, достиг на устье реки Колымы, откуда пошел сперва на судах по сибирскому берегу, к востоку.

§ 33

Сею поездкою несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий, к чему наше главное намерение здесь простирается. При сем Дежнев слышал, что море около Чукотского носу не повсюду бывает ото льду чисто. О картах и о прочем, что до промыслов надлежит, не упоминаю. Остается объявить о прочих берегах Сибирского океана, от Вайгача до Ленского устья, кои хотя по большей части промышленниками обойдены издавна, однако полное доказательство представить должно из нарочных отправлений морских офицеров⁸, кои по высочайшим монаршеским повелениям посылаемы для описания северных берегов сибирских.

§ 34

Об оных посылках обстоятельные известия хранятся в Государственной адмиралтейской коллегии⁹. Сколько же мне ведомо, то от города Архангельского сквозь Вайгач исследован хотя трудный ход для многих льдов морскими офицерами Малыгиным, Скуратовым, Мининым далее Обской губы, даже до устьев реки Пясиги. От устья Пясиги до устья Тамуры-реки хотя для множества льдов судовой ход почитается невозможным, и штурман Минин,



Карта Новой Земли. Факсимиле старинной гравюры



Карта плавания Чирикова и Беринга на корабле «Святой Гаврила»

идучи с запада от устьев Енисейских, остановился на ширине $73 \frac{1}{2}$ градуса, а с востока от устья реки Лены поручик Харитон Лаптев мог дойти до 77 градусов, а всего мысу водяным ходом не окружили, однако по краям стоячего льду прошел при оном мысу мичман Челюскин и везде видел стоячий лед, окружен торосом, то есть ходячим льдом, который тогда зимним временем примерз к стоячему. Что ж оный в летнюю пору ходил, то показывали взломанные трением бугры ледяные. От реки Тамуры до устьев Ковымских судовой ход изведен флота поручиком Дмитрием Лаптевым; достальной берег от Ковымы до устья реки Анадира около Чукотского носу исследован известиями от тамошних жителей через капитана Павлуцкого, чему известие о морском пути Федота Алексеева с товарищи весьма соответствует, и сомнения о море, всю Сибирь окружающем, не остается.

§ 35

От Чукотского носу на Камчатку морской свободный ход отнюдь не сомнителен и доказан путешествием Беринговым, который 1728 года июля 20-го дня вышел из устья реки Камчатки и пустился в север к востоку при камчатских берегах, делая оным по возможной точности описание. На $64 \frac{1}{2}$ и 67 градусах 18 минут приезжали к нему на байдарах чукчи, у коих он спрашивал через толмача-корячанина о положении земли далее к северу, на что ответствовали, что она после того простирается к западу. Губу ли они, после носу следующую, или главный поворот разумели, сомнительно, только в самом деле правда, и Беринг не напрасно думал, что он по данной себе инструкции исполнил. Одно-го жаль, что, идучи обратно, следовал тою же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом, конечно бы, мог заметить берега Северо-Западной Америки.

§ 36

Уже довольно показано, что Северный Сибирский океан с Атлантическим и с Тихим непрерывное соединение имеет и что Азия от Северной Америки отделена водами, кои коль широки, то есть, коль далече отстоят самые северные берега Северной Америки от сибирских, о том еще мало или почти ничего не известно за невозможностию поныне свободного мореплавания, однако, сколько есть известий, здесь пропустить не должно. Что против Чукотского носу есть земля, острова или матерая, о том уверяют известия геодезиста Гвоздева¹⁰ и объявления тамошних жителей, и неспоримо, что все оное принадлежит к Америке, ибо по сказкам чукчей и людей, на оной земле пойманных, известно, что земля она велика, в которой множество народу, лесов и зверей, и втекают в море великие реки, и многие при том обстоятельства. С западного конца Ледовитого океана простирается Гренландия, которая, по крайней вероятности из нижепоказанных в § 64, соединена сухим путем с землями, от Калифорнии к северу лежащими, где полагаются моря и реки, открытые де Фукою и де Фонтон, и куда ходили из Камчатки Чириков и Беринг; ибо восточные, южные и западные берега Северной Америки суть довольно известны, следовательно, надлежит быть четвертому на севере, который хотя для великих заливов и островов идет чайтельно излучинами, как везде почти бывает, однако одним краем непрерывным. Итак, остается только знать его положение, которое, сколько по физическим рассуждениям определить можно, показано будет в следующей главе; по мореплаванию ничего не известно, кроме некоторого чаемого острова против Ленских и других устьев, в действии недовольно доказанного.

§ 37

О сем острове сибирские известия свидетельствуют положительно и отрицательно. Положительные суть следующие: 1) кочевщик Родион Михайлов, будучи отнесен от берегу льдами в пути от Святого носу на Колыму-реку, показывал Никифору Малыгину и другим, с ним бывшим, остров на

море, который всяк из них видел; 2) оному ж Малыгину сказывал торговый человек Яков Вятка, что, проезжая из Лены в Колыму, отнесен был на кочах к показанному острову, где видели они зверские следы; 3) из Якутской воеводской канцелярии 1710 года с устья реки Яны объявлено казаку Якова Пермякова, что видел он по ту сторону Святого носу остров и другой против устья Ковыми-реки (может быть, были сие мысы одного большого острова, кои к сибирскому берегу протянулись); 4) казак Меркурий Вагин в 1712 году, вышед из устья реки Яны в море, с Яковым Пермяковым как со своим вожем ходил в море по льду на нартах в мае месяце, приехал к пустому острову, на коем нет лесу; с того острова виден был другой или земля матерая; 5) по объявлению якутского сына боярского Федота Амосова, оный остров простирается от устья Яны до устья Индигерки-реки и далее; 6) промышленный человек Иван Велигин ездил в море по льду и нашел землю, только не мог знать за сильным ветром и туманом, остров ли то или земля матерая и есть ли на ней лес и жители или нет, однако приметил там старые юрты и их остатки, каменные горы нарочитой вышины и зверские следы; сие же он слышал и прежде от чукотского жителя Копая; 7) казачий голова Афанасей Шестаков на ландкарте своей поставил оный остров¹¹, назвав его Копавым, и за ним назначил матерую землю.

§ 38

Отрицательных известий большую часть должно почесть рассуждениями или догадками, по коим вышеписанные объявления представляются сомнительными: 1) что бывшие с Мекурьем Вагиным казаки, не хотя больше терпеть впредь будущей нужды, его и других некоторых убили, и после при следствии некто объявлял, что го был пар, а не остров; и в прочем о помянутом изыскании казаки объявляли несогласно; 2) Василей Стадухин нарочно ходил для изыскания одного острова, но только видел далее Ковымского устья большой мыс, протянувшийся от сибирского берега в море, а не видал никакого острова; 3) в 1714 году посланы были проводить одного острова

два отправления: под командою Алексея Маркова да Григорья Кузякова. Марков ездил на собаках по льду в море прямо к северу в марте месяце, по его отписке около семисот верст из Янского устья и объявил, что по Святому морю судам ходить нельзя, кое летом и зимою стоит замерзло; а видел-де он стоячие льдины, как высокие холмы, с коих, смотря вдаль, никакой земли не приметил. О поездке Кузякова подобно известное; 4) Афанасья Шестакова карта должна казаться сомнительна, затем что он не умел грамоте, а сочиняли по его сказкам люди, кои только писать умели.

§ 39

Сии прекословные известия сличив одно против другого, ясно видеть можно, что положительные много сильнее отрицательных¹², ибо, несмотря на то, 1) что вообще не следует из незнания небытие вещей и нельзя заключить, чтобы того не было на свете, чего кто не видал или не нашел, сами обстоятельства показывают слабость или, лучше, ничтожность отрицательных, ибо 2) что убийцы Меркурия Вагина виденный им остров за пар почитали, то учинить они могли для его обвинения, якобы он, за пустыми мечтаниями гоняясь, хотел их уморить холодом и голодом, и для того они, имея причину, его убили. Прочие несогласные их сказки самим тем лишают их всякой вероятности, и кто может в сем деле положиться на злодеев, кои, избывая смерти, ложь с правдою сплетали для своей выгородки; что же до бытия первого острова надлежит, все сказали согласно, и для того вероятность не потеряна; 3) Стадухин, Марков и Кузяков объявили, что они, будучи нарочно посланы и ходив по морю далече, помянутого острова не видали, что противно известиям вышеписанных Родиона Михайлова, Якова Вятки, Якова Пермькова и прочих; но кто рассудит, что неволя принудит больше терпеть, нежели охота, что противные бури далее отнести могут, нежели добрая воля, и что на парусах скорее можно ездить было сим, нежели оным на собаках, с довольным провиантом на судах, нежели со скудным на нартах, и зимнею порою, нежели летнею, тот не усумнится заключить,

что Стадухин и прочие могли предпочесть свою безопасность такому изысканию, кое и впредь соединено будет с великими тягостями, и для того или, не отважась в даль, ничего не видали, или, быв и видеви, ничего не объявили для своего будущего покоя; 4) что ж Шестаков был человек безграмотный и что сочинившие по его словам карту только писать умели, то все не мешает самой истине: довольно, что они на оной положили Копаев остров и за ним матерую землю, что довольно служит к подтверждению одного изыскания, ибо здесь требуется только о бытии оных известие, а не точная их фигура и положение; следовательно, и геодезисты для сочинения такой карты не нужны. Она сделана так, как поступают самые лучшие географы, когда ставят на картах подлинно найденные, но не описанные земли.

§ 40

Для таковых причин и при толь многих свидетелях, которым прекословные известия отнюдь не отнимают вероятности, не сомневаюсь помянутый Копаев остров и за ним матерую землю положить на своей полярной карте¹³ и господ славных географов Делиля и Бюаша отнюдь в том не порицаю, что они сие внесли в свои издания; сверх сего, следующие в 3 главе физические рассуждения могут больше уверить о сей правде, хотя она несколько противна показаться может нашему главному намерению, то есть якобы некоторым оплотом и препону корабельному ходу по Сибирскому океану.

§ 41

Путешествие морское с российской стороны из Камчатки на восток хотя и не надлежит до мореплаваний для поиску проходу в Индию норд-остом, однако в рассуждении островов, между Америкою и Камчаткою и чукотскими берегами лежащих, также и самых дальних мест, к полюсу склоняющихся, Северной Америки, служит к нашему главному делу. Оным ходом под Беринговою и Чирикова командою изведено: 1) что западные берега Северной Америки лежат далее к полюсу, нежели как прежде думали, а из того следует по взятым наблюдени-

ям, что оные от земли, против Чукотского носу лежащей, отстоят не весьма далече: например, Далматов остров от ней около осьмисот верст; 2) что Америка, против Камчатки лежащая, начинается островами, каков есть Берингов и его соседственные, и потому не без основания утверждать можно, что виденные места, мимо коих шли помянутые мореплаватели, суть острова и составляют архипелаг, ибо они иногда шли действительно между островами, хотя их и не видали, из коих один пресечением волн знать себя дал ночью во время сильного ветра от полудни, что он не был из числа малых, какие там многие примечены; 3) а посему явствует, что против северной части Камчатки и против Анадирских устьев может быть довольно пространное море, а особливо потому, что от норд-оста приносит зимою лед даже до Курильского мыса; 4) что в оных местах есть множество жителей, и потому весьма вероятно, что они по не весьма дальнему расстоянию от обитателей земли, коя лежит против Чукочьего носу, с ними сродны и одного языка или немного отменного; либо, конечно, по соседству есть у них та-

кие люди, кои между ними служат вместо переводчиков, так что, если бы достать жителя земли, что лежит против Чукотского носу, то бы весьма уповательно было получить известие о тех россиянах, кои на западном американском берегу Чириковым потеряны.

§ 42

В заключении сего не могу преминуть, чтобы не присовокупить здесь известия, которое о возможности корабельного ходу Сибирским океаном совершенно бы уверило, если бы о достоверности оного не оставалось никакого сомнения. Господин Бюаш, королевский парижский географ, на изданной от себя полярной карте показывает, что некто португальский мореплаватель, именем Мельгер, с клятвою объявил, что он, 1660 года марта 14 дня вступив в путь из Японии, прошел в Португалию Сибирским океаном. Дорога его назначена точками¹⁴ мимо Чукотского носу, позади полюса между Шпицбергом и Гренландиею и, наконец, между Исландиею и Англиею; окончен в пристане при городе, Порто называемом, что на устье реки Дуро.

Глава третья

О ВОЗМОЖНОСТИ МОРЕПЛАВАНИЯ СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ В ОСТ-ИНДИЮ, ПРИЗНАВАЕМЫЙ ПО НАТУРАЛЬНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

§ 43

Главным препятствием в сем предприятии почитается стужа, а паче оная лед, от ней же происходящий. Того ради должно о них обоих представить обстоятельно, поелику надлежат до Северного океана и до нашего предприятия, ибо главная теория теплоты и стужи и происхождение льда вообще требуют пространного изъяснения¹⁵ и здесь не нужны. Итак, посмотрим сперва стужу, которая обладает Северным океаном.

§ 44

Теплота сообщается земной поверхности двумя путями: первый — извне, от лучей солнечных, второй — изнутри, от подземного жару. О первом нет ни малого сомнения, для того что сие всем ясно видно повсядни. Второе утверждается на незыблемых физических основаниях: среди жестокой зимы в здешних местах не промерзает земля никогда больше полусажени, затем что подземная теплота стужи далее не пропускает. Не токмо ж теплоту, но

и действительный огонь в недрах показывают многие огнедышащие горы, которые как в теплых краях, так и в северных странах между самими льдами пламень испускают. Довольным доводом быть может Гекла в Исландии на 64 градусах и весь остров Иоганс Мейенс на 72 градусе между Исландией и Шпицбергенем, который за не что, как за огнедышащую гору почесть должно.

§ 45

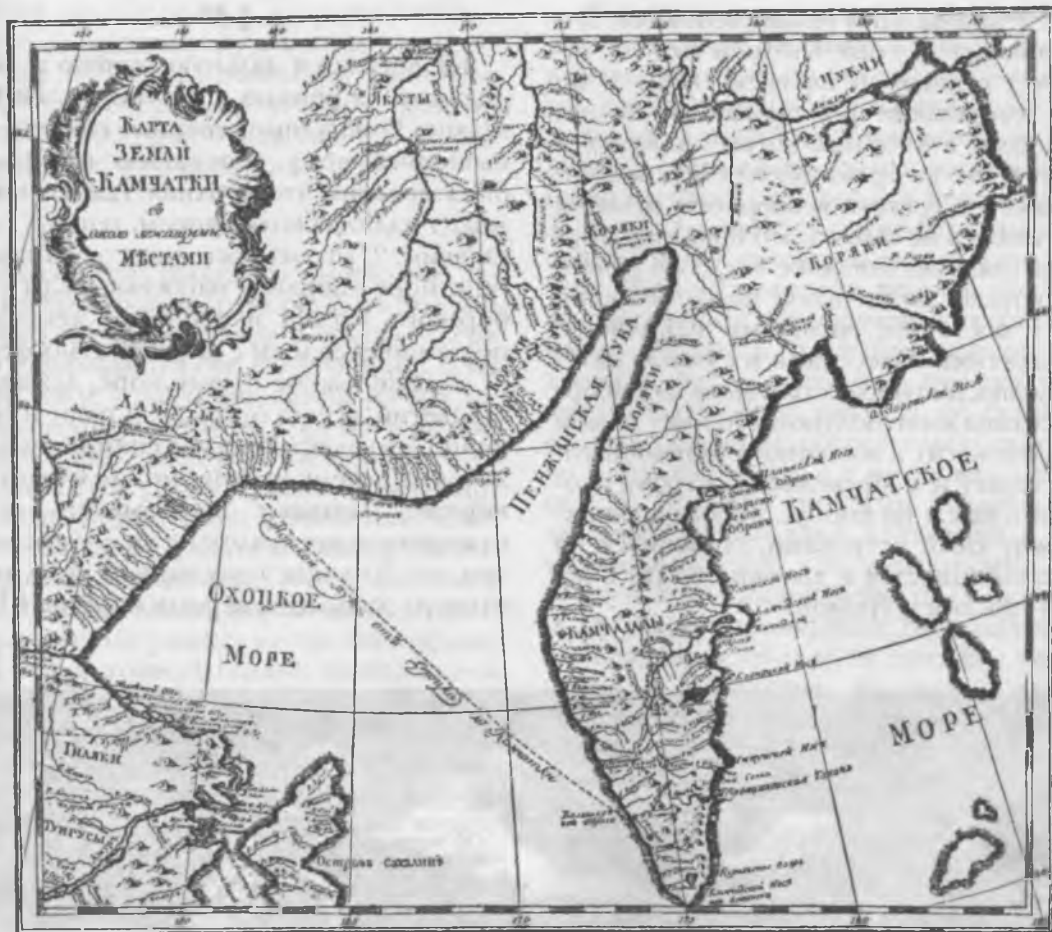
Лучи солнечные сквозь прозрачную океанскую воду до самого дна простираются и всю глубину освещают, что доказывают одарованные зрением животные, обитающие в глубочайшей пучине. Проходя оное сияние сквозь толикое множество вод, неотменно всю свою теплоту, до поверхности океана дошедшую, ему сообщает. Рассудив о Северном океане, на который солнце хотя косвенными лучами целые полгода сияет почти беспрестанно, подумать невозможно, чтобы от них не согревался чувствительно; подлинно, что зимою для долговременного отсутствия теплоты солнечной должен он много прохлаждаться, но прохлаждение зимнее летнего нагревания превысить не может, для того что 1) летом сверху лучи солнечные и подземная теплота согласно действуют, зимою только один холодный воздух силу свою имеет; 2) лучи солнечные летом непонятною скоростью в глубину досягают, прохладившаяся вода зимою на поверхности от воздуха не только скоро дна достигает. Всего больше сие доказывается животными, в море обитающими. Тюлени питаются рыбою; рыба хотя часто для своего корму другую рыбу пожирает, однако по большей части мелкая питается илом и растущими на дне морскими травами. Что ж весь Северный океан не токмо на чистых местах, но и под великими льдами наполнен рыбами и другими животными, о том свидетельствуют: 1) киты около Гренландии и близ Чукотского носу и несказанное множество сельдей, от полярной стороны приходящих к берегам европейским; 2) около Новой Земли моржи и птицы, питающиеся мелкою рыбою; 3) в Оби, Енисее и Лене осетры и стерляди, которые в морях рождаются и в реки входят; 4) по всему берегу Ледовитого океана находящиеся в знатном множестве крупные моржовые зубы.

§ 46

Таким образом, нагретое подземною теплотою дно морское нагревает и лежащую на нем воду. И когда студеный зимний воздух поверхность океана знобит морозами, тогда верхняя вода становится студенее исподней, следовательно, пропорционально тяжелее, от чего по гидростатическим законам по разной тягости верхняя ко дну опускается, нижняя встает кверху, принятую теплоту от талого дна с собою возводит и оную лежащему на морской поверхности воздуху сообщает. И посему недивно, что зимним временем морские ветры оттепель, а с матерой земли веющие с собою приносят морозы, ибо в Санкт-Петербурге западный с Балтийского моря, у города Архангельского норд-вест с Белого и Норманнского, в Охотске восточный ветер с Камчатского моря с оттепелью дышат. Напротив того, в Санкт-Петербурге восточный и южно-восточный, также и у города Архангельского, а в Охотске западный с морозами веют, затем что матерая земля, запертая мерзлым черепом и покрытая снегом на многие тысячи верст, не может из недр своих внутренней теплоты сообщать студеному воздуху; и посему недивно, что около Нерчинска, Иркутска и в других далече, от Северного океана лежащих местах нередко случаются в одно время сильнее морозы, нежели в северных краях, в Тобольске и в Мангазеи, как то из учиненных по Сибири метеорологических наблюдений явствует, где еще примечено, что часто во время великих морозов ветры веют от полудни. Сему причины показаны в Слове моем об электрических явлениях на воздухе и во Втором прибавлении к Первым основаниям металлургии¹⁶.

§ 47

Внимание и искание причины таковых воздушных позорищ, а особливо северного сияния весьма много служит к доказательству открытого океана и среди зимы в местах, ближних к полюсу, в отдалении от берегов сибирских, и для того должен я неотменно здесь представить, что о том изведено искусством и что следует по теории, которую обстоятельно понять можно в вышепомянутом Слове.



Первая карта Камчатки

§ 48

По силе оная положим здесь за несумненное основание, что северное сияние рождается, когда теплый воздух поднимается вверх, а холодный опускается книзу; то следует, что поверхность тех мест, над которыми являются северные сияния, много теплее, нежели верхняя атмосфера. Сие нигде в севере удобнее случиться не может, как над открытым морем, которое действием подземной внутренней теплоты производит в растворении нижнего и верхнего воздуха великую разность и располагает оные к встречным движениям, вверх и книзу, а потому и к трению взаимному и произведению реченного электрического воздушного явления. Сему точно соответствуют примечания и повсяднев-

ное искусство по Сибири, что в местах, ближе к морю лежащих, чаще бывают северные сияния, а на самых берегах видно оное по всякую ночь беспрестанно. Напротив того, в знатных отдалениях от оного, как в Иркутске, редко оные примечаются.

§ 49

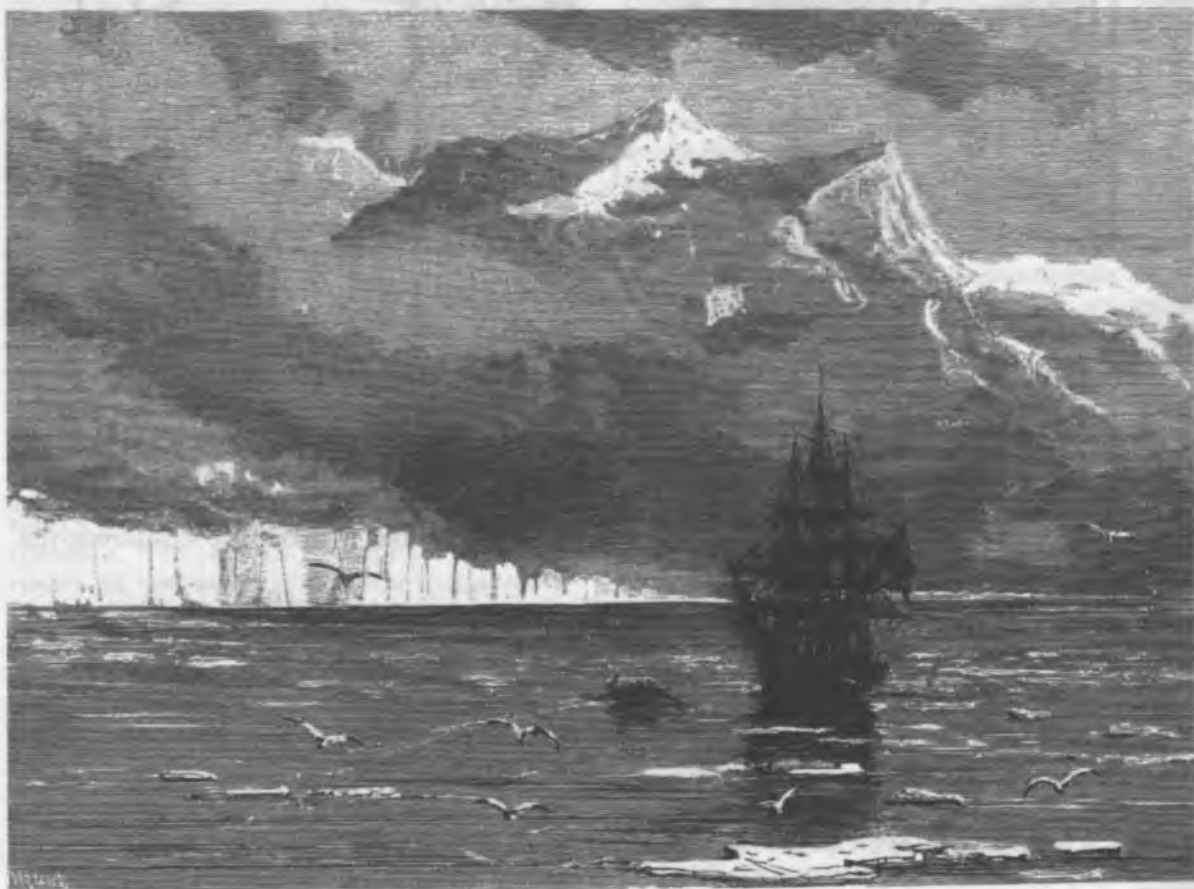
Соответствуют сему северные сияния, примеченные на Шпицбергене. Амос Корнилов, архангелогородский мореходец¹⁷, который на оном острове был для промыслов пятнадцать раз, неоднократно там зимовал и в бытность его здесь в Санкт-Петербурге, мною о тамошних свойствах обстоятельно спрашивал, с утверждением сказывал о помянутом электрическом явлении: 1) что там северные сияния бывают



без дуги: видны одни только всполохи; 2) в западные ветры оные сполохи идут от запада над головою и по всему небу, 3) во время северных ветров показываются они на полудни, а в южные ветры являются в севере; 4) что во время восточного, восточно-южного и восточно-северного дыхания оно сияния не бывает. По оно же Корнилова сказкам, западное море от речного острова по большей части безледно бывает, восточное льдинами наполнено. Сие с другими известиями и с самою натурою сходно, ибо множество льдов из Сибирского океана мимо полуночного мысу Новой Земли проносит к восточному шпицбергенскому берегу и к Медвежьему острову, около коего, как и на коргах, простирающихся между сими островами, становится на мель, взламывается в высокие бугры с великим треском и громом.

§ 50

Не вступая в дальнюю теорию и исследование коренных причин, изъяснить можно: 1) западные северные сияния — по вышеписанному основанию натурально быть должно, что верхняя там атмосфера лежит над открытым морем, теплоту отыгравшим; 2) что на восточном от Шпицбергена море сперлись наносные льды с Сибирского океана и запирают сообщение подземной теплоты с нижнею атмосферою; 3) понеже южное оттуду море, лежащее к Норвегии, всегда открыто, и ради того не дивно, что электрическое сияние производит; 4) а посему неспоримо следует, что северные сполохи показывают также отворенное море, хотя не во все время, затем что 5) когда полуденный ветер тянет, относит льды от северных берегов Шпиц-



Вид берегов Новой Земли

бергских далее к полюсу, открывает нагретую дном морским воду и в воздухе электрические движения производит; равно как тогда, как северными ветрами южный край одного острова очищает с производением подобного действия.

§ 51

По всему сему рассудить должно, что далее к северу открытому морю быть должно не токмо летом, но иногда и зимою. Сверх одного утверждается сие, следующими: 1) на Новой Земле и на Шпицбергене из-под ледяных гор ущелинами текут ручьи и речки, следовательно, извнутри земли теплота действует; 2) за Никольским шаром в Карское море впадает река, называемая Великая, в коея устья удобно становятся тамошние промышленные суда. Посему на Новой Земле не такой холод, чтобы все было сжато морозами. На равных местах многие озера, обильные травою, подают прибежище и корм всяким птицам; 3) с северной стороны Шпицбергена перелетают гуси через высокие, льдом покрытые горы; из сего явствует, что далее к полюсу довольно есть пресной воды для плавания и травы для корму; 4) на Шпицбергене водится множество диких оленей; посему стужа зимою не так жестока, чтобы не могли пробыть животные.

§ 52

Но всего доказательнее, что российские люди там зимуют из доброй воли, и, как выше показано, голландцы в бедной хижине без шуб, без порядочного топления и без всякого надобного телу движения, не приобывнув к такому свирепому климату, могли пробыть целую зиму после великого изнурения и при недостатке съестных припасов; то в сравнении оных коль способны северные наши россияне в построенных нарочно домах, с надлежащею печью, с довольством дров и съестных припасов, имея притом движение в звериной ловле, прозимовать могут без всякого отягощения.

§ 53

Итак, о сносности стужи довольно; ныне следует о трудности от льдов рассудить¹⁸, и для того сперва должно о них иметь обстоятельное и подробное понятие

и об их происхождении. Порождения суть двоякого рода: ледяные горы на суше и льды, плавающие по морю. Горы, что на суше, также разделяются на два рода: одни, подобно Алпийским, покрытые вечным льдом и снегом выше облаков, восходят по большей части от берегов в некотором отдалении; другие суть самые береги, состоящие в крутых утесах, со льдами соединенных. О происхождении первых рассудить можно, что они после самого начала гор от паров намерзли и снегом нанесены из древних лет и, простираясь в верхнюю холодную атмосферу, никогда не стаивают; вторых рождение обстоятельно примечено. Стекающие ручьи и речки из озер и от снегов, лежащих по горам высоким, кои летом несколько тают, сливаются в море ущелинами между крутыми утесами; а как осень и зима придет, речки от сильных морозов до дна промерзают. Вода нажимается сверх первого льду, не имея под ним течения и налившись на нем, в лед же обращается, и таким образом слой на слой садится и в одну зиму подымается на несколько сажен толщиною, а в десять и двадцать зим равняется лед с высокими каменными берегами, затем что летом несравненно в ущелинах меньше тает, нежели как зимою нарасти может.

§ 54

Ходячие по морю льды троякий вид показывают: 1) мелкое сало, которое, подобно как снег, плавает в воде, иногда игловат или хотя и связь имеет, однако гибок и судам не вреден; 2) горы нерегулярной фигуры, которые глубиною в воде ходят от 30 до 50 сажен, выше воды стоят на десять и больше, беспрестанно трещат, как еловые дрова в печи, по чему узнать можно таких плавающих гор приближение в туман и ночью и взять предосторожность, ибо они во время волнения опасны, а особливо когда на мель становятся и оборачиваясь разламываются с великим шумом и треском; 3) стамухи, или ледяные поля, кои нередко на несколько верст простираются, смешанные с мелким льдом. Таковые льды плавают в большом количестве и суда удобнее затирают. Здесь различить должно плавающие ледяные горы (№ 2) от тех, кои состоят из взломанных стамух взаимным сражением.

§ 55

Сало родится на самом море от великих морозов и примечается весною и осенью, а летом редко. Крепости разность бывает по разной солёности воды и по силе морозов: где вода преснее и мороз сильнее, тут и море так замерзает, что по нему ходить и на нартах ездить можно. В Поморье называется оное ночемержа, затем что в марте месяце ночными морозами в тихую погоду Белое море на несколько верст гибким льдом покрывается, как что по нему за тюленями ходят и лодки торосовые за собою волочат, и хотя он под людьми гнется, однако не скоро прорывается; около полудни от солнца пропадает и от ветру в чепуху разбивается.

§ 56

Происхождение падуна уже и по имени явствует, ибо когда летнею порою поверхность Новой Земли от снегу свободится и потекут ручьи и речки в море, тогда под намерзлые в ущелинах крутых берегов ледяные горы (§ 53) пресная вода с земли в море путь находит и оные подмывает, также и волны морские подплескивают, от краев ущелин дожди и ручейки отполаскивают, а больше всего когда тягость толь великий громады, преодолев связь с каменною горою, обрушивается в море и производит ужасный гром и шум, как бы из целой артиллерии и многого мелкого ружья вдруг выпалить. Беспрестанная трескотня сих ледяных гор происходит оттого, что он, будучи много студнее морской воды, отогреваясь в ней, беспрестанно лопается и отрывает от себя мелкий щебень, пока весь со временем исчезнет.

§ 57

Пресная вода замерзает сверху книзу, и чем мороз сильнее и долее действует, тем лед становится толще. В Сибири малые реки нередко до дна промерзают, а в больших лед бывает толщиною до трех сажен. Представим же себе великие губы при устьях великих рек сибирских, наполненные пресною водою, которая до толь знатной толщины замерзает, что в лето растаять не может; полуденные ветры весною относят

оние великие льдины в море, по которому они, плавая свое время, исчезают то от волн морских, то ломаясь о берега или друг о друга, то, будучи движением моря отнесены в моря, лежащие южнее, исчезают; а на их место каждая зима производит новый лед в оных заливах, и сии суть так называемые стамухи, или поля ледяные. Что оные действительно из заливов при устьях рек великих, то явствует: 1) что состоят из воды пресной, 2) что обыкновенная трехсаженная толщина сходствует с толщиною льдов на реках сибирских, 3) что от падуна разнится не токмо плоскою фигурою, но и твердостью и прозрачностью, затем что падун непрозрачен, пузыреват и трещиноват, как наслюду быть должно.

§ 58

Рассмотрев различие и качества льдов, должно обозреть их движение по Сибирскому океану. Но сего видеть ясно невозможно без познания в нем течения вод и приливов и отливов, которым по большей части великие льды последуют; ветрам мелкие только и тонкие удобнее повинуются, а падун и стамухи больше нижняя часть воды движет, так что нередко противные движения мелкого и крупного льду примечаются на одном месте. Того ради неотменно должно по возможности вникнуть в изыскание оных Ледовитого океана движений, сколько показывают наблюдения и сколько позволяет по оным заключить теория; а как движения морей много зависят от положения берегов, потому неотменно должно здесь рассуждать и о положении оных около Ледовитого океана. Сибирские довольно для сего дела известны; американских должно досягать основательными догадками, когда практическое испытание оных поныне не было дозволено.

§ 59

Главное течение океана повсюду, где человеческое рачение достигло, примечено от востока на запад, следовательно, и в Сибирском океане тому же быть должно. И самое искусство подтверждает сие неспоримыми доводами: правда, что на самом оном Ледовитом океане, в дальних расстояниях от берегов сибирских того приметить по-



Лунная ночь во льдах

ныне возможности не было, но, однако, движение вод в соединенном с ним Нормандском и Атлантическом океане есть не ложный свидетель, которое уверяет, что нельзя бы тамошним водам было простираться течением на запад, если бы на их место другие воды от востока, то есть из Ледовитого океана, не наступали; и сами льды согласным оттуда движением сему соответствуют, приливы и отливы указывают явно.

§ 60

Ибо 1) на северо-восточном мысу Новой Земли прибылые воды ходят от норд-оста к зюйд-весту, 2) в Вайгаче прибылая вода течет от запада к востоку, палая — от востока к западу, однако палая сильнее, нежели прибылая. Сие может показаться вышешисанной правде противно, однако самым делом оно согласуется, затем что к Вайгачу должно быть общего течения около Новой Земли водоворот. Прошед сей остров, вода океанская упирается в лапландский берег, простирающийся от Свя-

того носу к Северному, и оная часть, оборотясь налево, производит приливы к Белому морю, к Канину носу, к Печоре, к Вайгачу; другая идет мимо Северного носу в Норвегию, отчего недивно, 3) что из Вайгача отлив сильнее прилива, затем что сей, хотя скорее успевает втечь в Карское море, но назад должен выходить сильнее, затем что с сим отливом соединяется прилив, который действует медлительно, проходя через мели и сквозь стоячие льды, которыми море между Сибирью и Новою Землею наполнено; 4) на лапландском берегу приливы больше, нежели в Норвегии и на западных берегах Новой Земли, затем что оный стоит в упор океанскому течению, а сии вдоль протянулись; 5) на восточном канинском берегу воды ниже, нежели на западном, ибо на сей воды доходят от лапландского берегу по первом отвороте, а на оный по вторичном, от Новой Земли; 6) прилив у западных берегов и в проливах шпицбергенских простирается к северу и течет скоро, отлив значитс только убылою водою, а течения назад не быва-



Столбовой мыс в Земле Франца-Иосифа

ет, но только движется весьма тихо или несколько останавливается. Из чего следует, что мимо Шпицбергена, а особливо по западной стороне, течет океан в северную между Гренландиею и оным, а следовательно, за сим проливом есть великое море в странах подполярных. Сие согласуется с тем, что показано в § 48 и 49 о северной теплоте и о северном сиянии.

§ 61

Воды океанские текут от востока к западу (как выше объявлено), а вода, истекающая из Сибирского океана, течет 1) между Норвежским северным носом и Шпицбергенем по § 59, что показывают и приливы при Исландии, кои идут от востока, и наносный лед к Медвежьему острову и к Шпицбергену от Новой Земли. Сие течение простирается, наконец, Атлантическим океаном между Африкою и Америкою и обходит около Южной Америки Магелановым, Делямеровым и другими проливами и южными морями в Тихий океан. Уверяют в том великие льдины радуна в

Испанском море, около мыса Финистерского примеченные; 2) вода, между Гренландом и Шпицбергенем в север протекающая, также иметь должна ход оборотный, да куда ж? Не инуда, как около полюса в Сибирский океан обратно, ибо довольно ей на оборот параллельных линий от полюса на 20 и на 10 градусов, подобно как на другой половине света, между мысами Горном и Доброй Надежды, Новой Голландии и между неведомыми землями Южного полукружия. Когда великих океанов Индийского, Атлантического и Тихого многие воды не имеют вольного течения под жарким поясом для препятствования великих частей света и для того принуждены искать прохода в приближении к полярным странам, то самым ли северным водам искать должно какого дальнего для себя окружного прохода?

§ 62

Итак, по всему видно и на самом высочайшем степени вероятности поставлено, что, считая отсюда, за полюсом есть вели-

кое море, которым вода Северного океана обращается по силе общего закона около полюса от востока к западу; далее ей идти некуда, как в Баффинский залив, в который, однако, толь широкого прохода или еще и никакого быть нечаятельно, к тому ж было бы то не по течению от востока к западу, но в противную сторону, что несогласно общим законам.

§ 63

Итак, когда около полюса кругом море, то остается еще вопрос, есть ли оно в самом полюсе или занимает оный суша. Сего решение здесь хотя не нужно, однако внимания достойно. Мне кажется, хотя, может быть, и не в самой полярной точке, однако близ оной должно быть немалому острову или еще и многим: 1) для того что окружному течению океана натуральнее обходить около острова, как и на других морях бывают водовороты; 2) открытые Баренцом и Корнелисом Рипом (§ 26) берега, далече простирающиеся, суть южные, следовательно, показывают великий остров, который лежит к северу далее 80 градусов и 11 минут, склоняясь от Шпицбергена к востоку; 3) а как Шпицберген один состоит из трех главных островов и из мелких весьма многих и помянутый Корнелисов остров лежит в близости оных, то весьма вероятно, что самая полярная часть света наполнена многими островами и занята архипелагом, за которым лежат полярные берега Северной Америки.

§ 64

Знание оных положения много надлежит к нашему изысканию. Того ради, лишаясь всякого о том практикою сведения, должны прибегнуть к одним рассуждениям, кои основание свое имеют на подобии действий постоянная природы и на примерах географических, на коих опираясь, посмотрим мыслями 1) на положение противного сибирскому матерого берега, заключающегося в севере Америки, простирающегося от Гренландии до матерой земли, против Чукотского носу лежащей, и по тому 2) на обширность всего Сибирского океана, 3) на оно же берега натуральное состояние и качества.

§ 65

Рассматривая весь шар земной, не без удивления видим в море и в суше некоторое аналогическое, взаимно соответствующее положение, якобы нарочным смотрением и порядком учрежденное; и, во-первых, две великие суши земной поверхности, Старый и Новый Свет составляющие, много фигурую сходятся: 1) обеих южные части, то есть Африка и Полуденная Америка, суть треугольники, 2) береги их не столь много изрезаны глубокими излучинами, как северные половины, 3) не окружены многими островами, как оные, 4) присоединены обе к северным частям узкими перешейками: один в Египте, другой в королевстве Мексиканском. Сверх сего Зеленый мыс соответствует мысу Бразильскому, Мексиканское море — Посредиземному, острова Кипр, Крит, Сицилия и другие — островам Кубе, Испаниоле и прочим, Мадагаскар — острову Огненному. Северные сих сушей половины соответствуют через Западный океан Балтийским морем — Гудсонскому, Ботническим заливом — Баффинскому, Англию — Новой Земле острову (*Terre neuve*), Гренландию — Швеции и Норвегии, Новою Землею — Шпицбергену. На другой стороне через Тихий океан Индейские острова и полуостровы стоят против Калифорнии и против недовольно изведанных великих заливов и перерезов де Фуковых и де Фонтовых. Великие озера в Новой Франции изображают моря: Каспийское, Аральское, Байкал, Ладогу, Онегу и другие соленые и свежие воды, землями окруженные. Против Камчатки простирается мыс северо-западный Северной Америки, который не без основания некоторые новые географы полуостровом на картах изображают.

§ 66

По такой великой аналогии заключаю, что лежащий против сибирского берега на другой стороне северный американский берег Ледовитого моря протянулся вогнутою излучиною так, что северную полярную точку кругом обходит и в ширине имеет пространство около полутретьих тысяч верст¹⁹. И понеже долготы оно, считая от Шпицбергена до Чукотского носу, на 3000

верст простирается через полюс, то имеет оно вид несколько овальный. Сие согласуется с положением сего моря, по вероятности представленным в § 62, ибо когда за Шпицбергенем есть пространное море, в которое проливом на 700 верст шириною происходит течение от полудни, то неотменно должно быть таковой излучине, какова следует из помянутой географической аналогии.

§ 67

Вообразив себе величину и фигуру Сибирского океана, представим мысленным зрением главные качества северного американского берега, лежащего насупротив сибирского, к чему за основание положим подобную вышеписанную аналогию. Когда течение знатных рек рассмотрим, везде почти найдем, что одна сторона у них нагорная, другая — луговая, то есть одна состоит из берегов крутых и высоких, другая — из низких песчаных и луговых мест, а следовательно, оные реки с одной стороны приглубы, с другой — отмелы. Сие же натура по большей части наблюдает и в рассуждении берегов морских и других знатных вод. Так, например, южные береги Балтийского моря по большей части отмелы и наполнены коргами; северные, напротив того лежащие, суть каменные, крутые, приглубые. Сие ж видим и в Ладожском озере, кое с южной стороны от Шлиссельбурга до Сяси при низких берегах весьма отмело, а северная карельская сторона глубока и заключается каменными горами. Не иначе состоит и Белое море, которого Летний берег к югу и Зимний к зюйд-осту песчан и не так приглуб, как Терский, против его в севере и в северо-западе лежащий. Из сего натурального закона, который хотя не без всякого изъятия, однако же весьма общ, по великой вероятности заключить можно, что против весьма отмелого сибирского берега, низкими тундристыми мысами простирающегося, лежит крутой и приглубый берег Северной Америки.

§ 68

Другая подобная аналогия показывает нам следующее. Крутые морские береги редко вливают в море великие реки, но

оные обыкновенно протекают в моря с краев отлогих: так, из Африки низменный Египет дает путь Нилу в Средиземное море; на южной стороне сея части, к крутому мысу Доброй Надежды лежащей, таких рек не произвела натура. Южная Америка по великим равным и низким плоскостям Бразильским и Парагуйским вливает в Атлантический океан Великий Мараньон и Делаплату; но высокие и крутоберегие Перу и Хили малые весьма воды сообщают Тихому морю. Из Азии хотя великие быстрины в полдень стремятся между высокими местами, Евфрат, Гангес, Инд, но они только нашим северным посредственным рекам, Ковыме, Индигерке, Яне, Печоре, довольно величиною соответствуют, а с Леною, Енисеем и Обью отнюдь в сравнение не могут быть поставлены. Европа на восток изливает Дунай и Волгу по местам пологим. На запад протекающие реки в гористых местах весьма пред оными малы. Итак, рассудив: 1) что из Северной Америки протекают на полдень и на восток реки Мизизипи и Святого Лаврентия, 2) что северный берег Америки, лежащий насупротив сибирского, крут и приглуб (§ 67), то следует, что с него в Сибирский океан не протекают толь великие реки, каковы суть Мизизипи и Святого Лаврентия, и потому в сравнении с сибирскими должны быть весьма малы.

§ 69

Сию вероятность подтверждают еще следующие обстоятельства и рассуждения: Баффинский залив, считая от устьев рек Лены и Тамуры, лежит прямо в севере за полюсом, от которого должен отстоять около 10 градусов, как по вышепоказанному следует (§ 12), что Сибирский океан немало за полюс простирается должен; потому перешеек, соединяющий Гренландию с прочею Северною Америкою, широк быть не может и едва ли пятьсот верст превышает, а течение великих рек требует великого земель пространства, откуда бы водам довольно собраться можно было. Следовательно, на противной стороне Оби, Енисея и Лены невозможно быть рекам, хотя малое с ними сравнение имеющим. Присовокупим же еще к тому, что оный перешеек



РУССКИЕ КНЯЗЬЯ ИЗ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ.
Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.

Вверху слева: Всеволод II Ольгович (? — 1146), князь Черниговский (1127 — 1139), великий князь Киевский (с 1139). Вверху справа: Юрий Долгорукий (1090-е — 1157), князь Суздальский и великий князь Киевский; легендарный основатель Москвы. Внизу слева: Всеволод III Большое Гнездо (1154 — 1212), великий князь Владимирский (с 1176). Внизу справа: Ярослав Всеволодович (1191 — 1246), князь Новгородский, князь Киевский (1236 — 1238), великий князь Владимирский (с 1238).



РУССКИЕ КНЯЗЬЯ ИЗ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ.

Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.

Вверху слева: Александр Невский (1221?—1263), князь Новгородский (1236—1251), великий князь Владимирский (с 1252). *Вверху справа:* Иван I Калита (?—1340), князь Московский (с 1325), великий князь Владимирский (с 1328). *Внизу слева:* Иван II Красный (1326—1359), великий князь Владимирский и Московский (с 1353). *Внизу справа:* Дмитрий Донской (1350—1389), великий князь Московский (с 1359) и Владимирский (с 1362).



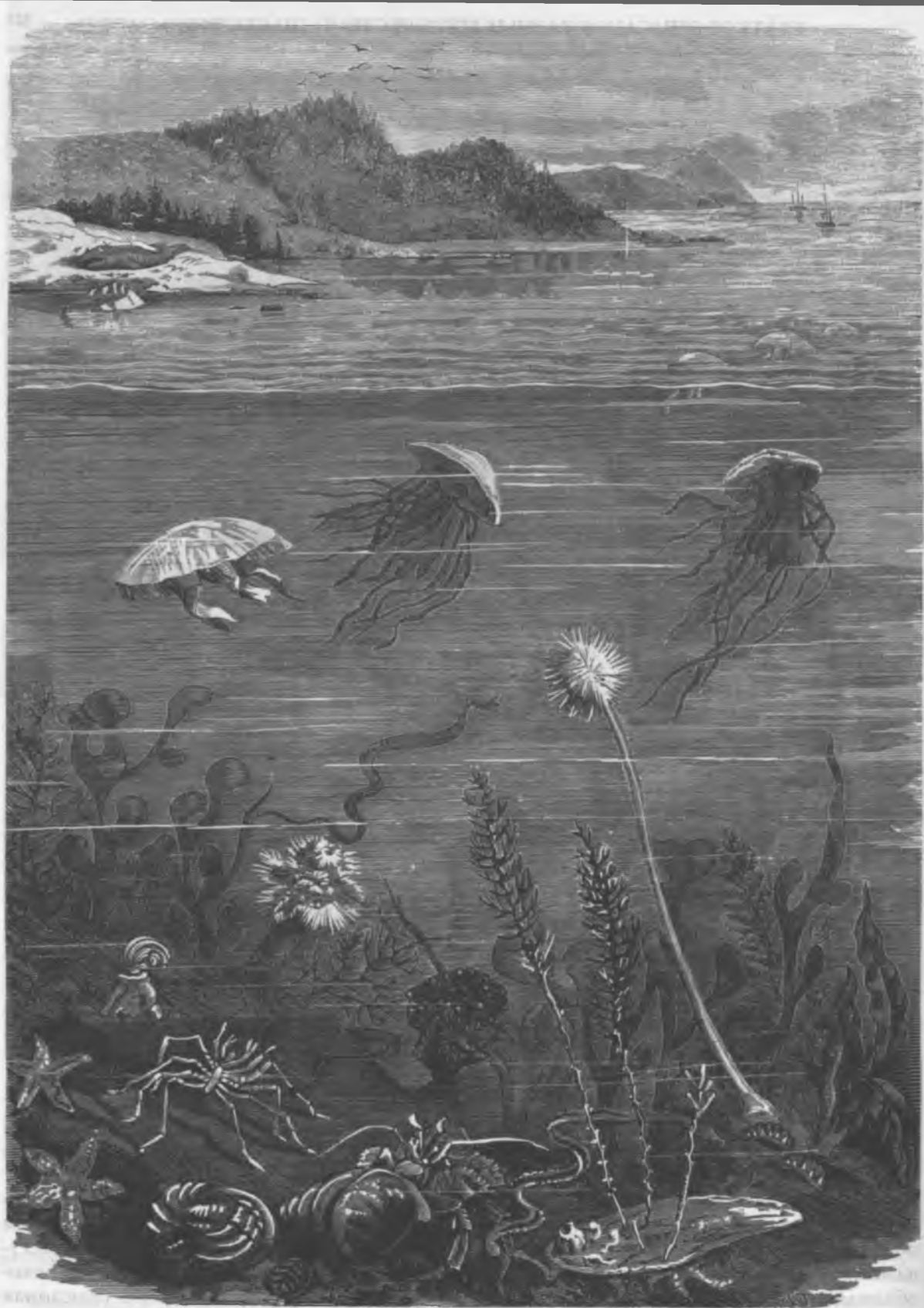
Н. Карзин. Шхуна, затертая льдами и покинутая экипажем

лежит между полюсом и 80-м градусом от экватора, то весьма натурально, что там не может быть знатное рек течение ради редкости дождей и снегу, как то на Шпицбергене примечено.

§ 70

Прочий северный американский берег, к Ледовитому океану прилежащий, не инаков шириною быть должен, если де Фонтонovo мореплавание (§ 20) и Бернардово озеро наглым образом вовсе не опровергнем, ибо оное озеро простирается около 70-го градуса ширины северной и мало оставляет места течению рекам в Сибирский океан, изливаясь само около той же ширины в море. Сие великое устье, кроме Бернардова описания, подтверждается тремя весьма важными доводами: 1) чукотские жители объявляли Берингу и другим, как в сибирских известиях явствует, что в лежащей

земле напротив одного носу есть великие реки, многие жители, леса и звери; 2) что на камчатские северные берега приносит много плавнику елового и соснового, какого лесу на ней не растет; но как лес выносит на море быстрину великих рек, а с берегов морских толикого множества волны смывать не могут, то согласно есть сие с известиями, полученными от чукчей; 3) к камчатским берегам даже и до Курильских островов наносит восточными и северо-восточными ветрами великие льды зимою, на коих камчатские промышленники ловят великое бобров множество. А как льды, на которых тюлени и бобры водятся, суть стабухи или поля ледяные, которые замерзают из пресной воды в устьях и в губах рек великих, следовательно, в северо-западном углу Америки изливается великое множество пресной воды и, без сомнения, из великой реки, какова должна быть описанная Бернардом.



Подводный мир Белого моря

§ 71

По таковым обстоятельствам и по толь многим вероятным и согласно показующим догадкам едва остается сомнение, что берег Северного океана, насупротив сибирскому лежащий, должен быть круг, приглуб и много меньше пресной воды изливаться, нежели сибирский. А потому на оной глубине океанская вода много солонее, нежели при отмелях краях сибирских, куда величайшие на свете реки сбранную с половины Азии воду пресную приводят, с рассолом мешают и оного крепость весьма ослабляют. Морозы солоного рассолу не могут в лед претворить удобно, как одолевают пресную. Сие показывает опыт, что океанская вода, взятая от северного Норвежского мысу, здесь не замерзла, но только сгустилась в стужу 180 градусов²⁰, будучи в малом сосуде и со всех сторон окружена студеным воздухом. Итак, может ли такой рассол в целом море, подверженный морозу только сверху, всегда находящийся в движении, замерзнуть крепко? То совершенно явствует, что сибирский берег несравненно больше льдов плоских, то есть стамух, производит, нежели американский.

§ 72

Выше сего показано, что падун родится на крутых берегах, в каменных ущелинах; то весьма вероятно, что северный американский берег, крутой и приглубый, производит больше падуну, нежели пологий сибирский. Но как ущелины по берегам несравненно малы против устьев великих рек и заливов и что падун в ущелинах чрез несколько лет нарастает, а стамухи в губах и в реках родятся по всякую зиму, то, несомненно, плоского льду в море много больше плавать должно, нежели падуну гористого, и, следовательно, американский северный берег по природе должен быть ото льду много чище, ежели наносный не одолевает. Всему сему согласуется малость льдов, глубина и ясность вод при северных берегах Баффинского залива, нежели при южных. Смотри § 11.

§ 73

Определив, по вероятности, положение берегов Студеного Подполярного океана, их свойства, течение вод, приступим ныне к изысканию, как льды больше движутся, где во множестве собираются, где рассыпаются и исчезают. Но прежде должно исчислить примерным образом его общее количество, причем положить должно, что ночемержи и зимою из морской солоной воды происшедших льдов в счет класть не должно, затем что они весною и в начале лета вовсе пропадают и летнему кораблеплаванию не препятствуют. Итак, остается падун и плоский лед в рассуждение, кое утверждено быть должно на искусстве и выведено примерною выкладкою.

§ 74

Сего рассуждения и изыскания пусть будут примером и основанием Белое и Нормандское море, из коих первое, будучи около 64 и 65 градуса, зимою великий лед производит, так что около половины оным покрывается; напротив того, Нормандское около 70-ти градусов во всю зиму чисто, так что около Кильдина никогда льдов не видают. Причина тому видна ясно, ибо мелкое перед океаном Белое море принимает в себя пресную воду из Двины, Онеги, Мезени и других меньших вод, ради слабости рассола меньшим морозам повинясь, в лед обращается. Напротив того, глубокий океан Норвежский, не имея в себя впадающих знатных рек, не теряет своей солоности и морозам не уступает, сохраняя свою жидкость. Весною выносит на океан только тот лед, который намерзает в губах при устьях реки Двины, Онеги и Мезени и в губе Кандалаксе от втечения рек Кандалакши и Ковды, и оный выносной лед проносит к Канину, а к Калгуеву острову редко. На нормандский берег не достигает, и тамошние рыболовы начинают свои промыслы с Николина дни, а у Кильдина острова ловят и зимою. С сего приступим к счету примерному количества льдов в Сибирском океане.

§ 75

Сии льды, от пресной воды в губах замерзлые, отрываются немало ветрами зимнею порою и плавают по Белому морю, куда их ветры и воды гонят; считая с ночемержами, занимают около половины морской поверхности, а от пресной воды рожденного нельзя положить больше четверти. А как Белого моря плоскость содержит в себе около 60 000 верст квадратных, то производит оное льду твердого около 15 000 верст квадратных, который может быть вынесен на океан в целости. Возьмем же квадратную меру плоскости земной, с которой собирается пресная вода в помянутое море. Оное ограничено пределами, кои включают в себе с вершинами и посторонними реками Двину, Мезень, Онегу, Выг, Кемь, Ковду, Кандалакшу, Варзугу и другие меньшие реки. Сие пространство содержит в себе около 200 000 верст квадратных, следовательно, к квадратной мере льдов, на Белом море происшедших, будет как 40 к 3. По сей пропорции посмотрим на площадь, с которой стекает пресная вода в океан сибирскими реками, то найдем оную квадратных верст 2 600 000, следовательно, льду родиться должно из оных пресных вод 200 000 верст квадратных. Сибирские морозы бывают против здешнего больше вдвое, то есть здешние, считая от 150 до 212 градуса, равны 62 градусам, а тамошние — от 150 до 281, то есть равны 131 градусу. (Сие на земли матерой, а сильнее над открытым морем, подземную теплоту отдыхающим, положить нельзя.) Посему надобно считать, что и количество произведенного ими льду вдвое, то есть 400 000 верст квадратных. Ледовитого океана примерная величина показана [§ 66] и потому выходит 6 000 000 верст квадратных, которую разделив на 400 000, найдем, что оный лед не может больше покрыть помянутого моря, как на $1/15$ долю.

§ 76

По примерному измерению, предложенному выше сего, северный американский берег на равной длине шириною не может быть больше как на пятую долю против сибирского, следовательно, и льду не произведет больше 80 000 верст квад-

ратных, то есть $1/75$ доли против морской поверхности. Итак, обоих берегов льды взяв вместе, будут ко всему Северному океану, сибирскими и американскими берегами включенному, как 1 к 12 $1/2$ после самой жестокой зимы; а вычтши по вероятной примерной величине чаятельное количество сухой земли, состоящей в островах под полюсом и против Лены, еще останется чистого моря против льдов около десяти раз больше, — довольное пространство к корабельному ходу севером в Японию и в Ост-Индию.

§ 77

Уже ныне можем рассуждать о льдах, когда стоят они у мест природных, куда обращаются, где им быть должно собрание и стеснение и как скоро исчезают. К движению своему имеют две причины: первую — течение моря; вторую — ветры, где примечать должно, 1) что хотя течение моря сильнее действует, нежели веяние ветров, особливо на стамухи или ледяные горы, глубоко в воде погруженные, однако стремительные и долговременные ветры иногда не меньше и чужь ли не больше льды гонят, нежели воды, и тем только уступают; 2) что течение океана от востока на запад происходит беспрестанно, ветры дуют временно. Но понеже периодического их обращений назначить не можем, то принуждены довольствоваться следующим: 1) ветры в поморских двинских местах тянут с весны до половины мая по большей части от полудни и выгоняют льды на океан из Белого моря; после того господствуют там ветры больше от севера, что мне искусством пять раз изведать случилось²¹. Ибо от города Архангельского до становища Кекурского, всего пути едва на семьсот верст, скорее около одного времени не поспевал как в четыре недели, а один раз и шесть недель на оную езду положено за противными ветрами от норд-оста. Около Иванова дни и Петрова дни по большей части случаются ветры от полудни и им побочные и простираются до половины июля, а иногда и до Ильина дни; а после того две, три, а иногда и четыре недели дуют полуденные ветры от восточной стороны, на конец лета — западные и северо-западные.

Сие приметил я и по всему берегу Нормандского моря, от Святого носу до Кильдина острова. 2) По сибирским берегам как течение ветров бывает, не имею никаких записок, но сколько по состоянию погоды в северных сибирских городах примечено, в Якутске и Мангазее, явствует, что подобным образом за месяц перед должайшим днем и несколько позже оно дуют ветры больше к полярным сторонам, а после до августа господствуют дыхания, оным противные. Сие все с самым течением натуры согласно, ибо ближайšie к полудни земли ранее чувствуют теплоту солнечную. Воздух от того и пары расширяются и гребуют больше места и так уклоняются в те места, где больше сжимаются от холоду, сиречь к полуночи. Но как в должайшие дни солнце, не заходя больше за горизонт в местах подполярных, стисненный великим холодом воздух разогреет, расширит и новыми парами растворит в великое пространство,

тогда распускается он и течет на полдень,нося с собою холод, дожди и туманы. Сие должно разуметь не токмо о сибирском, но и об американском северном берегу.

§ 78

А потому рассуждать должно: 1) что в конце весны относит ветрами льды от берегов к северу, чему способствует течение на сибирском берегу вод из великих рек, которое широкие устья и великие губы очищает; 2) противный берег столько для отнесу льдов силы не имеет, лишаясь стремления рек великих; к тому же ледяные горы, повинувшись больше воде, столько ветров весенних силы не чувствуют и потому, последуя течению моря, плывут к западу, то есть по заполярному положению от Гренландии к землям, лежащим против Чукотского носу. Как, напротив того, по здешней стороне быть должно и есть дей-



Ледниковый пейзаж



Напор льда на Новой Земле

ствительно течение моря от Чукотского носа к Новой Земле и далее, что подтверждают оттуда приходящие приливы и наносные льды около полуночного Новоземельского мысу и из Вайгача к берегам печерским, что лежат к востоку.

§ 79

Сим рассуждениям соответствует самое льдов хождение около Новой Земли: 1) по весне и в начале лета, когда на море зимою рожденный лед рушится, очищается мыс ото льдов по переменам, как видно из Баренцова известия (§ 29). Потом случается почти на всякое лето, что в июле месяце тянет ветер северо-восточный и выводит с водами великое множество льдов из Сибирского океана, что, однако, не далее трех или четырех дней продолжается; в прочее время море чисто, хотя иногда тот же ветер до трех недель господствует. 2) Из сего заключить должно, что за северным мысом Новой Земли толь далече берег; сколько верст может в четверы сутки лед перегнан быть ветром и водою, думая, от

трех до четырехсот верст; или льду нет больше на всем пространстве моря. Сие вероятнее, нежели первое, ибо великий приливов упор в нормандский берег и сильное течение океана тому прекословит; последнее соответствует вышеписанному исчислению (§ 75). Помянутый лед родится, конечно, между Новою Землею и устьями рек Оби и Енисея, в великих губах и в Карском море, ибо сие место, кроме Обской и Тазовской губы, должно быть наполнено по большей части пресною водою. Новая Земля простерлась против устьев великих рек Оби и Енисея, одним концом подходя к Пясигскому большому мысу, другим при Вайгаче простираясь к печерским берегам весьма близко, включает в себе почти запертое море, которое, будучи мелко, должно иметь мало рассолу и для того зимою почти все замерзает; а оный лед, прежде южными ветрами и течением рек по весне на океан вынесенный, после восточно-северными ветрами мимо Новой Земли на запад выносит.

§ 80

Выше сего показано (§ 49), что около Шпицбергена море с западной стороны по большей части чисто, от востока почти всегда занято льдами. Оные льды приходят от востока, из Сибирского океана восточными водами и ветрами прогнанные; а как далече на восток такой торос отстоит летом, искусством не изведено и только заключить можно по количеству льдов, кои мимо Новой Земли проносит. А как известно, то оно немалая часть приходит к Медвежьему острову и на корги, что от него к Шпицбергену простираются, в которых местах бывает ему разрушение больше, нежели когда в береги ударяет, ибо падун, касаясь нижнюю часть дна морского, а верхнюю будучи от воды к движению понуждаем, вкруг обращается и ломается с великим ревом, где, также находя, плоские стамухи в стоящие на мели падуны упираются, трескаются и взламываются кверху с ужасным громом, который верст на тридцать слышен. В сих местах знатнейшая часть одного льду разрушается и от летних солнечных дней изнывает. По сему рассудить можно, что на восточной стороне шпицбергенской не может лед от берегов далее трех- или четырехсот верст простирается; следовательно, в половине и в конце июля месяца должно Северному океану между Новою Землею и Шпицбергеном быть чисту и безледну, и оному чистому океану простирается далече на восток безо льду по малой мере на тысячу верст, считая по времени и скорости, как несет лед и сколько оный перейти может в три недели и больше. Сие чистое место должно быть на ширине около 80 градусов²², от сибирских берегов — около 600 верст.

§ 81

Из трудных путешествий господ морских офицеров Прончищева, Лаптева и Челюскина, также и по сказкам сибирских промышленников известно, что от Пясигского мысу даже до устья реки Ковыми беспрестанно обращаются летом великие льды, кои зимою стоят сплошь соединены замерзлым морем, со многою пресною водою из рек сибирских смешанным. Льды хотя, по вероятности, могут быть по боль-

шой части сибирских берегов произведения, однако 1) не на тех местах рожденные, но перешедшие от устьев восточных рек к западным; 2) статья может, что приносит их из тех же мест, откуда приходят зимою к берегам камчатским, то есть от устьев рек, кои хотя не изведаны, однако слухом достигли, что втекают из северо-западного мыса Северной Америки, лежащего против чукчей, где оный лед Чукотским носом может быть разделен на два парома, направо и налево. Но как Беринг уже в конце лета видел Чукотское море от льдов свободно, то думать можно, что оные льды носит и около устьев реки Ковымы больше зимнею порою. Статья может, что и оборотные воды и ветры, около полюса подле берегов, сибирским противных, простираясь от Гренландии мимо Баффинского перешейка к Чукотскому морю, наносят в него несколько и тамошних льдов, которые по большей части из падуна состоять должны.

§ 82

Остановка льдам нигде не может быть, как в малых морях, кои из сего океана вошли в около лежащие сибирские и северные американские земли, либо около островов или мысов, какова Новая Земля или мыс Пясигский. А на просторном океане тому быть нельзя, ибо хотя бы все льды Сибирского моря ходили по его пучине, то бы всегда проходов было против льдов как 12 к 1 (смотри § 76). Льды стесняются, где найдут упор, а такого великого чаять нельзя на таком море, которое движением от востока к западу течет чувствительно, производит приливы и отливы, равные бывающим на Атлантическом и Тихом океане, посылает от северо-восточной стороны долговременные сильные ветры к нормандскому берегу и крупные волны, которые после того продолжают по целой неделе, невзирая на сильные поперечные и противные ветры.

§ 83

Из всего вышеписанного по натуральным законам и по согласным с ними известиям не обинуясь заключаю: 1) что в отдалении от берегов сибирских на пять- и на

семьсот верст Сибирский океан в летние месяцы от таких льдов свободен, кои бы препятствовали корабельному ходу и грозили бы опасностью быть мореплавателям затертым; 2) что самый лучший проход упователен мимо восточно-северного конца Новой Земли к Чукотскому носу, сперва пустясь в норд-ост, потом склоняясь к осту и зюйд-осту, как следует держась дуги величайшего на сфере земной круга; 3) что возможен проход между Гренландиею и Шпицбергенем, в некотором отдалении от берегов Северной Америки для меньшего множества льдов, как выше означено, ко-

торый путь хотя и отдаленнее, однако тем кажется быть способнее, ежели, как чаятельно, тамошний океан, обращаясь около полюса, способен будет течением в пути к Чукотскому носу; 4) когда Бог благоволит споспешествовать открытие сего неведомого и почти нечаемого донныне мореплавания, го, уповательно, обратный ход будет способнее около Новой Земли, в надлежащем отдалении от берегов сибирских по воде и по ветрам, как, напротив того, по-за Шпицбергенем и по-за полюсом мореплавание к Чукотскому носу и далее в Индию и Америку²³.

Глава четвертая

О ПРИУГОТОВЛЕНИИ К МОРЕПЛАВАНИЮ СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ

§ 84

Приуготовляясь к сему важному предприятию, должно рассуждать четыре главные вещи особливо: 1) суда, 2) людей, 3) запас, 4) инструменты.

§ 85

В судах требуется, чтобы они были невелики, легки, крепки, поворотливы, притом не совсем новы, для того чтобы оных в ходу удобность и свойства несколько искусством изведаны были, что в одно лето освидетельствовано быть может; и для того можно к сему выбрать и купить из готовых купецких и промышленных судов у Архангельского порта²⁴. Такие суда кажутся потому быть довольны, что артиллерийский снаряд в сем предприятии не нужен, кроме сигнальных небольших пушек.

§ 86

Главных судов число больше трех не нужно: одно больше двух прочих для главной команды, да два легче и меньше для рассылки с главного пути в стороны для наблюдения земель, льдов и других обстоятельств.

Суда обшить должно досками против льдов, как обороняются в Индии от червей.

§ 87

Кроме ботов и шлюпок, на каждом судне должно быть по два или по три торосовых карбасков, какие на Белом море при ловле тюленей промышленники употребляют и на них далече от берегов по льду и по воде ходят, затем что для легкости вложить их весьма удобно. Для запаса и для укромности можно заготовленные к тому доски положить в интрюме и в случае нужды, ежели другие потеряются, новые вскоре сшить и употреблять способно будет.

§ 88

Правление сего мореплавания поручить офицеру от флота искусному²⁵, бывалому, особливо в Северном море, у которого есть осторожная смелость и благородное честолюбие. Ему подчинить по пропорции всей команды офицеров и унтер-офицеров, а особливо штурманов, также и гардемаринов, из которых было бы на всяком судне по два или по три человека, знающих брать астрономические наблюдения



Нападение медведей на запасы экспедиции

для длинен и ширины, в чем их свидетельствовать в Морском кадетском корпусе и в Академии наук²⁶.

§ 89

Сверх надлежащего числа матросов и солдат, взять на каждое судно около десяти человек лучших горосовщиков²⁷ из города Архангельского, с Мезени и из других мест поморских, которые для ловли тюленей на торос ходят, употребляя помянутые торосовые карбаски, или лодки, по воде греблю, а по льду тягою, а особливо которые бывали в зимовьях и в заносах и привыкли терпеть стужу и нужду. Притом и таких иметь, которые мастера ходить на лыжах, бывали на Новой Земле и лавливали зимою белых медведей. Наконец, взять два или три человека, знающих языки тех народов, которые живут по восточно-северным берегам сибирским, а особливо умеющих язык чукотский. При сем всем смотреть сколько можно, чтобы выбирать людей, которые бы мало причины имели назад оглядываться и попечение иметь об оставшихся домашних.

§ 90

Хотя всего путешествия успехов ожидать должно от людей бывалых, знающих мореплавание, мужественных, терпеливых

и в своем предприятии непоколебимых, однако и бессловесные животные в том помочь дать могут, что примерами доказать можно. Между прочими следующий примечания достоин. Некто морской разбойник, родом норвежанин, именем Флокко, желая сыскать Исландию, пустился от Аркадских островов в море. При отъезде взял три ворона, и когда он в знатном расстоянии отшел от берегу, то пустил одного на волю, который тотчас полетел к Аркадским островам обратно и тем показал, что они еще от оных не так далеке, как казалось. Продолжив несколько времени свое плавание, пустил на волю другого, который, полетав кругом немало времени, к судну возвратился, затем что кроме оного не нашел к успокоению места; по несколько времени выпуском третьего ворона был счастливее, затем что он увидел Исландию, полетел прямо к оной и дал повод себе последовать и открыть землю, для которой Флокко в море пустился.

§ 91

По сему примеру не почитаю излишним делом, чтобы взять на всякое главное судно по несколько птиц хищных, которые к плаванью на воде неспособны, а к подобному опыту служить могут и близость льдов показывать.



Плавучие льды Северного океана

§ 92

Что до запаса надлежит, о том пространно не представляю, затем что морские люди довольно ведают, что им на такой путь надобно; три только вещи упоминаю: 1) чтобы иметь с собою сети, уды, ярусы, рогагины для ловления рыб и зверей, которые сами в пищу, а жир в нужном случае вместо свеч и дров служить могут; 2) чтобы запастись противочинготными лекарствами: сосновою водкою, сосновыми шишками, шагрюю, морошкою и прочими сверх того из аптеки; 3) чтобы запаса было по малой мере на три года и чем больше, тем лучше.

§ 93

Инструменты требуются: 1) для наблюдений астрономических, к познанию долготы и широты служащих, 2) для исследования долготы и широты в море без помощи астрономических наблюдений, 3) для других действий, в плавании по неизвестным морям нужных.

§ 94

Для определения долготы и широты на море в ясную и в мрачную погоду показаны способы в изданном мною «Рассуждении о точнейшем пути на море»²⁸; однако еще лучшие имею, после того изобретенные²⁹, особливо для северного мореплавания, которые могу объявить, когда оное действительно предпринять за благо рассуждепо будет.

§ 95

Для показания времени всего способнее и вернее иметь на каждом судне по несколько часов карманных с секундами, чрез довольное время в исправности испытанных, которые содержать должно в равном градусе теплоты, сколько можно; удобнее всех место им в интрюме, о середине корабля, где от морской воды градус теплоты постояннее и движение корабля всех меньше. Для удобного содержания и вынимания к наблюдениям должно сделать особый, пристойный к тому ящик.

§ 96

Для общего показания пути должно дать на каждое судно по карге, вновь сочиненной по самым лучшим известиям, которая должна иметь в центре полюс³⁰.

§ 97

Вода морская тем солонее, чем далее от берегов, чем ближе, тем свежее, а особливо где втекают в море немалые реки. Для исследования разной солёности воды морской надлежит иметь ареометр, каковые употребляются при солосварнях для проб рассольных³¹.

§ 98

Плавающим по Ледовитому океану приключается, что запирают их окружившие льды: как сперва малая льдина ход затворит, и, пока оную отводить стараются, между тем другие больше и больше поспевают и выход совсем пресекают. Для скорейшего и сильнейшего разбивания льда уповаю я, что весьма служить будет порош таким образом, как рассекаются в рудокопных ямах каменные горы. Того ради должно на всяком судне иметь буравы, подобные горным, чем бы лед просверливать. Сия работа весьма будет происходить скоро, ежели буравы употребятся к тому горячие или и раскаленные (для всегдашней

готовности должны они всегда лежать на очаге острыми концами к огню), а в проверченные на льду дыры всунуты будут готовые к тому патроны с фитилями, охраненные от мокроты смолою.

§ 99

Выше сего первый возможный ход представлен около северо-восточного мысу Новой Земли; для того должно употребить следующую предосторожность ради безопасности и прибежища северных мореплавателей. Около одного мысу, близ восточного поворота, в удобной пристани, где пресною водою нескудно, построить должно зимовье из несколько изб с надлежащими хлебными печами, окончинами и ставнями, с сеньми и с двором и оные обшить досками; при том амбар для содержания провианта и других потребностей, также и баню, коя для наших людей весьма здорова, которое отвезти туда сзаранья на передовых судах. Также удовольствовать всяким провиантом на два года, кроме того, который пошлется на судах в предприемлемую дорогу. Таковое предуготовление несравненно лучше будет, нежели бедное зимованье голландцев (смотри § 28). И как они могли вытерпеть всякие неудобности и недостатки, то наши северные люди в лучших несравненно обстоятельствах легче зимовать могут.

Глава пятая

О САМОМ ПРЕДПРИЯТИИ СЕВЕРНОГО МОРЕПЛАВАНИЯ И ОБ УТВЕРЖДЕНИИ И УМНОЖЕНИИ РОССИЙСКОГО МОГУЩЕСТВА НА ВОСТОКЕ

§ 100

Важного сего мореплавания предприятие учинено быть может двояким образом: для изыскания всего пути вдруг или по частям в разные походы. Первое славнее, второе безопаснее, однако и в

первом может вдруг споспешествовать счастье и во втором для разных обстоятельств разделенного времени подвергнуть противностям. Итак, уповаю, что лучше в первый поход простираться в пути к концу по самой возможности, со всею осторожностью.

§ 101

Для сего дать главному командиру обстоятельную инструкцию³², которая чтобы была сочинена основательно, надлежит для того прежде учредить комиссию из членов, знающих мореплавание по теории и практике, а особливо из тех, которые в описании северных берегов сами употреблены были.

§ 102

В оной инструкции, по моему мнению, предписать должно: 1) способы к открытию пути, 2) предосторожности, 3) посторонние пользы, 4) ободрение и содержание людей в повиновении.

§ 103

Способы, в искании полезные, нахожу следующие: 1) приливы и отливы или течение моря показывают в тех румбах ход, по которым оно движется; 2) когда воды, то есть приливы и отливы, течение вод переменяют, показывают в той стороне берег; от которой отвращаются; 3) чем воды несходнее с течением луны, тем земля и острова ближе; напротив того, чем больше с нею сходятся, тем больше пространство моря показывается; 4) разная соленость воды показывает, прибавляясь, отдаление от берегов и льдов, убывая — к ним приближение; внезапно чувствительная воды пресность — значит в близости великой реки устья; 5) приращение стужи — близкие льды, приращение теплоты — близкие береги, постоянная вода пространство моря покажет. Но все сие должно рассуждать осторожно по ветру, с которой стороны веет; на восточный и западный в сем случае больше положиться можно. Откуда валы идут велики и пологи, там великое и глубокое и от льдов чистое море; здесь должно рассудить и о старых великих валах, кои повым противным или поперечным долго не уступают. Когда ж с которой стороны сильный ветр сутки тянет, а не подымет большого валу, в гой должно быть близкому берегу или льду стоячему; 6) чем море глубже, тем берег далее, выключая банки и корги песчаные; 7) разные животные и пгицы могут служить вестниками или в пути показателями; например, когда

покажется рыба или птица, при камчатских берегах или около Чукотского носу обыкновенная, а в Северном океане редкая или неизвестная, знаком служить будет близости к Чукотскому носу; для сего полезно будет профессора Крашенинникова «Описание Камчатки»³³.

§ 104

Для союзного вышепомянутых судов собрания должно назначить места, к чему служить может: 1) западный мыс Новой Земли, где на карте показан Черный остров³⁴; 2) восточный конец Новой Земли, названный мыс Надежды, на котором в пристойном месте завести магазин со всякими припасами, с которыми за вышеписанными судами огривать одно или два судна ластовых.

§ 105

В продолжение плавания вдаль главному судну идти переднюю дороною по предписанным румбам или как натура и обстоятельства покажут; прочие два судна должны ходить по сторонам для осмотру льдов и берегов, только ж больше четырех миль от него не отлучаться.

§ 106

Когда прямо перед собою или в сторонах льды или землю усмотрят, то, учинив совет, ходить подле оных, разделяясь на уреченное время, для усмотрения проходу, причем на льды высылать торосовщиков в мелких судах для осмотрения ширины льдов и не приткнулись ли они где к берегу.

§ 107

Когда найдется остров, матерая земля или хотя стоячий лед, то, вышед с астрономическими инструментами, чинить на твердом месте астрономические наблюдения для изыскания точной широты и долготы места, дабы поправить весь путь своего бывшего плавания.

§ 108

Предосторожности следующие за нужные почитают: когда легкие суда на обеих сторонах ходячий лед приметят, то небезопасно будет, чтобы оные не сошлись вместе

и всех судов в себе не заключали; для того должно уступить назад или по крайней мере на время остаться главному судну; прочие легкие могут осмотреть их концы, одно задние, а другое — передние, которые ежели недалеко простерлись или отстоят один от другого тем далее, чем восточнее, то в плавании простираться далее и тем смелее, когда с одной стороны земля близко, а особливо среди лета.

§ 109

На берегах и на стоячих льдах ставить маяки с подписью времени, долготы и широты и куда от них кто пошел и которым румбом.

§ 110

На местах, где море неглубоко, в нужных случаях ставить на якорях буи с вежами и с такими ж надписями, написанными смолою или на доске вырезанными.

§ 111

На неизвестные береги, на которых жителей чаять можно, выходить немалолудно, всем вооруженным, с крайнею осторожностью, ибо весьма жалостные примеры не токмо в чужих путешествиях в незнаемые земли, но и в собственных имеем.

§ 112

Ежели которому судну приключится крайнее несчастье от штурма или от другой какой причины (от чего, Боже, сохрани), тогда, видя неизбежную погибель, бросать в море журналы, закупорив в бочках, дабы хотя, может быть, некогда по случаю оные сыскать кому приключилось. Бочки на то иметь готовые с железными обручами, законопаченные и засмоленные.

§ 113

Посторонние пользы суть следующие: 1) ежели Бог велит благополучно пройти нос Чукотский и войти в Камчатское море, тогда отпускать в левую руку на восток до 100 и 200 верст легкие суда для осмотра берегов или островов Северо-Западной Америки; 2) везде примечать разных промыслов рыбных и звериных и мест, где б ставить можно магазины и зимовья для пользы будущего мореплавания; 3) чинить физические опыты, мною впредь показаны быть имеющие, которые не токмо для истолкования природы ученому свету надобны и нам чрез искание их славны будут, но и в самом сем мореплавании служить впредь могут. Плиний пишет³⁵: «Бесчисленное множество по всем открытым морям и к страннolюбивым берегам плавает,



Береговые горы Новой Земли

но токмо для прибитков, не ради науки, и мысль ослепленная и только лакомству внимающая не рассуждает, что само мореплавание чрез оную безопаснее быть может».

§ 114

Для ободрения и содержания людей в повиновении следующее в инструкции изобразить за нужное признаваю: 1) главному командиру дать над подчиненными, а особливо над нижними чинами, власть живота и смерти по Морскому уставу, без всякого изъятия и умедления, учиня криссехт, и во всем наблюдать Морской устав точно; 2) в опасные места посылать преступников, которые заслужили наказание, вместо смерти; 3) напротив того, когда сие путешествие благополучно и по желанию окончится, обещать всем обер- и унтер-офицерам произхождение через два ранга, главному командиру флагманство и, по рассмотрению его ревности, кавалерию³⁶ или деревни; 4) матросам и другим всем нижним чинам тройное жалованье как в сем пути, так и по желаемом совершении онного, до смерти; 5) кто покажет чрезвычайную услугу, того наградить сверх того особливо; 6) кто в сем путешествии от тяж-

ких трудов, от несчастья или от болезни, в морском пути бывающей, умрет, того жене и детям давать умершего прежнее рядовое жалованье, ей до замужья или до смерти, а им до возраста; 7) понеже в таковых предприятиях берет и счастье свою долю, того ради и для онного что-нибудь определить должно, и хотя оно не всем случиться может, однако все его чаят. Итак, по примеру искателей Америки обещать тому особое награждение, деревни или какие другие доходы, кто первый увидит Чукотский нос или берег близ проходу в Камчатское море.

§ 115

Когда по щедрому божескому промыслу и по счастью всемиловейшия Самодержицы наша желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана.

§ 116

Кроме Камчатки, по восточному берегу Охотского залива можно будет изыскать удобные места к заведению нового поселе-



Река Камчатка и вид на Ключевскую сопку

ния, где, кроме многих небольших рек, может способствовать река Уда, которая, будучи не меньше реки Рейна (как то по карте явствует) и имея устья около 58 градуса ширины, удовлетворяет переведенцев хлебом, скотом и рыбою, корабельным строением, лесом, пенькою и смолою и, чаятельно, железом, ибо оного руд редкие места не имеют.

§ 117

Для населения тамошних мест (которые по обстоятельствам кажутся быть плодородны и здоровы) и для строения города на устьях реки Уды бесспорно пойдут многие охотники, ежели им обещаны будут отменные привилегия и вольности, а особливо в купечестве между собою и с соседними народами. Кроме сих, по примеру Франции, ежегодно отправлять туда людей обоего пола, которые здесь, в России, напрасно шатаются или за преступления сосланы быть должны. Новое место и новые обстоятельства обычай их переменят, и нужда хлеба искать научит беспорочными трудами. Пример тому — большая часть сибирских жителей.

§ 118

Но о всем сем добрые успехи предложенного предприятия пространнее рассуждать и пристойным образом располагать научат. Ныне краткое мое и по возможности сил сочиненное мнение и больше усердием к отечеству, нежели знанием наполненное, ожидает снисходительного принятия.

§ 119

При сем еще присовокупить должно, что когда поход рассуждено будет предпринять рано в вешних месяцах, то должно оным судам зимовать в Килдине или в Катерин-гаване³⁷, затем что там выход много ранее свободен бывает, нежели от города

Архангельского, и путь ближе и прямее, который должно держать к востоку.

§ 120

На льды высылать горосовщиков в мелких судах с малыми компасами искать полых мест, где пройти можно. В туман пускать ракеты со шлагами и с черным дымом как для отпущенных торосовщиков, так и для легких отдаленных судов. Выход на берег оказывать зажжением огня.

§ 121

Примеченные земли описывать сколько возможно в краткое время, а особливо срисовывать их проспекты издали, а где случится быть близко, примечать удобных мест для постройки зимовий, подобных как на Новой Земле.

§ 122

Прежде отъезду в предприятый путь при новоземельском зимовье, на высоком месте поставить каменный маяк и в нем на долгом шесте или мачтовом дереве поставить великий флаг темного цвета, чтобы далече, смотря в подзорную трубку, усмотреть можно было.

§ 123

Для ободрения и утешения северных мореплавателей можно по крайней вероятности объявить, что ежели дойдут до северных американских берегов, против Лены и Ковымы за океаном лежащих, к Чукотскому носу склоняющихся, то найдут там довольно жителей. Пример сему — обитаемые места под теми же повышениями полюса: в Сибири — самоедцы, чукчи, юкагары; в Америке — гренландцы, баффинцы и народы, живущие против Чукотского носу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще остается мне отвратить мнения, противные сему славному и полезному предприятию: 1) нерадостные примеры неудачных прежде бывших походов, 2) великие убытки, 3) трата людям, 4) тщетная работа, коею впредь могут больше пользоваться другие народы, хотя бы и удача воспоследовала.

На первое отвечаю, что неудачные предприятия произошли: 1) от неясного понятия предприемлемого дела, что не имели не токмо наши, но и агличане и голландцы довольного знания натуры, ниже ясного воображения подлежащей дороги; 2) что приуготовления были беспорядочны, следовательно, и сами предприятия неудачны и бедственны; 3) особливо же представим о наших прежних предприятиях, что промышленники ходили порознь, одинокие, не думали про многолюдные компании, без которых всякие предприятия слабы. Суда употреблялись, шитые ремнями, снасти ременные, парусы кожаные. Каковы сии орудия против мокроты и стужи? Сверх сего, был ли кто хотя человек грамотный, не токмо знающий мореплавание?

Отправленные потом флота офицеры тем, во-первых, совершенного не принесли удовольствия, что Чукотского носу не достигли; да и статья тому трудно, что не гою отправлены были дорогою, как показано § 34. Сверх же того, по-видимому, не все как надлежит усердствовали, затем что жен своих в толь трудный поход брали. Между тем принесли много пользы, изведав и описав почти все берега сибирские, чего бы нам без их походов знать было невозможно, и сверх того подали пример, что впредь с лучшим основанием и порядком может воспоследовать желаемого исполнение.

Но положим, что того никогда не учинится, однако, несомненно, найдутся чрез то места, к разным рыбным и звериным промыслам удобные, каковы найдены западными мореплавателями в Гудсонском и Дависовом заливе. Скажет кто, что ход для промыслов далек будет, — отвечаю примером агличан, что их рыбные и звериные

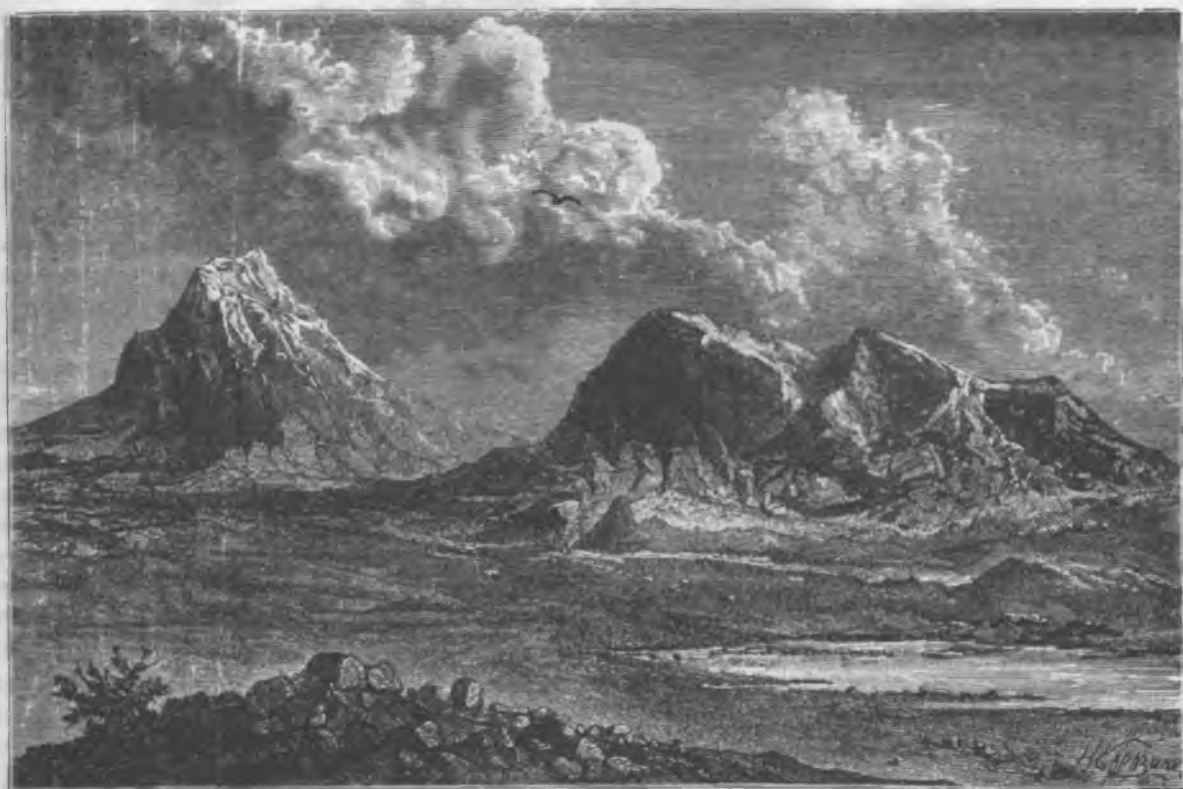
промыслы в Гудсонском заливе не ближе от Лондона, как Чукотский нос от Архангельского города, и путь их лежит ледистыми и опасными морями. Что ж надлежит до убытков, то они не токмо казне, но и купцам достаточным сносны будут, особливо когда соединятся компаниею к сему прибыточному поиску. По моему мнению, за двадцать тысяч рублей можно отправить достаточный поход³⁸ на первый случай.

Жаление о людях много чувствительнее, нежели об иждивении, однако поставим в сравнение пользу и славу отечества. Для приобретения малого лоскута земли или для одного только честолюбия посылают на смерть многие тысячи народа, целые армии, то здесь ли должно жалеть около ста человек, где приобрести можно целые земли в других частях света для расширения мореплавания, купечества, могущества, для государственной и государственной славы, для показания морских российских героев всему свету и для большего просвещения всего человеческого роду. Если же толикая слава сердец наших не движет, то подвигнуть должно нареkanie от всей Европы, что, имея Сибирского океана оба концы и целый берег в своей власти, не боясь никакого препятствия в поисках от неприятеля и положив на то уже знатные иждивения с добрыми успехами, оставляем все втуне, не пользуемся Божеским благословением, которое лежит в глазах и в руках наших тщетно; и, держа флоты на великом иждивении, всему государству чувствительном, не употребляем в пользу, ниже во время мира оставляем корабли и снаряд в жертву глению и людей, к трудам определенных, предаем унынию, ослабению и забвению их искусства и должности³⁹.

Последнее из противных мнений, чтобы сие открытие не досталось в чужие руки, обращается в ничто следующими: 1) помянутое мореплавание к нам ближе, нежели к прочим европейским державам, 2) россиянам тамошний климат сноснее, 3) что на нужных и тесных местах построятся зимовья с предосторожностями для наших лю-

дей, коими чужестранные пользоваться не могут, 4) на Камчатке, или около устьев реки Уды, или на островах Курильских, где климат, как во Франции, можно завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов, против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом, но хотя б и учинили, одна-

ко придут утомленные на крепких, с привозными гнилыми припасами на снабденных жителей свежими домашними, безнадешные ближнего от своих споможения на места, где вспоможение нам неистощимо. Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке.



Авачинская сопка на Камчатке



ПРИБАВЛЕНИЕ.

О СЕВЕРНОМ МОРЕПЛАВАНИИ НА ВОСТОК ПО СИБИРСКОМУ ОКЕАНУ

§ 1

По новым известиям от грумантских и новоземельских промышленников¹ явствует, что поиск морского пути по северу на восток удобнее начать можно от западного грумантского берега, нежели с Новой Земли, для того что: 1) Тамошний климат оказывается теплее, оттепели зимой бывают чаще, нежели как на Новой Земли, и западное Грумантское море теплее, гавани от льдов свободяются много ранее, иноземцы приходят туда на промыслы к Николину дни², а российские промышленники хотя и много позже приходят, однако остаются иногда до Воздвиженьева дни³. 2) Море много свободнее от льдов, ибо западный берег почти всегда чист, и китоловные корабли ходят во все лето. И ежели когда льды наносит, то не от запада, куда сперва путь предпринять должно, но больше от полудни, иногда ж от севера заворачивает, и оный лед по всем обстоятельствам видно, что от сибирских берегов, затем что он весь пресный и, в солнечные дни растаяв, составляет на себе пресные лужи, коими промышленники довольствуются. Также и по заплескам на Груманте лежит много листвяга изнылого и льдом обломанного и обтертого, которого лесу весьма много в Сибири, и, конечно, со льдами от сибирских берегов его наносит. А посему явствует великая вероятность моей теории, что противолежащий сибирскому северный берег Северной Америки к мореплаванию удобнее сибирского берегу. 3) Сие плавание будет по воде и по ветру, затем что течение моря при западном берегу грумантском простирает-

ся от норд-веста и течение океана по большей части с ветрами соглашается; сверх того, около Новой Земли и к нормандскому берегу господствуют ветры от оста и норд-оста. Новоземельские промышленники много долее идут к Новой Земле против льдов и ветров, нежели домой обратно; а посему у противного берега американского, на другой стороне полюса должно быть в другую сторону окружному обращению вод и воздуха для сохранения равновесия в атмосфере и в океане. 4) Туманов чаятельно меньше, потому что они часто бывают льдам спутники, и, по объявлению Корнилова, по восхождении солнца впервые весною небо бывает долго чисто. 5) На Груманте гавани надежнее и лучше, какова есть на западном берегу, называемая Клокбай, и все рано весною, в первых числах мая открываются.

§ 2

Рассуждая вышепоказанное, заключить должно, что мимо Новой Земли, в знатном отдалении от берегов удобнее будет держать обратный путь от востока по воде и по ветру. Сие окажется самыми опытами и практикою со временем, которое есть всех дел человеческих учитель; оно, споспешествуя нашему терпеливому рачению и похвальной упряжке, может открыть еще больше, нежели чаем и желаем. Итак, когда мои добронамеренные представления за благо признаны и доказательства в уважение приняты будут, то принимаю смелость еще представить мое мнение о поисках помянутого проходу, следуя прежним и нынешним известиям и рассуждениям.



Перевозка тяжестей через ледяные торосы

§ 3

Всякие предприятия и изыскания нередко лучше, когда они соединены с очевидною пользою. Итак, следовало б, чтобы поиски северного на восток мореплавания соединить с китоловными и с другими тамошними промыслами, однако кажется, что сие соединение будет больше препятственно, нежели прибыточно⁴. Склонные к скорому прибытку сердца человеческие будут больше внимать промыслам, нежели производству и совершению самого главного дела, не видя ясно, что по окончании оного несравненно большая государственная и партикулярная выгода воспоследует. Таковые промыслы кажется чтоб для того начать надлежало, дабы оное предприятие без трагической казны исполнилось и произвелось доходами от промыслов, но когда рассудим малость иждивения на то против других, не важнее сего расходов, или еще представим, что люди, суда и снаряды и без того на знатном коште содержатся, что их и без того время с собою возьмет и погрузит (без славных и обществу полезных дел) в вечности, то не найдем никакой причины жалеть того употребить на доброе дело, что скоро исчезает бесполезно. Итак, по моему мнению, хотя и можно присовокупить к помянутому предприятию тамошние промыслы, но как побочное дело и

больше для прикрытия от иностранных сего походу⁵, якобы оный происходил для тамошней китовой ловли, самое же предприятие не отлагая начать, по моему мнению, следующим порядком приближающегося лета.

§ 4

Заготовления для жития и содержания занимают первое в сем деле место. Для того: 1) в Клокбайской пристани построить зимовье и магазин⁶, а чтобы оного строением не потерять много времени, то купить в Коле готовый дом, который бы был недавно построен, к житию и к перевозу способен, и, разобрав его, склать на судно, перевезть на Грумант, в помянутую пристань и там построить в приличном месте, от берегу несколько подалее, чтобы высокие зимние воды до оного не досягали. Такой дом пристойнее других, затем что в Коле по холодному климату построен и обит досками, сверх того, уже просох и жить от угару безопасно и, наконец, уже готов. Мох также с собою взять должно. 2) Того же лета от города Архангельского на двух или на трех судах отпустить провиант и всякие снасти и инструменты по рассмотрению, каковы означены в моей книге. Провианту отпустить на три года на 60 или на 100 человек. Суда отправить с сими

припасами, каковы показаны в моем сочинении, или как лучше рассудится, только чтобы способны были к желаемым поискам. Также и людей нарядить, как наилучше признано будет.

§ 5

Первый путь предпринять из Клокбайской гавани в запад, несколько к северу, и следовать, пока достигнут северного американского берега, на который должно, буде есть возможность, выехать небезоружным на ботах с астрономическими и геодезическими инструментами для географического определения по наблюдениям места, для поправления склонения компаса, что на сухом пути исправнее произвести можно. Когда ж в близости оной земли торосы или льды окажутся, то высылать торосовщиков на лодках, чтобы изведать состояние оных льдов и берега. А наблюдения учинить на свободной ближней большой льдине или на судне. Все сие производить, когда погода позволяет.

§ 6

Потом следовать в правую руку в виду оного берега, с мыса на мыс перенимаясь и от льдов предписанным в книге образом предостерегаясь. Между тем, когда берег из глаз потеряется, смотреть с мачты в хорошую подзорную трубку, что и во всех случаях весьма полезно. Меньшие суда могут отдаляться вправо для осмотру льдов и островов; мелкие и торосовые отпускать на береговую руку для осмотра заливов и устьев рек. Ежели где земля станет заворачиваться вправо, приближаясь к полюсу, тогда больше всех должно смотреть перемен в компасе и льдов остерегаться. В туманы стоять на дрейфе или на якоре, наблюдая между тем течение и быстрину моря.

Когда же противным образом берег станет заворачиваться влево, удаляясь от полюса, то хотя и безопаснее кажется быть от

льдов и от стужи, однако себя далече к полудни не отваживать, чтобы не зайти далече в какой-нибудь глухой залив, в полдень с надлежащего пути за Баффинский залив, и для того отправить легкое судно прямо по главному пути, для осмотра другого берега оного залива, которого когда в знатном отдалении, около ста верст или больше не найдут, следовать берегу, ибо он наконец не иная куда доведет, как к восточно-северному сибирскому мысу или в Тихий океан, ежели западно-северный мыс Северной Америки, лежащий против наших чукчей, раздроблен на острова и ими кончится. По мореплаванию Чирикова и Берингову явствует, что американские береги, ими найденные, от Чукотского носу лежат не далее осьмисот верст и могут быть острова, а не матерая земля.

§ 7

Когда ж приметят, что вышепомянутый кряж Северной Америки близко к полюсу простирается, например около 85 или 86 градусов, и притом льды умножатся, то далее не осмеливаться, а особливо когда уже июль кончится, но повернуться назад и идти с мыса на мыс, записывая все, что надобно к будущему мореплаванию, которое следующего лета предпринять должно, чем ранее, тем лучше, и зимовать на Груманте. ежели в Колу достигнуть не успеют. Но напротив того, когда Божеское изволение и благословение воспоследует и экспедиция до желаемых камчатских берегов достигнет, то должно послать немедленно куриера для уведомления в Санкт-Петербург, после чего могут быть приняты надлежащие меры для безопасного расположения зимовьев, острогов и ходу и для утверждения могущества российского на востоке.

Михайло Ломоносов

Марта ... дня
1764 года

ПРИБАВЛЕНИЕ ВТОРОЕ, СОЧИНЕННОЕ ПО НОВЫМ ИЗВЕСТИЯМ ПРОМЫШЛЕННИКОВ ИЗ ОСТРОВОВ АМЕРИКАНСКИХ И ПО ВЫСПРОСУ КОМПАНЕЙЩИКОВ, ТОБОЛЬСКОГО КУПЦА ИЛЫИ СНИГИРЕВА И ВОЛОГОДСКОГО КУПЦА ИВАНА БУРЕНИНА

§ 1

В начале сего должно наперед объявить: 1) что по мореплаванию передовщика Степана Илотова с товарищи¹ и по другим всем обстоятельствам остров Умнак, где они имели пристанище и привели жителей в подданство Ея Императорского Величества, лежит около 65 градусов северной широты, долготы от острова Ферро 240 градусов, а от Камчатского устья 3000 верст, в восточно-северной стороне к востоку; 2) что лесной остров, называемый Алахшак, находится у северных берегов Северной Америки, около половины расстояния от Камчатского устья до Шпицбергена, и прочее расстояние для проходу морем свободно; 3) что сие немало соответствует известиям испанских мореплавателей; 4) что предприятие далее к великой славе и к пользе Российския империи служить будет и от других держав безопасно.

Все сие доказываю следующим.

§ 2

По объявлению помянутых мореходцев, достигли они до острова Умнака от Командорского острова в 31 день благополучным ветром. Итак, считая ходу их по малой мере по 100 верст на сутки, перешли 3100 верст. На карте, сочиненной в Тобольске², положено сие расстояние только около 700 верст, что весьма неисправно, ибо ход бы их был только едва по 23 версты на сутки. В ходу своем держались они норд-оста, однако означенное на Беринговой карте³ тамошнее склонение компаса

на 1 $\frac{3}{4}$ и на 2 $\frac{1}{2}$ румба к востоку, коего помянутые мореходцы не знали, показывает, что ход их простирался в ост-норд-ост. Для того недивно, что климат тамошний теплее, нежели бы ему быть должно, когда бы они шли подлинно к норд-осту. Сие также утверждается, что компанейщики не слышали от промышленников о летнем незахождении солнца, чему бы надлежало быть под таким повышением полюса. По сим основаниям проведенная локсодромическая линия⁴ показывает положение острова Умнака в А⁵; прочие острова расположены по оригинальной карте, которая сделана отчасти собственным промышленников объездом, а отчасти по сказкам тамошних жителей⁶, что они простым, однако весьма понятным образом представляли, начертив на ровном песку острова или назначив их камнями по расстоянию и положению: большие острова крупными, малые мелкими, круглые круглыми, неровные угловатыми. Для сей причины надежнее при внесении сего обретения в полярную карту⁷ держался я оригинального чертежа, нежели сделанной в Тобольске карты, особливо что расстояние положено неисправно, как выше явствует, и многие учинены отмены без очевидных причин. Сверх сего примечания достойно: 1) что найдены там красные неизвестные деревья, как аглинские, с кореньями и сучьями, кои, по самой вероятности, донесли ветры туда с Тихого океана, от полудни; 2) что от севера иногда мелкие льды, называемые мятик, наносит, без сомнения, от берегов сибирских. А из сего следует, что показанные острова с обе-

их сих сторон имеют открытое море, и потому недивно, что от сильных зимних холодов свободны, пользуясь сверх солнечной подземною теплотою, кою окололежащие моря воздуху сообщают.

§ 3

По таковому положению новообретенных островов очевидно явствует: 1) что лесной остров (или, может быть, мыс) по берегу Северной Америки лежит по географической мере на половине дороги, предприемлемой от Шпицбергена на Камчатку; 2) что противоположный берег сибирскому за полюсом отдалился от него в полдень больше, нежели как прежде чаять можно было⁸, что климат тамошний весьма сносен, к отдохновению мореплавателей удобен. Умнак отстоит от Шпицбергена около трех тысяч верст; 3) когда оба края северных берегов Северной Америки от поморских и от камчатских промышленников довольно теплы к пребыванию и обращению человеческому показаны, с обеих сторон огнедышащие горы подземный жар засвидетельствуют и о противном уверяют, нежели как сибирские берега, до толь знатной глубины промерзлые; и, наконец, на северо-восточных баффинских берегах жители близ 80 градусов и свобод-

ное от льдов море довольно уверяют, что и прочая, средняя, неизведанная часть вышепомянутого берега известным соответствует и море тамошнее мореплавателям удобопроходимо.

§ 4

Новые известия камчатских мореходцев немало соответствуют описанию испанских мореплавателей в рассуждении теплоты и пространства сего моря, как в сочинении «О возможности северного морского пути на восток» показано, 1) ибо объявляют, что моря там пространны: Иоанн де Фука, в 1603 году ходя по оным, чаял, что уже он прошел в Атлантический океан; 2) что по де Фонтову описанию довольно там красной рыбы и трески; 3) изобильно всякой дичью; 4) что на одном из больших островов, который плодороден и весьма многолюден, растет хороший лес к строению; сосны там весьма высоки и толсты (сей остров сходствует с обстоятельствами нового острова лесного Алахшака); 5) зеркала и железные орудия показывают в небольшом отдалении селения людей, у коих сии ремесла знаемы. Калифорния и селения испанские в Мексике суть в немалом отдалении: то думать должно, что оное получают из аглинских селений в Иудсонском



Бухта Авачинская губа на Камчатке

заливе, где Новый Йорк построен. Все сие рассудив и сличив на карте путешествия Беринговы и Чириковы, нынешние обречения островов Алеутских и новых⁹, не иначе можно заключить, как что сия западно-северная часть Америки, простирающаяся к Камчатке, по большей части состоит из островов и, следовательно, посредством моря много пользуется подземною теплотою, не давая усилиться зимней стуже.

§ 5

Сии новые известия, согласуясь с прежними рассуждениями о возможном мореплавании Сибирским океаном на восток и соответствуя объявлениям [архангело]городских мореходцев на Шпицберген (что изъяснено в «Первом прибавлении»), не оставляют сомнения о добрых успехах полезного оного предприятия, которое коль выгодно России будет, довольно видеть можно в моей книге о сем мореплавании, где представляется и о безопасности от соседей. Однако в рассуждении оных еще нечто упомянуть надобно. С нашей стороны осторожности приуготовлять должно купно с самым предприятием, сколько же сами соседи с их стороны опасны, из следующего рассудить можно: 1) ближайшие наши соседы, датчане, в изыскании северного морского ходу сначала мало старания прилагали и ныне на соседнем с Гренландиею острове Шпицбергене промыслов не имеют, а ходят туда гамбургцы и брабантцы, кои нам не опасны; а датчане все свои силы истощают на гренландские и исландские промыслы и с Россиею для новых поисков в недружие вступить не посмеют, бывши из древних лет в дружестве; 2) то же рассудить должно и о голландцах, кои на содержание южных великих своих селений и владений принуждены дорогою ценою наймовать иноземцев; 3) агличане и французы, будучи часто в беспокойстве между собою о владениях в Северной Америке, к сохранению оных друг от друга великие силы употребляют принуждены бывают, что всегда помешательством служить будет в предприятиях на земле и на пути, открытые Россиею, которая может пользоваться таковыми их обстоятельствами; 4) испанские и португальские селения состояются больше из переведенных наро-

дов, почти все из жарких африканских краев, кои люди к северным мореплаваниям неспособны, и силы их, по разным частям света разделенные, не довольны вступить в новые трудные обстоятельства; 5) наконец, бывшие помянутых народов предприятия к поискам Сибирским океаном происходили тогда, когда еще Россия нигде не токмо флота, но ниже доброго морского судна не имела и почиталась морским державам в таковых походах совсем безопасною. Когда же Божеским благоволением, чрез труды бессмертной памяти государя императора Петра Великого руку свою Россия на морях положила и ныне прозорливостию все милостивейшия Самодержицы нашея, новых щедрот и любления к морскому делу жизненное дыхание вливающая, далее оную простирает, то весьма невероятно, чтобы в отвергающуюся счастьем Ея Императорского Величества далее на восток дверь зависть предускорять и высочайшим Ея повелениям препятствовать дерзнула.

§ 6

Ежели все милостивейше благоизволено будет предпринять действительное произведение сего поиска, то небесных светил нынешнее состояние ускорение сего дела советует, чтобы пользоваться их присутствием на Северном полукружии света. Юпитер обращается ныне в самых дальних северных знаках эклиптики и потому за полярным циркулем зимою и летом не заходит, что ко всегдашнему наблюдению долготы весьма служит, когда только небо чисто. Трубки, к таковым наблюдениям способные, здесь сделать удобно можно. В конце июня месяца сего года обратится Юпитер к Южной половине и в 1767 году уклонится за экватор, а потому за Полярным кругом невидим будет. Весьма бы не худо было приказать здешним астрономам обще делать на предбудущие годы таблицы закрытия и открытия Юпитеровых спутников по Санкт-Петербургскому меридиану и отстояний Луны от Солнца на всякий Санкт-Петербургский полдень¹⁰.

Михайло Ломоносов

Апреля 24 дня
1764 года



ЗАМЕТКИ О СНАРЯЖЕНИИ ЭКСПЕДИЦИИ

I

Следующие инструменты на каждый корабль выдать за весьма полезно рассуждаю:

1. Пружинные часы, кои заводятся однажды в неделю.
2. Карманные часы с секундами¹.
3. Гадлеев квадрант или два².
4. По две подзорных добрых трубок³.
5. На главное судно Григорианскую трубку.
6. По наклонительной магнитной стрелке⁴.
7. По два морских барометра.
8. По особливому термометру.
9. По карте полярной.
10. По карте меркаторской.
11. По мортире со шлагами⁵.
12. По термометру для опускания на дно.
13. Астрономические часы и квадрант⁶.
14. Таблицы лунные и спутников Юпитеровых.
15. По вентилятору⁷.

II

1. Карманные часы с минутами.
2. Барометры морские. Игн⁸.
3. Термометры разные. Игн.
4. Часы песчаные секундные.
5. Наклонительные стрелки.
6. Карты полярные с магнитными пол[юсами].

7. Карты меркаторские от Полярного круга до полюса.
8. Шлаги.
9. Отправить на Онежское устье.
10. Искать склонение компаса⁹.
11. Течение моря.
12. Ходомер.
13. Соленость моря.
14. Столяров для укладки инструментов.
15. Спросить трех компасов или сделать.
16. Употребление инструм[ентов].
17. Как журнал ведут, просить формы¹⁰.
18. Компасы показать.

III

Ящики

1. Карманные часы.
 2. Баром[етры] и терм[ометры].
 3. Наклон[ительная] стрелка.
 4. Для квадранта.
- NB. На письме дать:
1. О полюсе магнитном.
 2. О ме[те]орологическом журнале.
 3. Поверять компасы и лагильн.
 4. Течение моря пружиною. Торосовая лодка.
 5. Как герм[ометр] в воду опускать.
 6. Как солоность мерить.
 7. Сев[ерное] сияние и электричество.

1. Термометры и барометры.
2. Карманные часы.
3. Пружинные часы.
4. Простые пендулы.
5. Наклонительные стрелки.
6. Ходомеры.

1. Рангами от нее пожаловать.
2. Лед перестанет нести.



ПРИМЕРНАЯ ИНСТРУКЦИЯ МОРСКИМ КОМАНДУЮЩИМ ОФИЦЕРАМ, ОТПРАВЛЯЮЩИМСЯ К ПОИСКАНИЮ ПУТИ НА ВОСТОК СЕВЕРНЫМ СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ

1

Когда благополучно приспеют на Шпицберген, на западный берег, в Кломбайскую пристань, где заведено зимовье, что буде не за нужно признается, то послать во оную пристань бот с известием о своем приезде, дабы оттуда весть можно было прислать в Колу, а оттуда в Санкт-Петербург, хотя с промышленниками, в которое число мореплавание вдаль предпринято, с показанием нужнейших обстоятельств, что дано быть должно на письме за печатью; то заготовясь совсем к главному мореплаванию и призвав Господа Бога в помощь, пуститься в открытое море к западу, румб или два склоняясь к северу, и так простираться плаванием, пока достигнут до Гренландского берегу, как он будет в виду.

При сем наблюдать надлежит:

1) ежели прежде Гренландии покажутся острова, то посылать на них для разведывания бота или шлюпки;

2) ежели ж прежде земли льды окажутся, особливо ж великие обширностию и густые, то идти от них в отдалении, держась назначенного пути по возможности¹.

В сем пути, как и в прочем мореплавании далее, наблюдать, чтобы идти друг от друга в виду, и всячески стараться, дабы не разойтись далече порознь.

2

Между тем, когда погода позволяет, двум меньшим судам можно от главного отходить в стороны по рассуждению обстоятельств для осмотра по сторонам земель, островов и льдов, и стараться, чтобы всегда к вечеру быть вместе. Во время бури, ночи, тумана или оказавшихся немалых льдов не разлучаться и притом, съезжаясь на один главный корабль, часто между собою советовать.

3

На всякий случай, когда корабли в соединении, должно вместе главным командирам и штурманам сносить журналы, хотя бы и на каждый день было, и по тому смотреть разность в исчислении ходу.

Когда назначением места все три сходятся, то можно увериться, что оное определено верно. Буде ж два согласны, а третий разнится, на двух надежнее утвердиться. Когда ж все три разнятся, тогда должно смотреть, нет ли у кого каких неисправностей, и по тому, положив общий пункт места, начать новое исчисление.

При сем строго наблюдать, чтобы лагины были равного и сходного между собою размеру на всех судах.

4

При скором ходу по малой мере каждые два часа (а чем чаще, тем лучше) всходить

на верх мачты с доброю подзорною трубою и осматривать кругом другие корабли и наблюдать земель, островов и льдов, а во время ночи и в туман давать друг другу сигналы пушечными выстрелами или, еще лучше, громкими шлагами, что при фейерверках с звездками употребляются, кои, поднявшись высоко, громом и сиянием покажут каждого корабля сторону. Для сего на каждый корабль дать по одной кугорновой мортире². Сие ж еще служить может в случае нужды к безвредному устрашению диких неприятелей.

5

Для признания в близости земель взять со Шпицбергена на каждое судно по несколько воронов или других птиц, кои на воде плавать не могут, и в знатном отдалении от берегу пускать на волю, ибо, когда такое животное увидит землю, в ту сторону полетит, а не видя земли и уставши, опять на корабль возвратится. Подобная сему есть и другая примета, что чайки с рыбою во рту летают всегда на землю для корму своих птенцов и тем оную плавающим показывают, чему должно следовать в плавании, когда землю видеть или на ней побывать занадобится.

6

Из многих примет морского ходу суть следующие внимания достойны: 1) Приливы и отливы или течения моря показывают в те стороны ход, по которым простираются. 2) Чрезвычайная их быстрота дает знать узкое место. 3) Когда румб морского течения переменится, значит, в той стороне берег; от коего отвращается. 4) Течения приливов, несходные с течением луны, значат великие заливы или моря, между большими островами лежащие. Напротив того, чем больше приливы с луною сходятся, тем паче уверяют о пространстве моря. 5) Разная солоность морской воды, прибавляясь, показывает отдаление от берегов и льдов, убывая, значит к ним приближение. Внезапно чувствительная воды пресность уверяет о близости устья великой реки. 6) Приращение стужи близкие льды, приращение теплоты близкие бесснежные берега производят, а растворение воздуха

постоянное есть знак пространного моря. 7) Чем море глубже, тем берег далее. 8) Когда два или три дни с одной стороны ветер сильный веет, а не производит великих волн, то значит, что в той стороне земля или стоячий лед близко. Когда же, напротив того, ветер переменится в поперечный или противный, а старые волны ходят после того долго, то значит, что в той стороне, откуда идут, лежит великое море. 9) Плавающие по воде леса и по заплескам плавник много подают вероятных догадок к рассуждению: весьма обигтые деревья — далекость, мало поврежденные и зеленые — близость места их рашения. Все сие употреблять в пользу с рассуждением, а особливо когда из вышеписанных примет две или три уверяют согласно и ни одна не противоречит.

7

Достигнув первого северного берега Северной Америки или Гренландии, должно на него в малых судах выехать для осмотру гаваней и состояния самой земли; буде же льды не допускают, то отправить туда торосовщиков на их лодках для сведения сколько можно. Притом взять верно высоту полюса и долготу по исчислению курса или по другим данным вновь способом и оное место означить на морской карте. Потом следовать в правую руку, в виду оного берега, с мыса на мыс перенимаясь и ото льдов предписанным выше сего образом предостерегаясь. Между тем, когда земля из глаз потеряется, смотреть оных с мачт в подзорные трубки, что и во всех местах весьма полезно. Меньшие суда могут отдаляться в сторону для осмотра льдов и островов; також и торосовщиков употреблять, отпуская на высокие острова и берега чрез лед с трубками для осмотра кругом других земель, островов или льдов.

8

На всех берегах, где для нужды какой или для изведания пристать случится, оставлять знаки своей бытности, ставя столбы с надписанием имени и времени; а выходить, где жителей чаять можно, немалолюдно и небезоружно, с осторожностью, ибо весьма жалостные примеры не токмо в чужих путешествиях, но и собственных имеем.



Перевозка лодок и тяжестей

9

Ежели случатся великие льды промеж гренландских берегов и между северным концом шпицбергенским, поперек намеренного пути лежащие, то не оставлять надежды и без наивозможнейшего покушения в продолжении пути не возвращаться, но употреблять в пользу время и место. Временем пользоваться, ожидая случая, когда льды разойдутся, ибо известно, что их с места на место переносят воды и ветры, летняя теплота и трение о землю и друг о дружку истребляет. Место употреблять для выгоды своего путешествия должно, переходя от гренландских берегов к западно-северному концу шпицбергенскому и осматривая сквозь льды в надлежащий путь проходу.

Сии переезды могут быть учинены добрым ветром около троих суток каждый, ибо и все расстояние от Шпицбергена до Баффинского моря простирается на 1000 верст, в котором еще и землю Гренландскую числить должно.

Примечено, что во время туманов льды оказываются большею светлостью воздуха в той стороне, где находятся. Сие примечать в таком случае и употреблять суморочные подзорные трубки³.

10

Когда случится стоять за противным ветром, который гонит лед навстречу, и море очистится, несмотря на продолжение того ж ветра, тогда должно верить, что больше в той стороне, откуда оный ветер веял, льдов больше нет, но чистое море или земля следует, что по величине волн рассудить можно. Для того в ту сторону безопасно можно ходом простирается, ежели по пути следует.

11

Где земля заворачиваться станет направо к полюсу, тогда больше всех должно поверять компасы, смотреть их перемены и льдов остерегаться; во время густых туманов стоять на якоре или лежать на дрейфе,



Новая Земля

наблюдая между тем течение и быстрину моря. Когда же приметят, что вышепомянутый кряж Северной Америки близко к полюсу простирается и притом опасные льды покажутся, то далее 85 градусов не отваживаться, а особливо когда уже август начнется, и для того поворотиться назад и идти по-прежнему с мыса на мыс, записывая все, что надобно к будущему мореплаванию, которое следующей весны предпринять должно, чем ранее, тем лучше.

12

Когда же, противным образом, берег станет заворачиваться влево, удаляясь от полюса, то хотя и безопаснее должно быть от льдов и от стужи, однако не отваживаться много к полудни, далее 78 градусов, то есть 12 градусов от полюса, пока по вероятному исчислению не пройдут Баффинского моря, которое простирается по долготе к западу около 285 градусов, счисляя от острова Ферро, дабы не зайти в какой глухой залив, в полдень излишне от желаемого

проходу или бы каким проливом не попасть в самое оное Баффинское море.

Минув означенную долготу 285 градусов, можно уже смело отдаляться от полюса, однако с главного пути, на карте назначенного, не отклоняться чрезвычайно, если не велит нужда, а особливо если не принудит лежащий поперек пути (может быть) долгий берег. Тогда безопаснее искать проходу в полудни, нежели в севере далее 85 градусов.

13

Совершенно увериться могут мореплаватели, что они опасность от льдов и от стужи совсем миновали, когда, прошед далече за Баффинское море, достигнут на широту Арктического круга около 66 градусов, а долготы от острова Ферро около 240 градусов.

Особливо ж всего известнее будет, когда встретятся с отправленными из Камчатки или увидят поставленные от них признаки, с которого отправления гак, как и с

данной инструкции и карты капитану второго ранга Креницыну⁴, при сем прилагается копия. На сем месте, вышед на ближнюю землю или на остров, где пристать удобно, с надлежащею осторожностью, во-первых, воздать всеусерднейшее благодарение Всевышнему всех создателю за Божественный его покров и предводительство и принести ему жертву теплого моления с молебством и с водоосвящением о дражайшем здравии всемилостивейшей Государыни, дабы благословил совершенными успехами благонамеренные ея предприятия для отечества, и при пальбе из снаряду и при радостных восклицаниях объявить всем высочайшую милость Ея Величества, обещанную им во всемилостивейшее награждение.

14

На пристойном месте, которое у моря близко и на высоте издалека видно, скласть из камней высокий маяк и на нем утвердить великий деревянный крест и сверх того учинить самые наиприлежнейшие обсервации для назначения долготы и широты места и, сняв, как водится, оногo берега с разных сторон виды и планы, положить на карте; и прежде отъезду вырезать при оном кресте резными литерами на доске или лучше начертить и смолою вычернить на камне имена судов и командиров, год, месяц и число, когда сие место российскими мореплавателями сыскано и посвящено под Российскую державу, под высокую руку Ея Императорского Величества; и притом то место Ея Величество позволяет именовать по фамилии того командира, который из командиров первый его увидит или на оный выйдет.

15

В случае, когда положение берегов в долготе 240 градусов не допустит так далеко в полдень, то есть до 66 градусов, но будут севернее, то простираться еще далее к западу до 230 градусов, что учинит около четырехсот верст ходу, на коем месте надеяться можно острова Умнака и стараться идти всячески к зюйду, к Полярному кругу и далее и искать отправленных с Крени-

цыным навстречу или промышленников камчатских.

Буде же их встретить нигде не случится, а найдут во оных местах берега или острова со стоячим лесом и жителей, то несомненно могут быть уверены, что они в тех местах обращаются, где найдены новые острова камчатскими промышленниками, и что северный проход возможен и действительно найден, и для того учинить такое ж благодарственное и радостное отправление, как в 13 и 14 пунктах предписано.

Откуда, смотря по времени, могут мореплаватели предпринять путь обратный на Шпицберген или в Колу, либо тамо зимовать, смотря по удобности места и по времени.

16

Когда случится, что погодою разнесет суда порознь, то поступать, как требуют следующие обстоятельства, то есть, 1) когда разлучение случится, не доходя гренландского берега или островов, его отпрядышей, 2) не миновав Баффинского моря по исчислению долготы, 3) не доходя новых островов, найденных из Камчатки.

В первом случае ожидать друг друга у Кломбайской гавани; во втором — при гренландском берегу на месте, уже известном по его виду и по определенной долготе и широте наблюдениями или ходом; в третьем случае быть сжиданию на определенном месте около долготы 285 градусов.

Во всем же плавании наблюдать надлежит, что всякое определенное и заprimeченное место служить может для сжидания, которые в пути оставляя, всегда сперва соглашаться всем судам, что в случае разлучения на оных друг друга ожидаться.

17

В случае, когда на положенный срок суда на ожидание не съедутся, то поступать по обстоятельствам места, время и числа судов.

1) Ежели будут в пути уже далече, миновав чаемые опасности от льдов, как в пп. 12 и 13 показано, то простираться мореплавателям далее до конца определенного по намерению места (п. 14), оставив на том

сожидании известие, вырезанное на доске, куда и когда пошли.

2) Когда же еще опасных мест не миновали и время уже приближается к августу, тогда идти обратно в Шпицберген и в сем случае обождать далее назначенного срока по рассмотрению.

3) Два судна, ожидающие третьего, более имеют надежды идти вдаль путем назначенным и оного излишне ожидать не столько обязаны, а особливо когда в их числе главный командир, который и одним кораблем во время разлучения преимущественно ход свой располагать может.

4) При всем сем поступать, рассуждая число здоровых людей, количество взятых припасов и состояние мест по изобилию тамошнего натурального пропитания, а паче следовать доброму рассуждению по обстоятельствам.

18

Зимовать приключится иногда и по нужде: 1) когда возвратный путь далек и лето уже поздно; 2) когда льды не пропустят или, 3) от чего, Боже, сохрани, судно повредится, тогда всячески стараться в первом случае выбрать удобное место заблаговременно и построить из стоячего лесу или плавнику избы и печи, буде есть глина, а буде нет, то из дикого валуну каменки или очаги; во втором случае служить должны вместо домов самые суда и очаги на них обыкновенные; в третьем не отдаляться без крайней нужды от судна, стараться всячески быть в движении тела, промысляя птиц и зверей, обороняясь от цинги употреблением сосновых шишек, шагры и питьем теплой звериной и птичьей крови, ограждаясь великодушием, терпением и взаимным друг друга утешением и ободрением, помогая единопдушием и грядями, как брат брату, и всегда представляя, что для пользы отечества все понести должно и что сему их подвигу впоследствии монаршеская щедрота, от всея России благодарности и вечная в свеге слава.

19

Ободрение людей и содержание в порядке есть важное дело в таковых трудных предприятиях. Для того прилежных и бо-

дрых за особливые их выслуги поощрять командирам оказанием удовольствия и обещанием награждения или и прибавкою порции. Напротив того, с ленивыми, неисправными или ослушными поступать строго по Морскому уставу. За междоусобные брани и драки наказывать на теле жестоко, а еще жестче за роптание на начальников. За угрозы держать в железах крепко и покамест не освобождать, пока пройдут затруднения, или посылать их в самые опасные места.

Когда ж кто изоблится в заговоре против командиров и в начатии бунта, того по учинении над ним военного суда казнить смертью без всякого изъятия, не ожидая повеления от высочайшей власти, в силу Морского уставу.

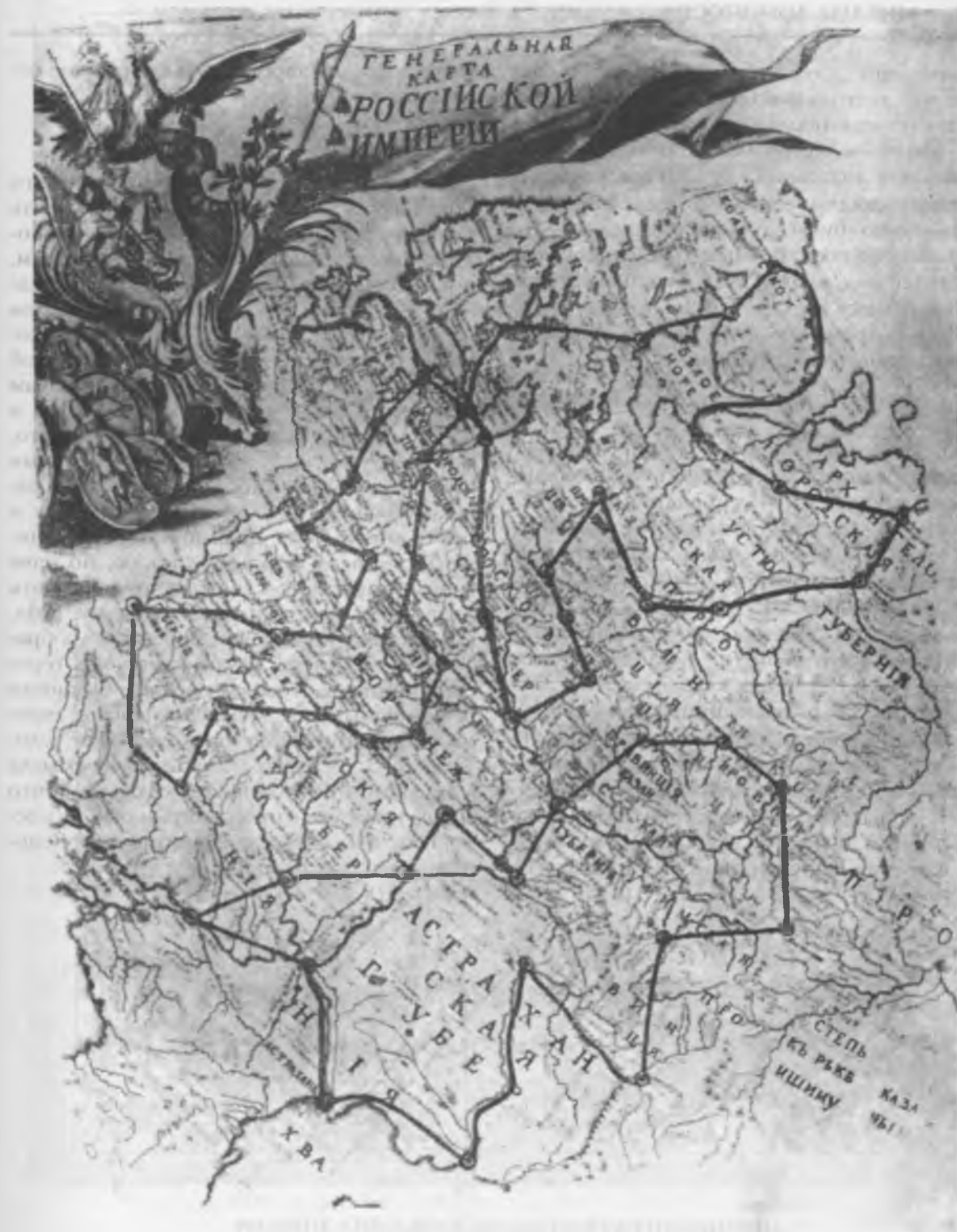
20

Когда случится сойтись с отправленными навстречу с Камчатки судами, тогда, смотря по обстоятельствам, должны: 1) снабдить друг друга избытками, в чем у других недостаток, 2) показать и сообщить друг другу своих путешествий журналы, 3) взять друг у друга по два или по три человека на смену так, чтоб с Камчатки отъехавшие пришли в Колу обратным на кораблях путем и в Санкт-Петербург; а со здешней стороны пошедшие достигли бы в Камчатку и оттуда Сибирю в Россию.

При возвращении взять на каждый корабль из тамошних жителей по два человека разного возраста, чтобы не очень старые или малолетны были, например от 40 до 12 лет. Молодые скорее могут по-русски научиться, а пожилые больше знать и рассказать о тамошних обстоятельствах.

21

В передовом и обратном пути или где стоять либо зимовать случится, сверх обыкновенного морского журнала, записывать: 1) состояние воздуха по метеорологическим инструментам; 2) время помрачения луны и солнца; 3) глубину и течение моря; 4) склонение и наклонение компаса; 5) вид берегов и островов; 6) с знатных мест брать морскую воду в бутылки и оную сохранить до Санкт-Петербурга с надписью, где взята; 7) записывать, какие где



Маршруты предложенных Ломоносовым географо-астрономических экспедиций.
Карта Европейской части России. 1760 г.

примечены будут птицы, звери, рыбы, раковины, и что можно собрать и в дороге не будет помешательно, то привезти с собою; 8) камни и минералы отличные также брать для показания здесь; 9) все, что примечания достойно сверх сего случится или примечено будет, прилежно записывать; 10) паче же всего описывать, где найдутся, жителей вид, нравы, поступки, платье, жилище и пищу. Однако все сие производить, не теряя времени, удобного к произведению главного предприятия.

22

Если, от чего, Боже сохрани, больных людей умножится столько, что здоровыми всеми тремя судами управлять будет невозможно, то из тех судов одно, сняв с него из припасов что возможно, затопить или сжечь; буде же дойдет до такой крайности, что людей останется только для одного судна, то и с другим судном по вышеписанному ж поступить. Все сие делать тогда, когда нет места, куда бы оные суда и излишние снаряды и припасы поставить безопасно, а когда, напротив того, найдется удобный залив, от волнения безопасный, то для всякого случая можно оное судно в высокую воду поставить с разбегу на мель и к берегу прикрепить по возможности, ибо неравно случится, что

придет какая надобность в следующие отправления.

23

Сии предписанные для показанного морского путешествия пункты наблюдать господам командирам со всякою исправностию; однако, смотря по обстоятельствам, имеют позволение делать отмены, служащие к лучшему успеху, что полагается на их благорассуждение и общее согласие, которое им паче всего рекомендуется, чтоб единодушным рачением и якобы единым сердцем и душою внимали, прилежали и усердствовали, имея всегда в мыслях, что, будучи единого отечества дети, единыя все милостивейшия Государыни верные рабы и простираясь к единому славному и полезному делу, не должны давать ни же малейшего места раздружью, но паче взаимно спомоществовать и защищать друг друга каждый, равно как сам себя, утешать и ободрять в ослаблении, воображая себе примеры славных морских героев, и помнить, что всеми прежде бывшими безуспешными и благоспешествованными трудами мужеству и бодрости человеческого духа и проницательству смысла последний предел еще не поставлен и что много может еще преодолеть и открыть осторожная их смелость и благородная непоколебимость сердца.



РУССКИЕ КНЯЗЬЯ ИЗ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ.
Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.

Вверху слева: Василий I Дмитриевич (1371—1425), великий князь Московский (с 1389).

Вверху справа: Василий II Темный (1415—1462), великий князь Московский (с 1425).

Внизу слева: Иван III Великий (1440—1505), великий князь Московский (с 1462), первый великий князь всея Руси. Внизу справа: Василий III Иванович (1479—1533),

великий князь Московский и всея Руси (с 1505).



ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕЯ РУСИ
ИОАНН IV ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ.

Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.

Иван IV Грозный (1530—1584), великий князь всея Руси (с 1533),
первый русский царь (с 1547), сын Василия III.



ПРИМЕЧАНИЯ

Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию

Впервые напечатано по копии отдельным изданием А. П. Соколовым (Сочинение Ломоносова, издано Гидрографическим департаментом Морского министерства. СПб., 1847). По подлиннику впервые напечатано в акад. изд. Т. VII. С. 279—338. Время написания — 1762—1763 гг. (дата посвящения Павлу — 20 сентября 1763 г.). К подлиннику приложена полярная карта.

С первых лет работы в Академии Ломоносов проявлял большой интерес к вопросу о возможности северо-восточного прохода из Европы в Тихий океан.

Образ «Колумба российского» меж льдами, который спешит на восток, впервые появился в его оде 1747 г. и повторен в одах 1752 и 1760 гг. Этот поэтический образ создавался, несомненно, под влиянием изучения Ломоносовым соответствующих сочинений о полярных областях и материалов русских плаваний вдоль северных берегов Азии, особенно экспедиций Малыгина, Овцына, Минина, Прончищева, Челюскина, Харитона и Дмитрия Лаптевых.

Интерес Ломоносова к проблеме Северного морского пути усилился в первой половине 1750-х годов в связи с полемикой по вопросу о приоритете русских открытий в Тихом океане. В 1752—1753 гг. вышли работы французских географов Делиля и Бюаша (о них см.: Примеч. 3), в искаженном виде излагавшие историю этих открытий. Против них выступил Г. Ф. Миллер, напечатавший «Письмо офицера русского флота к некоему знатному придворному по поводу карты новых открытий на севере Южного моря...» (на французском языке; Берлин, 1753) и составивший в 1754 г. специальную карту русских открытий у берегов Северной Америки (*Nouvelle carte des découvertes, faites par les vaisseaux russiens aux cotes inconnues de l'Amérique Septentrionale avec des pas adjacents*).

В отчете за 1755 г. Ломоносов указал на составленное им «Письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном» (*Биларский. Указ. соч. С. 302*). В этом письме, надо думать, были использованы результаты собственных исследований Ломоносова по физике в 1754 г., когда Ломоносовым были «изобретены некоторые способы к сысканию долготы и ширины на море при мрачном небе» и когда им были «деланы опыты метеорологические над водою, из Северного океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может, при том были разные химические растворы морожены для сравнения» (*Биларский. С. 279—280*). «Письмо» не сохранилось и было, вероятно, использовано Ломоносовым для главы 3 «Краткого описания...», названной весьма сходно с трудом 1755 г. («О возможности мореплавания Сибирским океаном в Ост-Индию»).

Та же проблема продолжала интересовать Ломоносова в последующие годы: так, среди его замечаний на текст первого тома «Истории России при Петре Великом» Вольтера имеется замечание о Второй Камчатской экспедиции, показывающее, что Ломоносов считал важным отметить ведущую роль в ней А. И. Чирикова. В 1757 г. Ломоносов работал над «циркумполярной картой», которая в январе 1758 г. была «отделана» в Географическом департаменте адъютантом И. Ф. Трускоттом (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 228, л. 19). Она до нас не дошла, но, несомненно, была использована Ломоносовым для карты 1763 г. Вышедший в том же 1758 г. труд Миллера о плавании русских по Северному Ледовитому океану давал известия, которые, по мнению Ломоносова, «вполне подтверждали, что, невзирая на неудачи голландцев, пытавшихся пройти к северо-востоку, явствует противное из неутомимых трудов нашего народа: россияне далече в оный край на промыслы ходили уже действительно близ 200 лет».

Работая в последующие годы над подбором доказательств в пользу возможности северо-восточного прохода, Ломоносов не только использует факты, собранные Миллером, но и обосновывает их целым рядом соображений, которые найдут место в главе 3 его «Краткого описания...». Так, в 1759 г. Ломоносов написал «Рассуждение о большой точности морского пути», в котором остановился на вопросах, связанных «с войной с океаном»; по его мнению, эта война будет «благодетельнее международных войн». В относящемся к началу 1760-х годов «Прибавлении втором» к «Первым основаниям металлургии», названном «О слоях земных», Ломоносов очень подробно останавливается на вопросе о теплоте земной поверхности, дополняя здесь свои суждения, высказанные еще в «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (1753 г.). Написанное Ломоносовым в 1761 г. «Рассуждение о происхождении ледяных гор в северных морях», напечатанное в 1763 г. Шведской академией наук, дало западноевропейским сторонникам мнения о возможности северо-восточного прохода сильную поддержку. Один из них, швейцарский географ Самуил Энгель, использовал этот труд Ломоносова в своем сочинении: *S. Engel. Nachrichten u. Anmerkungen über die Lage der nordlichen Gegenden von Asia u. America u. dem Versuch eines Wegs durch die Nordsee nach Indien. 2-ter Theil. Basel, 1777* (Известия и замечания о местоположении северных частей Азии и Америки и о поиске пути через Северный океан в Индию. Ч. 2. Базель, 1777). С. 164—168, 174—175 и др.

Все упомянутые труды Ломоносова были, однако, только подготовительными для его основной работы по географии северных полярных морей. В «Химических и оптических записках» 1762 г. Ломоносов, между прочим, отметил: «§ 84. На нашем языке припечатать и о плавании Сибирским океаном, и о славных мореплавателях»; в плане работ того же 1762 г. по разделу «География и мореплавание» поставлено: «Нордская карта» (затем зачеркнуто) и «Нордское путешествие» (акад. изд. Т. VII. С. 430, 445).

Ломоносов внимательно следил за всеми сообщениями о новых трудах «славных мореплавателей» русских; в не дошедшем до нас письме Ф. И. Соймонову, отправленном в конце 1761 г., Ломоносов, видимо, просил его о присылке известий о русских плаваниях в Тихом океане, что Соймонов и обещал делать (*Биллярский. С. 557—558*). Оживление интереса к «нордским путешествиям», наблюдавшееся в начале 60-х годов XVIII в., послужило внешним поводом для составления Ломоносовым «Краткого описания разных путешествий по северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». В посвящении к этому труду Ломоносов

высказывал свои давнишние идеи о роли Петра Великого «в сооружении флотов российских» и о необходимости «продолжения и приращения» дела Петра: «Могущество и обширность морей, Российскую империю окружающих, требуют... рачения и знания. Между прочим Северный океан есть пространное поле, где... усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку». Отдавая свой «посильный труд, от усердия к пользе отечества происшедший», на рассмотрение, Ломоносов в предисловии к нему кратко излагает свои соображения в пользу необходимости предпринять наконец плавание «морским северным ходом», о возможности которого приводит в дальнейшем изложении «довольные доказательства». Дав в первых двух главах обзор прежних поисков морского прохода «западно-северными морями» (т. е. вдоль североамериканского архипелага) и «Сибирским океаном», он признает последний путь вполне осуществимым и в третьей, основной, главе доказывает это «натуральными обстоятельствами», опираясь на свои собственные труды, блестяще развертывая свои научные гипотезы в области географии и океанографии и предлагая свои проекты высокоширотных маршрутов.

В одной из записок в канцелярию Академии наук 16 октября 1763 г. Ломоносов указал: «Геодезический студент Илья Аврамов... сочинил под моим смотрением две полярные карты к книге о северных путешествиях» (*Пекарский. С. 790—791*). Однако мы имеем теперь при «Кратком описании» только одну карту. О том, что при «Кратком описании» была одна карта, свидетельствует сам Ломоносов в «Росписи сочинениям и другим трудам советника Ломоносова», приложенной им к письму М. И. Воронцову 19 января 1764 г.; здесь в разделе физических наук указано: «О возможности мореплавания Северным океаном в Ост-Индию и в Америку с полярною картою, на коей показаны все северные путешествия» (акад. изд. Т. VIII. С. 274). Сохранившаяся карта отражает уровень тогдашних знаний об Американском архипелаге; на ней показаны, кроме известных крупных открытий Гудзона, Баффина и др., еще и фантастический район путешествия де Фонта, а также выведен «чаятельный берег Северной Америки», начинающийся от Гренландии на востоке и оканчивающийся «мысом Северной Америки» на западе. Непосредственная связь этой карты с «Кратким описанием» вполне подтверждается нанесенными на нее пунктиром маршрутами. Два полярных маршрута, расходящиеся от Колы к Новой Земле и к Шпицбергену, соединяющиеся в Беринговом проливе и оканчивающиеся у Камчатки, соответствуют двум высокоширотным маршрутам, предложенным Ломоносовым в § 83

«Краткого описания»; третий изображает путь португальца Мельгиера, описанный в § 42 «Краткого описания».

Указание Ломоносова о двух картах к «Краткому описанию» может быть уточнено на основании репорта самого Ильи Аврамова, который 18 апреля 1765 г. донося канцелярии Академии о своей работе при покойном Ломоносове, писал: «Сочинил две полярные карты к книге о северных путешествиях, кои поднесены его имп. высочеству (кроме оных еще особливо три сделаны)» (*Биллярский*. С. 744). Слова Аврамова об «особливо сделанных» картах могут относиться к не дошедшей до нас карте, составленной Ломоносовым в апреле 1764 г. Эту вторую полярную карту, вероятно, Екатерина II посылала Ф. И. Соймонову 8 мая 1764 г. (дата письма по фонду Г. Ф. Миллера в РГАДА, портф. 539, II, тетр. 2, л. 5; ср. факсимиле копии записки Екатерины с датой 28 мая в книге В. А. Перевалова «Ломоносов и Арктика». М.; Л., 1949. С. 313). Таким образом, слова И. Аврамова объясняются в том смысле, что он сделал 2 экземпляра первой полярной карты Ломоносова и 3 экземпляра второй.

Можно думать, что непосредственным толчком для представления проекта Северной морской экспедиции послужило создание Комиссии российских флотов и адмиралтейского правления, которая была официально открыта 17 ноября 1763 г., но готовилась, конечно, задолго до этого. Комиссия имела задачей оживление деятельности

флота и приведение его «к обороне государства в настоящий постоянный добрый порядок».

Практическая цель «Краткого описания» обусловила и посвящение его малолетнему наследнику Павлу Петровичу, который в это время числился президентом Адмиралтейской коллегии. При поддержке руководящего члена Адмиралтейской коллегии И. Г. Чернышева 22 декабря 1763 г. проект Ломоносова поступил в Комиссию российских флотов вместе с письмом, подписанным Павлом, в котором Комиссии предписывалось обсудить, при участии Ломоносова, возможность организации предлагаемой им экспедиции.

В письме к М. И. Воронцову 19 января 1764 г. Ломоносов сообщал, что поднес цесаревичу «письменную книгу о возможности мореплавания Ледовитым нашим Сибирским океаном в Японию, Америку и Ост-Индию; почему и велено в Адмиралтейской комиссии учинить расположение с рассмотрением, и не сомневаюсь, что экспедиция туда воспоследует» (акад. изд. Т. VIII. С. 270).

Таким образом, Ломоносов выступил в 1763 г. во всеоружии исторических и естественно-научных знаний как инициатор русской экспедиции для поиска Северного морского пути.

В течение почти полутора лет, до самой своей смерти, он отдавал чрезвычайно много времени и сил подготовке полярной экспедиции. В связи с этим появились и остальные печатаемые здесь работы.

¹ § 1. «...что кратко в сей главе предлагается». — Описание путешествий для поиска северо-западного и северо-восточного прохода Ледовитым океаном в Тихий океан занимает первую и вторую главы «Краткого описания». Ломоносову была известна литература, имевшаяся по этому вопросу на доступных ему немецком и французском языках. Известно, что он приобретал, по мере выхода в свет, выпуски лейпцигского издания «Allgemeine Historie der Reisen zu Wasser und Lande oder Sammlung aller Reisebeschreibungen» («Всеобщая история морских и сухопутных путешествий, или Собрание всех описаний путешествий»), являвшегося переводом труда Английского общества ученых (вышел 21 том, 1748—1774). XVII том этого издания (Лейпциг, 1759) включал главу «Reisen gegen Nordwest und Nordost zur Entdeckung einer Fahrt nach Ostindien» («Путешествия на северо-запад и северо-восток для открытия прохода в Восточную Индию». С. 94—219), к которой были приложены карты различных частей суши, омываемой Ледовитым океаном, в том числе Новой Земли, Шпицбергена, а также сводная меркаторская карта северных частей земного шара между Азией и Америкой.

² § 19. «...оно достойно показания на карте...» — На карте, приложенной к «Краткому описанию», показаны «открытия» адмирала де Фонта.

³ § 19. «Помянутое описание... астрономом Бюашем утверждается...» — книга И. Делиля: *Explication de la carte des nouvelles decouvertes au Nord de la mer de Sud*. Paris, 1752 (Объяснение карты новых открытий в северной части Тихого океана. Париж, 1752), с приложением «Carte generale des decouvertes de l'Amiral de Fonte, d'autres navigateurs Espagnoles, Anglois et Russes pour la recherche du passage a la mer de Sud» («Общая карта открытий адмирала де Фонта и других испанских, английских и русских мореплавателей, искавших прохода в Тихий океан»). Труд «парижского астронома» Ф. Бюаша: *Considerations geographiques et physiques sur les nouvelles decouvertes au Nord de la Grande mer, appellee vulgairement la mer de Sud*. Paris, 1753 (Географические и физические замечания о новых открытиях в северной части Великого океана, в просторечии называемого Южным [Тихим]. Париж, 1753).

⁴ § 22. «...новгородского летописателя...» — Под «новгородским летописателем» Ломоносов под-

разумеает апокрифическое сказание о начале Новгорода.

⁵ § 30. «...которые хотя уже инде описаны...» — Ломоносов имеет здесь в виду «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с российской стороны учиненных» — труд Г. Ф. Миллера, напечатанный в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» (1758, январь — май, июнь — ноябрь) и по-немецки в «Sammlung Russischer Geschichte» (Bd. III, 1758). Миллер впервые использовал первоисточники — журналы некоторых описанных им экспедиций.

⁶ § 32. «...с казаком Иваном Дежневым...» — Описки в имени Дежнева (надо: Семеном Ивановым).

⁷ § 32. «...пятисотника...» — надо: пятидесятника.

⁸ § 33. «...из нарочных отправлений морских офицеров...» — Участники Второй Камчатской экспедиции (1733—1743), которые описывали северные берега Сибири: С. В. Муравьева, М. В. Павлова, С. Г. Малыгина, А. Скуратова, Д. Л. Овцына, Ф. Минина, В. М. Прончищева, С. И. Челюскина, Х. П. Лаптева, П. Лассиниуса и Д. Я. Лаптева.

⁹ § 34. «Об оных посылках обстоятельные известия хранятся в Государственной адмиралтейской коллегии...» — Ныне эти материалы хранятся в Гос. архиве Военно-Морского Флота в Санкт-Петербурге.

Упомянутый ниже Д. И. Павлущий был участником экспедиции А. Ф. Шестакова и его преемником; в 1731 г. прошел из Анадырска к Чукотскому носу.

¹⁰ § 36. «...известия геодезиста Гвоздева...» — Геодезист М. С. Гвоздев участвовал в плавании судна «Гавриил» в 1732 г. с Камчатки к берегам Северо-Западной Америки, которое впервые достигло берегов Аляски (Большой Земли); карта этой экспедиции, составленная М. П. Шпанбергом, была доставлена в Адмиралтейскую коллегию в начале 1740-х гг.

¹¹ § 37. «...Афанасей Шестаков на ландкарте своей поставил оный остров...» — Якутский казачий голова А. Ф. Шестаков, приезжавший в Петербург в 1726 г., был неграмотным и никакой карты он не сочинил, но его известия об острове Копаеве, Большой Земле и др. были использованы секретарем Сената И. К. Кирилловым для дополнений его собственной карты Северо-Восточной Сибири 1724 г. Эта дополненная и исправленная на основании известий А. Ф. Шестакова карта Кирилова известна в трех копиях; копия на русском языке издана в «Imago Mundi». III. Лондон, 1939, при с. 90; копия на французском языке, с замечаниями И.-Н. Делиля, напечатана в книге Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга». М.; Л., 1946, при с. 96 (ошибочное название этой карты, приведенное у Л. С. Берга, исправлено им же в «опечатках» к его книге при с. 380).

¹² § 39. «...ясно видеть можно, что положительные много сильнее отрицательных...» — В §§ 37—39 Ломоносов полемизирует с Миллером, который по вопросу о существовании острова Копаева держался иного взгляда (Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1758. Февраль. С. 99—120). Пересмотрев вновь известия о Копаевом острове, академик Л. С. Берг сделал следующее заключение: «Неясные рассказы о Большом, или Копаевом острове, сплетаясь с темными сведениями чуток о земле против мыса Яхан, т. е. о Земле Врангеля, и с более определенными данными о Большой Земле, т. е. Аляске, давали повод... сибирским картографам [имеется в виду так называемая карта Афанасия Шестакова] обозначать на картах названные острова и земли» (Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л., 1946. С. 97—98).

¹³ § 40. «...положить на своей полярной карте...» — Полярная карта по указаниям и материалам Ломоносова была сочинена студентом Географического департамента Академии наук Ильей Аврамовым в двух экземплярах, из которых сохранился к настоящему времени только один, приложенный к рукописи «Краткого описания». На карте были указаны два возможных маршрута намечавшейся Ломоносовым экспедиции (об этом в § 83 «Краткого описания») и маршрут плавания португальца Д. Мельгиера, описанный Ф. Бюашем (об этом в § 42 «Краткого описания»). По-видимому, в апреле 1764 г. Ломоносовым была сочинена еще одна полярная карта (о ней имеем известие в письме Екатерины II Ф. И. Соймонову от 8 мая 1764 г.), но она не сохранилась.

¹⁴ § 42. «Дорога его назначена точками...» — На карте Бюаша и на полярной карте Ломоносова.

¹⁵ § 43. «...ибо главная теория теплоты и стужи и происхождение льда вообще требуют пространного изъяснения» — см. труд Ломоносова «Размышления о причине теплоты и холода» (ПСС. II. 1951. С. 7—55).

¹⁶ § 46. «Сему причины показаны в Слове моем об электрических явлениях на воздухе и во Втором прибавлении к Первым основаниям металлургии». — «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (1753) (ПСС. III); «Прибавление второе» к «Первым основаниям металлургии» (1763) (ПСС. V).

¹⁷ § 49. «Амос Корнилов, архангелогородский мореходец». — Этот помор, хорошо известный Ломоносову, был в числе четырех промышленников из бывавших на Шпицбергене и на Новой Земле, вызван в Петербург при обсуждении проекта полярной экспедиции Комиссией российских флотов и адмиралтейского правления.

¹⁸ § 53. «...о трудности от льдов рассудить...» — §§ 53—58, в которых Ломоносов говорит о проис-

хождении льдов, являются повторением «Рассуждения о происхождении ледяных гор в северных морях» (1761) (ПСС. IV).

¹⁹ § 66. «...полутретьих тысяч верст» — т. е. 2500 верст.

²⁰ § 71. «...в стужу 180 градусов...» — Здесь и далее, в § 75, температура приведена по термометру Делиля, 180° которого равняются – 20°C.

²¹ § 77. «...что мне искусством пять раз изведать случилось». — Это указание свидетельствует об участии Ломоносова в промышленных поездках своего отца в течение пяти лет до его ухода из дома, т. е. с 13—14-летнего возраста; приводимые далее сведения говорят о большой наблюдательности молодого Ломоносова в области явлений природы.

²² § 80. «Сие чистое место должно быть на ширине около 80 градусов...» — Мысль Ломоносова о безледном море в высоких широтах была основана на преуменьшенном подсчете количества льдов в Ледовитом океане (см. §§ 75 и 76). Эта мысль тогда же была подвергнута критике Ф. И. Соймоновым, который, получив от Екатерины II «Краткое описание», писал ей, что «достигнуть до полюса совершенно невозможно за твердостоящими льдами, ибо промышленники наши, плавая по Ледовитому океану, встречали оные во всех местах; а в широте 72 градуса находили на льдины, вышиною и толщиною более 40 сажен. Промышленники, отправлявшиеся с устья Индигирки и Шалацкого носа, достигли до широты 80 градусов, но и там находили льды еще крупнейшие, а посему и полагаю, что до полюса достигнуть невозможно, ибо льды должны быть там еще крупнее» (Берх В. Дополнение к жизнеописанию Ломоносова // Московский телеграф. 1828. Ч. 21. № 11. С. 290).

²³ § 83. «...и далее в Индию и Америку». — В § 83 Ломоносов делает свой основной вывод о возможности прохода Ледовитым океаном по двум высокоширотным маршрутам, проходящим по обе стороны полюса, с выходом к Чукотскому носу, т. е. в Тихий океан.

²⁴ § 85. «...купить из готовых... судов у Архангельского порта». — Адмиралтейская коллегия в процессе подготовки экспедиции отказалась от первоначального решения использовать готовые суда — два пинка и бот, имевшиеся в Архангельске (см.: Протокол заседания 17 мая 1764 г.: *Перевалов В. А.* Ломоносов и Арктика. С. 470), и в спешном порядке заказала Архангелогородской конторе над портом построить три новых судна; эти суда были спущены на воду уже 1 августа 1764 г., отправлены на зимовку в Колу, начальный пункт экспедиции, и вышли в плавание 9 мая 1765 г. Суда были названы именами командующих офицеров — «Чичагов», «Панов» и «Бабаев».

²⁵ § 88. «...офицеру от флота искусному...» — 17 мая 1764 г. Адмиралтейская коллегия в присутствии

Ломоносова назначила начальником экспедиции капитана второго ранга М. И. Рябинина. Однако 25 июня 1764 г. Адмиралтейская коллегия, опять-таки в присутствии Ломоносова, назначила в экспедицию трех офицеров: капитана первого ранга В. Я. Чичагова (главным командиром), капитана второго ранга Н. Панова и капитан-лейтенанта В. Бабаева; к ним были назначены лейтенанты — П. Борноволоков, Ф. Озеров и П. Поярков; все офицеры были тогда же по указу Екатерины II произведены в следующий чин (см. Протоколы заседаний: *Перевалов В. А.* С. 474—476).

²⁶ § 88. «...знающих брат астрономические наблюдения... и в Академии наук». — 25 июня 1764 г. Адмиралтейская коллегия решила назначить на каждое из трех судов экспедиции по штурману и подштурману и распорядилась вызвать штурманов А. Мухина, А. Ломова, О. Шелехова, трех подштурманов и четырех штурманских учеников и послать их в Академию наук для подготовки к «лучшей в астрономии обсервации» «под смотрением» Ломоносова. Часть из них прибыла в Академию из Кронштадта в начале сентября, приехавшие из Ревеля Мухин и Ломов — в начале октября, а 21 октября Адмиралтейская коллегия прислала еще двух штурманов из Кронштадта — В. Ващугина и И. Оконнишникова.

9 сентября канцелярия Академии наук предписала Н. И. Попову, С. Я. Румовскому и А. Д. Красильникову учинить экзамен первым восьмью прибывшим, «как они далеки в математике и имеют ли способности обучаться астрономии» (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 285, л. 162).

24 сентября Попов и Красильников подали рапорты, что всех присланных можно обучать астрономии; Румовский же рапортовал, что Шелехова «уже и ныне астрономии обучать можно», а остальных прежде надлежит обучать «как плоской, так и сферической тригонометрии» (Там же, лл. 164—166).

Канцелярия указом 28 сентября за подписью Ломоносова определила обучать их: «1-е, употреблению Гадлеева квадранта для взятия высот и расстояния звезд от луны и луны от солнца и 2-е, по сим находить долготу на море» и предписала Академическому собранию решить, «на кого оное обучение положить» (архив РАН, ф. 1, оп. 2, 1764, № 9). 16 октября были проэкзаменованы Мухин и Ломов, а 21 октября канцелярия указом за подписью Ломоносова сообщила Академическому собранию, чтобы штурманов А. Мухина, А. Ломова, В. Ващугина и И. Оконнишникова «обучать как прежних» (ф. 20, оп. 3, № 94, лл. 1—2).

Обучение штурманов, однако, задержалось — отчасти из-за отсутствия Гадлеевых квадрантов (об этом Ломоносов писал И. Г. Чернышеву 22 октября 1764 г.; акад. изд.: Т. VIII. С. 305—306), а кроме того, и вследствие нежелания акад. Румов-

ского, заведовавшего астрономической обсерваторией, «терять даром время» с плохо подготовленными учениками. 19 ноября он подал особое заявление в канцелярию, в котором отказывался обучать штурманов, ссылаясь даже на академический регламент.

Академическое собрание, по требованию Ломоносова, 1 декабря 1764 г. приняло окончательное решение по вопросу об обучении моряков астрономическим наблюдениям: это дело принял на себя Попов, прося себе в помощь Красильникова. 3 декабря Ломоносов потребовал, чтоб Румовский и Эпинус допускали обучающихся штурманов в обсерваторию и выдавали инструменты: «несмотря ни на какие Румовского отговорки определить надобно, чтобы поставления практические в астрономии подавали господа Попов и Красильников оным штурманам на обсерватории академической и отведены им были надлежащие добрые к тому инструменты, дабы при первой хорошей погоде вступить в дело и оное окончить к февралю месяцу, ибо тогда штурманам должно в указной путь отправиться» (архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 285, л. 177; *Билярский*. С. 694).

В начале марта обученные в Академии двенадцать моряков (5 штурманов, названные выше, три подштурмана — Е. Ушаков, Ф. Екатов, В. Зиновьев — и 4 штурманские ученика — А. Соколов, В. Журавлев, В. Цымулятин и И. Михеев) были отправлены из Петербурга в Колу через Архангельск, причем с ними были отправлены три экземпляра «Примерной инструкции» и три карты маршрута экспедиции для командующих офицеров.

27 § 89. «...взять на каждое судно... лучших торосовщиков...» — В заседании 17 мая 1764 г. Адмиралтейская коллегия при участии Ломоносова составила список команды на каждое судно экспедиции, причем имелось в виду взять на два пинка по двадцати одному «промышленнику» и на бот — восемь. Набрать нужных людей предполагалось по указанию «кормщиков, кои на Новую Землю и на Шпицберген ходят» (см.: *Протоколы заседания: Перевалов*. С. 472); «реестр» кормщиков был предложен коллегии на этом заседании Ломоносовым, который с самого начала интересовался подбором подходящих людей и еще раньше представил подобный список Комиссии российских флотов (напечатан с неверной датой 8 марта 1764 г. в книге В. А. Перевалова на с. 244—251).

Список имен десяти кормщиков, указанных Ломоносову поморскими промышленниками как «способнейших к северному мореплаванию», был подан им в Комиссию не 8 марта, т. е. после опроса поморов, а 2 марта 1764 г.; сами поморы, формально опрошенные в Комиссии 5 марта, дали список из семи имен.

Реестр промышленников, из коих «надлежит выбрать семь кормщиков» для экспедиции, пред-

ложенный Ломоносовым 17 мая 1764 г. и посланный вместе с указом Адмиралтейской коллегии Архангелогородской конторе над портом 18 мая 1764 г. (ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, № 13515, л. 17—17 об.), включал семь человек, указанных поморами в их показаниях 5 марта, и сверх того — имена самих этих поморов, кроме слишком пожилого А. К. Корнилова.

В Архангельске было набрано всего двадцать промышленников, принявших участие в экспедиции Чичагова.

28 § 94. «...в изданном мною *«Рассуждении о точнейшем пути на море»*...» — Это «Рассуждение о большей точности морского пути», напечатанное впервые в 1759 г. (ПСС. IV).

29 § 94. «...еще лучше имею, после того изобретенные...» — В. Н. Берх, публикуя найденные им впервые некоторые документы, касающиеся экспедиции Чичагова, упоминает, что Ломоносов прислал в Адмиралтейскую коллегия «сочинение свое: О сыскании широты места» (Московский телеграф. 1828. № 11. С. 298). Сочинение это, если не считать его за печатное «Рассуждение о большей точности морского пути», не сохранилось.

О разработке этой темы и намерении написать особое руководство говорят отрывочные заметки Ломоносова в «Химических и оптических записках» 1762—1763 гг.: «Серебряные плоские зеркала к Гадлееву квадранту и к моему Морскому жезлу тиснить на полированной стальной, плоской доске»; «Жезл Морской назвать книгу о долготе» (акад. изд.: Т. VII. §§ 15 и 17. С. 409); «Книжка будет весьма невелика в 8, положив 30 пар на страницу и на другую, а считая от экватора до 80 градусов, будет 100 листов» (Там же. § 64. С. 427); «В книге неотменно надобны две небесных гемисферии со звездами. Показанные в каталоге означить серебром или золотом» (Там же. § 92. С. 431); «Дедиковать морским державам» (там же. § 111. С. 437); «Градус долготы вымеривать жезлом будет весьма способно» (Там же. § 120. С. 438); «Книгу писать по-латыни, а употребление инструмента и таблиц на российском, латинском, французском, аглинском, шпанском, голландском» (Там же. § 121. С. 438) и ряд других заметок (Там же. §§ 89, 93, 95—106, 109).

30 § 96. «...дать на каждое судно по карте. ... по самым лучшим известиям, которая должна иметь в центре полюс». — Очевидно, что Ломоносов предусматривал составление новой полярной карты, для которой будут собраны более подробные сведения во время подготовки экспедиции.

31 § 97. «...ареометр, каковы употребляются при соловарнях для проб рассольных». — Указание на личное знакомство Ломоносова с солеварным делом в Поморье. В 1760-х гг. Ломоносов вспоминал: «На поморских соловарнях у Белого моря бывал многократно для покупки соли к отцовским рыб-

ным промыслам и имел уже довольно понятие о варке, которую после с прилежанием и обстоятельно в Саксонии высмотрел» (Биларский. С. 5).

32 § 101. «...дать... обстоятельную инструкцию...» — Позже Ломоносов составил «Примерную инструкцию морским командующим офицерам».

33 § 103. «Описание Камчатки» Крашенинникова. — Имеются в виду главы 8—10 части II «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (СПб., 1755).

34 § 104. «...где на карте показан Черный остров...» — На карте Ломоносова, приложенной к «Краткому описанию»; Черный остров ныне называется Междушарским; мыс Надежды — на карте Ломоносова мыс Желания.

35 § 113. «Плиний пишет...» — Далее цитата из «Historiae Naturalis» Плиния, кн. II, § 118; эта же цитата приведена Ломоносовым в «Рассуждении о большей точности морского пути» (акад. изд. Т. V. С. 38).

36 § 114. «...главному командиру... кавалерию...» — т. е. награждение орденом.

37 § 119. «...в Катерин-гаване...» — Екатерининская гавань в Кольском заливе.

38 «...за двадцать тысяч рублей можно отправить достаточный поход...» — Эта сумма и была асигнована на полярную экспедицию указом Екатерины II Адмиралтейской коллегии 14 мая 1764 г., где говорилось: «Повелеваем возобновить на Шпицбергене прежде бывший китовой промысел, а на сие определяем сумму денег до двадцати тысяч рублей... реченную сумму денег употребить из адмиралтейской суммы за счет оной коллегии и наряжать людей и суда и все к тому надобное».

39 «...завнеию их искусства и должности». — Высказанная здесь мысль о необходимости постоянного упражнения способностей людей, нужных государству, соответствует одной из занимавших Ломоносова тем, указанных в письме «О сохранении и размножении российского народа», — «О сохранении военного искусства во время долговременного мира».

Прибавление.

О северном мореплавании на восток по Сибирскому океану

Впервые напечатано: Берх В. Дополнение к жизнеописанию М. В. Ломоносова // Московский телеграф. 1828. Ч. 21. № 11. С. 298—305.

Время написания — март 1764 г.

5 марта 1764 г. Комиссия российских флотов и адмиралтейского правления в присутствии Ломоносова допрашивала четырех поморов, бывавших на Шпицбергене и на Новой Земле, которые были присланы по ее требованию Адмиралтейской коллегией из Архангелогородской губернии. По их указаниям выяснилось преимущество второго из двух маршрутов полярной экспедиции, указанных Ломоносовым в § 83 «Краткого описания», т. е. через Шпицберген.

В связи с этим Ломоносов написал «Прибавление. О северном мореплавании на восток по Сибирскому океану», в котором обосновал этот маршрут новыми данными и указал на необходи-

мость предварительной организации зимовки в «Флокбайской пристани» на Шпицбергене.

Число в дате осталось не заполненным; вероятно, «Прибавление» было составлено перед заседанием, которое должно было последовать после 5 марта и на котором Комиссия предполагала обсуждать полученные от поморов и матросов письменные показания: «и что покажут, о том иметь рассуждение впредь, к которому и господина Ломоносова призвать» (ЦГАВМФ, ф. Дела Комиссии российских флотов и адмиралтейского правления, № 10, лл. 171—182 об.).

Члены Комиссии собрались вновь 12 марта, когда ими и был подписан протокол 5 марта. Однако протокола с обсуждением «Прибавления» в делах Комиссии нет. Вероятно, «Прибавление» было непосредственно передано уже в Адмиралтейскую коллегию, в делах которой оно и сохранилось.

3 § 1. «...до Воздвиженьева дни...» — 14 сентября по старому стилю.

4 § 3. «...сие соединение будет больше препятственно, нежели прибыточно». — Ломоносов имеет в виду проявленное Комиссией российских флотов желание связать проектируемую экспедицию с интересами зверобойных промышленных компаний. Комиссия 19 января 1764 г. решила запросить от Коммерц-коллегии «для некоторого рассуждения» справку о состоянии китового промысла у

1 § 1. «По новым известиям от гзумантских и новоземельских промышленников...» — Имеются в виду показания в Комиссии российских флотов и адмиралтейского правления архангелогородских крестьян-поморов — Амоса Корнилова, Федора Рогачева, Павла Мясникова, Василия Серкова, опрошенных 5 марта 1764 г. Изложение их показаний см.: Перевалов. С. 243—247.

2 § 1. «...к Николину дни...» — 9 мая по старому стилю.

Архангельска и из Колы — на каком основании был учрежден при Петре I, кем и как производился и когда и чего ради уничтожен (ЦГАВМФ, ф. Дела Комиссии российских флотов, № 10, лл. 91—91 об.).

Коммерц-коллегия 5 февраля 1764 г. дала справку о существовании с 1748 г. монополии П. И. Шувалова на салотопенный промысел у Архангельска и Колы, причем указала, что такой порядок «нема-лый казенный убыток причинил» (там же, ф. Дела Комиссии российских флотов, № 21, лл. 12—14). Ломоносов в своем «Прибавлении» выступил против поручения экспедиции дополнительных практических задач по обслуживанию зверобойных промыслов, допуская, как он пишет далее в этом же параграфе, что «хотя и можно присовокупить к помянутому предприятию тамошние промыслы, но как побочное дело и больше для прикрытия от иностранных сего походу».

Мысль Ломоносова о замаскировании цели экспедиции задачей возобновления на Шпицбергене прежде бывшего китового промысла была осуществлена в форме двух указов Екатерины II 14 мая 1764 г., один из которых оставался секретным.

⁵ § 3. «...для прикрытия от иностранных сего походу...» — Следует отметить, что скрыть подготовку секретной экспедиции от иностранных прави-

тельств не удалось. В донесениях из России, получавшихся французским Министерством иностранных дел, имеется сообщение из Петербурга от 4 сентября 1764 г., в котором подробно говорится о проекте Ломоносова, о двух судах, которые после зимовки в Коле отправятся в путь весной следующего года, о географических соображениях Ломоносова относительно температуры в полярных районах и выражается сомнение в успехе предложенного им плавания. Французский текст донесения напечатан в книге: Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». 1915. Т. VII. С. 199 — со ссылкой на архив Министерства.

⁶ § 4. «...в Клокбайской пристани построить зимовье и магазин...» — По указу Адмиралтейской коллегии Архангелогородская контора над портом в июле 1764 г. отправила адмиралтейский пинк «Слон» под командой капитан-лейтенанта М. Немтинова и пять наемных поморских судов с провиантом и строительными материалами (одно из них из-за повреждения в пути вернулось, не дойдя до Шпицбергена). Суда прибыли в начале августа на Шпицберген, нашли подходящее место на южном берегу Клокбайской губы и построили зимовье из пяти изб, бани и амбара. На зимовье было оставлено 16 человек.

Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов Американских и по выспросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снигирева и вологодского купца Ивана Буренина

Впервые напечатано: Берх В. Дополнение к жизнеописанию М. В. Ломоносова // Московский телеграф, 1828. Ч. 21. № 11. С. 305—313.

Время написания — 24 апреля 1764 г.

«Прибавление второе» было написано в связи со следующими обстоятельствами.

В начале апреля 1764 г. в Петербурге была получена «реляция» сибирского губернатора Д. И. Чичерина о найденных купеческой компанией островов Алеутской гряды Уналашака и Умнак. К реляции были приложены карта островов и копия рапорта в Большерецкую канцелярию открывших эти острова в 1759 г. казака С. Пономарева и передовщика С. Глотова. Документы эти возбудили большой интерес в правительственных и научных кругах. Вместе с тем в Петербург прибыли купцы-«компанейщики», посланные Чичериным. Ознакомясь с рапортом и картой и «по выспросу компанейщиков» И. Снигирева и И. Буренина, Ломоносов использовал новые сведения, касающиеся северных берегов Северной Америки, для доказательства «доброго успеха полезного оною предприятия» — своей экспедиции, при-

чем вновь особо подчеркнул ее «безопасность от соседей». К этому «Прибавлению» Ломоносов составил новую, более подробную карту, где были нанесены вновь открытые острова, мимо которых проходил маршрут экспедиции. Карта эта не сохранилась.

В мае 1764 г. правительство решило осуществить проект Ломоносова. Секретным указом Екатерины II 14 мая 1764 г. Адмиралтейской коллегии предписывалось организовать поиск прохода Северным океаном в Камчатку, «по северо-западному проходу», т. е. по маршруту, разработанному в первом «Прибавлении»; этот секретный указ сопровождался, согласно совету Ломоносова в том же «Прибавлении», «для прикрытия от иностранных сего походу», одновременным указом Адмиралтейской коллегии 14 мая 1764 г. о возобновлении на Шпицбергене прежде бывшего китового промысла, с ассигнованием на это 20 000 рублей из сумм Адмиралтейской коллегии. Начальником экспедиции 25 июня 1764 г. был назначен капитан первого ранга В. Я. Чичагов.

¹ § 1. «...по мореплаванию передовщика Степана Глотова с товарищи...» — Имеется в виду присланный сибирским губернатором Д. И. Чичериным, вместе с его реляцией от 11 февраля 1764 г., рапорт казака С. Пономарева и передовщика С. Глотова, доносивших 12 сентября 1762 г. в Большерецкую канцелярию на Камчатке о вновь открытых ими островах Алеутской гряды. Ломоносов ознакомился с этим рапортом и картами, а также с представителями промышленной компании, в которой служили Готов и Пономарев, купцами И. Снигиревым и И. Бурениным, в апреле 1764 г.

² § 2. «На карте, сочиненной в Тобольске...» — карта Северо-Восточной Сибири и Тихого океана, сочиненная в Тобольске в 1763 г. на основании рапорта С. Пономарева и С. Глотова, карты П. Шишкина и других данных и присланная в Петербург, видимо, в марте-апреле 1764 г.

³ § 2. «...на Беринговой карте...» — карта первой Камчатской экспедиции 1729 г., сочиненная мичманом П. Чаплиным (она воспроизводилась несколько раз: Багров Л. Карты Азиатской России. Пг., 1914, и др.).

⁴ § 2. «...локсодромическая линия...» — кривая, пересекающая меридианы под одинаковым углом.

⁵ § 2. «...положение острова Умнака в А...» — Буквой А, по-видимому, обозначалось местоположение Умнака на одной из карт, бывших на руках у Ломоносова.

⁶ § 2. «...прочие острова расположены по оригинальной карте, которая сделана отчасти собствен-

ным промышленников объездом, а отчасти по сказкам тамошних жителей...» — По-видимому, имеется в виду карта Петра Шишкина; напечатана в сб.: Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948.

⁷ § 2. «...при внесении сего обретения в полярную карту...» — Речь идет о второй полярной карте, которую сочинил Ломоносов в апреле 1764 г. и на которой были, по-видимому, отмечены все новооткрытые в Тихом океане острова.

⁸ § 3. «...нежели как прежде чайть можно было...» — Имеется в виду указанный на первой полярной карте Ломоносова «чаятельный берег Северной Америки».

⁹ § 4. «...сличив на карте путешествия Беринговы и Чириковы нынешние обретения островов Алеутских и новых...» — Речь идет о второй полярной карте Ломоносова, на которой были, по-видимому, отмечены «путешествия Беринговы и Чириковы» и новые «обретения» островов Алеутских.

¹⁰ § 6. «...приказать здешним астрономам обще делать... таблицы... Юпитеровых спутников... и отстояний Луны от Солнца на всякий Санкт-Петербургский полдень...» — 12 июля 1764 г. Адмиралтейская коллегия просила Академию наук о составлении таблиц расстояния Луны от Солнца (ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, № 13315, л. 145), которые и были составлены С. Я. Румовским и посланы в Адмиралтейскую коллегию 12 августа 1764 г. (Перевалов. С. 327—328).

Заметки о снаряжении экспедиции

Впервые напечатано: Пекарский. С. 808.

Время написания — не позже 25 июня 1764 г.

В заседании Адмиралтейской коллегии 25 июня 1764 г. Ломоносов предложил «инструментам реестр: какие иметь надлежит на судах, для такой экспедиции приуготовляющихся» (см.: Протоколы заседания: Перевалов. С. 476).

Заметка I имеет помету другой рукой, относящуюся к списку инструментов из 15 номеров: «Коллегия сия инструменты заготовляет». Заметки II и III являлись предварительными черновыми набросками; в углу заметки II находится рисунок прибора и цифры (см. факсимиле: Перевалов. С. 325).

Адмиралтейская коллегия постановила относительно «показанных по реестру» Ломоносова инструментов: часть заказать в Академии наук, «о которых господин Ломоносов объявил, что сделаны будут... под его смотрением и указанием» («на каждое судно по две подзорных добрых трубок, по одной наклонительной магнитной стрелке, по два барометра морских, по одному особли-

вому термометру да по термометру ж для опускания в воду»); часть выписать из Англии («по два Гадлеевых квадрантов, деревянных, с медным разделением и с нониусом; часов серебряных, карманных, с секундами — трои; часов больших пружинных, больше карманных, только с таким маятником и с секундами, дабы однажды в неделю заводились, — трои, стантовые; Григорианских труб хороших, в два фута или несколько поменьше, без микрометра — трои; астрономических отвесных часов — трои; астрономических квадрантов в полтретью или два фута — трои»). Для «вентилаторов» (см. далее примеч. 7) должны были быть сделаны модели по указанию Ломоносова в мастерских Адмиралтейства (Перевалов. С. 476—477).

Снаряжение экспедиции не было осуществлено в задуманных широких размерах, и Ломоносову пришлось потратить много усилий, чтобы снабдить экспедицию хотя бы самыми необходимыми приборами.

¹ «Карманные часы с секундами». — На заседании Адмиралтейской коллегии 18 февраля 1765 г. Ломоносов обещал «трои часы серебряные, карманные, с секундами к покупке отыскать» (см.: Протоколы заседания: *Перевалов*. С. 487). 23 февраля он прислал «одни часы секундные», сообщая в записке, что «больше получить нельзя» (*Перевалов*. С. 334; факсимиле записки. С. 333).

² «Гадлеев квадрант или два». — Гадлеевы квадранты были заказаны в Англии, но не были получены до отправки экспедиции. Между тем они были нужны для обучения штурманов экспедиции, и Ломоносов писал И. Г. Чернышеву 22 октября 1764 г., что ожидает их «от вашей команды», т. е. от Адмиралтейской коллегии (акад. изд.: Т. VIII. С. 305). Когда выяснилось, что таких квадрантов нет и необходимо изготовить их собственными силами, Ломоносов писал Чернышеву 26 октября 1764 г.: «Хотя и потеряется несколько времени на делание здесь Гадлеевых квадрантов, однако уповаю, что мои прибавления или исправления много к лучшему служить будут» (Там же. С. 307), — и просил прислать к нему «отысканный» Чернышевым квадрант. Позже он получил и другой квадрант для переделки; один из этих квадрантов был дан штурманам экспедиции при их отправке в Колу в марте 1765 г., а второй был взят Адмиралтейской коллегией из квартиры Ломоносова в сентябре 1765 г. (см.: рапорт вахмистра, посланного Коллегией 2 августа 1765 г. «в дом бывшего профессора Ломоносова для осведомления о двух квадрантах, взятых из Академии наук»: *Перевалов*. С. 335; Обзорение документов о Ломоносове в Центр. Гос. архиве Военно-Морского Флота, составленное В. Р. Свирской, №№ 75 и 76 // *Ломоносов*. III. М.; Л., 1951. С. 470).

³ «По две подзорных добрых трубок». — Ломоносов сделал для экспедиции три «зрительные трубы» и, кроме того, три ночезрительные трубы, представленные им в Адмиралтейскую коллегию 18 февраля 1765 г., которые коллегия назвала «суморочными» (см.: Протоколы заседания: *Перевалов*. С. 487).

⁴ «По наклонительной магнитной стрелке». — Академические мастера изготовили «три магнитные машинки с стальными магнитными стрелками» (Ченакал В. А. Ломоносов. Зрительные трубы Ломоносова, III. М.; Л., 1951. С. 331).

⁵ «По мортирке со шлагами» — орудия для пуска ракет, заряженных кусками порохового состава, которые при воспламенении пороха дают громкий звук (шлаг) и рассыпаются цветными звездами.

⁶ «Астрономические часы и квадрант» — были заказаны в Англии, но не получены вовремя. В заседании Адмиралтейской коллегии 18 февраля 1765 г., по представлению Ломоносова, решено было требовать одни астрономические часы и

один квадрант от Академии наук (см.: *Перевалов*. С. 487); по требованию Адмиралтейской коллегии Академия наук 23 февраля 1765 г. послала ей астрономический квадрант, употреблявшийся Н. И. Поповым в астрономической экспедиции 1761 г., а также астрономические часы работы мастеров Лероа и Томаса. Квадрант оказался неисправным и был отослан обратно. Квадрант из «выписанных для географической экспедиции», о котором просила Адмиралтейская коллегия, был послан ей лишь в июле 1765 г., т. е. после ухода экспедиции (см.: Обзорение документов о Ломоносове в Центр. Гос. архиве Военно-Морского Флота, №№ 61, 63, 65, 67 — 70, 74 // *Ломоносов*, III. М.; Л., 1951. С. 468 — 470).

⁷ «По вентилятору». — 13 июля 1764 г. Адмиралтейская коллегия приказала своей Интендантской экспедиции изготовить модель «вентилятора», т. е. прибора для определения направления и измерения силы ветра, «по приложенным рисункам» Ломоносова (Обзорение документов о Ломоносове... № 46). 7 сентября готовая модель была представлена Адмиралтейской коллегии (Там же, № 53). Ломоносов должен был сделать описание модели, для изготовления по ней самого прибора на месте, в Коле. 3 марта 1765 г., получив напоминание об этом описании, Ломоносов предложил «сие оставить до будущего года», учитывая невозможность постройки прибора в короткий срок (записка Ломоносова напечатана: *Перевалов*. С. 332; факсимиле. С. 329).

⁸ «Игн». — Эта отметка, очевидно, обозначает имя мастера Игната Петрова, делавшего для Ломоносова инструменты. В заседании Адмиралтейской коллегии 18 февраля 1765 г. Ломоносов объявил о барометрах и термометрах, «что сделается вскоре», но, «дабы в случае в тех барометрах и термометрах надобности, можно сделать их, будучи и в походе, то может он показать штурманам» (см.: Протоколы заседания: *Перевалов*. С. 487).

⁹ «Искать склонение компаса». — В записке в Адмиралтейскую коллегию 23 февраля 1765 г. Ломоносов писал о необходимости «неукоснительно знать здешнее склонение магнитной стрелки с возможною точностию. Для того приказать учинить наблюдения по имеющемуся на Академической обсерватории исправному меридиану, добрыми магнитными стрелками, с возможною точностию». По просьбе Адмиралтейской коллегии 25 февраля Академия наук ответила, что «по новейшим наблюдениям» склонение магнитной стрелки найдено 4 1/2 градуса к западу. Это было сообщено Ломоносову и Чичагову в Колу (см.: Обзорение документов о Ломоносове в Центр. Гос. архиве Военно-Морского Флота, №№ 64, 66, 71 // *Ломоносов*. III. М.; Л., 1951. С. 468 — 469).

¹⁰ «Как журнал ведут, просить формы». — Имеется в виду метеорологический журнал.

Примерная инструкция морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на восток Северным Сибирским океаном

Впервые напечатано А. П. Соколовым в «Записках Гидрографического департамента». 1848. Т. VI. С. 113—132.

Время составления — июнь 1764 г. — 4 марта 1765 г.

«Примерная инструкция» офицерам была написана Ломоносовым согласно одному из пунктов в секретном указе Екатерины II 14 мая 1764 г. об организации экспедиции Северным океаном в Камчатку: «сочинить и дать главнокоманду имеющему офицеру обстоятельную инструкцию для порядочного управления и для всяких чаятельных случаев».

Инструкция офицерам подробно развивала практические указания, сделанные в «Кратком описании» (§§ 101—103, 105—112, 114, 120, 122) и в первом «Прибавлении» (§§ 5, 6, 7), а также включала ряд указаний на случай встречи с экспедицией капитан-лейтенанта П. К. Креницына.

Секретная экспедиция Креницына, имевшая целью описание вновь открытых Алеутских островов, в том числе Алахшака (Аляски), считавшегося тогда островом, была организована по указу Екатерины II 14 мая 1764 г. (ЦГАВМФ, ф. Высоч. повеления, № 21, 1764, лл. 1—2). При тогдашних еще весьма неточных представлениях о берегах Северной Америки, когда Алахшак предполагался Ломоносовым где-то на половине расстояния между Камчатским устьем и Шпицбергенем, встреча обеих экспедиций считалась возможной. Соответствующие указания были даны и Креницыну, в виде секретного прибавления к инструкции, принятого Адмиралтейской коллегией 9 июня (подписанного 16 июня) 1764 г.

Инструкция офицерам экспедиции В. Я. Чичагова, составленная Ломоносовым, отличается от военно-морских инструкций обычного типа: она стремится поднять моральное состояние участников экспедиции, укрепить их единодушие и стойкость в борьбе с предстоящими трудностями во имя возвеличения родины.

Инструкция была предложена Ломоносовым в заседании Адмиралтейской коллегии 25 июня 1764 г. вместе с реестром инструментов, «какие иметь надлежит на судах, для такой экспедиции приуготовляющихся». В протоколе Адмиралтейской коллегии 25 июня 1764 г. указано, что «Коллегия обще с ним, господином Ломоносовым, выслушав помянутую «Примерную инструкцию» положили иметь еще рассуждение» (ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, № 13514, 1764 л. 27; *Перевалов*. С. 476). К этому первоначальному тексту инструк-

ции, датируемому 25 июня 1764 г., восходят ее дальнейшие исправления и дополнения.

В связи с тем, что выход экспедиции Чичагова в море был перенесен на 1765 г., вопрос об утверждении инструкции долго не поднимался. Лишь 18 февраля 1765 г. в Адмиралтейской коллегии была читана «Примерная инструкция» Чичагову, «которую еще господин Ломоносов взял для некоторых поправлений» (ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, № 13514, лл. 55, 56; *Перевалов*. С. 487).

Подлинный экземпляр инструкции, представленный Ломоносовым 18 февраля 1765 г., хранится в архиве РАН (ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 166—174). Это переписанный писарской рукой беловик, вероятно, тот же самый, который был представлен Ломоносовым 25 июня 1764 г. Текст беловика покрыт многочисленными вставками и исправлениями, отражающими процесс его переработки после 18 февраля; правка сделана рукой Ломоносова, а несколько дополнений — рукою И. Г. Чернышева.

Получившийся черновик называем в подстрочных примечаниях черновиком А.

Переработка текста его представляется в следующем виде.

Первоначальный текст содержал 17 пунктов. В процессе исправления переставлены пункты 6 и 7 и внесены новые пункты — 13 и 14, в связи с чем переправлена нумерация. Затем был внесен новый пункт 8, и вновь переделана нумерация, так что всего стало 20 пунктов. Наконец, на отдельном листе (л. 174) был написан добавочно новый пункт под цифрой 17: «Если, от чего, Боже сохрани...» (этот черновик, содержащий 21 пункт, напечатан в акад. изд.: Т. II. С. 389—401, причем пункт 17 вставлен на свое место).

26 февраля 1765 г. в заседании Адмиралтейской коллегии обсуждался переработанный текст «Примерной инструкции». Подлинный экземпляр, представленный Ломоносовым 26 февраля, хранится в ЦГАВМФ (ф. Гидрографии, № 13515, лл. 284—295). Получившийся второй черновик называем черновиком Б.

Это переписанный писарской рукой беловик текста А; добавочный пункт 17 поставлен здесь на последнем месте под цифрой 21. Этот беловик вновь подвергся переработке в период между 26 февраля и 4 марта. Рукою Ломоносова в него внесены добавления к трем пунктам — 1, 14 (бывш. 12) и 17 (бывш. 15) — и переставлены пункты 20 и 21. Затем Ломоносов прислал еще два добавочных пункта («1. К предметам...» и «2. Для поверения ходу...») с надписью: «В журнал присовоку-

пить еще следующее за благо рассуждаю». Его записка со следами сургучной печати на бумаге (см. факсимиле: *Перевалов. С. 371*) имеет помету о включении этих добавочных пунктов под номерами 9 и 3. Добавочные пункты вписаны в текст на полях писарской рукой, и исправлена нумерация, так что пункт 9 сделался 10. Всего, таким образом, текст содержит 23 пункта. К тексту позже приписана дата: «Марта 4 дня 1765. Санкт-Петербург», соответствующая дате подписания протокола Адмиралтейской коллегии от 26 февраля.

Процесс редакционной переработки текстов А и Б Ломоносовым прослеживается в подстрочных примечаниях к печатаемому нами окончательному тексту инструкции.

¹ 1. «...держась назначенного пути по возможности». — Этот путь обозначен на меркаторской карте Арктики 1765 г. В. Д. Красильникова, напечатанной впервые В. А. Переваловым в книге: Ломоносов и Арктика. М.; Л., 1949 (после с. 378). Согласно надписи на этой карте, «положение» ее «перенесено с круглой географической карты», под которой следует разуместь новую полярную карту, сочиненную по получении Адмиралтейской коллегией сведений и карты Ф. Х. Плениснера от Ломоносова в феврале 1765 г. (см.: Протокол заседания Адмиралтейской коллегии 18 февраля 1765 г.: *Перевалов. С. 487*).

² 4. «...кугорновой мортире». — Кегорновыми мортирами назывались, по имени предложившего их в 1674 г. голландского инженера М. Кегорна, легкие мортирки для стрельбы на близкие дистанции гранатами в 16 фунтов весом.

³ 9. «...суморочные подозрные трубки». — Они были сделаны «по указанию и под смотрением» Ломоносова академическими инструментальными мастерами И. И. Беляевым и Н. Г. Чижевским (Че-

Окончательным текстом «Примерной инструкции» является ее текст в протоколе от 26 февраля 1765 г., подписанный Ломоносовым 4 марта 1765 г., что и является формальной датой утверждения инструкции. При воспроизведении текста в него внесены мелкие поправки, сделанные на полях оригинала (эти поправки учтены в копии протокола, ф. Гидрографии, № 13515, лл. 275—281 об.): напр., в пункте 17 «рассуждению» вместо «понуждению».

В марте 1765 г. «Инструкция» была отправлена в Колу Чичагову с указом Адмиралтейской коллегии о порядке ознакомления с нею офицеров экспедиции (текст указа см.: *Перевалов. С. 490—491*). Чичагов вышел в плавание, когда Ломоносова уже не было в живых.

накал В. А. Зрительные трубы Ломоносова для экспедиции Чичагова. Ломоносов, III. М.; Л., 1951. С. 326—332).

⁴ 13. «...с которого отправления так, как и с данной инструкции и карты капитану второго ранга Креницыну...» — Идет речь о возможной встрече с экспедицией П. К. Креницына, который в это время уже отправился 5 марта 1765 г. из Тобольска в Охотск. Целью экспедиции Креницына было описание вновь открытых островов, особенно Алахшака (Аляски); экспедиция должна была отправиться из Охотска через Камчатку, что удалось ей лишь 10 октября 1766 г. Инструкция Креницыну была принята Адмиралтейской коллегией еще 9 июня 1764 г. (подписана 16 июня) и включала секретное прибавление, дававшее указание о поведении эскадры Креницына в случае встречи с экспедицией Чичагова. Инструкции Креницыну изложены у Перевалова (с. 294—301).

А. И. Андреев, В. Р. Свицкая



ЗАПИСКИ И ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ



РАССМОТРЕНИЕ СПОРНЫХ ПУНКТОВ
МЕЖДУ ГОСПОДИНОМ ПРОФЕССОРОМ МИЛЛЕРОМ
И ГОСПОДИНОМ КОМИССАРОМ КРЕКШИНЫМ,
ПО ПРИКАЗАНИЮ ЕГО СИЯТЕЛЬНОСТИ
ГРАФА И ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК
КИРИЛЛА ГРИГОРЬЕВИЧА РАЗУМОВСКОГО,
УЧИНЕННОЕ ОТ ПРОФЕССОРОВ
ШТРУБЕ ДЕ ПИРМОНА, ВАСИЛЬЯ ТРЕТЬЯКОВСКОГО
И МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

1. *Мнение господина Крекшина*¹.

Владимир Святославич, великий князь киевский, был царь, венчан царским венцом и помазан, и по нем все великие князи российские были цари, венчаны венцом царским и помазаны.

Сомнение господина Миллера:

«О сем я требовал от господина комиссара Крекшина доказательства, а доказал ли он то довольно, оное я оставляю господам профессорам, для того учрежденным, на рассуждение».

Сила доказательств господина Крекшина.

Что великого князя Владимира Святославича во многих книгах писатели называли царем, то явствует в предложенных от него, Крекшина, книгах². А следовавших по нем великих князей российские писатели некоторых называли царями или самодержцами, в чем господин профессор Миллер не спорит. А что все великие князи от Владимира до царя Ивана Васильевича были цари, венчаны венцом царским и помазаны, того господин Крекшин не доказал, также и того, что была ли разность между великокняжеским венцом и царским, каковым царь Иоанн Васильевич венчался. А что господин Крекшин предлагал, якобы великому князю Владимиру Святославичу прислан был венец царский

от греческого царя Константина Мономаха, на то доказательства его не только не довольны, но и Синописом Киевским³ такое его мнение отражается, в котором ясно изображено, что венец царский прислан был к великому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху, и потому он в помянутом Синописе называется перво-венчанным царем. Однако господин Крекшин свое мнение обещался еще доказывать, чего он не учинил.

2. Что надлежит до спора в несогласии о летах рождения, приятия престола и представления государей российских, то рассматривали мы подлинные книги и усмотрели, что оные между собою не согласуются и что по иным прав господин Миллер, а по иным господин Крекшин.

3. *Мнение господина комиссара Крекшина:* «Высочайшая фамилия Романовых происходит от великих князей российских Рурика и Владимира Святославича по мужескому колену, как в табели моей родословной находится». (В родословной табели господина Крекшина производится высочайшая фамилия Романовых от князя Романа Васильевича Ярославского и что Захария, прадед Никиты Романовича, шурина царю Ивану Васильевичу, был сын помянутого князя Романа Васильевича.)⁴



РЮРИКЪ, СИНЕУСЪ И ТРУВОРЪ. 862 ГОДА.

*Принимаетъ пословъ Славянскихъ призываю-
щихъ ихъ на княжство*

Сомнение господина профессора Миллера:
«О сем я требовал подлинных доказательств, а довольно ли он то доказал, оное я оставляю господам профессорам на рассуждение».

Сила доказательств господина комиссара Крекшина. Подлинные доказательства, каковые в произведении фамилий законно требуются и какие господин Крекшин предложить должен, суть следующие: 1) показать в подлинных российских родословных книгах, что князь Роман Васильевич Ярославский имел ли сына Захарию; 2) ежели он имел сына Захарию, то Захария, прадед Никиты Романовича, шурина царю Ивану Васильевичу, тот ли был Захария, который был сын князя Романа Васильевича Ярославского, ибо в сем состоит самая сила спора. Сего требовали мы от помянутого господина Крекшина, однако он таких подлинных доказательств предложить не мог, но вместо оных показал в разных книгах сродство высочайшей фамилии Романовых с бывшими прежде великими князьями и царями российскими, из которых главное есть, что в благодарственной молитве по избрании государя царя и великого князя Михаила Феодоровича написано сие: в Троице славимому Богу и пр. дал нам прежних великих государей наших благоверных и благородных царей российских, их царского и благородного корене благорасленную ветвь, великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича. Но когда господин профессор Миллер спросил у него, Крекшина, что может ли он показать, в чем состоит сие сродство и не в том ли, что царица Анастасия Романовна была супруга царя Иоанна Васильевича, о чем упоминают прочие книги тех времен, а особливо когда весь народ российский государя Михаила Феодоровича назвал сродичем токмо царя Феодора Иоанновича, что явствует в летописце Брюсовом⁵ и в настольной утвердительной грамоте⁶, тогда он, господин Крекшин, на то ничего точного сказать не мог; а особливо того не доказал, почему он высочайшую фамилию Романовых производит от князя Романа Васильевича Ярославского, как то он написал в своей родословной табели.

4. Мнение господина комиссара Крекшина.

Великий князь Рурик призван от варяг; то есть из Вагрии, лежащая по берегу моря Варяжского.

На сие господин профессор Миллер говорит:
«Я о сем писал для наставления господина комиссара Крекшина в первых от меня поданных пунктах, а ежели он мое наставление принять не хочет, то его к тому принудить нельзя».

Сила доказательств господина Крекшина.

Господин Крекшин о варягах, кто они были и где жили, на своем мнении утверждает, но доказательства его о сем деле составляют в сомнении. Сие только известно, что великий князь Рурик по Гостомыслову совету призван в Новгород от варяг.

5. Мнение господина Крекшина.

Княжна Марья Андреевна, дочь князя Андрея Ивановича Старицкого, двоюродная сестра царя Иоанна Васильевича, была сочетана великому князю голштинскому Христиану.

Сомнение господина Миллера.

Сие противно иностранным родословным книгам⁷, чего ради надлежит рассмотреть, чем господин Крекшин оное доказывает.

Сила доказательств господина Крекшина.

Сочетание княжны Марьи Андреевны, дочери князя Андрея Ивановича Старицкого, доказывает господин Крекшин токмо Лаврентьем Хурелихцом, герольдмейстером цесарским⁸.

6. В рассуждении великой княжны Анны спор состоял в отечестве ея, а именно: в генеалогической таблице господина Крекшина было написано, что она Дмитриевна, однако она есть внука Дмитриева, а дочь Василия Димитриевича, а о сочетании ея брачном с царем греческим Мануйлом свидетельствует Степенная книга Никона патриарха⁹, но о сочетании ея ж с Иоанном Мануйловичем свидетельствует та ж книга о митрополите Фотии, грань 14, да еще в той же книге о том же и в той же 14 грани. Сей пункт будет уже без спора, потому что господин комиссар признает, что у него погрешено в отечестве, а о брачном сочетании два свидетельства против одного он приводит, которые согласны с предложением господина профессора Миллера.

7. Господин комиссар Крекшин говорит:
«О великой княжне Елене Васильевне написано в моей таблице опискою, а надлежит ея отечеству быть Иоанновною».

На сие господин Миллер отвечал:
«Я сим признанием доволен».

ЗАМЕЧАНИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ Г. Ф. МИЛЛЕРА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕНИ И НАРОДА РОССИЙСКОГО»

I

Рапорт в канцелярию Академии наук
16 сентября 1749 г.

Рапорт

Указом Ея Величества из канцелярии Академии наук велено сочиненную господином профессором Миллером речь о происхождении имени и народа российского мне рассмотреть, нет ли в ней чего России предосудительного, которую многократно прочитав и рассмотрев, подаю о ней в оную канцелярию мое мнение, которое состоит в следующих пунктах.

1

В рассуждении оснований, на которых господин Миллер свои мнения утверждает, следующее весьма неприлично, ибо:

1) Обещается он иностранных авторов тут приводить, где своих к тому недоволен (с. 6); однако в противность того российских авторов не токмо просто, но нередко и с поношением опровергает, как то в 9 пункте явствует ниже сего, что учинил он весьма несправедливо и дерзновенно. Ибо как иностранные писатели ненадежны, то явствует на странице 32, где о разделении государства, учиненном от великого князя Владимира Святославича, многие неисправности находятся; также незнание их о наших землях, городах и князьях во всей его книге явствует, которые их грубые погрешности исправить и согласить старался господин Миллер без всякого успеха. Правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех

древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках. Из всего видно, что он весьма немного читал российских летописей¹, и для того напрасно жалуется, будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях. 2) Иностранных авторов употребляет он весьма непостоянным и важному историографу непристойным образом, ибо, где они противны его мнениям, засвидетельствует их недостоверными, а где на его сторону клонятся, тут употребляет их за достоверных. Сие видеть можно в Саксоне Грамматике² на странице 25 и в других местах. 3) Чтобы из одного сходства имен выводить следствия, того по правде не принимает (с. 7 и 12), однако, где видит что себе в пользу, того мимо не пропускает, но толкует имен сходства в согласие своему мнению (с. 53), где он весьма смешным образом из Гостомысла сделал Гостомила, что он от неразумения российского языка сам против себя выдумал, ибо *Гостомил* значит того, кто гостям мил, а *Гостомысл* того, кто о гостях мыслит.

2

На таких зыблующихся основаниях поставлена вся его диссертация, в которой он, во-первых, опровергает мнение о происхождении от Мосоха Москвы и россиян

от реки Росса³, которые его мнения, десять раз прочитав, едва распознать можно, спорит ли он или согласуется; наконец узнал я, что то — опровержения, которые никакой силы не имеют и притом переплетены непорядочным расположением и темной но-чи подобны.

3

О скифах, которых почитать должно за первоначальных жителей в наших нынешних селениях, господин Миллер весьма мало упоминает; разве он не хотел повторять того, что от покойного профессора Байера в наших «Комментариях» писано⁴; но справедливее подумать можно, что он не хотел принять одного мнения, которые с его мнениями не согласны. Я заметил здесь, что от господина Миллера пропущен самый лучший случай к похвале славенского народа, ибо как известно, что скифы Дария, персидского царя, Филиппа и Александра, царей македонских, и самих римлян не устрашали, но великие им отпоры чинили и победы над ними одерживали, то посему заключить можно, что народ славенский был весьма храбрый, который преодолел мужественных скифов и с пространных селений выгнал, чего ему без великих сражений и знатных побед учинить нельзя было. Правда, что господин Миллер говорит (с. 13): «Прадеды ва-

ши от славных дел назвались славянами», но сему во всей своей диссертации противное показать старается, ибо на всякой почти странице русских бьют, грабят *благополучно*, скандинавы побеждают, разоряют; огнем и мечом истребляют; гунны Кия берут с собой на войну в неволю. Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен.

4

Вторая из главных частей сей диссертации пишет о славенском народе, которого приход в здешние места поставляет господин Миллер весьма поздно, чему противное показывают славенские имена старинных городов российских, так что ежели славяне пришли в здешние земли в IV веке, то оные города должны были иметь славенские имена прежде приходу славян в оные места, что отнюдь быть не может. Что славенский народ был в нынешних российских пределах еще прежде Рождества Христова⁵, то неспоримо доказать можно.

5

Варягов не почитает господин Миллер за народ славенский, однако, что они происходили от роксолан, народа славенского, и



Н. Рерих. Сооружение древнего русского города



Развалины Рюриковой крепости в Старой Ладогe

прошли с готами, славянами ж, от Черного моря к берегам Балтийским, что говорили языком славенским, несколько от соединения со старыми германцами испорченным, и что Рурик с братьями был сродственник князям славенским⁶ и для того в Россию призван на владение, сие все из самой сей диссертации заключить, а из других оснований весьма довольно доказать можно.

6

Имя российское почитает господин Миллер за новое, которое началось при Рурике, а сие из того заключает, что о нем иностранные не знали; но как из того заключить, что варяги сами себя русью не называли? Германцы дивно себя называют дейчен, хотя их ни русские, ни французы тем именем и поныне не пишут; так и варяги, происходя от роксолан, всегда себя русью называли, хотя другие народы их иначе именовали, и самые слова Нестеровы показывают, что варяги назывались русью, а по ним и новгородские славяне и прочие назвались русью. Но едва можно чуднее что представить, как то, что господин Миллер думает, якобы чухонцы варягам и славянам имя дали.

7

Сверх сего примечания достойны следующие догадки:

1) Весьма смешна перемена города Изборска на Исабург, которая только для того вымышлена, чтобы опровергнуть потомков Гостомысловых во Пскове; однако сие ясно показуется рождением Ольги, великой княгини, которая в Прологе псковитянынею, а у Стриковского правнукою Гостомысловою называется⁷. 2) Имена князей, которые пришли от варягов, признает за неславенские, не зная того, что *Оскольд* — речение есть славенское и значит обоудный топор (*bipennis*): так в псалме 73, стих 6, секирою и оскордом (или осколдом) разрушиша. *Дир* происходит от слова *деру*, якобы *драч*. *Ольга* названа от облегчения матери своею рождением. 3) Из сих двух князей хочет господин Миллер одного сделать весьма неосновательною догадкою, не рассуждая того, что каждого могила порозну в Синописе Киевском неоднократно упоминается. 4) Слово *богатырь* напрасно называет татарским.

8

При таких неосновательных мнениях и пустых словопрениях немало найти можно предложений, между собою прекословных, как то в самом начале на странице 2, в последних строчках, говорит, что сочинения в «Комментариях» всему свету сообщаем, а на 3 странице, в первых строчках, объявляет, что о сих наших трудах едва кто вне Академии может быть известен.

9

Сверх сего весьма неосторожны и предосудительны следующие: 1) опровержение Киева перевозу из Нестора приведено равно как напоказ, для смеху; 2) славенских князей называет царями российскими в противность своему мнению и в предосуждение первовенчанным царям российским; 3) а посему весьма непристойно княжны славенские называются от него российскими царевнами; 4) новгородцев называет самохвалами для того только, чтобы утвердить свои догадки; 5) о святом Несторе, летописце, говорит весьма предерзостно и хулительно так: «Ошибся Нестор», и сие неоднократно.

10

Что до латинского штиля касается, то никому не бесчестнее так худо знать по-латыни, как историку, которому древних латинских историков необходимо читать должно, а следовательно, и штилю их навывкнуть. И российский перевод, который он по большей части по-своему переправлял⁸, исполнен несносными погрешностями, которые ясно показывают, что он не такой великий знаток русского языка, чтобы он мог поправлять за природными россиянами, как он о себе хвастал в кичливом своем, однако опроверженном предисловии к «Сибирской истории»⁹, которая, как я думаю, едва ли меньше недостатков имеет, как настоящая диссертация.

11

В приступе и заключении диссертации, которые больше всех погрешностями против русского языка наполнены, нет никаких остроумных замыслов, которые бы на толь знатный случай годились и могли бы в слушателях возбудить удивление, и весь корпус диссертации сочинен без связи и порядку, а особливо она для многих дигрессий¹⁰ весьма темна.

12

Конец, на который сия диссертация сочинена, есть сей, чтобы всемилостивейшей государыне нашей принести первые плоды обновленные от Ея Величества Академии, а притом чтобы она приятна была российским слушателям и всякому читателю новостию и справедливостию своею полезна. Первое требует важности и великолепия, второе и третье живости, ясности и подлинности, старательно изысканной, которых качеств речь сия отнюдь не имеет, но весьма недостойна, а российским слушателям и смешна, и досадительна, и, по моему мнению, отнюдь не может быть так исправлена, чтобы она когда к публичному действию годилась. Сие рапортует профессор Михаиле Ломоносов.

Сентября 16 дня
1749 году

II

Возражения на диссертацию Миллера

Указом Ея Величества, данным из канцелярии Академии наук, повелено мне в собрании с прочими господами профессорами вторично исследовать сочиненную господином профессором Миллером диссертацию «*О начале народа и имени русского*», в котором указе особливо требуется, что нет ли в ней чего предосудительного России и можно ли оную, исправив, к будущему публичному собранию напечатать. Что исполняя, следующие рас-

суждения предлагаю обстоятельнее для того, чтобы видны были причины, для которых помянутая диссертация и прежде сего мною не одобрена; и чтобы ясно показать, что я не по пристрастию и невзирая на лицо, но как верному сыну отечества надлежит, по присяжной должности поступаю. А чтобы все изобразить короче, для того, пропуская мелкие погрешности, только главные предлагаю.

1

Страница 9. Отвергает господин Миллер мнение ученых людей, которые россия и имя их производят от роксолан, древнего народа, жившего между Днепром и Доном, а причины сего отвержения полагают, что-де небольшое сходство имени россиян с именем роксолан и сходство места не довольны к тому, чтобы утвердить происхождение имени и народа российского от роксолан; но должно-де показать: 1) как имя *роксоланы* переменилось на имя *россияне*, 2) как роксоланы перешли к северу, 3) каким языком роксолане говорили. На сие отвечаю, что хотя сходство имени и места роксолан с россиянами довольно быть казалось уже многим славным европейским авторам и целым ученым собраниям [Общее описание всего света, которое ныне в Англии от целого собрания сочиняется, в томе 8, § 394.¹¹], чтобы имя и род россиян произвести от роксолан, однако дабы господина Миллера и в строгих сих его требованиях удовольствоваться, следующее предлагаю: 1) Перемена имени *роксоланы* на *россияне* весьма невелика и много меньше разницы имеет, нежели *Киев* и *Кенугардия*, которые господин Миллер за одно почитает (стран. 31). Литеру *s* переменяют иногда аттики на *j* (или по-русски *кс*), то не удивно, что из речения *россоланы* сделалось у греков *роксолане*, а слово *россолане* не больше разнится от *россияне*, как только окончанием по разности языков. С роксоланами соединяются у Плиния [книга 4, глава 12.¹²] аланы в один народ сарматский. И Христофор Целларий примечает [в Древней Географии, том I, кн. 2, гл. 6.¹³], что сие слово может быть составлено из двух — *россы* и *аланы*, о чем и Киевского Синописа автор упоминает, из чего видно, что был в древние времена между реками Днепром и Доном народ, называемый *россы*. А как слово *росс* переменилось на *русс* или *русь*, то всяк ясно видит, кто знает, что поляки *о* в выговоре произносят нередко как *у*, напр. Бог; Буг; мой, муй; король, круль; ров, рув; конь, кунь; толстый, тулстый, и проч. Сие имя иностранные писатели девятого века и позже, услышав от поляков, стали россов называть руссами. И сами россы называли себя тем именем долгое время оттого, что столица была сперва в полянех, славенском

пароде, то есть в Киеве, и великие князи российские нередко польских принцесс в супружестве имели. 2) Что надлежит до прохождения роксолан к северу, то хотя и вероятно, что их некоторая часть, соединившись с гетами, или готами, не токмо во Франции, Италии, Гишпании и проч. рассеялась, но и перешла к северу около Балтийского моря, в чем профессор Байер не спорит [в Комментариях, том 8, с. 407.¹⁴]; однако сие требование господина Миллера излишне, и к показанию роксолан в севере близ славян новгородских не надобно приводить их от полудни: ибо ясно доказать можно, что Роксоланская земля в древние времена простиралась от Черного моря до Варяжского и до Ильменя-озера, что из следующих доводов и свидетельств весьма довольно явствуется. Страбон [книга 2, с. 78.¹⁵] говорит: «За Днепром живут дальнейшие из известных скифов, роксолане, далее стужа жить не попускает»; и в другом месте [книга 7, с. 212]: «Роксолане живут далее всех к северу, на полях между Днепром и Доном; далее живет ли кто, не знаем». Целларий [в Древней Географии, том I, кн. 2, гл. 6] хотя и полагает далее в севере амаксовиев, иппофагов и проч., однако из самих сих греческих имен явствуется, что ими называли греки роксоланских же народов по их разным обычаям, как то: *атажобий* значат тележных жителей, иппофаги — те, которые едят конское мясо. Такое положение места роксолан весьма согласуется с Новгородским летописцем¹⁶, в котором в древние времена славенороссийского народа жительство полагается у Черного моря, и что того же народа великая часть, отделившись, распространилась до Ильменя-озера и далее к северу. И хотя господин Миллер сию летопись за бабьи басни почитает [в своих ответах], однако старинный город, Старая Руса издревле называемый, довольно показывает оныя в сем справедливость и что прежде Рурика жил тут народ руссы, или россы, или по-гречески роксоланы называемый. Страбон [книга 7] пишет, что роксоланы воевали против генералов Митридата, царя понтийского. Тацит [книга 1, гл. 79.¹⁷] свидетельствует, что роксоланы при Оттоне, кесаре римском, девять тысяч конных латников ворвались в Мизию и два баталиона римлян побили. Спартиан объ-



К. Кандауров. На могиле скифского вождя

являет [в житии Адриана кесаря, гл. 79.¹⁸], что, когда Адриан, кесарь римский, услышал, что король роксоланский негодует об убавлении найму его войску, в том его удовольствовал. После четвертого века по Рождестве Христове о роксоланах ничего больше у древних писателей не слышно. А после осьмого века в девятом, на том же месте, где прежде полагали роксолан, учинился весьма славен народ русский, который и росс назывался. Фотий, патриарх цареградский, в окружном своем послании пишет о походе киевлян к Царюграду: «Русы бесчисленных народов себе покорили и, ради того возносясь, против Римской империи восстали» [смотри Коммент., том 8, с. 401 и 408 в 409]. Толиких дел и с толь великою славою в краткое время учинить было невозможно. Следовательно, российский народ был за многое время до Рурика.

Но хотя ни о роксоланах, ни о россах, ни о руссах после четвертого до девятого века не упоминается у внешних писателей, однако из того не следует, чтобы тем именем оный народ сам не назывался. Ибо молчанию внешних авторов были довольные причины: 1) что в то время были веки варварские и писателями было весьма скудно; 2) хазаре, нашед на южную часть России, у роксолан, или россов, сообщение с греками отняли, ибо когда Осколд и Дир пришли к Киеву [Нестор, лист 10.¹⁹], тогда поляне,

где Киев стоит, платили дань хазарам; 3) что же касается до третьего требования господина Миллера, то есть: каким языком роксолане говорили? на сие отвечаю, что они говорили языком славенским, и сие следующими доказываю. Язык славенский во времена Руриковы, а по свидетельству российских летописей и много прежде оного, простирался в длину с востока от реки Дона и Оки на запад до Иллирика и до реки Албы, а шириною полудни от Черного моря и от реки Дуная до южных берегов Варяжского моря, до реки Двины и до Белозера; ибо им говорили чехи, лехи, морава, поморцы, или померанцы, славяне по Дунаю, сербы и славенские болгары, поляне, бужане, кривичи, древляне, новгородские славяне, белоозерцы, суждалыцы и проч. А чтобы славенский язык толь широко распространился, надобно было весьма долгое время и многие веки, а особливо что славенский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от другого какого известного не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен, и многочисленные оные славенские народы говорили славенским языком еще прежде Рождества Христова. Во времена Августовы и после назывались сии народы у греков и латин вообще сарматами и разделялись на другие, меньшие земли, между которыми и роксоланы полагались и назывались



Водружение апостолом Андреем Первозванным креста на Киевских горах.
Стенопись Киево-Печерской Лавры

именно сарматским народом [О сем соглас-но пишут старые и новые географы. Смотри Целлария, том I, кн. 2, гл. 6]. А понеже из вышеписанного явствует, что славяне и сарматы был один народ (первым именем сами себя издревле от славных дел называли, а другим именем от греков и латин именовались), то следует, что и роксоланы были славяне ж и говорили языком славенским. И так понеже народ российский с народом роксоланским есть одного имени, одного места и одного языка, то неспоримо есть, что российский народ имеет свое происхождение и имя от роксолан древних. Ибо никою мерою статься не может, чтобы великий и сильный народ роксоланский вдруг вовсе разрушился, а после бы на том же месте, того же имени и того же языка сильный же народ вдруг проявился, а не был бы с первым одного происхождения.

Здесь примечания достойно, что господин Миллер вышеписанные о роксоланах свидетельства древних авторов, то есть Страбоновы, Тацитовы и Спартиановы, пропустил вовсе, чего ему учинить отнюдь было не должно: ибо хотя он происхождение россиян от роксолан и отвергает, однако ежели он прямым путем идет, то должно ему все противной стороны доводы на сре-

ду поставить и потом опровергнуть. Однако по всему видно, что господин Миллер, чувствуя, что неосновательное его мнение при толь многих свидетелях слабо весьма будет, за благо рассудил оных прокинуть.

2

Стран. 20, 21, 22, 23. Полагает господин Миллер, что варяги, из которых был Рурик с братьями, не были колена и языка славенского, как о том автор Синописа Киевского объявляет, но хочет доказать, что они были скандинавы, го есть шведы. В сем посылается сперва на Байерову диссертацию о варягах²⁰, а потом некоторые его доводы вкратце предлагает. Что до покойного Байера в сем случае надлежит, то он в помянутой диссертации: 1) Впал в превеликие и смешные погрешности, например, пишет он противно мнениям других авторов и утверждает, что пруссы не были колена славенского [Нестор, с. 9], а были-де одного происхождения с курландцами, не зная того, что курландский язык есть происхождения славенского, так что не токмо большая часть речей, но и склонения и спряжения от славенских весьма мало разнятся. В сем случае не умнее сказал он, как бы сие: славяне суть не славяне. 2) Последуя своей фантазии,

Байер имена великих князей российских перевертывал весьма смешным и непозволенным образом для того, чтобы из них сделать имена скандинавские; так что из Владимира вышел у него Валдамар, Валтмар и Валмар, из Ольги Аллогия, из Всеволода Визавалдур и проч. Сего не токмо принять за правду, но и читать без досады невозможно, видя сих имен явное от славенского языка происхождение и согласие с особами государскими, а особливо, что на скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования. Ежели сии Байеровы перевертки признать можно за доказательства, то и сие подобным образом заключить можно, что имя *Байер* происходит от российского *бурлак*. Я не спорю, что некоторые имена первых владетелей российских и их знатных людей были скандинавские; однако из того отнюдь не следует, чтобы они были скандинавцы. Почти все россияне имеют ныне имена греческие и еврейские, однако следует ли из того, чтобы они были греки или евреи и говорили бы по-гречески или по-еврейски? Варяги, называемые русь, славенского колена (как ниже показано будет), жившие на восточно-южных берегах Варяжского моря, имели сообщение с варягами скандинавскими через море, и для того князья их и знатные люди нередко женились у скандинавов и в угождение своим супругам давали детям нередко имена скандинавские. И так весьма недивно, что Рурик, хотя был из варяг-руси [С. 14 и далее], однако имя имел скандинавское. 3) Стараются Байер не столько об исследовании правды, сколько о том, дабы показать, что он знает много языков и читал много книг. Мне кажется, что он немало походит на некоторого идольского жреца, который, окутив себя беленою и дурманом и скорым на одной ноге вертением закрутив свою голову, дает сумнительные, темные,

непонятные и совсем дикие ответы. И потому недивно, что он нередко сам с собою несогласен. Всего несноснее, что он в таковом своем исступлении или полоумстве опровергает основание, на котором утверждено важное Петра Великого учреждение, то есть орден Святого Апостола Андрея Первозванного; ибо Байер то явно отрицает, что Святой Апостол Андрей Первозванный был в земли Российской для проповеди Евангелия. Жаль, что в то время не было такого человека, который бы поднес ему к носу такой химический проницательный состав, от чего бы он мог очунуться. Господин Миллер поступает в том осторожнее, ибо он не говорит прямо, что Андрей Святой не проповедовал Евангелия Христова в славянах и в России, но только предлагает, что славяне около Днепра и Волхова поселились больше чегырехсот лет после Рождества Христова [Стр. 48] и что во времена Апостольские и слуху не было о российском имени, что ежели почесть за правду, то следует, что или Андрей Апостол ни у Днепра, ни у Волхова не был, или ежели был у Днепра и Волхова, то был, да не у славян, не у россиян.

Прочие догадки, которые господин Миллер взял от Байера, отнюдь не доказывают, чтобы варяги, из которых пришел Рурик, были скандинавцы: ибо что Константин Порфирогенета, царь греческий, имена Днепрских порогов славенские отличает от русских, то не состоит в разности языка, но в разности времени: для того что они названы так после изгнания хазаров от пришедших вновь варягов-руси. Сия правда явствует из того, что имена русские порогов суть славенского же происхождения; а ныне некоторые уже паки отменились, что показывает ясно по временам отмену имен оных порогов. Для ясного понятия предлагается здесь следующая таблица²¹:

Имена славенские старые	
Εσσωλη Οστροβουνιπραξ	Не спи Островный праг Шумный
Γελανδρι Νεασπη Βουλνιπραξ	Неясыть Вольный праг Виручий
Βερουντζη Ναλρεση	Не презри

Имена русские старые	Новые имена
Εσσωλη Ουλβορσι	Не спи Олеоборзый Кодацкий Вольный
Λευφαρ Βαρουφοροξ	Ливарь Греческое слово Ненасытец
Λεαντι Στρουβουν	Лентяй Срывун

По сему явствует, что русские имена по-
рогов *не спи, борзый, ливарь, лентяй, срывун*
суть славенского происхождения, а следо-
вательно, и русский язык тогда был не
скандинавский, но славенский, и что Бай-
ер и Миллер в том ошиблись, когда дума-
ли, что сие будет служить им в доказатель-
ство их мнения. Прочие доводы господина
Миллера, у Байера занятые, которые со-
стоят в том, как нас венгерцы и литва на-
зывают, весьма неважны. А притом я до-
вольно удостоверился, что венгерцы
называют нас руссами, а славян разами²²,
что больше мне в защищение служит. Про-
тив всех сих неосновательных Байеро-
Миллеровых догадок имею я облак свиде-
телей, которые показывают, что варяги и
Рурик с родом своим, пришедшие в Новго-
род, были колена славенского, говорили
языком славенским, происходили от древ-
них роксолан, или россов, и были отнюдь
не из Скандинавии, но жили на восточно-
южных берегах Варяжского моря, между
реками Вислою и Двиною. Блаженный
Нестор, летописец печерский, варягов
различает [лист 9] на свиев, на готов, на
урмян (норманнов), инглян (ингриян) и на
русь. Следовательно, сии варяги жили по
разным местам. Имени *русь* в Скандинавии
и на северных берегах Варяжского моря
нигде не слыхано; то явствует, что русь-ва-
ряги жили на полуденных берегах помяну-
того же моря к востоку или западу. В на-
ших летописцах упоминается, что Рурик с
родом своим пришел из Немец, а инде пи-
шется, что из Пруссии. А Нестор ясно объ-
являет, что он призван был из варягов-
русь. Между реками Вислою и Двиною
впадает в Варяжское море от восточно-юж-
ной стороны река, которая вверх, около
города Гродна, называется *Немень*, а к ус-
тью своему слывет *Руса*. Здесь явствует, что
варяги-русь жили на восточно-южном бе-
регу Варяжского моря, при реке Русе, кото-
рая от сих варягов русских свое имя имеет,
и что они иногда от той же реки Немени на-
зывались *неменьцы*, или *немцы*. А понеже
Пруссия была с варягами-русью в соседстве
к западу и одного славенского языка (как
уже выше упомянуто и ниже сего явство-
вать будет), то недивно, что от новгородцев
русьсы и пруссы за одно почитались. И са-
мое звание пруссы (Borussi), или порусы,

показывает, что пруссы жили по руссах или
подле руссов. Древние пруссы имели у се-
бя идола, называемого *Перкун* [Гарткнох в
Новой и Старой Пруссии²³, страницы 30,
131, 160], которому они неугасимый огонь
в жертву приносили. Сей Перкун именем
и жертвою тот же есть, что Перун у наших
руссов, которого почитали, в поганстве бу-
дучи, российские князья варяжского рода.
Сие согласие подтверждает сходство обы-
чаев у варягов-руссов и у пруссов, а следо-
вательно, и ближнее их соседство и почти
единство показывает. Имя *Перун* есть славен-
ское и происходит от глагола *перу* (ferio,
pugno — ударяю, очищаю), якобы оный
мнимый бог огнем своим ударял и очищал.
Из сего весьма вероятно кажется, что варя-
ги-русь и пруссы говорили языком славен-
ским. О варягах сие доказывают следую-
щие доводы: 1) Прежде Рурика и в его
время, когда по вышепоказанному народ и
язык славенский весьма уже широко рас-
пространялся, тогда от Голстинии до устья
реки Двины, по южному берегу Варяжско-
му живущие народы говорили языком сла-
венским, чего еще и ныне имеются доволь-
ные и явные знаки, то есть имена не
только деревень, городов, рек, но и целых
земель. А варяги-русь жили на тех же бере-
гах, следовательно, говорили языком сла-
венским. 2) Сие подтверждается тем, что
около того места, где жили варяги-русь, и
теперь еще говорят курландцы языком, от
славенского происходящим, и тем показы-
вают, что они суть остатки от варягов-руси.
3) Нестор Печерский говорит ясно, что
славенский и русский язык едино есть
[лист 16 на обороте]. 4) Если бы варяги-
русь были языком своим от славян так от-
менны, какую отмену должен иметь скан-
динавский, то бы от самих варяжских
владельцев, от великого множества при-
шедшего с ними народа и от армий варяж-
ских, которые до 20 и 30 тысяч простира-
лись, от великой гвардии, каковую после
Рурика и до Ярослава великие князи име-
ли из варягов, должен бы российский язык
иметь в себе великое множество слов скан-
динавских. Татары, хотя никогда в россий-
ских городах столицы не имели, а следова-
тельно, ни гарнизонов, ни гвардии при
себе не держали, но токмо посылали баска-
ков, или сборщиков, однако и поныне име-

ем мы в своем языке великое множество слов татарских. Посему бытъ не может, чтоб варяги-русь не имели языка славенского и говорили бы по-скандинавски, однако бы, нреселившись к нам, не учинили знатной в славенском языке перемены. Думаю, что господин Миллер поставит в причину Божию службу, которая, будучи отправляема на славенском языке, варяжскому языку так вселиться не позволяла. Но сие не имеет против меня никакой силы, для того что варяжские государи владели почти полтора века в поганстве, в которое время был самый лучший случай к отмене языка, для того что в то время самое великое множество варяг между славянами находилось, а чтения церковных книг на славенском языке почти нигде не было. 5) Я думаю, что ежели у варягов-руси язык был скандинавский, то бы и доныне были в России не ток-

мо деревни, но и целые города, в которых бы оным языком говорили, невзирая на то, что они были одной веры. Пермьки слышат всегда Божию службу на славенском языке уже весьма из давних лет и везде имеют внутри и вокруг своей земли российские города, однако свой язык и доныне сохранили. Сие видим в таких людях, которые славенскому языку подвластны; го не больше ли бы сие и не способнее ли бы могло учиниться у тех, которые славянами повелевали? 6) В древних летописцах, а особливо у Нестора, народы, которые не славенским языком говорили, всегда ясно отличаются, что они имеют свой язык или что тот или другой разумел язык печенежский; а о варяжском языке нигде не упоминается, чтобы он был совсем от славенского отменен, но везде варяги и славяне как одного племени почитаются.



Г. Семирадский. Похороны богатого руса

Но чтобы кто не подумал, что я уже от древних роксоланов с варягами-русью далеко отсторонился, то единство их следующим образом показываю. Варягами назывались народы, живущие по берегам Варяжского моря; итак, россы, или русь, только при устьях реки Немени, или Русы, имели имя варягов, а простираясь далее к востоку и югу, назывались просто руссы, или россы; а что они к востоку и к полудни далее простирались, то показывает: 1) их сильное множество, которому на берегах между Двиною и Вислою уместиться нельзя было; 2) Белая и Чермная Русь, которые лежат в Польше, а отчасти в России, имеют имя свое, конечно, не от чухонцев, как то господин Миллер о великороссиянах рассуждает, но ясно доказывают, что варяги-русь были те же с живущими далее к югу и им смежными белоруссиянами, где ныне Новгородок, воеводства Минское, Мстиславское, Вытебск и Полоцк, а от Полоцка простирались и до Старой Русы. Чермная Русь, которая от Днепра протянулась почти до самой Вислы, есть того же происхождения с Белою, а следовательно, и с варягами-русью. Здесь явствует, что россы или Русь Чермная, Белая и Варяжская перед приходом Руриковым простирались от Варяжского моря и от озера Ильменя почти до Черного, а как от оною несколько отделилась, то явствует выше сего, как печенеги завладели Киевом.

3

С. 49. Господин Миллер производит имя российского народа от чухонцев следующим образом. Чухонцы-де шведов называют россалейна, то, услышав сие, новгородцы стали называть русью всех народов, от запада приходящих. Рурик с родом своим, услышав, что новгородцы их называют русью, назвались и сами русью, а после того и весь народ славенский назвался русью. Здесь всяк видит, сколько тут нескладных вымыслов: 1) Полагает здесь господин Миллер, что новгородцы сами об имени западных народов ничего не знали, а между тем всяк ведаёт, что они их варягами называли. 2) Что Рурик с родом своим, покинув свое старое имя, стали зваться так, как их называли новгородцы. 3) Новгородцы, зная, что сие имя русь ни им, ни варягам не собственное, но от чухонцев взятое, сами назвались оным, оставя свое прежнее; так что, по мнению господина Миллера, два народа, славяне и варяги, бросив свои прежние имена, назвались новым, не от них происшедшим, но взятым от чухонцев. Где теперь строгость господина Миллера, которой он в доказательствах требует у тех, которые российское имя от роксолан производят? Не явно ли показал он здесь пристрастие к своим неосновательным до-



Император Юстиниан со своей свитой.
С древнего изображения в городе Равенна

гадкам, полагая за основание оных такие вымыслы, которые чуть могут кому во сне привидеться. Пример агличан и франков, от него здесь присовокупленный, не в подтверждение его вымысла, но в опровержение служит: ибо там побежденные от победителей имя себе получили. А здесь ни победители от побежденных, ни побежденные от победителей, но все от чухонцев!

В сем состоит главное дело его всей диссертации, прочие мои примечания касаются до частей оных.

4

С. 13. «Прадеды ваши, п[очтеннейшие] с[лушатели], от славных своих дел *славянами* назывались, которых от Дуная волохи выгнали». Здесь весьма явны противные вещи *слава* и *изгнание*, которые в такой диссертации места иметь не могут. Но как наш сочинитель славные дела прадедов наших начинает изгнанием, так и всю их жизнь в разорениях и порабощениях представляет, о чем смотри ниже. И хотя бы го была правда, что славяне для римлян Дунай оставили, однако сие можно изобразить иначе. Например: славенский народ, любя свою вольность и не хотя носить римского ига, переселился к северу. Новгородский летописец говорит, что славян часть некоторая, для тесноты места на Дунае, отошла к Днепру, Ильменю и прочая, что с правдою очень сходно, ибо и теперь по Дунаю довольно есть славенского народа, как то: сербы, болгары и проч. Господину бы автору должно было упомянуть славные дела славенского народа из старых внешних авторов, из которых явно, что римляне сами чувствовали храбрость наших праотцев и проч. Прокопий Кесарийский в кн. 3²⁴ пишет, что в пятом веку во время Юстиниана, царя греческого, славяне, перешед Дунай, землю за ним опустошили и великое множество римлян в полон взяли. Иорнанд, о гетах пишущи²⁵, говорит, что ныне славяне за грехи наши везде нас разоряют, что было в шестом веку. Григорий Великий, Папа Римский, к епископам в Истрию пишет²⁶: «Истинно для славенского народа, который на вас наступает, весьма сокрушаюсь о том, что вашу болезнь сам претерпеваю; возмущаюсь о том, что они чрез

Истрию уже и в Италию вступают». Из сего явствует, что славяне от римлян не так выгнаны были, как господин Миллер пишет. И сие бы должно было ему упомянуть для чести славенского народа.

5

С. 14. Новгородский летописец весьма дерзновенно опровергается, так что и автор князей и деяний славенских новгородских и упоминания не удостоил. По последней мере, ежели автор против того важные возражения имеет, надлежало бы ему, предложив о Славене, Русе, Болгаре, Комане, Истyre, о создании Славенска и Старой Русы, о двух запустениях Славенска и об обновлении оного и преименовании в Новгород и прочем, купно сообщить свое мнение, а не так совсем без основания откинуть. По моему мнению, сего древнего о Славенске предания ничем опровергнуть нельзя. И хотя внешними писателями не утверждается, однако само собою стоять может, и самовольно опровергать его в предосуждение древности славенороссийского народа не должно.

6

С. 14. Предлагает господин Миллер о Киеве перевозе и как Нестор сие отвергает и доказывает, что Кий не был перевозчик, но князь. К сему присовокупляет господин Миллер на с. 15: «Все сие изрядно» (то есть защищение Кievo от Нестора), «только-де оное так истолковать надлежит, дабы тем у греческих писателей, живших прежде Нестора, не отнять вероятности»; чем он несколько, по-видимому, сомневается, что не был ли и заправду Кий человек приватный. И сие подкрепляется тем, что он на с. 16 говорит, якобы Кий взят был от гуннов под Царыград с принуждения и был только у них полководцем. Такая догадка, которая довольно основания не имеет и с нашими летописями не сходствует, а особливо что не в честь древнему российскому владельцу вымышлена, не думаю, чтобы была приятна российским слушателям и читателям.

7

От с. 23 до 44 все должно было автору почти без остатку выкинуть: 1) для того

что, как по самой правде, так и по признанию самого автора, все те нелепые сказки о богатырях и о колдунах²⁷ взяты из таких басней, какова у нас о Бове-королевиче. Весьма чудно, что господин Миллер, сам признав их несправедливость, потом как правду толкует, а особливо, что, по его же мнению, нерусских владельцев русскими называет. Сие толь же не складно, как бы Юстиниана, царя греческого, назвать султаном турецким, для того что ныне Грецию турки владеют. Господин Миллер точно так поступает, ибо полагает он, что прежде Рурика россиян в России не было, а владельцев, прежде его бывших, называет царями русскими; следовательно, сии почтенные имена приемлет всеу; 2) для того вышепомянутое выкинуть должно, что преисполнено именами дикими и российскими перепорченными и Байерскими перевертками, слушателям скучными и невнятными; 3) что служат только к славе скандинавцев или шведов и, как сам господин Миллер говорит, для того внесено, дабы показать, что скандинавцы, против россиян воюя, славу себе получали; 4) что все оное к изъяснению нашей истории почти ничего не служит и могло бы быть без утраты (*sine damno*) пропущено, как то сам автор на 23 и 24 странице объявляет; 5) что оно российским слушателям будет весьма досадно и огорчительно, когда услышат, что народов, одним именем с ним называемых, скандинавы бьют, грабят, огнем и мечом разоряют, победоносным оружием благополучно побеждают.

8

С. 46. Здесь ясно показывается пристрастие господина Миллера к своим догадкам, ибо он, как уже выше упомянуто, одного сходства имени и места за доказательство не принимает. Сия его строгость была бы весьма похвальна, ежели бы господин Миллер не токмо для отвержения противных, но и для доказательства своих мнений поступал по оной; но здесь выводит он из одного сходства имени Дир и Диар, что Оскольд и Дир не двое, но один был князь именем Оскольд, а по чину Диар (то есть по-гогски *судья*). Не упоминаю о том, что сие все для того он сюда взял из Байеро-

вой диссертации, чтобы русь-варягов произвести от готов; тому удивляюсь, что он ясное Нестерове, Стриковского и других авторов свидетельство принес в жертву своей догадке, ибо сии писатели не токмо сих двух князей различают, но и гробы их в Киеве особливо назначают. А что они вместе жили и в одно время умерли, то весьма недивно, ибо таких примеров довольно в историях находится.

9

Не упоминая других его переверток, которыми он имена князей и городов российских претворяет, не могу пройти мимо того, как он имя города Холмогор (с. 30) производит от Голмгардии, которым его скандинавцы называли. Ежели бы я хотел по примеру Байеро-Миллерскому перебрасывать литеры, как зернь, то бы я, право, сказал шведам, что они свою столицу несправедливо *Стокгоlm* называют, но должно им звать оную *Стиокольной* для того, что она так слывет у русских. Имя Холмогоры соответствует весьма положению места, для того что на островах около его лежат холмы, а на матерой земли горы, по которым и деревни близ одного называются, напр. Матигоры, Верхние и Нижние, Каскова Гора, Загорье и проч.

10

Здесь не упоминаю я того, что обстоятельно предложено мною было в прежнем моем о сей же диссертации рассуждении. А из сих вышеписанных следует, что оной диссертации отнюдь поправить не можно так, чтобы льзя было ее публиковать в собрании академическом: 1) Что мнение господина Миллера о происхождении россов от шведов, а имени их от чухонцев весьма неосновательно, а оное, которое от европейских славных авторов и от целых ученых собраний приемлется, есть весьма основательнее, то есть, что россы и их имя происходят от роксолан древних. При сем отдаю на рассуждение знающим политику, не предосудительно ли славе российского народа будет, ежели его происхождение и имя положить толь поздно, а откинуть старинное, в чем другие народы себе чести и славы ищут. При том также искуснейшим



Крещение руса.

Из болгарской рукописи Манассии, XIV в.

на рассуждение отдаю, что ежели положить, что Рурик и его потомки, владевшие в России, были шведского рода, то не будут ли из того выводить какого опасного следствия. 2) В публичном действии не должно быть ничего такого, что бы российским слушателям было противно и могло бы в них произвести на Академию роптание и ненависть. Но я рассуждаю, что они, слыша в сей диссертации толь новое свое происхождение, на догадках основанное, проименование свое от чухонцев, презрение древних своих историй и частые россиян

от шведов разорения, победы, порабощения и опустошения, о которых они прежде не слыхали, конечно, не токмо на господина Миллера, но и на всю Академию и на ее командиров по справедливости вознегодуют. 3) Все ученые тому дивиться станут, что древность, которую приписывают российскому народу и имени все почти внешние писатели, опровергает такой человек, который живет в России и от ней великие благодеяния имеет.

Профессор Михайло Ломоносов

III

В канцелярию Академии наук рапорт 21 июня 1750 г.

В присланном Ея Императорского Величества из канцелярии Академии наук вторичном ко мне указе повелено мне освидетельствовать вторично диссертацию господина профессора Миллера «О начале и имени российского народа», что нет ли-де в ней чего предосудительно России. На сие я рапортую, как и прежде, по присяжной моей должности, как

прямоу сыну отечества надлежит, что оной диссертации никоим образом в свет выпустить не надлежит. Ибо кроме того, что вся она основана на вымысле и на ложно приведенном во свидетельство от господина Миллера Несторовом тексте и что многие явные между собою борющиеся прекословные мнения и нескладные затеи Академии бесславие сделать могут, нахо-

дятся в ней еще немало опасные рассуждения. Ибо: 1) Должно опасаться, чтобы не было соблазну Православной российской Церкви от того, что господин Миллер полагает поселение славян на Днепре и в Новгороде после времен Апостольских; а Церковь российская повсягдно воспоминает о приходе святого апостола Андрея Первозванного на Днепр и в Новгород к славянам, где и крест от него поставлен и ныне высочайшим Ея Величества указом строится на оном месте каменная церковь. 2) Из сего мнения не последовала бы некоторая критика на премудрое учреждение Петра Великого о кавалерском ордене Святого Апостола Андрея. 3) Происхождение первых великих князей российских от безымянных скандинавов в противность Нестерову свидетельству, который их именно от варягов-руси производит, происхождение имени российского весьма не-

древнее, да и то от чухонцев, в противность же ясного Нестерова свидетельства; презрение российских писателей, как предподобного Нестора, и предпочитание им своих неосновательных догадок и готических басней; наконец, частые над россиянами победы скандинавов с досадительными изображениями не токмо в такой речи быть недостойны, которую господину Миллеру для чести России и Академии и для побуждения российского народа на любовь к наукам сочинить было велено, но и всей России перед другими государствами предосудительны, а российским слушателям досадны и весьма несносны быть должны.

*О сем рапортует химии профессор
Михайло Ломоносов*

Июня 21 дня 1750 года



ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ.
Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.



ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ.

Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.

ЗАМЕЧАНИЯ НА 6 И 7 ГЛАВЫ «СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ» Г. Ф. МИЛЛЕРА

В канцелярию Академии наук рапорт

Присланные ко мне из канцелярии Академии наук две главы «Сибирской истории» профессора Миллера, по ордеру, от 23 дня сентября данному, свидетельствовал и приметил в ней следующие непристойности: 1) Весьма много в ней вещей, печати недостойных¹, как то, например, о пушкаре, называемом Ворошилке, который был посылан для пробования раскола, и о его худых поступках весьма излишне: ибо по сему примеру всех в Сибири бывших подлых бездельников описывать было бы должно, что весьма неприлично, когда сочинитель довольно других знатных дел и приключений иметь может, каково есть посольство от блаженной памяти великого государя царя Михаила Феодоровича к Золотому царю. 2) О строении церквей, а особливо тех, которые не токмо сами, но и после них построенные погорели, по моему мнению, упоминать излишне, в чем ему сказать должно, чтобы,

где о церковных строениях упомянуть надлежит, употреблял пристойные термины, как то неосторожно написано, глав. 7, § 8, что будто для лучшего украшения города две церкви построены: ибо церкви строятся для приношения славословия Божия и молитвы. 3) Так же и в других знатных и высоких предложениях осторожнее поступать должно и таких выговоров убегать, как (§ 23) «*праздность всероссийского престола*», вместо «*междоцарствования*». Для сих причин надлежит, по моему мнению, сии главы дать сочинителю для исправления, чтоб вышеупомянутые излишества и им подобные другие выкинул, ибо первый том «Сибирской истории»² для таких мелочей подвержен был немалой критике и роптанию.

Советник Михайло Ломоносов
1751 года октября 29 дня

ПЛАН РУССКОЙ ИСТОРИИ

I

Прежде сомнительные времена

Период 1. От Рурика до смерти Владимировой.

— 2. От смерти Владимировой до Батыя.

— 3. От Батыя до царя Иоанна В[асильевича].

— 4. От царя Ивана В[асильевича] до Петра Вел[икого].

— 5. От Пе[тра] В[еликого] до Е[лизаветы] П[етровны].

II

1. Век древний до Рурика.

2. Век от начала Рурикова владения до смерти к[нязя]
Владимира.

3. Век от смерти князя Владимира до Батыя.

4. От Батыя до начала царства царя Иоанна Вас[ильевича].

5. От нач[ала] цар[ства] царя Ио[анна] В[асильевича]
до смерти царя Феод[ора] Алекс[еевича].

ПРИМЕЧАНИЯ НА РУКОПИСЬ «ИСТОРИИ РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ» ВОЛЬТЕРА 1757 г.

Приступление

1. Приступление. С. 1. *В первые 18 лет нынешнего столетия никакой герой в Севере не был известен, кроме Карла Второгонадесять.* Геройские дела Петровы, великие предприятия и труды славны учинились еще прежде Левенгауптской и Полтавской баталии. Карл XII показал бегством своим больше себя героя в Петре Великом задолго до 1718 года¹.

Глава 1

2. Гл. 1, с. 3. *Таких царей, как Петр Великий.* Лучше бы было: таких императоров.

3. Гл. та ж, с. 4. *Москва нарочитый город.* Москва великий город, первого рангу во всей Европе².

4. — С. 5 и далее. Санкт-Петербург не хорошо описан, инде мало, инде излишне. Должно сделать хорошее описание и перевесть³. Вместить новые строения, Петергоф, Царское Село и прочие.

5. — С. 7. *Земля около города Архангельского — весьма новая для прочей Европы — учинилась известна в половине XVI веку.* В Двинской провинции, где ныне город Архангельской, торговали датчане и другие нордские народы за тысячу лет и больше, о чем пишет Стурлезон⁴, автор XII столетия по Христе.

6. — С. 8. *Девять месяцев нет пристани к Архангельскому городу.* С половины мая до Покрова Двина всегда чиста бывает, и того 4½ месяца, и так 7½, а часто только 7 месяцев Двина бывает неприступна⁵.

7. — С. 9, 10. *Лопари смуглы, не финского поколения, почитают идола Юмалу.* Однако лопари белокуры, больше финского облику; язык с финским, как французский с ита-

лианским, сходны. Юмала по-чухонски и по-лопарски бог. Ростом лопари малы и силою слабы, затем что больше рыбою кормятся⁶.

8. — С. 4. *Москва столицею учинилась в XV век.* Однако князь Иван Данилович Калита столицу из Владимира в Москву перенес около 1320 году⁷.

9. — С. та ж. *Губернии со временем разделены будут.* Губернии разделены у нас давно на провинции и уезды и на приписные города⁸.

10. — С. та ж. *Ливония всех северных земель плодоснее.* Вятка и некоторые другие в севере провинции много плодоснее⁹.

11. — С. 11. *Москва стоит в великой и прекрасной долине.* Москва стоит на многих горах и долинах, по которым возвышенные и униженные стены и здания многие города представляют, которые в один соединились.

12. Просмотрев описание России, вижу, что мои примечания много пространнее быть должны, нежели сочинение само. Для того советую, чтобы г. В[ольтер] описание России совсем оставил или бы обождал здесь сочиненного, которое под моим смотрением скоро быть может готово. Таким образом, как оное есть, не может России быть славным, но больше бесчестным и поносительным. Описывает г. Вольтер Лапландию, самоедов, а где многолюдные, плодосные и наполненные городами княжения и провинции: Ярославская, Тверская, Володимир, Нижний и великое множество городов около Оки и других рек великих?¹⁰

13. — С. 27. *Ола вместо Ольга*¹¹.

14. — С. 28. *Петр Великий произошел по фамилии от патриарха.* Правда, что так, од-

нако не для того он был государь, что пра-
дед был патриарх¹².

15. — С. 30. *Ливония больше доходов при-
носит, нежели Сибирь*. Сомневаюсь¹³.

Глава 2

16. Гл. 2. С. 32. *Гришка согнал Бориса*. Бо-
рис уморил себя ядом.

17. — С. та ж. *Три других лживых Дми-
трия один за другим*. Самозванцев было
вдруг иногда по четыре, и не все называ-
лись Димитриями; но был ложный царе-
вич Август, Лаврентей, Федор и другие.

18. — С. 33. *Сын архиеерея ростовского*.
Экспрессия дурна. Лучше написать: сын
боярина Федора Никитича Романова, ко-
торый был неволею пострижен от Годуно-
ва, а потом был ростовским архиереем и
наконец патриархом¹⁴.

19. — С. 34. *Сей старый человек был са-
модержец под сыновним именем*. Правда, что
св. патриарх Филарет имел много силы в
царство г. ц. Михаила Федоровича; однако
и сам государь был тогда в полном возрас-
те, как родитель его из Польши прибыл, и
мог отправлять дела государственные.

20. — С. 35. Не написал г. Вольтер, что
прежде царицы Авдотьи Лукьяновны же-
нат был г. ц. Михаил Федорович на княжне
Марье Володимировне Долгорукой, кото-
рая скоро после браку преставилась.

21. — С. 37. *Г. ц. Михайло Федорович не
сделал никакой перемены, чем бы правление
поправилось или испортилось*. Весьма непра-
ведно. Его владением Москва выстроена,
искоренены самозванцы, люди собраны, и
все приведено в порядок.

22. — С. 44. *Петр Великий родился ген-
варя 28*. В тот месяц и число преставился, а
родился 30 мая¹⁵.

23. — С. 46. *Царевна Софья молодшая
от первого браку*. Весьма несправедливо. Число
и порядок детей г. ц. Алексея Михайлови-
ча есть следующий:

24. — С. 46. Татьяна числится сестрою
царевны Софьи А[лексеевны]. Однако она
ей была тетка¹⁷.

25. — С. та ж. *Софья монастырь оста-
вила*. Она еще тогда не была пострижена и
жила в дворце¹⁸.

Глава 3

26. Вся сия глава о стрелецких бунтах
неполна и весьма недостаточна. Много не-
исправностей. К сочинению ее можете пе-
ревести приказать мой экстракт о стрелец-
ких бунтах¹⁹.

Глава 4

27. Гл. 4. С. 59. *Будто Петр Великий после
брака, будучи 17 лет, жил только в роскоши,
не имея никаких других прерогатив в рассу-
ждении трона*. Но известно, что 14-ти лет за-
чал собирать регулярное войско, других
обучать и сам обучаться.

28. — С. та ж. *Les liens sūrieux, etc.* [За-
конные узы брака и пр.] Должно совсем
вон выкинуть, равно как и *ses dūbauches de
table*²⁰ [разгульные пиры].

29. — С. 60. *Sueur froide et convulsions,
quand il fallait passer un ruisseau* [Холодный
пот и судороги, когда нужно было перехо-
дить ручей]. Я имею примеры, что Государь
в детстве воды не боялся и часто ездил
Москвою-рекою к Савве Старожевскому с
братом своим ц. Иваном Алексеевичем. На
сей же странице о ботике весьма ложное
известие²¹.

30. — С. 61.

31. — В сей главе много отнято чести
Петра Великого и отдано Лефорту²². Меж-
ду тем все так коротко и недостаточно, что
совсем не может нимало служить хотя к
краткой истории государевой.

Глава 5

32. Гл. 5. С. 73. *Scheremetew et Shein origi-
naires de Prusse* [Шереметев и Шеин, уро-

1. Евдокия.

2. Дмитрий.

3. Марфа.

4. Софья.

5. Екатерина.

6. Алексей.

7. Марья.

8. Анна.

9. Федосья.

10. Федор.

11. Федора.

12. Симеон.

13. Иван.

14. Петр.

15. Наталья¹⁶.

женцы Пруссии]. Здесь хочется, видно, автору, чтобы все генералы были иностранные, как и в четвертой главе потешных почти всех почитает иностранными²³.

Глава 6

33. Гл. 6. С. 80. С Государем в посольстве были, по моим известиям: 1) генерал-адмирал Франц Яковлевич Лефорт, боярин Федор Алексеевич Головин, думный дьяк Прокофий Богданович Возницын. С. 81. *Правление будто поручено было Нарышкину, Голицыну и Прозоровскому*. А по моим известиям, боярину Тихону Никитичу Стрешневу и комнатному стольнику князю Федору Юрьевичу Ромодановскому²⁴.

34. — С. 85. Г. Вольтер здесь пропустил описание опасности П[етру] Великому в переезде через Двину льдом.

35. — С. та ж. *Prince d'Arménie*. Я отроду не слышал, чтобы где был принц армянский. Разве грузинский²⁵.

36. — С. 106. *Вдовы попы перестают быть попами*. Неправда.

37. — С. та ж. *Ce règlement a été aboli depuis lui* [Это правило было с его времени уничтожено]. Также неправда, затем что и поныне пострижение имеет свои пределы.

38. — С. 107. Трех школ духовных учреждения при Петре Великом не было, а в Спасском монастыре школу основал ц. Феодор Алексеевич. Также три поста Государь не уничтожил, а дал только волю.

Глава 8

39. Гл. 8. С. 16. *Нарва, маленький город*. Мне кажется, мало сказано.

40. — Вся сия глава описана несправедливо и коротко очень²⁶. Многие полки возвратились с военною честью и военную казну почти всю вынесли в карманах, которую в Новгороде перед Софийским собором в ящики высыпали.

NB. Многие российские имена написаны несправно²⁷. Однако можно тогда исправить, как печатать станут или и прежде.



Артиллерийская батарея потешных войск Петра I



Ш.-К. Башелье. Вид Новодевичьего монастыря (середина XIX в.)

1. Saique вместо Jaique¹.

2. Станислава приводит во свидетельство во весьма насильно о Карле XII², затем что: 1) письмо очень молодо и в то время сочинено, когда Вольтер начал писать о Петре Великом; 2) что Станислав не был всех дел Карловых очевидный свидетель; 3) хотя бы и был, однако свидетельство его ни малейшей важности не имеет, затем что Карл ему дал, а Петр отнял корону. Из сего довольно явствует, что сочинитель не намерен того отменить, что он писал не в пользу чести нашей в «Жизни Карла XII», и явно выхваляет Станислава, которого по справедливости превозносить не может в рассуждении дел Петровых.

3. Петра Великого скифом называет³, что отнюдь не правда, затем что славяне скифами никогда не назывались, не токмо что не бывали.

4. Патриарх Константин писал Историю⁴. Неправда: писал ее Нестор и другие.

5. Описание Санкт-Петербурга весьма дурно⁵. Строение нового дворца и Девичья монастыря присовокупить должно. Также и по Петергофской дороге приморские дома упоминания достойны.

6. Лопари отнюдь не черны и с финнами одного поколения⁶, равно как и с карелами и со многими сибирскими народами. Язык имеют одного происхождения и разнятся друг от друга, как немецкий от датского и шведского или итальянский от французского, а отличаются лопари только одною скудостью возраста и слабостию сил, затем что мясо и хлеб едят редко, питаясь одною почти рыбою. Я, будучи лет 14-ти, побарывал и перетягивал тридцатилетних сильных лопарей. Лопарки хотя летом, когда солнце не заходит, весьма загорают, ни белил, ни румян не знают, однако мне их видаг нагих случалось и белизне их дивиться, которою они самую свежую треску превосходят, свою главную и повседневную пищу.

7. Имя славенское *esclavons* хотя у французов уже твердо вкоренилось и сочинитель не переменит, однако может припечтать следующее примечание⁷. В греческом и латинском языке нет ни единого слова, ни из имен собственных, которые бы двумя согласными *sl* начинались. И посему рассуждать должно, что слуху тех народов и языку сей выговор *славяне* был странен и труден. И видно из греческих и латинских писателей, что со временем, привыкши к прямому выговору, славянами наших предков писать стали, ибо Птолемей называет их ставанами, Порфиригенит склаванами, Бандурия в Цареградских древностях сфлавы, у Кедрина славы⁸. Действительно, происходят от *славы*, как явствует из окончаний имен государских: Святослав, Вышеслав и прочих многих.

8. *Царь Иван Васильевич* взял *Новгород*. То неправда. Но дед его, великий князь Иван Васильевич, привел новгородцев под самодержавство московское, уничтожив республику.

9. Киев будто построен царем греческим (с. 26). Греческие цари отнюдь ничего не строили в России. А построен Киев от князей Кия, Щека и Хорива.

10. Украинцы будто католики (с. 28). Великий Владимир принял веру греческую, которая прежде всех в Малой России распространилась и укрепилась. И хотя несколько сот лет владели ею литва и поляки, однако всегда греческому исповеданию была вольность оставлена. А наконец, как католики утеснять стали, то отдались малороссияне под покровительство Российской державе.

11. Россию от татарского владения освободил не царь Иван Васильевич, но дед его, великий князь того же имени, а царь Иван Васильевич взял самих татар под иго. В сем случае должно упомянуть сочинителю, что иное есть самому от порабощения свобо-

диться, а иное прежних своих владетелей привести в порабощение (с. 32).

12. В американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей. И для того послать к сочинителю карту оных мореплаваний⁹ (с. 48).

13. Происхождение имени *царь* совсем ложно¹⁰ (с. 64), для того что: 1) татарские обладатели царями не назывались, но ханами, а имя царское дано им от россиян, потому что мы издревле и поныне всех самодержавных владетелей на Востоке называем царями, а на Западе — королями; 2) имя *царь* весьма употребительно было в России за много сот лет прежде, нежели и о самих татарах слух появился, что засвидетельствуют самые старинные переводы церковных книг за 800 лет; 3) греческого царя Иоанна Цимисхия россияне царем называли (см. Кедрина, с. 712)¹¹; 4) великое издревле сообщение и частые войны славян с греками и торги удобнее ввести могли и прежде имя *царь* от *цесарь* через грамматическую фигуру сокращения (*per syncope*), нежели после искать от татар, у коих того не бывало.

14. Фотий, патриарх, будто крестил всю Россию, чего отнюдь не бывало¹². Оскольд и Дир ходили воевать на Грецию во дни Фотиевы, и некоторые из россиян крестились. После того спустя лет около двухсот, Владимир, приняв греческое христианство, окрестил большую часть России при греческом патриархе Николе Хризовуле первым российским митрополитом Михаилом и протопопом Анастасием Корсунянином.

15. Происхождение государево от патриарха и от монахини весьма изображено неприлично. И прямая Вольтерова букашка. Ему надобно сообщить государево родословие¹³.

16. Епархий в России мало поставлено¹⁴.

Вдовство чисто в наганах хранилось¹⁵, см. 413 лист сентября четвертого¹⁶.

ИДЕИ ДЛЯ ЖИВОПИСНЫХ КАРТИН ИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

1. *Взятие Искореста.* Во время вечера, перед городом в лагере, по повелению великой княгини Ольги привязывают к голубям и к воробьям зажженные фитили; иных пускают с фитилями на воздух, иные уже летят к городу, и город местами от того загорелся. Между тем войско пешее и конное спешит на приступ. Сия картина будет весьма новая, и от двоякого свету, то есть от зари и от огней, особенное смешение тени составит, в чем могут показать живописцы искусство.

2. *Основание христианства в России.* Великий князь Владимир (при нем супруга Анна, греческая царица, сыновья от прежних жен, некоторые греки, с царевною приехавшие) повелевает сокрушать идолов, почему иных рассекают, иных жгут, иных с гор киевских бросают в воду и плавающих с шестью погружают или от берегу отпихивают, камнями бросают, камни к ним привязывают (фигуры идольские есть у меня в лицах и описанные¹, кои могу сообщить). На Почайной речке, на берегу стоит первый митрополит киевский Михаил со всем собором, иных сам погружая, иных ниже духовенство. Иные, забредши в воду, сами погружаются, обою пола и всякого возраста люди, матери со младенцами и пр. Иные, выходя из воды, принимают от священников кресты на шею и благословение, помазуются миром, одеваются. На горе начинают строить церковь Десятинную, ставят кресты на места сверженных идолов.

3. *Совет Владимиру от духовенства.* Великий князь Владимир Святославич, приняв крещение, стал весьма кроток, отпускал всякие вины и освобождал разбойников от казни, из чего впоследствии многие грабительства и заперлись дороги от разбоев. Митрополит, с архиереями собравшись, уве-

щал государя, чтобы чинил достойное наказание злодеям, в противном случае грозили ему самому небесным гневом. На картине можно представить, что Владимир, хотя к тому и склонился, однако отвращает лицо от привезенных к казни и сильному разбойнику Могути вины прощает, приняв его в число своих богатырей.

4. *Единоборство князя Мстислава.* Редедя, князь косожский, вызвал на поединок князя Мстислава Владимировича с тем, чтобы победителю достались войска с женою и с детьми. Мстислав был, как описывают, тучен, бел и красноволос. Редедя, натурально рассудить, должен был смугл, как азиат. Мстислав победил. Войско стояло по обеим сторонам близ Дону. Кроме усилования борцов, разные страсти обеих сторон зрителей изобразить требует искусства.

5. *Горислава.* Владимир, взяв за себя насильно Рогнеду, или Гориславу, княжну полоцкую, после на других женился и ее оставил. По нескольких годах, захватив в данное ей место увеселительное, лег ночевать с нею. Горислава, хотя отмстить обиду и смерть своего отца и братьев, умыслила князя сонного зарезать, но он, по случаю проснувшись, схватил ее руку с ножом и велел готовиться на смерть, чтобы она, убравшись во всю княгине приличную, богатую утварь, ожидала его к себе с саблею и была готова к смерти. Как Владимир пошел к ней в спальню, чтобы умертвить, малолетний сын его Изяслав, от Гориславы рожденный, по научению материну внезапно выскочил из потаенного места с обнаженною саблею и в слезах сказал: «Мать моя не одна. Я ее должен защищать, пока жив. Убей меня прежде, чтобы я смерти ее не видел». Владимир, умилившись, опустил руки и после уволил Гориславу с сыном на удел в Полоцк, в ее отчину.



А. Кившенко. Иван III разрывает ханскую грамоту и басму перед татарскими послами

6. *Мономахово единоборство*. Владимир Мономах одолев на поединке генуэзского кафинского князя (дожа), снимает с него золотую цепь и прочие признаки его чина (признаки можно, в пример, написать с уборов венецианских дождей или генуэзских). Действие представить в виду моря, где корабли и галеры много могут картину украсить.

7. *Мономахово венчание на царство*. Неофит, митрополит ефесский, налагает корону императоров греческих; прочие царские утвари несут архиереи и другое духовенство. При сем должно наблюдать, чтобы все было со здешним и с греческим сходно. Бояре греческие стоят с подарками от царя Алексея Комнина, состоящими в золотой и серебряной посуде и в других постовах.

8. *Победа Александра Невского над немцами или ливонскими на Чудском озере*. Сражение случилось на Чудском озере апреля 5 дня. При сем деле то может представиться от-

менно, что происходило на льду, где пристойно изобразить бегущих, как они, стесняясь и проломив тягостию лед, тонут. Иные друг друга изо льду тянут, иные, напротив того, друг друга погружают и колют как неприятелей. Кровь по льду и с водою смешанная особливый вид представит.

9. *Обручение князя Феодора Ростиславича*. Сей князь, будучи в Орде, так понравился Царице татарской, что всячески старалась выдать за него свою любезную дочь замуж, но он не хотел на ней жениться, пока не приняла христианской веры. На сей картине можно изобразить, как невеста от жениха крест и перстень принимает. Мать, царица татарская, соединяя их руки, с радостью на то смотрит, и склонный отец мановением изъявляет дозволение. Мурзы татарские удивляются, бояре российские оказывают радость, причем можно написать татарскую и старинную нашу музыку.

10. *Начало сражения с Мамаем.* С обеих сторон стоят полки: с правой российские, с левой татарские. В фортгунде великий князь Димитрий Иванович, все готовятся к бою. Посередке татарин Челубей, ростом, как Юлиаф, сражается с Пересветом, черном-схимником. Оба друг друга пронзили копьями. Сражение начинается в войске.

11. *Низвержение татарского ига.* Великий князь Иван Васильевич, на великокняжеском стуле сидя, с гневным лицом повергает на землю басму татарскую и разодранное Ахматово повеление. Татар, связанных бесчестно, вон выводят. Российские бояре поклонением и разными движениями изъявляют свою радость и благодарность государю.

12. *Приведение новгородцев под самодержавство.* На площади Новгородской, пред церковью святых Софии Великий Князь Иван Васильевич, верхом сидя, повелевает принять от новгородцев грамоты Ярославли своему наместнику при архиерее. Вечевой

колокол, или набат, новгородцам служивший к самовольным скопищам, летит, сброшен с колокольни. Марфе-посаднице руки назад вяжут. Новгородцы, коих к Москве отвозят, прощаются с своими ближними. Народу множество; иные, подняв руки к колокольне, кричат; иные разными движениями подают печальные, иные радостные знаки. На конях бояре московские усмешками и помаваниями оказывают свое удовольствие. При великом князе для безопасности копейщики.

13. *Царица Сумбек,* по смерти царя казанского Сафакирея, взята из Казани с сыном и с бесчисленным богатством в полон и приведена в Москву к царю Ивану Васильевичу. Государя должно изобразить на царском престоле еще в молодых годах (здесь требуется живописцово искусство, чтобы со старого и угрюмого портрета² сделать молодой и веселый, не потеряв подобия, затем что царицу принимает мило-



В. Верещагин. Русский князь в татарской ставке



В. Васнецов. Олег и змея

ство). Царица казанская, упав на колена и прося прощения и милосердия, умиленным лицом и слезами чрезвычайную красоту свою возвышает. На сына своего младенца, лежащего ниц, указывает. За нею ближние ее татары и служительницы открывают и приносят многочисленные сокровища азиатические. При государе его приближенные.

14. *Право высокой фамилии Романовых на престол всеоссийский.* Царь Федор Иванович, приближаясь к кончине, при патриархе Иове и при боярах подает скипетр брату своему двоюродному, боярину Федору Никитичу Романову, но он от того извиняется. Годунов взглядывает завистливыми глазами. Царицу Ирину Федоровну, обмирающую в печали, поддерживают.

15. *Погибель Расстригина.* Перед Грановитой палатой поверженного Расстригу, многими ранами уязвленного и окровавленного, за ногу веревкою тянут. Иные поляков рубят. Боярин князь Иван Васильевич Шуйской уверяет народ с Красного крыльца, что оный Дмитрий был ложный. Бояре некоторые, указывая на Грановитую палату, где сквозь окно видно престол, предлагают ему царство.

16. *Козма Минич.* На Нижегородской пристани представить купца-старика на возвышенном месте, указывающего на великую близ себя кучу мешков с деньгами, а другою рукою народ помавающего. Многие, кругом стоя, ему внимают прилежно, иные деньги в чаны всыпают, иные мешки приносят, сыпят серебряные копейки из чересов, приносят в одно место разные товары, кладут пред него письменные обязательства. Все разными движениями изъявляют охоту к освобождению отечества от разорения.

17. *Князь Олег приступает к Царюграду сухим путем на парусах.* Вид весьма будет хороший и подобный маскарадам Петра Великого: наперед, в судне особливом сидя, повелевает; множество парусов между кустарниками; колеса под судами; инде припряженные лошади, печенегам правимые, кои тогда сухим путем пришли под Царьград. На горизонте проспект Царяграда. Греки выходят навстречу с дарами.

18. *Олег, угрызен от змея, умирает.* Представить головную лошадиную кость, кою Олег пхнул ногою. Бояре и слуги поддерживают со страхом. Волхвы предсказавшие делают разные виды своего верного предвещения.

19. *Сражение Святославе с печенегами в порогах.* Представить тесные места между каменными горами, сквозь кои Днепр протекает порогами. Святослав борется против стремления воды с российским войском на веслах, на шестах, греблю, бечевою и сражается с неприятелем, жестоко с берегов нападающим. В главной группе бьется сам князь, уже раненный. Около него много печенежских трупов. Опровергающиеся суда разными видами, иные и зажженные, плавающие и утопающие раненые люди, выходящие из быстрины против неприятеля, самым делом и места обстоятельством представят чрезвычайную фигуру.

20. *Избавление Киева от осады печенежской смелым переплытием россиянина через Днепр.* В переднем месте представить на одной половине печенежские палатки со стреляющими за пловцом печенегами, но он безвредно переплывает за Днепр к российскому стану, чтобы подать весть о бедности и тесноте в городе и тем побудить войско к нападению на неприятеля судами.

21. *Князь киевский Святослав Ярославич кажет свое великое богатство послам немецким.* Посол был из духовенства. Можно поставить какого католического прелата и при нем посольских людей в старинном немецком платье, Святослава, богато одетого, и с боярами в дорогих шубах и шапках из мягкой рухляди. Богатство, состоящее в до-

рогих мехах, парчах персидских и греческих, в золотых и серебряных финифтяных сосудах, камнями цветными украшенных, в конских уборах и в ружье старинном, в жемчугах. Приличные притом движения казателей и зрителей оживят картину.

22. *Князь Дмитрий Михайлович Пожарской в опасности от злодея, коего прислал Заруцкой из-под Москвы, чтобы его заколоть и не допустить его из Ярославля к Москве для ее освобождения.* Злодей прошибся мимо Пожарского, спотыкнувшись и ударив слугу его в ногу. Князь запрещает около стоящим злодея изрубить и велит его послать под Москву и отдать жива на обличение завистникам.

23. *Тот же князь Пожарской бьется с поляками, разоряющими Москву, и уже раненного жестоко велел себя кверху поднять и своих ободряет против неприятеля.*

24. *Царь Василий Иванович Шуйской при венчании своем на царство клянется боярам, что он прежних враждеб помнить не будет и без их совета ничего делать не станет.*

25. *Гермоген, патриарх московский, посажен в тюрьме и, уже умирая голодом и жаждою, не согласуется с принуждающими поляками, чтобы возвести на царство польского королевича Владислава, но проклятием оное отрицает и от Михаила Салтыкова, который нож на него занес, крестом обороняется.*

ПРИМЕЧАНИЯ

**Рассмотрение спорных пунктов
между господином профессором Миллером
и господином комиссаром Крекшиным,
по приказанию его сиятельства графа и президента Академии наук
Кирилла Григорьевича Разумовского, учиненное от профессоров
Штрубе де Пирмона, Василья Тредиаковского и Михайла Ломоносова**

Напечатано по черновику, писанному Ломоносовым (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 109, лл. 167 — 170): *Билярский*. С. 89 — 93.

Время написания, вероятно, июль 1747 г., не позднее 19-го.

Документ представляет собой протокол Академической комиссии, разбиравшей спор между Г. Ф. Миллером и П. Н. Крекшиным. Историк-любитель, не владевший научным методом, Крекшин занимался жизнеописанием Петра I, пользуясь известным поощрением со стороны правительства Елизаветы. 27 августа 1746 г. он представил в Сенат составленное им «Родословие великих князей, царей и императоров», в котором доказывал прямое происхождение династии Романовых от Рюриковичей. Попытка Крекшина укрепить таким способом права Елизаветы, получившей престол путем дворцового переворота, носила явно тенденциозный характер. 12 сентября 1746 г. Сенат передал «Родословие» Крекшина на рассмотрение Академии наук. 6 октября 1746 г. Миллер, которому Академическое собрание поручило это дело, представил свои «Замечания» на генеалогические таблицы Крекшина. В январе 1747 г. эти «Замечания» были, по требованию Крекшина, ему выданы, с тем чтобы он «заготовил на них письменный ответ». «Ответствие» Крекшина было получено в Академии только 11 марта 1747 г. Но еще до того в доношении в канцелярию Академии наук 23 февраля 1747 г. Крекшин выступил с обвинением Миллера «в собирании хулы на русских князей», ссылаясь на книгу выписок из сочинений иностранных авторов о России, составленную Миллером, который дал Крекшину эту книгу выписок для пользования. 18 марта 1747 г. Миллер обратился в канцелярию Академии наук с просьбой поручить рассмотреть «ответствие» Крекшина двум или трем из профессоров, «которые бы как

от него, Миллера, так и от комиссара Крекшина все доказательства приняли и о них имели бы рассуждение и свое бы мнение подали» президенту Академии наук. Тогда же канцелярия Академии определила: рассмотрение «ответствия» Крекшина «для пресечения дальних между ними [им и Миллером] споров» поручить профессорам Ф.-Г. Штрубе де Пирмону, В. К. Тредиаковскому и М. В. Ломоносову в присутствии профессора Миллера и комиссара Крекшина. Комиссия довольно долго не собиралась. Тогда Крекшин обратился вновь в Сенат с доносом на Миллера, который, по словам Крекшина, «о фамилии Романовых подал в канцелярию Академии наук письменно, будто эта фамилия Захарьиных и Юрьевых, что ложно и противно закону», и что комиссией, назначенной в марте 1747 г. для рассмотрения его «ответствия» Миллеру, «еще ничего не учинено» (ЦГИА СПб., ф. 1341, оп. 303, № 578: Дело о сочиненной Крекшиным родословной). 23 июля 1747 г. комиссия подала канцелярии Академии наук свое «Рассмотрение» вместе с рапортом президенту Академии наук К. Г. Разумовскому, датированным 19 июля 1747 г. и подписанным членами комиссии, следующего содержания:

«По определению вашего сиятельства, данному нам из канцелярии Академии наук, чтоб рассмотреть происшедший спор между господином профессором Миллером и господином комиссаром Крекшиным, надлежащий до истории и родословия государей и самодержцев всероссийских, собирались мы в Академии при бытности помянутого господина профессора и господина комиссара и, уведомившись обстоятельно об исторических и генеалогических спорных между ними пунктах, не токмо прочли мы все то, что дано нам было на письме из Академической канцелярии, но слушали и их изустные доказательства и отраже-

ния у одного против другого, чего всю силу предлагаем в присовокупленном при сем на письме ясном рассмотрении и при том отдаем обратно все письма господина Крекшина, которые нам даны были из канцелярии Академии наук» (ф. Госархив, разр. XVII, № 11 bis, л. 163).

Участие Ломоносова в работе этой комиссии свидетельствует о его независимой позиции в этом вопросе, о защите им исторической правды и принципа научности от чуждых науке влияний и о знакомстве его уже в это время с рядом источников по русской истории.

«Подлинное представление» Комиссии было отправлено затем в Сенат; вместе с тем на основании указа Сената 24 июля 1747 г. были направлены туда же доношение Крекшина, поданное в канцелярию Академии в феврале 1747 г., «книга, писанная рукою профессора Миллера» (та, в которой были собраны выписки из иностранных сочинений о России), и «все по делу комиссара Крекшина и профессора Миллера в канцелярии Академии наук и в Конференции имеющиеся черные и белые письма и книги, из которых доказательства какие были взяты» (Протоколы Конференции. II. С. 157—158; Материалы, VII. С. 237—239, 360—361, 368, 399—400, 408, 513—514).

Получив указанные материалы, Сенат 4 августа 1747 г. рассматривал дело, но не вынес ни тогда, ни позже какого-либо решения по нему. При расследовании 4 августа в Сенат был вызван Ломоносов, которому было поручено найти среди

выписок Миллера и перевести с латинского инкриминируемый Миллеру Крекшиным текст. Сделанный Ломоносовым перевод отрывка из польского историка Яна Длугоша, где говорится об унижениях, которым подвергался великий князь московский при приеме послов татарского царя (Johann Dlugoss. *Historiae polonicae*. Lipsiae, 1711—1712 (Польская история. Лейпциг, 1711—1712), т. II, кн. XIII, под 1479 г. С. 588), хранится в РГАДА, ф. Госархив, разр. XVII, № 11 bis, л. 160; напечатан в книге: *Пекарский П. П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова*. — СПб., 1865. — С. 22—23.

В новом прошении в Сенат 4 декабря 1747 г. Крекшин напоминал о своем «Родословии» и о своих возражениях Миллеру, который на основании живых иностранных источников, «не зная истины, заблудил и высочайшую фамилию неправдою простою дворянскою дерзнул писать, и профессора Ломоносов, Тредиаковский и Штрубе в неведении же сию лжу за истину признавали». Крекшин хотел привлечь к делу Ломоносова и его двух товарищей по комиссии. Сенат снова постановил доложить дело в общем собрании Сената, а Крекшина обязать подпискою, впредь до окончания дела, о нем ничего не разглашать (*Пекарский. Дополнительные известия... С. 22—24*). Дальнейших сведений о ходе дела не имеется, и самое дело в 1764 г. было сдано в архив (см. справку в деле Секретной экспедиции Сената // ЦГИА СПб., ф. 1341, оп. 303, № 578).

¹ *Крекшин* — Петр Никифорович Крекшин (1684—1763) был одним из первых собирателей источников по русской истории, особенно по Петровской эпохе, автор «Краткого описания дел... императора Петра Великого», имевшего довольно широкое распространение в XVIII в. в рукописных списках, и других работ. Крекшин заслужил в русской историографии весьма отрицательную оценку как автор, наполнявший свои сочинения фантастическими вымыслами.

² «...в предложенных от него, Крекшина, книгах». — В рапорте президенту от 17 января 1747 г. (архив РАН, ф. 21, оп. 1, № 117, лл. 12—13) Миллер указывает, что, работая над проверкой «Родословия» Крекшина, он перечитывал разные родословные, разрядные и степенные книги и хронографы, в том числе некоторые, данные ему Крекшиным, «весьма нужные и в Имп. канцелярии при Академии наук не имеющиеся», из которых называет «Золотую родословную книгу». С этими рукописями, очевидно, познакомился и Ломоносов при разборе дела.

³ *Синописис Киевский*. — Имеется в виду изданный Киево-Печерским архимандритом Иннокен-

тием Гизелем «Синописис, или Краткое описание о начале славенского народа, о первых киевских князях и о житии святого благоверного и великого князя Владимира, всея России первейшего самодержца, и о его наследниках, даже до благочестивейшего государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, самодержца всероссийского»; источником Синописиса служили в основном польские историки, главным образом Стрийковский. Первое издание Синописиса вышло в Киеве в 1674 г., переиздано с дополнениями в 1680 г. Синописис переиздавался в Москве и при Академии наук, выдержав до 1810 г. 9 изданий. В распоряжении Ломоносова могли быть академические издания — 1735 и 1746 гг.

⁴ «...князя Романа Васильевича». — В другом труде, как указывает В. Н. Татищев, Крекшин производил род Романовых от Романа Ростиславича Смоленского, причем «дела оного Романа с делами Романа Мстиславича Галицкого смешал, меж которыми в летах разность немалая» (История Российская. 1768. Т. I. С. 553).

⁵ «...в летописце Брюсовом...» — Имеется в виду находящаяся в библиотеке Российской академии

наук «Книга Степенная» (32. 8. 4) из библиотеки Я. В. Брюса, рукопись второй половины XVII в.

⁶ «...в настольной утвердительной грамоте...» — Имеется в виду «Утвержденная грамота» 1613 г., излагавшая решение Земского собора об избрании на царство Михаила Романова.

⁷ «...иностранным родословным книгам...» — Одним из справочников по генеалогии русских великих князей и царей служила книга И. Гюбнера «Genealogische Tabellen» («Генеалогические таблицы») в 4 частях. Первая часть ее, постепенно дополнявшаяся новыми данными (4-е издание вышло в Лейпциге, 1725 г.), содержала 2 таблицы, относившиеся к России, — «русских князей» от Рюрика до Ивана III и «московских князей и царей» за 200 лет, от Ивана III до Екатерины I (таблицы 112 и 113). Этим изданием пользовался Ломоносов; оно указано в реестре книг, взятых Ломоносовым из библиотеки Академии наук (Ламанский В. И. Ломоносов и Петербургская академия наук. — 1865. — С. 176).

⁸ «...Лаврентьем Хурелихцом, герольдмейстером царским». — Имеется в виду «Родословие великих российских князей, собранное из разных печатных и рукописных творцов, веры достойных, Лаврентием Хуреричем, короля Леопольда I священником и Священного Римского государства герольдом, 1673». Рукопись перевода находится в библиотеке Академии наук (31. 7. 19); она переплетена вместе со стихотворным русским переводом латинского сочинения монаха Александро-Невского монастыря Никодима Селлия «Зерцало историческое. Государей российских родословие, преемство, время вступления на престол» и т. д. Перевод сделан в Александро-Невской семинарии в 1747 г., что может датировать и перевод Хурерича.

⁹ Степенная книга Никона патриарха. — Имеется в виду «Книга Степенная царского родословия», рукопись библиотеки Академии наук (32. 8. 1), позже изданная Г. Ф. Миллером в Москве, 1775 г.

Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского»

Замечания Ломоносова на диссертацию Г. Ф. Миллера составляют документы, объединенные общим содержанием.

I. Рапорт в канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г.

Впервые напечатано: *Биллярский*. С. 758—762.

Время написания — 16 сентября 1749 г.

II. Возражения на диссертацию Миллера.

Впервые напечатано: *Пекарский*. С. 897—907.

Время написания — между 25 октября и 3 ноября 1749 г.

III. В канцелярию Академии наук рапорт 21 июня 1750 г.

Впервые напечатано: *Биллярский*. С. 770—771.

Время написания — 21 июня 1750 г.

Обстоятельства составления замечаний Ломоносова на сочинение Миллера были следующими. Диссертация Миллера «Происхождение имени и народа российского» готовилась им в качестве речи для прочтения на публичном собрании Академии 6 сентября 1749 г. По приказу президента, сочинение Миллера было предварительно прочитано в соединенном Академическом и историческом собрании 23 августа; как указано в протоколе этого собрания, после исправления некоторых мест по приказанию президента, а также мест, отмеченных профессорами (в собрании присутствовали все профессора Академии и академического Университета, в том числе и Ломоносов), было вынесено решение, что диссертацию можно напечатать (Протоколы Конференции. II. С. 206).

2 сентября 1749 г. было разослано печатное приглашение Академии наук на публичное собрание 6 сентября, в котором Миллер «читать будет диссертацию о начале российского народа и от чего оный так называется», Ломоносов — «Похвальное слово императрице Елизавете», Винсгейм предложит астрономическую задачу. Однако по приказу президента собрание было перенесено на 25 ноября (дата вступления Елизаветы на престол).

В письме к Г. Н. Теплову 6 сентября 1749 г. И. Д. Шумахер приписывает отсрочку собрания вмешательству П. Н. Крекшина (акад. изд.: Т. V. С. 104—105); Миллер же в письме к президенту 8 октября 1750 г. указывает, что Шумахер сам давал читать его речь Крекшину и о суждениях Крекшина писал в Москву (РГАДА, ф. Портфели Миллера, № 248, тетр. 3, лл. 203—207). Шумахер, который как представитель академической администрации боялся возможности какого-либо политического промаха, использовал отсрочку публичного собрания для организации пересмотра диссертации академиками «по отдельности» (акад. изд.: Т. V. С. 110).

6 и 7 сентября экземпляры уже напечатанной к этому времени речи Миллера на латинском и русском языках были посланы канцелярией Академии наук И.-Э. Фишеру, М. В. Ломоносову, Ф.-Г. Штрубе де Пирмону, В. К. Тредиakovскому, Н. И. Попову и С. П. Крашенинникову, с тем чтобы «как наискорее освидетельствовать, не сыщется ль во оной



Герб Московский.

Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича

чего для России предосудительного». 13—16 сентября их рапорты, в том числе рапорт Ломоносова (документ I), были поданы в канцелярию (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 174—190 об.) и затем посланы президенту в Москву.

27 сентября Главная канцелярия Академии наук послала в Петербург указ за подписью Теплова о том, чтобы изъять из обращения диссертацию Миллера и хранить ее «до указу»; в указе приводилось мнение профессоров (со ссылкой на рапорты Ломоносова и Попова) о недопустимости произнесения этой речи в Академии (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 218—219 об.).

Ломоносов возвратил 30 сентября 1749 г. в канцелярию оба экземпляра диссертации Миллера вместе с исправленными листами своей речи (рапорт его 30 сентября 1749 г., архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 232).

2 октября Миллер в письме президенту жаловался, что канцелярия требовала отзывов только у тех членов Исторического собрания, которые ему «не dobroхотствуют»; так как «ему никакой критики никто не показал, то он и оправдаться не мог». Президент приказал в недельный срок исследовать диссертацию Миллера в Чрезвычайном собрании, выразив надежду на возможность ее «заблаговременно поправить» (письмо Теплова Шумахеру 9 октября. Архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 257—257 об.).

Чрезвычайное собрание академиков приступило к обсуждению диссертации Миллера 23 октября, с тем чтобы по окончании каждый подал свое мнение. Составление протокола было поручено С. П. Крашенинникову (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 258—259 об., постановление канцелярии 18 октября 1749 г.). Обсуждение продолжалось по 8 марта 1750 г., заняв 29 заседаний.

24 октября Ломоносов выступил с первыми возражениями, на которые Миллер отвечал устно; спор их продолжался 25 октября, а затем, по поданным ими материалам, их выступления были внесены Крашенинниковым в протокол 24 октября (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 407—411). Так как эти первые возражения были потом повторены Ломоносовым в развернутом виде (документ II), то они здесь не воспроизводятся. Следует лишь отметить, что в протоколе 24 октября сохранился момент спора, не отраженный в дальнейших материалах. Ломоносов доказывал, что название *роксоланы* изменилось в название *руссы* путем изменения *роксаны* в *россаны* и т. д. Он заявил, что *роксаны* и *роксоланы* «употребляются у древних авторов вперемешку». Миллер отвечал: «Критик дал ввести себя в обман Шеттгену, говоря, что *роксоланы* обозначались также названием *роксаны*. Сведущие люди уже давно обратили внимание на то, что чтение *роксаны* у Страбона — искаженное и что Шеттген поступил недобросовест-

но, решив исправить других древних авторов на основании неверного предположения». Миллер имел в виду книжку Христиана Шеттгена: *De originibus russicis dissertationes septem*. Dresdae et Lipsiae, 1731 (Семь диссертаций о происхождении русских. Дрезден и Лейпциг, 1731), дававшую сводку античных и средневековых известий, касающихся русской территории.

Ломоносов учел это замечание, и в последующих его возражениях название *роксаны* больше не употребляется.

Кроме Ломоносова, возражения представили Попов, Крашенинников, Фишер и Штрубе де Пирмон.

Так как Миллер не мог быстро ответить на возражения, то в Чрезвычайном собрании никакого обсуждения фактически не велось. «После первого совещания перестали уже что-либо решать, — писал Миллер Теплову 26 октября 1749 г. — Мне сообщают возражения, я на них отвечаю, вот и все» (РГАДА, ф. Портфели Миллера, № 248, тетр. 3, лл. 160—162; письмо на фр. яз.). С 31 октября Миллер и вообще перестал посещать Чрезвычайное собрание и лишь присылал некоторые ответы Крашенинникову.

Ломоносов позже, в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» 1764 г., писал: «Миллер требовал, чтобы диссертацию его рассмотреть всем Академическим собранием, что и приказано, от президента. Сии собрания продолжались больше года. Каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в собрании палкою и бил ею по столу конференскому. И наконец, у президента в доме поступил весьма грубо, а пуще всего ассессора Теплова в глаза бесчестил. После сего вскоре следственные профессорские собрания кончились, и Миллер штрафован понижением чина в адъюнкты» (Биларский. С. 69).

Подробные возражения Ломоносова (документ II) были поданы, судя по протоколу, 3 ноября. Эти «объекции» были переписаны и посланы Миллеру 6—7 ноября (письмо Крашенинникова Миллеру 6 ноября 1749 г., архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 593). Миллер потребовал переводчика, чтобы перевести на латинский язык возражения Ломоносова для помещения их в своих ответах, ссылаясь на возможность новых споров — «графил ли я мнение г. Ломоносова и самую ли я силу выписал или нет» (РГАДА, ф. Портфели Миллера, № 248, тетр. 3, лл. 182—183); однако ему было в этом отказано, причем Шумахер сказал, что «в сие дело мешаться не хочет», и предложил употребить на это находившегося при Миллере студента А. П. Горланова (письмо Крашенинникова Миллеру от 16 ноября 1749 г., архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 594 об.).

Так как Миллер задерживал ответы на возражения оппонентов, а по рапорту Крашениннико-

ва мнение о неприемлемости диссертации уже выяснилось, то канцелярия 29 ноября постановила: Чрезвычайное собрание оставить и заниматься текущими делами как Профессорскому, так и Историческому собранию, поскольку мнение о диссертации «надобно ныне не вскорости» (Там же, лл. 298—299).

8 января 1750 г. Теплов объявил в Профессорском собрании указ президента, как можно скорее довести обсуждение до конца и возражения вместе с ответами послать в канцелярию, а затем В. Н. Татищеву.

С 20 января обсуждение возобновилось. Миллер приносил свои ответы на возражения противников, разделенные им на детальные пункты, на латинском языке. В первую очередь он прочел начало своего ответа Ломоносову, который в протоколе не приведен, затем перешел к ответам другим лицам и, наконец, на заседаниях 1, 2, 5 и 6 марта огласил обширный ответ Ломоносову в 70 пунктах, который и был вписан целиком в протокол 6 марта 1750 г.

На одном из первых январских заседаний Чрезвычайного собрания Теплов предложил только слушать представляемые «объекции» и ответы, «а чья правда, о том бы не рассуждали», так как «мнению-де после будут взяты на всю диссертацию» (из письма Миллера президенту 8 октября 1750 г., РГАДА, ф. Портфели Миллера, № 248, тетр. 3, лл. 203—207).

После 8 марта, когда заседания закончились, протоколы «посланы были кругом» по всем профессорам; в это время были сделаны на полях протокола 6 марта замечания Ломоносова по поводу ответов Миллера. Крашенинников специально оговорил эти заметки в рапорте от 21 июня 1750 г. при посылке всех документов в канцелярию: «В протоколе марта 6 дня в некоторых местах приписано рукою г. профессора Ломоносова после того, как уже оный протокол был подписан, чего ради оная приписка свойственно не принадлежит к тому протоколу; но за краткостью времени протокол не переписан» (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 398 об.).

21 июня 1750 г. Крашенинников вновь собрал Чрезвычайное собрание для подачи письменных мнений, которые и были представлены 13 академиками и адъюнктами, в том числе и Ломоносовым (документ III). Все обширное дело — «экзамен диссертации» Миллера — было представлено в канцелярию Академии наук. На основании этих мнений 24 сентября 1750 г. канцелярией был послан Профессорскому собранию указ об уничтожении диссертации Миллера, «так как она предосудительная России» и «от троих российских не опробована, да и от иностранных ни от кого и от профессора Тредиаковского за прямо основательную не признана» (архив РАН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 598—598 об.).

В дискуссии с Миллером 1749—1750 гг. Ломоносов выступил впервые как главный борец против норманской теории, искажавшей подлинную историю русского народа. Миллер являлся проповедником этой теории не только в своей диссертации, но и в ответах на возражения противников. Разбирая вопрос о происхождении имени *русь* и народа *русь*, Миллер лишь бегом трактовал высказывания древних и средневековых авторов о славянах и россах, а в основном стремился опереться на скандинавские саги (изложенные Саксоном Грамматиком и Снорри Стурлусоном), которые использовал некритически, придавая им значение достоверных исторических источников. Миллер изображал древнюю территорию восточных славян как театр действия скандинавских завоевателей, а древнерусское население как пассивный объект воздействия этих завоевателей. Миллер доказывал, что «россияне» в России «за пришельцев почитаемы быть должны» (Происхождение имени и народа российского. С. 12), что варяги «уже за много веков до Рюрика подчинили Россию своей власти» (Протокол Чрезвычайного собрания 6 марта 1750 г., ответ на 15-е возражение Ломоносова); он выдвигал то, «чем показать можно, что скандинавы всегда старались наипаче о приобретении себе славы российскими походами» (Происхождение... С. 24). Варяги-скандинавы были, по его мнению, тем народом, «от которого Россия не токмо жителями населена, но и имя свое получила»: новгородцы будто бы восприняли из финского языка название, которым финны именovali шведов, и сами стали именовать так северных пришельцев, «почему и варяги от славян россиянами названы».

Ломоносов доказывал древность происхождения русского народа, требовал большего внимания к русским летописям, отвергая самую трактовку русского народа норманистами как народа второстепенного значения, не имевшего самостоятельной роли в истории. В споре с Миллером Ломоносов развернул богатый запас исторических знаний, обнаружив большую начитанность уже к этому времени в античных и средневековых исторических источниках и наметив впервые свою историческую концепцию автохтонности восточных славян и славянского происхождения русской государственности, позже развитую в его «Древней Российской истории».

Дискуссия Ломоносова с Миллером, имевшая глубоко принципиальный характер, определила и дальнейшее отношение Ломоносова к работам Миллера.

Ломоносов очень настороженно следил за тем, как Миллер освещал исторические вопросы, имевшие политическое значение для современности. Его критическое отношение к «Описанию Сибирского царства» освещено в печатаемом в этом издании отзыве.

В записке, приготовленной для президента, на которой стоит помета Ломоносова о посылке ее «в генваре месяце сего 1761 года», но которая фактически относится к более позднему времени, Ломоносов писал, что Миллер, «хотя за негодную диссертацию о происхождении российского народа был штрафован лишением чина, однако не отстает прежних своих поступков» (*Биллярский*. С. 488, 490). Действительно, Миллер использовал свою диссертацию, написанную в 1749 г., в работе «Краткое известие о начале Новогорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших оного города случаях» напечатанной по-немецки: *Sammlung Russischer Geschichte*, Bd. V, Stucke 5–6 (Собрание русской истории. Т. V, части 5–6). СПб., 1761. С. 381–572;

по-русски: Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. Июль — октябрь; где вступительная часть (Июль. С. 3–13) повторяет целыми кусками мысли диссертации. Ломоносов писал: «Всего доказательнее его злоба, что он в разных своих сочинениях вмещает свою скаредную диссертацию о российском народе по частям и, забыв свое наказание, хвастает, что он ту диссертацию, за кою штрафован, напечатает золотыми литерами. Причем хвалит превеликого педанта Байера превеликие в “Комментариях” и нам прикрые [т. е. досадные] ошибки, для того, что Миллер в помянутую заклятую диссертацию все выкрал из Байера и ту ложь, что за много лет напечатана в “Комментариях”, хотел возобновить в ученом свете» (*Биллярский*. С. 492).

I. Рапорт в канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г.

¹ «...он весьма немного читал российских летописей...» — Ломоносов к этому времени мог с уверенностью говорить о существовании большого количества русских летописей. Уже Татищев использовал 11 летописей, в том числе 8 списков Нестеровой летописи с продолжением; в Академии наук хранились копия Кенигсбергской летописи и несколько списков Степенной книги; количество древних книг пополнялось новыми приобретениями и копиями, заказываемыми Академией наук.

² «...в Саксоне Грамматике...» — Имеется в виду издание: *Saxonis Grammatici Danorum historiae libri XVI*. Basileae, 1534 (История датчан в 16 книгах. Базель, 1534).

³ «...мнение о происхождении от Мосоха Москвы и россиян от реки Росса...» — Это мнение в русской литературе принадлежит автору Синописа (см.: *Забелин И.* История города Москвы. Ч. I. Изд. 2-е, М., 1905. С. 23–24). Свое отрицательное отношение к этому толкованию, связанному с текстом Библии, Ломоносов выразил в «Древней Российской истории».

⁴ «О скифах... что от покойного профессора Байера... писано...» — Имеется в виду статья З.-Т. Байера «De origine et prisicis sedibus Scytharum» («О происхождении и древних поселениях скифов») в т. I «Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae» (1728. С. 385–399).

⁵ «Что славенский народ был в нынешних российских пределах еще прежде Рождества Христова...» — Здесь выражена верная историческая догадка Ломоносова, подробно развитая в его «Древней Российской истории», об автохтонном происхождении восточных славян, подтверждаемая археологическими свидетельствами в отношении Приднепровья.

⁶ «...Рурик с братьями был сродственник князям славенским...» — Тезис о славянском происхожде-

нии пришедших в Новгород варягов-руси являлся одним из основных тезисов прежней антинорманской теории, основоположником которой был Ломоносов, утверждавший национальные истоки самостоятельного Русского государства. Источником для защиты этого тезиса служил Синопис, где сказано: «Варяги над морем Балтийским, еже от многих нарицаются Варяжское, селения своя имуще, языка славенска бяху и zelo мужественны и храбры» (Синопис. Киев, 1680. С. 23–24), а также некоторые указания «Повести временных лет».

⁷ «Ольги... которая в Прологе псковитянынею, а у Стриковского правнукою Гостомысловую называется...» — Имеется в виду «Пролог (Синаксарь)» — собрание житий святых, вышедший в нескольких изданиях. Под 11 июля в житии св. Ольги указывается, что она «родом псковитянка»; М. О. Стрийковский, автор «Kronika Polska, Litewska, Zmydzka i wszystkiej Rusi», w Krulewscu, 1582 («Хроника Польши, Литвы, Жмуди и всей Руси». Кролевец, 1582), служил одним из основных источников для Синописа.

⁸ «...перевод... по-своему переправлял...» — Перевод диссертации Миллера на русский язык был сделан К. Ф. Модерахом, причем Миллер сам вмешивался в перевод, вследствие чего Модерах отказался от ответственности за него. Стилистическую правку русского перевода по печатному тексту делал по поручению Шумахера С. П. Крашенинников (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 235). Правленный им экземпляр хранится в этом же деле.

⁹ «...предисловии к “Сибирской истории”...» — Обсуждение «Сибирской истории» Миллера в Историческом собрании началось в 1748 г. (см. примечания в работе настоящего издания).

¹⁰ *Дигрессия* — отступление, уклонение.

II. Возражения на диссертацию Миллера

¹¹ «Общее описание всего света... § 394». — Имеется в виду издание «An universal history from the earliest account of time to the present» («Всеобщая история с древнейших времен до настоящего времени»), выходившее в Лондоне с 1736 г., в 17 томах. Ломоносов пользовался немецким переводом, издававшимся З. Я. Баумгартеном в Галле в 1744—1758 гг. под названием «Übersetzung der Allgemeinen Welthistorie, die in England durch eine Gesellschaft von Gelehrten ausgefertigt worden» («Перевод Всеобщей истории, выполненный в Англии обществом ученых»); том 8-й вышел в 1749 г. На с. 314 указываются в числе народов, покоренных Митридатом, «die Rhoxanos, anjetzo Russen oder Moskoviter angeföhret» («роксоланы, от которых ныне выводят русских или московитов»). Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 150.

¹² Книга 4, глава 12. — Имеется в виду, вероятно, ближайшее по времени издание: Plinius Secundus. *Historiae naturalis libri XXXVII*, Parisiis, 1723 (Естественная история, в 37 книгах. Париж, 1723). Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 151.

¹³ В *Древней Географии*, том 1, кн. 2, гл. 6. — Здесь и далее имеется в виду: Christophori Cellarii *Noticia orbis antiqui, sive Geographia plenior*. Lipsiae, 1731—1732 (Представление о древних странах, или Полная география. Лейпциг, 1731—1732) в 2-х томах; это издание давало сводку географических сведений из античных авторов «от начала Рима до времен Константина». Указанная глава называлась «De Sarmatia Eurgoraea» («О европейской Сарматии»). Соответствующие цитаты приведены в акад. изд.: Т. V. С. 151—155.

¹⁴ В *Комментариях*, том 8, с. 407. — Имеется в виду статья Байера «Origines Russicae» («Русские происхождения») в «Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae» (1741. Т. VIII. С. 382—436). Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 152, 154, 156—157.

¹⁵ Книга 2, с. 78. — Здесь и далее имеется в виду, вероятно, «Альмеловенское» издание, упоминаемое в диссертации Миллера: Strabonis *Rerum geographicarum libri XVII*. Amsteraedami, 1707 (География в 17 книгах. Амстердам, 1707). Соответствующие цитаты приведены в акад. изд.: Т. V. С. 152—153.

¹⁶ «...согласуется с Новгородским летописцем...» — Под Новгородским летописцем Ломоносов имел в виду не собственно Новгородскую летопись, а апокрифическое сказание, впервые введенное в научный оборот П. Н. Крекшиным. В 1735 г. Крекшин писал в Академию наук, излагая это предание, о котором не показано «в печатных исторических книгах прошлых лет», со ссылкой, что жители Новгорода «исстари друг другу об оном сказывают и истории имеют у себя» (Материалы для истории Имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. II. С. 806—808).

Это сказание, содержавшее, между прочим, легенду о городе Славенске, предшественнике Новгорода, казалось Ломоносову отзвуком исторической действительности. Карамзин, опубликовавший отрывки этого сказания, считает автором его дьякона Холопьева на Мологе монастыря Т. Каменевич-Рвовского, писавшего в конце XVII в. (История государства Российского. Т. I, прим. 70 и 91). Татищев считал это сказание позднейшим искажением так называемой «Иоакимовской летописи», которую он признавал не апокрифической (см. его высказывания о ней в «Истории Российской». Кн. I. Ч. 1, прим. к гл. IV. С. 42; ч. 2. С. 426—427; кн. II. С. 351). Новейшие исследователи считают эту баснословную повесть началом одного из новгородских сводов, составленного в последней четверти XVII в.

Сказание о начале Новгорода было довольно известно в XVIII в.; оно входило в различные поздние сборники летописей, в том числе в «Летописец Новгородский» — сборник, хранящийся в библиотеке Российской академии наук, списанный с экземпляра, принадлежавшего М. Ил. Воронцову, имеющий на корешке титул «Летописец Российский» (16. 4. 1). Сказание, предшествующее летописным известиям, имеет заголовок «Зачало Русския земли, како прозвася славенская». Миллер в ответах на 9 и 10 пункты возражений Ломоносова (в протоколе 6 марта 1750 г.) подробно излагает содержание «Новгородского летописца» и указывает, что он сделал подробные извлечения из этой рукописи для академического архива. Сказание напечатано по списку 1679 г. с вариантами из 22 списков Ф. Гиляровым в кн.: Предания русской начальной летописи (по 969 год). Приложение. М., 1878. С. 15—22. Цитаты из сказания приведены в акад. изд.: Т. V. С. 224—225 и 229.

¹⁷ Книга 1, гл. 79. — Имеется в виду «De situ, moribus et populis Germaniae libellus» («Книга о положении, обычаях и народах Германии»), сочинение, входившее во все издания. Одним из новейших изданий Тацита в библиотеке Академии наук было франкфуртское издание 1725 г. Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 154.

¹⁸ В *житии Адриана кесаря*, гл. 79. — Имеется в виду: Aelii Spartiani. *Adrianus Caesar*. Эта биография входит в т. I двухтомного сборника «Historiae augustae scriptores VI» («Шесть авторов историй об августях»), снабженного обширными комментариями филологов XVII в. Издание Гаак (ex officina Hackiana) (Лейден, 1671) содержит комментарии Ис. Казабона, Кл. Салмазия и Яна Грутера; издание Argentorati (Страсбург, 1677) комментировано Кл. Обрехтом. На этих комментаторов делает ссылки Миллер. Цитата из Спартиана приведена в акад. изд.: Т. V. С. 154.

¹⁹ *Нестор, лист 10.* — Ломоносов мог пользоваться в это время копией Кенигсбергского списка «Повести временных лет черноризца Феодосиева Печерского монастыря», сделанной по приказу Петра I в 1716 г., — одной из первых летописей рукописного собрания Академии наук. Указываемые им листы совпадают с этой копией. Также мог он пользоваться текстом «Повести временных лет» по Никоновской летописи.

Первые исследования о Несторе как авторе летописи принадлежали Татищеву (в рукописи), а затем Г. Ф. Миллеру (О первом летописателе // Ежемесячные сочинения. 1755. Апрель).

²⁰ «...Байерову диссертацию о варягах...» — Имеется в виду статья «De Varagis» в «Commentarii Academiæ imperialis scientiarum Petropolitanae». 1735. Т. I. С. 275—311.

²¹ «...предлагается здесь следующая таблица». — Таблица названий порогов представляет результат самостоятельной работы Ломоносова. Сделанное Константином Багрянородным сопоставление славянских и «русских» названий днепровских порогов было использовано первоначально Байером, а вслед за ним другими норманистами для доказательства различия языков славянского и «русского» и, следовательно, для доказательства варяжско-скандинавского происхождения руси. Ломоносов впервые высказал оригинальную мысль о том, что различие названий может быть связано не с «разностью языка», а с изменением исторических условий — «разностью времени», в доказательство чего привел и современные новые названия порогов. Он попытался приурочить также некоторые из «русских старых» имен к славянской семантике (олеборзый, ливарь, лентяй, срывун). Эта попытка, хотя и не имевшая достаточной лингвистической опоры, стоит в ряду разысканий по этому трудному вопросу, которые и до сих пор не могут считаться законченными. Ломоносову был, конечно, знаком разбор мнений по вопросу о порогах, сделанный Татищевым, начиная от Ансельма Бандури (в примечаниях в его сборнике «Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae» («Восточная империя, или Константинопольские древности»), Париж, 1711, к сочинению Константина «De administrando imperio» («Об управлении государством»), Шеттгена Christiani Schoettgenii. De originibus russicis dissertationes septem (Семь диссертаций о происхождении русских). Дрезден и Лейпциг, 1731, и заканчивая Байером (Татищев. История Российская. Т. I. Ч. 2).

Сведения о новых современных названиях порогов могли быть взяты Ломоносовым из карт, указываемых Татищевым (см.: История Российская. 1768. Т. I. Ч. 2. С. 219), в том числе из карты «Войны Турецкой» 1737 г., которая «исправнее других». Ненасытец приурочен Ломоносовым к четвертому

порогу Неясить, хотя на картах число порогов и нумерация их варьируется и не совпадает.

В таблице Ломоносова была допущена ошибка: «русское старое» имя *Aeifar*, которым у Константина назван четвертый порог и которому соответствует славянское название *Неясить*, передано *Leufar* (и, соответственно, *Ливарь*) и поставлено на третьем месте, тогда как Константин не дает русского названия третьего порога; также ошибочно на третьем месте стояло «новое имя» *Ненасытец*, которое Ломоносов, конечно, приурочивал к *Неясить*; последнее в нашем издании перенесено на четвертое место.

Попытки объяснения названий днепровских порогов, проводившиеся в борьбе против норманистов, подробно разобраны в исторической литературе (см.: Юшков С. В. К вопросу о происхождении русского государства // Уч. зап. Моск. юрид. ин-та НКЮ СССР. Вып. II. 1940; Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. VI—VII. 1947).

²² «...венгерцы называют нас руссами, а славян разами...» — Ломоносов мог получить сведения о венгерском языке от акад. И.-Э. Фишера, который занимался угроведением и 13 августа 1759 г. представил Академическому собранию речь «De origine ungrorum» («О происхождении венгров»), подготовленную им для чтения в публичном собрании Академии. Речь была издана в сборнике статей Фишера: *Questiones Petropolitanae. Gottingae et Gothae, 1770* (Петербургские вопросы. Геттинген и Гота, 1770).

²³ «Гарткнох в Новой и Старой Пруссии...» — Имеется в виду: Chr. Hartknoch *Altund Neues Preussen oder Preussischer Historien zwei Theile*. Frankfurt und Leipzig, 1684 (Старая и Новая Пруссия, или Пруссские истории в двух частях. Франкфурт и Лейпциг, 1684). Издание есть в Академической библиотеке. В числе иллюстраций помещены изображения языческих идолов, описываемые Ломоносовым. Большая цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 158—160.

²⁴ «Прокопий Кесарийский в кн. 3...» — Сочинение о войне Римской империи с готами «De bello Gothico» составляет книги 5—7 «Procopius Caesariensis Historiarum sui temporis libri VIII» («Истории его времени в 8 книгах»); другие книги посвящены войне с персами и войне с вандалами. Имеется несколько изданий. Ломоносов, вероятно, пользовался текстом Прокопия в издании Л. А. Муратори: *Regum italicarum scriptores, I. Mediolani, 1723* (Писатели истории Италии. Т. I. Милан. 1723), — на которое ссылался в своих отчетах и которое брал из Академической библиотеки. Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 160.

²⁵ «Иорнанд, о гетах пишущи...» — Сочинение Иорнанда (Jornandes), или Иордана (Jordanes), о

готова под разными названиями (*De rebus geticis seu Historia de Gothorum, sive De origine actibusque Getarum* — История о происхождении и деяниях готов, или гетов) было издано несколько раз в XVI и XVII вв.; вошло в собрание Л. А. Муратори (т. I. 1723), текстом которого Ломоносов, вероятно, и пользовался. Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 161.

²⁶ «Григорий Великий... к епископам в Истрию пишет». — Единичная ссылка на Григория Великого, возможно, цитируется и переводится Ломоносовым не по первоисточнику. Данное письмо находится среди «Тридцати шести писем к архиепископу Салоницкому» в т. II «Орета omnia» («Сочинений») Папы Григория I, многократно из-

дававшихся с XV в. В библиотеке Академии наук имеется издание Бенедиктинского ордена. Париж, 1705. Цитата приведена в акад. изд.: Т. V. С. 161.

²⁷ «...нелепые сказки о богатырях и о колдунах...» — Здесь имеются в виду некритически использованные Миллером норвежские саги Снорри Стурлусона, изданные параллельно с латинским переводом И. Перингскиольдом: *Heims-Kringla aller Snorre Sturlusone Nordlandske Konunga Sagor, sive Historiae regum septentrionalium a Snorrono Sturlonide*. — Stockholmiae, 1697 (Истории о северных королях. Стокгольм, 1697), в 2-х томах, а также «История датчан» Саксона Грамматика (см. примеч. 2). Оба эти издания Ломоносов впоследствии брал из Академической библиотеки.

Замечания на 6 и 7 главы «Сибирской истории» Г. Ф. Миллера

Впервые напечатано: *Биллярский*. С. 159—160.

Время написания — 29 октября 1751 г.

Канцелярия Академии наук 7 июля 1747 г. передала Ломоносову русский перевод с немецкого первой книги «Сибирской истории», с тем чтобы ее, «рассмотри и исправя, при рапорте внести в канцелярию» (*Биллярский*. С. 88).

Ломоносов, по-видимому, сделал в переводе какие-то исправления, так как перевод снова был передан Миллеру, который 9 ноября 1747 г. вернул в канцелярию «Сибирскую историю вновь поправленную». Но этот перевод позже был признан неудовлетворительным, и в июне 1748 г. переводчик В. Лебедев приступил к новому переводу пяти глав «Сибирской истории». Окончив перевод первой главы, Лебедев представил его в августе 1748 г. в канцелярию, которая постановила перевод Лебедева послать «для освидетельствования» к профессору Ломоносову: «достойн ли тот перевод отдать для напечатания», с просьбой выполнить поручение «как наискорее». 12 августа 1748 г. был получен ответ Ломоносова; он писал, что присланную ему первую главу «Сибирской истории», переведенную с немецкого языка В. Лебедевым, он «рассматривал, и помянутая книга явилась напечатания достойна»; он нашел в книге малые погрешности, «которые больше в чистоте штиля состоят» и могут быть легко исправлены самим переводчиком. На основании этого отзыва Ломоносова канцелярия подтвердила свое постановление 10 августа 1747 г. о печатании «Сибирской истории» на русском языке. В. Лебедев перевел также большую часть главы 2 «Сибирской истории», а все остальное (часть гл. 2, главы 3, 4 и 5) было переведено И. Голубцовым (перевод его главы 5 был исправлен К. Ф. Модерахом). Переводы глав 2—5 на «освидетельствование» Ломоно-

сову не посылались (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 94—102; *Биллярский*. С. 112).

В 1748 г. первые пять глав «Сибирской истории» обсуждались в Историческом собрании Академии наук; при чтении замечаний профессора И.-Э. Фишера на главу 2 в Собрании был поднят вопрос о трактовке Миллером поведения Ермака в Сибири. Слова Миллера, что Ермак «грабежу или разбою, чинимого от людей своих в Сибири, не почитал за прегрешение», вызвали возражения со стороны Я. Я. Штелина, Ф.-Г. Штрубе де Пирмона, М. В. Ломоносова и И.-А. Брауна, которые заметили, что «о сем деле должно писать осторожнее и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать» (Протокол Исторического собрания 3 июня 1748 г. // Библиографические записки. 1861. Т. III. № 17. С. 515). В следующем заседании, 6 июня 1748 г., по требованию Миллера были собраны голоса членов о том, исключить ли ему все, что он написал о Ермаке, «ибо умягчить свои изображения ему никак невозможно».

Ломоносов подал мнение, записанное секретарем собрания В. К. Тредиаковским, что «подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал на Сибирь или для всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею» русскому царю, «того ради, буде оные рассуждения, которые о его делах с несколько похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их все исключить» (Там же. С. 516—517). Согласно общему мнению, Миллер и «вычернил» эти описания.

Общее мнение Ломоносова о первой части «Сибирской истории» было отрицательным. В отзыве о работе Миллера «Происхождение имени и народа российского» 16 сентября 1749 г. Ломоносов указывал, что «Сибирская история» «едва ли меньше недостатков имеет, как настоящая диссер-

тация». Написанное Миллером предисловие к первому тому «Сибирской истории», по мнению Ломоносова, «кичливое» и «российскому народу предосудительное» (письмо Г. Н. Теплову 30 января 1761 г., acad. изд.: Т. VIII. С. 233), не было напечатано при первом издании «Сибирской истории». В 1764 г. Ломоносов писал, что Миллер «в первом томе “Сибирской истории” положил много мелочных излишеств и, читая оное, спорил и упрямился, не хотя ничего отменить» («Краткая история о поведении Академической канцелярии»).

В 1751 г. Историческое собрание приступило к обсуждению второй части «Сибирской истории». 22 мая Миллер начал чтение 6-й главы; чтению и обсуждению этой главы было посвящено несколько заседаний, на которых Ломоносов не присутствовал.

17 сентября 1751 г. он подал просьбу в канцелярию уволить его от «присутствования» в Историческом собрании, ссылаясь на враждебное отношение к нему Миллера в связи с запрещением диссертации последнего в 1749 г.: «А в нынешних исторических собраниях читается его ж, Миллерова, “Сибирская история”, и для того опасаясь, чтобы обыкновенных его досадительных речей не претерпеть напрасно и, беспокоясь принятой от того досадою, в других моих делах не иметь остановки». Ломоносов просил позволения читать сочинение Миллера на дому и с примечаниями отсылать в Историческое собрание на рассмотрение (Биярский. С. 155—156).

Канцелярия Академии наук согласилась на это, и 23 сентября 1751 г. Ломоносову были посла-

¹ «...весьма много в ней вещей, печати недостойных...» — На рукописной копии главы 6 «Сибирской истории», бывшей в руках Ломоносова, имеется карандашная помета его рукой: «Много Миллеров надобно и тысячи лет, чтобы все мелочи описать» (архив РАН, ф. 21, оп. 5, № 12, л. 18; ср.: Модзалевский Л. Б. Рукописи Ломоносова. — М.; Л., 1937. — С. 116, № 298).

² «...первый том “Сибирской истории”...» — Напечатан в 1750 г. под названием «Описание Сибирского царства и всех происходивших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена. Книга первая». Упомянутая Ломоносовым критика отра-

ны 6 и 7 главы «Сибирской истории»; печатаемые замечания на эти главы были получены канцелярией 31 октября и направлены в Историческое собрание 20 ноября (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 120, л. 161).

В заседании Исторического собрания 27 ноября 1751 г. было заявлено, что Миллер сделал исправления согласно замечаниям Ломоносова, после чего главы 6 и 7, как и читанные в Собрании без Ломоносова главы 8—11, были одобрены Историческим собранием, и 20 декабря канцелярия распорядилась их печатать.

В дальнейшем Ломоносов несколько раз выступал против работ Миллера. В записке президенту, написанной в 1761 г., он протестовал по поводу его работы «Versuch einer neueren Geschichte von Russlands» («Опыт новейшей истории о России») [Sammlung Russischer Geschichte, Bd. V, Stücke 1—4 (Собрание русской истории. Т. V, части 1—4). СПб., 1760—1761. Первая часть этой работы (с. 1—180) появилась в переводе (Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. — 1761. Январь — март); остальные не были изданы в переводе]. Ломоносов считал, что Миллер выбирает темы, которые дают повод для тенденциозного истолкования событий не в пользу русского народа. «Миллер пишет и печатает на немецком языке смутные времена Годунова и Расстригины, самую мрачную часть Российской истории; из чего иностранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе. Или нет других известий и дел российских, где бы по последней мере и добро с худом в равновесии видеть можно было?» (Биярский. С. 492)

жена в указе Миллеру канцелярии Академии наук 19 июня 1750 г., где говорится: «Також усмотрено, что в первом томе “Сибирской истории”, который уже напечатан, большая часть книги не что иное есть, как только копия с дел канцелярских, а инако бы книга надлежащей величины не имела — то чрез сие накрепко запрещается, чтобы никаких копий в следующие темы не вносить, а когда нужно упомянуть какую грамоту или выписку, то на стороне цитировать, что она действительно в академическом архиве хранится» (Пекарский П. П. История Имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. I. С. 361).

План Русской истории

Время написания, вероятно, 1751 г.

Наброски находятся в тетради материалов к «Российской грамматике», датируемой концом 1740-х — серединой 1750-х годов.

10 сентября 1751 г. Ломоносов в письме И. И. Шувалову упоминал: «Делаю план российской истории» (acad. изд.: Т. VIII. С. 111).

Два сохранившихся наброска плана интересны как первая попытка Ломоносова обобщить процесс русской истории и ее деление на периоды, непосредственно связанные друг с другом. Первая заметка отводит истории до Рюрика значение вступления (прежде сомнительные времена), после которого начинается деле-

ние на периоды, причем последний период доходит до современности (от Петра Великого до Елизаветы). Вторая заметка усиливает значение «века древнего до Рурика», ставя его в качестве первого периода, что и было осуществлено в первой части «Древней Российской истории». С другой стороны, из плана выключается близкая история и остается лишь период до смерти Федора Алексеевича.

В процессе работы над «Российской историей» Ломоносов переработал свою периодизацию. Вторая часть «Древней Российской истории», по его замыслу охватывавшая период государственного единства Руси, раздвинулась не до смерти Владимира Святославича, а до смерти Ярослава. Концом первого этапа явилось, таким образом,

«первое главное разделение самодержавства российского» (Биллярский. С. 588).

Периодизация третьей и четвертой частей, о работе над которыми он писал в канцелярию Академии наук при сдаче рукописи первых частей 28 февраля 1763 г., соответственно изменилась: третья охватывала удельный период «до Батыева нашествия»; четвертая — период татарского владычества. Очень характерно изменение границ четвертого периода: вместо «начала царства» Ивана Грозного теперь он заканчивался Иваном III, «когда Россия вовсе свободилась от татарского насилия» (Биллярский. С. 588).

Периодизация русской истории, выработанная Ломоносовым на основе обобщения исторического процесса, имела для своего времени большое научное значение.

Примечания на рукопись «Истории России при Петре Великом» Вольтера 1757 г.

Впервые напечатано в: Московский телеграф. Ч. 20, 1828. № 6. С. 151—159.

Время написания: сентябрь — начало октября 1757 г.

Во время составления Вольтером, по предложению русского правительства, истории Петра Великого Ломоносов писал критические замечания на текст Вольтера и подготовлял часть материалов, посылавшихся ему.

Работа Вольтера началась в 1757 г., когда он, проявлявший еще с 1745 г. большой интерес к Петру Великому и желавший написать историю его царствования, получил это поручение от Елизаветы, при активном содействии графа И. И. Шувалова. Через Шувалова же велась и вся переписка с Вольтером, которому из России доставлялись исторические материалы по эпохе Петра. Уже в августе 1757 г. Вольтер писал Шувалову, что посылает восемь глав истории о Петре I (название труда он уже в следующем письме уточнил как «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand») — «легкий набросок», для которого он использовал «рукописные записки генерала Лефорта, донесения из Китая и записки Страленберга и де Пери» (письмо 7 августа 1757 г.); эти главы охватывали время от Михаила Романова до сражения при Нарве [письмо 11 августа 1757 г.: Oeuvres complètes de Voltaire, édition de Ch. Lahure et C^{ie}, t. 28. Paris, 1861 (Полное собрание сочинений Вольтера, изд. Ш. Лагюр и К^о, т. 28. Париж, 1861). С. 49—51. См. также: Письма г. Вольтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам. 1757—1773. Перевод с фр. Н. Левицкого. — М., 1808. С. 4—5, 9].

«Примечания» на первоначальный текст восьми глав Вольтера были составлены Ломоносовым в период между 2 сентября и 10 октября 1757 г. 2 сентября в письме к Шувалову он одобрил выбор Вольтера как автора для прославления дел Петра «на иностранных языках», предложил послать Вольтеру ряд имевшихся у него «записок» и обещал собрать дополнительный материал. В письме 10 октября он уже посылает «Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов» («экстракт о стрелецких бунтах»), о котором упоминается в «Примечаниях» (акад. изд.: Т. VIII. С. 196—197 и 199).

Замечания Ломоносова дошли до Вольтера в июле 1758 г. (письмо Вольтера Шувалову 17 июля 1758 г.: Oeuvres complètes, т. 28. С. 183; Письма г. Вольтера... С. 14), вместе с другими посланными из России материалами, в числе которых было, как видно из дальнейшего, и «Описание стрелецких бунтов». 1 августа 1758 г. Вольтер отправил Шувалову 14 вопросов, на которые просил разъяснений (Oeuvres complètes. — Т. 28. С. 186—188). Некоторые из этих вопросов стояли в непосредственной связи с «Примечаниями» Ломоносова.

В своих критических замечаниях на рукопись Вольтера Ломоносов исправлял многочисленные ошибки и неточности текста. Все эти поправки были приняты Вольтером. Но Ломоносов стремился также исправить и историческую концепцию Вольтера, правильно указав на недооценку им различных сторон исторического развития России. Он поправлял недостаточное и неверное представление Вольтера о естественных богатствах России и о древности и высоком уровне ее культуры.

По настоянию Ломоносова, Вольтер переработал и расширил отдел «Описание России». Ломоносов добился полной переделки главы о стрельцких бунтах, которая должна была показать политические трудности и опасности первых лет царствования Петра. Он указывал на преувеличение Вольтером роли иностранцев при Петре; он

¹ 1. «Карл XII показал... задолго до 1718 года». — Текст Вольтера, показывающий, что он использовал замечания Ломоносова, отмечается здесь и далее по жевевскому изданию первого тома «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand», 1759 (страницы в скобках).

Вольтер заменил слова «в первые 18 лет» словами «в первые годы» (1).

² 3. «...первого рангу во всей Европе». — Вольтер назвал Москву столицей империи (6).

³ 4. «Должно сделать хорошее описание и повесть». — Описание Петербурга и его окрестностей и описание Москвы были посланы Вольтеру; находятся в: РНБ (СПб.), Отдел редкой книги. Библиотека Вольтера, № 242, II, лл. 377—383. Описание Москвы было использовано им (19—24).

⁴ 5. *Стурлзон* — Снорри Стурлусон (см. примеч. 27 к работе Ломоносова «Возражения на диссертацию Миллера»).

⁵ 6. «...7 месяцев Двина бывает неприступна». — Вольтер исправил девять месяцев на семь месяцев (14).

⁶ 7. «...рыбою кормятся». — Замечание о лопарях вызвало объяснение Вольтера: в посланных 1 августа 1758 г. Шувалову вопросах он указывает, что описал лопарей «чистой крови», виденных им у польского короля Станислава, которому их подарил Карл XII; он делает предположение, что наружность лопарей изменилась от смешения с финнами. Шувалов ответил, что посылает ему экстракт о лопарях и самоедах, автор которого «провел несколько лет среди этих народов и потратил немало труда, чтобы изучить все, что касается их происхождения, языка и нравов» (Библиотека Вольтера, № 242, I, л. 353; цит. в статье А. И. Андреева «Неизвестные труды Ломоносова // Ломоносов. I. 1940. С. 299). Французский перевод этой рукописи находится в Библиотеке Вольтера (№ 242, II, лл. 373—377).

Автором экстракта был Тимофей Мерцан фон Клингштедт, служивший в свое время в Архангельском воеводском правлении. Труд его позже был издан полностью, в другом французском переводе, анонимно; в 1762 г. (без места издания) и в 1766 г. в Копенгагене, под заглавием «Mmoires sur les samojydes et les lappons» («Записки о самоедах и лопарях»), а также был переведен на немецкий и шведский языки (Андреев А. И. Труды Ломоносова по географии России // Ломоносов. II. 1946. С. 135).

Вольтер в рубрике «Laponie Russe» («Русская Лапландия») использовал этот экстракт, но в по-

протестовал против недооценки сил русской армии под Нарвой, добиваясь восстановления правды об отступлении под Нарвой.

По переработанному тексту, вошедшему в первый том труда Вольтера, можно проследить, как он использовал указания Ломоносова. Эти места отмечаются ниже.

лемическом тоне продолжал настаивать на не финском происхождении лопарей (15—19).

⁷ 8. «...столицу... в Москву перенес около 1320 году». — Вольтер в описании Москвы опустил дату — XV век (19—24).

⁸ 9. «...губернии разделены... городами». — Вольтер изъясил этот текст.

⁹ 10. «Вятка... плодоноснее». — В связи с этим замечанием Вольтер поставил дополнительный вопрос (в 14 вопросах 1 августа 1758 г.): «Ливония [Лифляндия] не есть ли плодороднейшая северная область? Простираясь по прямой черте, какая область производит столько пшеницы, как она?» В ответе ему указано, что многие: Карелия вдвое больше производит, Великороссия снабжает армию, а в Ливонию и Эстонию приходится еще ввозить хлеб, из-за войск, там расположенных. Вольтер исправил: «это одна из самых плодородных северных провинций» (9).

¹⁰ 12. «...и других рек великих?» — Описание России, составляющее первую главу «Истории» Вольтера, было им переработано по присланному «Краткому описанию России», составленному «под смотрением» Ломоносова. Французский перевод (Dйscription abrйgйe de la Russie) хранится в Библиотеке Вольтера (№ 242, II, лл. 367—372 об.). Вольтер использовал данные о Белгородской губернии (полностью), Воронеже, Нижнем Новгороде, Оренбурге. Позже, в 1759—1760 гг., Ломоносов принимал участие в составлении экстракта из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (см. его письма Шувалову 8 июля 1759 г. и 20 апреля 1760 г., акад. изд.: Т. VIII. С. 207 и 222). Французский перевод «Описания Камчатки» хранится в Библиотеке Вольтера (№ 242, II, лл. 287—307 об.).

¹¹ 13. «Ола вместо Ольга». — Вольтер исправил: «Olha ou Olga» (66).

¹² 14. «...не для того... что прадед был патриарх». — Вольтер исправил редакцию: «C'est d'un homme devenu Patriarche de toutes les Russies que descendait Pierre le Grand en droite ligne» («Петр Великий происходил по прямой линии от человека, который стал патриархом всей Руси») (68).

¹³ 15. «Сомневаюсь». — Вольтер исправил редакцию: «La Livonie seule vaut mieu quo n'a valu longtems toute la Siberie» («Одна Ливония ценнее, чем долгое время была вся Сибирь») (75).

¹⁴ 18. «...наконец патриархом». — Вольтер добавил о насильственном пострижении Ф. Н. Романа Борисом (80).

¹⁵ 22. «...родился 30 мая». — Вольтер исправил дату рождения Петра (90).

¹⁶ 23. «...Наталья». — Вольтер исправил о Софье: третья из дочерей от первого брака (92).

¹⁷ 24. «...тетка». — Упоминание о Татьяне Вольтером опущено.

¹⁸ 25. «...жила в дворце». — Вольтер исправил: «ne prit point le parti du couvent» («не была еще в монастыре») (92).

¹⁹ 26. «...экстракт о стрелецких бунтах». — См. в настоящем издании. Эта работа Ломоносова была положена Вольтером в основу IV и V глав окончательного текста, посвященных стрелецкому бунту и правлению царевны Софьи.

²⁰ 28. «...dîbauches de table». — Вольтер оставил: «Les liens serieux du mariage ne le retiennent pas assez» («Законные узы брака недостаточно сдерживали его»); но заменил «dîbauches de table» («разгульные пиры») словами «plaisirs de la table» («веселье пиров») (116).

²¹ 29. «...ложное известие». — Сведения о ботике у Вольтера здесь опущены, перенесены дальше (119).

²² 31. «...отдано Лефорту». — В письме Шувалову 7 августа 1757 г. при посылке наброска восьми глав Вольтер указывал, что одним из его первых источников были рукописные записки о генерале Лефорте, переданные ему семьей Лефорта (письмо Шувалову 17 июля 1758 г.: Oeuvres complètes. Т. 28. С. 184; Письма г. Вольтера... С. 14). Глава VI «Règne de Pierre Premier» («Царствование Петра I») имеет ссылки на рукописи генерала Лефорта. Вольтер имел в виду записки, составленные, вероятно, в 20-х годах XVIII в. племянником Франца Лефорта, синдиком Людвигом.

См.: Posselt M. Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte Peter's des Grossen (Поссельт М. Генерал и адмирал Франц Лефорт. Его жизнь и его время:

Материалы к истории Петра Великого). Ч. I. Франкфурт-на-Майне, 1866. С. 13.

²³ 32. «...почитает иностранными». — Замечание относится к содержанию главы VIII печатного текста «Expedition vers les Palus Meotides. Conquête d'Asoph» («Экспедиция к Азовскому морю. Взятие Азова»).

²⁴ 33. «...Ромодановскому». — Замечание относится к главе IX «Voyages de Pierre le Grand» («Путешествия Петра Великого»). Вольтер (145, 146) исправил имена согласно указанию Ломоносова, взятому из записок А. А. Матвеева; но Ломоносов сам здесь ошибся, так как этим боярам было поручено управление Москвой, а не управление государством (см.: Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. — СПб., 1912. — С. 75).

²⁵ 35. «Разве грузинский». — Вольтер исправил на: *принц грузинский* (151).

²⁶ 40. «...неправедно и коротко очень». — Замечание относится к главе, в печатном тексте получившей номер XI («Война со шведами. Сражение при Нарве»). Эта глава, вероятно, дополнена Вольтером; он ссылается на присланный ему журнал Петра, т. е. «Журнал, или Поденная записка Петра Великого, с 1698 г.» (издан М. Щербатовым. СПб., 1770—1772. В 2-х томах).

²⁷ «NB. Многие российские имена написаны не исправно». — Замечание о несоответствии французской транскрипции с русским произношением было позже повторено Г. Ф. Миллером и И. И. Таубертом, которые писали замечания на первый том «Истории» Вольтера, вышедший из печати. Однако уже в письме Шувалову 1 августа 1758 г. Вольтер настаивал на своем праве пользоваться французской транскрипцией в тексте своего труда, обещая дать в подстрочных выносках русское произношение. Эти выноски сделаны в главе «Описание России» для ряда географических названий.

Замечания на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера

Впервые напечатано в: Московский вестник. 1829. Ч. V. С. 158—163. Время написания — 1760 г.

Первый том «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'auteur de l'Histoire de Charles XII» был издан в 1759 г. в Женеве 6 октября 1759 г. Вольтер сообщал И. И. Шувалову, что том им закончен, а в ноябре печатный экземпляр был отправлен в Петербург на просмотр [Oeuvres complètes de Voltaire, édition de Ch. Lahure et C^{ie}, t. 28. Paris, 1861 (Полное собрание сочинений Вольтера, изд. Ш. Лагюр и К^о. Париж, 1861). С. 322—351; Письма г. Вольтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам, 1757—1773. Перевод с фр. Н. Левицкого. М., 1808.

С. 49]. Однако эта посылка не дошла до Петербурга. Печатный экземпляр был перехвачен и перепечатан в Гааге, о чем Вольтеру стало известно в начале августа 1760 г. (Oeuvres complètes. Т. 28. С. 410). Вольтер послал в Россию другой экземпляр (письмо Шувалову 1 апреля 1760 г.: Oeuvres complètes. Т. 28. С. 400—401). Таким образом, первый том попал в руки русских читателей лишь в первой половине 1760 г. Он подвергся сильной критике, в том числе со стороны Г. Ф. Миллера и И. И. Тауберта, которые написали ряд замечаний. Замечания Ломоносова относятся лишь к небольшой части книги.

Вольтер просил русское правительство, в лице Шувалова, одобрить его работу, обещая, в случае необходимости, перепечатать некоторые страницы (письмо 14 мая 1760 г.: *Oeuvres complètes*. Т. 28. С. 431 и 487; Русская беседа, 1857, I. С. 44). Однако после гаагской контрафакции женевские издатели выпустили том в продажу. Книга быстро разошлась. В 1761 г. первый том был перепечатан в Лионе, Амстердаме и Лейпциге. Никаких поправок Вольтер в него не внес, несмотря на обещания Шувалову, в письмах 19 сентября и 18 ноября 1761 г. и 14 января 1762 г., исправить первый том, как и второй том, который в это время им заканчивался, согласно указаниям из России (*Oeuvres complètes de Voltaire*. Т. 29. Париж, 1861. С. 285, 326, 357). Об истории издания см. еще: *Voltaire*.

¹ 1. «*Saique вместо Jaïque [Яук]*» — опечатка в женевском издании 1759 г. (с. 1, предисловие). В дальнейшем страницы указаны по этому изданию.

² 2. «...о Карле XII...» — Идет речь о приводимом Вольтером (в предисловии. С. 11—13) письме графа де Трессан, от 11 июля 1759 г., написанном по поручению польского короля Станислава в удостоверение того, что король одобрил «Историю Карла XII» («*Histoire de Charles XII roi de Suede*». Par Mr. V***. Dixieme édition... plus ample et plus correcte que toutes les precedants... A Basle, 1740) и засвидетельствовал правильность всего сказанного Вольтером о Польше.

³ 3. «...скифом называет...» — Замечание относится к с. 28.

⁴ 4. «*Патриарх Константин писал Историю*». — Замечание относится к с. 7. Вольтер основывался на книге Страленберга: *Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm, 1730 (Северная и восточная часть Европы и Азии. Стокгольм, 1730), где автором Синописа назван некий «патриарх Константин» (см.: *Словарь исторический о писателях духовного чина*. Ч. I. СПб., 1818. С. 211).

⁵ 5. «*Описание Санкт-Петербурга весьма дурно*». — Замечание относится к с. 11—13.

⁶ 6. «*Лопари... с финнами одного поколения...*» — Разъяснение о лопарях вызвано повторением Вольтером его прежних утверждений в рубрике «*Laponie Russe*» («Русская Лапландия»): «лопари цветом красно-буры, хотя другие северные народы белы» (с. 15).

⁷ 7. «*Имя славенское esclavons... примечание*». — У Вольтера (с. 25) «*les anciens slaves ou slavons*». Соображения Ломоносова о постепенном упрочении правильной транскрипции «славяне» у византийских авторов ср. с рассуждением о древности славян в «Древней Российской истории», гл. 3, со ссылкой на выговор Плиния.

⁸ 8. «...у Бандурия... сфлавы, у Кедрина славь». — В действительности у Бандури славь [имеется в

Bibliographie de ses oeuvres par Georges Bengesco. Т. 1. Paris, 1882—1885 (*Бенжеско Ж.* Библиография произведений Вольтера. Т. 1. Париж, 1882—1885). С. 397—405.

Замечания Ломоносова, отчасти повторяя прежде сделанные им поправки, вносят и новые исправления и уточнения. Часть их имеет целью поднять научный уровень изложения Вольтера; большое значение имеют замечания 10, 11, 12 (о переходе украинцев под покровительство России, о покорении татар Иваном IV, о роли А. И. Чирикова во Второй Камчатской экспедиции), в которых Ломоносов выдвигает исторические факты, свидетельствовавшие о росте силы и независимости национального русского государства.

виду: *Banduri A. Imperium orientale, sive antiquitates Constantinopolitanae*. Parisiis, 1711 (Восточная империя, или Константинопольские древности. Париж, 1711). Т. I. Предисловие. С. 4], а у Кедрина *aygaboz* [*G. Cedrenus. Compendium historiarum*. Parisiis, 1647 (Сокращенная история. Париж, 1647)].

⁹ 12. «...карту оных мореплавателей». — Имеется в виду изданная в 1758 г. Г. Ф. Миллером «Карта, представляющая изобретения, российскими мореплавателями на северной части Америки с около лежащими местами в разные путешествия учиненные». Ломоносов правильно указал на ведущую роль русского капитана А. И. Чирикова во Второй Камчатской экспедиции, полностью подтвержденную современными исследователями.

¹⁰ 13. «...совсем ложно...» — Объяснение Ломоносова о происхождении «царь» от «цесарь» было вызвано тем, что Вольтер, еще в вопросах 1 августа 1758 г., следуя Страленбергу, считал, что название *tsars* стало известно со времени завоевания Сибири, и сомневался, может ли этот титул сибирских владетелей происходить от *cesar*.

¹¹ 13. «...см. Кедрина, с. 712...» — О Кедрине см. примеч. 8.

¹² 14. «*Фотий... чего отнюдь не бывало*». — Замечание относится к с. 67.

¹³ 15. «...государево родословие». — Замечание относится к с. 80. Здесь говорится о царе Михаиле: «сын архиепископа Ростовского, по имени Филарет, и монахини». Вольтеру были посланы родословные таблицы Романовых, сохранившиеся в его фонде.

¹⁴ 16. «*Епархий... мало поставлено*». — Замечание относится к с. 72.

¹⁵ «Вдовство чисто в паганах хранилось». — Относится, по-видимому, к с. 66, где говорится об Ольге по поводу сватовства Цимисхия: «*Arragement qu'elle йtait veuve*» («Вероятно, она оставалась вдовой»). В паганах — у язычников.

¹⁶ «...см. 413 лист сентября четвертого». — Ссылка на имеющуюся у Ломоносова рукопись Пролога или Четьи-Минеи нами не раскрыта.

Идеи для живописных картин из Российской истории

Впервые напечатано: Записки Академии наук. Кн. 1. 1868. Т. XIII. С. 180—186.

Время написания — не позднее 24 января 1764 г.

Описание сюжетов для исторических картин находится при письме Ломоносова вице-канцлеру А. М. Голицыну 24 января 1764 г.; Ломоносов просил его содействия, желая использовать материалы архива Коллегии иностранных дел для уточнения аксессуаров в исторических картинах. По поручению Екатерины II, переданному И. И. Бецким, Ломоносов «выбрал из российской истории знатные приключения для написания картин», которые должны были «украсить при дворе некоторые комнаты». «Немалый здесь нахожу недостаток, — писал он, — в изображении старинного нашего платья разных чинов. Сведение о сем сыскать едва ли где лучше можно, как в архиве Коллегии иностранных дел. Особенно ж есть в оной описание коронации и других церемоний государя царя Михаила Федоровича, с личными изображениями на пергаменте» (акад. изд.: Т. VIII. С. 288—289).

Ломоносов имеет в виду материалы «Книги об избрании на царство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича» (издана архивом Министерства иностранных дел. М., 1856) и «Описания в лицах торжества, происходившего в

1626 году февраля 5 при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Федоровича с государыней царицей Евдокией Лукьяновной из рода Стрешневых» (издано П. Бекетовым. М., 1810).

На письме Голицыну имеется помета: «По сему послан приказ в Московский архив 29 генваря 1764 г.».

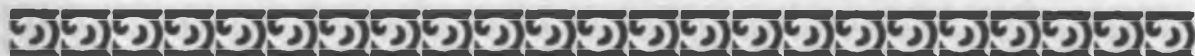
Выбранные Ломоносовым исторические сюжеты относятся к допетровскому времени; темы событий, связанных с Петром I, были уже использованы им в проекте монумента Петру, составленном в 1758 г., который включал серию крупных мозаических картин исторического содержания (Ломоносов. Сб. М.; Л., 1951. С. 475—479). Описание некоторых сюжетов, предложенных Ломоносовым, близко совпадает с изложением этих событий в «Древней Российской истории»: князь Олег приступает к Царюграду сухим путем на парусах; Олег, угрызен от змея, умирает; взятие Искореста; избавление Киева от осады печенежской смелым переплытием россиянина через Днепр; сражение Святослава с печенегами в порогах; основание христианства в России; Горислава; совет Владимиру от духовенства; единобожество князя Мстислава.

Ломоносов видел в создании исторических картин дело, «служащее к чести российских предков» (акад. изд.: Т. VIII. С. 288), средство популяризации героического прошлого русского народа.

¹ 2. «...фигуры идольские есть у меня в лицах и описанные...» — Ломоносов, по-видимому, имеет в виду изображения и описания языческих божеств в использованных им для «Древней Российской истории» книгах Гарткноха «История Старой и Новой Пруссии» (Франкфурт и Лейпциг, 1684) и Арнкила «Языческая религия кимбров» (Гамбург, 1691).

² 13. «...со старого и угрюмого портрета...» — Ломоносов, вероятно, имеет в виду портрет Ивана Грозного, оригинал которого находился, по свидетельству Я. Я. Штелина, в старом Зимнем дворце (Ровинский Д. Русские граверы. М., 1870. С. 194), гравированный Ив. Штенглином для серии царских портретов, изданной в 40-х годах XVIII в.

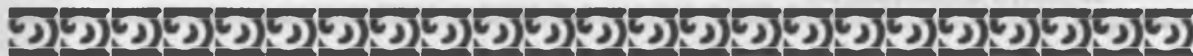
А. И. Андреев, В. Р. Свирская



ПИСЬМА И ЗАПИСКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Письма и записки разных лет





1749, января 27. В. Н. Татищеву

Милостивый государь Василий Никитич!

Письмо, чрез которое ваше превосходительство изволили мне объявить об удостоении меня вашего снисходительства, принесло мне немалую радость, ибо, кроме того, что особою вашего превосходительства к почтению всяк побужден быть должен, имел я издавна желание изыскать случай, как бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что об охоте вашей к российскому языку слышал довольно, к которому и я труд свой по силе прилагаю. Сие желание паче моего чаяния ныне исполнилось, и сообщенное мне от вашего превосходительства предызвещение о «Российской истории» и прочие ваши примечания, от г. советника Шумахера мне сообщенные, прочитал с великою охотою и радостью об успехах, которые ваше превосходительство в российской истории имеете. По требованию вашего превосходительства, приношение Его Высочеству, сочиненное мною, при сем прислать честь имею и отдаю на ваше рассуждение. Что до предызвещения надлежит, то оное весьма изрядно и во всем достаточно и поправления никакого не требует, разве только о следующем подумать можно: ваше превосходительство изволили показать в причине, для чего не соблаговолили к сочиненной вами истории присовокупить жизни государя императора Петра Великого, что, упоминая худые дела знатных некоторых людей, не досадить бы их фамилии, то сие правило надлежит, по моему мнению, наблюдать и в самом предыз-

вещении. Однако оному противное находится при ответе князя Долгорукого, о чем ваше превосходительство сами больше рассудить можете¹. Совет вашего превосходительства о предложении псалмов мне весьма приятен, и сам я давно к тому охоту имею, однако две вещи препятствуют. Первое — недосуги, ибо главное мое дело есть горная наука, для которой я был нарочно в Саксонию послан, также химия и физика много времени требуют, кроме текущих дел в Академических собраниях; второе — опасение, ибо я не смею дать в предложении другого разума, нежели какой псаломские стихи в переводе имеют. Так, принявшись предлагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: «Змий сей, его же создал еси ругатися ему», вместо: «се кит, его же создал еси презирати оное» (то есть море, его пространство).² Псалма, предложенного Феофаном, архиепископом, при письме вашего превосходительства не нашлось, и думаю, что он ошибкою остался. При сем имею честь прислать вашему превосходительству все оды, мною сочиненные и в печать изданные³, и впредь моими сочинениями с охотою вашему превосходительству служить готов, как и ныне пребываю с глубоким почтением

*вашего превосходительства
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов*

*Января 27 дня
1749 году*

Приложение

Пресветлейший государь великий князь,
милостивейший государь.

Дела бывших в России владетелей, а особливо самодержавных Вашего Императорского Высочества предков коль велики, ясно показывают широко распространенные пределы сего государства, но как оное возрасало и умножение его могущества и славы коль тяжким затруднениям подвержено было и как оные преодолены, о том весьма немногие знание имеют, лишаясь достоверного описания деяний российских, чрез что похвала государей, заслугами своими Россию одолживших, равно как и древнего российского народа славное имя затмевается и добрые примеры мужественных поступков и премудрых поведений остаются в закрытии. Искренняя моя любовь и горячее усердие к отечеству побудили меня по моей возможности пособить сему недостатку, и для того еще при жизни блаженные и бессмертные памяти государя императора Петра Великого начал я прилагать крайнее мое старание к собранию и приведению в порядок российской истории из раз-

ных книг рукописных российских и некоторых иностранных авторов. Плод сего моего многих лет труда есть настоящая книга, которую приношу в честь вашему высочеству и уповаю, что, подражая Петру Великому, который воспоминанием славных дел предков своих часто увеселялся и описания оных охотно читать изволил, Ваше Высочество сей мой труд милостивейше принять изволите. В нем найдется немало таких примеров, которые природную добродетель к достохвальным делам побуждать могут.

Вашего Императорского Высочества превосходные достоинства подают бессмертную надежду, что во время, определенное от Бога, ревностного подражателя бессмертным к себе заслугам венчанных в Вашем Высочестве увидит Россия, с которою купно приношу ко Всевышнему усердые желания, да благословит и укрепит Ваше Высочество силою своею к общему нашему благополучию, и ежели судьба его такой предел положила, что несравненных дел Петра Великого человеческой силе превысить невозможно, то да присовокупит к дражайшей жизни Вашего Высочества оныя лета, которых верные сынове отечества Его Величества по смерти желали.

2

1751, сентября 4.

В канцелярию Академии наук

Доношение

1

Сначала учреждения Исторического собрания по определению сиятельного Академии президента велено было мне с прочими профессорами присутствовать в Историческом собрании, что я и исполнял по самое тое время, пока помянутые собрания бывшими в 1749 году следствиями диссертаций профессора Миллера не прекратились.

2

И как канцелярии Академии наук известно, коль много принужден я был от по-

мянутого профессора Миллера ругательств и обиды терпеть напрасно, а в нынешних Исторических собраниях читается его же, Миллерова, «Сибирская история», и для того опасаясь, чтобы обыкновенных его досадительных речей не претерпеть напрасно и, беспокоясь принятой от того досадою, в других моих делах не иметь остановки.

3

Ибо, кроме тех упражнений, которые в лаборатории почти всегда моего присутствия требуют, и кроме академических кон-



ЦАРЬ ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ.

Из книги «Российский царственный дом Романовых». 1852—1853 гг.



ПРАВИТЕЛЬНИЦА СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА.

Из книги «Российский царственный дом Романовых». 1852—1853 гг.

ференций, положена почти на меня одного должность профессора поэзии и красноречия российского, к чему я всегда готов быть должен, и сверх сего другие начатые мною части словесных наук на российском языке привести к концу надобно¹, что все особенного времени требует. А особенно, что трагедия², которую Ее Императорское Величество указали мне сочинить, три раза в неделю в Собрание ходить никак не позволяет.

Того ради канцелярию Академии наук прошу, дабы его сиятельству Академии

президенту представила о моем увольнении от Исторических собраний и только позволить сочинения профессора Миллера читать на дому и с примечаниями моими отсылать в помянутое Собрание на рассуждение.

*Коллежский советник
и профессор Михайло Ломоносов*

*Сентября 4 дня
1751 года*

3

1753, января 4. И. И. Шувалову

Милостивый государь Иван Иванович!

Неоднократное вашего превосходительства к сочинению «Российской истории» ободрение хотя я всегда принимал за истинный знак вашего обо мне милостивого мнения, однако вашего превосходительства полученным от 28-го числа декабря ко мне письмом, преисполненным природного вашего снисхождения и склонности к наукам, столько я об оном удостоверился, что, в крайней моей к вам благодарности погружен, почитаю ваше справедливое желание, которое соединено с пользою и славою отечества. Я бы от всего сердца желал иметь такие силы, чтобы оное великое дело совершением своим скоро могло охоту всех удовлетворять, однако оно само собою такого есть свойства, что требует времени. Коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возможною способностью древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются, то весьма чувствую. И, читая от вашего превосходительства ко мне писанные похвалы, которые мое достоинство далече превосходят, благодарю от всего сердца и, радуясь, по предприятию моему намерению со всякою ревностью в собрании нужных известий стараюсь, без которых отнюдь ничего в истории предпринять невозможно. Могу вас, милостивого государя, уверить в том заподлинно, что первый том в нынешнем

году с Божиею помощью совершить уповаю. Что ж до других моих в физике и в химии упражнений касается, чтобы их все покинуть, то нет в том ни нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов упокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостями или с домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом, от чего я уже давно отказался, затем что не нашел в них ничего, кроме скуки. Итак, уповаю, что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение «Российской истории» и на украшение российского слова¹ полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтобы их вместо бильярда употребить на физические и химические опыты, которые мне не токмо отменю материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют и сверх сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могут едва меньше ли первой. Когда ваше превосходительство меня удостоверить изволите, что мои сочинения в прозе не противны, то можете иметь в том новый опыт, ежели мне в будущий 1754 год повелено будет говорить похвальное слово Петру Великому в публичном Академическом собрании, на что я готов положить все свои силы. Что ж до кончания моего всепокорнейшего прошения надлежит о фабрике², то не думайте, милостивый государь, чтобы она могла мне



И. И. Шувалов

препятствовать, ибо тем закончатся все мои великие химические труды, в которых я три года упражнялся и которые бесплодно потерять мне будет несносное мучение и много большее препятствие, нежели от самих оных опасаться должно. Итак, уповая чрез милостивое ваше предстательство прошению моему скорого ре-

шения достигнуть, с глубоким высокопочтением пребываю

*вашего превосходительства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов*

*В Санкт-Петербурге,
января 4 дня
1753 года*

4

1753, февраля 22—23. К. Г. Разумовскому

Сиятельнейший граф, милостивый
государь Кирилла Григорьевич!

Хотя вашему сиятельству по всякую треть подаваемые о профессорских упражнениях рапорты чрез Академическую канцелярию, без сомнения, уведомляют и мне бы ваше сиятельство ут-

рудждать повторением известия не должно было, однако настоящая моя нужда к тому меня приводит. Кроме моих упражнений в химических лекциях, в словесных науках и в приуготовлении к сочинению «Российской истории», делал многочисленные опыты в изыскании разноцветных стеклянных составов, первое, для

того чтобы... и для того Академическую канцелярию просил о позволении и о пашпорте, но она тем отговорила, что без вашего сиятельства благоволения меня отпустить не может. Но как, милостивый государь, зимняя дорога скоро испортится, а позволения от вашего сиятельства меньше двух недель получить не уповаю,

для того, надеясь на отеческую вашего сиятельства милость, принял намерение для такой моей крайней нужды просить отпуску от Конторы Правительствующего Сената, в чем, всеуниженно прося милостивейшего снисхождения, с глубочайшим и усерднейшим высокопочитанием пребываю.

5

1754, декабря 30. И. И. Шувалову

Милостивый государь Иван Иванович!

Из вчерашнего вашего превосходительства милостивого разговора приметил я, что злоба преодолевает благости, подкрадываясь под святость высочайших повелений. Итак, ежели невозможно, чтобы я по моему всепокорнейшему прошению был произведен в Академии для пресечения коварных предприятий, то всеуниженно ваше превосходительство прошу, чтобы вашим отеческим предстательством переведен я был в другой корпус, а лучше всего в Иностранную коллегию, где не меньше могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имея случай употреблять вспоможение архивы к продолжению «Российской истории». Я прошу Всевышнего Господа Бога, дабы он воздвиг и ободрил ваше великодушное сердце в мою по-

мощь и чрез вас бы сотворил со мною знамение во благо, да видят ненавидящие мя и постыдятся, яко Господь помог ми и утешил мя есть из двух единым, дабы или все сказали: камень, его же небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла, от Господа бысть сей¹, или бы в мое отбытие из Академии ясно оказалось, чего она лишилась, потеряв такого человека, который чрез толь много лет украшал оную и всегда с гонительми наук боролся, несмотря на свои опасности. Ожидая того или другого в твердом на милостивейшее ваше ходатайство уповании, с усердным глубокопочитанием пребываю

*вашего превосходительства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов*

*Декабря 30 дня
1754 года*

6

1757, сентября 2. И. И. Шувалову

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученное от вашего превосходительства милостивое письмо¹ с радостью прочитал и уведал я неперменное ваше старание о прославлении бессмертных дел блаженных памяти государя императора Петра Великого на иностранных языках. К сему делу, по правде, г. Вольтера никто не может быть способнее, только о двух обстоятельствах несколько поду-

мать должно. Первое, что он человек опасный и подал в рассуждении высоких особ худые примеры своего характера. Второе, хотя довольно может он получить от нас записок, однако перевод их на язык, ему знаемый, великого труда и времени требует. Что до сего надлежит, то принимаю смелость предложить следующее. Во-первых, должен он себе сделать краткий план, который может сочинен быть из сокращенного описания дел государевых², кото-

рое я имею, к чему он и сочиненный мною панегирик³ не без пользы употребить может, ежели на французский язык переведен будет. Профессор Штрубе перевел уже великую его часть, однако я не мог упротить, чтобы он привел к окончанию, а приказать власти не имею. По сочинении плана и по его сюда сообщению думаю, что лучше к нему посылать переводы с записок по частям, как порядок в плане покажет, а не все вдруг. И как станет он сочинять начало, между тем прочий перевод поспевать может, и так сочинение скорее начаться и к окончанию приходить имеет. Ускорение сего дела для престарелых лет Вольтеровых⁴ весьма надобно.

У меня сколько есть записок о трудах великого нашего монарха, все для сего предприятия готовы. О состоянии России во время царствования государя царя Михаила Федоровича должно сделать краткий экстракт из летописцев наших, к чему я могу употребить несколько времени. Анекдоты при начале сего сочинения не так нужны, притом же нет уже никого, кто бы детские лета государевы помнил, одна-

ко и о том постараюсь, чтобы хотя от других слышанное слышать⁵. При сем имею честь прислать к вашему превосходительству первый лист моей речи, которую буду говорить в 6 число сего месяца в Академическом публичном собрании. А как обыкновенно такие речи подаваны были прежде в 5 число Ее Императорскому Величеству всемилостивейшей государыне, того ради ваше превосходительство всепокорнейше прошу, чтоб я мог удостоиться быть на сие торжество в Царском Селе как для подания речи, также чтобы ваше превосходительство поздравить с пресветлым праздником и с возвращением дражайшего вашего здоровья, о которого слабости безмерно я соболезнавал. Ожидая милостивого соблагования, с глубоким высокопочитанием пребываю

*вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов*

*Из Санкт-Петербурга,
сентября 2 дня
1757 года*

7

1757, октября 10. И. И. Шувалову

Милостивый государь Иван Иванович!

Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов¹ еще переписав, имею честь подать чрез сие письмо вашему превосходительству. Сами можете отметить, что вам не рассудится за благо перевести на французский язык. Сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Феодора стараюсь привести к окончанию подобным образом. Всепокорнейше прошу не причесть мне в предосуждение, что о своих свидетельствах и трудах при сем прилагаю². Не ради своего самохвальства то сделать осмелился, но

чтобы себя оборонить от моих презрителей и поносителей «с верху Парнаских гор долой»³. Домашние мои заботы в рассуждении строения⁴ фабрики и прочего приходят к окончанию, и я уповаю доказать великими доводами в самом деле, что оные слова — самая пустошь. В ожидании обещанного портрета⁵, хотя и в нетерпеливости, однако, как завсегда, с глубоким высокопочитанием пребываю

*вашего превосходительства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов*

*Октября 10 дня
1757 года*

1759, декабря 30. М. И. Воронцову

Сиятельнейший рейхс-граф, милостивый
государь Михайло Ларионович!

В надежде на высокую вашего сиятельства милость принимаю дерзновение утруждать вас, милостивого государя, всеуниженным прошением, касающимся больше до общей, нежели до моей пользы, в котором уповаю милостивейшего от вашего сиятельства извинения, когда вам усердные мои труды представлю. Через пятнадцать лет нес я на себе четыре профессии¹, то есть в обоим красноречии, в истории, в физике и в химии², и оные отправление не так, чтобы только как-нибудь препроводить время, но во всех показал знатные изобретения: в красноречии ввел в наш язык свойственное стихов сложение и штиль исправил грамматическими и риторическими правилами и примерами в разных сочинениях; в физике — разные публичные речи и диссертации в «Комментариях», от великих ученых людей весьма похваленные; в истории — показанное истинное происхождение российского народа в первом томе «Истории Российской»; в химии, кроме других изобретений, мусия. Сверх сего уже три года отправляю дела канцелярские³, — стараясь о распространении наук в отечестве. В гимназии через тридцать лет было такое бедное состояние, что учащиеся ходили в классы в толь нищенском виде, что стыдно было их показывать честным людям; получая жалованье, на пищу отцам своим отдавали и, будучи голодны и холодны, мало могли обучению думать и сверх сего хождением домой чрез дальное расстояние и служением дома отцу и матери теряли почти все время, имели случай резвиться и видеть дома худые примеры. Для того не дивно, что с начала гимназии не произошли не токмо профессоры или хотя адъюнкты доморощенные, но ниже достойные студенты. Ныне, по моему представлению и старанию, все гимназисты чисто одеты одинаковым зимним и летним платьем, имеют за общим

столом довольную пищу, время употребляют на учение и ведут себя порядочно, и потому были в один уже год несколько в классах произвождений, и восемь человек от Профессорского собрания удостоены в студенты по строгом экзамене⁴. Введенными мною российскими классами в гимназии пользуются не токмо россияне, но и чужестранцы. Таким же образом и об университете крайне стараюсь, но мало к тому моего авторитету. Товарищи мои по канцелярии⁵, имея в смотрении людей нижних чинов, легко могут с ними управиться. Напротив того, мне в нынешнем чине не сметь и напомнить профессорам об исполнении должностей, что почитают за обиду и ходят по знатым домам, с ложными жалобами. Нынешний отъезд его сия-



Граф М. И. Воронцов

тельства, милостивого государя графа Кирилла Григорьевича необходимо требует особого учреждения, затем что два иностранных в канцелярии члены против меня перевес имеют, который я чувствую не без остановки приращения ученых россиян. Великий Академический корпус, состоящий из многих департаментов, неотменно должен иметь вице-президента, ибо оные положены в много меньших командах. К сему ежели кто определен будет извне Академии, то никакой не воспоследует почти пользы, затем что он долго будет должен признаваться ко внутреннему академическому состоянию и между тем чужих умов слушать, которые в Академии коль несогласны, довольно известно. Напротив того, будучи двадцать лет в сем корпусе в разных чинах и уже девять лет советником⁶, три года членом канцелярии и прежде в нескольких бывших в ней комиссиях быв судьей⁷, и сверх того, отправляя разных профессоров должности и чрез то вызнав и высмотрев

во всей Академии, где есть излишества и недостатки, совершенное право имею все-нижайше просить о произведении меня в оное достоинство, представляя при том истинную и врожденную мою любовь и ревность к отечеству и к наукам, которая всего чувствительнее в моем сердце. Для сих причин не сомневаюсь, что, ваше сиятельство, будете мне в получении оного, по древней вашей отеческой милости, предстатель и помощник и тем вяще ободрите мое рачение к размножению в отечестве природных ученых людей, в которых не без сожаления видим великий недостаток. В ожидании такой вашей высокой отеческой милости с глубоким высокопочитанием пребываю,

*милостивый государь,
вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов*

*Декабря 30 дня
1759 года*

9

1762, июля 25. Г. Г. Орлову

Милостивый государь
Григорий Григорьевич!

О брадуй Всевышний Господь ваше превосходительство, сколько я милостивым вашим присланием обременен сего дня. Подай вам во весь век столько чувствовать удовольствия, как я ныне. Но оно бесконечно умножится, когда совершение вашего благодеяния, истинно отеческого, воспоследует, ибо оным все истинные сыны отечества от уныния восстановлены или, лучше сказать, воскрешены будут. Напротив того, явные недоброты российские, в коварных своих происках ослабясь, не как станут насягать на нас дерзостно. Ныне время златой здешним наукам век поставить и от презрения

(в которое я было сам первый попал) избавить возлюбленный российский род¹! Не укусни, милостивый государь, в отчаянии и дряхлости сегоущее учащееся здесь юношество оживить отрадою и показать, что ваше превосходительство Бог возвысил истинным сыном отечества на защищение верных природных подданных Ее Величества. В надежде несомненного отеческого вашего покровительства с глубоким высокопочитанием пребываю

*вашего превосходительства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов*

*Июля 25 дня
1762 года*

1763, июня 18. М. И. Воронцову

Сиятельнейший рейхс-граф,
милостивый государь
Михайло Ларионович!

Высокомилостивое от вашего сиятельства обнадежение о моем заступлении от моих ненавистников и гонителей уверяет меня о снисходительном принятии моего всеуниженного мнения и представлении моего дела, которое за необходимо нужное почитаю вам, милостивому государю и отцу, изъяснить, прежде нежели ваше сиятельство действительно употребите важное ваше заступление и представительство. По пословице, что никто лучше не знает, где сапог ногу давит, как тот, кто его носит, вашему сиятельству довольно известно, какие распри, тяжбы и

почти волнения у Шумахера почти со всеми профессорами с начала Академии, с советником Нартовым и с другими академическими российскими служителями, и что так же поступает его зять и наследник¹, и можете милостивейше рассудить, сколь много я от обоих ношу коварных нападков. Итак, не могу больше терпеть таких злодейских гонений, и сил моих нет больше спорить, и, наконец, намерен остатки изнуренных на науки и на тщетные споры дней моих препроводить в покое, который мне двумя способами от всемилостивейшей государыни пожалован быть может. Первое, буде поручены мне будут ученые, поныне в моем смотрении бывшие академические департаменты в единственную дирекцию, выключая других товарищей, кои мне по сю пору мешали в добрых предприятиях; или мне дать полное увольнение от всех дел академических, ибо я не могу отнюдь тягаться и совсем боюсь иметь г. Тауберта товарищем, или командиром, или подчиненным, и, словом, никакой по ученым делам коннекции, искусством изведав, коль мне от него обороняться тяжело, и спорить с таким коварным и неусыпным наветником горестно, и бесполезно, и вредно слабому моему здоровью. При сем, однако, уповаю на всесильную божескую десницу, что меня еще укрепит в трудах, служащих к размножению и установлению наук в России, ежели по первому моему желанию всемилостивейше благоволено будет. Для показания и лучшего изъяснения вышеписанных всеуниженно прошу вас, милостивого государя, дозволить мне с час времени, когда благоволите, прежде приезде Ее Величества в Царское Село², для уверения вашего о моей справедливости и для показания границ моего законного искания, чего несомненно ожидая, с достодолжным высокопочитанием пребываю

вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов

Июня 18 дня
1763 года



Граф Г. Г. Орлов

11

1764, января 24. А. М. Голицыну

Милостивый государь,
князь Александр Михайлович!

Ваше сиятельство всепокорнейше просить принимаю смелость об учинении мне милостивого вспоможения в произведении некоторого дела, служащего к чести российских предков. Всемилоостивейшая государыня благоизволила повелеть чрез его превосходительство Ивана Ивановича Бецкого, чтобы я выбрал из российской истории знатные приключения для написания картин, коими бы украсить при дворе некоторые комнаты. Немалый здесь нахожу недостаток в изображении старинного нашего платья разных чинов. Сведения о сем

ыскать едва ли где лучше можно, как в архиве Коллегии иностранных дел. Особливо ж есть в оной описание коронации и других церемоний государя царя Михаила Федоровича с личными изображениями на пергаменте. Сообщением сего можете, милостивый государь, подать мне великое вспомоществование¹. В уповании сего, как и zawsze, с достодолжным высокопочтанием пребываю

*вашего сиятельства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов*

*Января 24 дня
1764 года*

12

1764, мая 9. М. И. Воронцову

Сиятельнейший рейхс-граф, милостивый
государь Михайло Ларионович!

Оказанные вашего сиятельства высокие отеческие ко мне милости уже издавна многократно уверили, коль велико и коль истинно любление ваше к наукам. Ныне же новое подтверждение вяще и вяще о том засвидетельствует. Вашим представлением воспоследовавшее принятие меня в члены Академии Болонского института не меньше служит к чести отечества, нежели к моей похвале, за что от обоих заслужили ваше сиятельство достодолжную благодарность, которую воздавать вам, милостивому государю, не премину до смерти. Помянутой Академии через приложенное при том письмо к г. Цанотти посылается засвидетельствование моего истинного удовольствия и благодарности и при том признания, что я таковых похвал не достоин, кои в присланном мне объявлении приписаны. При сем ничего так искренне не желаю, как не в долгом времени видеть вас, милостивого государя, обратно в отечестве в совершенном здравии и удоволь-

ствии, чем и других многих сердца обрадуют, кои не меньше вам, как себе, доброжелательствуют. Мозаичное изображение Полтавской победы уже в марте месяце составлением окончено и теперь на месте отшлифовывается¹. Фигуры, свыше чаяния, хорошо выходят, и не сомневаюсь, что в половине июня месяца все дело начисто окончится и милостивое ваше попечение о внесении в «Флорентийские ученые ведомости» нетщетным быть докажется². Оканчивая сие, прошу всепокорнейше отпустить мне небольшое умедление на первые письма, полученные исправно. Оное произошло в твердом уповании скорого получения вашего всегда верного, милостивейшего обещания, коего исполнением в полученном вчера письме премного обрадован. С достодолжным высокопочтанием пребываю,

*милостивый государь,
вашего сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов*

*Из СП.-бурга мая 9 дня
1764 года*

13

1764, не ранее июня 25. Записка в канцелярию АН
по поводу отзывов об А.-Л. Шлецере

Свидетельства иностранных профессоров о знании г. Шлецера в российских древностях почитать должно недействительными, затем что они сами оных не знают. Что ж до меня надлежит, то оному Шлецеру много надобно учиться, пока может быть профессором российской истории. Сверх того, и места ему при Академии нет порожного. Гг. Миллер и Фи-

шер суть профессоры истории. Я ж и сам сочиняю российскую, и она уже в печати. Итак, помянутый Шлецер профессором российской истории быть не может, и нет места.

Михайло Ломоносов

Июня дня
1764 года

14

1764, июня 26.

Мнение г. статского советника и профессора Ломоносова,
в Собрание поданное
(Перевод с латинского)

По прочтении сочинений г. Шлецера, хвалю старание его об изучении российского языка и успех его в оном; но сожалею о его безрассудном предприятии, которое, однако, извинить можно тем, что, по-видимому, не своею волею, но наипаче по совету других, принялся за такое дело, кое в рассуждении малого его знания в российском языке с силами его несогласно. Да кто ж бы и подумал, что человек в короткое время пребывания своего в отечестве нашем, и то живучи по большей части между пришлецами, может спорить с уроженцами, а притом еще учеными, о знаменовании речей, писать правила грамматические, а наипаче древности, касающиеся до российской истории, толковать и предписывать законы. Не удивляюсь малому знанию его в языке нашем, но в рассуждении времени довольному, как видно из записок его, однако нельзя извинить скоропостижности его в рассуждениях, в безмерном хвастовстве и безвременных требованиях, ибо что касается до первого, то думает он, что, несмотря на свое иностранство, разумеет древний сла-

венский язык не меньше каждого нашего природного ученого, приводя в пример, что швед именем Ире в толковании древних германских книг был превосходнее, нежели немец Вахтер. По сему надлежало бы думать, будто нынешний шведский язык меньше сроден с древним тевтонским, нежели немецкий. Подлинно, что в сем случае швед и немец могут спорить о большей учености, а не о большем сродстве древнего одного языка. Наипаче же швед, утверждая, что он более сроден с древними тевтонами, не может без обиды своей читать таких Шлецеровых мыслей. Г-н Шлецер должен думать о древнем славенском языке и о себе инако, нежели о природных российских ученых, а именно помыслил бы о себе, что ему некоторый из славенских языков не природный, не упоминая о том, что он упражнялся в оном, и он новичок еще в российском, а напротив того представил бы себе некоего из наших природных, который с малолетства опознал общий российский и славенский языки, а достигши совершенного возраста, с прилежанием прочел почти все древним славено-моравским



В. и Л. Петровы. Ломоносов перед зданием Академии наук

языком сочиненные и в церкви употребительные книги, сверх сего довольно знает все провинциальные диалекты здешней империи, также слова, употребляемые при дворе, между духовенством и между простым народом, разумея притом польский и другие с российским сродные языки. Он же и пред прочими своими согражданами приобрел в отечестве своем особливую похвалу во всем, что до языка и древностей российских принадлежит; посему не можно ли почтить его за нерассудного и наглого, ежели он похочет сравниться с вышеупомянутым? Но г. Шлецер может наградить все недостатки, употребляя вместо пространного лексикона Библию славенскую в изъяснении древней российской истории. Однако он поистине не знает, сколько речи, в российских летописях находящиеся, разнятся от древнего моравского языка, на который переведено прежде Священное Писание; ибо тогда российский диалект был другой, как видно из древних речений в Несторе, каковы находятся в договорах первых российских князей с царями греческими. Тому же подобны законы Ярославовы, «Русская Правда» называемые, также прочие исторические книги, в которых употребительные речи, в

Библии и в других церковных книгах коих премного, по большей части не находятся, иностранным мало знаемы. Наконец, перевод Библии не очень исправен, и нередко славенские слова значат иное, а иное греческие.

Но бесстыдство, какое усматривается из требований г. Шлецера, увидит каждый, кто познает рачение мое о природном языке и оказанные успехи отечеству, также труды в чтении российских и иностранных древних книг и, наконец, старание о сочинении самой российской истории. Всего того г. Шлецер требует себе в помощь в гой силе. Чтоб человек знатный по летам, по заслугам, по достоинству и по разным наукам, а особливо известный по российской истории, уступил собрания свои с достоятельностью в сочинении истории отечества своего молодому иностранцу, дабы оные были преданы вечному забвению.

Впрочем, г. Шлецер может с пользою употреблять успехи свои в российском языке, не сомневаясь о награждении за его прилежание, ежели он, не столь много о себе думая, примет на себя труды по силе своей.

Михайло Ломоносов



15

1764, июля 2. Представление в Сенат о копировании А.-Л. Шлецером
неизданных исторических рукописей

Уведомился я, что находящийся здесь при переводах адъютант Шлецер с позволения статского советника Тауберта переписал многие исторические известия, еще не изданные в свет, находящиеся в библиотечных манускриптах, на что он и писчика нарочного содержит. А как известно, что оный Шлецер отъезжает за море и оные манускрипты, конечно, выве-

зет с собою для издания по своему произволению; известно ж, что и здесь издаваемые о России чрез иностранных известия не всегда без пороку и без ошибок, служащих России в предосуждение, сверх того, Гмелин и Шап недоброхотные нам примеры показали, того ради сим всепокорнейше представляю, не соблаговолено ли будет принять в рассуждении сего предосторожности.

16

1764, октября 22. И. Г. Чернышеву

Сиятельнейший граф,
милостивый государь
Иван Григорьевич!

Известные вашему сиятельству штурманы, от команды вашей посланные в Академию, не могут начать прямо своего учения, пока не будут иметь дальнейших квадрантов, которых мы от вашей команды ожидаем. И ради того всепокорно прошу достать их как можно скорее, чтобы не утратить времени. Сего же предприятия надобность требует всевозможного изыскания новейших известий, которые прежде отправления далее из Колы получить и в пользу употребить можно при последней на север посылаемой инструкции: 1) Возвратившиеся со Шпицбергена офицеры или другие смысленные люди могут здесь показать какие-нибудь тамошние новые обстоятельства к нашему лучшему наставлению. 2) Команда подполковника Пленистера или купецкие промышленные люди, обращавшиеся около Чукотского носу, много объяснить в состоянии дело наше. В 1763 году открыл он близ северных берегов Чукотского носу пять островов новых, Медвежьими названных, и, сверх того, матерую землю с лесом стоячим и послать хотел вторично изыски-

вать далее. Уповательно, что, конечно, есть много новостей, кои еще до весны получить кажется можно. 3) Купец Снигирев с товарищем хотя и сказывали, яко они о незахождении солнца на Умнаке не слышали от своих промышленников, с чего и положение одного острова на карту внесено, однако оно может до четырехсот верст к Чукотскому носу быть ближе, ежели незахождение солнца бывает действительно. Итак, весьма бы полезно было достать из промышленников, бывших на Умнаке, хотя одного человека для лучшего сведения как о сем, так и о прочем, кои, может быть, найдутся в Иркутске, в Якутске или в Охотске. О двух последних статьях отдаю и препоручаю рассуждать вашему сиятельству, стоит ли труда посылать в Сибирь для того указ к Архангельскому городу¹. Во всем полагаюсь на ваше попечение, между тем доношу, что мне за болезнью не можно засвидетельствовать самолично вам почитания, с которым непременно пребываю

вашего сиятельства
всепокорный и усердный слуга
Михайло Ломоносов

Октября 22 дня
1764 года

1765, февраля 26 — марта 4. План беседы с Екатериной II
об обстоятельствах, препятствующих работе Ломоносова
в Академии наук

1. Видеть г[осударыню].
2. Показывать свои труды.
3. Может быть, понадобится.
4. Беречь нечего. Все открыто Шлецеру сумасбродному. В Российской библиотеке есть больше секретов. Вверили такому человеку, у коего нет ни ума, ни совести, рекомендованному от моих злодеев¹.
5. Приносил Его Высочеству дедикации². Да все! и места нет.
6. Нет нигде места и в чужих краях.
7. Все любят, да шумахерщина.

8. *Multa tacui, multa pertuli, multa concessi* [Многое принял молча, многое снес, во многом уступил]³.

9. За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство *pro aris etc.* [за алтари и т. д.]⁴.

10. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют.

11. Ежели не пресечете, великая буря возстанет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

Письмо является ответом В. Н. Татищеву на его просьбу написать посвящение к его «Истории Российской» и просмотреть авторское предисловие к этому труду. Упомянутое Ломоносовым письмо Татищева, в котором была изложена эта просьба, не разыскано, причем неясно, было ли оно адресовано непосредственно Ломоносову или, — что вероятнее, — Шумахеру, с которым Татищев находился в постоянной переписке. Ломоносов передал это письмо и текст сочиненного им посвящения Шумахеру, который, пересылая его Татищеву 30 января 1749 г., сообщал: «Я не хотел задерживать прилагаемое при сем письмо г. Ломоносова, сейчас мне переданное им для отсылки, чтобы ваше превосходительство могли убедиться в нетерпеливом желании нашем видеть появление в свет на пользу общества вашего превосходного труда» (архив РАН, ф. 1, оп. 3, № 38, л. 13). Со своей стороны, Татищев просил Шумахера сделать Ломоносову, в благодарность за выполненную просьбу, «подарок в 10 рублей», которым Ломоносов, по словам Шумахера, остался «очень доволен» (Там же, л. 11). «История Российская» вышла в свет после смерти Татищева и Ломоносова. Печатание ее происходило под наблюдением Миллера, который заменил написанное Ломоносовым посвящение (см. прил. к письму) своим.

¹ Татищев не последовал совету Ломоносова в отношении «ответа князя Долгорукого» и оставил в своем предисловии рассказ об известном диалоге Петра I с Яковом Долгоруким.

² Неоконченное «Преложение псалма 103» было напечатано впервые в посмертном Собрании сочинений Ломоносова (СПб., 1784. — Ч. I. — С. 43–46).

³ Ко времени посылки публикуемого письма шесть од Ломоносова успели уже выйти в свет отдельными изданиями. Эти-то издания он и отправил Татищеву. Есть основания думать, что переписка их на этом не оборвалась, но она не отыскана.

2

Историческое собрание было учреждено по определению Академической канцелярии от 24 марта 1748 г., причем задачи даны были ему такие:

«В оном все то прочтено и пересмотрено быть имеет, что в Департаменте историческом сочинено будет, такожде и сочинения, стихотворения, критические, философские и все гуманиоры, а притом и расположение, касающееся до университета и гимназии, а потом общим согласием представлено в канцелярию для исполнения». Собрание должно было заседать один раз в неделю «во весь год бесперерывно», но в данный период заседания происходили чаще — до трех раз в неделю. В состав Собрания, кроме Ломоносова, были определены профессора Г. Ф. Миллер, В. К. Тредиаковский, Я. Я. Штелин, И.-А. Браун, П.-Л. Леруа, Ф.-Г. Штрубе, Х. Крузиус, И.-Э. Фишер и адъюнкт И. И. Тауберт.

21 сентября 1751 г. доношение Ломоносова было рассмотрено Академической канцелярией (в лице одного Шумахера), которая определила: «Объявленного г. советника и профессора Ломоносова от присутствия Исторического собрания за показанными в его доношении резонами уволить до указа и те сочинения г. профессора Миллера читать ему на дому и по прочтении с примечаниями отсылать на рассуждение в Историческое собрание» (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 461, л. 403). Определением от 30 декабря 1751 г. канцелярия уточнила, по просьбе Исторического собрания, это решение, предложив «последующие главы отсылать г. советнику и профессору Ломоносову напредь, дабы в собрании после его, г. советника, примечаний в другой раз читано не было, и по прочтении ему, г. советнику, присылать в канцелярию, которые отсылать для свидетельства в Историческое собрание и оные отдавать архивариусу Стафенгагену» (Там же, л. 479).

¹ Ломоносов имеет в виду свою работу по систематизации материалов для «Российской грамматики».

² Ломоносов работал в то время над трагедией «Демофонт».

3

Отвечив Шувалову, что «покинуть вовсе» свою работу в области физики и химии нет «ни нужды, ниже возможности», Ломоносов тем не менее стал именно с этого времени заниматься историей не

только «по досугам», как это было ранее, а систематически и порой даже в ущерб другой работе. Так, в письме к Эйлеру от 12 февраля 1754 г. он сообщает: «Я часто за самой работой ловил себя на том, что душой я блуждаю в древностях российских. Поэтому мною пропущено немало доказательств того, что верхняя атмосфера при полном спокойствии должна спускаться в нижнюю». Об этом же Ломоносов говорит и в своей записке о поведении Академической канцелярии: «Ломоносов сказал в Собрании профессорском 18 августа 1754 г., что-де он, имея работу сочинения "Российской истории", не чаёт так свободно упражняться в химии» (см.: Протоколы Конференции. — Т. II. — С. 311; архив РАН, ф. 1, оп. 2, 1754, № 8).

Полны глубокого значения заключительные слова Ломоносова о том, что устройством фабрики завершаются все его химические труды, потеряв которые «бесплодно» было бы для него «несносным мучением». Они говорят о том, как сильно было в Ломоносове сознание необходимости связывать теоретическую научную работу с производственной практикой: оставить свои лабораторные труды не внедренными в производство означало для него потерять их «бесплодно».

¹ Под упоминаемыми Ломоносовым трудами «на украшение российского слова» следует понимать «Российскую грамматику», над которой Ломоносов работал с конца 1740-х годов до конца 1755 г.

² «Всепокорнейшим прошением о фабрике» Ломоносов называет свое представление об организации мозаичного дела, данное на имя императрицы 25 сентября 1752 г.

5

Как видно из содержания письма, оно написано после состоявшейся накануне, 29 декабря 1754 г., беседы Ломоносова с И. И. Шуваловым, который, вероятно, со слов К. Г. Разумовского, дал понять Ломоносову, что его «всепокорнейшее прошение» едва ли может рассчитывать на успех. В чем именно заключалось это «прошение», мы не знаем. Из письма видно лишь, что Ломоносов, как он сам поясняет, хотел быть «произведен в Академии для пресечения коварных предприятий», т. е. желал получить такое назначение, которое давало бы ему возможность активно противодействовать «коварным предприятиям» реакционной группы в лице Шумахера, Теплова и Тауберта. Шла ли речь о производстве Ломоносова в члены канцелярии или в вице-президенты Академии, не известно. Ломоносов ставил вопрос решительно: либо дать ему то академическое звание, о котором он просил, либо перевести его из Академии в другое ведомство, «лучше всего в Иностранную коллегию». Назначение Ломоносова советником канцелярии состоялось только два года спустя, 13 февраля 1757 г.

¹ Приводимые в письме церковнославянские тексты («сотворил со мною знамение во благо... бысть сей») заимствованы Ломоносовым из псалмов, очевидно, по памяти, а потому и не вполне точно.

6

¹ Упоминаемое Ломоносовым письмо И. И. Шувалова не отыскано. В этом письме Шувалов ограничился, по-видимому, только кратким сообщением о том, что Вольтеру поручено писать о Петре I, но не осведомил Ломоносова, в каком состоянии находится эта работа Вольтера. Намечая порядок доставления Вольтеру материалов о Петре, Ломоносов исходил, как видим, из предположения, что Вольтер еще только готовится приступить к делу, тогда как в действительности Вольтер успел уже написать к этому времени восемь глав, о чем Шувалову было известно.

² «Сокращенное описание дел государевых», о котором говорит Ломоносов, до нас не дошло. «Панегириком» он называет свое «Слово похвальное» Петру I, а «первым листом моей речи» — первый печатный лист своего «Слова о рождении металлов от трясения земли», которое он произнес в торжественном заседании Академии наук 6 сентября 1757 г.

³ «Панегирик» Петру I был переведен на французский язык, но не академиком Штрубе де Пирмоном, а секретарем И. И. Шувалова, бароном Чуди и притом, по отзыву Ломоносова, «весьма плохо и вопреки возражениям автора». Этот перевод вышел в свет в 1759 г.

⁴ «Престарелые лета» Вольтера, которому было в то время 63 года, не помешали ему пережить Ломоносова на тринадцать лет: Вольтер умер в 1778 г.

⁵ Был ли составлен упоминаемый Ломоносовым «краткий экстракт из летописцев» о состоянии России в 1613—1633 гг. и записывал ли Ломоносов слышанные им рассказы о детстве Петра I, мы не знаем.

7

¹ «Сокращенное описание самозванцев и стрелецких буквтов» и «Сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Феодора» подготавливались Ломоносовым как материал для истории Петра I, которую писал в то время Вольтер.

² «Свидетельства и труды» Ломоносова, приложенные к публикуемому письму, не сохранились. Судя по заглавию, можно думать, что это были такого же типа выписки из отзывов о Ломоносове, как те, которые он приложил к письму на имя М. И. Воронцова от 19 января 1764 г. К ним были приложены, вероятно, и печатные оттиски «трудов».



В. и Л. Петровы. Ломоносов на строительстве фабрики цветного стекла в Усть-Рудице

³ Слова «с верху Парнаских гор долой», выделенные Ломоносовым как цитата, заимствованы, по-видимому, из каких-то направленных против него сатирических стихов, нам не известных. Именно в это время, осенью 1757 г., таких стихов появлялось немало в связи с шумом, который был поднят вокруг «Гимна бороде».

⁴ В первой публикации (1784), по которой печатается настоящее письмо, между словами «строения» и «фабрики» нет запятой, а запятая была бы здесь вполне уместна: строительство Усть-Рудицкой фабрики было давно уж завершено, и, говоря о заботах, связанных с фабрикой, Ломоносов имел в виду, очевидно, не строительные операции на фабрике, а чрезвычайно волновавший его в ту пору вопрос о сбыте ее изделий; что же касается слова «строения», то оно относилось, вероятно, к постройке жилого дома на Мойке, куда Ломоносов переехал именно в данном году. Таким образом, можно предполагать, что в рукописном подлиннике, до нас не дошедшем, обсуждаемая фраза начиналась так: «Домашние мои заботы в рассуж-

дении строения, фабрики и прочего приходят к окончанию».

⁵ О каком «обещанном портрете» идет речь в последних строках письма, не выяснено.

8

Ходатайствуя о создании должности вице-президента Академии наук и о своем назначении на эту должность, Ломоносов видел в этом наиболее верный способ изменить соотношение сил внутри Академии и освободить ее тем самым от власти реакционной канцелярской клики, которая противодействовала стараниям Ломоносова «о распространении наук в отечестве». Однако ходатайство Ломоносова удовлетворено не было.

К письму была приложена составленная Ломоносовым «Роспись упражнений сего 1759 года». К этому же письму Ломоносов приложил и сводку «свидетельств» иностранных ученых о его работах.

¹ Говоря о себе, что «через пятнадцать лет нес... четыре профессии», Ломоносов исчислял этот пе-

риод со дня назначения своего профессором химии, т. е. с 25 июля 1745 г. (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 949, л. 89).

² Более подробные сведения о трудах Ломоносова «в обоем красноречии, в истории, в физике и в химии» см. в его отчетах и в примечаниях к ним в ПСС.

³ Отправлением «дел канцелярских» Ломоносов называет свою работу по должности члена Академической канцелярии, в состав которой он был введен 13 февраля 1757 г. (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 105).

⁴ «Строгий экзамен», о котором говорит Ломоносов, происходил «в присутствии всех академиков и профессоров» и затянулся до первых чисел января 1760 г. (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 825, лл. 19—24). В итоге этого экзамена 17 января 1760 г. состоялось определение Академической канцелярии о производстве в студенты девяти гимназистов, в том числе И. И. Лепехина, известного впоследствии академика (Там же, № 471, л. 24).

⁵ В момент составления письма у Ломоносова было формально три «товарища» по канцелярии: Шумахер, Тауберт и Штелин, но одряхлевший Шумахер уже отстранился к этому времени от всяких дел. Говоря о том, что «два иностранные в канцелярии члены против меня перевес имеют», Ломоносов, таким образом, разумеет Тауберта и Штелина.

⁶ Двадцатилетний срок пребывания «в сем корпусе», т. е. в Академии, Ломоносов исчисляет со дня своего возвращения в 1741 г. из Германии, а девятилетний срок службы «советником» — со дня производства 1 марта 1751 г. в коллежские советники.

⁷ Упомянув о своей деятельности на правах «судьи» в нескольких комиссиях, Ломоносов имеет в виду, очевидно, свое участие в расследовании дела о переписке Миллера с И.-Н. Делилем в 1748 г. в Комиссии для отрешения излишеств от Академии, образованной по ордеру президента от 26 февраля 1754 г. и, может быть, в обсуждении диссертации Миллера в 1749—1750 гг.

9

Из первых слов письма видно, что в день его написания, 25 июля 1762 г., Ломоносов получил от Г. Г. Орлова какое-то приятное для себя известие. Неясно, было ли оно сообщено ему в форме письма или через кого-нибудь на словах. Слово «прислание» заставляет признать второе предположение более правдоподобным. Из последних слов Ломоносова («когда совершение вашего благоденствия, истинно отеческого, воспоследует») можно заключить, что речь шла пока лишь о каком-то обещании Орлова.

Дворцовый переворот 1762 г. лишил Ломоносова той опоры, которую он находил прежде в лице М. И. Воронцова и И. И. Шувалова, утративших теперь свое влиятельное положение при дворе. Вполне естественно поэтому, что Ломоносов был, — как пишет, — «обрадован» обещанием Г. Г. Орлова, значение которого все склонны были в ту пору переоценивать, видя в нем не только фаворита недавно воцарившейся Екатерины II, но и нового временщика.

Сопоставляя текст публикуемого письма с тем, что Ломоносов писал накануне М. И. Воронцову, нельзя не прийти к убеждению, что обещание Орлова, подданное, быть может, тем же Воронцовым, касалось прежде всего награждения Ломоносова «повышением ранга против тех, коими обойден». Вероятнее всего, что Орлов обещал ходатайствовать о производстве Ломоносова в такой чин, который возвратил бы ему первое место в канцелярии. Совершенно бесспорно, что Орлов одновременно выражал готовность помочь и в деле об утверждении «привилегии» для Академического университета.

Выполнил ли Орлов свои обещания, говорил ли по этим вопросам с Екатериной II, мы не знаем. Известно лишь, что «совершения», на которое надеялся Ломоносов, не последовало: оба вопроса так и остались неразрешенными.

¹ Слова: «Ныне время златой здешним наукам век поставить и от презрения... избавить возлюбленный российский род» — измененная автоцитата из оды Ломоносова на восшествие на престол Екатерины II.

10

Письмо относится к тому тяжелому в жизни Ломоносова периоду, когда в итоге направленных против него интриг и доносов последовал указ Екатерины II об увольнении его в «вечную» отставку с производством в статские советники. Указ, подписанный 2 мая 1763 г., был через десять дней взят назад Екатериной II, но тем самым отменялось и производство Ломоносова в чин статского советника, которым он был награжден при отставке. Таким образом, из двух членов Академической канцелярии (Штелин выбыл в 1763 г. из числа ее советников) Ломоносов оказывался теперь младшим, тогда как до воцарения Екатерины II он был старшим из трех. Оттого-то, по-видимому, Ломоносов, несмотря на отмену указа об отставке, и не возвращался к исполнению своих административных обязанностей еще около трех месяцев — до 7 августа 1763 г.

Чтобы восстановить свое положение в Академии наук, Ломоносов добивался, во-первых, производства не в следующий чин статского советни-

ка (что не дало бы ему старшинства перед Таубертом, произведенным в этот чин ранее его), а через чин — в действительные статские советники и, во-вторых, передачи в его единоличное ведение всех «до наук надлежащих департаментов». Именно так сформулирован был собственноручно написанный Ломоносовым проект именного указа, сохранившийся в архиве Воронцова. И к этому именно сводилась основная просьба Ломоносова, изложенная в письме.

Но екатерининское правительство, в составе которого видную роль играл в то время давний недруг Ломоносова и приятель Тауберта, Г. Н. Теплов, было отнюдь не расположено вверять руководство Академией наук Ломоносову, и его ходатайство уважено не было.

¹ «Зятем и наследником» Шумахера Ломоносов именует Тауберта.

² Екатерина II со всем двором находилась еще в Москве. Ломоносов просил Воронцова уделить ему время для личной беседы до возвращения императрицы в Царское Село. Состоялось ли это их свидание, неизвестно.

11

К письму была приложена записка Ломоносова под заглавием «Идеи для живописных картин из российской истории» (см. в настоящем издании).

А. М. Голицыну как вице-канцлеру был подчинен находившийся в Москве архив Коллегии иностранных дел.

¹ Выражение Ломоносова «сообщением сего можете, милостивый государь, подать мне великое вспомоществование» наводит на мысль, что Ломоносов просил переслать из Москвы в Петербург интересовавшие его архивные материалы. Была ли удовлетворена его просьба, неизвестно.

12

¹ Мозаичная картина «Полтавская баталия» была «окончена набором, шлифовкою и полированием» в январе 1765 г.

² «Попечение о внесении в «Флорентийские ученые ведомости»» заключалось в том, что 12 марта 1764 г., т. е. еще до избрания Ломоносова в члены Болонской академии, в упомянутом журнале, благодаря хлопотам М. И. Воронцова, была напечатана заметка о мозаичных работах Ломоносова. Русский перевод заметки был опубликован в майской книжке «Ежемесячных сочинений и известий об ученых делах» за 1764 г.

13

Получив доношение Г. Ф. Миллера от 28 мая 1764 г., И. И. Тауберт поспешил распорядиться,

чтобы Шлецер немедленно представил требуемый Академическим собранием «план всем упражнениям, которые при Академии отправлять может». Это было 3 июня 1764 г. План был, очевидно, заранее подготовлен Шлецером: на следующий же день этот весьма многословный документ, объемом свыше печатного листа, старательно переписанный набело, поступил в Академическое собрание (архив РАН, разр. IV, оп. 1, № 556 и разр. I, оп. 77, № 23), которое признало нужным, чтобы все академики ознакомились с ним у себя на дому. На протяжении следующих трех недель требуемое «суждение о достоинствах» Шлецера представили в письменном виде только два академика: И.-Э. Фишер и Ф.-У.-Т. Эпинус. Обеспокоенный Тауберт «частным образом» просил ускорить ход дела, о чем конференц-секретарь Миллер и осведомил членов Академического собрания в заседании 25 июня 1764 г. В этот день и на следующий к Миллеру поступило еще пять отзывов, в том числе и от Ломоносова. Отзыв Миллера не датирован; возможно, что и он написан в эти же дни.

Судя по тому, что поступившие к этому времени отзывы (кроме отзывов Ломоносова и Миллера) были очень лаконичны, можно предполагать, что если не все, то многие из них были написаны не дома, а тут же, в заседании Академического собрания, где, надо думать, с ними и познакомился Ломоносов.

Таким образом, публикуемая записка была написана Ломоносовым, должно быть, почти одновременно с отзывом о плане Шлецера, но отзыв писался для представления в Академическое собрание, а записка, касавшаяся чисто административного вопроса о назначении Шлецера профессором истории, предназначалась для канцелярии, в делах которой она и сохранилась.

Из числа академиков, сообщивших к этому времени свое письменное суждение о Шлечере, только двое — историки Миллер и Фишер — были компетентными судьями; что же касается остальных, то они, как совершенно верно отмечает Ломоносов, не имели никакого касательства к «российским древностям», и мнение их о качествах Шлецера как историка не имело поэтому ровно никакого значения. А между тем именно они-то и настаивали особенно решительно на назначении Шлецера профессором истории. Голоса трех академиков, компетентных в вопросах истории, разделились. В пользу Шлецера высказался один Фишер и притом довольно сдержанно: «Если г. Шлецер то, что обещал, исправить может, то я не сомневаюсь, чтоб не был он достоин произведения в академические профессоры». Против кандидатуры Шлецера высказался Миллер — с такой же твердостью, как и Ломоносов, но по совершенно иным основаниям. Миллер не отрицал «способности и прилежания» Шлецера, но утверждал, что Шлецер мог



Академия наук в Санкт-Петербурге

14

бы оказаться полезен Академии как профессор и академик только в том случае, если бы согласился «не токмо несколько, но много лет, по состоянию обстоятельств всю свою жизнь препровождать в здешней службе», а к этому «склонить его не можно будет». По мнению Миллера, совершенно совпадающему с тем, что говорит о себе и сам Шлецер в своих мемуарах, последний задавался целью собрать в России материалы, которые в Германии «мог бы употребить с большею прибылью». Миллер считал, что соглашаться на это нельзя, и предлагал отпустить Шлецера на родину, назначив его «иностранным членом с пенсионом» и обещав, чтоб он без ведома Академии «ничего, что до России касается, в печать не издавал».

Конечные результаты опроса академиков оказались такие: за назначение Шлецера профессором истории высказалось семь человек, против — три человека при двух воздержавшихся.

Ссылка Ломоносова и Н. И. Попова на то, что в Академии не было в то время свободной вакансии профессора истории, совершенно справедлива: штатом Академического университета было предусмотрено всего две таких должности, и обе были замещены.

Русский перевод печатается по тексту неизвестного академического переводчика XVIII в., приложенному к латинскому подлиннику.

Ломоносов, который не присутствовал в Академическом собрании 4 июня 1764 г., впервые прочитал план Шлецера в промежуток времени между 4 и 25 июня, когда записка Шлецера, пересылавшаяся из дома в дом, была доставлена наконец, в порядке очереди, и на квартиру Ломоносова. 25 июня Ломоносов принес ее назад в Академическое собрание, пообещав дать письменный о ней отзыв: на следующий день — 26 июня 1764 г. — он вручил Миллеру как конференц-секретарю публикуемый документ.

План Шлецера распадался на два отдела: в первом шла речь «о способе обработки русской истории», которую Шлецер намеревался избрать «главным предметом» своих занятий; во втором разделе Шлецер толковал о научно-популярных книжках, за составление которых хотел бы приняться. Ломоносов остановил свое внимание только на первом отделе плана.

Этот отдел Шлецер начинал с заявления, что обрабатывать русскую историю — «это не значит

продолжать то, на чем другие остановились, это значит начинать сначала» (архив РАН, разр. I, оп. 77, № 23, л. 1 об.). Утверждая таким образом, что русской исторической науки еще не существует, Шлецер тем самым как бы объявлял лишенными всякого научного значения и «Историю Российскую» В. Н. Татищева, и «Древнюю Российскую историю» Ломоносова. Правда, ни та, ни другая не успели еще к тому времени выйти в свет, но капитальный труд Татищева был Шлецеру прекрасно известен и о многолетней работе Ломоносова-историка он тоже не мог, разумеется, не знать.



В. Н. Татищев

Говоря далее о критическом изучении русских летописей, Шлецер заявлял, что к этой работе «иностранец в известном отношении способнее, чем туземец, то есть русский: из недоверия к своему знакомству с языком он, иностранец, будет охотнее смотреть, чем умствовать, и будет менее подвержен соблазну вносить поправки, основанные на одних только остроумных догадках» (Там же, л. 4). Итак, к своему первому утверждению о том, что русские ничего не сделали в смысле изучения отечественной истории, Шлецер добавлял еще и второе, а именно, что русские ученые менее к этому пригодны, чем иностранцы.

Выраженный здесь взгляд на Россию и на русских ученых, в частности на Татищева и на Ломоносова, может быть уяснен до конца лишь при сопоставлении официальных заявлений Шлецера с

тем, что он — гораздо откровеннее — говорит по этому предмету в своих мемуарах. Если Татищева он называет там хоть и лишенным научного образования, но все же «удовлетворительным» историком, то на Ломоносова-историка он изливает целые потоки грубой брани. О всей же русской нации в целом Шлецер говорил, что она «обязана благодарностию чужеземцам, которым с древних времен одолжена своим обогащением».

Так позволяя себе думать и говорить двадцатидевятилетний новоприезжий иностранец, который не успел еще к тому времени зарекомендовать себя ни одним капитальным историческим трудом, не написал еще ничего по истории России, кроме нескольких пробных страничек, и, по собственному признанию, «еще не мог сносно говорить по-русски». Если принять во внимание, что этот молодой человек открыто притяжал на положение Ломоносова и Миллера, которых на попрание русской истории намеревался заменить одним собою, то становится ясно, как справедливо было негодование, с каким Ломоносов отозвался о плане этого почти незнакомого ему пришельца. Развязная самонадеянность Шлецера достигала таких пределов бесстыдства, что его план при первом чтении привел Ломоносова даже в некоторое недоумение. Об этом можно судить по следующим его пометкам на полях документов, представленных Шлецером. Говоря о «грамматическом изучении летописей», Шлецер упоминал вскользь, что, за отсутствием «гlossария» славянского языка, ему придется прибегать к устным расспросам, причем он «льстит себя надеждой» на содействие русских академиков и особенно Ломоносова (архив РАН, разр. I, оп. 77, № 23, л. 4 об.). Против этих слов Ломоносов приписал на полях по-немецки: «Иначе говоря, я должен обратиться в его чернорабочего». В заявлении на имя Академического собрания от 4 июня 1764 г. Шлецер обещал в течение ближайших трех лет написать по-немецки серию очерков (eine Suite) по русской истории на основе русских летописей, но без сопоставления их с иностранными писателями и с помощью трудов Татищева и Ломоносова (Там же, разр. IV, оп. 1, № 556, л. 35 об.). Против этих слов Ломоносов написал, опять по-немецки: «Я жив еще и сам пишу».

При оценке публикуемого документа необходимо иметь в виду, во-первых, что памятниками русской истории, в том числе и иностранными, Ломоносов интересовался со студенческих лет и уже в пору достопамятной дискуссии с Миллером, в 1749—1750 гг., обнаружил историческую начинанность, более широкую, чем та, какой теперь, пятнадцать лет спустя, хвалился Шлецер; во-вторых, что в смысле знания иностранных языков Ломоносов не только не уступал Шлецеру, а превосходил его (не кто иной, как сын, биограф и па-

негирист Шлецера, профессор Боннского университета Христиан Шлецер, называл Ломоносова «первым латинистом не в одной только России», см.: *Chr. v. Schlutzer. August Ludvig von Schlutzers öffentliches und Privatleben, Bd. I. Leipzig, 1828. С. 89* (*Хр. фон Шлецер. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг фон Шлецера. Т. I. Лейпциг, 1828*), и, в-третьих, что в мыслях Шлецера о критике летописных текстов не было, по справедливому замечанию академика В. И. Ламанского (архив РАН, ф. 35, оп. 2, № 106), ничего принципиально нового, ничего такого, что было бы чуждо научной практике Татищева и Ломоносова.

Утверждение Шлецера, будто язык русских летописей может легче быть понят иностранцем, чем русским, воспринимается в наши дни как смешная бессмыслица: глубоко верно, с точки зрения современной лингвистики, ответное утверждение Ломоносова, который считал, что природное знакомство с живой народной речью и с областными говорами имеет особо важное значение при изучении древних памятников нашей письменности.

Шлецер, называя в своих мемуарах без всякого основания Ломоносова и Миллера «монополистами», в действительности сам метил в монополисты по русской истории. Вот против этого-то и восстал Ломоносов, руководимый в этом случае отнюдь не личными, а как нельзя более возвышенными, патриотическими побуждениями. В соответствии с этим, трудясь над развитием русской исторической науки, Ломоносов выдвигал на первое место ее воспитательную функцию. Центральная идея Ломоносова-историка — та же, что и у автора нашего древнейшего летописного свода: величие России.

Не такова была идеологическая позиция Шлецера. Ломоносову она не могла не стать ясна после прочтения его пробных этюдов, где Шлецер откровенно признавался, что преклоняется перед «дорогим именем» основоположника норманнизма Зигфрида Байера. «Его взгляд на Древнюю Русь как на страну ирокезов, куда только немцы внесли свет просвещения, представил русскую историю в ложном свете», — так характеризует идейную сторону работ Шлецера академик К. Н. Бестужев-Рюмин (*Русская история. СПб., 1872. Т. I. С. 217*). Вся концепция Шлецера строилась на утверждении о скудости русской культуры в прошлом и в настоящем и о неизбежной и неизбывной будто бы зависимости русской культуры от западноевропейской в прошлом, в настоящем и — как хотелось бы ему — в будущем.

15

А.-Л. Шлецер сообщает в своих мемуарах, что при содействии отчасти Г. Ф. Миллера, а главным образом И. И. Тауберта получил в Петербурге в

свое распоряжение весьма значительное количество ценнейших рукописных материалов. С некоторых из них академические писцы и личный его слуга снимали по его распоряжению копии, из других он сам делал выписки. Из этих материалов только некоторые были выданы ему из Академической библиотеки, остальные же он получил из частных рук. Они делились на следующие группы: 1) памятники древнерусской письменности; 2) русские официальные документы XVII в.; 3) подготовленные для Вольтера материалы начала XVIII в.; 4) «История Российская» В. Н. Татищева и 5) полученные через Тауберта материалы государственных коллегий, характеризующие современное Шлецеру состояние России, в частности количество и состав ее населения, данные о ввозе и вывозе товаров, о рекрутских наборах и т. п. Все эти материалы находились у Шлецера на дому. Об этом знал один Тауберт.

Документ был бы написан, конечно, несравненно резче, если бы Ломоносов знал, что Шлецер копирует не только древние рукописи, но и современные, притом такие, которыми особенно интересовались тогда иностранные державы (ср. рассказ Шлецера о неудавшейся, по его словам, попытке какого-то иностранного посла, по-видимому австрийского, завербовать его в шпионы).

Судя по быстроте, с какой Сенат принял по этому делу решение, можно предполагать, что Ломоносов, как случалось не раз, лично побывал в Сенате и подкрепил свое письменное доношение словесными объяснениями. Доношение было подано 2 июля, а на следующий день — 3 июля 1764 г. — Академическая канцелярия получила датированный этим днем сенатский указ с предложением «общее с статским советником Ломоносовым у объявленного Шлецера, ежели по вышеписанному представлению исторические известия, не изданные в свет, найдутся, все отобрать немедленно». Одновременно Сенат предписывал Коллегии иностранных дел не выпускать Шлецера за границу (архив РАН, ф. 3, оп. I, № 970, л. 254).

«3 июля 1764 г., рано утром, едва я только встал, — пишет Шлецер в своих мемуарах, — на нашем дворе остановился гремящая карета.

В мою комнату врывается Тауберт и тоном ошеломленного человека требует, чтобы я как можно скорее собрал все рукописи, которые получил от него... Всю эту груду бумаг лакей бросил в карету — и Тауберт уехал». Ранний час этого посещения говорит о том, что Тауберт узнал каким-то образом о решении Сената еще до получения сенатского указа в канцелярии. Канцелярская помета на указе свидетельствует, что он был получен 3 июля, однако Тауберту удалось обставить дело так, что заседания канцелярии в этот день не состоялось (архив РАН, ф. 3, оп. I, № 534, л. 152—153) и указ требовавший, «немедленных» мер, не

получил официального движения ни в этот день, ни на следующий, в воскресенье: он был доложен канцелярии только в понедельник, 5 июля. Таким образом, у Шлецера оказалось в распоряжении целых два дня на то, чтобы обезопасить себя на случай обыска, о возможности которого его предупредил Тауберт.

Остается неясным, как допустил это Ломоносов, которому Сенат предложил принять личное участие в изъятии находившихся у Шлецера документов. Напрашивается догадка, что в субботу, 3 июля, в день получения сенатского указа, Ломоносов был отвлечен какими-то важными известиями, полученными с мозаичной фабрики. Известия эти были, по-видимому, в самом деле чрезвычайно важны, потому что в понедельник, 5 июля, рано утром Ломоносов явился в Сенат и испросил себе отпуск на фабрику для наблюдения за мозаичными работами, о чем и сообщил Академической канцелярии, когда в десятом часу утра явился туда из Сената (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 534, л. 153).

Но в Сенат Ломоносов ходил не только по делу о своем отпуске, а и по делу Шлецера: он на словах сообщил Сенату, что указ от 3 июля канцелярией не только не выполнен, но еще даже и не объявлен ему, Ломоносову, и что Шлецер мог за это время «подлежащее ко отобранию» скрыть «или другим каким образом учинить себя в том безопасным». Сенат рассудил, что следовало бы, разумеется, понудить канцелярию к скорейшему выполнению указа, «но как члены оной, статские советники Тауберт и Ломоносов, в сем деле один доказывать, а другой ответствовать должен, а других, кроме их, членов в оной канцелярии, кому б сие дело поручить, нет, да и время, как выше значит, в отобрании писем уже упущено, и осталось единственно разобрать только следствием», — то надо возложить производство такого следствия на самого президента Академии Разумовского. Об этом определении Сената, состоявшемся 5 июля, Разумовский был извещен сенатским указом от 9 того же июля.

Однако время было действительно безвозвратно упущено. Тауберт и Шлецер успели замести все следы: часть компрометирующих Шлецера бумаг была увезена Таубертом, другая часть спрятана самим Шлецером, причем с особой старательностью он, историк Древней Руси, укрыл свои выписки о народонаселении современной ему России, о ее современной же внешней торговле, о последних рекрутских наборах и т. п.

В понедельник, 5 июля, Тауберт составил наконец канцелярское определение о «выполнении» задержанного на два дня субботнего сенатского указа: этим определением Академическая канцелярия требовала, чтобы Шлецер ответил на ряд вопросов, поставленных так, «как будто спрашиваю-

щий, — говорит сам же Шлецер, — имел намерение доставить мне возможность торжествовать».

Шлецер «не замедлил воспользоваться этим»: на другой день он ответил канцелярии пустой отпиской, смысл которой сводился к тому, что виноват не он, Шлецер, а те, кто мешает ему проявлять «горячее усердие к службе Ее Императорского Величества». Тауберт поспешил размножить этот ответ и «разослать повсюду».

На этом дело и приостановилось в ожидании возвращения в Петербург президента Академии К. Г. Разумовского.

16

Письмо посвящено Северной морской экспедиции, снаряжавшейся в то время по мысли Ломоносова и при деятельном его участии. Руководила снаряжением экспедиции Адмиралтейств-коллегия, президентом которой числился сын Екатерины II, будущий Павел I. Ввиду его малолетства главой коллегии был фактически член ее, граф И. Г. Чернышев, адресат настоящего письма.

¹ Из числа трех содержавшихся в письме просьб Ломоносова, или, как он их называет, «статей», первая и третья были исполнены Адмиралтейств-коллегией немедленно. Через четыре дня после отправки письма, 26 октября 1764 г., коллегия постановила: «В Архангелогородскую контору над портом послать указ: велеть возвратившегося со Шпицбергена на пинке лейтенанта Немтинова пути его из Архангельска с журналом, с тому принадлежавшими делами прислать в коллегия курьером немедленно». В тот же день коллегия решила отправить к сибирскому губернатору Д. И. Чичерину курьера с просьбой прислать в Петербург кого-либо из «бывших на Умнаке промышленников». Что касается второй «статьи» — о сведениях, собранных «командой подполковника Пленистеря», то в этом случае Ломоносов обошелся без помощи Адмиралтейств-коллегии. Ф. Х. Плениснер (некоторые, подобно Ломоносову, писали его фамилию Пленистер), участник Второй Камчатской экспедиции, состоявший с 1760 г. главным командиром Охотского края и занимавшийся изучением береговых очертаний Северо-Восточной Сибири, направлял в Академию наук копии своих записок и карт. Так попала в руки Ломоносова и карта сержанта С. Андреева, который в 1763 г. был командирован Плениснером из устья Колымы для обследования Медвежьих островов. Эти острова, по крайней мере некоторые из них, были известны русским путешественникам и ранее (Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. — Л., 1935. — С. 61 и 103—111; Белов М. И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. — Л., 1952. — С. 61, 178—179), но сержант



Вид набережной Невы в XVIII столетии

Андреев был одним из первых, кто обследовал всю группу островов и нанес ее на карту; тогда же Плениснер впервые назвал их Медвежьими. Оттого-то Ломоносов, именуя их «новыми», и говорит не совсем точно, что «открыл» их Плениснер. Карта Андреева была представлена Ломоносовым в Адмиралтейств-коллегию 18 февраля 1765 г. (о карте Андреева см.: Белов М. И. Существовала ли земля Андреева? // Известия Всесоюз. Геогр. о-ва. — 1952. — Вып. 5).

17

Датируется предположительно. Публикуемый план написан на первой странице сложенного вдвое писчего листа, на четвертой странице которого Ломоносов теми же чернилами начертил план дельты Сев. Двины и набросал вчерне добавление к п. 1 составленной им «Примерной инструкции морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на восток Северным Сибирским океаном». 26 февраля 1765 г. в Адмиралтейской коллегии состоялось при участии Ломоносова обсуждение переработанного им заново текста названной «Инструкции», после чего Ломоносов не позднее 4 марта того же года внес в этот текст ряд исправлений и добавлений.

В числе последних было и то добавление, черновик которого написан на 4-й странице интересующего нас листа. Таким образом, черновая редакция этого добавления, лишь весьма незначительно отличающаяся от окончательной, была написана тоже не ранее 26 февраля и не позднее 4 марта 1765 г. Судя по тому, что публикуемый план написан на 1-й странице того же листа, можно предполагать, что он был составлен ранее вышеупомянутого черновика, однако и топографическая их близость, и тождественность чернил убеждают в том, что промежуток времени между составлением того и другого был минимален: план беседы с Екатериной II был написан Ломоносовым почти одновременно с черновиком добавления к «Примерной инструкции», т. е. между 26 февраля и 4 марта 1765 г., — за месяц с небольшим до кончины Ломоносова. В пользу такой датировки говорят и следующие побочные обстоятельства. С начала 1765 г., вплоть до двадцатых чисел января Ломоносов болел (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 535, лл. 26—42). 28 января 1765 г. он в первый и единственный раз в этом году участвовал в заседании Академического собрания. В последних числах января и в течение всего февраля 1765 г. Ломоносов, числясь здоровым и выезжая по делам из дому (например, в за-

седания Адмиралтейской коллегии), ни разу не являлся в Академическую канцелярию. В ее журналах, относящихся к этому периоду, неизменно отмечалось: «...а г. статский советник Ломоносов за другими академическими делами...» или чаще: «...за другими делами не присутствовал» (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 535, лл. 44–53 об.). Лишь 28 февраля, в одиннадцатом часу утра, Ломоносов «прибыл» наконец в канцелярию (где уже «присутствовал» Тауберт), принял участие в очередном ее заседании и «вышел» пополудни во втором часу (Там же, л. 54). Судя по журналу заседания, можно думать, что поводом к этому приезду Ломоносова в канцелярию явилось неожиданное и ничем не оправданное увольнение «инструментального художества мастера» Ф. Н. Тирютина, беспорочно прослужившего в Академии 28 лет и многократно выполнявшего технические заказы Ломоносова (см.: т. 9 ПСС, документ 392). На споры об этом дарованном и честном мастере, которого выгоняли из Академии якобы за ненадобность, и ушли, очевидно, те три часа, которые Ломоносов провел в канцелярии. Добиться восстановления Тирютина ему не удалось. Достиг он только того, что заслуженному мастеру был выдан хороший аттестат, который подписал и Ломоносов.

Это последнее в жизни посещение Академии и явилось, может быть, тем непосредственным толчком, который заставил Ломоносова написать публикуемые строки.

Нельзя забывать, что за неделю перед тем, 21 февраля 1765 г., Миллер, в отсутствие Ломоносова, прочитал вслух в Академическом собрании адресованное ему, Миллеру, и едва ли предназначенное для публичного оглашения письмо Л. Эйлера о С. Я. Румовском, которое, став таким образом через третьих лиц известно Ломоносову, глубоко его обидело (см.: т. 10 ПСС, письмо 102 и примечания к нему).

Форма записи характерна для Ломоносова: перед особо ответственными беседами с высокопоставленными лицами он намечал иногда именно в таком виде план того, о чем намеревался говорить (см., например, т. 6 ПСС. С. 672, 851–853). Не только первая строка записи («Видеть Г.»), но и весь подбор затронутых в ней тем свидетельствуют о том, что таким высокопоставленным лицом должна была явиться в данном случае Екатерина II. Достоинство внимания, что заключительная строка записи является прямым к ней обращением во втором лице («Ежели не пресечете...»).

По своему содержанию публикуемый план весьма близок к тому, что писал Ломоносов за полгода перед тем в заключительном параграфе «Краткой истории о поведении Академической канцелярии», однако тон высказываний здесь еще решительнее, чем там. Обстановка работы в Академии наук, по словам Ломоносова, сложилась та-

кая, что ему там «места нет». Его гонят только за то, что он, в заботах о высшем благе родины, стремится просветить русский народ и показать всему миру «способность и остроту его в науках». Внешние знаки внимания к Ломоносову («все любят» — здесь намек на показную благосклонность самой Екатерины) не мешают тому, что торжествует по-прежнему «шумахерщина», т. е. засилье чиновников, которые, не имея ничего общего с наукой, тормозят, с согласия правящих реакционных верхов, развитие русской науки и русского просвещения. Ломоносов рассматривает это как несчастье, угрожающее «целому обществу»: по его концепции, силой просвещения определяется сила народа, а тем самым и честь, и безопасность государства.

Таков общий смысл того, что он собирался сказать «самодержице» — не в порядке жалобы и не в порядке просьбы, а в порядке предостережения («ежели не пресечете, великая буря восстанет»).

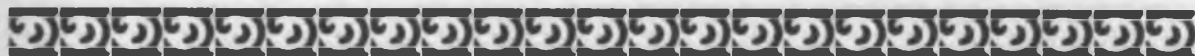
Беседа с Екатериной II не состоялась. Через несколько дней после того, как был написан публикуемый план, между 5 и 7 марта 1765 г. (архив РАН, ф. 3, оп. 1, № 535, л. 60 об.), Ломоносова опять свалила болезнь, от которой он уже не оправился.

¹ В «кондициях», приложенных к указу Екатерины II 5 января 1765 г. о назначении Шлецера ординарным профессором истории, говорилось: «Не только не возбраняется ему употреблять все находящиеся в Императорской библиотеке и при Академии книги, манускрипты и прочие к древней истории принадлежащие известия, но и дозволяется требовать чрез Академию всего того, что к большому совершенству поручаемого ему дела служить может». Ломоносов писал по этому поводу, что такое разрешение «покрывает непопуганную дерзость допущения совсем чужого и ненадежного человека в библиотеку российских манускриптов, которую не меньше архивов в сохранности содержать должно» (т. 9 ПСС, документ 282).

² *Дедикация* — посвящение. Его *Высочество* — будущий Павел I. Ему были посвящены две работы Ломоносова: «Российская грамматика» и «Краткое описание разных путешествий по Северным морям».

³ Приведенные Ломоносовым латинские слова являются цитатой из Цицерона (Речь против Катилины. IV, 2).

⁴ *Pro aris etc.* — Это выражение, которое в полном его виде читается так: «Pro aris et focus certamen» (буквально: «Борьба за алтари и домашние очаги») — и заимствовано также из Цицерона (О природе богов. III, 94), стало впоследствии поговорочным. В данном контексте его можно передать по-русски так: «В борьбе за благо родины».



ПРИЛОЖЕНИЯ



ИННОВАТИВ





ПРЕДИСЛОВИЕ А.-А. ШЛЕЦЕРА* К «ДРЕВНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» ЛОМОНОСОВА. 1766 г.

К читателю

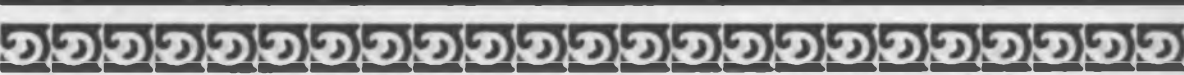
Сочинитель сея книги, покойный статский советник Михайло Васильевич Ломоносов, издал уже в 1760 году «Краткий российский летописец», который принят был здесь с немалым удовольствием.

Потом, положив намерение сочинить пространную историю российского народа, собрал с великим прилежанием из иностранных писателей все, что ему полезно казалось к познанию состояния России прежде Рурика, и при том описал жития осьми

первых великих князей, сидевших на российском престоле от 862 до 1054 года.

Полезный сей труд содержит в себе древние, темные и самые ко изъяснению трудные российской истории части. Сочинитель, конечно, не преминул бы оный далее продолжать, ежели бы преждевременная его смерть, приключившаяся ему 4 апреля 1765 году, доброго сего предприятия не пресекла; а между оставшимися после него письмами продолжения не найдено.

* Шлецер Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк и филолог, русист. С 1762 г. адъюнкт, с 1769 г. иностранный почетный член Петербургской академии наук. Профессор Геттингенского университета (1768—1809).



ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ М. В. ЛОМОНОСОВА

Древняя Российская история
от начала российского народа до кончины великого князя
Ярослава Первого, или до 1054 г.

Neue Zeitungen von gelehrten Sachen.
1769. № 3. С. 18—20

Рига. Гарткнох издает: *Alte Russische Geschichte...* Михаила Ломоносова, 1768.

Автор этого важного сочинения по русской истории, покойный статский советник Ломоносов, который уже прославился в 1760 г. своим «Кратким российским летописцем», решил написать более подробную российскую историю. Для этой цели с большим старанием собрал все, что считал полезным, из иностранных писателей, чтобы получить представление о русской истории со времен Рюрика, и дал при этом жизнеописание первых восьми князей, которые правили Россией с 862 по 1054 г. Эта полезная книга, выходящая здесь в немецком переводе, проливает свет на часть русской истории, которая имеет еще много темных мест и совсем не обработана. Тем более приходится сожалеть, что смерть автора, постигшая его в 1765 г., помешала ему продолжить это важное предприятие, ибо именно в этом разделе истории он имел возможность дать нечто полезное и хорошее. Уже из того, что он написал здесь о

правлении первых восьми великих князей, видно, что он при этом обращался главным образом к российским хроникам, чем он заметно отличается от своих предшественников. Г-н Бакмейстер этим переводом оказал весьма большую услугу всем немецким любителям истории, к тому же он своим старанием, уточнением приведенных мест и пояснением таких мест и слов, которые трудно понять иностранцу, пытался сделать это сочинение более общедоступным. Очень уместна также краткая справка о русских книгах, которыми пользовался автор в качестве источников, приложенная здесь в предисловии. Потеря, которую принесла русской истории смерть г-на Ломоносова, была бы, вероятно, еще более чувствительной, если бы мы не знали, что теперь славными усилиями Императорской Академии наук не только все более раскрываются русские источники по истории, но также предпринята уже тщательная разработка этой истории самими прилежными членами Академии.

Journal Encyclopédique. 1769. 15 decembre.
T. VIII. P. III. C. 373—385

История России с основания русского государства до смерти великого князя Ярослава I Михаила Ломоносова. Перевод с немецкого М. Париж и Дижон, 1769.

Краткие очерки истории России дают нам только очень несовершенное представление об этой стране и о народе, который ее населяет. Как говорит переводчик появившегося недавно подобного краткого очерка, был только один коренной уроженец этой страны, который мог обратиться к источникам и справляться у авторов исторических трудов на их родном языке,

анализировать памятники, в совершенстве определять места деяний, следовать цени событий, обсуждать темные факты, выявлять исторические ошибки, наконец, дать правильное представление о нравах и законах и даже постигнуть изменения, которые в них произошли. К тому же большинство писателей в своих очерках этой истории не доходили даже до царствования Петра I.

Ломоносов специально изучал историю своей страны; он стремился найти объяснение характера русских в происхождении



Преподобный Нестор Летописец.
Из книги «Патерик Печерский — сие есть Отечник»



Карта Русской земли в IX веке

и в образовании самой нации; он осветил времена наиболее отдаленные и поставил себе целью продолжить эту историю до своего времени, но смерть помешала ему, и он довел историю только до XI в.

Когда в 1760 г. его работа появилась на русском языке, она была переведена на немецкий. Петербургская академия наук вынесла весьма благоприятное суждение об этом произведении и пришла к выводу, что автор охватил наиболее темную и самую трудную для выяснения часть русской истории.

Ломоносов разделил свой труд на две части. Первая представляет собой географическое описание России. Издатель и французский переводчик, будучи внимательными к этому изданию, украсили его двумя маленькими картами, одна Южной, другая Северной России. В первой части ав-

тор рассказывает о древних жителях страны и русской нации вообще. Автор выводит ее происхождение от объединения племен славян и чудь. Это заставляет его говорить о величии славянской нации и различных народов, которые ее составляют. Этот народ распространился в Европе и Азии, и автор замечает, что славяне начали клониться к упадку, только когда западные и южные их ветви подпали под иностранное господство и приняли магометанскую религию. Но славяне в России удержались. Со времен первых правителей в России поселились славяне новгородские, поляне на Днепре и по горам Киевским, древляне в Червонной России, между Днепром и Припятью, полочане на Двине, северяне на Десне, Семи (Сейме) и Суле, дулебы и бужане на Буге, кривичи в Смоленске, волыны в Волыни, дреговичи между Припя-

тью и Двиною, радимичи на Соже, вятичи на Оке, а другие славянские племена в различных других местах. Автор отмечает древность славянской нации. Это от нее происходят сарматы и венды, меды и т. д. Ее различные племена имели особые нравы, обычаи и религию. Поляне, согласно Нестору, самому древнему русскому историку, который жил в XI—XII вв., по примеру их предков — славян, — кротки и гуманны, почтительны к старшим и соблюдают брачные союзы; древляне живут зверским обычаем, убивают друг друга и едят нечестивых зверей, брачных уз не соблюдают, похищают девушек и т. д. Нравы и вера вендов и померанских славян представляют своеобразные черты жестокости. Они приносили своему идолу в жертву христианских пленников. Их сажали во всем одеянии на лошадь, привязывали ноги животного к четырем столбам, вокруг которых клали дрова, разжигали там огонь и сжигали человека и лошадь живьем. Историки свидетельствуют о переселениях и походах славян. Это мнение общее, которое уже установилось, согласно Корнелию Непоту, Квинту Курцию и особенно Плинию и Титу Ливию, а именно, что после падения Трои и после различных событий Антенор с несколькими илотами, изгнанными из Пафлагонии, прошел в глубь Адриатики, что они приняли имя вендов и распространились на северном и восточном берегу Адриатического моря и, наконец, вдоль Дуная. Второе переселение совершилось из Мидии к северу и западу от Черного моря, сарматы распространились к западу, славяне ушли в Иллирию, Далмацию и т. д. Все русские историки утверждают, что первыми жителями России были славяне и чудь. Большим числом авторитетов установлено, что чудь были иные племена, чем скифы, которые населяли Ливонию, Эстляндию, Ингрию, Финляндию, Карелию, Лапландию.

Ломоносов рассматривает в этой главе происхождение почти всех северных народов, но особенно останавливается на народах, из которых вышли русские; он находит, что на востоке славяне составляли одно целое с чудью; что на западе они объединились с варягами и что отсюда происходят русские и пруссаки. Наконец,

варяго-россы сделали своими данниками обитателей Новгорода, которые объединились с ними и с южными славянами. Они избрали Рюрика в 862 г. для правления. С этой эпохи начинается вторая часть труда.

Рюрик, известный как основатель российской монархии, произошел, согласно некоторым русским историкам, от императора Августа. Это должно было свидетельствовать о необыкновенной силе русских для тех, кто не знает, что он поселился среди последних, что во время гражданской войны Цезаря и Помпея множество римлян покинули Италию и поселились на южном берегу Балтийского моря, где они построили город, который называли Римом и который долго был столицей государства. По просьбе славян и чуди Рюрик принял бразды правления и избрал Ладогу местом пребывания своей семьи и варягов-россов. После смерти своих двух братьев, Синеуса и Трувора, которые правили один в Новгороде, а другой на Беле-озере, народ чудь осел на Беле-озере, Рюрик наследовал их владения и поселился в Великом Новгороде. Дошедшие до нас рассказы о его правлении весьма любопытны, но подозрительны. Аскольд и Дир, два знатных боярина, пошли на константинопольского царя Михаила; по дороге они поработили Полянскую землю и установили там свое правление; затем они столкнулись с 200 греческими судами, разорили страну и подступили к Константинополю так близко, что сам император едва туда пробрался, а когда он вошел туда, то велел вынести ризу Богоматери на берег и погрузить ее в море. Поднялась сильная буря, которая разбила неприятельский флот. Бояре потеряли свое войско и возвратились в Киев.

Рюрик умер и оставил княжить своего сына Игоря, под опекой Олега. Последний расширил владения своего опекаемого, захватил врасплох Аскольда и Диру, убил их и сделал Киев столицей государства. Он подчинил кривичей, полян, древлян, северян, радимичей. Когда Игорь достиг совершеннолетия, он ему передал правление и предпринял поход на Константинополь с 200 тысячами мелких судов, а сам шел во главе кавалерии. Они разгромили, сожгли

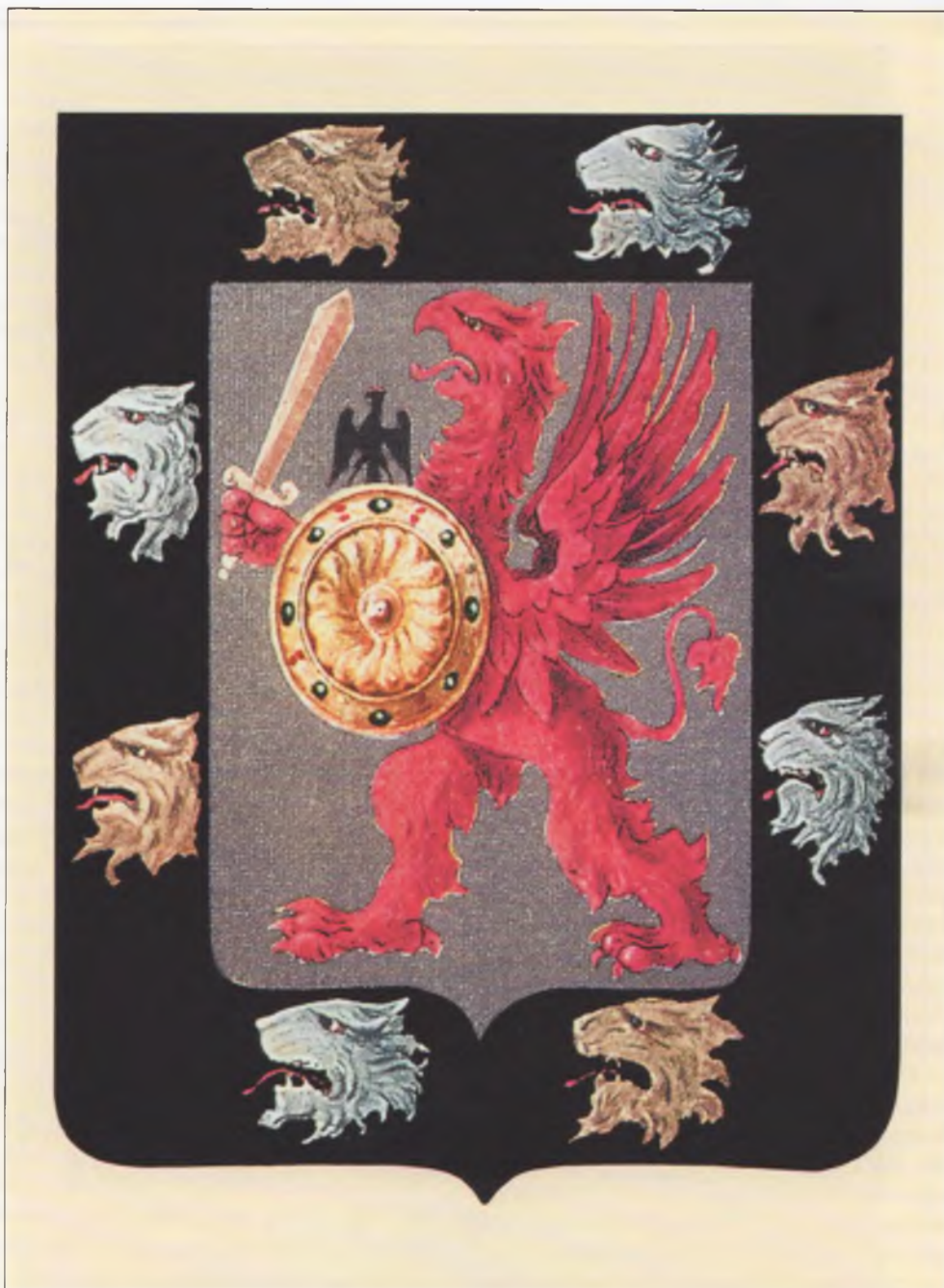
и потопили в крови греков. Флот прибыл к Константинополю, греки предложили дань и угощение, но Олег, который хорошо знал греков, отказался от угощения из-за опасения, что оно отравлено. Греки, думая, что св. Димитрий их наказывает, согласились уплатить дань в таких значительных суммах, что Олег приобрел среди своих соотечественников прозвище чародея. Перед своим блестящим походом Олег спросил у волхва, какой смертью он умрет; тот ему ответил, что конь, который ему служит и которого он страстно любит, будет причиной его смерти. Олег, чтобы не видеть больше своего коня, отослал его в отдаленную провинцию. По возвращении из Константинополя он спросил о нем. Ему сказали, что этот конь умер. Он велел позвать волхва, привел его к тому месту, где похоронено животное, и сказал волхву: «Видишь, ты — лжец, конь мертв, и кости его не могут мне причинить никакого вреда». Он толкнул ногой череп, и из него выползла змея, которая укусила Олега за ногу, и так сильно, что он умер спустя два дня. Он правил 33 года.

Игорь ему наследовал и правил один. Он совершил набег на Константинополь, и набег был очень счастливый. Он воевал в Вифинии, Пафлагонии и в Никомидийской земле до Ираклии, но его армия была окружена и разбита. Игорь вернулся на корабль, а его флот стал жертвой греческого огня; русские не могли спастись иначе, как вплавь. Но он собрал новую армию и флот еще более могущественные. Испуганные греки вышли навстречу Игорю, который удовлетворился их огромными дарами и заключил дружеский вечный договор с императорами Константином и Стефаном. Игорь погиб во время бунта древлян, на которых он по требованию своих приближенных наложил слишком большую дань.

Святослав, его сын, был слишком юн, чтобы ему наследовать, и правление государством перешло к княгине Ольге. Представители древлян пришли и предложили ей в супруги своего князя. Княгиня отложила свой ответ до следующего дня. Когда она послала за ними, они ответили, что они не явятся ни пешком, ни на лошадях, но желают, чтобы почтили их при въезде,

несли их ладьи до башни, где была княгиня. Она на это согласилась и велела все приготовить. Был отдан приказ зарыть их в землю. Затем она направила представителей своих к древлянам, чтобы те послали к ней для заключения брачного союза несколько самых уважаемых лиц с тем, чтобы киевляне ее охотнее отпустили. Древляне выслали к ней лучших своих представителей. Ольга встретила их любезно, пригласила вымыться в бане и гам всех сожгла живьем. После этого она тотчас отправила гонца к древлянам с просьбой принести на могилу Игоря мед и другие яства, чтобы перед тем, как ей снова вступить в брак, она устроила бы пир в честь покойного мужа. Древляне согласились. Княгиня уверила их, что их соотечественники (посланные к ней ранее) едут в своих повозках. Древляне, ничего не подозревая, предались веселью и упились на могиле Игоря, причем поносили его память в присутствии супруги. Когда они наполовину опьянели, Ольга подала знак, и киевляне истребили их; на месте осталось 5 тысяч.

Затем Ольга поставила Святослава во главе могущественной армии против древлян. Юный князь и его мать одержали полную победу. Они появились перед Искорестом, городом, который был более всего повинен в смерти Игоря. Но город стойко защищался. Прошел год, и Ольга предложила осажденным сдаться. Она обещала заключить с ними договор столь же благоприятный, как и с другими городами, которые ей покорились. Осажденные выслушали внимательно ее предложения и обещали послать ей мед и кожи. Ольга ответила, что она согласна и на меньшую дань и просит только по фитилю для огня каждому из ее воинов, по три воробья и по три голубя. Ольга обещала снять осаду и отослала послов. Все было погружено в сон в Искоресте, когда среди ночи древляне оказались объатыми пламенем: все дома были в огне. Ольга велела привязать к хвостам голубей и воробьев фитили, пропитанные серой, и велела их выпустить. Птицы направились к своим гнездам и подожгли чердаки и крыши домов. Всех же, кто спасся от огня, или задушили, или заставили уплатить очень большую дань. Вскоре после этого



ГЕРБ ДОМА РОМАНОВЫХ.

Из книги «Российский царственный дом Романовых». 1852—1853 гг.

Книга «Российский царственный дом Романовых» (издание Г. К. Фридебурга. — СПб., 1852—1853) была посвящена воспитанникам военно-учебных заведений.

В полном виде включает иллюстрированный заглавный лист, 146 страниц текста (16 частей) и 41 литографию: 37 портретов и 4 памятника, а также «Родословное древо дома Романовых» на двойном листе



БОЛЬШАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Из «Царского Титулярника» царя Алексея Михайловича. 1672 г.



Ф. Солнцев. Свидание Святослава с Цимисхием (по описанию Льва Диакона)

Ольга передала государство Святославу, своему сыну, а сама отказалась от престола, приобщилась к христианскому учению и отправилась креститься в Константинополь.

Святослав, как говорит историк, проходил земли неприятельские с быстротой орла и бесстрашием леопарда. Он несколько раз побеждал болгар и вступил с ними в союз против Иоанна Цимисхия, с которым вел долгую войну с большими потерями и с большим успехом. Святослав погиб в сражении с печенегами, при возвращении в свою страну, которую печенеги опустошили во время его отсутствия. Куря, военачальник печенегов, велел оправить череп Святослава в золото с надписью: «Кто чужого ищет, свое потеряет». Этот череп служил чашей у печенегов, на пирах. Князь Святослав навлек на себя все несчастья только из-за своего честолюбия.

Другие правители России, о которых рассказывает автор в своем труде, это: Ярополк, сын Святослава; Владимир, брат Ярополка; Святополк; Ярослав I. История доведена до 1054 г. Во время правления этих князей происходили события столь же интересные, как и те, о которых мы только что рассказали. Жизнь Владимира Великого, первого правителя, или царя, России, который сам крестился, представляет собой особый трактат. То, что он совершил, прежде чем принять греческую веру, составляет целую эпоху в его жизни.

К сожалению, М. Ломоносов не имел времени довести эту историю до царя Петра I. Хотя автор и не отбросил с достаточной критичностью некоторые факты, которые кажутся неправдоподобными, его краткая история вместе с историей Петра I, написанной Вольтером, составила бы полный свод летописи России, которого мы до сих пор не имеем.

Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen.

1770. St. 108 (8 Sept.). С. 937—939

Изд. *Guillge und des Ventes в 1769 г. изда-
ло Histoire de la Russie...* Большое влия-
ние, оказываемое Российским го-
сударством на современное состояние
Европы, возбудило, естественно, желание
знать, как оно возникло. Г-н Ломоносов
собрал сведения из старых хроник, глав-
ным образом от монахов, но его сочинение
часто несет на себе и следы легенд. В пер-
вом томе мы находим сведения о древних
народах, населявших Россию, и о проис-
хождении нынешних русских. Из-за недо-
статка в надлежащих исторических источ-
никах он пользуется здесь именами и
историей слов, и мы должны заметить, что
г-н Ломоносов еще больше, чем другие пи-
сатели, позволяет себе произвольные пред-
положения, недоказанные законы. Он вы-
водит русских от двух древних народов —
славян и скифов, или скифов. Первые, язык
которых господствует в России, происхо-
дят из Пафлагонии, так как оттуда проис-
ходят итальянские венеты, по Непоту. Но
являются ли падуанские венеты славяна-
ми? Сарматов Плиний выводит из мидян.

Амазонов Ломоносов возводит к алазо-
нам, то есть их греческое название означа-
ет, как и слово «славяне», самохвала. Инте-
ресно знать, как в древние времена опре-
делили стоимость на содержание идола
Свяговида в 300 рублей. Варенгов (варугов
у шведов) Ломоносов считает пиратами рус-
ского происхождения. Ецуды — это, с одной
стороны, литовцы, эсты, карелы, финны, ла-
понцы, пермяки, черемисы, вотяки, морд-
вины и шпраны и, с другой стороны, венг-
ры, язык которых родственен ецудскому.
Они — поскольку Липиоксайс, Арпоксайс
и Тарпераус, князья скифов, на ецудском
языке имеют имена, соответствующие их

истории, — по Ломоносову, скифы; русские
варанги — пруссаки, по сходству некото-
рых имен и обычаев, и сами пруссаки —
славяне. С Волги происходят аланы, или
русские, которые при князе Цейдевуте ста-
ли более упорядоченным народом на Бал-
тике. Рюрик и его братья, вероятно, были
пруссаки. Но что некоторые родственники
римских императоров, распространившись
до Балтийского моря, приняли высший ти-
тул Августов, очень маловероятно. Рюрик
начал княжить в 862 г. Он объединил сла-
вян, ецудов и варангов и имел резиденцию
на Ладоге. Его брат Олег княжил после не-
го с большим умом, пока подрос сын Рюри-
ка Игорь, и он верно уступил княжество
племяннику. Игорь разбил греков и отка-
зался выплачивать им дань. Ольга, его вдо-
ва, управляла после него государством, же-
стоко отомстила Дремпери за его убийство
и передала княжество своему сыну Свято-
славу, великому, но под конец несчастливо-
му воину. Ярополк, его сын, воевал со сво-
им братом. Владимир одолел его и стал
великим князем. Он был счастливый и до-
брый правитель, когда укрепился на тро-
не, и в 987 г. принял христианскую веру,
так как послам, которых он отправил ис-
кать лучшую веру, больше всего понрави-
лось богослужение в Константинополе.
Чудо наградило его крещение. Он разде-
лил, по злополучному обычаю того време-
ни, владения между сыновьями. Старший,
Святополк, убил несколько своих брать-
ев, а Ярослав занял после него трон. Его
победитель, брат Мстислав, оставил трон,
со значительным сокращением владений,
Ярославу. Сестра последнего вышла замуж
за Генриха I во Франции. Ярослав умер в
1054 г.

Effemeridi litterari di Roma. 1772. С. 398—399

И вот появилась хорошо изложенная
и истинная история русского наро-
да после столь глупых, ложных и
нелепых трактатов, которые предлагали
плохо информированные авторы, так как
иностранцы не могли ознакомиться с ори-

гиналами и подлинными памятниками
этого народа. Ученый и педантичный г-н
Ломоносов, обладающий всеми необходи-
мыми качествами, внимательный, неуто-
мимый, образованнейший исследователь
древнейших рукописных памятников сво-



Н. Каразин. Христиане на Руси во время преследования их Владимиром

ей родины, по этим материалам составил «Историю», о которой мы и извещаем и которая, едва появившись на русском языке, была переведена с большим изяществом на немецкий, а затем на французский. Жаль, что безвременная смерть прервала нить занятий нашего москвитя, он скончался в 1765 г. и смог довести начатую «Историю» лишь до царствования Ярослава I, закончив на 1054 г. н. э. Мы надеемся, что какой-либо ученый, его земляк, продолжит рабо-

ту, а пока мы скажем нашему читателю, что автор сделал ученое вступление, в котором пытается отстоять древность и славу своей родины от забвения и презрения, в которых повинны старые и современные писатели. Он справедливо утверждает, что причина такого оскорбительного равнодушия заключается в недостаточном искусстве русских историков, которые, при всем их прилежании, не могут быть приравнены к Геродоту, Фукидиду, Ксенофону, По-

И



Гробница Ярослава Мудрого в храме святой Софии
в Киеве, высеченная из белого мрамора.
Обнаружена в XVII веке

либию, Саллюсию, Ливию и т. д., сделавших бессмертными имена греков и римлян. Далее следует краткое географическое описание Российской империи, с двумя очень точными картами. Первая часть разделена на десять глав, где автор с большой эрудицией сообщает, что древние славяне суть родоначальники и предки русского народа; и на 88 страницах следует описание, в форме анализа, различных судеб и перипетий славян. Вторая часть начинается с 862 г. от Р. Х., с правления Рюрика, основателя московской монархии, и в шести главах развивается история его преемников. В седьмой главе говорится о правлении Владимира, первого принявшего христианское вероисповедание, и дается краткое, но достаточное описание языческих суеверий, которые были распространены в это время; история побед, увлечений, жестокостей и различных превратностей судьбы этого знаменитого князя в высшей степени интересна; он был первый царь, принявший христианство, и история его обращения очень любопытна, хотя автор выступает здесь явно как писатель-раскольник. Княгиня Анна, сестра Василия и Константина, императоров греческих, была звеном, объединившим души гордого Владимира и ее братьев, и его женитьба была для него последним толчком к тому, чтобы принять религию своей прекрасной молодой жены, хотя его уже подготовили к этому беседы с христианским греческим философом по

имени Константин. Можно проследить, что варварские князья Севера и Галлии почти все сдались под приятное иго христианской религии, привлекаемые ласковостью, милосердием и примером этой супруги-христианки. Это счастливое событие в Московии последовало в 988 г. от Р. Х. Владимир был не первый из москвитов, кто увлекся Евангелием. Императрица Ольга, которая впоследствии славно управляла империей при малолетнем Святославе, крестилась в Константинополе и получила имя «Елена».

Можно проследить, что моногамия, предписанная Евангелием, была сильнейшим доводом, заставившим супругу полюбить христианство, которое отнимало страх соперничества и разрушало ненавистную полигамию; и, напротив, мужчин, довольно невоздержанных и любящих разнообразить свои удовольствия, испугала суровость нового закона, который как раз требовал, чтобы они довольствовались одной супругой, связанной с ними узами, расторжимыми разве лишь смертью. Достоинно порицания то, что это часто было пагубным поводом для некоторых князей отказаться от евангельского ига, что можно подтвердить многими фактами из истории, главным образом о князьях восточных и северных. Заканчивается этот том, как мы уже сказали, царствованием Ярослава, который прожил 66 лет и умер великим в войне и мире в 1054 г.



«...Постави Ярослав Лариона митрополитом Русина в святой Софьи, собрав епископы...»

Из Кенигсбергской летописи

Краткий Российский летописец с родословием

Historisches Journal von Mitgliedern des königlichen historischen Instituts
zu Göttingen.

1773. Т. II. С. 262—265

«Краткий Российский летописец...» Новое изд. Рига, 1771. Покойный Ломоносов, человек, имеющий большие заслуги перед русской литературой, написавший также российскую грамматику, до сего времени единственную в своем роде, создал большое произведение по российской истории. Переведенный Штелиным «Краткий летописец» является извлечением из этого сочинения. Весь труд целиком издан на русском языке. Мы полагаем, что Штелин проделал полезную работу, ибо он представил сокращенный перевод для пользования иностранцам, которые не имеют еще ни одного связного произведения по российской истории. Ибо хотя в наши дни образованный русский человек, достаточно хорошо знакомый с зарубежной литерату-

рой, может написать лучшую, значительно лучшую книгу по русской истории, чем написал или мог написать в свое время Ломоносов, тем не менее мы в нашем распоряжении не имеем ничего лучшего, чем очерк Ломоносова, который по крайней мере служит к тому, чтобы мы могли ясно себе представить по летописям последовательность русских великих князей от Рюрика до Петра Великого, в хронологическом порядке, а также, по приложенному в конце, на с. 53—72, родословному списку, — происхождение русских властителей и их родство с другими европейскими королями и князьями.

Перевод г-на Штелина впервые появился в Копенгагене и Лейпциге в 1765 г. Как сообщает сам писатель в начале первого предисловия, он избрал эту книгу для перевода, когда она четыре года назад вышла из печати, «для упражнения в русском языке и немецком стиле. Мог ли я, семнадцатилетний артиллерийский лейтенант, в долгие зимние вечера мало занятый пушками и мортирами, найти более приятное и полезное времяпрепровождение?» Что касается перевода, то в первом издании, правда, чувствуется, что это своего рода языковые упражнения, но во втором издании г-н фон Штелин очень удачно исправил некоторые явные ошибки, как мы в этом с удовлетворением убедились из сравнения разных мест текста.

Первые 6 страниц содержат краткие сведения до Рюрика — основателя Русского государства, из которых мы, к сожалению, видим, что Ломоносов как историк не критичен. Правда, ему пришлось, как это вынуждены делать все мы при изучении древней истории России, черпать из источников, которые еще критически не очищены и недостаточно подготовлены для использования историками. Однако, как мы знаем это по собственному опыту, даже при нынешнем «некритическом» со-



Великий князь Рюрик.
Из «Большой Государственной Книги
1672 года», или «Корня Российских Государей»,
известной также под названием
«Царского титулярника»

стоянии русских хроник, можно написать нечто более основательное, чем написал Ломоносов. Хроники содержат достаточно материала, чтобы из них создать историю возникновения Русского государства от Новгорода и до Киева. Из книги Ломоносова мы не можем узнать, каким образом возникло Русское государство и как оно быстро разрослось путем завоеваний. Он считает (с. 1) славян потомками сарматов, а чуди, или финские народности, объединяет со скифами. В этом мы с ним согласны. Но мы не можем согласиться, когда он венетов, или генетов Ангенора на Адриатическом море (с. 2), превращает в венедов, или славян. На стр. 4 Ломоносов неправильно представляет роксоланов как рос-саланов, то есть как народ, составленный из россов и аланов. Древние писатели заимствовали слово «роксоланы», несомненно, от финнов, на языке которых до сих пор

шведов называют руотцолайнами или русами, немцев — саксалайнами, или саксами, датчан — югалайнами, или ютами, лапонцев — лапалайнами, литовцев — виролайнами. «Лайны» — на финском языке лишь окончание у названий народов. Утверждение (с. 5), что «пруссак» происходит от «поросе», тоже кажется нам необоснованным, ибо «по» по-русски означает лишь «после». Мы были бы очень признательны эгимологу, который может показать, что «пороссы» — это как бы последыши или оставшиеся после россов или руссов. Но такого значения «по» не имеет ни в русском, ни в других славянских наречиях, не говоря уже о других исторических и географических соображениях, которые полностью отвергают такое толкование, если даже считать, что «по» может означать «последыш».

[А.-Л. Шлецер]

Allgemeine deutsche Bibliothek. Bd. 24. 1775. С. 483

«Краткий Российский летописец...» 2-е изд. в пер. Штелина. Рига, 1771.

Ломоносов, человек, известный в русской поэзии и историографии, здесь допустил ряд ошибок и вообще недостаточно критически использовал русские хроники. Его последователи в этом деле уже добились гораздо большего. Его книга встретила одобрение, так как тогда не было ничего лучшего.

Переводчик, который в предисловии к нынешнему второму изданию, обогащенному исправлениями г-на Шлецера (первое вышло в 1765 г.), называет себя советником посольства при Саксонском дворе, предпринял бесполезную работу. Как краткий справочник, в котором можно од-

ним взглядом охватить последовательность русских великих князей и их родство между собой и с другими европейскими правительствами, эта книжка всегда найдет любителей. Переводчик, кажется, не всегда верен своим собственным правилам в написании русских имен. Он порицает французов и русских, которые пишут *Moscou* и *Moscau*, в то время как следует писать *Mosqua* (почему не *Moskwa*?), а сам он тоже сплошь и рядом пишет *Moskau*. Но мы это вовсе не считаем ошибкой. Он следует укоренившейся привычке. Только ему не следовало бы бранить других и заявлять в предисловии, что он намерен писать русские имена так, «как они звучат на лучшем, то есть московском и родном языке».

Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Litteratur in Russland. Bd. VI. 1779. С. 334—338

Покойного статского советника и профессора Михаила Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и в прозе. Книга первая (вторая и третья). 1778, ч. I, 308 с.; ч. II, 634 с.; ч. III, с. 670. С портретом автора и другими гравюрами.

Скончавшийся в 1765 г. статский советник и член Академии наук Ломоносов известен в России и за ее пределами многочисленными сочинениями и их переводами. Уже много лет назад вышли его стихи и речи в двух книгах (вместе около 500 с.), а

также напечатаны отдельно разные его статьи о различных материях.

Нынешнее новое издание организовал г-н архимандрит Дамаскин, ректор Московской академии и профессор богословия, чтобы (как сам он говорит в обращении к свободному русскому обществу) авторы и переводчики, а также учащаяся молодежь могли легче познакомиться с

этим классическим автором и лучшим русским писателем и всегда имели бы его перед глазами как образец. Он включил в это собрание не только речи и стихи, но вообще все ломоносовские произведения, не составляющие отдельных книг; и перепечатал их так, как они печатались раньше в разные годы под смотрением самого автора.

Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Litteratur in Russland. Bd. II. 1774. С. 74—75

Русское название — «Краткий Российский летописец...» Другое произведение того же автора — его «Древняя Российская история» — также переведено на немецкий язык. Предисловие к этому второму изданию написал Штелин, советник посольства в Дрездене. Он жалуется на

множество опечаток в первом издании. Новое издание он исправлял вместе с проф. Шлецером. Но кто из них исправлял и самое содержание, как об этом указывается в предисловии и на титуле, и как, собственно, это следует понимать, — об этом мы не можем судить.

МИХАИЛ ВЕРЕВКИН

ЖИЗНЬ ПОКОЙНОГО МИХАЙЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА

Михайло Васильевич Ломоносов родился 1711 года в Двинском уезде, в Куростровской волости, в деревне Денисовской, на Болоте то же, на острове, лежащем недалеко от Холмогор.

Отец его — государственной крестьянин Василий Дорофеев сын, житель сей волости, промыслом рыбак¹. Начал брать его от десяти- до шестнадцатилетнего возраста с собою, каждое лето и каждую осень на рыбные ловли в Белое и Северное море. Ездил с ним даже до Колы, а иногда и в Северный океан до 70 градусов широты места. Сам он рассказывал обстоятельства сих стран, о ловле китов и о других промыслах.

Возвращаясь с рыбных промыслов, провозжал зиму дома. В селении своем научился у одного тамошнего священнослужителя² читать и писать по-русски, читал обыкновенно одни только церковные книги, и когда прашивал у учителя своего светских, то сей обыкновенно отвечал ему, что для приобретения большого знания и учености требуется знать язык латинский, а сему не инде можно научиться, как в Москве, Киеве или Петербурге, что в сих только городах довольно книг на том языке. Простой арифметике³ выучился он сам собою⁴.

Долгое время питал он в себе желание убежать в которой-нибудь из сказанных городов, чтоб вдаться там наукам. Нетерпеливо наживал удобного случая. На 17 году возраста своего напоследок оной открылся. Из селения его отправлялся в Москву караван с мерзлою рыбою. Всячески скрывая свое намерение, поутру смотрел, как будто из одного любопытства, на

выезд сего каравана. Следующей ночью, как все в доме отца его спали⁵, надев две рубашки и нагольный тулуп, погнался за оным вслед. В третий день настиг его в семидесяти уже верстах. Караванной приказчик не хотел прежде взять его с собою, но, убежден быв просьбою и слезами, чтоб дал ему посмотреть Москвы, наконец согласился. Чрез три недели прибыли в столичный сей город. Первую ночь проспал Ломоносов в обшევнях у Рыбного ряду. Назавтрее проснулся так рано, что еще все товарищи его спали. В Москве не имел ни одного знакомого человека. От рыбаков, с ним приехавших, не мог ожидать никакой помощи: занимались они продажей только рыбы своей, совсем о нем не помышляя. Овладела душою его скорбь, начал горько плакать, пал на колени, обратил глаза к ближней церкви и молил усердно Бога, чтобы его призрел и помиловал.

Как уже совсем рассвело, пришел какой-то господской приказчик покупать из обоза рыбу. Был он земляк Ломоносову, ко его лицо показалось ему знакомо. Узнав же, кто он таков и о его намерении, взял к себе в дом и отвел для житья угол между слугами того дома.

У караванного приказчика был знакомой монах в Заиконоспасском монастыре, которой часто к нему хаживал. Чрез два дни после приезда его в Москву пришел с ним повидаться. Представя он ему молодого своего земляка, рассказал о его обстоятельствах, о чрезмерной охоте к учению и просил усиленно постараться, чтоб приняли его в Заиконоспасское училище. Монах взял то на себя и исполнил самым делом. И так учинился наш Ломоносов учеником в сем

монастыре⁶. Дома между тем долго его искали и, не найдя нигде, почитали пропавшим до возвращения обоза по последнему зимнему пути: тогда уже узнали, где он и что он.

В монастыре обучался Ломоносов⁷ с великою охотою и оказал примерные успехи. По прошествии первого полугода перевели его из нижнего класса во второй, в том же году из второго в третий класс. Через год после того столько стал он силен в латинском языке, что мог уже на нем сочинять небольшие стихи. Тогда начал учиться по-гречески, а в свободные часы, вместо того что другие семинаристы проводили их в резвости, рылся в монастырской библиотеке. Находимые во оной книги утвердили его в языке славенском. Там же, сверх летописей, сочинений церковных отцов и других богословских книг, попало в руки ему малое число философских, физических и математических книг.

Законоспаская библиотека не могла насытить жадности его к наукам, прибегнул он к архимандриту с усильною просьбою, чтоб послал его на один год в Киев учиться философии, физике и математике; но и в Киеве, против чаяния своего, нашел пустые только словопрения Аристотелевой философии; не имея же случаев успеть в физике и математике, пробыл там меньше года, упражняясь больше в чтении древних летописцев и других книг, писанных на славенском, греческом и латинском языках.

Скоро по возвращении его в Спаское училище прислано во оное было в 1734 году⁸ требование из Петербургской академии наук о присылке нескольких семинаристов, которые бы уже разумели по-латыни, для учения физики и математики у тамошних профессоров. Ломоносов возрадовался давно желанному случаю и неотступно просил архимандрита, чтоб его туда послал⁹.

Он приехал с прочими учениками из Спаского монастыря в Петербург; в состоящую под ведомством Академии гимназию. Там слушал начальные основания философии и математики и прилежал к тому с крайнею охотою, упражняясь между тем и в стихотворении, но из сих последних его трудов ничего в печать не вышло. От-

менную оказал склонность к экспериментальной физике, химии и минералогии. Проучившись целые два года начальным основаниям сих наук и утвердившись в математике, назначен был с товарищем своим Виноградовым в Германию: прежде в Марбург; к тогдашнему славному философу и математику Христиану Вольфу.

По происшествии трех лет отправлен, по совету сего славного мужа, к искусному горному советнику Генкелю в Фрейберг; на Саксонские медные рудники, учиться практической металлургии и горному делу.

Через год возвратился в Марбургской университет для продолжения теории сих наук.

Не замедлил сделаться силен в немецком языке, к которому, еще будучи в Петербурге, положил хорошее основание. От обхождения с тамошними студентами и слушая их песни, возлюбил немецкое стихотворство. Лучший для него писатель был Гюнтер. Многих знатнейших стихотворцев утвердил наизусть. По тамошним ямбам, хорям и дактилям начал измерять стопы и в русских стихах совсем новым образом, несравненно глаже и согласнее прежних в чтении. Первый пример таких размеров в русских стихах оказал в 1739 году¹⁰, торжественною одою на победу, одержанную российскими императорскими войсками над татарами и турками, или на завоевание крепости Хотина. Сию оду послал он из Марбурга к тогдашнему Санкт-Петербургской академии наук президенту г. Корфу. Отдана она была для просмотра г. Адаурову обще с некоторыми академиками. Удивились они размеру стихов, который до сего времени был вовсе неизвестен в российском стихотворстве. Написана ода была ямбическими стопами на вкус Гюнтеров, подражательно славной его оде.

Камергер Корф напечатал ее. Подал в торжественной день императрице Анне. Разнесена была ко всем придворным; каждой читал ее со удивлением.

В то самое время, то есть 1740 года, женился Ломоносов в Марбурге тайно на дочери хозяина того дома, где жил, портного мастера, которая еще до отлучения его из сего города учинила его отцом.



Жил он в Марбурге, городе недалеко от Гарцских гор, одним жалованьем, получаемым из Петербургской академии по третям, содержал порядочно свое семейство.

Академия, по прошению его, позволила ему побывать на Гессенских рудниках, что в Гарце. Там познакомился он со славным горным советником и металлургом г. Крамером, имевшим тогда уже в готовности к напечатанию прекрасное свое сочинение об искусстве разделения металлов. У сего ученого и искусного мужа он был довольное время и много успел в практической металлургии. Во осматривании плавильных и разбивных заводов провел целое лето; зимою возвратился в Марбург и остался там до весны 1741 года.

От неминуемых издержек на содержание скрываемого им семейства своего и от непорядочного, может быть, хозяйства впал в нищету и долги; дошел наконец почти до отчаянного состояния, так что непрестанно угрожаем был тюрьмою от должников, коих удовлетворить не имел силы. Принужденным себя увидел уйти из сего города, питаюсь милостынею по дороге. Из полученного им незадолго пред тем третнего жалованья не оставалось у него ни копейки. Расположился идти или в Любек, или в Голландию и после отправиться морем в Петербург.

Не простившись ни с кем, ниже с женою своею, одним вечером вышел со двора и пустился прямо по дороге в Голландию. Шел всю ночь. На третий день, миновав Дюссельдорф, ночевал поблизости от сего города, в небольшом селении, на постоялом дворе. Нашел там прусского офицера с солдатами, вербующего рекрут. Здесь случилось с ним странное происшествие: путник наш показался пруссакам годною рыбою на их уду. Офицер просил его учтивым образом сесть подле себя, отужинать с его подчиненными и вместе выпить так ими называемую круговую рюмку. В продолжение стола расхваливаема ему была королевская прусская служба. Наш путник так был употчеван, что не мог помнить, что происходило с ним ночью. Пробудясь, увидел на платье своем красный воротник; снял его. В карманах ощупал несколько прусских денег. Прусский офицер, назвав его храбрым солдатом, дал ему между тем

знать, что, конечно, сыщет он счастье, начав служить в прусском войске. Подчиненные сего офицера именовали его братом...

«Как,— отвечал Ломоносов,— я ваш брат? Я россиянин, следовательно, вам и не родня...» — «Как? — закричал ему прусский урядник,— разве ты не совсем выпался или забыл, что вчера при всех нас вступил в королевскую прусскую службу; бил с г. поручиком по рукам; взял и побратался с нами. Не унывай только и не думай ни о чем, тебе у нас полюбится, детина ты добрый и годишься на лошадь».

Таким образом сделался бедный наш Ломоносов королевским прусским рейтаром. Палка прусского вахмистра запечатлела у него уста. Дня чрез два отведен был в крепость Вессель с прочими рекрутами, набранными по окрестностям.

Принял, однако же, сам в себе твердое намерение вырваться из тяжелого своего состояния при первом случае. Казалось ему, что за ним более присматривают, нежели за другими рекрутами. Стал притворяться веселым и полюбившим солдатскую жизнь. К счастью, не поставили его постоем в городе, а держали в караульне, где он и спал на нарах.

Караульня находилась близко вала, задним окном была к скату. Заметив он то и высмотрев другие удобства к задуманному побегу, дерзновенно оный предпринял и совершил счастливо.

На каждой вечер ложился он спать весьма рано; высипался уже, когда другие на нарах были еще в первом сне. Пробудясь пополуночи и приметя, что все еще спали крепко, вылез, сколько мог тише, в заднее окно; всполз на вал и, пользуясь темнотою ночи, влекся по оному на четвереньках, чтобы не заметили того стоящие на валу часовые. Переплыл главный ров, а за внешними укреплениями и рavelинной, проминовал с крайним трудом контрэскарп, покрытый ход, палисадник и гласис и увидел себя наконец на поле. Оставалось зайти за прусскую границу. Бежал из всей силы с целую немецкую милю. Платье на нем было мокро.

Стало между тем рассветать. Услышал пушечной выстрел из крепости, обычный знак погони за ушедшим рекрутом. Овладевший им страх придал ему силы.

Ударился бежать, сколько мог, скорее. Непрестанно оглядываясь, завидел вдали скачущего за собою человека во весь опор, но успел, однако же, он между тем перебежать за Вестфальскую границу.

Обошел из предосторожности епископское селение находившимся поблизости лесом, остановился в нем отдохнуть, сушил мокрое свое платье, проспал спокойно до полудни. Восстановя, таким образом, силы свои, пустился в путь и прибыл чрез Арнгейм и Утрехт в Амстердам, называясь везде бедным саксонским студентом.

В последнем городе российский императорский поверенный в делах господин Олдекоп, изрядно его приняв, отправил, сходственно с его желанием, в Гаагу к российскому же послу графу Головкину на шлюпке. Сей граф довольствовал его чрез несколько дней всем нужным и, дав на дорогу деньги, отослал обратно в Амстердам, где скоро сыскал он удобный случай отправиться морем в Петербург.

Еще до отъезда своего из Гааги уведомил он оставленную в Марбурге жену свою чрез письмо о приезде своем в Голландию к российскому императорскому послу графу Головкину и чтобы не писала к нему прежде, пока он не даст ей знать о будущем своем состоянии и о месте своего пребывания. После не мог более года переписываться с нею, может быть, потому, что, по приезде в Петербург 1741 года, где скоро пожаловали его адъютантом, обстоятельства не позволяли объявить, что он женат, да и не говорил о том никому. Жену с дочерью, по дороговизне петербургской жизни, не в состоянии был содержать своим жалованьем.

На возвратном своем пути морем в отечество единожды приснилось ему, что видит выброшенного, по разбитии корабля, отца своего на необитаемый остров в Ледяном море, к которому в молодости своей бывал некогда с ним принесен бурей. Сия мечта впечатлелась в его мыслях. Прибыв в Петербург, первое его попечение было навеститься от архангелогородцев и холмогоров об отце своем. Нашел там родного своего брата и услышал от него, что отец их того же года по первом вскрытии вод отправился, по обыкновению своему, в море на рыбный промысел; что минуло уже тому четыре месяца, и ни он, ниже кто дру-

гой из его артели поехавших с ним еще не воротились. Сказанный сон и братние слова наполнили его крайним беспокойством. Принял намерение проситься в отпуск, ехать искать отца на тот самый остров, которой видел во сне, чтоб похоронить его с достою честию, если подлинно найдется там тело его.

Но обстоятельства не позволили ему произвести намерения своего в действо. Принужден был послать брата своего, дав ему на дорогу денег, в Холмогоры с письмом к тамошней артели рыбаков, усиленно их во оном прося, чтобы при первом выезде на промысел заехали к острову, коего положение и вид берегов точно и подробно им описал; обыскали бы по всем местам, и если найдут тело отца его, так бы предали земле.

Люди сии не отреклись исполнить просьбы его, и в ту же осень нашли подлинно тело Василия Ломоносова точно на том пустом острове и, погребши, возложили на могилу большой камень. Наступившею зимою был он о всем оном извещен. Внутренняя его скорбь, давно уже многими примечаемая, превратившись в явную, со временем умерилась.

Умножилась его прилежность в науках и трудолюбие. Сочинил рассуждения о натуральной истории и химии, доказавшие членам Академии изящность его ума и глубокость его знания, приобретшие их к нему уважение и открывшие ему путь к достоинству химии профессора.

Между тем оставленная в Марбурге его жена ожидала второго от него письма целые два года: не знала, куда он девался. В таком страхе и неизвестности, наконец, в 1743 году месяце феврале, подала письмо российскому императорскому в Гааге министру графу Головкину, чрез которого получила она, как выше упомянуто, первое мужнино письмо: оным просила, чтоб сделал с нею милость, утешил ее печалию снедаемое сердце и облегчил бы бедственное ее состояние уведомлением, где находится муж ее, российский студент Ломоносов: еще ли у него в Гааге или где именно в ином месте? Приобщила к тому письмо же и к мужу.

Графу Головкину известно было только, что Ломоносов за два уже пред тем года выехал из Амстердама в Петербург, где и

находиться ему надлежало. Охотно взял на себя переслать последнее письмо, написав и от себя собственно к канцлеру графу Бестужеву в Петербург, прося его об ответе.

Граф Бестужев приказал отнести письмо Ломоносову и взять для пересылки к жене его ответ.

Никто в Петербурге не думал, чтобы Ломоносов был женат. По прочтении письма сего вырвались у него следующие слова: «Боже мой! Могу ли я ее покинуть? Обстоятельства мешали мне до сего времени не только вывести ее сюда, но и писать к ней. Теперь же пусть она придет; завтра же pošлю 100 рублей на дорогу». Что и исполнил действительно. Из канцелярии графа Бестужева послано письмо его и деньги к графу Головкину в Гаагу, а от него в Марбург: Того же года летом прибыла жена Ломоносова с дочерью и братом, на Любском корабле, в Петербург и нашла обрадовавшегося приездом своим мужа, весела и здорова. Жил он тогда в академическом доме подле химической лаборатории.

Что Ломоносов в 1746 году произведен химии и экспериментальной физики профессором; что вовсе перестроил академическую лабораторию по новейшему и лучшему расположению; что многие делал эксперименты и новые открытия; также какие академические сочинения писал и читал в собраниях академических, какие изящные похвальные речи говорил Великому Петру и императрице Елисавете Петровне; какие прекрасные и сильные писал стихи; какие книги, например «Риторику», «Российскую грамматику», «Руководство к горному строению и заводам»; какие издал в печать трагедии на стихах российских и какую «Российскую историю», — все то не суть анекдоты, а труды, повсюду известные. Видеть их можно по порядку в печатных его сочинениях и в протоколах академических канцелярии и конференции.

Дарованиями и трудами своими снижал он всевысочайшую к себе милость блаженной памяти императрицы Елисаветы Петровны. Во всенародное тому доказательство пожалована ему была сею государынею дача Каровалдай на Финском заливе и взыскан чинами сперва коллежского, а потом ныне царствующей императрицею Екатериною II и статского советника.

Достоинства его уважены были отменно при дворе и от знатных особ государства, как, например, от канцлера графа Михаила Ларионовича Воронцова и всего его семейства; Ивана Ивановича и графа Петра Ивановича Шуваловых; тогдашнего академического президента и гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовского; от своих и иностранных славных ученых мужей и обществ, из коих некоторые имели его своим членом, как-то: Стокгольмская академия наук, славное Болонское общество и еще иные.

К анекдотам, касающимся до Ломоносова, из которых многим господин действительный статский советник Штелин был очевидным свидетелем, надлежит приобщить и следующий. Ломоносов, увидев первый раз в жизни своей мозаическую картину, изображающую плачущего апостола Петра, подаренную в Риме Папою Климентом Ламбертином канцлеру графу Воронцову, восхотел такую же сделать и в России. Рассмотрев прилежно составление оной, делал сам, в плавильной своей печи, из стекла вставные камни разных цветов и теней. Составил потребный к работе сей мастик и изобразил довольно изрядно, для первой в России сделанной мозаичной картины, лицо Петра Великого с Дангауерова подлинника. Потом непрестанно занимался сим художеством. Предпринял наконец по сенатскому указу сочинение большой мозаической картины, величиной в 12, а шириною в 8 футов, представляющей сражение под Полтавою, в которой бы люди наперед были видны во весь человеческий рост. Столь великая картина, подобно как и многие другие, должна была быть поставлена на украшение внутренних стен Санкт-Петербургской соборной церкви святых апостолов Петра и Павла. Окончена она им была чрез два года и несколько месяцев с нарочитым успехом.

Превосходству его учености, важности и красоте его пера отдавал справедливость и покойный действительный статский советник и кавалер Александр Петрович Сумароков, невзирая на всегдашнюю и непримиримую с ним вражду свою¹¹.

Ломоносов скончался на третий день Святой недели 1765 года. За несколько дней перед своею кончиною говорил он статскому



«Полтавская баталия».

Мозаика мастерской Ломоносова. 1763–1764 гг. Деталь

советнику Штелину: «Приятель! Я примечаю, что мне скоро умереть. На смертьзираю равнодушно, а сожалею только о том, что не успел довершить, что начал для пользы отечества, для славы науки и для чести Академии. К сожалению, вижу теперь, что благие намерения мои исчезнут вместе со мной».

Во время великолепных его похорон, на которых были новгородский и петербургский архиепископы со многим другим знатным духовенством, некоторые сенаторы и иные знатные особы, был и всегда не любивший его господин Сумароков.

Все оставшиеся после Ломоносова бумаги выпросил светлейший князь Григорий Григорьевич Орлов у вдовы его себе, велел

собрать Григорию Васильевичу Козицкому и запереть в особом покое своего дома.

Чрез несколько времени по смерти Ломоносова канцлер граф Воронцов, из уважения заслуг его к отечеству, вознамерился поставить над гробом его в Невском монастыре мраморный столб с надписью. Тогдашнему статскому советнику господину Штелину поручил сей граф нарисовать изображение камня по флорентийскому размеру и сочинить надпись. Тот и другая иждивением его сиятельства выработаны были в Ливорно из каррарского белого мрамора точно по рисунку, с высеченными прописями привезен в Петербург и воздвигнут над телом Ломоносова в помянутом монастыре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Он первый из жителей сего края строил и по-европейски оснастил на реке Двине, под своим селением, галиот и прозвал его «Чайкою»: ходил на нем по сей реке, Белому морю и по Северному океану для рыбных промыслов и из найму возил разные запасы, казенные и частных людей, от города Архангельского в Пустозерск, Соловецкий монастырь, Колу, Кильдин, по берегам Лапландии, Семояди и на реку Мезень.

² Через два года учинился, ко удивлению всех, лучшим чтцом в приходской своей церкви. Охота его до чтения на клиросе и за амвоном была так велика, что нередко биван был не от сверстников по летам, но от сверстников по учению за то, что стыдил их превосходством своим пред ними произносить читаемое к месту расстановочно, внятно, а притом и с особою приятностию и ломкостию голоса.

³ В доме Христофора Дудина увидел он в первый в жизни своей раз недуховные книги. То были старинная славенская грамматика и арифметика, напечатанная в Петербурге, в царствование Петра Великого для навигатских учеников. Неотступные и усиленные просьбы, чтоб старик Дудин ссудил его ими на несколько дней, оставались всегда тщетными. Отрок, пылающий ревностью к учению, долгое время умышленно угрожая трем стариковым сыновьям, довел их до того, что выдали они ему сии книги. От сего самого времени не расставался он с ними никогда, носил везде с собою и, непрестанно читая, утвердил наизусть. Сам он потом называл их вратами своей учености.

⁴ На тринадцатом году младый его разум уловлен был раскольниками, так называемого толка беспоповщины; держался оного два года, но скоро познал, что заблуждается.

⁵ Не позабыл взять с собою любезных своих книг, составлявших тогда всю его библиотеку: грамматику и арифметику.

⁶ А как не принимают в сию семинарию положенных в подушный оклад, то назвался Ломоносов дворянином. Покойный новгородский архиерей Феофан Прокопович в Киеве, его узнав и полюбя за отменные в науках успехи, призвал к себе и сказал ему: «Не бойся ничего; хотя бы со звоном в большой Московской соборный колокол стали тебя публиковать самозванцем, я твой защитник».

⁷ Вступление его в Заиконоспасское училище было в 1729 году, при ректоре архимандрите Германе Концевиче и префекте Софронии Мегалевиче. За латинскую азбуку посадил его иеромонах Модест Ипполитович. В 1730 году переведен в латинский грамматический класс учителя иеромонаха Германа Канашевича. В 1731-м синтаксис преподавал ему белец Тарасий Посников. В 1732-м в латинской и российской поэзии наставлял иеромонах Феофилакт Кветницкий. В 1734-м слушал риторiku у иеромонаха Порфирия Крайского, который после того заступил место ректора сего училища. В мае месяце 1735-м ради отличных успехов в учении, ректор архимандрит Стефан и префект Антоний отправили его в Санкт-Петербургскую академию наук. В его время покойный новгородский преосвященный Димитрий Сеченой был еще не пострижен и учил читать и писать по-латыни.

⁸ Показание в «Жизни» сего мужа, напечатанной при издании его трудов в 1778 году, будто бы переведен он был из Заиконоспасской в Петербургскую академию 1734 года, есть несправедливо. Нынешним сего монастыря ректором Павлом, особою, достойною почтения, найдена своеручная Ломоносова расписка в приеме жалованья за январскую треть 1735 года трех рублей пятидесяти копеек.

⁹ Способствовал ему и в том после бывший синодальным вице-президентом новгородской и великолуцкий архиепископ Феофан Прокопович.

¹⁰ Из сего ясно, что г. Ломоносов задолго перед тем ввел стопы в российское стихотворство, как г. Сумароков, только что выпущенный в сем самом году из Кадетского корпуса, учинился известным стихотворцем.

¹¹ Свидетельствуют оное следующие стихи в его печатных сочинениях: «От наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен»; еще на ином месте: «Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси».

Печатается по: Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Часть первая. В Санкт-Петербурге, изданием Императорской Академии наук, 1784. С. 3—18.

ИВАН ЕЛАГИН*

ИЗ «ОПЫТА ПОВЕСТВОВАНИЯ О РОССИИ»

Господин статский советник Ломоносов был, бесспорно, гот муж, который обладал всеми способностями прямого повествователя. В нем находилась обширного Тита Ливия соображения природа, великое тонкого Тацита политики проницание и краткого Салюстиева красноречия острота; словом, в нем видно и глубокое наук знание, и мыслей изобилие, и витийства богатство. Его несравненным пером оставленная нам первая часть русского повествования свидетельствует, коль отменным и в предложении приключений обладал он искусством; и хотя в исследовании времен и народов прехождении малую показал он прилежность и инде погрешил небрежением, но то, без сомнения, мог бы, осмотревшись, во втором издании исправить. Итак, невзирая на сие примечание, достойно слез и печали, что завистная смерть, безвременно его похитившая, лишила нас сего любимца и наперсника муз и зловредно отняла у отечества нашего продолжение прекрасного его творения; я не говорю: повествования бесстрастного и совершенного, ибо первую частью не достиг еще он до тех времен, когда лесть и лицемерство, яко исчадия страха и награды, сердце и характер писателей обнажают; не мог он одною первоначальною частью доказать и совершенство повествователя, весьма продолжительного повествования от него требующего, в котором единообразность приключений много-

численные к предложению их разности взыскует. В первом случае не без причины удобь возможно и в его чистосердечии сомневаться, когда представим себе, сколь бесстыдно стихотворцы и витии закрывают баснословием пороки государей. К стыду и укоризне французов, знаем мы многие примеры, находя в их стихотворцах, которые, вместо истинных жития и деяний Людовика XIV, короля их, сочинили ему прекрасные похвальные слова, которых по смерти его никто не читает. И нашего великого проповедника Феофана Прокоповича сочинение под именем «Жизни императора Петра I» содержит не жизнь героя, но похвалу сему герою, которую с важнейшим красноречием сказал он в слове на годичное по смерти его, государя, поминовение. Феофан велик был в красноречии, превосхожден в учении, но мал в повествовании явился. Обращаясь к Ломоносову, признаться, однако ж, подобает, что трудно как в красоте и приятности слога, так и в важности мыслей с ним сравняться и заступить по нем повествователя место. Великие люди редко рождаются. Демосфен был отменного учения муж и превеликий вития, но не повествователь; сие дарование уступает он изящному Фукидиду; а Ломоносов наш был вкупе и Демосфен, и Фукидид. Вступая отважно на путь, с толикою удачею им проложенный, кому возможно без робости подобным ласкаться успехом?

* Елагин Иван Перфильевич (1725—1794) — русский поэт, драматург, переводчик. Литературный противник Ломоносова.

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

СЛОВО О ЛОМОНОСОВЕ

Приятность вечера после жаркого летнего дня выгнала меня из моей кельи. Стопы мои направил я за Невский монастырь и долго гулял в роще, позади его лежащей [Озерки]. Солнце лицо свое уже сокрыло, но легкая завеса ночи едва-едва и на синем своде была чувствительна [июнь]. Возвращаясь домой, я шел мимо Невского кладбища. Ворота были отверсты. Я вошел...

На сем месте вечного молчания, где наитвердейшее чело поморщится несомненно, помыслив, что тут долженствует быть конец всех блестящих подвигов; на месте неизбежного спокойствия и равнодушия непоколебимого могло ли бы, казалось, совместно быть кичение, тщеславие и надменность? Но гробницы великолепные? Суть знаки несомненные человеческия гордыни, но знаки желания его жити вечно. Но се ли вечность, которая человек голико жаждущ?.. Не столп, воздвигнутый над тлением твоим сохранит память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия. Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово русского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит в устах народных за необозримый горизонт столетий. Пускай стихии, свирепствуя сложение, разверзнут земную хлябь и поглотят великолепный сей град, откуда громкое твое пение раздавалось во все концы обширныя России; пускай яростный некий завоеватель истребит даже имя любезного твоего отечества: но, доколе слово русское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь. Если умолкнет оно, то и слава твоя угаснет. Лестно, лестно так умрети. Но если кто умеет исчислить меру

сего продолжения, если перст гадания назначит предел твоему имени, то не се ли вечность?..

Сие изрек я в восторге, остановясь пред столпом, над тлением Ломоносова воздвигнутым. — Нет, не холодный камень сей повествует, что ты жил на славу имени русского, не может он сказать, что ты был. Творения твои да повествуют нам о том, жигие твое да скажет, почто ты славен.

Где ты, о возлюбленный мой! где ты? Прииди беседовати со мною о великом муче. Прииди, да соплетем венец насадителя русского слова. Пускай другие, рабопекая власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы воспоем песнь за слуге к обществу.

Михайло Васильевич Ломоносов родился в Холмогорах... Рожденный от человека, который не мог дать ему воспитания, дабы посредством одного понятие его изострилося и украсилося полезными и приятными знаниями; определенный по состоянию своему препровождать дни свои между людей, коих окружность мысленная области не далее их ремесла простирается; сужденный делить время свое между рыбным промыслом и старанием получить мзду своего труда, — разум молодого Ломоносова не мог бы достигнуть той обширности, которую он приобрел, трудясь в испытании природы, ни глас его той сладости, которую он имел от обхождения чистых муз.

От воспитания в родительском доме он приял маловажное, но ключ учения: знание читать и писать, а от природы — любопытство. И се, природа, твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою в души наши, стремится к познанию вещей: а кипящее сердце славолубием не может терпеть пут, его стесняющих. Ревет оно,

По рачиновъ а рекъ а дершесъ
 споро по паво хъ да срираъ
 сына фоницаа поидыти
 Ломоно вои рогъ Промовъ

Образец почерка Ломоносова в 14-летнем возрасте

1730 года 25 днѣ нѣхъ пѣтухъ
 прибилъ устройтея нѣана
 Ломоносова
 тутъ явилъ дѣла пѣтухъ
 по писю поидыти
 Ломоносова

Образец почерка Ломоносова в 19-летнем возрасте

клоочет, стонет и, махом прерывая узы, летит стремглав (нет преткновения) к предлогу своему. Забыто все, один предлог в уме; им дышим, им живем.

Не выпуская из очей своих вожаденно-го предмета, юноша собирает познание вещей в слабейших ручьях протекшего наук источника до нижайших степеней общества. Чуждый руководства, столь нужного для ускорения в познаниях, он первую силу разума своего, память, острит и украшает тем, что бы рассудок его острить долженствовало. Сия тесная округа сведений, кои он мог приобрести на месте рождения своего, не могла усладить жаждущего духа, но паче возжгла в юноше непреодолимое к учению стремление. Блажен! что в возрасте, когда волнение страстей изводит нас впервые из нечувствительности, когда при-

ближаемся степени возмужалости, стремление его обратилось к познанию вещей.

Подстрекаем науки алчбою, Ломоносов оставляет родительский дом; течет в престольный град, приходит в обитель иноческих муз и вмещается в число юношей, посвятивших себя учению свободных наук и слову Божию.

Преддверие учености есть познание языков; но представляется яко поле, тернием насажденное, и яко гора, строгим камнем усеянная. Глаз не находит тут приятности расположения, стопы путешественника — покойныя гладости на отдохновение, ни зеленеющаго убежища утомленному тут нет. Тако учащийся, приступив к неизвестному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновенным журчанием исходящего из нее

воздуха утомляется, и язык, новообразно извиваться принужденный, изнемогает. Разум тут цепенеет, рассудок без действия ослабеваает, воображение теряет свое крылье; единая память бдит и острится и все излучины и отверстия свои наполняет образами неизвестных доселе звуков. При учении языков все отвратительно и тягостно. Если бы не подкрепляла надежда, что, приучив слух свой к необыкновенности звуков и усвоив чуждые произношения, не откроются потом приятнейшие предметы, то неуповательно, восхотел ли бы кто вступить в столь строгий путь.

Но, превзошед сии трудности, коликратно награждается постоянство в понесенных трудах. Новые представляются тогда естества виды, новая цепь воображений. Познанием чуждого языка становимся мы гражданами той области, где он употребляется, собеседуем с жившими за многие тысячи веков, усвояем их понятия; и всех народов и всех веков изобре-

тения и мысли сочетаваем и приводим в единую связь.

Упорное прилежание в учении языков сделало Ломоносова согражданином Афин и Рима. И се наградилося его постоянство. Яко слепец, от чрева матери света не зревший, когда искусною глазоврачевателя рукою воссияет для него величество дневного светила, — быстрым взором протекает он все красоты природы, дивится ее разнообразности и простоте. Все его пленяет, все поражает. Он живет обыкших всегда во зрении очей чувствует ее изящности, восхищается и приходит в восторг. Тако Ломоносов, получивши сведение латинского и греческого языков, пожирал красоты древних витий и стихотворцев. С ними научался он чувствовать изящность природы; с ними научался познавать все уловки искусства, крыющегося всегда в одушевленных стихотворством видах, с ними научался изъяслять чувства свои, давать телу мысли и душу бездыханному.



Рудник в окрестностях Фрейберга.

Рисунок начала XIX в.



Если бы силы мои достаточны были, представил бы я, как постепенно великий муж водворял в понятие свое понятия чуждые, кои, преобразовавшись в душе его и разуме, в новом виде явились в его творениях или родили совсем другие, уму человеческому доселе неведомые. Представил бы его, ищущего знания в древних рукописях своего училища и гоняющегося за видом учения везде, где казалось быть его хранилище. Часто обманут бывал в ожидании своем, но частым чтением церковных книг он основание положил к изящности своего слога, какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство российского слова.

Скоро любопытство его щедрое получило удовлетворение. Он ученик стал славного Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблуждения, преподанные ему в монашеских училищах, он твердые и ясные полагал степени к восхождению во храм любомудрия. Логика научила его рассуждать; математика — верные делать заключения и убеждаться единою очевидностью; метафизика — преподала ему гадательные истины, ведущие часто к заблуждению; физика и химия, к коим, может быть, ради изящности силы воображения прилежал отлично, ввели его в жертвенник природы и открыли ему ее таинства; металлургия и минералогия, яко последственницы предыдущих, привлекли на себя его внимание; и деятельно хотел Ломоносов познать правила, в оных науках руководствующие.

Изобилие плодов и произведений понудило людей менять их на таковые, в коих был недостаток. Сие произвело торговлю. Великие в меновном торгу затруднения побудили мыслить о знаках, всякое богатство и всякое имущество представляющих. Изобретены деньги. Злато и серебро, яко драгоценнейшие по совершенству своему металлы и доселе украшением служившие, преобразены стали в знаки, всякое стяжание представляющие.

И тогда только, поистине тогда, возгорелась в сердце человеческом ненасытная и мерзительная страсть к богатствам, которая, яко пламень вся пожирающий, усиливается, получая пищу. Тогда, оставив первобытную свою простоту и природное свое упражнение, земледелие, человек предал живот свой свирепым волнам или,

презрев глад и зной пустынный, протекал чрез оные в неведомые страны для снискания богатств и сокровищ. Тогда, презрев свет солнечный, живой нисходил в могилу и, расторгнув недра земная, прорывал себе нору, подобен земному гаду, ищущему в нощи свою пищу. Тако человек, сокрываясь в пропастях земных, искал блестящих металлов и сокращал пределы своей жизни наполовину, питаясь ядовитым дыханием паров, из земли исходящих. Но как и самая отравя, став иногда привычкою, бывает необходимою человеку в употреблении, так и добывание металлов, сокращая дни ископателей, не отвергнуто ради своей смертоносности; а паче изысканы способы добывать легчайшим образом большее число металлов по возможности.

Сего-то хотел познать Ломоносов деятельно и для исполнения своего намерения отправился в Фрейберх. Мне мнится, зрю его пришедшего к отверстию, чрез которое истекает исторгнутый из недр земных металл. Приемлет томное светило, определенное освещать его в ущелинах, куда солнечные лучи досязаят не могут николи. Исполнил первый шаг.

«Что делаешь? — вопиет ему рассудок. — Неужели отличила тебя природа своими дарованиями для того только, чтобы ты употреблял их на пагубу своей собратий? Что мыслишь, нисходя в сию пропасть? Желашь ли снискать вящее искусство извлекати серебро и злато? Или не ведаешь, какое в мире сотворили они зло? Или забыл завоевание Америки?.. Но нет, нисходи, познай подземные ухищрения человека и, возвратясь в отечество, имей довольно крепости духа подать совет зарыть и заровнять сии могилы, где тысячи в животе сущие погребаются».

Трепещущ нисходит в отверстие и скоро теряет из виду живоносное светило. Желал бы я последовать ему в подземном его путешествии, собрать его размышления и представить их в той связи и тем порядком, какими они в разуме его возрождались.

Картина его мыслей была бы для нас увеселительною и учебною. Проходя первый слой земли, источник всякого прозябания, подземный путешественник обрел его несходственным с последующими, отличающимся от других паче всего своею

плодоносною силою. Заключал, может быть, из того, что поверхность сия земная не из чего иного составлена, как из тления животных и прозябений, что плодородие ея, сила питательная и возобновительная, начало свое имеет в неразрушимых и первенственных частях всяческого бытия, которые, не переменяя своего существа, переменяют вид только свой, из сложения случайного рождающийся.

Проходя далее, подземный путешественник зрел землю, всегда расположенную слоями. В слоях находил иногда остатки животных, в морях живущих, находил остатки растений и заключать мог, что слоистое расположение земли начало свое имеет в наплавном положении вод и что воды, переселяясь из одного края земного шара к другому, давали земле тот вид, какой она в недрах своих представляет.

Сие единовидное слоев расположение, теряясь из его зрака, представляло иногда ему смешение многих разнородных слоев. Заключал из того, что свирепая стихия, огонь, проникнув в недра земные и встретив противоборствующую себе влагу, ярьась, мучила, трясла, валила и метала все, что ей упорствовать тшилося своим противодействием. Смутив и смешав разнородные, знойным своим дохновением возбуждала в первобытностях металлов силу притяжательную и их соединила.

Там узрел Ломоносов сии мертвые по себе сокровища в природном их виде, воспомянул алчбу и бедствие человеков и с сокрушенным сердцем оставил сие мрачное обиталище людской ненасытности.

Упражняясь в познании природы, он не оставил возлюбленного своего учения стихотворства. Еще в отечестве своем случай показал ему, что природа назначила его к величию, что в обыкновенной стезе шествия человеческого он скитаться не будет. Псалтирь, Симеоном Полоцким в стихи преложенная, ему открыла о нем таинство природы, показала, что и он стихотворец. Беседуя с Горацием, Вергилием и другими древними писателями, он давно уже удостоверился, что стихотворение российское весьма было несродно благогласию и важности языка нашего. Читая немецких стихотворцев, он находил, что слог их был

плавнее российского, что стопы в стихах были расположены по свойству языка их.

И так он вознамерился сделать опыт сочинения новообразными стихами, поставив сперва российскому стихотворению правила, на благогласии нашего языка основанные. Сие исполнил он, написав оду на победу, одержанную российскими войсками над турками и татарами, и на взятие Хотина, которую из Марбурга он прислал в Академию наук. Необыкновенность слога, сила выражения, изображения, едва не дышащие, изумили читающих сие новое произведение. И сие первородное чадо стремящегося воображения по непроложенному пути в доказательство с другими купно послужило, что, когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет не одной тропинкою, но многими стезями вдруг.

Сила воображения и живое чувство не отвергают разыскания подробностей. Ломоносов, давая примеры благогласия, знал, что изящность слога основана на правилах, языку свойственных. Восхотел их извлечь из самого слова, не забывая, однако же, что обычай первый всегда подает в сочетании слов пример, и речения, из правила исходящие, обычаем становятся правильными.

Раздробляя все части речи и сообразуя их с употреблением их, Ломоносов составил свою грамматику. Но, не довольствуясь преподавать правила русского слова, он дает понятие о человеческом слове вообще яко благороднейшем по разуму даровании, данном человеку для сообщения своих мыслей. Се сокращение общей его грамматики: слово представляет мысли; орудие слова есть голос; голос изменяется образованием или выговором; различное изменение голоса изображает различие мыслей; итак, слово есть изображение наших мыслей посредством образования голоса чрез органы, на то устроенные.

Поступая далее от сего основания, Ломоносов определяет неразделимые части слова, коих изображения называются буквами. Сложение нераздельных частей слова производят склады, кои, опричь образовательного различия голоса, различаются еще так называемыми ударениями, на чем основывается стихосложение. Сопряжение складов производит речения, или зна-



«Краткое руководство к красноречию» и «Российская грамматика» Ломоносова.
Титульные листы первых изданий. Монтаж

менательные части слова. Сии изображают или вещь, или ее деяние. Изображение словесное вещи называется имя; изображение деяния — глагол. Для изображения же сношения вещей между собою и для сокращения их в речи служат другие части слова. Но первые суть необходимые и называться могут главными частями слова, а прочие служебными. Говоря о разных частях слова, Ломоносов находит, что некоторые из них имеют в себе отмены. Вещь может находиться в разных в рассуждении других вещей положениях. Изображение таковых положений и отношений именуется падежами. Деяние всякое располагается по времени; отсюда и глаголы расположены по временам, для изображения деяния, в какое время оное происходит. Наконец, Ломоносов говорит о сложении знаменательных частей слова, что производит речи.

Предпослав таковое философическое рассуждение о слове вообще, на самом естестве телесного нашего сложения основанном, Ломоносов преподает правила русского слова. И могут ли быть они посредственны, когда начертавший их разум водим был в грамматических терниях светильником остроумия? Не гнушайся, великий муж, себя хвалы. Между согражданными твоими не грамматика твоя одна соорудила тебе славу. Заслуги твои перед русским словом суть многообразны; и ты считаешься в малоприятительном сем своем труде яко первым основателем истинных правил языка нашего и яко разыскателем естественного расположения всяческого слова. Твоя грамматика есть преддверие чтения твоея риторики, а та и другая — руководительницы для осязания красот изречения творений твоих. Посту-

СОБРАНІЕ РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

въ стихахъ и въ прозѣ

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.



Печатано при Императорской Академіи наукъ
1751 года.

«Собрание разных сочинений в стихах и прозе» Ломоносова.

Титульный лист первого издания, 1751 г.

пая в преподавании правил, Ломоносов вознамерился руководствовать согражданам своим в стезях тернистых Геликона, показав им путь к красноречию, начертывая правила риторики и поэзии. Но краткость его жизни допустила его из подъятого труда совершить одну только половину.

Человек, рожденный с нежными чувствами, одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, исторгается из среды народных. Восходит на лобное место.

Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние, горшее самая смерти. Как можно быть ему посредственным? Таков был Демосфен, таков был Цицерон; таков был Пит; таковы ныне Бурк, Фокс, Мирабо и другие. Правила их речи почерпаемы в обстоятельствах, сладость изречения — в их чувствах, сила доводов — в их остроумии. Удивляясь толико отменным в слове мужам и раздробляя их

речи, хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумию и воображению, думали, что путь к прелестям проложить можно томными предписаниями.

Сие есть начало риторики. Ломоносов, следуя, не замечая того, своему воображению, исправившемуся беседою с древними писателями, думал также, что может сообщить согражданам своим жар, душу его исполнявший. И хотя он тщетный в сем предпринял труд, но примеры, приводимые им для подкрепления и объяснения его правил, могут, несомненно, руководствовать пускающемуся вслед славы, словесными науками стяжаемой.

Но если тщетный его был труд в преподавании правил тому, что более чувствовать должно, нежели твердить, — Ломоносов надежнейшие любящим российское слово оставил примеры в своих творениях. В них сосавшие уста сладости Цицероновы и Демосфеновы растворяются на велеречие. В них на каждой строке, на каждом препинании, на каждом слоге, почто не могу сказать — при каждой букве, слышен стройный и согласный звон столь редкого, столь мало подражаемого, столь свойственного ему благогласия речи.

Прияв от природы право неоцененное действовать на своих современников, прияв от нее силу творения, поверженный в среду народных толщи, великий муж действует на оную, но и не в одинаком всегда направлении. Подобен силам естественным, действующим от средоточия, которые, простирая действие свое во все точки окружности, деятельность свою присну везде соделывают, — тако и Ломоносов, действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразные отверзал общему уму стези на познания. Повлекши его за собою вослед, расплетая запутанный язык на велеречие и благогласие, не оставил его при тощем без мыслей источнике словесности. Воображению вещал: лети в беспредельность мечтаний и возможности, собери яркие цветы одушевленного и, вождаяся вкусом, украшай оными самую неосязательность. И се паки гремевшая на Олимпийских играх Пиндарова труба возгласила хвалу Всевышнего вослед Псалмопевца. На ней возвестил Ломоносов величие Предвечного, Восседающего на крыле ветренном, предшествуемого громом и молниею и

в солнце являя смертным свою существенность, жизнь. Умеряя глас трубы Пиндаровой, на ней же он воспел бренность человека и близкий предел его понятий. В бездне миров беспредельной, как в морских волнах малейшая песчинка, как во льде, не тающем николи, искра едва блестящая, в свирепейшем вихре как прах тончайший, что есть разум человеческий? — Се ты, о Ломоносов, одежда моя тебя не сокроет.

Не завидую тебе, что, следуя общему обычаю ласкаги царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалою в стихах Елисавете. И если бы можно было без уязвления истины и потомства, простил бы я то тебе ради признательных твоя души ко благодеяниям. Но позавидует не могущий вослед тебе идти писатель оды, позавидует прелестной картине народного спокойствия и тишины, сей сильной ограды градов и сел, царств и царей утешения; позавидует бесчисленным красотам твоего слова; и если удастся когда-либо достигнуть непрерывного твоего в стихах благогласия, но доселе не удалось еще никому.

И пускай удастся всякому превзойти тебя своим сладкопением, пускай потомкам нашим покажешься ты нестроен в мыслях, неизбыточен в существенности твоих стихов!.. Но воззри: в просторном ристалище, коего конца око не досягает, среди толпящейся многочисленности, на возгавии, впереди всех, се врата отверзающ к ристалищу, се ты. Прославиться всяк может подвигами, но ты был первый. Самому все-сильному нельзя отгять у тебя того, что дал. Родил он тебя прежде других, родил тебя в вожди, и слава твоя есть слава вождя.

О! вы, доселе бесплодно трудившиеся над познанием существенности души, и как сия действует на телесность нашу, се трудная вам предлежит задача на испытание. Вещайте, как душа действует на душу, какая есть связь между умами? Если знаем, как тело действует на тело прикосновением, поведайте, как неосязаемое действует на неосязаемое, производя вещественность; или какое между безвещественностей есть прикосновение. Что оно существует, то знаете. Но если ведаете, какое действие разум великого мужа имеет над общим разу-

мом, то ведайте еще, что великий муж может родить великого мужа; и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвел Сумарокова.

Но если действие стихов Ломоносова могло размашистый сделать шаг в образовании стихотворческого понятия его современников, красноречие его чувствительного или явного ударения не сделало. Цветы, собранные им в Афинах и в Риме и столь удачно в словах его пресаженные, сила выражения Демосфенова, сладкоречие Цицероново, бесплодно употребленные, повержены еще во мраке будущего. И кто? он же, пресытившись обильным велеречием похвальных твоих слов, возгремит не твоим хотя слогом, но будет твой воспитанник. Далеко ли время сие или близко, блудящий взор, скитаясь в неизвестности грядущего, не находит подножия остановиться. Но если мы непосредственного от витийства Ломоносова не находим отродия, действие его благогласия и звонкого препинания бесстопной речи было, однако же, всеобщее. Если не было ему последователя в витийстве гражданского, но на общий образ письма оно распространилось. Сравни то, что писано до Ломоносова, и то, что писано после его, — действие его прозы будет всем внятно.

Но не заблуждаем ли мы в нашем заключении? Задолго до Ломоносова находим в России красноречивых пастырей церкви, которые, возвещая слово Божие пастве своей, ее учили и сами словом своим славились. Правда, они были; но слог их не был слог российский. Они писали, как можно было писать до нашествия татар, до сообщения россиян с народами европейскими. Они писали языком славенским. Но ты, зревший самого Ломоносова и в творениях его поучаясь, может быть, велеречию, забвен мною не будешь. Когда российское воинство, поражая гордых оттоманов, превысило чаяние всех, на подвиги его взирающих оком равнодушным или завистливым, ты, призванный на торжественное благодарение богу браней, богу сил, о! ты, в восторге души твоей к Петру взывавший над гробницею его, да придет зреть плода своего насаждения: «Восстани, Петр, восстани», когда очарованное гобою ухо очаровало по чреде око,

когда казалось всем, что, приспевый ко гробу Петрову, воздвигнути его желаешь, силою вышею одаренный, тогда бы и я вешал к Ломоносову: зри, зри и здесь твое насаждение. Но если он слову мог тебя научить... В Платоне душа Платона, и да восхитит и увидит нас, тому учило его сердце.

Чуждый раболепствования не токмо в том, что благоговение наше возбуждать может, но даже и в люблении нашем, мы, отдавая справедливость великому мужу, не возмним быть ему богом всезидущим, не посвятим его истуканом на поклонение обществу и не будем пособниками в укоренении какого-либо предрассуждения или ложного заключения. Истина есть высшее для нас божество, и, если бы Всесильный восхотел изменить ее образ, являясь не в ней, лицо наше будет от Него отвращено.

Следуя истине, не будем в Ломоносове искать великого деписателя, не сравним его с Тацитом, Реналем или Робертсоном; не поставим его на степени Маркграфа или Ридигера, зане упражнялся в химии. Если сия наука была ему любезна, если многие дни жития своего провел он в исследовании истин естественности, но шествие его было шествие последователя. Он скитался путями проложенными, и в нечисленном богатстве природы не нашел он ни малейших былинки, которой бы не зрели лучшие его очи, не согладал он ниже грубейшия пружины в вещественности, которую бы не обнаружили его предшественники.

Ужели поставим его близ удостоившегося наилестнейшия надписи, которую человек низ изображения своего зреть может? Надпись, начертанная не ласкательством, но истиною, дерзающею на силу: «Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей». За то ли Ломоносова близ его поставим, что преследовал электрической силе в ее действиях; что не отвращен был от исследования о ней, видя силою ее учителя своего пораженного смертно. Ломоносов умел производить электрическую силу, умел отворачивать удары грома, но Франклин в сей науке есть зодчий, а Ломоносов рукодел.

Но если Ломоносов не достиг великости в испытаниях природы, он действия ее великолепные описал нам слогом чистым и внятным. И хотя мы не находим в творениях его, до естественных науки касаю-



Н. Ноговицын. Ломоносов у тела убитого молнией Рихмана

щихся, изящного учителя естественности, найдем, однако же, учителя в слове и всегда достойный пример на последование.

Итак, отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова в достойную его лучезарность, мы не ищем здесь вменить ему и то в достоинство, чего он не сделал или на что не действовал; или только, распложая неистовое слово, вождемся исступлением и пристрастием. Цель наша не сия. Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бакон Веруламский не достоин разве напоминения, что мог токмо сказать, как можно размножать науки? Не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие, для того что не могли избавить человечества из оков и пленения? И мы не почтем Ломоносова для того, что не разумел правил позорищного сти-

хотворения и томился в эпопеи, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда пронизателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей?

Но внимли: прежде начатия времен, когда не было бытию опоры и вся герялося в вечности и неизмеримости, все источнику сил возможно было, вся красота вселенныя существовала в его мысли, но действия не было, не было начала. И се рука всемогущая, толкнув вещественность в пространство, дала ей движение. Солнце воссияло, луна прияла свет, и телеса, крутящиеся горе, образовались. Первый мах в творении всемогущ был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия. Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом. В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. Беги, толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно нелицемерно.

ПЕТР ПЕКАРСКИЙ¹

ИЗ «ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ЛОМОНОСОВА»

В судьбе Ломоносова — ребенка и юноши — было много поэтического; события, случившиеся с ним, являются нам теперь как будто преднамеренно чрезвычайными и неожиданными, чтобы потом через них подготовить России первого ученого и писателя именно для того времени, когда ей суждено было идти по пути, указанному могучею волею царя-преобразователя. Рождение в бедной деревушке, в суровой местности, тяжелый труд во время переездов с отцом, посещение далеких поморских солеварен; созерцание величественной и грозной природы на Северном океане и Белом море; наконец, это пребывание в расколе, и притом в таком толке, который отличался, более чем другие, своими крайностями и увлечением, в толке, последователи которого лучше предпочитали умирать сотнями в срубах, заботливо устроенных их собственными руками, чем отступить от своих верований, — все это видел, испытал Ломоносов, и все это он кинул, как неудовлетворявшее его стремлений, в которых он, вероятно, не мог себе отдать отчета, живя в Денисовке.

Даже самые книги, которые он называл «вратами своей учености», даже эти книги как будто не случайно попались в руки Ломоносова: и грамматика Смотрицкого, и арифметика Магницкого были самыми крупными и едва не единственными представителями книжной мудрости в допетровской Руси.

* * *

Время отбытия Ломоносова из Денисовки в Москву, подобно многим другим обстоятельствам из его жизни, до весьма недавнего времени показывалось неверно, именно, что он покинул родительский дом

будто бы в 1728 году, а в следующих 1729 и 1730 годах указывали даже по именам и учителей, будто бы учивших наукам молодого пришельца в Московской духовной академии. Между тем в волостной книжке для записки поручителей в платеже подачей за отлучившихся отмечено: «1730 года, декабря 7 дня, отпущен Михайло Васильев сын Ломоносов к Москве и к морю до сентября месяца предбудущего 1731 года, а порукою по нем в платеже подушных денег Иван Банев расписался».

Затем из свидетельства самого Ломоносова теперь известно, что он «в Московских Спасских школах записался 1731 года генваря 15 числа. Жалованья в шести нижних школах по 3 копейки на день. А в седьмой 4 копейки на день». Стало быть, в дороге из Архангельской губернии до Москвы наш молодой человек пробыл едва ли с месяц, потому что, как увидим ниже, он не прямо поступил в Духовную академию, но некоторое время находился в школе при Сухаревой башне. Так как Ломоносов не возвратился потом на родину к сроку, то в ревизских сказках он показывался с 1732 года в бегах и подушные деньги за него вносил отец его, после смерти которого это лежало на обязанности крестьян Куростровской волости со второй половины 1741 года по вторую же половину 1747 года.

Об отбытии Ломоносова с родины и учении его в Москве есть три рассказа. Один, оказывающийся ныне, по проверке некоторых в нем сообщенных известий, более вероподобным, состоит в следующем: «Взял себе он (Ломоносов) пашпорт не явным образом посредством управляющего тогда в Холмогорах земскими делами Ивана Васильевича Милюкова, с которым, выпросив у соседа своего Фомы Шубного китаеч-

ное полукафтание и взаимообразно три рубля денег; не сказав своим домашним, ушел в иуть и дошел до Антониева Сийского монастыря, в расстоянии от Холмогор по Петербургскому тракту во ста верстах, был в оном некоторое время, отправлял псаломническую должность; заложил тут взятое у Фомы Шубного полукафтание мужику Емчанину, которого после выкупить уже не удалось, ушел он годе в Москву, пристал на Сухареву башню обучиться арифметике, которой науки показалось ему мало, то пришел он к тогдашнему московскому архиерею, объявля себя поповским сыном, просил о принятии себя в Заиконоспасское училище для обучения словено-греко-латинских наук, куда был и принят, и имел в обучении хороший успех; носил тогда платье сермяжного сукна черкасского покрою; а между прочим в том монастыре от-

правлял пономарскую должность. Во время бытности его в Москве каждый год приезжал для торговых надобностей сосед его, куросгровец Федор Пятухин, и, будучи по знакомству, посещал его и временно, по недостатку, его снабждал деньгами, коих и задавал ему до семи рублей, а получил от него при отъезде его за море в Санкт-Петербург; которому Пятухину он о состоянии своем и где как находился самолично рассказывал. А как уже он обучился богословии, то требовались из ученых несколько человек в Карелию в священный чин, в том числе и он, Ломоносов, был назначен; однако он в духовный чин не похотел и отозвался, а после того не в долгое время в 1736 году отправлен для обучения химии в Саксонию...»

Новиков, через семь лет после смерти Ломоносова, писал в его биографии, что



А. Васильев. Приезд Ломоносова с рыбным обозом в Москву



Славяно-греко-латинская академия. Гравюра XIX в.

будто пробудившаяся в нем страсть к стихотворству была главнейшею причиною удаления его из дома отца: «Юные лета препроводил с отцом своим, ездя на рыбные промыслы; но, будучи обучен российской грамоте и писать, прилежал он более всегда, по врожденной склонности, к чтению книг. И как по случаю попала ему Псалтырь, преложенная в стихи Симеоном Полоцким, то, читав оную многократно, так пристрастился к стихам, что получил желание обучаться стихотворству. Почему стал он наведываться, где можно обучиться сему искусству; услышав же, что в Москве есть такое училище, где преподаются правила сей науки, взял неперменное намерение уйти от своего отца. К сему его побуждало упорное желание его родителей, дабы женить его поневоле. Вскоре потом исполнил он свое намерение: оставил дом родительский, пришел в Москву и вступил в Заиконоспасское училище, в котором с великим прилежанием обучился латинскому и греческому языкам, риторике и стихотворству...»

Рассказы товарища Ломоносова по Академии Штелина о бегстве его из Денисовки и годах учения в Москве отличаются разными любопытными подробностями, которые и повторяются донныне во всех статьях о Ломоносове. К сожалению, следует сознаться, что штелиновские рассказы о Ломоносове, при критической оценке тех случившихся с ним событий, которые в настоящее время возможно проверить по рукописным источникам, постигает та же участь, которую имели анекдоты Штелина о Петре Великом, именно неточности и неверности, попадающиеся в этих рассказах, поневоле заставляют относиться сомнительно к ним, как в целом, так и в частности.

* * *

В то самое время как любознательность Ломоносова не находила себе удовлетворения в схоластике, господствовавшей тогда в наших училищах в Киеве и Москве, в то самое время в Петербурге начальник Академии наук барон Корф представлял Сенату (24 января 1735 года), что по мысли Петра Великого это ученое общество утверждено не только для дальнейшего усовершенствования наук, но и для распрост-

ранения просвещения в России, почему необходимо при Академии наук устроить семинарию на тридцать «шляхетных юношей». Барон Корф как бы предчувствовал, что его представление о семинарии не будет утверждено, а потому 13 мая 1735 года вошел в Сенат с новым ходатайством, где писал: «Понеже от учреждения семинарии ума не прежде как по прошествии некоторого времени способные люди произойти могут, того ради предлагаю Правительствующему Сенату: не соблаговолено ли будет приказать, чтобы между тем из монастырей, гимназий и школ в здешнем государстве двадцать человек через означенных к тому от Академии людей выбрать, которые столько научились, чтобы с нынешнего времени они у профессоров сея Академии лекции слушать и в вышних науках с пользою происходить могли».

Так как Академия не имела в своем распоряжении потребных на содержание молодых людей денег, то барон Корф просил Сенат о назначении на каждого из них по сту пятидесяти рублей. Очевидно было, что в этом деле существенное заключалось в назначении денег, но Сенат обошел молчанием этот предмет и распорядился только: «из учеников, кои есть в Москве в Спасском монастыре, выбрать в науках достойных двадцать человек, и о свидетельстве их наук подписаться ректору и учителям и выслать в Санкт-Петербург в Академию наук...»

Барон Корф, как видно, принимал близко к сердцу все это дело, а потому, по получении последнего указа из Сената, писал к ректору и архимандриту Спасского монастыря, Стефану: «Дабы при том высочайшее намерение Ея Императорского Величества исполнилось, то вашего преподобия прошу избрать и отправить сюда отроков добрых, которые бы в приличных к украшению разума науках довольное знание имели и вам бы самим честь и отечеству пользу учинить могли...»

Со своей стороны архимандрит отвечал: «Из Московской словено-греко-латинской академии ученики, числом двенадцать, остроумия, по нашему мнению, не последнего выбраны, в Московскую синодального правления канцелярию при поношении представлены...»

2 января 1736 года прапорщик Василий Попов явился в Академию наук с двенадцатью молодыми людьми, которых он привез из Москвы. По сообщению Коллегии экономии, это были: «из богословии — Василий Лебедев, Яков Виноградов, Яков Несмеянов, которые сего 1735 года в сентябре месяце, при отправке философского корпуса (курса?), в богословию вступили. Из философии — Александр Чадов, Дмитрий Виноградов, Иван Голубцев, Михайло Ломоносов, что из риторики в нынешнем же году перешли до философии. Из риторики — Прокофий Шишкарев, Семен Старков. Из пиитики — Алексей Барсов, Михайло Коврин, Никита Попов, которым до упомянутых школ промоция учинена сего же года...»

Ломоносов, как будет сейчас сказано, недолго оставался с своими товарищами, и о нем в бытность его тогда в Петербурге нет таких упоминаний, которые бы знакомили с его личностью. Но зато его московские товарищи вскоре потом высказались врагами немцев, и один из семинаристов, Прокофий Шишкарев, был наказан батогами за укоризны и бранные слова о немцах. Замечательно, что в числе лиц, приносивших, по воцелствованию на престол императрицы Елисаветы, жалобы на Шумахера, что он враг русского народа и покровительствует иноземцам, было трое бывших товарищей Ломоносова.

Еще в 1735 году барон Корф старался о приискании за границу астронома и химика, сведущего и в горном деле, для отправления их в ученое путешествие по Сибири, куда уже было послано несколько членов нашей Академии. Астроном был приискан, но касательно химика, который бы в то же время знал и горное дело, встретилось затруднение. Начальник Академии по этому делу обращался к Иоганну Фридриху Генкелю, доктору и горному советнику, который в тогдешнее время пользовался большою известностью как знаток металлургии, минералогии и химии. Этот ученый откровенно отвечал, что такого химика, какой требовался в русскую службу, сыскать невозможно, а потому предлагал послать в Германию для изучения горного дела несколько человек из русских, которые «уже получили научное образова-

ние или по крайней мере знакомы с латинским да несколько с немецким языком, если они, кроме того, настолько одарены умом и способностями, что будут уметь сами управлять собою и обращать на все должное внимание...»

Этот отзыв Генкеля дошел до Петербурга в феврале 1736 года, стало быть, месяца через полтора после прибытия в Академию наук московских семинаристов. Барон Корф вполне согласился с предложением Генкеля и 5 марта 1736 года представил Императорскому Кабинету об отправлении в Фрейберг к Генкелю для изучения металлургии трех молодых людей — Рейзера, Дмитрия Виноградова и Ломоносова, «понеже они все те свойства в себе имеют, каких помянутой берг-физикус требует... Хотя Дмитрий Виноградов с Михайлом Ломоносовым немецкого языка и не знают, однако еще в бытность свою здесь чрез три месяца столько научиться можно, сколько иметь надобно...»

Восемь дней спустя Кабинет утвердил доклад барона Корфа, но молодые люди не могли быть отправлены в срок, означенный начальником Академии, так как ассигнованные на годичное содержание и учение их деньги (1200 рублей) были получены только 26 июня 1736 года. Между тем, когда Генкеля спросили, сколько он возьмет за обучение этих русских, то он назначил 1200 рублей.

Стало быть, на Ломоносова с товарищами приходилось издерживать гораздо более против назначенной уже Кабинетом суммы, а потому барон Корф начал переписку об отправлении молодых людей в Марбург; где жил тогда Христиан Вольф, пользовавшийся громкою славою и оказавший такие важные услуги Академии при основании ее. В определении о наших молодых людях, между прочим, значилось: «Каждому из них назначается в год по триста рублей, из которых они должны не только содержать себя, но и покрыть издержки на проезд в Марбург и все другие необходимые расходы. Остальные триста рублей остаются в запасе, с тем чтобы из них могли быть уплачены могущие встретиться экстренные расходы и путевые издержки в случае дальнейшей поездки в Голландию, Англию и Францию...»



ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН V АЛЕКСЕЕВИЧ.

Из книги «Российский царственный дом Романовых». 1852—1853 гг.



ЦАРЬ ПЕТР I АЛЕКСЕЕВИЧ ВЕЛИКИЙ.

Из книги «Российский царственный дом Романовых». 1852—1853 гг.



Университетский город Марбург.
Старинная гравюра

По получении согласия Вольфа, 18 августа 1736 года подписана была инструкция, в силу которой Ломоносов и его товарищи обязались:

«1) Во всех местах, во время своего пребывания, показывать пристойные нравы и поступки, также и о продолжении своих наук наилучше стараться.

2) К получению желанного намерения ничего не оставлять, что до химической науки и горных дел касается, а притом учиться и естественной истории, физике, геометрии и тригонометрии, механике, гидравлике и гидротехнике.

3) Объявленным наукам учиться ему у тамошнего советника правительства г. Вольфа и требовать от него при всех случаях совета, а к нему о том уже писано, и впредь письменная пересылка с ним содержится быть имеет.

4) Положивши основание в теории, должен он при осматривании рудокopных мест различные свойства гор и руд, также и случающуюся при том работу и прочие к тому принадлежащие машины и строения прилежно примечать, а при правлении и отделении руд в лабораториях сам трудиться, и везде в практике ничего не пренебрегать, чем он свое знание в химии и в гор-

ных делах в возможное совершенство привести может.

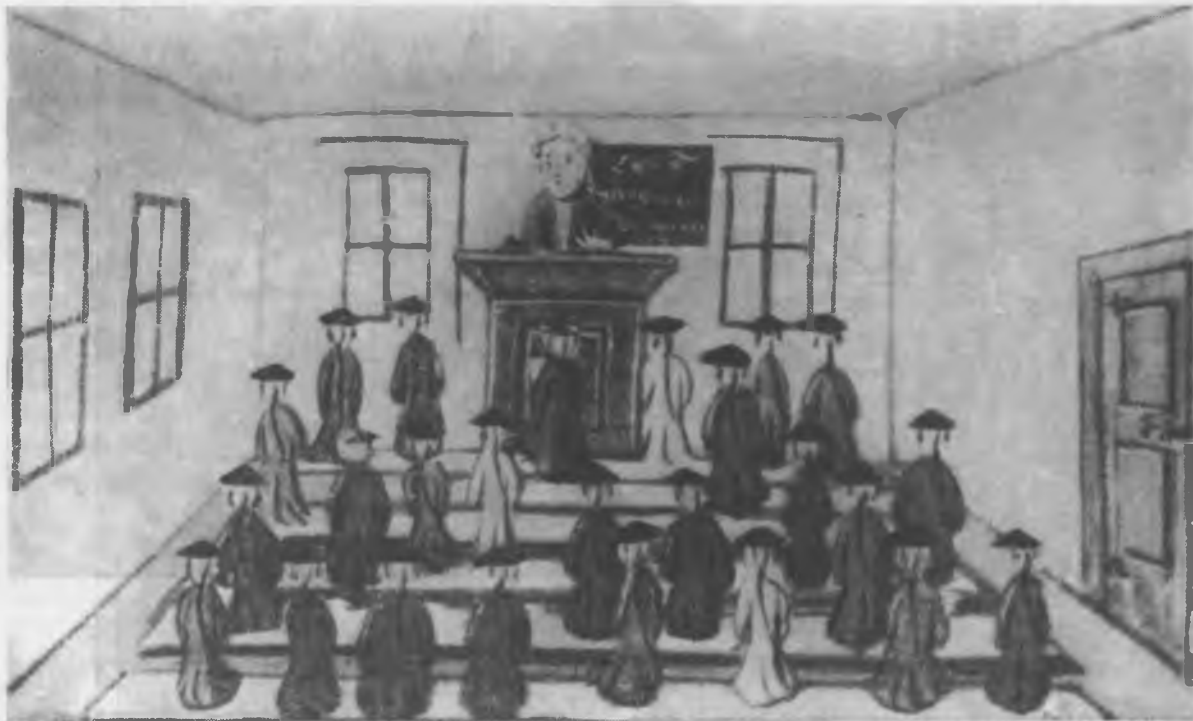
5) Стараться им о получении такой способности в русском, немецком, латинском и французском языках, чтобы они ими свободно говорили и писать могли, а притом учиться прилежно рисованию.

6) Присылать всегда по прошествии полугода в Академию наук известия, каким наукам и языкам он обучается; также — и нечто из своих трудов в свидетельство прилежания и притом счет с расписками о своих расходах.

7) Ежели они потом, смотря по обстоятельствам, далее в Саксонию, Голландию, Англию и Францию посланы быть имеют, то дана будет ему тогда новая инструкция».

8 сентября 1736 года Ломоносов с товарищами отправился было на корабле в путь, но за сильною бурей они вернулись назад, и только 23 числа того же месяца выехали из Кронштадта, а 16 октября прибыли в Травемюнде, откуда через Любек, Ниенбург, Минден, Ринтельн и Кассель прибыли в Марбург 3 ноября.

Июньское донесение наших студентов в следующем 1737 году дошло до Академии наук довольно поздно, так что оттуда в августе того же года было послано к ним подтверждение о том. 4 сентября 1737 года



Студенты немецкого университета на лекции.

Рисунок 30-х гг. XVII в.

Вольф писал к барону Корфу: «...Виноградов и Ломоносов начинают уже говорить по-немецки и довольно хорошо понимать то, о чем говорится: нужно, конечно, несколько времени на то, пока русский, который решительно ничего не смыслит в немецком языке, успеет усовершенствоваться в нем. Стали они также учиться рисованию, которое им пригодится в механике и естественной истории. Зимой они будут слушать экспериментальную физику, причем я тут же всякий раз намерен указывать им, на что именно следует обращать внимание при таких экспериментах. Начинают они также вести себя лучше прежнего, что им впредь принесет пользу при дальнейших поездках...»

Последнее, Впрочем, не продолжалось долго, и Вольф 13 ноября 1737 года между прочим вынужденным нашелся сообщить в Академию: «В последний раз я забыл написать вам, что не мешало бы напомнить им, чтобы они были бережливее, а то, в случае отозвания их, окажутся долги, которые могут замедлить их отъезд...» О том же на-

помнил германский философ и в письме своем к Шумахеру, от 19 марта 1738 года, а потому 29 мая того же года молодым людям послана была из Академии в Марбург другая, более строгая инструкция, в которой говорилось: «...вообще не тратить деньги на наряды и пустое щегольство... остерегаться делать долги» — и пр.; но эти наставления были уже лишни, и 6 августа 1738 года Вольф сообщал барону Корфу: «...тому, что уже случилось, этим (т. е. новою инструкциею) вряд ли можно помочь. Вся ошибка происходит от первого начала. Деньги, привезенные ими с собою, они прокутили, не заплатив того, что следовало, а потом, добыв себе кредит, наделали долгов... Они, кажется, еще не знают, как нужно обращаться с деньгами и жить бережливо, да и не думают о том, чем кончится дело, когда их отзовут отсюда. У г. Ломоносова, по-видимому, самая светлая голова между ними: при хорошем прилежании он мог бы и научиться многому, выказывая большую охоту и желание учиться».

Как бы в подтверждение такому отзыву Вольфа, Ломоносов послал 15 октября 1738 года донесение на немецком языке о лекциях, которые он посещал, и о приобретенных им книгах, рассуждение на латинском языке под заглавием «Specimen physicum de transmutatione corporis solidi in fluidum a motu fluidi praeexistentis dependente» и, наконец, стихотворный перевод оды Фенелона, написанной в 1681 году и воспевающей счастье уединенной сельской жизни вдали от света под кровом муз. Начало перевода Ломоносова таково:

Горы, толь что дерзновенно
Вносите верхи к звездам,
Льдом покрыты беспреречно,
Нерушим столп небесам:
Рву цветы над облаками,
Чем пестрит вас взор весны;
Тучи подо мной гремящи
Слышу, и дожди шумящи
Как ручьев падающих тьмы.

Эти четырехстопные хорей важны в истории русского стиха, как первая попытка Ломоносова писать стихи размером, введенным у нас Тредиаковским. В стихах Ломоносова слышится подражание последнему, но, при всей тяжеловатости своей, они все-таки благозвучнее стихотворений Тредиаковского 1734—1737 годов.

Между тем Академию очень беспокоили известия о мотовстве и распущенности молодых людей, а потому она просила Вольфа привести в известность долги студентов; в то же время к ним был послан строгий выговор. Вольф 2 января 1739 года, уведомляя барона Корфа о том, что, по показанию студентов, долгов они имеют на 1371 рейхсталер, прибавлял: «Лучше всего будет, конечно, если они оставят университет и поступят к химику, потому что у него они не будут иметь той свободы, которой их в университете никак нельзя лишить. В немецком языке они уже настолько успели, что не только понимают все, о чем говорится, но и сами могут объясняться по-немецки. Во французском же языке они, по всей вероятности, не далеко ушли вперед, потому что преподаватель этого языка не хотел их учить без платы, а сами они не сочли нужным беречь на это день-

ги. Более всего я еще полагаюсь на успехи Г. Ломоносова: он, по-видимому, и раскаивается в сделанных долгах...» 4 апреля 1739 года Вольф отзывался опять более одобрительно о двоих из молодых людей: «Студенты Рейзер и Ломоносов не только во всем слушаются добрых советов, но и живут между собой в ладу, и я надеюсь, что на них деньги расходуются не напрасно. Г. Ломоносов начинает также принимать более кроткие нравы...»

Между тем Академия решила отправить студентов в Фрейберг для изучения металлургии, причем на Вольфа возлагалось составить список их долгов. Последних в мае 1739 года оказалось 1619 рейхсталеров и 29 крейцеров, а в августе их уже считалось на 1936 рейхсталеров с несколькими крейсерами. Более всех задолжал Виноградов, за ним следовал Ломоносов. Последний, перед отъездом из Марбурга, получил свидетельства от профессоров Дуйзинга и Вольфа. Первый отозвался, что Ломоносов «с неутомимым прилежанием слушал лекции химии, читанные в течение 1737 года», и «извлеч из них немалую пользу», а второй писал, что тот же Ломоносов, «до времени своего отбытия из Марбурга, прилежно посещал мои лекции математики и философии, а преимущественно физики и с особенною любовью старался приобретать основательные познания. Нисколько не сомневаюсь, что если он с таким же прилежанием будет продолжать свои занятия, то со временем, по возвращении в отечество, может принести пользу государству, чего от души и желаю».

Любопытен рассказ Вольфа об отъезде молодых русских из Марбурга (в письме 1 августа 1739 года): «Студенты уехали отсюда 20 июля утром, после 5 часов, и сели в экипаж у моего дома, причем каждому при входе в карету вручены деньги на путевые издержки. Из-за Виноградова мне пришлось еще много хлопотать, чтобы предупредить столкновения его с разными студентами, которые могли замедлить отъезд. Ломоносов также еще выкинул штуку, в которой было мало проку и которая могла только послужить задержкою, если бы я, по теперешнему своему знанию проректора, не предупредил этого. Затем мне остается только еще заметить, что они время

свое провели здесь не совсем напрасно... Я не могу не сказать, что в особенности Ломоносов сделал успехи и в науках; с ним я чаще имел случай говорить, нежели с Рейзером, и его манера рассуждать мне более известна. Причина их долгов обнаруживается лишь теперь, после их отъезда. Они чрез меру предавались разгульной жизни и были пристрастны к женскому полу. Пока они сами еще были здесь налицо, всякий боялся сказать про них что-нибудь, потому что они угрозами своими держали всех в страхе. Отъезд их освободил меня от многих хлопот... Когда они увидели, сколько уплачивалось за них денег, и услышали, какие им делали затруднения при переговорах о сбавке, тогда только стали они раскаиваться и не только извиняться передо мною, что они наделали мне столько хлопот, но и уверять, что они впредь хотят вести себя совершенно иначе и что я нашел бы их совершенно другими людьми, если бы они только ныне явились в Марбурге. Я убеждал их, что им теперь необходимо опять загладить свой проступок пред вашим превосходительством (т. е. бароном Корфом) и Академией наук, а что обо мне им несколько не нужно беспокоиться. При этом особенно Ломоносов от горя и слез не мог промолвить ни слова...

Студенты поехали из Марбурга на Гиршфельд, Эйзенах, Готу, Наумбург, Вейсенфельс и Лейпциг и 25 июля 1739 года прибыли в Фрейберг; где тотчас же явились к Генкелю. Последний уже заранее получил из Академии наук не очень лестную рекомендацию молодым людям. Барон Корф именно писал к Генкелю 7 июля 1739 года: «Эти три лица в прилежании и успехах своих очень не равны между собою; в мотовстве же как бы превосходят друг друга...»

Несмотря на то что все подобные предупреждения были такого свойства, что не могли расположить Генкеля в пользу новых его слушателей, тем не менее, однако, он принял их любезно, и в первом письме своем о них барону Корфу 19 августа 1739 года, видимо, берет сторону их. «Могу уверить ваше превосходительство, — писал он тогда, — что они означенное сообщение и увещание выслушали с должным уважением и притом не без замешательства созна-

лись, что они в Марбурге действительно хозяйничали безрассудно и потому незаслуженную заботливость, с какою ваше превосходительство изволили поручить мне надзор за ними, считают для себя особливим благодеянием. Я, со своей стороны, столько же уверен в искренности их чувств, сколько уже и замечаю в них необходимую для их занятий способность, охоту и старательность, равно как и доверие и внимание ко мне...» Затем Генкель распространяется о закупке для них разных необходимых предметов, о недостаточности назначенных студентам 150 рублей в год и прибавке поэтому еще 50 рублей, о дополнительных деньгах в уплату за обучение рисованию и пр.

Между тем в Фрейберг приехал бывший член нашей Академии, а потом надзиратель бахмутских соляных заводов Готтлоб Фридрих Вильгельм Юнкер. Он в то время собирал в Германии известия по соляному делу, и в продолжение четырех месяцев Ломоносов переводил для него в Фрейберге разные экстракты и донесения в Петербург. Юнкер, подобно Генкелю, отнесся сочувственно к молодым людям и так писал о них 11 августа 1739 года барону Корфу: «Упомянутые студенты по одежде своей, правда, глядели неряхами, но по части указанных им наук, как убедился и я, и г. Берггаг, положили прекрасное основание, которое послужило нам ясным доказательством их прилежания в Марбурге. Точно так же я при первых лекциях в лаборатории... не мог не заметить их похвальной любознательности и желания дознаться основания вещей. Тем более мы льстим себя надеждою, что благодушное сердце вашего превосходительства не отринет покорнейшей просьбы нашей: забыть заслуженный гнев, который упомянутые студенты навлекли на себя легкомысленным своим хозяйством, и благосклонно утвердить сделанные нами с доброю целью распоряжения...» При этом Юнкер указывал, что не худо было бы, когда студенты, после усвоения общих понятий о горном деле, займутся в особенности каким-либо отделом его, и что для разработки рудников и устройства машин был бы более прочих способен Ломоносов.



К этой же поре пребывания Ломоносова в Фрейберге относится сочинение им оды по случаю взятия русскими турецкой крепости Хотина, что случилось 19 августа 1739 года.

Ода Ломоносова на взятие Хотина в особенности имеет значение по небывалому до того времени в русских стихотворениях ямбическому размеру и по своему языку, гораздо лучшему сравнительно с тем, которым писались у нас стихи до появления этой оды.

* * *

Ломоносов вернулся в Россию в то самое время, когда на престоле был императором Иоанн VI Антонович, которому тогда еще не минуло одного года, а государством правила мать его, Анна Леопольдовна, герцогиня Брауншвейг-Люнебургская. После арестования Бирона, сделавшегося было по смерти Анны Иоанновны самовластным распорядителем России, герцогиня от страдательной роли матери царствующего государя перешла к полному господству над Россией. По отзыву современников, принцесса была мягкого характера, не любила крутых и крайних мер и вообще давала более простора России, которая так сурово была управляема в предшедшее царствование.

Несмотря, однако, на все это, в Петербурге чувствовалось приближение нового переворота: правительница, окруженная постоянно иноземцами, не была любима; в народе толковали о предсказаниях, что на престоле быть цесаревне Елисавете; некоторые из иностранных министров, надеявшиеся ловить рыбу в мутной воде, старались возбуждать волнения и поддерживать недовольство; шведы были так уверены в возможности перемен в России, и притом в их пользу, что объявили войну русским и в своих манифестах говорили о несправедливости исключения от наследства престолом Елисаветы, о притеснениях государства иноземцами и т. п.

Правительство само чувствовало свою слабость, держало толпу шпионов, которые должны были всюду следить за дочерью Петра Великого, и подкупало ее приверженцев... Но все было напрасно: ропот усиливался при малейшем событии, и в недалеком будущем готовились важные перемены.



Рудник и пробирная лаборатория.
Гравюра первой половины XVIII в.

Конечно, не все верили и не все знали, что тогда происходило кругом: приближенные правительницы, двор и вообще те, которые ожидали себе выгод и пользы от существующего порядка вещей, мало думали о будущем и старались воспользоваться тем, что представляло настоящее.

Ломоносов, по внушению ли покровителей своих в Петербурге или по собственному побуждению, весьма понятному при тогдашних взглядах на поэтов и поэзию, принадлежал к числу тех, которые жили настоящим, а потому тотчас же принялся за сочинение оды ко дню рождения младенца-императора, т. е. к 12 августа 1741 года. Ода была действительно написана и напечатана в тогдашних примечаниях к «Петербургским ведомостям», и здесь «веселящаяся Россия» лобзает очи, ручки, ножки императора. О последних, между прочим, говорилось:

В Петров и Аннин след вступите.

Первое, конечно, было желательно; что же касается до подражания царствованию императрицы Анны, подражания, долженствовавшего напомнить страшную Бироновщину, то сомнительно, чтобы Россия желала действительно возвращения к тем временам.

Впрочем, как как Бирон был уже во время писания оды в ссылке и его опасаться повода не имелось, то в оде было уместным сделать на падшего регента намек, вероятно производивший в свое время впечатление на русских читателей, которые в суждениях о современных событиях, при тогдашних строгостях, могли довольствоваться нападками задним числом:



Императрица Елизавета I

Проклята злоба,
Гордость, дерзость
В чудовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слепой талант пустил взнестись!
Велит себя в неволю славить,
Престол себе над звезды ставить,
Превысить хочет вышнюю Власть,
На мой живот уж зубы скалит:
Злодейства кто его не хвалит,
Погрызнет скоро в мрачну пасть.

* * *

25 ноября 1741 года вступила на престол императрица Елисавета. Таким образом, давно смутно предчувствуемый переворот свершился, и младенец-император с матерью-правительницею, отцом-генералиссимусом очутились в заточении. Посвящения им в книги, их портреты, даже упоминания о них — все это старательно и быстро уничтожено Шумахером, распорядителем судеб Академии, и он спешил представить доказательства приверженности и верноподданнических чувств к новой государыне.

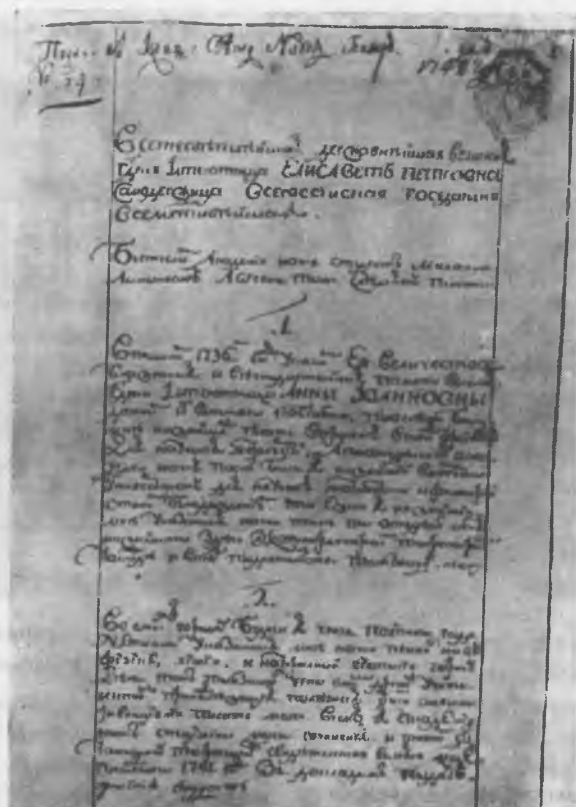
Случай к тому не замедлил явиться: 18 декабря был день рождения Елисаветы... С самой первой минуты воцарения новой императрицы в народе, не только в Петербурге, но и в отдаленных местах, как, например, в Сибири, сложилось убеждение, что она не благоволит к иноземцам и не намерена терпеть влияние их, которое так чувствовалось в царствование Анны Иоанновны и ее внука.

Неудивительно потому, что ода Штелина не могла явиться с одним немецким текстом; его необходимо следовало перевести по-русски и притом стихами. Шумахер обратился к Ломоносову, и тот, исполняя добросовестно возложенное на него поручение, переложил в русские стихи немецкие строфы Штелина. Этому официальному стихотворцу предшествовавших царствований, после столь многих прославительных од не только императрице Анне, ее племяннице, но и Бирону со всеми членами его семейства, теперь пришлось говорить, что именно в те самые времена, которые он до того воспевал, как райское блаженство, музы были в страхе, виднелись грозные волны бед, и все будто бы восклицали:

Избавь, избавь российску кровь
От злого скорбных дней начала!

Ободренный ли успехом этого перевода при дворе или увлеченный общим убеждением в народе, что новая императрица действительно намерена покровительствовать русским более, чем иноземцам, только Ломоносов в январе 1742 года подал прошение, в котором, напоминая обещание, данное ему с товарищами при отправлении за границу, — произвести их по возвращении в Россию в экстраординарные академики, — потом писал: «В оных городах (Марбурге и Фрейберге) будучи, я чрез полпята года не токмо указанные мне науки принял, но в физике, химии и натуральной истории горных дел так произошел, что оным других учить и к тому принадлежащие полезные книги с новыми инвенциями писать могу, в чем я Академии наук specimens моего сочинения и притом от тамошних профессоров свидетельства в июле месяце прошедшего 1741 года с докладом подал. И хотя я Академию наук многократно об определении моем просил, однако она на мое прошение никакого решения не учинила, и я, в таком оставлении будучи, принужден быть в печали и огорчении. И дабы указом Вашего Императорского Величества повелено было сие мое прошение принять и меня, нижайшего, тем чином пожаловать, которого Императорская Академия наук меня по моим наукам удостоит, в котором чину я, нижайший, отечеству полезен быть и Вашему Величеству верно и ревностно служить не премину».

На этот раз решение не замедлилось, и Шумахер 8 января 1742 года подписал постановление, приведенное в исполнение того же месяца 28 числа: «Понеже сей проситель, студент Михайло Ломоносов, specimen своей науки еще в июле месяце прошлого 1741 года в конференцию подал, который от всех профессоров оной конференции так опробован, что сей specimen и в печать произвести можно; тому ж покойный профессор Амман его, Ломоносова, канцелярии рекомендовал; к тому же оный Ломоносов в переводах с немецкого и латинского языков на российский язык довольно грудился, а жалованья и места поныне ему не определено; то до дальнего

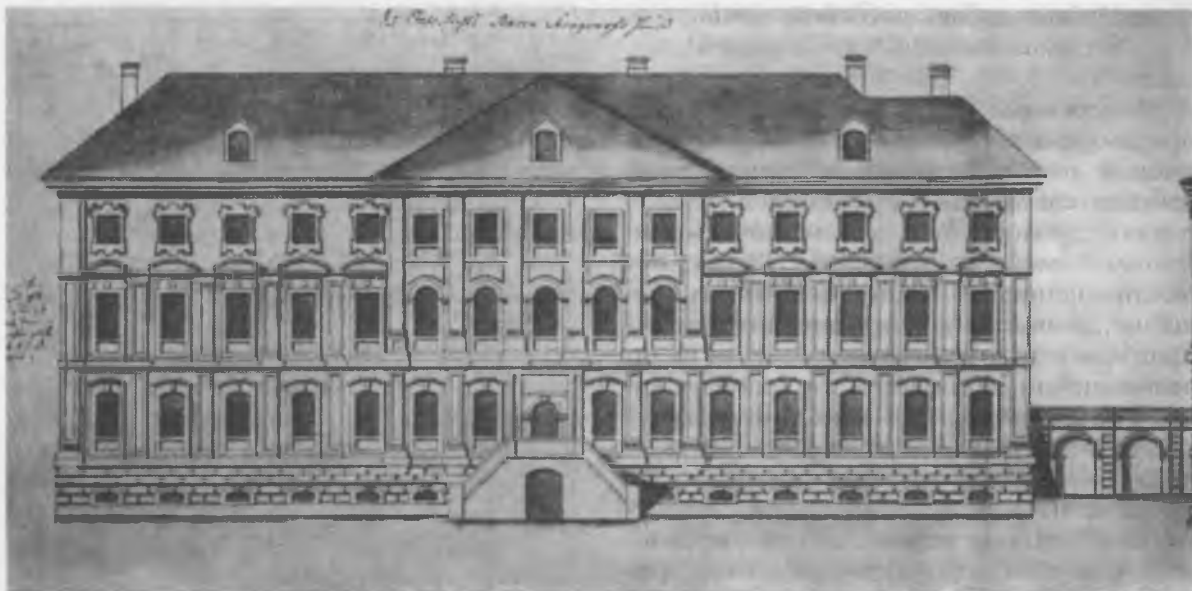


Прощение Ломоносова
о приеме в академическую службу.
Первый лист, 1742 г.

указа из Правительствующего Сената и нарочного Академии определения, быть ему, Ломоносову, адъюнктом физического класса. А жалованья определить ему с 1742 года января с 1 числа по 360 рублей на год, считая в то число квартиру, дрова и свечи...»

В том же январе 1742 года Ломоносов (как видно из его прошения в 1743 году) подавал в Академию наук «предложение об учреждении химической лаборатории, которой еще при Академии наук не было, где бы я, нижайший, мог для пользы отечества трудиться в химических экспериментах; однако на оное мое прошение не учинено никакого решения». Можно к этому прибавить, что и самое прошение это доныне в академических делах не отыскано.

В 1763 году Ломоносов издал в свет «Первые основания металлургии, или рудных дел», из двух мест которых (§ 12 и



Дом Строганова на стрелке Васильевского острова,
в котором помещались Академический университет и гимназия.

Акварельный рисунок первой половины XVIII в.

с. 223) видно, что это произведение было им составлено еще в 1742 году.

До сих пор встречались в старинных академических делах сведения о мирных занятиях Ломоносова после приезда его из-за границы в Петербург; и притом, как видно несомненно из современных протоколов и переписки, под покровительством и по указаниям Шумахера.

Но с конца сентября 1742 года этот мирный характер известий о Ломоносове изменяется, и он начинает попадаться в схватках с немцами, в схватках, поводов к которым в первое время надобно искать более в широком разгуле, увлекавшем в неприятности нашего знаменитого писателя.

О его побитии немцев 26 сентября 1742 года сохранились подробности, которые чрезвычайно наглядно представляют все происшествие. Ломоносов сначала пришел к служанке академического садовника Штурма, соседа своего, занимавшего квартиру в том же академическом доме, где жил и наш адъюнк, а потом взошел и к самому Штурму и начал упрекать его гостей, что они украли его епанчу. Вследствие этого завязалась у них драка с обидчиком. Ломоносов, обладая, по свидетельству Штелина, чрезвычайною физическою силою,

схватил «болван, на чем парики вешают, и почал всех бить и слуге своему приказывал бить всех до смерти...» На этом побоище получили раны и увечье жена Штурма, его тесть Грове, бухгалтер Прейсер и служанка; сам хозяин спасся бегством, выскочив из окна на улицу, где стал кричать караул. Из окна же успел скрыться еще один гость Штурма, словолитный мастер Биттнер. Впрочем, и Ломоносову схватка не прошла даром: когда Академическая канцелярия потребовала его к ответу, то он не мог явиться, так как, по свидетельству доктора — академика Вильде, он чувствовал лом в груди, а левое колено у него совсем распухло.

11 октября 1742 года Штурм представил в Академическую канцелярию «покорнейшее доношение», в котором писал, что Ломоносов 8 числа того же месяца намеревался еще раз разделаться с ним. Штурм так был твердо убежден в исполнении угрозы, что ходатайствовал, «чтоб Ломоносов дал мне надежных порук в том, что он меня как на улице, так и в моей квартире в покое оставит».

Событие это для Ломоносова осталось без последствий потому, как должно предполагать, что с 7 октября 1742 года в Академии наук произошла важная перемена в

ее управлении: вследствие доношения Нартова Шумахер был удален от академических дел и арестован, на место его назначен Нартов; все бумаги, не только касавшиеся общего делопроизводства, но и ученая переписка Академии были опечатаны. Нартов первое время своего управления Академиею долгом счел поручить надзирание над всем происходившим там тем лицам, которые писали жалобы на Шумахера; к ним присоединился и Ломоносов.

Все они полагали, что и академики, как иноземцы, стали состоять под их надзором, что, разумеется, последних, непричастных ни к каким хозяйственным делам, о которых, собственно, производилось исследование, и занимавшихся исключительно науками, оскорбляло, и они подали в следственную комиссию такое заявление, остававшееся донныне не обнародованным:

«Когда 12 числа октября высокоучрежденной об Академии наук следственной комиссии чрез профессора Винцгейма покорнейше представлено было, что от запечатания за день перед тем конференцской архивы академические дела совершенно остановились, то гг. члены высокоучрежденной комиссии благоволили приказать, чтобы для беспрепятственного течения дел помянутую архиву всегда отворять, ежели нужда того потребует, а потом, вынявши надобное дело, опять запечатывать.

По силе оного приказа вынял профессор Винцгейм из архивы, в присутствии определенного при комиссии г. майора, таже адъюнкта Ломоносова, комиссара Камера и копииста Пухорга, для нужных справок по его должности, потребные протоколы 1735 и 1737 годов, таже и лежавшие на столе у канцеляриста Мессера для всегдашнего употребления нужные дела, между которыми находились латинские и немецкие протоколы, журналы географического департамента и каталоги ландкартам; но, вместо того чтобы по силе означенного приказа дело в архиве продолжаться могло, начал комиссар Камер с товарищи вновь всякие своевольства чинить, ибо когда отворили запечатанный столовый ящик профессора Винцгейма, то адъюнкт Ломоносов, выняв из оного наглым образом половину белой писчей бумаги, говоря, что ему, профессору Винцгейму, столько бумаги не на-

добно, положил оную в архиву, которую опять запечатали... После сего адъюнкт Ломоносов, комиссар Камер и копиист Пухорг, сядши за стол членов Академии наук, начали, а именно: адъюнкт Ломоносов из вынятых дел один за другим пересматривать, а комиссар Камер — листы перемечать, что они, однако, опять скоро покинули, рассуждая, что надлежит все оные дела обстоятельно описать и от начала до конца переметить, а особливо, что первому из них казалось в оных письмах великие тайности. Равным же образом помянутый адъюнкт Ломоносов дерзнул профессору Винцгейму в рассуждении доктора Сигезбека, студента Кенигсфельда и пр. выговаривать и требовать от него ответу, по какой причине то или оное написано, и вообще о разных делах ругательно с насмешками говорить...»

...Ломоносов должен был терпеть, подобно всем служившим тогда в Академии лицам, от расстройства хозяйственной ее части и от постоянной нужды в деньгах. Из прошения нашего адъюнкта в июле 1743 года оказывается, что тогда им было получено только две треги жалованья за прошлый 1742 год; за уплатою из них долгов, у него опять не было денег; а потому он просил, как милости, выдать еще жалованья за два месяца того же 1742 года. Академическая канцелярия, за неимением денег, выдала Ломоносову десять рублей.

В августе 1743 года Ломоносов написал в Академическую канцелярию следующее собственноручное доношение: «Надлежит мне, нижайшему, из Академии наук донять заслуженного мною жалованья за сентябрьскую треть прошлого 1742 года и почти за две трети сего 1743 года. И так почти за целый год я, нижайший, жалованья от Академии не получал и оттого пришел в крайнюю скудость. А ныне я, нижайший, нахожусь болен и притом не токмо лекарства, но и дневной пищи себе купить на что не имею и денег взаймы достать не могу. Того ради Академию наук покорнейше прошу, дабы повелено было на счет заслуженного мною жалованья для моего содержания выдать денег; сколько Академия наук заблагорассудит». Решение на это прошение последовало, 9 сентября, такое:

«За неимением в казне денег выдать Ломоносову пять рублей». По той же самой причине 29 ноября 1743 года Ломоносову вместо денег в счет жалованья выдали «для его пропитания» академических изданий на 80 рублей.

Такое бедственное положение нашего адъюнкта не останавливало, по-видимому, его деятельности как на литературном, так и ученом поприщах. Так, 5 мая сообщал он в Академическую канцелярию: «Имею я, нижайший, намерение чинить оптические и физические обсерватории, а особливо в ботанике, для того что сие в нынешнее весеннее и летнее время может учинено быть удобнее, для которой обсервации потребно мне микроскопов простых и сложных...»

В июне месяце Ломоносов, напоминая о предложении своем в январе 1742 года устроить химическую лабораторию, представлял снова об этом предмете:

«И понеже я, нижайший, в состоянии нахожусь не токмо химические эксперименты для приращения натуральной науки в Российской империи в действо производить и о том журналы и рассуждения на российском и латинском языке сочинять, но при том еще могу других обучать физике, химии и натуральной минеральной истории, и того ради имею я, нижайший, усердное и искреннее желание наукою моею отечеству пользу чинить, в химических трудах беспрестанно упражняться и как химической практике, так и теории, с присовокуплением физики и натуральной минеральной истории, других желающих обучать для того, чтобы на мое обучение в Германии издержанная Ея Императорского Величества сумма и мои в том положенные труды напрасно не потерялись.

И если б в моей возможности было, чтоб мне, нижайшему, на моем коште лабораторию иметь и химические процессы в действие производить можно было, то бы я, нижайший, Академию наук утруждать не дерзал; но, понеже от долговременного удержания заслуженного мною жалованья в крайнюю скудость и почти в неоплатные долги пришел, для того не токмо лаборатории и к тому надлежащих инструментов и материалов завести мне невозможно, но с великою нуждою мое пропитание имею. И дабы высочайшим Ея Императорского

Величества указом повелено было при Академии наук в пристойном месте учредить из суммы академической химическую лабораторию, и оную мне, нижайшему, с принадлежащими к тому инструментами и материалами поручить, и к тому определить двух студентов, а именно Степана Крашенинникова да Алексея Протасова, которых я, нижайший, химической теории и практике и притом физике и натуральной минеральной истории со всяким возможным старанием обучать буду, а производимым химическим процессам точный журнал вести и Академии наук предлагать буду, и чтоб мне, нижайшему, в сем предприятии и трудах никакого препятствия от недостатков и скудости не учинилось и для того б мне, нижайшему, выдать заслуженное мною жалованье все сполна».

Это прошение, в особенности замечательное для истории у нас химии, так как здесь идет дело об учреждении первой лаборатории в России, осталось в то время неисполненным, впрочем, не по вине Шумахера, как думал Ломоносов, а просто по неимению свободных денег в ученом учреждении. В нем с самого основания его не везло химии: первый назначенный на эту кафедру ученый, Михаил Бюргер, умер вскоре после его приезда в Петербург. Иоганну Георгу Гмелину поручена была химия почти пять лет спустя после Бюргера, именно в 1731 году, но в следующем году Гмелин уже стал собираться в ученое путешествие, куда действительно отправился в 1733 году и пробыл там почти десять лет.

Когда речь заходила о новых штатах для Академии наук, то члены ее всегда напоминали о необходимости устройства при ней лаборатории, но представления их как о ней, так и о других ученых учреждениях оставались гласом вопиющих в пустыне. Помянутое представление Ломоносова подверглось той же участи, хотя он подал его при Нартове, заступившем место арестованного тогда Шумахера и, по-видимому, бывшем скорее благосклонным, чем враждебным Ломоносову. В Академической канцелярии на прошении его отмечено в июне 1743 года: «Адъюнкту Ломоносову отказать, за неимением при Академии денег и за неподтверждением штата по сему его доношению ничего сделать не можно».

Праздник Петра и Павла 29 июня 1743 года был днем тезоименитства великого князя Петра Федоровича, и это обстоятельство дало Ломоносову повод к писанию оды «На день тезоименитства Его Императорского Высочества государя великого князя Петра Федоровича, 1743 года». Тождество имен наследника престола с Петром Великим навело стихотворца на мысль пророчества, что первый для России будет тем же, что был для нее его дед. Разумеется, последний при этом случае был превознесен похвалами, и, между прочим, о нем помещен здесь стих:

Он бог, он бог твой был, Россия.

Стих, как известно, возбуждавший особенное негодование раскольников.

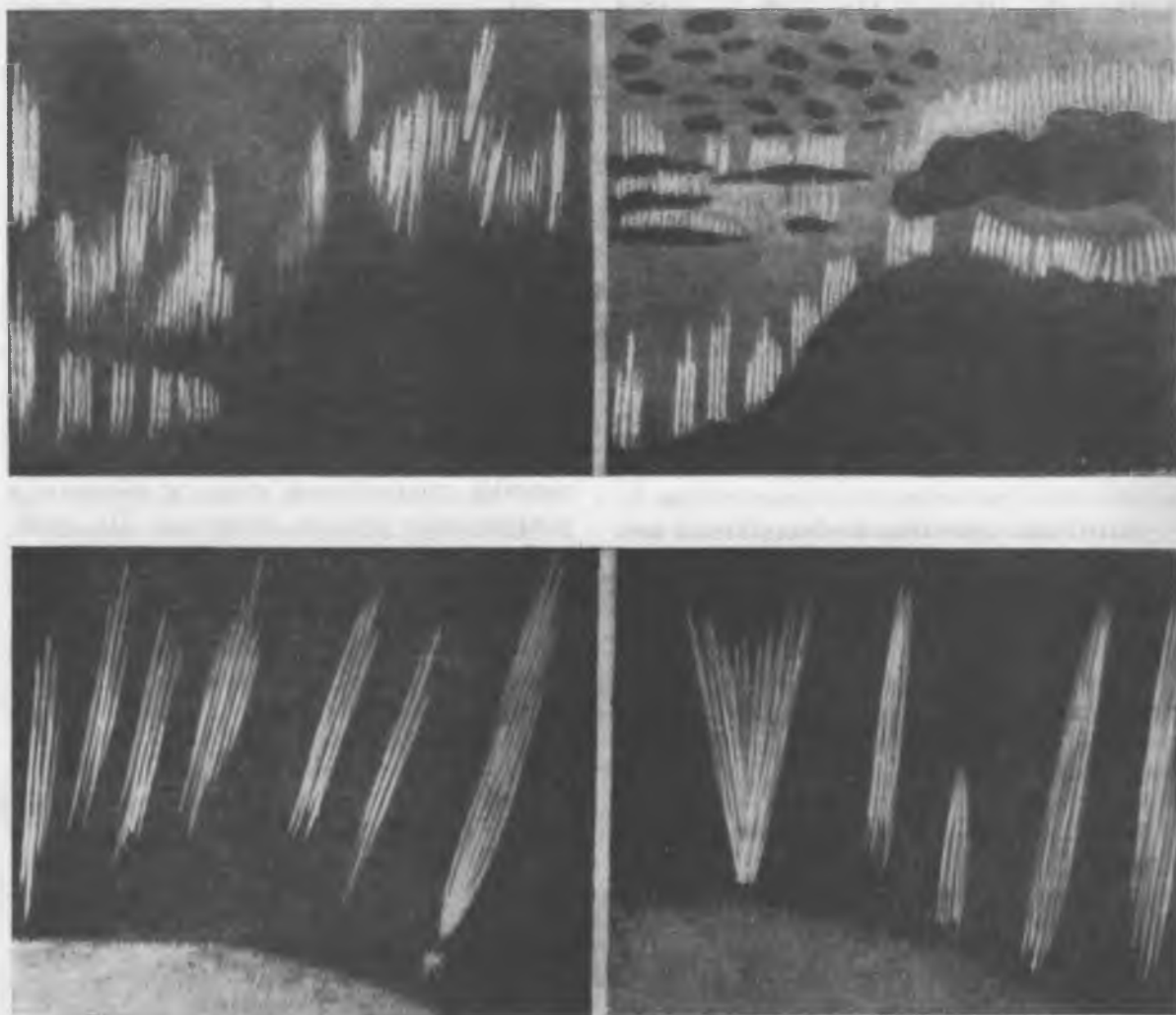
23 июля 1743 года Ломоносов ходатайствовал «для упражнения и дальнейшего происхождения в науках математических» выдать ему физику Ньютона и универсальную арифметику, что тогда же и было исполнено.

Между тем успехи Ломоносова в стихотворстве были так велики, что уже заставили забыть вовсе первого изобретателя тонического размера в русском стихе, и это обстоятельство, конечно, не могло не быть прискорбным для Тредиаковского. Памятником разногласий его и препирательств с Ломоносовым и Сумароковым, вначале, впрочем, не отличавшихся особенно враждебным характером, какой замечался впоследствии, должно считать печатанные в 1743 году «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев».

...Это оригинальное состязание трех русских стихотворцев, кажется, занимало и современное русское общество. По крайней мере, названные три оды печатались, как видно из канцелярской переписки, «по письменному и устному известию от генерал-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкого», который, стало быть, принимал участие в том, чтобы стихи явились в свет.



Химическая лаборатория Ломоносова. Макет



Виды северных сияний над Петербургом.
Гравюры XVIII в., исполненные по рисункам Ломоносова

По свидетельству, оставленному самим Ломоносовым, в этом же году написано им «Вечернее размышление о Божием Величестве, при случае великого северного сияния». Это одно из немногих вполне самобытных стихотворений Ломоносова, и притом — плод свободного творчества, — справедливо считается одним из лучших в этом роде произведений нашего писателя. Здесь вначале описывается ночь:

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас прогнала прочь.

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Потом показано все ничтожество ума при созерцании множества миров и, наконец, описывается северное сияние, причем поэт пытается объяснить себе это величественное явление:

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разлит?
Как молния безгрозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

* * *

* *

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блещут,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал Зефир,
И гладки волны бьют в Эфир.

* * *

* *

Сомнений полон ваш ответ...

Замечательно это стихотворение и тем еще, что в «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» в 1753 году Ломоносов, стараясь доказать, что его теория о причине северных сияний разнится от той, которая высказана была Франклином, прибавляет: «сверх сего ода моя о северном сиянии, которая сочинена 1743 года, а в 1747 году (вернее, в 1748 году) в «Риторике» напечатана, содержит мое давнейшее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может...»

«Вечернее размышление о Божием величестве» внушило впоследствии Мартосу мысль представить Ломоносова на памятнике, воздвигнутом ему в Архангельске, созерцающим с восторгом и удивлением северное сияние и принимающим лиру из рук гения, чтобы воспеть это величественное явление. Этой мысли Мартоса нельзя отказать в поэтическом оттенке тем более, что она напоминает самое блестящее стихотворение нашего поэта.

Штелин, в своих известиях о Ломоносове, относит к 1743 году приезд к нему жены его из Германии. К сожалению, и в этом, как и в других случаях, рассказ Штелина не обошелся без промахов (например, известие, что Ломоносов жил на казенной квартире при лаборатории, которой в 1743 году еще не существовало, и пр.), но так как проверить этот рассказ по другим источникам невозможно — за неимением их, — то здесь приходится воспользоваться известием Штелина.

По словам его, жена Ломоносова, в продолжение двух лет ничего не зная о своем муже, обратилась к русскому посланнику в Гааге, который переслал ее письмо к графу А. Бестужеву-Рюмину. Последний передал его Штелину для получения от кого следует ответа.

«Никто и не воображал, — говорит Штелин, — чтобы Ломоносов был женат, но он сам, полагая, что граф Головкин узнал все обстоятельства от его оставленной жены, прочитал письмо и воскликнул: «Правда, правда, Боже мой! Я никогда не покидал ее и никогда не покину; только мои обстоятельства препятствовали мне до сих пор писать к ней и еще менее вызывать ее к себе. Но пусть она придет, когда хочет; я завтра же pošлю ей письмо и 100 рублей денег, которые попрошу передать ей». То и другое было отослано к посланнику в Гаагу, а он немедленно переслал все в Марбург; и в том же году жена его с ребенком и в сопровождении брата приехала через Любек в Петербург к своему обрадованному мужу, которого она нашла здоровым и веселым в довольно хорошо устроенной академической квартире при химической лаборатории».

1744 год для Ломоносова начался под более счастливыми предзнаменованиями: когда до Сената дошел доклад комиссии об Академии наук касательно проступков адъюнкта и наказания его, то сенаторы, под влиянием ли придворных почитателей его поэтических дарований или же, может быть, по личному приказанию императрицы, которой он не мог быть неизвестен после своих од, постановили приговор, поражающий своею снисходительностью, особенно если вспомнить, что вытерпел бедный Тредиаковский не далее как три года тому назад не за убийство, не за ослушание и насмешки над приказами знатных, но за выговор посланному за ним от министра кадету, что тот обманул его.

«Оного адъюнкта Ломоносова, — сказано в сенатском указе 18 января 1744 года, — для его довольного обучения от наказания освободить, а во объявленных, учиненных им продерзости у профессоров просить ему прощения; а что он такие непристойные поступки учинил в комиссии и в конференции, яко в судебных местах, за то да-

вать ему, Ломоносову, жалованья в год по нынешнему окладу половинное; ему ж, Ломоносову, в канцелярии Правительствующего Сената объявить с подпискою, что ежели он впредь в таковых продерзостих явится, то поступлено с ним будет по указу неотменно».

27 января того же 1744 года Ломоносов просил прощения у академиков в конференции, а 4 февраля у него произошло снова столкновение, но на этот раз со старым товарищем по московским школам, академическим переводчиком Иваном Голубцевым: придя к нему в гости, он по неизвестной причине «Голубцева ударил, как доносил товарищ их обоих В. Лебедев, шандалом в лицо, от чего воспоследовал у него в глазу лом, а на лице от удара язва, так что ныне публично выйти не может». Академическая канцелярия, бывшая тогда уже снова в распоряжении Шумахера, не вступила в это дело, предоставив Голубцеву ведаться с Ломоносовым судебным порядком.

Несколько месяцев спустя, именно 15 июля, последовал «милостивый и за собственным Ея Императорского Величества подписанием» указ о производстве Ломоносову прежнего его жалованья.

В начале 1745 года, двор, после длительного пребывания в Москве и Киеве, вернулся наконец в Петербург; и вскоре после того Ломоносов решает подать прошение о повышении его из адъюнктов в профессора. Здесь прописав о своих занятиях за границею, он далее говорил: «В бытность мою при Академии наук трудился я, низайший, довольно в переводах физических, механических и пиитических с латинского, немецкого и французского языков на российский, и сочинил на российском же языке горную книгу «Риторику», и, сверх того, в чтении славных авторов, в обучении назначенных ко мне студентов, в изобретении новых химических опытов, сколько за неимением лаборатории быть может, и в сочинении новых диссертаций с возможным прилежанием упражняюсь; чрез что я, низайший, к вышеупомянутым наукам больше знания присовокупил; но точию я, по силе оного обещания, профессором не произведен, от чего к большему произысканию оных наук ободрение не имею...»

Шумахер эту просьбу послал в собрание академиков, а между тем писал придворному медику Рибеире Санше (27 мая 1745 года) о докторе Аврааме Каау Бургаве: «Обдумывав дело г. Каау, я нахожу, что нет ничего легче, как доставить ему место профессора в Академии, если пожелает он взять на себя анатомию и в то же время направлять занятия Ломоносова, который уже сделал успехи в химии и которому назначается кафедра по этой науке с жалованьем по 800 рублей в год. *Dies diem docet...*»²

Действительно, в июне 1745 года Шумахер ходатайствовал в Императорском Кабинете об определении Каау академиком по кафедре анатомии, причем было прибавлено, что он «и в химии весьма искусен... притом же российских учеников не только анатомии, но и химии и физиологии обучать желает...»

* * *

Еще в 1745 году, в указе Сената 17 октября об издании в свет ломоносовского перевода «Вольфианской экспериментальной физики», предписывалось, чтобы он читал лекции на русском языке. Это распоряжение становится понятным, когда прочтешь в предисловии к помянутому переводу следующее место: «Сия книжица только для того сочинена и ныне переведена на российский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты; и поэтому она на латинском языке весьма коротко и тесно написана, чтобы, для удобнейшего употребления учащихся, вместить в ней три книги немецких».

Хотя Академическая канцелярия распорядилась об исполнении статьи сенатского указа, касавшейся чтения лекций на русском языке, однако следов приведения этого в действие в 1745 году не видно.

21 марта следующего 1746 года Ломоносов письменно представил Академическому собранию о выдаче тех из физических инструментов, которые ему понадобятся при чтении лекции на основании сенатского указа. Кроме того, тогда же он предложил, чтобы студенты прилежнее посещали эти лекции и чтобы Академия просила Сенат о высылке большего числа учеников из семинарий невской и новгородской.

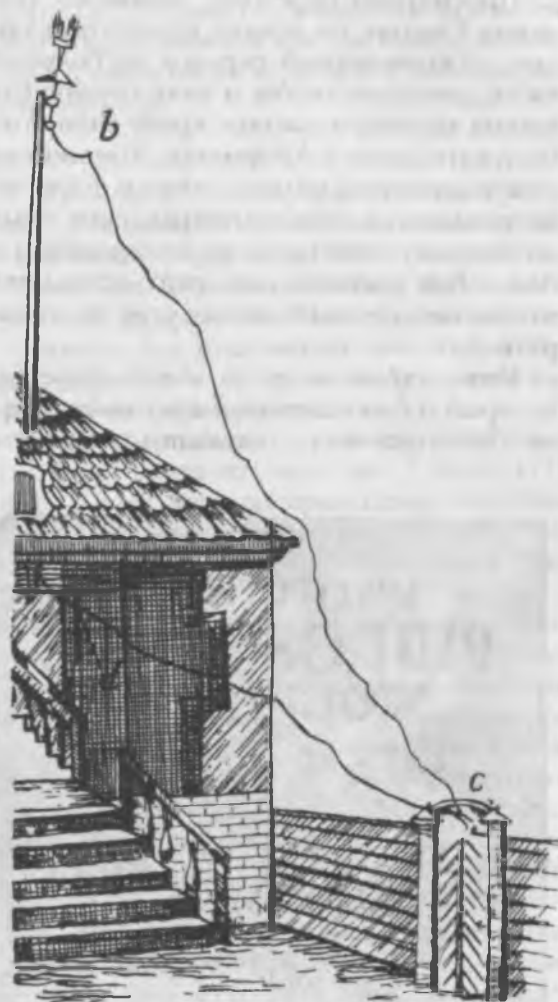
Вследствие этих предложений в заседании состоялись определения: касательно инструментов переговорить с академиком по кафедре физики Рихманом, бывшим тогда в отсутствии, и просить последнего, чтобы он начал читать подобные же лекции на латинском языке. Всем студентам подтвердить о неперменном посещении лекций обоих курсов. Наконец, не оставить просить Сенат об увеличении числа учеников, но предварительно озаботиться о мерах к содержанию их. Последнего тем более требовало благоразумие, что во время управления Академиею барона Корфа был уже случай, что ученики, высланные из Москвы, по неисполнению ходатайства этого лица о назначении особой на них суммы и по недостатку денег в самой Академии, встречали в продолжение нескольких лет затруднения в содержании, и о том возникала огромная, но бесплодная переписка.

6 мая 1746 года Ломоносов заявлял в Академическом заседании о трех обстоятельствах, о которых следовало, по его мнению, представить Правительствующему Сенату, это — во-первых, об истребовании учеников из школ при монастырях; во-вторых, об увеличении числа учеников гимназии и, в-третьих, о книгах, переведенных на русский язык или сочиненных по-русски, чтобы рассмотрение их благоволил Сенат доверить Академическому собранию.

Определение состоялось относительно только первого предмета, именно: потребовано из Академической канцелярии предположения об учреждении при Академии семинарии времен Корфа, о которых сейчас упоминалось.

В том же мае месяце Ломоносов испросил, чтобы ему дозволено было в находившейся при Академии наук инструментальной экспедиции поправлять физические инструменты и заказывать там все принадлежащее до опытов; кроме того, он ходатайствовал о выдаче ему на мелкие расходы при производстве опытов небольшой суммы денег. Эти требования были исполнены, а на мелкие расходы Ломоносову было выдано 5 рублей.

В июне месяце, по вступлении в президенты Академии графа Кирилла Разумов-



«Громовая машина»,
установленная Ломоносовым
в своей квартире в Боновом доме.

Рисунок Ломоносова, 1753 г.

ского, на предложение Ломоносова касательно публичных лекций обращено было более внимания. Академическая канцелярия распорядилась сообщить об этих лекциях на русском языке в те учреждения, в которых могли найтись люди, интересовавшиеся ими, а 13 июня Ломоносовым составлено было приглашение к любителям физики, которое и было напечатано с обозначением 19 июня 1746 года³.

* * *

Просмотром перевода⁴ занимался академик Гмелин, по отзыву которого оказалось: «Объявленный перевод по большей части довольно хорош и силу сочинителя весьма хорошо изъяснил, кроме немногих мест, которые от г. профессора Ломоносова при г. докторе Гмелине отчасти тогда же исправлены, а отчасти поправление оных до будущего печатания по находящейся в Академии росписи для того оставлено, чтобы письменного экземпляру не измариать».

Сенат приказал тогда издать перевод, который и был напечатан в половине марта 1746 года, под следующим заглавием:



«Вольфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов, Императорской Академии наук член и химии профессор. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук, 1746».

В посвящении графу М. Воронцову переводчик говорит, что в России начинает сбываться предсказание Петра Великого: «В пространном сем государстве высокие науки изберут себе жилище и в российском народе получают к себе любовь и усердие». Далее, по словам Ломоносова, выходило, что в тогдашней России не только ученых по обязанности, но и знатных особ

ВОЛФИАНСКАЯ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ
ФИЗИКА
сбъ нѣмецкаго подлинника
на латинскомъ языкѣ
СОКРАЩЕННАЯ.
сбъ котораго
НА РОССИЙСКІИ ЯЗЫКЪ
перевелъ
МИХАИЛО ЛОМОНОСОВЪ
Императорской Академіи Наукъ Членъ
и Химіи Профессоръ.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при императорской академіи наукъ
1746.

«Наставления по вольфианской философии» Л.-Ф. Тюммига
и первое издание выполненного Ломоносовым перевода этой книги.

Титульные листы

«беседы редко проходят, чтобы при том о науках рассуждения с похвалою не было». Затем идут похвалы графу М. Воронцову. Гораздо большее значение, чем посвящение, имеет предисловие, приложенное Ломоносовым к своему переводу. Здесь в первый раз на русском языке, определительно и понятно рассказано об успехах наук в XVII и начале XVIII столетий.

Не надо забывать, что Ломоносов говорил о том в такое время, когда во всех наших духовных училищах — этих почти единственных тогда рассадниках просвещения в России — схоластика и искаженное учение Аристотеля пользовались непоколебимым авторитетом.

«Славный и первый из новых философов Картезий, — замечает между прочим Ломоносов, — осмелился Аристотелеву философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу. Мы, кроме других его заслуг, особливо за то благодарны, что он тем ученых людей ободрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов в правде спорить и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению... В новейшие времена науки столько возросли, что не токмо за тысячу, но и за сто лет жившие едва могли того надеяться. Сие больше от того происходит, что ныне ученые люди, а особливо испытатели натуральных вещей, мало взирают на родившиеся в одной голове вымыслы и пустые речи, но больше утверждают на достоверном искусстве. Главнейшая часть натуральной науки, физика, ныне уже только на одном оном свое основание имеет. Мысленные рассуждения произведены бывают из надежных и много раз повторенных опытов...»

Нельзя также пройти молчанием и той большой заслуги, которую Ломоносов оказал в своем переводе русской научной терминологии. Здесь в иных случаях он был творцом и почти всегда преобразователем.

«Принужден я был, — говорит он в заключении своего предисловия, — искать слов для наименований некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей; которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем через употребление

знакомые будут. Оканчивая сие, от искреннего сердца желаю, чтобы, по мере обширного сего государства, высокие науки в нем распространились и чтобы в сынах российских к оным охота и ревность равномерно умножилась».

* * *

В январе 1747 года Ломоносов потребовал «для делания физических опытов» де-лилианский термометр. Затем, как провел Ломоносов первую половину 1747 года и чем он в то время занимался, в главных источниках для извлечения известий о его деятельности — в архивах Академии наук — известий не отыскалось.

Ряд прерванных о нашем академике сведений снова начинается с 7 июля 1747 года: в этот день он представил Академической канцелярии рассмотренную и исправленную им рукопись Миллера о «Сибирской истории».

Известный собиратель сведений о Петре Великом, комиссар Петр Крекшин подавал в Сенат составленное им «Родословие великих князей, царей и императоров всероссийских». Оно было отослано в Академию наук, которая рассмотрение его поручила сначала академику Миллеру. Этот ученый находил в труде Крекшина много произвольных, ни на чем не основанных выводов и даже просто вымыслов. Крекшин рассердился на такой отзыв о нем академика и старался придать делу уголовный оттенок. Еще до ссоры с Миллером, он достал у историографа его выписки из иностранных писателей, в которых был, между прочим, рассказ одного польского писателя об унижении для русских обхождении татар с великими князьями. Миллер, узнав о недовольстве на него Крекшина, просил о назначении комиссии для рассмотрения его пререканий с комиссаром, имевшим, по-видимому, склонность к сутяжничеству.

Просьба эта была уважена, и комиссия была составлена из Ломоносова, Тредиаковского и Штрубе де Пирмона. Первый из них составил изложение сущности всего дела, представленное Академической канцелярии 24 июня 1747 года и уцелевшее доныне под заглавием: «Рассмотрение спорных пунктов между г. профессором

Миллером и г. комиссаром Крекшиным по приказанию его сиятельства графа и президента Академии наук Кирилла Григорьевича Разумовского, учиненное от профессоров Штрубе де Пирмона, Василья Тредиаковского и Михайла Ломоносова». Здесь высказаны были такого рода мнения, что из них нетрудно было вывести, что Крекшин в своих выводах не прав. Последнему это не понравилось, и он повел дело далее, обвинив Миллера пред Сенатом в том, что «в данной ему от профессора Миллера книге, в записанных рукою его исторических записках усмотрел он, Крекшин, многие непотребные записки, которые ему не только писать, но и на иностранных языках не должно читать...»

В подтверждение тому Крекшин сослался на помянутый рассказ польского писателя. По требованию Сената, Академия наук 25 июля 1747 года сообщила в Сенат всю переписку о родословии, составленном Крекшиным, вместе с выписками Миллера, а 4 августа 1747 года Сенат между прочим постановил: «Понеже во взятой против того Крекшина показания из канцелярии Академии наук книге явилось в ней письмо латинского языка, того ради в Правительствующий Сенат призвать из оной Академии профессора Ломоносова и велеть ему в означенной книге против вышеписанного Крекшина показания сыскать и учинить тому перевод, а по переводе доложить немедленно...»

Ломоносов исполнил это приказание, и его перевод места из польской истории Иоганна Длугоша, показавшегося столь страшным Крекшину, сохранился донныне. Здесь рассказывалось, как московский великий князь, при приеме татарских послов, встречал их пеш, подносил им стакан кобыльего молока и т. д.

Сенат и по получении перевода этой выписки, видимо, затруднялся постановить какое-нибудь решение; но Крекшин не унимался: 4 декабря 1747 года в новом прошении он напоминал Сенату о своем родословии, в котором царствующий дом показан по прямой линии от «великого князя Гюстомысла и великого царя Владимира Святославича. А что в лета царствования Бориса Федоровича высочайшая Ея Императорского Величества фамилия, следу-

ющая по мужскому колену от царя Владимира, действием его, царя Бориса Федоровича, пресечена, и ложно написано начало от прусских королей, и во многих родословных книгах высочайшая Ея Императорского Величества фамилия приписана ложно к разным родам Кобылиных и прочим, которыми лжами умножены многие книги, в которых профессор Миллер, не зная истины, заблудил и высочайшую фамилию неправо простою дворянскою дерзнул писать, и профессора Ломоносов, Тредиаковский и Штрубе в неведении же сию лжу за истину признавали...»

По этим основаниям Крекшин просил, чтобы ему дозволено было изобличить названных ученых, а книги, в которых писаны такие лжи, сжечь. Сенат постановил доложить дело в общем собрании, а Крекшина обязать подпискою впредь, до окончании дела, отнюдь о нем не разглашаться. На этом и остановилась вся переписка.

* * *

Летом 1748 года наконец было приступлено к возведению химической лаборатории, которая строилась на деньги, отпущенные из Императорского Кабинета. На торгах, бывших по этому поводу, подрядчик взялся выстроить все здание за 1344 рублей. Работы проводились под непосредственным наблюдением Ломоносова. Все необходимые для этого учреждения вещи и материалы заготавливались также по его требованиям, а иногда и чертежам. В октябре лаборатория приходила уже к окончанию, так что Ломоносов тогда уже требовал туда дров и угольев, а также сторожа. В ноябре он просил об отпуске туда же чугунных чаш, горшков и пр.

В 1748 году при Академии был учрежден сначала исторический департамент, а вскоре за тем Историческое собрание, заседания которого вместе с некоторыми из академиков обязан был посещать Ломоносов.

Следы участия его в заседаниях этого учреждения видны при двух случаях. 3 и 6 июня 1748 года в Историческом собрании во время чтения одного места из сочинения историографа Миллера, где упоминалось, что «Ермак грабежу и разбою (Rauberey), чинимого от людей своих в Сибири, не почитал за преступление (Verbrechen)»; гл. чле-



Химическая лаборатория Ломоносова во дворе Бонова дома
(здание с поднимающимся из трубы дымом).

По рисунку середины XVIII в.

ны, а именно Штелин, Штрубе, Ломоносов и Браун (заметили), что о сем деле должно писать осторожнее и упомянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать, в чем и пришедший в самое то время, как о сем речь была, г: ассесор Теплов согласился...

В следующее заседание, 6 июня, Миллер объявил, что он «требуется общего от всех мнения в рассуждении того, что он написал о Ермаке, как сперва бывшем таком человеке, которого невозможно назвать по правде добрым, выключить ли ему то все, что он ни написал об нем, ибо умягчить свои изображения ему никак невозможно...»

При отобрании о том мнений от академиков, Ломоносов отозвался, что он «мнит, что подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал на Сибири или для всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею всероссийскому монарху, того ради, буде оные рассуждения, которые о его делах с несколько похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их все выключить...» Так как все остальные академики были того же мнения, то историограф «учинил оное при их при-

сутствии, а именно вычернил все оные упомянутые описания...»

Увидим ниже, что Ломоносов (1751) формально доносил, что он с самого открытия Исторического собрания много принужден был там от Миллера «ругательства и обиды терпеть напрасно...» Свидетельства современников о нраве нашего знаменитого писателя дают некоторое право думать, что едва ли он допускал «терпеть напрасно» нападки на него Миллера, который, впрочем, так же — по современным отзывам — не обладал сдержанностью и уступчивостью.

Вскоре после заседаний Исторического собрания, в которых разбирали труд Миллера с цензурной точки зрения, возникло об этом ученом следственное дело по поводу к нему письма из-за границы астронома Николая Иосифа Делиля, где Петербургская академия наук была названа *corps phantasque*, т. е. учреждением призрачным, и упоминалось об уговоре с Миллером написать что-то о ней за границею. Миллер во всем этом деле видел только следствие давнего недоброжелательства к себе Шумахера и даже опасался, чтобы тот, при разборе отобранных у него бумаг, не-



ЛОМОНОСОВЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ 1749 ГОДА.

Грав. В. Чернышев.

Печ. у Тютчева.

Рис. на кам. Не Ивановъ.

которые из них не присвоил себе или не вложил таковых собственного изделия.

«Хотя мне, — писал далее Миллер по-французски к Теплому 25 октября 1748 года, — говорили, что при разборе бумаг присутствовали также гг. Винцгейм и Ломоносов, но они, может быть, заняты другими делами. Кроме того, вы знаете, милостивый государь, что первый хотя и честный человек, однако не имеет смелости противоре-

чить г. Шумахеру в самомалейшей вещи. Что касается другого, то у меня не менее причин ему не доверять, так как он объявил мне, что не может мне простить того, что я действовал против него вместе с другими профессорами в его споре с г. Винцгеймом, когда он был еще адъюнктом, — обида, которую я считал достаточно заглаженной содействием, оказанным ему мною при избрании его в профессоры...»

* * *

В 1748 году Ломоносов сочинил «Оду на день восшествия на престол Ея Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны», которая и была напечатана к 25 ноября того же года.

Здесь более, чем в предыдущих годах, встречается громких похвал мудрости, благодушию и умению царствовать Елисаветы. Между пожеланиями снова являются намеки на дарование нового устава Академии наук и прежнее ее печальное положение:

И вам, возлюбленные музы,
За горьки слезы и за страх,
За грозно время и плачевно
Да будет радость повседневно,
При невских обновясь струях.

* * *

* *

Годину ту вспоминая,
Среди утех мятется ум!
Еще крутится мгла густая,
Еще наносит страшный шум!
Там буря искры завивает,
И алчный пламень пожирает
Минервин с громким треском храм!
Как медь в горниле, небо рдится!
Богатство разума стремится
На низ, к трепещущим ногам!

Далее следуют иносказания, как русские при Елисавете победили шведов, иносказания, которые можно объяснить тем, что в 1748 году делались разные военные приготовления против Швеции и в тогдашних «Петербургских ведомостях» от времени до времени печатались известия о сосредоточении войск и о снабжении наших магазинов в Финляндии разными запасами.

Лев ныне токмо зрит ограду,
Чем путь его пресечен к стаду.

В 1748 году императрица послала вспомогательные войска на Рейн, и это обстоятельство было причиною заключения мира в Аахене:

Европа, утомленна в брани,
Из пламени подняв главу,
К Тебе свои простерла длани
Сквозь дым, курение и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чем для блаженства смертных рода
Всевышний наш украсил век,
Склонилась для ее защиты,
И меч Твой, лаврами обвитый,
Не обнажен, войну пресек.

В 20-й строфе — воспоминания о поражении Карла XII. Двор в конце 1748 года собирался в Москву, где в мае 1748 года сгорело несколько десятков монастырей и церквей, около двух тысяч дворов и проч.

Москва едина на колена
Упав, перед Тобой стоит,
Власы седые простирает,
Тебя, богиня, ожидает,
К Тебе единой вопия:
«Воззри на храмы опаленны,
Воззри на стены разрушенны,
Я жду щедроты Твоя».

* * *

* *

Гряди, краснейшая денницы,
Гряди и светлостью лица,
И блеском чистой багряницы
Утешь печальные сердца
И время возврати златое.

Ода Ломоносова была поднесена императрице во дворец президентом Академии, графом Разумовским, и, как сказано в современных газетах, «Ея Императорское Величество милостиво принять соизволила и сочинителю сего поздравления профессору химии г. Ломоносову всемилостивейше пожаловать изволила две тысячи рублей в награждение».

Из дела, возникшего в 1750 году о взыскании с Ломоносова по одному векселю, можно видеть, что он часть пожалованных ему денег употребил в 1748 году на расплату долгов; но количество последних он сам определительно не знал, так как, по его свидетельству, один вексель в сто рублей оказался тогда скрытым заимодавцем с це-

лью получать по нем впоследствии проценты. Ломоносов это заметил уже тогда, когда вексель представлен был к взысканию.

В 1748 году Ломоносову несколько раз приходилось составлять стихотворные переводы надписей для иллюминаций, которые сочинялись академиком Штелиным. Так, 20 апреля того года Ломоносов получил из Академической канцелярии ордер о переводе стихами надписи, переведенной в прозе так:

Твоей короны здание, монархия, пускай стоит
Тебе к веселию и нам к блаженству твердо,
Как наша верность ожидать от неба нам того велит
И ревность уповать всегда тебе усердно.

Получив такую надпись, Ломоносов обрattился с письмом к Теплову, в котором уверял, «что в немецких виршах нет ни складу, ни ладу; и так таким переводом мне себя пристыдить весьма не хочется и весьма досадно, чтоб такую глупость перевести на российский язык...»

Теплов в ответ Ломоносову послал 22 апреля к нему самое изъяснение иллюминации, предупреждая, чтобы он не досадил Штелину экспрессиями, предосудительными его чести, и оканчивая словами: «Пожалуй, поспеши к утру».

Ломоносов тогда написал «Надпись на иллюминацию, предоставленную в торжественный день коронования Ея Величества 1748 года, перед Зимним домом, где представлен был в храме алтарь, из сердец сложенный, наверху императорский венец, по сторонам галереи к восходящему и заходящему солнцу»:

Во храме верности на алтаре сердец
К подавшему Тебе с высот своих венец
От подданных Твоих чистейший огонь пылает,
Да счастьем Твоим Россию увенчает,
Да солнце, восходя и заходя, дивится,
Что всюду красота Твоих триумфов зрится.

* * *

8 февраля 1749 года Шумахер определил представить президенту Академии наук графу Разумовскому, бывшему тогда в Москве, о приказании от его имени Ломоносову написать речь к торжественному собранию Академии, «понеже профессор

Ломоносов в состоянии написать диссертацию как на русском, так и на латинском языке, и оную либо публично читать, либо наизусть говорить»; причем ему следовало вменить в обязанность, «чтоб он не забыл в диссертации приписать похвалу основателю Академии государю императору Петру Великому и покровительнице ныне достохвально владеющей государыне императрице; после б объявил о начале, происхождения и нынешнем состоянии химии, а потом бы описал некоторые новые опыты...»

Впрочем, Шумахер предлагал о Ломоносове вовсе не из желания иметь для торжественного собрания блестящим образом написанную речь или чтобы тем дать случай отличиться академику пред русскою публикою; а просто потому, что советник очень хорошо знал, что в Академии не имелось много ученых, которые были бы способны и охотники сочинять и произносить пред публикою такого рода произведения.

Настоящий образ мыслей об этом предмете Шумахера всего лучше виден из его письма к Теплову 9 февраля, стало быть, написанного на другой день после вышеписанного определения: «Очень бы я желал, — сознавался там довольно откровенно Шумахер, — чтобы кто-нибудь другой, а не г. Ломоносов, произнес речь в будущее торжественное заседание, но не знаю такого между нашими академиками... Орагор должен быть смел и некоторым образом нахален, чтобы иметь силу для поражения безжалостных насмешников. Разве у нас, милостивый государь, есть кто-нибудь другой в Академии, который бы превзошел его в этих качествах?..» Затем следует предложение Миллера, чтобы он также читал речь на акте, на том основании, что он «обладает громким голосом и присутствием духа, которое очень близко к нахальству...»

Предложение это было принято графом Разумовским, и от его имени велено было сочинять речи и Ломоносову, и Миллеру. Хитрый Шумахер не без намерения, конечно, сопоставил в этом случае двух академиков вместе, во-первых, для того, чтобы Ломоносов не очень превозносился поручением, а во-вторых, чтобы еще более разжечь соперничеством и без того сильную неприязнь между двумя учеными.

Это можно заметить из следующего письма Шумахера к Теплову от 30 марта 1749 года: «Все, что вы почтили сообщить мне касательно торжественного собрания, которое должно быть 5 сентября, будет исполнено в точности. Я не счел нужным говорить о том г. Ломоносову: у него голова еще полна разнородных паров, которые его сильно беспокоят, ни г. Миллеру, чтобы не возбудить зависть в г. Ломоносове...»

В августе речь нашего академика, посвященная исключительно прославлению императрицы Елисаветы, была уже готова и отдана в печать; но она не была произнесена 6 сентября, как предполагались прежде, а лишь 26 ноября 1749 года, так как торжественное собрание было отложено вследствие цензурных затруднений, возбужденных речью Миллера, о чем будет говорено ниже.

Здесь же приводится только следующее место из определения Академической канцелярии 27 сентября 1749 года: «Похвальное слово» г. профессора Ломоносова к славе Академии наук и к его собственной чести оставить так, как оно и прежде было уже от г. президента апробировано, и перепечатать только те приличности, которые сам г. Ломоносов отменить захочет при переносе «Слова» своего от 6 сентября к 25 ноября...»

В этом «Слове» между риторскими обращениями и витийственными оборотами Ломоносов поместил несколько черт, которые, конечно, были понятны современникам и принадлежат истории своего времени.

Восхваляя добродетели Елисаветы, наш писатель, между прочим, два раза упоминает о действительно замеченной в этой государыне особенной наклонности к обрядности в делах, касающихся веры. В ее царствование особенно строго соблюдались посты при дворе, так что во время их императрица не оставалась даже в тех покоях, где были подаваемы мясные кушанья. При Елисавете также двор часто предпринимал путешествия по монастырям, в Киев и т. д.

«Приносится, — говорит наш вития, — благодарение государыне благочестивейшей: свидетельствуют создаваемые и украшаемые храмы Господни, пощения, молебства и трудные путешествия благовения



Граф Кирилл Григорьевич Разумовский

ради... Благополучна Россия, что единым языком едину веру исповедует и единою благочестивейшею самодержицею управляема, великий в ней пример к утверждению в православии видит. Видит повсюду, как звезды небесные, блистающие и ею сияние свое умножающие церкви; с удивлением взирает, что толь многих государств повелительница, которой земли, море и воздух как удовольствию служат, часто твердостью веры укрепляема, строгим пощением, сухоядением тело свое изнуряет; которой не только великолепные колесницы и избранные кони, но и руки и главы сынов российских к ношению готовы, вперенна усердием купно с подданными далекий путь к местам священным пеше шествует...»

Ломоносов не забыл о приостановлении Елисаветою смертных казней в России: «Приносится благодарение государыне премилосердной: свидетельствует бесчисленное множество свободенных от смерти и данный ей от Бога меч на казнь повинных кровию еще не обогранный...»



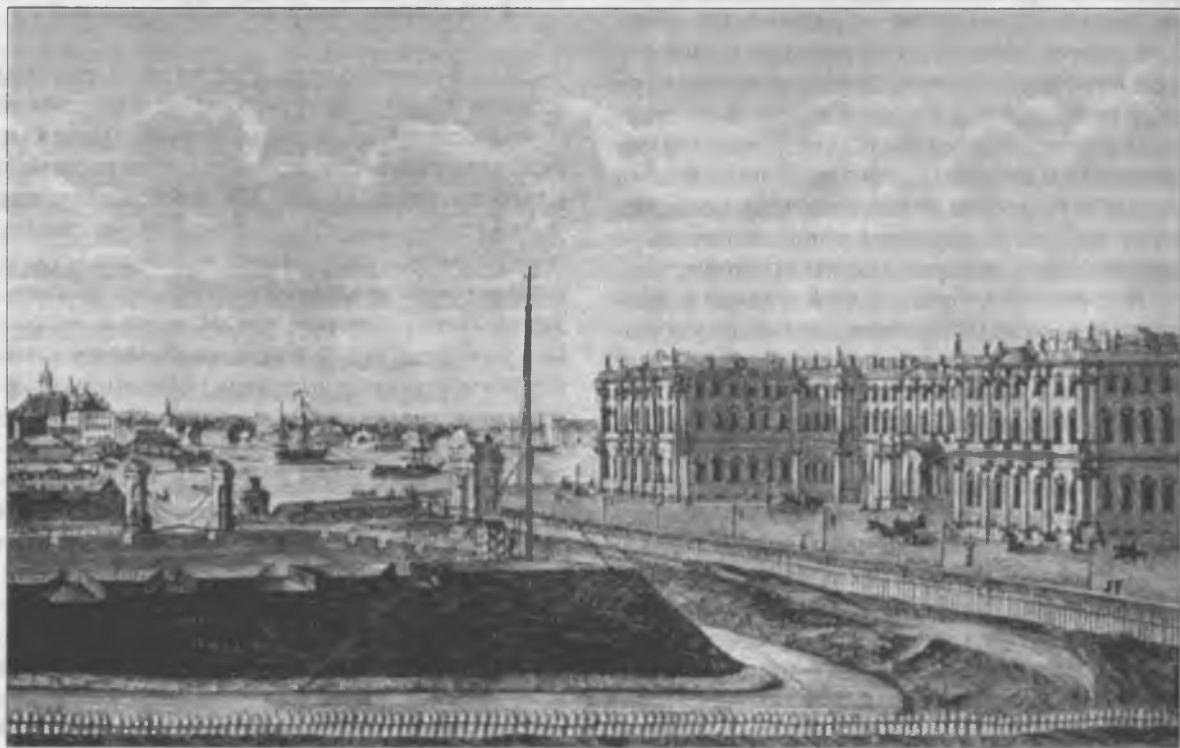
В следующих строках рассказана подробность, сохраненная историею о ночи, когда Елисавета отправилась для вступления на царство: «Богом предводимая Героиня наша с малым числом верных сынов отечества презирает все препятства, без пролития крови торжествует; и к общей нашей радости приемлет свое наследство. Чудное и прекрасное видение в уме моем изображается, когда себе представляю, что предходит со крестом девица, последуют вооруженные воины...»

Известно, что Елисавета, отправляясь к Зимнему дворцу в ночь на 25 ноября 1741 года, заставила своих приближенных целовать крест, который надела на себя и показала потом преображенным, отправившимся с нею для арестования младенца-императора и его родителей.

Далее находим указания на современные беспокойства в разных европейских государствах, на тогдашние отношения России к Швеции; причем довольно резко напоминалось о победах русских при Полтаве и Вильманстранде. «Побеждена Швеция ея (Елисаветы) оружием, но больше

побеждена великодушием; страшится ея непобедимые силы, но больше чудится великому и благородному духу...»

Затем есть намеки, быть может, на тогдашние отношения к Пруссии: «Премудрая Елисавета, хотя радуясь взирает на своих подданных, наслаждающихся дарованным от ней возлюбленным покоем; однако и о будущей их безопасности печется: ограждает их распростертым по земле и по морю оружием и тех, которые мечом не могут, мыслями воюющих проницательным оком назирает; открывает потаенные тихими струями лести неприятельские коварства; рассуждает о прошедшем, рассматривает настоящее и будущее предвидит. То ради если кто из завистников благополучия нашего дерзнет неистовым или коварным озлоблением миролюбивое монархини нашей сердце на гнев подвигнуть, то познает о сем премудрый ея промысл, и хотя он пространными морями, великими реками или невысокими горами от нас покрыт и огражден будет, однако, почувствовав свое наказание, помыслит, что в равные поля претворились; помыслит, что не



Новый Зимний дворец, построенный в конце царствования Елизаветы Петровны

флот Российский, но целая Россия к берегам его пристала...»

В «Слове» есть несколько мест, в которых императрица прославляется за щедроты ее к Академии наук. По мнению Ломоносова, нигде, кроме «пространной и безмятежной» России, нет столько удобств и безопасности к процветанию наук, и он влагает в уста императрицы такую речь к русскому юношеству: «Обучайтесь прилежно: я видеть Российскую академию из сынов российских состоящую желаю; поспешайте достигнуть совершенства в науках: сего польза и слава отечества, сего намерение моих родителей, сего мое произволение требует. Не описаны еще дела моих предков, и не воспета по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь в обогащении разума и в украшении российского слова. В пространной моей державе неоцененные сокровища, которые натура обильно произносит, лежат потаенны и только искусных рук ожидают: прилагайте крайнее старание к естественных вещей познанию и ревностно старайтесь заслужить мою милость. — Сие щедрое Ея Величества повеление слыша, дерзайте, бодрствуйте, успевайте в течении вашем. И вы, которым вход к наукам свободно отворен, употребляйте сию щедроту в пользу сынов ваших и намерения Петрова, попечения Екатерины и Елисаветы великодушия тщетно не оставляйте...»

Что это произведение Ломоносова понравилось при дворе, о том извещал из Москвы Теплов Шумахера; но последнего от многих мест «Слова», видимо, корбило, и он скрепя сердце писал 4 декабря 1749 года Теплову: «Итак, "Похвальное слово" (Ломоносова) было принято при дворе с одобрением. Хорошо, но уверяю вас, милостивый государь, что физическая диссертация (Рихмана) будет таким же образом принята от ученых, а премия теми, кто ее получит...»

Что касается до Эйлера, то он тотчас по получении экземпляра речи Ломоносова, которую при своем знании русского языка мог прочесть в подлиннике, отвечал похвалами и этого произведения русского академика: «Я был восхищен, — писал Эйлер к Шумахеру 3 января 1750 года, — услышав о последнем славном собрании в Академии

наук. Статьи, читанные при этом случае, заслужат похвалы от всех ученых; в особенности панегирик г. Ломоносова мне кажется образцовым в своем роде».

Торжественное заседание 26 ноября 1749 года любопытно еще потому, что тогда в первый раз от Академии наук предложена была задача на премию, придуманная, по просьбе президента Академии наук, Эйлером.

При объявлении этой задачи в Академическом заседании 21 августа 1749 года Ломоносов заявил, что и он от себя предложит несколько задач для отсылки к президенту, если только они будут одобрены. Впрочем, Ломоносов не исполнил этого обещания, а Шумахер того же числа писал к Теплову в Москву: «Скажу вам только, что, заметив, что г. Ломоносов казался рассерженным присылкою задач, так как он думает, что в этом случае надлежало положить на академиков, я ему говорил, что от него зависит предложить задачи, какие считает он нужным, и что их также пошлют к его сиятельству (графу Разумовскому). На это он согласился. Господин этот выказывает себя ужасным гордецом...»

* * *

Известность Ломоносова как знатока отечественного слова и специалиста побудила Татищева просить Шумахера предложить академику написать к составленной Татищевым русской истории посвящение великому князю Петру Федоровичу. «Я, — отвечал Шумахер Татищеву 30 января 1749 года, — не хотел задерживать прилагаемое при сем письмо г. Ломоносова, сейчас мне переданное им для отсылки, чтобы ваше превосходительство могли убедиться в нетерпеливом желании нашем видеть появление в свет, на пользу общества, вашего превосходного труда...»

11 марта 1749 года Шумахер сообщил Татищеву: «По приказанию вашего превосходительства, г. профессору Ломоносову сделан подарок в 10 рублей. Он им очень доволен и в следующий понедельник будет сам благодарить за то. Препровожденная к нему глава из русской истории возвращается при сем обратно к вашему превосходительству...»

* * *

Выше было говорено, что Ломоносов вместе с Миллером готовили в 1749 году речи к торжественному собранию в Академии наук. Первый из них успел написать «Похвальное слово» императрице Елизавете, которое, как видели, было встречено всеобщим одобрением. Миллер был не так счастлив в этом случае. Его речь, озаглавленная «Происхождение народа и имени российского», была предметом особых разбирательств в академических заседаниях и наконец вовсе запрещена.

До весьма недавнего времени существовало убеждение, что все преследования против этого произведения Миллера были возбуждены по наущению Ломоносова.

После обнародования значительной массы материалов для жизнеописания последнего оказалось, что преследования эти начались из Москвы от Теплова, управлявшего всеми действиями тогдашнего президента Академии графа Разумовского, и потом поддерживались Шумахером в Петербурге.

Следует говорить об участии Ломоносова в этом деле, участии тем более любопытном, что его суждения, высказанные им по поводу спорного вопроса о происхождении Руси, и потом находили от времени до времени последователей и продолжателей.

У многих народов издавна проявлялось желание выдумывать для себя наиболее почетное происхождение от героев древности. В этом отношении любопытно свидетельство Георга Грота в его известной «Истории Греции»:

«Когда взять историю нашего собственного отечества (т. е. Англии), — говорит он, — так, как она слагалась и переписывалась от XII до XVII веков Hargyng'ом, Fabian'ом, Grafton'ом, Hollinshed'ом и другими, то увидим, что тогда начало ее приписывали Бругу, троянцу, и от того времени вели ее чрез многие столетия в длинном ряду королей до Юлия Цезаря. Подобная вера в троянское происхождение, имевшая, по видимому, источником благоговейное подражание римлянам и их троянскому происхождению, высоко ценилась в воображении других народов.

Эта сказка о происхождении англичан сперва была пущена в ход в особенности Geoffrey Monmouth'ом и перешла в народное убеждение без большого противодействия и сопротивления: короли вносились в список нисходящих потомков от Брута в хронологическом порядке с подведенными как следует указаниями времени.

При одном споре, возникшем в царствование Эдуарда I (1301 года) между Англиею и Шотландиею, о происхождении английских королей от Брута-троянца было торжественно занесено в акт как доказательство в подтверждение прав Англии в спорном деле, и это прошло без возражений противной стороны... Упорство, с которым защищался этот ранний ряд британских королей, не менее достойно внимания, как и лежковерия, с которым оно было принято.

Историки XVII столетия с жаром ставали против проникавшего скептицизма, предававшего уничтожению столько достойных монархов и стиравшего столько благородных подвигов. Они зывали к патриотическому чувству своих читателей, представляя, как безрассудно было бы пускать в ход такую кичливую критику столетних верований, и ссылаясь на опасность примера для истории вообще». Только историки XIX столетия стали начинать историю Англии со времен Юлия Цезаря.

Подобные же сказания о древности русского народа, с ссылками даже на 38 и 39 главы пророчества Иезекииля, о Мосохе, князе русском и в то же время внуке Ноя, и с упоминаниями о славянах, помогавших в войнах Александру Македонскому и отцу его Филиппу, и т. п., — все сначала заносилось в разные рукописи и сборники, а потом и напечатано в Синописе, изданном в первый раз в Киеве в XVII веке.

Вскоре после основания Академии наук, член ее Байер занялся вопросом о происхождении варягов. Его исследования по этому предмету любопытны и в том отношении, что в нем впервые высказаны положения, составляющие и доныне краеугольный камень так называемой «норманской системы» о происхождении Руси.

Но произведение Байера, написанное по-латыни, было напечатано в академических «Комментариях», и, наверное, его ни-



Здание Главной аптеки,
где помещался в 1750-х годах Московский университет

кто не читал в России, за исключением одного Татищева. Между тем как у нас верили в первой половине XVIII столетия всем басням, выдуманным очень незадолго до того времени, о древнем происхождении русских.

О том можно судить по одному «предложению» Петра Крекшина, поданному в Академию наук в октябре 1735 года и в котором он повторяет эти басни в твердой уверенности их истинности. Так, он сначала высказывает недовольство на Синописис за молчание о начале рода славянского, а между тем, говорит Крекшин, «как оное начало будет познано, то всей славянской истории истинный фундамент и прошедших лет печатным историям начало и совершенство сим взысканием начала рода славянского и их жития и всей истории будут отверзты и гласны, а без взыскания сего начала не будут истинны». Затем предлагаются такие известия: «В лето от сотворения мира 3099 скифские князи, первый Сло-

вян, второй Рус с роды своими и яже под Русью пришли от Евксинопонта на место пусто близ великаго езера, которое наименовали во имя сестры Словяновой и Русовой Ильмены Ильменом, а во имя жены Словяновой Шелони реку, падшую во Ильмень-озеро, нарекоша Шелонью. Во имя сына большаго Словянова Волхва нарекоша реку Волховом...» После подобных сказок следует упоминание о грамоте Александра Македонского в великий Словянск и т. п., а в конце: «К сему явное свидетельство и ныне тово града Словянска разрытое место против Юрьева монастыря, которое именуется городище, что неложное и не притворное свидетельство, и жителей новгородские истари друг другу об оном сказывают и истории имеют у себя...»

Возвращаясь к речи Миллера, мы должны прежде всего заметить, что вопрос: был ли он прав, выводя варягов из Швеции, или же Ломоносов, защищавший мнение

киевского Синописа о славянстве варягов, вопрос этот остался и доныне неразрешенным, хотя и историческая критика, и филология в продолжение ста двадцати двух лет после того, как впервые возник о том спор, сделали значительные успехи.

Только в одном обстоятельстве по этому вопросу можно видеть шаг вперед — именно, что в наши времена уже не считается чем-либо нецензурным не только выводить происхождение руссов из Швеции, но и выдумывать это происхождение от таких незначительных инородцев, как жмудь. Здесь не место распространяться о том, не бесплодно ли заниматься решением вопроса, многолетние исследования которым многих лиц не были в состоянии вывести его из области гаданий и предположений; скажем только, что история разработки этого вопроса при самом возникновении его и дальнейших разысканий о нем заключает в себе много назидательного для литературы русской истории, так как знакомит с приемами и взглядами разных замечательных в науке деятелей, пристально занимавшихся вопросом о происхождении Руси, и в то же время дает понятие о состоянии науки в разные эпохи.

Миллеровская речь, при всех ее недостатках, замечательна в нашей исторической литературе как одна из первых попы-

ток ввести научные приемы при разработке русской истории и историческую критику, без которой история немыслима как наука.

Таким образом, в труде Миллера заключаются следующие главнейшие положения:

а) Нет исторических свидетельств для подтверждения мнений о происхождении русских от Мосоха, сына Афетова; от Росса, упоминаемого у пророка Иезикииля; от Русса, одного из сыновей Афетовых; от народа роксолан, от скифов и сармат, так же как и о том, что русские получили такое прозвание от русых волос, от военного крика (рази!), ими употребляемого при нападениях на неприятелей, или от вымышленного Руса, брата Чеха и Леха.

б) Русские, живущие в нынешней России, были пришельцами, а до них обитал там народ, называемый чудь, под которым должно разуметь чухонцев, корелов и эстляндцев.

с) Славяне жили у берегов Дуная и, быв оттуда изгнаны волохами, поселились сначала у Днепра, овладели всею Польшею, построили Киев и потом Новгород, а также другие города, например Смоленск, Чернигов; при этом опровергнуто баснословное известие новгородского летописца, «будто Новгород построен во времена Моисеевы и израильской работы».



Москва начала 1740-х годов

d) Хотя Нестор утверждает, что Кий не был перевозчиком, однако это не отнимает достоверности у греческих писателей, прежде Нестора живших.

e) Скандинавы и варяги — один и тот же народ: от них русские получили свое название и царей, и они же сначала овладели Русскою землею, потом были выгнаны из нее, а наконец снова призваны туда самими новгородцами.

f) В киевском Синописе, на основании только одних догадок, предполагалось, что варяги были славянами; но между этими народами ничего не было общего, что подтверждается прежде всего свидетельством Константина Багрянородного, который, при описании Днепровских порогов, старательно отличил названия славянские от варяжских; затем в подтверждение этого же положения Миллер приводил известия о варягах из скандинавских саг, а также датских, шведских и норвежских писателей.

g) Оскольд и Дир, по ошибке русских историй, считался за два лица, тогда когда как это было одно — Оскольд, имевший звание диара, что на старинном готском языке означало судью или начальника.

h) Вопреки принятому мнению, Оскольд владел Киевом до призвания Рюрика в Новгород, что подтверждается известиями, оставленными Зонарою и Кедриным о походе русских на Царьград, который от того был в страхе. По греческим писателям, это случилось в 858 году по Р. Х., а у Нестора по ошибке было записано, что это имело место при императрице Феодоре, а она была лишена престола еще в 856 году.

i) Приезжавшие к греческому императору Феофилу послы были от народа росс, который жил в Киеве. Стало быть, это были варяги, почему и не удивительно, что цезарь Людовик Кроткий подозревал в них шведов.

k) Финны шведов доньше называют россами, г. е. россалейне (правильнее: ruotsalainen). Новгородцы, в подражание им, всех пришельцев с Севера стали называть этим же именем, а когда славяне перешли под власть таких пришельцев-варягов, то и сами начали называться россами, и это подтверждается Нестором: «...от тех варягов находников прозвашася Русь и оттоле словет Русская земля, иже суть новгород-

стии люди, и до нынешняго дня; прежде бо нарицахуся славяне, а ныне русь и от тех варяг прозвашася, сице бо варяги прозвашася Русью».

Граф Разумовский, конечно по внушениям Теплова, находившегося тогда при нем в Москве, не только запретил речь Миллера читать в публичном заседании Академии, но велел отдать ее на пересмотр академиков.

Вследствие этого распоряжения Ломоносов представил свой первый отзыв о произведении Миллера 16 сентября 1749 года. Здесь наш писатель находил неприличным, что Миллер, после обещания ссылаться на иностранных писателей только в случаях, когда отечественные недостаточны, «однако в противность того российских авторитетов не токмо просто, но не редко и с поношением опровергает...

Правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна; однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках. Из всего видно, что он весьма не много читал российских летописей и для того напрасно жалуется, будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях...»

Далее Ломоносов высказывает, что Миллер пользуется иностранными писателями «непристойно»: «где они противны его мнениям, засвидетельствует их недостоверными, а где на его сторону клонятся, гут употребляет их за достоверных...» Ломоносову казались «темной ночи подобными» опровержения Миллера о происхождении от Мосоха Москвы и россиян от реки Росса. «О скифах, — продолжает Ломоносов, — которых почитать должно за первоначальных жителей в наших нынешних селениях, — г. Миллер весьма мало упоминает... Я заметил здесь, что от него пропущен самый лучший случай к похвале славянского народа, ибо, как известно, что скифы Дария, персидского царя, Филиппа и Александра, царей македонских, и самих римлян не утрущались, но великие им отпоры чинили и победы над ними одерживали, по сему легко заключить можно, что народ славенский был весьма храбрый, который преодолел мужественных скифов».

Затем Ломоносов подметил, на этот раз довольно справедливо, какое-то особенное довольство, с которым Миллер указывает все неудачи и неуспехи славян. Хотел ли Миллер, писавши так, показать свое беспристрастие во времена, когда считалось чуть не святотатством сомневаться в истине баснословий Синописа, или же он, как иноземец, питал затаенное чувство против России и русских, что не редкость между иноземцами, даже навсегда поселившимися в России, только в речи его есть немало неприятного для самолюбия русских, почему Ломоносов писал: «Правда, что г. Миллер говорит: прадеды ваши от славных дел назывались славянами, но сему во всей своей диссертации противное показывать старается, ибо на всякой почти странице русских бьют, грабят, *благополучно* скандинавы побеждают; гунны Кия берут с собою на войну в неволю. Сие так чудно, что если бы г. Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен».

Ломоносов отказывается верить мнению Миллера, что славяне в нынешней России явились только в IV веке по Р. Х. и что варяги происходят не от роксолан, народа славянского. «Германцы, — пишет Ломоносов, — давно называют себя дейчен, хотя их ни русские, ни французы тем именем и поныне не пишут. Так и варяги, происходя от роксолан, всегда себя русью называли, хотя другие народы их иначе именovali, и самые слова Несторовы показывают, что варяги назывались русью, а по ним и новгородские славяне и прочие назывались русью; но едва можно чуднее что представить, как то, что г. Миллер думает, якобы чухонцы варягам и славянам имя дали».

Ломоносов находил смешным, что Миллер в Изборске видел Исабур; но вслед за тем сам увлекся бывшим тогда в ходу объяснением названий посредством сходства, иногда очень отдаленного, некоторых звуков в других именах. «Оскольд, — говорит Ломоносов, — речение есть славенское и значит обоюдный топор; так в псалме 73-м, стих 6, секирою и оскордом (или асколдом) разрушиша. Дир происходит от слова деру,

якобы драч. Ольга названа от облегчения матери своея рождением...»

Затем Ломоносов находил «предположениями неосторожными и предосудительными» названия Миллером словенских князей царями, что, по мнению критика, было «в предосуждение первовенчанным царям российским», или прозвание новгородцев самохвалями. «О св. Несторе-летописце, — замечал также Ломоносов, — говорит весьма предерзостно и хулительно, так: *ошибся Нестор*, и сие неоднократно». В конце академик указывал, что латинский текст речи Миллера написан дурною латынью, а русский перевод наполнен ошибок против русского языка, и вообще вся она «весьма недостойна, и российским слушателям и смешна и досадительна...»

Нетрудно заметить, что Ломоносов в отзыве о речи своего личного врага преимущественно руководствовался патриотическим воззрением. Это же самое воззрение легло в основание писанного Тепловым определения, в силу которого речь Миллера была признана настолько вредною, что ее велено было держать за академическими печатями, «не выпуская ни под каким видом ни единого экземпляра».

Конечно, такая мера против исторического исследования, где были ошибки и промахи, встречающиеся во всяком человеческом труде, кажется ныне строгою и неуместною, и, в оправдание Теплова, изрекшего такой приговор, может служить только то обстоятельство, что речь предназначалась для торжественного заседания, в котором оскорбление народного самолюбия посетителей не принесло бы никакой пользы Академии, а, напротив, повредило бы в общественном мнении ученому учреждению, которое, будучи наполнено иноземцами, и без того считалось антинациональным.

Когда Миллер узнал об участии, постигшей его речь, то написал к президенту, что в приговорах его произведению он видит личное себе недоброхотство, почему было сделано распоряжение «исследовать помянутую его диссертацию академическому и Историческому собранию и прислать общую от обоих собраний апробацию, и сей экзамен произвести при нем самом, Миллере, в генеральном собрании без всякого



Скифы, дрессирующие коней.
Изображение с Никопольской вазы, IV в. до н. э.

пристрастия...» Вследствие этого Ломоносов написал новый отзыв о произведении Миллера и на этот раз более подробный.

В доказательство того, что роксолане и россияне один и тот же народ, Ломоносов указывает на сходство обоих названий и на свидетельства, помещенные в изданном в Англии в XVIII веке «Описании всего света»; он также ссылается на Плиния, Страбона и Тацита, упоминавших о роксоланах, причем обращает внимание на Целлария, сочинителя учебников XVIII столетия, и на те места Новгородской летописи, в которой помещены баснословные рассказы.

От IV до VIII века о роксоланах нет упоминаний древних писателей, а вместо этого народа появляются русские, и притом с такою славою, что патриарх цареградский в своем послании говорит об их победах, которых нельзя было учинить в короткое время. Стало быть, это был, думает Ломоносов, народ древний, т. е. те же роксолане, о которых писатели могли молчать в продолжение нескольких веков по чисто случайным причинам. Роксолане говорили славянским языком по такому соображению Ломоносова, что этот язык был в употреблении на огромном пространстве и не происходил ни от латинского, ни от греческого языка: «...следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен».

Во времена Августа, по словам Ломоносова, цитирующего при том Целлария, роксолане стали называться у греков и римлян сарматами, а сами себя именовали славянами от славных дел.

В словах Миллера, что Рюрик с братьями были не славяне, а шведы, Ломоносов видит подражание Байеру, а потому за-

пальчиво нападает на последнего за его сближение имен первых русских великих князей с скандинавскими.

«Всего несноснее, — замечает Ломоносов, — что он в своем иступлении или полоумстве опровергает основание, на котором утверждено важное Петра Великого учреждение, т. е. орден Св. Апостола Андрея Первозванного, ибо Байер то явно отрицает, что св. апостол Андрей Первозванный был в земле Российской для проповеди Евангелия. Жаль, что в то время не было такого человека, который бы поднес ему к носу такой химической проницательной состав, от чего бы он мог очнуться!..»

Что касается до славянских и русских названий Днепровских порогов у Константина Порфирородного, то Ломоносов объясняет их не разностью языков, а разностью времени, так как оно перемещает названия.

Далее он высказывает собственные свои соображения в пользу мнения, что Рюрик с братьями пришли из Пруссии, древние обитатели которой говорили по-славянски. Скандинавами этих князей-пришельцев Ломоносов не признавал главнейше потому, что в русском языке не осталось ни малейших следов скандинавского, что необходимо должно было бы иметь место, так как дружина долгое время была из варягов и с князьями пришло много их единоплеменников. Татары никогда в русских городах не жили долго и посылали туда только сборщиков, а между тем в русском языке осталось множество татарских слов.

Рассказы, приведенные Миллером о русских владетелях из скандинавских саг, а также шведских и датских писателей, Ломоносов сравнивает с баснями, «какова у нас о Бове-королевиче».

«Не могу, — замечает Ломоносов на этот раз весьма верно, — пройти мимо того, как он имя города Холмогор производит от Голмгардии, которым его скандинавцы называли. Ежели бы я хотел по примеру байеро-миллеровскому перебрасывать литеры как зернь, то бы я, право, сказал шведам, что они свою столицу неправильно Стокгольм называют, но должно им звать оную Стиокольной, для того что она так слывет у русских. Имя Холмогоры соответствует весьма положению места, для того что на

островах около его лежат холмы, а на матерой земле горы, по которым и деревни близ онаго называются, напр.: Матигоры Верхние и Нижние, Каскова Гора, Загорье и пр.».

Заключение Ломоносова в последнем его отзыве сильнее предыдущего: здесь доказывается, между прочим, что «ежели положить, что Рурик и его потомки, владевшие в России, были шведского рода, то не будут ли из того выводить какого опасного следствия». Также, что посетители торже-



Диплом на звание профессора химии, выданный Ломоносову 19 мая 1751 г.



А. Васнецов. МОСКВА КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ,
НАПИСАННАЯ ХУДОЖНИКОМ ПО СОХРАНИВШИМСЯ ДОКУМЕНТАМ.
1898 г.



В. И. Суриков. УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ.
Фрагмент. 1881 г.

ственного академического собрания, услышав «толь новое свое происхождение, на догадках основанное, проименование свое от чухонцев, презрение древних своих историй и частые россиян от шведов разорения, победы, порабощения и опустошения, о которых они прежде не слыхали, конечно, не токмо на г. Миллера, но и на всю Академию и на ее командиров по справедливости вознегодуют...»

С 23 октября 1749 года начались заседания академиков для рассмотрения диссертации Миллера. Возражения подавались учеными, начиная с младших. При подаче другими своих мнений Ломоносов только раз вмешался в спор, доказывая Миллеру, что роксолане и русские один и тот же народ.

Заседания с некоторыми перерывами продолжались последние месяцы 1749 года и перешли в наступивший 1750 год, так что вышепомянутые возражения Ломоносова внесены в протоколы этих заседаний в латинском переводе в марте 1750 года.

Иван Шувалов, с самого первого времени как сделался любимцем императрицы Елисаветы, вступил в сношения с Ломоносовым и стал оказывать ему покровительство. Доказательством этому служит стихотворное «Письмо к его высококородию Ивану Ивановичу Шувалову», написанное Ломоносовым 18 августа 1750 года. Здесь после описания конца лета читаем:

Чертоги светлые, блистание металлов
Оставив, на поля спешит Елисавет.
Ты следуешь за ней, любезный мой Шувалов,
Туда, где ей Цейлон и в Севере цветет.

Но, посреди радости и утех в Царском Селе, Шувалов не забывает российских муз, а потому Ломоносов обращается к нему:

Вспомяни, что мой покоя дух не знает,
Вспомяни мое раченье и труды.
Меж стен и при огне лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лете я пишу;
О лете я пишу, а им не наслаждаюсь,
И радости в одном мечтании ищу.
Однако лето мне с весною возвратится,
Я оных красотой и в зиму наслажусь,
Когда мой дух твоим приятством ободрится,
Которое внести я на Парнас потчусь.

Надобно предполагать, что это стихотворение понравилось молодому любимцу, потому что Ломоносов вскоре потом, именно 27 августа 1750 года, был в Царском Селе и памятником признательности за оказанную ему там милость служит напечатанная им вслед за тем «Ода Ея Императорскому Величеству всепресветлейшей, державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, которою за высочайшую монаршескую милость, оказанную в Царском Селе, всеусерднейшее благодарение приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов». Печатано в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук сентября 16 дня 1750 года.

Здесь Ломоносов описывает свое блаженство, что он следует за Дианой,

От коей хитростью напрасной
Укрыться хочет зверь в кустах.

.....
Не ложны то мечтанья зрятся,
Но истинно Петрова дочь
К наукам матерски снисходит,
Щедротой в восторг приводит.

Затем описывается известная жителям Царского Села и Павловска речка Славянка⁵:

Где древним именем Славена
Гордяся пролились струи.

Далее попадаетесь замечательная по красоте строфа, в которой описывается царская охота времен Елисаветы:

Коль часто доли оживляет
Ловящих шум меж наших гор,
Когда богиня понуждает
Зверей чрез трубный глас из нор!
Ей ветры вслед не успевают,
Коню бежать не воспыщают
Ни рвы, ни частых ветвей связь:
Крутит главой, звучит броздами,
И топчет бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

Ломоносов затем намекает на приглашение его в Царское Село:

Коль взор твой далеко блистает,
 То чувствовал и нынѣ Парнас,
 Как ты от мест преукрашенных
 И летней неге посвященных
 Воззрела матерски к нему.
 Являя такову щедроту,
 Колику к знаниям охоту
 Даешь народу твоему.

* * *

В марте 1751 года исполнилось желание Ломоносова иметь чин. Сенат прислал в Академическую канцелярию указы от 5 и 14 марта, в которых значилось: «В указе-де Ея Императорского Величества собственныя руки сего марта 1 числа в Правительствующий Сенат написано: Ея Императорское Величество пожаловали профессора Михайлу Ломоносова, за его отличное в науках искусство, Ея Императорского Величества в коллежские советники с жалованьем по 1200 рублей, которое ему получать из суммы, положенной на Академию наук; а быть ему по-прежнему у дел академических и отправлять должность профессорскую по рассмотрению президента». Почти одновременно, именно 11 марта, граф Разумовский разрешил выдать Ломоносову «для его крайних нужд» вперед жалованье за пять месяцев⁶.

Действительно ли Ломоносов сделался заносчивее после получения чина, или же Шумахеру, всегда бывшему против награждения академиков чинами, только казалось это, только он в одном протоколе Академической канцелярии (2 мая 1751 года) заметил, что «начинают господа профессоры ныне и канцелярию бесчестить», и в пример тому, между прочим, приведено: «Когда повестка к г. советнику и профессору Ломоносову прислана была, то он оную разордал и притом сторожу сказал: "Поди, отнеси назад в канцелярию и скажи, чтоб другое написали"». Шумахер рассуждал, что «от таких поступков многие опасные и интересу Ея Императорского Величества предосудительные следствия происходить могут», почему и решил рапортовать о том президенту Академии, который в то время находился в Малороссии.

* * *

Что касается до занятий Ломоносова в 1751 году русскою историею, то об этом, кроме его собственных указаний о чтении разных источников, сюда относящихся, нет известий. Зато уцелели сведения о продолжении его распри с историографом Миллером, в которых, — помимо личной неприимимой вражды, всегда стоявшей на первом плане у этих двух академиков в их отношениях между собою, — речь шла о вопросах из русской истории.

Еще в конце 1750 года эти распри грозили перейти в настоящее судное дело, о чем так записано в протоколе Академической канцелярии 11 декабря того года: «Минувшего ноября 6 числа сего 1750 году С.-Петербургская губернская канцелярия присланным доношением требовала о присылке к суду по челобитью Академии наук профессора г. Ломоносова оной же Академии адъюнкта Г. Ф. Миллера во учиненном им, Миллером, ему, Ломоносову, бесчестье. Но понеже его сиятельство Академии наук г. президент приказал его, Миллера, к суду отсылкою удержать, того ради о сем велено записать в журнале».

4 сентября 1751 года Ломоносов просил уволить его от хождения в Историческое собрание и читать на дому сочинения Миллера о Сибири.

«Канцелярии Академии наук, — писал при этом случае Ломоносов, — известно, коль много принужден я был от помянутого профессора Миллера ругательств и обиды терпеть напрасно, а в нынешних исторических собраниях читается его ж, Миллерова, "Сибирская история", и для того опасаясь, чтобы обыкновенных его досадительных речей не претерпеть напрасно и беспокоясь принятого от того досадою в других моих делах не иметь остановки».

Это ходатайство Ломоносова было решено согласно его желанию, и 29 октября он представил рапорт, в котором излагал «непристойности», найденные им в присланных к нему двух главах «Сибирской истории» Миллера. По мнению нашего писателя, не следовало упоминать о пушкаре Ворошилке и его худых поступках: «Ибо по сему примеру всех в Сибири бывших

NOVI
COMMENTARII
ACADEMIAE SCIENTIARVM
IMPERIALIS
PETROPOLITANAE

TOM. I.

ad annum MDCCXLVII. et MDCCXLVIII.



PETROPOLI
TYPIS ACADEMIAE SCIENTIARVM
MDCCL

Первый том журнала Академии наук «Нови комментарии»,
в котором были напечатаны первые диссертации Ломоносова.

Титульный лист



П. И. Шувалов.

Мозаика мастерской Ломоносова, 1758 г.

подлых бездельников описывать было бы должно, что весьма неприлично, когда сочинитель довольно других знатных дел и приключений иметь может, каково есть посольство от блаженных памяти великого государя царя Михаила Федоровича к Золотому царю».

Далее Ломоносов полагал, что излишне упоминать о церквах, которые уже погорели; что не осторожно писать, «что будто для лучшего украшения города две церкви построены: ибо церкви строятся для приношения славословия Божия и молитвы»; и советовал уберечь выражений вроде «праздность всероссийского престола» вместо «междущарствование». Ломоносов кончал рапорт известием, что «первой том “Сибирской истории” для таких мелочей подвержен был немалой критике и роптанию».

Вследствие такого отзыва в Академической канцелярии 30 декабря 1751 года было занесено в протокол: «...декабря от 12 дня архивариус Стафенгаген рапортом объявил: примечание г. советника и профессора Ломоносова читаны, и заседаю-

щие (в Историческом собрании) рассудили: большая-де часть, что г. советник и профессор Ломоносов в сочинениях г. профессора Миллера критиковал, им, г. Миллером, уже поправлено; а прочия-де г. Ломоносова примечания касаются только до переводчика. Что же-де он упоминает о посольстве Золотому царю, то-де г. автор за благо не рассудил оное внести в шестую главу, но ему приличнее показалось такое знатное посольство описывать в особой главе, что в главе осмнадцатой и учинено, в которой только одно сие посольство и другая, Золотого царя касающиеся, дела описаны. А понеже-де главы “Сибирской истории” недели за две и больше наперед сообщаются каждому члену Исторического собрания, так же и ему, г. советнику Ломоносову, дабы каждый мог примечания подавать при чтении оных глав, о том бы объявить ему, г. советнику, чтоб чинил потому ж, дабы собранию не было рассуждать об одном деле дважды, — определено: после объявленных глав, шестой и седьмой, последующие главы отсылать к нему, г. советнику и профессору Ломоносову, наперед, дабы в собрании после его, г. советника и профессора, примечаний в другой раз читано не было, и, по прочтении ему, г. советнику, присылать в канцелярию, которые отсылать для свидетельства в Историческое собрание...»

* * *

Благодаря академику Гроту⁷ мы имеем несколько подробностей об отношении Ломоносова к И. Шувалову.

«У потомков Шувалова сохранилась драгоценная, неизвестная доселе рукопись, с которою мне, — рассказывает г. Грот, — позволено было ознакомиться: это черновая настольная книга в лист, куда молодой Шувалов, в течение нескольких лет, записывал свои мысли, извлечения из разных писателей, особенно французских, также свои собственные опыты в стихотворных сочинениях и переводах.

Эти поэтические опыты любопытны только как подтверждение предания, что Шувалов писал стихи, и вместе как доказательство, что он был лишен всякой способности к поэзии и даже никогда не мог овладеть механизмом стиха. Между тем тут

же является свидетельство, что он прибегал в этом деле к наставлениям нашего всеобъемлющего академика. Вверху самой первой страницы рукой Ломоносова написан стих из появившейся незадолго перед тем первой трагедии его, с разделением на стопы и с означением долгих и коротких слогов. Это было в 1752 году, как видно из пометы Шувалова под следующим, уже им самим написанным в день своего рождения четырестистишем. С поправками Ломоносова он читается так:

О Боже, мой Господь, Создатель всего света!
Сей день Твоею волей я стал быть человек:
Если жизнь моя полезна, продолжай ты мои лета;
Если ж та идет превратно, сократи скорей
мой век.

Особенно любопытны далее две страницы, на которых рукой Шувалова написан конспект всей «Риторики» Ломоносова. Таким образом, мы узнаем, что любознательный вельможа учился у своего друга-академика стихосложению и риторике...»

Вошло в обыкновение восхищаться покровительством, которое И. Шувалов оказывал Ломоносову, но едва ли подобное меценатство сильного при елисаветинском дворе человека принесло существенную пользу нашему академику в дальнейших его занятиях как ученого, и притом такого, в котором Эйлер провидел европейскую знаменитость. По крайней мере, не подлежит сомнению, что с самого первого года покровительства Шувалова Ломоносову последний заметно менее занимался естественными науками, обратился к разысканиям по русской истории — науке, к которой он не был подготовлен и которая особенно обратила на себя его внимание только со времени нападков на личного врага, историографа Миллера, когда притом требовалось провести в исторические исследования национальное пристрастие и нетерпимость — ненадежных, как известно, советников тогда, когда идет дело об истине.

Кроме занятий наукою, до того времени ему посторонней, Ломоносов, в надежде, конечно, на влияние Шувалова — в чем и не обманулся, — сильно увлекся также желанием улучшить свое материальное су-

ществование. Желание, весьма понятное в каждом человеке, но, к сожалению, Ломоносов задумал достигнуть его при помощи довольно сложного коммерческого предприятия.

По всем дошедшим до нас известиям о нем видно, что он вовсе не был человеком расчетливым, точным, предусмотрительным, бережливым; напротив, он никогда не умел сладить со своими средствами, почти всегда нуждался в деньгах, и ему часто приходилось то должать, то забирать жалованье вперед.

При таком положении хозяйства трудно было ожидать выгод от фабрики как самому Ломоносову, так и России. Впоследствии мы увидим, что это действительно так и случилось. Теперь же обращаю внимание на письмо Ломоносова, писанное им 4 января 1753 года в ответ на шуваловское от 28 декабря 1752 года. Это письмо лучше всего рисует требования и побуждения, которыми долгом считал вдохновлять все- сильный меценат нашего ученого и из которых следовало, что Ломоносов должен был вовсе бросить занятия химиею и физикою.

По получении Ломоносовым крестьян он написал «Надпись на оказание высочайшей милости Ея Величества в Москве 1753 года»:

Монархиня, твоя прещедрая рука
Обилие нам льет и радость, как река;
Сильнее, нежели ключей Кастальских токи,
Стремление к стихам и дух дает высокий.
О радостный восторг; куда я полечу?
Но большее язык богатство слов являет,
Когда умеренно веселие бывает;
Веселие мое безмерно, я молчу.

Вообще из слов Ломоносова видно, что он был весьма доволен своим пребыванием в Москве в 1753 году: всемилостивейшая государыня, говорит он, благоволила подать ему довольные знаки своего высочайшего благоволения и пожаловала по желанию его две деревни; далее «блаженные памяти государыня императрица Елисавета Петровна на куртаге Ломоносову чрез камергера Шувалова изволила объявить в бытность его в Москве, что Ея Ве-

личество охотно желала бы видеть российскую историю его штилем».

В одно время с Ломоносовым в Москву являлся из Петербурга зять Шумахера — Тауберт, приезжавший также кланяться и просить об оказании милости — об аренде в Ливонии, но на этот раз немец был менее счастлив русского: хлопоты Тауберта пропали тогда вотще, и он только мог сообщать своему тестю об успехах при дворе их заклятого врага Ломоносова, что и вызвало в одном письме Шумахера к Тауберту меланхолические соображения о суетности человеческого счастья и несбывшееся предсказание: «...Многие такого мнения, что чрезвычайные преимущества, которых он (Ломоносов) достиг, умножая его счастье, послужат также и к гибели его».

* * *

В жизнеописании академика Рихмана было уже говорено, что как скоро в Петербург дошло известие об открытии Франклином воздушного электричества, то названный ученый начал производить ряд опытов над этим явлением, и результаты, добытые Рихманом, тотчас же сообщались в «Санкт-Петербургских ведомостях».

Ломоносова также занимало новое открытие, что он и высказал в своем стихотворном письме о пользе стекла. В академических заседаниях 26 и 29 апреля Рихман сообщал свои наблюдения над электричеством, и отсюда видно, что в них принимал некоторое участие и Ломоносов. Между тем наступило лето, и результаты наблюдений Рихмана снова стали сообщаться в «Санкт-Петербургских ведомостях», где тогда помещено и описание изобретенного им электрического указателя.

О подобных же наблюдениях Ломоносова он упоминал впоследствии в своих «Изъяснениях», надлежащих к «Слову об электрических воздушных явлениях». Впрочем, еще прежде появления в печати этого «Слова», один раз его имя упомянуто и в «Санкт-Петербургских ведомостях» при описании наблюдений над грозами 20 и 29 мая, причем было открыто, что «электрическая в воздухе сила далее громового треску распространиться или и без действительного грома быть может».

Об этом обстоятельстве уведомлял Ломоносов Шувалова в письме 31 мая: «...что до электрической силы надлежит, то изысканы здесь два особливые опыты весьма недавно, один г. Рихманом чрез машину, а другой мною в туче. Первый, что Мушенбровков опыт с сильным ударом можно переносить с места на место, отделяя от машины в знатное расстояние около целой версты, чему описание и рисунок при сем сообщаю. Второе приметил у своей громовой машины, 25 числа сего апреля, что без грома и молнии, чтобы слышать или видеть можно было, нитка от железного прута отходила и за рукою гонялась. А в 28 число того же месяца при прохождении дождевого облака без всякого чувствительного грома и молнии происходили от громовой машины сильные удары с ясными искрами и с треском, издав далеко слышным; что еще нигде не примечено, и с моею давнею теориею о теплоте и с нынешнею об электрической силе весьма согласно, и мне к будущему публичному акту весьма прилично. Оный акт буду я отправлять с г. профессором Рихманом: он будет предлагать опыты свои, а я теорию и пользу, от оной происходящую, к чему уже я приуговариваюсь...»

Рихмана убило громом утром 26 июля 1758 года, в то самое время, когда он производил наблюдения у изобретенного им электрического указателя.

Ломоносов в тот же самый день в письме к И. Шувалову писал: «Что я ныне к вашему превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того что мертвые не пишут. Я не знаю еще, или по последней мере сомневаюсь, жив ли я или мертв. Я вижу, что г. профессора Рихмана громом убило в тех же точно обстоятельствах, в которых я был в то же самое время. Сего июля в 26 число в первом часу пополудни поднялась громовая туча от норда. Гром был нарочито силен, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрев, не видел я ни малого признаку электрической силы. Однако пока кушанье на стол ставили, дождался я нарочитых электрических из проволоки искор, и к тому пришла моя жена и другие; и как я, так и они беспрестанно до проволоки и до привешенного прута дотыкались, затем что я хотел иметь свидетелей разных цветов огня, против кото-



В. и Л. Петровы. Ломоносов и Рихман за проведением электрических опытов

рых покойный профессор Рихман со мною споривал. Внезапно гром чрезвычайно грянул в самое то время, как я руку держал у железа и искры трещали. Все от меня прочь бежали. И жена просила, чтобы я прочь шел. Любопытство удержало меня еще две или три минуты, пока мне сказали, что шти простынут, а притом и электрическая сила почти перестала. Только я за столом посидел несколько минут, внезапно дверь отворил человек покойного Рихмана, весь в слезах и в страхе запыхавшись. Я думал, что его кто-нибудь на дороге бил, когда он ко мне был послан; он чуть выговорил: профессора громом зашибло...»

Смерть Рихмана и написанная Ломоносовым речь об электричестве подали случай к довольно долгим пререканиям и столкновениям...

* * *

В то самое время как Ломоносову приходилось в Академии защищать и доказывать новостные свои мысли касательно воздушного электричества, в годашнем литературном кружке явились также у него враги, и прогив них-то вызывал И. Шувалов ратовать Ломоносова, конечно, в видах позабавиться литературною схваткою и писательским задором.



Л. Ревон. Портрет
великой княгини Екатерины Алексеевны,
будущей императрицы Екатерины II

В описываемую эпоху при дворе Елисаветы уже успели образоваться две партии; одна, более многочисленная и сильная, держалась так называвшегося тогда старого двора, который находился вполне в распоряжении Шуваловых; другая, менее значительная, состояла из приверженцев великой княгини Екатерины Алексеевны и считала своими покровителями графов Разумовских.

При чтении тогдашних записок и частных писем не трудно заметить антагонизм между обеими этими партиями и не только между главными их предводителями, но и лицами далеко второстепенными. Вследствие ли моды или действительно была тогда потребность в меценатстве, только и у Шуваловых, и у Разумовских были свои поэты, которым они специально покровительствовали. Первые выпрашивали милости Ломоносову, вторые восхищались и держали в милости Сумарокова.

Само собою разумеется, что наши писатели, в подражание своим знатым покрови-

телям, терпеть не могли друг друга: у каждого из них были свои почитатели из незначительных писателей, которые, в свою очередь, также враждовали между собою по мере своих сил и возможности.

Из старческих воспоминаний И. Шувалова, рассказывавшего с простодушным цинизмом, как он потешался, стравливая Ломоносова с Сумароковым, можно легко понять, что эти литературные перепалки служили времяпрепровождением для знатных того времени, и потому они сами нарочно подзадоривали воюющих.

В письме к И. Шувалову, 16 октября 1753 года, Ломоносов прямо начинает с того, что он решается «учинить отпор» своим ненавистникам и зоилам «в исполнение приказания», убеждений и неоднократно объявленной воли Шувалова. «Они,— пишет далее Ломоносов о своих врагах,— стихи мои осуждают и находят в них надутые изображения для того, что они самих великих древних и новых стихотворцев высокопарные мысли, похвальные во все веки и от всех народов почитаемые, унижить хотят... Я весьма не удивляюсь, что он [зоил] в моих одах ни Пиндара, ни Малерба не находит: для того что он их не знает и говорить с ними не умеет, не разумея ни погречески, ни по-французски. Не к поношению его говорю, но хотя ему доброе советовать за его ко мне усердие, чтобы хотя одному поучился. Закljučая сие, уверяю ваше превосходительство, что я с Перфильевичем переписываться никогда намерен не был, и ныне, равно как прежде сего, пародию его на «Тамиру», все против меня намерения и движения пропустил бы я беспристрастным молчанием без огорчения, как похвалу от его учителя без честолюбивого услаждения, если бы я не опасался произвести в вас неудовольствие ослушанием. Но и еще притом прошу, ежели возможно, удовольствоваться тем, что сочинил г. Поповский, почетший за свою должность по справедливости, что Перфильевич здесь несправедливо присволяет. Данный мне от него титул никогда бы я не оставил в его стихах, если бы я хвастовством моих завистников не принужден был рассудить, что тем именем ныне ученику меня назвать можно, которым меня за двадцать лет учителя мои называли...»

Под именем Перфильевича здесь разумеется Иван Перфильевич Елагин, старонник графов Разумовских, как обращавшихся к Сумарокову в своей «Сатире на петиметров»:

Открытель таинства любовныя нам лиры,
Творец преславныя и пышныя Семиры,
Из мозга рождшия богини мудрый сын,
Наперсник Буалов, российский наш Расин,
Защитник истины, гонитель, бич пороков,
Благий учитель мой, скажи, о Сумароков,
Где рифмы ты берешь, ты мне не объявил,
Хоть к стихотворству мне охоту
в сердце влил?

В этом стихотворении, при описании петиметра и между разными насмешками над ним, попадают только два стиха, в которых видно намерение задеть стихотворца за неудачную рифму:

Или как наш поэт, вписав в свой стих Россию,
Любуется сыскать к ней рифмою Индию.

Ломоносов не мог не принять этих стихов на свой счет...⁸

* * *

15 декабря 1753 года канцелярия Главной артиллерии и фортификации просила напечатать чертеж и описание фейерверка, приготовленного «по идее коллежского советника и профессора Ломоносова». Тогда Академическая канцелярия распорядилась, чтобы Модерах приготовил в одни сутки перевод описания на немецкий язык. Чертеж должен был вырезать на меди мастер И. Соколов. По переводе Модерахом описания, оно было напечатано на русском и немецком языках, в количестве 550 экземпляров...

К 1753 или 1754 году относится одно небольшое стихотворение Ломоносова, для объяснения которого необходимо сообщить несколько известий, касающихся истории музыки в России елисаветинских времен. Бывший гофмаршал двора Семен Кириллович Нарышкин, в 1751 году пожалованный в обер-егермейстеры, принялся тотчас же за улучшения по придворной охоте.

Между прочим ему пришлось в голову усовершенствовать тогдашнюю грубую и весьма неприятную охотничью музыку. Русские охотники исстари не знали другого музыкального инструмента, кроме первобытной медной валторны в виде прямого или несколько согнутого в дугу конуса. Все эти охотничьи рога делались по одной мерке и одинакового размера, стало быть, имели они один звук, и когда на охоте десять или более охотников, бывало, затрубят в свои рога, то такой усугубленный, ревущий звук был, конечно, довольно силен, чтобы произвести потрясающий звук в лесу и целой стороне и тем поднять или спугнуть дичь.

Обер-егермейстеру удалось уничтожить неприятное впечатление такой музыки при содействии одного очень даровитого придворного валторниста и скрипача Мареча, родом чеха. Достигли этого отчасти сохранением прежних рогов, отчасти же увеличением или уменьшением размера их. Мареч велел изготовить 37 русских рогов разной величины и ширины, отчего составилось три полных октавы. После уже было 49 рогов и, следовательно, четыре полных октавы. Каждый такой рог имел свой собственный звук, но музыкант, на нем трубивший, не мог производить никакого другого кроме этого звука.

При исполнении музыкальной пьесы, состоявшей из нераздельных звуков, трубач только выжидал мгновения, когда в дошедшую до него очередь ему следовало протрубить из рога свойственный ему звук. Соблюдение именно этого мгновения должно было быть главным предметом изучения. Поэтому каждый музыкант, по предписанию, означенному на листке, считал прочие звуки, пока не доходил до него черед трубить. Когда каждый считал точно и вовремя издавал звук, то выходили предписанные и разделенные между разными исполнителями звуки пьесы последовательно и, стало быть, сама пьеса со свойственной ей мелодией. Первое обучение требовало много усилий, но они были вознаграждены превосходным, совершенно особенным и неожиданным впечатлением, которого не производили никакие другие инструменты. В 1758 году в первый раз была услышана роговая русская музыка в поле перед

дворцом в Измайлове, неподалеку от Москвы. Она возбудила изумление двора и иностранных министров. Потом ее часто заставляли играть в Петербурге, особенно в зверинце около Царского Села. Иногда в жаркие летние вечера эта музыка слышалась с придворных шлюпок, катавшихся по Неве, и далеко раздававшиеся звуки ее возбуждали, по свидетельству современника, удивительно приятное ощущение.

Ломоносов написал «На изобретение роговой музыки» следующие стихи:

Ловцов и пастухов меж селами отрада,
Одни ловят зверей, другие смотрят стада.
Охотник в рог ревет, пастух свистит в свирель,
Тревожит оный Нимф; приятна тиха трель.
Там шумный песий рев; а здесь у тихой речки
Молоденьки блеют по матери овечки.
Здесь нежность и покой, здесь царствует любовь,
Охотнический шум, как Марсов, движет кровь.
Но ныне к обоим вы, Нимфы, собирайтесь
И равно обоей музыкой улаждайтесь.
Что было грубости в охотничьих трубах,
Нарышкин умягчил при наших берегах;
Чего и дикие животны убежали,
В том слухи нежные приятности сыскали.

В течение 1754 года Ломоносов несколько раз переписывался со знаменитым Эйлером. Похвалы последнего в письмах к Шумахеру и в Академию наук по поводу «Слова» его о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих, побудили Ломоносова отвечать знаменитому математику.

В письме его от 12 февраля 1754 года наш академик сначала объявляет, что перерыв переписки между ними произошел от случайного обстоятельства и разных занятий: три года предавался он исследованиям о цветах; им было сделано почти три тысячи опытов для производства цветных стекол и для усовершенствования мозаичного искусства. После того он сделал образчик мозаики — образ Богородицы, который поднес императрице в 1752 году в день ее именин. Это понравилось, и ему дана была привилегия на устройство стеклянного завода. «Потом, — продолжает Ломоносов, — щедроты монархини много превзошли мои надежды и мои заслуги, понеже 16 марта 1753 всемилостивейшая им-

ператрица пожаловала мне в Ингрии 226 крестьян с тысячью десятинами земли, на которой имеется довольно полей, лугов, рыбных ловель и леса в изобилии. Четыре у меня деревни, из которых ближайшая в 64, а отдаленнейшая в 80 верстах отстоят от Петербурга. Имение прилегает к морю, и там протекает речка, при которой, кроме дома и стеклянного завода, уже построенных, возвожу плотину и мельницу хлебную и лесопильную; наверху ея будет устроена самопишущая метеорологическая обсерватория, описание которой, при помощи Божией, предам публично на обсуждение будущим летом...»

Затем Ломоносов в том же письме к Эйлеру говорит, что все это мешает его ученой переписке; притом же он не только исправляет обязанности поэта, оратора, химика и физика, но сделался и историком, к чему вызвала его сама императрица в бытность его в Москве.

Эйлер отвечал Ломоносову (30 марта 1754 года), что он всегда удивлялся счастливому уму Ломоносова, который преуспевает в разного рода науках и с особенною удачею объясняет теоретически явления природы; затем следуют поздравления с монаршею милостью и пожелания здоровья и сил на продолжение подъятых трудов. После такого приступа Эйлер излагает в письме чисто научные соображения относительно свойств цветов и заканчивает опять похвалами Ломоносову. «Всеко-нечно, — говорит он, — достойно вас, что вы в состоянии придать стеклу всевозможные цвета. Наши химики это изобретение считают за великое дело...»

В 1754-м же году Ломоносову пришлось обратиться к Эйлеру с ходатайством по делу, касавшемуся огорченного самолюбия первого как писателя. Два года спустя по выходе в свет первого тома «*Novi Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae*»⁹ вдруг стали появляться в разных заграничных периодических изданиях разборы помещенных в названных «Комментариях» статей Ломоносова, направленные против автора и написанные с желанием задеть его авторское самолюбие.

В Академическом заседании 22 августа 1754 года Ломоносов заявил сочленам, что один из его критиков, напечатавший раз-



Иллюминация на 25 апреля 1753 г.
Рисунок, выполненный по проекту Ломоносова И. А. Гриммелем, 1753 г.

бор в лейпцигском издании, дурно понял его и приписал ему такие мнения, которых он не может признать своими, почему наш академик намеревался напечатать антикритику. Несколько месяцев спустя немецкий магистр Иоганн Христоф Арнольд, для получения места доцента в Эрлангенском университете, защищал диссертацию, написанную именно с целью опровергнуть гипотезу Ломоносова для объяснения теплоты.

В одной позднейшей своей записке (1761 года) Ломоносов прямо высказал, что давний враг его, историограф Миллер, подушал из Петербурга к сочинению на Ломоносова критик за границей: «И многие причины к подозрению имею, — писал последний, — что по отпискам Миллера внесены обо мне несправедливые рассуждения в ученых ведомостях: студента Арнольда старался сюда выписать академиком, чтобы мне и здесь был соперником затем, что он писал против моей теории о теплоте и стуже».

Конечно, некоторые из подобных обвинений Ломоносова против его личных вра-

гов, как писанные сгоряча и под влиянием враждебного увлечения, впоследствии, при проверке с другими современными источниками, иногда не оправдывались на деле; но тем не менее эти постоянные хлопоты Шумахера, а потом Миллера сообщать как можно скорее все статьи Ломоносова к заграничным ученым с прибавлением, что автор их хвастается новыми открытиями своими, такие хлопоты предпринимались, конечно, не в видах распространения известности Ломоносова в Европе, а с затаенною мыслию получать из Германии неблагоприятные отзывы, чтобы потом колоть самолюбие, действительно немалое, нашего академика.

18 апреля 1754 года Ломоносовым было донесено об окончании им мозаического портрета Петра Великого; причем он просил заказать для него раму медную чеканной работы, что брал на себя вольный чеканщик Венденбург...

* * *

В 1754 году Ломоносов принимал деятельное участие в развитии и осуществлении мысли основать университет в Москве. Тимковский¹⁰ в своих «Записках» сохранил несколько воспоминаний, слышанных им от И. Шувалова насчет содействия ему в этом деле Ломоносова:

«В ранних годах славы Шувалова, при императрице Елисавете, — говорит Тимковский, — лучшее место занимает Ломоносов. С ним он составляет проект и устав Московского университета. Ломоносов тогда много упорствовал в своих мнениях и хотел вполне удержать образец Лейденского с несовместными вольностями. Судили и о том, у Красных ли ворот к концу города поместить его или на середине, как и принято, у Воскресенских ворот; содержать ли гимназию при нем или учредить отдельно; предпочтено первое, обое по своим причинам и проч.».

Нельзя не согласиться, что эти краткие заметки дают смутное понятие о том участии, какое принимал Ломоносов в основа-

нии старейшего из русских университетов. К счастью, уцелело одно письмо его к И. Шувалову, из которого виднее доля участия в этом деле нашего академика:

«Полученным от вашего превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату, к великой моей радости, я, — писал Ломоносов к Шувалову, — уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет вашему превосходительству не бесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются. Того ради, ежели Московский университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо,



Здание Московского университета на Моховой.

Конец XVIII в.

то желал бы я видеть план, вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение об учреждении Московского университета кратко вообще.

1) Главное мое основание, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план университета служил во все будущие роды. Того ради, несмотря на то что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. Сначала можно приняться теми, сколько найдутся. Со временем комплект наберется. Остатую с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание университетской библиотеки, нежели, сделав ныне скудный и узкий план по скудости ученых, после, как размножатся, оный снова переделывать и просить о прибавке суммы.

2) Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах. В юридическом три: I. Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи. II. Профессор юриспруденции российской, который, кроме вышеписанных, должен знать и преподавать внутренние государственные права. III. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время.

В медицинском три же: I. Доктор и профессор химии. II. Доктор и профессор натуральной истории. III. Доктор и профессор анатомии.

В философском шесть: I. Профессор философии. II. — физики. III. — оратории. IV. — поэзии. V. — истории. VI. — древностей и критики.

3) При университете необходима должна быть гимназия, без которой университет, как пашня без семян. О ее учреждении хотел бы я кратко здесь вообще предложить, но времени краткость возбраняет.

Не в указ вашему превосходительству советую не торопиться, чтобы после не пе-

редельывать. Ежели дней полдесятка ожидать можно, то я целый полный план предложить могу...»

Из этого письма очевидно, что доношение в Сенат от имени Шувалова о необходимости основания университета в Москве было написано без участия Ломоносова и послано к нему только на обсуждение. Потом это доношение, 19 июля 1754 года, было представлено Шуваловым Сенату вместе с проектом университетского устава.

При сравнении сейчас приведенного письма с тем местом проекта, где идет речь о числе и занятиях каждого из профессоров трех факультетов, оказывается, что в последний вошли целиком слова Ломоносова из его письма с поправками, которые сделаны при том рукою Шувалова. Это обстоятельство, а также и обещания Ломоносова дней чрез пять доставить Шувалову полный план дают повод предполагать, не без основания, что именно этот план и приложен к доношению под названием проекта. Известно, что императрица Елизавета утвердила последний 12 января 1755 года.

Вскоре после того, именно в феврале того же года, второй куратор нового университета, бывший учредитель и первый президент Академии наук Лаврентий Блюментрост был вызван в Петербург для совещаний относительно дальнейшего устройства университета. К этому-го времени относится воспоминание Ломоносова о Блюментросте: «Ломоносов, — говорит он о себе, — будучи участником при учреждении Московского университета, довольно в нем приметил нелюбия к российским ученым, когда Блюментрост назначен куратором и приехал из Москвы в Петербург, ибо он не хотел, чтобы Ломоносов был больше в советах об университете, который и первый причину подал к основанию помянутого корпуса...»

В 1755 году ученые и литературные занятия у Ломоносова, видимо, отходят на второй план: большая часть его времени поглощается в эту эпоху на борьбу с его личными врагами. Ей предавался наш академик со всем увлечением и жаром, которых в нем не могли истребить лета и никакие сторонние соображения. От этого рода деятельности Ломоносова, исключи-

гельно почти полемического и обличительного свойства, сохранилось значительное количество разных записок, докладов и представлений, по большей части в черновых набросках, которых не хотел или не успевал окончательно обделывать Ломоносов, почему многим из них и не давал он дальнейшего хода.

Все эти бумаги в высшей степени любопытны для оценки Ломоносова как человека и общественного деятеля, и, кроме того, они имеют особенное значение для большинства русских читателей, которые в этом случае почти всегда становятся на сторону Ломоносова именно потому, что у Ломоносова иногда резко осуждаются льготы и преимущества иноземцам в России и их весьма понятное равнодушие к ее пользам.

Что бы ни говорили об этом предмете, как бы ни представлялся он той или другой стороне, только замечаемая в России издавна рознь между некоторыми народностями не есть позднейшая выдумка или модная прихоть, как стараются доказывать ныне некоторые, но историческое явление, которое легко проследить в разные эпохи русской истории. Его невозможно никак обойти правдивому историку, когда он дойдет до оценки и объяснения многих событий их русской истории, в особенности со времен Петра Великого, когда наплыв иноземцев в Россию принял обширные размеры, когда они стали пользоваться у нас разными льготами и преимуществами в ущерб природным русским и когда, наконец, они выказывали при всяком удобном случае высокомерное презрение к русским и давали везде и всюду чувствовать свое превосходство, иногда основанное лишь на том, что они не туземного происхождения.

Многие из ломоносовских бумаг, о которых идет здесь речь, были обнародованы в «Очерках России», изданных В. Пассеком, с поспешностью, которую можно объяснить только этою склонностью русского человека чем бы то ни было и как бы то ни было напомнить о розни, о которой говорено выше.

Поспешность в этом случае была причиною, что бумаги изданы кое-как, с заметным желанием оттенить те из них, в которых было поболее выходов против немцев.

Повторяю: русским невозможно читать ломоносовских бумаг против его академических врагов без сочувствия к писавшему их, но при этом все-таки не следует выпускать из виду исторической правды, а ее не всегда найдешь в писаниях человека страстного, постоянно взволнованного, рассерженного, негодующего. Между тем долгое время никто не брался за сличение ломоносовских бумаг с другими современными известиями, которые необходимо должны были многое пополнять, иное представить совсем в другом свете и кое-что отвергнуть вовсе, как плод личного увлечения.

За день до наступления нового 1755 года, т. е. 30 декабря 1754 года, Ломоносов писал к И. Шувалову: «Из вчерашнего вашего превосходительства милостивого разговора приметил я, что злоба преодолевает благости, подкрадываясь под святость высочайших повелений. Итак, ежели невозможно, чтобы я по моему всепокорнейшему прошению был произведен в Академии для пресечения коварных предприятий, то всеуниженно ваше превосходительство прошу, чтобы вашим отеческим представительством переведен я был в другой корпус, а лучше всего в Иностранную коллегию, где не меньше могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имея случай употреблять в споможение архивы к продолжению «Российской истории»...»

Из этого письма можно догадываться только, что Ломоносов просил Шувалова о каком-то высшем для себя назначении в Академии в видах избавления ее от «коварных предприятий».

* * *

Граф Разумовский, предписав уничтожить определение о выговоре Ломоносову, в то же время ему поручал: «Как возможно б стараться ему изготовить к будущей ассамблее, т. е. наступающего апреля 26 числа, «Слово похвальное государю императору Петру Великому», которое-де им обещано давно сочинить».

Действительно, об этом «Слове» Ломоносов упоминал в письме к И. Шувалову еще 28 марта 1754 года. Здесь он оправдывался, что не имел намерения выражать ласкательства фавориту. «Всепокорнейшее мое прошение к вашему превосходительст-



И. Соколов. Иллюминация, устроенная Академией наук перед своими зданиями 9 сентября 1750 г.

ву только ту силу имеет и намерение, чтобы я вашим милостивым благодеянием предостережен был в рассуждении тех должностей, которые наблюдать должно в рассуждении столь великой особы, к которой мое сочинение простирается; штиля моего и других хотя никто больше и лучше судья вас быть не может, что я собственным искусством всегда могу засвидетельствовать; однако все мое к вашему превосходительству прошение состоит в рассуждении первого...

Речь Ломоносова вышла под следующим заглавием: «Слово похвальное блаженным и вечnodостойным памяти государю императору Петру Великому в торжественное празднество коронования Ея Императорского Величества всепресветлейших, самодержавнейших великих государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския в публичном собрании Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, говоренное Михайлом Ломоносовым апреля 26 дня 1755 года». Печатано при Императорской Академии наук.

В 1755 году Ломоносов подал следующее донесение в Академическую канцелярию: «Разные мои сочинения на россий-

ском языке в стихах и в прозе умножились так, что оных три тома к первому напечатать возможно, того ради канцелярия Академии наук да соблаговолит второй оных том приказа печатать в таком же формате, как первой. А какие в нем быть имеют сочинения, при том прилагается реестр».

«Реестр сочинениям ко второму тому. 1. Слово похвальное блаженным памяти государю императору Петру Великому. 2. Слово о пользе химии. 3. Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих. 4. Ода на торжественный праздник восшествия на всероссийский престол Ея Императорского Величества. 5. Ода на рождение государя великого князя Павла Петровича. 6. Надписи на иллюминации и фейерверки с 5 числа сентября 1751 года по начало сего 1755 года».

22 августа того же 1755 года Академическая канцелярия распорядилась печатать второй том собрания сочинений Ломоносова в количестве 725 экземпляров и 13 сентября уведомила о том академика; но вскоре за тем печатание его же «Российской грамматики» было причиною, что издание этого второго тома сочинений было отложено.



Рисунки к проектам Ломоносова медалей в память Петра I

20 сентября 1755 года Ломоносов поднес в рукописи свою «Российскую грамматику» великому князю Павлу Петровичу и в донесении своем в канцелярию Академии наук от 21 сентября писал: «Вчерашнего числа на всерадостное торжество рождения Его Императорского Высочества государя великого князя Павла Петровича, с позволения его сиятельства Академии наук президента, удостоился я поднести его высочеству приписанную ему “Российскую грамматику”, мною сочиненную, которая милостивейше принята. А его сиятельство господин президент, по словесному моему докладу, изволил мне приказать подать о том в канцелярию рапорт, чтоб оную грамматику напечатать прежде второго тома моих сочинений. Того ради при сем прилагаю оную вчерне и прошу приказать переписать побелее, чтобы набирать было способнее. Для украшения помянутой грамматики прилично наперед поставить gryдоровайный лист, которого при сем сообщаю идею».

Идея «грыдорованного» листа к «Российской грамматике» изложена Ломоносовым в следующих выражениях: «Представить на возвышенном несколько ступеньми месте престол, на котором сидит российской язык в лице мужеском, крепком, тучном, мужественном и притом приятном,

увенчан лаврами, одет римским мирным одеянием. Левую руку положил на лежащую на столе растворенную книгу, в которой написано: *Российская Грамматика*, другую простирает, указывая на упражняющихся в письме гениев, из которых один пишет сии слова: *Российская История*, другой: *Разные Сочинения*. Подле сидящего российского языка три нагие грации, схватясь руками, ликуют и из лежащего на столе подле грамматики рога изобилия высыплют к гениям цветы, смешанные с антиками и с легкими инструментами разных наук и художеств. Перед сим тронем на другой стороне стоят в куче разные чины и народы, Российской державы подданные, в своих платьях. Наверху над всем сим ясно сияющее солнце, которое светлыми лучами и дышущими зефирами прогоняет туман от российского языка. В середине солнца литера Е под императорскою короною, позади солнца следующий на восходе молодой месяц, с литерою П, которой принятые от солнца лучи испускает от себя на лежащую на столе “Российскую Граматику”».

В конце октября 1755 года Академическая канцелярия передала грамматику Ломоносова копиисту Ивану Барсову для переписки набело и поручила мастеру Гриммелю сделать к ней рисунок по идее автора. Рисунок этот вырезан на меди Иваном Соколо-

вым, о чем он донес 9 января 1757 года. В то же время дано было предписание о печатании грамматики в числе 1200 экз. Из них 25 на александр. бумаге. Печатание производилось более года и окончено только в январе 1757 года; на заглавном же листе выставлен 1755 год.

Заглавие этой книги было таково: «Российская грамматика Михайла Ломоносова. Печатана в Санкт-Петербурге. При Императорской Академии наук 1755 года». Она выдержала потом четырнадцать изданий. Два последние сделаны в Академии наук Отделением русского языка и словесности в 1855 году в воспоминание столетия этого труда Ломоносова.

* * *

12 марта 1757 года Ломоносову назначен был студент Веденский для вспоможения ему при делании выписок по составлению русской истории. При ходатайстве о том Ломоносов пояснил: «Прошлого 1753 года в марте месяце в Москве и в доме Ея Императорского Величества имел я высочайшее счастье слышать всемиловитвейшее повеление чрез его превосходительство действительного камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувалова, чтоб я приложил старание свое к сочинению российской истории».

Почитатель музыки Ломоносова И. Шувалов, едва только учредилась типография при Московском университете, поспешил издать там произведения его, под заглавием: «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе господина коллежского советника и профессора Михаила Ломоносова. Книга первая, второе издание с прибавлениями. Печатано при Императорском Московском университете 1757 года».

В этом издании удержан порядок стихотворений и прозаических статей, принятый в первом академическом собрании сочинений Ломоносова 1751 года и прибавлены все оды, надписи и слова, выходившие после 1751 по 1757 годы включительно.

Вначале помещено еще не бывшее до того времени в печати «Предисловие о пользе книг церковных», где, как известно, Ломоносов, следуя учению Аристотеля и Квинтилиана о слогах, принятому в XVII веке киевскими, а потом и москов-

скими книжниками, разделял слог на высокий, средний и низкий, причем для различия их друг от друга полагал большую или меньшую степень участия в русской речи церковнославянского языка. В этом рассуждении Ломоносов говорит сам о себе, как об авторитете, которому следовало подражать: «Всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе восполезует...» В конце рассуждения высказывается мысль, что греки и римляне тем счастливы, что произведения их великих писателей еще доселе возбуждают восторг, хотя языки этих народов уже давно вышли из употребления. Затем следует заключение, которое никак нельзя упрекнуть в излишней скромности: «Подобное счастье оказалось нашему отечеству от просвещения Петрова и действительно настало и основалось щедротою великия его дщери. Ею ободренные в России словесные науки не дадут никогда прийти в упадок российскому слогу. Станут читать самые отдаленные веки великие дела Петрова и Елисаветина веку...»

В 1758 году Ломоносов подносил в рукописи И. Шувалову и императрице Елисавете свою «Российскую историю», которую и было велено печатать в сентябре 1758 года. Для этого заказаны были новые заставные буквы, а в художественном отделении Академии обязывались «изобрести грядорованный лист и пристойные где надобно виньеты, и оные нагрядоровать». По мысли Ломоносова, на гравированном листе следовало «изобразить между славными мирными и военными делами Ея Императорское Величество в виде Минервы со щитом, а на том герб российский. Перед нею История и Правда, положив книги, указуют на великолепный храм, украшенный медальонами, бюстами стоячими и каменными статуями прежних государей российских».

Все эти распоряжения, однако, не были потом осуществлены, и в 1763 году последовало новое предписание о печатании «Российской истории» Ломоносова.

Сенат требовал от Академии наук чрезвычайно подробных карт течения Волги и

главнейших рек, впадающих в нее, а также Медведицы, Дона, Хопра и Донца. Ломоносов написал на это требование такой отзыв от имени Академической канцелярии: «Описания глубины (на несколько тысяч верст простирающейся) реки Волги, в самую большую, посредственную и меньшую воду; крутость и пологость берегов и где она по низкости их так разливается, что настоящей глубины иметь не может, и по случаям бывают мели, и как велики и отчего то происходит, и о прочем, что до навигации следует, также о реках Медведице, Доне, Хопре и Донце — в Академии наук сведений нет и быть в сие время так обстоятельно отнюдь не может. В доказательство тому довольно служат примеры. Рейн — река, которая против Волги едва десятою долею сравниться может и протеканием по земле, которая Академиями издавна наполнена, не описана еще таким образом, ибо к тому требуется много знающих людей, иждивения и времени. Сколько ж каких карт об оных реках в Академии наук при географическом департаменте есть, то можно скопировать сенатскими геодезистами, для того что академические, за сочинением нового российского атласа, к тому употреблены быть не могут...»

Вследствие поручения президента Ломоносову заведовать географическим департаментом, последний обратил внимание на составление большого атласа Российской империи. По этому случаю в Академической канцелярии состоялось 26 мая 1759 года определение о требовании от Синода «списка всем синодальным строениям, во всем Российском государстве соборным и приходским церквам, также и всем монастырям по всем городам и селам, и где каменные строения и ограды или деревянные; и монастыри стоят при каких реках и при каких городах, в каком от оных расстоянии и на которую сторону; а сверх того присланы б были из монастырей с исторических описаний о времени построения оных для сочиняющейся российской истории копии».

В Сенате же ходатайствовалось о содействии к получению известий по следующим вопросам, которые были напечатаны для рассылки по губерниям и областям: «1. Город чем огражден: каменною стеною или

деревянною или земляным валом? 2. Много ли приходов внутри и за городом, и которые церкви каменные или деревянные, и сколько верст в окружности имеет? 3. На какой реке или озере и на которой стороне по реке вниз или при озере по компасу? 4. По оным рекам какие суда ходят по весне и в межень? 5. Когда бывают ярмарки, и откуда больше и с какими товарами приезжают, и который день в неделю торговый? 6. Чего больше родится около того города, и какие есть промыслы? 7. В каких ремеслах народ больше упражняется? 8. Какие где по городам и по селам заводы, яко-то серебряные, медные, железные и рудные, также и фабрики? 9. В городах, буде есть летописцы, присылать с них верные копии для сочиняющейся истории российской. 10. Села и деревни сколько душ по ревизии? 11. Сколько дымов? 12. Есть ли ряды и ярмарки? 13. Где есть водяные мельницы, пильные или хлебные?»

Синод долгом счел, вместо исполнения требования, отделаться такого рода отпискою: «Означенного описания и планов при Святейшем Синоде не имеется; а что-де следует до присылки с исторических о монастырях, от коего времени оные построены, описаний о том, когда от оной Академии будут посланы землеописатели, то-де тогда, где такие описания найдутся, о сообщении с оных копий, також и о допущении тех посланных для означенного описания и снятия планов определение учинено будет...»

Академическая канцелярия 21 июля 1759 года определила отвечать на это так: «От Святейшего Синода Академия планов не требовала, а только положения мест, т. е. в которой стране какой монастырь и в каком расстоянии от какого города, что не токмо какого монастыря настоятель, но и каждый монах знать и сказать, а копии списать обретающиеся при тех монастырях приказные и другие служители могут, почему особливых геодезистов к снятию планов, а для списывания со описаний копий писцов по монастырям от Академии посылать было б весьма излишне...» В конце предлагалось Синоду последовать примеру Сената относительно печатных вопросов, «от чего не токмо отечеству польза и слава воспоследует, но и самому Святейшему Синоду такое описание не без надобности быть может».



Большой академический глобус, сделанный под руководством Ломоносова

Что касается до Сената, то он потребовал, чтобы в Академии напечатаны были вопросы, которые оттуда и должны были рассылаться во все города при сенатских указах. Тогда выше сообщенные вопросы были посланы в Историческое собрание и географический департамент.

Последний одобрил их безусловно, но в первом Миллер и другие члены приписали разные дополнения, так что отдано было в печать не 13, а 30 вопросов. Они были отпечатаны на одном листе в две страницы, под заглавием: «Запросы, которыми требуются в Императорскую Академию наук географические известия из всех городов во всех губерниях и провинциях Россий-

ского государства для сочинения вновь исправнейшаго российского атласа в оной Академии».

Эти запросы при доношении, которое вчерне исправлял Ломоносов, были посланы в Сенат в октябре 1759 года, причем пред Сенатом ходатайствовалось, «чтоб благоволил определить для толь важного дела, каково есть знание отечества, не токмо всему народу полезно, но и всем присутственным местам нужно, послать по всем губерниям Ея Императорского Величества печатные указы по приложенному при сем для апробации Правительствующему Сенату формуляру купно с помянутыми запросами...»



А. Аткинсон. Павильон Большого академического глобуса на площади перед зданием Двенадцати коллегий. Гравюра 1805 г.

В качестве советника Академической канцелярии, Ломоносов пытался два раза осуществить ученое предприятие, о неисполнении которого тогда на деле могут пожалеть в наше время не только археологи, но и все вообще любители русской старины.

Дело в том, что наш академик предлагал послать способного живописца в старинные русские города, а именно: Новгород, Тверь, Москву, Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Нижний Новгород, Муром, Суздаль, Владимир, Переяславль-Рязанский, Чернигов, Киев, Смоленск и Псков, «чтоб с имеющихся в церквах изображений государских иконописною и фресковою работою, на стенах или на гробницах состоящих, снять точные копии величиною и подобием, на бумаге водяными красками... А сие учинить бы для того: 1) дабы от съезжающего времени отнять лики и память наших владетелей и сохранить для позднейших потомков; 2) чтоб показать и в других государствах российские древности и тщание предков наших; ибо выданные прежде сего в печать родословные грядорованные

листы не токмо весьма недостаточны, но и никакого сходства между собою в лицах не имеют; 3) чтоб Санкт-Петербургская академия художеств имела случай употребить свое искусство, как бы изобразить их надлежащею живописью в приличных положениях со старинного манеру, не теряя подлинного подобия, а чтобы учащиеся живописному и резному художеству, смотря на работу мастеров, по таковым переменах к изобретениям привыкали...»

Другой раз Ломоносов повторил это представление 16 октября 1760 года, и тогда казалось, что оно осуществится, так как канцелярия уже назначила в поездку по означенным городам своего рисовального учителя Андрея Грекова, и Синод 11 января 1761 года дал знать в Академию наук, что о допущении его к снятию требовавшихся изображений по церквам посланы указы по епархиям.

Нельзя отвергать, что эта посылка Грекова могла бы спасти много древних изображений, которых в половине прошлого столетия сохранялось более, чем ныне, и которые потом уничтожались или по неве-

жеству, или по нерадению. Однако Греков был назначен в учителя рисования к великому князю Павлу Петровичу, и вместо него никто не был послан в старинные города для помянутой цели.

Ломоносов неудачу и этого предположения своего приписывал вражде к нему Тауберта и рассказывал после о том так: «Тауберт, для пресечения сего дела, для того что не от него, но от Ломоносова получило свое течение, нашел способ рекомендовать сего Грекова для обучения рисования Его Императорского Высочества. Что он сие учинил с зависти и злобы, то неоспоримо по тому: 1) что можно бы к сему много лучших рисовальщиков сыскать, кроме как в Академии, и особливо что Тауберт знал готовое уже Грекова отправление; 2) что, кроме исполнения своей на Ломоносова злости, отнюдь бы он Грекова не рекомендовал к такому знатному месту затем, что он был свидетелем на теста его, Шумахера, во время следственной на него комиссии, почему меньшего его брата, Алексея Грекова, и поныне утесняет чувствительно».

Заботы Ломоносова в 1760 году по географическому департаменту заключались в старании осуществить те предположения свои, о которых он заявлял в 1759 году. Таким образом, относительно истребования географических известий о России из правительственных мест было сообщено в Камер-коллегию о доставлении в Академию известий: «сколько по нынешнему состоянию в каждой губернии и провинции уездов, сел и деревень и сколько ж в каждом селе и деревне мужеска пола душ, для различия в атласе величности деревень, чтобы не поставить на ландкарте весьма малых и не пропустить бы великих».

Камер-коллегия отвечала, что переписка подобных известий должна занять с лишком десять стоп бумаги и что для такой работы у ней нет в распоряжении свободных переписчиков. Академическая канцелярия, 3 мая 1760 года, постановила обратиться по этому предмету к содействию Сената, который 17 ноября 1760 года приказал для переписки помянутых известий отрядить в Камер-коллегию десять человек солдатских детей из гарнизонных школ.

Еще в 1759 году Ломоносов повторил в представлении своем президенту мысль,

несколько раз высказанную старейшим астрономом нашей Академии Николаем Иосифом Делилем и другими академиками, занимавшимися русскою картографиею, о необходимости снаряжения экспедиций для определения долготы и широты замечательнейших городов в России.

В протоколе Академической канцелярии 11 февраля 1760 года было записано: «Из географического департамента, от 29 дня января сего 1760 года... представлено, что при сочинении нового российского атласа без примечания долготы и широты находящихся при географическом департаменте в архиве подлинных карт, также и тех известий, кои по указу Правительствующего Сената из Российского государства в географический департамент присланы быть имеют, употреблять невозможно, и для того в географическом департаменте лежащие в европейской части России города назначены на приложенной при сем карте, которых долготу и широту знать должно, и разделены на три части для посылки трех обсерваторов; причем оный департамент канцелярию Академии наук просит о произведении оного намерения в действо. А понеже г. коллежский советник Ломоносов представлял о вышеписанных экспедициях прежде сего обстоятельно, и расположение мест для наблюдения по астрономической долготы и широты с представлением от географического департамента мало разнится, на кои отмены оный г. советник Ломоносов согласен...», то Академическая канцелярия постановила ходатайствовать перед Сенатом о действии к отправлению академика Попова с адъютантом Шмидтом и капитана Красильникова с Николаем Кургановым «для географического России описания и точного мест положения». Сенат согласился на ходатайство Академической канцелярии и 29 ноября 1760 года дал ей знать о том; но предположенные экспедиции не состоялись. Ломоносов полагал, что это сделано вследствие интриг Тауберта, Штелина и Миллера...

* * *

По поручению графа М. Воронцова и И. Шувалова Ломоносов составил четыре образца медали, которую следовало выбить в память победы русских войск над

пруссакими при Франкфурте. Эти образцы были представлены в Академическом заседании 28 февраля 1760 года.

12 июня 1760 года в Академической канцелярии было определено печатать сочиненный Ломоносовым «Летописец с родословием», который и был напечатан в конце того же года под следующим заглавием: «Краткий российский летописец с родословием. Сочинение Михайла Ломоносова. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук, 1760 года».

Ломоносов посвятил эту книжку Великому Князю Павлу Петровичу, к которому вначале обращены стихи с пророчеством, что он со временем пойдет по следам Петра Великого и Елисаветы. Напечатанное за стихами «Показание российской древности, сокращенное из сочиняющейся пространной истории» заключает в себе мнение Ломоносова о происхождении Руси, высказанное им при разборе диссертации Миллера. Деяния великих князей и царей русских описаны кратко. Последним помещен Петр Великий; подробность о его детстве, вероятно записанная с рассказов современников, заслуживает внимания. После того напечатано «Родословие российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями», написанное помощником библиотекаря при Академии Богдановым.

В торжественном заседании Академии наук 6 сентября 1760 года Ломоносов читал речь, которая была напечатана тогда же, под заглавием: «Рассуждение о твердости и жидкости тел ради торжественного праздника тезоименитства Ея Величества всепресветлейшая, державнейшая великая государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийская, в публичном собрании Императорской Академии наук сентября 6 дня 1760 года читанное господином коллежским советником и профессором и Королевской Шведской академии наук членом Михайлом Ломоносовым. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук».

Рассказ Шувалова о попытках его примирять Ломоносова с Сумароковым подтверждается следующим, чрезвычайно характерным письмом нашего академика от 19 января 1761 года:

«Никто в жизни меня больше не изобидел, как ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня к себе. Я думал, может быть, какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям. Вы меня отозвали и тем поманили. Вдруг слышу: помирись с Сумароковым! То есть сделай смех и позор, свяжись с таким человеком, от коего все бегают; и вы сами не ради. Свяжись с тем человеком, который ничего другого не говорит, как только всех бранит, себя хвалит и бедное свое рифмачество выше всего человеческого знания ставит. Тауберта и Миллера для того только бранит, что не печатают его сочинений, а не ради общей пользы.

Я забываю все его озлобления и мстить не хочу никоим образом, и Бог мне не дал злобного сердца. Только дружить и обходиться с ним никоим образом не могу, испытал чрез многие случаи, и знаю, каково в крапиву...¹¹ Не хотя вас оскорбить отказом при многих кавалерах, показал я вам послушание; только вас уверяю, что в последний раз.

И ежели, несмотря на мое усердие, будете гневаться, я полагаюсь на помощь Всевышнего, который мне был в жизнь защитник и никогда не оставил, когда я пролил пред Ним слезы в моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имея ныне случай служить отечеству спомоществованием в науках, можете лучшие дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мне с ним не знаться. Буде он человек знающий, искусный, пускай делает пользу отечеству. Я по моему малому таланту также готов стараться. А с таким человеком обхождения иметь не могу и не хочу, который все прочие знания позорит, которых и духу не смыслит. И сие есть истинное мое мнение, кое без всякия страсти ныне вам представляю.

Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве [не] отнимет. Г. Сумароков, привязавшись ко мне на час, столько всякого вздору наговорил, что на весь мой век станет, и рад, что его Бог от меня унес. По разным наукам у меня

столько дела, что я отказался от всех компаний; жена и дочь моя привыкли сидеть дома и не желают с комедиантами обхождения. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сие время ужились мы в единодушии. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить в новую дурную атмосферу.

Ежели вам любезно распространение наук в России, ежели мое к вам усердие не исчезло в памяти — постарайтесь о скором исполнении моих справедливых для пользы отечества прошениях, а о примирении меня с Сумароковым, как о мелочном деле, позабудьте...»

Между ходатайствами, которые Ломоносов обращал к И. Шувалову в 1760 году, было также прошение о повышении чина. Видели выше, что академик считал себя вправе требовать этой награды на том основании, что служил в чине коллежского советника девять лет и что некоторые из его сверстников уже были повышены.

* * *

Прохождение Венеры через Солнце, бывшее причиною горячих столкновений и пререканий некоторых из ученых нашей Академии, подало Ломоносову случай написать брошюру, оконченную печатанием в июле 1761 года: «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской Императорской академии наук мая 26 дня 1761 года». Здесь помещены между прочим известия о заслугах и опытности русских обсерваторов Красильникова и Курганова, что, конечно, должно было служить косвенным ответом Тауберту и Эпинусу, не доверявшим знаниям и искусству помянутых лиц. В конце доказательства Ломоносова — что система Коперника не противоречит Св. Писанию — направлены против тех, которые не далее как в 1756 году подавали императрице Елизавете доклад о богопротивности сочинений, в которых приводится мысль о множестве миров и проч.

«Ломоносов, — говорит московский профессор г. Любимов, — наблюдал прохождение Венеры через Солнце с физической стороны, тогда как адъютант астроном и майор Красильников и поручик Курганов производили астрономические наблю-



Ф. Рокотов. Портрет А. П. Сумарокова

дения. Ломоносов употреблял зрительную трубу о двух стеклах длиною в $4\frac{1}{2}$ фута, присоединив к ней не слишком густо закопченное стекло. Наблюдения Ломоносова привели к заключению о существовании атмосферы вокруг Венеры. К краткому извещению о прохождении Венеры чрез Солнце Ломоносов присоединил еще прибавление, назначенное для отстранения мыслей, которые бывают у малосведущих людей относительно астрономических явлений».

Люди непросвещенные, говорит Ломоносов, с ужасом внимают, что про различные «небесные явления пророчествуют бродящие по миру богаделенки, кои во весь свой долгий век об имени астрономии не слыхали, да и на небо едва взглянуть могут, ходя сугорбясь». Такой страх легковерия достоин презрения.

Другое замечание Ломоносов относит к грамотеям, которые, превратно понимая некоторые места из Св. Писания, хотя осудить учение астрономии, говоря: «противно-де закону». Ломоносов объясняет словами Василия Великого и Иоанна Дамаскина, как и с каким разумом должно читать и разуметь Писание. Высоким благо-

**HISTOIRE
DE L'EMPIRE
DE RUSSIE
SOUS
PIERRE LE GRAND,
Par l'Auteur de l'Histoire de
CHARLES XII
TOME PREMIER.**



MDCCLIX

«История Российской империи
при Петре Великом» Вольтера.

Титульный лист

честь здесь дышит всякое слово Ломоносова. Говоря о Коперниковой системе мира, он соединяет серьезное с забавным и приводит басню о поваре, который, не долго думая, решает спор между двумя лицами, из которых одно разделяет мнение Коперника, а другое держится учения Птолемея. Повар говорит:

...Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав,
Кто видел простака из поваров такова,
Который бы вертел очаг вокруг жаркова?

Академик Д. М. Перевощиков, упоминая о наблюдениях того же явления Румовским и Ломоносовым, делает притом такое заключение: «Оба наблюдатели видели одни и те же физические явления; но Румовский ни слова не сказал об их причине, а

Ломоносов весьма основательно объяснил их существованием атмосферы около Венеры. Спустя тридцать лет, после небольшой полемики между Шретером и В. Гершелем, эти знаменитые астрономы согласились в существовании атмосферы около Венеры, что еще позже подтвердил Араго».

Выше было говорено, что Ломоносов по желанию Шувалова собирал материалы для истории Петра Великого, с целью передачи их во французском переводе Вольтеру, который вызвался, к великому удовольствию Шувалова, писать эту историю.

Конечно, нетрудно было вперед предвидеть, какова она могла выйти из-под пера знаменитого вольнодумца, имевшего самые смутные понятия и о России, и о гениальном царе ее. Тем не менее Шувалов, подобно многим из наших соотечественников, заражен был маниею приходить в восхищение от похвал европейских знаменитостей, которые иногда чисто из расчетов любостыжательности отзывались благосклонно, но всегда — с сохранением чувства собственного превосходства о России и русских.

Любопытны подробности о заказе Вольтеру писать «Историю Петра Великого», оставленные академиком Штелиным. «Не щадили, — говорит он, — никаких издержек, чтобы возбудить в этом знаменитом писателе охоту к отчетливому исполнению такого труда. Ему послали вперед от имени Ея Императорского Величества подарки великой цены: полное собрание изображений русских людей, выбитых на золоте, значительный запас дорогих мехов из отборных соболей, черных и голубых лисиц и пр., которые одни даже в России оценивались в несколько тысяч рублей. Но как был изумлен двор, когда, после долгого промежутка времени, вместо ожидаемой от знаменитого писателя полной и обстоятельной истории русского монарха явился голый осто́в под заглавием “Histoire de Pierre le Grand, empereur de la Russie”, в котором открылись любостыжательные виды сочинителя: он не только угаил и удержал более чем половину пересланных ему известий, но и вставил там-сям свои бездоказательные мнения и суждения, которые совершенно противоречили переданным ему известиям и обстоятельствам.

Справедливо досадовали на такое несовершенство книги и угадывали в этом корыстный расчет г. Вольтера, который он уже выказал при издании многих своих книг: удерживать множество полезных материалов, в видах помещения их потом в новые издания, всегда умноженные и улучшенные, и тем самым наполнять более и более свой кошелек...»

В первой части настоящего труда говорено было, что замечания на «Историю Петра Великого» Вольтера (1759—1761) писал по поручению Шувалова историограф Миллер в 1761 году. Вероятно, к этому же времени относятся примечания на эту книгу, сделанные Ломоносовым. Они немногочисленны и не столько касаются всех возможных промахов французского историка, которые с немецкою настойчивостью разоблачал Миллер, сколько патриотических соображений, которые, как известно, у Ломоносова в его исторических трудах были всегда на первом плане.

Последнее в 1761 году литературное произведение нашего писателя было в то же время последним стихотворением в прославление императрицы Елисаветы: «Ода всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, на пресветлый торжественный праздник Ея Величества восшествия на всероссийский престол ноября 25 дня 1761 года в оказание истинной радости и ревностного усердия всенижайше поднесенная от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова. Печатана в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук».

Ровно через месяц после поднесения этой оды, 25 декабря 1761 года Елисавета скончалась. Ломоносов был огорчен этим событием, и сочиненная им по поводу его надпись дышит неподдельным чувством горести и вместе с тем указывает на отношения нашего писателя к государыне:

Се Елисавета,
Петра Великого великая дочь.
Благочестивая, щедрая,
мужественная, великодушная,
всемиловитейшая самодержица,
моя избавительница,
защитница, просветительница,

слава моя, вознесшая главу мою,
во гроб нисходит!
Рыдайте области,
насладившиеся кроткою Ея державою;
в слезы обратитесь
великие мои моря и реки;
все верные мои чада
к Богу возопийте:
Упокой, Спасе, в вере к Тебе преставльшуюся,
и царствия Твоего сопричастницу сотвори,
на Тя бо упование возложи, человеколюбче!

* * *

...Ломоносов в продолжение 1762 года оставался как бы незамеченным от нового правительства. Между тем он продолжал недомогать, и этому обстоятельству надобно приписать, что в означенном году осталось мало следов его деятельности.

27 августа 1762 года Ломоносов напоминал, что издание в свет карт для российского атласа два года останавливается за Академическою конференциею и что в этом деле следует «долее не коснеть и тем не чинить ущерба казне и чести академической». 3 сентября он объявил, что «от болезни его имеет несколько свободы, однако в канцелярию ездить не может, а дела нужные слушать и подписывать на дому будет».

11 сентября 1752 года Сенат потребовал от Академической канцелярии известий «о государственных доходах, сколько тех денег ежегодно в казну доходит, куда оные в расход употребляются и по каким указам?» Вероятно, хитрый и изворотливый Тауберт имел свои причины показывать вид, что не понимает ясно запроса Сената, а потому полагал уклончиво ответить, что кроме определенной по штату на Академию суммы она не имеет других государственных доходов; а хотя с разных учреждений при Академии получается «некоторая сумма денег», но она опять издерживается в расход на нужды по Академии же.

Ломоносов справедливо восстал против такого ответа Сенату: «...ибо, — писал он, — 1) в словах: кроме положенной на Академию суммы, никаких государственных доходов она не имеет, — разумеется, якобы положенная на Академию сумма была государственный доход; но она действительно государственный расход и из доходов употребляется на Академию; 2) а как

за государственные доходы почитаются соляные и винные сборы, также и от казенных заводов и фабрик в Берг- и Мануфактур-коллегию получаемые прибыли; равным образом и от академической типографии и книжной лавки и от других мастерств собираемые деньги суть действительно подобные государственные доходы, о которых по силе указа Правительствующего Сената в оной неотменно подать надлежит обстоятельную краткую ведомость». Из дел не видно, принято ли было во внимание это мнение Ломоносова.

Между тем наш академик снова сделался болен, и это лишило его возможности принимать участие в академических делах. В конце января следующего 1763 года он стал поправляться и ездить в Академическую канцелярию.

* * *

20 декабря 1763 года исполнилось давнее желание Ломоносова: в этот день в Академической канцелярии получен был именной указ Екатерины II о пожаловании его в статские советники; жалование при этом ему было назначено 1875 рублей в год. Говорено уже было о том, что в 1758 году делались были разные распоряжения о шрифте, виньете и пр. для печатания сочиненной Ломоносовым «Российской истории».

28 февраля 1763 года в записке в Академическую канцелярию он сам объяснил, что с того времени напечатано было этой книги только три листа и что он теперь отменяет свое прежнее намерение печатать ее «с примечаниями и с сокращениями на поле, но токмо с одними цитатами авторов, а примечания присовокуплю назаде... Таким способом, — прибавлял Ломоносов, — не сомневаюсь сию желаемую в обществе книгу в кратком времени привести печатанием к окончанию».

В представленной тогда рукописи заключался первый том в двух частях, содержащий в себе «российские деяния от самой древности даже до кончины великого князя Ярослава Первого, т. е. до первого главного разделения самодержавства российского». По намерению Ломоносова, за этими двумя частями в том же первом томе следовало быть еще двум частям: «пер-

вая — до Батыева нашествия, т. е. до поражения российского татарам; вторая — до великого князя московского Ивана Васильевича, когда Россия вовсе освободилась от татарского насильства».

В Академической канцелярии 3 марта 1763 года было определено печатать эту книгу «с крайнею поспешностью». Несмотря на то, она окончена была печататься уже после смерти Ломоносова.

Это произведение Ломоносова имело такое заглавие: «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской Императорской и Королевской Шведской академии наук. В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии наук 1766 года».

Общую и вполне беспристрастную оценку исторических трудов Ломоносова сделал академик Соловьев¹², который между прочим говорит: «...Величайший из писателей века не мог не коснуться великого дела — открыть свету древность российского народа и славные дела государей, хотя он несколько не был приготовлен к занятию русскою историею, хотя и для него, как для всех его современников, история отечества была доступна менее всех других знаний...»

Хотели, чтоб Ломоносов в красноречивом повествовании представил события древней русской истории. Сам Ломоносов так понимал свою задачу, т. е. смотрел на историю с чисто литературной точки зрения, и таким образом явился у нас отцом того литературного направления, которое после так долго господствовало...

Могучий талант Ломоносова оказался недостаточным при занятии русского историею, не помог ему возвыситься над современными понятиями... Во вступлении к своему историческому труду Ломоносов излагает свои понятия об истории; как выше было сказано, он смотрит на нее только со стороны искусства: «Всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет; но только вину полагать должен не бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности».

Не имея возможности изучить вполне русскую историю, Ломоносов, разумеется, не мог уяснить себе ее хода, характера главных явлений, определяющих эпохи; вот почему он не мог представить никакой системы и удовольствовался, как выражается сам, «некоторым общим подобием в порядке деяний российских с римскими, где находит владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских: гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляет согласным самодержавству государей московских».

После такой странной системы читатель поражается блистательным по тогдашним средствам науки решением некоторых частных приготовительных вопросов; так, например, о сарматах и скифах читаем: «Славяне и чужь по нашим, сарматы и скифы по внешним писателям, были древние обитатели в России. Единородство славян с сарматами, чуди со скифами для многих ясных доказательств неоспоримы». Это мнение сильно поддерживается еще теперь учеными. Потом встречаем превосходное замечание о составлении народов: «Сих народов, положивших по разной мере участие свое в составлении россиян, должно приобрести обстоятельное по возможности знание, дабы уведать оных древность и сколь много их дела до наших предков и до нас касаются. Рассуждая о разных племенах, составивших Россию, никто не может почесть ей в уничижение. Ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтоб он сначала стоял сам собою без всякого примешения. Большую часть оных видим военными беспокойствами, преселениями и странствованиями в таком между собою сплетении, что рассмотреть почти невозможно, коему народу дать вящее преимущество».

Несмотря на то, увлеченный современными отношениями, Ломоносов не хочет признать скандинавского происхождения варягов-руси, выводить Рюрика из Пруссии и делать пруссаков славянами. Ломо-



Ломоносов.
Гравюра Н. Соколова. 1802 г.

носов заметил дружинный состав народов, являющихся в начале средних веков...

В главе «О дальней древности славянского народа» Ломоносов повторил мнение Татищева, которое в наше время выражено почти в тех же самых словах и подтверждено Шафариком...

О слове *скиф* Ломоносов делает замечание, которое и теперь не потеряло еще силы между учеными: «Имя *скиф* по старому греческому произношению со словом *чужь* весьма согласно; не происходит от греческого и, без сомнения, от славян взято».

После таких любопытных и правильных замечаний тем резче чувствуется переход собственно к повествованию о событиях русской истории, тем сильнее подтверждается правило самого Ломоносова, что насильственные поступки с музами не остаются безнаказанными.

[Затем следует выписка из «Истории» Ломоносова в пример, как он раскрашивал и добавлял летописные известия.]

Здесь, кстати, следует прибавить, что некоторые думают, что Ломоносов в своей «Древней Российской истории», с. 98—101, первый указал на остатки древней славянской мифологии в обычаях и праздниках русского народа позднейших времен; но все сказанное Ломоносовым по этому предмету есть только повторение, иногда подкрашенное неверными сравнениями из греческой и римской мифологии, статей Синописиса, Об идолах и Об облиании водою на Велик день. Первое издание Синописиса вышло в свет из Киево-Печерской типографии в 1674 году.

10 октября 1763 года в Академии художеств происходил прием Ломоносова в почетные ее члены. В начале заседания архитектор Кокоринов представил директору Академии об избрании нашего ученого: он, по словам оратора, «знанием и заслугами известный в ученом свете, не токмо

простираясь в науках, славное приобрел имя, но и по склонности к художествам открыл к славе России толь редкое еще в све-ге мозаичное искусство...»

Затем Ломоносов был введен в собрание, где и произнес речь, написанную по всем правилам риторики. Главнейшее содержание ее заключалось в похвалах Екатерине II, которая в тот же день посетила Академию художеств. В следующем, 1764-м. году, предполагалось праздновать особым торжеством основание Академии художеств, и Ломоносов готовил к этому случаю надпись и благодарственное слово к императрице Екатерине II. Последнее он намеревался произнести от имени Академии художеств.

Впрочем, оба эти произведения остались без употребления: вышеупомянутое торжество летом 1764 года не состоялось за отъездом императрицы в Остзейский край, а потом — по случаю покушения Мировича снова возвести на престол принца Ива-



Здание Академии художеств. Гравюра XIX в.

на Антоновича. Основание Академии художеств праздновалось 28 июня 1765 года, когда Ломоносов был уже в могиле. Вместо его речи произнес проповедь законоучитель великого князя иеромонах Платон.

27 ноября 1763 года Ломоносов заявил в Академической канцелярии, что он «намерен для общего употребления и пользы издать на российском языке на своем коште» географические глобусы, а потому просил выгравировать на меди изображения «градусов и прочих линий географических, кои для ускорения могут уже начаты быть гравированием, пока между тем положения мест и их имена поспеют».

Ломоносов предполагал напечатать до тысячи экземпляров, и канцелярия распорядилась об исполнении этого требования. После смерти Ломоносова находившийся при нем студент Илья Абрамов, рассказывая о своих работах под смотрением академика, между прочим упоминал: «Сделал земной глобус, который уже и на меди вырезывается».

В Академическом заседании 28 ноября 1763 года Ломоносов сообщил заметку о своих наблюдениях над электричеством во время северного сияния.

* * *

Ломоносов предлагал проект гробницы, которую следовало соорудить в Петропавловском соборе над могилою Петра Великого: по мысли академика, ее следовало украсить аллегорическими статуями и пр. В конце этой записки между прочим видно, что Ломоносову было выдано из казны на мозаичное дело 30 000 руб., и он ходатайствовал о новой выдаче ему единовременно около 40 000, с которых он надеялся начать вдруг три или четыре картины. Решение на это императрицы не известно, а на докладе, поданном ей от Сената, при подписании сенаторами, князь Яков Шиховской прибавил к своей подписи: «Кроме выдачи денег».

Здесь кстати напомнить, что Ломоносов, будучи однажды болен, что с ним нередко случалось в последние годы, написал было черновое прошение в Сенат, в котором ходатайствовал в случае его смерти продолжать «производимое мною великое (зачеркнул: славное) мозаичное дело», для

чего и рекомендовал своего родственника: «Шурин мой, регистратор Ив. Цилих, дошел всем искусством толь довольного совершенства, что никто в Европе лучших успехов показать не может; имеет учеников, уже далече знающих. Еще большее число придано быть может».

Избрание в члены Болонской академии, при посредстве графа М. Воронцова, возбудило в Ломоносове желание получить редкий знак отличия для иностранного ученого — звание почетного члена Парижской академии наук.

Для осуществления этого замысла он обратился к другому своему покровителю, И. Шувалову, также волей-неволей путешествовавшему тогда в Европе, чтобы быть в удалении от Петербурга. Описывая ему, что недоброхоты в отсутствие двора хотели было его, Ломоносова, привести «к крайнему презрению и низриновению», но что его оградила второй меценат, гр. Г. Орлов, наш академик переходит потом к мозаичной картине своей, которая «выходит из точения весьма хорошо», и сообщает, что гр. М. Воронцов выхлопотал ему помянутое звание.

«В Парижской академии наук, — продолжает Ломоносов, — есть порожнее место иностранного почетного члена. А как не сомневаюсь, что ваше высокопревосходительство у тамошнего двора знатных приятелей имеет, для того униженно прошу рекомендовать меня на оное место. Тамошняя Академия о моих ученых делах довольно известна. Ей же весьма пристойно и надобно иметь в здешней Академии члена, особливо же природного россиянина. Сие избрание послужить может не токмо к моей похвале, но и к подлинной славе нашего отечества».

Это желание Ломоносова не осуществилось.

* * *

26 мая 1764 года в Академической канцелярии комиссар Зборомирский, заведовавший книжным торгом в Академии, объявлял, «что многие желают сочинения г. статского советника Ломоносова риторики и грамматики, а оных за продажей в книжной лавке от давнего времени нет». Вследствие этого сделано было тогда же распоряжение о печатании этих книг по 1200 экз.

В том же мае 1764 года окончен печатанием немецкий перевод ломоносовской русской грамматики, сделанный Стафенгагенем. Ломоносов высказывал предположение, что Тауберт из недоброжелательства к нему старался всячески замедлять печатание этого перевода и, напротив того, ускорять издание русской грамматики Шлецера, «чтобы он, обучаясь российскому языку по грамматике Ломоносова, переворотил ее иным порядком и в свет издал».

7 июня 1764 года, в четвертом часу после обеда, императрица Екатерина II посетила дом Ломоносова, в сопровождении — как сказано в современном известии — знатнейших двора своего особ. Здесь она «изволила смотреть производимые им работы мозаичного художества для монумента вечно славной памяти государя императора Петра Великого, также и новоизобретенные им физические инструменты и некоторые физические и химические опыты, чем подать благоволила новое высочайшее уверение об истинном люблении и попечении своем о науках и художествах в отечестве. При окончании шестого часа, оказав всемиловитейшее свое удовольствие, изволила во дворец возвратиться...» (Санкт-Петербургские ведомости. — 1764. — № 48. — 15 июня.)

Ломоносов при отъезде императрицы подал ей стихи:

Геройство с кротостью, с премудростью щедроты,
Соединенные монаршески доброты,
В благоговении, в восторге зрит сей дом,
Рожденным от наук усердствуя плодом.
Блаженства нового и дней златых причина,
Великому Петру вослед Екатерина
Величеством своим снисходит до наук
И славы праведной усугубляет звук.

Август месяц 1764 года императрица Екатерина проводила в Царском Селе, и, вероятно, туда являлся Ломоносов, который написал стихотворение «На Царское Село августа 24 дня 1764 года». Здесь царскосельский дворец с позолоченною крышею стихотворец называет златою горою, «что мечет блеск», и кончает стихи:

Всех больше красит сей Екатерина край:
При ней здесь век златой и расцветает рай.
Она все красоты присутствием оживляет,
Как свет добротами и славой восхищает.

Мысль о способах к скорейшему составлению русского атласа не покидала Ломоносова, и в 1764 году, вследствие распоряжения о производстве народной переписи и посылке для этой цели офицеров во все населенные места государства, нашему академику пришла мысль возложить вместе с тем на этих же офицеров собрание сведений о числе душ, о церквях, водах, положении селений и проч.

По мнению Ломоносова, когда бы это было осуществлено вместе с другими предложенными им по этой части мерами, то «лет в пять сочинен и напечатан будет такой российский атлас, которым похвалиться можно пред всею Европою...»

Теперь неизвестно, кому представлял Ломоносов это предложение, писанное в марте 1764 года. Оно осталось без осуществления, вероятно потому, что вышеозначенные офицеры, занимаясь одною переписью, имели довольно дел.

В сентябре 1764 года Ломоносов снова представил президенту Академии наук об отправлении двух географических экспедиций по России определять посредством астрономических наблюдений географические положения разных мест, что было необходимо для составления верных карт; сверх того Ломоносов еще предлагал, чтобы лица, имевшие отправиться в те экспедиции, производили в то же время метеорологические наблюдения, отыскивали по городам местные летописи, снимали проспекты чрез камер-обскуры, записывали о свойстве и положении мест, наконец, вели бы повседневный журнал всего приключавшегося с ними. По мнению Ломоносова, в предлагаемые две экспедиции следовало назначить академика Румовского, адъютантов Красильникова и Шмидта и поручика Курганова.

Граф Разумовский это представление передал на рассмотрение Академического собрания, и здесь восстал против экспедиций Румовский: он отказывался от участия в них по нездоровью; находил, что для них надо прежде приготовить сведущих людей, а иначе посылки эти не принесут пользы.

«Одного или двух знающих астрономию людей, — писал при том Румовский, — для сего предприятия не довольно; а Ака-



А. Кившенко. Екатерина II в кабинете Ломоносова

демия наук довольного числа таких людей не имеет. В других Академиях предлагающие подобные предприятия особы сами оных не только отправлять не отрекаются, но и примером своим поощряют трудов своих самопроизвольных сообщников, вникая во все подробности и затруднения, для лучшего успеху делают иногда двулетния приуготовления...»

Таким образом, и это предложение Ломоносова не получило дальнейшего хода; отправленные же Академиею наук в 1768 и 1769 годах экспедиции по разным краям России обязаны своим осуществлением личному желанию Екатерины II.

* * *

Выше не раз было говорено о неприязненных отношениях Ломоносова к Румовскому. Вероятно, последний жаловался об этом бывшему наставнику своему Эйлеру.

Знаменитый математик принял к сердцу положение своего ученика, и в письме 16 февраля 1765 года так писал о том из Берлина к историографу Миллеру: «Я самым лучшим образом г. Румовского рекомендовал г. канцлеру. Положение его действительно заслуживает сожаления, потому что против него так сильно восстает г. советник Ломоносов. Конечно, у Румовского прекрасный ум, приносящий очень много чести русскому народу, и было бы в высшей степени непростительно, когда бы его стали притеснять его же собственные единомысленцы. Я надеюсь, что г. канцлер всемерно заступится за него. Будьте так добры сказать г. Румовскому, что теперь он может свободно явиться к его сиятельству, но прежде пусть переговорит с молодым графом Воронцовым, которому я еще недавно дал истинное понятие о способностях Румовского...»

Ломоносов, узнав об этом письме, пришел в раздражение и начал писать к Эйлеру письмо (по-немецки), но окончил ли его и послал ли — неизвестно, так как письмо сохраняется в черновом, недоконченном наброске:

«Высшей степени удивился я тому, что ваше высокоблагородие, великий ученый и человек уже пожилой, сверх того, великий счетчик, так решительно обошлись в последней своей выкладке.

Ясно видишь, что самая высшая алгебра — жалкое орудие в делах моральных: столько известных данных для вас оказалось недостаточно, чтобы вычислить одно маленькое, вполовину уже известное количество! Вы довольно знали, что за шельма был для ученых Шумахер и что ученик его, зять и преемник еще хуже его; что Миллер — невежда и от всех первостепенных ученых назван бичом профессоров; что он сущий Макиавелли и постоянно был и есть возмутитель мира Академии. И однако, вы не могли заметить его лживых внушений касательно Таубертовой комнатной собачки — Румовского. Тауберт, как только увидит на улице собаку, которая лает на меня, тотчас готов эту бестию повесить себе на шею и целовать под хвост. И он продолжает это до тех пор, пока ему нужен ее лай; потом он выкидывает ее в помет и натравливает на нее других собак. Что ваше высокоблагородие писали к заклятому врагу всех честных людей, к Миллеру, то я прилагаю здесь в извлечении с моими замечаниями.

Впрочем, вы не поставите мне в вину моих жестких выражений, потому что они исходят от сердца, огорченного неслыханною злостью моих врагов, которых безбожные нападки я хочу кратко выставить вашему высокоородию. Мошенническое правило Шумахера: *davide et impera* — доныне в большом ходу у его преемника.

Вашему высокоблагородию очень хорошо известно, что Шумахер всегда натравливал молодых профессоров на старых. Кроме чего-нибудь другого, сообщаю то, что сам я вынес:

1) когда конференция избрала меня в профессора и покойная императрица утвердила, Шумахер послал к вам мои, уже одобренные рассуждения, надеясь полу-

чить от вас дурной отзыв; но вы поступили тогда как честный человек.

2) Я получил из Кабинета сумму, чтобы устроить при Академии лабораторию; все это, равно и химическую профессию, хотел он доставить Бургаву; но это ему не удалось, и я сделал прекрасные опыты в мозаике, чем приобрел себе честь, поместья и милость.

3) Шумахеру, Миллеру и Тауберту это была страшная спица в глазу. Они подхватили случай, когда я по указу должен был писать историю, и выписали для химии несчастного Сальхова, чтоб меня выгнать из лаборатории и из казенной квартиры; но вскоре Бог послал мне собственный дом, и я уже восемь лет живу среди города в поместительном доме, устроенном по моему вкусу, с садом и лабораториею, и делаю в нем по своему благоусмотрению всякие инструменты и эксперименты.

4) Так как я восемь же лет заседаю в канцелярии (не для того, чтобы командовать, а чтоб не быть под командой Тауберта), то стараются они устранить меня, эта сволочь...»

Из этого наброска видно, что в последний месяц своей жизни, когда, очевидно, писался он, Ломоносов был далек от того, чтобы мир снизошел в его глубоко раздраженное сердце. Но есть другое письмо Ломоносова, которое с обозначением времени и может с достоверностью считаться последним из известных его ныне писем. Оно писано к сестре его, Марии Васильевне, 2 марта 1765 года, стало быть, за месяц с небольшим до кончины знаменитого человека.

Настоящее жизнеописание начато описанием далекой и суровой родины Ломоносова. Письмо, о котором сейчас упомянуто, снова напоминает нам этот край и молодость, проведенную там Ломоносовым. Слог его письма, в котором он, очевидно, подделывался под понятия своей сестры, не выходящей из русского простонародья, еще более переносит из большого города, с его дрязгами, огорчениями и неугомонною погоней за славою и почестями, в пустынный Двинский край, в затишье, где все довольны окружающим, не смотря на всю бедноту и невзрачность его.

«Государыня моя Марья Васильевна, — писал Ломоносов, — здравствуй на множество лет с мужем и детьми. Весьма прият-



И. Е. Репин. ЦАРЕВНА СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА
ЧЕРЕЗ ГОД ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЕЕ В НОВОДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ.
ВО ВРЕМЯ КАЗНИ СТРЕЛЬЦОВ И ПЫТКИ ВСЕЙ ЕЕ ПРИСЛУГИ
В 1698 ГОДУ. 1879 г.



А. Рябушкин. «ЕДУТ!»
(НАРОД МОСКОВСКИЙ ВО ВРЕМЯ ВЪЕЗДА ИНОСТРАННОГО ПОСОЛЬСТВА
В МОСКВУ В КОНЦЕ XVII ВЕКА). 1901 г.

но мне, что Мишенька приехал в Санкт-Петербург в добром здравии и что умеет очень хорошо читать и исправно, также и пишет для ребенка нарочито. С самого приезда сделано ему новое французское платье, сшиты рубашки и совсем одет с головы и до ног, и волосы убирает по-нашему, так, чтобы его на Матигорах не узнали. Мне всего удивительнее, что он не застенчив и тотчас к нам и к нашему кушанью привык, как бы век у нас жил; не показал никакого виду, чтобы тосковал или плакал. Третьего дня послал я его в школы здешней Академии наук, состоящие под моею командою, где сорок человек дворянских детей и разночинцев обучаются и где он жить будет и учиться под добрым смотрением, а по праздникам и по воскресным дням будет у меня обедать, ужинать и ночевать в доме. Учить его приказано от меня латинскому языку, арифметике, чисто и хорошо писать и танцевать. Вчера много вечера был я в школах нарочно осмотреть, как он в общежитии со школьниками ужинает и с кем живет в одной камере. Поверь, сестрица, что я о нем стараюсь, как должен добрый дядя и отец крестный. Также и хозяйка моя и дочь его любят и всем довольствуются. Я не сомневаюсь, что он чрез учение счастлив будет, и с истинным люблением пребываю брат твой Михайло Ломоносов.

Я часто вижусь здесь с вашим губернатором и просил его, по старой своей дружбе, чтобы вас не оставил. В случае нужды или еще и без нужды, можете его превосходительству поклониться, Евсений Федорович или ты сама. Жена и дочь моя вам кланяются».

Упоминаемый в этом письме Миша был Михаил Евсеевич Головин, впоследствии ученик знаменитого Эйлера, адъютант Акаде-

мии, написавший несколько сочинений математического содержания и сделавший несколько переводов, которые изданы в свет.

* * *

При всей гениальности и необыкновенных дарованиях, у Ломоносова, как у всякого человека, были свои слабости, недостатки, и они вредили ему в жизни не менее его врагов.

Само собою разумеется, что, несмотря на все это, имя Ломоносова останется навсегда дорогим для России, точно так же, как никогда не забудутся его заслуги русскому слову, нашей литературе и учености, и я ничем не могу лучше закончить настоящее жизнеописание, как искренним желанием, чтобы в памяти всех русских ученых был всегда гениальный образ Ломоносова: с самых юных лет он весь предан науке и литературе; не покидал их и продолжал работать и тогда, когда достиг положения, в котором мог спокойно пользоваться плодами своей известности; он всегда стремился к самостоятельности в изысканиях; не выдавал чужих мыслей за свои; наконец, не останавливался ни перед препятствиями, ни перед трудностями для достижения раз предположенной цели и настойчиво, честно и смело шел вперед для достижения ее.

Вместе с тем Ломоносов горячо любил Россию; ему были дороги успехи русских в науках и на поприще просвещения, так как в этих успехах он справедливо видел залог будущего величия и славы родины.

Подражание во всем этом Ломоносову будет со стороны русских ученых лучшею, какую только можно придумать, данью признательности и благоговения к памяти этого великого человека Русской земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пекарский Петр Петрович (1827—1872) — русский историк, библиограф, академик Петербургской академии наук. «Жизнеописание Ломоносова» входит в состав его неоконченного труда — «Истории Санкт-Петербургской академии наук» (СПб., 1873. Т. 2). (Примеч. ред.)

² День учит день (лат). Выражение восходит к «Сентенциям» Публия Сира, где есть такая строка: «Discipulus est prioris posterior dies (Последующий день — ученик предыдущего)». (Примеч. ред.)

³ Одно такое печатное приглашение хранится в архиве Академической конференции в портфеле историографа Миллера, озаглавленном: «Академические программы».

⁴ Речь идет об упомянутой выше «Вольфианской экспериментальной физике» — переводе 6-го раздела учебного пособия Л. Тюммина, являвшегося кратким изложением физико-математического учения Х. Вольфа (1679—1754), немецкого философа, математика, физика, педагога, одного из учителей Ломоносова. (Примеч. ред.)

⁵ В старческих воспоминаниях И. Шувалова, записанных Тимковским, есть такое известие, что Ломоносов, приступив к русской истории, писал ее медленно, причем ссылаясь на свою нужду и бедность. «Чтоб ободрить его, я,— рассказывал Шувалов,— взял его с собою в Царское Село. Он описал в стихах Славянку. Я выпросил ему деревушку в сорок душ за Ораниенбаумом; но как засел он там, так и пропал...» Шувалов точно выпросил у Елисаветы крестьян Ломоносову, но только гораздо после, именно в марте 1753 года, в Москве.

⁶ Надобно знать, что в одно время с производством Ломоносова Теплов перестал быть ассессо-

ром в Академической канцелярии, а потому Эйлер, полагая, что Ломоносов там занял его место, писал об этом к Шумахеру 3 марта 1751 года: «Перемены, предпринятые г. президентом в Академии пред его отъездом, конечно, будут для нее очень полезны; и я представляю себе, что место г. Теплова не без великой пользы будет занято г. советником Ломоносовым, если только он будет иметь дело с канцеляриею, но это немало препятствует ему в его занятиях».

⁷ Грот Яков Карлович (1812—1893) — русский ученый-лингвист, историк литературы, переводчик; академик Петербургской академии наук. (Примеч. ред.)

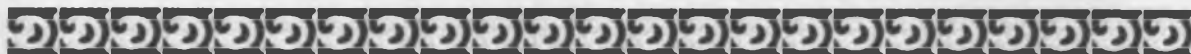
⁸ Ср. с 15-й строфой ломоносовской «Оды на день восшествия на всероссийский престол Ея Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны» (1747): «Толикое земель пространство / Когда Всевышний поручил / Тебе в счастливое подданство, / Тогда сокровища открыл, / Какими хвалится Индия; / Но требует к тому Россия / Искусством утвержденных рук». (Примеч. ред.)

⁹ «Новые комментарии Петербургской академии наук» (лат.). (Примеч. ред.)

¹⁰ Тимковский Илья Федорович (1772—1853) — русский и украинский ученый-юрист, научный журналист, мемуарист. (Примеч. ред.)

¹¹ Многоточие в подлиннике. Автоцитата из стихотворения «Злобное примирение господина Сумарокова с господином Тредиаковским» (1759). (Примеч. ред.)

¹² Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — русский историк, академик Петербургской академии наук. Автор 29-томной «Истории России с древнейших времен». (Примеч. ред.)



ПРОЗА И ПОХВАЛЬНЫЕ ОДЫ



ПИСЬМО О ПРАВИЛАХ РОССИЙСКОГО СТИХОТВОРСТВА

Почтеннейшие господа!¹

Ода, которую вашему рассуждению вручить ныне высокую честь имею, не что иное есть, как только превеликия оныя радости плод, которую непобедимейшая наша монархини преславная над неприятелями победа в верном и ревностном моем сердце возбудила. Моя продерзость вас неискусным пером утруждать только от усердных к отечеству и его слову любви происходит. Подлинно, что для скудости к сему предприятию моих сил лучше бы мне молчать было. Однако, не сомневаясь, что ваше сердечное радение к распространению и исправлению российского языка и мое в сем искусство и в российском стихотворстве недовольную способность извинит, а доброе мое намерение за благо примет, дерзнул наималейший сей мой груд вместе со следующим *о нашей версификации вообще рассуждением* вашему предложить искусству. Не пристрастие меня к сему понудило, чтобы большее искусство имеющим правила давать, но искренное усердие заставило от вас самих научиться, правдивы ли оные мнения, что я о нашем стихосложении имею и по которым доныне, стихи сочиняя, поступаю. И так, начиная оное вам, мои господа, предлагать, прежде кратко объявляю, на каких я основаниях оные утверждаю.

Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем российской язык изобилен и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать; но как собственное и природное употреблять надлежит.

Третье: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неудобного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать.

На сих трех основаниях утверждаю я следующие правила.

Первое: в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает. Того ради совсем худо и свойству славенского языка, который с нынешним нашим не много разнится, противно учинил Смотрицкий, когда он *е, о* за короткие, *а, и, п* за общие, *и, ъ, w* с некоторыми двугласными и со всеми гласными, что пред двумя или многими согласными стоят, за долгие почел². Его, как из первого параграфа его просодии видно, обманула Матфея Стриковского Сарматская хронология³, или он, может быть, на сих Овидиевых стихах утверждался: de Ponto, lib. IV, eleg. 13 [Послания с Понга, IV, 13].

Ah pudet, et Getico scripsi sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis,
Et placui, gratare mihi, coepique poetæ
Inter inhumanos nomen habere Getas^{3a}. *

Ежели Овидий, будучи в ссылке в Томах⁴, старинным славенским, или болгарским, или сарматским языком стихи на латинскую статью писал, то откуда Славенския грамматики автору на ум пришло долгость и краткость слогов совсем греческую, а не латинскую принять, не вижу. И хотя Овидий в своих стихах, по обыкновению латинских стихотворцев, стопы и, сколько из сего гексаметра

Materiam quaeris? Laudes de Caesare dixi

(ibidem)³⁶

заклЮчить можно, двосложные и трое-



Здание Академии наук в Петербурге в середине XIX в.

сложные в героическом своем поэмате употреблял, однако толь высокого разума пиита не надеюсь, что так погрешил, чтобы ему долготь и краткость слогов, латинскому или греческому языку свойственную, в оные стихи ввести, которые он на чужом и весьма особливом языке писал. И ежели древней оный язык от нынешнего нашего не очень был различен, то употреблял остроумный тот стихотворец в стихах своих не иные, как только те за долгие слоги, на которых акцент стоит, а прочие все за краткие. Следовательно, гексаметры, употребляя вместо спондеев для их малости хорей, тем же образом писал, которым следующие российские сочинены:

Счастлива красна была весна, все лето приятно.
Только мутился песок, лишь белая пена кипела.

А пентаметры:

Как обличаешь, смотри больше свои на дела.
Ходишь с кем: всегда, бойся того подопнуть.
А не так, как Славенския грамматики автор:
Сарматски новорастныя музы стопу перву,
Тщашуюся Парнас во обитель вечну зяяти,
Христе царю, прими и, благоволив тебе
с отцем⁵,
и проч.

Сии стихи коль славенского языка свойству противны, всяк видеть может, кто оной разумеет. Однако не могу я и оных сим предпочитать, в которых все односложные слова за долгие почитаются. Причина сего всякому россиянину известна. Кто будет протягивать единосложные союзы и многие во многих случаях предлоги? Самые имена, местоимения и наречия, стоя при других словах, свою силу теряют. Например: за сто лет; под мост упал; ревет как лев. Что ты знаешь? По оному королларию, в котором сие правило счастливо предложено, сочиненные стихи, хотя быть гексаметрами, в

истые и изрядные, из анапестов и ямбов состоящие пентаметры попали, например:

Не возможно сердцу, ах! не иметь печали.

По моему мнению, наши jednosложные слова иные всегда долги, как: *Бог, храм, свят*; иные кратки, например союзы: *же, да, и*; а иные иногда кратки, иногда долги, например: *на море, по году, на волю, по горе*⁶.

Второе правило: во всех российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы, определенным числом и порядком учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оных довольное России дала изобилие. В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство; так что в наши стихи без всякия нужды двосложные и трое-сложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем. Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть, чтобы они ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели⁷, а с другой, такую волю дать, чтобы вместо хорея свободно было положить ямба, пиррихия и спондея, а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве последую на рифмы, кончащимся польским и французским строчкам? Неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено⁸, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может. Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радеют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят, нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут: понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинил⁹:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastis Nymphes du Permesse etc.^{9a},

однако нежные те господа, на то не смотря, почти одними рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма символом французскую поэзию некто изобразил, представив опую на театре под видом некоторый женщины, что, сгорбившись и раскорячившись, при музыке играющего на скрипиче сатира, танцует. Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не только бодростью и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе вместе природную и свойственную версификацию иметь может. Сие толь долго пренебреженное счастье чтобы совсем в забвении не осталось, умыслил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составлять и от тех, как в вышеозначенных трех языках обыкновенно, оным имена дать.

Первый род стихов называю *ямбическим*, которой из одних только ямбов состоит:

Белеет будто снег лицом¹⁰.

Второй *анapestическим*, в котором только одни анапесты находятся: Начертан многократно в бегущих волнах.

Третий из *ямбов и анапестов смешенным*, в котором, по нужде или произволению, поставлены быть могут, как случится:

Во пищу себе червей хватать.

Четвертый *хореическим*, что одни хорей составляют:

Свет мой, знаю, что пылает.
Мне моя не служит доля.

Пятой *дактилическим*, который из одних только дактилей состоит:

Вьется кругами змиа по траве, обновившись в расщелине.

Шестой из *хореев и дактилей смешенным*, где, по нужде или по изволению, ту и другую употреблять можно стопу.

Ежель боится, кто не стал бы силен безмерно.

Сим образом расположив правильные наши стихи, нахожу шесть родов гексаметров, столько ж родов *пентаметров*, *тетраметров*, *триметров* и *диметров*, а следовательно, всех тридцать родов.

Неправильными и вольными стихами те называю, в которых вместо ямба или хорея можно пиррихия положить. Оные стихи употребляю я только в песнях, где всегда определенное число слогов быть надлежит. Например, в сем стихе вместо ямба пиррихий положен:

Цветы, румянец умножайте.

А здесь вместо хорея:

Солнцева сестра забыла.

Хорея вместо ямба и ямба вместо хорея в вольных стихах употребляю я очень редко, да и то ради необходимости нужды или великия скорости: понеже они совсем друг другу противны.

Что до *цезуры* надлежит, оную, как мне видится, в середине правильных наших стихов употреблять и оставлять можно. Долженствует ли она в нашем гексаметре для одного только отдыху быть неотменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочесть не может.

За наилучшие, велепнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие оные стихи почитаю, которые из анапестов и ямбов состоят.

Чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако, поднимаясь тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают¹¹. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей нынешней и учинил. Очень также способны и падающие, или из хорея и дактилей составленные, стихи к изображению крепких и слабых аффектов, скорых и тихих действий быть видятся. Пример скорого и ярого действия:

Бревна катайте навверх, каменья и горы валите,
Лес бросайте, живучий выжав дух, задавите.

Прочие роды стихов, рассуждая состояние и важность материи, также очень пристойно употреблять можно, о чем подробно упоминать для краткости времени оставляю.

Третье: российские стихи красно и свойственно на *мужеские*, *женские* и *три ли-теры гласные*, в себе имеющие *рифмы*, подобные итальянским, могут кончиться. Хотя до сего времени только одне женские рифмы в российских стихах употребляемы были, а мужеские и от третьего слога начинающиеся заказаны, однако сей заказ толь праведен и нашей версификации как свойствен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше, откуда пришед в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим польским рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими: понеже все польские слова, выключая некоторые односложные, силу над предкончаемом слоге имеют. В нашем языке толь же довольно на последнем и третьем, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится: то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только одними женскими побрякивать, а мужеских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужеские рифмы толь смешны и подлы были, чтобы их только в комическом и сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было? и чем бы святое сии женские рифмы: *красовулях*, *ходулях* следующих мужеских: *восток*, *высок* были? по моему мнению, подлость рифмов не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют, но что оных слова подлое или простое что значат¹².

Четвертое: российские стихи так же кстати, красно и свойственно сочетаться могут, как и немецкие. Понеже мы *мужеские*, *женские* и *тригласные* рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собою перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одне женские рифмы

употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся; однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках. Никогда бы мужеская рифма перед женскою не показалась, как дряхлый, черный и девяносто лет старый арап перед наиноклоняемою, наинежною и самым цветом младости сияющею европейскою красавицею¹³.

Здесь предлагаю я некоторые строфы из моих стихов в пример стоп и сочетания. Тетраметры, из анапестов и ямбов сложенные:

На восходе солнце как зардится,
Вылетает вспыхливо хищный восток,
Глаза кровавы, сам вертится;
Удара не сносит север в бок,
Господство дает своему победителю,
Пресильному вод морских возбудителю,
Свои тот зыби на прежни возводит,
Являет полность силы своей,
Что южной страной владеет всей,
Индийски быстро острова проходит.

Вольные вставающие тетраметры:

Одна с Нарциссом мне судьбина,
Однака с ним любовь моя.
Хоть я не сам тоя причина,
Люблю Миртилле, как себя.

Вольные падающие тетраметры:

Нимфы окол нас кругами
Танцевали поючи,
Всплескиваячи руками,
Нашей искренной любви
Веселяся привлекали
И цветами нас венчали.

Ямбические триметры:

Весна тепло ведет,
Приятный запад веет,
Всю землю солнце греет;
В моем лишь сердце лед,
Грусть прочь забавы бьет.



Памятник Ломоносову в Архангельске.
Работа скульптора И. Мартоса, 1831 г.

Но, мои господа, опасаясь, чтобы неважным сим моим письмом вам очень долго не наскучить, с покорным прошением заключаю. Ваше великодушие, ежели мои предложенные *о российской версификации* мнения нашему языку несвойственны и непристойны, меня извинит. Не с иным коим намерением я сие учинить дерзнул, как только чтобы оных благосклонное исправление или беспристрастное подкрепление для большего к поэзии поощрения от вас получить. Чего несомненно надеясь, остаюсь, почтеннейшие господа,

ваш покорнейший слуга

Михайло Ломоносов.

[КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ]

Разделение первое,
состоящее из РИТОРИКИ]

*Его императорскому высочеству пресветлейшему государю
великому князю Петру Феодоровичу, внуку государя императора
Петра Великого, высокому наследнику Всероссийския империи,
наследнику Норвежскому, владеющему герцогу Голстейн-Шлезвигскому,
Стормарнскому и Дитмарсенскому, графу Олденбургскому
и Делменгорстскому и протчая, милостивейшему государю*

Пресветлейший государь великий князь, милостивейший государь! Блаженство рода человеческого коль много от слова зависит, всяк довольно усмотреть может. Собраться рассеянными народам в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля и другие нужные, союзных сил требующие дела производить как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу? Того ради всевышняя премудрость к дарованию разума присовокупила человеку и слова дарование, в котором остроумные люди уже в древние времена приметили, что [оное] искусством увеличено и тем с вящею пользою употреблено быть может; для того многое старание и неусыпные гряды полагали, чтобы слово свое учением возвысить и украсить, в чем они великие успехи имели, и в обществе показывали знатные услуги. В нынешние веки хотя нет толь великого употребления украшенного слова, а особливо в судебных делах, каково было у древних греков и римлян, однако в предложении Божьего слова, в исправлении нравов человеческих, в описании славных дел великих ге-

роев и во многих политических поведениих коль оное полезно, ясно показывает состояние тех народов, в которых словесные науки процветают. Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ее могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся. Сим обнадежен, предпринял я сочинение сего руководства, но больше в таком намерении, чтобы другие, увидев возможность, по сей малой стезе в украшении русского слова дерзновенно простирались. Об успехах сего дела весьма не можно сомневаться, когда уже вместе с прочими и словесные науки, великим вашего императорского высочества дедом основанные, ныне божественным благодеянием августейших дщери его, всемилостивейших монархини, нашел умножены и обогащены. О сем настоящем счастье радость нашу умножает твердая и о будущем надежда, которую превосходят вашего высочества дарования в сердцах наших возбуждают. Ибо не только пространная Российския империи, но и вы-



соких Петровых добродетелей наследником ваше высочество по единой крови и по природным высоким свойствам почитаем. Взирая на мужественную вашего высочества бодрость, вместе с годами возрастающую, завистники благополучия нашего трепещут. Но мы радостью восхищаемся, имея в особе вашего высочества дражайший залог России, от Вышнего данный в уверение о непременных его к ней щедротах. Благополучны многочисленные народы, которым державою вашего высочества в свое время управляемым и защищаемым быть щедрая судьба определила. Благополучны возрастающие в России науки, к которым сам будущий их расширитель, подражая великому оных основателю, собственным своим примером поощряет сынов российских. Благополучно российское слово, которое под тенью милости Петровой от-

расли произрастая, великие дела его живыми цветами изобразить достойно будет. Коль благополучно и краткое сие о красноречии учение, по мере малого моего таланта с возможным рачением сочиненное и вашему высочеству со благоговением приносимое, когда милостивейшего принятия не лишено будет! Всесильная Вышнего десница да покроет и укрепит дражайшее вашего высочества здравие к умножению благополучия в наследной империи, к украшению и защите всего севера и к увеселению человеческого рода и да утвердит Петрово семя на всероссийском престоле вовеки, от искреннего усердия желаю, пресветлейший государь великий князь, милостивейший государь! Вашего императорского высочества всенижайший и всеусерднейший раб

Михайло Ломоносов.

ВСТУПЛЕНИЕ

§ 1

Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем склонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется *речь* или *слово*.

§ 2

К приобретению одного требуются пять следующих средств: первое *природные дарования*, второе *наука*, третье *подражание авторов*, четвертое *упражнение в сочинении*, пятое *знание других наук*.

§ 3

Природные дарования разделяются на *душевные* и *телесные*. Душевные дарования, а особливо остроумие и память, к получению сего искусства столь необходимо нужны, как добрая земля к посеянию чистого семени: ибо как семя на неплодной земле, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно. И для того Аполлоний Алабенденский¹, славный в древних временах красноречия учитель, по свидетельству Цицеронову, тех, которые от родителей своих к нему в училище присылались, в самом начале учения природную остроту прилежно рассматривал, и которых приметил к тому быть неспособных, немедленно назад отсылал: чтобы они напрасными горами себя не изнуляли. Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии, а особливо в произношении общенародного слова упражняющимся, очень надобны; также дородство и сановитый вид приличны, ежели слово пред народом говорить должно.

§ 4

Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию. Они должны быть, первое, *кратки*, чтобы не отяготить памяти многим изусту учением, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам; второе, *порядочны*, для того чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третье, *удовольствованы примерами*, которые бы показыва-

ли самую оных силу для яснейшего их понятия и для способнейшего своих примеров против оных сочинения. Мы будем стараться, чтобы в настоящем нашем предприятии поступить по сим требованиям.

§ 5

Изучению правил следует подражание авторов в красноречии славных, которое учащимся едва не больше нужно, нежели самые лучшие правила. Всяк знает, что и в художествах того миновать нельзя, например: кто учится живописи, тот старается всегда иметь у себя лучшие рисунки и картины великих мастеров, и, к ним применяясь, достигнуть совершенства в том художестве. Красноречие коль много превышает прочие искусства, толь больше требует и подражания знатных авторов. Но о сем пространнее предложено будет на конце сего руководства особливо.

§ 6

Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении разных слов. От беспрестанного упражнения возросло красноречие древних великих витий, которых от того ни старость, ни великая честь и достоинство отворить не могли. Генералы, сенаторы и сами консулы, как Ирций и Панса, будучи на высочайшем степени римской власти, у Цицерона приватно в красноречии обучались и в домах своих в произношении слова упражнялись. Азиний Поллион, славный генерал римский, презрев печаль об умершей своей дочери, в четвертый день после ее смерти обучался в произношении слова². Отсюда воспоследовало, что таковые трудолюбивые люди не готовясь говорили публично прекрасные речи. Сие прежде началось у греков, а потом уже в Риме возвысилось на самой высочайший степень. Такие речи, без приготовления пред народом произнесенные, назывались божественными: ибо они казались быть выше сил человеческих. Того ради надлежит, чтобы учащиеся красноречию старались сим образом разум свой острить чрез беспрестанное упражнение в сочинении и произношении слов, а не полагаться на одни правила и чтение авторов, ежели при

всяком случае и о всякой материи готовы быть желают к предложению слова.

§ 7

Материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете. Откуда явствует, что ежели кто имеет большее познание настоящих и прошедших вещей, то есть чем искуснее в науках, у того большее есть изобилие материи к красноречию. И так учащиеся оному великое будут иметь в своем искусстве вспоможение, ежели они обучены по последней мере истории и нравоучению.

§ 8

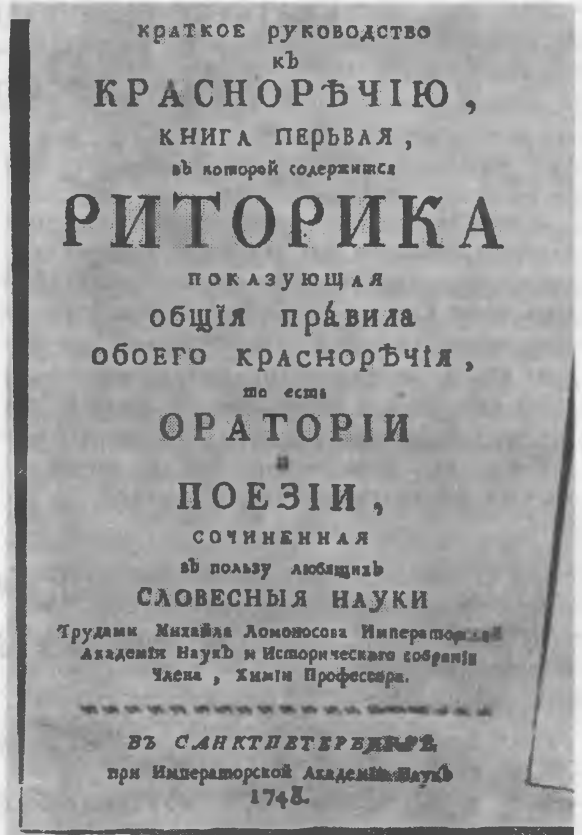
Слово двояко изображено быть может, *прозою* или *поэмою*. Проза есть слово, которого части не имеют точно определенной меры и порядка складов, ни согласия в произношении, точно назначенного; но все речения располагаются в нем таким порядком, какого обыкновенный чистый разговор требует. Поэма состоит из частей, известною мерою определенных, и притом имеет точной порядок складов по их ударению или произношению. Первым образом сочиняются проповеди, истории, учебные книги; другим составляются имны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи.

§ 9

Но хотя проза от поэмы для отменного сложения разнится, а потому и в штиле должна быть отлична, однако в рассуждении общества материи весьма с оною сходствует: ибо об одной вещи можно писать прозою и стихами. И так оба сии красноречия роды имеют в себе вместе общее и особливо каждому отменное.

§ 10

Здесь предлагаем вкратце руководство к обоему красноречию; и для того, поступая по натуральному порядку, показываем,



Титульный лист первого издания
«Краткого руководства к красноречию»
М. Ломоносова

во-первых, учение о красноречии вообще, поскольку оно до прозы и до стихов касается, и затем при правилах полагаются в нем примеры прозою и стихами. Потом сообщаем наставление к сочинению речей в прозе и примеры присовокупляем прозаичные из славных авторов. Наконец, предлагается о стихотворстве учение с приложенными в примеры стихами.

Сии три учения составляют три разделения сего руководства, *Риторику*, *Ораторию* и *Поэзию*.

КРАТКОГО РУКОВОДСТВА К КРАСНОРЕЧИЮ

РАЗДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ РИТОРИКУ

§ 1

Риторика есть учение о красноречии вообще. Имя сея науки происходит от греческого глагола *rew*, что значит *говорю, лью* или *теку*. Оттуда же произведено и реченье *ρητωρ* (ритор), которое хотя на греческом языке значит витию или красноречивого человека и в российский язык в том же знаменовании принято, однако от новейших авторов почитается за именованье писателя правил риторических.

§ 2

В сей науке предлагаются правила трех родов. Первые показывают, как изобретать оное, что о предложенной материи говорить должно; другие учат, как изобретенное украшать; третьи наставляют, как оное располагать надлежит: и посему разделяется Риторика на три части, на *изобретение, украшение и расположение*.

Часть I

О ИЗОБРЕТЕНИИ

Глава первая

О ИЗОБРЕТЕНИИ ВООБЩЕ

§ 3

Изобретение риторическое есть собрание разных идей, пристойных предлагаемой материи. Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем; например, мы имеем идею о часах, когда их самих или вид оных без них в уме изображаем; также имеем идею о движении, когда видим или на мысль приводим вещь, место свое беспрестанно перемещающую.

§ 4

Идеи суть *простые* или *сложенные*. Простые состоят из одного представления, сложенные из двух или многих, между собою соединенных и совершенный разум имеющих. Ночь, представленная в уме, есть простая идея. Но когда себе представишь, что ночью люди после трудов покоятся, тогда будет уже сложенная идея: для того что соединятся пять идей, то есть о дни, о ночи, о людях, о трудах и о покое.

§ 5

Все идеи изобретены бывают из общих мест риторических, которые суть: 1) *род и вид*, 2) *целое и части*, 3) *свойства материальные*, 4) *свойства жизненные*, 5) *имя*, 6) *действия и страдания*, 7) *место*, 8) *время*, 9) *происхождение*, 10) *причина*, 11) *предыдущее и последующее*, 12) *признаки*, 13) *обстоятельства*, 14) *подобия*, 15) *противные и несходные вещи*, 16) *уравнения*.

§ 6

Родом называется общее подобие особенных вещей. Такое подобие есть милости с любовью, кротостью, благочестием и другими добрыми делами, и оное общим именем называется *добродетель*, которое есть род; а милость, любовь, кротость и прочие суть виды.

§ 7

Целое есть то, что соединено из других вещей, а части называются оные вещи, которые то составляют; например: город

есть целое, а стены, башни, дома, улицы и прочая суть его части.

§ 8

Свойства материальные суть те, которые чувствительным вещам животным и бездушным приписываются, как *величина, фигура, тягость, твердость, упругость, движение, звон, цвет, вкус, запах, теплота, стужа, внутренние силы* и проч.

§ 9

Жизненные свойства принадлежат к одушевленным вещам, из которых, во-первых, суть главные душевные дарования: *понятие, память, воображение, рассуждение, произволение*. Второе, страсти: *радость и печаль, удовольствие и раскаяние, честь и стыд, надежда и боязнь, упование и отчаяние, гнев и милосердие, любовь и ненависть, удивление и гнушение, желание и отвращение*. Третье, добродетели: *мудрость, благочестие, воздержание, чистота, милость, тицивость, благодарность, великодушие, терпение, праводушие, незлобие, простосердечие, искренность, постоянство, трудолюбие, дружелюбие, послушание, уклонность, скромность*. Четвертое, пороки: *безумие, нечестие, роскошь, нечистота, лютость, скупость, неблагодарность, гордость, малодушие, нетерпеливость, лукавство, злоба, лицемерие и ласкательство, продерзливость, непостоянство, леность, сварливость, упрямство, грубость, самохвалство*. Пятое, внешнее состояние: *благородие и неблагородие, счастье и несчастье, богатство и убожество, слава и бесславы, власть и безвластие, вольность и порабощение*. Шестое, телесные свойства и дарования: *возраст, век, пол, сила, красота, здравие, проворность*. Седьмое, чувства: *зрение, слышание, обоняние, вкушение, осязание*.

§ 10

Имя есть *свойственное* или *приложенное*. *Свойственное* есть, которым что обыкновенно называют, как *небо, Москва, август* и прочая. *Приложенные* имена даются сверх *свойственных*, что бывает следующим образом: 1) когда имя иностранное с другого языка на природной переведено будет, например: *Мельхиседек* с еврейского по-русски *царь правды*, *Андрей* с греческого *мужественный*, *Квинт* с латинского *пятый*;

2) когда по особливым делам или свойствам дано кому будет проименование, как *Александр* от великого мужества называй *великий*, *Аттила* от строгости *бич божий*; 3) когда чрез предложение писмен, имя составляющих, будет сложено речение, другое знаменование имеющее, например: *Рим* чрез предложение писмен может называться *мир*; 4) когда слово будет взято в знаменовании другой вещи, ежели она то же имя имеет, например: речение *свет* (вселенная) принято будет в знаменовании света, чрез которой мы видим; 5) когда к имени разложены будут наречения, из которых оно происходит, например, *Владимир* называется *владелец мира*.

§ 11

Действие и страдание есть всякая перемена, которую одна вещь в другой производит. Перемену производящее называется *действующим*, а то, в чем перемена производится, *страждущим*. Например: *сильный ветер море волнует*, *сильный ветер* есть действующее, а море есть страждущее. Самое волнование есть *действие* в рассуждении ветра, *страдание* в рассуждении моря. С действием и страданием совокуплены бывают *инструменты, вспоможения, воспящения, удобность или неудобность, возможность или невозможность, пристойность или непристойность, польза или вред, угодность или неугодность, честность или гнусность*. Также действие имеет иногда свое *воспоследование* и *удачу*, а иногда *уничтожение* свое и *неудачу*.

§ 12

Время есть *указательное* и *количественное*: *указательное* познавается чрез вопрошение *когда?* Например: *плоды собираются в осень*. *Количественное* время познавается чрез вопрошение *коль долго?* Например: *Август, цесарь римский, царствовал сорок четыре года*.

§ 13

Место разделяется на *одержимое* и *проходимое*. Первое назначается вопрошением *где?* Например: *остров Сицилия лежит на Посредиземном море*. Второе показано бывает на вопрошение *по чему?* Например: *молния бле-*

СОБРАНІЯ РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

КОЛЛЕЖСКАГО СОВѢТНИКА
И ПРОФЕССОРА

Михайла Ломоносова

КНИГА ВТОРАЯ,
въ которой содержится

КРАТКАГО РУКОВОДСТВА

къ
КРАСНОРЪЧІЮ

РАЗДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,
СОСТОЯЩЕЕ

РИТОРИКИ,

или
общихъ правилъ
ОБОЕГО КРАСНОРЪЧІЯ,

то есть
ОРАТОРИИ И ПОЕЗИИ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

съ
СОЧИНИТЕЛЬНЫМИ ИСПРАВЛЕНІЯМИ.

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,
1759. года.

Титульный лист «Риторики» Ломоносова. 1759 г.

щет по воздуху. При месте наблюдать должно одного *пространство, близость, далекость, вышину, низкость, стороны* и прочая, также и наречия и предлоги *куда, откуда, доколе, вне, внутрь, у, за, пред, против, под, над, около, вплоть, до* и прочие, до места надлежащие. Сюда причитать должно *содержащее и содержимое*, например: город есть содержащее, а люди, в нем живущие, содержимое. Содержимое может иногда быть вместе и содержащее; так, река в рассуждении животных и судов, в ней плавающих, есть содержащее, а в рассуждении берегов есть содержимое.

§ 14

Происхождение есть начало, от которого что другое происходит и свое бытие имеет, например: *металлы происходят от земли, мед от пчел, бесславие и казни от худых*

дел; земля, пчелы и худые дела суть происхождение металлов, меда, худых дел.

§ 15

Причина есть конец, для которого всякая вещь есть или бывает, например: *земледелец пашет землю и насеваает, чтобы получить себе хлеб на пищу.* Получение хлеба на пищу земледельцу есть причина оранія и насеваания земли.

§ 16

Предыдущее есть что пред вещью необходимо бывает, последующее что оной последует; так *весна предходит лету, которому осень последует;* и потому весна есть в рассуждении лета предыдущее, а осень последующее; так *младенчество и старость суть мужеского возраста предыдущее и последующее.*

§ 17

Признаком называют что другую вещь показывает, когда она сама чувствам не подвержена. Вещи отдаляются от чувств местом или временем прошедшим или будущим; и посему признаки суть трех родов: 1) которые показывают вещь настоящую; так дым показывает сокровенной огонь, шум дерев изъясняет ветер; 2) которые показывают вещь будущую, как находящие густые тучи предвещают дождь, заря утренняя предсказывает восхождение солнца; 3) которые объявляют прошедшую вещь: обгаренная кровью Тицьева шпага, бледное его лицо, отдаление от людей и бег от Семпрониева³ мертвого тела суть признаки учиненного им убийства. К сему месту принадлежат пророчества, предзнаменования и свидетельства.

§ 18

Обстоятельства суть те вещи, которые хотя с данною вещью не соединены, однако имеют к ней некоторую принадлежность; так встречающиеся путнику звери, около пути лежащие места, по реке плавающие суда и птицы, пчела, на розе сидящая, суть обстоятельства путника, реки и розы.

§ 19

Подобие риторическое есть снесение двух вещей в свойствах или действиях. Сердце человека, гневом возмущенного, уподоблено быть может волнуемому морю, скорое течение острых мыслей стреле. Подобие разделяется на простое и сложное; в простом сносится только одно свойство или действие одной вещи с одним же свойством или действием другой, как скорость мыслей со скоростью стрелы. В сложном подобии сносятся два или многие свойства либо действия одной вещи с двумя или многими свойствами либо действиями другой, например: как подсыхает ветвь, подведенная от червя, так печалью сокрушенное сердце ослабевает. Здесь сердце с ветвью, печаль с червем, ослабление с подсыханием сносится.

§ 20

Противными называются те вещи, которые вдруг быть не могут вместе, как день

и ночь, зной и стужа, богатство и убожество, любовь и ненависть. Несходственные вещи бывают, когда вместо одной противной вещи полагается то, что от ней происходит, например: любить и обидеть (вместо ненавидеть), не бояться неприятеля и от него бегать (вместо бояться), ибо обида от ненависти, а бегство от боязни происходит.

§ 21

Уравнение есть снесение двух вещей, одну другой за равную, большую или меньшую почитая. Пример первого: Иулий Цезарь завидовал славе Александра Великого, равно как Александр славе отца своего Филиппа. Пример второго: Фридерик цесарь⁶ несчастливее был в реке Цидне, нежели Александр Великий: ибо сей, умывшись в ней, только разболелся, а онъй живота лишился. Пример третьего: войну удобнее начать, нежели к концу привести.

§ 22

Сие описание риторических мест показано здесь вкратце только для одного истолкования оных; употребление и польза их предлагается в следующих главах. В правилах риторических причитается обыкновенно к местам изобретения определение, которое я оттуда выключил: для того что логические точные определения состоят из рода и свойств главных самой определяемой вещи, которые показаны бывают в местах риторических того имени, и, следовательно, такое определение не можно почестъ за особое место, но за идею, сложенную из идей, происшедших от рода и свойств. Сие же должно рассуждать и о наклонении, которое также в иных Риториках за особое место признается. Риторические определения надлежат до украшения, и для того о том предлагается в третьей части Риторики. Примеры от уравнений не разнятся. Молва людская надлежит к жизненным свойствам (§ 9 и 5), свидетели до признаков (§ 17), закон, присяга, пытка надлежат особливо до судебных речей, о чем смотри в разделении втором. Сии шесть последние называются от авторов внешними местами, без довольного основания.

Глава вторая

О ИЗОБРЕТЕНИИ ПРОСТЫХ ИДЕЙ

§ 23

Сочинитель слова тем обильнейшими изобретениями оное обогатить может, чем быстрейшую имеет *силу воображения*, которая есть душевное дарование с одною вещью, в уме представленную, вместе воображать другие, как-нибудь с нею сопряженные; например: когда представляем в уме корабль, с ним воображаем вместе и море, по которому он плавает, с морем бурю, с бурей волны, с волнами шум в берегах, с берегами камни и так далее. Сие все действуем силою воображения, которая, будучи соединена с рассуждением, называется *остроумие*.

§ 24

Отсюда видно, что чрез силу воображения из одной простой идеи расплодятся могут многие; а чем оных больше, тем и в сочинении слова довольнее будет изобилия. Сие душевное дарование хотя многие имеют от природы велико, однако оно не всегда и не во всяком случае надежно; для того в споможение оного должно здесь предложить некоторые правила.

§ 25

Материя, сочинителю слова данная, обыкновенно бывает сложенная идея, которая называется *тема*. Простые идеи, из которых она составляется, называю *терминами*. Например, сия тема: *неусыпный труд препятства преодолевает* имеет в себе четыре термина, *неусыпность*, *труд*, *препятства* и *преодоление*. Предлоги и другие вспомогательные части слова за термины не почитаются.

§ 26

От терминов темы произведены быть могут чрез силу воображения (по § 23 и 24) многие простые идеи, которые разделяю на *первые*, *вторичные* и *третичные*. Первыми называю те, которые от терминов темы непосредственно происходят; вторичными, которые от первых; третичными, которые от вторичных идей рождаются. Например: в предложенной (§ 25) теме *неусып-*

ность есть термин, от которого рождаются непосредственно первые идеи: 1) *утро*, что неусыпной человек рано встает; 2) *вечер* и *ночь*, в которые он не спя в трудах упражняется. Вторичные идеи, которые от первой, *утро*, происходят, суть *заря*, *скрывающиеся звезды*, *восходящее солнце*, *пение птиц* и прочая. Третичные идеи, которые от вторичной, *заря*, рождаются, суть: *багряной цвет*, *сходство с некоторою округлою дверью* и прочая.

§ 27

Чтобы в собирании первых, вторичных и третичных идей не по одной воображения силе просто поступать, для того должно наблюдать следующие правила: 1) все термины, которые тема в себе имеет, написать особливо; 2) к каждому термину приискывать первые идеи из мест риторических и приписывать к ним особливо одну от другой в нарочитом расстоянии, чтобы вторичным и третичным места осталось; 3) к первым идеям приискывать и приписывать вторичные, к вторичным, ежели надобно, третичные из тех же мест; 4) ежели которое место в рассуждении какого термина неплотно, то можно миновать, как в *неусыпности* *материальные свойства* и *знаменование имени*; 5) должно смотреть, чтобы приисканные идеи приличны были к самой теме, однако не надлежит всегда тех отбрасывать, которые кажутся от темы далековаты: ибо оне иногда, будучи сопряжены по правилам следующей главы, могут составить изрядные и к теме приличные сложенные идеи. Для лучшего изъяснения сих правил предлагаем в пример вышеупомянутую тему: *неусыпный труд препятства преодолевает*, с изысканием и присовокуплением к каждому термину идей первых и вторичных из мест риторических. Третичные ради краткости оставляются.

§ 28

К первому термину, *неусыпность*, первые идеи присовокупляются: 1) от жизнен-



ных свойств *надежда* о воздаянии, *послушание* к начальникам, *подражание* товарищам, *богатство*, которого неусыпный желает, или *честь*, которая его побуждает, 2) от времени *утро*, *вечер*, *день*, *ночь*, 3) от подобия *течение реки*, которому неусыпность подобна, 4) от противного *леность*, 5) от несходственного *гульба*. Ко второму термину, *труд*, первые идеи прилагаются: 1) от жизненных дарований *сила*, 2) от действия *начало*, *середина* и *конец* труда, 3) от последующего *пот*, *упокоение*, 4) от подобия *трудолюбие пчел*. К третьему термину, *препятства*: 1) от жизненных свойств *страх*, 2) от времени *зима*, *война*, 3) от места *горы*, *пустыни*, *моря*. К четвертому термину, *преодоление*: 1) от жизненных свойств *радость*, 2) от последующих *воспоминание* *прежних трудностей*.

§ 29

К сим первым идеям присовокупляются вторичные, к надежде

1) от рода и вида другие страсти, как *любовь*, *желание*, 2) от действия, *ободрение*, 3) от последующего, *исполнение*, 4) от противных, *отчаяние*, 5) от подобия, *сон*. К богатству 1) от частей, *золото*, *камни дорогие*, *дома*, *сады*, *слуги* и прочая, 2) от знаменования имени, что от слова *бог* происходит, 3) от действия, *что друзей много достает*, 4) от происхождения, *что от своих трудов происходит*, 5) от противных, *убожество*. К чести 1) от действия, *свободный доступ к знатым*, 2) от жизненных свойств, *власть*, *похвала*. К утру 1) от действия, *возбуждение людей*, *скрытие звезд*, 2) от частей, *заря*, *восхождение солнца*, 3) от обстоятельств, *пение птиц*. К вечеру 1) от свойств материальных, *темнота*, *холод*, 2) от обстоятельств, *роса*, *звери*, *из нор выходящие*. Ко дню 1) от материальных

свойств, *теплота*, *свет*, 2) от обстоятельств, *шум*, *взирание на праздных*. К ночи 1) от жизненных свойств, *дремота*, 2) от обстоятельств, *молчание*, *луна*, *звезды*. К течению реки 1) от свойств материальных, *быстрина*, *жидкость*, *прозрачность*, 2) от содержащего, *берега*, от содержимого, *суда*, *рыбы*, 3) от действия, *омытие*, *напоение*. К гульбе 1) от жизненных свойств, *веселье*, 2) от времени, *весна*, *ясные дни*, 3) от места *сады*, *луга*, 4) от обстоятельств, *игры*, *свидание с приятелями*. К силе от уравниения, *Сампсон*, *Геркулес*⁵. К пчелам от действия, *летание по цветам*, *собираание меду*. К страху 1) от материальных свойств, *бледность*, *трясение членов*, 2) от подобия, *трепещущиеся листья в осень от бури*. К зиме 1) от свойств материальных, *снег*, *мороз*, *град*, 2) от действия, *дерева*, *лишенные листов и плодов*, 3) от происхождения, *отдаление солнца*. К войне 1) от свойств жизненных, *лютость неприятелей*, 2) от действия, *инструменты*, *мечи*, *копья*, *огонь*, *разорения*, 3) от следующих, *слезы разоренных*. К горам 1) от свойств материальных, *вышина*, *крутизна*, *расселины*, *пещеры*, 2) от обстоятельств, *ядовитые гады*, *животные*, которые в горах бывают. К пустыням 1) от частей, *леса*, *болота*, *пески*, 2) от жизненных свойств, *скука*, 3) от обстоятельств, *разбойники*, *звери*. К морям 1) от действия, *непостоянство*, *волнение*, 2) от места содержащего, *камни*, *пучины*. К радости 1) от действия, *восклицания*, *плескания*, 2) от подобия, *прохлаждение после зноя*. К воспоминанию от обстоятельств, *извещение приятелям* и *увеселение оных*, *печаль недругов* и *зависть*.

§ 30

Все сии идеи для яснейшего понятия представляются в следующей таблице:

Термины	Первые идеи	Вторичные идеи
	Надежда Послушание Подражание	(Другие страсти, любовь, желание), ободрение, исполнение, отчаяние, как сон.
	Богатство	Золото, камни дорогие, дома, сады, слуги, бог, друзья, от своих трудов, убожество.
	Честь	Доступ до знатных, похвала, власть.
	Утро	Возбуждение, скрытие звезд, заря, восхождение солнца, пение птиц.

Неусыпность	Вечер	Темнота, холод, роса, звери, из нор выходящие.
	День	Теплота, свет, шум, взирание на праздных.
	Ночь	Дремание, молчание, луна, звезды.
	Река	Быстрина, жидкость, прозрачность, берега, суда, рыбы, омытие, напоение.
	Леность Гульба	Веселие, весна, ясные дни, сады, луга, игры, свидание.
Труд	Сила	Сампсон, Геркулес.
	Начало, середина и конец Пот Упокоение	
	Пчелы	Летание по цветам, собираение меда.
Препятства	Страх	Бледность, трясение членов, как листья от ветра в осень.
	Зима	Мороз, снег, град, дерева, лишенные плодов и листов, отдавление солнца.
	Война	Лютость неприятелей, мечи, копья, огонь, разорение, слезы разоренных.
	Горы	Вышина, крутизна, расселины, пещеры, ядови- тые гады.
	Пустыни	Лесы, болота, пески, скука, разбойники, звери.
	Моря	Непостоянство, волнение, камни, пучины.
Преодоление	Радость	Восклидания, плески, как прохладение после зноя.
	Воспоминание	Извещение приятелям, их увеселение, печаль и зависть недругов.

§ 31

В сем примере хотя только первые и вторичные идеи, и те из немногих мест риторических к терминам приложены, однако ясно видеть можно, что чрез сии правила воображение человеческое иметь может великое вспоможение и от одного термина произвести многие идеи. Для того учащимся риторики должно упражняться часто в приискании оных из риторических мест по данным правилам (§ 27), чтобы им увеличить свою силу воображения, которая в красноречии много может.

§ 32

О речениях, которые показанным образом собирать должно, не рассуждаем здесь как еврейские учителя, которые в книге, Зоар называемой⁶, словам без всякого основания приписывают некоторую потаенную

силу, от звезд происходящую и действующую в земных существах, и не принимаем их в таком разумении, как Руцелин, некто агличанин, который помянутому древнему раввинскому заблуждению учил нечто подобное в двенадцатом веку, утверждая, якобы в познании имен содержалось познание самых вещей, отчего произошла между учеными новая секта, которой последователи назывались *именники* (Nominales), и произошли оттуда в Париже у студентов великие распри и кровопролития с теми, которые держались противного мнения и назывались *вещественники* (Reales)⁷. Мы учим здесь собирать слова, которые не без разбору принимаются, но от идей, подлинныя вещи или действия изображающих, происходят и как к предложенной теме, так и к самим себе некоторую взаимную принадлежность имеют, что окажется чрез приличное оных сопряжение в следующей главе.

Глава третья

О СОПРЯЖЕНИИ ПРОСТЫХ ИДЕЙ

§ 33

Сложенные идеи состоят из двух или многих простых идей, между собою сопряженных и совершенный разум составляющих (§ 4). И так, когда кто хочет соединить две простые идеи в сложную, то не довольно, чтобы их связать каким ни есть союзом, как *надежда* и *ободрение*, ибо в сем соединении нет совершенного разума: но должно между ими положить какое-нибудь взаимное соответствие. Например: *надежда есть ободрение*. А ежели сложенная идея состоит из многих простых, тогда нередко сопрягаются иные из них союзами и предложениями, например: *богатство и честь суть побуждения к трудам*.

§ 34

Таким образом сложенные идеи логически называются *рассуждениями*, а когда словесно или письменно сообщаются, тогда их *предложениями* называют. Имеют две части, *подлежащее* и *сказуемое*. Оное значит вещь, о которой рассуждаем, а сие показывает самое то, что рассуждаем о подлежащем. Так в рассуждениях (§ 33) *надежда есть ободрение* и *богатство, и честь суть побуждения к трудам*, *надежда* и *богатство*, и *честь* суть подлежащие, а *ободрение* и *побуждение к трудам* суть сказуемые. Глагол существительный *есть* или *суть* называется *связка*, которою подлежащее и сказуемое сопрягаются. Она часто в разных случаях потаенна бывает, как: *богатство и честь побуждают к трудам*. И посему называются такие предложения *косвенными*, которые, однако, можно привести в чистые логические, изобразив сказуемое чрез иную часть слова: например, в сем предложении *огонь горит* глагол перемены в причастие и приложи связку, будет *огонь есть горящий*, где подлежащее, сказуемое и связка изображены явственно; хотя в русском языке сия речь не свойственна.

§ 35

Предложения разделяются на *утвердительные* и *отрицательные*. В утвердительных сказуемое приписывается к подлежа-

щему, например: *человек есть животное словесное*: ибо *жизнь* и *словесность* в сем предложении как сказуемое приписывается к подлежащему *человек*. В отрицательных сказуемое от подлежащего отъемлется, например: *человек не вечен*.

§ 36

Утвердительные и отрицательные предложения бывают *общие* и *особенные*; общие суть те, в которых сказуемое приписывается или отъемлется подлежащему как роду, например: *всяк человек есть смертен*; особенные, в которых сказуемое приписывается или отъемлется подлежащему как виду, например: *Семпроний есть великодушен*.

§ 37

Простые идеи, к терминам темы приисканые, должно сопрягать одну с другою, как подлежащее и сказуемое, и так составлять предложения утвердительные или отрицательные, общие или особенные. В пример сему предлагается сопряжение простых идей, приисканных к теме, которая во второй главе предложена: *всяк ободренный надеждою день и ночь неусыпно трудится; не взирает на веселье гуляющих; желание богатства придает ему Геркулесову силу; волнение и непостоянство моря в отчаяние его не приводит*. Из сих предложений первое есть утвердительное общее, второе общее отрицательное, третье утвердительное особенное, четвертое особенное отрицательное. Идеи, которые в них соединены, суть *ободрение*, *надежда*, *день*, *ночь*, *веселье*, *гуляба*, *желание*, *богатство*, *Геркулес*, *сила*, *волнение*, *непостоянство*, *отчаяние*.

§ 38

Термины самой темы в некоторых приличных местах необходимо должны быть вмещены с приисканными идеями, как в сих примерах *неусыпность* и *труд*. Также не должно отвергать и тех идей, которые при сопряжении приисканных сами собою на ум приходят, ежели оне приличны, как в тех же примерах о *приведении* и *придавании*.

§ 39

Простые идеи подлежащего и сказуемого соединяются в разуме общем или особенном, утвердительном или отрицательном 1) чрез взаимное действие и страдание, например: *весенние ясные дни отзывают неуспяного человека от трудов*, 2) чрез разные падежи, которыми существительные имена по грамматическим правилам сложены бывают: *любящий похвалу не боится лютости неприятельских мечей*, 3) чрез пристойные предлоги: *холод от падающей в ночь росы и пот от дневного зноя трудолюбивые равно сносят*, 4) чрез пременение частей слова, как в примере второго правила имя *любовь* переменено на причастие *любящий* и в примере третьего правила существительное *день* переменено на прилагательное *дневной*, чтоб сложить их с речениями *похвала* и *зной*, 5) чрез союзы соединения и разделения: *поощренною надеждою ни сияющее во дни солнце, ни в ночи луна и звезды праздна не видят*, 6) чрез союзы противительные: *старые люди не себе, но детям своим деревья насаждают*, 7) чрез союзы недоуметельные: *злбный человек явно или тайно вредить желает*, 8) чрез союзы выключительные: *ласкатели кроме вреда ничего не приносят*.

§ 40

Сопряжением простых идей составленные предложения называются по-риторически *периодами*. Которые ежели когда полагаются в слове без такой взаимной принадлежности, которая разум одного связывает с разумом другого, то называются *одночленными*, например:

Доброе начало есть половина всего дела.

Доброй конец все дело венчает.

§ 41

Одночленные периоды могут в себе иметь 1) одно подлежащее и одно сказуемое, 2) много подлежащих и одно сказуемое, 3) одно подлежащее и много сказуемых, 4) много подлежащих и сказуемых. Пример первого суть два периода (§ 40). Пример второго:

Молодых людей нежные нравы, во все стороны гибкие страсти и мягкие их и воску подобные мысли добрым воспитанием управляются.

Пример третьего из Цицероновой речи за Лигария:

Мы учились в одном доме, в поле были товарищи, потом свойством соединились и всегда верную дружбу между собою имели.

Пример четвертого:

Роскошь и праздность, как два сосца всех пороков, вливают под видом сладости бедственную язву в душу и тело, наносят несносные оскорбления, бедность и смертоносные болезни.

§ 42

Когда два или многие предложения будут между собою иметь взаимную принадлежность, которая разум одного связывает с разумом других, в таком случае период называется *двучленный*, ежели два, *тричленный*, ежели три, *четыречленный*, ежели четыре предложения помянутым образом связаны. Примеры двучленного периода:

Чрез добрые дела заслужить можно честь, получить богатство и бессмертное по себе имя оставить; для того должно удаляться пороков и добродетели держаться, как вожда к благополучию.

Хотя четвертую часть света Америку пространным Океаном от нас натура отделила, однако рачению и отважности человеческой чрез все бывающие в нем опасности путь открылся.

Кто хочет большим быть,

Тот должен всем служить.

Примеры тричленных:

Ежели бы небо благоволило, чтобы человек препровождал жизнь свою безбедно, то бы он своего счастья не мог чувствовать.

Хотя когда небо ясно и море безмятежно, однако искусный кормщик бодрствует, равно так, когда оно сильною бурю возмущенно.

Кто, справедливой похвалы желая, ищет премудрости, тот прежде всего в сердце своем положить должен, чтобы он всею мыслию своею Всевышнего Творца почитал и боялся.

Примеры четырехчленных:

Кто благодеяния не помнит, тот не только оно не достоин, но равно так оставлен быть должен, как неплодная земля презренна бывает.

Ежели бы ты с довольным вниманием и отряси от мысленного зрения мгу страстей рассмотрел, коль пременно есть и ненадежно льстивое счастье, то бы ты вяще оно отвергался, бегал и гнушался, нежели ты доныне прилагал рачение к снисканию оно.



Ломоносов. Акварель XIX в.

§ 43

Сих четырех родов периоды называются *круглыми* и *умеренными*: для того что их члены, также подлежащие и сказуемые величиною не много разнятся. Но ежели в периодах части, то есть члены, или в членах подлежащие и сказуемые будут очень неравны, то называются *зыблющимися*, каковы суть следующие:

Смотреть на роскошь преизобилующей натуры, когда она в приятные дни наступающего лета поля, леса и сады нежною зеленью покрывает и бесчисленными родами цветов украшает, когда текущие в источниках и реках ясные воды с тихим

журчанием к морям достигают и когда обремененную семенами землю то любезное солнечное сияние согревает, то прохлаждает дождя и росы благорастворенная влажность, слушать тонкий шум трепещущихся листов и внимать сладкое пение птиц есть чудное и чувства и дух восхищающее увеселение⁸.

В сем одночленном периоде многим подлежащим, которые распространены прилагательными именами и идеями, чрез возносительные части слова к оным присовокупленными, приписано одно сказуемое; а в следующем двучленном первый член много больше второго:

Как лютый мраз весна прогнавши,
 Замерзлым жизнь дает водам,
 Туманы, бури, снег поправши,
 Являет ясны дни странам,
 Вселенну паки воскрешает,
 Натуру нам возобновляет,
 Поля цветами красит вновь;
 Так ныне милость и любовь
 И светлый дщери взор Петровой
 Нас жизнью оживляет новой⁹.

§ 44

Таким образом периоды возрастают иногда очень велики; и некогда имеют больше четырех членов. Напротив того, в иных случаях, или и всегда, по разному сродству и сложению авторов, речь состоит из весьма коротких и по большей части одночленных периодов, в которые могут переменены быть долгие чрез отъятие союзов. Такие периоды называются *отрывными*, каковыми писано следующее против Парразия, некоего афинейского живописца, которой, по разорении Олинфа¹⁰, учиненном от Филиппа, царя македонского, купил себе плененного в том городе старого человека, привел в Афины и, распялив, мучил бесчеловечно, чтобы с него изобразить своим художеством Прометея, от Зевеса связанного и растерзанного на горе Кавказской, которую картину написав, поставил он после в храме Минервы:

Несчастливый старичок видел опроверженное и разграбленное свое отечество, отнят был от жены, стоял на пепле сожженного Олинфа. Уже тогда довольно был он прискорбен, чтобы, смотря на него, изобразить Прометея. Кто бы, желая представить живописью сокрушение корабля, нарочно для того потопил человека? Бил; однако мало показалось! жег; и того недовольно! терзал; но сие довольно, говорил он, гневному Филиппу, а не гневному Зевесу. Уже от Минервина храма бегают как от полков македонских. Уже умучен! чего и Филипп не сделал. Умерщвлен! но не Прометей от Зевеса. Кто уже ныне будет жаловаться на Филиппа? Да погубят тебя боги, беззаконник: ты и Филиппа милостивым сделал.

Также из коротких периодов состоят и следующие стихи:

Уже врата отверзло лето.
 Натура ставит общий пир.

Земля и сердце в нас нагрето.
 Колеблет ветви тих зефир,
 Объемлет мягкий луг крылами.
 Крутится чистый ток полями.
 Брега питает тучной ил.
 Листы и цвет покрылись медом.
 Ведет своим довольство следом
 Поспешно красный вождь светил.¹¹

§ 45

В составлении периодов некоторые учат полагаться много на союзы, которыми члены их соединены бывают, рассуждая, что по ним предлагаемые разумы яснее изображены и украшены быть могут. Но сие от искусных почитается за самую глечу: ибо что может то пособить, ежели и расположить союзы, например: *хотя, однако не только, но и, ежели идеи в них не вместны или еще и не приисканы?* А когда их довольно изображено, то уже союзы сами собою найдутся. К тому же по предписанным союзам идеи располагать весьма опасно: ибо часто от того происходят принужденные и ложные рассуждения.

§ 46

Также и при сопряжении простых идей не должно себя излишно принуждать, чтобы они только по предложенным (§ 27) (ради одного почти примеру) правилам сопряжены были, но, последуя здравому рассуждению (которое одно только в сем случае действительно), надлежит стараться, чтобы из соединения оных происходили натуральные и с разумом согласные мысли, а не принужденные или ложные и вздорные. Сего убежать тот весьма не может, кто не имеет довольного природного рассуждения, логикою подкрепленного, которая после грамматики есть первая предводительница ко всем наукам. И для того предлагаемые в сей книге правила на ней основаны и употребляемых в ней здесь нужных терминов сила истолкована.

§ 47

Учение о периодах предлагается здесь, поскольку они суть сложенные идеи. О украшении и расположении оных следует во второй и третьей части сего разделения.

Глава четвертая

О ПОПОЛНЕНИИ ПЕРИОДОВ И РАСПРОСТРАНЕНИИ СЛОВА

§ 48

Распространения риторические суть присовокупления идей к кратким предложениям, которые их изъяснить и в уме живом представить могут. И посему риторические распространения не должны быть пустые собрания речений, мало или ничего к вещи принадлежащих, которые больше разум отягощают и отнимают краткого слова ясность.

§ 49

Предложения логические в рассуждении совершенного разума суть то же, что у риторов периоды (§ 34 и 40). И как когда к предложениям присовокупляются идеи для явственнейшего оных воображения в уме, то и периоды приполняются. И посему распространения риторические включают в себе и пополнение периодов.

§ 50

Распространений суть два рода, *умножительный* и *увеличительный*. Оба в том сходны, что слово распространяют; но тем разнятся, что первое больше расширяет и служит к пополнению периодов; второе придает ему притом больше важности. Однако увеличительное распространение разнится от *возвышения слова*; ибо сие возносит, а оное наполняет; сие придает силы, а оное изобилия; сие устремляет, а оное разливает; возвышение больше от украшения, а увеличительное распространение от изобретения зависит.

§ 51

Умножительное распространение пополняет слово, а не надувает или растягивает. В сем погрешают многие из новых сочинителей, когда, забыв меру, принуждают себя, чтобы распространить слово. Никакого погрешения больше нет в красноречии, как непристойное и детское, пустым шумом, а не делом наполненное многословие, например:

Ни единой беды нет, о которой бы рассуждал премудрый, чтобы оной убежать для пользы отечества. Кто рассуждает здраво, тот не будет думать, чтобы от какого-нибудь злоключения удалиться надлежало для благосостояния общества, но всегда в таком мнении останется, что за отечество в самую крайнюю напасть тщательно вступить должно¹².

Таковые распространения искусному слуху весьма скучны и несносны и разве тем только показаться могут, которые любят, чтобы им об одном десятю сказывали. Подлинного умножительного распространения правила и примеры в следующих предлагаются.

§ 52

Увеличительное распространение происходит от подробного предложения избранных идей, к самой вещи надлежащих и важностью своею слово обогащающих. Таковыми распространениями изобилуют великие древние ораторы, из которых несколько примеров здесь сообщаются.

1) Из святого Григория Назианзина¹³:

Ладья с единым священником в море опускается не за беззаконие, но за веру; не для избавления, но для гибели его. Но он имел ум благочестием утвержденный и радостью ободренный. С ним в сообществе огонь путешествует, и новостью мучения безмерно радуется гонитель. О, коль тяжкое и горестное позорище! ладья несется по морю: зрителей множество на брег стекается, то веселящихся, то плачущих. Как могу я сие изобразить кратко и зрению представить? Огонь возжигается, ладья с пловцом своим сгорает. Огонь с водою соединяется, и противные вещи согласуются на мучение благочестивого мужа. Две стихии едино тело разделяют, и новым и неслыханным образом пламень по водам странствует.

2) Златоуст¹⁴ святыи о том, что всяк сам себе вредит:

Ныне, отняв ларву, гнусное лице блудницыно откроем. Такова есть жизнь, поверженная в роскошь, в честь и богатство, бесчестна, скверна, беззакониями и скредством исполнена, досадна, тяж-



Иоанн Златоуст

ка и многими огорчениями угнетаема. И сие самое есть, что услажденным любовью жития сего всякое прощение отъемлет. Ибо голекими злоключениями исполненного желают и тщательно ищут, исполненного смертными бедами, стремнинами, пропастьми и волнениями, убийствами, страхом, завистью, беспрестанным попечением и скукою. Ищут, что никакого воздаяния, никакого плода за толикие труды не приносит; но только казнь и вечное мучение.

3) Там же:

По чему конь добрым называется, по золотым ли броздам и подпругам, по тканым ли из шелку и золота покровам, по узде ли, дорогими камнями украшенной, и по гриве, переплетенной золотом? или по скорости его бежания, по крепости бедер, по копытам, доброго коня достойным, по замаши-

стой выступке, и чтобы он имел крепость, довольную к войнам и долговременному путешествию, и всадника своего в сражении и в бегу сохранить мог? не ясно ли видим, что в сих, а не в оных состоит конская доброта (и прочая). Что ж есть и человеческая добродетель? не золото и серебро, чтобы бояться убожества, не здравие тела, чтобы страшиться болезни, не почтение от народа, чтобы опасаться бесславия, ниже жизнь сама собою без приложения намеренного конца, чтобы смерть тебе была ужасна, ни вольность, чтобы тебе убежать от порабощения; но прилежное рачение о истинном учении и честное житие.

4) Димосфен в первом слове на Аристогона¹⁵.

Ни к каким гражданским добродетелям не прикоснулся, чем бы мог разум свой украсить. Ни о честных художествах, ниже о земледельстве старается, ни вежества, ни общей пользы не причастен; но только по площади ходит как змей или скорпион, испустив жало, туда и сюда поглядывает, чтобы кому нанести вред или поношение, либо заразить кого каким-нибудь бедствием или хотя кого устрашить и тем себе корысть получить.

5) Цицерон в 7 слове на Верреса¹⁶.

Заключаются осужденные в темницу, казнь им узаконяется, но страждут и бедные их родители. Возбраняется доступ до детей их, возбраняется, чтобы дать им пищу и одежду. Сии отцы, которых видите, лежали при дверях, и бедные матери ночевали при входе темничном, от последнего объятия детей своих отлучены, которые ничего больше не просили, но только чтобы последнее дыхание сынов их принять позволено было. Приставлен был преторов спекулятор, страх и смерть товарищей и убийца граждан Секстий, которой от всех стенаний и горьких оскорблений известные приобретал корысти. Чтобы тебе, говорил он, войти, дай столько; чтобы ты первой пронес пищу, дай столько; чего никто не отказывал. Много ли за то, чтобы я одним ударом умертвил твоего сына? Что дашь, чтобы я недолго стал его мучить и умерщвлять многими ударами и чтобы он не, чувствуя великой болезни, умер? и за сие давалась мзда убийце! О, коль велика болезнь и нестерпима! О, коль великое и лютое злоключение! не жизнь, но ускорение смерти детей своих покупать родители принуждены были.

§ 53

Умножительные распространения состоят по большей части в приличных *приложениях*, которые бывают 1) *имена прила-*

гательные и причастия, как: *сильная рука, шумящий ветер*; 2) причастия, сочиненные с падежами своих глаголов, например: *поля, усаждающие надеждою жатвы земледельцев*; 3) существительные имена, с родительным падежом сочиненные, например: *натура дочери гремящего над нами и мать всех племен земных*; 4) наречия, как: *быстро смотреть, великодушно прощать*; 5) существительные с прилагательными, сочиненными со своими падежами, например: *в сей день, блаженная Россия, любезна небесам страна*.

§ 54

Таковые приложения изобретены быть могут из мест риторических: 1) от свойств материальных, *пространное море, долгий путь, твердо стоять, быстрый бег, кудрявая рося*; 2) от чувств, *румяная и благовонная роза, смрадный труп, горькая желчь, палящая зноем Абиссиния*; 3) от страстей: *любовно и весело беседовать, надежно удостоверить, Зефир кустов и роцей любитель, для гордости ненавистный Тарквиний*¹⁷; 4) от свойств и дарований жизненных, *прекрасный Авессалом, кроткий Давид*; 5) от действия и страдания, *молния, воздух рассекающая и устрашающая смертных*; 6) от места, *воздушный орел, Борей полночный житель*; 7) от времени, *страх и безмолвие nocturne, соловей весенний воспеватель*; 8) от происхождения, *роза дочь весны, злато, от недр Аравии происшедшее*; 9) от причины, *война, чаемою победою ободренная*; 10) от предыдущего и последующего, *заря-предводительница солнца, голод и мор войны следы*; 11) от признаков, *упоенные тучным илом берега открываются* (знак бывшего наводнения); 12) от уравниения, *серебра чистейший источник*; 13) от подобия, *камню подобное твердостью постоянство*; 14) от противных, *слезы печальная в несчастии отрада*.

§ 55

Периоды пополняются еще чрез повторения, однозначенательные речения, наращенные и другие фигуры, в речениях состоящие; однако оне больше надлежат до украшения, и для того должно о том смотреть во второй части. Увеличительные распространения изобретаются только в одних местах риторических следующим образом.

§ 56

От рода и вида распространяется слово, 1) когда, хотя говорить о виде, прежде предложишь о роде, под которым он содержится. Так молодой Плиний в начале своего слова похвального Траяну, римскому императору, говорит.

Кое божье дарование краснейшее и превосходнейшее быть может, как непорочный и святой и богам подобный государь? Ежели бы еще сомнительно было, по случаю ли и ненарочно или от бога земные обладатели даются, однако о нашем государе явно, что он от бога поставлен.

2) Когда вместо рода будешь исчислять знатнейшие виды, например:

Вылетают роем пчелы в поле, нападают на лилии, с фиалок сладость собирают, белой воск с нарцисса похищают, и колючим тернием роза румянцу своего защитить не может, сосут приятную влажность из пионов и сладкую росу пьют с малины.

Подобным образом Овидий в десятой книге о превращениях¹⁸ вместо рода исчисляет разные виды дерев, которые приходили Орфеевой музыки слушать.

§ 57

От целого и от частей слово распространить можно, когда, во-первых, предложишь целое с общими его свойствами, до всех частей вместе с надлежащими, а потом главные и знатные его части особливо; так ежели кто хочет распространенно представить великий и прекрасный город, тот может изобразить сперва его обширность, красоту, положение, множество народа, а после того знатнейшие части, как стены, церкви, великолепные дома, улицы, площади и разные публичные строения. В пример служить может распространение от целого и частей из Аристидова описания города Смирны¹⁹:

Во-первых, стоя при море, всегдашнею красотою процветает, и аки бы не был он создан помалу, но вдруг из земли выступил. Обширность получил не по нужде или по случаю, но везде пространен и себе подобен и величиною красоту свою умножает. Не можно сказать, чтобы многими разметанными городами казался, но един многим равен. Что же увидишь, когда на замок взойдешь? Увидишь разливающееся кругом море и пристающие предместья, и так город, с ними смешанный, тремя приятнейшими позорищами взор увеселя-

ет. Невозможно нигде остановить ока, но каждая часть, как разными камнями испещренное ожерелье, к себе привлекает. Когда к замку спустишься, придешь на восточную сторону и сперва прекрасный храм покровительницы богини увидишь. Но что последует, того и престарелый человек легко припомнить не может. Ибо все до самого берегу сряду гимназиями, площадями, театрами, пристанями и другими великолепными украшениями, чрез натуру и художество устроенными, наполнено, и ничего нет, что б не удивительно или не полезно было. Такое множество купелей, что всяк по желанию своему в любой умыться может. Площади для бегания конского в середине и по краям города одна другой великолепнее. Фонтанов столько, как домов или еще больше. Против площадей улицы одна другую накрест пересекают, чтобы яснее быть им от солнца освещенным. Сие представляет много городов одному целому подобных.

Овидий описывает солнцев дом во второй книге о превращениях из того же места:

Поставлен на столпах высоких солнцев дом,
Блестит златом вокруг и в яхонтах горит,
Слоновый чистый зуб верхи его покрыл,
У врат на веревках сияет серебро.
Но выше мастерство материи самой:
Там море начертал кругом земли Вулкан²⁰,
И землю, и над ней пространны небеса.

§ 58

Материальные свойства служат к увеличительному распространению слова, 1) когда одна простая идея, много оных в себе заключающая, на них разделяется; 2) когда в одном материальном свойстве находящиеся разные виды или отмены предлагаются подробно. В обоих случаях не без пользы приложены быть могут действия или страдания, свойствам пристойные.

Пример первого правила:

Среди оных прекрасных лугов роща стоит, во все стороны равно распространенная; но обширность не препятствует видеть приятной ея порядок. Усумниться должно, сама ли натура в чудном смешении разных деревьев и в определении некоторого несовершенно округлого ея положения трудилась или упражнялось человеческое рачение. Низкие, но густыми ветвями, едва не до корени израстающими, обогащенные стебла стоят в близости с высокими и только одними кудрявыми вершинами выше прочих вознесенными. Тонкие,

но тучные леторасли обвиваются вокруг дебелых древ, и им питательную влагу сообщают, и себе от них взаимно подпор имеют. Но что, когда в середине сего земного рая вступишь? густая и нежная зелень, сметенная с румянностью, белизною, лазурью и желтостью злату подобною, разных цветов друг перед другом зрение к себе привлекают. С прохладностью тихого дыхания кротких зефиров соединенное благовоние, от трав врачебную силу на воздух изливающих, ослабевшие мысли, удрученные трудами члены и почти умерщвленные чувства восстановить, ободрить и оживить может. Плоды то созревающие, то ветви отягщающие, зрелым соком налившись, то с них падающие, то при корнях древ лежащие, сладостью своею трапезы небожителей достойные, между оными цветами рассеянные, весну, лето и осень воедино совокупляют. Но что приятное и слух улаждающее пение птиц, которое с легким шумом колеблющихся листов и журчаньем ясных источников раздастся? не дух ли и сердце восхищает и все суетным рачением смертных изобретенные роскоши в забвение приводит.

Примеры второго правила, в которых разные виды и отмены свойств материальных слово распространяют. Первый пример о пении соловья:

Коль великого удивления сие достойно! в толь маленьком горлышке нежной птички такое напряжение и сила голоса! Ибо когда вызван теплотою вешнего дня, взлетает на ветвь высокого дерева. внезапно то голос без отдыха напрягает, то различно перебирает, то ударяет с отрывом, то крутит кверху и книзу, то вдруг приятную песнь произносит, и между сильным возвышением урчит нежно, свистит, щелкает, поводит, хрипит, дробит, стонет. утомленно, стремительно, густо, тонко, резко, тупо, гладко, кудряво, жалко, порывно²¹.

Второй — о павлине:

Расширив хвост свой, разностью цветов гордится, когда они беспрестанно переменяются и приобретают тем новую приятность. Сие особливо бывает в прекрасных и радуге подобных кружках, которые он на конце каждого пера показывает. Ибо где прежде сверкали рубины, уже тут в малом наклонении золото блистает, с одной стороны лазурью, с другой багрянностью; на солнце жемчугом, в тени изумрудами взор увеселяют²².

По сему видно, что сии два правила служат в описаниях бездушных вещей, также и одушевленных, поскольку оне состоят из материи.

§ 59

Но жизненные свойства хотя надлежат только до одних одушевленных вещей, однако в увеличении слова чрез распространение весьма плодovitы, для того что их много больше, нежели материальных. Правила суть два и сходятся с предложенными (§ 58), то есть 1) к одному животному приписаны быть могут многие жизненные свойства; 2) вместо одного жизненного свойства предложены быть могут его степени или какие-нибудь отмены, либо действия с обстоятельствами. Степени бывают особливо явственны в страстях, например: в гневе *неудовольствие, негодование, огорчение, ярость*.

В пример первого правила предлагается псалом 14, предложенный на российские стихи.

1

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с Тобою населяет
Верх священный горних мест?

2

Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит
И нелестным сердцем точно
Как устами говорит.

3

Кто языком льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.

4

Презирает всех лукавых,
Хвалит вышнего рабов
И пред ним душою правых
Держится присяжных слов.

5

В лихву дать серебро стыдится,
Мзды с невинных не берет.
Кто так жить на свете тцится,
Тот вовеки не падет.

Примеры второго правила, из которых в первом похваляется великодушие, у Цицерона в слове за Маркелла²³:

Нет ни единой такой силы и такого множества, чего бы оружием и могуществом ослабить и сокрушить не можно было. Но победить дух, удерживать гнев, в победе быть умеренным, учинить сопричастником чести неприятеля, разумом или мужеством знатного, и не только поднять после повержения, но и увеличить прежнее его достоинство, таково есть, что учинившего сие не только сравняю я с великими мужами, но богам подобна быть рассуждаю.

2) Распространение о скупости из Златоуста о том, что всяк сам себе вредит:

Отчаянное некоторое бешенство, ярость необузданная, болезнь неисцелимая умы всех одержит. Сие любление (то есть злата) всю любовь, до конца угашенную и угнетенную, из души исторгает. Нет рассуждения ни о дружбе, ни о родстве; но что я дружбу и родство упоминаю? ни о жене, ни о детях. А сего что бы в жизни могло быть любезнее? Но все на землю повержено и погрязно бывает, когда свирепая сия и бесчеловечная пленников своих повелительница, как люта я мучительница, или некоторая суровая варварка, или всенародная блудница, все довольство обезображает, умерщвляет и бесчисленным бедам и мучениям подвергает ей служить в душе своей предпринявших. И хотя она ужасна, горька, лице имеет варварское или паче зверское, и волка и льва злейше, однако кротка и вожденна и меда сладчайшая пленникам своим кажется. Хотя еще на них кует мечи и оружие, копает пропасти, к стремнинам и камням приводит и к бесконечным казням сети сплетает, однако мыслят, что ею они блаженны.

§ 60

От знаменования имени распространяется слово, когда приложенного коим-нибудь образом (§ 10) имени представляются части, свойства или действия и страдания либо уподобления и идеи, из прочих мест риторических приисканные. Таким образом Цицерон во втором слове на Верреса, которой на латинском языке значит *вепрь*, свойства сего животного ему приписывает, упоминая, как он в свое имя праздник установил в Сицилии:

О преславный Верресский праздник! есть ли такое место, куда бы ты пришел не принес дни того? в которой дом или в которой храм ты вступил, которой бы остался не опровержен и не сотрен? истинно по справедливости называется сей праздник Веприной, и кажется, что он не только по твоemu имени, но и по натуре и по нравам твоим уставлен.

Подобным образом Марциал²⁴ в кн. 9, эпигр. 11, похвалит отрока Зарина, которое имя от весны производится.

О имя, купно с розами рождение!
Тобой зовется лета часть прекрасна,
Ты сладко, как цветы и мед иблейский
И как пресладкий нектар на Олимпе.
Тобою бы желал назваться отрок,
Зевесов виночерпец.

Произведенные идеи от сего места имеют в себе больше игранья в речениях, нежели силы. И хотя оне нередко бывают в слове пристойны, однако в их составлении надлежит поступать осторожно, чтобы не родились подлые и смешные в речениях игрушки, что нередко случается в именах, чрез преложение писмен (§ 10, прав. 3) произведенных, которые анаграммами называются.

§ 61

Действие и страдание суть обильнейший всех источник распространений. Без них и в прочих местах приисканные к распространению слова идеи почти мертвы и едва ли не единым их посредством оживляются, будучи сопряжены чрез них взаимным союзом, что видеть можно в предложениях выше и ниже сего примерах сея главы. Правила, которые учаг распространять слово от действия и страдания, суть следующие:

1) Когда одной вещи или многим приписываются разные действия, в одном или многих страждущих производимые или в их частях, свойствах или обстоятельствах, в происхождении, причине, времени или месте. Пример из 3 слова Цицеронова на Верреса:

Сей есть Апроний, которого во всей провинции Веррес, когда повсюду непотребнейших людей изыскивал и с собою водил многих себе подобных, почитал подобнейшим в непотребстве, в роскоши и в продерзости. И так в кратком времени не дело, не рассуждение, ниже чье похваление, но желаний скверное сходство обоих соединило. Вы знаете Верресовы злые и нечистые нравы; но представьте в уме кого-нибудь, ежели можете, чтобы во всех сих делах ему быть мог равен, во всех сластях и беззакониях. Таков был сей Апроний, который не только житием, но и телом и ли-

цом показывает, что он неизмеримое есть жерло и хлябь всех пороков и скверностей. Сего во всех блудодеяниях, сего в расхищении храмов, сего в нечистых пированьях имел главным; и сходство нравов имело такой союз и единодушие, что Апроний, который другим казался грубым варваром, ему виделся покоен и красноречив, и которого все ненавидели и видеть не хотели, он без того жить не мог; которого в пированьях иные отбегали, он с ним и пил из одних сосудов; наконец, гнусного Апрониева смраду из горла и от всего тела уже и скот, как сказывают, терпеть не мог, однако ему одному сладок и приятен казался. Он был ему на суде ближний, на постели товарищ, в пированьях хозяин.

2) Когда с действием описаны будут инструменты, вспоможения или воспящения по их частям, свойствам или обстоятельствам и прочая. Таким образом Василий Селевкийский²⁵ распространяет слово в описании единоборства Давидова с Голиафом:

Хотя сей есть воин (говорит Давид), а я в брани неискусен, но сие самое меня ободряет: ибо не на силу свою надеюсь, но со благодатью иду на сражение. Богу наносится поношение, то кто за него на брань не вооружится? самого бога, поношением раздраженного, помощником своим почитаю и злоречивый язык неприятельский в залог победы имею. Он тела величиною и бронями защищается; но я огражден бессмертным покровением. Он щит подставляет; но я неприятеля не ужасаюсь, против которого бог воюет. Небо будет щит мой. Давид бессилен, но крепок идущий с ним на брань. Давид есть отрок; но вечен, который по нем воюет, и прочая (потом следует). И когда Давид военным оружием по-царски вооружен был, являет ему бог, да оружия не приемлет при его помощи. Того ради оставляет оное оружие, как воспящение к победе, брони отменяет, шлем отвергает, отлагает щит и руку от копья испражняет.

3) Когда в действии представляется что удобное или неудобное, либо возможное или невозможное, или что из других к действиям присовокупляемых, о которых выше предложено (§ 11 на конце). В пример служить может следующее описание алчного Эрихтона²⁶ у Овидия в превращениях в книге 8.

Старается во сне свой голод утолить,
Но движет лишь уста и зуб на зубе трет,



Давид и Голиаф. Миниатюра IX в.

Он думает, что ест, но только льстится тем
И вместо пищи ветр глотает лишь пустой,
Но, как уже алчба отгнала сон его,
Почувствовал огонь на тощем животе
И тотчас просит все, что воздух и земля
И что родят моря; но голоден при всем.
Уж полные столы неполны перед ним,
Чем град доволен весь, он тем один не сыт.

4) Когда какое действие весьма обстоятельно предлагается, так что начало, середина и конец его весьма живо в уме изображаются, например:

Преклоняет колена и выю неповинный, меч возносится, блещет, на выю устремляется, ударяет, с жизнью кровь изливается, и трепещущий труп с бледною главою упадает.

§ 62

Приятные рождаются распространения слова от времени 1) количественного, когда лучшие и избранные части одного или обстоятельства, друг за другом следующие, действию или страданию, в оное бывающему, прилагаются, например: Пенелопа пишет к своему Уликсу, ожидая его по расхищении Трои, у Овидия в письме от героинь²⁷:

Уж Илион лежит, гречанкам ненавистный.
Едва того Приям и Троя стоит вся.
Други вожди пришли, дымятся олтари,
И отческим богам симойски жгут добычи,
Жены приносят дар, что здоровы их супруги.

В сем примере количество времени представляется обстоятельствами, друг другу следующими, как мерою измеренное, как и в следующем:

Уж солнышко спустилось
И село за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой.
Я в горькой скуке трачу
Прохладные часы...

и прочая.

Подобным образом время можно разделять на утро, день, вечер, ночь, весну, лето, осень, зиму, также по праздникам, по изменению луны и прочая и оных обстоятельствами наполнять слово.

2) От указательного времени распространяется слово, когда свойства и обстоятельства одного вдруг бывающие с действием или страданием соединяются, например описание зимы:

Миновала осень, и зима наступила; море союз с тишиною разрушило, и мореплаватели объемлют пристанище как свое надежное защищение, земледельцы к возжженному огню стекаются, и мравий в скважинах земных насыщается пищею, трудами своими приобретенною²⁸.

§ 63

От места распространяется слово

1) от проходимого, когда его знатнейшие части исчисляются, по которым или близ которых вещь проходит, с их свойствами или обстоятельствами. Причем должно наблюдать упомянутые предлоги выше сего (§ 13). Так Камуенс²⁹ в пятой песни своей героической поэмы пишет:

Нечувствительно потеряли мы верхи Синтра и других гор Португальских и кроме неба и моря ничего уже не видели. Вскоре усмотрели мы острова, обретенные вновь великодушным Генриком. По левую руку оставили берега мавританские, славные лютостию Антея-исполина. С правой стороны никакой земли не видно; однако уповают, что не всю западную частью света Нептун владеет, и думают, что там есть населенные места. Потомплыли мы подле берегу великой и нежной Мадеры, которая есть прекраснейшее из наших населений, лежащих по Океану, достойно, чтобы для смеющихся приятностями тамошних кустов богиня любви Амафунт³⁰ свой оставила. Массилийцы видели нас плывущих мимо пустынь, где их стада

пасутся, мимо пустынь знойных и неплодных, которых Помона сокровищем своим никогда не обогащает, и нимфы запрещают протекать прохладным водам своим.

2) От места одержимого, когда свойства и обстоятельства его с вещию или действием вместе предлагаются, где можно в споможение употреблять показанные предлоги и наречия места, например:

Счастлив тот народ, которого Геон напаяет чистую свою водою и сокровища от недр своих на брег ему извергает. Он видит круг себя излишество всех вещей, к препровождению жизни его потребных. Кротость воздуха, постоянною теплотою умеренного, не принуждает иметь попечения, чтобы искать разных одеяний и строить жилища, от мразу защищающие. Под единым листом беспрестанно зеленеющего великого древа без труда сыскать можно защищение от тамошних легких перемен неба. Но тем одним он несчастлив, что посреди преизобильных оных мест обитает вместе с ними нерадивость, мать всякого невежества и грубости.

§ 64

От происхождения распространяется слово, когда причины, вещь производящие, обстоятельно описаны бывают, например:

Посмеяния достойно есть дело возноситься драгим одеянием и прочими нарядами. Волну, которая наготу нашу покрывает, уже прежде нас глу-



Император Юстиниан со своей свитой.

С древней мозаики в городе Равенне



Годфри Неллер. Петр Великий. 1698 г. (слева)

Медаль на взятие Азова. 1697 — 1698 гг (справа сверху)

Наградной эмалевый портрет Петра I, украшенный драгоценными камнями.
Начало XVIII в. (справа внизу)



Иоганн Таннауэр.
ПЕТР I В ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ.
1724 г.

пое и боязливое животное овца на себе носила. Шелк, в котором толикого великолепия и убранства себе ищем, уже прежде того был дом презренного червя и ничем не благороднейшего паутины, от которой тоlikое отвращение имеем. И самый верх нашего кичения, золото, прежде того был песок, не только человеческими, но и скотскими ногами попираемый, или брение, всеми небрежимое.

Сюда принадлежат распространения от материи, из которой вещь составлена бывает. Кедрин³¹, описывая престол, от Иустиниана-императора в церкви Софии премудрости Божия поставленной, говорит:

Иустиниан-император повелел устроить вещь, никем не подражаемую; она состояла из золота, из серебра и разных родов дерев, камней, металлов и всякого рода вещей, которые земля и море рождает, но больше из дорогих, нежели из малоценных вещей собрал, и, стопив те, которые расплавляются, твердые соединил с ними и в престол сплавил, что многую своею разностию смотрящих в удивление приводило.

§ 65

Чрез собрание и предложение разных причин, для которых что есть или бывает, или чрез обстоятельное описание одной слово нередко у авторов распространено бывает, например, Амвросий³², в 3 кн., гл. 8, пишет:

Как уже колос поднимается, приуготовляются будущему плоду влагища некоторые, в которых зерна зачинаются, чтобы нежное их начало от стужи не повредилось, или не загорело от солнечного сияния, или бы лютостию ветров и насильством дождя не разрушилось. Следуют ряды зерен, удивительным искусством расположенные и видом приятные и к взаимному защищению натуральным союзом соединенные, которой провидением божьим устроен. И чтобы обильного плода тягостью подпор класов не отяготился, сами стебли долгими листьями, влагищам подобными, окружаются, дабы усугубленными силами бремя содержать могли и от тягости с ним на землю не склонились. Наверху класы острою осью ограждаются и оную как из некоего укрепления простирают против малейших птиц, чтобы они своим грызением зерн не расхищали и ногами не попирали.

§ 66

От предыдущих и последующих распространяется слово, когда много оных присо-

вокупаются к действию или страданию, поскольку они к тому принадлежат. Сие можно представить, 1) сравняя предыдущие с последующими, 2) изобразив предыдущие утвердительно, последующие отрицательно разумом или, напротив того, предыдущие отрицательно, последующие утвердительно, 3) или предложив разность предыдущих от последующих. Пример первого из Цицеронова слова, говоренного к римлянам по его возвращении:

Что приятнее всего от природы дано человеку собственных детей его? Мне свои, ради моего несходительства и ради остроты ума их, жизни моей дороже, но не были они с таким увеселением рождены, с коим ныне возвращены. Никому ничто не было столь приятно, как мне брат мой; однако я сие не так чувствовал, наслаждайся его сожитием, как тогда, когда я оного лишен был, а особливо когда вы меня ему и его мне возвратили. Пожитки свои всякого увеселяют; однако возвращенные от моих остатки больше мне радости ныне приносят, нежели прежде моего изгнания. Дружества, обхождения, соседства, заступления, также народные игры и праздники сколько утех имеют, познал я больше лишением оных, нежели наслаждением. Честь, достоинство, место, чин, благоденствия ваши хотя мне всегда преславными казались, но, ныне возобновленные, много пресветлее видятся, нежели когда бы они никогда мне не затмевались.

Пример второго о весне, после зимы следующей:

Светящий солнцев конь.
Уже не в дальний юг
Из рта пустил огонь,
Но в наш полночный круг.
Уже несносный холод
С полей не гонит стад,
Но трав зеленый цвет
К себе пастись зовет.
По твердым вод хребтам
Не вьется вихрем снег,
Но тщится судна бег
Успеть вослед волнам³³.

Пример третьего:

Троянских стен верхи уже во рвах лежат,
И где Приям судил, тут дики звери спят,
Трава и лес растет, где дома были сперва,
И пепел капищ зрит на месте жертв Минерва.

§ 67

Подробное представление избранных и лучших обстоятельств есть знатнейший способ к распространению слова и ясному вещи или действия изображению, что видеть можно в следующем описании великой бури из Маффея³⁴.

В обладание лютого Океана и ярых ветров больше дерзостью, нежели счастьем предводимы, вступили португальцы. Тогда пламенная комета, видом ужасная, чрез десять дней казалась. Потом, после частых перемен неба и моря, мрачные и гнусные облака, на севере собранные, аки бы все дыхание воздуха в себя втянули. Море спокойно было обманчивою тишиною. Плаватели, не зная места и погод, все паруса расправили, чтобы ветра захватить больше. Внезапно из помянутых облаков всем стремлением своим север пролившись, четыре корабля, у которых снасть не была в готовности к собранию парусов, опровергнул и потопил на виду у прочих, так что из толикого множества людей никто не спасся. Прочие корабли избавились, опустив вдруг раины, у иных паруса от ветра разодраны были, когда их опустить не успели. В таком ужасном позорище оставшиеся, почти духа лишены, иные сродников, иные любезных друзей своих тщетно зрением искали, но плакать о лишении оных не могли, собственный своя погибели страхом обуяны. Ибо упорным дыханием севера море взволновалось, волны то к небу возносились, то опускались к Тартару. Корабли, в крайнем опасении своего бедствия, друг о друга ударялись. К сему мрачная мгла, скрипение снасти, разные и несогласные повелевающих крики отняли употребление очей и слуха, и море само в день чернотию, смоле подобною, ночью огненным видом утешало.

§ 68

От признаков можно распространить слово, ежели они будут состоять во многих действиях или иметь будут разные части, свойства или обстоятельства, например:

Смелое и грозное лице, нахмуренное чело, суровый взгляд, скорое шествие, беспокойные руки, переменной цвет в лице, частое и стремительное дыхание довольно показывать, какова есть мать сих порождений, ярость.

Иногда самые свойства и действия как признаки предлагаются, будучи совокуплены с некоторым усомнением:

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны россам стены?
В Иранских жаждающих степях
Не сим ли персы низложены?
Он так взирал к врагам лицом,
Он так бросал за Белт свой гром,
Он сильну так возносил десницу,
Так быстрый конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу³⁵.

§ 69

Уподобление служит к распространению слова, 1) когда многие свойства, части или обстоятельства самой уподобляемой вещи и самого подобия между собою прилично снесенные предлагаются, например, Камуэнс говорит о своем герое:

Он устремляется от одного намерения к другому, тысячи разных мыслей объемлют его и колеблют, дух его не может установиться. Таким образом играющее дитя, оборотив к солнцу кристалловое зеркало, вертит по своему непостоянному легкомыслию. Отвращенные лучи быстро ударяют то в стену, то в кровлю, и, чуть успеют они блеснуть на одну вещь, уже устремляются осветить другую и вместе от ней отскакивают на иное место, однако и там не останавливаются.

Такое же подобие и в следующей строфе:

Ты суд и милость сопрягаешь.
Повинных с кротостью казнишь,
Без гнева злобных исправляешь,
Ты осужденных кровь щадишь.
Так Нил смиренно протекает,
Брегов своих он не терзает,
Но пользой больше прочих рек:
Своею тихою водою,
В брегах зеленых пролитую,
Златой дает Египту век³⁶.

2) Когда одна вещь двум или многим уподобляется, так Virgilий пишет о сожжении Трои, на которое смотрит Эней с верху своего дому, в «Энеиде», книга 2:

Как ниву лютый огонь снесает в бурный вихрь,
Или когда, с горы стремясь, река течет,
Терзает жатвы с поль, весенний труд волов,
И лес стремглав валит, стоящий на бугре,
Оцепенев, пастух не знает, что шумит.

§ 70

Сопряжение многих противных и несходственных распространяет слово с немалым увеличением, важностью и силою. Так Цицерон говорит против Катилины:³⁷

Кто может стерпеть, чтобы беспрочные на мужественных, пребезумные на премудрых, пьянствующие на воздержных, сонливые на бодрых коварно посягали?

И в слове за Помпея³⁸:

Разве вы можете предпочесть незнатных знаемых, неправедных праводушным, чужестранных домашним, сластолюбивых воздержным, наемных даровым, нечестивых благоговейным, неприятелей сего государства и его имени добрым и верным сообщникам и гражданам?

§ 71

Великую силу, важность и пространство слову придает уравниение, когда уравниваемая вещь и то, с чем она уравнивается, или которое-нибудь из них обстоятельно предлагается, например: Димосфен против Филиппа³⁹ во втором слове говорит:

Коль бы противно было олинфиям, ежели бы кто против Филиппа говорить стал в то время, когда он им Антенунт уступил, которой город все прежние македонские цари себе причитали? когда он им подарил Потидею и афинеиских переведенцев оттуда выгнал? когда он совсем объявил себя нашим неприятелем и к их пользе опростал завоеванные провинции? думали ль они тогда, что им таково будет? поверили ль, когда бы им кто наперед о том сказывал? никою мерю. Однако сделалось, что они, по кратком владении чужих земель, собственной своей на весьма долгое время лишились; когда они не только изогнаны и бесчестно побеждены, но и от своих Граждан преданы и проданы были. Что заключаю я из сего? сие, что великое дружество и уверенность с тиранами вольному народу отнюдь бесполезны.

И в первом слове против него же:

Вы с Филиппом воюете как искусные бойцы. Когда такового другой куда ударит, то протягивает он туда свою руку. Ежели его в другое место уметит, то и рука его тут же будет. А чтобы отвращать удары или напасть на своего противника, то-

го он не может и не хочет. Так и вы делаете: ибо когда вы слышите, что Филипп в Херсоне, то определяете вы туда послать вспомогательное войско; ежели он в Пилах, то и вы туда же идете; и буде он где в другом месте, то снова за ним нога за ногу последуете и ходите как солдаты за своим предводителем. Не имеете никогда полезного военного совета и ни о чем не стараетесь, пока не услышите, что уже беда близко или и подлинно вред учинился.

В сих двух примерах уравниваемое и то, с чем оно уравнивается, между собою равными представляются. А в следующих уравниваемое есть больше, нежели то, с чем оно уравнивается:

Сладка плодам во время зною
Прохлада влажные росы,
И сон под тенью древ густою
Приятен в жаркие часы;
Но вящшу радость ощущает
Мой дух, когда воспоминает
Российския отрады день.

Или:

Не так поля росы желают,
И в зной цветы от жажды тают,
Не так пособных ветров ждет
Корабль, что в тихий порт плывет,
Как сердце наше ожидало,
Чтоб к нам лице твое сияло⁴⁰.

§ 72

При распространении слова наблюдать надлежит, 1) чтобы в подробном описании частей, свойств и обстоятельств употреблять слова избранные и убегать весьма подлых, ибо оне отнимают много важности и силы и в самых лучших распространениях; 2) идеи должно хорошие полагать наперед (ежели натуральный порядок к тому допустит), которые лучше, те в середине, а самые лучшие на конце, так чтобы сила и важность распространения в начале была уже чувствительна, а после того отчасу возрастала и к концу была устремительна.

Глава пятая

ОБ ИЗОБРЕТЕНИИ ДОВОДОВ

§ 73

Предложив учение о изобретении и соединении идей и о распространении слова, должно показать, каким образом предлагаемую материю доказывать, в чем состоит сила и дело всего слова. Сего искать должно в риторических доводах или доказательствах, которые суть сложенные идеи, удостоверяющие о справедливости предлагаемой материи. От Цицерона доводы называются вероятными изобретениями для уверения. Но прежде нежели покажем правила к изобретению доводов, должно истолковать части и сложение оных из логики.

§ 74

Доводы состоят иногда из одного, иногда из многих *силлогизмов*, между собою сопряженных. *Силлогизм* составляется из трех рассуждений, из которых два первые называются *посылками*, а третье *следствием*, которое из посылок выводят. Посылки бывают 1) или обе общие, или 2) одна общая, а другая особенная, 3) обе утвердительные, или 4) одна утвердительная, а другая отрицательная. В первом случае следствие должно быть всегда общее, во втором всегда особенное, в третьем всегда утвердительное, в четвертом всегда отрицательное.

Пример первого и третьего:

Всяк, кто закон хранит, есть богу приятен.

Но всяк добродетельный закон хранит.

Следовательно, всяк добродетельный
есть богу приятен.

Пример второго и четвертого:

Всяк благоразумный рассуждает о будущем.

Но Семпроний не рассуждает о будущем.

Следовательно, Семпроний неблагоразумен.

Ежели обе посылки будут особенные или отрицательные, то ничего не следует.

§ 75

Прочие главные свойства прямого силлогизма состоят в наблюдениях *посредствующего термина*, которой не что иное есть, как причина самого следствия, например: в первом силлогизме посредствующий термин есть *закон хранит*, во втором *рассуждает о будущем*. Оные наблюдения суть следующие: 1) посредствующий термин не должен быть никогда в следствии, 2) ему надлежит быть в каждой посылке по одной, 3) в одной посылке должно ему быть общим, а в другой особенным. Сие познается потому, что общим бывает он всегда в подлежащем общих предложений и в сказуемом отрицательных, особенным бывает всегда в подлежащем особенных и в сказуемом утвердительных предложений.

§ 76

Часто бывает, а особливо у сочинителей слова, что от силлогизма отъемлется одна которая-нибудь посылка, и следствие из другой наводится, например:

Всяк, кто закон хранит, есть богу приятен.

Следовательно, всяк добродетельный
богу приятен.

Или:

Всяк добродетельный закон хранит.

Следовательно, всяк добродетельный
богу приятен.

Семпроний не рассуждает о будущем,
Следовательно, он неблагоразумен.

Сим образом сокращенные силлогизмы называются *энтимемами*.

§ 77

Сверх сего бывают силлогизмы ограничены *условием* или *разделением*; в первом случае служат союзы: *ежели, когда бы, если* и прочая, во втором *или, либо*. Первым образом ограниченные силлогизмы называются *условными*, вторым *разделительными*, а



Стенопись в пантикапейских подземных гробницах с изображением скифских воинов

которые никакой ограниченности не имеют, те называют *положительными*, каковы суть вышеписанные (§ 74).

Пример условного силлогизма:

Ежели великодушные есть похвально, то и великодушный человек похвалы достоин.

Но великодушную похвала по справедливости приписуется. Следовательно, и великодушному человеку оную приписать надлежит.

Пример разделительного:

Или трудом бессмертную славу приобретать, либо, препровождая жизнь свою в роскоши и нерадении, бесславного конца ожидать должно.

Но приобретать должно трудом бессмертную славу.

Следовательно, не должно, препровождая жизнь свою в роскоши и нерадении, ожидать бесславного конца.

Такие ограниченные силлогизмы вышеписанным (§ 76) образом легко переменить можно в энтимемы.

§ 78

Когда две энтимемы, сделанные из условных силлогизмов, соединены будут в силлогизм или, лучше, в энтимему разделительную, тогда рождается *дилемма*, *довод обоюдный*, которой ради своей остроты по справедливости рогатым называют. Так говорят скифские послы Александру Великому у Курция⁴¹ в книге 7:

Ежели ты бог, то должен ты смертным делать благодеяния, а не грабить; буде же ты человек, то помни, что ты такое.

Также некоторому молодому человеку советовала мать, чтобы он не говорил публичных речей, уверяя, что *ежели он станет*

говорить неправду, то будет иметь бога неприятелем; ежели правду, то люди его возненавидят. На сие отвечивал он следующим образом: *ежели я буду говорить правду, то буду богу любезен, ежели неправду, то народу*.

§ 79

Когда много энтимем будут так связаны, что предыдущее следствие положится как посылка следующая, то называется сие *сорит*, или кучею стесненной довод, например:

Что добро, того желать должно.

Чего желать должно, то и одобрить надлежит.

А что одобрить надлежит, то похвально.

Следовательно, что добро, то похвально.

§ 80

К изобретению доводов служат из риторических мест происходящие правила, которые по порядку самих мест в следующих располагаются.

§ 81

От рода и вида составляются доказательства по сим правилам: 1) что рассуждается о всем роде, то же рассуждать должно и о каждом виде:

Кто все добродетели любит,

Тот любит и воздержание;

2) что рассуждаем о каждом виде, ни единого не выключая, то же рассуждать должно и о всем роде, например: *Мы видим, что владельцы, духовные, военные, гражданские, придворные, городские и сельские люди умирают, то заключаем оттуда, что все люди смертны*.

§ 82

Что о всех частях рассуждаем, то должно рассуждать и о всем целом, например:

Уже российские грады от военного шума не смущаются, села в глубоком мире покоятся, пристани и крепости не страшатся неприятельских набегов, и так во всей России мир процветает.

Из сего же места Лактанций⁴² в книге 2, в главе 5 доказывает, что свет за бога признавать не должно:

Ежели правда, что звезды не боги, то ни солнце, ни луна богами быть не могут: ибо от прочих светил не разумом, но величиною разнятся. А когда они не боги, то и все небо не бог, на котором они содержатся. Подобным образом ежели земля, которую ногами попираем, пашем и засеваем для пропитания, ежели она не бог, то посему ни поля, ни горы богами быть не могут. А как сие правда, то и вся вселенная за бога почитаема быть не долженствует. Также когда вода, которую мы для напоения и омытия своего употребляем, не бог, то и ни источники, из которых она протекает, ни реки, которые из источников собираются. Но когда реки не боги, то не бог и море, которое из рек стекается. И так когда ни небо, ни земля, которые суть части света, боги быть не могут, то и весь свет не бог, которой стойки одушевленным и премудрым называют.

§ 83

От имени составляются доказательства: 1) особливо от произведения (§ 10, пр. 5), чрез наклонение частей слова учиненные, например: *кто воздержен, тот, конечно, воздержится*; или: *кто боязлив, тот боится*; или: *кто воровал, тот вор*; или: *ежели кротость любим, то и кротких любить должно*; 2) доказательства от первообразных речений хотя и не могут быть неоспоримы, однако часто некоторую вероятность имеют, например: ежели греческое имя θεός (бог) происходит от глагола θεῖν (бежать), российское бог от имени бег, немецкое Gott (бог) от глагола geht (идет), то можно с вероятностью заключить, что древние греки, славяне и немцы почитали богами те вещи, которые постоянное течение имеют, то есть солнце, луну, звезды или великие реки; 3) но когда представляется несколько одноименных, которые имели подобные свойства или приключения, и потому и о прочих того же имени то же заключается, то не имеет никакого основания и совсем

тщетно. Ибо хотя четыре Актеона несчастливый конец имели, как Плутарх в житии Серториевом⁴³ пишет, что один был от своих псов растерзан, два от диких вепрей убиты, четвертой присушным зельем напоен был и от того взбесившись умер⁴⁴; и хотя примечено, что римские кесари, которые Каии назывались, несчастливо умерли, однако из того не следует, чтобы тому же и с другими одноименными случаться должно было: ибо весьма многие примеры противное тому показывают. Константин Великий в Цареграде утвердил греческую империю; но напротив того на Константине Палеологе она окончилась⁴⁵, и между тем были другие государи того же имени, которых ни тому, ни другому уподобить нельзя.

§ 84

От действия и страдания доказывают по следующим правилам.

1) Когда какая вещь страдает, то есть имеет в себе какую-нибудь перемену, то должна быть и действующая вещь, которая оную перемену производит; и противным образом, когда какого страдания нет, то и бывающая причиною оного вещь не действует, например: *день настал, следовательно, солнце взошло. Море стоит тихо без всякого волнения, следовательно, сильные ветры не веют.*

2) Когда две вещи такое состояние между собою имеют, что одна в другой перемену произвести должна, то следует страдание: *сильный ветер по морю веет, следовательно, в нем волны подымает.*

3) Ежели препятствие сильнее действующей вещи, то страдание не следует: *Цицерон сильнее защищает отечество, нежели Катиллина оное разорить старается, следовательно, оно не разоряется.*

§ 85

От времени, места и от обстоятельств нередко следуют их свойства к той вещи, к которой она принадлежат, например:

На высоких горах бури больше беспокоят, нежели в долинах, следовательно, те, которые на них живут, от беспокойства воздуха больше претерпевать должны.

Кто достигнет старости, тот почувствует болезни от роскошей, бывших в юности, следовательно, в молодых летах должно от роскошей удаляться.

Что в дождь незакрыто стояло, то, без сомнения, вымокло.

§ 86

От происхождения доказывают таким образом:

1) Ежели есть происшедшее, то надлежит быть и тому, откуда оно происходит:

Есть лед, то следует, что и вода была, из которой он замерз.

Есть дети, следовательно, должно быть у них отцу и матери.

2) Когда есть то, что какую вещь производит и с происходящим ненарушимый взаимный союз имеет, то следует и происходящее:

Есть отец и мать, следовательно, и детей имеют: ибо без того не могут они быть отец и мать.

3) Ежели ж меж ними такого союза нет, то о происходящем только вероятно заключается:

Убийство учинилось, то уповать можно, что и казнь впоследствии

§ 87

Доказательства от причины производятся, когда две вещи между собою так соответствуют, что одна ради другой бывает, то следует из того, что одна другой нужна, полезна или пристойна, например:

Земледелец пашет землю и засеивает, чтобы получить себе хлеб на пищу, следовательно, земледельство есть необходимо нужно.

§ 88

Доказательства от предыдущих и последующих утверждаются на сих правилах:

1) Когда есть последующее, то надлежит быть и предыдущему, например:

Кто достиг старости, тот был и молод.

Плоды на деревьях выросли, следовательно, на тех деревьях прежде цветы были.

2) Ежели предыдущее с последующим неразрешимым союзом соединено, то, когда есть предыдущее, должно быть и последующему, например:

Кто родился, тот, следовательно, и умрет.

3) Но когда предыдущее и последующее такого ненарушимого союза не имеет, то происходят от них только вероятные следствия, например:

Цветами дерева покрылись, то вероятно, что и плоды на них поспеют. Дому основание положено, то можно уповать, что и весь достроен будет.

§ 89

От признаков составляются доказательства:

1) неоспоримые, когда они всегда неразделимо соединены с самою вещью, например:

Где дым встает, тут, следовательно, есть и огонь.

Ежели из сосуда вода жметя, то, всеконечно, имеет он скважину. Берега влажны до нарочитой вышины, следовательно, недавно было повышение воды в реке.

2) Вероятные, ежели признаки не всегда с самою вещью соединены бывают, например:

Небо облаками покрылось, то кажется, что дождь будет.

Псы лают, то вероятно, что посторонний человек на двор идет.

§ 90

От подобных вещей доказывают, когда из подобной и уподобляемой вещи сходные действия или страдания выводят:

Жизнь человеческая подобна непостоянному морю, следовательно, она от нападения противных случаев колеблется, подобно как море от нападения бурных ветров.

§ 91

Доводы от противных и несходственных бывают.

1) Лишением, когда одно из противных или несходственных есть, тогда другому быть невозможно:

Кто милосерд, следовательно, тот бесчеловечен не поступает. Где добродетели господствуют, тут порокам нет места. Кто кого любит, следовательно, тот того не обидит.

2) Чрез взаимность, когда одно есть, то и другому быть должно, например:

Ежели кто господин, тот, следовательно, и слуг имеет. Ежели кто ведет, то есть и тот, кто ему следует.

§ 92

От уравниения доказывают:

1) От равного равное:

Кто обманул Семпрония, тот и Тиция обмануть может.

2) От большего меньшее:

Кто по великому Океану плавать не боится, тому и малая река не ужасна.

Кто победил пять полков, тот и одну роту прогнать может. Кто побои стерпел, тому и слова сносны будут.

3) От меньшего большее:

Кто слова утаить не может, тот и важной тайны не удержит.

Кто за малую погрешность наказует, тот и великого преступления отпускать не должен.

§ 93

При правилах сея главы приложенные примеры изображены больше по-логически для яснейшего понятия.

Но у авторов, в красноречии искусных, полагаются доводы с пристойными украшениями и совсем иной вид имеют. В пример предлагается Тертуллианово⁴⁶ доказательство из Апологии, гл. 2, от противных

и несходственных против Траянова повеления, что он христиан хотя искать не велел, однако приведенных казнить указал:

О, коль безрассудное повеление! Запрещает изыскивать как неповинных и повелевает казнить как повинных; прощает и злобствует; ослабляет и строго надзирает. Для чего ты сам себя вплетаешь в предосуждение? ежели осуждаешь, то зачем не следуешь? Ежели ж не следуешь, то для чего от казни не освобождаешь! Для изыскания разбойников по всем провинциям рассылаются караулы; на погрешивших против величества, также и на общих неприятелей каждый человек воин; и сверх того даже до знакомых и сродников следствие простирается; только христиан выискивать запрещается; но приводить позволено, будто бы разнился действием привод от следствия.

Глава шестая

О ВОЗБУЖДЕНИИ, УТОЛЕНИИ И ИЗОБРАЖЕНИИ СТРАСТЕЙ

§ 94

Хотя доводы и довольны бывают к удостоверению о справедливости предлагаемой материи, однако сочинитель слова должен сверх того слушателей учинить страстными к оной. Самые лучшие доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону, когда другое мнение в уме его вкоренилось. Мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности. И так, что пособит ритору, хотя он свое мнение и основательно докажет, ежели не употребит способов к возбуждению страстей на свою сторону или не утолит противных?

§ 95

А чтобы сие с добрым успехом производить в дело, то надлежит обстоятельно знать нравы человеческие, должно самым искусством чрез рачительное наблюдение и философское остроумие высмотреть, от каких представлений и идей каждая страсть возбуждается, и изведать чрез нравоучение всю глубину сердец человеческих. Из сих источников почерпнул Димосфен всю свою

силу к возбуждению страстей: ибо он немало время у Платона учился философии, а особливо нравоучению. Также и Цицерон оттуда же имел чрезвычайную свою власть над сердцами слушателей, которой и самые жестокие нравы не могли противиться. Для сего предлагаются здесь правила к возбуждению страстей, которые по большей части из учения о душе и из нравоучительной философии происходят.

§ 96

Страстью называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов, при чем всегда бывает услаждение или скука. В возбуждении и утолении страстей, во-первых, три вещи наблюдать должно: 1) состояние самого ритора, 2) состояние слушателей, 3) самое к возбуждению служащее действие и сила красноречия.

§ 97

Что до состояния самого ритора надлежит, то много способствует к возбуждению и утолению страстей: 1) когда слушатели

знают, что он добросердечный и совестный человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец, 2) ежели его народ любит за его заслуги, 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен; ибо он тогда не только словом, но и видом и движением действовать будет, 4) ежели он знатен порою или чином, 5) с важностью знатного чина и породы вместе немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторым образом дает сама натура. Довольно было Августу к внезапному усмирению замешательства, учинившегося между знатными молодыми дворянами, сказать:

Слушайте, молодые люди, старика, которого во младости старики слушали⁴⁷.

§ 98

Нравы человеческие коль различны и коль отменно людей состояние, того и сказать невозможно. Для того разумный ритор прилежно наблюдать должен хотя главные

слушателей свойства, то есть 1) возраст: ибо малые дети на приятные и нежные вещи обращаются и склоннее к радости, милосердию, боязни и к стыду; взрослые способнее приведены быть могут на радость и на гнев; старые перед прочими страстями склоннее к ненависти, к честолюбию и к зависти, страсти в них возбудить и утолить труднее, нежели в молодых, 2) пол: ибо мужеский пол к страстям удобнее склоняется и скорее оные оставляет, но женский пол, хотя на оные еще и скорее побуждается, однако весьма долго в себе удерживает и с трудом оставляет, 3) воспитание: ибо кто к чему привык, от того отвратить трудно; напротив того, большую к тому же возбудить склонность весьма свободно: спартанского жителя, в поте и в пыли воспитанного, трудно принудить, чтобы он сидел дома за книгами; напротив того, афинеанина едва вызовешь ли от учения в поле, 4) наука: ибо у людей, обученных в политике и многим знанием и искусством важных, надлежит возбуждать страсти с умеренною живостью



Рим во времена императоров. Вид с Яникула.
Реконструкция XIX века

и с благочинною бодростью, предложениями, важного учения исполненными; напротив того, у простаков и у грубых людей должно употреблять всю силу стремительных и огорчительных страстей: для того что нежные и плачевные столько у них действительны, сколько люта у медведей. При всех сих надлежит наблюдать время, место и обстоятельства. И так разумный ритор при возбуждении страстей должен поступать как искусный боец, уметь в то место, где не прикрыто, а особливо того наблюдать, чтобы тем приводить в страсти, кому что больше нужно, пристойно и полезно.

§ 99

Сим следует главное дело, то есть самая сила к возбуждению или утолению страстей и действие красноречия. Оно долженствует быть велико, стремительно, остро и крепко, не первым только стремлением ударяющее и потом упадающее, но беспрестанно возрастающее и укрепляющееся. Здесь присовокупить должно крепость голоса и напряжение груди. И таким образом, ежели кто хочет приятную или скучную страсть возбудить, то должен он своим слушателям представить все к предлагаемой вещи принадлежащее добро или зло в великом множестве и скоро одно после другого. К сему требуется, чтобы ритор имел великое остроумие и рачение для изыскания идей, к сему делу пристойных. Буде же он какую-нибудь страсть утолить хочет, то должен слушателям показать, что оного добра или зла в предлагаемой вещи нет, к которому они толь страстны, или по последней мере изъяснить, что оное добро или зло не толь велико, как они думают. Здесь не меньше надлежит употребить силы и стремления в слове, а притом еще надобно больше иметь предосторожности, нежели в первом случае.

§ 100

Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются. Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чув-

ствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого престола разум к чувствам свести должно и с ними соединить, чтобы он в страсти воспламенился. Сему в пример служить может следующее описание. Когда преславный город Смирна от трясения земли разорился, тогда посланный к Антонинам, кесарям римским, Аристид представлял:

Смирна, украшение Азии, честь вашей империи, огнем и трясением земли повержена и стерта (потом, описав ее бывшую красоту, говорит). Сие все ныне покрыто пепелом, затворилась она пристань, разрушились прекрасные площади, исчезли великолепные улицы, училища с учителями и отроками упали, храмы иные рассыпались, иные поглощены землею. Приятнейший зрению город, и по имени своему прекрасный, стал неприятное позорище, громада разрушенных зданий и трупов. Уже ныне по опустошенному только зефиры превевают.

При сих словах оба кесари не могли от слез удержаться. Во время замешательства, которое между солдатами и чернью в Риме весьма кровопролитно было, Пупиен-кесарь⁴⁸ ни словом, ни властью оного утолить не мог. Но как только сына своего Гордиана-младенца бунтующим показал, то немедленно все смятение утилось. Обнаженная раненых солдатов грудь, сестующие их родители, жены и малые дети, в слезах и рыдании представленные, великую силу имеют к возбуждению жалости и милосердия. Искусный ритор при возбуждении и утолении страстей должен стараться, как бы подобные случаи так живо слушателям в слове изобразить, чтобы они предлагаемое дело как перед глазами ясно видели.

§ 101

Сии суть общие правила, учащие возбуждению и утолению страстей. Им следуют правила особливые о знатнейших страстях, которые от риторов чаще других употреблены бывают. Из них мягкие и нежные суть радость, любовь, надежда, милосердие, честь или честолюбие и стыд. Напротив того, печаль, ненависть, гнев, отчаяние, раскаяние и зависть суть жестокие и сильные страсти. Прочие между сильными и нежными посредственны.

§ 102

Радость есть душевное услаждение в рассуждении настоящего добра, подлинного или мнимого. Сия страсть имеет три степени. В самом начале производит немало, однако свободное движение и играение крови, скакание, плескание, смеяние. Но как несколько утихнет, тогда пременяется в веселье, и последует некоторое распространение сердца, взор приятный и лицо веселое. Напоследи, как уже веселье успокоится, наступает удовольствие мыслей и перестают все чрезвычайные в теле перемены.

§ 103

К возбуждению радости в слушателях должно представить: 1) что они великое добро или много одного получили, 2) что оное полученное добро есть то, которое они любят, 3) что они того долго искали, 4) притом предложить употребленные на снискание одного труды, попечения и беды, которых воспоминание всегда приятно бывает, 5) упомянуть, что того добра другие желали, но не получили, 6) что неприятели слушателей в том им завидуют и весьма печальны: ибо о печали недругов натурально радуемся, 7) ежели слушатели к приобретению одного добра показали какие заслуги или искусство употребили, то приложить к тому их похвалу: ибо всяк, слыша себя похваляема, радуется. 8) Буде же по случаю или по милости великой особы получили, то должно сказать, что они того достойны. 9) Представить, что полученное добро будет долговременно и безопасно.

§ 104

В сем случае должно употребить предложения, которыми обыкновенно слушатели увеселяются, то есть новые, неслыханные, полезные, словом чистым, мягким, витиеватым и наподобие весны цветущим. Надлежит высматривать склонность слушателей, чувствами ли они больше увеселяются или разумом. Последних хотя и мало бывает, однако для них должно вмещать при возбуждении радости важные и ученые предложения. В рассуждении последних надобно смотреть, чем оне больше увеселяются, и потому представлять им радость о данной материи.

§ 105

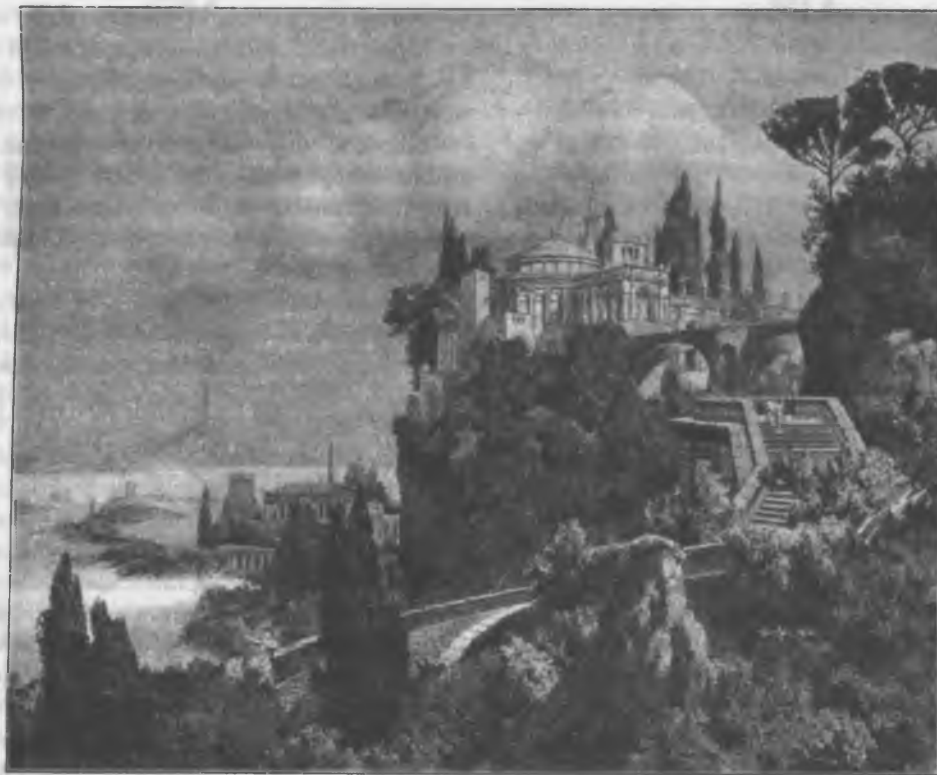
Примеров на все правила о сей страсти краткости ради не предлагаем, как и в описании других страстей поступаем; однако несколько избранных прикладов для удовольствия учащих как здесь, так и у прочих присовокупляем. Цицерон, по изгнании Катилины, возбуждая радость в римском народе, говорит:

Уже мы наконец, римляне, Катилину, дерзостью бесящегося, беззаконием дышащего, язву на отечество злобно нанести хотящего, вам и граду сему мечом и пламенем грозящего, из града или извергнули, или выпустили, или хотя словами проводили. Выступил, ушел, вырвался, убежал. Ужасное сие чудовище уже никакого разорения стенам сим, в них же будучи, приуготовлять не будет. Нет сомнения, что мы сего внутреннего войны предводителя победили. Меч сего злодея между нашими ребрами обращаться не будет. Ни в поле, ни на площади, ни в сенате, ни в собственных наших домах его бояться не станем. Уже он искоренен, когда из города выгнан. Явно с ним как с неприятелем законную войну иметь будем. Без сомнения, мы сего человека низложили и великолепно победили, когда его из коварного вора učinили явным разбойником. Но что он вынес не по желанию своему меч еще не окровавленный, что не убив нас вышел, что ему оружие мы из рук исторгли, что он стоящий в целости город и невредимых граждан оставил, о том как вы чаете? колькою печалью удручен, мучится? Лежит повержен, римляне, и часто, изворотив глаза, оглядывается на сей город, о котором, из челюстей своих исхищенном, плачет. Но он, как видно, радуется, что изблевал толикую язву и вон извергнул.

В сем примере возбуждается радость больше чрез воспоминание прошедших бед и страху и чрез представление печали и зависти неприятельской, что мы в четвертом и шестом правиле (§ 103) показываем. Но довольно всяк видеть может пример и силу к возбуждению сей страсти в прекрасном слове Златоустого на Святую Пасху, печатанном в службе на сей великий день.

§ 106

Радости противная страсть есть печаль, которая состоит в жестокой скуке о настоящем зле. И так происходит она, когда в уме представляется лишение великого до-



Изображение древнего римского дворца времен императоров
в окрестностях Байи близ Неаполя

бра или терпение великого несчастья. Для того ежели кто хочет в слушателях печаль возбудить, тот должен представить, 1) что они великое, нужное и полезное добро потеряли, 2) потеряли то, что они любили, 3) чего толь долго искали, 4) для чего столько трудов и попечения положено и бед претерплено, 5) потеряли то, что прежде у других с трудом перехватили, 6) что неприятели их о том радуются, 7) что того несчастья давно было должно остерегаться, однако оно небрежением их учинилось, и что уже о том стараться поздно, 8) представить те времена и места, в которые и на которых они добром тем увеселялись, 9) припомнить посторонние обстоятельства, которые, соединившись с потерянным добром, их радость умножали, 10) упомянуть о признаках, которые оное несчастье предвещали. Пример предлагается из надгробного слова маршалу французскому де Тюренну, которое говорил Флешье⁴⁹, епископ Низмский:

Едва не прихожу в замешательство и едва могу слово выговорить. Тюрени умер! все пришло в беспорядок: счастье колеблется, победа утруждена, мир отдаляется, добрые намерения союзников ослабевают, храбрость солдатская печалью угнетается и вместе ободряется мщением. Весь стан стоит неподвижно. Раненые больше думают о сей великой утрате, нежели о своих ранах. Умирующие отцы посылают сынов своих оплакивать усопшего своего генерала, и прочая.

§ 107

Печали следует утешение, в котором представляются средства, печаль утешающие. Для сего должно представлять слушателям, 1) что им за потеряние оного добра другое возвратится равное или еще большее, 2) что от лишения оного будет им честь или и вечная слава, 3) что они имеют в той печали себе товарищей, 4) что жизнь человеческая таким переменам подвержена и что большие, знатнейшие и сильнейшие то же часто претерпевают, 5) что в пе-

чали великодушные весьма похвально, 6) что печалью и сокрушением потерянного добра возратить невозможно, 7) особливо должно ободрять надеждою, о чем ниже предлагается. Пример утешения к сродственникам убиенных на войне солдат из 14 слова Цицеронова против Антония⁵⁰:

Преславное дело с вами учинилось, прехрабрые в жизни, а ныне блаженнейшие воины, что ваше мужество ни забвением ныне живущих, ни молчанием потомков не помрачится: ибо знак бессмертной памяти нашей почти своими руками построил сенат и народ римский. Часто многие воинства во время карфагенских, галлских и италийских браней были славны и велики; однако некоторым толь великая честь воздана не бывала. О, дабы мы воздать вам могли еще больше: ибо мы от вас превеликое благодеяние получили! Вы бесящегося Антония от града отвратили, вы сиящегося паки на нас возвратиться отогнали. За сие построим вам великолепную громаду с надписанием, о божественном нашем мужестве свидетельствующим вовеки. Никогда не умолкнет о вас сладчайшая беседа видящих вашу гробницу или об ней слышащих. Так вы за временную жизнь бессмертия достигли! Но понеже, господа сенаторы, в славу добрым и мужественным гражданам воздаем публичный знак памяти, то должно утешить и их сродников, которым лучшее всех утешение есть сие: родителям, что толиких защитителей отечества родили; детям, что имеют домашние примеры мужества; женам, что оне таких мужей лишились, которых больше должно хвалить, нежели оплакивать; братьям, что они как лицом, так и мужеством им подобными быть надеяться могут. О, дабы всем сим могли мы приговорами и советами нашими отереть слезы, или бы можно было употребить такое всенародное слово, для которого бы они печаль и плач отложили и паче бы радовались о том, что хотя род человеческий различным смертям подвержен, однако ближним их прекраснейшая приключилась.

§ 108

Любовь есть склонность духа к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение. Сия страсть по справедливости назваться может мать других страстей: ибо часто для любви веселимся, плачем, уповаем, боимся, негодуем, жалеем, стыдимся, рассказываемся и прочая. Любовь сильна как молния, но без грома проникает, и самые силь-

ные ее удары приятны. Когда ритор сию страсть в слушателях возбудит, то уже он в прочем над ними торжествовать может.

§ 109

Возбуждать любовь в слушателях должен ритор таким образом: 1) представить надлежит, что человек, о котором слово, весьма добродетелен, где добродетели его обстоятельно и живо описать должно, а особливо показать, что он доброго и честного нраву, 2) объявить одного взаимную к ним любовь: ибо мы любящих нас обыкновенно любим, 3) склонность и любовь двоих к одной вещи между ими любовь рождает, для того и сие представлять должно, 4) показывать подобие одного с ними: ибо подобные подобных любят, 5) сказать, что он вместе с ними радуется о счастье, печалится о несчастье, 6) что часто с ними бывал в одних случаях и обстоятельствах, 7) что они получили от него благодеяние или впредь того ожидать должны, 8) что он приятен в обходительстве и ведет себя честно, 9) что их за очи хвалит, 10) что никого не осуждает и не переговаривает, 11) что никогда не злобствует и обид, себе учиненных, не помнит, 12) что гневным уступает, 13) что удивляется знатным их делам, 14) что в одном с ними деле упражняясь, им же подражает, не для того чтобы превзойти, но только чтобы им последовать, 15) что открывает им свои тайны и поступает нескрывтно, 16) что в дружбе поступает верно, в очи и за очи, в счастье и несчастье, 17) что их почитает, 18) удостоверить, что его не должно бояться: ибо любовь и боязнь вместе быть не могут, 19) что их сродники и приятели в любви его содержали или содержат; 20) предложить о его искусстве и о науке. Цицерон в слове за Архию-стихотворца⁵¹, возбуждая к нему любовь в судиях, говорит:

Коль часто я видал, что он, не написав ни единого слова, множество прекрасных стихов, не готовясь говорил о той вещи, которая тогда была в действии! Коль часто, возобновив то же другими словами и речью, при мне говаривал! Но что он, надумавшись, с рачением писал, оное так одобряли, что и древних писателей похвалы почитали быть достойным. Сего ли мне не любить? сему ли не удивляться? сего ли не защищать мне всеми си-

лами? мы прияли от великих и ученых мужей, что другие науки состоят в правилах и в учении; но стихотворцы от натуры силою ума бодры и аки бы некоторым божественным духом вдохновенны бывают. И для того по справедливости наш Эний⁵² стихотворцев называет священными: ибо кажется, что они даются нам как некоторое божье дарование. И так почитайте вы, судии, вы, люди учтивейшие, имя стихотворца свято, которого никогда и варвары не озлобляли. Камни и пустыни гласу их отвечают, свирепые звери часто пением склоняются и удержаны бывают; то нам ли, наученным добрым нравам, не почувствовать гласа стихотворцев? Юмера колофоние гражданом своим называют, хиане себе присвояют, саламиняне того же требуют, смирияне в тон утверждают, что он их собственной, и для того капище⁵³ в честь его в своем городе построили. Сверх сего многие другие о нем прение имеют. И так когда они чужого, и уже по смерти, в свое гражданство принять желают, для того что он был стихотворец, то нам ли надлежит сего гражданина отвергнуть, которой по своему произволению и по законам наш есть? А особливо что Архия прежде сего все свое речение и все свое остроумие употребил на возвышение славы и на похвалу римского народа.

§ 110

Сей страсти противна ненависть, которая рождается из многих противных и неприятных свойств или действий, в ком-нибудь примеченных. Посему ежели кто хочет возбудить против кого-нибудь ненависть, то должен он показать, какие в нем есть недостатки, как он зол, вредителен, нечестив, неправодушен и прочая (смотри § 9). Одним словом можно предложить все противное тому, что показано к возбуждению любви, например: Златоуст, возбуждая ненависть против неправильной клятвы, говорит:

И как я прежде вас просил, чтобы усеченную главу Иоаннову, теплую кровь еще изливающую, взяв, каждой из вас в дом свой возвратился и думал бы, что она пред его очами глас свой испускает и вопиет: имейте в ненависти клятву моего убийцы; чего обличение не учинило, то учинила клятва, и чего не мог гнев мучительский, то произвела боязнь клятвопреступления. Когда пред всем народом был обличаем, обличение великодушно стерпел мучитель; но когда обязал себя клятвою, тогда блаженную ту главу усекнул. И так о сем прошу, и просить не престану, чтобы мы, ку-

да только пойдем, повсюду главу сию с собою носили и всем бы показывали вопиющую и клятву укоряющую.

§ 111

Надежда есть услаждение о получении будущего добра. Движением сея страсти бедные утешаются и ободряются ослабевшие. Ритор, когда оную в ком возбудить хочет, то должен представить, 1) что оное добро получить возможно, 2) что в получении оного хотя есть препятствия и затруднения, однако преодолеть их не весьма трудно, 3) что к получению оного есть довольные способы, 4) что есть примеры, как другие прежде подобным образом то же достали или он и сам прежде сего получал, 5) что время, место или обстоятельства к тому способны, 6) что есть признаки божьей помощи, на которую уповать должно.

У Тацита, в житии Агриколы, Галлак⁵⁴, ободряя солдат своих к получению победы, говорит:

Не устрашайтесь тщетного вида и сияющего серебра и золота, которое не вредит и не ранит. Среди самых неприятелей найдем наших помощников. Британцы узнают, что мы за них воюем. Галлы вспомнят прежнюю свою вольность; оставят их и прочие германцы, равно как недавно узипияне от них отступили. Больше сего нет никакого страха: крепости пусты, переведенцы все старые люди. Между владеющими несправедливо и невольно повинующимися нет ни бодрости, ни согласия.

И Димосфен в первом слове против Филиппа:

Того ради, афинеане, ежели вы впредь так поступать будете, чего вы прежде сего отнюдь не делали, ежели каждой из вас без умедления и без обегания для пользы республики тем спомоществовать будет, чего нужда требует и кто сколько может: богатые довольными вспомогательными деньгами, молодые люди военною службою, и, словом сказать, ежели вы впредь употреблять будете собственные ваши силы и перестанете на других надеяться, которые между тем одне воевать должны, когда вы дремлете, то с помощью божьею все свое вскоре возвратите, что вы небрежением потеряли, и своим неприятелям по желанию вашему отмстить можете. Не думайте, афинеане, чтобы Филипп был бог, которому неотменно всегда счастье служить будет, и чтобы его благополучие не пременилось. Нет, афинеане, есть такие люди, ко-

торые его ненавидят, боятся и ему завидуют, и еще между теми, которые ныне себя приятельми его показывают.

Так же Александр Великий ободряет своих солдат у Курция, в книге 6:

Коль удобнее низложить еще уstraшенного и едва ум свой имеющего неприятеля! Только на четыре дни пути нам осталось, тем, которые перешли столько снегов, через столько рек переправились, столько верхов высоких гор преодолели. Не удержало нас оное море, которое, наводнившись, волнами своими путь покрывает. Не заключил нас и узкий проход Киликийский. Все нам открыто и отворено. Стоим в преддверии у самой победы, и только немногие беглецы и убийцы государя своего остались.

§ 112

Противная надежде страсть боязнь есть скука от ожидания приближающегося зла. И так, ежели кого в боязнь привести хочешь, то должно представить 1) такие приближающиеся вещи, от которых смерть приключается, как гром, пожары, наводнения, звери, неприятельские нападения, язва, мор, трясение земли, бури и прочая, или 2) которые великую печаль наводят, как лишение родителей, супругов, детей, богатства, чести, также поношение, наказание, темница, заточение и прочая; 3) сказать, что есть приходящего зла признаки или предзнаменования, как кометы и другие чрезвычайные явления на небе, сновидения и прочая; 4) особливо смотреть, чтобы представить опасность в том, кто что больше любит: ибо сие место очень мягко и самому легкому движению уступает; 5) предложить примеры, как другие в том пострадали, 6) что наступающее зло еще не имеет себе подобных, 7) что с ним другие беды соединены, 8) что силы столько не будет оное вытерпеть, 9) что оное зло весьма долго не окончится, 10) что его уже отвратить нельзя, 11) что к тому способствуют те, которые во всем власть имеют и притом озлоблены; 12) ежели боязнь состоит в сомнительном получении желаемой вещи, которой также и другие ищут, то предложить, что они к получению оной сильные и лучшие способы имеют, Мозгейм⁵⁵, рассуждая о смерти, говорит:

День приближается, в которой я уже не буду господин тому, что ныне имею, и с досадою увижу, что я семена свои для других посеял. Скоро, скоро пойму ясно, что располагал я богатством, которое есть не мое собственное, и что заемные пожитки называл своими. Час придет, и кто знает, коль скоро? Час придет, когда я любезнейшим моим буду причиною страха, печали, тесноты и плача. Каково мне на сердце будет, когда моя вдова, мои сироты, мои сродники и мои откровенные друзья станут около моей постели и то о себе, то обо мне и о моей скорби плакать будут? как возмogu я стерпеть взгляды и слезы тех, которые для моего отлучения, может быть, в бедности останутся? Теперь живу я в радости и наслаждаюсь богатством сего света. Но время приближается, в которое от всех роскошей отвращение иметь буду. День недалече, в который, может быть, нынешние мои забавы умножат мое мучение и беспокойство. Как стерплю я таковое состояние? Каково мне тогда будет, когда от меня целитель скрывать, а служитель слова Божья ясно смерть предвозвещать станет? Что тогда буду я думать, когда мне объявят, что я уже должен от сего света отказаться, позабыть свою честь, сложить чины и только помышлять об одной вечности? И как я готов буду, когда мне скажут, что час уже при дверях, в которой Бог меня судить станет? О Господи! коль страшно предсгать пред Твоим престолом! О Господи! како трепещет естество человеческое, когда о Твоем взоре помышляет, которой отнюдь мрака непричастен? О Господи! како грешник возмущен будет, который нечист от чрева матери своея и на сем свете не стяжал себе ничего, кроме незаконный, когда поставлен будет пред Твоим престолом, на котором сидит правосудие и святость?

§ 113

Гневом называется великая скука, нанесенная досадою или обидою и соединенная с ненавистью того, кто обидел. Сия страсть напрягается, когда стыд, раскаяние, страх или отчаяние с нею соединено будет по обстоятельствам; в высокой своей степени называется яростью. Когда ритор в комсию страсть против кого-нибудь возбудить хочет, должен представить, 1) что ему от того нанесена великая беда, обида или досада, 2) что он притом еще его презирает и осмехает, 3) что тою учиненною им обидою хвастает, 4) что грозит еще и впредь больше изобидеть, 5) что от него чинятся

во всех добрых предприятиях препятствия, 6) или, ежели он подчинен, то показать, что чинятся от него преслушания и пустые отговорки, 7) буде же власть имеет, то сказать, что он незаконно и неправильно повелевает и излишно трудами отягощает, или 8) что обида учинилась от того, от кого оной надеяться не можно было по сродству или по дружеству, 9) что она обида нанесена вместо благодарения за учиненные благодеяния, 10) или что она касается до тех, кого он любит, 11) что учинена от такого, кто много хуже порокою, чином, учением, заслугами или возрастом и летами, 12) что тот, кому нанесена обида, много честнее и достойнее того, кто избидел, 13) что сия обида и другим, которые хуже его, была бы нестерпима, 14) что и меньшей обиды снести невозможно, 15) ежели сему обидчику уступить, то и другие, на него смотря, нападать станут, 16) ежели бы в его силе было, то бы он еще и больше избидел, 17) также на гнев побуждает представление о непочтении, 18) или ежели кто радуется о чьем несчастье, 19) либо кто ругается тем, чего другой с великим трудом доступает, 20) сердимся и на тех, которые нерадостную весть приносят. В пример служить может Димосфеново побуждение на гнев афиняев в первом слове против Филиппа:

Вы видите, что делается, афиняне, и сколь предерзостен стал человек сей. Он не дает вам воли ни войны иметь, ни мира, но угрожает гордыми словами. Он тем недоволен, что уже имеет, но предпринимает еще большие дела и окружает вас сетями своими в нерадении вашем и непростоворстве.

И Александр Великий, хотя солдат своих подвигнуть на гнев против Бесса⁵⁶, Дарпева убийцы, говорит у Курция, в книге 6:

Погрешили мы, любезные мои солдаты, ежели Дария для того только победили, чтобы холопу его отдать государство, которой дерзнул учинить крайнее беззаконие и государя своего, уже от чужих помощи требующего, как пленника держал во узах, которого бы мы, победители, пощадили. Наконец убил, чтобы он нами сохранен не был. Сему ли вы царствовать попустите, которого я на виселице видеть поспешаю во отмщение нарушения верности за всех народов и государей?

§ 114

Гневу противно сожаление или милосердие, которое есть скука для несчастья или бедности того, кому мы добра желаем, происходит от любви к тому, кто такое противное состояние терпеть принужден. И так для возбуждения сея страсти должно 1) страждущего учинить любимым (по § 108), 2) бедное его состояние живо представить, 3) показать, что он такое зло терпит безвинно, 4) или по последней мере излишно страдает, 5) что с ним родители, жена и дети то же сносить принуждены, 6) чтобы всяк по себе рассудил, ежели бы ему такое зло приключилось, 7) что он в вине своей признается и сожалеет, 8) что в том прощения просит, а впредь делать того не станет, 9) что он то сделал от нестерпимой досады в гневе, 10) что то учинилось ненарошно и не с умыслу, 11) что лета и возраст, то есть младенчество, молодость или старость, к тому привели, 12) что он другой надежды ко спасению не имеет. Сверх сего можно употреблять предложения, противные тем, которыми гнев возбуждается. Пример из Цицеронова слова за Лигария⁵⁷:

Когда ты сохранишь Лигария, кесарь, то сделаешь ты многим своим приятелям угождение. При том рассуди еще, о чем ты обыкновенно рассуждаешь. Я могу тебе представить сабиняев, которым ты столь много веришь, и весь сабинской уезд, цвет Италии и крепость республики. Ты знаешь их довольно; то посмотри на всех их печаль и сокрушение. Сего Т. Броха⁵⁸, которого, не сомневаюсь, что почитаешь, видишь ты и с сыном его в слезах и в горести. Но что сказать еще о его братьях? не думай, что сие дело до одной головы касается. Трех Лигариев должно тебе удержать в городе или трех искоренить из оного. Всякая ссылка вожеленнее им будет дому своего и отечества, ежели один сослан будет. И так когда они в сем по-братски, любительно и толь печально поступают, то умиласердись над их слезами, над их добродетелью и над братскою их любовью. Ежели ты его помилуешь, то три предобрые и беспорочнейшие братья не только сами друг другу, не только сим присутствующим толиким сановитым мужам, не только нам, ближним их сродникам, но и всей республике тобою подарены будут.

Уликс, утоляя гнев Ахиллесов на Агамемнона, налив чашу вина и хотя пить, говорит у Гомера в «Илиаде»:



Александр Македонский поклоняется могиле Ахиллеса.
С французской резьбы по меди XVIII века

За здоровье твое. Мы как бы у Атрида
Твоею, Ахиллес, здесь пищу довольны.
Ты нас столом своим довольно угостил.
Не ради пиршества к тебе мы нынь пришли;
Нас греческих полков погибель уstraшает;
И наши корабли едва ли уцелют.
Уже тебе пора во крепость облещись:
Трояна близ судов поставили свой стаи,
И их союзники зажгли в полках огни,
Грозятся купно все, что с брегу не отступят,
Пока до кораблей ахейских не достигнут,
И, грянув, сам Зевес дает им добрый знак.
Надеясь на него, Приемв храбрый сын
В ужасной ярости всех греков презирает
И в бешенстве других богов не почитает.
Желает, чтоб заря скорее началась,
И хвастает отсечь все носы у судов,
И флот весь истребить, возжегши
хищный пламень,
И греков всех убить, смятенных в мрачном дыме.
Сего весьма страшусь, и чтоб сему Зевес
Так быть не попустил и не судил бы рок
Под Троей умереть далече от Эллады,
Как если хочешь ты, то стань за нас, хоть познаю,
И греческих сынов избавь от сей беды.
Ты будешь сам тужить, как нам случится зло,
И рад бы пособить, да способов не будет.

Подумай, чтобы нам избыть от злой години.
Приятель, вспомни, что родитель приказал,
В которой день тебя к Атриду посылал:
Дадут тебе, сказал, Юнона и Минерва
Победу на врагов, ты будь великодушен.
Всего похвальнее добросердечным быть.
Блюдись всегда вражды и ссоры начинать,
То будут чтить тебя и стары и младые.
Он так тебя учил, а ты позабываешь.
Покинь свой лютый гнев и будь спокоен духом,
За то Агамемнон почтит тебя дарами.

§ 115

Честь или честолюбие есть услаждение добрым мнением, которое об нас люди имеют. Сия страсть рождается, когда кому честь как нечто особенное и великое представлена бывает, и после того показывается, что он такую честь имеет. И так, ежели понадобится возбудить в ком честолюбие, то надлежит 1) похвалить его поступки и, по обстоятельствам, по времени и по месту, оные увеличить, 2) в некоторых пристойных вещах можно его предпочтительнее другим, ему равным, 3) упомянуть, что почтение есть самое лучшее награждение великодушия и благородного поведения, 4) что все

великие люди честь и похвалу любили, 5) что без сей страсти не чинились бы на свете знатные предприятия и великие дела к концу бы не приходили, 6) и для того ничего нет, что бы толь велико и трудно было, чего бы честолюбивый не мог привести в состояние. Так возбуждает сию страсть Цицерон в слове за Архию-стихотворца:

Что я во время своего консульства вместе с вами для благополучия сего града и правления, к сохранению граждан и для пользы всей республики, учинил, то начал сей Архия стихами описывать. И коль скоро я о том уведомился, советовал ему в оном далее простираться, для того что сие казалось мне важно и приятно. Добродетель не требует никакого иного награждения, кроме похвалы и чести. Ежели сих не будет, то какая в том и прибыль, что мы в жизни сей толикими трудами отягощаемся. И по правде, ежели мы предбудущего ничего видеть не можем и ежели конец жития нашего всем нашим помышлениям предел полагает, то не почто бы удручать себя толикими трудами и мучить толикими бедами, в ночь сна лишаться и повергать жизнь свою в бедствия. Однако во всякой благородной душе есть некоторая потаенная сила, которая днем и ночью сердце на честь побуждает и ободряет и всегда сие на память приводит: что воспоминание своего имени не должно оканчать с жизнью, но оное распростерть до самых позднейших потомков.

Или мы все толь малодушны, которые в республике, в уголовных бедах и трудах обращаемся и даже до последнего часа в тишине и в покое отдохнуть не можем, или мы все думаем, что все умрет вместе с нами? Когда истуканные изображения, которые не души, но тела подобие представляют, многие великие люди по себе оставить старались, то не больше ли нам должно стараться, чтобы оставить по себе изображение ума и добродетелей наших, составленное и витийством украшенное от людей, в том искусных.

§ 116

Стыд есть немалая скука от худа, которое кто на себе имеет и которое другим известно. И так происходит он, когда кто о своих недостатках рассуждает или о худых своих поступках, которые людям известны. Посему для возбуждения сея страсти должно представить, 1) кто что на себе худо имеет или что непристойное сделал, 2) показать, что другие, которые много хуже, того

на себе не имеют или не делают, 3) что он от своих предков в том далече остался и еще, может быть, впредь много хуже будет, 4) что об нем другие весьма худое мнение имеют и в том осуждают, 5) что в том ему уже извиниться нельзя, для того что оное дело всем очевидно, 6) и ежели положить, чтобы того никто не знал, то надобно, однако, и своей совести стыдиться, 7) а особливо от того утаться нельзя, кто знает сердца и помышления человеческие, 8) еще для приведения в больший стыд можно сказать, что про то знают люди разумные и знатные или для своей старости почтенные. Так Нуман приводит в стыд троян, приехавших с Энеем в Италию, у Вергилия в «Энеиде», книга 9:

Не стыдно ли уж вам сидеть в осаде снова
И смерти ждать в стенах? вы дважды взяты
В Трою.

Улисса нет у нас, у нас Атридов нет.

Жестокой наш народ от роскошей бежит,
Мы хладною водой младенцев укрепляем,
Подрослые в лесах всегда зверей гоняют.

Но вас багряная одежда украшает,
Вы любите плясать и в роскошь отдаваться.

Подите по горам Диндимским за свирельми:
Венера вас зовет тимпаном и трубами,
Оружие свое мужчинам, нам отдайте.

§ 117

Зависть есть скука, которая происходит от благополучия того, кого кто ненавидит. Сию страсть хотя не надлежит ритору как человеку, добрым делам и нравам учащему, в слушателях возбуждать, однако способы к движению оныя знать надобно тем, которые хотят кого-нибудь описать, в других зависть возбуждающего, или кого завидующего представить. Для себя предлагают, 1) что тот человек (на которого зависть подвигнуть должно) хотя ему (в ком зависть возбуждать надлежит) летами, породю или искусством либо заслугами равен или еще и меньше, однако много большее награждение, похвалу или чин имеет, 2) что хотя он искал богатства, чести или какого-нибудь добра, однако другой у него перехватил, 3) что другой в кратком времени

стал толь счастлив, 4) что другого честь — утрата его славы и другого прибыток есть его убыток, 5) что его добро другому достается, 6) что кому он желает несчастья, тому счастье приключилось. Алекта, возбуждая зависть в Турне, короле рутулском, к Энею, говорит у Виргилия в «Энеиде», книга 7:

Что? разве ты понес, о Турн, труды вообще?
Уступишь ты свой скиптр троянским беглецам?
Латин уж не тебе, но им отдать намерен
Лавинию свою, придано и наследство,
Что все ты заслужил сам кровию своею.

§ 118

Зависти сродна есть ревность и разнится от ней в том, что завидующий желает, дабы другой не имел того или такого же добра, какого он желает или имеет, а ревнующий желает только, чтобы и себе получить такое же посильное добро, какое другой имеет. Посему ревность есть похвальна, а зависть, напротив того, за порок почитается. Кто ревность в ком возбудить хочет, должен представить, 1) что он достоин того же добра, что другой имеет, 2) что ему будет стыдно, ежели он того же не получит, 3) что предки или родители его то же имели, 4) что ревность возводит на высокие степени достоинства, приобретает богатство и бессмертную славу, 5) что ревновать не зазорно такой особе, которая его не хуже или еще и лучше, 6) что к оной особе и другие не хуже его ревность имеют. Противно сей страсти есть презрение и возбуждается противными представлениями вышешоканным. Цицерон о риторике к Бруту приводит сему пример из потерянной своей речи за Корнилия:

Не привлекает меня богатство, чем всех Африканов и Лелиев многие продаваемые рабы и купцы превзошли; ни платье, ни резное серебро или золото, чем наших древних Маркеллов и Максимов многие сирские и египетские евнухи превысили; ни украшения градские, каковыми сей град и всю Италию Павел и Мумий наполнили: ибо они могли легко в том быть превышены от какого-нибудь делианина или сирина⁵⁹.

§ 119

Раскаяние есть скука, происшедшая от учиненного нами дела, которое мы после

за злое почитаем. И так рождается оно, когда мы о наших худых поступках рассуждаем; для того кто сию страсть в другом возбудить хочет, должен 1) предложить обстоятельно все его худые дела, 2) что в сих делах запереться нельзя, для того что всем явны, 3) что он первый такое зло учинил или большее, нежели другие, 4) что от него не надеялись такого злого поступка, 5) что оное злое дело вредит больше ему, нежели другим, 6) что для того все люди от него отвращение имеют, 7) что следствия худых своих дел скоро чувствовать будет, 8) что очень бы хорошо было, ежели бы то злое дело не учинилось. Цицерон, изобличая Катилину, говорит в первом против него слове:

Чего ожидаешь ты щее, Катилина, когда уже ни ночь злобных твоих сборов покрыть и голоса заговору твоего, ни стены приватного дому удержат не могут, когда уже все ясно и наружу вышло? перемени свои мысли, поверь мне, позабудь о убийстве и о зажжении. Со всех ты сторон пойман. Все твои предприятия яснее полуденного света. Что ты ни делаешь, что ни предприимешь, что ни замышляешь, то все я не только слышу, но ясно вижу и почти руками осязаю. Вспомни со мною оную прошедшую ночь, то уразумеешь, что я тщательнее бодрствую для спасения республики, нежели ты для погубления оной. Я сказываю всем явно, что ты прошлой ночи в предместий Фалкариях пришел в дом Марка Лекки, и собрался туда же многие согласники того же безумия и беззакония. Что? не хочешь ли в том запереться? что молчишь? изобличу, ежели отрицаться станешь: ибо я вижу некоторых и здесь в сенате, которые с тобой вместе были. О вы, бессмертные боги! в каком мы теперь народе? в каком мы живем городе? какую республику имеем? Здесь, здесь между нами, господа сенаторы, в сем преименитом и святейшем всего земного круга совете есть такие люди, которые думают погубить меня и всех нас, истребить сей град и, следовательно, всю вселенную. Сих я, консул, вижу и от республики прошу приговора: и которых мечом погубить должно, тех ниже словом уязвляю. И так был ты, Катилина, у Лекки в доме: разделил Италию на части; положил, по своему хотению, куда кому идти; выбрал, кому в Риме остаться и кого с собою вывести; расписал части града к зажжению. В таких обстоятельствах, Катилина, поступай далее в начале твоем деле: выйди наконец из города: ворота отворены; поезжай: уже чрез меру долго



Герои Троянской войны: 1. Агамемнон. 2. Ахиллес. 3. Нестор.
4. Улисс. 5. Диомед. 6. Парис. 7. Менелай.

Редкая резьба по меди с древнегреческих изображений знаменитого русского резчика Н. Уткина

ожидает манлианское войско тебя, своего предводителя; выведи с собою всех своих сообщников, или хотя большую часть оных; очисти город; от великого меня избавишь страху, сколь скоро между мною и тобою стена будет: с нами быть тебе больше невозможно. Не снесу, не стерплю, не поущу.

§ 120

Прочие страсти обстоятельно и особливо не предлагаются здесь, для того что 1) возбуждаются по большей части чрез вышелоказанные: как желание чрез возбуждение любви и надежды, отвращение движением ненависти и боязни, 2) что не только у авторов употребительны. И так остается еще упомянуть о смехе и о слезах. Первое происходит от представления таких вещей, которые в себе *прекословие* заключают, то есть которые в натуре быть не могут или нравам и обыкновениям человеческим весьма противны и общему понятию странны кажутся, как:

О волк, овец изрядный пастырь!

О чем смотреть должно в третьей главе второго разделения сея части, также и в следующей главе сего разделения. Возбуждают авторы смех особливо в комедиях, сатирах и эпиграммах, где главное и нужное сего употребление. Но в прозаичном, а особливо в важном слове должно оно остере-

гаться и не употреблять, как только соединив с некоторою осанкою и удаляясь от подлости, в чем Цицерон имел великое искусство. Пример из его слова за Мурену⁶⁰ о стоическом учении:

Понеже сие слово предлагаем не перед простым народом, ни в собрании сельских людей, для того несколько посмелее о нравовании поговорим то, что вам и мне приятно. Преизящные и божественные добродетели, которые мы видим в Марке Катоне, за собственные его почитайте; но примеченные в нем недостатки не от природы, но от учителя происходят. Был некто превеликого остроумия человек, именем Зенон. Ревнители его изобретений называются «стоики». Мнения и законы его таковы суть: не должно премудрому склоняться на милость, никому не прощать в преступлении. Никто не может быть милостив, кроме безумных и легкомысленных. Мужу не прилично удерживать гнев и на просьбу склоняться. Одне премудрые суть прекрасны, ежели они изуверы; богаты, ежели отнюдь ничего не имеют; короли, ежели живут в порабощении; а нас не премудрых называют они беглецами, ссыльными, неприятельми и безумными. Все согрешения у них суть равны; всякой порок ставят за превеликое беззаконие. У них не за меньшее преступление почитается, когда кто убьет петуха без нужды, нежели кто отца своего удавит. Премудрый ничего не чает, ни в чем раскаяния не имеет, ни в чем не обманывается, никогда мнения своего не пременяет.

На сие, как говорят, сказал Катон: *Боже мой, коль смешного имеем консула!* Также хотя Квинтилиан⁶¹ и другого о сем мнения, то есть чтоб важное слово насмешства в себе не имело, и говорит: *Многие верят, что Димосфен не имел к тому натуральной склонности, а Цицерон меру.* Однако в сем Цицерона оправить должно: для того что иногда насмешство много больше действует, нежели самая важная речь, как Гораций говорит:

Насмешка остротой скорее проникает
И важные дела свободно пресекает.

§ 121

Слезы слушателей суть похвала риторов, которую, однако, немногие получают. Ибо к сему не одно только сильное и сердца человеческие преклоняющее красноречие приводит, но не меньше того свойства и вид самого ратора, обстоятельства, время, место и состояние самой предлагаемой материи действует. Хотя слово Флавия⁶², епископа Антиохийского, предложенное к Аркадию, греческому императору, для испрошения оному городу прощения, состоит из важных и сердце человеческое движущих идей, как то Златоуст изображает, однако помянутый государь не меньше побужден был к слезам плачевным видом того седилами украшенного и слезами обливающегося архиерея, нежели жалостными его словами.

§ 122

Часто и с немалым успехом для движения одной страсти возбуждают риторы другую, как для радости надежду или честолюбие, для печали боязнь или стыд, для милосердия любовь и прочая. Цицерон в последнем слове против Верреса, чтобы на него возбудить гнев в судьях, движет в них сожаление к Гавию, которого Веррес в Сицилии мучил:

Били розгами среди Мессинской площади гражданина римского. Между тем никакого стона, никакого крику от бедного сего человека не было слышно, кроме сего: «Я римской гражданин». Он чаял, что воспоминанием сего гражданства отвратит все удары и отторгнет все мучения от своего тела. Но чрез сие не только не получил

себе никакой помощи, но еще, когда часто призывал в помощь и употреблял имя сего града, сверх того виселицу приготавливали несчастливому и оскорбленному сему человеку, которой никогда не видал такой власти. О, сладчайшее имя вольности! О, преизящнейшее право нашего града! и прочая.

И Уликс у Гомера, приводя Ахиллеса к жалости, возбуждает в нем гнев против Гектора и других троян, что смотри в § 114.

§ 123

К утолению страстей служат еще сверх вышепоказанного (§ 99) следующие два правила: 1) каждая страсть имеет себе противную, то для утоления оная сию возбудить должно; и так противное от противного уничтожится. Таким образом, печаль утолить можно возбуждением радости, любовь возбуждением ненависти и прочая, 2) каждую страсть можно представить силлогизмом и потом одну или и обе посылки опровергнуть, например: кто радуется, тот думает так: *Кто такую вещь получил, тот нажил великое добро и посему имеет причину, чтобы радоваться; но я такую вещь получил, следовательно, имею великое добро, и потому мне радоваться должно.* Здесь надлежит показать, что в оной вещи нет никакого добра или оно весьма мало, или хотя бы оно подлинно было, однако он того не имеет, или оно не надежно.

§ 124

Предложенным о движении и утолении страстей правилам следует учение о том, как себя или кого-нибудь другого представить страстным, что весьма нередко употребляют сочинители слова. Немало служат сие и к возбуждению и утолению страстей. Ибо кто хочет в одном возбудить любовь или утолить ненависть, тот может представить и описать живо, как другой его любит; или кто хочет солдат своих возбудить к надежде и смелости, тот может изобразить, в какой робости неприятели их находятся. Или, возбуждая радость, представить неприятелей печальных, как Цицерон Катилину в слове 2.

§ 125

Правила, которые служат к изображению страстных людей, суть те же, по кото-

рым страсти возбуждены бывают, и вся разность в том состоит, что сочинитель слова, возбуждая страсти, слушателям показывает и внушает оных причины; а изображаемый страстный человек представляется так, что он свою страсть показывает, изъявляя те же причины, которые его в страсть приводят. Например, чтобы представить кого в радости, то должно сказать, 1) как он тем услаждается, что получил великое добро, 2) а особливо что он оное любил и ныне любит, 3) как он в радости воспоминает положенные труды, преодоленные препятствия и беды в снискании оного, 4) как ему то приятно, что он сие добро один получил, хотя и другие тоже достать старались, и прочая (смотри § 103). Амвросий святой, изъявляя печаль и любовь о умершем брате своем Сатире, говорит в надгробном слове:

Я тебя, любезный мой брат, учинил наследником; но ты меня наследником оставил. Я тебя желал после себя в жизни оставить; но ты меня после себя жива покинул. Что мне, наследнику своего наследника? что мне делать, оставшемуся после своей жизни? что мне делать, лишившись света, которого желаю? о тебе ли мне, любезный мой брат, не жалеть? о тебе ли позабыть? какое благодарение, какой дар тебе воздам? кроме слез, ничего не могу. Или, может быть, надеясь на свои заслуги, и слез не требуешь, которые мне о дне остались: ибо еще при своей смерти запрещал ты о себе плакать и удостоверивал, что смерть тебе сноснее, нежели печаль наша. Имею себе залог, которого ни едино странствование от меня не отторгнет, имею оставшуюся для объятия плоть твою, имею гроб, которой телом своим покрою. О, дабы возмог я противу твоей смерти повергнуть свое тело. Когда бы мечи устремлялись на твое заступление, то бы я себя за тебя представил. Ничего не помогло мне почерпание последнего твоего дыхания, ни мои тебе, умирающему, вдохновения. Ибо я чаял чрез сие воспринять в себя смерть твою или жизнь свою тебе вдохнуть.

Сенека представляет честолюбие Гёркулесово в трагедии, называемой «Гёркулес Этейский», таким образом:

Зевес, богов отец, в твоей деснице гром
Страшит восток, и юг, и дальный солнцев дом,
Я мир тебе принес, ты царствуй безопасно:
Что было на земли и в Тартаре ужасно,
То все я сокрушил геройской сей рукой

И свету показал, что я рожден тобой.
Уж некуда тебе бросать гремящи стрелы:
Я спас от лютых бед вселенныя пределы.

И Калфурний⁶³ в буколических своих стихах говорит в любовной страсти:

Ах, жалко! без тебя лилеи почернели,
И ясные струи и вина мне противны;
Но если придешь ты, лилеи побелеют,
И ясные струи и вина будут сладки.

§ 126

В изображении страстного человека представляют при словах его вместе и движение тела, как взгляды, махания и плескания руками, трясение членов и прочая: что дает великую живность слову и умножает силу красноречия. Так изображает Цицерон печального Катилину, о чем смотри в примере (§ 105):

Лежит повержен, римляне, и часто, изворотив глаза, оглядывается на сей город, о котором, из члостей своих исхищенном, плачет.

И Овидий, представляя гневного Аякса в словопрении с Уликсом о оружии Ахиллесово, говорит в 13 кн. о превращениях:

Он, гневом воспален, возвел свирепый взор
На Илионский брег, где гречески суда,
И, руки протянув, вскричал: О сильный боже!
Пред флотом я в суде, и мне Уликс соперник!

§ 127

Весьма возвышается слово смешением страстей: и для того славные авторы нередко представляют одного человека, двумя разными или и противными страстями объятю. Так Virgilий изображает Дидону, королеву карфагенскую, одержимую яростию, раскаянием и отчаянием при отъезде Энея, князя троянского, в 4 книге своей «Энеиды»:

Уже всходя, заря на землю сыплет блеск,
Восстав с багряного Тригонова одра.
Дидона на свету с высокого чертога
Узрела, что уж флот отходит парусами
И что на берегу матросов больше нет;
Ударила рукой в свою прекрасну грудь.
И, волосы свои терзая, говорит:
О боже мой! уйдет пришлец сей, насмеявшись?
Или не хочет град за ним бежать в погоню?

И карфагенской флот ограбить их судов?
 Расправьте парусы, с огнем гребите вслед.
 Но что я говорю? где я? и где мой разум?
 Тебя злой рок постиг, несчастлива Дидона!
 Тогда б то говорить, когда давала скиптр.
 Таков мне верен тот, что отческих богов
 И в старости отца из пламени исхитил.
 Не можно ль было мне терзать его на части?
 Убить товарищей и сына умертвить
 И члены бы его отцу во пищу дать?
 Но счастье на бою сомнительно. Да пусть бы.
 Кто хочет умереть, кого ему бояться?
 Сожечь было весь флот и сына и отца
 Тем жаром истребить и вдруг саму себя.
 О солнце, что на всю вселенную взираешь,
 И знающая всю тоску мою Юнона,
 Прозерпина, и вы, о мстящие фурии,
 И боги умереть желающей Дидоны!
 Внемлите и мою услышите мольбу:
 Когда Зевес судил, чтоб лютый сей злодей
 Достигнул до земли и до берегов Гесперских,
 Что рок так положил и пременить не можно,
 То пусть хотя его жестока мучит брань;
 Изгнан и отлучен от сына своего,
 Пусть просит помощи, зря злую смерть друзей.
 И как уж заключит поносный мир с врагами,
 То пусть тогда, своим не насладився царством,
 Не видев радости, безвременно падет
 И будет посреди песку непогребен.
 Сего прошу и дух мой с кровью проливаю.

У Сенеки Медея⁶⁴ борется с двумя противными страстями, со гневом и любовью к своим детям, которых она убить хочет за неверность отца их Язона, следующим образом:

Умножь теперь свой гнев и будь бодр,
 как прежде,
 И стары злы дела почти за добродетель.
 Медея ныне я, и дерзость в зле растет,
 Весьма полезно мне, что мной убит мой брат,
 Что мной растерзан был и на пути разметан,
 Полезно, что отец лишен руна златого.
 Не знаю, что теперь злой дух мой умышляет
 И сам себе едва представить ясно смеет.

К неслыханному злу рука моя готова.
 Примите, дети, казнь за отческу неверность.
 Трепещет грудь моя, и члены цепенеют!
 Отходит лютость прочь: я стала снова мать.
 Ах! как мне кровь пролить драгих своих детей?

Однако не мои, пускай уже погибнут.
 Ах, нет, они мои! ни в чем они не винны!
 Но равно, как они, и брат невинен был.
 Что зыблешься, мой дух? и слезы что текут?
 Любовь влечет в страну, а гнев влечет в другую.

Ко мне, дражайший плод, в объятия бегите:
 Единых видит вас сей скорбный дом отраду.

Но ненависть кипит, болезнь воспламенилась,
 И прежней гнев бодрит мои к убийству руки.
 Я следую тебе, куда ни поведешь.

§ 128

О предложенных в сей главе правилах для возбуждения, утоления и изображения страстей может кто подумать, что они не происходят от общего источника изобретения, то есть от мест риторических, как учения, в прочих главах предложенные. Правда, что оне имеют свое основание на философском учении о нравах, однако причины, возбуждающие страсти, должно распространять из помянутых мест риторических, например: когда для возбуждения радости представить хочешь полученное великое добро, то можешь с похвалою предложить пространно его части (§ 57), описать лучшие материальные или жизненные свойства (§ 58 и 59), показать знатные его действия (§61) и из прочих мест увеличить и доказать его достоинство. И таким образом можешь поступать и в рассуждении прочих правил как при возбуждении, утолении или изображении сея, так и других страстей.

Глава седьмая

О ИЗОБРЕТЕНИИ ВИТИЕВАТЫХ РЕЧЕЙ

§ 129

Витиеватые речи (которые могут еще называться замысловатыми словами или острыми мыслями) суть предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или и чрез естественным образом, и тем составляя нечто важное или приятное, например:

Александр, толиких государей и народов победитель, побежден был своим гневом и все имел в своей власти, кроме страстей своих, и не знал, что большая всех власть есть повелевать себе самому (Сенека в посл. 119).

§ 130

Таковыми предложениями нередко оживают и возвышают слово славные авторы. Из греческих ораторов весьма много витиеватых речей имеют Григорий Назианзин, Григорий Селевкийский, из латинских молодой Плиний в панегирике Траяну-кесарю, Сенека в прозе и в стихах. Из стихотворцев больше всех употребляет их Овидий во всех своих книгах и Марциал в эпиграммах. И хотя великие начальники красноречия, Гомер, Димосфен и Цицерон, оные редко употребляют, однако многие примеры показывают, что они в составлении замысловатых предложений весьма искусны были и только для того не часто их в речах своих вместили, что Гомер писал героическую поэму, а Димосфен и Цицерон упражнялись больше в гражданском, а особливо в судебном красноречии, в которых витиеватые речи не так уместны, как в других материях. Правда и то, что в самые древнейшие времена за острыми мыслями авторы, как видно, не так гонялись, как в последовавшие потом и в нынешние веки. Ибо ныне не имеющее острых мыслей слово уже не так приятно кажется, как бы оно в прочем велико и сильно ни было. И для того, следуя вкусу нынешнего времени, предлагаем здесь несколько правил о изобретении витиеватых речей, о чем древние учителя красноречия мало упо-

минают. Но сие показываем не с таким намерением, чтобы учащиеся меры не знали и последовали бы нынешним итальянским авторам, которые, силясь писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко замираются.

§ 131

И так понеже витиеватые речи состоят в необыкновенном, нечаянном или чрез естественном сопряжении подлежащего со сказуемым, то должно быть таким способом, по которым оное сопряжение в действие произведено бывает. Мы изыскали оных четырнадцать: 1) *соединение*, 2) *разделение*, 3) *приложение*, 4) *отъятие*, 5) *включение*, 6) *выключение*, 7) *перенесение*, 8) *превращение*, 9) *увеличение*, 10) *уменьшение*, 11) *умножение*, 12) *уравнение*, 13) *противоположение*, 14) *уподобление*. Чрез сии способы составили мы следующие правила из мест риторических, которые по порядку оных мест располагаем.

§ 132

От рода и вида произведены бывают витиеватые речи 1) чрез соединение, когда виды, некоторое сопротивление или несходство имеющие, соединяются вместе:

В златые дни со львом бессильный агнец спал.
И голубь с ястребом безбедно в лес летал.

2) Разделением, когда один вид в два разделенным представляется:

Сребро скупым сребро, железо людям щедрым.

3) Превращением, когда один вид в другой превращаем:

Фират всегда в лесах за дичью на охоте
И чуть успеет есть, и то в пыли и в поте.
Кто скажет, чтоб он был в сем деле не удал?
Он сам уж от того свирепым зверем стал.

§ 133

От частей рождаются витиеватые речи, 1) когда разным частям одно действие приписывается, заключенное в одном глаголе, относимом к двум страждущим вещам:

Благочестивый монарх единою рукою Бога, другую подданных объемлет.

2) Когда частям противные свойства, или действия, или страдания приписуются:

Льстивый человек мед на языке, яд в сердце имеет.

3) Когда в животных вещах к каждой части приложено будет приличное жизненное свойство:

Лице светлое щедротою, уста утешением сладкие, грудь искренностью отверстая.

4) Когда от одной части отъятое в другой оставляется:

Великий Петр хотя отнят от нашего зрения, однако в сердцах наших всегда пребывает.

5) Когда действия, свойства или обстоятельства частей одно на другое переменяются:

Для чего слепой лучше прочих слышит, глухой лучше видит? для того что оный ушами видит, а сей глазами слышит.

6) Когда разные части уподобляются частям другой вещи и потом целое с целым сносится. Пример из Марциала:

На белых волосах у Аппия зима,
И лето на глазах, горящих от вина,
Как пьет, то по носу фиалки расцветают
И точно тем весны средину представляют,
Как в осень, щеки все брусники полны зрелой.
Не всяк ли видит год изображен тут целой?

§ 134

От свойств замыслы составляются,

1) когда одному свойству приписуются противные действия или страдания в двух подлежащих:

Глупостью бедный приводит в смех, а сильный в слезы.

2) Когда одно свойство другому как воспевающее представляется:

Злой и глупый богач одним путем ходят: оной хотя добро сделать умеет, однако не хочет, а сей хотя и хочет, однако не умеет.

3) Когда одному свойству к противным между собою вещам сходное действие приписуется:

Великодушный человек счастье свое умеренно правит, несчастье терпеливо сносит.

4) Когда одна страсть в противную переменяется:

Праведный гнев есть милосердие.



Великий слепец — песнопевец Гомер.
По древнегреческому изображению

5) Когда одно свойство уподобляется другому:

Прекрасное твое лицо небесному уму твоему подобно.

6) Когда свойства между собою или с обстоятельствами уравниваются:

Ты львиною покрыт был кожею в бою
И с острым копием десницу заносил;
Но лучше был ружья твой мужественный дух.
Овидий о превр., 3.

7) Когда одному свойству другое, противное или несходственное, как действие придается:

Тебя мы любим все и все тебя боимся,
Тебя наш любит страх, сама любовь страшится.

8) Когда какое свойство представляется с действием, которое относится к действию другой вещи:

Кичливый, посмотришь в прозрачной здесь воде
И научись, узнав велики той премены.
Ты ныне как пары, от солнца вознесенны.
Она была у звезд, но ныне в исподе.



Сенека.

Античный мраморный бюст

§ 135

От знаменования имени замысловатые речи составляются,

1) когда свойства или дела той вещи или человека уподоблены будут тому, что имя значит:

Кесарь, ты сечешь врагов удобно:

Имя в том делам твоим подобно.

Ибо латинское имя *caesar* происходит от глагола *caedo*, секу.

2) Когда чрез предложение букв произведенное знаменование сносится с действием или свойством той вещи, которая подлинным именем сложенной анаграммы называется, например:

По правде целой мир назваться может Рим:

Он весь мир покорил оружием своим.

3) Когда одно имя в отменных наклонениях само себе противным представляется:

Иные петлею от петли убегают

И смертью себя от смерти избавляют.

§ 136

Действие и страдание витиеватые речи рождают, 1) когда от чего производится противное действие в той же вещи или в двух подобных:

Брега Невы руками плещут,

Брега Балтийских вод трепещут.

Или:

Чем ты дале прочь отходишь,

Грудь мою жжет больший зной;

Тем прохладу мне наводишь,

Если ближе пламень твой.

Или:

Не может слез держать, что слез людских не видит.

2) Когда невозможные действия предлагаются, например:

Прежде агнцы волков ловить, а зайцы львов терзать станут, нежели он нрав свой отменит.

3) Когда обстоятельства самого действия приемлются за препятствия сильные или бессильные:

Жадным победительским рукам не может возбранить пламень, чтобы горящей Трои не расхищали.

4) Когда действующая вещь страдает вместе со страждущею:

Гомер, когда прославлял других своими стихами, тогда и сам себя вечной памяти предал.

5) Когда действие тщетным представляется:

Он пращи и стрелы за плевые и гнилое дерево почитает.

И следующее у Сенеки в 119 послании:

После победы над Дарием и по завоевании Индии Александр был беден. Ищет себе приобретения, испытует моря неизвестные. Что натуре довольно, того недовольно смертному. Нашелся такой человек, которой, получив все, еще был недоволен.

И Аполлоновы слова у Овидия в книге I о превращениях:

Беда мне, что трава любви не исцеляет,

И чем я всех лечу, то мне не помогает!

6) Когда от малой вещи или от ничего великое действие производится, например:

Безрукий и безоружный Сцевола войну привел к окончанию и сожженною рукою своею над двумя королями одержал победу.

Или:

Когда тебя уязвит безумный поношением, рабы лечить не старайся, то скоро исцелеешь.

Так же:

Шумящие листья пугают робных зайцов,

Вещей пустая тень страшит людей пугливых.

7) Когда чему приписуется вымышленное действие, с его свойствами сродное:

Чего ты не делаешь, проклятое золото? ты блестящим своим зрением судей ослепляешь, чтобы не видеть истины; угнетаешь тяжестью сердца их, чтобы не могли подвигнуться к жалости о страждущих неповинно.

И скифские послы говорят Александру Великому у Курция, в книге 7:

Наконец, когда ты преодолешь весь род человеческий, то уже с лесами, со снегами, с реками и с дикими зверьми войну иметь будешь.

§ 137

От времени витиеватые речи рождаются,

1) когда противные или разные времена вместе соединяются:

Не верь обманчивой тишине: во мгновение ока море изменяется и в то же время корабли пожирает, когда они по оному спокойно шествуют.

Или:

Нам полдень с утром вдруг сияет,
Весна плоды и цвет являет
В дражайшей младости твоей.

2) Когда что из одного времени в другое переносится. Так говорит Андромаха к гроянкам у Сенеки:

Ваша Троя ныне, а моя уже тогда упала, когда бесчеловечный Ахиллес терзал мои члены.

И она же у того же Сенеки:

О любезное чадо, рожденное для троян поздно, для матери рано.

3) Когда от времени обыкновенные его свойства, действия или обстоятельства отъежаются:

О весна, юность лета, прекрасная мать цветов, хотя ты возвращаешься, но кроме тоски с собою ничего не приводишь.

§ 138

От места произведены бывают витиеватые речи,

1) когда одному месту противные или разные свойства, действия или обстоятельства приписываются. Так Андромаха говорит у Сенеки к сыну своему Астианаксу, скрывая его в Гекторовом гробе:

Ежели судьбина бедным помогает, то будет тебе здесь защита; ежели жить больше запрещает, то вот тебе гроб.

И Овидий о Актеоне в превращениях, книга 3:

Где прежде он гонял, тут сам уж убегает.

2) Когда действие, от свойств места происходящее, представляется сильным или недействительным:

Хоть ныне я в волнах плыву, но воды не гасят любви.

Или:

Малой человек и на горе мал; исполин велик и в яме.

3) Когда великое к малому или малое к великому месту относится. Патеркул о Помпее говорит:

Толь не согласно само с собою счастье было, что тот не имел гроба, кому вселенной на победы не доставало.

И Виргилий о пчелах:

В толь маленькой плоти великий дух имеют.

4) Когда место от содержимого как измененное представляется:

Сократ таким же лицом вступил в темницу, каким прежде тридцать тиранов привел в порядок, чтобы отнять от одного места бесславие, и темница, в которой был Сократ, не могла быть темницею.

§ 139

Происхождение подает замысловатые идеи,

1) когда происшедшее есть противно происхождению или с ним не сходственно. Скифские послы Александру Великому говорят: *война тебе рождается из победы*.

Или:

Прогнанный у реки полк к брани ободрился,
И пламень от воды военный в нем родился.

2) Когда происшедшее есть подобно происхождению или подобные действия имеет:

Без всякой мы вины любовь зовем слепою:
Рождается в очах, прельщенных красотою.

И Овидий о превращениях в книге 1 говорит о людях, происшедших от камней после баснословного Девкалионского потопа⁶⁶:

Из рук мужских назад поверженные камни
Прияли мужеск вид, из женских рук
вид женский:

Оттуда род наш тверд и сносит труд великий,
И тем, откуда взят, довольно доказует.

§ 140

Замысловатые идеи составляются и от причины,

1) когда малому делу великая причина придается:

Дай нищему землю, дабы получить небо; дай пенязь, дабы приобрести царство; дай нищему, дабы ты дал себе; дай: ибо что ты дашь нищему, то сам иметь будешь; чего не дашь, достанется другому (Златоуст).

2) Когда у действия причина отъемлется:

Не всяк ли говорит? я даром не тружусь,
И даром ничего не дам, и в том божусь.
То правда, и мое в том мнение согласо.
Но даром хоть никго, а многие напрасно.

3) Когда причина есть противное действие, пример из Марциала:

Дивишься, что не дам тебе стихов моих?
Боюсь, чтобы ты мне не подарил своих.

§ 141

От предыдущих и последующих витиеватые речи произведены бывают,

1) когда предыдущее подобно есть последующему:

Беззаконно с Язоном сочеталась Медея, беззаконно разлучилась: брак осквернила братнею кровью, разлучение убийством детей своих.

2) Когда предыдущее с последующим соединяется; пример — о потопленных в Египте младенцах:

О дело, достойное крайней жалости! река убийца и гроб младенцев, рожденные современны смерти, и убийство с рождением соединяется.

3) Когда предыдущее с последующим противны:

В тополовой тени гуляя, муравей,
В прилипчивой смоле увяз ногой своей.
Хотя он у людей был в жизнь свою презрен:
По смерти в ентаре у них же стал почтен⁶⁷.

§ 142

Признаки суть настоящих, прошедших или будущих вещей, и посему сии два последние рода признаков в рассуждении изобретения витиеватых речей имеют те же правила, как предыдущее и последующее, а признаки настоящих рожают витиеватые речи как обстоятельства, то есть,

1) когда они с самым действием так сопрягаются, что сочиняются с тем же глаголом:

Он с жизнью скончал великую болезнь.
Горит всех ревность вдруг с огнем.

2) Когда одно обстоятельство принима-

ется вместо другого. Так Виргилий в 7 книге «Энеиды» говорит о Лавинии:

Засватает тебя Беллона, о девица!

Приданным будет кровь троянска и рутульска.

3) Когда обстоятельство переменяется в самую вещь или действие, до которого оно надлежит, или вещь в самое обстоятельство либо принимает на себя его свойства или действия:

Смотря на цепь свою, он сам оцепенел,
И жалким голосом металл об нем звенел.

§ 143

От подобия составляются острые мысли,

1) когда оно к самой уподобляемой вещи присовокупляется кратко, без союзов уподобления:

Добро не познается, как только потерянное, и на солнце тогда только смотрят, когда оно затмевается.

На что мы плачемся, когда терпим беды?

Пронзенная земля дает свои плоды.

2) Когда одна уподобленная вещь своим действием относится к другой неуподобленной или уподобленной:

Грешник есть земля, но против неба воюет, сено с огнем брань имеет, брение противится своему создателю.

3) Когда вещь сама с собой или с другой подобной как несходная представляется:

Разданный коньми Ипполит
Несходен сам с собой лежит⁶⁸.

§ 144

Противные и несходственные вещи рожают витиеватые речи,

1) когда они соединяются:

Скупой богат есть убог: ибо не он златом, но злато им владеет.

Тот беден в свете сем, кто беден не бывал.

Или:

То плачет человек, то в радости смеется,

То презирует все, то от всего мятется.

Не больше в воздухе бывает перемен.

О коль он легкостью своей отягощен!

2) Когда одно противное или несходственное к другому относится или на оное переменяется. Цицерон в 7 слове против Верреса говорит:

Ты ли дерзнул рабов в Сицилии, к столпу уже

привязанных, освободить и от смерти отторгнуть, о которых ты знал, что они принять оружие и войну против нас начать хотели и что уже по приговору всего совета осуждены и по древнему обыкновению на казнь отданы были? Для того, надеюсь, чтобы ты виселицу, которая была приготовлена рабам осужденным, неповинным гражданам римским оставил!

И о Домитиане⁶⁹ кесаре сказано, что он был неприятель мухам, а неприятелем муха.

Зачем я на жене богатой не женюсь?

Я выйти за жену богатую боюсь.

Всегда муж должен быть жене своей главою,

То будут завсегда равны между собою.

Марциал в книге 3.

§ 145

От уподобления происходят витиеватые речи,

1) когда малое с великим как с равным уравнивается:

Убогий, ничего не желающий, равен есть владельцу, все имеющему!

Когда себя хранил от яду Митридат,

По вся дни принимал в своей он пище яд;

Ты, Цинна, у себя всегда не доедаешь

И тем предостережь себя от гладу чаешь.

Марциал.

2) Когда что само с собою уравнивается:

Великий Александр тогда себя был боле,

Когда повелевал своей он сильной воле.

3) Когда что с обстоятельством уравнивается, как сказано о скупом:

Ты тверже, нежели тот металл,

Который в стену ты заклал.

§ 146

Сии правила о изобретении витиеватых речей предложены все не в таком мнении, что они довольны во всем к сложению оных; но только для того, чтобы охотники до замысловатых предложений, к ним применившись, могли сами собою как в изыскании их самих, так и в сложении подобных правил далее простираться и употреблять в свою пользу. Ни в чем красноречие так не утверждается на примерах и на чтении и подражании славных авторов, как в витиеватом роде слова, и нигде больше не служит остроумие, как в сем случае: ибо не только сие требуется, чтобы замыслы были нечаянны и приятны, но сверх того весьма остерегаться должно, чтобы, за ними излишне гоняючись, не завратясь, которой погрешности часто себя подвергают нынешние писатели: для того что они меньше стараются о важных и зрелых предложениях, о увеличении слова чрез распространения или о движении сильных страстей, нежели о витийстве.

§ 147

Для подражания в витиеватом роде слова тем, которые других языков не разумеют, довольно можно сыскать примеров в славенских церковных книгах и в писаниях отеческих, с греческого языка переведенных, а особливо в прекрасных стихах и канонах преподобного Иоанна Дамаскина и святого Андрея Критского⁷⁰, также и в словах святого Григория Назианзина, в тех местах, где перевод с греческого не темен.

Глава восьмая

О ВЫМЫСЛАХ

§ 148

Вымыслами называются предложения, которых действительно на свете не бывало или хотя и были, однако некоторым отменным образом. И посему разделяются вымыслы на чистые и смешенные. Чистые состоят из предложений дел или вещей, которых нет и не бывало, как писали Апу-

лей о золотом осле и Петроний свой Сатирикон⁷¹. Смешенные вымыслы состоят из правдивых вещей или действий, однако таким образом, что чрез разные выдуманые прибавления и отмены с оными много разнятся. Таковы суть Гомерова «Илиада» и «Одиссея», Virgilieva «Энеида» и похождение Телемаково⁷².

§ 149

Чистые и смешенные вымыслы суть или *описания*, как у Овидия описан солнцев дом в его превращениях и у Виргилия в Энеиде поля Елизейские, или *повествования*, каковы суть в Овидиевых превращениях повествования о сражении центавров⁷³, о перемене нимфы Дафны в лавровое дерево, Атланта в гору и прочая.

§ 150

Еще разделяются вымыслы на *цельные* и *частные*; цельными называем те, которые составляют целое слово, частными, которые в правдивое слово ораторы и стихотворцы для его возвышения вмещают, чему примеры смотри ниже, §§ 153, 162 и 163. Такие частные, в правдивом слове употребленные вымыслы подобны военным хитростям, в сражениях бывающим: ибо как с довольным числом солдат и всякого военного снаряду, с искусством, как употреблять оружие, и с сильным и мужественным на врагов нападением военные хитрости употреблять весьма полезно, так и вымыслы, при увеличенном чрез распространения слове, при основательных доказательствах и при движениях страстей, весьма много способствуют. И как от военных хитростей приходят неприятели в замешательство и в беспорядок и принуждены бывают переменить или и совсем позабыть свои намерения, так и слушатели слова вымыслами восхищаются и позабывают свои возражения на предлагаемую материю.

§ 151

Цельные вымыслы в стихах суть героические поэмы, трагедии, комедии, эклоги, басни и притчи; в прозе повести и также басни и притчи. О стихах обстоятельно предложено будет в третьей книге сего руководства. Повестью называем пространное вымышленное чистое или смешенное описание какого-нибудь деяния, которое содержит в себе примеры и учения о политике и о добрых нравах; такова есть Барклаева Аргенида⁷⁴ и Телемак Фенелонов. Из сего числа выключаются сказки, которые никакого учения добрых нравов и политики не содержат и почти ничем не увеселяют, но только разве своим нескладным пле-

теньем на смех приводят, как сказка о Бове⁷⁵ и великая часть французских романов, которые по большей части составлены от людей неискусных и время свое тщетно препровождающих. Баснею называем краткий цельный вымысел, которой служит к возбуждению веселья или любви и к оных изображению. Такие басни в прозе писал Филострат⁷⁶ о купидонах, а в стихах Анакреон; примеры смотри § 299 и 300. Притча есть также краткой вымысел, соединенный со нравоучением, которое из оного следует. Примеров довольно видеть можно в Эзопе⁷⁷. Такие притчи, как и все вымыслы, разделяются на *натуральные*, *ненатуральные* и *смешенные*. Натуральные суть те, в которых ничего чрез естественного не заключается, как притча о женщине и о лекаре. Ненатуральные, в которых бессловесным животным дается слово или действия человеческие, как притча о журавле и о лисице. Смешенные суть те, которые состоят из разговоров или действий натуральных и ненатуральных, например, как жаворонок с человеком разговаривает.

§ 152

Частные вымыслы разделяются на *прямые* и *косвенные*. Прямые предлагаются просто, наподобие подлинных деяний, без всяких оговорок, как героические стихотворцы употребляют в своих поэмах. Пример из Гомеровою «Илиады»:

Пустила по земли заря червлену ризу:
Тогда созвав богов Зевес-громодержитель
На высочайший верх холмистого Олимпа,
Отверз уста свои, они прилежно внемлют:
Послушайте меня, все боги и богини,
Когда вам объявлю, что в сердце я имею.
Ни мужеск пол богов, ниже богинь пол женский
Закон мой преступить отнюдь да не дерзает,
Дабы скорее мне к концу привести все дело.
Когда увижу я, из вас кто с неба сойдет
Во брани помощь дать троянам либо грекам,
Тот ранен на Олимп со срамом возвратится,
Или, хватив его, повергну в мрачный Тартар,
Далече от небес в преглубочайшу пропасть,
Где твердый медный пол и ворота железны
[и прочее].

§ 153

Косвенные вымыслы имеют в себе некоторую оговорку или какое-нибудь умягче-



Анакреон.
С античной монеты

ние, чем они с правдою сопрягаются и к ней ближе подходят, как в следующих примерах умягчаться вымыслы условием:

Пример 1.

Если бы какого преизящнейшего града изображение в небе вместить надлежало, как сказывают о Ариадниной короне, о реках и о животных, богам любезных, то рассуждаю, что Смирна пред прочими сея чести была бы достойна (Аристид в слове к Антонинам).

Пример 2.

Когда бы древни лета знали
Толику бодрость с красотой,
То б храмы в честь твою создали
И жертвой чтили б образ твой⁷⁸.

§ 154

К изобретению вымыслов больше всего служат примеры славных авторов; однако уповаем, что несколько полезны будут и следующие правила, которые взяты с лучших примеров и основаны на тех же средствах, которые предложены для изобретения витиеватых речей, также и на местах риторических. В них предлагаем учение, как составлять чистые вымыслы; потом показываем способы, как оные изображать косвенно.

§ 155

Первое правило к составлению чистых вымыслов утверждается на соединении, когда разные виды в одно тело соединяются. Так у древних стихотворцев центавры вымышлены, одна половина из человека, а другая из коня; сиренам дана верхняя часть девицы, нижняя рыбы; химере голова льви-

ная, хвост змеиной, а середка козья. Для примеру присовокупляется описание гарпий из 3 книги Виргилиевой «Энеиды»:

Избавившись от бурь, пришли мы к островам,
Стоящим посреде Ионических вод,
Что греческий народ Строфадами зовет.
Со злой Целеною в них гарпии живут.

Противнее нигде чудовищ оных нет,
Ни злейшей язвы ад на свет не испускал.
Имеют женский зрак ужасные те птицы,
И ногти острые, и смрадно гноем чрево,
От гладу завсегда бледнеет их лицо.

§ 156

Второе состоит в приложении, когда части, свойства или действия вещам придаются от иных, которые суть другого рода. Таким образом прилагается бессловесным животным слово, людям излишние части от других животных, как сатирам рога и хвост, Медузе змеи на голову, Персею и Пегасу крылья, бесплотным или мысленным существам, как добродетелям и действиям, плоть и прочая. Пример из Овидиевых превращений о южном ветре, книга 1:

Уже юг влажными крылами вылетает,
Вода с седых власов и дождь с брады стекает,
Туманы на лице, в росе перната грудь.
Он облака рукой едва успел давнуть,
Внезапно дождь густой повсюду зашумел.

Другой пример из того же автора о зависти, книга 2 о превращениях:

И как туда пришла военная Минерва
И стала у дверей, что в дом вступить не можно;
Толкнула в них копьем, отверзся скоро вход,
Увидела внутри, как зависть ест змию
И кровию ея свою питает злобу;
Узрела, и свой взор богиня отвратила.
Она встает с земли, оставив ползмию,
Ленивою ногой к богине подошла,
И, видя, что она красно вооружена,
Вздыхнула и, лицо нахмурив, восстала.
Всегда бледнеет зрак, и кожа на костях,
Глядит из-под бровей, и ржавчина в зубах,
Желта от желчи грудь, и яд течет с языка.

Сюда принадлежит и следующее:

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря,
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря
[и проч.]⁷⁹.

Из сих примеров видно, что когда бездушным вещам, действиям, добродетелям или порокам дается вид человеческой или другого какого-нибудь животного, то должно наблюдать подобие вымышленного изображения с самою вещью, которая под таким видом представляется, придавать ей действия, свойства и обстоятельства, сходные с действиями, свойствами и обстоятельствами самой оной вещи.

§ 157

Противное приложению отъятие также иногда служит к составлению вымыслов, когда действительные натуральные части отъежаются. Таковы у древних стихотворцев вымышлены были циклопы об одном глазе. Однако сей способ не таков плодovit, как прибавление.

§ 158

Увеличение вещей к составлению вымыслов весьма способно, которым стихотворцы особливо возвышают героические поэмы, представляя вещи чрезвычайно великими, к чему много силы придают ужасные действия и свойства. Так у старинных стихотворцев великими представлены Атлас, гиганты и прочая. Пример из 3 книги *Виргилиевой «Энеиды»*:

Он чуть сказать успел, уже с верху горы
Спускается к водам великая громада,
Ужасный Полифем идет между овцами,
Лишенный зрения и скверный изувер
Несет рукою дуб и тем дороги ищет.

Зубами заскрыпел и с стоном в море вшел,
Едва во глубине до бедр достали волны
[и проч.].

Сему подражая, *Камуенс* представляет мыс *Доброй Надежды* под видом страшного исполина:

Между тем как я говорил, увидели мы возвышающееся на воздух мечтание ужасной величины. Уродливый его вид и нескладный стан был по мере возраста. Славный *Колосс Родийский*, которой почитался между седьмию дивами на свете, не мог бы сравниться с высотой сего чудовища. Гнусные его члены казались быть исполнены непобедимую крепостью. Ужас, суровость и злоба все тело его покрывают. Лицо его поспулено и прискорбно, голова печальным образом на грудь приклонена,

борода клочилась, глаза опустились в темные ямы, из которых выходят искры и тусклый, бледный и кровавый пламень. Испустил ужасное стенание, которое как из глубочайших морских пропастей происходило. Холод обнял наше тело, и волосы поднялись кверху. Взор и голос его наводят стужу на кровь нашу. «*Португальцы!* — закричал он, — о народ предерзкий паче всех народов, народ кичливый и презирующий сладость спокойного жития и ищущий тщетной славы толикими трудами, бедами и тягостями» [и прочая].

Сюда же принадлежит и следующее:

Я духом зрю минувше время:
Там грозный зрится исполин
Рассыпать земнородных племя
И разрушить натуры чин.
Он ревом бездну возмущает,
Лесисты с мест бугры хватает
И в твердь сквозь облака разит;
Сиканской как вулкан дымится,
Так мгла из челюстей курится
И помрачает солнца вид⁸⁰.

Увеличению противно умаление, однако в сложении вымыслов оное почти нигде у знатных авторов не употреблено, и мне ничего не известно кроме пигмеев, которые у древних упоминаются, и больше почесть должно за враки, нежели за вымысел.

§ 159

Чрез умножение составлены быть могут вымыслы, когда части свыше натурального умножаются. В пример служить могут вымыслы древних стихотворцев о *Аргусе* стоглазом, о *треглавом Цербере*, о *сторучных центиманах*, о *Янусе*⁸¹, два лица имеющем.

Уже слух по градам быстро течет ливийским;
Во всей подсолнечной сего зла злее нет.
Проворна и бодра, растет в пути своем.
Мала в рождении и ходит боязливо;
Но вскоре до небес главу свою возносит.
Под каждым та пером имеет быстры очи
И уши и уста, гласящи беспрестанно.

Виргилий, кн. 4 «Энеиды»

§ 160

Шестой способ к изобретению вымыслов есть превращение, когда что в другое превращается, примеров сего весьма довольно, а особливо у *Овидия*: ибо он о превращениях сочинил пятнадцать книг, из которых для образца следующее предлага-



А. Д. Кившенко.

ПЕТР I ЗА РУЛЕМ ПАРУСНОГО БОТИКА НА ЯУЗЕ-РЕКЕ



*Роберт Кер Портер. Петр I.
Фрагмент. 1807 г.
(слева)*

*Н.И. Иванов. Граф А. И. Остерман.
1811 г. (вверху справа)*

*Неизвестный художник.
Портрет Витуса Беринга.
Первая половина XVIII в.
(внизу справа)*

ется о превращении нимфы Дафны в лавровое дерево⁸²:

Едва она свою молитву окончала,
Корой покрылась грудь, оцепенели члены,
И руки отраслями, и ветвями власы,
Глава вершиною, и ноги корень стали.
Однако Феб любя к стеблю рукой коснулся,
Почул, как бьется грудь под новою корою.

§ 161

Седьмой способ к составлению вымыслов есть преложение с места на место или из одного времени в другое. Первого примеры суть: похищенная Плутоном Прозерпина, между звездами вмещенная Ариадна на корона⁸³, Кастор и Поллукс⁸⁴ и другие; также и следующие:

Но спешно толь куда восходит
Внезапно мой плененный взор?
Видение мой ум возводит
Превыше Тессалийских гор!
Я деву в солнце зрю стоящу,
Рукою отрока держащу
И все страны полнотны с ним.

Пример второго суть следующие стихи из Сенеки, в которых Андромаха мечтает себе Гектора как живого:

Расторгни смертны узы, Гектор,
Раздвинь земное недро,
Карай Уликса;
Одна твоя к тому довольна тень.
Оружием гремит
И на ахейский флот бросает хищный пламень!

Иногда прошедшее время относится в настоящее и изображается под видом места, например:

Сквозь тучи бывшая печали,
Что лютый рок на нас навел,
Как горы о Петре рыдали
И Понт в брегах своих ревел,
Сквозь страшны россам перемены,
Сквозь прах, войнами возмущенный,
Я вижу тот пресветлый час.
Там вкруг младой Елисаветы
Сияют счастливы планеты

[и прочая]⁸⁵.

§ 162

Предложенные семь способов по большей части служат стихотворцам в высоких поэмах, как и из прикладов усмотреть можно. Однако последнего довольно при-

меров есть и у великих ораторов. Так Златоуст начинает слово на усекование главы Предтечевы:

Паки Иродиа бесится, паки смущается, паки пляшет [и прочая].

И Цицерон в слове за Секста Росция Америна⁸⁶:

Не сие ли, о чем вы прежде слышали, судии, ныне ясно видите? не видите ли сего человека, которой, не зная о своем несчастье, после ужина возвращается? не видите ли устроенного на него коварства и внезапного нападения? не обращается ли пред очами вашими в убийстве Главция?

§ 163

Умягчаются вымыслы и в косвенные обращаются тремя способами: *условием, сомнением значащими словами и фигурами*. Сии способы как у ораторов, так и у стихотворцев употребительны, а особливо первый ораторам весьма приличен, которого примеров в Цицероне довольно сыскать можно, каковы суть следующие. Пример из седьмого слова против Верреса:

Если бы какой государь, если бы какой город из чужих народов или бы какое государство так с римским гражданином поступили, не публично ли бы мы отмщали? не войною ли бы против них восстали? могли ль бы мы обиду и поругание римского имени без мести и без казни оставить?

И в том же слове несколько пониже:

Когда бы я сие говорил у скифов, не здесь, при толиком множестве граждан римских, не при избранный града сего сенаторах, ниже на площади среди римского народа, о толиких и толь жестоких мучениях граждан римских, то бы и оных варваров сердца подвигнул.

Также в слове скифских послов к Александру Великому:

Если бы боги благоволили дать тебе величину тела, равную жадной душе твоей, то бы тебя вселенная не вместила: одною бы ты рукою коснулся восходящему, другою заходящему солнцу; и, сего достигнув, пожелал бы ты знать, где сего толь светлого божества блистание скрывается⁸⁷.

Примеры умягченных вымыслов словами, сомнение в себе заключающими:

Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стенала от зыбей,



Ахиллес-победитель.

С английского резанного на меди изображения XVIII века

Что вихри в вихри ударялись,
И тучи с тучами спирались,
И устремлялся гром на гром
[и проч.].

Второй пример:

О вы, недремлющие очи,
Стрегающие небесный град!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда, покоясь, смертны спят,
Взираете сквозь тень густую
На целу широту земную.
Но чаю, что вы в оной час,
Впротив естественному чину,
Петрову зрели дочь едину,
Когда пошла избавить нас⁸⁸.

Примеры умягченных вымыслов фигурами:

1) Мечтанием:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,

Где ветер в лесах шуметь забыл,
В долине тишина глубокой,
Внимая нечто, ключ молчит,
Что меж травой в лугу журчит
И с холмов вниз шума стремится.

2) Вопросением:

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музыку,
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику
[и проч.]⁸⁹.

3) Обращением:

Но, о прекрасная планета,
Любезное светило дней!
Ты ныне, чрез пределы света
Простерши блеск твоих лучей,
Спасенный север освещаешь
И к нам веселый вид склоняешь
[и проч.]⁹⁰.

Конец первой части

Часть II

О УКРАШЕНИИ

Глава первая

О УКРАШЕНИИ ВООБЩЕ

§ 164

Украшение есть изобретенных идей пристойными и избранными речениями и оборотами изображение. Состоит в чистоте штиля, в течении слова, в великолепии и силе оногo.

§ 165

Чистота штиля зависит от основательного знания языка, от частого чтения хороших книг и от обхождения с людьми, которые говорят чисто. В первом способствует прилежное изучение правил грамматических, во втором выбиpание из книг хороших речений и выражений, в третьем старание о чистом выговоре при людях, которые красоту языка знают и наблюдают.

Что до чтения книг надлежит, то перед прочими советую держаться книг церковных (для изобилия речений, не для чистоты), от которых чувствую себе немалую пользу. Сие все каждому за необходимое дело почитать должно: ибо кто хочет говорить красно, тому надлежит сперва говорить чисто и иметь довольство пристойных и избранных речений к изображению своих мыслей.

§ 166

Чрез течение слова разумеется здесь то, что у латин называется Numerus oratorius⁹¹. Оно состоит в порядочном положении и вместиении писмен, складов с их ударениями, речений, периодов и их членов, не по разумению и знаменованию самих сложенных идей, то есть распространений, доводов, движений страстей, витиеватых речей и вымыслов, что надлежит до третьей части расположения, но по оных произношению, ударению и мере, о чем предлагаем в следующей главе.

§ 167

Великолепием украшается слово чрез пренесение речений или предложений от собственного знаменования к другому, которые пренесения у греков называются *тропами* и разделяются на тропы *речений* и *предложений*. Троп речения состоит в пренесении одного речения от собственного знаменования к другому, например: *каменный человек вместо скупой; щедрота похвальна вместо щедрый похвален*. Троп предложения состоит в пренесении предложения от собственного знаменования к другому, например:

По сажe глады, хоть бей,
Ты будешь черн от ней.

Вместо: *Со злым человеком ни по доброму, ни по худому делу не связывайся: для того что всегда для него впадешь в бесславие*. И Цицерон в слове за Милона⁹² в начале говорит:

Я подлинно думал, что и в прочие бури и непогоды во время оных народных волнений Милон впасть принужден будет.

§ 168

Сила в украшении риторическом есть такова, каковы суть пристойные движения, взгляды и речи прекрасной особы, дорогим платьем и иными уборами украшенной. Ибо хотя она пригожеством и нарядами зрение человеческое к себе привлекает, однако без пристойных движений, взглядов и речей вся красота и великолепие как бездушны. Равным образом слово риторическое хотя будет чисто составлено, приличным течением установлено и украшено великолепно, но без пристойного движения речений и предложений живности в нем никакой не будет.

§ 169

Сие движение состоит в обращении речений или предложений, которым слово от

простого отменяется. Таковые движения называются фигурами *речений*, как:

Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить⁹³.

Или предложений:

Доколе будешь, Катилина, во зло употреблять терпение наше?⁹⁴

Вместо: *Долго ты, Катилина, во зло употребляешь терпение наше.*

Глава вторая

О ТЕЧЕНИИ СЛОВА

§ 170

В течении слова немало наблюдают ритори в рассуждении писмен, 1) чтобы обогатить непристойного и слуху противного стечения согласных, например: *всех чувств зрение есть благороднее*: ибо шесть согласных, рядом положенные, *вств-зр*, язык весьма запинаят; 2) чтобы удаляться от стечения писмен гласных, а особливо то же или подобное произношение имеющих, например: *плакать жалостно о отшествии искреннего своего друга*: ибо по втором речении трижды сряду поставленное *о* в слове делает некоторую полость, а трема *и* слово некоторым образом изостряется; 3) чтобы остерегаться от частого повторения одного писмени: *тот путь тогда топтать трудно*.

§ 171

Сим правилам, а особливо последнему противное иногда примечено у славных древних авторов, о чем не без причины многие думают, что они такое стечение писмен нарочно употребляли. Но примеров, в них находящихся, предложить на российском языке нельзя, для того что через перевод писмена весьма иные выходят и такого стечения в оном предложить не можно.

§ 172

В российском языке, как кажется, частое повторение писмени *а* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение писмен *е, и, ю* к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей. Чрез *л* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность; чрез *о, у, ы* страшные и сильные страсти, гнев, зависть, боязнь и печаль.

§ 173

Из согласных писмен твердые *к, л, т* и мягкие *б, г, д* имеют произношение тупое, и нет в них ни сладости, ни силы, ежели другие согласные к ним не припряжены; и потому могут только служить в том, чтобы изобразить живые действия тупые, ленивые и глухой звук имеющие, каков есть стук строящихся городов и домов, от конского топоту и от крику некоторых животных. Твердые *с, ф, х, ц, ч, ш* и плавкое *р* имеют произношение звонкое и стремительное; для того могут спомоществовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных. Мягкие *ж, з* и плавкие *в, л, м, н* имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий, равно как и безгласное письмо *ь* отончением согласных в середине и на конце речений. Чрез сопряжение согласных твердых, мягких и плавких рождаются склады, к изображению сильных, великолепных, тупых, страшных, нежных и приятных вещей и действий пристойные; однако все подробно разбирать как трудно, так и не весьма нужно. Всяк, кто слухом выговор разбирать умеет, может их употреблять по своему рассуждению, а особливо, что сих правил строго держаться не должно, но лучше последовать самим идеям и стараться оные изображать ясно.

§ 174

В течении слова должно остерегаться непропорционального положения ударений, то есть не ставить вместе много складов с ударениями один подле другого, и притом много вдруг таких, которые на се-



бе силы не имеют, например: *великодушное мужество твое всем нам дивно: ибо таковое течение весьма не гладко и слуху противно. Сие все происходит от положения вместе коротких речений и соединения долгих. И для того, положив короткие между долгими или переменяв короткое одно либо два на долгие, будешь иметь гладкое слово: твое великодушное мужество всех удивляет.*

§ 175

В рассуждении речений должно остерегаться, 1) чтобы не повторять часто одного, например: *за славу отечества стоял он крепко, когда слава отечества была в бедственном состоянии и когда о помрачении славы отечества неприятели старались*; 2) чтобы речений не перемешать ненатуральным порядком и тем не отнять ясности слова, например: *горы ведет на верх высокой, ибо лучше сказать: ведет на верх горы высокой*; 3) не должно выкидывать речений, нулевых к составлению слова, и тем также умалять его ясность, например: *родителям почтение дело доброе* вместо *родителям почтение отдавать есть дело доброе*; 4) должно блюстись, чтоб двусмысленных речений не положить в сомнительном разумении, например: *он Виргилия почитает*, что можно разуметь двояким образом: 1) *он Виргилия станет несколько читать*, 2) *он Виргилия читит*; 5) в составлении речений не было б подобных складов в начале или на конце, например: *слово ваше важно, и:*

Когда суда в пристанище приходят, тогда труда плователи избегают.

§ 176

Сверх сего наблюдается еще порядок в речениях 1) по их важности или подлости, то есть когда случится предложить речения разного качества, то приличнее поставить наперед те, которые значат важнейшие вещи, а потом и прочие по чину: *солнце, луна и звезды хвалят своего создателя*; 2) по порядку, которым одно за другим следует: *прилежный человек утро и день в трудах препровождает. Дед, отец и братья его знатные люди.*

§ 177

Порядок и обращение периодов в течении слова суть главное дело и состоят в по-

ложении целых и в переносе их частей и членов. Положение целых периодов зависит от умеренного смешения долгих с короткими, зыблющихся с отрывными, чтобы переменою своею были приятны и не наскучили бы одинаким течением, которое, как на одной струне почти ни в чем не отменяющийся звон слуху неприятно. Сюда принадлежит и та осторожность, чтобы периоды не начинались всегда с одной части слова, с одного падежа или времени; но должно стараться чтобы первое речение было то имя, го глагол, то местоимение, то наречие и прочая. То же надлежит наблюдать и при конце каждого периода.

§ 178

Что до переносу членов частей периода надлежит, то надобно смотреть, чтобы подлежащее не всегда было пред сказуемым, или ежели подлежащих или сказуемых много, то не худо их разнестъ так, что когда сказуемое одно, то одно подлежащее поставить наперед, а другое после оно, или когда подлежащее одно, то поставить оное среди сказуемых; равным образом стараться о таких отменах и в других сим подобных случаях.

§ 179

В начале и в конце периодов и их членов наблюдают положение ударений над складами первых и последних речений. В начале периода или члена стоящее ударение на первом складе пристойно в вопрошениях и повелениях и где представляется печаль, страх или что внезапное; на втором и на третьем складе ударение прилично в предложениях о великолепных, важных, радостных и сильных вещах; на четвертом, пятом и прочих складах с начала ударение имеющих речений в пристойном течении слова строго поступать хотящие редко в начале употреблять должны. В окончании периодов всегда пристойнее поставить ударение на другом или на третьем складе от конца последнего речения, кроме сего, чем далее от конца поставлено ударение, тем и непристойнее. На последнем складе стоящее только прилично в вопрошениях и в повелениях, а в прочих случаях слуху неприятно.

§ 180

Правила, предложенные в сей части, служат больше в прозе, нежели в стихах, кроме тех, в которых показано о стечении писмен. Сверх сего помнить должно, что когда два правила в рассуждении некоторых речений не будут вместины, например,

когда натуральный порядок требует одному поставлену быть прежде, нежели другому, а стечение писмен требует противного, то должно поступать по тому, которое исполнить нужные покажется; также больше должно наблюдать явственное и живое изображение идей, нежели течение слова.

Глава третья

О ТРОПАХ РЕЧЕНИЙ

§ 181

Тропы речений знатнейшие суть шесть: метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахрестис и металепис.

§ 182

Метафора есть перенос речения от собственного знаменования к другому ради некоторого обоих подобия, что бывает, 1) когда речение, к бездушной вещи надлежащее, переносится к животной, например: *твердый человек* вместо *скупой*; *каменное сердце*, то есть *несклонное*; *мысли колеблются*, то есть *переменяются*; 2) когда речение, к одушевленной вещи надлежащее, переносится к бездушной: *угрюмое море*, *лицо земли*, *луга смеются*, *жаждущие пустыни*, *земля, плугом уязвленная*, *необузданные ветры*; 3) когда слово от неживотной вещи к неживотной же переносится: *в волнах кипящий песок* вместо *мутящийся*; *небо звездами расцветает* вместо *светит*; 4) когда речения переносятся от животных к животным вещам: *алчный взор*, *летающие мысли*, *лаятель Зоил*.

§ 183

Сим образом идеи представляются много живее и великолепнее, нежели просто. Причем наблюдать должно, 1) чтобы метафоры не употреблять чрез меру часто, но только в пристойных местах: ибо излишне в речь стесненные переносные слова больше оную затмевают, нежели возвышают; 2) к вещам высоким и важным непристойно переносить речений от вещей низких и подлых, например: *небо плюет* непристойно сказать вместо *дождь идет*. Но ежели вещи, от которых слово переносится, не

очень подлы, то могут прилагательными именами быть повышены и употреблены: так, ежели гром назвать трубою, то будет метафора низка; однако с прилагательным, *труба небесная*, будет много выше; 3) к низким и подлым вещам от высоких и важных переносить речения также непристойно, кроме шуток, например: *блистающая солома*, *громогласный комар*.

§ 184

Синекдоха есть троп, когда речение переносится от большего к меньшему или от меньшего к большему, что бывает, 1) когда род полагается вместо вида, как *цвет* вместо *розы*, *ветр* вместо *севера*; 2) вид вместо рода, как *сокол* вместо *птицы*, *река* вместо *воды*. Но притом надлежит остерегаться, чтобы не поступить против натуры, например: *из Кипра в Крит плыть* *способным западом*: ибо оный ветер плывущим в ту сторону противен; 3) когда целое полагается вместо части: *египтяне Нилом жажду свою утоляют* вместо *частью воды из Нила*; 4) часть вместо целого, например: *сто голов* вместо *сто человек*; 5) когда положено будет множественное число вместо единственного, например: *он пишет краснее Цицеронов*; 6) единственное вместо множественного: *россиянин радуется о получении победы* вместо *россияне*; 7) когда известное число полагается вместо неизвестного: *там тысячи валятся вдруг* вместо *множество валится*.

§ 185

Метонимия есть когда вещей, некоторую принадлежность между собою имеющих, имена взаимно переносятся, что бывает, 1) когда действующее вместо страждущего по-



Античное олицетворение Нила

лагается: *имеете Моисея и профок* вместо *имеете книги Моисеевы и пророческие*; *читать Виргилия*, то есть *Виргилиевы стихи*; 2) когда положено будет действие или свойство вместо действующего: *убийство достойно смертной казни* вместо *убийца достоин*; *милость на суде похвальна*, то есть *милостивый*; *где она злоба, которая меня погубила?* то есть *где он злобный?* 3) когда материя приемлется вместо той вещи, из которой она сделана: *Животворящее Древо*, то есть *Животворящий Крест*; *сребром искупить*, то есть *серебряными деньгами*; *пронзен железом*, то есть *железным оружием*; 4) или вещь, сделанная вместо самой материи: *хлеб собирать с поля*, то есть *пшеницу*; *венки щипать в лугах*, то есть *цветки*, из которых венки сплетают; 5) когда вещь содержащая или место полагается вместо содержимой: *восток и льдистый Океан свои колена преклоняют*⁹⁵, то есть *живущие на востоке и при Ледовитом океане*; *острая голова*, то есть *острый ум в голове*; *любезна небесам страна*, то есть *Богу, живущему на небесах*; 6) когда вместо вещи полагается тот, кто ею владеет: *сильный маломощного съедает*, то есть *его добро*; *при военном шуме молчат законы*, то есть *судьи*; *Укалегон горит*, то есть *дом его*⁹⁶; 7) намерение или причина, для которой что бывает, вместо вещи: *честь на алтарь возложить*, то есть *жертву для чести Божьей*; 8) признак вместо самой вещи: *Орел* вместо *Рос-*

сийской империи; *Луна* вместо *Турции*; *десять дымов*, то есть *десять домов*; *седину почистить должно*, то есть *старых*.

§ 186

Антономазия есть взаимная перемена имен собственных и нарицательных, что бывает, 1) когда употребляется имя собственное вместо нарицательного, например: *Сампсон* или *Геркулес* вместо *сильного*; *Крез* вместо *богатого*; *Цицерон* вместо *красноречивого*; 2) нарицательное вместо собственного: *Апостол пишет*, то есть *Павел*; *стихотворец говорит*, то есть *Виргилий*; 3) когда предки или основатели полагаются вместо потомков, например: *Славен* вместо *славян*; *Иуда* вместо *еврейского народа*; 4) имя отечественное вместо собственного: *арпинянин* вместо *Цицерона*; *троянин* вместо *Энея*; 5) стихотворцы нередко полагают свое собственное имя вместо местоимения я, как Овидий нередко называет себя своим прозванием *Назон*.

§ 187

Катахресис есть перемена речений на другие, которые имеют близкое к ним наименование, что бывает ради напряжения или послабления какого-нибудь действия или свойства, например: для напряжения *бояться* вместо *ждать*; *бежать* вместо *идти*; *бранить* вместо *выговаривать*; *лукав* вместо

хитер; *скуп* вместо *бережен*; *нахален* вместо *незастенчив*; для послабления *ждать* вместо *бояться*; *идти* вместо *бежать*; *выговаривать* вместо *бранить*; *хитер* вместо *лукав*; *незастенчив* вместо *нахален*.

§ 188

Металепсис есть перенесение слова через одно, два или три знаменования от

своего собственного, которые одно из другого следуют и по оному разумеются:

Как десять жатв прошло, взята пространна Троя.

Здесь через жагву разумеется лето, через лето целый год. Таковы суть и следующие примеры: *помнить союз* вместо *хранить*; *знать Бога* вместо *бояться*; *под темною ивою*, то есть *в тени*.

Глава четвертая

О ТРОПАХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 189

Тропы предложений суть пять: *аллегория*, *пафразис*, *эмфазис*, *ипербола*, *ирония*, от которых перед прочими украшениями получает слово знатное возвышение и великолепие, а особливо от четырех первых.

§ 190

Аллегория есть перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих. Пример из Цицерона слова против Калпурния Пизона:⁹⁸

Таков я боязлив не был, чтобы, управив в превеликих бурях и волнениях корабль общества и невредим в пристанище поставив, устранился от малого туману твоего бесстыдия и от скверного дыхания твоего сообщника.

Из сего примера видеть можно, что от начала до конца аллегии полагаются речения, между собою сродные, как: *бури*, *волнения*, *корабль*, *пристанище*, *туман*, *дыхание*.

§ 191

Разделяется аллегория на чистую и смешенную; чистая состоит вся из переносных речений, например: *окропил ты мне горящую грудь*, то есть *печальному духу моему дал ты отраду*. Смешенная состоит из речений переносных, к которым для изъяснения многие присовокупляются в собственном знаменовании, например:

Сказывает, что он видит в Италии восстающий облак лютой и кровавой войны, видит гремящую и блещущую от запада бурю, которая, в

кое государство погодою победы принесена ни будет, все наводнит великим и кровавым дождем.

§ 192

К сему тропу принадлежат загадки и пословицы. Загадки всегда состоят из чистой аллегии, пример о колодезе: из Виргилия, Эклога 3:

Скажи, в каких землях, то будешь ты мне Феб,
Не больше трех локтей открыты небеса.

И о цвете Гиацинте, родившемся от Агисовой крови⁹⁹:

Где именем царей украшены цветы?
Как скажешь, то владей Филлидою один.

И следующее о льде:

Меня родила мать, которую я рождаю.

Также и пословицы, которые состоят из чистой или смешенной аллегии, надлежат до сего тропа:

Говоренное слово серебро, а умолчанное золото.
Молебен пет, а польги нет. Где тонко, тут и рвется.

§ 193

Аллегоричным штилем многие излишне услаждаются и чрез меру часто сей троп употребляют, а особливо те, которые не знают подлинной красоты слова, но прельщаются притворным его видом. Умеренно употребленная аллегория слово украшает и возвышает, а без меры часто в слово внесенная оное помрачает и обезображает. Иногда служит к возбуждению страха и в сем случае ночи подобна, ибо потаенное страшит больше, нежели явное. От вымыслов разнится аллегория тем, что в них сами идеи, а в аллегии только одне речи переносятся.

§ 194

Парафразис есть представление многими речениями того, что одним или немногими изображено быть может, например: *храбрый разоритель Карфагена*, то есть *Сципион*¹⁰⁰. К составлению парафразисов служат следующие правила: 1) когда к существительному приложишь пристойное прилагательное, и оное переменяя на существительное ж, первое положишь в родительном падеже или переменишь в прилагательное, например: вместо *села* положишь *безмолвие сел* или *безмолвие сельское*; 2) когда глагол переложишь на имя, а с ним сочинишь иной глагол, к тому приличной: *в страхе привести* вместо *устрашить*; *обагрить кровью* вместо *окровавить*; 3) когда имя полагается в родительном падеже с другим именем, произведенным от глагола, к первому принадлежащего, например: *течение воздуха* вместо *ветра*; *разлучение от жизни* вместо *смерти*; *ночное упокоение после трудов*, то есть *сон*; 4) чрез метафору, когда имя полагается в родительном падеже с другим именем, значащим подобие, или в прилагательное переменяется, например: *юность лета*, то есть *весна*; *старость дня*, то есть *вечер*; *волнение мыслей*, то есть *сомнение*; *жидкие поля Балтийские*, то есть *Балтийское море*.

§ 195

Эмфазис есть когда действие или состояние вещи не прямо изображается, но разумеется из другого и чрез то великолепно возвышается, что бывает:

1) по обстоятельствам, например:

Сердца жаленьем закипели,
Когда под дерзким кораблем
Балтийски волны побелели¹⁰¹.

Повеление волн есть обстоятельство бегущего по морю корабля, чрез которое здесь скорое оно течение разумеется;

2) по жизненным свойствам, например: Небесной красоте дивится чистый Дафнис¹⁰² И видит облака и звезды под ногами.

Виргилий, Экл. 5.

То есть Дафнис на небе; или:

Раздранный Гектор здесь страшил коней ахейских.

То есть здесь Гектора волочил Ахиллес;

3) по месту или времени, например: Виргилий говорит о Цербере, что он *растянулся*

по неизмеримой пещере, и о выходе греков из коня в Трое, что *спускались они по веревке*, и чрез то показывает ужасную величину оно-го адского пса и вышины коня троянского;

4) когда предыдущее разумеется чрез последующее:

Волы несут домой повешенные плуги.

Виргилий, Экл. 4.

То есть землю пахать ввечеру перестали.

5) Когда тот, кто о таком действии рассказывает, представляется как бы он сам оное производил. Так Виргилий говорит о Силене¹⁰³ в 6-й Эклоге:

Обводит дерзкого корой сестр Фазонтта

И ольхи на земли высокие рождает.

То есть поет о перемене Фазонтовых сестр в ольхи.

§ 196

Ипербола¹⁰⁴ есть повышение или понижение слова невероятное, которое употребляется:

1) Для напряжения, например: *бег скорейший вихря и молнии*; *звезд касающийся Атлант*; *из целых гор иссеченные храмы*. Сюда принадлежит и следующее:

Коликой славой днесь блистает

Сей град в прибытии твоём!

Он всей отрады не вмещает

В пространном здании своём;

Но воздух наполняет плеском

И ноши тьму отъемлет блеском.

Ах, если б ныне россов всех

К тебе горяща мысль открылась,

То б мрачна ночь от сих утех

На вечный день переменялась¹⁰⁵.

2) Употребляется для послабления, например: *чуть в костях держится* или *как тень шатается*, то есть *весьма истощал*.

§ 197

Сей троп приличен в изображении людей, великими страстями объятых, а особливо радостью, печалью, ненавистью и гневом. Так Ахиллес, гневный на Агамемнона, говорит у Гомера, что он с Агамемноном не примирится, хотя бы он давал ему все богатство, которое в песке морском или в земных недрах скрыто, и дочери его за себя не поймет, хотя бы она красотой с Венерой и искусством с Минервой могла сравниться.

§ 198

Иперболы иногда умягчаются:

1) Речениями: *якобы, почти, близ, едва не* и прочие, например:

Един оный день был мне подобен бессмертию, в который я в отечество возвратился, когда видел я сенат и весь народ, мне на сретение исшедший; когда мне казалось, что весь Рим, почти подвергнувшись от своего основания, шествовал смотреть на своего хранителя (Цицерон в слове по возвращении).

2) Поправлением, какое в пример приводит Димитрий Фалерей из потерянных стихов древней стихотворицы Сафы¹⁰⁶:

Зять входит, Марсу равный.

Потом как бы она себя поправляя говорит:

Мужей великих много больший.

§ 199

Ирония есть когда чрез то, что сказываем, противное разумеем. Цицерон говорит о Катилине во 2-м против него слове:

Да! человек он боязливый и прекроткий, не мог противиться консульскому голосу, и как только услышал повеление, чтобы идти в ссылку, тотчас послушал, успокоился!

Он же в 14-м слове против Антония:

Приятны бессмертным богам будут наши благодарения и жертвы наши по убиении толикого множества граждан!

И Ювенал¹⁰⁷ в 15-й сатире о суеверии египтян, которые огородные зелья за божество почитали:

... Коль святы те народы,
У коих полны все богами огороды!

§ 200

Ирония состоит иногда в одном слове, когда малого человека Атлантом или Гигантом, бессильного Сампсоном, скаредного Авессаломом или Иосифом¹⁰⁸ называем; и посему надлежит она до тропов речений.

§ 201

К иронии причитаются еще другие виды насмешства, из которых знатнейшие суть:

1) Сарказм, то есть ирония в повелительном наклонении, например:

Вот, троянин, поля, что ты искал войною,
И вот Гесперия. Измерь, лежа убитый¹⁰⁹.

Говорит Турн у Вирг., «Эн.», кн. 12.

2) Хариентизм есть, когда указывают на что-нибудь странное, смешное или непристойное, как Цицерон в слове за Клуенция¹¹⁰ говорит:

Подумайте о его лице и о одежде, до земли протяженной.

3) Астеизмом называют некоторую учтивую насмешку, например:

Пускай тот любит твои стихи, Мевий, кому Бавий непотивен (Вирг., Экл. 3). Мевий и Бавий¹¹¹ были худые стихотворцы.

Глава пятая

О ФИГУРАХ РЕЧЕНИЙ

§ 202

Из фигур речений знатнейшие суть *повторение, усугубление, единознаменование, восхождение, наклонение, многосоюзие, бессоюзие и согласование*. И хотя в латинских ригориках считают таковых фигур больше, однако прочие отчасти только сродны латинскому языку и для того надлежат до грамматики больше, нежели до риторики; отчасти не имеют столько достоинства, чтобы они за особливые способы в красноречии почтены быть могли.

§ 203

Повторение есть многократное положение речения в предложениях, что бывает,

1) когда в начале каждой части периода или в начале многих коротких периодов одно слово повторяется. Цицерон в слове о ответах аруспических¹¹² говорит:

О публичных молебствах, о величайших играх, о обрядах богов домашних и Весты, всех матери, о том самом священнодействии, которое бывает за спасение народа римского, которое по создании Рима одного сего чистого защитителя



Битва богов с титанами.
По пергамским обломкам

веры беззаконием насильствовано, которое три великие священники установили, тое всегда народу римскому, всегда сенату, всегда самим богам бессмертным довольно свято, довольно боголепно, довольно благочестиво казалось.

Или:

Брега Невы руками плещут,
Брега Балтийских вод трепещут¹¹³.

2) Иногда и два и больше речений в начале повторяют:

Он так взирал к врагам лицом,
Он так бросал за Бельт свой гром,
Он сильну так возносил десницу.

3) Когда на конце многих предложений одно речение повторяется, например:

Жалеете о избивенных трех воинствах народа римского? убил Антоний; не стало у нас преименитых граждан? и оных похитил Антоний; утеснена власть сего сената? утеснил Антоний (Цицерон во 2-м слове против Антония).

4) Когда одно речение в начале, а другое на конце предложения повторяется:

Кто закон уставил? Рулл¹¹⁴. Кто у большей части народа отнял голоса в советах? Рулл. Кто на сейме был главным? Рулл.

5) Когда два речения, которые вместе стоят, порознь повторяются в разных идеях, например:

Премудрый человек может по вся дни на свете плакать и смеяться. Смеяться как Демокрит над глупостию человеческою; плакать как Гераклит о суете сего мира¹¹⁵.

§ 204

Усугубление есть, когда одно слово дважды полагается в одном предложении. Сие бывает 1) в начале предложения непосредственно, например: Цицерон в слове за Милона говорит:

Воскресите, воскресите его из ада, ежели можете.

И Virgilий в «Эн.», кн. 9:

Меня, меня, я здесь, мечом своим пронзите.

2) Когда слово усугубляется с посредствием одного или двух речений: *жив ты, но жив не для отложения, но для укрепления твоей дерзости* (Цицерон в 1-м слове против Катилины).

3) Когда в начале и на конце предложения слово усугубляется, например: *надежда ободряет, терпение дает надежда слабым*.

§ 205

Единознаменование есть соединение речений, то же или сродное и близкое знаменование имеющих: *Выступил, ушел, вырвался, убежал и: С нами быть тебе больше невозможно: не дам, не стерплю, не поущу*.

§ 206

Восхождение, или лестница, бывает, когда предыдущее речение с последующим соединяется, и тем слово как по степеням возвышается. Пример из Цицеронова слова за Росция Америна:

В городе роскошь начинается, из роскоши сребролюбия произойти неотменно должно, из сребролюбия устремиться дерзости, а оттуда все беззакония и злодеяния рождаются.

И Лактанций в кн. 7, гл. 6:

Для того свет создан, чтобы мы рождались; затем рождаемся, чтобы узнать строителя мира и своего создателя; для того познаем, чтобы его почитать; для того почитаем, чтобы за труды получить во мзду бессмертие.

Также Виргилий в 2-й Эклоге:

Гоняет волка лев, а волк гоняет козу,
Коза гоняется за мягкою травкою.

§ 207

Наклонение есть, когда то же речение повторяется, будучи предложено на другие времена или падежи:

Сего ненавижу, сим гнушаюсь, сей взору моему ненесен, от сего всякое отвращение имею, сему пред лицом моим быть недостойно.

Или:

Люблю правду всем сердцем, как всегда и любить буду до смерти.

§ 208

Многосоюзие есть, когда многие речения или части периода союзом соединяются; напротив того, бессоюзие есть, когда оные прилагаются одна другой без союзов.

Пример первого:

И малые и великие, и старые и молодые, и богатые и убогие хвалят добродетель, но не все оной последуют.

Пример второго:

Чело, очи, лицо часто обманывают.

§ 209

Согласование есть, когда речение одно после другого полагается звоном немногого, а знаменованием много отменное, например:

Не всяк то делать смеет, что всяк умеет.

Глава шестая

О ФИГУРАХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 210

Лучшие фигуры предложений суть следующие двадцать шесть: *определение, изречение, вопрошение, ответствование, обращение, указание, заимословие, умедление, сообщение, поправление, расположение, присовокупление, уступление, вольность, прохождение, умолчание, сомнение, заятие, напряжение, пременение, желание, моление, изображение, возвышение, восклицание, восхищение.*

§ 211

Определение риторическое есть расположение свойств или действий вещи таким образом, как логические определения составляются, для умножения силы в предлагаемом слове; от логического определения разнится, что в нем не требуется самый ближний род и крайнее различие определяемой вещи от прочих существ (каких определенных вещь больше двух иметь не может), но

составляется из мест риторических. Пример определений от действий и подобий:

Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение в жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градов, полков крепость, утеха в несчастии, в счастье украшение, везде верный и безотлучный спутник.

От уравниания:

Он в доме отец, во граде Ликург, в поле Гектор, в море Тифис¹¹⁶.

От подобия и из других мест риторических довольно есть примеров в акафистах и других церковных книгах.

§ 212

Изречение-фигура есть краткое и общее предложение идей, особливо до нравов учения надлежащих, например:

Сокровенный гнев вредит, объявленный безмудствия теряется.

Счастье сильных боится, ленивых угнетает.

О том сам не сказывай, о чем другим молчать повелеваешь.

Кто боязливо просит, тот учит отказывать.

Кто лютостью подданных угнетает, тот боящихся боится, и страх на самого обращается.

Ежели кто, имея власть, другому грешить не возбраняет, тем самым грешить повелевает.

Те уже не так боятся, которым пагуба перед глазами.

Счастливое беззаконие нередко добродетелью называют.

Кто порокою хвалится, тот чужим хвастает.

Что трудно терпеть, то сладко вспоминать.

§ 213

Вопрошение риторическое бывает не для испытания неизвестных, но для сильнейшего изображения известных вещей, что показывают следующие примеры.

1) Из первого Цицеронова слова против Катилины:

Доколе будешь, Катилина, употреблять на зло терпение наше? коль долго утыляться будет от нас сие твое бешенство? до чего похвалиться будешь необузданною твоею продерзостью? или не возмущает тебя ночное защищение горы Палатинской, ни стражи около града, ни страх народный, ни стечение всех людей добрых, ни крепкой караул для безопасности собравшихся здесь сенаторов, ни взоры на лице оных? или ты не чувствуешь, что твои советы явны? или ты не видишь, что уже все сии сановитые мужи только от одной умеренности в совести своей удерживают твои заговоры? кого ты из нас чаешь, которой бы не знал, что ты нынешней и что прошлой ночи делал, где был, каких людей созвал и какие имел советы?

2) Из Виргилиевой «Энеиды», кн. 2:

Какое бешенство, трояне, вас объемлет?

Или вы верите, что греки отдалились?

И что без хитрости дают они подарки?

Иль так вы мало знать Уликса научились?

§ 214

Вопрошения, которых натуральной разговор требует и не для того употребляются, чтобы умножить силу в слове, до сей фигуры не надлежат, каковы суть вопрошения, которые чинит у Виргилия Дидона, королева карфагенская, к троянским пришельцам:

Из коей вы земли и коего народа?

И с миром ли вы к нам или пришли с войною?

§ 215

Ответствование есть, когда сочинитель слова сам себе на свой вопрос отвечает, что бывает разными образами, как из примеров видно.

1) Из Цицеронова слова за Лигария¹¹⁷ к Иулию Кесарю:

Когда война началась, Кесарь, и по большей части была в действии, тогда, без всякого принуждения, по своей воле и рассуждению, пристал я к тому войску, которое против тебя вооружилось. И так перед кем произношу я сие слово? перед тем, которой, хотя о сем и ведал, однако меня прежде, нежели видел, возвратил обществу, которой мне писал из Египта, чтобы я был таков же, как и прежде, и которой тогда один правил всем владением римского народа, позволил быть мне другому.

2) Из его же слова за Квинктия¹¹⁸.

Не было времени призвать его на суд? но он с тобою жил больше года; нельзя было того делать в Галлии? но в провинции суд производился.

3) Из слова за закон манилианский:

Что может быть толь новое, как чтобы незнатный отрок в бедственное республике время собрал войско? однако собрал. И чтобы в оном был предводителем? однако был. И чтобы своим предводительством управлял республику? однако управлял.

Сюда принадлежит и следующее:

Что вы, о позные потомки,

Помыслите о наших днях?

Дела Петровой дщери громки

Представив в мысленных очах

И видя зрак изображенный,

Среди героев вознесенный,

Что молвите между собой?

Не всяк ли скажет быть чудесно,

Увидев мужество совместно

С тоlikой вместе красотой?¹¹⁹

Ответствия, которые чинятся от другого лица, надлежат до разговора и бывают фигурою, когда о чем вопрошающему иное отвечают для увеличения или умаления вещи. Например: вопрошение: *Бил ли тебя Семпроний?* ответ: *и притом безвинно*; вопрошение: *убил ты человека?* ответ: *разбойника*.

§ 216

Обращение есть когда слово обращаем к другому лицу, подлинному или вымышленному, от того, которого само настоящее



Орфей, Евридика и Меркурий

слово требует. Сея великолепные, сильные и слово оживляющие фигуры довольно есть примеров у великих ораторов и стихотворцев.

1) Пример из Цицеронова слова за Милона:

Не человеческим советам, но немалым бессмертных богов рачением сие учинилось. Истинно мне кажется, что и сами священные места, которые оного зверя падение видели, от радости подвинулись и справедливую казнь на нем одержали. Вас уже, Албанские бугры и рощи, вас призываю и засвидетельствую, и вас, раскопанные алтари Албанские, равные сообщники священнодействий римских, которые он, устремлен безумием, вырубив и повалив священнейшие рощи, сдавил огромными строениями. И ты, Юпитер, которого озера, леса и пределы часто осквернял он всяким беззаконием, с высокой твоей горы Лациарской наконец отверз свои очи к его казни.

2) Из того же слова:

Вас, вас призываю, прехрабрые мужи, много крови за республику пролившие, вас, в бедствии непобедимого мужа и гражданина, вас, сотники и рядовые! или уже не только при вашем присутствии, но и при защищении сего суда оружием вашим сия толь великая добродетель из града изгонится? искоренится? извержется?

3) Из четвертой Виргилиевой книги о земледельстве обращение к Орфеевой жене Евридике:

Печальную любовь на лире улаждая,
Тебя, сладчайший муж, тебя, един на бреге,
Тебя в начале дня, тебя пел в поздний вечер.

§ 217

Сею фигурую можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, сказывать, толковать, поздравлять и проч., к кому слово от предложенной материи обращается, например: обращение сожалительное из защитительного Филотова¹²⁰ слова в Курции, кн. 6:

И так, любезнейший мой родитель, и для меня умрешь и вместе со мною. Я у тебя жизнь отнимаю, я погашаю твою старость. На что ты родил меня против богов воли? или для сих плодов, которые тебе готовятся. Не знаю, мое ли юношество несчастливее или твоя старость: я в самой крепости своего возраста лишаюсь жизни; а у тебя убийца дух отоймет, которого бы скоро уже и натура потребовала, если бы счастье позволило.

Обращение с удивлением:

О коль велика добродетель
В Петровых нежных днях цветет!
Коль славен севера владетель
В тебе, Россия, возрастет!
Уже для твоего блаженства
Доброт в нем спеют совершенства¹²¹.

С засвидетельствованием:

С горящей, солнце, колесницы
Низвед пресветлые зеницы,
Пространный видишь шар земной;
В Российской ты державе всходишь,
Над нею дневный путь преводишь
И в волны кроешь пламень свой,
Ты нашей радости свидетель,
Ты зришь усердий наших знак.

Повелительное обращение:

Исполнил Бог свои советы
С желанием Елисаветы:
Красуйся светло, российский род¹²².

Сожалительное и просительное обращение из Овидиевых превращений, кн. 4, о Пираме, плачущем по любезной своей Физвии¹²³:

В одну погибнет ночь с любовницей любовник!
Достойна ты была прожить должайший век.

Но я повинен в том, я твой губитель стал,
 Что в полночь приказал прийти в места опасны
 И сам не упредил своим тебя приходом.
 О вы, ужасны львы, сбегайтесь из пещер
 И рвите челюстями мою повинну плоть.
 Но знак боязни есть желать лишь только смерти.

Иногда обращение бывает на свое лицо, как Дидона сама себе говорит у Виргилия в «Энеиде», кн. 4:

Умри ж ты за вину и скорбь мечом скончай.

Краткие обращения, которые особенно у стихотворцев употребляются вместо простого повествования, слово весьма украшают. Пример из Овидия о языческих праздниках римских, кн. 2:

Безумным притворял себя разумный Брут,
 Чтоб лютых избежать коварств твоих,
 Суперб¹²⁴

[Вместо Супербовых коварств].

§ 218

Указание есть когда идея представляется, как бы она была в самое то время в действии, и для большего оной оживления употребляются притом речения указательные, *се, вот, воззри, смотри, здесь, там* и прочая.

И се уже рукой багряной
 Врата отверзла в мир заря,
 От ризы сыплет свет румяный
 В поля, в леса, во град, в моря¹²⁵.
 Или:

Воззри на круг земной пространный,
 Воззри на понт, тебе подсланный,
 Воззри в безмерный шар небес:
 Он зыблется, и помавает,
 И славу зреть твою желает
 Светящих тьмами в нем очес¹²⁶.

§ 219

Заимословие бывает, когда то, что самому автору или представляемому от него лицу говорить должно, отдается другому лицу, живому либо мертвому, или и бездушной вещи. Почему сия фигура немало надлежит до вымыслов. Пример из первого Цицеронова слова против Катилины:

Ежели со мною отечество, которое мне много жизни моей дороже, ежели целая Италия, ежели вся республика говорить станет: что ты делаешь, Туллий? ты ли познанному тобою неприятелю, очевидному предводителю будущей внутренней

войны и ожидаемому в неприятельском войске повелителю, начальнику беззакония, из бунтовщиков главному, вызывателю рабов и отчаянных граждан, выйти позволишь и тем покажешь, что ты его не выпускаешь из города, но в него впускаешь? или не повелишь оковать его узами, на смерть похитить и карать жесточайшею казнью?

Сюда принадлежит и следующее:

По стогам шумный глас несется
 Елисаветиных похвал,
 В полках стократно раздается:
 «Великий Петр из мертвых встал;
 Мы пройдем с ним сквозь огонь и воды,
 Преодолим бури и погоды,
 Поставим грады на реках,
 Мы дерзкий взор врагов потупим,
 На горды выи их наступим,
 На грозных станем мы валах»¹²⁷.

Также и сие:

Но речь их шумный глас скрывает:
 Война при Готских берегах
 С угрюмым стоном возрыдает
 И в диких кроется горах;
 Союз возлюбленный приходит
 И с кротостью свой глас возводит:
 «Престань прекрасный век мрачить
 И Фински горы кровавить:
 Се царствует Елисавета,
 Да мир подаст пределам света»¹²⁸.

§ 220

Умедление есть когда слово продолжается предложением меньших идей и сверх того иногда оных отражением, и потом предлагается самое настоящее великое дело, для того чтобы слушатели или читатели, долго ожидавши, вдруг нечаянным восхищены были. Так говорит Цицерон в 7-м слове на Верреса:

Что по сем? что вы думаете? может быть, воровства или какого похищения ожидаете. Нет, не везде того же искать извольте. В опасности от войны какое может быть воровству место? хотя и был какой случай, однако пропущен. Тогда мог он взять с Леониды деньги, когда его к себе призвал. Был некоторый торг, и ему не новой, чтоб он в суд не был призван, и другое дело, чтобы рабы выпущены были. Обвинивши их, какой имел он способ грабить? на казнь должно было вывезть: ибо есть свидетели, которые при совете были. Свидетели публичные табели, свидетель преславный град Либиетанский¹²⁹, свидетель пречестный и преве-

ликий сбор граждан римских. Инако нельзя, должно вывести. И так выводят и к столпу привязывают. Я чаю, вы ожидаете, судьи, что потом учинилось: ибо сей грабитель никогда ничего не сделал без прибытку и без похищения. Что в сем случае быть может? какая прибыль? ожидайте беззакония толь великого, как хотите; однако превышу ожидание ваше. За злодейство и за злоумышление осужденные, на казнь отданные, к столпу привязанные, внезапно при собрании многих тысячей народа разрешены и Леониде, оному господину их, отданы.

§ 221

Нередко вместо того, чего слушатели ожидают или чают в умедлении слова, предлагается противное. Как у Терентия Афры в комедии, называемой «Евтонтиморуменос»¹³⁰, в действии 5, явл. 1:

Мне все то пристойно, что про дурака сказано: пень, болван, осел, грубиян. Про него так сказать нельзя: для того что дурачество его все оное превосходит.

Здесь чаятельно было, чтобы автор сказал: для того что он разумен.

§ 222

Сообщение есть, когда у самих, пред которыми слово предлагается, совета требуем или у соперников. Сия фигура много служить может в слове защитительном. Пример из Цицеронова слова за Квинктия:

Что вы, судии, о сем деле думаете? подлинно, сколько я ваше добронравие и разум знаю, то, ежели у вас попрошу совета, такой ответ, надеюсь, дадите: чтобы, во-первых, обождать, а потом, ежели, по-видимому, будет скрываться и далее обманывать, то, пришед к приятелям, спрашивать, и проч.

И в слове за Рабирия¹³¹:

А ты, Лабие, что бы стал делать при таком случае, когда бы тебя боязливость к бегству принуждала и в потаенные места вгоняла; злонравие и бешенство Сатурниново требовало в Капитолию, в консулы бы к вольности и спасению республики призывали? коей бы ты власти, которому голосу, которой стороне последовать и чьему бы ты повелению хотел повиноваться?

§ 223

Поправление есть, когда речь повторяется, для того чтобы присовокупить к ней другую, которая той больше или сильнее.

Цицерон в слове за Мурену говорит:

Такое зло думают о своем отечестве граждане! граждане, ежели сметь назвать их таковым именем.

И в слове за Секста Росция Америна:

Какие пированья, думаете вы, были в таковом доме? ежели домом назвать можно, а не училищем плутовства и пристанищем всех пороков.

§ 224

Расположение фигура есть, когда несколькими краткими идеями, рядом поставленным, следуют их толкования тем же порядком одно после другого. Так говорит Цицерон в сл. за Сек. Росц. Амер.:

Три вещи суть, сколько я рассудить могу, которые Сексту Росцию в сие время препятствуют: соперников доносительство, дерзость, могущество. Вымышление доносительства взял на себя доноситель Еруций, смелость приняли Росции. Хризогон, понеже много может, могуществом борется.

Или:

Александру Македонскому ни в советах рассуждения, ни в сражении мужества, ни в благоденствии милости недоставало: ибо, когда что сомнительное случалось, был всех премудрее; когда с неприятелем биться надлежало, был всех храбрее; когда раздавал достойным награждения, был всех щедрее.

§ 225

Присовокупление есть когда к одному имени многие глаголы или к одному глаголу многие имена относятся, напр.:

Сего Тигран, царь армянский, принял и уже на себя больше неуповающего утвердил, оскорбленного восставил и совсем отчаянного утешил (Циц. за зак. Манил.)¹³².

Или:

Помпея ни лакомство к получению какой добычи, ни сластолюбие к роскоши, ни веселье к услаждению, ни великолепие Афин к познанию, ниже самый труд ко упокоению от приятного течения не отозвали (Циц., там же).

§ 226

Уступление, или признание, есть, когда что соперникам или противникам уступаем и из того наводим нечто большее, чем уступленное опровергается или уничтожается. Цицерон за Лигария говорит:

И так имеешь ты, Туберон, чего лучше доносителю желать нельзя, то есть признающегося от-

ветчика; он признается, что той же стороны держался, которой ты и твой отец, человек, всякой похвалы достойный. Того ради прежде должно вам признаться в своем погрешении, нежели обвинять Лигария.

§ 227

Вольность есть когда говорим свободно при тех, которых бояться или почитать должно, ради оных побуждения, похвалы или охуления. Геродот¹³³ о Крезе в книге 3, в слове его к Камбизу, царю персидскому, пишет:

Мне кажется, что тебя, о сын Киров, с отцом твоим сравнить еще не можно: ибо нет еще у тебя такого сына, какова он тебя оставил.

Сюда принадлежит и следующее из Цицеронова слова за Лигария:

Посмотри, как я не уstraшаюсь, посмотри, какое сияние твоей кротости и премудрости восходит мне, предлагающему сие слово пред тобою. Сколько мне возможно, возвышу свой голос, чтобы сие слышал народ римский. Когда война началась, кесарь, и по большей части была в действии, тогда, без всякого принуждения, по своей воле и рассуждению, пристал я к тому войску, которое против тебя вооружилось, и проч. (смотри § 215).

§ 228

Прохождение есть когда притворяемся, якобы мы говорить о чем не хотели, однако тем самым оно живо представляем. Цицерон в слове за закон Манилиев говорит:

Того прославлять не буду, римляне, коликие он домашние и военные дела на сухом пути и на море и с коликим счастьем учинил; что его произволению не только граждане согласовались, товарищи последовали, неприятели повиновались, но и ветры и бури споспешествовали.

И Флешье в надгробном слове маршалу де Тюренну:

Не ожидайте, господа мои, чтобы я вам открыл здесь печальное позорище и представил бы вам сего великого героя посреди своих победительных знаков бездыханна и чтобы я показал вам бледное и окровавленное тело, дымящееся еще от оной молнии, которая его поразила.

§ 229

Умолчанием, или перерывом, называется неоконченный разум в слове, по котором другой начинается:

Во-первых, спорим мы не об одинаковой вещи: ибо мне не кажется быть меньшее дело потерять вашу склонность, нежели Ешину свою тяжбу. Что до меня надлежит, однако я не хочу в начале моего слова ничего печального представить (Димосфен в слове за Ктезифона¹³⁴).

Ты ли ныне сие говорить дерзаешь, которой недавно чужему дому? сказать не смею, для того чтобы, сказав, что тебе пристойно, не молвить, что мне неприлично (Цицерон к Гереннию¹³⁵, кн. 4).

Таким образом перерывает речь Нептун, у Виргилия в 1 кн. «Эн.»:

Вы небо без меня и землю возмутили
И на море бугры поднять дерзнули, ветры;
То я вас! только дай мне волны успокоить.

§ 230

Сомнение есть когда себя или кого другого представляем в затруднении, как выбрать одну из разных вещей. Пример из Цицеронова слова за Секста Росца. Ам.:

О чем я прежде принесу жалобу? или откуда наипаче начну? от кого и какого вспоможения потребую? богов ли бессмертных? или народ римский? или вас, высочайшую власть имеющих, в сие время призову на помощь?

И Дидона у Виргилия в 4-й кн. «Эн.» говорит:

Что делать ныне мне, презренной, от троян?
Или уж мне просить нумидских женихов,
Которых столько крат супружество отвергла?
Или идти вослед за флотом илионским?
И взять себе в закон изменников приказ,
Который все мои услуги позабыл?
Но если погонюсь за дарданским пришельцем,
То кто на гордый флот меня троянский примет?
Еще ль не чувствуешь, коль лжив есть сей народ?
И что? или одной идти за оным вслед?
Или с пуническим мне войском устремиться
И паки изнурять в волнах народ сидонский,
Который чрез моря недавно привела?
Не лучше ль умереть и жизнь мечом пресечь?

§ 231

Заятие есть отражение прекословия или сомнения, которое бы предложено быть могло от противной стороны, например:

Чаятельно, некоторые здесь спросят: где наш флот к берегу пристанет? Война сама, афиняне, война сама покажет и довольно научит, где наш неприятель слабее всех будет; только должно нам к нападению осмелиться (Димосфен в 1-м слове против Филиппа).

Спросишь у нас ты, Гратий, для чего мы сим учением толь много услаждаемся? для того что подает нам то, чем бы по сем судебном шуме дух наш ободрился и укоризнами утружденный слух успокоился (Циц. в слове за Архию-стихот.).

§ 232

Напряжением, или течением, называется стеснение многих важных идей, до одной материи надлежащих и в одном периоде или члене периода включенных. Пример из Димосфенова первого слова против Филиппа:

О, дабы мы вместо всего сего благоразумно рассудили, что Филипп наш неприятель, что он у нас все наше отнимает, что он уже немалое время против нас сурово поступает, что все то нам противно, на что мы прежде надеялись, что мы впредь ни на кого, как только на самих себя, уповать должны и что, может быть, в скором времени на сем месте, где я говорю, биться с ним принуждены будем: для того что теперь там воевать не хотим. Если мы сие все рассудим, то будем поступать благоразумно и откинем все легкомысленные басни.

Подобное стеснение разных идей находим в начале третьего Цицеронова слова против Катилины:

Республику, римляне, и жизнь вашу, движимое и недвижимое имение, жен и детей ваших и сию преславной империи столицу, преблагополучный град и прекрасный, бессмертных богов высочайшею к вам любовью, трудами, советами и бедами моими из пламени и оружия и почти из самых челюстей конечных пагубы ныне похищенный и вам сохраненный и возвращенный, видите.

Сему же в пример служат и следующие стихи:

В сей день, блаженная Россия,
Любезна небесам страна,
В сей день от высоты святыя
Елисавет тебе дана,
Воздвигнути Петра по смерти,
Гордыню сопостатов стерти
И в ужас оных привести,
От грозных бед тебя избавить,
Судьей над царствами поставить
И выше облак вознести¹³⁶.

§ 233

Премещение есть, когда приложением речений противные идеи производятся.

Пример из 2-го Димосфенова Олинтического слова:

Весьма погрешаете вы, афиняне, что чрез тое надеетесь произвести счастье из несчастья, чрез что из счастья несчастье сделалось.

Сюда принадлежит и следующее:

Ежели ты что хорошее сделаешь с трудом, труд минется, а хорошее останется. А ежели сделаешь что худое с услаждением, услаждение минется, а худое останется.

Также и сие:

Не для того мы живем на свете, чтобы насыщаться; но для того насыщаемся, чтобы жить.

§ 234

Желание фигура есть изъявление сильного хотения добра или зла себе либо кому-нибудь другому. Например:

О, дабы товарищ мой, муж прехрабрый, нечестивые советы Катилинины разрушил оружием (Циц. в сл. за Мурену).

Но все художество свое
Тебе Иппократ посвящает
И усугубить тем желает
Дражайше здравие твое.
Да будет тое невреждено,
Как верх высокия горы
Взирает непоколебимо
На мрак и вредные пары:
Не может вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвинуть:
Взнесен к безоблачным странам,
Ногами тучи попирает,
Угрюмы бури презирает,
Смеется скачущим волнам.

И Овидий в письме к Уликсу от жены его Пенелопы, изображая зложелательство ее к Парису, говорит:

Ах, когда б погрязнул в море чужеложник
Прежде, нежели приплыл к греческому берегу;
То б одна я в хладной не спала постели,
Дни бы не казались долги мне и скучны.

§ 235

Моление, или прошение, есть представление сильного хотения с уклонностью к какому-нибудь лицу. Пример из Цицеронова слова за короля Деиотара¹³⁷ к Иулию Кесарю:

Того ради, во-первых, освободи нас от сея боязни, Кесарь, для твоего праводушия, постоянства и милосердия, чтобы мы не думали быть в тебе несколько прежнего твоего гнева. Ради сея твоя

десницы прошу, которую ты королю Деиотару, будучи гость, как хозяину подал; ради сея твоея десницы, которая в содержании обещанной верности, равно как в войнах и сражениях, непоколебима.

Оставленная на пустом острове Ариадна просит неверного Тезея у Овидия в письме ея к Тезею:

Чрез пространно море руки простираю,
Кои о печальну грудь свою разбила,
И кажу остатки волосов изданных.
Ради слез помилуй, кои ты мне пролил,
И к сему пустому месту возвратися.
Если мертву найдешь, погребви хоть кости.

§ 236

Изображение есть явственное и живое представление действия с обстоятельствами, которыми оно в уме, как самое действие, воображается, например:

Мне кажется, римляне, что сии суть самые достоверные доказательства и признаки их беззакония: письма, печати, руки, каждого собственное тех признание; и еще много оных достовернее бледность в лице, потупленные глаза и молчание. Ибо так оцепенели и смотрели в землю, так воровски иногда друг на друга изглядывали, что не от других, но сами от себя изобличены быть казались (Циц., сл. 4 на Кат.).

Так флот российский в Понт дерзает,
Так роет он поверх валов;
Надменна бездна уступает,
Стеня от тягости судов.
Вослед за скорыми кормами
Бежит кипяща пена рвами;
Весельный шум, гребущих крик
Наносят готам страх велик¹³⁸.

§ 237

Возвышение есть, когда по предложении важной вещи или действия присовокупляется вкратце великая идея, к оному надлежащая, содержащая в себе учение или удивление. Пример из Цицеронова слова за Квинктия:

Велел продать с публичного торгу пожитки того, с которым имел дружество и товарищество; и при жизни детей его свойство никоею мерою не могло быть расторгнуто. Из сего уразуметь можно было, что нет никакого толь крепкого и явного союза, которого лакомство ослабить и разрушить не может!

Другой пример из Овидиевых превращений, кн. 13:



Марк Туллий Цицерон

Выходит Гектор сам, богов на брань выводит,
И где стремится он, там сильные трепещут,
Не только ты, Уликс; толь страшен он в полках!

§ 238

Восклицание есть возвышение слова, умножающее в уме движение и дела великость изображающее, причем употребляются междометия восклицательные, удивительные и проч.: *О! Боже мой! Ах! О коль!*

Какие публичные игры или дни были веселее оных, когда в каждом стихе народ римский с великим восклицанием воспоминал Брута? отсутствовал сам избавитель; но присутствовала память вольности, которая образ Брутов представляла. Однако в самые те дни публичных игр видел я его в острове сродника его, благородного юноши Лукулла, где он размышлял только о едином спокойстве и согласии граждан. Потом его же видел я в Велии удаляющегося от Италии, чтобы для него не началась внутренняя война. О, коликое позо-

рище, не только людям, но волнам и берегам плачевное! отходит избавитель из отечества, остаются в нем разорители! (Цицерон в 10-м слове из Антония.)

Ах! в коей я земли и в коем скроюсь море!
Какое бедному прибежище осталось!

Виргилий в «Эн.», кн. 2

§ 239

Восхищение есть, когда сочинитель представляет себя как изумленна в мечтании, происходящем от весьма великого, нечаянного или странного и чрез естественного дела. Сия фигура совокупляется почти всегда с вымыслом и больше употребительна у стихотворцев, например: Пифагор¹³⁹ говорит у Овидия в превр., кн. 15:

Устами движет бог; я с ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзю,
Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь, не сведомое прежним;
Ходить превыше звезд влечет меня охота,
На облаках нестись, презрев земную низкость.

И Боало Депро, начиная оду свою на взятие Намура, говорит:

Какое ученое и священное пьянство дает мне
днесь закон? чистые пермесские музы, не вас ли я
вижу. Поспешай, премудрый лик, к звону, который
моя лира рождает.

Сюда же принадлежат и следующие стихи:

Священный ужас мысль объемлет!
Отверз Олимп всесильный дверь.
Вся тварь со многим страхом внемлет
[и проч.].

Также и сии:

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сон?
Еще горит во мне охота
Торжественный возвысить тон.
Мне вдруг ужасный гром блистает,
И вместе ясный день сияет!
То сердце сильна власть страшит,
То кротость разум мой живит!
То бодрость страх, то страх ту клонит,
Противна мысль противну гонит!
Или:

На верх Парнасских гор прекрасный
Стремится мысленный мой взор,
Где воды протекают ясны
И прохлаждают муз собор.
Меня надежда струй прозрачных
На шум приятный в рощах зланных
Поспешно радостна влечет¹⁴⁰.
Мой дух течет к пределам света,
Любовью храбрых дел пленен,
В восторге зрит грядущи лета
И древних грозный вид времен!

Сей фигуры хотя нет в правилах у древних учителей красноречия, однако много есть примеров в употреблении.

Глава седьмая

О СОЕДИНЕНИИ И СМЕШЕНИИ ФИГУР

§ 240

Хотя фигуры, будучи употреблены по-рознъ по пристойным местам, и возвышают слово, однако ежели оне прилично соединены или смешены будут, то подают оному еще большую силу и стремление. Чрез смешение разумеется стеснение периодов или членов, фигурами изображенных; а соединение состоит в том, когда в одном кратком периоде или в одном члене содержатся многие фигуры.

§ 241

Вопрошению (которое великие ораторы и стихотворцы чаще других фигур употребляют) нередко следует ответствование,

повторение или усугубление, как из следующих примеров видно:

И так отчего сие происходит? ибо не без довольной причины тогда греки так свою вольность защищать охотились, как ныне терпеть порабощение. Было тогда нечто, было, афиняне, в сердцах народа, чего нет ныне, что персидские сокровища побеждало, что греческую вольность утвердило, что в морских и сухопутных сражениях не ослабевало (Димосфен в слове за Филиппа).

Если кто спросит, что оные великие люди, которых добродетели в книгах описаны, обучены ли были той науке, которую ты похвалами превозносишь? О всех сказать сие трудно; однако то справедливо, что вам ответствовать буду. Я признаю, что многие люди добродетелью и разумом

превосходны были без учения и по натуральному, почти божественному сродству умеренны и сновиты; к чему еще присовокупляю, что чаще природное дарование без науки, нежели наука без природного дарования, способствовали к похвале и к добродетели. Но притом я утверждаю, что ежели к изрядному и превосходному природному дарованию присовокуплено будет наставление в науках, то происходит из того нечто преизящное и особенное. Из таковых был божественный муж Сципион Африканский, которого отцы наши видели, из таковых Лелий и Фурий, преумеренные и превоздержные люди, из таковых прехрабрый и в оные времена преученый муж Катон Старший (Цицерон в сл. за Арх.- стих.).

§ 242

Вопрошению же следует нередко и заимословие, например:

Что о нынешних делах рассуждать должно? Я думаю, что полученное в делах бесчестие есть великая беда вольным людям. Или вы, ходя по площади, только друг друга спрашивать хотите? Скажи пожалуй, не знаешь ли чего нового? Но может ли что быть новое, как сие, что македонянин покоряет себе афинян и Грецию правит? (Димосф. в 1-м сл. на Фил.)

Коль много писателей дел своих имел с собою Александр Великий? Но когда остановился на Сигейском мысу при гробе Ахиллесе, сказал: «О благополучный юноша, что дел своих проповедателя имеешь Гомера!» (Цицерон в сл. за Арх.-стих.)

§ 243

Напряжение, соединенное с повторением, следует вопрошению весьма пристойно, например:

Но какое уже слово равно найтись может Помпеевой добродетели? или кто предложить может что-нибудь его достойное или нам новое или кому неслыханное? Ибо не одне имеет он только генералам приличные добродетели, которые обще за такие почитаются, трудолюбие в отправлении дел, мужество в бедах, тщание в действиях, поспешность в совершении, в предостережении рассуждение. Сии все таковы суть в нем едином, каковых не было в других генералах, которых мы видели или слышали. Свидетель тому Италия, которая его мужеством и защищением избавлена, по признанию самого победителя Суллы. Свидетель Сицилия, которую, многими бедами отовсюду окруженную, разрешил не военным страхом, но скоростью разума; свидетель Африка, которая, буду-

чи отягощенна неприятельскими полками, обилась самих оных кровью; свидетель Галлия, сквозь которую нашим полкам в Испанию путь отворен чрез кровопролитие галлов; свидетель Испания, которая весьма часто многих неприятелей побежденных и низложенных видела, и проч. (Циц., за закон Манилианский).

§ 244

Также и возвышение после вопрошения прилично употребляется, как Цицерон во 2-м слове на Антония говорит:

Пришел ты в Брундузию¹⁴¹, в недро и объятия своей комедиянки. Что? не лгу ли я? О, коль бедное есть дело, ежели в том запереться нельзя, в чем признаться стыдно!

§ 245

Ежели восклицанию следует вопрошение, соединенное с напряжением и повторением, то получает слово великую силу и стремление, напр.:

О превеликое дерзновение! ты ли осмелился вступить в оной дом? ты ли вошел в непорочное оное жилище? ты ли показал бесстыдное свое лицо домашним богам одного здания, мимо которого чрез немалое время никто не мог пройти без плача? (Циц. на Ант., сл. 2)

§ 246

Не меньшее стремление имеет слово, когда определению, соединенному с восхищением, следует напряжение и изображение:

Мне кажется, что вижу я сей град, свет земного круга и крепость всех народов, внезапно одним пожаром разрушаемый; я вижу духом, что в погребенном отечестве лежат громады бедных и непогребенных граждан, обращается пред очами вид бесчестящегося в убийстве вашем Цетега. И когда в уме представляю, что Лентул¹⁴² царствует, чего он из Сивиллиных пророчеств надеялся, как сам признался, что сей Габиний есть ближним его савновником, что Катилина пришел с воинством, то уже устрашает меня рыдание женское, юношей и девиц бегство, насилие Вестиных священниц (Циц. на Кат., сл. 4).

§ 247

Но коль много соединение фигур к украшению, возвышению и устремлению слова служит, сие усмотреть можно из следующих примеров.

Соединение напряжения с повторением:

Окруженное оружием и пламенем нечестивого злоумышления, простирает к вам с молением руки общее отечество. Вам себя, вам жизнь всех граждан, вам замок и Капитолию, вам алтари богов домашних, вам всегдашний и вечный огонь, Весте возженный, вам все храмы богов и капища, вам дома и стены градские поручает (Циц. на Кат., сл. 4).

Соединение вопрошения с напряжением и единознаменованием:

Скажи мне, Туберон, что ты делал обнаженным твоим мечом на Фарсальском сражении? на чье тело порывался ты с острым концом оного? во что целил ты всем своим оружием? на что устремлялись все твои мысли, взор, руки и горящее рвение? чего ты желал? чего тебе хотелось? (Циц. за Лигария)

Обращение, восклицание, повторение, вопрошение и напряжение соединены в следующем примере:

О вы, бессмертные боги! какое вы окончание нам показываете? какую надежду даете республике? Кто найдется таким мужеством одаренный, который бы хотел в правде за республику вступить, который бы показывал услуги добрым людям, который бы истинной и непоколебимой похвалы искать пожелал? ежели он знает двух разорителей республики, Габиния и Пизона (Цицерон в слове за Секстия)¹⁴³.

Соединение заимословия со усугублением, повторением, восклицанием:

От сих Милоновых слов, судьи, которые беспрестанно слышу и при которых нахожусь по вся дни, терзается мой дух и сердце обмирает. Прощайте, прощайте, говорит он, мои граждане, прощайте; оставайтесь невредимы, оставайтесь в полном цвете, оставайтесь благополучны. Пускай стоит сей град преславный, мое любезнейшее отечество, хотя мало я добра от него вижу. И когда мне с гражданами жить не позволено, то пускай они без меня, однако чрез меня успокоенным обществом наслаждаются. Я отступлю и отлучусь отсюда. И когда мне доброю республикою наслаждаться не можно, однако худой иметь не буду. О, коль тщетны труды, предприятия мною! О, коль обманчива моя надежда! О, коль суетны мои размышления! (Циц. за Мил.)

Определение, восклицание и вопрошение:

О пища ты червей! о прах и пыль презренна!
О ночь! о суета! зачем ты так гордишься?

§ 248

Смешение и соединение фигур, равно как и тропов должны иметь свою меру, а особливо в рассуждении разных родов слова. Ибо хотя фигуры важную и благородную материю украшают, возвышая и устремляя слово, однако в подлых материях частое оных употребление неприлично. Но о сем, как и о пристойном употреблении прочих украшений слова, предложено будет в прибавлении к сему руководству.

Конец второй части

Часть III

О РАСПОЛОЖЕНИИ

Глава первая

О РАСПОЛОЖЕНИИ ИДЕЙ ВООБЩЕ

§ 249

Расположение есть изобретенных идей соединение в пристойный порядок. Правила о изобретении и украшении управляют воображение и разбор идей, предводительство рассуждения есть о расположении учение, которое снискается красноречия весьма полезно и необходимо нужно. Ибо что пользы есть в великом множестве разных идей, ежели они не расположены надлежащим образом? Храброго вождя искусство состоит не в одном выборе добрых и мужественных воинов, но не меньше зависит и от приличного установления полков. И ежели в теле человеческого какой член свихнут, то не имеет он такой силы, какую действует в своем месте.

§ 250

Расположение разделяется на *натуральное* и *художественное*. Натуральное есть, которое самой натуре последует, как она требует, что бывает по *времени*, *месту* или *достоинству*. По времени располагаются идеи так, что те, которые прежде были или бывают, полагаются наперед, а которые оным следуют, те после одна за другою присовокупляются. Так в римской истории прежде предлагают о Пунической, нежели о Македонской войне, и о Македонской прежде, нежели о внутренней¹⁴⁴. И в похвале красного дня описать прежде должно утро, потом полдень, а напоследи вечер. По месту о верхних говорят прежде, нежели о нижних, о передних прежде, нежели о задних. По достоинству, например: о золоте должно предлагать прежде прочих металлов.

§ 251

Художественное расположение есть, которое утверждается на правилах. Из оных главные суть следующие: 1) Предложен-

ную тему должно изъяснить довольно, ежели она того требует, к чему служат распространения из мест риторических и избранные парафразисы. 2) По изъяснении оную доказать несомненными доводами, которые располагаются таким образом, чтобы сильные были наперед, которые послабее, те в середине, а самые сильные на конце. 3) К доказательствам присовокупить возбуждение или утоление страсти, какой материя требует. 4) Между всеми сими рассеять должно по пристойным местам витиеватые речи и вымыслы, первые больше в изъяснениях и в доказательствах, последние в движении страстей.

§ 252

Изъяснений доводов и возбуждений расположение разделяем на *соединительное* и *разделительное*. Соединительное бывает, когда прежде предлагается о видах какого рода или о частях целого подробну особливо, а потом целое или род представляется. Например: когда, похвалив смелость в сражениях, терпение в противностях, постоянство в трудах какого героя, прославляем после того вообще его мужество или, описав все части какого здания, хвалим потом все оное здание. Разделительное расположение бывает противным образом, когда, представив род или целое, потом виды или части особливо предлагаем.

§ 253

Сии суть самые главные правила расположения, которым присовокупляются в следующих главах некоторые формы, служащие обще к расположению прозы и стихов. О частях великого прозаического слова, о расположении и о свойствах их здесь не предлагаем: ибо сие, собственно, надлежит до оратории, в которой о том пространно докажем.

Глава вторая

О ХРИИ

§ 254

Хрия есть слово, которое изъясняет и доказывает краткую нравоучительную речь или действие какого великого человека, и посему разделяется на действительную, словесную и смешенную.

§ 255

Действительная хрия есть, которая изъясняет и доказывает действие, например: *Лакедемоняне, стараясь детей своих научить трезвости и представить пьянство скаредным, приводили их к пьяным рабам, чтобы, смотря на толь гнусное позорище, от вина отвращение имели. Дионисий, тиран Сицилийский, неприятелю своему Диону отомстил таким образом, что сына его при дворе своем воспитал в роскоши между худыми людьми и тем нравы его испортил*¹⁴⁵. Таковые действия поставляются темами действительной хрии.

§ 256

Словесная хрия изъясняет и доказывает какую-нибудь краткую нравоучительную речь, например: *Добрые нравы оскверняет гордость* (Клавдиан)¹⁴⁶. *Живи поминая смерть, время летит, и что молвил я, то уже минулось* (Персий)¹⁴⁷. *Мицение есть подлой души утешение* (Ювенал).

§ 257

Смешенная хрия есть, которая изъясняет и доказывает действие, с краткою нравоучительною речью соединенное, например: *Когда Анаксагору*¹⁴⁸ *сказали, что сын его умер, тогда он так отвечал: я знал, что он смертен родился.*

§ 258

Хрия состоит из восьми частей, которые суть 1) *приступ*, 2) *парафразис*, 3) *причина*, 4) *противное*, 5) *подобие*, 6) *пример*, 7) *свидетельство*, 8) *заключение*. В первой части похвален или описан быть должен тот, кто оную речь сказал или дело сделал, что соединяется с темою хрии. Во второй изъясняется предложенная тема чрез распрост-

ранения. В третьей присовокупляется довольная к доказательству темы причина. В четвертой предлагается противное, то есть что предложенному в теме учению в противность бывает, тому противное действие последует. Пятую часть составляет подобие, которым тема изъясняется, вместе и подтверждается. Шестая часть доказывает примером историческим. Седьмая утверждает мнением или учением древних авторов, которое сходствует с предложенною темою. Восьмая часть содержит в себе краткое увещательное заключение всего слова.

§ 259

Хрия разделяется еще на *полную* и *неполную*, на *порядочную* и *непорядочную*. Полною называется та, которая все восемь частей имеет; неполная, которая некоторых частей в себе не содержит. Порядокная хрия называется, когда в ней части по предписанному порядку расположены; а непорядочная, когда части не так одна за другой следуют, как выше показано. Сие отъятие и смешение имеет место только в средних частях; а первая и последняя оным не подвержены, для того что приступ и заключение хрии ни в иных местах положены, ни от ней отделены быть не могут.

§ 260

Хотя у древних учителей красноречия о хрии правил не находим, однако немало есть оных примеров в их сочинениях. Правда, что они по большей части неполны и непорядочны, однако мне рассудилось, что для образца лучше предложить оные, нежели по предписанным от Автония софисты правилам, строго от новых авторов сочиненные, из которых почти ни единой путной видать мне не случилось.

§ 261

В пример словесной хрии предлагается из Цицероновых Тускуланских запросов, кн. 5¹⁴⁹, перипатетическое учение о том, что блаженства жизни человеческой ника-



Древние Афины

кие мучения отнять не могут, или, как перипатетики говорили, что *блаженная жизнь может войти с человеком в Фаларидова быка*. Сей бык был сделан из меди, внутри тощ, в которого Фаларид запирали людей, и, подложив под него огонь, бесчеловечно мучил.

Приступ

По моему мнению, перипатетики и древние академики пускай говорят свободно, не обинуясь, что блаженство жизни в Фаларидова быка войти может.

Парафразис с причиною

Подлинно, что болезнь кажется быть жестокая добродетели неприятельница. Сия на оную пламень возжигает; сия мужество, великодушие и терпение ослабить грозит. И так или уже побеждена будет от ней добродетель? никак! блаженная и постоянная жизнь премудрого мужа ей уступит! О боже мой! коль бы сие скверно было?

Примеры

Спартанские малые дети, бичами жестоко терзаемы, болезнь сносят без стенания. Взрослых юношей множество в Лакедемонии сам я видел, как между собою с невероятною перетужностью бьются кулаками, пятами, ногтями, зубами и лучше хотят быть до смерти убиты, нежели сказать, что их одолели. Кое варварство есть грубее и дичае Индии? но в сем народе, которые премудрыми называются, век живут наги, кавказские снега и зимние пути без болезни сносят и, прикоснувшись пламени, без стенания ожигаются. Женщины в Индии, когда их муж умрет, спорят между собою, которую он любил больше: ибо один муж много жен имеет. Которая в споре победит, та, в провождении своих сродников, с весельем на костер всходит и с мужем своим сожигается; побежденная отходит печальна. Натуры никогда бы обыкновение не преодолело: ибо она всегда есть непобедима; но мы тенью мнимого добра, роскошью, покойным житием, слабостью и ленивством дух

свой заразили. Обыкновения египтян кто не знает, которые, имея собственными заблуждениями наполненную голову, всякое мучение прежде понести могут, нежели цапле, или змее, или кошке, или собаке, или крокодилу учинят какое повреждение? И ежели что им не нарочно сделают, однако ни от какого за то наказания не отрекутся. Но сие говорим о людях. Что же бессмысленные животные? не претерпевают ли стужи и голоду? не сносят ли по лесам и по горам трудного странствования? не защищают ли своих детей, принимая раны, никаких стремлений, никаких ударов не ужасаясь? не упоминаю, колико сносят и колико терпят кичливые для чести, любящие похвалу для славы, возжженные любовью для сласти. Жизнь человеческая полна таких примеров. Даст, истинно даст себя на мучение блаженная жизнь; и, последуя правосудию, воздержанию, а паче всех мужеству, великодушию и терпению, не остановится, воззрев на лице мучителя. И когда все добродетели с нею на мучение пойдут, не устратится и перед темными дверьми не останется.

Противное

Ибо что скарее быть может и что безобразнее, ежели она оставлена и от сего толикого сообщества отлучена? Но никоим образом сие статься не может: ибо ни добродетели без блаженного жития, ни блаженной жизни без добродетелей быть невозможно.

Заключение

И так оной от себя не отпустят, но повлекут с собою, к какой бы они болезни и мучению приведены ни были. Ибо свойственно есть премудрым ничего не делать, о чем бы они после калялись, ничего в неволю, но все прехвально, постоянно, важно и честно; ничего так не ожидать, как необходимо быть имеющего, и все, что случается, тому не удивляться как нечаянному и новому.

§ 262

Второй пример словесной неполной хрии из 3-й Цицероновой книги о должности¹⁵⁰ к сыну его Марку.

Приступ

Публий Сципион, которой прежде всех Африканским назван, по свидетельству Катону говорил, что он никогда столько не трудился, как тогда, когда ничего не делал, и больше всех тогда был не уединен, когда уединен находился.

Парафразис

Важно есть сие слово и мужа великого и премудрого достойно, которое объявляет, что он и во время праздности о делах думал и в уединении сам с собою разговаривал, что он никогда не отдыхал и с другими разговора иметь иногда не требовал. Две вещи, праздность и уединение, которые иным уныние наводят, так его поощряли. Я бы желал, чтобы и мне то же по справедливости сказать можно было. Но хотя не могу толикого превосходительного разума подражанием достигнуть, однако желанием к тому близко приступаю. Ибо, от республики и от судебных дел нечестивым оружием и насильством отлучен, в праздности пребываю; и для того, оставив город и странствуя по селам, часто живу в уединении. Но ни сея моя праздности с праздностью Сципионовою, ни сего уединения с его уединением сравнить не можно. Ибо он, успокоеваясь от прехвальных должностей, в республике на него положенных, иногда в праздности находился и от народного стечения и множества во уединение, как в пристанище, удалялся. Моя праздность происходит не от желания покоя, но от недостатка дела. Ибо, по уничтожении сената, по испровержении судов, что может быть в судебных местах моего труда достойно? Таким образом, хотя некогда жил я посреди великого множества народа и в очах граждан римских, но ныне, убегая от взора незаконных, которыми все места преизобилуют, сколько можно скрываюсь и часто живу в уединении.

Причина и пример

Но понеже прияли мы от ученых мужей, что не только из несчастий должно выбирать самое меньшее, но и выискивать, нет ли в них чего доброго? для того наслаждаюсь я праздностью не такою, какою должен тот, которой Риму дает спокойство, но в таком уединении ослабевать принужден, которое подает нужда, а не произволение. Хотя Сципион и по моему рассуждению получил большую похвалу, однако нет знаков остроумия его, писанию преданных, ни единого дела, учиненного в праздности, ни в уединении исполненной должности. Отсюда знать должно, что он, обращая ум и исследуя те вещи, которые он достигал размышлением, ни празден, ни уединен не был. Но я, не имея такой крепости разума, чтобы в безмолвном рассуждении не быть уединенному, все свое старание и труд полагаю на писание сего учения. И так, по опровержении республики, написал я больше, нежели тогда, как она стояла в целости. Но вся

философия, любезный мой сын, хотя изобильна и плодоносна и ни одна часть оная пуста и не возделанна, однако нет в ней ничего плодоноснее и изобильнее учения о должности. Из которого произведены бывают постоянного и честного жития правила.

Заключение

Для того хотя уповаю, что ты от приятеля нашего Кратиппа¹⁵¹, верховного из философов нынешнего времени, по вся дни сие слышишь и перенимаешь, однако же полезно быть рассуждаю, чтобы твой слух со всех сторон такими словами наполнялся и, ежели можно, не внимал бы ничего другого. Сие хотя все делать должны, которые в честное житие вступить желают, однако не знаю, не больше ли надлежит тебе, нежели прочим. Ибо от тебя ожидают, что будешь ты подражать немало моему рачению, много моей чести и несколько, может быть, моей славе. Сверх сего принял ты на себя нелегкое бремя, Афины и Кратиппа, к которым ты как для купления честных наук поехал, затем весьма скарედно есть совсем праздну от них возвратиться и тем и город и учителя обесславить. Того ради, сколько ум свой устремить и сколько к трудам своим налечь можешь (ежели учение больше труда, нежели услаждения имеет), постарайся довершить и не погреси в том, чтобы ты, имея от меня всякие вспоможения, самого себя оставил.

§ 263

Пример действительной хрии, выбранной из Цицероновых Тускуланских вопросов, кн. I, о том, что *Сократ по справедливости смерть презрел*. Сия хрия также неполна и правильного порядка не имеет.

Вступление

Ежели мы в натуральной науке не совсем не искусны, то в познании души сомневаться не можем, что она ни с чем не смешена, ни с чем не слиянна; нет в ней никакого связания, ни увеличения, ни усугубления. И так не может она ни раздвоиться, ни разделиться, ни раздаться, ни рассыпаться; следовательно, и погибнуть ей невозможно. Ибо гибель есть как рассеяние, разделение и растерзание частей, которые прежде погибли некоторым союзом между собою соединены были.

Парафразис

Таковыми и другими сим подобными рассуждениями так утвержден был Сократ, что не искал

по себе в уголовном суде предстателя, ниже судей умягчал прошением; но употребил вольное упорство, не от гордости, но от великодушия происшедшее. В последний день своей жизни о том рассуждал много и за несколько дней перед тем на свободу уйти не хотел, что легко ему учинить можно было. И хотя почти уже в руках держал смертную чашу, однако так разговаривал, что казалось, якобы он восходил на небо, а не к смерти был понуждаем. Ибо так он размышлял и так разговаривал, что два пути суть, и сугубо есть течение духов, из тела исходящих. Те, которые человеческими пороками себя осквернили и вовсе сластям отдали, которыми ослеплены как домашними заблуждениями и беззакониями окалялись или, насильствие учинив обществу, составили неудовлетворимые обманства, тем готов путь в места, от сообщества богов отдаленные. Но которые себя чистых и непорочных сохранили, меньше всех от тела заразились, от оного себя отвлекали и в плотском житии богам подражали, тем вход к ним отворен, как от них самих происшедшим.

Подобие

Притом упоминал, что всем добрым и ученым людям так должно от жизни разлучаться, как лебедям, которые не без причины посвящены Аполлону, но кажется для того, что имеют от него познание будущих вещей. Чрез сие они, усмотрев, колико добра смерть приносит, с увеселением и со сладким пением умирают.

Противное

Но о сем никто бы не мог сомневаться, ежели бы нам того же не случилось, когда о душе размышляем, что бывает часто с теми, которые пристально на затмевающееся солнце смотрят и тем зрение свое теряют. Ибо не инако ум наш, сам на себя взирая, нередко притупляется, и для того в рассмотрении оного терпеливость теряем. И так сомневаюсь, озираясь, недоумевая и о многих противных мнениях размышляя, как малый кораблец в просторном море, плавает наше слово.

Пример

Сие есть древнее и от греков взятое повествование. Но Катон так отошел от жизни, что радовался, получив причину предать себя смерти. Ибо запрещает господствующий над нами бог без его повеления отходить отсюда. Но когда бог дал справедливую причину тогда Сократу, так ныне Катону и часто многим; для того коль весел поистине премудрый оный муж исшел из сея тьмы во

оную светлость, однако не растерзал плотских оков: затем что законы запрещают; но как гражданским судом или какою законною властью, так богом вызван и свободен.

Свидетельство

По его же сказанию, жизнь философская есть не что иное, как только учение о смерти. Что мы тогда делаем, когда от роскошей плотских, когда от домостроительства, которое телу работает, когда от республики, когда от всех забав душу отыскаем? что тогда делаем, когда оную к самой себе призываем, саму у себя быть принуждаем и отводим от тела? Ибо душу свою отводить от тела не что иное есть, как учиться умирать.

Второе подобие

У реки Ипаниса, которая из Европы в Понт Евксинский втекает, по сказанию Аристотелеву, родятся некоторые гады, которые живут только один день. Посему ежели один из них умер в восьмом часу дня, тот был долговечен, а ежели при захождении солнца, а особливо в долгоденствие, тот дожил до дряхлой старости. Но поставь самой долгой век человеческой перед вечностью, то увидишь, что наша жизнь почти толь кратка, как оных гадов.

Заключение

И так лучше презреть все сие безумие (ибо кое суетнейшее имя сей суете дать можно?) и всю си-

лу жития в крепости ума, и в великодушии, и в презрении житейских вещей и пренебрежении оных поставить.

§ 264

Для образца полной и правильной хрии предлагаем здесь хрию смешенную, сочиненную из Виантовой речи¹⁵², которую он сказал уходя из своего отечества, неприятельми расхищаемого.

Приступ

Из древних философов, каковыми Греция перед прочими народами могла некогда похваляться, Виант по справедливости между семью премудрыми числится. Ибо сие заслужил он не только полезными учениями, основательными и к блаженству рода человеческого служащими правилами, но и подражания достойными похвального жития примерами. Таковым примером был его ответ, когда отечество сего философа, город Приену, неприятели расхищали и когда прочие жители, убегая из города, брали с собою лучшие свои пожитки, сколько унести можно было. Ибо тогда советовал ему некто, чтобы и он то же делал, на что он сказал: «Я все свое несу с собой».

Парафразис

Город неприятельми наполняется, горят дома и капища, пламень кругом обступает, в дыму обнаженные мечи блещут, все улицы полны вопля и



Афинский акрополь

ужаса; но те, которые всю свою надежду в богатстве полагают, повергая жизнь свою в крайнюю опасность, из пожара и почти из самых жадных рук неприятельских рвут свои пожитки. Виант спокоен духом выходит и, не имея у себя ничего, все свое с собою выносит: выносит с собою добродетель, дражайшую несравненно всех богатств, которые неприятель похитить может. И так, ничего не вынося, больше выносит, нежели прочие граждане.

Причина

Ибо в единой только добродетели состоит человеческое совершенство. Един добродетельный совершенно богат, что больше богатства не желает; всем изобилует, что добродетелью все недостатки наполняет, во всем честен, ибо добродетель есть сама себе честь и похвала, она есть в недостатках довольство и в нищете изобилие.

Противное

Напротив того, данные от счастья удовольствия служат больше к умножению наших недостатков и часто производят в нас пороки, которых бы мы без оных не имели. Скарденная пред всеми добрыми людьми гордость, которую и сами гордые в других ненавидят, есть первая дочь богатства. Изнуряющая силы телесные, нарушающая здравие и ум помрачающая роскошь, не от излишества ли происходит? Надеясь на свои достатки, какие обиды, презрения, нападения и гонительства богатые бедным наносят? и чрез таковые злобные поведения не мерзость ли и отвращение пред богом и пред человеческим родом бывают? Не упоминаю о угрызаемой по вся дни богатых совести, когда на несправедливое взирают имение; молчу о беспокойствах, которые зависть и ненасытимое желание возбуждают.

Подобие

В драгоценных одеяниях и других внешних украшениях лишенного добродетели человека тело кажется ослепленным беззакониями великолепно; однако в самой вещи есть гроб повапленный, исполненный гнилых костей и скарденного смрада. Но муж добродетельный в убожестве, как драгоценный камень в коре, только одним искус-

ным знаем; и хотя презрен от невежд, однако цену свою в себе содержит.

Пример

Таков был терпения и добродетели образ Иов. Лишение детей, дому и всего имения не подвигнуло ума его, добродетелью огражденного, добродетелью возвышенного, добродетелью украшенного, ниже плоть его снедающие струпы добродетельный дух заразили. В бесчадстве был многочаден, изобилует в нищете, в болезни силен, и, ничего не имея, по правде сказать мог, что он носил все свое с собою.

Свидетельство

Все богатства имеет, кто добродетель имеет, говорит римского народа забавный учитель Плавт: то есть не требует великолепного дому к своему покровению, кому едино крепкое пристанище есть добродетель; не требует прекрасных садов и драгих сосудов для увеселения своего взору и сердца, кто на красоту своя добродетели мысленно взирает; ни множества рабов и приспешников не ищет, кому добродетель везде спутница, везде собеседница и верная помощница.

Заключение

Все сии учат единогласно, что полезнее есть не иметь ничего, нежели добродетели быть лишенну; презирать сокровища всего света, нежели добродетели отчуждаться; лучше быть везде презренну, нежели от оных оставленну. Коль блажен, велик и прехвален, кто сие нерасхитимое богатство, некрадмое сокровище, сию напасть победительницу, крепость и подпору во всех скорбях неотлучно при себе имеет!

§ 265

Сей пример представлен просто и кратко для лучшего и способнейшего понятия расположения по сей форме. Охотники, которые заправду хотят в красноречии упражняться, могут сию же тему для своего обучения распространять из разных мест риторических и украшать пристойными тропами и фигурами для своей пользы.

Глава третья

О РАСПОЛОЖЕНИИ ПО СИЛЛОГИЗМУ

§ 266

По силлогизму и по неполным и сложным из него формам, то есть по энтимеме, по сориту и по условному и разделительному силлогизму располагается слово таким образом: 1) полагается одна посылка, 2) присовокупляется к ней причина из какого-нибудь риторического места, 3) ежели есть другая посылка, то и она полагается, к которой 4) также причина придается, 5) напоследи все заключается следствием. Причины при каждой посылке могут быть две и больше, и увеличены и возвышены распространениями и вымыслами по произволению. В пример предлагается сей силлогизм. *Всяк, кто закон хранит, есть богу приятен; но всяк добродетельный человек закон хранит; для того всяк добродетельный человек есть богу приятен.*

Первая посылка

Коль благополучен тот, кто во всех путях своих закон Господень соблюдает, кого никакие приключения от него отторгнуть не могут, кого ни роскошь в юношестве, ни домашние попечения в мужестве, ни в старости болезни от того не отлучают! Коль благополучен он, когда тем Господу своему приятен, зиждителю своему любезен!

Причина от уравниения

Не ласковым ли и милостивым оком взирает господин на прилежного раба, волю его тщательно исполняющего? Не сердцем ли к нему склоняется, видя, что он в деле, на него положенном, успевает, ничего полезного не оставляет, нужного не упускает, не проходит мимо ничего пристойного; что намерения его к концу приближаются, не погибает надежда, желание исполняется? Но коль божье милосердие превыше есть человеческого, толь любезнее есть пред лицом его человек, который ходит в его законе беспорочно, толь щедрее взирает господь с высоты святой своей на хранящего заповеди его.

Вторая посылка

Но кто есть добродетелью украшен, не может быть закона Божия нарушитель; ему свойственно

и сродно последовать его повелениям, а преступать его волю противно есть и невозможно. Един добродетельный есть закона хранитель, закону последователь, закону послушник.

Причина

Ибо закону божию повиноваться и быть добродетельну едино есть. Закон учит добродетели, управляет нас в неукротимом море мятежной жизни и от пучины беззаконий отводит. Источник добродетели есть бог, он же и закона податель. Добродетелью жизнь наша украшается, законом укрепляется добродетель; добродетель в законе повелевается, закон в добродетели оканчивается; и оба едино имеют начало, и оба на один конец для единого только блаженства нашего устроены.

Следствие

И так кто все дела свои для единой добродетели предпринимает, с добродетелью в них обращается и с нею оканчивает, тот приятнейшую всех жертву зиждителю приносит и щедрые очи его на себя обращает.

§ 267

К посылкам прилагать можно после причин подобия, противные, примеры и свидетельства, как в хриях. Сверх сего знать должно, что сей порядок силлогизма не совсем необходимо нужен, но можно общую посылку, которая в сем примере наперед положена, после особенной поставить, также и причина может быть наперед поставлена перед посылкою.

§ 268

В неполном силлогизме или энтимеме полагается одна посылка, потом присовокупляется причина, что все заключается следствием. Таким образом расположена у Горация ода 30 книги третьей, которая состоит в следующей энтимеме: *Я поставил знак бессмертной своей славы: затем что первой сочинял в Италии оды, какие писал Алцей Зольский-стихотворец; того ради должна моя муза себя лавровым венком увенчать.*

Посылка

Я знак бессмертия себе воздвигну!
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.

Причина

Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатный род препятством не был,
Чтоб внести в Италию стихи эольски
И первому звенеть алцейской лирой.

Следствие

Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

§ 269

Иногда следствие наперед полагается, а посылка к ней присовокупляется как причина. Такое расположение есть в псалме 116.

Хвалите господа, вся земля языки,
Воспойте вышнего, вси малы и велики:
Что милость он свою вовек поставил в нас,
И истина его пребудет всякий час.

§ 270

Вместо причины можно положить пространство какой-нибудь из ней знатной идеи, которая имеет принадлежность к терминам, составляющим посылку, как в сей энтимеме: *Тварей исследовать не можем, следовательно, и Творец есть непостижим*. Распространить можно идеи о ночи, о мире и о северном сиянии, смотри кн. 1, Оду о северном сиянии.

Сюда принадлежат и следующие стихи, сочиненные в Петергофе на Петров день 1759 года.

Взойди, веселый дух, на ону высоту,
Где видеть можно лет Петровых красоту;
Пляшущие простри на нынешний день мысли,
Желания к нему и плески все исчисли.
5 Между болот, валов и страшных всем врагов
Торги, суды, полки, и флот, и град готов!
Как с солнцем встают к брегам Индейским
воды,

Так в устья Невские лились к Петру народы.
Представь движение и ветвей и зыбей,
10 Представить можешь шум от множества людей.
Бегут вослед его, друг друга утешают,
На чудные дела и на него взирают.
Несчетны тщатся тьмы вместиться в малый храм,
Равняют веку час и тесноту небесам.
15 У всех в устах сей день и подвиги Петровы,
Трудиться вместе с ним и умереть готовы.
Всеvyšний благодать и ныне к нам простер:
Мы видим в наши дни сих радостей пример.
Елисавет в лице Петрове почитаем,
20 На внука с правнуком как на него взираем.

§ 271

В условных силлогизмах такое же расположение бывает, как в § 265 предписано. В пример предлагается следующий силлогизм¹⁵³: *Ежели что из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет, оное от разумного существа устроено. Но видимый мир из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет. Следовательно, видимый мир от разумного существа устроен*.

Первая посылка

Когда о вещах рассуждаем, в которых части так расположенные видим, что одна другой необходимо нужна и весьма полезна, и когда сложение их явственно показывает, что одна бытие свое действительно имеет для другой, которая без ней обойтись не может, то, отложив всякое сомнение, из того заключаем, что оная вещь искусством некоего разумного существа устроена.

Довод

И в сем рассуждение наше отнюдь не заблуждает и не подвергает себя никакому преткновению. Ибо где одна часть для другой необходимо бытие свое имеет, то одна должна быть для другой нарочно; но что нарочно есть для другого, то без намерения быть не может; а где намерение есть, тут должно быть и намеряющееся. Кто сие отрицать хочет, тот пусть покажет движение без движущегося, радость без радующегося, болезнь без болящего. Намерение есть свойство разума, для того сие намеряющееся должно быть разумно. Но всякое разумное намерение без действия есть мертво, тщетно и бесполезно, а действие без действующего быть не может. Следовательно, ежели в чем одна часть для другой бытие свое имеет, то сие произведено от существа разумного.

Пример

Сие утверждается многими и всегда пред нами обращающимися примерами. Видя на корабле расправленные и ветром напряженные и по произволению приличными к тому орудиями движимые паруса, корабль, малым кормилом в плавании управляемый, кто сказать может, чтобы толь полезные паруса, с приличными к движению их орудиями, и толь нужное кормило не по намерению и не хитростью разумного существа для движения и управления корабля устроены были.

Вторая посылка

Но посмотрим на чудную громаду сего видимого света и на его части; не везде ли видим взаимный союз вещей, в пользу друг другу бытие свое имеющих? Возвышение гор и наклонение долин не к тому ли служит, чтобы собравшиеся в них воды ключами изливались, протекали ручьями и в реки бы наконец соединились? И реки, сами простершись по широким землям наподобие частыми ветвями густого дерева, из малых в великие соединяются не для того ли, чтобы напаять и обмывать рассеянных по лицу земному обитателей и течением своим служить к сообщению рода человеческого для взаимной пользы друг с другом. Простертый над водами и землею воздух принимает в себя влажность, а особливо от стекшейся из рек пространной пучины, и движется с морей на поля, леса и горы и с оных на моря возвращается. Но чего ради? Относит в виде облаков и туманов стекшую с далеких земель реками воду и на оные дождем и снегом ниспускает обратно, чтобы рекам источники, а животным реки не оскудели и прозябающие бы тела влажности и рращения не лишились. Не упоминаю о расположении и движении великих тел небесных, как друг другу взаимно служат освещением, движением воды, произведением ветров, разделением времени, показанием пути в море и в пустынях. Не предлагаю о рращении прозябающих, как листы и корень из земли и из воздуха влагу в себя почерпают для питания стебля и ветвей, для произведения цветов и плодов; как смешенные в земной и воздушной влажности стихии, по природе и свойствам толь различных прозябающих тел и толь отменных частей их разделяются и составляют на одном месте друг возле друга растущие дубы и винограды, кедры и терны, сладкие и горькие плоды и цветы, видом и обонянием разные. Во всех сих испытатели естественных вещей находят, что малейшие и нечувствительные их частицы так между собою состоят, что иные служат к

взаимному укреплению, иные к защищению от строгих перемен воздуха, иные к движению питательных соков; иные пьют из земли и из воздуха потребную влагу, иные самую лучшую питательную материю из ней отделяют и перепускают в пристойные места, иные отделенную излишнюю воду на воздух парами обратно выпускают; некоторые к изращению ветвей, к распушению листов и цветов и к созрению плодов материю приготавливают. Что же рассудить должно о многочисленных семенах, которыми всякое прозябающее произобилует? Не того ли ради в толиком множестве рождаются, чтобы не только служить в пищу роду человеческому и многим другим животным, но и каждому иметь бы довольный избыток для умножения и сохранения своей природы? Но, сие оставив, всяк может легко усмотреть ясное доказательство в строении собственного своего тела. Взглянув только на свои руки, ноги и персты и оных составы и движение, довольно видеть можно, коль хитро и для коликой нашей пользы их имеем! и коль беден человек, которой оных лишился! Но если бы всяк мог видеть все свое внутреннее здание, о, коль бы чудное усмотрел он частей расположение, взаимный союз и друг другу обратно приносимую пользу! Какие орудия и сосуды на то приуготовлены, чтобы из приемлемой нами пищи отделять полезнейшую материю, превращать в кровь и оную разливать по всем членам, кровь очищать от излишней и вредной мокроты и от ней же отделять для плодородия семя, для чувства жизненные соки, для варения пищи желчь и оные вливать в определенные к тому сосуды! Каким образом из головы простираются по всем внутренним и внешним частям тела тончайшие нервы, исполненные жизненными соками, которые и о самых малейших осязаниях и переменах, в отдаленных частях тела приключаящихся, уму как управителю всего плотского здания возвещают! Коль удивительно сложены прочих чувств органы, как расположены мышцы к обращению членов и составов и как все части действия своими взаимно соответствуют, того всего и самое пространное слово изъяснить не довольно! И так о едином только чувстве зрения нечто предложим. Очи на высочайшей части тела поставлены, как некоторые стражи с высокого замка вокруг себя называют и, свободно и легко обращаясь, отдаленные и близлежащие вещи в нечувствительное время уму представляют, изображают верно их величину, фигуру, цвет, порядок и движение. К сим толь удивительным и проворливым сего чувства действиям, от которого наивысшие



Петергофский парк

услуги получаем, определенные части сложением своим разум человеческий восхищают! Во-первых, очи окружены частями лица возвышенными, состоящими из твердой кости, как некоторою стеною. Покрываются мягкими веждами, которые по умеренной слезной влажности, из устроенных к тому тонких сосудов истекающей, свободно движутся, плотно запираются и то скоростью своею, то обведенными вокруг ресницами впадающую пыль от нежных сих органов отвращают. Сами они состоят из твердых и отчасти прозрачных перепонок для укрепления самих себя и для пропускания света удобных. В середине оных то жидкие, то загустевшие чистые влажности такое хитрое расположение имеют, что лучи, проходящие сквозь зеницы (которые при множестве оных сжимаются, при скудости шире открываются), в них преломившись, непонятною скоростью вид предлагающих вещей и действий изображают.

Свидетельство

Но все сии взаимные соответствования, которыми части, видимый сей мир составляющие, одна другой пользуют, яснее прочих понимают те, которые в исследовании натуральных вещей рачительно упражняются. Они видят, что нет на свете ни единой пылинки, которая бы только для одной себя бытие свое имела.

Заключение

Сего ради нет никакого сомнения, что видимый сей мир устроен от существа разумного и что кроме сей пречудной и превеликой громады есть некоторая сила, которая оную соградила, которая есть неизмеримо велика, что произвела толь неизмеримое здание; непостижимо премудра, что голь стройно, толь согласно, толь великолепно оное устроила; несказанно щедра, что между всеми творениями положила и утвердила взаимную пользу. Сия неизмеримо великая, непостижимо премудрая, несказанно щедрая сила, не то ли есть, что мы Богом называем и почитаем неизмеримо великим и всемогущим, непостижимо премудрым и несказанно щедрым? Того ради, живущие по вселенной, поклоняйтесь со благоговением изливавшему реки от источников своих к напоению и омытию вашему. Делающий землю и ожидающий плодов от труда своего, припадайте пред посылающим дождь на нивы ваши и согревающим те солнечною теплотою. Плавающий по водам, восклицайте со усердием к открывшему вам пространный и скорый путь в отдаленные страны для пользы вашей и к устремляющему вдохновением своим корабли ваши. Пасущий стада, преклоняйте колена и сердца пред растящим траву на пажитях ваших и пред украшающим поля цветами для

умножения радости в безмолвном житии вашем. И вы, удостоенные взирать в книгу непоколебимых естественных законов, возведите ум ваш к строителю оных и с крайним благоговением его благодарите, открывшего вам театр премудрых дел своих; и чем больше оные постигаете, тем вяще со страхом его превозносите. Вам о его всемогуществе и малейшие гады проповедают, и пространные небеса возвещают, и бесчисленные звезды показывают непостижимое его величество. О, коль слеп ты, Эпикур, что при толиком множестве светил творца своего не видишь! погруженные варварским невежеством или сладкими плотскими во глубине неверия, возникните и обратитесь, рассудив, что может вас живых во ад низвергнуть колеблющий иногда основания земли, потопить водами разливающий моря и реки, истребить пламенем возжигающий горы прикосновением своим, поразить молниею покрывающий небеса тучами. Кто мечет гром, тот есть: безбожники, вострепещите.

§ 272

В разделительных силлогизмах равным образом полагается, как и в других, прежде всего первая посылка, и к ней присовокупляется парафрастическое истолкование, либо доказательство или распространение из мест, риторических обеих частей оная посылки; потом следует другая посылка с риторическими изъяснениями, украшениями или доказательствами; наконец, заключением оканчивается, соединенным с движением или утолением страсти, к материи приличной; например: ежели кто хочет кого ободрить к терпеливости в трудах, тот может свое слово расположить по сему разделительному силлогизму: *Или покоиться и быть лишенным похвалы, или похвалу приобретать и быть лишенным покоя. Но в покое быть без похвалы худо. Для того лучше приобретать похвалу трудами.* В первой посылке можно описать сладость покоя и радость, от похвалы происходящую, и, утвердив обе стороны доказательствами, присовокупить к тому двоякое желание с фигурою сомнением (§ 230). Во второй по-

сылке описать можно бесславного человека в лени и небрежении и изъяснить оную подобием, что ленивой человек в бесчестном покое сходен с неподвижною болотною водою, которая кроме смраду и презренных гадин ничего не производит; в заключении показать, коль легки и сносны труды бывают похвалы ищущим, и возбудить любовь к похвале и надежду к получению оная.

§ 273

Первая посылка разделительного силлогизма может быть отставлена, и вместо оной положен быть краткой приступ, как то видно в псалме 145-м, которой основан на следующем разделительном силлогизме: *Или уповать на бога, или на князей, сынов человеческих; но уповать на них ненадежно; следовательно, лучше уповать на бога.* Для яснейшего понятия смотри оного псалма парафрастическую оду в первом томе.

§ 274

По сориту и по дилемме не иначе располагается слово, как части их требуют. Впрочем, распространяются оне таким же образом, как выше сего в сей главе показано, из мест риторических вымыслами, возбуждениями страстей и речями витиеватыми по обстоятельствам и свойствам данной материи; и так больше о том правил и примеров для краткости здесь не предлагаем: ибо можно применить по правилам и примерам, предложенным для прочих форм силлогизма.

§ 275

Между формами силлогистическими в расположениях вмещают наведение, по которому из многих предложений, до той же материи надлежащих, следует одно общее. Но понеже оно ничем не разнится от расположения соединительного (§ 252), и пример оного для изъяснения прочесть можно (§ 82, стр. 78), для того здесь ничего особого о том предлагать не нужно.

Глава четвертая

О РАСПОЛОЖЕНИИ ПО РАЗГОВОРУ

§ 276

Расположение по разговору бывает, когда данную материю предлагают два, или три, или больше вымышленных лиц, разговаривая об ней между собою. Таким образом расположены Тускуланские Цицероновы вопросы, Лукиановы и Эразмовы разговоры и у стихотворцев театральные поэмы, эклоги и прочие.

§ 277

Разговор разделяется на *натуральный*, *ненатуральный* и *смешанный*. Натуральный есть, когда люди, между собою о чем разговаривающие, представляются, как у Виргилия в Эклогах и у Феокрита в Идиллиях пастухи о своей любви или о других случаях разговаривают. В ненатуральном разговоре представляются звери или и бездушные вещи, о чем-нибудь рассуждающие, как, например: разговаривает мышь с попугаем или муха со старою лошадию о нравах человеческих. Смешанный разговор бывает, когда человек с каким животным разговаривает. Так у Лукиана¹⁵⁴ рассуждает петух с сапожником и смеется Пифагорову учению о переселении душ.

§ 278

Сих трех родов разговоры бывают *чистые* и *нечистые*. Чистые состоят только из одних рассуждений, описаний или повествований; нечистые включают в себе какие-нибудь действия. Такие действия разделяются на *прямые* и *косвенные*.

Прямые действия точно изображаются, как в трагедиях и комедиях на театре действительно представляются. Косвенные действия только показываются из речей разговаривающих между собою лиц. Так начинается Эразм¹⁵⁵ разговор о алхимии.

Филекой. Что за новая диковина, что Лал так приятно улыбается и почти взаходы смеется, и меж тем еще крестится? спрошу я о его счастье: здравствуй, любезной мой Лал. Мне кажется, что ты очень счастлив.

Лал. Я еще счастливее буду, когда тебе скажу свою радость [и проч.].

§ 279

Сверх того разговоры суть *согласные*, *прекословные* и *сомнительные*. Согласные разговоры состоят из согласных мнений между собою рассуждающих лиц, так что один мнение другого новыми доводами подтверждает; в прекословных разговорах предлагаются два спорные между собою мнения, которые двое каждой свое защищают. Сомнительные состоят из такой материи, которую одно лицо вовсе защищает, другое в некоторых обстоятельствах согласуется, а в иных спорит или сомневается. В прекословных и в сомнительных разговорах употребляют знатные авторы иногда иронии и порицания между введенными лицами, как то из Феокритовых и Виргилиевых Эклог, Лукиановых и Эразмовых разговоров довольно видеть можно.

§ 280

Сего способа к расположению не только в разных книгах примеров довольно, но и повседневное обхождение почти беспрестанно оные показывает; однако не будет без пользы, ежели здесь сообщим несколько разговоров, которые не только в пример, но и к украшению штиля, к поправлению нравов и к увеселению служить могут.

§ 281

Разговор Дезидерия Эразма Ротеродамского, называемый «Утро», в котором он учит не терять времени напрасно.

Нефалий^{155а} Филипп^{155б}

Неф. Сегодня хотел я, Филипп, тебя посетить; однако тебя дома не сказали.

Фил. Не совсем тебе солгали: для тебя я подлинно дома не был, а для себя весьма был дома.

Неф. Какую ты мне загадку говоришь?

Фил. Ты знаешь старую пословицу: не для всех сплю; также известна тебе и Назикина шутка, как некогда он, хотя посетить приятеля своего

Энния, спрашивал: дома ли он; и как служанка от-казала, тогда Назика хотя и догадался, что он до-ма, однако домой возвратился. После того, когда Энний, вшедши в дом Назикин, спрашивал у слу-ги, у себя ли он находился, тогда Назика из камор-ки вскричал: нет меня дома; и как Энний его по голосу узнал: бесстыдный! сказал, я ли тебя по го-лосу не слышу? На сие Назика ему отвечствовал: ты меня еще бесстыднее, что мне самому в том не веришь, в чем я и служанке твоей поверил.



Эразм Роттердамский

Неф. Так, может быть, тебе недосуг было.

Фил. Нет; я был в сладком покое.

Неф. Опять загадкой мучишь!

Фил. Ну так скажу прямо точь-в-точь.

Неф. Скажи.

Фил. Спал без пробуду.

Неф. Что ты говоришь? тогда был уже девятой час, а в нынешнем месяце в четвертом часу солн-це всходит.

Фил. Пожалуй, для меня пускай оно всходит хотя в полночь, лишь бы мне только выспаться до-вольноно.

Неф. Однако только ли ныне тебе толь долго спать случилось? или ты к тому привык?

Фил. Привык.

Неф. Весьма худо привыкать к худому делу.

Фил. Нет! сон после восхождения солнечного весьма приятен.

Неф. В которой ты час с постелей расстаешься?

Фил. Между четвертым и девятым^{155в}.

Неф. Довольно времени; и королевы чуть ли толь долго убираются, однако как ты к тому привык?

Фил. Для того что обыкновенно пируем, игра-ем и веселимся за полночь, которой урон утрен-ним сном награждаем.

Неф. Едва видал я кого, кто бы жил тебя мо-товатее.

Фил. Мне кажется, сие бережливость, а не мо-товство, для того что когда я сплю, то свечи не го-рят и платье не носится.

Неф. Никуда не годная бережливость, ежели для того стекла беречь, чтобы потерять алмазы. Инако рассуждал оной философ, который, когда у него спросили, что всего дороже? отвечал: время. Притом известно, что утро всего дня лучше. И так, что в дражайшей вещи всего дороже, ты оное с радостью теряешь.

Фил. Разве тое теряется, что отдаем нашей плоти?

Неф. Нет, мы отнимаем от плоти, которая тог-да услаждается и весьма ободряется, когда благо-временным и умеренным сном возобновлена бы-вает и укрепляется утренним бдением.

Фил. Однако сон сладок.

Неф. Что может быть сладко тому, кто ничего не чувствует.

Фил. И то самое сладко, когда никакого беспой-койства не имеем.

Неф. Так потому те еще счастливее, которые спят в могиле, ибо во сне иногда привидения бес-покоят.

Фил. Говорят, что такой сон телу питателен.

Неф. Сия пища кротам прилична, а не людям. Дельно откармливают скотину на убой; а челове-ку для какой прибыли стараться о том, чтобы рас-толстеть, разве для того только, чтобы всегда хо-дить с увесистою ношею? Скажи мне, ежели бы ты слугу имел, хотел ли бы ты, чтобы он был толст или чтобы он был проворен и ко всем делам способен.

Фил. Однако я не слуга.

Неф. Мне и того довольно, что ты лучше слу-гу иметь хочешь способного к услужению, нежели как быка откормленного.

Фил. Подлинно так.

Неф. Платон сказал, что дух человеку госпо-дин, а тело не что иное, как его жилище или ору-дие. А ты, как думаю, признаешь, что дух есть главная часть в человеке, а тело его слуга.

Фил. Ин пусть по-твоему будет.

Неф. Ты не хочешь иметь слуги с тяжелым брюхом, но проворного и поворотливого; то для чего духу своему готовишь слугу дебелого и унылого.

Фил. Убеждаешь ты меня правдою.

Неф. Послушай, что ты еще сверх того трапишь. Как дух много превосходнее тела, так и богатство душевное много превосходит телесные достатки.

Фил. Вероятно.

Неф. Между богатством душевным выше всего премудрость.

Фил. Подлинно так.

Неф. К приобретению оныя ни единая часть дня толь не способна, как утро, когда солнце снова восходит, бодрость и укрепление всем приносит и разбивает туман, который обыкновенно встает из желудка и жилище ума помрачает.

Фил. Не спорю.

Неф. Ныне сочти мне, сколько бы ты мог научиться в те четыре часа, которые на безвременный сон теряешь.

Фил. Правда, что много.

Неф. Я узнал самым делом, что в один час потру больше можно научиться, нежели в три часа после обеда. И сверх того телу никакой убыли не делается.

Фил. Слышу.

Неф. Притом подумай: ежели вместе сложить, что ты на каждый день теряешь, какое будет множество.

Фил. Правда, что велико.

Неф. Кто дорогие камни и серебро напрасно расточает, того мотом называют и отдают под опеку. А кто сие много оного дражайшее богатство теряет, не тот ли больше мотом назван быть должен.

Фил. Видно, что так, ежели о том рассудить прямо.

Неф. Также и о том подумай, что говорит Платон: ничего нет прекраснее, ничего любезнее премудрости, которую ежели бы телесными очами видеть можно было, то бы она непонятную любовь к себе возбуждала.

Фил. Однако видеть ее не можно.

Неф. Правда, что телесными очами не увидишь; но зрение души оную постигает, которая есть лучшая часть человека. И где любовь безмерно приятна, тут и самое высочайшее наслаждение быть должно, когда дух с такою любовницею совокупляется.

Фил. Самую истину сказываешь.

Неф. Для того поменяйся на сие наслаждение, смерти образом, ежели угодно.

Фил. Хорошо, однако должен буду покинуть играть по ночам.

Неф. Та потеря прибыточна, ежели за худое хорошее, за бесцельное преславное, за презренное дражайшее что получить можно. Хорошо тому терять свинец, кто из него золото делает. Натура ночь для сна определила. Восходящее солнце, когда всех животных, тогда больше всех человека к трудам, в жизни потребным, возбуждает. Которые спят, говорит Плавт, те спят ночью, и пьяные ночью пьяны. Что скaredнее быть может, когда все животные встают с солнцем, некоторые и прежде восхождения пением оное поздравляют, и слон восходящему солнцу покланяется, а человек долго после его восходу храпит на постели? Коль часто златой оный утренний свет освещает твою спальню, или ты не можешь догадаться, что он тебя спящего укоряет? Безумный человек, или тебе хорошо кажется, что ты наилучшую часть жизни своей напрасно теряешь? не для того я сияю, чтобы ты спал закрывшись, но чтобы ты, бодрствуя, в честных делах упражнялся. Никто свечи не зажигает, чтобы при ней спать. А ты храпишь при сем прекраснейшем светильнике.

Фил. Изрядно ты проповедуешь!

Неф. Хотя не изрядно, однако справедливо. Я не сомневаюсь, что ты нередко слышал оную Иисову речь: бережливость на дне иметь уже поздно.

Фил. Весьма часто, для того что в середине бочки самое лучшее вино бывает.

Неф. Однако в жизни человеческой первая часть, то есть юношество, всех лучше.

Фил. Истинно так.

Неф. И утро то же во дни, что юношество в жизни. И так не безумно ли те делают, которые юношество на бездельные поступки, а утреннее время на снание тратят.

Фил. Видно, что так.

Неф. Есть ли такое имение, которое с человеческою жизнью сравнять можно?

Фил. Ни всего персидского сокровища.

Неф. Не возненавидел ли бы ты весьма человека, которой бы мог или хотел коварными ухищрениями убавить несколько лет твоей жизни?

Фил. Я бы лучше самому ему жизнь отнял.

Неф. Но те еще злее и вредительнее, которые с охотою свою жизнь делают короче.

Фил. Правда, ежели есть такие.

Неф. Есть такие; все тебе подобные то делают.

Фил. Хорошо ты говоришь!

Неф. Весьма хорошо! ты рассуди, не справедливо ли говорит Плиний, что жизнь человеческая состоит в бдении, и тем доле человек живет, чем больше времени на учение употребляет? Ибо сон есть некоторая смерть: для того и стихотворцы вымыслили, якобы он из ада выходит, и Юмер называет его братом смерти. И так, которые спят, те ни между живыми, ни между мертвыми считаются, однако больше между мертвыми.

Фил. Видно, что подлинно так.

Неф. Ныне сочти мне, коликую часть жизни у себя отнимают, которые три или четыре часа на сон тратят.

Фил. Вижу, что безмерно велика.

Неф. Не почел ли бы ты за бога такого алхимиста, которой бы десять лет к твоей жизни прибавил и в старости бы дал юношескую бодрость?

Фил. Как не почесть?

Неф. Сие божественное благодеяние можешь ты сам себе сделать.

Фил. А как?

Неф. Для того что утро есть юношество дня, пред полуднем еще кипит младость, в полдень следует мужеский возраст, а потом вместо старости вечер, за вечером захождение солнечное, как смерть всего дня. Великую прибыль бережливость приносит, однако нигде больше, как здесь. И так не великую ли себе прибыль принес, кто великую и самую лучшую часть жизни тратить перестал?

Фил. Праведно твое учение.

Неф. Притом видеть можно, что весьма бесстыдна тех людей жалоба, которые натуру обвиняют, что человеческой жизни толь тесные пределы положила, когда они сами от того, что им дано, великую часть теряют. Всякого человека жизнь довольно долга, ежели оную бережно употреблять будет. И немалый успех в том состоит, ежели кто всякое дело в свое время делает, после обеда едва стоим мы получеловека, когда тело, обремененное пищею, ум отягощает; и притом не безопасно, чтобы жизненные соки, которые в то время для варения пищи в желудке действуют, выводить в голову. После ужина ум еще меньше действует. А поутру человек совсем человек, когда тело ко всем действиям способно, когда дух бодр и поворотлив, когда все органы ума тихи и чисты, когда она божественного дыхания часть^{155г} дышит, уподобляется своему началу и к честным делам стремится.

Фил. Изрядную ты мне проповедь сказываешь.

Неф. У Гомера говорят Агамемнону, что пол-

ководцу не должно спать целую ночь; то коль неприлично толикую часть дня на спанье тратить.

Фил. Правда, что не должно полководцу; однако я еще не генерал.

Неф. Ежели ты что другое любишь больше, нежели себя, то не смотри на слова Гомеровы. Однако ремесленные люди для бедной прибыли встают прежде свету, то нас ли любовь к премудрости возбудить не может, чтобы мы хотя солнца послушались, когда оно к неоцененному приобретению нас возбуждает? Медики дают свои лекарства почти всегда поутру. Они знают золотые те часы, когда помогать телу; а мы оных не знаем, когда целить и обогащать душу. Но ежели тебе сии слова не важны кажутся, то послушай, чему учит у Соломона небесная премудрость: Утреннюю ко мне обрящут мя. В псалмах таинственных коликая есть похвала утреннего времени. Заутра превозносит пророк милосердие господне, заутра услышан бывает глас его, заутра приходит к господу молитва его. И у Луки, святого евангелиста, народ, исцеления и учения от господа требующий, рано поутру к нему приходит. Что ты вздыхаешь, Филипп?

Фил. Чуть могу от слез удержаться, когда на ум приходит, сколько я потерял своей жизни.

Неф. Что уже напрасно о том себя сокрушать, чего нельзя возратить? Однако оно предбудущим старанием наградить можно. И так лучше к тому приложить рачение, нежели в пустом сетовании о прошедшем терять будущее время.

Фил. Хорош твой совет; однако мною овладела привычка.

Неф. Плюнуть: клин клином выбивают, а привычка привычкою побеждена бывает.

Фил. Весьма трудно от того отстать, к чему кто привык чрез долгое время.

Неф. Правда, что сначала трудно, однако первую скуку отменное обхождение сперва утоляет, а после того переменяет в превеликое услаждение, так что о первой скуке тебе досадовать не должно.

Фил. Боюсь, что не удастся.

Неф. Ежели бы ты был семидесяти лет, то бы я тебя от того отвлекать не хотел, к чему ты привык; а ты, как я думаю, чуть вступил на семнадцатой год. В такие лета чего преодолеть не можно? только лишь бы была охота.

Фил. Истинно я начну и постараюсь, чтобы мне из Филиппна сделаться филологом^{155а}.

Неф. Ежели ты так сделаешь, то подлинно знаю, что в кратком времени себя вправду поздравлять, а мне за наставление благодарить будешь.

§ 282

Из сего разговора ясно усмотреть можно, что в расположении по разговору части, составляющие хрию и силлогистические формы, не только уместны, но и весьма надобны. Ибо хотя разговором представленное слово не от одного лица происходит и вопросами и ответами прерывается, однако подобия, противные, примеры, свидетельства и прочая в нем предлагаются. И так отсюда явствует, что речи, расположенные по хрии и по силлогистическим формам, могут разговором быть представлены.

§ 283

Разговор Лукианов между Александром Великим и Ганнибалом,¹⁵⁶ где говорят Сципион, генерал римский, и Миной¹⁵⁷, которого эллинские идолослужители почитали адским судьей.

Александр. Постой ты, карфагенец, мне наперед идти должно.

Ганнибал. Я тебе не уступлю.

Александр. Хочешь ты со мной судиться перед Миноем?

Ганнибал. Хочу.

Миной. Что вы за люди?

Александр. Александр и Ганнибал.

Миной. Оба великие люди, однако о чем вы спорите?

Александр. Кому должно наперед идти. Сей африканец таков нагл, что первенство отнять у меня хочет, несмотря на то что я был монарх всей Азии и превеликий воин на свете.

Миной. Должно выслушать его доказательство: что ты против его скажешь, Ганнибал?

Ганнибал. Коль счастлив я, что буду говорить перед судьей, который не станет судить пристрастно, но взирать больше на правду, нежели на пустой вид! И так я говорю, что того, который, равно как я, возвысил себя своею собственною силою и счастье свое только одному самому себе должен, надлежит предпочесть оному, кто имеет свою славу от предков. Ибо, перешед из Африки в Испанию, так сказать, с одной горстью людей, прославил я себя своею собственною. И, после смерти моего зятя приняв все войско в мое повелительство, усмирив я целтиборов и галлов, которые лежат к западу. Потом перешел Альпийские горы, одержал я победу на трех великих сражениях, и, убив в один день столько неприятелей, что мерял

я четвериком золотые перстни, которые носили конные римские дворяне; и, перешед через мост, из убитых полков состоявший, завоевал я всю Италию до самого Рима. Все сие учинил я, не назвавшись Зевесовым сыном и не восхотев себе богу должного почтения. Знатнее всего есть то, что я войну имел не с армиями, не с мидянами, которые прежде сражения в бегство обращаются и победу оставляют тому, кто осмелится оной дожидаться, но воевал с самыми храбрыми народами и с генералами, преискусными во всем свете. Притом все оные победы получил я не таким войском, которое бы дружно биться издавна приучено было, ниже солдатами, набранными из моего отечества, но наемными и отовсюду сбродными людьми. Я не был притом наследник скиптра, но простой гражданин карфагенской. Александр, напротив того, приняв от отца своего вместе с короною войско, которое было непобедимо, требовал еще к тому счастья, чтобы победить роскошного владельца и ослабевших от сластолюбия народов. Потом, ослепившись своею победою, отменил обычаи своих предков, убивал собственною своею рукою самых лучших своих друзей, а иных отдавал на казнь, и велел себя почитать богом. Я, посреди своих побед и торжеств, будучи позван в Африку обратно, чтобы стать против Сципиона, послушал повеления как самый меньший гражданин. И когда меня там несправедливо осудили, то сносил я великодушно свое изгнание. Я позабыл было еще некоторую часть своей славы, что все оные дела учинил, не имев никакой помощи от наук и не учившись у Аристотеля. И ежели Александр требует преимущества для своей короны, то сие изрядно в рассуждении персов и македонян; а до меня оное ничего не надлежит: для того что я не родился его подданным и был прославлен храбрым и премудрым генералом, которого мужеству только счастье не всегда споспешествовало.

Миной. Хотя и груба речь, однако не варварская! что ты, Александр, на то отвечаешь?

Александр. Слава бы моя была довольна дать мне преимущество, ежели бы я не хотел оное получить силою разума, равно как оружием, и торжествовать по моим словам, как по военным действиям. Ибо, получив наследное владение после своего отца, колеблющееся и возмущенное его смертью, умел я оное укрепить казнью его убийцев и потряс Грецию, опровергнув Фивы. Потом, будучи выбран главным предводителем против варваров, простер я свою надежду и оружие далее, нежели другие, которые прежде меня бы-

ли. Переправившись через Елеспонт, победил я Дариевых генералов открытым боем, завладел всеми провинциями до Киликии, победил самого царя персидского и в один день только лавров собрал, что Хароновой барки доставало на перевоз мертвых, толикое множество их было! Наконец, не говоря ни о Тире, ни о Арбеллах, покорил я всю Азию до Индии и самую Индию, Океан поставил пределом моей империи. И, не довольствуясь толикими делами, перешел я через Дон, победил скифов, торжествовал над всеми неприятелями греческого народа и короны разделял по моим генералам. И хотя, по учинении толиких дел, человеческую силу превосходящих, люди богом меня почитали, однако сие им простительно, также и мне, что я на то для утверждения новой империи соизволил. Одним словом, ты видишь пред собою победителя половины света, у которого преимущество отнять хочет ссыльной, умерший рабом некоторого беззнатного царя в Вифинии. К сему присовокупить должно, что я все оные завоевания учинил, как лев, открытою силою. Напротив того, Ганнибал действовал одним коварством и после побежден собственным своим оружием. Он бесчеловечен был к побежденным, а я, напротив того, милостив. Однако он смеет попрекать мне роскошным моим житьем, препроводив сам в Капуе долгое время в сластолюбии, чрез что потерял плоды толиких побед? Мои увеселения не помрачили славы моего оружия; я ожидал триумфов, когда и неприятелей не было. Я мог бы еще и больше сказать в свое защищение; однако мне стыдно больше слов терять на толь справедливое мое требование. Только остается, чтобы наш спор развесть приговором.

Глава пятая

О РАСПОЛОЖЕНИИ ОПИСАНИЙ

§ 285

Описанием называется слово или часть оного, где представляется вещь или деяние. Представление деяний называется особливим именем *повествование*.

§ 286

Сей род слова во всем красноречии имеет великую силу, занимает большую часть оного и не только в прозе и в стихах господствует, но и многие целые книги состоят из описаний и повествований. Таковы

Сципион. Подожди, Миной. Я имею нечто представить.

Миной. Кто ты таков?

Сципион. Я Сципион, которой победил Ганнибала и покорил Карфагену.

Миной. Чего ж ты требовать хочешь?

Сципион. Я преимущество хочу отдать Александру, а Ганнибалу не уступаю.

Миной. Правдиво твое требование: ты поди перед Ганнибалом, а перед обоими Александр. Больше ничего мне не говорите.

§ 284

Сей пример показывает, 1) что на конце разговора приданы быть могут лица, которых во всем разговоре не было, каков здесь Сципион: при сем знать должно, что иногда и совсем другие лица разговор оканчивают, как у Эразма разговор между стариками заключают почтари, которые их везли; 2) видно, что изрядно по разговору располагать можно повествования о делах и описания вещей натуральным порядком, как здесь вкратце изображено житие Александрове и Ганнибалово; и притом вмешивать разные нравоучительные и политические наставления. Сему и другим подобным Лукиановым разговорам в пример сочиняются в Германии на немецком языке разговоры в царстве мертвых¹⁵⁸, которые состоят уже во многих книгах, содержащих в себе разные истории о разных государях и других знатных людях, соединенные с учением о политике и о добрых нравах.

суть истории Иродотова, Ливиева, Тацитога, Курциева¹⁵⁹ и прочие весьма многие. Также героические поэмы, драмы и прочие; для того в расположении и составлении оных общие правила предложить здесь необходимо нужно.

§ 287

Описание в тесном разуме значит изображение какой-нибудь вещи и разделяется на *правдивое* и *вымышленное*. Правдивое изображает вещь, которая действительно



Плиний Старший

есть или была. Таких описаний много есть в писателях подлинных историй и в географических книгах, как у Помпония, Плиния¹⁶⁰ и других. Вымышленное описание изображает вещь, которой нет и не бывало, и тем оно от вымысла не разнится. Таковые описания весьма часто находятся у стихотворцев, о чем смотри § 149.

§ 288

Части, описание составляющие, суть: 1) действительные части описуемой вещи, ежели она части имеет; 2) материальные свойства действительные, ежели она материальна, мысленные, ежели нематериальна; 3) жизненные свойства, ежели она из рода животных; 4) действия или страдания оной; 5) время; 6) место; 7) предыдущие и последующие. И так в расположении частей описуемой вещи должно наблюдать пристойный порядок, которой хотя не всегда одним образом для разных свойств самой материи следовать должен, однако вообще положить можно, что в описаниях бездушных вещей пристойнее начинать с описания места, потом описать целое и части и материальные их свойства и к ним присовокупить оных действия или страдания, между ими самими бывающие или в рассуждении других, вокруг лежащих вещей, также и обстоятельства времени и прочая. В описаниях одушевленных вещей или тел,

которые под их видом вымышлены, первое, предложить описание места или времени или просто зачать от жизненных свойств; потом, ежели есть, предложить материальные части и свойства, наконец, действия или страдания и обстоятельства времени и места, ежели где можно и пристойно.

§ 289

Хотя во всех риторических сочинениях примеры великое оным подают изъяснение, однако при описаниях больше всех помогают: для того весьма преминуть не возможно, чтобы не присовокупить здесь довольно числа хороших примеров.

§ 290

Описание прекрасного места в Тессалии, которое Темпе называется, из Элиановых разных историй¹⁶¹, кн. 3, гл. 1.

Между горами Олимпом и Оссою, которые безмерно высоки и разделены некоторою божественною силою, есть место, которое в длину на сорок стадиев, в ширину на сто шагов и больше простирается. Посреди его течет река, называемая Пеней, в которую другие реки втекают и, воду свою ей сообщая, много величины ея прибавляют. Сие место имеет различные всякого рода увеселения, не человеческими руками устроенные, но от природы прекрасно и великолепно тогда произведенные, когда началось оное место. Ибо в великом множестве и весьма мохнатая гедера там растет и процветает, и, наподобие плодоносных лоз виноградных около высоких деревьев извиваясь, поднимается и к ним прилепляется. Там же растет вдовольном изобилии эмилак, который, восходя на самые бугры, тенью своею каменную гору покрывает, так что она совсем покрыта; кроме зелени ничего не видно, и очи, равно как на некотором торжище, подлежащими разными вещами восхищаются. Внизу, на ровных и гладких полях, стоят частые и тенистые рощи, приятное убежище проходим в летнее время, где с услаждением прохладяться могут. Протекают притом частые ручьи, которых холодную воду пить весьма сладко. О сих водах сказывают, что они пользуются ими умывающихся и здоровье им приносят. По разным местам сидящие маленькие

птички поют весьма сладко и жаждущий слух безмерно увеселяют, без утрудения проходящих в веселии провожают и свистом своим дорожный труд облегчают. По обеим сторонам реки видны оные увеселения, о которых выше упомянуто, и к упокоению удобные места. Пеней проливается посредине весьма тихо и спокойно, наподобие масла; закрывается густыми тенями, которые от близ растущих деревьев происходят и чрез большую часть дня солнечные лучи от реки отвращают и тем подают пловцам прохладное плавание.

§ 291

Описание нравов и поступок Катилининых, из Цицеронова слова за Целия¹⁶².

Имел Катилина, как вы, думаю, помните, многие хотя неясно изображенные, однако несколько начертанные великих добродетелей признаки. И хотя обходился он со многими злыми людьми, однако притворялся, якобы он искал и в самых честных мужах склонности. Были в нем великие приманки к роскошам, но были и некоторые поощрения к рачению и трудам. Горел он сластями плотскими, однако великую имел охоту к военной науке. Я не думаю, чтобы когда подобное чудовище на земли бывало, сложенное из толь противных, различных к между собою борющихся натуральных рвений и похотей. Кто был прежде сего знатнейшим людям приятнее? кто сквернейшим союзнее? который гражданин иногда лучше держался республики? и кто был злейший неприятель сего града? кто в роскошах сквернее? кто в трудах терпеливее? кто в грабительстве жаднее? кто в чивости расточительнее? Сии все его свойства, судии, удивительны были, что мог он привлекать всех к себе в дружество, удерживать в нем услугами, со всеми поделаться своим имением, служить времени своих сообщников деньгами, благодарностью, телесными трудами и самым беззаконием и продерзостью, когда нужда того требовала; поворачивать свою натуру, и прикрывать на время, и туда и сюда изгибать и повертывать; с печальными поступать пасмурно, со спокойными ласково, со старыми важно, с молодыми любовно, с беззаконными дерзновенно, со сластолюбивыми роскошно. Сею толь различною и многообразною натурою, когда всех из всех земель злых и предерзких людей собрал, тогда многих мужественных и добрых под притворным видом добродетели привел к себе в дружество.

§ 292

Описание храма святого Марка, что в Венеции, из Игнатия¹⁶³.

Храм святого Марка в Венеции не так великою и пространством своим, как украшением знатен. Во-первых, великолепен при входе и кресту подобен кажется, которого концы выведены высокими сводами и башнями и покрыты, как и весь храм, свинцовыми полосами. За сто двадцать стадиев с моря к городу приезжающим между прочими высокими зданиями виден. Огромные своды, удивительным художеством соединенные, всю оную громаду на себе держат. Все церковные украшения снизу от половины храма сияют самым чистым золотом и меж ним распестрены мусиею. В самых сводах старинные образы греческой работы важным и почитаемым своим присутствием ужас, со благоговением соединенный, зрению смотрящих наносят. Внизу стены покрыты до самого полу разных цветов мрамором, таким художеством между собою сложенным, что оные между собою не разнятся. Скамьи около стен также из мрамора высечены. Пол испещрен червчатою работою из небольших частей мраморных. Столпы многие из белого парского мрамору, некоторые из тапсийского и нумидийского, с двумя катедрами. При строении сего храма указом повелено было, чтобы венецианские мореплаватели во всех государствах купленные особливого художества вещи в Венецию привозили. В паперти позолоченные своды больше нежели тремястами столпов подперты, величиною и разнообразью цветов великолепными столпами и пол мрамором украшены, и вместо алебастру везде мрамор белеет. На верху паперти четыре коня медных разным своим положением изрядный вид представляют. Самый верх храма разделен на шесть шатров, из которых всякий имеет на себе по статуе из белого мрамора. Нагие юноши и другие преизящные видом изображения, каждое в своем положении между строением поставленные, удивительным образом расстояния между шатрами украшают. Создан сей храм, как сказывают, при доже Севастиане Циане константинопольским архитектором.

§ 293

Описание великого корабля египетского, из Лукиана.

Между тем как мы разговариваем, боже мой! какой великий корабль! сто двадцать лактей в длину, в ширину больше четвертой части против длины, а от верхних палуб до самого дна двадцать девять лактей имеет. Притом какая огромная машта и коль

великую райну и на каком толстом канате держит! корма изгибом помалу поднялась вверх, на которой для украшения позолоченный гусь поставлен. На противной стороне нос подобным образом возвышен и наперед далече протянут, имея на обеих сторонах изображение богини Изиды, в которой имя корабль построен. Прочие украшения и живопись и парус пламенного и празеленного цвета, а больше всего якоря и махины, к движению их служащие, и разные каморы в каюте удивления достойны мне показались. Множество матросов с войском сравнять можно было. Сказывали, что он столько имел в себе пшеницы, что всем Аттической земли жителям на целой год довольно быть может.

§ 294

Вымышленное описание царства любви.

О коль прекрасен свет блистает,
Являя вид страны иной!
Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Над бисерными облаками
Сияет золото и лазурь.

Кристаллы горы окружают,
Струи прохладны обтекают
Усыпанной цветами луг,
Плоды, румянцем испещренны,
И ветви, медом орошенны,
Весну являют с летом вдруг;
Восторг все чувства восхищает!
Какая сладость льется в кровь?
В приятном жаре сердце тает!
Не там ли царствует любовь?

И горлиц нежное вздыханье,
И чистых голубиц лобзанье
Любви являют тамо власть.
Древа листьями помахают,
Друг друга ветвями обнимают,
В бездушных там любовна страсть!
Ручьи вослед ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся
И, слившись меж собой, журчат.

Нарцисс над ясною водою,
Пленен своею красотою,
Стоит, любясь сам собой.
Зефир, как ты по берегу дуешь,
Стократ листки его целуешь
И сладкой те кропишь росой¹⁶⁴.

§ 295

Что касается до порядка, в повествованиях наблюдаемого, то располагаются они по большей части натуральным образом, что после чего было, а особливо то наблюдается в важных и правдивых историях. Но эпические поэмы и повести великую красоту получают и в читателях удивление возбуждают, когда они начинаются не с начала всего деяния, но с некоторого чудного, знатного или нечаянного приключения, которое было в середине самого действия, а что наперед было, описывается повествованием знатного лица, в самой истории представляемого, до того самого случая, с которого она началась; а прочее, что следует, идет обыкновенным натуральным порядком. Таким образом Virgilий начал свою «Энеиду» с приключившейся великой бури, которою Эней отнесен был в Карфагену, где он Дидоне, царице карфагенской, рассказывает о своем странствовании, начиная от самого разорения Трои, и кончит на самой той буре, которая его к Африканским берегам при Карфагене прибила; прочее сам Virgilий натуральным порядком докончал. Сему подражая, Fenelon начинает похождение Телемаково с разбития корабля при Калипсипом острове, а не с самого начала его странствования, как он из Итаки отъехал. Таковых перерывов в повестях употребить еще больше можно, которых Барклаева Аргенида весьма много к великому своему украшению имеет.

§ 296

Для изъяснения кратких сих правил всего лучше служат примеры. Но понеже великие повествования здесь весьма неуместны и совсем неприличны, для того сообщаем некоторые краткие или части из великих.

§ 297

Повествование о расхищении персидской столицы Персеполя¹⁶⁵ от македонян, из Курция.

На другой день Александр, призвав к себе генералов своего войска, сказал, что ни единого города Греции нет вредительнее сей древней столицы царей персидских. Отсюда бесчисленные оные полки вливались в Грецию. Отсюда сперва Дарий,

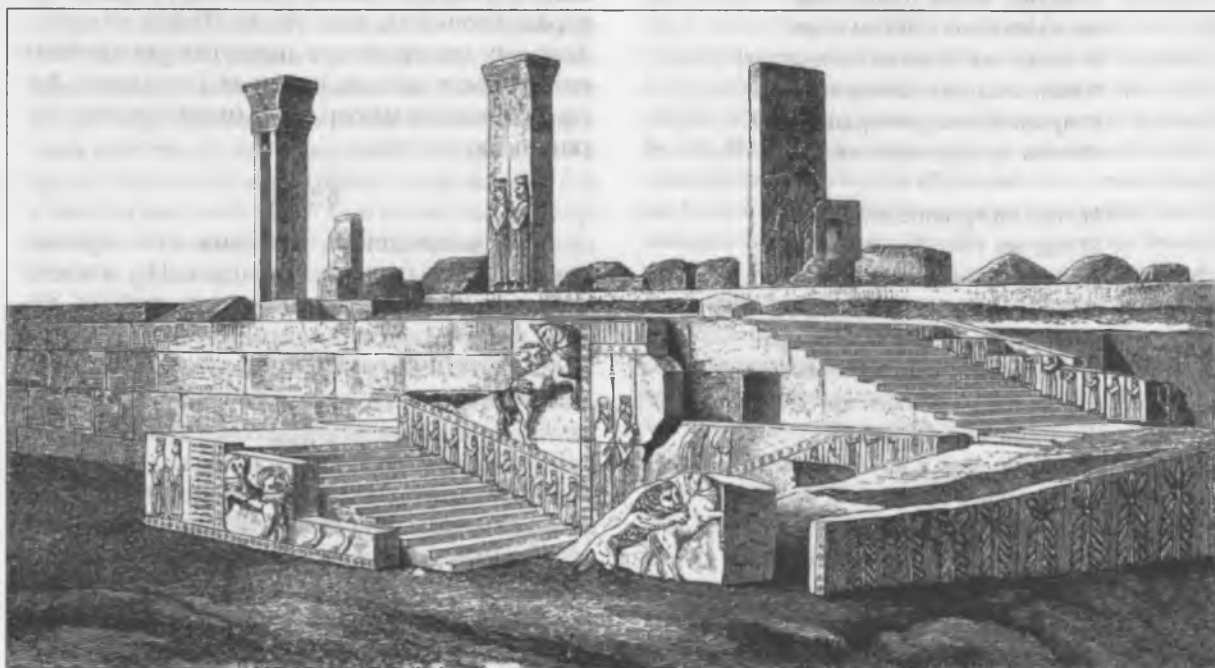
потом Ксеркс нанесли беззаконную войну. И так разорением ея должно удовлетворить убиенным предкам. И уже варвары, оставив город, разбежались, куда кого боязнь загнала, когда Александр ввел в город свою фалангу (коренное регулярное македонское войско). Многие города, изобильные царскими сокровищами, взял приступом или сдавшиеся принял во владение; но богатство сего города прежние превысило. Всего Персидского государства имение варвары в оной собрали. Золота и серебра было превеликое множество и платья предовольное изобилие. Домовые пожитки не только для употребления, но и для убранства служили. Для того сами победители друг на друга оружие поднимали, и за неприятеля почитался тот, кто лучшую имел добычу. И как уже всего, что нашли, взять не можно было, то не без разбору вещи хватали, но выбирали лучшие. Раздирали царские одежды, каждой часть оных к себе порывая. Сосуды дорогой работы топорами рассекали. Ничего не оставили не тронувши, ничего целого не вынесли. Отломленные от идолов члены как кто оторвал, так и волок за собою. Не только жадность, но и бесчеловечие в одоленном городе свирепствовало. Отягощенные серебром и золотом уже презренных пленников убивали. И так, где ни увидев, рубили тех, которые прежде для приобретения за них платы милосердия достойны быть казались.

Сие видя, многие добровольным убийством от неприятельских рук убегали. Надевши на себя самые драгоценные одежды, с женами и с детьми со стен стремглав бросались. Иные, подложив под дома свои огонь, чего бы и от неприятелей не миновать было, с домашними своими живы сожигались.

§ 298

Историческое описание великого трясения земли, бывшего в Никомидии, из Аммиана¹⁶⁶, кн. 17, гл. 7.

В те же дни ужасные трясения земли в Македонии, в Азии и в Понте беспрестанными ударами потрясли многие города и горы. Между остатками многообразных злоключений плачевнее всех разорение Никомидии, главного города в Вифинии. О разрушении одного кратко предложим. Перед восхождением солнца на 24 число августа густые бугры черных облаков веселый прежде вид неба помрачили. И, отняв солнечное сияние, самые ближние вещи от зрения закрыли, и, заслепив очи, густая мрачность на землю опустилась. Потом якобы божественной силе, роковою молниею поражающей и ветры от самых оснований испущающей, ударила с яростью великая буря. От устремления ея слышно было стенание гор и шум в берегах, ударяемых волнами. Сим последовали



Руины царского дворца в Персеполисе

крутые вихри и с ужасным дрожанием земли город и предместья от основания опровергли. И понеже в кособоге стояли многие здания, для того ослабевши все с громким треском одно на другое обрушились. Между тем разные крики и вопли по высоким кровам раздавались плачущих о своих женах, детях и сродниках. Наконец между вторым и третьим часом воздух, прочистившись, открыл плачевное позорище. Иные в обвалившихся домах, сдавленные, от тягости погибли. Иные, в расселинах погрязши, по шею землей зарыты, могли бы еще спастись, если бы тогда можно было кому подать помощь. Иные острыми обломками проколоты висели; весьма многие одним ударом убиты и так вместе стиснуты, что едва на людей походили. Некоторые хотя под упавшими кровлями живы остались, однако от страху и с голоду померли.

§ 299

Вымышленное повествование о ловле купидинов. Из Филострата.

Чтобы сей заяц у нас не убежал, станем его ловить с купидинами¹⁶⁷. Смотри, он сидит еще под яблонью и ест упавшие яблоки, а иные не доевши оставляет; смотри, как его купидины ловят: иные бьют в ладоши; иной кричит, иной полой машет, некоторые, с криком налетая, на него нападают; другие гонятся за ним следом, иной с великим стремлением на него бросается. Заяц в другую сторону повернулся, и один ухватил его за лапу; однако заяц из рук вырвался. И так все, засмеявшись, упали, иной ниц, иной на бок, иной навзничь, и разными своими положениями разные свои прошибки показывали.

§ 300

О борьбе купидинов, из того же автора.

Скажу и о борьбе, для того что ты меня о том просишь. Иной преодолел своего противника и, взлетев к нему на хребет, заплетает ногами и удавить хочет. Иной еще стоит, другому крепко противится и руку его, которою захвачен, разгибает, отворотив один палец, за которым и прочие ослабели. Но другой, не стерпя от верченья в перстах болезни, укусил его за ухо. Вознегодовали бывшие при борьбе прочие купидины, что он поступил несправедливо, противно борецкому обычаю, и яблоками в него бросать стали.

§ 301

К великим повествованиям надлежат посторонние части, по обстоятельствам и по произволению вмещаемые, а именно

выступления и вводные речи, которые в них хотя не совсем необходимо нужны, однако весьма приличны: ибо повествования без них кажутся весьма тощи и не имеют требуемой живности.

§ 302

Выступлением называется то, когда в повествовании предлагается пространно вещь, до самой материи свойственно не надлежащая и только по какому-нибудь обстоятельству до оной касающаяся. Так, историки, например, когда им о каком городе только упомянуть нужно, описывают его величину, знатные части или что другое примечания достойное либо упоминают о случившихся в нем каких знатных действиях, сказывают о их создателях или другое что тому подобное.

§ 303

Вводные речи суть двояки, *прямые и косвенные*. Прямые происходят от представленного в повествовании человека, так что он говорит от себя в первом лице. Косвенная вводная речь предлагается в третьем лице в соединении с прочим повествованием, что в российском языке чрез возносительное наречие *что* чиниться должно. Пример обоего рода речей из Курция, кн. 4.

Тогда открылся совсем ясно вид будущего сражения. Кони и всадники избранным оружием блистали, разъезжающие по полкам военачальники показывали, что всё с большим рачением приготавливалось. Шум от многолюдства, ржание конское, блеск светящегося оружия и многие другие по виду страшные обстоятельства прискорбный от ожидания ум возмущали. Александр, или сам сомневаясь или хотя испытать своих генералов, военный совет собрал и как бы лучше всего с неприятелем действовать надлежало спрашивал. Парменион, искуснейший из генералов, рассуждал, что не открытым, но потаенным нападением с неприятелем сразиться должно, что ночью поразить можно врагов обыкновениями и языками несогласных; сверх того, что спящие, нечаянным бедствием испугавшись, не могут в ночном трепете соединиться. Что в день встретят скифы и бактриане, которые косматыми бородами и волосами зверообразны и казистою тела огромностью страшны; что солдаты, больше от пустого виду, нежели

от подлинных причин ужаса, возмущаются; при-
том что толикое множество малыми людьми об-
ступить можно и что ныне не в тесных местах
Киликийских и непроходных стезях, но на от-
кровенном пространном поле сражение иметь
должно. Почти все Пармениону согласовались; и
Полиперкон полагал, что по сему совету победе
воспоследовать должно. Александр, взглянув на
него (Пармениону выговаривать больше не хотел:
для того что незадолго перед тем жесточае, неже-
ли как сам хотел, его изобличал), говорил: «Такое
коварство, которому вы меня учите, вора и раз-
бойникам прилично: ибо желание их только в том
состоит, чтобы обманывать; но я не допущу, чтобы
всегда или отсутствие Дариево, или теснота мест,
или татское в ночи нападение моей славе пре-
пятствовало. Я твердо положил среди дня учи-
нить нападение. Лучше желаю, чтобы мне жалеть
о своем несчастье, нежели победы своей стыдиться.
Сверх того варвары имеют крепкие караулы и
стоят в ружье, что и обмануть их невозможно; для
того к сражению готовьтесь».

§ 304

Вводные речи иногда перерываются
действиями нечаянными и важными, чем
оне немало возвышаются и украшаются.
Пример из Курция, кн. 6, как Александр
объявляет войску своему о измене:

«Любезные мои солдаты! Едва не похитили
меня от вас беззаконным умыслом некоторые лю-
ди. Божиим милосердием и промыслом еще я
жив. Почтения достойный вид ваш понуждает ме-
ня жесточае на изменников сердиться. Ибо жизнь
мою и все ея плоды в том полагаю, чтобы еще вам,
толиким храбрым мужам, и мне много заслужив-
шим, воздать благодарение». Пресекли речь его
солдаты стенанием, и на глаза их выступили сле-
зы. Потом говорил Александр: «Коль вящим не-
годованием дух ваш подвигнется, когда объявлю
вам начинателей толикого беззакония?» и прочая.

Подобным образом Virgilий перерыва-
ет речь Синонову перед Приамом, в «Энеи-
де», кн. 2.

«Я мщением грозил и огорчил словами,
Отсюда вся беда; он стал искать мне смерти,
Сомнительны слова в народе разглашал
И злиться не престал, пока ему Калхант.
Но что уж сказывать вам случай неприятный,
Что медлить, если вам все греки ненавистны.
Довольно слышали, пора меня казнить.
Атриды и Уликс весьма того хотят».

Мы жадно спрашивать причин несчастья стали,
Не зная хитрости и греческих обманов.
Он снова свой притвор с боязнью начал так:
«От Трои отступить хотели часто греки
И трудную войну не окончив оставить...»
[и проч.]

§ 305

Главные части, которые притчу состав-
ляют, суть две, *повествование само и прило-
жение*, в повествовании вымысл, а в прило-
жении краткое нравоучение содержится.

§ 306

Вымысл полагается обыкновенно напе-
реди, а после того следует нравоучитель-
ное приложение, например:

Лишь только дневной шум замолк,
Надел пастушье платье волк
И взял пастуший посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидел там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду.
Он мог из них любую взять;
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчий вой.
Пастух свой сладкой сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедной волк приметил,
Что чересчур перемудрил,
В полах и в рукавах связался
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать¹⁶⁸

§ 307

Иногда приложение полагается напере-
ди, а потом следует вымысл, как в следую-
щем примере:

Жениться хорошо, да много и досады.
 Я слова не скажу про женские наряды:
 Кто мил, на том всегда приятен и убор,
 Хоть правда, что притом и кошелек неспор.
 Всего несноснее противные советы,
 Упрямые слова и спорные ответы.
 Пример нам показал недавно мужичок,
 Которого жену в воде постигнул рок.
 Он, к берегу пришед, увидел там соседа,
 Не усмотрел ли он, спросил, утопшей следа.
 Сосед советовал вниз берегом идти:
 Что быстрина туда должна ее снести.
 Но он ответствовал: «Я, братец, признаваюсь,
 Что век она жила со мною вопреки:
 То истинно теперь о том не сомневаюсь,
 Что, потонув, она плыла против реки».

§ 308

Прилагание соединяется нередко с самым повествованием так, что оное говорит какое-нибудь лицо, предложенное в притче, например:

Послушайте, прошу, что старому случилось,
 Когда ему гулять за благо рассудилось.
 Он ехал на осле, а следом парень шел;
 И только лишь с горы они спустились в дол,
 Прохожий осудил тотчас его на встрече:
 «Ах, как ты малому даешь бресть толь далече?»
 Старик сошел с осла и сына посадил,
 И только лишь за ним десяток раз ступил,
 То люди начали указывать перстами:
 «Такими, вот, весь свет наполнен дураками:
 Не можно ль на осле им ехать обоим?»
 Старик к ребенку сел и едет вместе с ним,
 Однако, чуть минул местечка половину,
 Весь рынок закричал: «Что мучишь так
 скотину?»

Тогда старик осла домой поворотил
 И, скуки не стерпя, себе проговорил:
 «Как стану я смотреть на все людские речи,
 То будет и осла взвалить к себе на плечи».

§ 309

Басня состоит из одной части, то есть из краткого повествования, которое располагается натуральным порядком, как само деяние следует. На конце должно быть всегда что-нибудь нечаянное. Пример из Анакреонта.

Ночною темнотою
 Покрылись небеса,
 Все люди для покою

Сомкнули уж глаза.
 Внезапно постучался
 У двери Купидон,
 Приятный перервался
 В начале самом сон.
 «Кто так стучится смело?» —
 Со гневом я вскричал;
 «Согрей обмерзло тело», —
 Сквозь дверь он отвечал.
 «Чего ты устранился?»
 Я мальчик, чуть дышу,
 Я ночью заблудился,
 Обмок и весь дрожу». —
 Тогда мне жалко стало,
 Я свечку засветил,
 Не медлиши нимало,
 К себе его пустил.
 Увидел, что крылами
 Он машет за спиной,
 Колчан набит стрелами,
 Лук стянут тетивой.
 Жалея о несчастье,
 Огонь я разложил
 И при таком ненастье
 К камину посадил.
 Я теплыми руками
 Холодные руки мня,
 Я крылья и с кудрями
 Досуха выжимал.
 Он чуть лишь ободрился,
 «Каков-то, — молвил, — лук,
 В дожде, чать, повредился»;
 И с словом стрелил вдруг.
 Тут грудь мою пронзила
 Преострая стрела
 И сильно уязвила,
 Как злобная пчела.
 Он громко рассмеялся
 И тотчас заплакал:
 «Чего ты испугался? —
 С насмешкою сказал, —
 Мой лук еще годится,
 И цел и с тетивой;
 Ты будешь век крушиться
 Отнынь, хозяин мой».¹⁶⁹

Прозаичные примеры смотри в §§ 299 и 300.

§ 310

Хотя во второй части и предложено учение об украшении вообще, однако описания и повествования имеют некоторые себе свойственные, из которых, во-первых,

суть фигуры, которые чаще других и различнее в описаниях и повествованиях употребляются; второе, особое употребление некоторых мест риторических.

§ 311

Фигуры, которые в описаниях и повествованиях особливо красно употреблены бывают, суть изречение, вопрошение, краткое обращение и заимословие, расположение, возвышение, а особливо присовокупление. Например, употребление изречения, из Курция, кн. 5:

И так хотя уже отсюда македонское оружие блистало и неприятели сугубым злоключением угнетаемы были, однако весьма жестоко против них стояли. Ибо нужда поощряет и непротивных, и отчаяние бывает часто причиною надежды.

Употребление вопрошения с обращением и изречением, Вирг., «Эн.», кн. 3:

Он злато силой взял, убивши Полидора.

Проклято лакомство, к чему ты не приводишь?

Употребление заимословия, Вирг., «Эн.», кн. 6:

Иные на горы катают тяжки камни,

Иные к колесу привязаны висят.

Тезей сидит, к горе прикован раскаленной,

И будет век сидеть. Флегей в гееннском мраке

Ревет и жалостно других увещевает;

«Вы, сильны на земли, на казнь мою взирайте,

Судите праведно и бога почитайте».

Употребление присовокупления, из Курция, кн. 10:

Между тем как они такими размышлениями себя беспокоили, ночь наступила и страх умножила.

§ 312

Из мест риторических описания и повествования особливо украшаются краткими уподоблениями и сравнениями. Например:

Там тьмою островов посеян

Реке подобен Океан,

Небесной синевой одаян,

Павлина посрамляет вран.

§ 313

Сверх сего много к тому служит оживление бездушных вещей у стихотворцев.

Древа листьями помавают,

Друг друга ветвями обнимают.

Ручьи вослед ручьям крутятся,

То гонят, то себя манят,

То прямо друг к другу стремятся

И, слившись меж собой, журчат¹⁷⁰.

§ 314

Сии правила о украшении описаний и повествований предложены больше для того, чтобы всяк, читая исторические и другие описаниями и повествованиями богатые книги, примечал в них то, что их особливо украшает. Кто сие наблюдать будет, тот много найдет, чего ни в каких риторических правилах нет, и для того правила для себя по найденным примерам составить или одне примеры в свою пользу употреблять может.

Глава шестая

О РАСПОЛОЖЕНИИ И СОЮЗЕ ПЕРИОДОВ

§ 315

Чрез расположение периодов разумею здесь порядок их членов и других частей, как они друг другу пристойнее следовать могут. Союзом периодов называем то, по чему слово, из многих периодов, в рассуждении материи иногда различных состоящее, как единою цепью пристойно и согласен соединенное предлагается.

§ 316

Располагаются члены и части периодов по натуре, по наращению, по приложению

и по союзам. По натуре располагаются так, как показано о расположении вообще, § 250, то есть что прежде других по месту, по времени и по достоинству, то и в периоде полагается прежде. Сие наблюдается больше в повествованиях и описаниях; напротив того, по наращению всегда важнейшие идеи следуют тем, которые не так важны, и заключаются самою важною, что наблюдать должно в периодах, которыми хотим что доказывать, возбуждать или утешать страсти. Пример из Цицеронова слова за Секста Росция Америна:

Просим у тебя, Фанний, и у вас, судии, чтобы вы с крайнею строгостью злодеям отомстили и мужественно против дерзких людей восстали и чтобы вы о том подумали, что ежели в нынешнем суде не покажете вашей строгости, то сии жадные, беззаконные и дерзкие люди толь нахально поступят, что не только тайно, но и здесь, на площади, пред судищем твоим, Фанний, пред ногами вашими, судии, между самими местами заседания вашего убийства чиниться будут.

§ 317

Приложение состоит 1) в именах прилагательных и причастиях, сочиненных с их падежами, 2) в деепричастиях, также свои падежи правящих, 3) в предложениях, чрез возносительные местоимения и наречия к другим присовокупленным, 4) в именах, предложениями к предложениям присоединенных.

§ 318

Приложения, состоящие в именах прилагательных и причастиях, полагаются в середине того предложения, к которому они надлежат, что больше бывает в повествованиях и описаниях. Например:

Она Секста Росция, ничего не имеющего, из дому изверженного, изгнанного из вотчин, убегающего от оружия и от угроз разбойнических, приняла в дом свой (Циц., за Росц.).

Но в стремительной прозе и в высоких стихах приличнее периоды начинать с таких приложений. Например:

Окруженное оружием и пламенем нечестивого злоумышления, простирает к вам с молением руки общее отечество.

§ 319

Деепричастия со своими падежами полагаются приличнее наперед, например в прозе:

Сим умышлением или паче сим безумием устремившись, когда уже сами не могли его убить по своему желанию, вам предают на погубление (Циц., за Росц.).

И в стихах:

Взирая на дела Петровы,
На град, на флот и на полки,
И вместе на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россия ревностно вздыхала¹⁷¹.



Римское
жертвоприношение

§ 320

Предложения, возносительными местоимениями и наречиями присоединяемые, полагаются в середине главного предложения или после оною.

Коль часто помыслишь о нас, которых ты в республике с собою невредимых оставить изволил, толь часто о превеликих своих благодеяниях, о невероятной своей кротости и особливой премудрости своей помыслишь (Циц., за Маркелла).

В лугах, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Двина и Дон
Своими чистыми струями,
Шумя, стадам наводят сон,
Сидит и ноги простирает
На степь, где хинов отделяет
Пространная стена от нас¹⁷².

§ 321

Предлогами соединяемые приложения, место, время или иное что значащие, в начале, в середине и в конце главных предложений вменяются. Однако где слово устремить или возвысить должно, туг нередко бывает пристойнее вменять оные наперед, например:

В толикой горестной печали
Сомненной их шатался путь¹⁷³.

§ 322

По союзам располагаются периоды так, как сами союзы друг другу натурально следуют.

Хотя от смертных сокровенно
Грядущим бытие вещей,
Однако сердце, просвещенно
Величеством богини сей,
На будущие дни взирает¹⁷⁴.

Прозаичные примеры смотри в § 42.

§ 323

Нередко и с немалым украшением и силою начинаются периоды с тех членов, которые обыкновенно последние бывают, например:

Не сказал бы ты ни единого слова, если бы ты знал, что тебе ответствовать будут.

Вместо:

Если бы ты знал, что тебе ответствовать будут, то не сказал бы ты ни единого слова.

§ 324

Члены в периодах и целые периоды, особливо в высоких и стремительных материях, большее величие и силу имеют, ежели союзы выкинуты будут, которых миновать можно, например:

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны¹⁷⁵.

Здесь наперед отставлен союз *хотя*, которой, будучи приложен, много бы силы отнял. Из сего еще видно, что периоды сильно и великолепно начинаются с косвенных падежей имен, важные вещи знающих.

§ 325

Союзы не что иное суть, как средства, которыми идеи соединяются, и так подобны они гвоздям или клею, которыми части какой махины сплочены или склеены бывают. И как те махины, в которых меньше клею и гвоздей видно, весьма лучший вид имеют, нежели те, в которых споев и склеек много, так и слово важнее и великолепнее бывает, чем в нем союзов меньше. Однако не должно в нем оставлять таких щелей, по которым бы оно могло вовсе развалиться. Пример периодов и их членов, без союзов между собою соединенных, из Цицеронова слова за Секста Росция Ам.

Поместьями моими ты владеешь, я живу из чужой милости; уступаю: для того что дух мой от того не беспокоится и что нужда заставила. Дом мой тебе отворен, мне заперт; сношу. Великое множество моих домашних имеешь к своим услугам: я раба единого не имею; терплю и думаю, что терпеть должно.

§ 326

Но больше всего к избежанию союзов служат фигуры, как в следующем примере повторение из Цицеронова слова за того же Росция:

Доносят те, которые в его пожитки нахально вступили; отвечает тот, кому они кроме беды ничего не оставили. Доносят те, которым принесло прибыль Росция отца убийство; отвечает тот, кому отеческая смерть принесла не только плач и рыдание, но и крайнюю бедность. Доносят те, которые его самого умертвить весьма желали; отвечает тот, которой и перед суд сей пришел под охранением, чтобы здесь пред очами вашими убит не был. Наконец, доносят те, которым весь народ казни желает; отвечает тот, которой от незаконного их убийства один остался.

Конец первого разделения

ПРИМЕЧАНИЯ

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ

Разделение первое, состоящее из Риторики

Интерес к риторике пробудился у Ломоносова еще во время пребывания его в Славяно-греко-латинской академии в Москве. Сохранился курс риторики, который читал там в 1733—1734 гг. преподаватель Порфирий Крайский. Курс этот частично переписан рукою Ломоносова. Находясь за границей, Ломоносов внимательно изучал курсы риторики Коссена, Помея, Готшета и др. Став адъюнктом Академии наук, Ломоносов в 1743 г. приступил к созданию «Краткого руководства к риторике», подготовив его в 1744 г. к печати. Академическая конференция предложила его переработать. К концу 1747 г. «Риторика» была напечатана, однако пожар, случившийся в Академии наук 5 декабря того же года, повредил издание, и книга вышла только в 1748 г.

«Риторика» Ломоносова стала настольной книгой русского читателя на протяжении всего XVIII в. и начала XIX в.

1. *Аполлоний Алабенденский* — древнегреческий оратор (II в. до н. э.). Упоминается в сочинении Цицерона «Об ораторе».

2. *Ирций* — Гирций Авл — римский консул (I в. до н. э.). *Панса* — Гай Вибий — римский консул (I в. до н. э.). *Азиний Поллион* — участник многих походов Юлия Цезаря, плодовитый писатель и оратор. Отличался пристрастием к старинным формам языка.

3. *Семпроний* — Гай Семпроний Грахх (153—121 до н. э.) — народный трибун в древнем Риме. Боролся с аристократией. Потерпел поражение и был заколот (по собственному приказанию) рабом.

3а. Перевод:

Стыдно мне, я написал книжку на гетском языке,/ И варварские слова построены нашим размером./ И, поздравь меня, я понравился,/ И необразованные геты начали считать меня поэтом.

3б. Перевод: Ты спрашиваешь о теме? Я произнес похвалу Цезарю (Там же).

4. *Фридерик-цесарь* — германский император Фридрих Барбаросса (1121—1190). *Цидна* — река Киднос (Каликиднос) в Киликии (Малой Азии), в средние века носила название Салепп. Александр Македонский во время киликийского похода, вы-

купавшись в холодных, как лед, водах этой реки, жестоко простудился. В этой же реке утонул Фридрих Барбаросса 10 июня 1190 г.

5. *Сампсон* — Самсон — легендарный герой Библии, отличавшийся непомерной силой.

6. *Зоар* — книга «Зохар», мистико-каббалистическое сочинение средневековой еврейской литературы. Каббалисты, отправляясь от вульгаризованного учения неоплатоников, приписывали словам и числам таинственное значение, которое они связывали с астрологическими представлениями.

7. Ломоносов имеет в виду длившийся в течение трех столетий спор «номиналистов», которых он называет «именниками», с «реалистами», которых он называет «вещественниками». Основателем номинализма был упоминаемый Ломоносовым Руцелин — Иоанн Росцелин, живший во второй половине XI в. Росцелин учил, что «универсалии» (общие понятия) существуют лишь как имена (названия) вещей, но не имеют самостоятельного существования, что было одним из первых выражений материализма в средневековой схоластической оболочке. Поэтому учение «номиналистов» не имело ничего общего с «раввинским учением» каббалистов, как ошибочно утверждает Ломоносов. Напротив, «реалисты», как последователи Платона, принимали реальное существование «универсалий». «Великая распря» в Париже, упоминаемая Ломоносовым, относится к XIV в., когда в Сорбонне выступил вождь позднейших «номиналистов», знаменитый философ Вильям Оккам (1300—1330).

8. *Смотреть на роскошь преизобилующия натуры...* — начало составленной Ломоносовым программы его публичных лекций по физике (1746).

9. *Как лютый мраз весна прогнавши* — 32-я строфа из оды Ломоносова «На прибытие Елисаветы Петровны в Москву» (1742).

9а. Перевод: Какое ученое и священное пьянство дает мне здесь закон? Чистые пермесские музы...

10. *Парразий* — Паррасий — греческий живописец IV в. до н. э. *Олиф* во Фракии был разрушен Филиппом Македонским, а жители обращены в рабство в 348 г.

11. *Уже врата отверзло лето* — первая строфа из «Оды на день тезоименитства великого князя Петра Феодоровича» (1743, первая редакция).

12. Ломоносов приводит отрывок из латинского сочинения Н. Коссена «О духовном и светском красноречии» (Кельн, 1681).

13. *Григорий Назианзин* (328 — ок. 390) — церковный оратор и писатель, называемый также Григорий Богослов.

14. *Иоанн Златоуст* (345—407) — проповедник и писатель.

15. *Аристогон* — Аристокитон — греческий оратор (IV в. до н. э.), речи которого были пересыпаны бранью. Современник и противник Демосфена.

16. *Гай Веррес* — римский наместник Сицилии (73—71 до н. э.). Злоупотребления Верреса послужили темой обличительных речей Цицерона.

17. *Тарквиний Люций* — римский царь, прозванный Гордым за свою надменность по отношению к сенату и патрициям. Был изгнан из Рима в 510 г. до н. э.

18. Имеется в виду книга римского поэта Овидия Назона «Превращения» («Метаморфозы»).

19. *Смирна* — город в Малой Азии (в Лидии). Был разрушен землетрясением в 178—180 гг. Восстановлен римским императором Марком Аврелием Антонином. *Аристид* Публий Элий — греческий ритор II в. н. э. Речь его к римским императорам Коммоду и Марку Аврелию Антонинам по поводу смирнского землетрясения считалась образцом ораторского искусства.

20. *Вулкан* (римск. миф.) — бог, олицетворявший стихию подземного огня, искусный мастер плавить металлы, кузнец, выстроивший на Олимпе медные чертоги.

21. Пример о соловье приведен Ломоносовым из «Естественной истории» Плиния Старшего (23—79). Послужил сюжетом для стихотворения Г. Р. Державина «Соловей» (1795).

22. Пример о павлине приведен из сочинения греческого писателя Лукиана (125—200) «О доме». Послужил сюжетом для стихотворения Г. Р. Державина «Павлин» (1795).

23. *Маркелл* — Марк Клавдий Марцелл (ум. в 45 г. до н. э.) — римский консул. Один из противников Цезаря.

24. *Марциал* Марк Валерий (ок. 40—104) — римский поэт, сочинявший стихотворные похвальные и сатирические «надписи» (эпиграммы). *Дарин*, которому посвящена эпиграмма Марциала, — вольноотпущенник императора Домициана.

25. *Василий Селевкийский* — церковный оратор V в.

26. *Эризихтон* (греч. миф.) — уроженец Фессалии, дерзко вторгся в рощу Деметры и вырубил священные деревья, за что был наказан неутолимой жаждой.

27. Ломоносов приводит пример из книги Овидия «Героиды».

28. Пример приведен Ломоносовым из книги «Нравственные, сельские и любовные письма» византийского писателя Феофиakta Симоката (ок. 570 — ок. 640).

29. *Камуэнс* — Камоэнс (Камоинш) — великий португальский поэт (1524—1580), автор эпической поэмы «Лузиады», считающейся национальным героическим эпосом Португалии.

30. *Амафунт* — город на Кипре, одно из мест культа Афродиты. *Помона* (римск. миф.) — богиня древесных плодов.

31. *Кедрин* Георгий — византийский писатель конца XI в. *Иустиниан* — Юстиниан (ок. 483—565) — византийский император.

32. *Амвросий* (343—379) — церковный писатель.

33. *Светящий солнцем конь*. — Возможно, что эти стихи сочинены (или переведены) Ломоносовым специально как пример для «Риторики», так же как и следующие («Троянских стен верхи»).

34. *Маффей* — Маффеи Джованни (1535—1603), итальянский историк. Ломоносов приводит отрывок из его сочинения «Шестнадцать книг индийских историй» (Кельн, 1589).

35. *Не сей ли при Донских струях...* — десятая строфа «Оды на взятие Хотина» (1739, первая редакция).

36. *Ты суд и милость сопрягаешь...* — восьмая строфа «Оды на день рождения Елисаветы Петровны 1746 г.» (первая редакция).

37. *Катилина* Люций Сергий (108—62 до н. э.) — римский патриций. В 63 г. организовал заговор против олигархии сената. Заговор был сорван при участии Цицерона, который в третьей речи 3 декабря 63 г. привел письменные доказательства заговора.

38. *Помпей* Гней (106—48 до н. э.) — римский полководец. В 60 г. с Цезарем и Крассом образовал так называемый первый «триумvirат», но потом перешел на сторону сената и был разбит Цезарем в битве при Фарсале.

39. Демосфен, обличая коварную политику Филиппа Македонского, указывает на пример Олинфа, стоявшего во главе целого союза греческих городов на полуострове Халкидике. В 337 г. до н. э. Филипп передал олинфянам город Анфемунт (Антенунт), из-за обладания которым у македонских царей были раздоры с Олинфом. *Херсон* (Херсонес Фракийский) — полуостров, который в настоящее время носит название Галлипольского полуострова. *Пили* — Фермопилы — горный проход, через который Филипп пытался проникнуть из Фессалии в Фокиду (в 352 г. до н. э.) продвигаясь таким образом на юг Греции.

40. *Сладка плодам во время зною...* — начало тринадцатой строфы «Оды на день восшествия на

престол Елисаветы Петровны 1746 г.». *Не так по-ля росы желают* — конец 43-й строфы «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 г.».

41. *Курций* — Курций Руф Квинт — римский историк I в. н. э., автор «Истории Александра Македонского» в десяти книгах.

42. *Лактанций Фирмиан* (ок. 250 — ок. 330) — римский церковный писатель, прозванный «христианским Цицероном».

43. *Серторий* Квинт (ок. 123—72 до н. э.) — римский полководец.

44. *Актеон* (греч. миф.) — фивский герой, растерзанный своими собаками после того, как похвалился, что он превосходит Артемиду в охоте. Рассказы о других Актеонах — видоизменение первого мифа.

45. *Константин Великий* (274—337) — римский император, перенесший в 330 г. столицу Римской империи в Византий (Константинополь). *Константин Палеолог* (1403—1453) — последний византийский император, погибший в день взятия Константинополя турками (29 мая 1453 г.).

46. *Тертуллиан* Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — ок. 222) — римский богослов, апологет христианства. *Траян* Марк (ок. 53—117) — римский император.

47. *Август* — римский император (63 до н. э. — 14 н. э.). Ломоносов приводит изречение Августа, сообщаемое Плутархом.

48. *Пупиен кесарь* — римский император Максим Марк Клавдий Пупиен (ум. в 238 г.).

49. *Флешье* Эспри (1632—1710) — французский прелат, известный проповедник. Надгробное слово маршалу Тюренну произнесено им 10 января 1676 г.

50. *Марк Антоний* (83—31 до н. э.) — военный и политический деятель Древнего Рима. Триумvir после смерти Цезаря.

51. *Архий* Авл Лициний — греческий поэт (II—I вв. до н. э.).

52. *Энний* Канит (239—169 до н. э.) — римский поэт.

53. *Гомера колофоняне гражданином своим называют...* — По преданию, семь городов древности спорили между собой за честь считаться родиной Гомера. К числу этих семи городов и относятся называемые Цицероном жители Колофона, Хиоса, Саламины, Смирны.

54. *Тацит* Публий Корнелий (55—120) — знаменитый римский историк. *Азрикала* Гней Юлий (ок. 40—93) — римский полководец. *Галгак* — Калгак — вождь каледонцев, сражавшихся против римлян, в легионах которых было много пленников (галлов, британцев).

55. *Мозгейм* — Мосгейм Иоганн-Лоренц (1693—1755) — выдающийся немецкий проповедник. Ломоносов приводит отрывок из его книги «Духовные речи» (ч. III, Гамбург, 1722).

56. *Бесс* — персидский сатрап, предательски убивший (в 466 г. до н. э.) персидского царя Дария I Гистаспа, с которым воевал Александр Македонский.

57. *Лигари* Квинт — римлянин, в защиту которого выступал Цицерон.

58. *Брох* (Брокх) Тит — родственник Лигария.

59. *Цицерон о риторе к Бруту...* — Имеется в виду сочинение Цицерона «Брут», написанное в начале 46 г. до н. э., в котором изложена история римского красноречия. *Африканы* — имеются в виду римские полководцы Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235—183 до н. э.), разбивший в 202 г. в Африке Ганнибала, и Публий Сципион Эмилиан Африканский Младший (185—129 до н. э.), разрушивший в 146 г. Карфаген и в 133 г. Нумансию (в Испании). *Лелии* — плебейский род; Гай Лелий сопровождал старшего Сципиона в его походах в Африку. Сын его Гай Лелий Сапинс, был близок с младшим Сципионом Африканским. *Маркеллы* — Марк Клавдий Маркелл (ок. 270—208 до н. э.) — римский полководец, участник Первой и Второй пунических войн, его сын Марк Клавдий Маркелл (ум. в 177 г. до н. э.). *Максимы* — из патрицианского рода Фибиев. Находились в родстве со Сципионами и принимали участие в пунических войнах. *Павел* Люций Эмилий Македонский (ум. в 160 г. до н. э.) — римский полководец, завоеватель Македонии. *Муммий* Люций (II в. до н. э.) — римский полководец, завоеватель Коринфа.

60. *Мурена* Лициний Люций — римский претор. Правил в 62 г. Галлией, был обвинен в подкупе. Цицерон произнес речь в его защиту. *Зенон* (IV—III вв. до н. э.) — греческий философ, уроженец Кипра, основатель учения стоиков.

61. *Квинтилиан* Марк Фабий (ок. 35—95) — римский ритор, учитель красноречия, автор книги «Обучение оратора».

62. *Флавий* — Флавин (ум. в 404 г.) — антиохский архиепископ, проповедник. *Аркадий* (377—408) — византийский император.

63. *Калпурний* (Кальпурний) Тиций — римский поэт I в., последователь Вергилия.

64. *Медея* (греч. миф.) — дочь Айета, царя Колхиды, волшебница. Помогла предводителю аргонавтов Ясону (Язону) похитить золотое руно. Брошенная Ясоном Медея убивает своих детей, которых она родила от него.

65. *Сцевола* Гай Муций — легендарный герой Рима. В 508 г. до н. э., во время войны с царем Порсенной, Сцевола пробрался в неприятельский лагерь, чтобы убить царя. Схватенный Сцевола положил правую руку на горящую жаровню и спокойно держал до тех пор, пока рука медленно не истлела. Мужество юноши побудило Порсенну заключить мир с римлянами. С тех пор Муций получил прозвище Сцевола («Левша»).

66. *Девкалионский потоп* (греч. миф.) — по имени Девкалиона, сына Прометея. Когда потоп, ниспосланный Зевсом, уничтожил всех людей медного века, Девкалион спасся на корабле, построенном по совету Прометея. Высадившись после потопа на горе Парнас, Девкалион и его жена Пирра стали бросать камни позади себя; из этих камней произошли мужчины и женщины.

67. *В тополовой тени гуляя, муравей...* — перевод из Марциала. Во времена Ломоносова было распространено представление об янтаре как о минерале. Ломоносов отстаивал теорию органического происхождения янтара, который он считал ископаемой смолой. Доказательство этого он видел, между прочим, и в том, что в янтаре находятся «включенные «разных родов ползающие и летучие гадины» (см. сочинение Ломоносова «О слоях земных»). В связи с этой теорией происхождения янтара Ломоносов привлекла эпиграмма Марциала.

68. *Ипполит* (греч. миф.) — юноша, которого его мачеха Федра оклеветала перед отцом (сыном Посейдона). Посейдон выслал из моря быков, напугавших коней Ипполита. Кони понесли, и Ипполит был убит.

69. *Домитиан* — Домициан Тит Флавий (51—96) — римский император.

70. *Иоанн Дамаскин* (673—754) — византийский философ-схоласт и поэт, автор церковных песнопений. *Андрей Критский* (ум. ок. 720 г.) — византийский гимнологический поэт.

71. «*Золотой осел*» — роман латинского писателя II в. н. э. Люция Апулея. «*Сатирикон*», дошедший до нас в отрывках, — роман римского писателя Петрония Арбитра (ум. в 66 г.).

72. «*Похождение Телемаково*» — политико-дидактический роман французского поэта Франсуа Фенелона (1651—1715) «Приключения Телемака, сына Улисса».

73. *Центавры* — кентавры (греч. миф.) — фантастические полулюди-полулошади.

74. *Барклай* — Джон Барклей (1582—1621) — английский поэт. Аллегорический роман в стихах Барклея «Аргенида» был переведен на русский язык в 1749 г. В. К. Тредиаковским.

75. *Бова*. — Имеется в виду популярная переработка повести о «Бове-королевиче». Отрицательное отношение Ломоносова к сказкам вызвано его общими взглядами рационалиста и просветителя на «бесполезный» (сказочно-фантастический) вымысел.

76. *Филострат* Лемносский (старший) — греческий писатель второй половины II в. н. э., оставивший описание античной живописи. Работу эту продолжал его внук, тоже Филострат (младший). В §§ 299—300 «Риторике» Ломоносов приводит отрывок из книги Филострата (старшего) «Картины» (кн. I, гл. 6, «Эроты»).

77. *Эзоп* (VI в. до н. э.) — знаменитый греческий баснописец.

78. *Когда бы древни лета знали...* — начало сорок второй строфы «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 г.» (первая редакция).

79. *Я се уже рукой багряной...* — начало второй строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 г.».

80. *Я духом зрю минувшее время...* — десятая строфа «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 г.».

81. *Цербер*, или Кербер (греч. миф.) — сторож у врат подземного мира, царства смерти (Аида). *Янус* (римск. миф.) — бог, под защитой которого входили в дом или город, бог счастливого начала. Его изображали в дверях и проходах двуликим — одно лицо смотрело наружу, другое внутрь.

82. *Дафна* (греч. миф.) — лесная нимфа; преследуемая Аполлоном (Фебом), превратилась в лавровое дерево.

83. *Ариадна* (греч. миф.) — дочь критского царя Миноса и Пасифаи. Вручила афинянку герою Тезею (Фесею) красную нить, с помощью которой он нашел выход из лабиринта, где убил чудовище Минотавра. Ариадна бежала с Тезеем, но была им оставлена на пустынном острове по повелению Вакха. Вакх сделал ее своей женой, подарив ей драгоценную корону. Так возникло название одного из созвездий.

84. *Кастор и Поллукс* (греко-римск. миф.) — сыновья Леды, олицетворяют неразрывную дружбу и верность. Две яркие звезды в созвездии Близнецов названы Кастор и Поллукс.

85. *Сквозь тучи бывшие печали...* — третья строфа «Оды на день рождения Елисаветы Петровны» (18 декабря 1746 г.).

86. *Секст Росций Америк* (I в. до н. э.) — уроженец города Америк. Два родственника Росция подстроили убийство отца Секста Росция на улице Рима и с помощью Хрисогона, вольноотпущенника диктатора Суллы, задним числом внесли имя убитого в проскрипционные списки, после чего его имущество было приобретено за бесценок Хрисогоном. Желая отделаться от Секста Росция Младшего, враги обвинили его в отцеубийстве. Молодой Цицерон, выступив в его защиту, выиграл процесс, который, таким образом, превратился в политическое обвинение против всего режима Суллы.

87. *Если бы боги благоволили...* — из книги Курция Руфа (см. примеч. 41).

88. *Нам в оном ужасе казалось...* — начало девятой строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 г.». *О вы, недвижные очи...* — двенадцатая строфа той же оды.

89. *Восторг внезапный ум пленил...* — начало «Оды на взятие Хотина, 1739 г.». *Не Пинд ли под ногами зрю?*... — начало второй строфы той же оды.

90. *Но, о прекрасная планета...* — начало одиннадцатой строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 г.».

91. *Numerus oratorius* — буквально: «ораторский распорядок»; так назывались правила благозвучия речи.

92. Милон Пипиан (I в. до н. э.) — римский народный трибун, сторонник сенатской партии, к которой примыкал Цицерон. Милон убил своего политического противника Клодия по дороге в Рим, что вызвало большие народные волнения. 8 апреля 52 г. до н. э. Цицерон выступил с речью в защиту Милона, но проиграл дело.

93. *Тобой поставлю суд правдивый...* — отрывок из восьмой строфы «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Петербург 1742 г.».

94. Известное место из первой речи Цицерона против Катилины.

95. *...восток и льдистый Океан свои колена преклоняют...* — строки из восьмой строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 г.».

96. *Укалегон горит, то есть дом его...* — цитата из «Энеиды» Вергилия (II, ст. 311—312).

97. *Арпинянин*. — Цицерон был уроженцем рода Арпиня.

98. *Калпурний Пизон* — римский наместник Македонии (I в. до н. э.).

99. *Гиацинт* (греч. миф.) — юноша, которого Аполлон нечаянно убил во время метания диска. Из крови Гиацинта вырос цветок, названный по его имени.

100. *Сципион* — Публий Корнелий Сципион Старший (см. примеч. 59).

101. *Сердца жаленьем закипели...* — строка из шестой строфы «Оды на прибытие великого князя Петра Феодоровича в Санкт-Петербург 1742 г.» (вторая редакция).

102. *Дафнис* (греч. миф.) — сын Гермеса и нимфы, юноша-пастух и охотник. Обычный персонаж буколических стихов. Вергилий в 50-й эклоге, под именем Дафниса прославлял Цезаря.

103. *Силен* (античн. миф.) — сатир, спутник и воспитатель Вакха.

104. *Ипербола* — гипербола.

105. *Коликой славой днесь блистает...* — девятая строфа «Оды на прибытие великого князя Петра Феодоровича в Санкт-Петербург 1742 г.» (вторая редакция).

106. *Димитрий Фалерей* — Димитрий Фалерский (ок. 345—283 до н. э.) — греческий писатель, автор книги «Об ораторском стиле». *Сафо* — греческая поэтесса конца VII — начала VI в. до н. э.

107. *Ювенал Децим Юлий* (ок. 55—132) — римский сатирик.

108. *Авессалом* — сын библейского царя Давида. *Иосиф* — один из двенадцати сыновей библейского Иакова.

109. *Гесперия* — у Вергилия — поэтическое название Италии.

110. *Клуенций Авл* (I в. до н. э.) — римлянин, подзащитный Цицерона, обвиненный в убийстве своего второго отчима.

111. *Мевий и Бавий* — римские поэты (I в. до н. э.), осмеянные Вергилием.

112. *Аруспиеских*. — Имеются в виду гаруспии или аруспии — гадание по жертвенным животным, производившееся в Риме этрусками.

113. *Брега Невы руками плещут...* — строки из первой строфы «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 г.».

114. *Рулл Публий Сервилий* (I в. до н. э.) — римский народный трибун, провел в 63 г. до н. э. аграрный закон, против которого Цицерон произнес три речи.

115. *Демокрит* из Абдеры (ок. 470 — ок. 380 до н. э.) — греческий философ-материалист. *Гераклит* Ефесский (ум. ок. 474 г. до н. э.) — греческий философ (прозванный в древней Греции «плачущим»).

116. *Тифис* — Тифий (греч. миф.) — кормчий корабля аргонавтов.

117. *Лигарий* Квинт (I в. до н. э.) — римлянин, выступавший против Цезаря. Был прощен после защитительной речи Цицерона.

118. *Квинций* — Квинций Публий (I в. до н. э.) — римлянин, требовавший по суду возвращения незаконно отнятого у него имущества. Речь в защиту прав Квинция — первая из дошедших до нас речей Цицерона.

119. *Что вы, о позные потомки...* — шестнадцатая строфа из «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 г.».

120. *Филот* (IV в. до н. э. — полководец, приближенный Александра Македонского.

121. *О коль велика добродетель...* — строки из пятой строфы «Оды на прибытие великого князя Петра Феодоровича в Санкт-Петербург 1742 г.» (вторая редакция).

122. *С горящей, солнце, колесницы...* — начало двенадцатой строфы «Оды на бракосочетание великого князя Петра Феодоровича и Екатерины Алексеевны, 1745 г.» *Исполнил Бог свои советы...* — начало второй строфы той же оды.

123. *Пирам и Физвия* (Фисба) — вавилоняне, о которых рассказывается в IV книге «Метаморфоз» Овидия. Юноша Пирам, найдя брошенный Фисбой плащ, который растерзала львица, решил, что его возлюбленная погибла, и закололся кинжалом. Фисба, увидев мертвого Пирама, тоже закололась у его тела. От их крови плоды шелковицы стали навсегда черными.

124. *Суперб* — Тарквиний Гордый (см. примеч. 17). Одним из главных инициаторов изгнания Тарквиния был его родственник Брут.

125. *И се уже рукой багряной...* — начало второй строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 г.».

126. *Воззри на круг земной пространный...* — стихи из двенадцатой строфы «Оды на день тезоименитства великого князя Петра Феодоровича 1743 г.»

127. *По стогнам шумный глас несется...* — четырнадцатая строфа «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 г.»

128. *Но речь их шумный глас скрывает...* — тридцать шестая строфа «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 г.»

129. *Град Лилибетанский.* — Лилибей — город, основанный карфагенянами в 397 г. до н. э. на западном мысе Сицилии.

130. *Евтонтимофруменос* — «Сам себе мстящий» — комедия римского писателя Теренция (ок. 185—159 до н. э.), являющаяся переделкой одноименной комедии Менандра.

131. *Рабирий* Гай (I в. до н. э.) — римский сенатор, обвиненный в 63 г. до н. э. народным трибуном Лабием в хищении государственных средств, убийстве народного трибуна Сатурнина и других преступлениях. Защитником Рабирия был Цицерон.

132. *Тигран* — царь Армении Тигран Второй (конец II в. — 36 г. до н. э.). Ломоносов цитирует речь Цицерона «О назначении Гнея Помпея полководцем» (в войне против Митридата и Тиграна). В этой речи, произнесенной в 66 г. до н. э., Цицерон, поддерживавший Помпея, рекомендовал римлянам применить закон Манилия, позволявший вольноотпущенникам подавать голоса в трибах своих патронов (отсюда сокращенная ссылка Ломоносова «За зак. Манил.»).

133. *Геродот* (ок. 484 — ок. 425 до н. э.) — греческий историк. Составил «Историю греко-персидских войн». *Крез* (VI в. до н. э.) — царь Лидии. Был разбит при Синопе персидским царем *Киром* (559—530 до н. э.) и, попав к нему в плен, остался при его дворе. *Камбия* (ум. в 522 г. до н. э.) — персидский царь, сын Кира.

134. *Ктезифон* — Ктесифонт (IV в. до н. э.) — афинянин, предложивший после битвы при Херсонесе наградить Демосфена золотым венком.

135. *Геренний* Гай (I в. до н. э.) — римлянин. Так называемая «Риторика, посвященная Гереннию» во многом сходна с «Риторикой», составленной Цицероном в юности (ок. 83 г. до н. э.), а возможно, послужила источником последней.

136. *В сей день, блаженная Россия...* — первая строфа «Оды на день рождения Елисаветы Петровны, 1746 г.»

137. *Деиотар* (ум. в 40 г. до н. э.) — тетрарх Галатии, помогавший римским полководцам в войне с Митридатом. В борьбе между Цезарем и Помпеем поддерживал последнего, однако Цезарь оставил ему большую часть его царства. В 45 г. до н. э. Деиотар был обвинен в покушении на жизнь Цезаря. Цицерон добился прекращения дела.

138. *Так флот российский в Понт дерзает...* — начало двадцать третьей строфы «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 г.» (первая редакция).

139. *Пифагор* (ок. 580—500 до н. э.) — греческий философ и математик.

140. *Священный ужас мысль объемлет!..* — начало пятой строфы «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 г.» *Какая бодрая дремота...* — тридцать третья строфа той же оды (в первой редакции). *На верх Парнаских гор прекрасный...* — начало первой строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 г.»

141. *Брундузия* (ныне Бриндизи) — город в Каприи на Адриатическом море.

142. *Лентул* Публий Корнелий (I в. до н. э.) — один из участников заговора Катилины, так же как и упоминаемый в связи с ним *Габиний* Капитон.

143. *Секстий* — Остий Публий (I в. до н. э.) — римский квестор. В 56 г. Цицерон выступил в защиту Сестия, обвиненного его политическим противником Клодием. У Ломоносова ошибочно назван Секстием. *Габиний* Авл (I в. до н. э.) — римский консул, сторонник Помпея, наместник Сирии, совместно с Пизоном настаивавший на изгнании Цицерона.

144. *Первая пуническая война* — с Карфагеном в 264—241 гг. до н. э.; *первая Македонская война* — 215—205 гг. до н. э.; *внутренней войной* Ломоносов называет, по-видимому, римские войны I в. до н. э. (борьба Мария и Суллы).

145. *Дионисий* Младший (IV в. до н. э.) — тирасиракузский. *Дион* — родственник Дионисия Младшего, изгнавший его в 357 г. до н. э. из Сиракуз. Ломоносов приводит место из книги римского историка Корнелия Непота (ок. 99 — после 27 г. до н. э.) «Жизнеописание Диона».

146. *Клавдиан* Клавдий (ок. 365 — ок. 408) — римский поэт «александрийского периода», пользовавшийся покровительством полководца Стилихона, которому Клавдиан писал панегирики. Ломоносов приводит изречение, встречающееся в сочинении Клавдиана «О консульстве Стилихона».

147. *Персий* Флакк (34—62) — римский поэт-сатирик, высмеивавший, в частности, высокопарную поэзию своего времени.

148. *Анаксагор* (ок. 500—428 до н. э.) — греческий философ. Ломоносов цитирует книгу греческого ученого II в. Диогена Лаэртского «Жизнеописание замечательных философов».

149. *Тускуланские запросы* — «Тускуланские беседы» — этико-философское сочинение Цицерона в пяти книгах; написано в 45 г. до н. э. В Тускулане находилась загородная вилла Цицерона.

150. *О должности.* — Имеется в виду трактат Цицерона «Об обязанностях» в трех книгах, носивший форму наставлений сыну Марку. Написан в конце жизни Цицерона.

151. *Кратипп* (I в. до н. э.) — греческий философ, был наставником сына Цицерона. Цицерон воздает ему незаслуженную похвалу, как лучшему философу его времени.

152. *Виант* — Биант (VI в. до н. э.) — уроженец города *Приены* в Кариин, один из «семи мудрецов» Древней Греции, от которых сохранились лишь краткие изречения. Виантова речь, по которой составлена хрия в § 264 «Риторике» Ломоносова, основана на кратком сообщении Цицерона об обстоятельствах, при которых якобы было произнесено известное изречение: «Все свое несу с собой». Далее Ломоносов «качестве примеров упоминает библейского *Иова* и римского комедиографа *Плавта* (254—184 до н. э.).

153. Предлагаемый Ломоносовым силлогизм восходит к сочинению Цицерона «О природе богов», где он, в частности, выступает против философа Эпикура.

154. *Лукиан Самосатский* (ок. 120 — после 180) — греческий сатирик осмеивающий в своих диалогах античную религию и отчасти христианство («Разговоры богов», «Разговоры в царстве мертвых» и др.).

155. *Эразм Дезидерий Роттердамский* (1466—1536) — великий писатель-гуманист эпохи Возрождения. Наряду со знаменитой сатирой «Похвала глупости» пользовались известностью его «Дружеские беседы» (1516).

155а. С греческого, бодрый.

155б. С того же, сонливый (*Примеч. Ломоносова*).

155в. С утра считает Филипп. (*Примеч. Ломоносова*).

155г. Так называет душу Гораций в кн. 2, сатира 2. (*Примеч. Ломоносова*).

155д. *Филолог* — охотник к наукам. (*Примеч. Ломоносова*)

156. *Ганнибал* (ок. 247—183 до н. э.) — карфагенский полководец. В 218 г. перешел Альпы, нанося римлянам одно поражение за другим. Был разбит Сципионом Африканским.

157. *Миной* — Минос (греч. миф.) — древний царь Крита, получавший наставления в законодательстве от самого Зевса, а по смерти ставший судьей умерших в подземном царстве.

158. Ломоносов имеет в виду «Разговоры в царстве мертвых», издававшиеся с 1717 по 1740 г., в подражание древним, немецким писателем Давидом Фасманом (1683—1744), бывшим на ролях шута при дворе прусского короля Фридриха-Вильгельма II. Литературное значение этих произведений ничтожно.

159. *Иродот* — Геродот — см. примеч. 133. *Ливий Тит* (59—17 до н. э.) — крупнейший римский историк. *Куций Руф* — см. примеч. 41.

160. *Помпоний Мела* (I в. до н. э.) — родом испанец, римский географ, составивший около 40 г. географическое сочинение «Хорография» в трех книгах. *Плиний Старший* — см. примеч. 21.

161. *Элиан Клавдий* (III—II вв. до н. э.) — греческий писатель. Составитель обширной компиляции «Собрание различных историй».

162. *Целий Марк Руф* (ок. 82—42 до н. э.) — римский политический деятель. Одно время был близок к Катилине, но не принимал участия в его заговоре. Подзащитный Цицерона.

163. *Игнатий* — Эгнатий Джованни Батиста (1472—1553) — венецианский писатель, автор книги «Примеры знатнейших мужей Венецианского государства и других племен» (Венеция, 1554), которую цитирует Ломоносов; собор святого Марка в Венеции построен в 976—1071 гг.

164. *О коль прекрасен свет блистает...* — отрывок из «Оды на бракосочетание великого князя Петра Феодоровича и Екатерины Алексеевны, 1745 г.» (строфы 5—8).

165. *Персеполь* — Персеполис, древняя столица Персии в долине Аракса, взятая и разрушенная Александром Македонским в 331 г. до н. э.

166. *Аммиан Марцелин* (ок. 330—400) — последний крупный римский историк, составитель большого исторического труда «Деяния» (31 книга). *Никомидия* — главный город в Вифинии (Малая Азия).

167. *Купидинами* — купидонами; Купидон (римск. миф.) — первоначально, как и греческий Эрос, — бог любви, изображавшийся мальчиком с луком и стрелами. Позднее купидоны (амуры) стали изображаться как скопище веселых и шаловливых божков любви.

168. *Лишь только дневной шум замолк...* — басня на сюжет, имеющийся у Лафонтена, так же как и следующие басни: «Жениться хорошо, да много и досады...» и «Послушайте, прошу, что старому случилось...».

169. *Ночною темнотою...* — принадлежит к числу так называемых «анакреонтических стихотворений» (то есть приписываемых Анакреонту).

170. *Там тьмою островов посеян...* — начало двадцатой строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 г.». *Древа листьями помахивают...* — стихи из седьмой строфы «Оды на бракосочетание великого князя Петра Феодоровича и Екатерины Алексеевны, 1745 г.».

171. *Взирая на дела Петровы...* — начало третьей строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 г.».

172. *В лугах, исполненных плодами...* — начало семнадцатой строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1748 г.» (первая редакция).

173. *В толикой горестной печали...* — начало одиннадцатой строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 г.».

174. *Хотя от смертных сокровенно...* — начало девятнадцатой строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 г.».

175. *Великой похвалы достоин...* — начало тринадцатой строфы «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 г.».



Г.-Г. Преннер. Ломоносов. 1755 г.

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ

ОДА

БЛАЖЕННАЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются гам венцы,
Там слух спешит во все концы;
10 Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор прости
И дух свой к тем странам вperi,
20 Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вокруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конской пар!
30 Что ж в том? стремглав без душ
валяются.

Крепит Отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом,
От реву лес и брег дрожит,

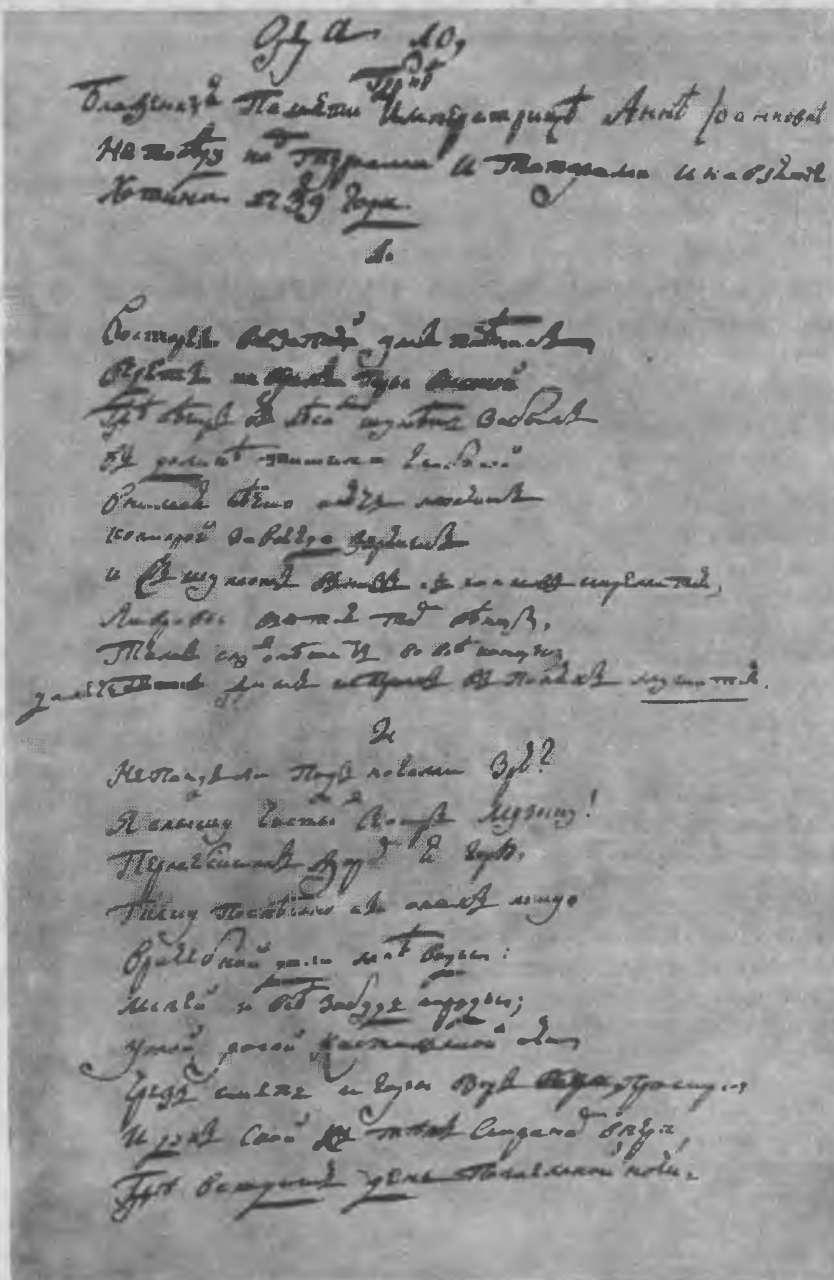
И хвост песок и пыль мутит,
40 Разит извившись сильным махом.

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
50 Чрез быстрый ток на огонь дерзает.

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи равен путь.
Где только ветры могут дуть,
60 Доступят там полки орлины.

Пускай земля как понт трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны.
Уже ваш к ней усердный жар
Быстро проходит сквозь татар,
70 И путь отворен вам пространный.

Скрывает луч свой в волны день,
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух татарам.
Из лыв густых выходит волк



«Ода на взятие Хотина» Ломоносова.

Автограф, 1739 г.

На бледный труп в турецкий полк.
 Иной в последни видя зорю,
 Закрой, кричит, багряной вид
 И купно с ним Магметов стыд;
 80 Спустись поспешно с солнцем к морю.

Что так теснит боязнь мой дух?
 Хладнеют жилы, сердце ноет!

Что бьет за странной шум в мой слух?
 Пустыня, лес и воздух воет!
 В пещеру скрыл свирепство зверь,
 Небесная отверзлась дверь,
 Над войском облак вдруг развился,
 Блеснул горящим вдруг лицом,
 Умытым кровию мечем
 90 Гоня врагов, Герой открылся.

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны россам стены?
И персы в жаждающих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к готским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
100 Где зрим всходящу к нам денницу.

Кругом его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, сей при вас
Селима гордого потряс,
110 Наполнил степь голов поганских.

Герою молвил тут Герой:
«Не тщетно я с тобой трудился,
Не тщетен подвиг мой и твой,
Чтоб россов целой свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, Герои в ней;
120 Не зрит их око, слух не чует.

Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыни,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друзей своих лежащих.
Уже, трягнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
130 Быстро сквозь воздух ядр летящих.

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, российская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боиится собственного следа.
Тогда увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
140 Коль российская ужасна сила.

Вливаясь в Понт, Дунай ревет
И россов плеску отвечает;
Ярся волнами, турка льет,

Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет, как пронзенный зверь,
И чает, что уже теперь
В последний раз заносит ногу,
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
150 Смущает мрак и страх дорогу.

Где ныне похвалба твоя?
Где дерзость? где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тотчас чаял победить;
Янычар твой свирепо залился,
Как тигр на российский полк скакал.
Но что? внезапно мертв упал,
160 В крови своей пронзен залился.

Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, агаряне, пограла,
Целуйте руку, что вам страх
Мечом кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор;
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря.
К своим любовью горя,
170 Вам казнь и милость обещает.

Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом;
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
180 Коль долго круг веков катится».

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветер не воеет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадов.
Пред российской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стенах ли может сих
190 Пред сильной устоять царицей?

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,

Что падших перед ней щадит.
Ее взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечом противник где смирен,
200 Извергли дух сердца кичливы.

О как красуются места,
Что иго лютее сбросили
И что на турках тягота,
Которую от них носили;
И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
210 Чужа поля топтать готовы.

Не вся твоя тут, Порты, казнь,
Не так тебя смирять достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам не дала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепп горит;
Обставят русским флотом Крит;
220 Евфрат в твоей крови смутится.

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском пронизает?
Чистейшим с неба что лучом
И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность возносит круги;
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
230 Велики коль ее заслуги.

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчае б Фивы обвинили,
Затем что о победах сих
Они б громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин;
Россия как прекрасный крин
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут ее стенах,
И свет во всех своих концах
240 Исполнен храбрых россов славой.

Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованье новом!
Военных не страшися бед:
Бежит оттуду бранный вред.
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык, ярься, грызет;
250 То наша радость презирает.

Козацких поль заднестрской тать
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
260 Влекут к тому торжеств изрядства.

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит;
И ту, что от врагов хранит,
270 Простым усердьем прославляет.

Любовь России, страх врагов,
Страны полнотной Героиня,
Седми пространных морь берегов
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот:
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил твоих,
Придать дерзнул некрасной стих
280 В подданства знак твоей державе.

Между сентябрем и декабрем 1739 г.

ОДА,
КОТОРУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК
ВЫСОКОГО РОЖДЕНИЯ ВСЕПРЕСВЕТАЕЙШЕГО ДЕРЖАВНЕЙШЕГО
ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ИОАННА ТРЕТИЕГО,
ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО,
1741 ГОДА АВГУСТА 12 ДНЯ ВЕСЕЛЯЩАЯСЯ РОССИЯ
ПРОИЗНОСИТ

Нагреты нежным воды югом,
Струи полденных теплы рек,
Ликуйте светло друг пред другом:
Златой начался снова век.
Всегдашним льдом покрыты волны,
Скачите нын, веселья полны,
В брегах чините весел шум.
Повсюду вейте, ветры, радость,
В Неве пролейся меда сладость:
10 Иоаннов нектар пьет мой ум.

Однако нет, мои пределы,
Смущать не смейте молодой слух.
Холмов верхи полночных белы,
Откуда веет холодной дух,
В любви со страхом тихо тайте,
Покой моей надежде дайте.
Вздержите быстрой реки ток,
Тихонько вниз теча, молчите,
Под мой лишь низкой стих журчите.
20 Умолкни запад, север, восток.

Породы царской ветвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свет,
Счастливых дней Аврора ясна,
Монарх, Младенец райской цвет,
Позволь твоей рабе нижайшей
В твой новой год петь стих тишайший.
Чем больше я росой кроплюсь,
С Парнаских что верхов стекает,
Жарчее тем любовь пылает,
30 К тебе сильнее той палюсь.

Целую вас, вы, щедры очи,
Небесной в коих блещет луч.
Как дни, при вас светлы мне ночи,
Чист воздух мне во время туч.
Послушны вам стихии сами.
Пресекае вихрей бег с громами
(Коль счастливы сих восход планет)!
От вас мои нагреты груди,
И ваши все подданны люди,
40 Что просят вам несчетных лет.

Целую ручки, что к державе
Природа мудра в свет дала,

Которы будут в громкой славе
Мечом страшить и гнать врага.
От теплых уж берегов азийских
Вселенной часть до вод Балтийских
В объятье вашем вся лежит.
Лишь только перстник ваш погнется,
Народ бесчислен вдруг сберется,
50 Готов идти куда велит.

Вы, ножки, что лобзать желают
Давно уста высоких лиц,
Подданства знаки вам являют
Языки многи, павши ниц,
В Петров и Аннин след вступите,
Противных дерзость всех стопчите;
Прямой покажет правда путь;
Вас храбрость над луной поставит
И в тех землях меня прославит,
60 О коих нын нигде нечуть.

Земля, пусти таки цветочки,
Сдвинься Флоре чтоб самой;
Жемчуга б чище их листочки,
И злато б ниже тех ценой.
Приятной дух дай им Цейлонов.
Натура, выше встань законов,
Роди, что выше сил твоих.
С весельем, нимфы, те щиплите
И с лавром их в венцы сплетите,
70 Во знак побед, утех драгих.

Господствуй, радость, ты едина
Над властью толь широких стран.
Но, мышлю, придет лишь година,
Познаешь как, что враг попра
Твоих удачами славных дедов,
Что страшны те у всех соседей;
Заплачешь как Филиппов сын;
Ревнивы слезы будут литься.
Но твой весельем плач скончится.
80 Монарх! то было лишь почин.

Что сердце так мое пронзает?
Не дерзк ли то гигант шумит?
Не горы ль с мест своих толкает?
Холмы сорвавши, в твердь разит?

Края небес уже трясутся!
 Пути обычны звезд мнутся!
 Никак ярится Антей злой!
 Не Пинд ли он на Оссу ставит?
 А Этна верх Кавказской давит?
 90 Не Солнце ль хочет снять рукой?

Проклята гордость, злоба, дерзость
 В чудовище одно срослись;
 Высоко имя скрыло мерзость,
 Слепой талант пустил взнестись!
 Велит себя в неволю славить,
 Престол себе над звезды ставить,
 Превысит хочет вышнюю власть,
 На мой живот уж зубы скалит;
 Злодейства кто его не хвалит,
 100 Погрязнет скоро в мрачну пасть.

Но зрю с весельем чудо славно,
 Дивняе, неж Алцид чинил,
 Как он лишь был рожден недавно,
 Скрутив змиям главы, сломил.
 Мой император гром примаает,
 На гордость свой перун бросает;
 Внезапно пала та стремглав
 С небес как древня в ад денница;
 За рай уж держит ту темница.
 110 Ну, где же твой кичливой нрав?

Исчезли все затеи лишны,
 Ужасных нет во мне премен;
 Везде веселы клики слышны:
 Монарх наш сильных двух колен.
 Одно мое, чем я толь славна;
 Россиян храбрость где не явна?
 Друго германско, с коим Рим
 Войну едва дерзал начати,
 Весь свет побив, не мог стояти
 120 В бою, тейтон, с полком твоим.

Разумной Гостомысл при смерти
 Крепил князей советом сбор:
 «Противных чтоб вам силу стерти,
 Живите в дружбе, бойтесь ссор.
 К брегам варяжских вод сходите,
 Мужей премудрых там просите,
 Могли б которые править вас».
 Послы мои туда сходили,
 Откуда Рурик, Трувор были,
 130 С Синавом три князья у нас.

Не славны ль стали их потомки?
 Велик был Игорь, хоть и млад;
 Дела его при Понте звонки,
 Дрожал пред ним и сам Царьград.
 Устроил внук меня красные,
 Открыл мне полдня свет ясные,
 Кумиров мерзких мрак прогнал.

Ревнив Донской что Дмитрий деет?
 Татарска кровь в Дону багреет;
 140 Мамай, куда б уйти, не знал.

Молчу заслуги, что недавно
 Чинила царска мне любовь.
 Твое коль, Рурик, племя славно!
 Коль мне твоя полезна кровь!
 Оттуду ж нынь взошло Светило,
 Откуду прежне счастье было.
 Спешите скоро те лета,
 Когда увижу, что желаю.
 О младом Свете больше чаю,
 150 Неж предков слава мне дала.

С желаньем радость чувства долит;
 Пронзает очи странен луч!
 Незнаем шум мой слух неволит,
 Вручает вечность мне свой ключ.
 Отмкнулась дверь, поля открылись,
 Пределов нет, где б те кончились.
 Полков лишь наших слышен плеск.
 От устья быстрых струй Дунайских
 До самых узких мест ахайских
 160 Меча российска виден блеск.

Боязнь трясет хинейски стены,
 Геон и Тигр теряют путь,
 Под горы льются, полны пены.
 Всегдашний восток не смеет дуть.
 Индийских трубят вод тритоны
 Пред тем, что им дает законы.
 Он скиптр склонил среди валов,
 Упал пред младым ниц героем,
 Что молвил, войск идя пред строем:
 170 «Сколь много есть впереди светов?»

Что я пою воински звуки,
 Которы быть хотят потом?
 Пора воздеть на небо руки,
 Просить о здравье то драгом,
 Чего Иоанну я желаю.
 Твои щедроты, Боже, знаю,
 Что пролил ты во мне пред сим.
 Твоей главу покрой рукою,
 Котору ты мне дал к покою,
 180 К веселью людям всем твоим.

Надежда, свет, покров, богиня
 Над пятой частью всей земли,
 Велика севера княгиня,
 Языков больше двадцати,
 Премудрой правишь что рукою,
 Монарха тех удержишь другою,
 Любовь моих, противных страх,
 Воззри на то прещедрым оком,
 В подданстве ревность что глубоком
 190 Воспеть дерзнула в сих стопах.



А. Кившенко. Иван III разрывает ханскую басму перед татарскими послами. 1478 г.

Хотя б Гомер, стихом парящий,
Что древних эллин мочь хвалил,
Ахилл в бою как огонь палящий
Искусством чьем описан был,
Моих увидел дней изрядство,
На Пинд взойти б нашел препятство;
Бессловен был его б язык
К хвале твоих доброт прехвальных
И к славе, что в пределах дальних
200 Гремит, коль разум твой велик.

Торжествен шум мой глас скрывает,
Скончать некрасной стих пора.
Однако мысль тебе желает
Несчетных благ от всех Творца
С твоим светлейшим ввек супругом,
Всего которой света кругом
Достоин толь, как ты, владеть.
Дай Бог! драго чтоб ваше племя
Во мне простерлось в вечно время
210 И вам сыновних внуков зреть.

Между 8 июня и 12 августа 1741 г.

ПЕРВЫЕ ТРОФЕИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИОАННА III,
ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО,
ЧРЕЗ ПРЕСЛАВНУЮ НАД ШВЕДАМИ
ПОБЕДУ АВГУСТА 23 ДНЯ 1741 ГОДА В ФИНЛЯНДИИ
ПОСТАВЛЕННЫЕ И В ВЫСОКИЙ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
АВГУСТА 29 ДНЯ 1741 ГОДА В ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЕ
ИЗОБРАЖЕННЫЕ ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО РАБА
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

...Vivite fortes, Fortiaque adversis exponite
pectora rebus.
Horatius

Российских войск хвала растет,
Сердца продерзки страх трясет,
Младой Орел уж Льва терзает.
Преж нежелъ ждали, слышим вдруг
Победы знак, палящий звук.
Россия вновь трофей вздымает
В другой на финских раз полях.
Свой яд премерзку зависть травит.
В неволю тая храбрость славит,
10 В российских зрила что полках.

Оставив шум войны, Градив,
Изранен весь, избит, чуть жив,
К полночным с южных стран склонился,
Искал к покою гор, пещер,
У финских спать залег озер,
Тростник подстав, травой покрылся;
«Теперь уж, — молвил, — я вздохну:
Изойдут язвы толь глубоки.
Бежите, брани прочь жестоки,
20 Ищите вам мою сестру».

Кровавы очи лишь сомкнул,
Внезапно тих к себе почув
Приход Венеры и Дианы.
Лилеи стали в раны класть,
Впустили в них врачебну масть,
Смешавши ту с водой Секваны:
«Ах, встань, прехраброй воин, встань,
О старой нашей вспомни дружбе,
Вступи к твоей некосно службе,
30 Внеси в Россию тяжку брань».

Вскочил, как яр из ложа лев,
Колеблет стран пределы рев.
Не так, на верх высокой эты
Поднявшись, брат его шумел,
Как яд внутри его кипел.
Уж действия есть его приметы.

Мутятся смежны нам берега,
Стокгольм, подобным пьянством шумен,
Уязвлен злобой, стал безумен,
40 Отмкнуть велит войны врата.

Но что за ветер с вечерних стран
Пронырства вас закрыл в туман?
Не зрила чтоб того Россия,
Что ваших войск приход значит?
Зачем ваш сбор у нас стоит?
В закрытье видны мысли злая.
В шерсти овечьей знатен волк.
Хоть Аннин зрак от нас высоко,
Вторая есть, которой око
50 Зрит, твой к чему намерен полк.

К пределам нашим что ж пришли?
Надежда кажет что впреди?
Надежда ныне вам не лжива!
К себе вас та земля влечет,
В которой мед с млеком течет?
Ну ж впредь; пройдите! нет и дива!
Ведь вы почти уж так в раю,
Коль близко наша к вам столица!
Но ближе тем парит Орлица,
60 Что правит свой полет ко Льву.

Не сам ли с вами есть Нимврод,
Собрался весь где ваш народ?
Что землю он прилежно роет?
Воздвигнуть хочет столп и град?
Рушить прямой природы ряд?
Ужасну в свете вещь откроет!
Все ждут, чего не знают ждать.
Да что ж увидим мы за диво?
Колено хочет то кичливо
70 Другу Полтаву тут создать.

Смотри, тяжка коль шведов страсть,
Коль им страшна российска власть.
Куда хотят, того не знают.
То тянут, то втыкают меч,
То наш грозятся мир пресечь,

То оной ввек хранить желают;
Чинят то умысл нам жесток,
Хотят нам желчи быть горяче,
То воску сердце их смягчае;
80 Однако вас сыскал свой рок.

Противу ветров сильных плыть,
Среди несносных бурь вступить
Отважны их сердца дерзнули.
Колючей терн, сухой тростник,
Таился в коих зной велик,
Теперь уж явно всем вспыхнули.
Войну открыли шведы нам;
Горят сердца их к бою жарко;
Гремит Стокгольм трубами ярко,
90 Значит в свету свой близкий срам.

Однако топчут, режут, рвут,
Губят, терзают, грабят, жгут,
Склоняют нас враги под ноги;
Российску силу взяли в плен,
Штурмуют близко наших стен,
Считают вот добычи многи,
Да где ж? в спесивом их мозгу.
А в деле ужас потом мочит,
И явно в сердце дрожь пророчит,
100 Что будет им лежать внизу.

Подобно быстрой как сокол,
С руки ловцовой в верх и в дол
Бодро взирает скорым оком,
На всякой час взлететь готов,
Похитить, где увидит лов
В воздушном царстве свой широком.
Врагов так смотрит наш солдат,
Врагов, что вечной мир попрали,
Врагов, что наш покой смущали,
110 Врагов, что нас пожрать хотят.

Уже ступает в свой поход
К трудам избранной наш народ,
Нагим мечом на запад блещет,
Которой скрасит шведска кровь,
Что брань начать дерзнула вновь.
Противных ближней край трепещет;
На финском небе черной дым,
Российска ревность где кипела.
Сквозь слезы видит житель села,
120 Зажгла что месть огнем своим.

Вспятить не может их гора,
Металл и пламень что с верха
Жарчае Геклы к ним рыгает.
Хоть купно Вилманstrand на них
Ретиво толь со стен своих
Подобной блеск и гром пускает.
Но искрам и огню претят
Полки, сильнейши гор палящих

И ярко смертью им грозящих,
130 Стрелам подобно сквозь летят.

В морях как южных вечной восток
От гор Атлантских вал высок
Крутит к брегам четвертой части,
С корнем вырвав, лес валит;
Пустыня, луг и берег дрожит,
Хотят подмыты горы пасти.
Российской воин так врагам
Спешит отмстить свиреп грозою,
Сбивает сильной их рукою,
140 Течет ручьями кровь к ногам.

Вдается в бег побитый швед,
Бежит российской конник вслед
Чрез шведских трупов кучи бледны
До самых вилманstrandских рвов,
Без счету топчет тех голов,
Что быть у нас желали вредны.
Стигийских вод шумят берега,
Гребут по ним побитых души,
Кричат тем, что стоят на суши,
150 Горька опять коль им беда.

За нами пушки, весь припас,
Прислал что сам Стокгольм про нас:
Дает подарок нам в неволю.
При Вилманstrandе слышен треск,
Мечей кровавых виден блеск.
Ты будешь скоро равен полю,
Дерзнешь в упрямстве ежель стать.
Подумать было кратко время,
В момент славенско храбро племя
160 Успело твой отпор поправить.

Последней конник вспять бежит,
Оставшей труп и стыд смердит.
К себе скоряе в дом спешите,
Скажите там приятну весть,
Какую здесь достали честь,
Добычи часть друзьям дарите.
Не Карл ли тут же с вами был?
В Москву опять желал пробиться?
Никак, вам это вправду снится.
170 Скачите вслед; он кажет тыл.

Не то ли ваш воинской цвет,
Всходил которой двадцать лет,
Что долго в неге жил спокойной.
Вас тешил мир, нас Марс трудил;
Солдат ваш спал, наш в брани был,
Терпел Беллоны шум нестройной.
Забыли что вы так считать,
Что десять русских швед прогонит?
Пред нами что колени клонит
180 Хвастлив толь нашей славы тать?



Вид Ревельской крепости в XVIII веке

Но вот вам ваших бед почин:
Соседа в гнев ввели без вин,
Давайте в том другим примеры.
Избранной воин ваш погран.
Где ваш снаряд, запасы, стан?
Никак тому неймете веры.
Хотя и млад монарх у нас,
Но славны он чинит победы,
В своих ступает предков следы,
190 Недавно что карали вас.

Высокой крови царской дочь,
Сильнейшей что рукою дверь
Отверзла к славнейшим победам!
Тобою наш российской свет
Во всех землях как крин цветет,
Наводит больший страх соседям.
Твоя десница в первой год
Поля багрит чрез кровь противных,
Являет нам в признаках дивных,
200 Созреет коль преславлен плод.

Доброт чистейший лик вознес
Велику Анну в дверь небес,
Откуда зрит в России ясно
Монарха в лавровых венцах,
На матерних твоих руках,
Низводит весел взор всечасно.

К героям держит речь сию:
«Вот всех моя громчайша слава!
Сильна во молодых днях держава;
210 Взмужав, до звезд прославит ту».

Отца отчества отец
Вручил кому небес творец
Храбрейшу в свете силу править.
Твоих премного сколь похвал,
Сам наш завистлив враг познал,
Не может сам тебя не славить.
В бою российской всяк солдат,
Лишь только б для Иоанна было,
Твоей для славы лишь бы слыло,
220 Желает смерть снести стократ.

Прекрепкий Боже, сильный царь,
Что всю рукою держишь тварь,
Зришь, что враги встают напрасно,
Жезлом карай их мести сам.
Подай всегда победы нам,
Твое что имя славим гласно.
Не хочут если брань пресечь,
Подай, чтоб так же в них вонзился
И новой кровью их багрился
230 Нагретый в ней Иоаннов меч.

Между 23 и 29 августа 1741 г.

ОДА
НА ПРИБЫТИЕ ИЗ ГОЛСТИНИИ
И НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА
1742 ГОДА ФЕВРАЛЯ 10 ДНЯ

Дивится ныне вся вселенна
Премудрым Вышнего судьбам,
Что, от напастей злых спасенна,
Россия зрит конец бедам.
И что уже Елисавета
Златые в ону вводит лета,
Избавив от насильных рук.
Красуются Петровы стены,
Что к ним его приходит внук,
10 Прекрасной Анной днесь рожденный.

В сие благоприятно время,
Когда всецелый наш Творец
Восставил нам Петрово племя
И нашей скорби дал конец,
Уж с радостью любовь согласно
Везде ликуют безопасно.
Всего народа весел шум,
Как глас вод многих, вверх восходит,
И мой отрады полный ум,
20 Восхитив гем, в восторг приводит.

Воинский звук оставь, Беллона,
И, Марс, вложи свой шумный меч,
Чтоб стройность праздничного тона
И муз поющих ныне речь
Едина громко разносилась
И нашей радости сравнилась;
Чтоб воздух, море и земля
Елисавету возглашали
И, купно с ней Петра хваля,
30 Моей бы лире подражали.

Богиня, коея державу
Обнять не могут седмь морей,
И громкую повсюду славу
Едва вместить вселенной всей!
Твоя надежда совершилась,
И радость паки обновилась:
Ты зришь Великого Петра,
Как феникса воскресша ныне;
Дражайшая твоя сестра
40 Жива в своем любезном сыне.

О коль велика добродетель
В Петровых нежных днях цветет!
Коль славен севера владетель
В тебе, Россия, возрастет!
Он ради твоего блаженства

Даров достигнет совершенства,
И счастье бег остановит,
Любовью оных восхищенно,
Союз с тобою утвердит
50 И вечно будет непременно.

О плод от корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,
К тебе горит уже издавна
Россия искрення любовь!
Петрополь по тебе терзался,
Когда с тобою разлучался
Еще в зачатии твоём.
Сердца жаленьем закипели,
Когда под дерзким кораблем
60 Балтийски волны побелели.

Как мать стенаньем и слезами
Крушится о сыне своем,
Что он, противными ветрами
Отгнан, живет в краю чужом,
Она минуты все считает,
На брег по всякой час взирает
И просит щедры небеса:
Россия так тебя желала
И чрез пучины и леса
70 Усердны мысли простирала.

Но ныне радость умножает
Желанный нами твой приход;
И кротость неба обещает
Возвысить тем российский род.
Стихии сами предъявляют,
Чего все россы ожидают.
Здесь теплый воздух повевал
С любовью нашею согласно,
Весну приятно предвещал,
80 Как ждали мы тебя всечасно.

Коликой славой днесь блистает
Сей град в прибытии твоём!
Он всех веселий не вмещает
В просторном здании своём,
Но воздух наполняет плеском
И ночи тьму отъемлет блеском.
Ах, если б ныне россов всех
К тебе горяща мысль открылась,
То б мрачна ночь от сих утех
90 На вечной день переменилась.

Наместница всевышней власти,
 Что родом, духом и лицом
 Восходит выше смертных части,
 Прехвальна, совершенна всем,
 В которой всех даров изрядство,
 С величеством цветет приятство!
 Кому возможно описать
 Твои доброты все подробно?
 Как разве только указать
 100 В Петре природу в том подобну?

Но спешно толь куда восходит
 Внезапно мой плененный взор?
 Видение мой дух возводит
 Превыше Тессалийских гор!
 Я Деву в солнце зрю стоящу,
 Рукою Отрока держащу
 И все страны полночны с ним.
 Украшенна кругом звездами,
 Разит перуном вниз своим,
 110 Гоня противности с бедами.

И вечность предстоит пред нею,
 Разгнувши книгу всех веков,
 Клянется небом и землею
 О счастье будущих родов,
 Что россам будет непременно
 Петровой кровью утверждено.

Отверзлась дверь, не виден край,
 В пространстве заблуждает око;
 Цветет в России красной рай,
 120 Простерт во все страны широко.

Млеком и медом напоенны,
 Тучнеют влажны берега,
 И, ясным солнцем освещенны,
 Смеются злачные луга.
 С полудни веет дух смиренный,
 Чрез плод земли благословенный.
 Утих свирепый вихрь в морях,
 Владеет тишина полями,
 Спокойство царствует в градах,
 130 И мир простерся над водами.

Увидев времена златая
 Среди градов своих и сел,
 Гласит спасенная Россия
 К защитнице своих предел:
 «Тебе я подданных питаю
 И храбру кровь их ободряю,
 Чтоб тую за тебя пролить.
 Ах, чтобы к удивленью света
 Изволил Вышний утвердить
 140 Престол Петров чрез вечны лета».

Начало 1742 г.



Б. Петерсен. Вид от Петропавловской крепости на Летний сад и Мраморный дворец

ОДА
НА ПРИБЫТИЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
ИЗ МОСКВЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1742 ГОДА ПО КОРОНАЦИИ

Какой приятной зефир веет
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснеет?
Что всех умы к себе влечет?
Мы славу дщери зрим Петровой,
Зарей торжеств святящу новой.
Чем ближе та сияет к нам,
Мрачнее ночь грозит врагам.
Брега Невы руками плещут,
10 Брега Ботнийских вод трепещут.

Взлети превыше молний, муза,
Как Пиндар быстрый твой орел;
Гремящих арф ищи союза
И вверх пари скоряе стрел;
Сладчайший нектар лей с Назоном;
Превысь Парнас высоким тоном;
С Гомером как река шуми
И как Орфей с собой вежи
В торжествен лик древа и воды
20 И всех зверей пустынных роды.

Дерзай ступить на сильны плечи
Атлантских к небу смежных гор;
Внушай свои вселенной речи;
Блюдись спустить свой в доли взор;
Над тучи оным простирайся
И выше облак возвышайся,
Спеши звучащей славе вслед.
Но ею весь пространный свет
Наполненный страхась чудится:
30 Как в стих возможно ей вместиться?

Однако ты и тем счастлива,
Что тщишься имя воспевать
Всея земли красы и дива
И тем красу себе снискать.
Ты твердь оставь, о древня лира,
Взнесенна баснями к верху мира:
Моя число умножит звезд,
Возвысившись до горних мест,
Парящей славой вознесенна
40 И новым блеском освещенна.

Священный ужас мысль объемлет!
Отверз Олимп всесильный дверь.
Вся гварь со многим страхом внемлет,
Великих зря монархов дщерь,
От верных всех сердец избранну,
Рукою Вышнего венчанну,
Стоящу пред его лицом,

Котору в свете он своим
Прославив, щедро к ней взирает,
50 Завет крепит и утешает.

«Благословенна вечно буди, —
Вещает Ветхий деньми к ней, —
И все твои с тобою люди,
Что вверил власти я твоей.
Твои любезные доброты
Влекут к себе мои щедроты.
Я в гневѣ россам был творец,
Но ныне паки им отец:
Души твоей кротчайшей сила
60 Мой гнев на кротость преложила.

Утешил я в печали Ноя,
Когда потопом мир казнил.
Дугу поставил в знак покоя
И тою с ним завет чинил.
Хотел Россию бед водою
И гневною казнить грозою;
Однако для заслуг твоих
Пробавил милость в людях сих,
Тебя поставил в знак завета
70 Над знатнейшею частью света.

Мой образ чтят в тебе народы
И от меня влиянный дух;
В бесчисленны промчится роды
Доброт твоих неложный слух.
Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить;
Господствуй утвержденна мною,
80 Я буду завсегда с тобою».

Но что страны вечерни тмятся
И дождь кровавых капель льют?
Что финских рек струи дымятся
И доли с влагой пламень пьют?
Там, видя выше горизонта
Входяща готфска Фаэтона
Против течения небес
И вокруг себя горящий лес,
Тюмень в брегах своих мутится
90 И воды скрыть под землю тщится.

Претящим оком Вседержитель,
Воззрев на полк вечерний, рек:
«О дерзкий мира нарушитель,

Ты меч против меня извлек;
Я правлю солнце, землю, море,
Кто может стать со мною в споре:
Моя десница мечет гром,
Я в пропасть сверг за грех Содом,
Я небо мраком покрываю,
100 Я сам Россию защищаю».

Но Вышний зрак свой отвращает
От готфских ослепленных стран
И тем продерзость их смущает,
Трясет полки их, флот и стан;
Как сильный вихрь с полей прах гонит
И древ верхи высоки клонит.
Богине русской гром вручил,
Чем злость разить противных сил:
Прими разжженны к мести стрелы,
110 Рассыпь врагов своих пределы.

Стокгольм, глубоким сном покрытый,
Проснись, познай Петрову кровь;
Не жди льстецов своих защиты,
Отринь коварну их любовь;
Ты все солнце считаешь
И пред луной себя склоняешь;
Целуй Елисаветин меч,
Что ты принудил сам извлечь:
Его смягчит одна покорность,
120 Острий кичливая упорность.

Примеры храбрости российской
Представь теперь в уме своем;
Воззри на Дон и край Понтийской,
Смиранный мстительным огнем.
Там степи, кровью напоенны,
Родили лавры нам зелены.
Багрова там земля тряслась,
И к небу с дымом пыль вилась;
Россиян твердо грудь стояла,
130 И слава их во мгле блистала.

Свою Полтавску вспомни рану,
Что знать еще в груди твоей,
И гордость, при Днепре попанну,
И многий плен твоих людей,
За Обские брега вселенный,
Хребтом Рифейским заключенный,
За коим сильна русская власть
Велику держит востока часть,
Где орды ей собирают дани,
140 По ней всегда готовы к брани.

Как нельзя лить рекам к вершине
Против крутизны вод своих,
И силы взять огню в пучине,
Так к нам ввести людей твоих.
Орлы на тое не взирают,
Что львовы челюсти зияют.

Вотще твой хитрый был совет:
Россию сам Господь блюдет;
Рукою он Елисаветы
150 Противных разрушит наветы.

Уже и морем и землею
Российско воинство течет
И сильной крепостью своею
За лес и реки готов жмет.
Огня ревущего удары
И свист от ядр летящих ярый
Сгущенный дымом воздух рвут
И тяжких гор сердца трясут,
Уже мрачится свет полдневный,
160 Повсюду вид и слух плачевный.

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж готфскими полками
Бежит, ярясь, из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух,
Там тысящи валяются вдруг.
Но если хочешь видеть ясно,
170 Коль русско воинство ужасно,

Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею понт;
Простри свое чрез воды око,
Коль много обнял горизонт;
Внимай, как юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешает;
180 Так росс противных низлагает.

Как ежели на римлян злился
Плутон, являя гнев и власть,
И если Град тому чудился,
Что Курций, видя мрачну пасть,
Презрел и младость и породу,
Погиб за римскую свободу,
С разбегу в оную скочив;
То ей! Квириты, Марк ваш жив
Во всяком россе, что без страху
190 Чрез огонь и рвы течет с размаху.

Всяк мнит, что равен он Алкиду
И что Немейским львом покрыт,
Или, ужасную эгиду
Нося, врагов своих страшит:
Пронзает, рвет и рассекает;
Противных силу презирает.
Смешившись с прахом, кровь кипит;
Здесь шлем с главою, там труп лежит;
Там меч с рукою отбит валится.
200 Коль злоба жестоко казнится!

Народы, ныне научитесь,
Смотря на страшну гордых казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренню приязнь;
На множество не уповайте
И тем небес не раздражайте!
Мечи, щиты и крепость стен
Пред Божьим гневом гниль и тлен:
Пред ним и горы исчезают,
210 Пред ним пучины иссыхают.

Бежит в свой путь с весельем многим
По холмам грозный исполин,
Ступает по вершинам строгим,
Презрев глубоко дно долин,
Вьет воздух вихрем за собою;
Под сильною его пятою
Кремнистые бугры трещат,
И следом дерева лежат,
Что множество веков стояли
220 И бурей ярость презирали.

Так флот российский в Понт дерзает,
Так роет он поверх валов;
Надменна бездна уступает,
Стеня от тягости судов.
Вослед за скорыми кормами
Спешит седая пена рвами.
Весельный шум, гребущих крик
Наносят готам страх велик;
Уже надежду отвергают
230 И в мгле свой флот и стыд скрывают.

Не швед ли мнил, что он главою,
Как Атлас, держит целой свет
И море сильною рукою
И полной властью в узах жмет;
Что твердь с собой в союзе свяжет
И вспять идти луне укажет,
Однако род российский знал
И мысленно тогда взирал,
Когда он стал на нас грозиться,
240 Как он бежит, как нас страшится!

На нивах жатву оставляет
От мести уstraшенный фин,
И с гор, оцепенев, взирает
На дым, всходящий из долин,
На меч, на готов обнаженный,
На пламень, в селах воспаленный;
Там ночью от пожаров день,
Там днем в пыли ночная тень;
Багровый облак в небе рдеет,
250 Земля под ним в крови краснеет.

Но, холмы и древа, скачите,
Ликуйте, множества озер,
Руками, реки, восплещите,

Петрополь буди вам пример:
Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит:
Любя вселенныя покой,
Уже простертой вам рукой
Дарует мирные оливы,
260 Щадить велит луга и нивы.

Хоть с вами б, готы, к нам достигли
Поящи запад быстрины,
Хотя бы вы на нас воздвигли
Союзы ваши все страны;
Но тщетны были б все походы:
Незнаемые вам народы,
Что дале севера живут,
Того по вся минуты ждут,
Что им велит Елисавета,
270 Готовы стать противу света.

О слава жен во свете славных,
России радость, страх врагов,
Краса владетельниц державных!
Всяк кровь свою пролить готов
За многие твои доброты
И к подданным твоим щедроты.
Твой слух пленил и тех людей,
Что странствуют среди зверей;
Что с лютыми пасутся львами,
280 За честь твою восстанут с нами.

Твое прехвально имя пишет
Неложна слава в вечном льде,
Всегда где холодный север дышит
И только верой тепл к тебе;
И степи, в зное отдаленны,
К тебе любовь возжженны,
Еще усерднее горят.
К тебе от восточных стран спешат
Уже американски волны
290 В Камчатской порт, веселья полны.

В шумящих берегах Балтийских
Веселья больше, нежели вод,
Что видели судов российских
Против врагов счастливый ход.
Коль радостен жених в убранстве,
Толь Финский понт в твоём подданстве.
В проливах, в устьях рек, в губах
Играя, нимфы вьют в руках,
Монархиня, венцы лавровы
300 И воспевают песни новы.

О чистый Невский ток и ясный,
Счастливейший всех вод земных!
Что сей богини лик прекрасный
Кропишь теперь от струй своих,
Стремись, шуми, теки обильно
И быстринной твоей насильно

Промчись до Шведских берегов,
И больше устраши врагов,
Им громким шумом возвещая,
310 Что здесь зимой весна златая.

Как лютый мраз она прогнавши
Замерзлым жизнь дает водам;
Туманы, бури, снег поправши,
Являет ясны дни странам,
Вселенну паки воскрешает,
Натуру нам возобновляет,
Поля цветами красит вновь;
Так ныне милость и любовь
И светлый дщери взор Петровой
320 Нас жизнью оживляет новой.

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сон?
Еще горит во мне охота
Торжественный возвысить тон.
Мне вдруг ужасный гром блистает
И купно ясный день сияет!
То сердце сильна власть страшит,
То кротость оное живит;
То бодрость страх, то страх ту клонит,
330 Противна страсть противну гонит!

На запад смотрит грозным оком
Сквозь дверь небесну дух Петров,
Во гневе сильном и жестоком
Преступных он мятет врагов.
Богиня кротко с ним взирает
На Невский брег и простирает
Свой перст на дщерь свою с высот:
Воззри на образ твой и плод,
Что все дела твои восставит
340 И в свете тем себя прославит.

«Исполнен я веселья ныне,
Что вновь дела мои растут, —
Вещает Петр к Екатерине, —
Твои советы все цветут.
Блаженны дщерью мы своею;
Рука Господня буди с нею,
Блажен тот год, тот день и час,
Когда Господь ущедрил нас,
Подав ее нам на утеху
350 И всех трудов моих к успеху».

Но речь их шумный вопль скрывает:
Война при Шведских берегах
С ужасным стоном возрыдает,
В угрюмых кроется лесах.
Союз приходит вожделенный
И глас возносит к ней смиренный:
«Престань прекрасный век мрачить
И Фински горы кровавить:
Се царствует Елисавета,
360 Да мир подаст пределам света.

Хотя твои махины грозны,
Но сплавлю их в зваянный вид:
Чтоб знали впредь потомки позны,
Что ныне свет в России зрит.
Я вящи учиню премены,
Когда градов пространны стены
Без пагубы людской сотру,
В огромные столпы сбери;
Превыше будут те мемфийских
370 Монархов славою российских.

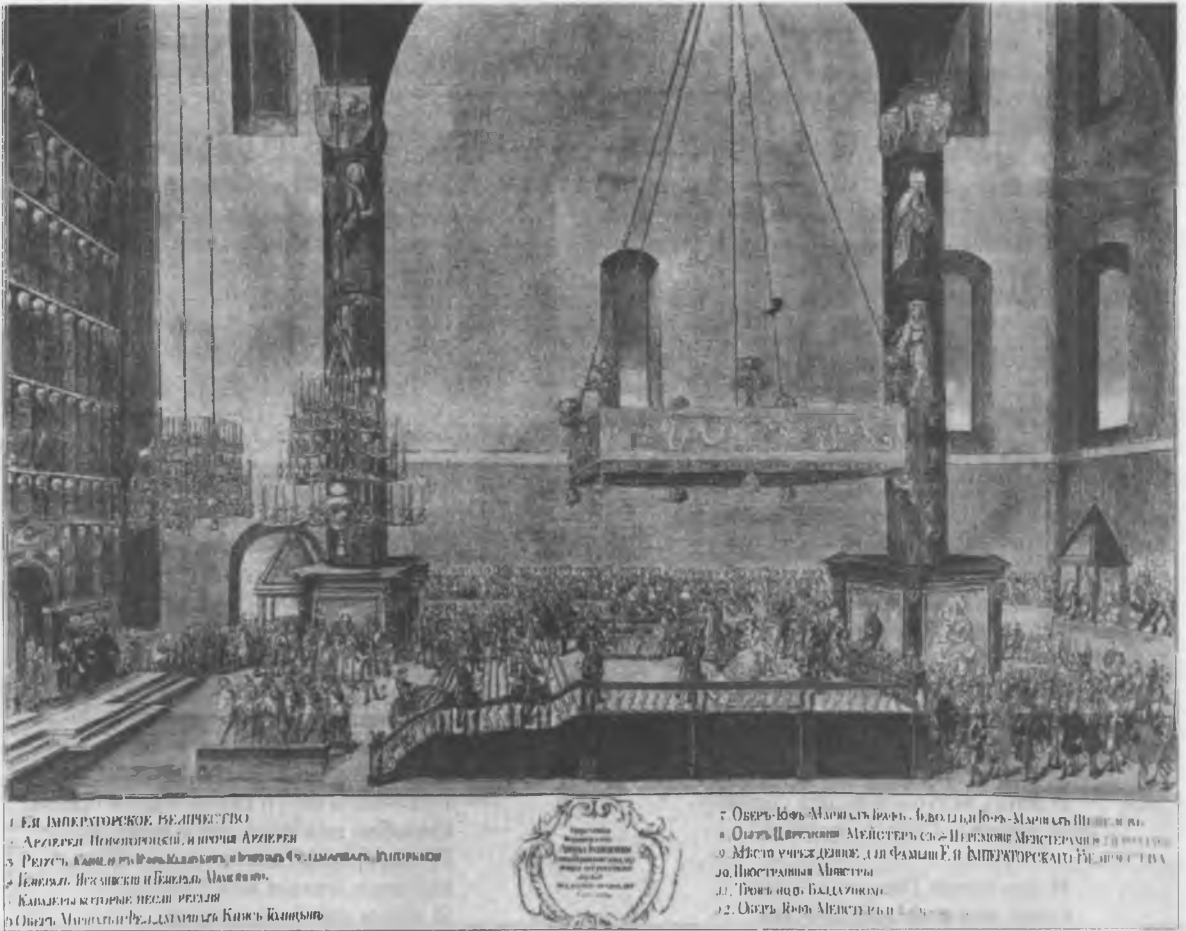
Мечи твои и копья вредны
Я в плуги и в серпы скую;
Пребудут все поля безбедны,
Отвергнув люту власть твою.
На месте брани и раздора
Цветы свои рассыплет Флора.
Разить не будет серный прах
Сквозь воздух, огонь и смерть в полках,
Но, озарив веселы ночи,
380 Восхитит зрящих дух и очи».

Еще плененна мысль мутится!
Я слышу стихотворцев шум,
Которых жар не погасится
И будет чтущих двигать ум;
Завистно на меня взирая
И с жалостию въздыхая,
Ко мне возносят скорбный глас:
«О коль ты счастливее нас!
Наш слог исполнен басней лживых.
390 Твой сложен из похвал правдивых.

На что бы вымышлять нам ложно
Без вещи имена одне,
Когда бы было нам возможно
Рожденным в русской быть стране
В сие благословенно время,
В которое Петрово семя,
Всех жен хвала Елисавет,
Сладчайший музам век дает.
В ней зрятя истинны доброты,
400 Геройство, красота, щедроты».

Что толь приятный сон смущает,
Восторг пресладкий гонит прочь,
И что спокойну брань скрывает,
И отвращает ясну ночь?
Возносит восток и запад клики!
Согласно разные языки
Гласят к монархине своей:
Господь ущербом наших дней
Умножь твои дражайши лета
410 К отраде и защите света!

Когда бы древни веки знали
Твою щедроту с красотой,



Коронация Елизаветы Петровны

Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный в храме образ твой.
Что ж будущие скажут роды?
Покрыты кораблями воды
И грады, где был прежде лес,
Возвысят глас свой до небес:
Великий Петр нам дал блаженство,
420 Елисавета совершенство.

Целуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желал:
Ты паки зришь императрицу,
Что в сердце завсегда держал.
Не так поля росы желают,
И в зной цветы от жажды тают,
Не так способных ветров ждет

Корабль, что в тихий порт плывет,
Как сердце наше к ней пылало,
430 Чтоб к нам лице ее сияло.

Красуйся, дух мой восхищенный,
И не завидуй тем творцам,
Что носят лавр похвал зеленый;
Доволен будь собою сам:
Твою усерднейшую ревность
Ни гнев стихий, ни мрачна древность
В забвении не могут скрыть,
Котору будут век хранить
Дела Петровой дщери громки,
440 Что станут позны честь потомки.

Между 26 сентября и 20 декабря 1742 г.

ОДА
НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА
1743 ГОДА

Уже врата отверзло лето,
Натура ставит общий пир,
Земля и сердце в нас нагрето,
Колеблет ветви тих зефир,
Объемлет мягкий луг крылами,
Крутится чистый ток полями,
Брега питает тучный ил,
Древа и цвет покрылись медом,
Ведет своим довольство следом
10 Поспешно ясный вождь светил.

Но, о небес пресветло око,
Веселых дней прекрасный царь!
Как наша радость, встань высоко,
Пролей чистейший луч на тварь,
В прекрасну облекись порфиру,
Явись великолепен миру
И в новом блеске вознесись,
В златую седши колесницу,
В зенит вступи, прешед границу,
20 И позже в Океан спустишь,

И тем почти Петрова внука;
Сияй, как наш веселый дух
Горит от радостного звука,
Который в наш внушает слух
Младого шум Орла паряща
И предкам вслед взлететь спешаща,
На мир воззреть, искать побед.
Он выше бурь и туч промчится,
Против перунов ополчится,
30 Одним обозрит взглядом свет.

Какой веселый лик приходит?
Се вечность от пространных недр
Великий ряд веков приводит:
В них будет жить Великий Петр
Тобой, великий князь российский.
К тебе весь норд и край азийский
Воскресшу прежню чтит любовь.
Как в гроб лице Петрово скрылось,
В сей день веселя солнце тмилось,
40 Но днесь тобою светит вновь.

Тебе Россия вся открыла,
Клянущийся Вышнего рукой:
«Я в сердце много лет таила,
Что мне достоин жить тобой.
Мне полдень с утром вдруг вступает,

Весна цветы и плод являет
В возлюбленной душе твоей.
Но грудь пронзит народов лъстивных
Ужасный луч в полки противных,
50 Блистая из твоих очей.

Возвысится, как кедр высокий,
Над сильных всех твоя глава;
Ты, как змию, попрешь пороки,
Пятой наступишь ты на Льва.
Твоими сам Господь устами
Завет вовек поставит с нами;
И крепче Мавританских гор
Твои плечи, Петром скреплены
И силой свыше облечены,
60 Надежный будут нам подпор.

Прострешь свои державны длани
Ко Вышнему за нас в церквах.
Покажешь меч и страх в день брани,
Подобно как твой дед в полках.
Премудрость сядет в суд с тобою,
Изгонит лесь и ков с хулою.
И мужество твои чресла
Скрепит для общей нашей чести,
Защитит нас к противных мест,
70 Дабы исторгнуть корень зла.

Под инну Трою вновь приступит
Российский храбрый Ахиллес,
Продерзкий меч врагов притупит,
Хвалою взойдет к верху небес.
Отрада пойдет вслед отраде
В Петровом свету страшном граде,
И плески плескам весть дадут:
Господь щедроты в нас пробавит
И больше нас тобой прославит,
80 Как с трепетом враги падут.

Мой дух течет к пределам света,
Охотой храбрых дел пленен,
В восторге зрит грядущи лета
И грозный древних вид времен:
Холмов Ливанских верх дымится!
Там Наввин иль Сампсон стремится!
Текут струи Евфратски вспять!
Он тигров челюсти терзает,
Волнам и вихрям запрещает,
90 Велит луне и солнцу стать.

Фиссон шумит, Багдад пылает,
 Там вопль и звуки в воздух бьют,
 Ассирски стены огонь терзает,
 И Тавр, и Кавказ в понт бегут.
 Един трясет свирепым югом
 И дальным восточных стран округом
 Сильнейший гор, огня, ветров,
 Отмститель храбр врагов сварливых,
 Каратель стран, в союзе лживых,
 100 Российский род и плод Петров.

Однако если враг оставит
 Коварну зависть сам собой,
 То нас желанный мир прославит,
 И тем возвысит нас герой.
 Стихии, ярость укрочайте,
 Туманы, в ясны дни растайте,
 Являй веселый, небо, зрак,
 Целуйтесь, громы, с тишиною,
 Упейся, молния, росой,
 110 Стань, ряд планет, в счастливый знак.

В брегах да льются тихо реки,
 Не смея чрез предел ступить;
 Да придут все страны далеки
 С концев земных тебе служить.
 Воззри на света шар пространный,
 Воззри на понт, тебе подсланный,

Воззри в безмерный круг небес:
 Он зыблется и помавает
 И славу зреть твою желает
 120 Светящих тьмами в нем очес.

Воззри на труд и громку славу,
 Что свет в Петре неложно чтит;
 Нептун познал его державу,
 С Минервой сильный Марс гласит:
 «Он бог, он бог твой был, Россия,
 Он члены взял в тебе плотския,
 Сошед к тебе от горних мест;
 Он ныне в вечности сияет,
 На внука весело взирает,
 130 Среди героев, выше звезд».

Творец и царь небес безмерных,
 Источник лет, веков отец,
 Услыши глас россиян верных
 И чисту искренность сердец!
 Как если сей предел положен,
 Что выше степень не возможен,
 Куда делами Петр восшел,
 Яви сию щедроту с нами,
 Да превзойдет его летами
 140 Наследник имени и дел.

Лето 1743 г.



Вид Аничкова дворца и Невского проспекта

ОДА

НА ДЕНЬ БРАЧНОГО СОЧЕТАНИЯ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА И ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЯ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ 1745 ГОДА

Не сад ли вижу я священный,
В Эдеме Вышним насаженный,
Где первый узаконен брак?
В чертог богиня в славе входит,
Любезнейших супругов вводит,
Пленяющих сердца и зрак.
В одном геройской дух и сила
Цветут во днях уже младых,
В другой натура истощила
10 Богатство всех красот своих.

Исполнил Бог свои советы
С желанием Елисаветы:
Красуйся светло, русский род.
Се паки Петр с Екатериной
Веселья общего причиной:
Ликуйте, сонмы многих вод.
Рифейских гор верхи неплодны,
Одейтесь в нежный цвет лилей;
Пустыни и поля безводны,
20 Излейте чистый ток ключей.

На востоке, западе и юге,
Во всем пространном света круге
Ужасны российские полки,
Мечи и шлемы отложите
И в храбры руки днесь возьмите
Зелены ветви и цветки.
Союзны царства, утверждайте
В пределах ваших тишину,
Вы, бурны вихри, не держайте
30 Подвигнуть ныне глубину.

Девииц и юнош красных лики,
Вносите радостные клики
По мягким тихих рек брегам:
Пусть глас веселый раздастся,
Пусть сей приятный глас промчится
По холмам, рощам и лугам:
К утехе русского народа
Петра с Екатериной вновь
Считает счастье и порода,
40 Пригождство, младость и любовь.

Как сладкий сон вливает в члены,
Чрез день трудами изнуренны,
Отраду, легкость и покой,
Так мысль в веселье утопает.
О коль прекрасен свет блистает,
Являя вид страны иной!
Там мир в полях и над водами,

Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Между млечными облаками
50 Сияет золото и лазурь.

Кристаллы горы окружают,
Струи прохладны обтекают
Усыпанный цветами луг.
Плоды, румянцем испещренны,
И ветви, медом орошенны,
Весну являют с летом вдруг.
Восторг все чувства восхищает!
Какая сладость льется в кровь?
В приятном жаре сердце тает!
60 Не тут ли царствует любовь?

И горлиц нежное вздыханье,
И чистых голубиц лобзанье
Любви являют тамо власть.
Древа листьями помавают,
Друг друга ветвями обнимают,
В бездушных зрю любовну страсть!
Ручьи вослед ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся
70 И, слившись меж собой, журчат.

Нарцисс над ясною водою
Пленен своею красотою,
Стоит любясь сам собой.
Зефир, как ты по берегу дуешь,
Стократ листки его целуешь
И сладкой те кропишь росой.
Зефир, сих нежных мест хранитель,
Куда свой правишь с них полет?
Зефир, кустов и рощ любитель,
80 Что прочь от них тебя влечет?

Он легкими шумит крылами,
Взвивается под небесами
И льет на воздух аромат;
Царицу мест любовь сретает,
Порфиру и власы взвеваает;
Она спешит в свой светлый град.
Индийских рек берега веселы,
Хоть вечно вас весна пестрит,
Не чудны ваши мне пределы,
90 Мой дух красу любви зрит.

Как утрення заря сияет,
Когда день ясный обещает,
Румянит синий горизонт;

Лице любви толь прекрасно,
В ночи горят коль звезды ясно
И проницают тихий понт;
Подобно сей царицы взгляды
Сквозь души и сердца идут,
С надеждой смешанны отрады
100 В объаты страстью мысли льют.

Белейшей мрамора рукою
Любовь несет перед собою
Младых супругов светлый лик.
Сама, смотря на них, дивится,
И полк всех нежностей теснится
И к оным тщательно приник.
Кругом ее умильны смехи
Взирающих пленяют грудь,
Приятности и все утехи
110 Цветами устилают путь.

Усердна верность принимает
Носимый лик и поставляет
На крепких мраморных столпах,
Сребром чистейшим обведенных
И так от века утвержденных,
Как в тяжких Таврских нутр горах,
Бурливых вихрей не боится
И презирует молний блеск,
От мрачных туч бежать не тщится,
120 В ничто вменяет громов треск.

Не сам ли в арфу ударяет
Орфей, и камни оживляет,
И следом водит хор деревьев?
Любовь, и с нею восклицают
Леса, и громко возвышают
Младых супругов до небес.
В пригорках быют ключи прозрачны,
Сверкая в солнечных лучах,
И сыплют чрез долины злачны,
130 Чем блещет Орм в своих краях.

Кастальски нимфы ликовствуют,
С любовью купно торжествуют
И движут плесками Парнас;
Надежда оных ободряет,
Надежда тверда возбуждает
Возвысить громко брачный глас.
Надежда обещает явно;
Оне себе с весельем ждут
Иметь в России имя славно,
140 Щедротой ободренный труд.

О ветвь от корене Петрова!
Для всех полночных стран покров
Благополучно возрастай.
О щедрая Екатерина,
Ты процветай краснее крина
И сладки нам плоды подай.
От вас Россия ожидает
Счастливых и спокойных лет,

На вас по всякой час взирает
150 Как на всходящий дневный свет.

Теперь во всех градах российских,
По селам и в степях Азийских
Единогласно говорят:
Как Бог продлит чрез вечно время
Дражайшее Петрово племя,
Счастлива жизнь и наших чад;
Не будет страшныя премены,
И от российских храбрых рук
Рассыплются противных стены
160 И сильных изнеможат лук.

Петр силою своей десницы
Российски распрострет границы
И в них спокойство утвердит.
Дражайшия его супруги
Везде прославятся заслуги,
И свет щедрота удивит.
Он добродетель чрез награду
В народе будет умножать;
Она предстательством отраду
170 Потщится бедным подавать.

От Иберов до вод Курильских,
От вечных льдов до токов Нильских,
По всем народам и странам
Ваш слух приятный протекает,
Языки многи услаждает,
Как благовонный фимиам.
Коль сладко путник почивает
В густой траве, где ключ течет,
Свое так сердце утешает,
180 Смотря на вас Елисавет.

С горящей, солнце, колесницы,
Низвед пресветлые зеницы,
Пространный видишь шар земной,
В Российской ты державе всходишь,
Над нею дневный путь преводишь
И в волны кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидетель,
Ты зришь усердий наших знак,
Что ныне нам послал содетель
190 Чрез сей благословенный брак.

О Боже, крепкий Вседержитель!
Подай, чтоб россов обновитель
В потомках вечно жил своих:
Воспомяни его заслуги
И, преклонив небесны круги,
Благослови супругов сих.
С высот Твоих Елисавете
Пошли святую благодать,
Сподоби ту в грядущем лете
200 Петрова первенца лобзать.

ДНОМ.



А. Чориков. Восшествие на престол Елисаветы Петровны

Я духом зрю минувше время,
Там грозный злится исполин
Рассыпать земнородных племя
И разрушить натуры чин!
Он ревом бездну возмущает,
Лесисты с мест бугры хватает
И в твердь сквозь облака разит.
Как Этна в ярости дымится,
Так мгла из челюстей курится
100 И помрачает солнца вид.

Но, о прекрасная планета,
Любезное светило дней!
Ты ныне, чрез пределы света
Простерши блеск твоих лучей,
Спасенный север освещаешь
И к нам веселый вид склоняешь,
Взирая на Елисавет
И купно на ее доброты:
От ней текут на всех щедроты,
110 Как твой повсюду ясный свет.

О вы, недремлющие очи,
Стрегущие небесный град!
Вы бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спят,
Взираете сквозь тень густую
На целу широту земную.
Но чаю, что вы в оной час,

Впротив естественному чину,
Петрову зрели дочь едину,
120 Когда пошла избавить нас.

Сладка плодам во время зною
Прохлада влажные росы,
И сон под тенью древ густою
Приятен в жаркие часы;
Но вящу радость ощущает
Мой дух, когда воспоминает
Российския отрады день.
Еще приходит плеск во уши!
Пленяюща сердца и души
130 Тогдашней нощи зрится тень!

По стогам шумный глас несется
Елисаветиних похвал,
В полках стократно раздается:
Великий Петр из мертвых встал!
Мы пройдем с ним сквозь огонь и воды,
Предолим бури и погоды,
Поставим грады на реках,
Мы дерзкий взор врагов потупим,
На горды выи их наступим,
140 На грозных станем мы валах.

Коль наша радость справедлива!
Нас красит сладостный покой;
О коль, Россия, ты счастлива

Елисаветиной рукой!
Противны сил ее страшатся
И купно милости чудятся.
Таков Екатеринин лик
Был щедр и кроток и прекрасен;
Таков был Петр врагам ужасен,
150 Своим отец, везде велик.

Что вы, о позные потомки,
Помыслите о наших днях?
Дела Петровой дщери громки
Представив в мысленных очах
И видя зрак изображенный,
Среди героев вознесенный,
Что молвите между собой?
Не всяк ли скажет быть чудесно,
Увидев мужество совместно
160 С толикой купно красотой?

Велико дело есть и знатно
Сердца народов привлеци,
И странно всем и непонятно
Полсвета взять в одной нощи!
Но кое сердце толь жестоко,
Которо б сей богини око
Не сильно было умягчить?
И кая может власть земная,
На дщерь и дух Петров взирая,
170 Себя противу ополчить?

Пять крат под счастливой державой
Цветами красилась земля;
Стократной облеклися славой
Российски грады и поля:
Стоят трофеи вознесенны,
Цветут оливы насажденны
Елисаветиной рукой,

Что новых светов достигает;
От той Европа ожидает,
180 Чтоб в ней восставлен был покой.

Хотя от смертных сокровенно
Грядущих бытие вещей;
Однако сердце, просвещенно
Величеством богини сей,
На будущие дни взирает
И больше счастье предвещает.
Конец увидим оных дел:
Что ради нашего блаженства
На верх поставить совершенства
190 Всходящий в небо Петр велел.

Кто может все хвалы достойно
Сея монархини сказать;
Чья муза толь красно и стройно
Пред нею может возыграть?
Я лиру ныне подвергаю
Стопам ее и возглашаю:
«Подай, о сильно божество!
Да узрят многих лет округи
Ее к Отечеству заслуги
200 И светло днешне торжество.

Да возрастет ее держава,
Богатство, счастье и полки
И купно дел геройских слава,
Как ток великия реки
Чем дале бег свой простирает,
Тем больше вод в себя вмещает
И множество градов поит;
Разлившись, на поля восходит,
Обильный тук на них наводит
210 И жатвы щедро богатит».

Конец 1746 г.

ОДА
НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, 1746 ГОДА

В сей день, блаженная Россия,
Любезна небесам страна,
В сей день от высоты святых
Елисавет тебе дана,
Воздвигнуть нам Петра по смерти,
Гордыню сопостатов стерти
И в ужас оных привести,
От грозных бед тебя избавить,
Судьей над царствами поставить
10 И выше облак вознести.

О дочь гремящего над нами,
О мати всех племен земных,
Натура, чудная делами,
Как если таин ты своих
Меня достойным быть судила,
И если слаба мыслей сила
Проникнуть может в твой чертог,
Представь мне оную годину
И купно бег светил по чину,
20 Как Вышний дал нам сей залог.

Сквозь тучи бывшая печали,
Что лютый рок на нас навел,
Как горы о Петре рыдали
И понт в брегах своих ревел,
Сквозь страшны россам перемены,
Сквозь прах, войнами возмущенный,
Я вижу тот пресветлый час:
Там круг молодой Елисаветы
Сияют счастливы планеты,
30 Я слышу там натуре глас.

Седя на блещущем престоле,
Составленном из твердых гор,
В пространном всех творений поле
Между стихий смиряет спор;
Сосцами реки проливает
И теми всяку тварь питает.
Зелену ризу по лугам
И по долинам расширяя,
Из уст зефирами дыхая,
40 С веселием вещает к нам:

«Я с вами ныне торжествую,
Мне сих часов краснее нет,
Что героиню таковую
В сей день произвела я в свет.
В ней хитрость вся моя и сила
Возможность крайню положила;
Я избрала счастливой знак

Надежду показать нелесну:
В пространну высоту небесну
50 Прилежно возведите зрак.

Се солнце бег свой пременяет
И к вам течет умножить день,
На север взор свой обращает
И оным прогоняет тень,
Являя, что Елисавета
В России усугубит света
Державой и венцем своим.
Эрмий, наукам предводитель,
И Марс, на брани победитель,
60 Блещут совокупно с ним.

Там муж, звездами испещренный,
Свой светлый напрягает лук,
Диана стрелы позлащенные
С ним мечет из прекрасных рук.
Се небо показывает ясно,
Коль то с добротами согласно
Рожденные в признаках сих:
От ней геройство с красотою
Повсюду миром и войною
70 Лучи пускают дней златых».

Сие предвестие природы
Хотя представило тогда,
Что ты возвеселишь народы,
О глав венчаных красота!
Но вяща радость восхищала
Взирающих и оживляла,
Когда даров твоих признак
Надежнее в лице открылся,
Что точно в нем изобразился
80 Родителей великих зрак.

В тебе прекрасный дом создали
Душе великой небеса,
Свое блистание влияли
В твои пресветлы очеса;
Лице всходящая денницы
И бодрость быстрыя Орлицы
И в нежнейших являлись днях;
Уже младенческие взгляды
Предвозвещали те отрады,
90 Что бедным нын отъемлют страх.

Ты суд и милость сопрягаешь,
Повинных с кротостью казнишь,
Без гневу злобных исправляешь,
Ты осужденных кровь щадишь.



Императрица Елизавета Петровна

Так Нил смиренно протекает;
Брегов своих он не терзает,
Но пользой выше прочих рек:
Своею сладкою водою,
В лугах зеленых пролитою,
100 Златой дает Египту век.

Как ясно солнце воссияло
Свой блеск впервые на тебя,
Уж счастье руку простирало,
Твои приятности любя,
Венец держало над главою
И возвышало пред тобою
Трофеи отческих побед,
Преславных чрез концы земныя.
Коль счастлива была Россия,
110 Когда воззрела ты на свет!

Тогда от радостной Полтавы
Победы русской звук гремел,
Тогда не мог Петровой славы
Вместить вселенныя предел,
Тогда вандалы побежденны
Главы имели преклоненны
Еще при пеленах твоих;
Тогда предъявлено судьбою,

Что с трепетом перед тобою
120 Падут полки потомков их.

О сладкой нежности обитель!
О вы, блаженные места,
Где храбрый готов победитель
Лобзал и в очи, и в уста
Впервые плод свой вожделенный,
Свой плод, меж лаврами рожденный,
Вас оных радостных времен
Любезна память улаждает,
И оный день вам пребывает
130 В бесчисленны веки незабвен.

Но се различные языки
От рек великих и морей
Согласные возносят клики,
К тебе, монархине своей,
Сердца и руки простирают
И многократно повторяют:
«Да здравствует Елисавет,
Для русской славы днесь рожденна,
Да будет свыше укреплена
140 Чрез множество счастливых лет».

Сие гласит тебе Россия
И купно с ней наук собор.
Предведущая Урания
Возводит кверху быстрый взор,
Небесны беги наблюдает
И с радостию составляет
Венец тебе из новых звезд.
Тебе искусство землемерно
Пространство показать безмерно
150 Незнаемых желает мест.

Парящей поэзии ревность
Дела твои превознесет,
Ни гнев стихий, ни ветха древность
Похвал твоих не пресечет;
Открыты естества уставы
Твоей умножат громкость славы,
Но всё художество свое
Тебе Иппократ посвящает
И усугубить тем желает
160 И век, и здравие твое.

Да будет тое неврединю,
Как верх высокия горы
Взирает непоколебимо
На мрак и вредные пары;
Не может вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть;
Взнесен к безоблачным странам,
Ногами тучи попирает,
Угрюмы бури презирает,
170 Смеется скачущим волнам.

ОДА
НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Держают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
10 Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
20 И зрак прекраснее рая.

Когда на трон она вступила,
Как Вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя приив облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойствием не меняюсь
30 На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
40 Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр

Чрез яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
50 Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищенна
60 Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятствия он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью погранну,
70 С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
80 Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
90 Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,

К несносной скорби наших душ
 Завистливым отторжен роком,
 Нас в плаче погрузил глубоко!
 Внушив рыданий наших слух,
 Верхи Парнасски восстали,
 И музы воплем провождали
 100 В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
 Сомненный их смущался путь;
 И токмо шествуя желали
 На гроб и на дела взглянуть.
 Но кроткая Екатерина,
 Отрада по Петре единая,
 Приемлет щедрой их рукой.
 Ах если б жизнь ее продлилась,
 Давно б Секвана постыдилась
 110 С своим искусством пред Невою!

Какая светлость окружает
 В толикой горести Парнас?
 О коль согласно там бряцает
 Приятных струн сладчайший глас!
 Все холмы покрывают лики;
 В долинах раздаются клики:
 Великая Петрова дочь
 Щедроты отчи превышает,
 Довольство муз усугубляет
 120 И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
 Когда число своих побед
 Сравнить сраженьям может воин
 И в поле весь свой век живет;
 Но ратники, ему подвластны,
 Всегда хвалы его причастны,
 И шум в полках со всех сторон
 Звучащу славу заглушает,
 И грому труб ее мешает
 130 Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
 Монархиня, принадлежит,
 Пространная твоя держава
 О как тебе благодарит!
 Воззри на горы превысоки,
 Воззри в поля свои широки,
 Где Волга, Днепр, где Обь течет;
 Богатство, в оных потаенно,
 Наукой будет откровенно,
 140 Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
 Когда Всевышний поручил
 Тебе в счастливое подданство,
 Тогда сокровища открыл,
 Какими хвалится Индия;
 Но требует к тому Россия

Искусством утвержденных рук.
 Сие злату очистит жилу;
 Почувствуют и камни силу
 150 Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
 Покрыта северная страна,
 Где мерзлыми борей крылами
 Твои взвевает знамена;
 Но Бог меж льдистыми горами
 Велик своими чудесами:
 Там Лена чистой быстриной,
 Как Нил, народы напоет
 И бреги наконец теряет,
 160 Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
 Творит натура чудеса,
 Где густостью животным тесны
 Стоят глубокие леса,
 Где в роскоши прохладных теней
 На пастве скачущих оленей
 Ловящих крик не разгонял;
 Охотник где не метил луком;
 Секирным земледелец стуком
 170 Поющих птиц не утруждал.

Широкое открыто поле,
 Где музам путь свой простирать!
 Твоей великодушной воле
 Что можем за сие воздать?
 Мы дар твой до небес прославим
 И знак щедрот твоих поставим,
 Где солнца восход и где Амур
 В зеленых берегах крутится,
 Желая паки возвратиться
 180 В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
 Надежда отверзает нам!
 Где нет ни правил, ни закону,
 Премудрость тамо зиждет храм;
 Невежество пред ней бледнеет.
 Там влажный флота путь белеет,
 И море тищится уступить:
 Колумб российский через воды
 Спешит в неведомы народы
 190 Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
 Реке подобен Океан;
 Небесной синевой одян,
 Павлина посрамляет вран.
 Там тучи разных птиц летают,
 Что пестротой превышают
 Одежду нежных весны;
 Питаясь в рощах ароматных
 И плавая в струях приятных,
 200 Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верхи Рифейски копием;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
210 Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
220 Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и на едине,
230 В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
240 С числом щедрот твоих сравнит.

Конец 1747 г.



Николаевский мост в Санкт-Петербурге



ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, 1748 ГОДА

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.
Благословенное начало
Тебе, богиня, воссияло.
И наших искренность сердец
Пред троном Вышнего пылает,
Да счастьем твоим венчает
10 Его средину и конец.

Да движутся светила стройно
В предписанных себе кругах,
И реки да текут спокойно
В тебе послушных берегах;
Вражда и злость да истребится,
И огонь и меч да удалится
От стран твоих и всякий вред;
Весна да рассмеется нежно,
И земледelec безмятежно
20 Сторичный плод да соберет.

С способными ветрами споря,
Терзать да не дерзнет борей
Покрывшего судами моря,
Пловущими к земли твоей.
Да всех глубокий мир питает;
Железо браней да не знает,
Служа в труде безмолвных сел.
Да злобна зависть постыдится,
И славе свет да удивится
30 Твоих великодушных дел.

Священны да хранят уставы
И правду на суде судьи,
И время твоея державы
Да ублажат раби твои.
Соседы да блюдут союзы;
И вам, возлюбленные музы,
За горьки слезы и за страх,
За грозно время и плачевно
Да будет радость повседневно,
40 При Невских обновясь струях.

Годину ту воспоминая,
Среди утех мятется ум!
Еще крутится мгла густая,
Еще наносит страшный шум!
Там буря искры завивает,
И алчный пламень пожирает
Минервин с громким треском храм!

Как медь в горниле, небо рдится!
Богатство разума стремится
50 На низ к трепещущим ногам!

Дражайши музы, отложите
Взводить на мысль печали тень;
Веселым гласом возгремите
И пойте сей великий день,
Когда в отеческой короне
Блеснула на российский троне
Яснее дня Елисавет;
Как ночь на полдень пременилась,
Как осень нам с весной сравнилась,
60 И тьма произвела нам свет.

В луга, усыпанны цветы,
Царица трудолюбных пчел,
Блестящими шумя крылами,
Летит между прохладных сел;
Стекается, оставив розы
И сотом напоенны лозы,
Со тщанием отвсюду рой,
Свою царицу окружает
И тесно вслед ее летает
70 Усердием вперенный строй.

Подобным жаром воспаленный
Стекался здесь российский род,
И, радостию восхищенный,
Теснясь, взирал на твой приход.
Младенцы купно с сединою
Спешили следом за тобою.
Тогда великий град Петров
В едину стогну уместился,
Тогда и ветер остановился,
80 Чтоб плеск всходил до облаков.

Тогда во все пределы света
Как молния достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух.
Тогда нестройные соседы
Отчаялись своей победы
И в мысли отступали вспять.
Монархиня, кто россов знает
И ревность их к тебе внимает,
90 Помыслит ли противу стать?

Что Марс кровавый не дерзает
Руки своей простерти к нам,
Твой он силы почитает

И власть, подобну небесам.
Лев ныне токмо зрит ограду,
Чем путь ему пресечен к стаду.
Но море нашей тишины
Уже пределы превосходит,
Своим избытком мир наводит,
100 Разлившись в западны страны.

Европа, утомленна в брани,
Из пламени подняв главу,
К тебе свои простерла длани
Сквозь дым, курение и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чем для блаженства смертных рода
Всевышний наш украсил век,
Склонилась для ее защиты,
И меч твой, лаврами обвитый,
110 Не обнажен, войну пресек.

Европа и весь мир свидетель,
Народов разных миллион,
Колика ныне добродетель
Российский украшает трон.
О как сие нас улаждает,
Что вся вселенна возвышает,
Монархиня, твои дела!
Народов твоя державы
Различна речь, одежда, нравы,
120 Но всех согласна похвала.

Единым гласом все взываем,
Что ты защитница и мать,
Твои доброты исчисляем,
Но всех не можем описать.
Когда воспеть щедроты тщимся,
Безгласны красоте чудимся.
Победы ль славить мысль течет,
Как пали готы пред тобою.
Но больше мирною рукою
130 Ты целой удивила свет.

Весьма необычайно дело,
Чтоб всеми кто дарами цвел:
Тот крепкое имеет тело,
Но слаб в нем дух и ум незрел;
В другом блистает ум небесный,
Но дом себе имеет тесный,
И духу сил недостает.
Иной прославился войною,
Но жизнью мир порочит злою
140 И сам с собой войну ведет.

Тебя, богиня, возвышают
Души и тела красоты,
Что в многих разделясь блистают,
Едина все имеешь ты.
Мы видим, что в тебе единой
Великий Петр с Екатериной

К блаженству нашему живет.
Похвал пучина отворилась!
Смущенна мысль остановилась,
150 Что слов к тому недостает!

Однако дух еще стремится,
Еще кипит сердечный жар,
И ревность умолчать стыдится:
О муза, усугубь твой дар,
Гласи со мной в концы земныя,
Коль ныне радостна Россия!
Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы;
Гремящей насыщенна славы,
160 Покоится среди лугов.

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Седит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет,
170 Возлегли лактем на Кавказ.

Се нашею, рекла, рукою
Лежит поверженный Азов;
Рушитель нашего покою
Огнем казнен среди валов.
Се знойные Каспийски бреги,
Где, варварски презрев набеги,
Сквозь степь и блата Петр прошел,
В средину Азии достигнул,
Свои знамена там воздвигнул,
180 Где день скрывали тучи стрел.

В моей послушности крутятся
Там Лена, Обь и Енисей,
Где многие народы тщатся
Драгих мне в дар ловить зверей;
Едва покров себе имея,
Смеются лютоści борей;
Чудовищам дерзают вслед,
Где верх до облак простирает,
Угрюмы тучи раздирает,
190 Поднявшись с дна морского, лед.

Здесь Днепр хранит мои границы,
Где гот гордящийся упал
С торжественных колесницы,
При коей в узах он держал
Сарматов и саксонов пленных,
Вселенну в мыслях вознесенных
Единой обращал рукой.
Но пал, и звук его достигнул
Во все страны, и страхом двинул
200 С Дунайской Вислу быстринной.

В стенах Петровых протекает
 Полна веселья там Нева,
 Венцем, порфирию блистает,
 Покрыта лаврами глава.
 Там равной ревностью пылают
 Сердца, как стогны все сияют
 В исполненной утех ночи.
 О сладкий век! О жизнь драгая!
 Петрополь, небу подражая,

210 Подобны испустил лучи.

Сие Россия восхищенна
 В веселии своем гласит:
 Москва едина на колена
 Упав, перед тобой стоит,
 Власы седые простирает,
 Тебя, богиня, ожидает,
 К тебе единой вопия:
 Воззри на храмы опаленны,
 Воззри на стены разрушенны;

220 Я жду щедроты твоя.

Гряди, краснейшая денницы,
 Гряди, и светлостью лица
 И блеском чистой багряницы
 Утешь печальные сердца,
 И время возврати златое.
 Мы здесь в возлюбленном покое
 К полезным припадем трудам.
 Отсутствуя, ты будешь с нами:
 Покрытым орлими крилами

230 Кто смеет прикоснуться нам?

Но если гордость ослепленна
 Дерзнет на нас воздвигнуть рог,
 Тебе, в женах благословенна,
 Против ее помощник Бог.
 Он верх небес к тебе преклонит
 И тучи страшные нагонит
 Во сретенье врагам твоим.
 Лишь только ополчишься к бою,
 Предъидет ужас пред тобою,
 240 И следом воскурится дым.

Конец 1748 г.



Императорский дворец в Царском Селе

ОДА,
В КОТОРОЙ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ
БЛАГОДАРЕНИЕ ОТ СОЧИНИТЕЛЯ ПРИНОСИТСЯ
ЗА ОКАЗАННУЮ ЕМУ ВЫСОЧАЙШУЮ МИЛОСТЬ
В САРСКОМ СЕЛЕ АВГУСТА 27 ДНЯ 1750 ГОДА

Какую радость ощущаю?
Куда я ныне восхищен?
Небесну пищу я вкушаю,
На верх Олимпа вознесен!
Божественно лице сияет
Ко мне и сердце озаряет
Блистающим лучом щедрот!
Коль нежно Флоры здесь богатство!
Коль сродно воздуха приятство
10 Богине красных сих высот!

Что ж се? Диане я прекрасной
Уже последую в лесах,
От коей хитростью напрасной
Укрыться хочет зверь в кустах!
Уже и купно со денницей
Великолепной колесницей
В безоблачных странах несусь!
Блаженство мыслям непонятно!
Благополучен многократно,
20 Когда нетчетным сном я льщусь!

Престань сомненьем колебаться.
Смятенный дух мой, и поверь:
Не ложны то мечтанья зрятся,
Но истинно Петрова дочь
К наукам матерски снисходит,
Щедрою в восторг приводит.
Ты, муза, лиру прими
И, чтоб услышала вселенна,
Коль жизнь наукам здесь блаженна,
30 Возникни, вознесись, греми.

Где древним именем Славена
Гордяся пролились струи,
Там видя нимфа изумленна
Украшенны луга свои,
Златые кровы оком мерит
И в ужасе себе не верит.
Но, каждую обозревши часть,
С веселием сие вещает:
«То само небо созидает
40 Или Петровой дщери власть».

Рекла и, влагу рассекая,
Пустилась тщательно к Неве;
Волна, во бреги ударяя,
Клубится пеною в траве.
Во храм, сияющий металлом,

Пред трон, украшенный кристаллом,
Поспешно простирает ход;
Венцем зеленым увязенной
И в виск, вещает, облеченной
50 Владычице российских вод.

Река, которой проливают
Великие озера дань
И кою громко прославляют
Во всей вселенной мир и брань!
Ты счастлива трудом Петровым;
Тебя и ныне красит новым
Рачием Елисавет.
Но малые мои потоки
Прими в себя, как Нил широкий,
60 Который из рая течет.

Мои источники венчает
Эдемской равна красота,
Где сад богиня насаждает,
Прохлады возлюбив места;
Поля, где небу подражают,
Себя цветами испещряют.
Не токмо нежная весна,
Но осень тамо юность года;
Всегда роскошествует природа,
70 Искусством рук побуждена.

Когда заря багряным оком
Румянец умножает роз,
Тогда на ветви высоко
И посреде зеленых лоз
Со свистом птицы воспевают,
От сна к веселью возбуждают,
Что царствует в моих лугах.
И солнце восходя дивится,
Цветы, меж коих Инд крутится,
80 Увидев при моих ключах.

В середине жаждающего лета,
Когда томит протяжный день,
От знойной теплоты и света
Прохладна покрывает тень,
Где ветви преклоняся зелены,
В союз взаимной сопряженны,
Отводят жаркие лучи.
Но коль великая отрада
И томным чувствам тут прохлада,
90 Как росу пьют цветы в ночи!

Елисаветиним добротам
 Везде подобна красота;
 Примера многим лишь щедротам
 Не смеет скудна дать вода
 И орошать скаканьем поля;
 Однако ежель оной воля
 Охоту ободрит мою,
 Великой в похвалу богине
 Я воды обрашу к вершине,
 100 Речет, и к небу устремлю.

Коль часто доли оживляет
 Ловящих шум меж наших гор,
 Когда богиня понуждает
 Зверей чрез трубный глас из нор!
 Ей ветры вслед не успевают;
 Коню бежать не воспевают
 Ни рвы, ни частых ветвей связь;
 Крутит главой, звучит браздами
 И топчет бурными ногами,
 110 Прекрасной всадницей гордясь!

Как если зданием прекрасным
 Умножить должно звезд число,
 Созвездием являться ясным
 Достойно Сарское Село.
 Чудовища, что лежковерным
 Раченьем древность и безмерным,
 Подняв на твердь, вместила там,
 Укройте за пределы света:
 Се зиждет здесь Елисавета
 120 Красу приличну небесам.

Великия Семирамиды
 Рассыпанна окружность стен,
 И вы, о горды пирамиды,
 Чем Нильский брег отягощен,
 Хотя бы чувства вы имели
 И чудный труд лет малых зрели,
 Вам не было бы тяжело то,
 Что строены вы целы веки:
 Вас созидали человеки,
 130 Здесь созидает божество.

Великолепными верхами
 Восходят храмы к небесам;
 Из них пресветлыми очами
 Елисавет сияет к нам;
 Из них во все страны взирает
 И на едине представляет
 Врученный свет под скипетр свой,
 Подобно как орел парящий
 От самых облак зрит лежащи
 140 Поля и грады под собой.

О коль правдиво возвышает,
 Монархиня, сей нимфа глас!
 Коль взор твой далеко блистает,

То ныне чувствовал Парнас,
 Как ты от мест преиспещренных
 И летней неге посвященных
 Воззрела матерски к нему.
 Являя такову щедроту,
 Колику к знаниям охоту
 150 Даешь народу твоему!

Что дым и пепел отрыгая,
 Мрачил вселенну Энцилад,
 Ревет под Этною рыдая
 И телом наполняет ад;
 Зевесовым пронзен ударом,
 В отчаянье трясется яром,
 Не может тяготу поднять,
 Великою покрыт горою,
 Без пользы движется под тою
 160 И тщетно силится восстать.

Так варварство твоим перуном
 Уже повержено лежит,
 Когда при шуме сладкострунном
 Поющих муз твой слух звучит,
 Восток и запад наполняет
 Хвалою твоей и возвышает
 Твои щедроты выше звезд.
 О вы, счастливые науки!
 Прилежны простирайте руки
 170 И взор до самых дальних мест.

Пройдите землю, и пучину,
 И степи, и глубокий лес,
 И нутр Рифейский, и вершину,
 И саму высоту небес.
 Везде исследуйте всечасно,
 Что есть велико и прекрасно,
 Чего еще не видел свет;
 Трудами веки удивите,
 И, сколько может, покажите
 180 Щедротою Елисавет.

Из гор иссеченны колоссы,
 Механика, ты в честь возвысь
 Монархам, от которых россы
 Под солнцем славой вознеслись,
 Наполни воды кораблями,
 Моря соедини реками
 И рвами блага иссуши,
 Военны облегчи громады,
 Петром основанные грады
 190 Под скиптром дщери соверши.

В земное недро ты, Химия,
 Проникни взора остротой,
 И что содержит в нем Россия,
 Драги сокровища открой;
 Отечества умножить славу
 И вяще укрепить державу

Спеша за хитрым естеством,
Подобным облакаясь цветом,
И что прекрасно токмо летом,
200 Ты сделай вечно мастерством.

В небесны, Урания, круги
Возвыси посреде лучей
Елисаветины заслуги,
Чтоб тамо в вечну славу ей
Сияла новая планета.
Российского пространство света
Собрав на малы чертежи,
И грады, оною спасенны,
И села, ею же блаженны,
210 География, покажи.

Наука легких метеоров,
Премены неба предвещай
И бурный шум воздушных споров
Чрез верны знаки предъявляй,

Чтоб земледелец выбрал время,
Когда земли поверить семя
И дать когда покой браздам;
И чтобы, не боясь погоды,
С богатством дальны шли народы
220 К Елисаветиным брегам.

А ты, возлюбленная лира,
Правдивым счастьем веселись,
К блистающим пределам мира
Шумящим звоном вознесись
И возгласи, что нет на свете,
Кто б равен был Елисавете
Таким блистанием хвалы.
Но что за громы ударяют?
Се глас мой звучно повторяют
230 Земля, и ветры, и валы!

Вторая половина 1750 или начало 1751 г.

ОДА
НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ
ВОШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1752 ГОДА

Российско солнце на восходе,
В сей обще вожделенный день,
Прогнало в ревностном народе
И ночи и печали тень.
Вспомнянув часы веселы,
Красуйтесь, счастливы пределы,
В сердцах усугубляйте жар.
Поля и горы, восклицайте
И совокупно возвышайте
10 Усердием небесный дар.

Что часто солнечным сравняем
Тебя, монархиня, лучам;
От нужды дел не прибегаем
К одним толь многократ речам:
Когда ни начинаем слово,
Сияние в тебе зрим ново
И нову красоту доброт.
Лишь только ум к тебе возводим,
Мы ясность солнечну находим
20 И многих теплоту щедрот.

Когда премудростью своею
Всевышний солнце сотворил,
Пути различны над землею
В течении определил.
Согрев полночну часть Европы,
Сияет в южны Эфиопы
И паки к нам приходит вспять;

Полсвета дневной теплотою,
Полсвета тучной в ночь росую
30 Премменно тщится оживлять.

Так ты, монархиня, сияешь
В концы державы твоея,
Когда по оным протекаешь,
Отраду, радость, жизнь дая.
От славных вод Балтийских края
К востоку путь свой простирая,
Являешь полдень над Москвой.
Ты многим как заря восходишь,
Иным прохладну тень наводишь
40 И обще всем даешь покой.

В пути, которым пролетаешь,
Как быстрой в высоте орел,
Куда свой зрак ни обращаешь,
По множеству градов и сел,
От всех к тебе простерты взоры,
Тобой всех полны разговоры,
К тебе всех мысль, к тебе всех труд.
Дитя родивших вопрошает:
Не тая ли на нас взирает,
50 Что матерю все зовут?

Иной от старости нагбенный
Простерть старается хребет,
Главу и очи утомленны

Возводит, где твой блещет свет.
 Сам видя возраст бессловесный,
 Монархиня, твой зрак небесный
 Любезну оставляет грудь;
 Чего язык не изъясняет,
 Усмешкой то изображает,
 60 Последую очами в путь.

Среди наследных державы,
 На древней предков высоте,
 Во громком звуке вечной славы,
 В любезной мира красоте,
 Надеясь твоего прихода,
 Колико множество народа
 Тебе во сретенье течет!
 Встают верхи Рифейски выше;
 Течет Двина, Днепр, Волга тише,
 70 Желая твой увидеть свет.

Но вы, о коль благополучны,
 Москву поящие струи!
 Вы, ударяючи во бреги тучны
 И проходя поля свои,
 Ликуйте, светло веселитесь:
 Вы скоро, скоро насладитесь
 Богини щедрья очей.
 Здесь нимфы Невской Иппокрены,
 Видения ее лишены,
 80 Сердцами пойдут вслед за ней.

Сердцами пойдут и устами
 В восторге сладком возгласят,
 Коль славными она делами
 Петров распространила град;
 И как о светлом оной взоре
 Возвеселясь, подвижилось море
 И к звуку приложило шум.
 Каким необычайным треском,
 Каким молниевидным блеском
 90 Восхитился внезапно ум?

Кто в громе радостные клики
 И огонь от многих вод дает?
 И кто ведет в перунах лики?
 Великая Елисавета
 Дела Петровы совершает
 И глубине повелевает
 В средину недр земных вступить!
 От гласа росския Паллады
 Подвиглись сильные громады
 100 Врата пучине отворить!

О полны чудесами веки!
 О новость непонятных дел!
 Текут из моря в землю реки,
 Натуры нарушив предел!
 Уже в них корабли вступают,
 От коих волны отбегают,

И стонет страшный Океан.
 Помысли, земнородных племя,
 Бывал ли где в минувше время
 110 Пример сего чуднее дан?

Помысли, зря дела толики
 И труд, что можем понести,
 Что может ныне Петр Великий
 Чрез дочь свою произвести!
 Напрасно строгая природа
 От нас скрывает место входа
 С берегов вечерних на восток.
 Я вижу умными очами:
 Колумб российский между льдами
 120 Спешит и презирает рок.

Там счастье Елисаветы
 Предходит кораблям в пути,
 Отводит всех стихий наветы
 И вслед себе велит идти.
 Ни бури, мразом изощренны,
 Ни волны, льдом отягощенны,
 Против его не могут стать!
 Божественны ее щедроты
 К чему не могут нам охоты
 130 И сил непобедимых дать?

О вы, российски героини,
 Что в вечности превыше звезд
 Сияете уже богини,
 Земных оставя низкость мест!
 Вы пола превышая свойство,
 Явили мужеско геройство
 Чрез славные свои дела.
 Воззрите с высоты святых,
 Коль светло в наши дни Россия
 140 Петровой дочью процвела!

Супружню, Ольга, смерть отмщая,
 Казнишь искусством Искорест
 И, тьмы неверства избегая,
 Спешишь до просвещенных мест.
 Премудрость, храбрость и святыня
 Тобой, блаженная княгиня,
 Из древности сияет к нам.
 Твои в делах святых веры
 Дает Петрова дочь примеры;
 150 Но мстит умеренно врагам.

Елена, грозного героя
 Великая делами мать,
 Среди врагов ты грады строя
 Россию тщила защищать.
 Напрасно дерзки сопостаты,
 Свирепы орды и сарматы,
 Стремились на твое вдовство:
 Сыновняя тобою младость
 Была странам российским радость,
 160 Врагам ужасно сиротство.

Ты, многой силой защищаясь,
Сдержала злость врагов твоих;
Елисавета, возвышаясь
На трон, низвергнула своих;
И ныне посреде покоя
Прекрасны храмы, грады строя,
Россию тщится украшать.
Один российских воинств следы
И чудные ее победы

170 Противных могут утешать.

И ты, в женах благословенна,
Чрез кою храбрый Алексей
Нам дал монарха несравненна,
Что свет открыл России всей,
Велика тем, что ты родила;
Но больше, что нам сохранила
Петра от внутренних врагов!
Мы ныне в страхе обмираем,
Когда злодеев представляем

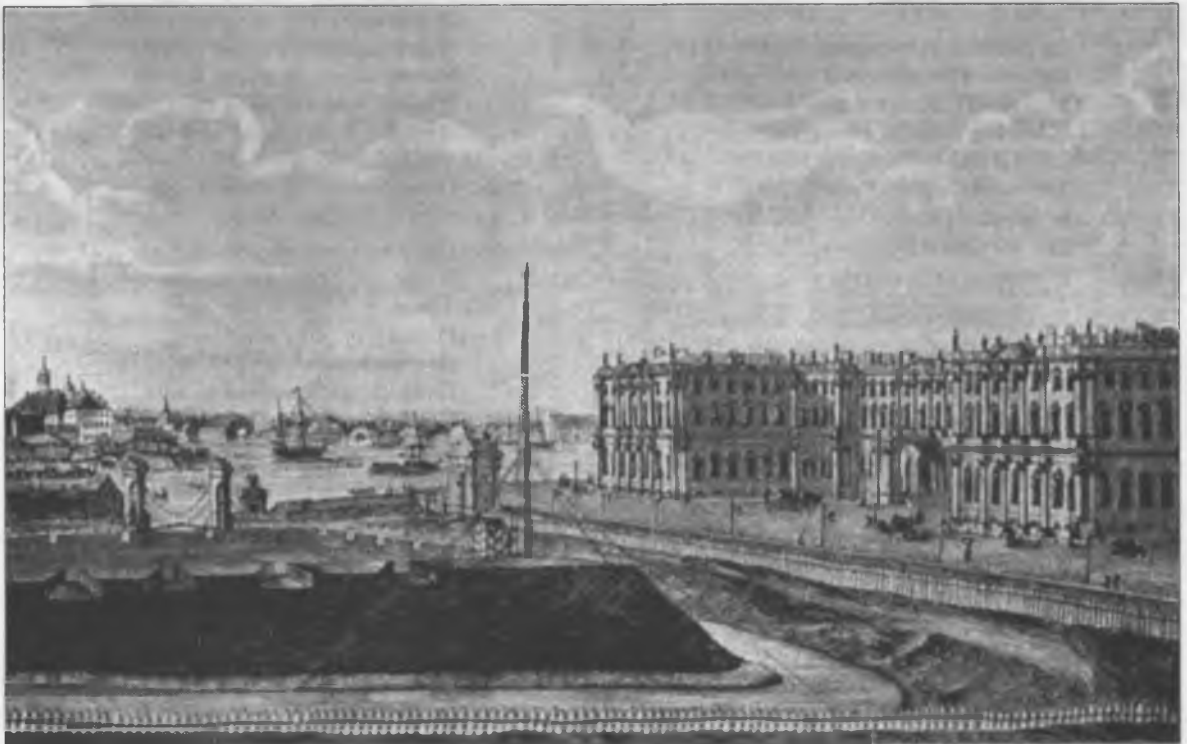
180 Рыкающих, как лютых львов!

Воззри на венценосну внуку,
Что, злых советы разоря,
Приемлет скиптр в геройску руку,
Другую движет чрез моря;
Противных силы утешает,

Петра в Россию возвращает,
Коварства их рассыпав мрак;
Путем приводит безопасным;
С плесканием везде согласным
190 Крепит наследие и брак.

О ты, которого Россия
Давно от чресл Петровых ждет,
Для коего мольбы святая
Елисавета к Богу льет,
Гряди, гряди, гряди поспешно:
О сем едином безутешно
Вздыхают россы всякой час!
О небо, предвари судьбину,
Снабди плодом Екатерину,
200 Внуши народов многих глас!

Великих, славных, несравненных
Участница Петровых дел,
Екатерина, погруженных
Нас в горести, как он отшел,
Утешила ты в слезно время,
Нося толь тягостное бремя,
Что сам он на тебя взложил.
Возвеселися ныне тою,
Котору он для нас тобою
210 Подобну обоим родил.



Новый Зимний дворец, построенный в конце царствования Елизаветы Петровны

Что должно оной по наследству,
 Геройством возмогла дойти.
 Какому ты подверглась бедству,
 Монархиня, чтоб нас спасти.
 Мы час тот ныне представляем;
 Представив, вне себя бываем:
 Надежда, радость, страх, любовь
 Живит, крепит, печалит, клонит,
 Противна страсть противну гонит,
 220 Густеет и кипит в нас кровь!

Однако в силах Бог великий
 Тебе венец, нам радость дал;
 В тебе одной хвалы толики
 Российских героинь послал.
 В тебе одной всех почитаем;
 И к Вышнему всегда зываем:
 Подай Елисавете век
 Обилен, радостен, спокоен,
 Таков, коль долго жить достоин
 230 Тебе подобный человек!

Вторая половина 1752 г.

ОДА НА РОЖДЕНИЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА СЕНТЯБРЯ 20 1754 ГОДА

Надежда наша совершилась,
 И слава в путь свой устремилась.
 Спеши, спеши, о муза, вслед
 И, лиру согласив с трубою,
 Греми, что Вышнего рукою
 Обрадован российский свет!
 На глас себя он наш склоняет,
 На жар, что в искренних сердцах:
 Петрова первенца лобзает
 10 Елисавета на руках.

Се радость возвещают звуки!
 Воздвиг Петрополь к небу руки,
 Веселыми устами рек:
 «О Боже, буди препрославлен!
 Сугубо ныне я восставлен,
 Златой мне усугублен век!»
 Безмерна радость прерывала
 Его усерднейшую речь
 И нежны слезы испускала,
 20 В восторге принуждая течь.

Когда на холме кто высоком
 Седя, вокруг объемлет оком
 Поля в прекрасный летний день,
 Сады, долины, рощи злачны,
 Шумящих вод ключи прозрачны
 И древ густых прохладну тень,
 Стада, ходящи меж цветами,
 Обильность сельского труда
 И желты класы меж браздами;
 30 Что чувствует в себе тогда?

Так ныне град Петров священный,
 Толиким счастьем восхищенный,
 Восшед отрад на высоту,
 Вокруг веселия считает
 И края им не обретае;

Какую зрит он красоту!
 Там многие народа лики
 На стогнах ходят и брегах;
 Шумят там праздничные клики
 40 И раздаются в облаках.

Там слышны разны разговоры.
 Иной, взводя на небо взоры:
 «Велик Господь мой, — говорит, —
 Мне видеть в старости судилось
 И прежде смерти приключилось,
 Что в радости Россия зрит!»
 Иной: «Я стану жить дотоле
 (Гласит, молодой свой зная век),
 Чтобы служить под ним мне в поле,
 50 Огонь пройти и быстрость рек!»

Уже великими крылами
 Парящая над облаками
 В пределы слава стран звучит.
 Труды народы оставляют
 И гласу новому внимают,
 Что промысл им чрез то велит?
 Пучина преклонила волны,
 И на берегах умолкнул шум;
 Безмолвия все земли полны;
 60 Внимает славе смертных ум.

Но грады российские в надежде,
 Котора их питала прежде,
 Подвиглись слухом паче тех;
 Верхами к высоте несутся
 И тщатся облакам коснуться.
 Москва, стоя в середине всех,
 Главу, великими стенами
 Венчанну, взводит к высоте,
 Как кедр меж низкими древами,
 70 Пречудна в древней красоте.

Едва желанную отраду
Великому внушил слух граду,
Отверстием священных уст,
Трясуши сединой, вещает:
«Теперь мне небо утверждает,
Что дом Петров не будет пуст!
Он в нем вовеки водворится;
Премудрость, мужество, покой,
И суд, и правда воцарится;
80 Он рог до звезд возвысит мой».

Сие все грады велегласно,
Что время при тебе прекрасно,
Монархиня, живут и чтят;
Сие все грады повторяют
И речи купно сообщают,
И с ними села все гласят,
Как гром от тучей удаленных,
В горах раздавшись, множит слух,
Как брег шумит от волн надменных
90 По буре, укротевшей вдруг.

Ты, слава, дале простираясь,
На запад солнца устремляясь,
Где Висла, Рен, Секвана, Таг,
Где славны войск российских следы,
Где их еще гремят победы,
Где верный друг, где скрытый враг,
Везде рассыплешь слухи громки,
Коль много нас ущедрил Бог!
Петра Великого потомки
100 Даются в милости залог.

Что росссов мужество крепится;
И ныне кто лишь возгордится,
Сугубу ревность ощутит!
Не будет никому измены;
Падут в дыму противных стены,
Погибнет в прахе древний вид.
Ты скажешь, слава справедлива,
Во весь сие вострубишь свет;
Меня любовь нетерпелива
110 Обратно в град Петров зовет.

Богиня власти несравненной,
Хвала и красота вселенной,
Отрада росссов и любовь!
В восторге ныне мы безмерном,
Что в сердце ревностном и верном
И в жилах обновилась кровь.
Велика радость нам родилась!
Но больше с радостью твоей
О как ты сим возвеселилась!
120 Коль ясен был твой свет очей!

Когда ты на престол достигла,
Петра Великого воздвигла
И жизнь дала ему собой.
Он паки ныне воскресает,

Что в правнуче своем дышает
И род в нем восставляет свой.
Мы долго обоих желали!
Лишались долго обоих!
Но к общей радости прияли,
130 О небо, от щедрот твоих!

А вам, дражайшие супруги,
Вам плещут ныне лес и луги,
Вам плещут реки и моря.
Представьте радость вне и в граде,
Взаимно на себя в отраде
И на младого Павла зря.
Зачни, дитя, зачни любезно
Усмешкой родших познавать:
Богов породе бесполезно
140 Не должно сроку ожидать.

Расти, расти, расти, крепися,
С великим прадедом сравнися,
С желаньем нашим восходи.
Велики суть дела Петровы,
Но многие еще готовы
Тебе остались наперед.
Когда взираем мы к востоку,
Когда посмотрим мы на юг,
О коль пространность зрим широко,
150 Где может загреметь твой слух!

Там вокруг облег Дракон ужасный
Места святы, места прекрасны
И к облакам сто глав вознес!
Весь свет чудовища страшится,
Един лишь смело устремиться
Российский может Геркулес.
Един сто острых жал притупит
И множеством низвержет ран,
Един на сто голов наступит,
160 Восставит вольность многих стран.

Пространными Китай стенами
Закрыт быть мнится перед нами,
И что пустой земли хребет
От стран российских отделяет,
Он гордым оком к нам взирает,
Но в них ему надежды нет.
Внезапно ярость возгорится,
И огонь, и месть между стеной.
Сие всё может совершиться
170 Петрова племени рукой.

В своих увидишь предках явны
Дела велики и преславны,
Что могут дух природе дать.
Уже младого Михаила
Была к тому довольна сила
Упадшую Москву поднять
И после страшной перемены
В пределах удержать врагов,

Собрать рассыпанные члены
180 Такого множества градов.

Сармат с свирепостью своею
Трофеи отдал Алексею.
Он суд и правду положил,
Он войско правильное вскоре,
Он новой флот готовил в море,
Но всё то Бог Петру судил.
Сего к Отечеству заслуги
У всей подсолнечной в устах,
Его и кроткия супруги

190 Пример зрим в наших временах.

Пример в его великой дочери.
Широки та отверзла двери
Наукам, счастью, тишине.
Склоняясь к общему покою,
Щедротой больше, как грозою,
В российской царствует стране.
Но ты, о гордость вознесенна,
Блюдися с хитростью своею.
Она героями рожденна,

200 Геройской дух известен в ней.

Но ныне мы, не зная брани,
Прострем сердца, и мысль, и длани
С усердным гласом к небесам.
«О, Боже, крепкий Вседержитель,

Пределов русских расширитель,
Коль милостив бывал ты нам!
Чрез семь сот лет едино племя
Ты с русским скиптром сохранил;
Продли сему по мере время,
210 Как ныне Россию расширил.

Воззри к нам с высоты святая,
Воззри, коль широка Россия,
Которой дал ты власть и цвет.
От всех полей и рек широких,
От всех морей и гор высоких
К тебе зывали девять лет.
Ты подал отрасль нам едину;
Умножа благодать, пошли
И впредь с Петром Екатерину

220 Рождением возвесели.

Пред мужем, некогда избанным,
Ты светом клялся несозданным
Хранить вовек престол и плод.
Исполни то над поздним светом
И таковым святым обетом
Благослови российский род.
Для толь великих стран покою,
Для счастья множества веков
Поставь, как солнце пред тобою

230 И как луну, престол Петров».

Сентябрь 1754 г.

ОДА
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ
ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ,
САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ,
НА ПРЕСВЕТЛЫЙ И ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК
РОЖДЕНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА И ДЛЯ ВСЕРАДОСТНОГО РОЖДЕНИЯ
ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АННЫ ПЕТРОВНЫ,
ПОДНЕСЕННАЯ ОТ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1757 ГОДА

Красуйтесь, многие народы:
Господь умножил дом Петров.
Поля, леса, берега и воды!
Он жив, надежда и покров,
Он жив, во все страны взирает,
Свою Россию обновляет,
Полки, законы, корабли
Сам строит, правит и предводит,
Натуру духом превосходит
10 Герой в морях и на земли.

О божеской залог! о племя!
Чем наша жизнь обновлена,
Возвращено Петрово время,
О вы, любезны имена!
О твердь небесного завета,
Великая Елисавета,
Екатерина, Павел, Петр,
О новая нам радость —
Анна, России свыше дарованна,
20 Божественных порода недр!

Смотрите в солнцевы пределы
На ранней и вечерней дом;
Смотрите на сердца веселы,
Внемлите общих плесков гром.
Устами целая Россия
Гласит: «О времена златия!
О мой всевожденной век!
Прекрасна Анна возвратилась,
Я, с нею разлучась, крушилась,
30 И слез моих источник тек!»

Здесь нимфы с воплем провожали
Богиню родом, красотой,
Но ныне громко восплескали,
Младая Анна, пред тобой;
Тебе песнь звучну воспевают,
Героя в мужа предвещают,
Геройских всех потомков плод.

Произошли б земны владыки,
Родились бы Петры велики,
40 Чтоб просветить весь смертных род.

Умолкни ныне, брань кровава;
Нам всех приятнее побед,
Нам больше радость, больше слава,
Что Петр в наследии живет,
Что дочь на троне зрит Россия,
На что державы ей чужия?
Ей жалоб был наполнен слух.
Послушайте, концы вселенной,
Что ныне, в брани воспаленной,
50 Вещал ее на небо дух:

«Великий Боже, Вседержитель,
Святой твой промысл и совет



Триумфальные ворота, что на Тверской улице, у Земляного города

Имея в сердце, мой родитель
 Вознес под солнцем русский свет,
 Меня, оставленну судьбою,
 Ты крепкою возвел рукою
 И на престоле посадил.
 Шестнадцать лет нося порфиру,
 Европу я склоняла к миру
 60 Союзами и страхом сил.

Как славны дал ты нам победы,
 Всего превыше было мне,
 Чтоб род российской и соседы
 В глубокой были тишине.
 О безмятежной жизни света
 Я все усердствовала лета,
 Но ныне я скорблю душой,
 Зря бури, царствам толь опасны,
 И вижу, что те несогласны
 70 С святой правдивостью твоей.

Присяжны преступив союзы,
 Поправши нагло святость прав,
 Царям навергнуть тщится узы
 Желание чужих держав.
 Творец, воззри в концы вселенны,
 Воззри на земли утесненны,
 На помощь страждущим восстань,
 Позволь для общего покою
 Под сильною твоей рукою
 80 Воздвигнуть против брани брань».

Сие рекла Елисавета,
 Геройской свой являя вид;
 Небесного очами света
 На сродное им небо зрит.
 Надежда к Богу в них сияет,
 И гнев со кротостью блистает,
 Как видится зарница нам.
 Что громко в слух мой ударяет?
 Земля и море отвечает
 90 Елисаветиным словам!

Противные страны трепещут,
 Вопль, шум везде, и кровь, и звук.
 Ужасные перуны мещут
 Размахи сильных русских рук.
 О ты, союза героиня
 И сродна с нашею богиня!
 По вас поборник Вышний Бог,
 Он правду вашу защищает,
 Обиды наглые отмщает,
 100 Над злобою возвысил рог.

Когда в нем милость представляем,
 Ему подобных видим вас;
 Как гнев его изображаем,
 Оружий ваших слышим глас;
 Когда неправды он карает,
 То силы ваши ополчает;

Его земля и небеса,
 Закон и воля повсеместна,
 Поколь нам будет неизвестна
 110 Его щедрота и гроза.

Правители, судьи, внушите,
 Услыши вся словесна плоть,
 Народы с трепетом внимлите:
 Сие глаголет вам господь
 Святым своим в пророках духом;
 Впери всяк ум и вникни слухом:
 Божественный певец Давид
 Священными шумит струнами,
 И бога полными устами
 120 Исая восхищен гремит.

«Храните праведны заслуги
 И милуйте сирот и вдов,
 Сердцам неживым будьте други
 И бедным истинный покров,
 Присягу сохраняйте верно,
 Приязнь к друзьям нелицемерно.
 Отверзите просящим дверь,
 Давайте страждущим отраду,
 Трудам законную награду,
 130 Взирайте на Петрову дочь.

В сей день для общего примера
 Ее на землю я послал.
 В ней бодрость, кротость, правда, вера;
 Я сам в лице ее предстал.
 Соделал знамение ново,
 Украсив торжество Петрово
 Наследницей великих дел,
 Мои к себе щедроты знайте,
 Но твердо все то наблюдайте,
 140 Что Петр, она и я велел.

В моря, в леса, в земное недро
 Прострите ваш усердной труд,
 Повсюду награжду вас щедро
 Плодами, паствой, блеском руд.
 Пути все отворю к блаженству,
 К желаний ваших совершенству.
 Я кротким оком к вам воззрю;
 Жених как идет из чертога,
 Так взойдет с солнцем радость многа;
 150 Врагов советы разорю».

Ликуй, страна благословенна,
 Всевышнего обетам верь;
 Пребудешь оным покровенна,
 Его щедротой счастье мерь;
 Взирай на нивы изобильны,
 Взирай в полки велики, сильны
 И на размноженной народ;
 Подобно как в Ливане кедры,
 К трудам их крепки мышцы, бедра
 160 Среди жаров, морозов, вод.

Свирепой Марс в минувши годы
В России по снегам ступал,
Мечом и пламенем народы
В середине самой утешал,
Но ныне и во время зноя
Не может нарушить покоя;
Как сверженной гигант, ревет,
Попран российской ногою,
Стеснен, как страшную горою,
170 Напрасно тяжки узы рвет.

Там мрак божественного гневу
Подвергнул грады и полки
На жертву алчной смерти зеву,
Терзанью хладных руки;
Там слышен вой в оружном треске;
Из туч при смертоносном блеске
Кровавы трупы множат страх.
А ты, Отечество драгое,
Ликуй при внутреннем покое
180 В Елисаветиных лучах.

<Декабрь> 1757 г.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕПРЕСВЕТАЛЕЙШЕЙ
ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ
ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ,
НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ 1759 ГОДА И НА ПРЕСЛАВНЫЯ ЕЯ ПОБЕДЫ,
ОДЕРЖАННЫЕ НАД КОРОЛЕМ ПРУССКИМ НЫНЕШНЕГО 1759 ГОДА,
КОТОРОЮ ПРИНОСИТСЯ ВСЕНИЖАЙШЕЕ
И ВСЕУСЕРДНЕЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ
ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО РАБА МИХАИЛА ЛОМОНОСОВА

Щедрот источник, ангел мира,
Богиня радостных сердец,
На коей как заря порфира,
Как солнце тихих дней венец;
О мыслей наших рай прекрасный,
Небес безмрачных образ ясный,
Где видим кроткую весну
В лице, в устах, в очах и нраве!
Возможно ль при твоей державе
10 В Европе страшну зреть войну?

Позволь, мне жар велит сердечный,
Монархиня, в сей светлый день,
Как в имени твоём Предвечный
Поставил нам покоя сень,
Безмолвно предвещая царство,
Чтоб миром свергла ты коварство;
Позволь мне духа взор простерть
На брань и родство милосердо,
Где кротости жилище твердо,
20 Жалка и супостатов смерть.

О коль мечтания противны
Объемлют совокупно ум!
Доброты вижу здесь предивны!
Там пламень, звук, и вопль, и шум!
Здесь полдень милости и лето,
Щедротой общество нагрето;
Там смертну хлябь разинул ад!
Но Промысл мрак сей разгоняет

И волны в мыслях укрочает:
30 Отверзся в славе Божий град.

Эфир, земля и преисподня
Зиждителя со страхом ждут!
Я вижу отрока Господня,
Приемлюща небесный суд.
Всесильный властью своею
Вещает свыше к Моисею:
«Я в ярости ожесточу
Египту сердце вознесенно;
Израиля неодоленно
40 Пресветлой силой ополчу».

Сие ж явил Бог в наши лета,
Неистову воздвигнув рать,
Дабы тебе, Елисавета,
Венцы побед преславных дать.
Позволил вознестись гордыне,
Чтоб нашей кроткой героине
Был жребий высша в славе часть;
Чтоб враг делам российским верил
И опытом своим измерил,
50 Каков наш род, мочь, верность,
власть.

Парящей слыша шум Орлицы,
Где пышный дух твой, Фридерик?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты велик?

Еще ль смотря на рок саксонов,
 Всеобщим дателем законов
 Слывешь в желании своем!
 Лишенный собственныя власти,
 Еще ль стремишься в буйной страсти
 60 Вселенной наложить ярем?

Взирая на пожар Кистрина,
 На прочи грады оглянись:
 Что им не равная судьбина;
 Не храбростью своей гордись.
 Что земли, где твоя корона,
 Не слышат гибельного стога,
 Не видят пламенной зари,
 Дивятся и в войне покою:
 Победоносной над тобою
 70 Монархине благодари.

Велика божеством природным,
 Восходит выше тишиной;
 Чтоб жить союзникам свободным,
 Жалея, двинулась войной;
 Узрев растерзанны союзы,
 Наверженные скиптрам узы,
 Рекла: как злых не укрочу;
 Алчбе их света не достанет:
 Пускай на гордых гнев мой грянет,
 80 Сobleщет молния мечу.

От стран, родящих град и снега,
 С Атлантской буря высоты
 Стремится чрез бугристы бреги,
 Являя страшные следы.
 С дубами камни похищает,
 И горы двигнув раздирает.
 Налегши на морской хребет,
 Волнам встречается волнами,
 Песок валит со дна с китами;
 90 Там в пене стонет новой свет.

Так россов мужество в походы
 Течет противников терзать;
 И роет чрез поля и воды,
 Услышав щедрю в гнѣве мать!
 Где ныне королевско слово,
 Что страшно воинство готово
 На запад путь наш прекратить?
 Уже окровавленна Прегла,
 Крутясь в твоей земли, пробегла
 100 Российску силу возвестить.

Там Мемель в виде Фаэтона,
 Стремглав летя, нимф прослезил,
 В янтарного заливах Понта
 Мечтанье в правду претворил.
 За Вислой и за Вартой грады
 Падения или отрады
 От воли русской власти ждуд;

И сердце гордого Берлина,
 Неистового исполина,
 110 Перуны, близ гремя, трясут.

Еще не допуста до року,
 С отвагой сопрягись талан,
 Гиганту приложили сроку,
 Дабы ему умножить ран.
 Цорндорфские пески глубоки,
 Его и нашей крови токи.
 Соединясь, кипели в вас!
 Нам правда отдает победу;
 Но враг такого после вреду
 120 Еще дерзает против нас.

Богини нашей важность слова
 К бессмертной славе совершить
 Стремится сердце Салтыкова,
 Дабы коварну мочь сломить.
 Ни польские леса глубоки,
 Ни горы Шлонские высоки
 В защиту не стоят врагам;
 Напрасно путь нам возбраняют:
 Российски стопы досягают
 130 Чрез трупы к франкфуртским стенам.

С трофея на трофей ступая,
 Геройство русское спешит.
 О муза, к облакам взлетая,
 Представь их раздраженный вид!
 С железом сердце раскаленным,
 С перуном руки устремленным,
 С зарницей очи равны зрю!
 Противник, следуя борею,
 Сказал: я буйностью своею
 140 Удар ударом предварю.

Подобно граду он густому
 Летяще воинство стеснил,
 Искал со стороны пролomu
 И рвался в сердце наших сил.
 Но вихря крутость прежестoka,
 В стремленье вечного востока,
 Коль долго простирает ход?
 Обрушась тягостным уроном,
 Внезапно с шумом, ревом, стоном
 150 Преобратился в сонмы вод.

Бегущих горды пруссов плечи
 И обращенные хребты
 Подвержены кровавой сечи.
 Главы валятся, как листья,
 Теперь с готовыми трубами
 Перед берлинскими вратами
 Победы нашей дайте звук.
 Что ваш король, полки, снаряды
 Не могут вам подать отрады,
 160 Рассыпаны от наших рук.



Триумфальные ворота, что на Мясницкой улице, у Земляного города

О честь российского народа,
В дни наши воинов пример,
Что силой первого похода
Двукратно супостатов стер!
Тебе тот лавры уступает,
Кто прочим храбро исторгает;
Кто вне привыкнул побеждать,
При дверях дом свой защищая
И крайни силы напрягая,
170 Не мог против себя стоять.

Такие у тебя герои,
Монархиня, в златой твой век,

Такие Бог полков дал строи,
Как царствовать тебя нарек.
Во всем послал тебе успехи,
И в мире и в войне утечи:
О коль блаженны мы тобой!
Искусства, нивы, торг, науки,
Победоносны слыша звуки,
180 Блажат свой внутренний покой.

Какого светлость зрю собора?
Подвижники меж звезд стоят,
Петрова наслаждаясь зора,
Красуйтесь, к сродникам гласят;

Мы стерли мужеством гордыню,
Мы смерть прияли за богиню,
Что мертвым отдает живот,
От казни винных свобождая,
Щедротой бедных воскрешая
190 И дух вливая тем в народ.

Ревнуйте нашему примеру:
Поможет Бог, как нам помог;
Ее, Отечество и веру
Представив, презирайте рок.
Не ускорят вам дни спокойны?
Явитесь в брани нас достойны
И детям сей внушите глас.
Герои семени Петрова,
На зависть устремляясь снова,
200 В потомках наших спросят нас.

Воздвигнися в сей день,
Россия, и очи окрест возведи;
К тебе гласят концы земныя:
«Меж нами распри ты суди
Елисаветиною державой:
Ее великолепной славой
Вселенной преисполнен слух.
Мы равно ныне восклицаем,
Желаний жертву воссылаем
210 Как верных ей россиян дух.

Ее неодолимо войско
По правде ходит поборать;

И сердце с кротостью геройско
С пощадой знает побеждать.
Коль тщетно пышное упорство,
Надеясь на свое проворство,
Сбирает беглые полки;
В пределы кроткого зефира
Златого не примет мир:
220 Еще кровавой ждет реки».

С верхов цветущего Парнаса
Смотря на рвение сердец,
Мы ждем желаемого гласа:
«Еще победа, и конец,
Конец губительная брани».
О Боже! мира Бог, восстани,
Всеобщу к нам любовь пролей,
По имени Петровой дщери
Военны запечатай двери,
230 Питай нас тишиной твоей.

Иль мало смертны мы родились
И должны удвоить свой тлен?
Еще ль мы мало утомились
Житейских тягостью бремен?
Воззри на плач осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов твоих.
К тебе, любовь и радость света,
В сей день зовет Елисавета:
240 Низвергни брань с концев земных.

Между 20 августа и 2 сентября 1759 г.

ОДА
ВСЕПРЕСВЕТАЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ,
САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ,
НА ПРЕСВЕТАЛЫЙ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ
НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1761 ГОДА,
В ОКАЗАНИЕ ИСТИННОЙ РАДОСТИ
И РЕВНОСТНОГО УСЕРДИЯ ВСЕНИЖАЙШЕ ПОДНЕСЕННАЯ
ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

Владеешь нами двадцать лет,
Иль лучше, льешь на нас щедроты,
Монархиня, коль благ совет
Для россов вышняя доброты!
О коль к нам склонны небеса!
О коль преславны чудеса!
Геройского восходы следы
Приосеняет благодать;
Война и мир дают победы:
10 О Боже, чем тебе воздать?

Еще, еще бодрись, воспой,
Златая лира, дщерь Петрову,
Гласи и брани и покой;
И, силу восприявши нову,
В преклонной век мой возлетай,
Младые лета превышай.
Она щедроты умножает,
Ты возноситься не престань;
Ей свет довольства посвящает,
20 И ты сугубь желаний дань.

Красуйся в сей блаженный час,
 Как вдруг триумфы воссияли;
 Тем вяще озарили нас,
 Чем были мрачнее печали.
 О радость, дай вспомнать!
 О радость, дай на них взглянуть!
 Мы больше чувствуем отрады,
 Как скорби видим за тобой:
 Злочастья ненавистны взгляды
 30 Любезный красят образ твой.

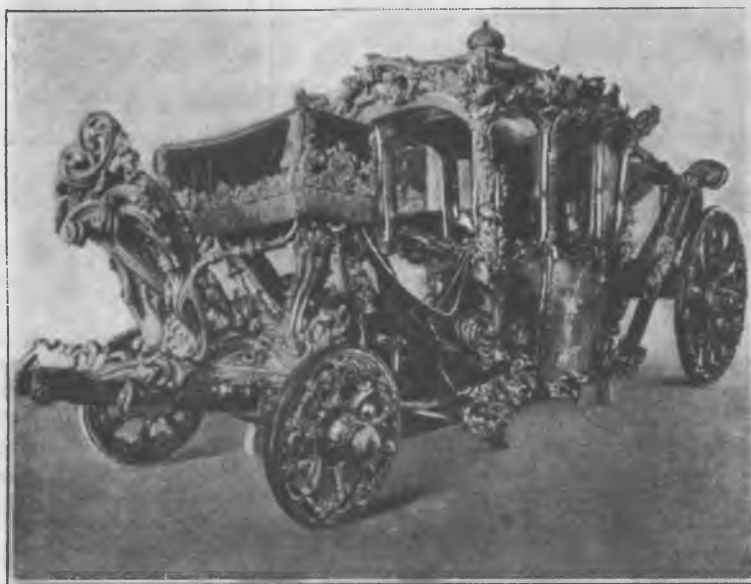
Безгласна видя на одре
 Защитника, отца, героя,
 Рыдали россы о Петре;
 Везде наполнен воздух воя,
 И сетовали все места:
 Земля казалась пуста;
 Взглянуть на небо — не сияет;
 Взглянуть на реки — не текут,
 И гор высокость оседает;
 40 Натуры всей пресекался груд.

Екатерине скиптр вручен
 Отечеством и домом править:
 Народ наш тщился ободрен
 Трудов Петровых не оставить.
 Но ах, свирепа наша часть!
 Любезная нам жизнь и власть
 И мужеск пол за ней пресекался;
 И унывающий народ
 В печали вретиче облекся,
 50 Что отлучен Петров был плод.

Ужасны хляби, стремнины
 Стоят против Петровой дщери,
 И твердость тяжкия стены,
 И ввек заклепанные двери,
 И непроходных страх морей
 Лишают нас надежды всей;
 Нет способа и нет совета!
 Но Вышний наш услышал глас:
 Великая Елисавета
 60 Се царствует и щедрит нас.

Поставил Бог и россов дух,
 И не подвигнется вовеки.
 Какая речь пленяет слух:
 Гласят моря, леса и реки,
 Там нимфы повторяют речь,
 Как встречу ей спешили течь:
 «Кто ты? Минерва иль Диана?
 Кто мать тебе и кто отец?
 Богиней в свете быть избрана,
 70 Достойная носить венец!

Не ты ли, коей долго ждем,
 Желаем, льем потоки слезны?
 Она и станом и лицом;
 Екатеринин взор любезный,
 Подобие и дух Петров,
 Отрада наша и покров».
 О дщери российские, играйте:
 Надежда ваша вас не льстит,
 И с удовольствием внимайте,
 80 Что вам богиня говорит.



Карета Елизаветы Петровны



«На отческой престол всхожу
 Спасти от злобы утесненных
 И щедрой властью покажу
 Свой род, умножу просвещенных.
 Моей державы кротка мочь
 Отвергнет смертной казни ночь;
 Владеть хочу зефира тише;
 Мои все мысли и залог
 И воля, данная мне свыше,
 90 В устах прощенье, в сердце Бог».

О делом совершенный глас!
 Благодяние твоя держава,
 Щедрот исполнен всякой час!
 Едина токмо брань кровава
 Принудила правдивой меч

Противу гордости извлечь,
 Как стену росску грудь поставить
 В защиту дружеских держав
 И от насильных рук избавить,
 100 В союзе верность показав.

Как вожденный солнца луч
 Хотя не престая сияет;
 Скрывается от мрачных туч
 И не повсюду согревает;
 Подобно милосерда власть,
 Любя себе врученну часть,
 Сияние дает всечасно,
 Чтоб греть и освещать народ;
 Но терпит действие прекрасно
 110 Урон от бранных непогод.



Коронационное кресло Елизаветы Петровны



Необходимая судьба
Во всех народах положила,
Дабы военная труба
Унылых к бодрости будила,
Чтоб в недрах мягкой тишины
Не зацвели водам равны,
Что вокруг защищены горами,
Дубравой, неподвижны спят
И под ленивыми листьями
120 Презренной производят гад.

Война плоды свои растит,
Героев в мир рождает славных,
Обширных областей есть щит,
Могущество крепит державных.
Воззрим на древни времена;
Российска повесть тем полна,
Уже из тьмы на свет выходит,
За ней великих полк мужей,
Что на театр всесветный взводит
130 Одетых солнечной зарей.

Се бодрый воин Святослав,
Славян и скифов с печенеги
И болгар с турками собрав,
Дунайски наполняет бреги;
И победитель всем гласит:
«Здесь сердце стран моих лежит:
Смарагды, шелк дают мне греки,
Вино и золото угров труд;
Народ и хлеб велики реки,
140 Что в Отчестве моем текут».

Ему геройством равный сын
Владимир, превосходный верой,
Войной и миром исполин,
Отмстив за брата равной мерой,
С Дунайских и до Камских вод
Вливает свет Христов в народ;
Счетав с любовью постоянство,
Густую разбивает тень;
На Перуна и на поганство
150 Ступив, восшедший кажет день.

Не то ли храбрый Мономах?
Он меч вознес на Византию,
И Комнин, облеченный в страх,
Венец взлагает на Россию.
Там плещут Невски берега,
Низвергнув дерзкого врага
Петрова мужеством предтечи:
От Запада защитник он.
Се Дмитриевы сильны плечи
160 Густят татарской кровью Дон.

Разбитые бросают узы
И кажут всей вселенной вокруг
Державу, права, меч, союзы:
Там равный сродник Алексей,

О Висла, до твоих зыбей
Границы дел своих поставил,
Прошел бы далее; мало жил!
Но плод героических дел оставил,
170 Какого сына он родил!

Бодришь, мой дух, смотри, внимай:
Сквозь дым небесный луч блистает!
Сквозь волны, пламень вижу рай;
Там Бог десницу простирает
И крепость неизмерных сил,
Петру на свете поручил:
«Низвергни храбростью коварство,
Войнами укроти войны,
Одень оружием новым царство,
180 Полночны оживи страны».

Ведет Творец, он идет вслед;
Воздвиг нас. Россы, ускоряйте,
На образ в знак его побед
Рифейски горы истошайте:
Дабы его бессмертный лик,
Как солнце светел и велик,
Сиял во все концы земныя,
От неизвестных зрим был мест,
И небу равная Россия
190 Казала дел коль много звезд.

Посмотрим в Западные страны:
От стрел российския Дианы
Из превеликой вышины
Стремглавно падают титаны;
Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,
Ты, Швейдниц, Кенигсберг, Берлин,
Ты, звук летающего строя,
Ты, Шпреля, хитрая река,
Спросите своего героя:
200 Что может российская рука.

Великая Елисавет
И силу кажет и державу;
Но в сердце держит сей совет:
Размножить миром нашу славу,
И выше как военной звук
Поставить красоту наук.
По мне, хотя б руно златое
Я мог, как Язон, получить,
То б музам, для житья в покое,
210 Не усумнелся подарить.

В войну кипит с землею кровь,
И суша с морем негодует;
Владеет в мирны дни любовь,
И вся натура торжествует.
Там заглушают мысли шум;
Здесь красит все довольства ум.
Се милость истинну сретает,

Воззрите, смертны, в высоту!
И правда тишину лобзает,
220 Я вижу вечну красоту.

Среди разгнанных мрачных бурь
Всего пресветлее сияет
Вокруг и злато и лазурь;
Всесильный Мир себя являет:

Оливна ветвь, лавр, слава, меч!
Внимай, подсолнечная, речь:
«Петрова дочь вам ввек залогом.
Я жив и обладает Петр,
Пребуду вечно вашим Богом,
230 И, как Елисавета, щедр».

Между 5 октября и 25 ноября 1761 г.

ОДА

ВСЕПРЕСВЕТАЛЕЙШЕМУ ДЕРЖАВНЕЙШЕМУ
ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
ПЕТРУ ФЕОДОРОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ,
ПРЕСВЕТАЛЕЙШЕМУ ВЛАДЕТЕЛЬНОМУ ГЕРЦОГУ ГОЛСТИНСКОМУ,
ВЫСОКОМУ НАСЛЕДНИКУ НОРВЕЖСКОМУ
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ ГОСУДАРЮ,
КОТОРУЮ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
НА ВСЕРАДОСТНОЕ ВОСШЕСТВИЕ
НА ВСЕРОССИЙСКИЙ НАСЛЕДНЫЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРЕСТОЛ
И КУПНО НА НОВЫЙ 1762 ГОД В ИЗЪЯВЛЕНИЕ ИСТИННЫЯ РАДОСТИ,
УСЕРДИЯ И БЛАГОГОВЕНИЯ ВСЕНИЖАЙШЕ ПРИНОСИТ
ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАБ МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Сияй, о новый год, прекрасно
Сквозь густоту печальных туч.
Прошло затмение ужасно;
Умножь, умножь отрады луч.
Уже плачевная утрата,
Дражайшая сокровищ злата,
Сугубо нам возвращена.
Благополучны мы стократно:
Петра Великого обратно
10 Встречает Росская страна.

Петра воздвиг с Екатериной
И с Павлом, о драгой залог!
Послал нам радость за судьбиной
В щедротах неизмерный Бог.
Орел великий обновился,
На высоте своей явился
И над Европою парит.
Россияне руками плещут,
Враги в унынии трепещут,
20 Познав, кто носит скиптр, меч, щит.

Премудрая Елисавета,
На отческий престол восшел,
Движеньем Вышнего совета
Блюла Отечество от бед.
Достигнув мужеским геройством,

Отвсюду облекла спокойством,
Свое наследство утвердив,
Чтоб был для россов счастья, славы
Без пресечения державы
30 Великий Петр веки жив.

Ее советы совершились:
На трон наследный ты вступил,
Монарх; мы ввек ее лишились,
Но ты восходом оживил.
Приемлешь скиптр, она вручает
И, в вечность отходя, вещает:
«Владей, храни, возвысь народ,
Моей опасностью спасенный,
Уверь всех, мной благословенный,
40 Что ты Петров и Аннин плод.

Когда я с нею разлучалась
И в ложеснах ее с тобой,
Коль горестно тогда терзалась,
Отчаянна в судьбине злой.
Но больше ощущала радость,
Твою возлюбленную младость
В объятия свои приняв,
И ныне отхожу с покоем:
Отечество тобой, героем,
50 Превыше будет всех держав».

Уже ко предстоящим слезным
От облак обратила вид
И, умилением любезным
Озревшись, к высоте спешит.
Освободясь от части тленной,
Восходит к жизни непрерывной.
Молчите, горы и леса,
Моря и ветры беспокойны,
Внимайте мне и будьте стройны:
60 Мой ум вперился в небеса.

Отворенный Елисавете
Ее преславных предков храм
Сияет в бесконечном свете,
По звездным распростерт полям.
Среди геройского собора
Лучом божественного взора
Яснейший прочих дух Петров
При входе светозарной двери,
Десницу простирая дщери,
70 К себе в небесный вводит кров.

«Гряди к блаженному покою,
Гряди к нам в вечно торжество,
Гряди и царствуй здесь со мною,
Так хочет вышнее божество.
Ты жить с бессмертными достойна;
Россия по тебе спокойна:
Ты возвратила в ней урон,
Ты кровь мою возобновила,
В наследстве внука утвердила;
80 Тобою он восшел на трон.

Великодушия, щедроты
И мужества дала пример,
Чтоб руку он к своим для льготы
И меч против врагов простер.
Тобой цветет мой град любезный,
Петрополь славный и полезный,
Но будет выше древних див.
Пределы ты распространила,
Его благословенна сила
90 Поставит, вечно утвердив.

За истинную добродетель
Земля тебе давала плод;
Всегда преклонен был Содетель,
В довольстве множил твой народ.
Наследник, тою же стезею
Ступая ревностью своею,
Преклонит вышнее добро.
Была, как ты, натура щедра,
Открыла гор с богатством недра;
100 Ему сторижно даст серебро.

Ты награждала всем науки,
И он щедротой оживит,
Искусством обученны руки
Снабдит, умножит, просветит.

Он постыдит, как ты, злодеев.
Оставлен посреде трофеев,
До облак оны вознесет;
И на пространный света части
Конец своей положит власти,
110 Где знак стоит твоих побед.

Но больше чту сию заслугу,
Что ты, усердствуя к нему,
Достойную дала супругу,
Любезну Отчеству всему.
Уже из общей их любви
Цветет от нашей отрасли крови,
Дражайший Павел, правнук мой.
Продлит Господь его потомки,
Дела их возвеличит громки,
120 Прославит брани и покой».

Богиня новыми лучами
Красуется окружена
И звезды видит под ногами,
Светлее оных, как луна.
Уже торжественные лики,
И радостных героев клики,
И бранным нестерпимый свет
Всю силу ока притупляют,
Вниманье слуха заглушают:
130 Видения закрылся след.

Оставив высоту прекрасну,
Я небо вижу на земли:
Народов ревность всех согласну,
Как в веки все светила шли.
От юга, запада, востока
Полями, славою широка,
Россия кажет верной дух.
И, как Елисавете твердо,
Петру вдает себя усердо,
140 Едва лишь где достигнул слух.

Хребты полей прекрасных, тучных,
Где Волга, Дон и Днепр текут,
Дел послухи Петровых звучных
С весельем поминая труд,
Тебе обильны движут воды,
Тебе, монарх, плодят народы,
Несут довольство всех потреб,
Что воздух и вода рождает,
Что мягкая земля питает
150 И жизни главну крепость хлеб.

Там мерзлыми шумит крилами
Отец густых снегов борей
И отворяет ход меж льдами
Дать воле путь в восток твоей,
Чтоб Хины, Инды и Яппоны
Подверглись под твои законы.
Тебе от верной глубины



Император Петр III Федорович

Руками плещут воды белы,
Ликуют Западные пределы,
160 Предвидя счастье войны.

Европа, ныне восхищенна,
Внимая смотрит на Восток
И ожидает изумленна,
Какой определит ей рок:
То видит зрак твой пред полками,
Подобный Марсу меж врагами,
То представляет общий пир,
Отрады ради утомленных,
Избавы ради разоренных,
170 Тобою обновленный мир.

Когда по глубине неверной
К неведомым брегам пловец
Спешит по дальности безмерной,
И не является конец,
Прилежно смотрит птиц полеты,
В воде и в воздухе приметы,
И как уж томную главу
На брег желанный полагает,
В слезах от радости лобзает
180 Песок и мягкую траву.

Германия сему подобно
По собственной крови плывет,
Во время смутно, неспособно

Конца своих не видит бед;
На Фарос сил твоих взирает,
К тебе дорогу направляет
Тебе себя в покров отдать;
В согласии желает стройном
В твоём пристанище спокойном
190 Оливны ветви целовать.

Тогда по славнейших победах,
Как общий ускоришь покой,
Пребудешь знатнейший в соседях,
Прехвален миром и войной.
Тогда в трудах, тебе любезных,
Российским областям полезных,
Всё время будешь провождать;
И каждой день златого веку,
Коль долго можно человеку,
200 Благодеяньями венчать.

Когда пучину не смущает
Стремление насильных бурь,
В зеркале жидком представляет
Небесной ясности лазурь
И солнце с высоты дивится,
Что само толь глубоко зрится.
Так ты, о наших дней венец,
Во внутренних грудях сияешь
И светлый лик изображаешь
210 В спокойной радости сердец.

Великолепно облекися,
Российский радостный Сион,
Главой до облак вознесися:
Сампсон, Давид и Соломон
В Петре тобою обладают
И Голиафов презирают.
Сильнее тигров он и львов,
Геройска бодрость в нем избрана:
Иссохнет на земли поприща
220 Свиристель змиевых голов.

Голстиция, возвеселися,
Что от тебя цветет наш крин.
Ты к морю в празднестве стремишься,
Цветущий славою Цвейтин.
Хотя не силен ты водою,
Но радостью сравнись с Невою,
До Зунда шум твой распростири.
Соединенные Российским
Поставь по берегам Балтийским
230 Желаний верных олтари.

Спешу, спешу, весна златая,
Умножь отраду теплотой
И, новы веки начиная,
Стихии здравием напой;
Вели благоухать зефиру;



С Петром поля одень в порфиру
И всем приятностям твоим
Подобную Екатерину,
Надежды наша причина,
240 Снабди, снабди Плодом драгим.

Небес и всех веков Жиздитель,
Источник всякого добра,
Царей и царств земных правитель,

Ты оправдал владеть Петра
Подсолнечной великой частью;
Утешь его народы властью,
Преславный век ему подай,
Супруге, ветви вожделенной,
И больше, как во всей вселенной,
250 В Петрове доме обитай.

Между 25 и 28 декабря 1761 г.

ОДА

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕПРЕСВЕТАЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ
ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ,
САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ,
НА ПРЕСЛАВНОЕ ЕЕ ВОСШЕСТВИЕ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ
ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРЕСТОЛ ИЮНЯ 28 ДНЯ 1762 ГОДА,
В ИЗЪЯВЛЕНИЕ ИСТИННОЙ РАДОСТИ И ВЕРНОПОДДАННОГО
УСЕРДИЯ ИСКРЕННЕГО ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПРИНОСИТСЯ
ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

Внемлите все пределы света
И ведайте, что может Бог!
Воскресла нам Елисавета:
Ликует церковь и чертог.
Она или Екатерина!
Она из обоих едина!
Ее и бодрость и восход
Златой наукам век восставит
И от презрения избавит
10 Возлюбленный российский род.

Российский род, коль ты ужасен
В полях против своих врагов;
Толь дом твой в недрах безопасен.
Ты вне гроза, ты внутрь покров.
Полки сражая, вне воюешь;
Но внутрь без крови торжествуешь.
Ты буря там, здесь тишина.
Умеренность тебе в кровь бранну,
В главу, победами венчанну,
20 От трех в сей век богинь дана.

Петра Великого супруга,
Взведенная самим на трон,
Краса и честь земного круга
И слава скиптров и корон,
Прехрабромому сему герою
Среди пылающего строю
Дает спасительный совет,
Военно сердце умягчает;
И, мир прияв, обლობызает
30 Разжженный яростью Магмет.

Елисавета царством мирным
Российские мягчит сердца
И как дыханием зефирным
Взираньем кроткого лица
Вливает благосклонность в нравы,
В войнах не умаляя славы.
Возложенной себе венец
Победой, миром украшает,
Трофеями превозвышает
40 Державы своя конец.

В сии прискорбны дни природным
Российским истинным сынам
Ослабу духом благородным
Дает Екатерина нам.
Мы, кротости богинь навикнув
И в счастье ими данно вникнув,
Судьбину тщимся отвратить.
Уже для обществу покровца
Согласно всех душа готова
50 В ней дочь Петрову возвратить.

Слышал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О стыд, о странной оборот!
Чтоб кровью купленны трофеи
И победителей злодеи
Приобрели в напрасной дар,
И данную залогом веру.
В тебе, Россия, нет примеру;
60 И ныне отвращен удар.

Любовь твоя к Екатерине,
Екатеринина к тебе
Победу даровала ныне;
И небо верной сей рабе,
Без раздробляющего звуку
Крепит благословенну руку
На наших буйных сопостат.
О коль видение прекрасно!
О коль мечтание ужасно!

70 Что смотрит сей, что слышит град?

Не мрак ли в облаках развился?
Или открылся гроб Петров?
Он взором смутен пробудился
И произносит глас таков:
«Я мертв терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну
В супружество я поручил,
Дабы чрез то моя Россия
Под игом области чужия

80 Лишилась власти, славы, сил?

На то ль, чтоб все труды несчетны
И приобретенны плоды
Разрушились и были тщетны
И новы возросли беды?
На то ль воздвиг я град священный,
Дабы, врагами населенный,
Россиянам ужасен был
И вместо радостной столицы
Тревожил дальние границы,

90 Которы я распространил?»

О Тень великая, покойся:
Мы помним тьмы твоих заслуг;
Безмолвна в вечности устройся:
Твой труд меж нами жив вокруг.
Не предадим твоей любви,
Не пощадим последней крови:
Спешим Отечество покрыть
Вослед премудрой героине,
Любезной всем Екатерине,

100 Любезны ей и верны быть.

Что чаяли вы, Невски музы,
В великий оный громкий час?
«Согласны мыслей всех союзы
Веселый возвышали глас!»
Как звали ревностну присягу?
«Благословенную отвагу!»
Что зрели, как закрылся день?
«Нам здешние брега и волны
Величества, приятия полны

110 Сквозь тонкую казались тень!

Среди избраннейших героев,
Между блистающим ружьем,
Среди непобедимых строев

Сверкает красота мечом,
И нежность пола уважает,
И тою храбрость украшает,
Обеими сердца влечет.
Всяк видя, следуя за нею,
Гласит устами и душою:

120 Так шла на трон Елисавет!»

Гряди, российская отрада,
Гряди, желание сердец,
И буди от врагов ограда,
Поставь опасностям конец;
И оправдай Елисавету,
Всему доказывая свету,
Что полная триумфов брань
Постыждена поносным миром,
И сопостат, почтен кумиром,

130 От нас приемлет в жертву дань.

Уже нам дневное светило
Свое пресветлое лице
Всерадостным очам явило
Лучей прекрасных во венце.
Туманы, мраки разгоняя
И радость нашу предваряя,
Поля, леса, брега живит;
В росе, в струях себя являет.
Ему подобный к нам сияет

140 Избавившей богини вид.

В удвоенном Петрополь блеске
Торжественный подъемлет шум,
При громком восхищавшей плеске,
Отрадой возвышает ум.
Взирая на свою избаву,
На мысль приводит прежню славу.
В церквах, по стогнам, по домам
Несчетно множество народу
Гремящу представляет воду,

150 Что глас возносит к небесам.

Теперь злоумышление в яме
За гордость свержено лежит;
Екатерина в Божьем храме
С благоговением стоит.
Хвалу на небо воссылает
И купно сердце всех пылает
О целости ее и нас;
Что Вышний крепкою десницей
Богиню нам подав царицей,
160 От гибели невинных спас.

Услыште, судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте

Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
170 То Бог благословит ваш дом.

О коль велико, как прославят
Монарха верные раби!
О коль опасно, как оставят,
От тесноты своей, в скорби!
Внимайте нашему примеру,
Любите их, любите веру.
Она свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет
180 Твердее всякого счита.

А вы, которым здесь Россия
Дает уже от древних лет
Довольство вольности златя,
Какой в других державах нет,
Храня к своим соседям дружбу,
Позволила по вере службу
Беспреткновенно приносить;
На то ль склонились к вам монархи
И согласились иерархи,
190 Чтоб древний наш закон вредить?

И вместо чтоб вам быть меж нами
В пределах должности своей,
Считать нас вашими рабами
В противность истины вещей.
Искусство нынешне доводом,
Что было над российским родом
Умышлено от ваших глав
К поправью нашего закона,
Российского к паденью трона,
200 К рушению народных прав.

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверьте,
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и на чужих пределах
210 И у святого олтаря.

О коль монарх благополучен,
Кто знает россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.



Коронация Екатерины II

Тебя толь счастливу считаем,
 Богиня, в коей признаваем
 В единой все доброты вдруг,
 Щедроты, веру, справедливость,
 И с постоянством прозорливость,
 220 И истинной геройской дух.

Осьмнадцать лет ты украшала
 Благословенный дом Петров,
 Елисавете подражала
 В монарших высоте даров.
 Освобождая утесненных
 И ободряя оскорбленных,
 Склонила высоту небес
 От злой судьбы тебя избавить,
 Над нами царствовать поставить
 230 И отереть нам токи слез.

Науки, ныне торжествуйте:
 Взошла Минерва на престол.
 Пермесски воды, ликовствуйте,
 Шумя крутитесь в зланный дол.
 Вы в реки и в моря спешите
 И нашу радость возвестите
 Лугам, горам и островам:
 Скажите, что для просвещенья

Повсюду утвердит ученья,
 240 Создав прекрасны храмы вам.

А ты, о отрасль вожделенна,
 Спасенная от сильных рук,
 Будь жизнь твоя благословенна,
 Прекрасна посреде наук;
 Дражайший Павел наш, мужайся,
 В объятьях рождающей утешайся
 И бывши скорби забывай.
 Она все бури успокоит;
 Щедротой, ревностью устроит.
 250 Тебе и нам прекрасный рай.

Герои храбры и усерды,
 Которым промысл положил
 Приять намерения тверды
 Противу беззаконных сил,
 В защиту нашей героине
 Красуйтесь, веселитесь ныне:
 На вас лавровые венцы
 В несчетны веки не увянут,
 Доколе россы не престанут
 260 Греть в подсолнечной концы.

Между 28 июня и 8 июля 1762 г.

ОДА

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, КОТОРОЮ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО В НОВЫЙ 1764 ГОД ВСЕНИЖАЙШЕ ПОЗДРАВЛЯЕТ ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАБ МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Пою наставший год: он славен,
 Он будет красота веков,
 Твоим намерениям равен,
 Богиня, радость и покров!
 Не обинуясь предвещаю,
 Что глас мой править поручаю
 Послушнице твоей, судьбе;
 И можно ль, чтобы наши лета
 Российского отраде света
 10 Не уподобились тебе?

Геройских подвигов хранитель
 И проповедатель Парнас,
 Времен и рока победитель,
 Возвыси ныне светлый глас,
 Приблизь к небесам вершины;
 И для похвал Екатерины
 Как наша радость расцветай.
 Шуми ручьями с гласом лиры,
 Бореи преврати в зефиры,
 20 Представь зимой в полночи рай.

Среди торжественного звуку
 О ревности моей уверь,
 Что ныне, чтя, Петрову внуку
 Пою, как пел Петрову дочь.
 Ни моего преклонность века,
 Что слабит дух у человека,
 Ниже гонящий в гроб недуг,
 Ниже завистливы злодеи,
 Чрез вредны воспятят затеи
 30 Почтительный к монархам дух.

Усыновленна добродетель
 Российский украшает свет,
 Тому начало и свидетель
 Избранием Елисавет.
 Усердие всего народа
 Крепит, как кровная природа.
 О скиптр, венец, о трон, чертог,
 Сужденны вновь Екатерине,
 Красуйтесь о второй богине!
 40 Той Петр вручил, сей вверил Бог!

Сам Бог ведет, и кто противу?
Кто ход его остановит?
Как Океанских вод разливу
Навстречу кто поставит щит?
Где звуки? где огни и страхи?
Где, где всегдашний дым и прахи?
В них Вышний не благоволил!
В свою не принял благостыню;
Но щедря кротку героиню,
50 Покрыл, воздвиг, венцем почтил.

Превыше облак восходящий
Недвижно зрит от звезд Атлант
На вихрь, в подножиях шумящий;
Так блещущий ее талант
Души и тела красотою,
Над мрачною налогов мглою
В лучах небесных вознесен,
Туманы, бури презирает,
И дни нестройны применяет
60 На ясность радостных времен.

О ты, пресветлый предводитель
От вечности текущих лет,
Цветущих, дышущих живитель,
Ты, око и душа планет,
Позволь ко твоему мне дому,
Ко храму твоему златому,
Позволь, приблизившись, воззреть!
Уже из светлых врат сафирных
Направил коней ты эфирных,
70 Ржут, топчут твердь, спешат лететь.

Ты, с новым торжествуя годом,
Между блистающих колес
Лазуревым пустился сводом,
Течешь на крутизну небес;
Стремясь к приятствам вешней неги,
Одолеваешь зиму, снега.
Таков Екатеринин нрав,
Народну грубость умягчает
И всех к блаженству приближает
80 Теченьем обновленных прав.

Потом сильнейшими лучами
Сияя в большей высоте,
Прольешь источники полями
В цветущих злаков красоте,
Листами увенчаешь леса;
В кустах кругом молодой Пересы
Возбудишь сладкогласных птиц.
Туда растущим сел богатством,
Туда ты привлечешь приятством
90 Поющих юнош и девиц.

Екатериныны доброты
Сияли к нам из мрачных туч;
Но больше тем ее щедроты,

Чем выше и яснее луч:
Державы своя весною
К довольству, славе и покою
Обильно сыплет семена,
Печется, ограждает, греет.
О коль богатый плод поспеет
100 В тебе, Российская страна!

Когда с превыспренних несносной
Приблизится на землю жар,
То дождь прольешь нам плодоносной,
Подняв, сгустив во облак пар.
Умеришь тем прекрасно лето,
Как сердце русское нагрето
Екатериныным лучом.
Ты сладостной росой прохладу,
Она щедротою отраду
110 Подаст и удовольствие всем.

Украсить тщась лице земное,
Ночную сокращаешь тень;
Она о подданных покое
Печется, ночь вменяя в день.
Россияне, народ, послушной
Монархине великодушной,
Примером неусыпных пчел
В трудах царице подражайте
И сладость счастья умножайте
120 Успехами полезных дел.

Уже по изобильном лете
Достигнет Солнце, где Весы
Равняют день и ночь на свете,
И следом летняя красы
Приспее по трудах отрада,
Как сладостной из винограда
Потоками прольется сок.
Тогда дыхания способны
С богатством в пристани удобны
130 Поставят корабли на срок.

Я слышу нимф поющих гласы,
Носящих сладкие плоды,
Там в гумнах чистят тучны класы:
Шумят огромные скирды.
Среди охотничьей тревоги
Лесами раздаются роги,
В покое представляя брань.
Сию богине несравненной
В избыток принесут осенней
140 Земля, вода, лес, воздух дань.

В сии часы благословенны,
Когда Всевышний оградил
Помазаньем твой верх священный
И славою венца покрыл,
Когда, по ожиданье многом,
Снабдил дражайшим нас залогом,

Младого Павла даровав;
Какого мы добра представить
Не можем и Творца прославить,
150 Толикие дары прияв.

На трон взошла Екатерина
Не токмо, чтоб себя спасти
От бед, что ближила судьбина,
Но чтоб россиян вознести.
Предвидя общие напасти,
Чем угрожали вредны страсти,
Готова с нами пострадать,
Чрез отменитое геройство
Себе и нам дала спокойство,
160 Как истинная чадам мать.

Блаженны мы, что ей послушны:
Покорность наша к счастью путь!
О вы, страны единокровны,
Согласием едина грудь
Обыкли жить в монаршей воле,
Ликуйте: Правда на престоле,
И ей Премудрость приседит,
Небесными блеснув очами,
Богини наша устами
170 Законы вечные гласит:

«Цветут во славе мною царства,
И пишут правой суд цари;
Гнушаясь мерзостью коварства,
Решу нелицемерно при.
Могу дела исчислить задни
И что рождается повсядни;
О будущем предвозвещу;
Мои полезны всем советы;
От читателей моих наветы
180 Предупреждая отвращу.

Господь творения начало
Премудростию положил;
При мне впервые воссияло
На тверди множество светил;
И в недрах неизмерной бездны
Назначил словом беги звездны.
Со мною солнце он возжег.
В стихиях прекратил раздоры,
Унизил дол, возвысил горы
190 И предписал пучине брег».

Премудрый глас сей Соломонов,
Монархиня, сей глас есть твой.
Пребудет твердь твоих законов,
Ограда истины святой.
Он предварил тебя веками,
Превзойдешь ты его делами,
В чем власть господствует ума,
По ясных знания восходах
В поверенных тебе народах
200 Невежества исчезнет тьма.

Твой труд для нас обогащенье,
Мы чтим стеною подвиг твой;
Твой разум наше просвещение
И неусыпность наш покой.
О Пиндар, если б в оны веки
Под сею властью жили греки,
То б пел ты о своих богах,
Что могут завсегда в забаве,
Не мысля о земной управе,
210 Свой нектар пить на небесах.

Какие представляет виды
Отрадой восхищенный ум?
Не вы, угрюмые друиды,
Не мрачной лес, не грозной шум;
Не из дымящейся пещеры
Зверообразны изуверы
Дают глухим вытьем ответ;
Ко мне пророчицы согласны,
Кастальские сестры прекрасны,
220 С Парнаса льют и глас и свет.

«Смотри, смотри, внимай, — вещают,
В обширны российские края,
Где сильны реки протекают,
Народы многие поя;
Из них чрез гор хребты высоки
Прольются новые потоки
Екатерининой рукой,
Дабы, чрез сочетанны воды
Друг другом пользуясь, народы
230 Размножили избыток свой.

Дабы сердец, как струй, союзы
Удобный нам отверзли ход,
Дабы усердные мы, музы,
Повсюду приносили плод.
И се богиня несравненна,
Возлюбленна и просвещенна,
Сияет радостным лицом,
Обитель нашу посвящает
И дверь ученьям отверзает
240 Во всем владычестве своем.

На полночь кажет Урания:
Се здесь сквозь холмы льдов, сквозь град,
Руно златое взять Россия
Денницы достигает врат;
Язоны, Тиф<ю>сы, Алкиды,
В российской волю Амфитриды
Отдавшись, как в способной ветр,
Препятства, страхи презирают
И счастьем Павловым кончают,
250 Чего желал великий Петр.

Озрися на страну десную,
Где напыщенный исполин
Сидит и чаает, что земную

Рукою держит власть един;
Толстыми окружен стенами
И отдаленными морями,
В ничто вменяет прочей свет;
Не зная, что обширны силы
Без храброго искусства гнилы,
260 Каким Европы край цветет.

Китай, предупреждая бедство,
Не трата времени, блюдишь
Гордыней раздражить соседство,
И гневу русского страшись.
Бесплодны степи и пустыя
И тучи стрел твоих густыя
Послужат в неизбежной стыд.
И сей послушный наш любитель,
Каков твой бег и победитель,
270 С Парнаса свету возвестит».

Сии желания сердечны
Героев дух и суд небес
Исполнит и поставит вечны.
В надежде таковых чудес,
Россия оком умиленным
И сердцем, в счастье услажденным,
Какой в восторге кажет вид!
Взирая как на нежны крины,
В объятиях Екатерины
280 Младому Павлу говорит:

«О ты, цветущая отрада,
О верность чаяний моих,
Тебя родила мне Паллада
Для продолженья дней златых;
О плод божественныя крови,
Расти, крепись в ее любви,
Вослед трудов ее взирай,

Как с радостью носить державу,
Хранить свою с моею славу
290 Ее примерам подражай.

О чада ревностны, усерды,
Славенов в свете славный род,
О корень, верностию твердый,
Владелец многих царств и вод,
Покрытый орлими крылами,
Украшенный ее делами,
Чем долг богине возратить?
В трудах полезных обращайся
В сей год и завсегда старайся
300 Достоинства ее почитать».

Талан высокое рожденье,
Дала натура красоту,
Елисавета присвоенье,
Как небо духа высоту,
Планета быть любезной миру,
Судьба корону и порфиру;
Что ж, россы, посвятим ей в дар?
За наш покров, за царство стройно
Что можем принести достойно?
310 Усердия бессмертный жар!

Катитесь, счастливы светила,
Во весь Екатеринин век;
Живительная ваша сила
С приятностью адемских рек
Вливайся в сердце ей и в члены,
И в очи, духом ободренны,
И на прекрасное чело:
Чтоб здравие ее бесценно
Для нашей пользы беспреречно,
320 Как вечная весна, цвело!

Декабрь 1763 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года. Соч. 1751. — Соч. 1757 (с исправлением опечатки в ст. 17: кастильской). Автограф 1739 г. не сохранился. Отрывки ранней редакции в Рук. Рит. 1744 и Рит. 1748. Написана в Фрейберге после получения известия о взятии русскими войсками 19 августа 1739 г. (по старому стилю) турецкой крепости Хотин, в период с середины сентября до середины декабря 1739 г. (по новому стилю). Подготавливая Соч. 1751, Ломоносов переработал оду и, сохранив, а иногда усилив метафорический стиль, упорядочил синтаксис, устранил инверсии, создававшие затрудненность поэтической речи, и ввел некоторые новые сравнения.

Верх горы высокой — Парнас, куда ведет автора поэтический восторг. «Высокая гора» соотносится с положением турецкого лагеря при Ставучанах.

Ключ — Кастальский ключ у подножия Парнаса. В переносном значении — родник поэтического вдохновения.

Сестр — сестер; здесь: муз.

Пермесский жар — вдохновение; Пермес — река в Беотии, на берегах которой обитали музы.

Род отверженной рабы — т. е. род Агари. Ломоносов переносит это название на турок и татар.

За Тигр, Стамбул, своих заграть... — Стамбул — здесь обозначает всю Турецкую державу (Порту). Ломоносов предлагает ей убрать свои полчища в глубь Малой Азии (за Тигр).

Скрывает луч свой в волны день и т. д. — Русские войска заняли турецкие позиции в седьмом часу вечера. Отступая, турки сожгли свой лагерь.

Герой открылся — т. е. Петр I. Далее Ломоносов вспоминает Азовский поход (1696), Персидский поход (1722) и войну со шведами («готфами»).

Смиритель стран Казанских — Иван Грозный.

Каспийски воды — намек на взятие Астрахани Иваном Грозным.

Селим — здесь: условное имя для обозначения восточного владетеля.

Луна — полумесяц, эмблема Турции.

Янычар... на русский полк скакал. — Имеется в виду контратака янычар (отборных турецких войск), обращенных в бегство русскими войсками.

Стесняет внутри Хотин своих. — После разгрома турецкого лагеря при деревне Ставучаны, турки укрылись в Хотине.

Калчак — турецкий паша, комендант крепости Хотин, вручивший русскому командованию ключи от крепости в знак капитуляции.

Где Вислы ток... — Намек на взятие в 1734 г. русскими войсками Данцига на Висле, после чего они стали двигаться к Рейну (Рен).

Дамаск, Каир, Алепп — торговые города, принадлежавшие в то время Турции.

Крит. — Остров Крит принадлежал Турции.

Тяжчае б Фивы обвинили... — По преданию, древнегреческий поэт Пиндар (ок. 518—442 до н. э.) вызвал нарекания в своем родном городе Фивах за восхваление мужества афинян.

В Китайских чтут ее стенах. — 28 апреля 1732 г. в Москву прибыло китайское посольство, принятое Анной Иоанновной и заверившее ее в стремлении к нерушимой дружбе с Россией.

Заднестрской тать. — Имеются в виду орды татар, опустошавших своими набегами украинские казацкие селения.

Седми пространньх морь... — Имеются в виду моря, омывающие берега России — Мурманское (Баренцево), Белое, Балтийское, Камчатское (Охотское), Каспийское, Азовское и Черное.

Ода в торжественный праздник высокого рождения Иоанна Третьего 1741 года августа 12 дня. Примеч. к Вед., 1741, 18 августа. Подпись: Л. Датируется периодом с 8 июня (день возвращения Ломоносова из-за границы в Петербург) по 12 августа 1741 г. (день рождения Иоанна Антоновича, которому исполнился год). После восшествия на престол Елизаветы Петровны все издания с упоминанием Иоанна III уничтожались.

Мои пределы. — Ода написана от имени Веселящейся России, в первом лице.

Смущать не смейте... — Намек на реваншистскую войну, начатую Швецией против России в 1741 г.

Филиппов сын — Александр Македонский; услышав о победе своего отца, заплакал, страшась, что на его долю не останется славных дел.

Осса — горный хребет в Фессалии, упоминаемый в мифе о борьбе гигантов с богами.



Денница — здесь: одно из имен Сатаны. *Двух колен...* — По материнской линии Иоанн Антонович принадлежал к русскому царствующему дому, по отцовской — к Брауншвейгскому.

Тейтон. — Намек на падение Западной Римской империи под натиском германцев (тевтонов).

Гостомысл — легендарный новгородский старейшина, подавший совет пригласить на княжение варяжских князей — Рурика (Рюрика), Синеуса (Синава) и Трувора.

Игорь (ум. в 945 г.) — киевский князь. Имеются в виду его походы на Византию.

Внук — Владимир (ум. в 1015) — великий князь киевский, принявший христианство.

Дмитрий Донской (1350—1389) — князь московский, разбивший татар во время Куликовской битвы (1380).

Места Ахайские. — Здесь имеются в виду предгорья Кавказа. *Геон* — древнее название, применявшееся к рекам Нилу и Араксу.

Супруг — муж правительницы Анны Леопольдовны (матери Иоанна III), Антон Ульрих Брауншвейгский (1714—1774).

Первые трофеи Иоанна III, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии. Примеч. к Вед., 1741, 11 сентября. Печ. по отд. изд. СПб., 1741 (единственный сохранившийся экземпляр — в ГПБ). Датируется периодом с 23 августа 1741 г., когда была одержана победа под Вильманстрандом, упоминаемая в оде, по 29 августа того же года (день тезоименитства Иоанна Антоновича). Первое выступление Ломоносова в печати, подписанное его полным именем. Нарушив «вечный мир», Швеция 27 июля 1741 г. начала военные действия, вскоре же потерпев большой урон.

Лев — герб Швеции.

В другой на Финских раз полях. — Первой победой Ломоносов считает взятие Выборга в 1710 г.

Градив. — Подразумевается Карл XII, бежавший после поражения под Полтавой в Турцию и в 1715 г. возвратившийся в Швецию.

Приход Венеры и Дианы. — Преемник Карла XII, шведский король Фредерик I (1676—1751), увлекался галантными похождениями и охотой.

Лилей — герб Франции, подстрекавшей Швецию на реваншистскую войну с Россией.

Секвана — латинское наименование Сены. Здесь намек на французскую дипломатию.

Эта — гора, на которой погиб Геракл, когда Деянира послала ему пропитанную ядом одежду. Ломоносов сравнивает с поступком Деяниры поведение Франции, толкавшей Швецию на гибель.

Войны врата — врата храма Януса.

Зачем ваш сбор у нас стоит? — Имеются в виду военные приготовления Швеции на территории Финляндии в 1739—1741 гг.

Аннин — т. е. Анны Иоанновны.

Вторая есть — т. е. правительница Анна Леопольдовна (1718—1746).

Коля близко наша к вам столица! — Перед объявлением войны шведские войска находились на расстоянии одного перехода от Выборга.

Стоп и град. — Перед началом войны шведы вели фортификационные работы в Вильманстранде, превратив город в крепость.

Гремит Стокгольм трубами ярко... — Манифест об объявлении войны с Россией был оглашен в Стокгольме 28 июня 1741 г. под звуки труб.

Вечный мир — Ништадтский мир, заключенный со шведами Петром I в 1721 г.

К трудам избранной наш народ. — Ломоносов использует строку из «Оды на взятие Хотина», оставшейся еще не напечатанной.

Гекла — вулкан в Исландии.

Атлантские горы — Атласские, на северо-западе Африки.

Четвертая часть — Америка.

За нами пушки. — Русские войска захватили под Вильманстрандом 12 пушек и одну мортиру.

Карл — Карл XII.

Дщерь — здесь: Анна Леопольдовна.

Велику Анну — Анну Иоанновну.

Отца отечества отец — Алексей Михайлович. В 1721 г. Сенат и Синод в ознаменование Ништадтского мира, определили просить Петра I принять наименования Императора, Великого и Отца отечества.

Храбрейшу в свете силу править... — Генералиссимусом русских войск был назначен отец Иоанна III Антон Ульрих Брауншвейгский, занимавший эту должность номинально.

Ода на прибытие из Голстинии и на день рождения великого князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня. Примеч. к Вед., 1741, 8 декабря и отд. изд. СПб., 1742; — Соч. 1751. — Соч. 1757. 7 ноября 1741 г. Елизавета Петровна объявила манифестом о назначении наследником престола своего племянника (сына старшей сестры Анны Петровны) — Карла Петра Ульриха, получившего в России имя Петра Феодоровича. 5 февраля 1742 г. он прибыл из Голстинии в Петербург.

Насильных рук. — Намек на бироновщину.

Семь морей — Имеются в виду моря, омывающие берега России — Мурманское (Баренцево), Белое, Балтийское, Камчатское (Охотское), Каспийское, Азовское и Черное.

Еще в зачатии. — Анна Петровна отбыла в Голстинию из Петербурга за шесть месяцев до рождения сына.

Тессалийские горы — Фессалийские горы в восточной части Северной Греции.

Ода на прибытие императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации. Соч. 1751. — Соч. 1757. Елизавета Петровна была коронована в Москве 25 апреля 1742 г. Указ Сената о ее возвращении в Петербург был издан 22 сентября, получен в Академии наук 26 сентября. Встреча Елизаветы состоялась 20 декабря того же года. Ода не была напечатана своевременно, так как изменилась политическая обстановка. Подготавливая переворот, Елизавета стремилась заручиться поддержкой европейских держав. При посредничестве французской дипломатии Швеция обещала ей помощь при условии возвращения земель, отвоеванных Петром I. Елизавета на это не пошла, но после переворота, когда военный разгром Швеции уже был очевиден, поспешила вступить в мирные переговоры. Русское правительство при этом добивалось избрания наследником шведского престола Адольфа-Фредерика Гольштейн-Готторнского, надеясь этим обеспечить свое влияние в Швеции. Публикация оды, воспевавшей победы русских войск над шведами, представлялась нежелательной. В 1751 г., после смерти Фредерика I, определилась враждебная по отношению к России политика Адольфа-Фредерика. Появление в печати оды, напоминавшей шведам о результатах их военной авантюры 1741 г., стало целесообразным.

Брега Ботнийских вод — Ботнический залив, находившийся под контролем Швеции.

Атлантские горы — Атласские, на северо-западе Африки.

Ветхий деньми — метафорическое наименование библейского бога.

Я в гнев... — Намек на бироновщину.

Утешил я в печали Ноя. — Согласно библейскому мифу, Бог создал дугу (радугу) в знамение, что больше не будет Всемирного потопа. Ломоносов метафорически переносит это на Елизавету, которая становится знаком покоя, т. е. порукой того, что Бог не будет больше казнить Россию.

Готфска Фазтонта. — Ломоносов сравнивает поведение Швеции с безумной попыткой Фаэтона, едва не зажегшего Вселенную.

Против течения небес — т. е. с запада на восток. Имеется в виду движение шведских войск, напавших на Россию.

Тюмень — по-видимому, Кюмень (Кюммене), река в Южной Финляндии.

Ты все солнце почитаешь / И пред луной себя склоняешь. — Намек на расчеты Швеции получить поддержку Франции (солнце) и Турции (луна).

Край Понтийской. — Намек на Азовский поход Петра.

Полтавску рану — напоминание о победе под Полтавой в 1709 г.

За Обские брега вселенный и т. д. — Военнопленных шведов при Петре ссылали в Сибирь (за Обь) и на Урал (хребет Рифейский).

Львовы челюсти. — Лев — герб Швеции.

Куций Марк — молодой римлянин, который, когда на римском форуме во время землетрясения в 362 г. до н. э. образовалась пропасть («мрачная пасть») и прорицатели объявили, что ее можно отворить, лишь принеся в жертву лучшее благо Рима, — сел в полном вооружении на коня и ринулся в пропасть, воскликнув: «Нет лучшего блага в Риме, чем оружие и храбрость!»

Понт — здесь: Балтийское море. 29 июля 1742 г. русский флот, в составе многих галер, обратил в бегство шведскую эскадру.

Мирные оливы. — Русское правительство особым манифестом объявило о своем намерении поддержать стремление финнов к независимости и призывало их не принимать участия в военных действиях.

Американски волны. — 18 июля 1741 г. морская экспедиция под руководством В. Беринга достигла берегов Америки; рапорт об этом А. И. Чирикова был получен в Петербурге 29 октября 1742 г. Таким образом, ода не могла быть завершена ранее 1 ноября 1742 г.

Богиня — здесь: Екатерина I, мать Елизаветы Петровны.

Машины грозны — пушки.

Мемфийских. — Мемфис — древняя столица Египта, неподалеку от которой находились пирамиды.

Серный прах. — Ломоносов предвещает, что со временем порох будет употребляться только на изготовление фейерверков.

Ода на день тезоименитства великого князя Петра Феодоровича 1743 года. Соч. 1751. — Соч. 1757. Отрывки ранней редакции в Рук. Рит. 1744 и Рит. 1748. Написана ко дню тезоименитства Петра Феодоровича (29 июня 1743 г.). Ода не была напечатана своевременно, вероятно, по тем же внешнеполитическим причинам, что и предыдущая. 17 июня 1743 г. в Або закончились мирные переговоры и подписан «уверительный акт», а 23 июня заключен мир, который Елизавета подписала только 19 августа 1743 г. Воспользовавшись формой обращения к наследнику, Ломоносов призывает правительство следовать политике Петра I.

Вождь светил — солнце.

Великий князь Российский — Петр Федорович.

Лев — Швеция.

Навин — Иисус Навин, легендарный вождь древних иудеев.

Багдад пылает. — Ломоносов имеет в виду персидско-турецкую войну, начавшуюся в мае 1743 г.

В союзе лживых. — Намек на Францию, подстрекавшую шведов к войне.

Ода на день брачного сочетания великого князя Петра Феодоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны 1745 года. Отд. изд. СПб., 1745. — Соч. 1751. — Соч. 1757. Написана предположительно в конце июля — августе 1745 г., когда шли приготовления к бракосочетанию Петра Феодоровича с принцессой Ангальт-Цербстской Софией-Фредерикой, прибывшей в Россию в феврале 1744 г. и 28 июня принявшей православие (получив имя Екатерины). Свадебная церемония началась 21 августа 1745 г. Празднества продолжались десять дней и закончились выводом на Неву ботика Петра I. Ломоносов воздерживался от личных характеристик и политических рассуждений, построив свою оду как «вымышленное описание царства любви» (см.: Рит. 1748, § 296).

Первый брак. — Речь идет об Адаме и Еве, живших в раю.

Богиня — Елизавета Петровна.

Орм — Ормуз, остров в Персидском заливе, славившийся ловлей жемчуга.

От Иберов до вод Курильских. — Иберы — народы, населявшие древнюю Иберию (Пиренейский полуостров). В «Атласе Российском», вышедшем в 1745 г., были нанесены Курильские острова, обследованные летом 1738 г. М. Шпанбергом, данными которого воспользовался Географический департамент Академии наук.

Россов обновитель — Петр I.

Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1746 года. Отд. изд. СПб., 1746. — Соч. 1751. — Соч. 1757.

И се уже рукой багрянкой... — Ломоносов привел эти и следующую строки в первом варианте Рук. Рит. 1744 (§ 101), что позволяет предположить существование раннего наброска не дошедшей до нас или неоконченной оды, откуда заимствованы эти строки. Этот образ пародирован в третьей «Вздорной оде» А. Сумарокова и нашел шутовое применение в «Евгении Онегине» Пушкина.

Власть чужой руки — бироновщина.

От церкви отврати налоги. — В царствование Анны Иоанновны были урезаны средства, отпускаемые Православной церкви.

Мы в скорбной темноте заснули и т. д. — Намек на дворцовый переворот, совершенный Елизаветой в ночь на 25 ноября 1741 г.

Спасенный север. — Имеется в виду поражение шведов в 1741—1742 гг. **Новых светов достигает** — см. с. 139.

Ода на день рождения императрицы Елисаветы Петровны 1746 года. Отд. изд. СПб., 1746. — Соч. 1751. — Соч. 1757. В отд. изд. обозначено, что ода подносится от имени Академии наук, тогда как две предшествующие были поднесены Ломоносовым и отпечатаны за его счет.

Бег светил. — Ломоносов пользуется астрологическими представлениями, согласно которым положение светил в день рождения человека определяет его судьбу.

Ермий, наукам предводитель, и т. д. — В отд. изд. 1746 г. это место снабжено примечанием: «Во время рождения ее императорского величества планеты Меркурий и Марс стояли в одном знаке с Солнцем».

Диана. — В изд. 1746 г. дано примечание: «Луна тогда стояла в созвездии Стрельца». **Ты осужденных кровь щадишь.** — 7 мая 1744 г. Елизавета, согласно данному ею при вступлении на престол обещанию отменить смертную казнь, издала указ о приостановлении смертных приговоров.

Трофеи отческих побед. — Елизавета Петровна родилась в год Полтавской победы.

Вандалы — германское племя; здесь подразумеваются шведы.

Потомков. — Напоминание о поражении шведов в кампанию 1741—1742 гг.

Сладкой нежности обитель — Москва, где 18 декабря 1709 г. родилась Елизавета.

Пространство показать безмерно. — Академический атлас 1745 г. использовал результаты геодезических съемок и второй Камчатской экспедиции: на карты было нанесено много прежде неизвестных мест сибирских окраин.

Иппократ — Гиппократ (460—377 до н. э.), греческий врач.

Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года. Отд. изд. СПб., 1747 — Соч. 1751. — Соч. 1757. Написана после 13 августа 1747 г., когда в Академическом собрании был оглашен новый устав и утверждены новые штаты Академии наук. Ломоносов связывал с новым уставом надежды на успешное развитие наук в России и улучшение положения ученых. В этой же оде он выступает как поборник мирной политики, так как в это время западные державы стремились втянуть Россию в войну на стороне Австрии, Англии и Голландии против Франции и Пруссии. Поэтому Ломоносов особенно настойчиво славит мир («возлюбленную тишину»).

Войне поставила конец. — Вступив на престол, Елизавета начала мирные переговоры со Швецией.

Крест несла. — Явившись в казармы Преображенского полка, Елизавета привела к присяге гренадеров.

Отторжен роком. — Петр I умер в год открытия Петербургской Академии наук.

Секвана. — Намек на Французскую академию наук в Париже.

Почувствуют и камни силу. — Ломоносов доказывал, что Россия не менее богата минералами, чем «теплые страны» (Индия и др.).

Манжур — Манжурская династия.

Колумб российский — Витус Беринг (1681—1741).

Верхи Рифейски — Урал.

Науки юношей питают и т. д. — Для этой строфы Ломоносов переложил в стихи отрывок из речи Цицерона в защиту поэта Архия.

Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1748 года. Отд. изд. СПб., 1748. — Соч. 1751. — 1757, с. 83. Ода посвящена военно-дипломатическому успеху России, которая, демонстративно двинув войска к Рейну, способствовала окончанию войны за Австрийское наследство и заключению Аахенского мира. За эту оду Ломоносову было пожаловано 2000 рублей.

Заря багряною рукою. — См. с. 140.

Годику ту воспоминаю. — т. е. время бироновщины.

Алчный пламень. — 5 декабря 1747 г. в помещении Кунсткамеры и Библиотеки Академии наук (Минервин ... храм) был большой пожар.

Нестройные соседы. — Намек на разногласия в шведском правительстве и риксдаге после провала военной авантюры 1741 г.

Лев — Швеция.

Пространная стена — Великая Китайская стена.

Азов. — Был взят Петром I в 1696 г. и возвращен Турции по Прутскому миру. Вторично отвоеван в 1736 г. По новому договору с Турцией срыт нашу рукою в 1741 г.

Каспийски бреги. — Ломоносов вспоминает поход Петра, результаты которого были сведены на нет в царствование Анны Иоанновны неоправданными уступками Персии.

Сарматов и саксонов. — Карл XII (гот) принудил к участию в войне против России Польшу (сарматов) и Саксонию.

С Дунайской Вислу быстриной... — Намек на впечатление, которое произвела Полтавская победа на Турцию (на Дунае) и Польшу (на Висле).

Петрополь, небу подражая... — Имеется в виду фейерверк в Петербурге по случаю годовщины восшествия на престол Елизаветы.

Москва едина. — В мае 1748 г. большой пожар опустошил Москву. Елизавета собиралась ехать туда, против чего возражал канцлер А. П. Бестужев, ссылаясь на политическую обстановку. Ломоносов присоединился к М. Воронцову, склонявшему царицу посетить Москву и оказать помощь городу.

Тучи страшные. — Намек на враждебную позицию Швеции, начавшей военные приготовления в Финляндии.

Ода, в которой ее величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском Селе августа 27 дня 1750 года. Отд. изд. СПб., 1751. — Соч. 1751. — Соч. 1757. Написано после представления Ломоносова императрице И. И. Шуваловым в Сарском Селе, где находилась летняя резиденция Елизаветы.

Сарское Село. — Получило название от находившейся там мызы Саари-мойс (по-русски «Верхняя мыза»), впоследствии было переосмыслено в «Царское Село» (ныне город Пушкин).

Диане. — Елизавета Петровна увлекалась охотой.

Славена — речка Славянка близ Сарского Села, которую предполагалось соединить каналом с Невой.

Из рая течет. — Согласно легенде, «земной рай» якобы находился у истоков Нила, тогда не открытых.

Инд — река в Индии. В этой строфе описывается «оранжерейная зала» дворца в Сарском Селе.

Воды обрашу к вершине. — Речь идет о гидротехнических работах в Сарском Селе, где Елизавета хотела устроить фонтаны, как в Петергофе, но этому препятствовало высокое положение местности.

Зданием прекрасным. — Перестройка дворца в Сарском Селе, выполненная в 1744—1748 гг. А. Квасовым и С. Чевакинским, не удовлетворила Елизавету, и она поручила построить новый дворец В. Растрелли.

Семирамида — легендарная царица Ассирии. Ее «висячие сады» считались одним из «семи чудес света».

Поля и грады. — С колокольни дворцовой церкви в Сарском Селе был виден Петербург.

Наука легких метеоров — метеорология.

Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны ноября 25 дня 1752 года. Отд. изд. СПб., 1752. — Соч. 1757.

Южны Эфиопы — тропические страны.

Полдень над Москвой. — Елизавета отправилась в Москву 16 декабря 1752 г.

На древней предков высоте — в Кремле.

Текут из моря в землю реки. — Ломоносов присутствовал на открытии канала и доков в Кронштадте в июле 1752 г.

Напрасно строгая природа и т. д. — Ломоносов предвещает открытие Северо-восточного морского пути вдоль берегов Сибири, которое он приравнивает по значению к открытием Колумба.

Ольга (ум. в 969 г.) — княгиня киевская. По рассказу летописи, употребив военную хитрость (искусство), отмстила древлянам за смерть своего мужа и сожгла их столицу Искорест. Впоследствии приняла христианство.

И ты, в женах благословенна. — Здесь имеется в виду царица Наталья Кирилловна (1651—1694), мать Петра I. Ломоносов использует цитату из Евангелия (слова, обращенные к Богородице: «... благословенна ты между женами». — Лука, I, 28).

Крепит наследие и брак. — Имеется в виду брак Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, совершенный в целях укрепления престолонаследия.

Участница Петровых дел — Екатерина I, мать Елизаветы.

Подверглась бедству. — Цесаревне Елизавете во время бироновщины грозило заточение в монастырь.

Ода на рождение великого князя Павла Петровича сентября 20 1754 года. Отд. изд. СПб., 1754. — 1757.

Где Висла, Рен, Секвана, Таг. — Метонимическое обозначение стран по главнейшим протекающим в них рекам: Висла — Польша, Рен (Рейн) — Пруссия, Секвана (Сена) — Франция, Таг (Тахо) — Испания.

Богиня — Елизавета.

Дражайшие супруги — родители Павла: Петр Федорович и Екатерина Алексеевна.

Умешкой родших познавать — цитата из четвертой экоги Вергилия: «Дитя, начни ты мать познавать по ее смеху».

Дракон. — Здесь подразумевается Турция.

Восставит вольность многих стран. — Имеются в виду освободительные стремления славянских народов на Балканах.

Младого Михаила. — Напоминание о Михаиле Федоровиче, первом царе из рода Романовых, вступившем на престол в семнадцатилетнем возрасте.

Сармат. — Имеется в виду Польша, которая после долгих войн с Россией заключила с ней прочный мир в царствование Алексея Михайловича.

Новой флот. — При Алексее Михайловиче началось построение морского флота. Построенный в 1669 г. корабль «Орел» был сожжен в Астрахани во время восстания Степана Разина.

Чрез семь сот лет. — Имеется в виду династия Юриковичей, которая, согласно летописному преданию, вела свой род с 862 г.

Деять лет. — Павел родился на десятый год после бракосочетания своих родителей.

Ода императрице Елисавете Петровне на праздник рождения ее величества и для всерадостного рождения великой княжны Анны Петровны декабря 18 дня 1757 года. Отд. изд. СПб., 1757. Поднесена от имени Академического собрания по случаю рождения дочери Петра Федоровича Анны (9 декабря 1757 г.). Ода, в которой были затронуты вопросы войны и мира, получила большой резонанс в связи с усиливавшейся Семилетней войной. В Академической типографии печатался указ о новом рекрутском наборе.

Прекрасна Анна возвратилась. — Имеется в виду умершая в 1728 г. сестра императрицы Анна Петровна, в честь которой и было дано имя новорожденной внучатой племяннице императрицы.

Союзами и страхом сил. — Имеются в виду оборонительные союзы правительства Елизаветы и военная демонстрация на Рейне в 1748 г.

Союза героиня — Мария-Терезия (1717—1780), австрийская императрица, выступавшая в союзе с Россией против Пруссии.

Народы, с трепетом вземлите и т. д. — Ломоносов придает своему воззванию, в котором он возмечивает Елизавету, очертания и характер грозного библейского пророчества, привлекая образы царя-псалмопевца Давида и пророка Исаии.

Ликуй при внутреннем покое и т. д. — Ломоносов сближает имя Елизаветы с древнееврейским выражением «бог покоящийся» (в греческой транскрипции).

Ода императрице Елисавете Петровне на торжественный праздник тезоименитства ее величества сентября 5 дня 1759 года и на преславные ее победы, одержанные над королем Пруским нынешнего 1759 года. Отд. изд. СПб., 1759. Написана между 20 августа 1759 г., когда в Петербурге было получено известие о победе под Кунерсдорфом, и 2 сентября, когда было получено распоряжение К. Разумовского о напечатании оды.

Как в имени твоём — см. предшествующее примеч.

Я вижу отрока Господня и т. д. — Пересказ текста из библейской книги «Исход» (гл. 7, ст. 1—4), где бог обещает Моисею явить множество чудес и знамений и вывести «сынов израилевых из земли Египетской».

Фридерик — Фридрих II (1712—1768), прусский король, спровоцировавший Семилетнюю войну. В сражениях при Гросс-Егерсдорфе (30 августа 1757 г.) и под Кунерсдорфом (18 августа 1759 г.) русские войска нанесли пруссакам серьезные поражения.

Пожар Кистрина. — Русские войска 15 августа 1758 г. бомбардировали и сожгли прусскую крепость Кюстрин (Кистрин).

С Атлантской... высоты — Атласские горы на северо-западе Африки.

Прегла — река Прегель в Пруссии, где расположен Гросс-Егерсдорф.

Мемель — сдался русским войскам 5 июля 1757 г.

Варта — приток Одера. Ломоносов намекает на продвижение русских войск в Силезию.

Цорндорфские пески. — Цорндорф — селение в Пруссии, где 25 августа 1758 г. состоялось крупное сражение.

Салтыков — Петр Семенович (1700—1772), генерал, принявший в июне 1759 г. командование над русскими войсками и вскоре одержавший решительные победы при Пальциге и Кунерсдорфе.

Шлонские — силезские.

Военны запечатай двери — т. е. прекрати войну (закрой двери храма бога Януса).

Ода императрице Елисавете Петровне на праздник ея восшествия на престол ноября 25 дня 1761 года. Отд. изд. СПб., 1761. Написана после 5 октября 1761 г., когда было опубликовано сообщение о взятии русскими войсками прусской крепости Шведниц, и до 25 ноября 1761 г.

В преклонной век мой. — Ломоносову в этом году исполнилось 50 лет.

Тяжкия стены. — Намек на возможность заточения в монастырь Елизаветы (которая была отлучена от престолонаследия).

Отвергнет смертной казни ночь. — 7 мая 1744 г. Елизавета, согласно данному ею при вступлении на престол обещанию отменить смертную казнь, издала указ о приостановлении смертных приговоров.

Правдивой меч. — Ломоносов оправдывает вступление России в Семилетнюю войну.

Святослав (942—972) — князь киевский. Ломоносов утверждал в «Древней Российской истории», что в войске Святослава было немало наемных варягов, печенегов, турок и болгар.

Отмстив за брата. — Киевский князь Владимир Святославич (ум. в 1015 г.) убил своего брата Ярополка, отомстив за «убиение» другого своего брата — Олега.

Мономах. — Великий князь киевский Владимир Всеволодович (1053—1125) в 1116 г. снарядил поход на дунайские земли, принадлежавшие Византии.

Комнин. — Иоанн II (1088—1143) — византийский император. Согласно легенде, прислал Владимиру Мономаху знаки царского достоинства.

Петрова мужеством предтечи и т. д. — Намек на исторические победы Александра Невского.

Дмитриевы... плечи — т. е. Дмитрия Донского.

Узы. — Имеется в виду устранение зависимости Москвы от татарских ханов при Иване III и Иване IV.

Висла. — Напоминание о воссоединении Украины с Россией при Алексее Михайловиче, отце Петра I.

Рифейски горы источайте. — Речь идет о сооружении постаментов для памятника Петру, отлитого К. Растрелли. Урал («Рифейски горы») должен был поставить для этого дорогой материал.

Диана — здесь: Елизавета, увлекавшаяся охотой.

Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин. — Города, занятые во время Семилетней войны русскими войсками.

Берлин — был взят осенью 1760 г.

Герой — ироническое обозначение прусского короля Фридриха II, спасшегося от полного разгрома только благодаря смерти Елизаветы и предательскому поведению Петра III, заключившего унижительный для России «почетный мир» с Пруссией.

Ода императору Петру Феодоровичу на восшествие на престол и купно на новый 1762 год. Отд. изд. СПб., 1761. Написана после смерти Елизаветы Петровны (25 декабря 1761 г.). 28 декабря того же года ода была отправлена в печать. Она разошлась в небывалом числе экземпляров, так что в течение месяца потребовалось два (совершенно идентичных) издания. Ломоносов обращается к новому императору с призывом следовать политике его предшественницы и завершить войну с разгромленной Пруссией, не умаляя интересов России. Окружая Петра III гиперболическими уподоблениями, Ломоносов напоминает ему об обещаниях в его манифесте «последовать стопам» Петра I.

Фарос — остров близ Александрии, славившийся своим маяком, одним из «семи чудес» света.

Цвейтин — река в Голштинии.

Зунд — пролив, соединяющий Балтийское море с Северным.

Ода императрице Екатерине Алексеевне на ея восшествие на престол июня 28 дня 1762 года. Отд. изд. СПб., 1762. Датируется временем с 28 июня 1762 г., когда Екатерина II вступила на престол, по 8 июля того же года, когда ода была направлена в печать. Используя слова манифеста Екатерины, которая упрекала свергнутого ею Петра III в том, что он «законы в государстве все пренебрег», Ломоносов выступает в защиту национальных интересов России и русского народа (см.: *Чернов С. Н.* М. В. Ломоносов в одах 1762 г. «XVIII век», М. А., 1935, с. 133—180).

Три богини — Екатерина I, Елизавета и Екатерина II.

Дает спасительный совет. — Речь идет о Прутском походе Петра I, когда будущая Екатерина I якобы подала ему совет заключить мир с Турцией.

Магмет — здесь: условное обозначение Турции.

Слыхал ли кто из в свет рожденных и т. д. — Ломоносов выражает негодование по поводу заключенного Петром III 24 апреля 1762 г. мира с Пруссией, накануне ее капитуляции. Екатерина II, осудив в манифесте «злодея», порочившего «славу российскую», одновременно послала в армию указ «свято и нерушимо» соблюдать заключенный Петром III мир. В манифесте также говорилось, что царствование Петра III грозило «переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона». Ломоносов переводит вопрос в другую

плоскость — о роли иноземцев, попирающих права русского народа и не считающихся с его нуждами и традициями.

Сверкает красота мечем. — Совершая государственный переворот, Екатерина II явилась во дворец во главе присягнувших ей гвардейских полков.

Ода императрице Екатерине Алексеевне в ноябрь 1764 год. Отд. изд. СПб., 1763. 19 декабря 1763 г. Ломоносову был объявлен указ о производстве его в статские советники. При подготовке текста учтен экземпляр Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ, ф. 281, оп. 2, № 50, лл. 1—5), содержащий поправки Ломоносова и его помету: «Выправив что назначено, прочие экземпляры допечатать. Ломоносов». (Ни в один из известных экземпляров оды эти поправки не перенесены.) Так, в ст. 103 допущена характерная для XVIII в. опечатка — вместо «прольет» следует читать «прольешь» (т. е. перепутаны литеры «Ш» и так называемое трехное «Т», тем более что Ломоносов написал «прольеш» без конечного *ь*); в ст. 138 вместо «сие» следует читать «сию», что придает данному стиху совершенно другое значение. Возможно, что не замеченная Ломоносовым опечатка содержалась и в ст. 251 («Озрися на страну десную»). Употребление по отношению к Китаю слова «десная» в прямом (т. е. расположенный справа), а тем более в переносном (т. е. истинный, правильный) значении маловероятно, если учесть, что выше, в ст. 243—244, употреблялось слово «Денница» для собирательного обозначения дальневосточных стран. Вероятнее всего, в оригинале было «страна денная», т. е. страна восточная; несмотря на окказиональность подобного словоупотребления у Ломоносова, оно легко вписывается в тот семантический ряд, который образует постоянно употребляемые Ломоносовым эпитеты: «страна ночная», «страна полнощная» и т. п. по от-

ношению к странам Запада. 19 декабря 1763 г. Ломоносову был объявлен указ о производстве его в статские советники. Ода составлена в общих риторических выражениях и резко отличается от публицистической направленности первой оды Екатерине II, которой та, по-видимому, осталась недовольна.

Петрова внука. — Ломоносов стремится подтвердить права Екатерины II на русский престол, хотя она не была «внукой» Петра I, а только женой свергнутого ею внука (Петра III).

Злодеи — враги Ломоносова в Академии наук. По их проискам Екатерина II 2 мая 1763 г. подписала указ об отставке Ломоносова (взял его обратно 13 мая).

Той Петр вручил, сей вверил Бог! — т. е. Екатерине I и Екатерине II.

Дни нестройны — царствование Петра III.

Ты, око и душа планет — обращение к Солнцу.

Весы — созвездие, в которое вступает солнце в день осеннего равноденствия.

Помазаньем — т. е. миропомазанием во время коронации.

«Цветут во славе мною царства» — вольное переложение текста из «Притчей Соломоновых» (гл. 8).

На полночь кажет Урания. — Ломоносовым в это время был предложен проект полярной экспедиции для отыскания Северо-восточного морского пути.

Руно златое. — Упомянув античный миф о походе аргонавтов в Колхиду за «золотым руном», Ломоносов имеет в виду выгоды для русской торговли в результате открытия морского пути на Восток.

Счастьем Павловым. — Девятилетний Павел Петрович числился президентом Адмиралтейской коллегии, от которой зависело отправление экспедиции. Проект Ломоносова поступил на рассмотрение Комиссии российских флотов при письме, подписанном Павлом.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Игорь Лосиевский. «Душой блуждаю в древностях российских»</i>	3
Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской Императорской и Королевской Шведской академий наук	25
<i>Вступление</i>	25
Часть I. О старобытных в России жителях и о происхождении российского народа вообще	27
Глава 1. О России прежде Рурика	27
Глава 2. О величестве и поколениях славенского народа	28
Глава 3. О дальней древности славенского народа	30
Глава 4. О нравах, поведеньях и о верах славенских	34
Глава 5. О преселениях и делах славенских	38
Глава 6. О Чуди	43
Глава 7. О варягах вообще	49
Глава 8. О варягах-россах	49
Глава 9. О происхождении и о древности россов, о преселениях и делах их	52
Глава 10. О сообществе варягов-россов с новгородцами, также с южными славенскими народами и о призыве Рурика с братьями на княжение Новгородское	55
Часть II. От начала княжения Рурикова до кончины Ярослава Первого	58
Глава 1. О княжении Рурикове и о прочих князях и владетелях, призванных из варяг-россов	58
Глава 2. О княжении Ольгове	60
Глава 3. О княжении Игореве	65
Глава 4. О княжении Ольгине	71
Глава 5. О княжении Святославове	76
Глава 6. О княжении Ярополкове	87
Глава 7. О княжении Владимирове прежде крещения	89
Глава 8. О рассмотрении вер и о крещении Владимирове	95
Глава 9. О княжении Владимирове после крещения его	102
Глава 10. О княжении Святополкове	108
Глава 11. О княжении Ярослава Первого	113
Краткий Российский летописец с родословием	129
Показание российской древности, сокращенное из сочиняющейся пространной истории	133
Родословие российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями	169
Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи	181
Записка о первом стрелецком бунте в 1682 г.	183
Второй стрелецкий бунт	193
Третий бунт	195
Правление царевны Софьи	198
Четвертый бунт	200
Пятый бунт	202
Слово похвальное блаженной памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года	207
Петр Великий. Героическая поэма	237

Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию.....	287
Глава первая. О разных мореплаваниях, предпринятых для сыскания проходу в Ост-Индию Западно-Северными морями.....	293
Глава вторая. О поисках морского проходу в Ост-Индию в северо-восточной стороне Сибирским океаном.....	302
Глава третья. О возможности мореплавания Сибирским океаном в Ост-Индию, признаваемым по натуральным обстоятельствам	311
Глава четвертая. О приуготовлении к мореплаванию Сибирским океаном	328
Глава пятая. О самом предприятии северного мореплавания и о утверждении и умножении Российского могущества на Востоке	331
<i>Заключение</i>	336
Прибавление. О северном мореплавании на восток по Сибирскому океану.....	338
Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов Американских и по выспросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снигирева и вологодского купца Ивана Буренина	341
Заметки о снаряжении экспедиции	344
Примерная инструкция морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на восток Северным Сибирским океаном	345
Записки и заметки по Русской истории	365
Рассмотрение спорных пунктов между господином профессором Миллером и господином комиссаром Крекшиным, по приказанию Его Сиятельства графа и президента Академии наук Кирилла Григорьевича Разумовского, учиненное от профессоров Штрубе де Пирмона, Василья Тредиаковского и Михайла Ломоносова	367
Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского»	370
I. Рапорт в канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 г.	370
II. Возражения на диссертацию Миллера	373
III. В канцелярию Академии наук рапорт 21 июня 1750 г.	383
Замечания на 6 и 7 главы «Сибирской истории» Г. Ф. Миллера. В канцелярию Академии наук рапорт	385
План Русской истории	386
Примечания на рукопись «Истории России при Петре Великом» Вольтера 1757 г.	387
Идеи для живописных картин из Российской истории	392
Письма и записки разных лет	413
Приложения	441
Предисловие А.-Л. Шлецера к «Древней российской истории» Ломоносова. 1766 г.	443
Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 г.	444
Зарубежная печать об исторических трудах М. В. Ломоносова	444
Михаил Веревкин. Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова	457
Иван Елагин. Из «опыта повествования о России»	465
Александр Радищев. Слово о Ломоносове	466
Петр Пекарский. Из «Жизнеописания Ломоносова»	476
Проза и похвальные оды	547
Письмо о правилах российского стихотворства	549
Краткое руководство к красноречию	554
Оды похвальные	667

**Ломоносов
Михаил Васильевич
ЗАПИСКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Ответственный редактор *Н. Дубенюк*
Художественный редактор *М. Панова*
Компьютерная верстка *В. Людвинская*
Корректоры *С. Никулин, И. Коновалова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменновш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru
*International Sales: For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»** E-mail: project@eksmo-sale.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо», 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное 2,
Белокаменновш., д. 1, а/я 5 Тел./факс +7 (495) 745 28 87 (многоканальный)
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
■ Санкт-Петербург: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365 46 03/04
■ Нижний Новгород: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3 Тел. (8312) 72 38 70.
■ Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5 Тел. (843) 570 40 45/46
■ Ростов-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А Тел. (863) 288 83 59/60
■ Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е» Тел. (846) 289 68 70.
■ Екатеринбург: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а Тел. (343) 378 49 45
■ Киев: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9 Тел./факс: (044) 537 35 52
■ о Львов: ТП ООО ДЦ «Эксмо Украина», ул. Бузкова, д. 2 Тел./факс (032) 245 00 19
■ Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153 Тел./факс (0652) 22 90 03, 54 32 96

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1 Тел./факс: (495) 411-50-78.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2 Тел.: (495) 745 89 15, 780 58 34

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
■ **Москва в сети магазинов «Новый книжный»:**
Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

■ **Санкт-Петербург в сети магазинов «Буквоед»:**
«Магазин на Невском», д. 13 Тел. (812) 310 22 44

Подписано в печать 27.07.2007. Формат 84×108 1/16.
Печать офсетная. Бумага писчая. Усл. печ. л. 77,28. + вкл.
Тираж 5000 экз. Заказ № 611.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru



В истории российской науки есть страницы, которые навсегда
вписаны в мировую хронику открытий человеческого разума.
И на многих из них значится имя Михаила Васильевича Ломоносова
(1711–1765), человека, которого за достижения в области физики,
химии, филологии и вообще отечественной науки
часто сравнивают с титанами Возрождения.

Но вот его исторические труды долгое время
пребывали в забвении. Живой, народный язык Ломоносова,
прекрасное знание русских летописей и тонкостей непростых
взаимоотношений Руси и ее многочисленных соседей,
искреннее стремление докопаться до истины – все это делает
свод исторических сочинений великого русского мыслителя
одним из великолепнейших
образцов русской исторической мысли.



ISBN 978-5-699-20123-5



9 785699 201235 >